

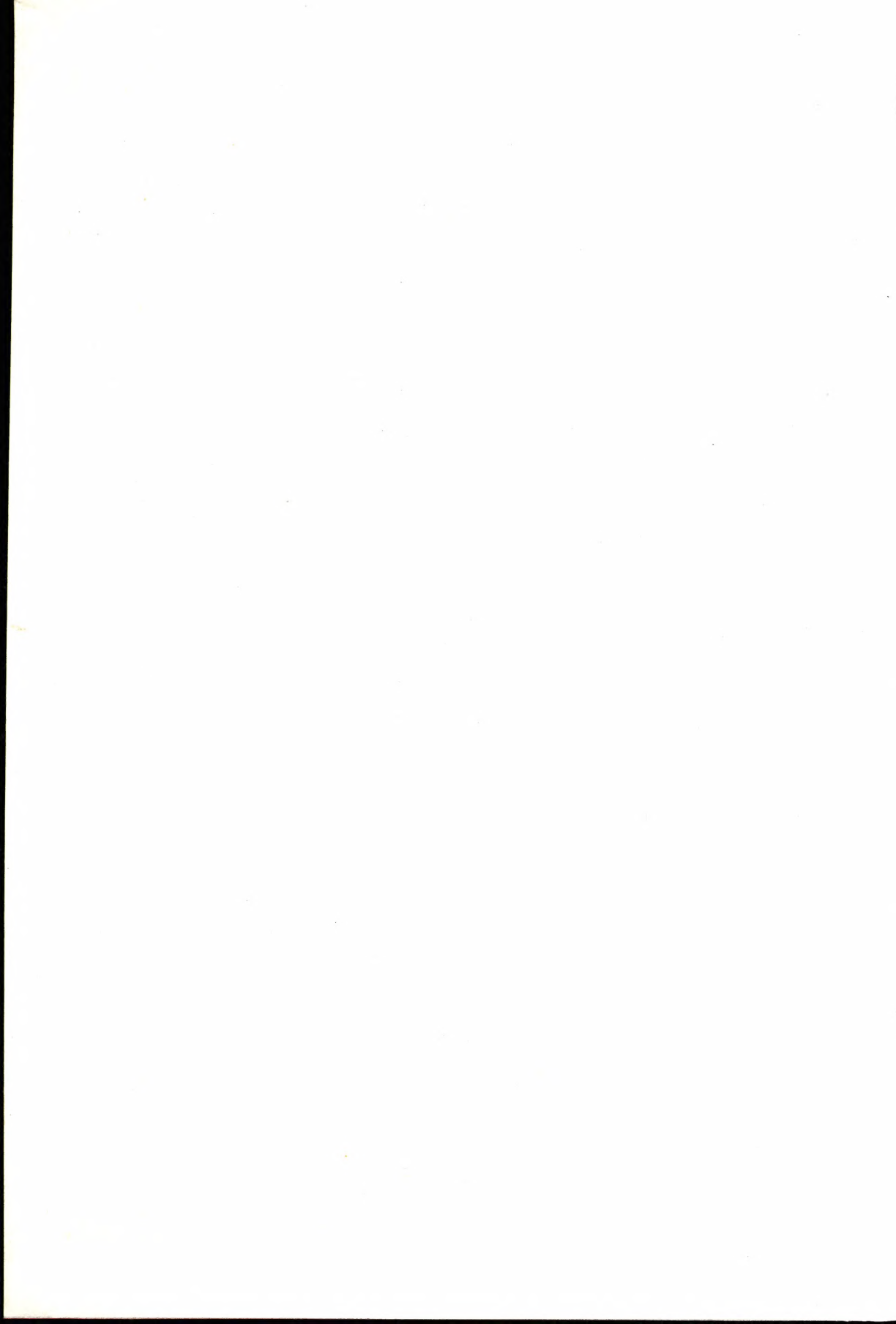

СЛАВЯНЕ

ЮГО- ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В
ПРЕД-
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕРИОД

1Kf

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЛАВЯНЕ
ЮГО -
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
В
ПРЕД-
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕРИОД

Авторы

В. Д. БАРАН, Е. В. МАКСИМОВ, Б. В. МАГОМЕДОВ,
Л. В. ВАКУЛЕНКО, Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ, Д. Н. КОЗАК,
С. В. ПАНЬКОВ, С. П. ПАЧКОВА, О. М. ПРИХОДНЮК,
А. Т. СМІЛЕНКО, Р. В. ТЕРПИЛОВСКИЙ,
С. П. ЮРЕНКО

Редколлегия

В. Д. БАРАН (ответственный редактор),
Н. С. АБАШИНА (секретарь), Б. В. МАГОМЕДОВ,
А. Т. СМІЛЕНКО, Р. В. ТЕРПИЛОВСКИЙ

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редакция литературы
по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

Редактор *Л. Л. Ващенко*

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосудар-
С17 ственный период / В. Д. Баран, Е. В. Максимов,
Б. В. Магомедов и др. АН УССР. Ин-т археологии;
Редкол.: В. Д. Баран (отв. ред.) и др. — Киев: Наук.
думка, 1990. — 488 с. ил.

ISBN 5-12-001527-1 (в пер.) 10 р. 1470 экз.

Монография на основе анализа всей совокупности археологических источников данной территории I тыс. н. э. всесторонне освещает ключевые вопросы происхождения и ранней истории славян Юго-Восточной Европы.

Для археологов, историков, лингвистов, краеведов, преподавателей и студентов вузов.

0504000000-137
С М221(04)-90 76-90

ББК 63.3(2)2+63.4(2)

ВВЕДЕНИЕ

Славяне — одна из крупнейших группировок древнеевропейского населения. Время ее выделения из индоевропейской общности достоверно установить не удалось, хотя этому вопросу, как и поискам прародины индоевропейских народов, в том числе и славян, посвящена значительная литература. Многочисленные и в большинстве своем противоречивые мнения собраны в работах Г. Ловмянского и В. В. Седова [Lówmiański, 1963.— С. 33—70; Седов, 1979.— С. 7—16], что избавляет нас от необходимости изложения их в настоящей работе.

Поиски славянской прародины усложнены многими обстоятельствами и, в первую очередь, тем, что славяне, по сравнению с другими европейскими народами, несколько позже приняли участие в событиях той части Европы, которая освещалась письменными источниками. Многие лингвисты и археологи полагают, что уже на рубеже III—II тыс. до н. э. вместе с другими этническими группами из индоевропейской общности выделилась германобалто-славянская группа, которая связывается с культурами шаровидных амфор и шнуровой керамики. Праславянскую общность соотносят с тшинецко-комаровской культурой, занимавшей во II тыс. до н. э. большую территорию в междуречье Одера и Днепра. В I тыс. дифференцированные группы славян уже связывают с лужицкой культурой или ее частью, позже с поморско-подклевешевой в Средней Европе и скифски-

ми земледельческими культурами лесостепной части Украины [Рыбаков, 1981.— С. 56—64; Kostrzewski, 1961.— S. 116; Gardawski, 1959.— S. 174].

Исследователи понимают, что определить этническую принадлежность археологических культур глубокой древности без ретроспективной увязки их с более поздними, этнически определенными культурами и сопоставления с данными письменных источников или результатами исследований других наук (лингвистики, антропологии) очень трудно и даже невозможно. Поэтому свои выводы они высказывают в форме возможных предположений и гипотез. Отметим, что лингвистика, имеющая для решения проблем этногенеза решающее значение, для указанной эпохи ограничена открытиями на территории Средней и Восточной Европы лишь пластов древнеевропейских гидронимов [Krahe, 1949—1955], плохо поддающихся языковой дифференциации.

Все это заставило авторов настоящей работы ограничить свои исследования изучением археологических источников, начиная с рубежа нашей эры, когда появляются первые достоверные письменные упоминания о венедах-славянах у римских, а позже византийских авторов.

Написанию данной монографии предшествовали многолетние полевые работы. В последние десятилетия в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы открыты и исследованы (ино-

гда полностью) крупные поселения рубежа и I тыс. н. э., удвоившие и утроившие источниковедческую базу. Наряду с продолжением традиционного изучения таких широко известных культур, как зарубинецкая, черняховская, карпатских курганов, открытых археологами еще в конце XIX—XX вв., большая работа проведена по исследованию памятников поенешти-лукашевской, киевской, вельбарской, славянских раннесредневековых культур, балкано-дунайской культуры. Выделены новые группы поселений II в. н. э., а на памятниках позднеримского и раннесредневекового времени — комплексы V в., заполняющие лакуны в хронологической шкале древностей I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Это позволило эффективно применить ретроспективный метод и наметить стабильную линию развития археологических культур от несомненно славянских, относящихся к раннему средневековью (пражской, пеньковской, колочинской, Луки-Райковецкой и др.) к более ранним — первой половины и рубежа I тыс. н. э. [Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э., 1985.— С. 157—163].

Огромный археологический материал дает качественно новую информацию, в значительной мере изменяющую прежние представления об исторических процессах в Юго-Восточной Европе в I тыс. н. э. и является основой для углубленного изучения как этнокультурных, так и социальных структур населения этого региона.

Наряду с этим нельзя не отметить того досадного обстоятельства, что процессы поисков и полевых исследований, описания, систематизации и разработки археологических источников опережают разработки теории этногенетических процессов вообще и этногенеза славян в частности. Последнее, в свою очередь создает определенные трудности в изучении закономерностей этнокультурного развития, а при отсутствии письменных источников порождает противоречивые мнения и дискуссии, особенно по вопросу этнической интерпретации многих памятников и археологических культур.

В последнее время появились статьи и монографии, посвященные проблемам теории этноса, в том числе и в СССР. Значительную работу в этом направлении проводит Институт этнографии АН СССР [Бромлей, 1983]. Однако эти работы, построенные на историческом и этнографическом материале, немногие могут помочь археологу. Несмотря на увеличение попыток разработки теоретических и методологических основ археологической науки, до сих пор нет оснований для работ, дающих определение этнизирующих признаков археологической культуры: все остановилось на попытках раскрытия самого понятия «археологическая культура» и не перешагнуло пределов дискуссий.

Известно, что в процессах сложения этнокультурных общностей периода латена и римского времени на территории Центральной и Юго-Восточной Европы принимали участие различные этнические группы. Для этого времени характерны массовые переселения, перегруппировки и смешения, что приводило к интеграции материальной культуры. Все это затрудняет поиски определяющих признаков, характерных для отдельных этнических общностей, усложняет работу по исторической интерпретации многих археологических культур, особенно синкретических.

Тем не менее количество археологических и других источников по изучению процессов сложения и исторического развития славянской этнической общности в предгосударственный период значительно увеличилось не только по сравнению с началом нашего столетия, ознаменовавшегося выходом фундаментальных работ по древнеславянской проблематике (П. Шафарик, Л. Нидерле), но и всей его первой половиной. В связи с усовершенствованием и расширением методик археологических исследований и обработки материалов с применением естественно-математических методов усилились его информативные возможности. Все это раздвинуло границы археологического поиска в области славянского этногенеза.

Историческая наука, лингвистика, антропология, этнография пополнились

новыми крупными работами по этногенезу и ранней истории славян [Lowmiałski, 1963; 1964; 1967; Рыбаков, 1982; Hensel, 1984; Трубаев, 1968; Филин, 1972; Петров, 1972; Алексеева, 1973; Бромлей, 1983 и др.].

Разделяя мнение специалистов о том, что выводы каждой отрасли науки должны основываться на собственных исследованиях [Седов, 1979.— С. 17], авторы монографии в поисках решений вопросов этнического, культурного и социального развития населения Юго-Восточной Европы в I тыс. н. э. опираются на анализ археологических источников и там, где это необходимо, сопоставляют сделанные ими выводы с научными разработками других наук, главным образом истории и лингвистики.

Исторические источники выразительно, с привязкой к определенной территории, фиксируют славян лишь в середине I тыс. н. э., когда они появляются на исторической арене Европы как многочисленная этническая общность. В это же время происходит и их наиболее интенсивное расселение. На северо-востоке отмечается инфильтрация славян в области, ранее занятые балтами, на юге они подходят к Дунаю, на западе (во второй половине VI в.) — появляются в междуречье Эльбы и Заале. Византийские авторы VI в. — Иордан, Прокопий Кесарийский, Менаандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, знавшие славян под именем венедов, антов и склавинов, отводят им значительное место в своих произведениях как многочисленному народу, принимающему активное участие в событиях Южной и Юго-Восточной Европы. Исходя из интересов Византии, они рассматривают вопросы внутренней организации и социально-экономической структуры славянского общества, развития военного дела, взаимоотношений с империей и другими народами — как ее союзниками, так и врагами [Мишулин, 1941.— С. 231—280].

Для нас в данном случае важны свидетельства византийских и более древних авторов о территории обитания и расселения славян в первой половине и середине I тыс. н. э. для сопоставления их с археологическими источни-

ками. Иордан довольно четко называет территорию славян, указывая, что склавины живут на юг от Днестра и верховьев Вислы, а земля антов находится в междуречье Днепра и Днестра, там, где «Понтийское море образует излучину» [Иордан, 1960.— С. 72]. Иордана подтверждают и другие византийские источники, также фиксирующие славян в VI в. в междуречье Дуная и Днепра. На северном берегу Дуная отмечает славян Прокопий в своих работах «История войн» (1—3 книги «Войны с готами»), написанных, как и «Гетика» Иордана, в 50-х годах VI в. В отличие от Иордана, Прокопий в Подунавье называет не только склавинов, но и антов, считая их одним народом [Прокопий из Кесарии, 1950.— С. 297—298]. Среди племен Подунавья VI в. склавинов неоднократно называют Менаандр и Феофилакт Симокатта.

Оценивая данные Иордана и Прокопия о славянах, следует учитывать, что они относятся к середине VI в., а потому должны отражать положение славян в Подунавье в несколько более раннее время, по-видимому, в первой половине VI, возможно, V в. Именно в это время в междуречье Днепра и Дуная появляются поселения ранне-средневековых славян. Наблюдения византийцев согласуются с известиями более древних римских авторов I—II вв. н. э. — Плиния Старшего, Тацита и Птолемея о венедах и ставанах, увязывая их в одну цепочку с антами и склавины. «Эти (венеты.— Авт.), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — пишет Иордан — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавинов» [1960.— С. 90].

Известно, что в средневековье и позже финны и германцы называли славян венедами [Карамзин, 1818.— С. 10.— Прим. 28]. Большинство специалистов признано, что венеда «сарматии» рубежа и первых веков нашей эры — это этноним тех славян, которых Иордан знает и под именем антов и склавинов. Сделанный вывод помог увязать венедакий этап в истории славян с ран-

несредневековым, что в настоящее время уже почти не вызывает споров. Особых сомнений не вызывает и то обстоятельство, что вене́ды письменных источников уже в первых веках нашей эры представляли собой самостоятельную этническую группу, существующую на территории Европы наряду с такими этническими общностями, как германцы, фракийцы, сарматы, балты, угро-финны. Более того, основываясь на известиях Тацита, можно полагать, что занимаемая ими территория, находилась где-то между землями германцев, являвшимися их северо-западными и западными соседями, балтов на севере и северо-востоке, сарматов на юге и юго-востоке и фракийцев на юге [Латышев, 1904.— С. 250].

Гораздо больше споров и сомнений вызывают сообщения Помпония Мелы и Плиния Старшего, относящиеся к рубежу и первой половине I в. н. э., по которым сарматы-вене́ды занимали и южное побережье Балтийского моря, жили как на правом, так и на левом берегах Вислы. Это не подтверждается археологическими данными и лингвистическими источниками, если упомянутые авторы понимали под венедами лишь одну этническую общность — славянскую, не включая сюда иные этнические группировки [Баран, 1978.— С. 5—14]. Птолемей восточную группу германских племен довел до Вислы. К юго-востоку от них, в частности готов, он упоминает племена галиндов, судынов и ставанов. Большинство известнейших славистов считает, что ставаны это первое собственное название славян [Lowmianński, 1963.— 175—177].

По-видимому, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что те племенные названия римских авторов I—II вв. н. э., которые можно с большей или меньшей достоверностью связать со славянами-венедами, находятся между Днепром и Вислой. Однако это не отрицает и того, что в более ранние периоды славяне могли занимать области к западу от Вислы. Более точно определить территорию вене́дов в первых веках нашей эры на основании лишь письменных данных трудно. Известно, что в первой полови-

не I тыс. н. э. вене́дов называют и другие источники. Так, в Певтингеровых таблицах — подорожных картах, относящихся приблизительно к IV в., вене́ды отмечены в двух местах: на северо-запад от Карпат и в междуречье Нижнего Днестра и Дуная [Рикман, 1975.— Рис. 34]. К концу IV в. относятся события, изложенные Иорданом на страницах «Геттики», где славяне, упоминаемые под именем антов, терпят поражение в войне против готского короля Винитария [Иордан, 1960.— С. 115]. Место, где происходили события, не указано, поэтому данный источник ничего нового к уже сказанному о территории обитания славян во II—IV вв. не добавляет.

Научная ценность источников, фиксирующих славян на территории Европы уже в первых веках нашей эры, неоспорима. Однако при этом следует иметь в виду, что заложенная в них информация не полная, а нередко и не вполне ясная, что объясняется познаниями античных авторов, плохо знающих исторические процессы, происходящие в глубинных областях Восточной и Центральной Европы, далеко расположенных от границ Римской империи и Византии. Поэтому многие вопросы этногеографии славян, их западных, восточных и северных границ, а также процессов расселения, исторического и социально-экономического развития без использования и сопоставления с данными других источников не могут быть всесторонне изучены.

Как уже отмечалось, важное место в исследовании славянского этногенеза принадлежит лингвистике, поскольку изучение языка в его развитии неразрывно связано с историей народа — его носителя. Специалисты, занимающиеся изучением славянских языков, много сделали для реконструкции общеславянского языка «как реальной лингвистической единицы, существовавшей в течение многих веков» [Филин, 1972.— С. 6—7]. Они вполне успешно решили вопрос об отношении славянского языка к другим индоевропейским языкам и тем самым показали славян как отдельную этническую общность в семье индоевропейских народов. Картографи-

рование архаических славянских гидронимов и топонимов имеет важнейшее значение для поисков древнейшей территории славян и определения путей и районов их расселения [Топоров, Трубачев, 1962; Трубачев, 1968.— С. 269—288; Udolph, 1979.— Карта 1].

Однако сравнительное языкознание также имеет свои слабые места. Языковые явления, как правило, не поддаются датировке, что значительно уменьшает их историко-познавательные возможности. Кроме того, нельзя забывать, что история языка и история народа — хотя и взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Последнее значительно шире и многообразнее. Оно включает в себя и ряд других важных характеристик, не являющихся предметом изучения лингвистики.

Необходимо отметить значительную работу, проделанную антропологами по определению физического типа славян, выделению его среди других иноэтнических группировок. Признавая единство процессов славянского этногенеза, антропологи в различных регионах славянской территории установили заметные отличия в физическом строении славянского населения, что позволило им сделать вывод о вхождении в состав славян иноэтнических элементов — балтийских, германских и др. [Алексеева.— С. 267—273]. Это заключение очень важно при определении территории славян в границах синкретических культур.

К сожалению, у антропологических исследований в области славянского этногенеза есть и сложности. К ним следует отнести, в первую очередь, ограниченность источников и даже полное их отсутствие на протяжении целых столетий. Общеизвестно, что в I—VIII вв. н. э. для большинства лесостепного населения Восточной и Центральной Европы был характерен обряд трупосожжения. В частности, наиболее ранние достоверно славянские погребения VI—VIII вв. также оказались трупосожжениями.

В сложившейся ситуации важное значение в изучении древнейшей истории славян приобретают археологические материалы. Они не только значи-

тельно дополняют письменные источники, лингвистические, антропологические и др., но открывают новые возможности изучения исторического процесса, раскрывают новые и зачастую неожиданные стороны социально-экономической и культурной жизни изучаемого населения. Именно археология, добывающая и изучающая материальную культуру — жилища, погребения, предметы быта и труда, одежду и украшения, созданные относительно замкнутыми группами людей и владеющие определенными, свойственными лишь им специфическими чертами, и, главное, поддающиеся датировке, при сопоставлении с языковыми и антропологическими данными, — дает необходимые хронологические ориентиры и позволяет проверить пространственные и временные показатели, делая их более конкретными.

Археологическую культуру следует рассматривать в процессе развития. Она может изменяться, терять те или иные черты, приобретать новые, особенно при смешении ее носителей с другими группами населения, расширять территорию и перерастать в качественно новую культуру, отображая развитие и изменение той этнической общности, которую представляет. Однако при этом на каждом новом этапе в ней остаются элементы, связывающие ее с предыдущим. Такое понимание археологической культуры позволяет в какой-то мере проследить последовательность развития материальной культуры определенной этнической группы, в данном случае славян, определить территориальные изменения и, применяя ретроспективный метод, постепенно углубляться к ее истокам [Рыбаков, 1981]. Последнее и является одной из важных задач нашей работы.

Как известно, в литературе высказано множество различных мнений о локализации славянской прародины, которые в общем можно свести к четырем группам.

Наиболее ранняя — дунайская — концепция связана с именем древнерусского летописца Нестора [ПВЛ, 1950.— Ч. 1.— С. 11]. Наиболее серьезно она обоснована П. Шафариком и вошла в

литературу как карпато-дунайская теория [Šafarik, 1837]. Несмотря на критику, она имеет своих последователей и в настоящее время, особенно среди лингвистов [Трубачев, 1987], а также археологов [Ляпушкин, 1968.— С. 170—175].

Висло-одерская теория, созданная Ю. Костжевским, М. Рудницким и поддержанная в значительной части Т. Лер-Сплавинским, также имеет своих сторонников [Kostrzewski, 1914.— S. 155; Lehr-Splawinski, 1946; Lowmiański, 1963.— S. 70—75]. С памятниками висло-одерского междуречья, в частности подклешевой и пшеворской культур, связывают происхождение славянских раннесредневековых древностей пражской культуры В. В. Седов и И. П. Русанова [Седов, 1979.— С. 53—74; Русанова, 1976.— С. 196—215] и некоторые польские исследователи.

Третья, самая большая группа исследователей размещает древнейших славян на территории между Днестром и Вислой в северном лесном или южном лесостепном регионах [Нидерле, 1956.— С. 27—35; Rostafiński, 1908.— S. 6—25; Vasmer, 1926.— S. 118—143; Шахматов, 1916; Петров, 1972.— С. 202—215; Филин, 1972 и др.]. В последние десятилетия многими советскими археологами проводится большая работа по выделению тех археологических древностей, которые можно было бы увязать с древними славянами очерченного региона [Баран, 1981.— С. 6—17]. Эту задачу поставили перед собой и авторы настоящей работы.

Начиная с 50-х годов появились работы, в которых ученые-слависты и главным образом археологи (Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. И. Артамонов, В. Генсель) попытались раздвинуть границы региона возможной локализации древних славян от Днестра до Одера [Рыбаков, 1982.— С. 11—46; Третьяков, 1953, 1966; Артамонов, 1950; Hensel, 1984.— С. 121—203].

Можно высказать предположение, и это не будет противоречить археологическим данным, что славяне (праславяне) со времени выделения их по крайней мере во II тыс. до н. э. из индоевропейской общности и до раннего

средневековья, когда они зафиксированы письменными источниками и однозначно подтверждены археологией, меняли места своего проживания. Поэтому каждая из перечисленных концепций, тем более последняя, объединяющая две предыдущие, для какого-то этапа расселения или переселения славянской (протославянской) общности включает и часть областей возможной славянской прародины. Однако обозначить ее границы на каждом хронологическом этапе и выразить это при помощи археологических культур, построив их в непрерывную хронологическую цепочку, очень трудно из-за состояния археологических источников и уровня их теоретического осмысления.

Поэтому авторы данной монографии поставили перед собой более скромную, хотя и не менее трудную задачу: выявить, изучить и проанализировать все археологические древности рубежа и I тыс. н. э. Юго-Восточной Европы, а также путем ретроспекции, идя от признанных славянских культур раннего средневековья к древностям римского и позднелатенского времени, найти и выделить в последних те этнографические признаки, которые позволяют в целом или в какой-то части увязать их со славянским средневековьем, исключив при этом неславянские культуры и элементы.

Мы старались учитывать все категории археологического материала, особенно обладающего признаками, подающими этническую атрибуцию, определить территориальные границы и время изучаемых археологических культур, их взаимосвязи и переплетения. Нами сделана попытка раскрыть основные тенденции этнокультурного развития населения Юго-Восточной Европы в I тыс. н. э. и определить в этих сложных многовековых процессах место славянской этнической общности, возникшей задолго до сложения ранне-средневековых славянских культур.

Нашли свое место в работе и процессы славянского расселения. Они начались еще на рубеже нашей эры во время зарубинецкой культуры и завершились в раннем средневековье. В резуль-

тате славянские племена не только осваивают новые территории на северо-востоке в области балтских и угро-финских археологических культур, но продвигаются далеко на юг в пределы Балканского п-ова и на северо-запад, доходя до Северо-Западной Прибалтики (см. рис. 79).

Мы понимаем, что в работе существует ряд вопросов, не нашедших окончательного решения, имеются спорные положения, дискуссионные построения. Они вытекают из характера источников. Тем не менее проанализировано и обоб-

щено большое количество нового археологического материала и высказаны по возможности обоснованные взгляды авторов на проблемы славянского этногенеза.

Мы выражаем глубокую признательность всем, кто принял участие в подготовке настоящей монографии, ее обсуждении и рецензировании, способствовал ее изданию. Благодарим А. Н. Некрасову за подготовку иллюстраций и И. Б. Зеленецкую за упорядочение литературы.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

Ранние славяне Юго-Восточной Европы I тыс. н. э. образовались в результате интеграции местных и пришлых племен предшествующего времени, представленных археологическими культурами лесостепной и степной зон территории СССР первой четверти I тыс. н. э. К их числу относятся зарубинецкая, поенешти-лукашевская, пшеворская, липицкая, латенская культура Закарпатья, культура сармат и поздних скифов Нижнего Поднепровья, Поднестровья и Подунавья (рис. 1).

Эти культуры изучены неравномерно, однако уже сейчас ясна различная мера участия их носителей в сложном процессе формирования последующих археологических культур, в том числе и раннеславянских.

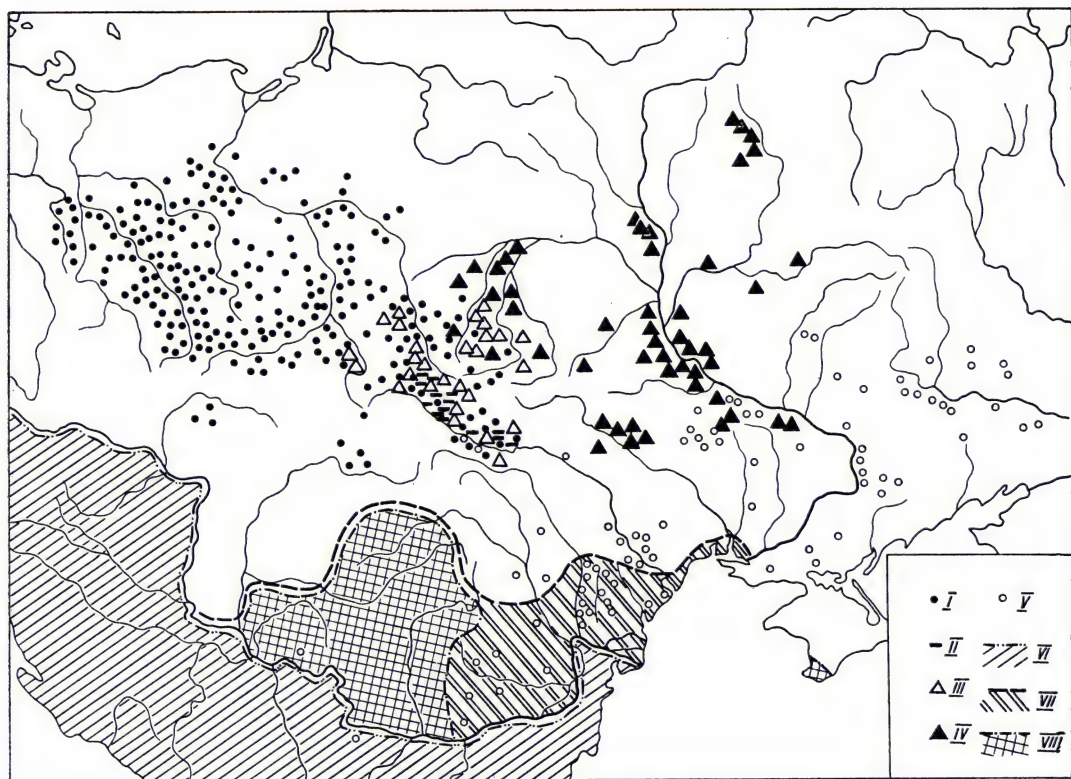
Наиболее изученной среди всех лесостепных культур этого времени Юго-Восточной Европы является зарубинецкая культура (рис. 2, I—III). Первый могильник, давший название этой культуре, был открыт В. В. Хвойкой в 1899 г. [1901.— С. 172—1910]. И только в 1939 г. раскопками Корчеватовского могильника начались серьезные полевые исследования зарубинецких памятников [Самойловский, 1959.— С. 61—93].

Возросший интерес к зарубинецкой культуре в послевоенное время способствовал дальнейшему расширению полевых работ. На Среднем Поднепровье в 1948 г. начались раскопки заруби-

нецких поселений [Махно, 1959.— С. 94—101; Довженко, Линка, 1959.— С. 102—113; Богусевич, Линка, 1959.— С. 114—118], развернулись работы на притоках Днепра — Тетерева [Куза, 1964.— С. 34—36] и Трубже [Савчук, 1969.— С. 82—87; Костенко, 1978.— С. 99—112]. Однако по своему объему эти работы были небольшими, и только многолетние исследования Е. В. Максимов, В. И. Бидзили и А. М. Шовкопляс, проведенные в 60—70-х годах на городищах (рис. 2, Б) Юрковица, Пилипенкова и Бабина Гора [Максимов, 1971.— С. 44—56; 1982.— С. 32—37], поселениях Лютеж [Бидзили, Пачкова, 1969.— С. 51—74] и Оболянь [Шовкопляс, 1975.— С. 34] позволили получить принципиально новые данные о зарубинецкой культуре.

Одновременно с поселениями на Среднем Поднепровье осуществлялись раскопки могильников (рис. 2) близ сел Пирогов [Кубышев, Максимов, 1969.— С. 25—38; Кубышев, 1976.— С. 23—41], Суботов [Максимов, 1960.— С. 29—42], Казаровичи, Хотяновка [Максимов, 1972.— С. 23—25], Триполье (на Девич-Горе) [Куза, Кубышев, 1971.— С. 85—92], Бучаки (Дедов Шпиль) [Максимов, 1982.— С. 103], Вишенки [Пачкова, 1985.— С. 37]. Всего на Среднем Поднепровье открыто более 400 погребений.

На Верхнем Поднепровье в это же время были полностью исследованы Чаплинское городище [Третяков, 1959.— С. 119—153; Поболь, 1971] и

относящийся к этому городищу могильник [Кухаренко, 1959.— С. 154—184; Поболь, 1973.— С. 60—206]. Здесь также велись работы (П. Н. Третьяков, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская) на городищах Мохов, Горошков, Милоград [Мельниковская, 1967.— С. 3—195].

В Припятском Полесье раскопаны могильники Велемичи I и II, Отвержичи, Воронино [Кухаренко, 1961.— С. 70; Каспарова, 1969.— С. 131—168; 1972.— С. 53—111; 1976.— С. 33—66], в небольшом объеме исследовались еще несколько подобных могильников (Черск, Погост, Семурадцы) [Кухаренко, 1961.— С. 70; Поболь, 1969.— С. 119—130]. Всего на Полесье известно более 400 погребений.

На Верхней Десне были изучены поселения Почеп [Заверняев, 1969.— С. 88—118] и Синьково [Амброс, 1964.— С. 56—70]; в бассейне этой реки разведками обнаружены многочисленные зарубинецкие памятники [Заверняев, 1970.— С. 22—25].

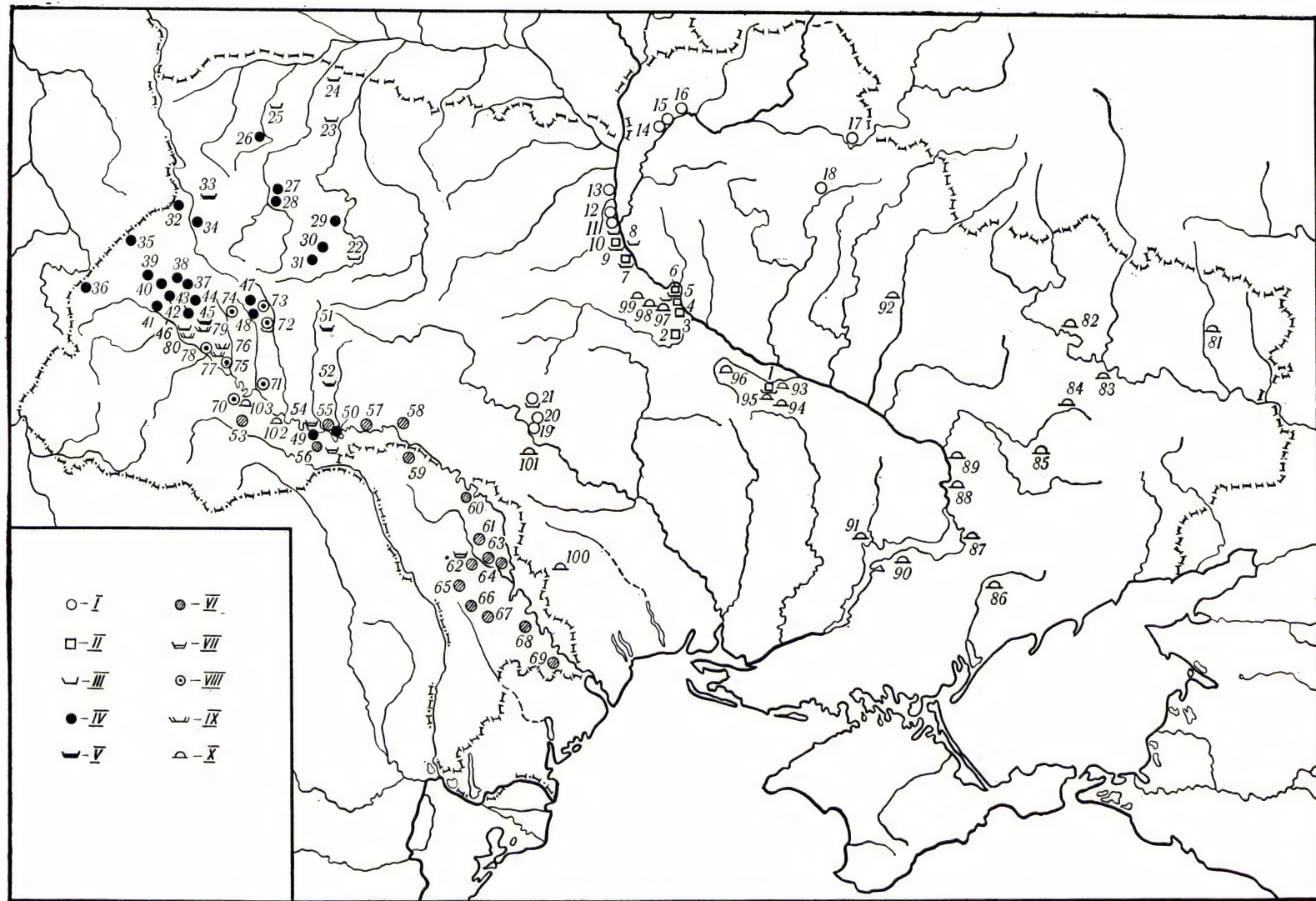
Рис. 1. Схема размещения основных памятников археологических культур рубежа — первой половины I тыс. н. э. на юге Восточной и Центральной Европы:

I — пшеворская культура; II — липицкая культура; III — волино-подольская группа; IV — зарубинецкая культура; V — сарматские древности; VI — граница Римской империи до 98 г. н. э.; VII — граница Римской империи 105—117 гг. н. э.; VIII — граница Римской империи 117—271 гг. н. э.

Среднее течение Южного Буга изучали Д. Т. Березовец, П. И. Хавлюк и С. П. Пачкова. В ходе раскопок здесь исследовались поселения позднезарубинецкого времени — Носовцы, Марьяновка и пр. и могильник Рахны [Хавлюк, 1971.— С. 84—96; 1975.— С. 7—19].

Этапным завершением полевых работ по зарубинецкой проблеме стало открытие и исследование в течение 50—70-х годов памятников киевской культуры [Даниленко, 1955.— С. 27—29; Третьяков, 1974.— С. 40—118; Кравченко, Гороховский, 1979.— С. 51—69; Максимов, 1982.— С. 133—154; Терпиловский, 1984], генетически связанной с зарубинецкой.

Опубликованные материалы полевых работ стали источниковедческой базой для теоретических разработок, направленных на рассмотрение вопросов происхождения и этнического содержания зарубинецкой культуры.

Эта тенденция отчетливо видна при рассмотрении научной литературы. Среди исследователей зарубинецкой проблемы выделяются три направления. Представители одного из них считают зарубинецкую культуру местной; второе направление объясняет появление этой культуры результатом миграции в Поднепровье племен Средней и Центральной Европы, а третье — признает и местный фактор, причем решающим обстоятельством явилась интеграция местных и пришлых племен.

Из представителей автохтонного (местного) направления следует выделить В. Н. Даниленко, Л. П. Поболя и А. И. Тереножкина, по мнению которых зарубинецкая культура сложи-

Рис. 2. Основные памятники рубежа — первой четверти I тыс. н. э. на территории УССР и МССР:

I — поселения зарубинецкой культуры; II, III — городища и могильники зарубинецкой культуры; IV, V — поселения и могильники пшеворской культуры; VI, VII — поселения и могильники лукашевской культуры; VIII, IX — поселения и могильники липницкой культуры; X — погребения сарматов. *Памятники зарубинецкой культуры:* 1 — Суботов; 2 — Сахновка; 3 — Пилипенкова Гора; 4 — Бабина Гора, Дедов Шпиль; 5 — Зарубинцы; 6 — Монастырек; 7 — Триполье; 8 — Вишеньки; 9 — Пирогов; 10 — Корчеватое; 11 — Оболонь; 12 — Лютеж; 13 — Казаровичи (уроч. Выгон Цегельня); 14 — Табаевка; 15 — Шестовица; 16 — Киселевка; 17 — Харьевка; 18 — Васовка; 19 — Марьяновка; 20 — Носовцы; 21 — Рахны; 22 — Могилыны; 23 — Зеленица; 24 — Иванчицы; 25 — Черск. *Памятники пшеворской культуры:* 26 — Подрожье; 27 — Боратин; 28 — Горькая Полонка I; 29 — Хоров; 30 — Липа; 31 — Остров-Варковецкий; 32 — Белз; 33 — Бендюга; 34 — Свитязев; 35 — Поповичи; 36 — Нижанковичи; 37 — Подберезцы; 38 — Чишки; 39 — Пасеки-Зубрицкие; 40 — Соколыны I; 41 — Березеп; 42 — Черепин; 43 — Зубра; 44 — Давыдов; 45 — Гринев; 46 — Звенигород; 47 — Липовцы; 48 — Майдан-Гологорский; 49 — Оселевка; 50 — Великая Слободка; 51 — Лучка; 52 — Монастыриха. *Памятники поенешти-лукашевской культуры:* 53 — Кодын; 54 — Гринчук; 55 — Сокол; 56 — Круглик; 57 — Грушевы; 58 — Грубна; 59 — Рудь; 60 — Алчедар; 61 — Бранешты; 62 — Лукашевка; 63 — Требужен; 64 — Иванча; 65 — Сипотены; 66 — Ульма; 67 — Вассиены; 68 — Калфа; 69 — Пуркары. *Памятники липницкой культуры:* 70 — Незвиско; 71 — Зеленый Гай; 72 — Верхняя Липица; 73 — Ремезовцы; 74 — Лагод; 75 — Боншев; 76 — Болотня; 77 — Колоколин; 78 — Залески; 79 — Гринев; 80 — Звенигород. *Памятники сарматов:* 81 — Старобельск; 82 — Балаклея; 83 — Яремювка; 84 — Славянск; 85 — Богодар; 86 — Аккермень, Новофилиповка; 87 — Анчекрак; 88 — Михайловка; 89 — Вороня; 90 — Ушковка; 91 — Усть-Каменка, Кут, Грушевка; 92 — Кантемировка; 93 — Колонтаев; 94 — Цветна; 95 — Ружичанка; 96 — Райгород; 97 — Емчица; 98 — Масловка; 99 — Катарлык; 100 — Кошары; 101 — Трояны; 102 — Киселев; 103 — Островец.

лась в результате эволюционного развития предшествовавшей, так называемой подгорцевской, культуры раннего железного века северной части Киевщины [Даниленко, 1953. — С. 197] или родственной ей милоградской культуры Южной Белоруссии [Поболь, 1971. — С. 182] или же среднеднепровской культуры «скифов-пахарей», происходящей от праславянских белогрудской и чернолесской культур [Тереножкин, 1961. — С. 240—242].

Второе направление представлено в работах Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинского, К. В. Каспаровой, В. В. Седова.

По мнению Ю. В. Кухаренко, зарубинецкая культура образовалась в Припятском Полесье в результате дальнейшего развития позднепоморской культуры Польши [Кухаренко, 1960. — С. 288—300]. В ее формировании принимали участие также подклешовые племена, что обусловило образование локальных вариантов зарубинецкой культуры [Мачинский, 1966. — С. 3—8]. Южные зарубинецкие племена междуречья Днестра и Днестра, вместе с переселившимися сюда повисленскими (славянскими) пшеворскими племенами, стали ядром славянского населения в ареале черняховской культуры [Седов, 1979. — С. 76—78].

По мнению К. В. Каспаровой, зарубинецкая культура могла возникнуть также в результате миграции бастарнов, обитавших в начале II в. до н. э. в Иллирии на Среднем Дунае. Передвигаясь на северо-восток, бастарны на территории Молдовы образовали культуру Поенешти — Лукашевка, а в Приднепровье и на Припяти — зарубинецкую культуру [Каспарова, 1981а. — С. 76].

В целом, миграционистское направление, несмотря на научную разработку некоторых вопросов (совпадение отдельных типов керамики позднепоморской культуры с ранней зарубинецкой керамикой Полесья, совпадение некоторых элементов погребального обряда зарубинецкой культуры с погребальным обрядом населения Средней и Центральной Европы), не может удовлетворить всем требованиям достоверной научной гипотезы в решении

вопроса о генезисе зарубинецкой культуры.

Третье направление представлено в работах П. Н. Третьякова, Е. В. Максимова и др. Зарубинецкая культура, по их мнению, возникла в результате интеграции среднеднепровских племен «скифов-пахарей» и западного поморско-лужицкого населения [Третьяков, 1966.— С. 217], известного по памятникам позднепоморской и подклешевой культур [Максимов, 1982.— С. 158]. Несомненным является и участие в этой интеграции верхнеднепровских племен милоградской культуры [Максимов, 1982.— С. 156].

Территорией формирования зарубинецкой культуры были благоприятные для проживания районы Среднего Днестра, Припятского Полесья и Верхнего Поднепровья. Здесь зарубинецкая культура в ее первоначальном облике известна от рубежа III—II — до конца I в. до н. э. Позднее, к рубежу нашей эры, зарубинецкое население освоило еще два района — Верхнедеснянский и Южнобугский, образовавшихся в результате оттока населения из Среднего Поднепровья. Во второй половине I в. н. э. прекращается жизнь в Припятском регионе, уменьшаются размеры Среднеднепровского региона, остальные остаются обитаемыми до конца II в. н. э. [Максимов, 1982.— С. 7—20].

Немаловажное значение для возникновения специфических особенностей зарубинецкой культуры имели влияния, шедшие со Среднего Подунавья, из областей латенской культуры, а также из античных городов Северного Причерноморья — Ольвии и Тиры.

При таком рассмотрении проблемы можно удовлетворительно объяснить региональные особенности зарубинецкой культуры, наличие в ней позднепоморских, подклешевых, скифских лесостепных, милоградских, латенских и античных элементов, но не в «чистом», а в переработанном виде. Поэтому зарубинецкую культуру следует рассматривать не как эволюционное продолжение какой-либо одной местной или пришлой культуры, а как новообразование, отражающее один из этапов формирования славянского отношения в позднела-

тенское — раннеримское время [Максимов, 1982.— С. 155].

О славянском этносе носителей зарубинецкой культуры свидетельствуют особенности ее субстрата, который исследователи определяют как праславянский [Березанская, 1976.— С. 219] или же балто-славянский [Седов, 1979.— С. 75—77]. Древнеславянские гидронимы, сосредоточенные на зарубинецкой территории Среднего Поднепровья [Топоров, 1968.— С. 270], и памятники древнеславянской киевской культуры, сложившиеся на базе зарубинецкой [Горюнов, 1981.— С. 192], подтверждают славянство последней.

Поенешти-лукашевская культура (рис. 2, VI, VII) изучена намного меньше, чем зарубинецкая. Могильник в Поенешти раскапывался в 1949 г. румынским археологом Р. Вульпе. Им же и дана интерпретация открытых здесь материалов [Vulpe, 1953.— С. 310—506]. Исследователь считал, что этот могильник II—I вв. до н. э. принадлежал бастарнам, в которых он видел восточногерманские племена, переселившиеся в Молдову. Они являлись носителями пшеворской культуры, распространенной в Висло-Одерском междуречье от Карпат до Балтики.

Другой румынский исследователь — М. Бабеш, раскопавший в 70-х годах в Центральной Молдове несколько крупных могильников, этой культуры [Babeş, 1978.— С. 22], и многие другие румынские археологи, изучавшие поселения, также придерживаются бастарнской теории [Petrescu-Dimbovita, 1955.— С. 183—187; Marinescu-Bilcuş, 1963.— С. 413—417]. Исключение составляет С. Теодор, доказавшая местное (гетское) происхождение многих типов поенештской керамики [Teodor, 1967.— С. 25—43].

Кроме Румынской Молдовы, где известно 76 пунктов этой культуры, аналогичные памятники обнаружены в Молдавской ССР в бассейнах правых притоков Днестра — Реута, Быка и Ботны — всего здесь известно 16 пунктов [Лапушнян, Никулице, Романовская, 1974.— С. 74—85]. Из них наиболее изученным является Лукашевский могильник, исследованный Г. Б. Федоро-

вым в начале 50-х годов [Федоров, 1960.— С. 380], что впоследствии послужило основанием для утвердившегося двойного наименования культуры.

Междуречье Верхнего Прута и Среднего Днестра на территории УССР являлось северо-восточной периферией культуры Поенешти-Лукашевка. Здесь Б. А. Тимошук выявил до 40 памятников, из которых раскопано лишь пять поселений (у сел Круглик, Перебыковцы, Завалье, Острица (ур. Кодын), Сокол) и два погребения (у сел Круглик и Гринчук).

Б. А. Тимошук и И. С. Винокур, раскапывавшие поселение Круглик, а также Д. А. Мачинский, отнесли этот памятник к числу зарубинецких [Тимошук, Винокур, 1962.— С. 73—76; Мачинский, 1965.— С. 71—72]. Правильная интерпретация Круглика была дана позднее С. П. Пачковой [1978.— С. 57—71].

Г. Б. Федоров считал, что культура Поенешти-Лукашевка представляет собой дальнейший этап развития местных гето-фракийских племен, в среде которых на рубеже III—II вв. до н. э. появились бастарны — носители культуры позднепоморско-раннепшеворского типа, обитавшие до этого в верховьях Вислы. В количественном отношении пришельцев, по сравнению с местным населением, было немного, в результате чего они к рубежу нашей эры оказались полностью ассимилированными [Федоров, 1960.— С. 25].

Поселения поенешти-лукашевской культуры на территории Молдавии исследовала М. А. Романовская [1962; 1963; 1964.— С. 37—42; 1969.— С. 81—95]. Ее взгляды на происхождение, хронологию и этнический состав этой культуры во многом совпадают с выводами Г. Б. Федорова [Романовская, 1969.— С. 95].

Мнение о привносном характере культуры Поенешти-Лукашевка, помимо упомянутых выше румынских археологов, разделяется рядом зарубежных и отечественных исследователей: Р. Хахманом, К. Такенбергом, Ю. В. Кухаренко, Д. А. Мачинским, К. В. Каспаровой.

Р. Хахман и К. Такенберг полагали,

что создателями этой культуры являлись германские племена Средней Эльбы [Nachmann, 1957] или междуречья Среднего Одера и Эльбы [Taskenberg, 1962/1963.— S. 423], известные здесь по памятникам ясторфской культуры.

Ю. В. Кухаренко к числу поенешти-лукашевских относил, кроме памятников Молдавии и Румынии, все памятники от конца III в. до н. э. — до III в. н. э., известные в Подолии и Буковине [1978.— С. 143]. Подобное территориальное и хронологическое расширение культуры Поенешти-Лукашевка, которую он определял как бастарнскую, не находит подтверждения в археологических материалах. Среди названных Ю. В. Кухаренко памятников Подолии и Буковины большую часть составляют поселения и могильники других культур: зарубинецкой (памятники бассейна Южного Буга — Бортники, Кунка, Марьяновка, Носовцы, Рахны и др.); липицкой (Майдан — Гологорский, Ремезовцы, Вороняки и др.); черняховской (Бережанка и др.).

Д. А. Мачинский считал поенешти-лукашевскую культуру наиболее ранним этапом зарубинецкой культуры [1965.— С. 71—72]. Своим возникновением она обязана бастарнам — носителям позднепоморской культуры Среднего Одера и Нижней Силезии.

К. В. Каспарова истоки поенешти-лукашевской культуры видит в ясторфских памятниках, представленных материалами поздней фазы губинских могильников на территории Южной Лужицы и Нижней Силезии [Domanski, 1975.— С. 7]. В процессе миграции на юг носители этой культуры оказались в среде гето-дакийского населения, внесшего вклад в облик поенешти-лукашевской культуры [Каспарова, 1981.— С. 74—78].

Трансформация взглядов о происхождении культуры Поенешти-Лукашевка произошла в 60—70-е годы, когда тенденция к историческому пониманию генезиса синхронных культур Центральной и Юго-Восточной Европы была высказана в работах Е. В. Максимова [1972.— С. 118]. Возникновение этих культур рассматривалось им как процесс интеграции местных и пришлых

общностей, а сами культуры воспринимались не как эволюционное продолжение какой-либо одной из их составных частей, а как новообразование, содержащее определенные элементы предшествующих культур, но обладающее уже новыми имманентными чертами, играющими первостепенную роль.

В этом плане мнение С. П. Пачковой [1985.— С. 24] о возникновении поенешти-лукашевской культуры в результате смешения пришлых позднепоморских, а затем ясторфских (губинских) племен с местными гетскими племенами отражает реальности исторической обстановки в Средней и Юго-Восточной Европе последних веков до нашей эры, характеризующей миграциями средне-европейских племен на юго-восток с последующей их интеграцией с местными племенами бассейна Вислы, Днестра и Днепра.

В результате почти одновременно на окраинах латенского мира возникают пшеворская, поенешти-лукашевская и зарубинецкая культуры [Максимов, 1982.— С. 155].

В этническом отношении носители культуры Поенешти-Лукашевка были смешанным населением, бастарно-фракийцами [Пачкова, 1985.— С. 25], причем среди бастарнов (носителей позднепоморской, а затем ясторфской культур) существовали как германские, так и, возможно, славянские элементы.

Пшеворская культура (рис. 2, IV, V) занимает территорию Южной и Центральной Польши в бассейнах рек Вислы и Одера. На Украине пшеворские памятники известны в небольшом количестве на Волини, в Подолии, в верховьях рек Западный Буг и Днестр.

Изучением пшеворских памятников на Украине стали заниматься лишь после окончания Великой Отечественной войны, хотя о некоторых эпизодически открытых пшеворских погребениях было известно уже в конце XIX в. Их сводное описание в 30-х годах дал М. Ю. Смишко [Smiszko, 1932.— С. 69—111].

В послевоенные годы И. К. Свешников открыл пять пшеворских погребений на могильниках липицкой культу-

ры у с. Звенигород [1957.— С. 63—74]. Позднее еще одно погребение исследовалось В. В. Кротопкинским [1974.— С. 51—57], а в 1975 г. Д. Н. Козак раскопал еще девять погребений [1978.— С. 96—107]. В эти же годы им раскапывался могильник в с. Гринев, известный еще М. Ю. Смишко, где исследовано еще шесть погребений [Козак, 1984.— С. 86]. Всего к настоящему времени открыто более 40 погребений пшеворского типа в 22 пунктах Верхнего Поднестровья, представляющих собой, главным образом, единичные захоронения, нередко с окружением. Исключение составляют могильники в Звенигороде [15 погребений] и у с. Гринев (6 целых погребений и несколько разрушенных в 30-е годы).

На Украине известно 26 поселений пшеворской культуры. Из них 12 — в верховьях Днестра, 7 — в верховьях Западного Буга и еще 7 — в верховьях притоков Припяти — Стохода, Стыри и Горыни. Поселения исследовали М. Ю. Смишко [1947.— С. 111—121], Г. И. Смирнова [1964.— С. 211], В. Д. Баран [1961.— С. 53], В. К. Воляник [1979.— С. 10], Л. И. Крушельницкая [1975.— С. 75—80], И. П. Русанова, Д. Н. Козак [1984.— С. 6—12] и др.

Хронология пшеворских памятников территории УССР, установленная М. Ю. Смишко более полувека тому назад в рамках I—III вв. н. э. [1932.— С. 110], была незначительно уточнена Д. Н. Козаком [1985.— С. 29—31], чего нельзя сказать об их интерпретации как в отношении этноса, так и в понимании генезиса самой культуры. Очевидно, это объясняется неоднородным составом носителей пшеворской культуры, куда входили две этнические группы — славянская и германская. Такой точки зрения придерживаются Т. Ловмянский [1963.— С. 247—257] и В. В. Седов [1979.— С. 61—74].

К памятникам позднеримского времени относятся единичные или небольшие группы мужских погребений с оружием, встреченные от верховьев Западного Буга (Червоноград) до Закарпатья (Свалява), от Верхнего Днестра (Доброостаны) до Случи и Южного Буга

(Громовка, Великая Терновка). Эти погребения, по мнению М. Ю. Смишко, были оставлены отрядами германцев (вандалов), продвигавшихся в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э. на юг к границам Римской империи [1976.— С. 37].

Д. Н. Козак считает пшеворские памятники Верхнего Поднестровья и Западной Волыни наиболее восточным ответвлением собственно пшеворской культуры Польши, появившимся здесь в результате оттока населения из Мазовии и Подляшья в позднелатенское время [1985.— С. 32]. Позднее, в раннеримское время на очерченной территории встретились три культуры: ранее существовавшая здесь пшеворская и пришлые — липицкая и зарубинецко-полесская. В результате смешения, а впоследствии и интеграции основных элементов этих трех культур, что отчетливо фиксируется археологическим материалом, возникают качественно новые памятники, выделяемые в отдельную волыно-подольскую группу [Козак, 1985.— С. 33], ставшую затем, по мнению В. Д. Барана, субстратом Днестровско-Волинского региона черняховской культуры [1976.— С. 52].

Памятники липицкой культуры (рис. 2, IX, X) на Верхнем Днестре стали известны в конце прошлого века после раскопок И. Коперницким могильника у с. Верхняя Липица Ивано-Франковской области. К новой археологической культуре, получившей название липицкой, добытые материалы отнес К. Гадачек [1912.— С. 23—28]. По его мнению, эта культура местного происхождения, но испытывавшая сильное влияние античного мира.

В 1926 г. первое липицкое поселение открыто у с. Незвиско; в 1930 г. М. Ю. Смишко раскопал могильник Гринев в Львовской области. Он же исследовал поселение у с. Залески [1952.— С. 337—350] и богатые погребения у с. Колоколин [1935.— С. 155—164] и Чижиков. В. Д. Бараном открыты жилища липицкой культуры на черняховском поселении Черепин [1961.— С. 86—87] и Зеленый Гай [1966.— С. 236]. И. К. Свешниковым [1957.— С. 72—74] выявлены липицкие могиль-

ники у сел Звенигород (20 погребений) и Болотня (6 погребений). На могильнике в Звенигороде Д. Н. Козаком в 1970 г. раскопано более 30 погребений липицкой и пшеворской культур [1978.— С. 96—107]. Л. И. Крушельницкой на многослойном поселении Бовшев обнаружено два жилища липицкой культуры [1964].

Большое научное значение имели раскопки поселения у с. Ремезовцы, проведенные В. Д. Бараном и В. Н. Цыгылыком в 1965 г. и продолженные затем в 1966—1968 гг. В. Н. Цыгылыком, где было обнаружено 17 жилищ, хозяйственные ямы, железоплавильный горн [Цигилик, 1971.— С. 157—166], а также поселения у с. Майдан-Гологорский [Цигилик, 1970.— С. 271—272]. Здесь, помимо липицких материалов, впервые на Верхнем Поднестровье зафиксирована зарубинецкая керамика.

Датировка и интерпретация липицкой культуры стали предметом внимания многих исследователей. Первой значительной работой по этому вопросу стала монография М. Ю. Смишко, где липицкая культура определялась как дакийская, имеющая аналогии среди дакийских памятников Румынии. В конце II в. н. э. под натиском пшеворских племен липицкая культура исчезает [Смишко, 1932.— С. 179—181].

Рассматривая вопрос о соотношении липицких и черняховских материалов на многослойном поселении Черепин, В. Д. Баран пришел к выводу о том, что типологически названные памятники являются различными [1961.— С. 86—87]. Иначе трактовала этот вопрос М. А. Тиханова, по мнению которой липицкая культура представляла собой основу базы днестровского региона черняховской культуры [1957].

Близиких взглядов придерживался и румынский археолог Г. Диакону, полагавший, что на Поднестровье черняховская культура возникла в результате интеграции липицких и пшеворских племен [1961].

В настоящее время считается доказанным, что в ранних черняховских памятниках присутствуют элементы

предшествующих культур (на Верхнем Днестре и Юго-Западной Волыни ими являлись липицкая, пшеворская и зарубинецкая), обнаруженные на поселениях Черепин, Ремезовцы, Незвиско и Демьянов II [Баран, 1976.— С. 52].

Изучение собственно липицкой культуры (В. Н. Цыгылык) показало, что на Верхнем Поднестровье она является пришлой культурой, мигрировавшей сюда в начале I в. н. э. с территории Дакии. Оказавшись по соседству с зарубинецкими (Ремезовцы, Майдан-Гологорский) и пшеворскими племенами, липицкое население приняло участие в сложении новых этнокультурных общностей.

Латенская культура на территории Закарпатья стала известна во второй половине прошлого века, благодаря раскопкам Т. Легоцкого большого поселения Галиш-Ловачка возле г. Мукачево. Вблизи этого поселения он раскопал и курганный могильник. Материалы раскопок опубликованы в «Археологической карте Закарпатья» в 1892 и 1912 г. [Бідзіля, 1971.— С. 5].

Небольшие охранные работы в г. Мукачево проводили в 30-х годах Л. и Н. Затлукал. В начале 40-х годов аналогичные работы в г. Ужгороде осуществил П. П. Сова-Гмитров, открывший два поселения латенской культуры [Бідзіля, 1971.— С. 6].

После окончания Великой Отечественной войны в Закарпатье начала работать экспедиция Ужгородского музея, возглавляемая К. В. Берняковичем. В результате открыты и частично исследованы более 20 поселений, в том числе — большой металлургический центр в с. Новоклинов, а также несколько курганных погребений этого времени. С 70-х годов здесь действует экспедиция Ужгородского университета под руководством Э. А. Балагури и В. Г. Котигорошко, обнаружившая новые памятники этой культуры [Котигорошко, 1976.— С. 299].

Датирующие предметы материальной культуры — кинжалы и мечи, найденные на поселении Галиш-Ловачка, поясные цепи, фибулы среднелатенской и позднелатенской схемы, имитации тетрадрахм Филиппа и Александра

Македонского — позволяют датировать латенские памятники Закарпатья рубежом III—II вв. до н. э. — началом I в. до н. э. [Бідзіля, 1971.— С. 119].

Первооткрыватель этих памятников Т. Легоцкий считал, что они принадлежали кельтам [1908.— S. 251]. В 20-е годы румынский археолог В. Пырван отнес их к числу гето-дакийских древностей [Бідзіля, 1971.— С. 8]. В начале 30-х годов Я. Айснер пришел к выводу о том, что носителями латенской культуры в северо-восточной части Карпатской низменности являлись две разнотнические группы населения — кельты и местные племена — потомки куштановицкой культуры предшествующего времени [Ejsner, 1933.— С. 167—169]. Я. Филиппом высказано мнение, что латенская культура на территории Закарпатья и Восточной Словакии проявляется не в «чистом» виде, а совместно с культурами местных племен, сохранивших свою самобытность [Filip, 1956.— С. 470]. Развивая эту точку зрения, А. Точик относил позднелатенские памятники Словакии (аналогичные синхронным закарпатским) не к кельтам, а к местному населению, испытывавшему сильное влияние кельтской и гето-дакийской культур [1959.— С. 481]. В. Бенадик также полагает, что памятники Словакии последней четверти I тыс. до н. э. не могут отождествляться с кельтским этносом, поскольку основную массу населения составляли местные племена, в состав которых в виде небольших инвазий могли входить кельты и даки [1961.— S. 176]. В. И. Бидзіля пришел к заключению, что на территории Закарпатья субстратом латенской культуры была куштановицкая культура предшествующего времени [1971.— С. 178]. Проникновение сюда латенской культуры в конце III — начале II вв. до н. э. произошло в результате переселения кельтских племен, растворившихся среди местного населения.

Изучение процессов этнокультурного развития населения Юго-Восточной Европы невозможно без рассмотрения культур населения ее степной части — сарматов и поздних скифов.

Более 30 сарматских погребений (рис. 2, X) стали известны на Украине благодаря раскопкам курганов, проведенным В. А. Городцовым в 1901—1903 гг. в бассейне Северского Донца [1907]. В 50-е годы большие работы вели в бассейне р. Молочной А. И. Тереножкин и др. [Вязьмитина, Іллінська, Покровська та ін., 1960.— С. 22—135]. Здесь раскопано 44 кургана и 17 впускных погребений I в. до н. э.— I в. н. э. В это же время Е. В. Махно раскопаны курганы в Нижнем Поднепровье на р. Базавлук [1960], а И. Ф. Ковалевой в 70-е годы исследованы курганы в районе Днепропетровска [Науч. архив ИА АН УССР, 1973]. В нижнем течении Днепра несколько сарматских погребений открыто Херсонской экспедицией Института археологии АН УССР [Симоненко, 1977.— С. 221].

В результате исследований, проводимых в Северо-Западном Причерноморье с конца 60-х годов в связи со строительством оросительных каналов в междуречье Южный Буг — Нижний Дунай, раскрыто около 120 сарматских погребений в 23 могильниках, датированных I — концом II—III вв. н. э. Исследования здесь проводили Г. Б. Федоров, Н. М. Шмаглий, Л. В. Субботин, Г. Ф. Чеботаренко, А. В. Гудкова, Г. Т. Ковпаненко и др. Значительная часть материалов опубликована [Федоров, 1969.— С. 241—253; Шмаглий, Черняков и др., 1970.— С. 8—115; Субботин, Загинайло, Шмаглий, 1970.— С. 130—155; Гудкова, Фокеев, 1984.— С. 4; Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978.— С. 15—37].

В Лесостепном Поднепровском Левобережье известны единичные сарматские погребения в бассейне Ворсклы, Псла и Сулы [Вязьмитина, 1971.— С. 192].

На Правобережье Днепра сарматские погребения и могильники раскапывались на реках Высь, Тясмин, Рось и Стугна. Наиболее крупным является Калантаевский могильник с 42 погребениями [Покровская, Ковпаненко, 1961] и погребения I в. н. э. на Роси, сооруженные по скифскому обычаю в виде деревянных склепов,— всего обнаружено более 70 погребений в 30 пунк-

тах [Максимов, 1985.— С. 9], датируемые I в. н. э. и принадлежащие, вероятно, языгам.

На Поднестровье сарматские памятники открыты в 50—60-х годах А. И. Мелюковой возле с. Ленковцы [1958], М. Ю. Смишко — Островца [1962], Л. В. Вакуленко и И. С. Винокуром — Киселева [1967] и некоторых других местах. Датируются эти погребения I—II вв. н. э. Оставлены они языгами. Обращает внимание отсутствие поселений в районах расположения сарматских могильников, что свидетельствует о характере отношений сарматов с местным оседлым населением.

Наиболее отчетливо эти взаимоотношения прослеживаются на Среднем Поднепровье в контактах между сарматами и носителями зарубинецкой культуры. Ю. В. Кухаренко [1954.— С. 120] и М. П. Абрамова [1961] считали, что сарматы находились в дружественных отношениях с зарубинецким населением и в конце-концов были им ассимилированы. В действительности, сарматское продвижение на Среднее Поднепровье, начавшееся в конце I в. до н. э., носило агрессивный характер, о чем свидетельствуют остатки сожженных зарубинецких укреплений и находки в них сарматских железных трехлопастных наконечников стрел, обнаруженных при раскопках городищ Бабина Гора, Монастырек, Ходосовка и др. [Максимов, 1982.— С. 77].

Постоянное военное давление сармат, обосновавшихся в I в. н. э. в Лесостепном Правобережье, между Тясмином и Стугной, явилось причиной переселения носителей зарубинецкой культуры со Среднего Поднепровья в отдаленные районы — в основном на территорию Верхнего Подесенья [Максимов, 1985.— С. 9].

Важной проблемой являются сармато-черняховские связи. С достаточным основанием Э. А. Рикман [1975.— С. 319] считает, что осевшие на землю сарматы Днестровско-Днепровского междуречья приняли активное участие в формировании Юго-Западного региона черняховской культуры. Данные антропологии подтверждают, что здесь,

наряду с гетским мезодолихокранным типом, встречаются и сарматский брахикранный тип.

В других черняховских ареалах сарматское влияние было менее заметным (Левобережная Лесостепь — Переяслав-Хмельницкий; Правобережье — Черняхов, Маслово, Косаново) или же минимальным (Нижний Днепр) [Кондукторова, 1979. — С. 67].

В целом же вклад сарматов в создание черняховской культуры исследователями рассматривается как вполне реальный факт [Баран, 1981. — С. 154, 161].

На протяжении III в. до н. э. в этническом составе и культуре населения Северного Причерноморья произошли значительные изменения, вызванные падением Скифии. В результате социально-экономической структуры общества, военных поражений, неблагоприятного изменения экологической обстановки скифское население оставило места своего прежнего обитания и сосредоточилось в Крыму и Нижнем Поднепровье. У античных авторов это новое образование получило название Малой Скифии [Страбон, VII, 4, 5].

На Нижнем Днепре в состав Малой Скифии входило 16 городищ, привлекавших к себе внимание исследователей еще в прошлом веке [Гошкевич, 1913].

Широкое изучение позднескифских памятников Нижнего Днепра началось в 50-е годы в связи со строительством Каховской ГЭС, когда исследовались городища Любимовка, Гавриловка, Знаменка [Погребова, 1958], Золотая Балка [Вязьмитина, 1962], Каиры, Лептиха, Горностаевка и другие, а также прилегающие к ним открытые селища и могильники [Вязьмитина, 1971. — С. 215—243].

Население позднескифских городищ Нижнего Днепра поддерживало интенсивные торговые связи с Ольвией, откуда поступала посуда, ювелирные изделия и другие предметы античного импорта. Ольвия оказывала сильное культурное влияние, что хорошо заметно в планировке и домостроительстве городищ, в распространении античных предметов культа, быта, личного убора и украшений. В результате здесь воз-

никла специфическая культура смешанного типа [Вязьмитина, 1971. — С. 241].

С конца III в. до н. э. между жителями нижнеднепровских позднескифских городищ и зарубинецкими племенами Среднего Поднепровья устанавливаются тесные торговые отношения [Максимов, 1963. — С. 110—122], которые впоследствии привели к культурно-экономическим контактам. Об этом свидетельствуют находки зарубинецкой чернолощеной столовой керамики, обнаруженной в культурном слое и жилищах Знаменского, Золотобалковского, Гавриловского, Каменского и других городищ [Вязьмитина, 1962. — Рис. 44 и др.], а также в погребениях Золотобалковского и Николаевского Могильников [Вязьмитина, 1972. — Рис. 61; Сымонович, 1978. — С. 94—98].

Найденные здесь зарубинецкие материалы позволили поставить вопрос о выделении из массы черепов, особенно хорошо представленных в Николаевском могильнике, экземпляров, связанных со славянским этносом [Максимов, 1982. — С. 74], что дало возможность получить данные о физическом облике носителей зарубинецкой культуры.

Этнические контакты между Средним и Нижним Поднепровьем не были односторонними. Сказанное подтверждается материалами зарубинецкого могильника Дедов Шпиль I в. до н. э. — I в. н. э., половина погребений которого совершена по позднескифскому обряду и содержит в числе погребального инвентаря предметы, характерные для Нижнего Поднепровья [Максимов, 1982. — С. 75]. Можно также предположить, что отражением контактов нижнеднепровского и зарубинецкого населения на Среднем Поднепровье являются единичные трупоположения в Пироговском и Корчеватовском могильниках, антропологический материал которых [Максимов, 1972. — С. 174] близок нижнеднепровскому.

Изучение антропологических материалов позднескифских могильников Нижнего Поднепровья дает основания рассмотреть в новом ракурсе вопрос о роли поздних скифов в формировании этноса черняховской культуры. По дан-

ным Т. С. Кондукторовой, в этом процессе принимали участие поздние скифы Нижнего Поднепровья, местные племена скифского времени Среднего Поднепровья [Кондукторова, 1979.— С. 67] и, возможно, их потомки — зарубинецкие племена.

2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Памятники культур позднелатенского и раннеримского времени на Украине — зарубинецкой, поенешти-лукашевской, липицкой, латенской на Закарпатье, а также сарматской и позднескифской — известны в границах различных природно-географических зон: Полесья, Лесостепи и Степи. Территория каждой из этих культур имеет свою специфику, определяемую ее размерами и местоположением.

Зарубинецкая культура занимает обширную область Юго-Восточной Европы, расположенную, главным образом, в бассейне верхнего и среднего течения Днепра. По мнению ряда исследователей, площадь, занятая зарубинецкими памятниками, составляет 500 тыс. км², то есть равна территории таких современных европейских государств, как Франция или ФРГ. Однако размеры реальной зарубинецкой территории были значительно меньше, поскольку зарубинецкие племена заселяли только берега некоторых восточно-европейских рек, а пространства междуречий оставались незаселенными [Максимов, 1982.— С. 7—10]. Кроме того, территория зарубинецкой культуры не оставалась неизменной, она увеличивалась или уменьшалась в различные периоды своего существования.

На основании картографирования синхронных памятников мы рассматриваем территорию зарубинецкой культуры соответственно трем периодам ее развития.

В течение раннего периода (конец III — вторая половина I в до н. э.) в состав зарубинецкой территории входили Среднее и Верхнее Поднепровье, а также Припятское Полесье. Площадь

каждого из этих регионов составляла 2000—4000 км². Например, зона распространения среднелатенских зарубинецких памятников достигала всего 300 км (вдоль Днепра, от устья Ирпеня до устья Тясмина), верхнеднепровских и припятских и того меньше — по 200 км.

Зарубинецкие поселения располагались обычно в пределах видимости друг от друга, то есть на расстоянии 2—6 км. Каждое такое «гнездо» состояло из 10—15 поселений и соответствовало племени. Следовательно, на Среднем Поднепровье обитало три родственных зарубинецких племен, занимавших районы между Ирпнем и Стугной, Стугной и Росью, Росью и Тясмином.

За пределами племенных территорий известны лишь единичные поселения и могильники, как правило, небольшие. Их появление объясняется естественным ростом численности населения, а их местонахождение фиксирует районы расселения носителей зарубинецкой культуры.

В средний период зарубинецкой истории (вторая половина I в. до н. э.) территория распространения зарубинецких памятников существенно изменилась. В Среднем Поднепровье зона обитания местных зарубинецких племен сначала расширилась за счет освоения бассейнов рек Ирпеня, Роси, Стугны и Тясмина, а также Южного Буга. Однако с конца I в. до н. э. эта область оказалась в зоне сарматской военной экспансии, что привело к оттоку части зарубинецкого населения в Верхнее Подесенье. Во второй половине I в. н. э. сарматы прочно обосновались в бассейнах Роси и Тясмина, вытеснив местное оседлое зарубинецкое население [Максимов, 1982.— С. 9—10; ЭК, 1985.— С. 6—9].

К середине I в. н. э., обезлюдело и Припятское Полесье [Каспарова, 1976.— С. 139—140], что было вызвано продвижением северо-западных повислянских племен. Местное население отошло на юг и, продвигаясь по Горыни, Случи и Стыри, достигло бассейна Западного Буга, Днестра и Южного Буга. В Верхнем Поднепровье и Юго-

Западной Волыни, занятых племенами липицкой и пшеворской культур, в результате интеграции липицкого, пшеворского и пришлого зарубинецкого населения в I в. н. э. образовалась новая этноисторическая общность, представленная памятниками волыно-подольского типа [Козак, 1985.— С. 32].

Часть зарубинецкого населения Среднего Поднепровья, попавшая в бассейн Южного Буга, приняла участие в формировании местного региона зарубинецкой культуры, в состав которого входили земли по берегам рек Ров и Соб — притоков Южного Буга, а также побужские земли этого междуречья [Хавлюк, 1975.— С. 7219].

В Верхнем Поднепровье значительных передвижений населений зарубинецкой культуры, обусловленных внешними обстоятельствами, не было. Однако в это время наблюдается расширение зарубинецкой территории в северо-восточном направлении, в бассейны рек Сожа и Ипути [Поболь, 1974.— С. 423], вызванное ростом численности местного зарубинецкого населения. Здесь возникают новые зарубинецкие пойменные поселения, топография которых способствовала более продуктивному земледельческо-скотоводческому хозяйству.

В течение позднего периода зарубинецкой истории (II в. н. э.) территория этой культуры сохранила свои прежние очертания лишь на Верхнем Днепре и Верхней Десне. В бассейне Среднего Поднепровья в это время отмечается продвижение небольших групп западных (пшеворских) и северных (балтийских) племен. На Поросье окончательно закрепляются сарматы. Оставшееся коренное зарубинецкое население сосредоточивается главным образом в Киевском Поднепровье между Ирпенем и Стугной и по Трубежу [Максимов, 1982.— С. 123].

В Южном Побужье, где в предшествующий период образовался новый регион зарубинецкой культуры, известный по памятникам р. Соб [Хавлюк, 1971.— С. 84—96], II в. н. э. представлен поселением и могильником Рахны [Хавлюк, 1975.— С. 7—19].

Отличительной чертой зарубинецкой

территории являлись природные особенности Полесья и Лесостепи. Полесье по своему ландшафту представляет плоскую слегка холмистую равнинную низменность, которая вблизи рек соответствует второй террасе Днепра и его притоков [Старовойтенко, 1967.— С. 9—29; Исаченко, 1985.— С. 176—192]. Здесь повсеместно встречаются дюны, болота, небольшие озера, смешанные (сосна, береза, дуб) и хвойные леса. Наиболее распространенный грунт — дерново-подзолистый, для которого характерно невысокое плодородие. В долинах рек преобладают более плодородные дерново-глеевые (луговые) грунты.

Южная граница Полесья проходит по линии Луцк — Ровно — Житомир — Киев (Пост-Волинский) — Путивль. За ней начинается Лесостепь, куда и входят правобережная Приднепровская возвышенность и левобережная Приднепровская низменность.

Приднепровская возвышенность представляет собой наиболее высокую и расчлененную равнинную местность в пределах распространения зарубинецкой культуры, причем максимальная расчлененность наблюдается на краю Киевского плато, обращенного к Днепру, где глубокие овраги образовали значительное количество высоких прибрежных мысов, на которых размещались зарубинецкие поселения.

В состав Приднепровской низменности входят пойма и две первых речных террасы Днепра. Здесь, как и в Полесье, преобладают дюны, на которых и размещались зарубинецкие поселения.

Земли Лесостепи плодороднее полесских. На Правобережье известны глубокие черноземы, на Левобережье — серые грунты и оподзоленные черноземы. В речных долинах Днепра, Стугны, Роси, Трубежа грунты более легкие дерново-супесчаные и супесчано-черноземные, доступные орудиям первобытных земледельцев.

Растительный покров Лесостепи также отличается от полесского. На Правобережье участки леса состоят из дубрав и суборов (сосна и дуб), значительные пространства занимают степи.

Леса располагаются также по долинам рек.

На Левобережье открытые участки охватывают большие площади, а листовенные лесные массивы, состоящие из дуба, граба, ясеня, встречаются редко. В долинах левобережных рек преобладают заливные луга.

Важную роль в жизни зарубинецкого населения и населения других синхронных культур играли реки. Для зарубинецкой территории характерно множество рек: крупные и полноводные Днепр, Припять и Десна, средней величины — Тетерев, Сож, Ирпень, Рось и более мелкие — Стугна, Ипать, Трубеж, Тясмин, изобилующие рыбой и легко доступные транспортным средствам той эпохи — лодкам и плотам.

Основной транспортной артерией являлись Днепр и Припять. Днепр связывал зарубинецкую территорию с Северным Причерноморьем, тесно связанным с античным миром, Припять — с областями Центральной Европы, находившимися под сильным влиянием кельтской цивилизации.

На территории распространения памятников зарубинецкой культуры господствовал умеренно-континентальный климат, отличительными чертами которого были мягкая зима, теплое лето, хорошее увлажнение при значительном количестве солнечных дней.

Такой климат, в сочетании с достаточно плодородными почвами речных долин, создавал благоприятные условия для выращивания сельскохозяйственных культур умеренной полосы и развития приселищного скотоводства, птицеводства, пчеловодства, собирательства.

Удаленность территории зарубинецкой культуры от античного мира явилась причиной того, что зарубинецкие племена не попали в сферу внимания греческих и римских ученых и писателей. Скудные и неточные упоминания о венедах, содержащиеся в сочинениях Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, не дают серьезных оснований для сопоставления их с носителями славянской зарубинецкой археологической культуры.

Территория пшеворской культуры II в. до н. э. — III в. н. э. охватывает междуречье верхнего и среднего течения Вислы и Одера, то есть земли южной и центральной частей современной Польши.

На территории СССР, в Подолии и на Волыни, пшеворские памятники появляются в позднелатенское время — сейчас здесь известно семь поселений пшеворской культуры, один могильник и одно погребение [Козак, 1984. — С. 44]. Памятники занимают сравнительно небольшую площадь (5×100 км). Здесь находятся истоки Сана, Днестра и Западного Буга, а также их притоков — Вишня, Шкло, Верещица, Зубра и Полтва, расположенных в нескольких километрах друг от друга, что создавало в древности благоприятные условия для передвижения из одной речной системы в другую. Именно это обстоятельство способствовало появлению здесь пшеворского населения позднелатенского времени, которое в середине I в. до н. э. пришло по Сану и его притокам с Повисленья — места своего первоначального расселения — и заняло земли в окрестностях современного Львова.

Этот район является северо-западной частью обширной Подольской возвышенности, существенно не отличающейся по климатическим и географическим условиям от Юго-Восточной Польши, где известны аналогичные памятники пшеворской культуры.

Рельеф местности — равнинно-холмистый, сильно расчлененный многочисленными оврагами и глубокими долинами рек, что в местах повышения рельефа — в Росточье, Гологорах, Вороняках — создает впечатление горного ландшафта.

Пшеворские памятники позднелатенского времени находятся в Лесостепи. Леса широколистных пород (дуб, бук, граб, липа) занимают здесь до 15 % всей площади. Свободные земли состоят из плодородных черноземных и серых оподзолистых грунтов. Развитию земледелия способствовали и хорошие климатические условия — теплое лето, мягкая зима, достаточная увлажненность.

В 200 км к северу от группы днестровско-западнобугских пшеворских памятников позднелатенского времени, на р. Стоход, в глубине Волынского Полесья, известно синхронное поселение Подрожье [Козак, 1984.— С. 85]. Судя по его удаленности от львовских памятников и местонахождению в Припятском бассейне, изолированном от львовского массива пшеворской оседлости, поселение в Подрожье возникло в результате переселения сюда какой-то другой группы пшеворского населения, продвинувшейся из Мазовии по Западному Бугу и затем по Припяти на р. Стоход.

В I в. н. э., в раннеримский период, меняются территория распространения и сам облик пшеворской культуры, которая в результате ее интеграции с зарубинецкими и липицкими элементами приобретает новые черты, позволяющие говорить о возникновении особого этнокультурного явления, известного как «памятники волыно-подольской группы» [Козак, 1985.— С. 33].

В это время наряду с прежним районом распространения в окрестностях Львова, где старые поселения (Подберезцы, Зубра, Пасеки-Зубрацкие, Подборцы, Звенигород) и могильники (Звенигород) приобретают черты новой культуры, появляются и новые районы этих памятников, отстоящие от старого района на 150—200 км к северо-востоку, на реках Стырь (Боратин) и его притоке Икве (Боромля), Горынь (Викины Великие, Хоре, Великое Деревянче).

Новые районы находились на Волынской возвышенности, природно-географические условия которой тождественны условиям Подолии.

Во II—III вв. н. э., в позднеримское время, памятники волыно-подольской группы в верховьях Западного Буга и Днестра продолжают функционировать. Наряду со старыми поселениями типа Подберезцев и Зубра появляются новые (Жировка, Сокольники, Корчевка, Давыдов), а также могильники (Добростаны, Переводов, Червоноград). Территория памятников волыно-подольской группы расширяется, становится менее компактной, захватывая на се-

вере среднее течение Западного Буга (Белз, Корчевка, Переводов), а на юге — устья левых притоков Днестра (Давыдов). Наибольшее количество памятников относится ко II—III вв. н. э.

В этот период появляются могильники в Добростанах, Переводове, Кристинополе, а также поселения в Сокольниках, Корчевке, Давыдове, Жировке и др. [Козак, 1984.— С. 45].

В это же время на Среднем Днестре, главным образом между устьями Золотой Липы и Збруча, появляются отдельные погребения с оружием (Рудки, Каменка Великая, Репужинцы, Петрилов, Иване-Золотое и др.), свидетельствующие о пребывании здесь вооруженных воинов-пшеворцев, входивших в состав воинских дружин, продвигавшихся из областей Средней Европы.

Продвижение пшеворцев, начавшееся еще в предыдущий, раннеримский период (погребение в Монастырихе), шло по Западному Бугу, затем по притокам Днестра — Золотой Липе, Стрипе, Серету и Збручу, с последующим выходом на Днестр и Прут.

На облик памятников волыно-подольского типа, принадлежавших оседлому земледельческо-скотоводческому населению, продвижение пшеворцев в конце II—III в. н. э., в которых исследователи видят германское племя вандалов [Смишко, 1932.— С. 69, 110], заметного влияния не оказало [Козак, 1985.— С. 32].

На территорию Волини в конце II — начале III в. н. э. проникают с северо-запада гото-гепидские племена, продвигавшиеся с Повисленья через Западный Буг и притоки Припяти к Южному Бугу и далее — к берегам Черного моря. Перемещение гото-гепидов отмечено памятниками вельбарского типа, расположенными цепочкой от Западного Буга и Припяти к Южному Бугу. В число указанных памятников входят Брест-Тришин, Ромош, Любомль, Деревянное, Дитиничи, Лепесовка, Викины Великие, Демидовка, Гуньки [ЭЖ, 1985.— Рис. 7].

Движение вельбарцев привело к исчезновению на территории Волини местной культуры волыно-подольского

типа [Козак, 1985.— С. 32], распространение которой ограничилось пределами Верхнего Поднестровья.

Памятники культуры Поенешти-Лукашевка известны на территории Карпато-Днестровского региона [Пачкова, 1985.— С. 18] и занимают пространство приблизительно 200×250 км. Наиболее северными пунктами являются поселения у с. Сокол и погребение у с. Гринчук, расположенные на левом берегу Днестра, в Тернопольской области; самыми юго-восточными считаются Пуркары близ устья Днестра; а юго-западными — памятники на р. Быстрица, правом притоке Сирета, близ г. Пятра-Нямц в Румынии.

Территория распространения поенешти-лукашевской культуры, как и других синхронных культур, не была сплошь заселенной. Поселения и относящиеся к ним могильники размещались отдельными небольшими группами, каждая из которых представляла собой племенное образование. Между племенными землями находились значительные по своим размерам незаселенные или слабо заселенные пространства.

В настоящее время известно несколько групп поенешти-лукашевских памятников. Одна из них — северная — занимала Среднее Поднестровье — Верхнее Попрутье между Хотинном и Черновцами. В ее состав входили поселения и погребения Кодын, Сокол, Гринчук, Круглик, Горошова, Грушевцы, Грубна, Рудь. Южная группа занимала правобережное Среднее Поднестровье, размещаясь в нижнем течении р. Реут. К ней относятся Лукашевка, Петруха, Требужены, Бранешты, Иванча, Машкауцы, Сипотены, Ульма, Вассиены. Третья группа поенешти-лукашевских поселений и могильников расположена в правобережном Среднем Попрутье — в Северной Молдове, в нижнем течении р. Жижия и на р. Бухлуй. В число памятников этой группы входили Глевешти, Лунка-Чурей, Костулени, Яссы-Шарогоры и др. [Пачкова, Романовская, 1983.— Р. 1]. Еще одна группа памятников занимала центральную часть Молдовы, располагаясь в верховьях р. Бырлад: Боросешти, Поенешти, Бухарешти и др. По-видимому, в Мол-

дове существовало еще несколько групп поенешти-лукашевских памятников, так как, по данным М. Бабеша, здесь открыто 66 поселений, 10 могильников и отдельные погребения [Бабеш, 1978.— С. 8—11].

Памятники поенешти-лукашевской культуры находятся вблизи источников воды, обычно в долине ручьев, впадающих в крупные реки, реже — на берегах самих рек. Поселения размещались на мысах, ограниченных крутыми склонами (Круглик), или открытых пространствах поймы (Сокол); могильники встречены вблизи поселений в сходных топографических условиях.

Для речных систем Днестра, Прута и Сирета, протекавших по территории распространения поенешти-лукашевских памятников, характерен рельеф и режим рек горного типа. Отличительными особенностями последних является наличие узких стоковых долин — каньонов со средней глубиной до 80—140 м и небольшой по площади поймой. Стремительное течение, контрастные подъемы и спады воды обуславливались выпадением дождей в горных и предгорных массивах. Однако это не являлось серьезным препятствием для древнего судоходства, что превращало Днестр, Прут, Сирет (с впадающими в них реками) в важные транспортные артерии того времени.

Речные долины и прилегающие к ним пространства служили также местами поселений и хозяйственной деятельности носителей поенешти-лукашевской культуры. Мягкий наносной черноземный грунт долин отличался высоким плодородием, не менее плодородными были черноземные (мощностью 0,8—1 м) и сероземные участки прилегающих плато. Достаточное количество осадков (до 500 мм) при наличии умеренно-континентального климата с теплым летом и мягкой зимой создавали благоприятные условия для развития земледелия, в то время как открытые пространства лесостепи, луга и участки широколиственных, в основном дубовых, лесов способствовали разведению различных пород домашнего скота, прежде всего свиней, коров и овец.

В развитии культуры Поенешти-Лукашешка исследователи отмечают два этапа — ранний (от рубежа III—II в. до н. э. или начала II в. до н. э. до первой половины I в. до н. э.) и поздний (вторая половина I в. до н. э.) [Пачкова, 1985.— С. 20—25].

Можно думать, что границы распространения этой культуры были различными в каждый из этапов ее развития. По-видимому, племенные территории раннего этапа немногим отличались по своим размерам и местоположению от земель, занятых в предыдущую эпоху местным гетским населением IV—III в. до н. э., являвшимся субстратом поенешти-лукашешской культуры, памятники которой известны в Молдавских Кодрах [Лапушнян, Никулице и др., 1974.— С. 35] и на румынских плато Сучава и Бырлад [Федоров, Полевой, 1973.— С. 124]. Это дает основание для исключения земель, расположенных между Средним Днестром и Верхним Прутом (где известны окраинные памятники Горошова и Круглик, но отсутствует гетский субстрат), из состава территории первого хронологического этапа культуры Поенешти-Лукашешка.

Материалы раннего по времени поселения Горошова имеют черты пришлых центральноевропейских культур (позднепоморской, ясторфской и пшеворской), принимавших участие в создании поенешти-лукашешской культуры [Пачкова, 1985.— С. 25]. Однако отсутствие гетских материалов не дает оснований считать его поенешти-лукашешским.

Поселение Круглик относится к позднему этапу этой культуры, его дату определяет позднелатенская фибула с рамчатым приемником, найденная в жилище № 3. Местоположение поселения фиксирует пределы расселения поенешти-лукашешских племен на северо-восток в I в. до н. э. Крайней юго-восточной точкой поздней территории этой культуры является поселение Пуркары в устье Днестра.

Из сказанного следует, что на протяжении раннего этапа культура Поенешти-Лукашешка занимала территорию Северной и Центральной Молдовы, рас-

положенной в междуречье Днестра и Сирета, на плато Сучава и Бырлад, причем поселения и могильники размещались, главным образом, в долинах бассейнов р. Жижиия, Бахлуй, Сучава, Молдова, Быстрица и Бырлад, а также в Бессарабии, на Бельцкой равнине и в Кодрах, где обитаемыми были долины бассейнов притоков Днестра — Реута, Икеля, Быка и Ботни.

В поздний период существования культуры (I в. до н. э.) поенешти-лукашешские поселения и могильники появляются к северу и к югу от области своего первоначального распространения — на Буковине и близ устья Днестра.

Памятники липицкой культуры начала I в. н. э. — конца II в. н. э. известны в небольшом количестве. Несколько могильников и около десятка липицких поселений расположены на территории Верхнего Поднестровья протяженностью до 100 км [ЭЖ, 1985.— Р. 1, 2], главным образом, в бассейне левых притоков Днестра — р. Стрипа, Золотая и Гнилая Липа, Свирж, Зубра. Исключение составляют поселения у с. Незвиско и могильник у с. Завалье на Днестровском Правобережье.

Известно три небольших группы («гнезда») липицких памятников. В первую входят памятники, находящиеся между реками Гнилая Липа, Свирж и Зубра. Второе «гнездо» состоит из памятников, расположенных в верховьях Стрипы и Золотой Липы. Третья — занимает Поднестровье от нижнего течения Свиржа (Зеленый Гай) до р. Верещицы (Комарно). «Гнезда» памятников соответствуют племенным образованиям.

Памятники липицкой культуры, носителями которой явились дакийские племена, чересполосно сосуществовали с синхронными им памятниками пшеворской культуры (Подберезцы, Гринев, Звенигород, Майдан-Гологорский), что и привело к участию липицкого населения в образовании нового этнокультурного объединения, представленного древностями волыно-подольской группы.

Этот интеграционный процесс стал одной из причин угасания липицкой

культуры, когда с конца I в. н. э. ее поселения и могильники (Гринев, Болотня, Звенигород) прекращают свое существование [Козак, 1985.— С. 39]. К середине II в. н. э. территория липицкой культуры существенно уменьшается, охватывая, главным образом, верховья Золотой Липы (поселение и могильник в с. Верхняя Липица).

Позднелатенские памятники Украины известны на территории Закарпатской области и занимают небольшую площадь (около 13 тыс. км²) длиной до 170 км при ширине около 75 км. Область расположена на южных склонах и предгорьях Восточных Карпат и в меньшей части в Притисенской низменности, где черноземные земли чередуются с широколиственными лесами. Для этой части области характерен мягкий климат, удобный для земледелия.

Позднелатенские памятники Притисенской низменности находят прямые аналогии в расположенных рядом районах Чехословакии (Восточнославяцкий край), Венгрии (Сабол-Сатмарская область) и Румынии (Сату-Марский уезд), так как в природном отношении эти районы вместе с Притисенской низменностью составляют единое целое, являясь частью обширной Среднедунайской низменности.

Предгорные и горные районы Закарпатья покрыты буковым и хвойным лесом, занимающим половину всей территории области. Из-за континентального климата и отсутствия пригодных для земледелия участков население этих районов в позднелатенское время не было стабильным. Здесь отсутствуют поселения и могильники. Только отдельные находки латенских изделий и редкие монетные клады указывают на направления древних торговых путей через Карпаты.

Отличительной особенностью Закарпатского региона позднелатенской культуры являлась его природная изоляция, что привело к скудости и неточности сообщений античных писателей о племенах, населявших эти земли.

Сарматы на территории Украины появились в конце IV—III вв. до н. э. в результате передвижения из Степно-

го Подонья, Поволжья, а также Южного Приуралья.

Это были ираноязычные этнически неоднородные, нередко политические разобщенные племена, составлявшие два крупных племенных массива: западный — волго-донской, близкий по культуре скифам Северного Причерноморья, и восточный — южноуральский, родственный сако-массагетскому миру Западного Казахстана и Средней Азии [АУ, 1986.— Т. 2.— С. 189].

В произведениях античных писателей сохранились названия главных сарматских племенных объединений (языги, роксоланы, аланы, аорсы) и говорится о районах их расселения. По словам Страбона, языги во II в. до н. э. занимали земли между Доном и Днестром, но уже в начале I в. н. э. перешли Дунай, что явствует из сочинений Овидия [Печальные песни, III, 10, 55]. В середине I в. н. э. их пребывание в долине Тисы отмечает Плиний [IV, 80].

Роксоланы во II в. до н. э. проживали в Северном Приазовье, в Таврии, а также в Крыму, где принимали участие в скифо-херсонесских войнах то на стороне Херсонеса [Полиен, VIII, 56], то на стороне скифского царя Палака [Страбон, VII, 3, 17]. В I в. н. э. роксоланы появились на Среднем Дунае, угрожая римской провинции Мезии.

Аланы в начале I в. н. э. находились еще в бассейне Дона и в Северо-Восточном Приазовье [Иосиф Флавий, VII, 7, 4], но уже во II в. н. э. господствовали во всем Северном Причерноморье вплоть до появления здесь готов.

Достоверным свидетельством о пребывании сарматов на Украине являются их погребения, совершенные обычно в курганах, причем более ранние — впускные погребения в древние курганные насыпи.

Самые ранние сарматские погребения обнаружены в Приазовье (захоронение амазонки IV в. до н. э. у сел Никифорово, Ново-Филипповка, Аккермень) и в бассейне Северского Донца (Яремовка, Раздольное, Михайловка), в междуречье Орели и Самары (Лычково, Спасское), на Днепровском Левобере-

режье (Нижние Серогозы, Вороная, Михайловка, Большая Белозерка), а также в нижнем течении р. Базавлук (Грушевка, Кут, хут. Хмельницкий). Нижнеднепровские и базавлукские курганы, возможно, являются остатками единого некрополя, который был традиционным местом захоронения знатных сарматов, кочевавших в III—II вв. до н. э. в степях Северного Причерноморья.

В результате враждебных отношений между причерноморскими сарматами и оседлым скифским населением нижнеднепровской Малой Скифии было разрушено Каменское позднескифское городище [Вязьмитина, 1971.— С. 241].

В Крыму раннесарматские погребения II—I вв. до н. э. найдены в курганах на окраине Севастополя, у колхоза им. Ильича близ Бахчисарая, зеркало прохоровского типа — в Неаполе Скифском [Высотская, 1972.— С. 184].

Следующий этап пребывания сармат на территории СССР охватывает I в. до н. э. В начале этого этапа часть появившихся с востока сарматов переходит Днепр, разрушая позднескифские нижнеднепровские городища (Знаменское, Золотобалковское, Любимовское). Далее они продвигаются на запад, к Дунаю, и на юг, в Крым. Однако Левобережье и Нижний Днепр, о чем свидетельствуют материалы могильников Аккермень, Новофилипповка, Усть-Каменка, продолжают оставаться областью сарматских кочевий.

Как отмечалось, первоначально отношения между сарматами и позднескифским населением нижнеднепровской Малой Скифии было враждебным, но постепенно обменная торговля и культурные взаимовлияния привели к мирному существованию. Появляется смешанное население, о чем свидетельствует наличие сарматских черт в антропологическом материале нижнеднепровских могильников [Вязьмитина, 1972.— С. 180].

Вторая часть перешедших Днепр сармат, очевидно, языгов, продвинулась в конце I в. до н. э. на север, в лесостепную зону, разрушив некоторые среднеднепровские зарубинецкие городища — Пилипенкову Гору, Ходо-

совку и др. [Максимов, 1975.— С. 192]. О дальнейшем пребывании сарматов на Среднем Днепре свидетельствуют сарматские погребения с золотыми вещами конца I в. до н. э.—середины, начала I в. н. э. под Запорожьем; Калантаевский могильник этого же времени на Тясмине [Покровська, Ковпаненко, 1961.— С. 129]; погребения между Тясмином и Росью (Цветково, Орловец, Райгород, Ружичевка, Емчиха, Липовец, Масловка, Канев, Кагарлык). В состав погребального инвентаря входили золотые украшения, античные бронзовые и краснолаковые сосуды. Сами погребения совершены в деревянных, иногда ритуально сожженных столбовых склепах [АУ, 1986.— С. 195], что указывает на несомненное влияние местного населения («скифов-пахарей») на культуру данной сарматской группы.

К I в. до н. э.—I в. н. э. относятся немногочисленные сарматские погребения Нижнего (Михайловка, Красногорка, Тирасполь) и Верхнего Поднепровья (Островец, Киселев) [Смишко, 1962.— С. 54; Винокур, Вакуленко, 1967.— С. 126], а также междуречья Южный Буг — Днестр — Дунай (Ковалевка, Глубокое, Маяки, Холмское) [Ковпаненко, 1980.— С. 168—183; Дзиговский, 1982.— С. 83; Гудкова, Фокеев, 1984.— С. 86]. Их немногочисленность говорит о достаточно быстром продвижении сарматов на запад, не задерживавшихся в Днестро-Дунайском междуречье.

Сарматское проникновение в Крым, продолжавшееся в течение всего этого периода, привело к усилению роли сарматов в жизни местного населения, что хорошо видно по материалам позднескифских могильников (Заветное, Усть-Альма, Красногорское, Чернореченское, Бельбек), а также античных городов и их некрополей [АУ, 1986.— С. 252].

Пик сарматской активности на территории СССР пришелся на II—III вв. н. э. Именно этим временем датируется большая часть известных на Украине сарматских погребений, открытых на всем пространстве южной части СССР: от Северского Донца до

Днестра, но главным образом в Северо-Западном Причерноморье и в Крыму.

В бассейне Северского Донца сарматские курганные погребения этого времени являются основными. Несколько погребений II—III вв. н. э. обнаружено в Приазовье, на р. Молочной в могильниках Аккермень и Новофилипповка. Все они совершены в узких прямоугольных ямах [АУ, 1986.— С. 191]. В Степном Левобережье у с. Богодар на р. Самаре найдено женское погребение этого времени, в Левобережной Лесостепи сарматские захоронения этого же времени обнаружены в бассейнах рек Ворсклы, Псла и Сулы (с. Лихачевка Полтавской области), на Среднем Днестре сарматские погребения II—III вв. н. э. у с. Ленковцы Черновицкой области были впущены в курган скифского времени [Мелюкова, 1953.— С. 60].

Сарматские погребения Северо-Западного Причерноморья II—III вв. н. э. открыты в степной части Буго-Дунайского междуречья в 23 могильниках [Дзиговский, 1982.— С. 83]: Семеновка, Маяки, Сергеевка, Глубокое, Криничное и др. В это же время сарматы заселяют степи Нижнего Подунавья [Гудкова, Фокеев, 1984.— С. 89], о чем свидетельствуют многочисленные грунтовые могильники (Холмское, Старые Куконешты, Алияга) и подкурганные захоронения знати (Шаболат, Катаржа, Нагорное и др.).

В Крыму большая часть сарматских могильников (Заветное, Бельбек, Красногорское, Инкерман и др.) также датируются II—III вв. н. э. [Высотская, 1972.— С. 184]. Судя по всему крымские скифы не оказали серьезного сопротивления сарматам, на что указывает, в частности, отсутствие следов разрушений на поселениях. О наличии мирных отношений между сарматами и скифами говорит и отмеченная исследователями сарматизация местной скифской культуры.

Таким образом, сарматские племена занимали на территории СССР различные районы Степного и Лесостепного Днепровского Левобережья, а также междуречье Буга и Дуная и степную часть Крыма.

В III в. до н. э. в результате глубокого социально-экономического кризиса Скифия прекратила существование. В немалой степени этому способствовали набеги сарматских племен, которые, по словам Диодора Сицилийского, опустошили значительную часть Скифии [Диодор, II, 43, 7].

Оставшееся скифское население сосредоточилось в Крыму и на Нижнем Поднепровье, в Малой Скифии. «Вся эта страна (Крымский полуостров.— Авт.), а также, возможно, и область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией» [Страбон, VII, 4, 5].

Центром Малой Скифии в Крыму стал Неаполь, остатки которого открыты на окраине Симферополя.

В степной части Крыма скифское население продолжало заниматься традиционным кочевым скотоводством. Однако в предгорной части и на западе полуострова уже возникают скифские города и поселения, в которых проживали осевшие на землю кочевники, занимавшиеся теперь земледелием, ремеслом и торговлей. Сейчас в Крыму известно 34 таких города Малой Скифии: городища Кармен-Кыр (Красное), Булганак, Усть-Альма, остатки 20 укрепленных поселений, 10 укрепленных убежищ и более 50 открытых селищ [Шульд, 1971.— С. 246].

От поздних скифов Крыма до нас дошли курганы и грунтовые (бескурганные) могильники, вытеснившие со II в. до н. э. подкурганные захоронения. К числу бескурганных могильников относятся: мавзолей Неаполя Скифского, где обнаружено 70 погребений членов царской семьи, некрополь Неаполя (более 270 погребений), могильник у с. Заветное, принадлежащий городищу Альма-Кармен (209 погребений), могильники Усть-Альма (43 погребения), Чернореченский (87 погребений), Инкерманский (50 погребений) и Бельбекский (22 погребения).

В позднескифских могильниках, где преобладают погребения II и II—III вв. н. э., отчетливо видны характерные черты сарматской культуры.

В состав Малой Скифии входил в район Нижнего Поднепровья, протя-

нувшийся вдоль Днепра почти на 200 км — от устьев рек Базавлук и Конка (правого и левого притоков Днепра) до Днепровского лимана. Здесь обнаружены около 20 городищ, открытые поселения и могильники III в. до н. э. — III в. н. э. [АУ, 1986. — С. 224]: на правом берегу Днепра расположено 11 городищ (Золотая Балка, Гавриловка, Саблуковка, Консуловка, Красный Мак, Вербовка, Борислав, Николаевка, Львово, Понятовка, Белозерка), а на левом — шесть (Каменка-Знамянка, Большая Лепетиха, Горностаевка, Каиры, Любимовка).

Нижнеднепровская Малая Скифия в политическом отношении тяготела к крымскому скифскому царству, а иногда (во II—I вв. до н. э. при царях Скилуре и Палаке и в I—II вв. н. э. при царях Фарзое и Инисмее) входила в его состав.

В степях, окружающих нижнеднепровские позднескифские города и селища, проживали кочевые сарматы. Будучи пришлыми, они нередко враждовали с местным скифским населением. Однако главным в скифо-сарматских контактах были экономические и культурные связи, способствовавшие этнической интеграции этих двух групп населения, что хорошо прослеживается по материалам нижнеднепровских позднескифских могильников.

Позднескифские памятники известны и в степном Северо-Западном Причерноморье — в междуречье Днестра и Дуная. Это — поселения и могильники типа Молога II конца I — начала III вв. н. э. [Гудкова, Фокеев, 1983. — С. 55], имеющие такие характерные для культуры поздних скифов черты, как наземные каменные жилые сооружения, прямоугольные в плане погребальные земляные склепы, скифовидную лепную и античную керамику.

Размеры территории Малой Скифии оставались более или менее стабильными на протяжении всего периода ее существования. Однако в отдельные времена эта территория уменьшалась. Например, во II в. до н. э., когда военный успех сопутствовал в Крыму понтийским войскам Дияфанта; в I в. н. э., когда здесь воевали римские легионы

Плавтия Сильвана; в середине I в. н. э. во время похода царя гетов Буребисты в Северо-Западное Причерноморье.

3. ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ

Топография поселений Юго-Восточной Европы рубежа нашей эры в значительной мере определялась состоянием межплеменных отношений, в зависимости от которых люди выбирали для своего проживания или труднодоступные мысы, или же при благоприятной ситуации открытую местность. Немаловажное значение имели и природные условия каждого региона.

Сказанное хорошо видно при рассмотрении топографии поселений зарубинецкой культуры. Все ранние зарубинецкие поселения Среднего Поднепровья расположены на труднодоступных останцах плато (рис. 3, 3) или на высоких речных мысах, какими изобилуют здесь берега Днепра, Роси и Тясмина [Максимов, 1972. — С. 62].

В более позднее время вокруг зарубинецких поселений появляются оборонительные сооружения — земляные валы и рвы. Такие сооружения известны на всех разведанных и раскопанных поселениях — Юрковице, Пирогове, Ходосовке, Гребенях, Ходорове, Монастырьке, Бабиной Горе, Пилипенковой Горе, Сахновке, Субботове и др. — всего их более 30. Время возникновения городищ — конец I в. до н. э., когда у зарубинецкого населения Среднего Поднепровья возникла настоятельная необходимость усиления обороны в связи с нарастанием военной угрозы со стороны сарматов [Максимов, 1973. — С. 45—55].

Мысовое расположение характерно также для раннезарубинецких поселений Верхнего Поднепровья (Чаплин (рис. 3, 5), Горошков, Милоград, Колочин), где обнаружены остатки земляных валов и рвов, аналогичных среднеднепровским по размерам и конструкции [Поболь, 1974].

Раннезарубинецкие поселения болотисто-равнинного и лесистого Припятского Полесья располагались на дюнах

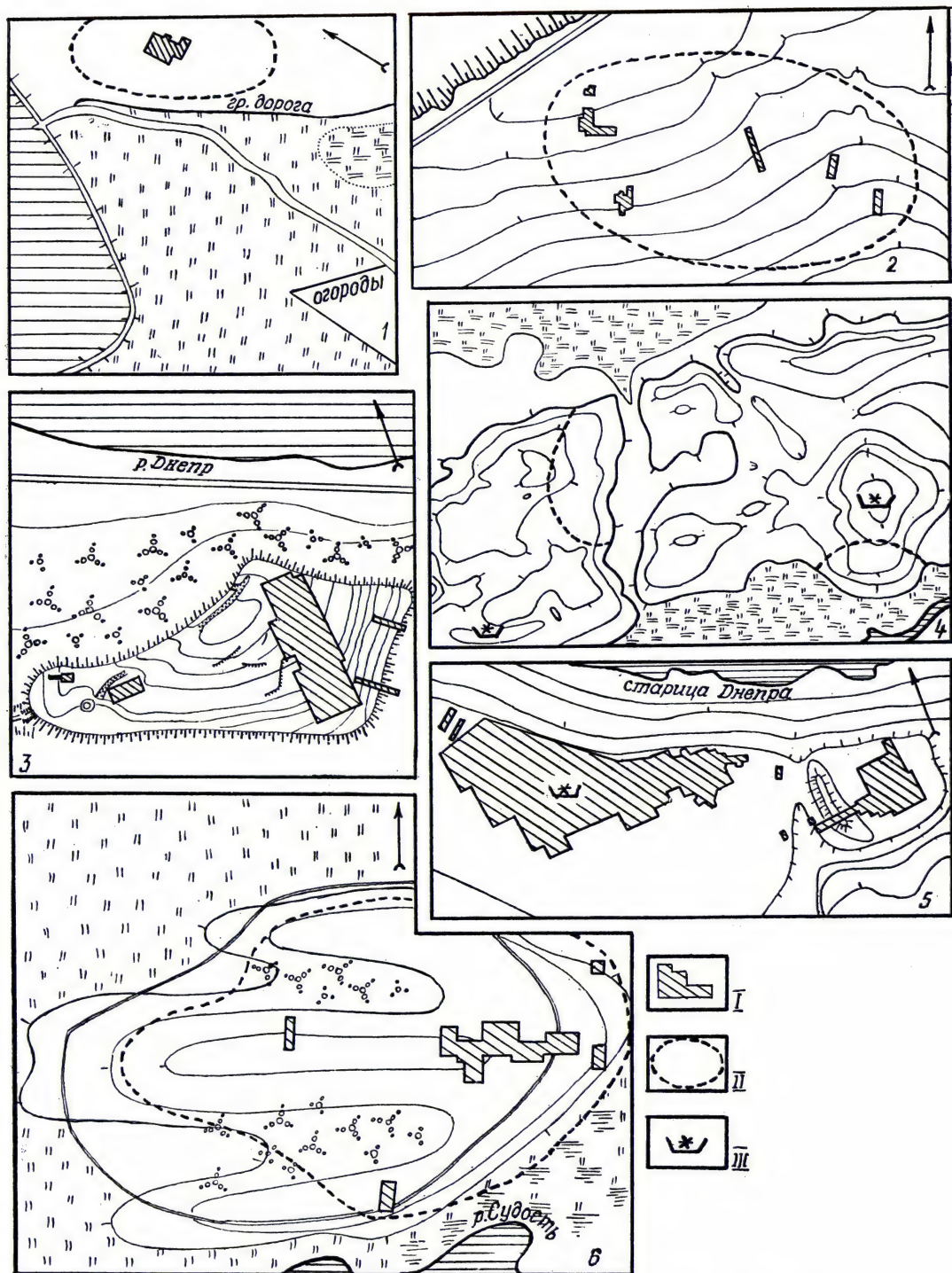

Рис. 3. Топография памятников рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:
 I — площадь раскопа; II — территория памятника; III — могильник. 1 — Ремезовцы; 2 — Лукашовка II;
 3 — Филипенкова Гора; 4 — Велемичи; 5 — Чаплин; 6 — Почеп.

поймы или на краю низкой надпойменной террасы (рис. 3, 4) и не обносились оборонительными сооружениями [Кухаренко, 1961.— С. 36]. Их функции выполняли леса, озера и болота Полесья.

В среднезарубинецкий период (рубеж нашей эры) на территории Среднего и Верхнего Приднепровья в поймах и на надпойменных террасах появляются открытые поселения, что давало их жителям возможность заниматься интенсивной хозяйственной деятельностью.

Вначале пойменные поселения размещались возле мысовых укрепленных поселений-городищ, которые могли служить убежищами для их населения. Такими были поселения Монастырек, Бабина Гора и др. на Среднем Днепре; Асаревици, Колочин, Милоград, Чаплин и др. на Верхнем Днепре. В дальнейшем открытые поселения возникают вдали от городищ, что можно объяснить сложением благоприятной исторической обстановки.

На Верхней Десне и среднем течении Южного Буга зарубинецкие поселения впервые появляются в конце I в. до н. э. Все они относятся к типу открытых, пойменных (Почеп на Верхней Десне (рис. 3, 6)) или приречных (Марьяновка, Рахны на Южном Буге).

На основании изложенных выше данных поселения зарубинецкой культуры можно разделить на пять типов: 1) труднодоступные мысовые поселения Поднепровья, не имеющие оборонительных сооружений и относящиеся к начальной поре существования культуры; 2) ранние поселения открытого типа в Припятском Полесье, размещавшиеся в труднодоступной лесистой болотистой местности; 3) огражденные земляными оборонительными сооружениями мысовые городища Поднепровья, возникшие в конце раннезарубинецкого периода; 4) открытые селища средне- и позднезарубинецкого времени, возникавшие вблизи городищ, под их защитой; 5) открытые селища этого же времени, расположенные в пойме и на краю первых речных террас. Они известны в Поднепровье, Южном Побужье и Верхнем Подесенье.

Размеры всех зарубинецких поселе-

ний невелики, наиболее крупные из них занимали площадь до 1,5 га (Пилипенкова Гора), что объясняется социальной структурой общества, состоящего из небольших родовых коллекторов.

Застройка укрепленных поселений (третьего типа) проводилась на ограниченной площади, окруженной валами и рвами. Поэтому жилища здесь располагались на расстоянии в среднем около 5 м друг от друга (Пилипенкова Гора, Чаплин).

Комплексные поселения Поднепровья (четвертый тип) состояли из укрепленного детинца и неукрепленного селища, занимавшего удобные для хозяйственной деятельности места надпойменной террасы. Примером такого поселения является Бабина Гора. Здесь детинец занимал огражденную валами и рвами вершину останца площадью 600 м², а селище, расположенное у подножья детинца,— 5000 м² [Максимов, 1982.— С. 97].

При исследовании зарубинецких поселений установлено, что жилые сооружения размещались рядами или группами, в зависимости от типа поселения. Так, на поселении первого типа Великие Дмитровичи (Среднее Поднепровье) жилища возводились двумя рядами вдоль западного и восточного склонов холма [Махно, 1959.— С. 99]. На городище третьего типа Пилипенкова Гора (Среднее Поднепровье) жилища размещались группами по 8—10 жилищ; пространство в середине круга (диаметром до 30 м) являлось хозяйственным двором [Максимов, 1971.— С. 41—56]. При раскопках сильно разрушенного Чаплинского городища (Верхнее Поднепровье) планировку жилищ, находившихся на расстоянии 0,5—16 м друг от друга, установить не удалось [Третьяков, 1959.— Рис. 3].

Корни возникновения топографии и планировки зарубинецких поселений уходят в глубь субстратных культур — лесостепной культуры скифского времени Днепровского Правобережья [Петровская, 1964.— С. 175—180] и милоградской культуры Верхнего Днепра [Мельниковская, 1967.— С. 22—40].

Городища лесостепной культуры известны на Среднем Поднепровье

(Потиевка, Веприк, Иванковичи, Васильков, Хотов, Ходосовка и др.). Все они расположены на отрогах высоких прибрежных плато и обнесены мощными укреплениями.

Помимо городищ здесь известно более 30 синхронных неукрепленных селищ, открытых на Поросье (Москаленки, Пекари, Бобрица, Пищальники и др.) [Петренко, 1967.— С. 18], Стугне (Обухов, Малая Салтановка) и Ирпене (Малая Офирна, Ярошевка) [Петровська, 1970.— С. 25—39]. Все они располагались на первой боровой террасе или на пойменных дюнах.

Верхнеднепровские городища милоградской культуры занимали высокие береговые мысы или дюны поймы. По своему устройству мысовые милоградские городища не отличаются от синхронных городищ Среднего Поднепровья или от зарубинецких, часть которых впоследствии занимала их площадь.

Поселения волыно-подольской группы размещались небольшими гнездами. Одно такое гнездо известно вблизи Львова (Чишки, Черепин, Подберезцы, Пасеки-Зубрицкие, Давыдов), другое — у истоков Днестра (Твиржа, Комарно, Поповичи), еще два — к югу и северу от Львова (Сокольники, Зубры, Подборцы, Сороки, Грибовичи). Расстояние между отдельными поселениями в каждом гнезде составляло 2—7 км [Козак, 1984.— С. 6].

Более ранние поселения этой культуры, относящиеся к позднелатенскому времени (II—I вв. до н. э.), располагались на песчаных мысах и возвышенностях поймы или же на краю первой надпойменной террасы (Подберезцы, Комарно, Пасеки-Зубрицкие, Подборцы). Позднее, в раннеримское время (I—II вв. до н. э.), топография поселений меняется. Они уже занимают более возвышенные места на склонах холмов (Твиржа, Зубра, Сокольники I и II, Давыдов, Жировка).

Подобное изменение в расположении перечисленных памятников отмечено и для субстратных районов культуры — в Мазовии и Силезии.

Исследователи склонны объяснить этот факт изменениями в хозяйствен-

ной деятельности, когда земледелие становится основным. Определенную роль при этом сыграли и интересы оборонительного характера [Козак, 1984.— С. 6].

Различия между поселениями позднелатенского и раннеримского времени прослеживаются и в их размерах: у более ранних поселений площадь 2,5—5 тыс. м², а у более поздних — 10—12 тыс. м² [Козак, 1984.— С. 6].

На поселения исследовано 29 жилищ (Подберезцы), размещавшихся на расстоянии от 1—4 до 8—16 м друг от друга вдоль склона. На поселении Сокольники I жилища тянулись двумя рядами вдоль склона.

Поселения поенешти-лукашевской культуры на территории УССР, в Молдавии и Румынии были неукрепленными (рис. 3, 2). Они делятся на мысовые (Круглик) и равнинные открытого типа (Сокол), располагавшиеся на краю надпойменной террасы. Площадь поселений до 2 га, планировка жилищ не установлена [Пачкова, 1985.— С. 18].

Поселения липицкой культуры занимают южные и юго-западные склоны надпойменных террас рек или оврагов (Верхняя Липица, Ремезовцы (рис. 3, 1), Бовшев). Площадь поселений до 1 га. Все они относятся к открытому типу — укреплений не имеют.

Жилые и хозяйственные сооружения располагались рядами вдоль склона (Ремезовцы, Верхняя Липица). Жилища, хозяйственные ямы и открытые очаги образовывали отдельные хозяйственные комплексы [Цыгылык, 1976.— С. 16].

Позднескифские городища Нижнего Днепра [Вязьмитина, 1971] размещались на высоких мысовых участках берега Днепра или его притоков (Гавриловка 11 м, Консуловка 48 м). На пологой напольной стороне возводились валы, рвы и каменные стены. В состав городища входили акрополь и укрепленный посад (Знаменка, Консуловка, Николаевка, Гавриловка, Саблуковка). Площадь акрополей 1,3—3,6 га, их укрепления состояли из каменных стен и рвов, что свидетельствует о влиянии

античной фортификации. Толщина стен 2—4,5, высота 3—5 м.

Посады были больше акрополей (7—35 га), их укрепления состояли из земляного вала или невысокой (до 1,3 м) стены из камня и рва глубиной 1,4—4,5 м.

Планировка городищ прямолинейная — подобно причерноморским античным городам. Поселения разделялись на отдельные усадьбы площадью до 2 тыс. м², между которыми пролегали мощёные улицы шириной 5—4 м. На городищах возводились общественные и культовые сооружения.

Топография и планировка сарматских стойбищ I—III вв. н. э., открытых в низовьях Дуная [Гудкова, Фокеев, 1984.— С. 5], не поддается реконструкции из-за кратковременности их существования. Здесь встречены единичные находки керамики и скопления золы.

4. ТИПЫ ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

При раскопках поселений лесостепных и полесских культур Юго-Восточной Европы — зарубинецкой, поенешти-лукашевской, липицкой, пшеворской* и латенской культур Закарпаття, обнаружены остатки 312 жилищ. По культурам они распределяются неравномерно, отражая, прежде всего, различную степень их изученности. Так, на 25 зарубинецких поселениях найдено 214 жилищ, на двух поселениях поенешти-лукашевской культуры — 5, на 20 пшеворских поселениях — 29, на 10 липицких поселениях — 31, на 5 позднелатенских поселениях Закарпаття — 33 жилища.

Подавляющее большинство открытых жилищ (93 %) относятся к небольшим сооружениям, площадь пола которых не превышала 20 м² (рис. 4,

1—9). Они предназначались для отдельной семьи из нескольких человек, так называемой малой, которая возникла в Европе в начале I тыс. до н. э., в начале раннего железного века. Площадь 25 более крупных жилищ, обнаруженных, главным образом, на зарубинецких поселениях, не превышала 30 м², что позволяет отнести их также к малосемейным.

Характерной и традиционной чертой, свойственной жилищам населения Юго-Восточной Европы рубежа нашей эры, является преобладание полужемлянок (89 %), материковый пол которых находился на глубине 0,2—0,8 м (рис. 4, 1—5, 7—9), иногда до 1,3 м от современной поверхности. Широкое распространение полужемлянок в средней полосе Юго-Восточной Европы обуславливалось природными особенностями [Косвен, 1948.— С. 85]. В этом регионе, отличавшемся достаточно холодными зимами, наземные, как правило, сезонные сооружения функционировали только в теплое время года.

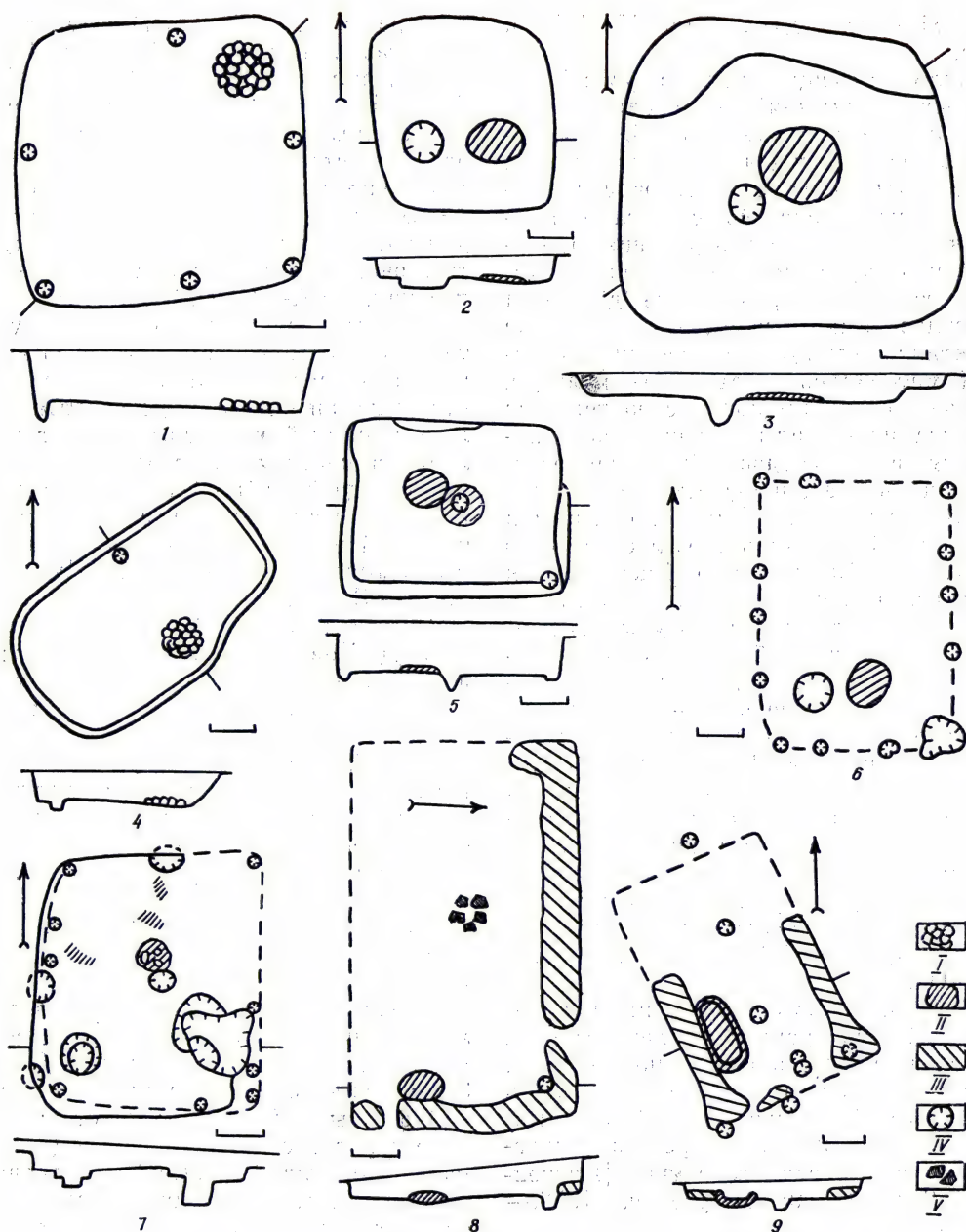
Жилища рубежа нашей эры делятся на две группы (рис. 4, 1—9): прямоугольные (194, или 62 %) и квадратные (113, или 37 %). Возникновение жилищ такой формы на рубеже I тыс. до н. э. объясняется применением при их сооружении деревянных бревен.

Прямоугольные жилища, как правило, датируются более ранним временем; установлено, что их дальнейшее развитие привело к появлению более удобных квадратных жилищ, прочно закрепившихся здесь в I тыс. н. э.

В рассматриваемый период квадратные жилища характерны, главным образом, для зарубинецкой культуры (104, или 93 %). В небольшом количестве они известны и на волыно-подольских памятниках (9). Зарубинецкие квадратные жилища появляются на Среднем Поднепровье уже в I в. до н. э. (Пилипенкова Гора, Бабина Гора), а в I—II вв. н. э. они бытуют здесь уже достаточно широко (Лютетж, Оболонь, Рахны, Грини) [Максимов, 1972, 1982; Хавлюк, 1975.— С. 8]. Наиболее завершёнными по своему устройству являются квадратные полужемлянки Почепа (рис. 4, 5) — верхнедес-

* Под пшеворской культурой территории СССР подразумеваются памятники волыно-подольского типа, образовавшиеся на территории Западной Волыни и Северо-Западной Подолии в I в. н. э. при интеграции собственно пшеворских и зарубинецких древностей [Козак 1985.— С. 33].

нянского позднезарубинецкого поселения II в. н. э. (Заверняев, 1969. — С. 93).

Большинство отопительных сооружений жилищ рубежа нашей эры (294, или 97 %) имели вид небольших открытых очагов различной конструкции, расположенных на уровне пола или в неглубокой ямке (рис. 4, 1—8),

Рис. 4. Типы жилых сооружений рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:

I — камни; II — очаг; III — обожженная глина; IV — ямы; V — керамика. 1, 3 — Подберезцы; 2 — Липица; 4 — Отвержищи; 5 — Почеп; 6 — Чаплин; 7 — Филиппенкова Гора; 8, 9 — Лукашовка.

а также на материковом останце — последние две разновидности встречены в небольшом количестве. Печей известно немного (24), все они небольшие,

глинобитные и датируются II—III вв. н. э.

Наличие общих черт в устройстве жилых сооружений пяти синхронных археологических культур Юго-Восточной Европы, каждая из которых имела свое собственное этническое содержание, обуславливалось сходными природно-географическими условиями, одинаковым уровнем социально-экономического развития, а также древними генетическими традициями, которые отчетливо выступают при рассмотрении материалов субстратных культур.

Начало жилищного строительства рубежа нашей эры хорошо прослеживается в белогрудовской и чернолесской культурах, предшествовавших зарубинецкой начала I тыс. до н. э. и в сменившей их культуре лесостепного населения Днепровского Правобережья и милоградской культуре Полесья.

Для чернолесской культуры, по данным раскопок Субботовского городища конца IX—VIII вв. до н. э., характерны прямоугольные в плане небольшие полуземлянки глубиной до 1 м с открытыми очагами [Тереножкин, 1961.— С. 35, 38]. Стены чернолесских жилищ этого типа обшивались вертикальными досками, опущенными концами в канавки. Близкими к чернолесским по своему устройству являлись жилища белогрудовской культуры рубежа II—I тыс. до н. э. [Березанская, 1985.— С. 503].

Описанные особенности жилищ начальной поры раннего железного века прослеживаются и в скифский период. Памятники этого времени известны в Днепровской Правобережной Лесостепи по раскопкам Пастырского, Каневского и других городищ [Петренко, 1967.— С. 9; Богусевич, 1952.— С. 153].

Найденные здесь полуземлянки V—III вв. до н. э. глубиной 0,5—1,3 м имели площадь 12—20 м², плетневые или бревенчатые стены, обмазанные глиной, глинобитные очаги. Жилища отличались от чернолесских только наличием глиняной обмазки стен.

Жилища Южной Белоруссии VI—III вв. до н. э., относимые к милоградской культуре, которая здесь являлась

субстратом зарубинецкой культуры, представляли собой небольшие (12—16 м²) полуземлянки глубиной 0,25—0,6—1,4 м, прямоугольной или квадратной формы, с небольшим выступом по одной из стен плетневой или бревенчатой конструкции без глиняной обмазки. В центре жилища помещался столб для опоры кровли, возле него — открытый очаг в неглубокой яме [Мельниковская, 1967.— С. 37, 38].

Рассматривая жилища других культур Юго-Восточной Европы рубежа нашей эры, мы можем констатировать, что некоторые детали устройства жилищ липицкой культуры находят аналогии в конструкциях жилых сооружений соседней Дакии III—I вв. до н. э., которую исследователи считают генетической подосновой липицкой культуры [Смішко, 1957.— С. 151; Цигилик, 1975.— С. 68].

Аналогии в устройстве пшеворских жилищ Повисленья и ранних жилищ волыно-подольской группы памятников привлекли внимание исследователей [Баран, 1981.— С. 60—61; Козак, 1985.— С. 33]. Интересно, что более поздние волыно-подольские жилища постепенно приобретают черты жилых сооружений зарубинецкой культуры, свидетельствуя о ее участии в формировании нового образования.

По мере развития жилые сооружения упомянутых пяти культур претерпевали определенные изменения, что наиболее отчетливо проявилось в жилищах позднезарубинецкого времени поселения Почеп на Верхней Десне. Здесь найдены полуземлянки квадратной формы с бревенчатыми стенами в виде сруба и открытым очагом (изредка — глинобитной печью) отапливавшим жилище. Именно такие особенности позднезарубинецких жилищ и аналогичных сооружений других синхронных культур получили дальнейшее развитие в черняховской и киевской культурах, возникших на базе культур Юго-Восточной Европы в первой четверти I тыс. н. э.

Свой специфический облик сохранили жилища ранних славян и Древней Руси, хорошо известных по археологическим материалам [Археология УССР,

1986.— Т. 3.— С. 178, 342] и письменным источникам: «каждый из них (славян.— Авт.) выкапывает себе в земле род погребца, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу и на крышу накладывает землю...» [Ибн-Русте, 1869.— С. 76].

Хозяйственные постройки, обнаруженные на поселениях зарубинецкой, поенешти-лукашевской, липицкой, пшеворской, волыно-подольской и латенской культур Закарпатья, различны по своему устройству и назначению.

Хозяйственные сооружения можно разделить на четыре типа: 1) грунтовые ямы-погребца; 2) погребца-полуземлянки; 3) полуземлянки-хлевы; 4) полуземлянки-мастерские.

Все эти типы хозяйственных сооружений существуют одновременно только на поселениях зарубинецкой культуры, а на поселениях других культур открыты лишь некоторые из них.

Наиболее многочисленными хозяйственными сооружениями являлись грунтовые ямы-погребца. На поселениях зарубинецкой культуры их насчитывается более 1200.

Как правило, форма грунтовых ям-погребов круглая, в профиль — цилиндрическая или колоколовидная, диаметром около 1 м при такой же примерно глубине от современной поверхности. Большая часть ямы находилась в плотном материковом грунте. Встречены ямы небольших размеров (0,5—0,6 м) и более крупные (1,4—1,6 м), мелкие (0,4—0,5 м) и глубокие (1,2—2 м). Подавляющее их количество (более 70 %) не выходило за пределы 1 м по диаметру и глубине. В качестве примера назовем зарубинецкое поселение Пилипенкова Гора, где на площади около 3000 м² обнаружено 112 таких ям [Максимов, 1971.— С. 49]. Из них однометровыми оказались 82 ямы.

У некоторых ям дно было вымощено слоем камней, выполнявших функцию дренажа.

Горловины ям-погребов закрывались крышками, изготовлявшимися из плетня, обмазанного глиной, нередко обожженных, что подтверждается этнографическими параллелями и находками

в заполнении ям печины с отпечатками плетневого каркаса.

Размещались ямы-погребца вблизи стен жилища, составляя его хозяйственный комплекс. Известно около трех зарубинецких жилищ, где ямы-погребца выкапывались внутри помещения. В этих случаях их покрытие делалось дощатым, что установлено для липицкой культуры [Цигилик, 1975.— С. 66].

На зарубинецких поселениях Верхнего Поднепровья ямы-погребца размещались в одной части поселения, а жилища — в противоположной [Третьяков, 1959.— С. 123].

Погребца-полуземлянки хорошо известны на поселениях зарубинецкой культуры Среднего и Верхнего Поднепровья (Пилипенкова Гора, Чаплин). Это квадратная полуземлянка небольшого размера (2×2 м), углубленная на 0,6—0,7 м от современной поверхности. В углу полуземлянки находилась яма-погреб, в которую вела ступенька [Максимов, 1971.— С. 50]. В таких погребцах хранили в корчагах зерно, в амфорах — вино, ценные предметы — слитки бронзы и др.

Сходно устройство погребов и поселения Чаплин. Покрытие полуземлянок здесь — шалашеобразное [Третьяков, 1959.— С. 130]. В них хранили мясо, сушеную рыбу, молочные продукты, ценные вещи — бронзовые браслеты, железные ножи и топоры.

Полуземлянки-хлевы представлены на верхнедеснянском поселении Почеп [Заварняев, 1969.— С. 99]. Форма сооружений прямоугольная, больших размеров (ширина 3—4, длина 5—7 м), пол слегка углублен в материк (на 0,2—0,5 м).

Полуземлянки-мастерские предназначались для обработки железа и бронзы. На поселении Пилипенкова Гора в одном из таких сооружений [Максимов, 1971.— С. 45] открыт очаг с каменным подом. Подобные полуземлянки выявлены на поселении Почеп. Однако здесь очаги имели вид глубоких ям. В двух таких кузнях [Заварняев, 1969.— С. 100] найдены остатки горнов, обломки криц, шлаков, бронзолитейных тиглей, железных ору-

дий труда и бронзовых предметов, предназначенных для переплавки.

На поселении поенешти-лукашевской культуры (Сокол) помимо ям-погребов и погребов-полуземлянок встречены загадочные сооружения в виде небольших полуземлянок глубиной до 1 м, площадью 9—17 м², внутри которых были вырыты ямы колоколовидной формы со ступеньками [Вакуленко, Пачкова, 1979.— С. 7]. Поскольку эти постройки ничем существенным не отличались от погребов-полуземлянок зарубинецкой культуры, их можно отнести к этому же типу хозяйственных сооружений. Отсутствие в полуземлянках Сокола отопительных устройств является дополнительным аргументом в пользу высказанного предположения.

На других поселениях поенешти-лукашевской культуры, расположенных за пределами территории УССР, открыты наземные хозяйственные постройки [Романовская, 1974.— С. 80—83]; полуземлянки производственного назначения с остатками горна для переплавки бронзы [Пачкова, 1985.— С. 18].

Для липицкой культуры, кроме ям-погребов, размещавшихся возле жилищ [Цигилик, 1975.— С. 69], известно восемь овальных глубоких [1,6—2,1 м] полуземлянок, не имевших отопительных сооружений, что позволяет их отнести к числу хозяйственных построек типа погребов-полуземлянок. На поселении Ремезовцы открыты полуземлянки производственного назначения (типа четвертого) с остатками горнов, предназначавшиеся для выплавки железа. В комплексе с одним из них выявлено жилище-полуземлянка [Цигилик, 1975.— С. 68].

На памятниках волыно-подольской группы встречены ямы-погребов и девять хозяйственных полуземлянок [Козак, 1984.— С. 11]. Некоторые из них (третьего типа) прямоугольной или квадратной формы, имели или значительные размеры (4,4×5,2 м), или были небольшими (четвертого типа). Стены столбовой каркасно-глинобитной конструкции, пол материковый утрамбованный. Здесь могли заниматься ре-

меслами, хранить продукты, а в больших постройках — хлебах — содержать скот.

Таковы особенности устройства жилых и хозяйственных сооружений лесостепных культур Юго-Восточной Европы, занимающих срединное положение между аналогичными памятниками более ранних субстратных культур и памятниками более позднего времени, в чем формированию они приняли участие.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальный обряд включает целый комплекс ритуальных действий, совершаемых живыми над мертвыми. Археологические источники отражают лишь некоторые из них: в какой-то мере подготовку умершего к захоронению, устройство и конструкцию могилы, способ положения останков и сопровождающего инвентаря в погребение.

Таким образом, по археологическим источникам погребальный обряд можно рассматривать по нескольким категориям совокупностей признаков: 1) топография и характер могильника; 2) тип погребения; 3) конструкция могилы; 4) детали захоронения; 5) характеристика сопровождающего инвентаря.

Наиболее изучен погребальный обряд зарубинецкой культуры, где из 50 в различной степени исследованных могильников раскопано около 1000 погребений. Значительное количество погребений открыто и на могильниках нижнеднепровских поздних скифов. Для остальных рассматриваемых нами культур число исследованных захоронений значительно меньше, однако их материалы дают некоторое представление о погребальном обряде населения, оставившего эти памятники.

На рубеже нашей эры у населения анализируемых нами археологических культур получили распространение грунтовые и курганные могильники (рис. 5, 1—15).

Грунтовые могильники, в которых погребения, как правило, не нарушали

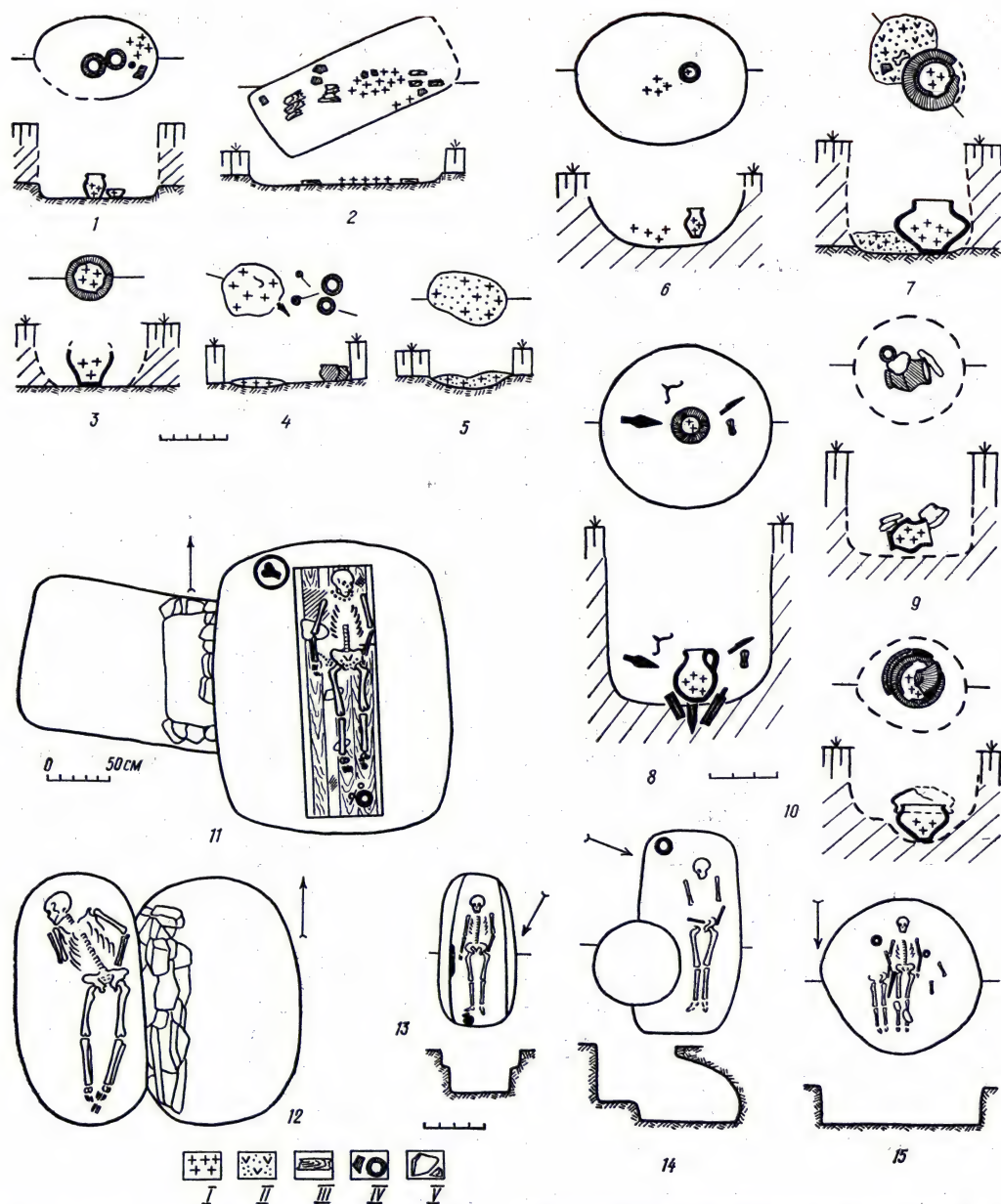

Рис. 5. Типы погребений рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:

I — кальцинированные кости; II — угли и пепел; III — дерево; IV — керамика; V — камни. 1—5 — зарубинецкая культура (1—3 — Пирогов; 4, 5 — Отвержица); 6, 8 — пшеворская культура (Гринев); 7, 10 — поенешти-лукашевская культура (7 — Гринчук; 10 — Боросешты); 9 — липицкая культура (Гоева Гора); 11, 12 — позднескифская культура (Золотая балка); 13—15 — сарматская культура.

одно другое, наиболее типичны для населения зарубинецкой, поенешти-лукашевской, липицкой, пшеворской, позднескифской культур и, в меньшей степени, для поздних сарматов (Калантаевский могильник на р. Тясмин, у сел Островец и Киселев в Ивано-Франковской области). Для латенской культуры Закарпатья и сармат типичны курганные могильники. Поля погребений зарубинецкой и поенешти-лукашевской

культур тяготеют к речным водоемам и размещаются вблизи поселений, повторяя топографию соответствующего

ему поселения, занимая более высокую, господствующую над местностью точку. Аналогично располагаются и пшеворские могильники воыно-подольской группы, липицкой культуры Верхнего Поднепровья. Известные курганы латенской культуры, за исключением могильника у Галиш-Ловачки и с. Бобовое, не связаны с поселениями [Бідзіля, 1971.— С. 43]. Сарматские курганы находятся в бассейне рек Северский Донец, Молочная, Ворскла, Псел, Сула и др., но соответствующие им остатки поселений не зафиксированы. Большинство погребений средне-сарматского периода впущены в курганы более раннего времени, а поздне-сарматские — являются основными.

Погребение умерших на могильниках зарубинецкой, поенешти-лукашевской, пшеворской, воыно-подольской группы, липицкой, в какой-то мере позднескифской и сарматской культур совершалось в ямах. Обычно никаких земляных насыпей или других сооружений на поверхности погребений к моменту раскопок не прослеживается. Возможно, в древности были какие-то отличительные знаки, так как на могильниках очень редки случаи нарушения одного погребения другим. Кроме того, отдельные погребения сохранили свои отметки. Так, на некоторых зарубинецких могильниках (Велемичи I, Чаплин, Пирогово) зафиксировано небольшое количество погребений со следами небольших, вертикально стоящих столбиков, по одному в каждом случае [Кухаренко, 1964.— С. 13]. Некоторые пшеворские погребения были отмечены небольшими камнями [Козак, 1984.— С. 13].

Групповые погребения на позднескифских могильниках выделялись каменными вымостками, скоплениями камня и вертикальными стелами. Захоронения на всех зарубинецких могильниках неглубокие: в верхней части материкового слоя — 0,3—1,2 м от современной поверхности. Контуры погребальных ям прослеживаются не всегда. Нередко форма и размеры погребальной ямы устанавливаются по расположению в погребении останков кос-

тей покойника и сопровождавших вещей. Погребальные ямы имели в большинстве случаев удлинненную в плане форму овала. Возможно, первоначально ямы имели прямоугольную форму. Однако на всех зарубинецких могильниках, подвергавшихся более или менее значительным раскопкам, кроме удлинненных ям, обнаружены округлые в плане, а иногда и квадратные.

Соотношение овальных ям вытянутой формы и округлых на зарубинецких могильниках различно. Так, на Чаплинском могильнике овальных — 78 %, округлых — 22 %; в Велемичах II овальных — 86 %, округлых — 14 %; в Вишенках овальных — 84 %, округлых — 16 %. Длина овальных ям иногда превышала 2 м, но чаще колебалась в пределах 1,2—1,7 м. Ширина не превышала 1 м. Причем на Верхнем Поднепровье размеры могильных ям овальной и подпрямоугольной формы в общем больше, чем в Среднем Поднепровье и Полесье. Диаметр округлых ям 0,5—1,3 м, но чаще всего встречаются погребения диаметром 0,6—0,8 м.

Стены ям, как правило, наклонно спускаются ко дну. Дно неровное — на некоторых из них отмечены углубления, куда ссыпались кости, но открыты отдельные погребения со сглаженным и утрамбованным дном (погребение № 1 в Зарубинцах, погребения № 44а и 92 в Чаплине и др.). Ориентировка удлинненных погребальных ям на зарубинецких могильниках не одинакова. Она почти всегда определялась местоположением могильника и зависела от направления кромки берега ближайшей реки или от ориентации возвышенности, на которой располагался могильник. На Среднем Поднепровье овальные могилы перпендикулярны руслу реки, на Припяти и в Верхнем Поднепровье — параллельно береговой кромке. Отклонения от этого правила незначительны (рис. 5, 1—5).

На поенешти-лукашевских могильниках зафиксированы только ямы округлой формы диаметром 0,5—0,6 м и глубиной 0,5—1,1 м от современной поверхности для Лукашевского могиль-

ника и 0,6 до 1,3 м для Поенештского могильника (рис. 5, 7—10). Данные о формах и ориентации могильных ям пшеворских погребальных сооружений на территории УССР и на могильниках липицкой культуры отсутствуют. Известно только, что пшеворские погребения совершались в ямах округлой формы [Козак, 1984.— С. 14; Цигилик, 1975.— С. 76] (рис. 5, 6, 8).

Ямные захоронения латенской культуры Закарпатья представляют собой неглубокие округлые ямки, вырытые под насыпью кургана.

Простые погребальные ямы вытянутой прямоугольной формы зафиксированы у сармат (Калантаевский могильник I в. н. э. на р. Тясмин; могильник I в. н. э. у с. Островец в Ивано-Франковской области). Могильные ямы вытянуты в меридиональном направлении с некоторыми отклонениями к западу и востоку. В позднескифских могильниках простые грунтовые ямы составляют небольшой удельный вес общего числа захоронений: Золотобалковский могильник — 16 %, Николаевский — более $\frac{1}{3}$ раскопанных погребений. Ямы овальной или прямоугольной формы, ориентированы в меридиональном направлении. Основное количество могильных ям позднескифского и сарматского населения сложной конструкции. Это катакомбы, берущие свое начало от катакомб скифов-кочевников; ямы с подбоями — новое явление в степях Украины, связываемое с приходом сармат, причем подбой двух видов — ниши и камеры. Зафиксированы единичные могилы с каменными ящиками (рис. 5, 13—15).

По способу захоронения погребения в исследованных могильниках рассматриваемых культур делятся на несколько типов: сожжение покойника (кремирование), положение трупа в могилу и захоронения без останков погребенного (кенотафы).

Кремирование являлась основным способом захоронения в зарубинецкой, поенешти-лукашевской, пшеворской, липицкой и латенской культурах. Умершего сжигали на стороне или на месте погребения. Первое зафиксировано в подавляющем большинстве случаев в

перечисленных культурах, второе — в единичных случаях отмечено в латенских памятниках Закарпатья и погребении № 82 зарубинецкого могильника в Чаплине. Места кремации найдены на площади могильников липицкой культуры. Например, в могильнике Верхняя Липица — три сильно обожженные площадки овальной формы размером 1,5×3 м [Smiszko, 1932.— S. 75]. С кремированием покойников Поенештского могильника Р. Вульпе связывает три холма, расположенных в 300 м от могильника и состоящих из спрессованной золы вперемешку с обожженными косточками, фрагментами керамики и обломками вещей [Vulpe, 1953.— P. 474]. В пшеворской культуре места кремаций зафиксированы вне могильников в виде прямоугольных в плане ям размерами 3×4 м, иногда вымощенных камнями и заполненных углем, фрагментами керамики и кальцинированными костями [Козак, 1984.— С. 14]. На могильниках других культур, даже наиболее исследованной — зарубинецкой, мест кремирования умерших не обнаружено.

Остатки кремации в могиле помещались различными способами: в урне, ссыпали на дно могильной ямы или же кальцинированные кости частично лежали как в самой урне, так и на дне могильной ямы.

Урновые погребения являются основными для поенешти-лукашевской, липицкой и пшеворской культур на территории западных областей УССР. Нередки они и в латенской культуре Закарпатья, изредка встречаются в зарубинецкой культуре. Хотя на отдельных достаточно полно исследованных среднеднепровских могильниках, например в Корчеватом, они составляют $\frac{1}{3}$ общего числа погребений [Самойловский, 1959.— С. 64].

Помещение остатков кремации на дне могильной ямы — характерно для зарубинецкого погребального обряда и довольно часто в латенской культуре Закарпатья. На хорошо исследованных зарубинецких могильниках ямные погребения составляют 67 — 97 % всех погребений. Небольшую часть погребений можно отнести к типу урново-

ямных. Это погребения, в которых часть костей лежала в урне, а часть — возле нее на дне ямы. Однако при раскопках могильников исследователи не обращали внимание на эту черту погребального обряда, и обычно они относились к урновым. Лишь мимоходом иногда отмечалось, что в некоторых погребениях пережженные косточки находились и возле урн.

Труположение является основным типом погребений позднескифского и сарматского населения украинских степей, но отдельные труположения встречаются и на могильниках зарубинецкой и липицкой культур. Умерших клали в вытянутом положении на спину, головой на юг с небольшим отклонением на восток или запад. Ориентировка на север и для сармат, и для поздних скифов фиксируется реже и только для II—III вв. н. э. Хотя в камерных позднескифских погребениях Нижнего Поднепровья прослеживается не только широтная ориентировка скелетов на запад, типичная для скифов расцвета их культуры в Причерноморских степях, но в отдельных случаях и па восток [Археология УССР, 1987.— Т. 2.— С. 224—225]. В ряде сарматских и скифских погребений кисти рук покойников покоятся на тазовых костях. Известны случаи скрещивания ног. Для поздних скифов более типично вытянутое положение рук и ног. На некоторых могильниках зарубинецкой культуры (Велемичи I и II, Корчеватое) обнаружены захоронения черепов.

В могильниках зарубинецкой и поенешти-лукашевской культур отмечены погребения без следов захоронения покойника, так называемые кенотафы — могилы, в которых содержался только инвентарь.

В каждой могиле, в основном, совершалось погребение одного покойника, что зафиксировано в зарубинецких, поенешти-лукашевских, латенских Закарпаття, липицких и пшеворских могильниках. Что касается трупосожжений, то вопрос о количестве погребенных в одной могиле можно считать открытым, так как материалы далеко не всех могильников изучались антропологически. Анализ остатков кремаций

из погребений Чаплинского могильника, проведенный Т. С. Кондукторовой, выявил парные захоронения (взрослого человека и ребенка) в шести случаях, а анализ материалов могильника Велемичи II, проведенный польским антропологом В. В. Гинзбургом, обнаружил одно парное захоронение (молодой женщины и ребенка) [Поболь, 1971.— С. 85; Каспарова, 1972.— С. 53—111]. В сарматских и позднескифских погребениях нередко парные и даже групповые захоронения.

Детали погребального обряда наиболее полно изучены для зарубинецкой культуры. Как уже отмечалось, в зарубинецкой культуре преобладал обряд трупосожжения. В большинстве случаев остатки кремаций в могилу помещали в чистом виде. В небольшом количестве встречаются погребения с остатками костра: в виде 1) пепла, золы, кусочков древесного угля в урне или яме; 2) пепла, золы и кусочков древесного угля в засыпке могильной ямы над остатками кремации; 3) остатков костра над костями; 4) прослойки золы, пепла и кусочков древесного угля в стороне от кремации; 5) обгоревших плах, бревен.

Значительное количество захоронений с остатками погребального костра зафиксировано в Чаплинском могильнике. Они отмечены в 84 из 282 погребений удлиненной овальной и округлой формы. Наиболее распространенным на Чаплине был обычай перемешивать остатки костра с костями (в 61 случае из 84), реже — зафиксирован обычай отдельного сосредоточения остатков костра от костей (в 23 случаях из 84). Среди последних известны случаи, когда пепел и зола лежат под костями (погребения № 82, 213) или над ними в виде обгоревшей дубовой плахи (погребение № 30) [Поболь, 1971.— С. 80—83]. Еще больше погребений с остатками погребального костра отмечено в позднем зарубинецком могильнике Гриневичи Вельки (95,1 % всех открытых погребений) [Кухаренко, 1964.— С. 45].

На других могильниках остатки погребального костра зафиксированы реже, но встречаются на каждом иссле-

дованном могильнике. Так, например, в 28 погребениях Корчеватовского могильника зола погребального костра была перемешана с костями и помещена в урну. Подобные случаи отмечены в ряде погребений Пироговского могильника, а в погребениях № 22 и 26 сохранились куски обгоревших деревянных плах, выше которых лежали пережженные кости [Кубышев, Максимов, 1969.— С. 29]. На полесских могильниках в Отвержичах, Велемичах I и II найдены погребения с углем, золой и пеплом как среди костей, так и в стороне от них в ямных погребениях и даже в очень редких урновых погребениях. Отдельные случаи остатков погребального костра обнаружены даже и в кенотафах (одно в Отвержичах и два — в Чаплине).

Количество кальцинированных костей в погребениях на зарубинецких могильниках различно: от нескольких единиц до нескольких сотен; кости в основном очень мелкие. По подсчетам, проведенным для Чаплинского могильника, наибольшее количество погребений содержит от 50 до 200 косточек [Поболь, 1971.— С. 81.— Табл. 8]. Исследователи зарубинецких могильников отмечают в какой-то мере в анатомическом порядке кости погребенных. Во всяком случае, кости черепа чаще всего лежат сверху остальных костей не только в урновых, но и в ямных погребениях [Максимов, 1972.— С. 101] или же отдельно небольшой кучкой [Каспарова, 1969.— С. 136]. Остатки трупосожжения в ямных погребениях размещались линзовидными скоплениями длиной от 0,3 до 1, толщиной до 0,2 м. Иногда фиксируется не одно, а два и даже три небольших скопления. Отдельные косточки находят в засыпке ямы. Антропологическое исследование костных останков могильников Полесья показывает, что наибольшее число погребений принадлежало женщинам в возрасте 20—40 лет, детских погребений немного. В Верхнем Поднепровье большинство погребений детские [Каспарова, 1969.— С. 138; Поболь, 1971.— С. 85.— Табл. 10].

Урны в зарубинецких погребениях, как правило, не накрывались и стави-

лись на днище. Однако отмечаются отдельные случаи прикрытия урн другим сосудом, перевернутым вверх дном. Урнами, по большей части, служили горшки, реже — кружки или миски, а закрывали их обычно миской или обломками сосудов. Так, на могильнике Отвержичи пять урновых погребений, две накрыты мисками, а три — обломками горшков [Каспарова, 1969.— С. 136; 1976.— С. 36]. Редко, но во всех основных трех районах распространения зарубинецкой культуры встречаются погребения с кусочками красной охры (Отвержичи, Чаплин, Пирогов). В некоторых могильниках прослежена в общем не характерная для зарубинецкой культуры следующая деталь погребения: камни в могильной яме иногда имели следы обожженности (два случая в Отвержичах, три — в Чаплине).

Для среднеднепровских зарубинецких могильников был типичен обряд положения ритуальной мясной пищи, от которой сохранились кости домашних животных. Так, на Корчеватовском могильнике погребения с костями домашних животных составляют 46 % всех погребений, а в Пироговском (раскопки 1966—1967 гг.) — 45 % [Максимов, 1972.— С. 102]. В Верхнем Поднепровье и Полесье погребений с этой деталью обряда насчитываются единицы (в Чаплине — одно, Велемичи II — два). В нескольких случаях на зарубинецких могильниках найдены пережженные и непережженные кости диких животных и птиц. В погребениях (по одному) Велемичи II и Отвержичи среди кальцинированных человеческих костей выявлены пережженные фаланги лапы медведя. Еще в одном из погребений в Отвержичах — кости птицы, в Корчеватовом — пережженная кость собаки, в Чаплине в ямном погребении — зуб собаки, а в другом — непережженная кость косули.

Погребальный инвентарь зарубинецких могильников представлен глиняной посудой, украшениями, иногда предметами быта, орудиями труда и оружием. Встречаются погребения и безинвентарные. Погребальный инвентарь, как правило, не носит следов пре-

бывания в погребальном костре. Но имеются случаи нахождения отдельных предметов, обычно украшений (фибул и бус), в огне, редко — обломков керамики. Чаще всего обожженный инвентарь встречается в Чаплине.

Наиболее представительны среди погребального инвентаря зарубинецкой культуры глиняные сосуды — стравницы, редко использовавшиеся под урны. Погребения с керамикой на всех более или менее исследованных могильниках составляют 80—96 %. Практически посуда из могильников изготовлена местными зарубинецкими мастерами. Случаи привозной керамики в зарубинецких погребениях единичны. Это обломки кельтских кружальных сосудов в погребениях № 55 из Отвержичей и 115 из Велемичей I, ольвийский кружальный кувшин из погребения № 150 в Пирогово.

Большая часть посуды из зарубинецких могильников лощеная. Так, в Отвержичах и Велемичах II лощеная посуда составляет около 78 %, а нелощеная — около 22 %; в Корчеватом лощеная — 71,5 %, нелощеная — 28,5 %; в Чаплине лощеная — 64,1 %, нелощеная — 35,9 %. В Пирогово нелощеные сосуды единичны.

Для могильников Полесья и Среднего Поднепровья свойственно сочетание горшков, мисок и кружек при некотором количественном преобладании горшков. Чаплинский могильник резко отличается от остальных некрополей набором посуды; большую часть составляют миски, незначительное количество горшков в основном представлено обломками; кружки единичны. Количество сосудов в погребениях с керамикой колеблется от 1 до 5, однако исследователями отмечается характерный набор посуды в могильниках Полесья и Среднего Поднепровья: горшок, миска и кружка. В Чаплинском могильнике наиболее типично нахождение в погребении одного сосуда, чаще всего миски. Нередки находки кружки в миске. Сосуды стояли, как правило, в обычном положении на днищах. Зафиксированы неоднократные случаи, когда сосуды лежали на боку или же перевернутыми вверх дном.

Местоположение сосудов по отношению к умершему различно в каждой из трех основных территориальных групп зарубинецкой культуры. По подсчетам Ю. В. Кухаренко, на могильниках Полесья посуда чаще всего помещается к востоку или северо-востоку от покойника (70,2 %); на могильниках Верхнего Поднепровья — к северо-западу (74,6 %), а на могильниках Среднего Поднепровья — к западу и северо-западу (52,2) [Кухаренко, 1964. — С. 16]. Исследователи зарубинецкой культуры неоднократно отмечали, что посуда из погребений либо ранее применялась в быту, либо специально изготовлялась для ритуала погребения. Первая носит следы использования, она хорошо обожжена, иногда поломана, возможно, еще до того, как была поставлена в могилу. Специально изготовленная для погребения посуда очень часто плохо обожжена или вообще не обожжена, а только подсушена. Поэтому при раскрытии могилы и ее расчистке зачастую не удается получить такие сосуды целыми, они рассыпаются.

Целые сосуды из зарубинецких могильников сохраняются *in situ*, так как их и ставили в древности, но нередко их раскапывают уже раздавленными (хотя и полностью восстанавливаемые). Часто фиксируется обычай обламывания еще в древности ручек у кружек или пробивания сквозного отверстия в стенке или днище сосуда. Помещение в могилу фрагментов сосудов или мелких отдельных черепков — обычай, не особенно распространенный в ритуальном обряде зарубинецких племен, однако отмечаемый на всех широко исследуемых могильниках. Обломки нижних частей крупных горшков использовали иногда в качестве урн (например, могильник Отвержичи, погребение № 42). Чаще всего в погребениях встречаются небольшие фрагменты венчиков и стенок сосудов. Из всех зарубинецких могильников в этом отношении выделяется Чаплинский, где обломки керамики зафиксированы в 104 погребениях из 282. Некоторые из обломков посуды, найденные в погребениях, ошлакованы, что может свидетельствовать об их пребывании в погребальном костре. Об-

ломки керамики определенного местоположения в могильной яме не имеют. Они найдены в урнах, среди костей, на дне ямы, в стороне от костей, и в засыпке могилы.

Украшения, бытовые предметы и орудия труда, как правило, лежат поверх обломков пережженных костей, реже — возле них, и еще реже — среди костей умершего. Возможно, иногда их клали в какую-то емкость, может быть, в деревянную шкатулку или заворачивали в кусочек ткани. Известны случаи их находок в глиняных сосудах. Могильники зарубинецкой культуры на различных территориях отличаются друг от друга количеством и составом погребального инвентаря. Так, в основном для полесских могильников характерны булавки, подвески, цепочки; для Среднего Поднепровья — кольца, пронизи и спиральки, для Верхнего Поднепровья — бляхи, нагубники, пряжки-сюльгами, топоры, иголки, кремь, ножи, наконечники копий. По одному экземпляру наконечников копий найдено в Корчеватом и Велемичах I; в Чаплине — 14 экземпляров. Большинство чаплинских копий обожжено, о чем свидетельствуют кусочки древесного угля от древка во втулках. Ни одно из них не погнуто и не поломано. Наконечники копий найдены в различных частях погребальной ямы и почти всегда в горизонтальном положении. В двух случаях они лежали на костях; в двух — под ними, еще в двух — среди них, а в восьми — в стороне от костей в различных частях ямы [Поболь, 1971.— С. 101].

Неплохо известны детали погребального обряда и в поенешти-лукашевской культуре. Но для их обобщения материала недостаточно, так как до сих пор далеко не все раскопанные материалы с территории Румынии опубликованы.

Остатки погребального костра главным образом в виде угольков вокруг урны найдены в семи погребениях Лукашевского могильника и в погребении у с. Гринчук на Среднем Днестре; в виде золисто-угольной прослойки в погребении № 11 Лукашевского могильника, на которой стояла урна с остатками кремации. В погребении № 13

отдельные угольки обнаружены в засыпке могильной ямы. Угольки встречаются и среди остатков кремации в урнах погребений № 4, 10 и 15 Лукашевского могильника.

Вывявленные урны были поставлены на днища и часто закрыты миской или кружкой. Погребения в урнах с крышкой по материалам Поенешти и Лукашевки составляли 73 % погребений, в урнах без крышек 23 %. Никакой другой посуды, кроме урн с крышками, в могильниках Поенешти и Лукашевка не зафиксировано. Инвентарь погребений представлял собой либо орудия труда (ножи, иглы, пряслица), либо украшения и предметы убора (фибулы, бусы, поясные крючки, браслеты, пронизи, цепочки), либо предметы быта (бритвы). Нередко умерший сжигался вместе с украшениями, о чем свидетельствуют следы огня (бусы найдены, в основном, в расплавленном виде, фибулы часто фрагментированы). Но некоторые украшения (спиральки, пронизи и т. д.) и орудия труда (ножи, пряслица и т. д.) клали в урну уже после сожжения покойника.

Детали погребального обряда волыно-подольской группы и липицкой культуры Верхнего Поднепровья в основном близки между собой. В обоих случаях большая часть погребений представлена урнами, в которых помещены очищенные от костра пережженные кальцинированные кости. Урны иногда открытые, но нередко закрыты фрагментами керамики, каменной плиткой, умбоном или фрагментом жернова. Липицкие урны также накрывались сосудом (перевернутой вверх дном чашей с отбитой полкой ножкой, мисочкой или кружкой). Урны без следов пребывания в костре и ставились на днище. В пшеворских погребениях, как правило, это лепные сосуды, а в липицкой — кружальные и реже лепные. Так, на могильнике в Верхней Липице лепные урны составляли 45,9 %, а кружальные 53,7 %; в Гриневе лепные 33,3 %, а кружальные — 65,8 % [Цигилик, 1975.— С. 76]. Пережженные человеческие кости в отдельных случаях зафиксированы и возле урны, на дне могильной ямы, например, в пше-

ворском погребении № 5 в Гриневе. На липицких могильниках открыты единичные погребения, где фрагменты сосуда имитировали урну (погребение № 7 в Гриневе) или же кальцинированные кости обкладывались обломками керамики (два погребения в Верхней Липице).

Погребальный инвентарь разнообразный. В его размещении в пшеворских погребениях отсутствует какая-либо закономерность. Вещи лежат в урне, возле нее, под ней или над ней. Инвентарь нередко поврежден огнем. Среди него встречаются обломки посуды, иногда от нескольких сосудов. Некоторые погребения сопровождались целыми горшками. Пшеворские единичные погребения и погребения, датируемые концом II — началом III в. н. э. с оружием: с наконечниками копий, шпорами, умбонами, ритуально согнутыми мечами, боевыми ножами, стрелами. В липицких погребениях сопровождающий инвентарь (ножи, пряжки, шила, фибулы, пряслица и т. д.) чаще всего зафиксирован в урне, но известны погребения, в которых отдельные предметы лежали возле урны. Следы погребального костра носит в основном фрагментированная керамика. Особенностью липицкого погребального обряда является наличие каменных плит в погребениях. Они не только закрывали урны, но и в некоторых случаях являлись подставками для них (погребения № 4, 6 в Гриневе), а также имитировали каменный ящик (погребение № 3 в Гриневе). В некоторых липицких погребениях зафиксированы кости животных.

Детали погребального обряда латенской культуры Закарпатья малоизучены. Незначительными раскопками, проведенными в послевоенное время, установлено, что остатки кремации не очищались от погребального костра и помещались на уровне горизонта под курганной земляной насыпью в урне или неглубокой ямке. Урнами и сосуда-приставками служили лепные сосуды куштановицкого облика (миски с загнутыми внутрь краями, черпаки с петельчатыми ручками, горшки тюльпановидной формы) и кружалная ла-

тенская посуда. Кроме посуды, инвентарь погребений включал украшения (бусы из черной пасты), детали убора одежды (фибулы латенской схемы, цепочки и т. д.).

В погребальном обряде позднескифского и сарматского населения Украинских степей необходимо отметить: обычай подкладывания камней под покойников; захоронения в деревянных гробах, на подстилках из камыша или из березовой коры. В большинстве случаев наблюдается частичная обожженность скелетов. В некоторых позднесарматских погребениях открыты остатки костра, а под скелетами — слой золы и угля. В сарматских, реже позднескифских, могилах зафиксированы деформированные черепа. В некоторых погребениях найдены кусочки мела, угля, охры. Неоднократно отмечаются следы тризны и жертвоприношений: скелеты коня и овцы. В могилах выявлен разнообразный инвентарь: лепные сосуды, античная посуда, амфоры, мечи, копья, наконечники стрел, железные ножи, детали поясного набора и украшения (браслеты, пряжки, сережки, кольца, бусы и т. д.).

Подводя итоги изложенному, можно отметить, что по погребальному обряду рассматриваемые археологические культуры рубежа и начала I тыс. н. э. делятся на две большие группы.

1. Культуры с обрядом кремации — зарубинецкая, поенешти-лукашеская, пшеворская, липицкая и латенская Закарпатья, то есть охватывающие Лесную и Лесостепную зоны, занятые оседлым земледельческо-скотоводческим населением.

2. Культуры, в которых основным обрядом являлось труположение: это культуры кочевого облика (сарматы) и культуры населения, тесно связанного с кочевническим миром (позднескифское население Нижнего Поднестровья).

Каждая из культур, входящих в эти группы, с одной стороны, обладает спецификой погребального обряда, не позволяющей смешивать ее с соседними синхронными культурами, а с другой — каждая из них в большей или меньшей степени содержит элементы, свойственные обрядам культур как

предшествующего времени, так и соседним синхронным.

Так, в зарубинецкой культуре исследователи выделяют три основные локальные группы: среднеднепровскую, верхнеднепровскую и полесскую, на территории которых раскопаны широкими площадями крупные могильники (Пирогов, Корчеватое, Вишенки, Отвержичи, Велемичи I и II, Воронино, Чаплин). Сравнительный анализ погребального обряда этих могильников проведен по следующим совокупностям признаков, а именно по типам погребения (ингумация или кенотафы); 2) тип погребения (для кремации: ямные, урновые, смешанные); 3) форма погребальной ямы (округлая, овальная, квадратная или прямоугольная); 4) ориентация могильной ямы (параллельно реки или мыса, перпендикулярно к реке или мысу); 5) сочетание погребального инвентаря (погребения с керамикой, украшениями, орудиями труда и другими предметами; погребения с различными вещами, но без керамики; погребения с керамикой, но без других вещей; безынвентарные погребения); 6) набор посуды в могилах (горшки, кружки, миски, кувшины и т. д.); 7) функциональное назначение посуды (урна и крышка), сосуда-стравицы; 8) наличие или отсутствие остатков жертвенной пищи показало, что наиболее близки между собой могильники внутри одной территориальной группы, а также могильники полесской или могильники среднеднепровской группы.

Между могильниками отдельных территориальных групп наблюдаются довольно ощутимые различия. Ближе всех по отмеченным совокупностям признаков погребального обряда могильники Полесья и Верхнего Поднепровья. Они различаются между собой главным образом набором посуды в погребениях. Меньше степень сходства между могильниками полесской и среднеднепровской групп. Наибольшие различия между ними наблюдаются в ориентации погребальных ям и в наличии или отсутствии жертвенной пищи. Еще меньше степень сходства между могильниками Верхнего и Среднего По-

днепровья. Ощутимое различие между ними прослеживается уже по большинству из рассмотренных совокупностей признаков: 1) способ погребения (кремний, ориентации погребальных ям, сочетании погребального инвентаря, наличии жертвенной пищи в могилах.

Различия в погребальном обряде локальных групп зарубинецкой культуры объясняются как влиянием субстратных культур, на основе которых сложилась зарубинецкая культура, так и новыми пришлыми культурами, принявшими участие в формировании зарубинецкой культуры и в какой-то мере взаимовлиянием синхронных соседних культур.

Исследователи неоднократно обращали внимание на наличие в погребальном обряде зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья черт, свойственных культуре местного населения украинской лесостепи позднескифского времени: отдельные погребения с трупоположениями, обгоревшие плахи в зарубинецких погребениях с трупосожжениями, скифоидные миски среди погребального инвентаря, остатки ритуальной мясной пищи. Однако все эти перечисленные элементы составляют незначительный удельный вес в общей массе признаков погребального обряда. Основные черты зарубинецкого погребального обряда — ямное трупосожжение на стороне — связывают зарубинецкую культуру с латенизированными синхронными культурами Средней Европы.

Обычай сжигать мертвых имеет давние традиции на территории Лесостепной Украины. Во второй половине III тыс. до н. э. в отдельных регионах позднетрипольской культурной общности практиковался обряд ритуального трупосожжения, а у племен софиевского типа на территории Среднего Поднепровья трупосожжение в урнах или ямках с очищением остатков кремации от костра являлось основной формой захоронения. Трупосожжение практиковалось в различной степени у некоторых культур на протяжении всего периода бронзы. Однако с утверждением его господства в конце II тыс. до н. э. в области лужицкой культуры

и с наступлением железного века в Европе оно распространяется на запад до Британских островов [Никитина, 1974.— С. 5]. На востоке трупосожжение преобладало уже в чернолесской культуре (X — первая половина VII в. до н. э.). С усилением влияния скифской культуры оно практиковалось на всей территории Лесостепного Правобережья Украины хотя и в довольно ограниченных масштабах. Со сложением милоградской и зарубинецкой культур этот обряд стал основным и на берегах Днепра.

При исследовании зарубинецких могильников неоднократно отмечалось сходство основной черты зарубинецкого погребального обряда (трупосожжение на стороне) с обрядом культур, непосредственно предшествовавших зарубинецкой в Полесье и Верхнем Поднепровье. Сходство чаплинского обряда с погребальным обрядом милоградской культуры (трупосожжение на стороне, очищение костей умершего от остатков погребального костра, одинаковая ориентировка могильных ям вдоль реки, нередко сходных по форме и глубине; наличие в более чем трети из них обломков керамики) позволило Л. Д. Поболу подтвердить выдвинутый им тезис о том, что верхнеднепровская зарубинецкая культура возникла на основе более ранней местной милоградской культуры [Поболь, 1960.— С. 163; 1971.— С. 182]. Однако значительное количество погребальных ям овальной формы; преобладание среди погребального инвентаря целых сосудов, даже в тех случаях, когда в могилах встречаются и обломки битой посуды; набор украшений, в том числе фибул зарубинецкого типа; расположение их в могилах и другие черты делают зарубинецкий погребальный обряд отличным от обряда милоградской культуры.

Отсутствие насыпей над зарубинецкими могильниками, обряд трупосожжения, наличие урновых и ямных погребений, имитация ящичных и подклешевых погребений, присутствие среди погребального инвентаря горшков, мисок, кружек, украшений (браслеты, кольца, бусы, булавки, фибулы) позволили Ю. В. Кухаренко высказать

точку зрения о том, что позднелужицкие и позднепоморские памятники Полесья и Волыни являлись основой зарубинецкой культуры, возникшей в бассейне Припяти и распространившейся затем в Поднепровье [Кухаренко, 1964.— С. 20—34]. Однако погребальный обряд позднелужицкой и позднепоморской культур был более разнообразным, чем зарубинецкой, и далеко не во всем совпадающий с ним.

Племена зарубинецкой культуры создали свой специфический вариант погребального обряда, который полностью не отождествляется с обрядом ни одной из известных к настоящему времени археологических культур, ни предшествующих, ни синхронных зарубинецкой.

Погребальный обряд пшеворской культуры в позднелатенский период и населения римского времени в Поднепровье и Западном Побужье представлен незначительным количеством урновых погребений. Этим он отличается от пшеворской культуры Польши, хотя урновые погребения и некоторые детали обряда (ритуально согнутое оружие, прикрытие урны умбоном и др.) зафиксированы в пшеворских могильниках [Prahistoria... 1981.— S. 106—120], но не составляют статистического большинства среди других элементов ритуала.

На современном уровне исследования территории Западной Волыни и Верхнего Поднепровья трудно говорить о конкретных истоках погребального обряда населения, жившего там в конце I тыс. до н. э.— первой четверти I тыс. н. э.

Особенности погребального обряда поенешти-лукашевской культуры (трупосожжение на стороне с захоронением очищенных от костра косточек в урнах с крышками) не чужды местной гето-дакийской культуре IV—III вв. до н. э. Правда, в последней обряд намного разнообразнее, чем в поенешти-лукашевской [Никулице, 1971.— С. С. 64—65]. Урновый погребальный обряд в какой-то степени присущ и позднепоморской культуре, но в ней урны, закрытые крышкой, составляли меньшую

часть общего количества погребений. Значительное сходство, но не полное тождество, прослежено в обряде некоторых групп ясторфской культуры позднелатенского времени.

Погребальный обряд латенской культуры Закарпатья во многом продолжает традиции местного населения куштановицкой культуры скифской эпохи, хотя в ряде черт прослеживается влияние кельтов [Бідзіля, 1971.— С. 42—47]. В липицкой культуре наиболее проявляются черты обряда даков [Циглик, 1975.— С. 70—78].

У позднескифского населения Нижнего Поднепровья способ захоронения изменился начиная со II в. до н. э. Курганы сменяются бескурганскими могильниками. Исследователи связывают эти изменения с процессом дальнейшего закрепления оседлого быта и развитием у скифов городской культуры. В деталях погребальный ритуал сохраняет скифские традиции, но заметны уже влияния сарматского обряда (перекрещенные ноги, разбитые зеркала, различные сарматские вещи), греческие влияния проявляются в кладке погребальных сооружений, большим количеством античных изделий.

У сарматских племен Украинских степей погребальный обряд происходит от сармат Поволжья и Приуралья, хотя и отличается конкретными деталями. Так, в раннесарматское время в Днепро-Донском междуречье значительный процент погребений с северной ориентацией, что не характерно для Приуралья и Поволжья. В средние и позднесарматское время в Украинских степях было значительно меньше подбойных могил и скелетов с искусственной деформацией черепа, чем на территории Поволжья, занимаемой сарматами [Костенко, 1963.— С. 38—65]. Сарматский погребальный обряд Украинских степей испытал определенное влияние позднескифского и античного населения, что проявляется в смене курганного обряда погребениями в бескурганных могильниках, большом количестве вещей античного производства и т. д. [Археология, 1986.— Т. 121].

Подводя итоги анализа погребального обряда археологических культур

конца I тыс. до н. э., отметим, что многие элементы погребального ритуала нашли отражение в культурах второй четверти I в. н. э.

6. КЕРАМИКА

Глиняная посуда является наиболее массовой категорией археологических источников, и в этом прежде всего заключается огромное значение ее для археологической науки. Особенную познавательную ценность представляют форма сосудов, пропорции отдельных частей, технология, орнаментация, в которых проявляются глубокие и устойчивые традиции отдельных первобытных коллективов. Потому наиболее часто именно на них опираются исследователи в своих выводах при решении вопросов определения культурной и хронологической принадлежности памятников, установления генетической связи между отдельными культурами, определения специфики последних.

Опираясь на разработки классификации керамики культур рубежа нашей эры и первой четверти I тыс. н. э. [Кухаренко, 1964.— С. 24—29; Поболь, 1971.— С. 94—98; Максимов, 1982.— С. 11—13; Обломский, 1985.— С. 90—106; Козак, 1984.— С. 16—23; Бідзіля, 1971.— С. 96—102; Федоров, 1960.— С. 37—40; Пачкова, Романовская, 1983.— С. 48—77; Пачкова, 1985.— С. 17—24; Babes, 1985.— Р. 183—214], предлагаем свою классификацию глиняной посуды этих культур. В ее основу нами положено несколько основных признаков, позволяющих составить общее впечатление о специфике керамики каждой культуры. При делении на группы учитывались в первую очередь характер обработки поверхности, ее цвет, технологические особенности керамической массы, из которой вылеплен сосуд.

При выделении типов во главу угла ставились пропорции, отражающие общую высоту сосуда (отношение высоты к наибольшему диаметру по корпусу), местоположение основания плечиков или наибольшего диаметра по корпусу (отношение высоты до пле-

чиков к общей высоте сосуда), ширина днища (угловое соотношение наибольшего диаметра корпуса к диаметру днища), а также общая форма сосуда: характер корпуса и переход горловины (шейки) к плечикам. Дополнительно к характеристике типов указывались пропорции горловины и плечиков, другие детали.

Керамика зарубинецкой культуры по способу обработки поверхности делится на две группы: с шероховатой и лощеной поверхностью.

К первой группе относится кухонная и тарная посуда, которая изредка использовалась в ритуальных целях. Она составляет основную массу всего керамического комплекса. Функциональные особенности посуды определили и технологию ее изготовления. В керамике Среднего Поднепровья и Полесья помимо растительных добавок в качестве отощающих и огнеупорных примесей широко использовался песок и шамот из средне- и крупнодробленного черепка или толченой подсушенной глины, а в посуде верхнеднепровских памятников — песок и дрсва. Посуда с шероховатой поверхностью обжигалась на костре, о чем свидетельствует двух- или трехслойный излом черепка. Цвет поверхности нелощеных сосудов колеблется от светло-желтого или красно-коричневого до буро-коричневого.

Поверхность сосудов различна по качеству обработки — от хорошо заглаженной до шероховатой, бугристой. Они составляют основу всего кухонного комплекса. В небольшом количестве встречаются горшки с нарочито ошершавленной поверхностью, нередко комбинированной, когда подлощенность шейки и придонной части сочетается с хроповатостью корпуса.

Ассортимент посуды первой группы достаточно широк — горшки, корчаги, реже миски и кружки, миниатюрные сосуды, стопки, крышки, дуршлага, плоские диски.

Зарубинецкая керамика по сочетанию пропорций и деталей формы разнообразна, каждый сосуд отличается от другого какими-то признаками, представляя собой практически единственный экземпляр. Ниже приведены типы

сосудов, составляющие серии и дающие представление о зарубинецкой керамике отдельных регионов.

Наиболее репрезентативно в количественном отношении среди сосудов первой группы представлены горшки. Выделяется несколько основных типов (рис. 6, 1—19).

Тип 1 — горшки с высоко поднятыми основаниями плечиков, средние по пропорциям высоты, как правило, с широкими днищами (средние по ширине встречаются редко). У них слабо и среднепрофилированные горловины и плечики, округлобкое тулово и в основном плавный переход от шейки к плечикам (подтип «а»). Горшки с ребристым корпусом или близким к нему (подтип «б») встречаются крайне редко. Поверхность главным образом шероховатая, иногда заглаженная. Наиболее типичны горшки первого типа для Полесья. В Среднем Поднепровье они известны в единичных экземплярах.

Тип 2 — горшки с высоко расположенным наибольшим диаметром по корпусу, часто широкодонные, высокие и очень высокие, по пропорциям, стройные. Встречаются экземпляры с шейкой, чуть наклоненной внутрь, цилиндрической. У большинства слабо или среднепрофилированная горловина, отогнутая наружу. По профилировке плечиков они различны. В большинстве своем округлобкие (подтип «а»), но встречаются и с корпусом, близким к ребристому (подтип «б»). Горшки второго типа наиболее распространены в Полесье, но встречаются и в Поднепровье.

Тип 3 — средние горшки по пропорциям высоты, с наибольшим расширением по корпусу, расположенным посередине или чуть выше середины высоты, со средними, иногда широкими, днищами. Для них характерна слабопрофилированная горловина, слабо или среднепрофилированные плечики. Округлобкий корпус с плавным, в очень редких случаях с резким переходом шейки к плечикам (подтип «а»). Поверхность различна: от заглаженной до хроповатой. Поверхность основного количества сосудов шероховатая. По абсолютным размерам горшки этого

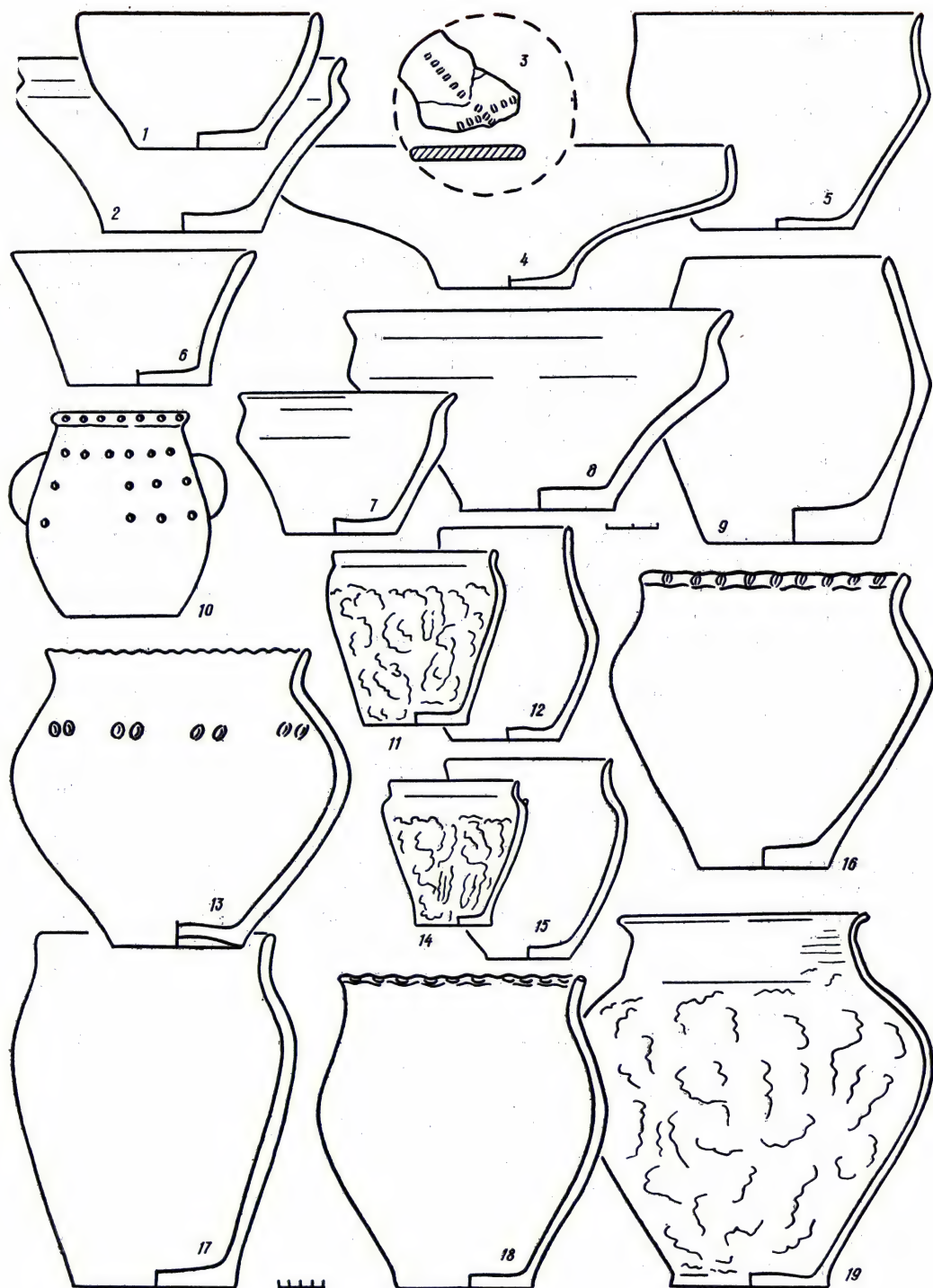

Рис. 6. Нелощеная керамика первой группы зарубинецкой культуры:

1, 6, 14, 19 — Велемичи II; 2, 8, 18 — Девич-Гора; 3 — Чаплин; 4, 5, 16, 17 — Лютеж; 7, 12 — Дедов Шпиль; 9 — Корчеватое; 10, 13 — Пирогов; 11, 15 — Воронино.

типа различны: от маленьких до больших. Горшков третьего типа немного. Наиболее характерны они для Среднего Поднепровья (Пилипенкова Гора, Лютеж, Пирогов), но встречаются и в Верхнем Поднепровье. Из полесских памятников они известны только в Отвержичах и Велемичах II.

Тип 4 — высокие, иногда очень высокие, вытянутые горшки с плечиками, опущенными на середину высоты (чуть выше или иногда чуть ниже ее), днища имеют средние по ширине, реже широкие, слабо- или среднепрофилированные плавноотогнутые наружу шейки, в основном среднепрофилированные высокие плечики. Все они округлобокие с плавным переходом горловины к плечикам. Зафиксированы на Поднепровье, Побужье и отдельных полесских памятниках (Велемичи II).

Тип 5 — встречается в единичных экземплярах на зарубинецких памятниках. Это горшки с загнутыми внутрь краями без шеек. Форма их округлобокая (подтип «а») и ребристая (подтип «б»).

Нелощеные горшки из памятников зарубинецкой культуры орнаментировались не часто. Края венчиков украшались насечками, ямками, пальцевыми защипами, которые обычно шли сплошным однорядным пояском. Иногда на горшках из Полесья внешнюю и внутреннюю стороны края венчика оформляли в шахматном порядке. Поясок из пальцевых защипов или насечек украшал плечики некоторых горшков. Он был сплошным, реже защипы размещались группами по две-три пары через какой-то небольшой промежуток. Распространенным видом орнамента были напеленные валики по плечикам, расчлененные насечками, ямками или защипами. В некоторых случаях, но во всех регионах культуры, к горшкам крепились ручки: по одной или две. Одноручные горшки выполняли функции кувшинов.

По формам и пропорциям к горшкам близки корчаги. Наиболее существенное различие между ними заключается в абсолютных размерах, в хозяйственном назначении и некоторых технологических особенностях. Корча-

ги — более крупные сосуды, чем горшки (высота их превышает 40 см). Стенки корчаг обычно толще, чем у горшков, примеси в тесте более крупного дробления. В корчагах хранили продукты.

В зарубинецких памятниках Полесья (Воронино, Отвержичи) известны немногочисленные серии, а в Велемичах I и II в единичных экземплярах встречены кружки с нелощеной (шероховатой или заглаженной) поверхностью. Высота сосудилов 6—14 см, их пропорции близки горшкам: от низких, приземистых до высоких, стройных. У большинства из них наибольшее расширение корпуса находится высоко (в верхней трети высоты), но известны кружки и с более низко опущенными плечиками (посередине высоты — чуть выше или чуть ниже ее). По пропорциям горловины и плечиков они несколько отличаются от горшков: у кружек больше удельный вес сосудов с широкой горловиной и очень слабо и слабопрофилированными плечиками.

В небольшом количестве в зарубинецких материалах зафиксированы миски с нелощеной, заглаженной или шероховатой поверхностью, профилировка которых аналогична лощеным (рис. 6, 1, 2, 4, 5, 7, 8).

Тип 1 — в верхнеднепровском регионе (Чаплин) в небольшом количестве зафиксированы средние по высоте миски, с высоко поднятыми плечиками и среднеширокими днищами. Диаметр венчика до 20 см, высота не более 10. У них округлобокий корпус, плечики плавно, реже подчеркнуто резко, соединяются с шейкой (рис. 6). Такая же по пропорциям, но меньшая по размерам мисочка с нелощеной поверхностью найдена в могильнике Пирогово.

Тип 2 — глубокие миски, с высоко поднятыми основаниями плечиков (правда, встречаются отдельные экземпляры с низко опущенными плечиками) и, как правило, с широкими днищами. По форме они в большинстве случаев округлобокие, с плавным иногда резким переходом шейки к плечикам (подтип «а»). Встречаются отдельные экземпляры с ребристым корпусом

(подтип «б»). По абсолютным размерам они относятся к большим (диаметр до 30, высота до 15 см), средним (диаметр до 20, высота до 10 см) или маленьким сосудам — мискам-чашкам (диаметр до 10, высота до 5 см). Довольно большая серия мисок происходит из Чаплина, отдельные экземпляры известны в Полесье и Среднем Поднепровье.

Тип 3 — это небольшое количество мисок с загнутыми внутрь невысокими краями, округлобокие, реже ребристые. Низкие, своими пропорциями напоминают скифские. Найдены в основном в Среднем Поднепровье. Высокие и очень высокие по пропорциям, но по абсолютным размерам часто маленькие (до 10 см в диаметре и 5 см высотой, изредка диаметром до 15 см) в небольшом количестве встречаются по всей территории зарубинецкой культуры.

Среди керамической посуды в зарубинецких материалах найдены небольшие сосудики полусферической, конической, мисковидной формы с заглаженной и подлощенной поверхностью — стопочки, солонки и т. п. Известны сосудики с дырками в днище и стенках — дуршлаги (рис. 7.13).

В качестве крышек использовались конической формы сосуды с высокой конической же или цилиндрической ручкой. Края крышек иногда украшались насечками или зацепами. В археологической литературе бытует мнение, что подобные сосуды могли функционировать в качестве плошек, вазочек, мисочек [Вязьмитина, 1962. — С. 101]. Конические крышки известны только в Поднепровье. Плоские диски диаметром 14—26, толщиной 1—1,5 см также, вероятно, использовались в качестве крышек. По этнографическим данным, с их помощью выпекались лепешки. Обычно с одной стороны диски подлощены, а с другой — украшены ямками, пальцевыми зацепами, отпечатками ногтя, расположенными в виде фигур.

Посуда второй группы представлена столовой, парадной или ритуальной (рис. 7, 1—25), Основное количество керамики с лощеной поверхностью найдено в могильниках, а на поселе-

ниях она составляет не более 12—15 %.

Посуда второй группы отличается от первой технологией изготовления. В качестве примесей в керамическом тесте также использовались растительные добавки, шамот, песок, дресва, но глиняная масса более тщательно вымешивалась, а примеси дробились очень мелко и равномерно распределялись в формовочной массе. Обжигали изделия на костре. Для достижения черного цвета применялся восстановительный обжиг (без доступа кислорода). Для лощеной посуды поселений, а частично и могильников, был характерен звонкий, хорошо отмученный черепок. Значительное количество сосудов из могильников изготовлялось специально для погребального ритуала и обожжено настолько слабо, что нередко рассыпается при расчистке погребений.

Поверхность сосудов второй группы гладкая, часто глянцевая, что достигалось тщательным заглаживанием, лощением и отвариванием в мучном растворе [Пачкова, 1972. — С. 39—40]. Качество обработки различно. У некоторых сосудов поверхность небрежно залощена, с заметными и довольно глубокими следами лощила. Практически они только подлощены. Основное количество посуды периода становления и расцвета культуры очень хорошего качества.

Цвет лощеных сосудов колеблется от серовато-черного до черного. Встречаются желто-бурые лощеные сосуды, чаще пятнистые, когда серовато-черный или черный цвет чередуется со светлыми пятнами.

Посуда второй группы представлена горшками, мисками, кружками, в небольшом количестве кувшинами и миниатюрными сосудиками. Причем на среднеднепровских и полесских могильниках горшков и мисок приблизительно одинаковое количество, кружек несколько меньше. На Верхнем Поднепровье миски составляют основное количество погребальной посуды, горшков совсем немного, а кружки представлены отдельными экземплярами.

Различаются сосуды первой (с шероховатой поверхностью) и второй (ло-

щенные) групп и по орнаментальным мотивам.

Горшки занимают значительное место и среди керамики второй группы. По пропорциям и форме они близки выделенным типам горшков первой группы, но отличаются некоторыми деталями в оформлении: мотивами декора, характером перехода шейки к плечикам, форме венчика и т. п. (рис. 7, 14—24).

Основные типы горшков с лощеной поверхностью следующие.

Тип 1 — горшки с высокорасположенным наибольшим диаметром по корпусу (в основном в верхней трети высоты сосуда), с широкими, реже средними по ширине, днищами, средние по пропорциям высоты. Они разнообразны по размерам горловины и плечиков. Наиболее многочисленны горшки со слабопрофилированной и цилиндрической шейкой. По форме основная масса горшков этого типа относится к округлобким с плавным, в меньшей мере резким, переходом горловины к плечикам (подтип «а»), встречаются отдельные сосуды с корпусом, близким к ребристому (подтип «б»). По абсолютным размерам это средние или высокие горшки с диаметром шейки до 20 и высотой до 30 см.

Горшков первого типа немного. Встречаются они главным образом в полевских могильниках, но чаще всего в Велемичах II. Один экземпляр известен в Вишенках.

Тип 2 — представлен горшками с высоко расположенным наибольшим диаметром по корпусу. Это высокие стройных пропорций сосуды с широкими, в отдельных случаях средними по ширине, днищами. Размеры горловин различны, но в количественном отношении выделяются сосуды с цилиндрическими и слабопрофилированными низкими, реже средними по высоте, шейками. Слабо-, реже сильнопрофилированные плечики низкие, иногда средние по высоте. По абсолютным размерам горшки этого типа относятся к категории средних, их высота не превышает 20, диаметр венчика 15 см. Сосуды больших размеров редки. У подавляющего большинства корпус глу-

бокий, шейка плавно, в очень редких случаях резко переходит к плечикам (подтип «а»). Встречаются горшки с ребристым корпусом или близким к нему (подтип «б»).

Горшков этого типа немного. Наибольшее их количество зафиксировано в Воронино, Велемичах I и II и среднеднепровском могильнике Вишенки. В Отвержичах и Пирогове их значительно меньше, а на Верхнем Поднепровье их находки единичны.

Тип 3 — средние по пропорциям высоты горшки (высота их несколько меньше наибольшего диаметра корпуса), с небольшим расширением корпуса чуть выше, иногда немного ниже, середины общей высоты сосуда и средними по ширине днищами (узкие или широкие встречаются редко). У них короткая, различная по ширине и степени профилированности горловина: от цилиндрической до сильно отклоненной наружу. Плечики часто высокие, среднепрофилированные. По форме преобладают округлобкие сосуды с плавным, но встречаются и с резким переходом шейки к плечикам (подтип «а»). Горшки с ребристым корпусом и близким к нему (подтип «б») очень редки. По абсолютным размерам большая часть их относится к категории средних, с диаметром венчика 11—15 и высотой 16—20 см, хотя известны сосуды более низкие и более крупные.

Сосудов типа 3 среди зарубинецких горшков немного. Больше всего их в могильниках Вишенки, Пирогов и Отвержичи. Спорадически они встречаются в Велемичах I и II, Рахнах и Чаплине. Среди горшков из Отвержичей преобладают сосуды с сильнопрофилированными плечиками; довольно много горшков с цилиндрической шейкой, иногда довольно крупных по абсолютным размерам. Среди горшков Пироговского могильника выделяются экземпляры с плечиками, опущенными чуть ниже середины общей высоты сосуда.

Тип 4 — высокие и очень высокие горшки (высота больше диаметра корпуса), с основаниями плечиков в большинстве случаев чуть выше, реже — чуть ниже, середины общей высоты сосуда, с широкими или средними дни-

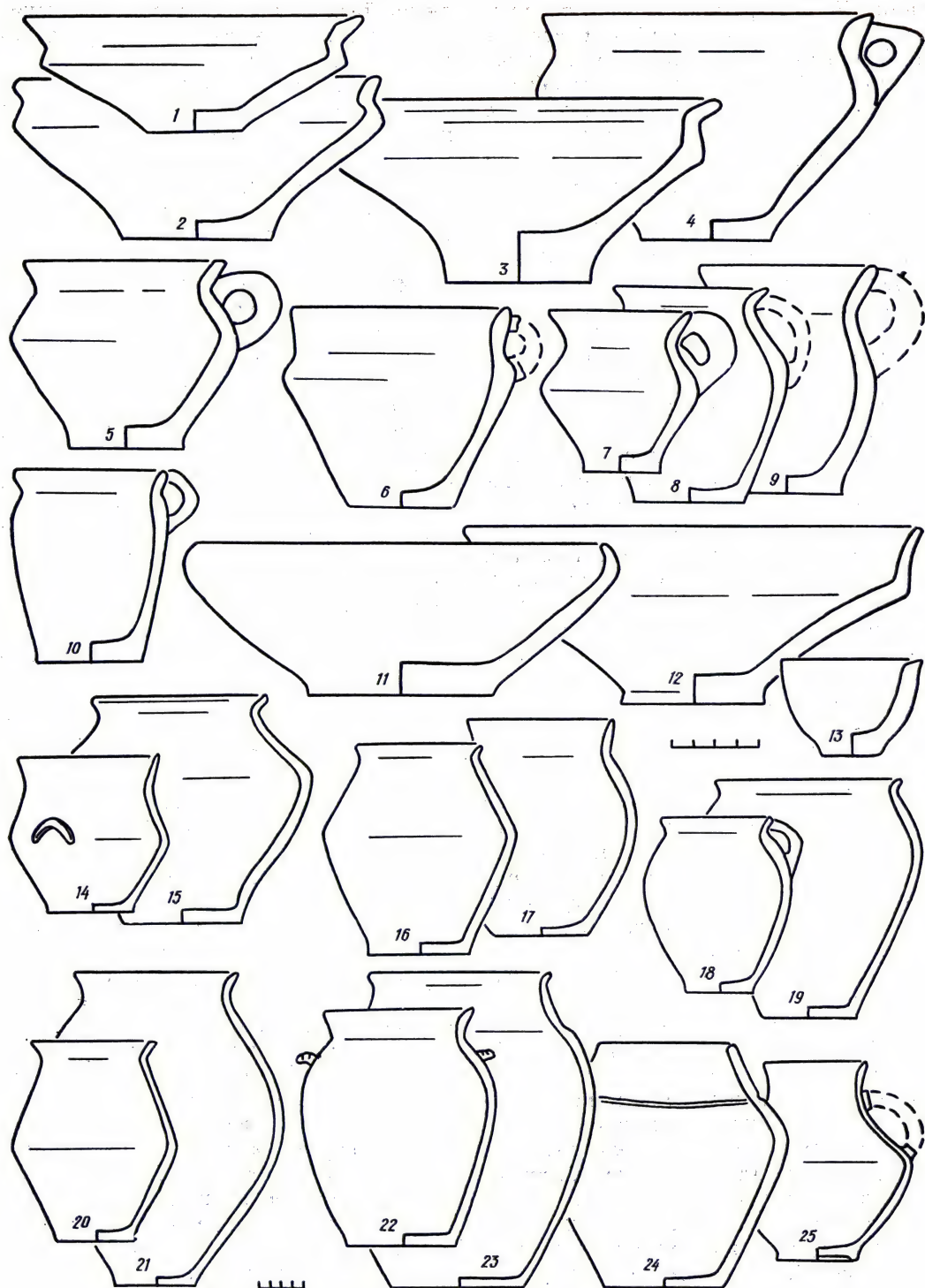

Рис. 7. Лощеная керамика второй группы зарубинецкой культуры:
 1—14, 17, 18, 20—23, 25 — Пироги; 15, 19 — Воронино; 16, 24 — Отвержичи.

щами. У них разнообразные по пропорциям горловины, слабо- и среднепрофилированные, в основном высокие плечики. Как правило, округлобоких сосудов с плавным и в ряде случаев с резким переходом шейки к плечикам (подтип «а»), с ребристым корпусом или близким к нему (подтип «б») немного. Большая часть горшков средние по абсолютным размерам: диаметр венчика 11—15, высота сосуда 16—20 см, но довольно много экземпляров с параметрами в пределах 20—30 см.

Горшки этого типа наиболее характерны для Среднего Поднепровья. Так, в Пироговском могильнике они составляют почти половину всех горшков (именно подтип «а»). Немало их в материалах Верхнего Поднепровья. Но, судя по чаплинскому комплексу, горшков подтипа «б» больше чем на других территориях. К четвертому типу относится и большинство целых горшков, найденных на территории Южного Буга. В настоящее время они известны, главным образом, по немногочисленной коллекции из Рахнов. В материалах зарубинецких памятников Полесья подобные сосуды встречаются в незначительном количестве, хотя они известны на всех более или менее хорошо исследованных пунктах.

Тип 5 — представлен единичными экземплярами горшков с загнутыми внутрь краями, округлобоким или ребристым корпусом (подтип «а» и «б»). Иногда они снабжены двумя ручками. Отличаются друг от друга размерами. Поверхность лощеная.

Последние орнаментировались, так же как и нелощеные кухонные, редко. Основной орнамент — пролощенный желобок, круговой уступчик под шейкой, плоские наленные валики по шейке или плечикам и налесь в виде полумесяцев. Венчики в большинстве случаев округлые или плоско срезаны: горизонтально или под углом на внешнюю сторону или вовнутрь. На горшках из Среднего Поднепровья и в единичных случаях из Полесья встречается гранение с внутренней стороны шейки. Небольшое количество горшков из различных регионов культуры изготавливалось с ручками: по одной, соеди-

няющей шейку с основаниями плечиков, или по две маленьких, расположенных на плечиках.

Лощеные миски имеют значительный удельный вес в керамическом комплексе зарубинецкой культуры. При внешней схожести зарубинецких мисок по пропорциям отдельных частей и деталям формы выделяется большое типологическое их разнообразие (рис. 7, 1—4, 11—12).

Тип 1 — низкие миски с высокоподнятыми основаниями плечиков, со средними по ширине и даже узкими днищами. У них различные по высоте и степени профилированности горловины: от коротких слабопрофилированных до средних и сильнопрофилированных. Плечики короткие, средней высоты, очень слабо и слабопрофилированные. Встречаются сильно и очень сильно профилированные. Большинство мисок округлобокие с плавным или резким переходом от шейки к плечикам (подтип «а»). Известны экземпляры с ребристым корпусом или близким к нему (подтип «б»). По абсолютным размерам они относятся к категории средних (диаметр венчика от 11 до 20, высота 6—10 см).

Мисок этого типа в зарубинецких памятниках немного и наибольшее их количество происходит из Среднего Поднепровья (Пирогов, Вишенки и т. д.), но в небольшом количестве они найдены и в остальных регионах.

Тип 2 — средние по высоте миски с высокорасположенным наибольшим диаметром по корпусу, со средним по ширине днищем (широкие или узкие встречаются редко). По пропорциям горловины они относятся в основном к средне- и сильнопрофилированным с короткими или средними по высоте шейками. Плечики, как правило, короткие или средние по высоте слабо- и среднепрофилированные, однако встречаются и сильнопрофилированные. У большинства из них округлобокий корпус с плавным, реже резким, переходом от шейки к плечикам (подтип «а»). Ребристых или близких к ним — немного (подтип «б»).

По абсолютным размерам это сосуды с диаметром венчика от 11 до 20 и вы-

сотой до 10 см, а также с диаметром венчика 24—30 и высотой до 15 см.

Миски второго типа широко распространены по всей территории зарубинецкой культуры. Однако если в Чаплине много мисок больших по абсолютным размерам подтипа «б», то в остальных памятниках преобладают миски, меньшие по размерам подтипа «а».

Тип 3 — высокие по пропорциям миски с высоко посаженными плечиками и с широким дном (средние по ширине дна встречаются редко). У них средне- и сильнопрофилированные короткие шейки (но бывают и слабопрофилированные) и различной степени профилированности и разнообразия по высоте плечики. По форме это округлобокие сосуды с плавным, иногда с резким переходом от шейки к плечикам (подтип «а»). Ребристых или близких к ним сосудов намного меньше (подтип «б»). Диаметры венчиков в подавляющем большинстве случаев не превышают 20, а высота 10 см.

Миски третьего типа широко распространены по всей территории зарубинецкой культуры, но особенно много их в Чаплине и Велемичах II.

Тип 4 — высокие и очень глубокие по пропорциям миски с высоко расположенным наибольшим диаметром корпуса и с широкими, как правило, днами. В основном у них слабопрофилированные горловины и в различной степени профилированности короткие или средние по высоте плечики. Чаще всего, они округлобокие с плавным переходом от шейки к плечикам (подтип «а»); встречаются и ребристые (подтип «б»). Диаметр мисок в основном не превышает 15 см, а высота — 10. У некоторых мисок были ручки. Очевидно, они выполняли функции кружек.

Миски этого типа встречаются в небольшом количестве по всей территории зарубинецкой культуры, но преимущественно зафиксированы в Полесье.

Тип 5 — миски с загнутыми внутрь краями (без шеек), низкие и средние по пропорциям высоты, с высоко под-

нятыми основаниями плечиков и узкими, реже средними по ширине днами. Корпус округлобокий. По своим пропорциям они напоминают миски скифского типа. Их немного и сосредоточены они в основном в Поднепровье. Встречаются также высокие миски, но небольшие по абсолютным размерам: диаметр венчиков редко превышает 10 см. Наибольшее их количество происходит из Полесья, но встречаются они и в Среднем Поднепровье.

Лощеные миски почти не орнаментированы. Только на отдельных экземплярах прочерчены какие-то фигуры (в виде креста на дне) и на некоторых — над шейкой имелся пролощенный желобок. Венчики большинства экземпляров округлые или плоские срезаны по горизонтали к плоскости дна или под углом во внутреннюю или внешнюю сторону. У некоторых мисок — маленькие декоративные ручки или высокие цилиндрическо-конические пустотелые дна, что придавало им вид парадной посуды типа вазочек. У большинства мисок плоское дно или дна в виде невысокой плитки. Внутренняя линия шейки некоторых мисок из Среднего Поднепровья украшалась двумя-тремя гранями. Миски других регионов, как правило, это очень редкое явление. Края венчиков обычно округлые или просто срезаны: горизонтально по отношению к плоскости дна, под углом вовнутрь сосуда или на внешнюю сторону.

Третьим многочисленным видом лощеной посуды, представленной главным образом в Среднем Поднепровье и Полесье, были кружки. По пропорциям и форме выделяется пять основных типов (рис. 7, 5—10).

Тип 1 — по пропорциям низкие, приземистые кружки с наибольшим расширением по тулову, примерно посередине высоты сосуда, со среднеширокими днами. В основном они округлобокие с плавным переходом от шейки к плечикам (подтип «а»), ребристые единичны (подтип «б»). Зафиксированы в небольшом количестве на могильниках Полесья. Встречаются низкие кружки с высоко поднятыми основаниями плечиков. Округлобокие кружки

встречаются в небольшом количестве и только на Полесье.

Тип 2 — средние по высоте с небольшим расширением корпуса чуть выше или ниже середины высоты, со средними по ширине, реже широкими днищами. Они разнообразны по пропорциям горловины, но преобладают слабо- и среднепрофилированные средние по высоте. Средние по высоте плечики слабо- и среднепрофилированные. В редких случаях встречаются кружки с сильнопрофилированными плечиками. В количественном отношении преобладают округлобокие сосуды, ребристых немного. Кружки 2 типа широко распространены на отдельных памятниках Среднего Поднепровья и Полесья.

Тип 3 — кружки с высоко поднятыми основаниями плечиков, средней высоты, как правило, с широкими днищами. Они разнообразны по пропорциям шейки и плечиков, но преобладают слабо- и среднепрофилированные, средние по высоте шейки среднепрофилированные, средневысокие плечики. Подавляющее большинство кружек округлобокие с плавным иногда резким переходом шейки к плечикам (подтип «а»), ребристые кружки редки.

Небольшое количество кружек 3 типа имеется в материалах могильников Велемичи I и II и Воронино, в небольшом количестве они известны на многих памятниках Среднего Поднепровья.

Тип 4 — высокие, реже очень высокие, кружки с небольшим расширением корпуса посредине высоты сосуда (в большинстве случаев немногим выше ее). Днища в основном широкие, горловины средне- и сильнопрофилированные, плечики по высоте и степени выпуклости различны. По форме они округлобокие с плавным переходом от шейки к плечикам: ребристые встречаются как исключение. Наибольшее количество кружек этого типа известно в Пирогове, на других памятниках их немного.

Тип 5 — высокие, иногда очень высокие, кружки с высоко поднятыми основаниями плечиков и широкими днищами. Имеют в различной степени профилированные шейки, средние и высокие слабопрофилированные плечики.

Как правило, у них округлобокий корпус с плавным переходом от шейки к плечикам (подтип «а»). Встречаются иногда кружки с корпусом, близким к ребристому.

Тип 6 более характерен для Полесья, особенно Отвержичей, но найдены они и в Среднем Поднепровье.

Орнаментировались кружки гораздо реже, чем горшки: пролощенным желобком с круговым уступчиком, прорезными линиями или наlepным валиком по плечикам или под шейкой. Ручки у зарубинецких кружек — петельчатые, небольшие. С различными вариациями они крепились одним концом к шейке, другим — к основанию плечиков.

Единичными экземплярами и только на Среднем Поднепровье представлены лощенные кувшины — высокие сосуды с ручкой и с характерным относительно высоким узким горлом (рис. 7.25).

Керамический комплекс зарубинецкой культуры не оставался неизменным во времени. Для первого периода зарубинецкой культуры (становление и формирование) характерна керамика, сохраняющая в какой-то мере архаические черты предшествующих культур: скифоидные миски с загнутыми внутрь краями на Среднем Поднепровье, полесские горшки и миски с чертами позднепоморских типов, керамика с элементами милоградской культуры в Верхнем Поднепровье. В первом периоде зарубинецкой культуры зафиксированы миски с ручками, использовавшиеся как кружки, кувшины. Для горшков характерны сильнопрофилированные плечики и резкий переход от шейки к плечикам; миски также отличаются более четкой профилировкой корпуса.

К концу I — началу II периода складывается основной набор зарубинецкой посуды, представленный на могильниках горшками, мисками и кружками. Вместо кувшинов появились также в небольшом количестве, но уже во всех трех основных регионах культуры горшки с ручками. В профилировке горшков произошли изменения — исчез резкий переход от шейки к плечикам, степень профилированности плечиков

уменьшилась. В третьем периоде появляются ребристые сосуды, ребристые миски без шейки, с вертикально поставленными плечиками, исчезают кружки и горшки с ручками. Преобладают горшки со слабой профилировкой корпуса. Качество лощения заметно ухудшилось.

Анализ зарубинецкой посуды наглядно показывает, что, несмотря на общую внешнюю схожесть, керамика каждого региона имеет свои отличительные признаки. Для Среднего Поднепровья характерны горшки, по пропорциям относящиеся к категориям высоких, реже средневисоких и очень высоких с наибольшим диаметром корпуса, расположенным посередине высоты сосуда. Высокие стойкие горшки характерны и для керамического комплекса Верхнего Поднепровья. В Полесье горшки этих типов встречаются реже, главным образом в Отвержичах. Для Полесского региона типичны горшки с очень высоко поднятыми плечиками. Последних мало в Поднепровье.

Миски — наиболее связующее звено для всей зарубинецкой территории: большинство выделенных типов представлены на всех более или менее полностью исследованных памятниках. Правда, в верхнеднепровском районе наибольшее количество ребристых мисок. Кружки не типичны для Верхнего Поднепровья, что выделяет этот регион из общего массива зарубинецкой культуры. В Полесье выявлено самое большое количество типологически разнообразных кружек. В Среднем Поднепровье это разнообразие меньше. Но оба эти региона объединяют кружки второго типа.

Различия между регионами зарубинецкой культуры проявляются и в деталях (граненность внутренней линии шейки части посуды второй группы; кольцевой поддон мисок в Среднем Поднепровье; ребристость мисок в Верхнем Поднепровье), в орнаментации, некоторых технологических особенностях изготовления керамики и т. д.

Причины сходства и различия в керамике различных регионов зарубинецкой культуры кроются в предшествующих субстратных культурах и но-

вых, пришедших, принявших участие в сложении или повлиявших на облик зарубинецкой культуры.

Так, в керамических комплексах поселений Среднего Поднепровья найдено конические крышки, получившие широкое распространение с конца IV в. до н. э. на территории Северного Причерноморья в археологических культурах скифского и гето-дакийского ареала [Мелюкова, 1962.— С. 158]. Миски с загнутыми внутрь краями напоминают миски позднескифской Лесостепи [Петренко, 1967.— С. 22]. Кухонные горшки, орнаментированные по венчику ямками или насечками, близки горшкам лесостепной скифской и подгорцевской культур [Даниленко, 1953.— С. 197—208; Петровская, 1971.— С. 9—22; Петренко, 1967.— С. 23]. Основные пропорции и детали формы этих горшков получили свое развитие и продолжение в типах горшков с лощеной поверхностью наиболее репрезентативных в зарубинецких памятниках Среднего и Верхнего Поднепровья.

Позднепоморское влияние ощущается на всей территории зарубинецкой культуры, но наиболее сильно — на Припяти, где в большом количестве бытуют горшки с цилиндрической шейкой и кружки; кроме того, более широко, чем на остальных территориях, там применялся прием нарочитого ошершавления посуды («хроповатость»).

Плоские диски, зафиксированные на зарубинецких поселениях, известны не только в скифской, но и в гето-дакийской и лужицкой культурах.

Определенное влияние на облик зарубинецкого керамического комплекса оказала латенская культура, восточный рубеж влияния которой проходил по зарубинецкой территории. Подражанием кельтской бронзовой посуде исследователи объясняют прием нанесения граней на внутреннюю сторону шейки лощеных сосудов в Среднеднепровских памятниках. Влиянием ясторфской культуры объясняется и появление на зарубинецких памятниках в небольшом количестве глубоких мисок с ручками, использовавшихся как кружки, горшков с ручками и низких мисок.

Керамический комплекс Верхнего Поднестровья и Волыни в последней четверти I тыс. до н. э. наиболее близок керамике пшеворской культуры территории Польши. В римское время в первой четверти I тыс. н. э. его облик меняется, появляются черты, делающие глиняную посуду исследуемого региона отличной от основного массива пшеворской культуры.

В позднелатенское время по способу обработки поверхности выделяется группа с шероховатой, хрупчатой или комбинированной поверхностью (под венчиком заглаженные или подлощенные, по корпусу нарочито ошершавленные «хрупчатые») и посуда с лощеной поверхностью. Посуда первой группы в основном кухонная и тарная; второй — столовая и ритуальная. В качестве примесей в глиняном тесте применялись органические добавки, дресва и шамот. Причем в посуде первой группы они более крупные, а во второй — более мелкими и в меньшем количестве. Цвет поверхности черепка коричневатый, бурый, буро-серый, среди лощеных преобладает черный. Характерными особенностями сосудов позднелатенского времени являются утолщение профиля шейки и гранение венчика с внешней стороны. Имеются горшки, миски и кружки. В количественном отношении преобладают горшки (рис. 8, 1—8).

Горшки делаются на четыре типа.

Тип 1 — высокие стройные округлобокие горшки с максимальным расширением корпуса в верхней трети высоты. Шейки прямые, отогнутые наружу, утолщены, плечики среднепрофилированы.

Тип 2 — более крупные сосуды с наибольшей выпуклостью посередине высоты. Шейки плавно отогнуты наружу, плечики среднепрофилированные.

Тип 3 — сосуды с очень низкой, почти не выделенной шейкой, с наибольшим расширением посередине высоты, с сильнопрофилированными выпуклыми плечиками и выпуклой линией природной части.

Тип 4 — немногочисленные слабопрофилированные горшки с загнутыми внутрь краями венчиков.

В могильных комплексах позднела-

тенского времени зафиксированы сосуды редкой формы (урны из погребений в Биндюге, Гриневе, Монастырихе и др.).

Посуда второй группы представлена мисками и кружками. Первые делятся на два основных типа.

Тип 1 — низкие миски открытого типа с высоко поднятыми основаниями плечиков, очень низкими утолщенными шейками.

Тип 2 — высокие миски открытого, иногда закрытого типа, с высоко поднятыми основаниями плечиков, более высокими, чем в первом типе, чаще не утолщенными шейками. Некоторые из них имели ручки в виде петли, то есть использовались в качестве кружек.

Кружки представлены небольшими сосудицами, сочетающими черты горшков и мисок. В основном у них лощеная поверхность, но встречаются экземпляры и с заглаженной или шероховатой поверхностью.

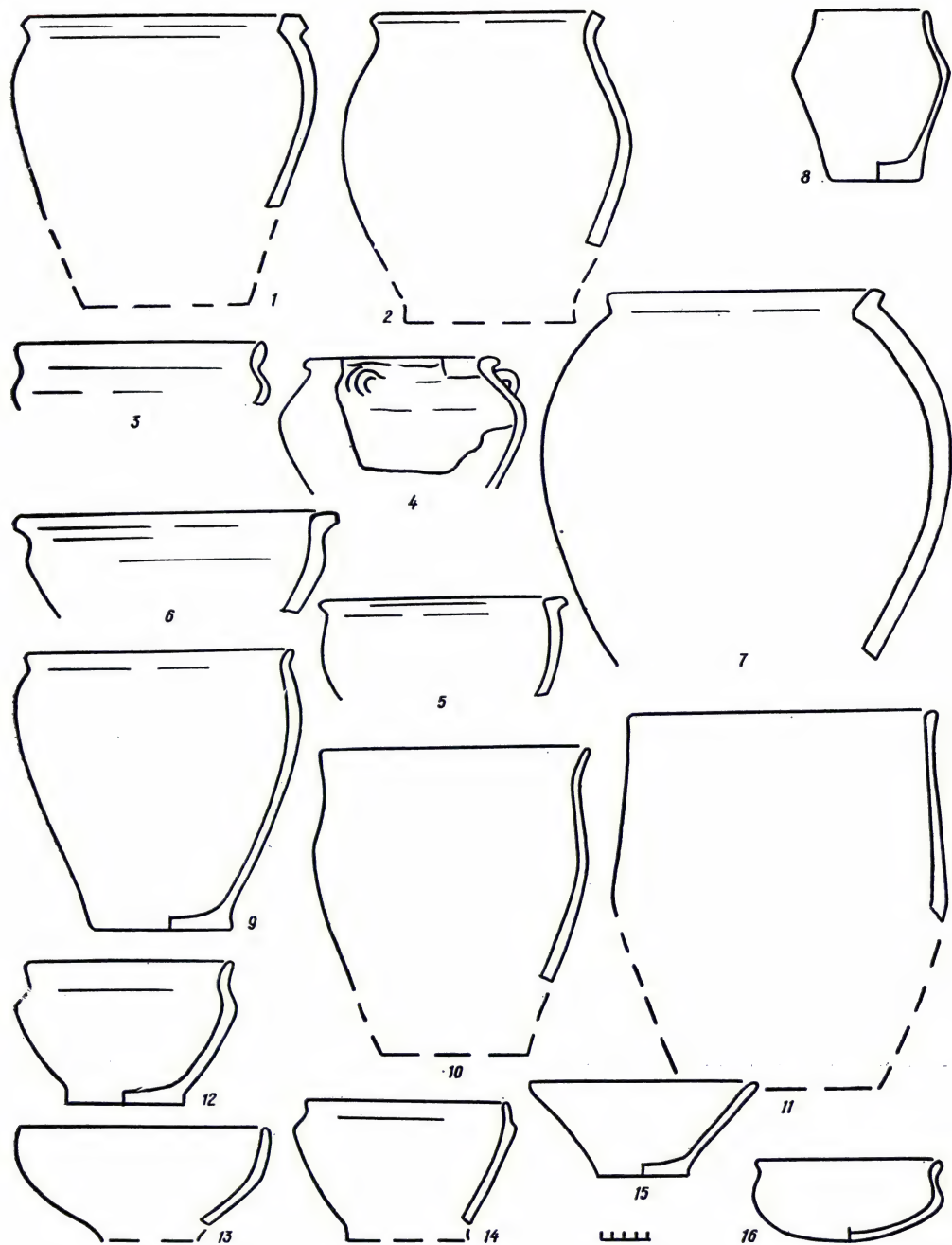
Большинство выделенных типов посуды имеет аналогии в пшеворских памятниках на территории Польши, в частности горшки первого и третьего типов, кружки. Горшки и миски второго типа характерны для зарубинецких могильников Полесья и Среднего Поднестровья, у которых, в отличие от волыно-подольских, более округлый край венчика.

По оформлению горловины основное количество мисок волыно-подольской группы памятников позднелатенского времени близки мискам пшеворской культуры территории Польши: значительное утолщение края шейки и гранение венчика с внешней стороны.

В наиболее ранних комплексах встречаются миски с оформлением края шейки, характерным для поенешти-лукашевской культуры — небольшим утолщением и гранением венчика и шейки с внутренней стороны сосуда (жилища № 16 в Подберезцах, № 9 в Пасаках-Зубрицких, № 6 в Горькой Полонке II и др.).

Лепная керамика поселений Верхнего Поднестровья и Западного Побужья в конце I—II в. н. э. претерпела значительные изменения [Козак, 1984. — С. 18]. Резко уменьшается количество

«хрупчатой» и лощеной керамики и увеличивается число сосудов с нелощеной, заглаженной поверхностью. Керамика становится более грубой, толсто-стенной, в качестве примесей применяется шамот, реже — песок и дресва. Изменяются количественный состав ви-

Рис. 8. Керамика пшеворской культуры и во-
лыно-подольской группы памятников:
1, 2, 7, 9 — Пасеки-Зубрицкие; 3—6, 8, 10—16 —
Подберезцы.

дов и ассортимент посуды. Увеличи-
вается число горшков, уменьшается ко-
личество кружек и мисок. Исчезают

утолщенность края шеек и подграненность венчиков (рис. 8, 9—16). Среди целых сосудов выделяется несколько типов горшков.

Тип 1 — высокие округлобокие горшки с наибольшим диаметром корпуса в верхней трети высоты сосуда, со среднепрофилированными выпуклыми плечиками, плавноотогнутыми наружу, иногда очень короткими шейками.

Тип 2 — более низкие по пропорциям горшки со слабопрофилированными плечиками и высоко расположенным наибольшим диаметром корпуса. По характеру корпуса и горловины выделяется несколько разновидностей: с округлыми плечиками и цилиндрической короткой шейкой; с почти ребристым корпусом, широкой или даже открытого типа, плавноотогнутой шейкой.

Тип 3 — округлобокие горшки с наибольшим расширением корпуса немногим выше середины высоты всего сосуда. Плечики слабопрофилированные, горловина довольно широкая. Некоторые горшки орнаментированы косыми насечками по венчику.

Тип 4 — округлобокие вытянутые стройные горшки с плавноотогнутой шейкой и среднепрофилированными высокими плечиками, с наибольшим расширением корпуса посередине высоты. Горшки этого типа наиболее многочисленны и встречаются на всех поселениях воыно-подольской группы.

Тип 5 — близкие по пропорциям и деталям формы горшкам четвертого типа, но отличаются от них меньшей пропорцией высоты.

Тип 6 — слабопрофилированные горшки с невыделенной шейкой, с наибольшим расширением корпуса посередине высоты или несколько ниже. Таких горшков немного, они встречены лишь на поселениях в Подберезцах и Пасаках-Зубрицких.

Количество мисок в римское время заметно уменьшается, ухудшается лощение, но формы становятся более разнообразными.

Тип 1 — ребристые миски, близкие по пропорциям мискам второго типа позднелатенского времени.

Тип 2 — ребристые миски без шеек, с вертикально поставленными или слег-

ка наклоненными вовнутрь плечиками. Венчики округлые или горизонтально срезанные.

Тип 3 — многочисленные миски полусферической или близкой к ней формы.

Известны немногочисленные экземпляры разнообразных вариаций сосудов конической формы, миски с округлым дном, миниатюрные сосуды, кружки.

Большинство типов посуды воыно-подольской группы находит аналогии в материалах следующих культур: зарубинецкой — горшки первого, четвертого и пятого типов, миски второго типа; в пшеворской — горшки второго и третьего типов, миски первого и второго типов; липицкой — горшки четвертого типа, конической формы чаши.

Керамика поенешти-лукашевской культуры, как и зарубинецкой, делится на две группы: посуда с шероховатой «хроповатой» поверхностью; чернолощенная посуда. Как и в зарубинецкой культуре, посуда первой группы (кухонная и тарная) составляет основу керамического комплекса поселений, а второй — лощеная (столовая и ритуальная) занимает господствующее положение на могильниках. В качестве примесей добавляли органику и шамот, главным образом, в виде подсушенной измельченной глины. В керамике первой группы они крупные, во второй — мелкие при более тщательно отмученной основной глиняной массе. Цвет керамики первой группы от серовато-желтого до буро-коричневого, второй — от серо-черного до черного. Характер и условия обжига поенешти-лукашевской керамики, вероятно, очень близки, если не аналогичны зарубинецкой. Ассортимент посуды включал в себя горшки, миски, кувшины, изредка кружки и супницы, плоские миски, дуршлаги, чаши (рис. 9, 1—21).

Основной формой первой группы посуды являлся округлобокий горшок. По характеру общей профилировки выделяется несколько типов.

Тип 1 — средние по пропорциям высоты сосуды с невыделенной или слабо выделенной шейкой, слабопрофилированным корпусом. Наибольший диаметр последнего приходится на середину вы-

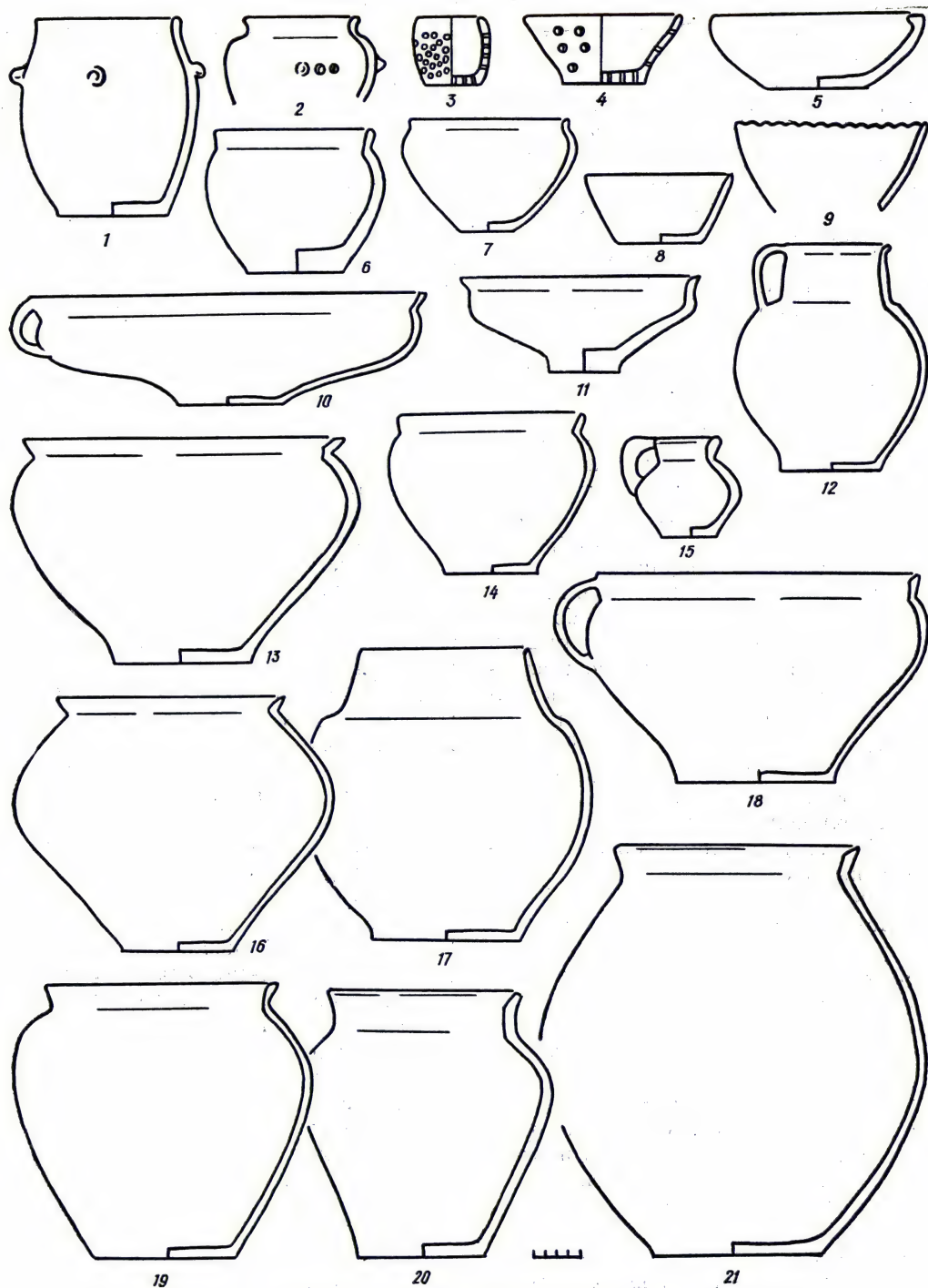

Рис. 9. Керамика поенешти-лукашевской культуры:

1—9 — нелощеная кухонная посуда; 10—21 — лощеная столовая посуда (1, 5, 6, 8 — Лукашевка II; 2 — Ульма; 3, 7 — Боросешты; 4, 9 — Сокол; 10, 14, 15, 17, 18, 20, 21 — Поенешти; 11—13, 19 — Лукашевка; 16 — Гринчук).

соты. Сосуды этого типа украшались налепным расчлененным валиком, налепами в виде пуговок, упоров.

Тип 2 — средние по пропорциям высоты горшки с цилиндрической шейкой, высокоподнятыми, выпуклыми плечиками. Нередко у горшков этого типа шейка и часть плечиков заглажены или подлощены, а остальная часть сосуда нарочито ошершавлена.

Тип 3 — средние по высоте горшки с отогнутой наружу шейкой и высоко-расположенным наибольшим диаметром корпуса. Они украшались налепами, иногда защипами по венчику, в ряде случаев налепы сочетались с хротоватостью корпуса.

На поселениях найдены миски с nelloщенной поверхностью и загнутыми внутрь краями; миски с конической формой корпуса; конические крышки с цилиндрической поллой ручкой; дуршлаги; обломки дисков-лепешниц.

Иногда среди керамики первой группы встречаются крупные по абсолютным размерам сосуды, изготовленные в виде мисок с вертикально поставленной короткой шейкой и сильно выпуклыми плечиками (форма супницы).

Посуда поенешти-лукашевской культуры второй группы разнообразна по формам и пропорциям. Выделено несколько типов горшков.

Тип 1 — средневысокие по пропорциям сосуды с сильновыпуклыми плечиками, наибольший диаметр корпуса расположен посередине высоты сосуда. Выделяется несколько разновидностей этого типа: горшки с узкими, довольно высокими, наклоненными вовнутрь горловинами и горизонтально-плоским срезом венчика; горшки с короткими шейками, отклоненными наружу, слегка уплощенными в профиле и гранеными с внутренней стороны. Некоторые горшки этого типа украшались прорезным орнаментом в виде различных фигур или налепами в виде полумесяцев и шишечек.

Тип 2 — наибольший диаметр корпуса расположен выше середины высоты. Шейки короткие, слабопрофилированные, резко отделены от плечиков.

Небольшим количеством представлены вытянутые горшки, высокие, с наи-

большим расширением корпуса посередине высоты (тип 3) и выше середины (тип 4).

Большой группой на могильниках представлены урны в виде супниц. Это довольно крупные по абсолютным размерам сосуды (высота 15—20, диаметр венчика 15—30 см), по своим пропорциям занимающие промежуточное положение между низкими горшками и высокими мисками (приземистые широкогорлые сосуды с высоко расположенным наибольшим расширением корпуса). Шейка обычно граненая с внутренней стороны, нередко слегка утолщена, а посуда из Румынской Молдовы, как правило, имеет Х-видные маленькие ручки.

Лощенные миски делятся на несколько типов.

1 тип — средневысоких пропорций, округлобокие миски с высоко расположенным наибольшим расширением корпуса. Различаются по степени профилированности горловины. Шейка в большинстве случаев слегка утолщена, граненая с внутренней стороны и резко отделена от плечиков. У мисок с территории Румынской Молдовы ручки Х-видной формы.

Тип 2 — миски, близкие по пропорциям и деталям формы к первому типу, но отличаются несколько ниже расположенным диаметром корпуса (чуть выше середины высоты).

Тип 3 — высокие по пропорциям миски с высоко поднятыми плечиками. Занимают переходное положение от мисок к кастрюлям-супницам. Различаются степенью профилированности горловины и плечиков. Шейки нередко слегка утолщены в профиле и подгранены с внутренней стороны, резко, реже плавно, переходят в плечики.

Тип 4 — миски, близкие по пропорциям и оформлению к третьему типу, но с ниже расположенным наибольшим диаметром корпуса. Некоторые миски третьего и четвертого типов имели ручки и, вероятно, использовались как кружки. Основное количество мисок в поенешти-лукашевских памятниках составляют низкие по пропорциям миски.

Тип 5 — с высоко расположенным

наибольшим диаметром корпуса, как правило, слегка утолщенной граненой с внутренней стороны шейкой.

Тип 6 — миски с несколько ниже расположенным наибольшим диаметром корпуса. Отличаются друг от друга степенью профилированности шеек. Миски пятого и шестого типов, происходящие из Румынской Молдовы, обычно имеют декоративные Х-видные ручки.

Лощеные кружки в поенешти-лукашевских памятниках представлены единичными экземплярами.

В могильниках поенешти-лукашевской культуры многочисленны чернолощенные кувшины. Они разнообразны по пропорциям и форме, для всех характерны узкая горловина и большие Х-видные ручки.

Анализируя керамический комплекс культуры Поенешти-Лукашевка, отметим, что в посуде первой группы прослеживаются черты керамики субстратной гето-дакийской культуры, предшествующей поенешти-лукашевской в Карпато-Днестровском регионе. Сказанное относится к nelloщенным горшкам первого типа, мискам с загнутыми внутрь краями, коническим чашам с ручкой, крышкам с пустотелой ручкой, плоским дискам, дуршлагам, налпнным орнаментальным мотивам в виде расчлененных валиков, упоров, пуговок. Новые привнесенные элементы особенно ярко проявляются в наборе и формах лощеной посуды второй группы, некоторых типах кухонной посуды, довольно распространенной манере нарочитого ошершавления корпуса горшков. С позднепоморской традицией можно связать горшки с цилиндрическими и наклоненными вовнутрь горловинами, «хророватыми» горшками второго и третьего типов I группы.

Наиболее близкие аналогии керамики поенешти-лукашевской культуры по набору посуды, по количественному распространению отдельных форм посуды в могильниках (Х-видным ручкам и т. п.) находятся в синхронных памятниках культур ясторфского круга. Определенное сходство лощеной керамики поенешти-лукашевской культуры прослеживается с керамикой пше-

ворской и зарубинецкой культур, особенно в пропорциях мисок. С латенским пшевором поенешти-лукашевскую керамику сближают формы некоторых кувшинов, обычай утолщения шейки (хотя и не сильно выраженного); со среднеднепровской зарубинецкой культурой — гранение внутренней линии шейки некоторых мисок и горшков.

Лепная керамика в липицкой культуре составляет основу керамического комплекса поселений, а на могильниках — гончарная. Так, на поселении Верхняя Липица лепная керамика составляла 82—85 %, на поселении Ремезовцы 94—97; на могильнике Верхняя Липица лепных урн 45,9 %, а гончарных 54,1; на могильнике Гринев лепных 33,3 %, гончарных 66,7 [Циглик, 1975.— С. 76].

Поверхность лепной посуды липицкой культуры в основном шероховатая. Как правило, стенки толстые, цвет желтовато-серый и коричнево-бурый. Глина с примесью органических и минеральных добавок в виде посеченных растений (найлены отпечатки соломы, листьев, зерен), песка, шамота, иногда дресвы. Выделяется посуда с желтоватой, заглаженной, иногда до лощености, поверхностью, в тесте с значительной примесью мелкотолченного шамота. В количественном отношении среди лепной керамики преобладают горшки, но встречаются кружки, миски, дакийские чаши с ручками, чаши на высокой подставке, светильники (рис. 10, 11—18).

Горшки делятся на несколько типов.

Тип 1 — очень высокие, стройных пропорций с довольно широкими днищами — так называемой тюльпановидной формы. У них слабо- и среднепрофилированная горловина открытого типа.

Тип 2 — более низкие, чем горшки первого типа, а по пропорциям горловины относятся к горшкам с короткой шейкой закрытого типа, со слабо- и среднепрофилированными плечиками. Как правило, липицкие горшки округлобокие с плавным переходом шейки в плечико. Горшки, особенно тюльпановидные, нередко орнаментировались различными налелами, размещавшими-

ся по линии основания плечиков или же по плечикам: разнообразные шишечки, налепные валики, полумесяцы, по которым дополнительно нанесены защипы или ямки.

Тип 3 — округлобокие горшки без шеек с загнутыми внутрь краями. Они также украшались налепным орнаментом: разнообразными шишечками, расчлененными валиками. Поверхность шероховатая.

Тип 4 — биконические, ребристые горшки, различные по высоте и местоположением плечиков, без шеек, с загнутыми внутрь краями. Чаще всего у них заглаженная до залощенности поверхность; края отдельных горшков декорировались насечками.

Поверхность мисок липицкой культуры заглаженная, нередко подлощенная коричневого цвета. В основном они представлены сосудами без шеек с загнутыми внутрь краями с округлобоким или ребристым корпусом, прямым или выпуклым плечиком и обычно прямой линией придонной части и плоским дном. Подобные миски особенно характерны для поселений, хотя известны и в могильниках. В могильниках у с. Верхняя Липица и Звенигород найдены целые миски, а на поселениях — фрагментированные дакийские чаши на высокой подставке и чаши с ручкой [Свешников, 1958; Смишко, 1957; Цигилик, 1975. — Рис. 28].

В целом керамический комплекс липицкой культуры близок дакийским памятникам территории Румынии — это тюльпановидные горшки, чаши с ручкой и чаши на высокой ножке, миски с загнутыми внутрь краями. Аналогии липицкой керамике можно найти в памятниках типа Будапешт — Табан в Венгрии и на территории Словакии.

На поселениях Ремезовцы и Майдан-Гологорский встречена керамика, в которой в какой-то мере ощущаются традиции зарубинецкой культуры — обломки кухонных горшков и миски с заглаженной, иногда подлощенной поверхностью [Цигилик, 1975. — Рис. 30, 31, 40, 41, 42]. В литературе высказано мнение, что названные памятники относятся к воыно-подольской группе [Баран, 1981. — С. 157—158].

Лепная керамика на поселениях латенской культуры Закарпатья составляет до $\frac{2}{3}$ керамического комплекса. Поверхность лепной посуды шероховатая, с различной степенью заглаженности: от бугристой, толстостенной с примесью дресвы, до тщательно заглаженной тонкостенной с примесью песка. Основными формами лепной посуды являются горшки, кружки, миски, сковородки, миниатюрные сосудики. В небольшом количестве встречаются сосуды, имитирующие формы кружальной посуды (рис. 10, 1—10).

Наиболее многочисленный вид лепной посуды представлен горшками, среди которых выделяются несколько основных типов.

Тип 1 — высокие округлобокие со слабопрофилированным корпусом горшки, с горловиной открытого типа и очень высоко расположенным наибольшим диаметром корпуса.

Тип 2 — высокие округлобокие слабопрофилированные горшки, но с горловиной закрытого типа и наибольшим расширением корпуса посередине высоты сосуда.

Тип 3 — приземистые горшки, с узкими горловинами, сильнопрофилированными плечиками и с небольшим диаметром корпуса, расположенным на середине высоты сосуда.

Тип 4 — округлобокие горшки с очень низко расположенным наибольшим диаметром корпуса, узкой слабопрофилированной короткой горловиной и сильнопрофилированными плечиками.

Тип 5 — сосуды без шеек с прямо поставленными или загнутыми внутрь краями.

Орнаментировались горшки редко, из орнаментальных мотивов чаще всего встречаются налепы (валик), расчлененные вдавлениями, шишечками и т. д.

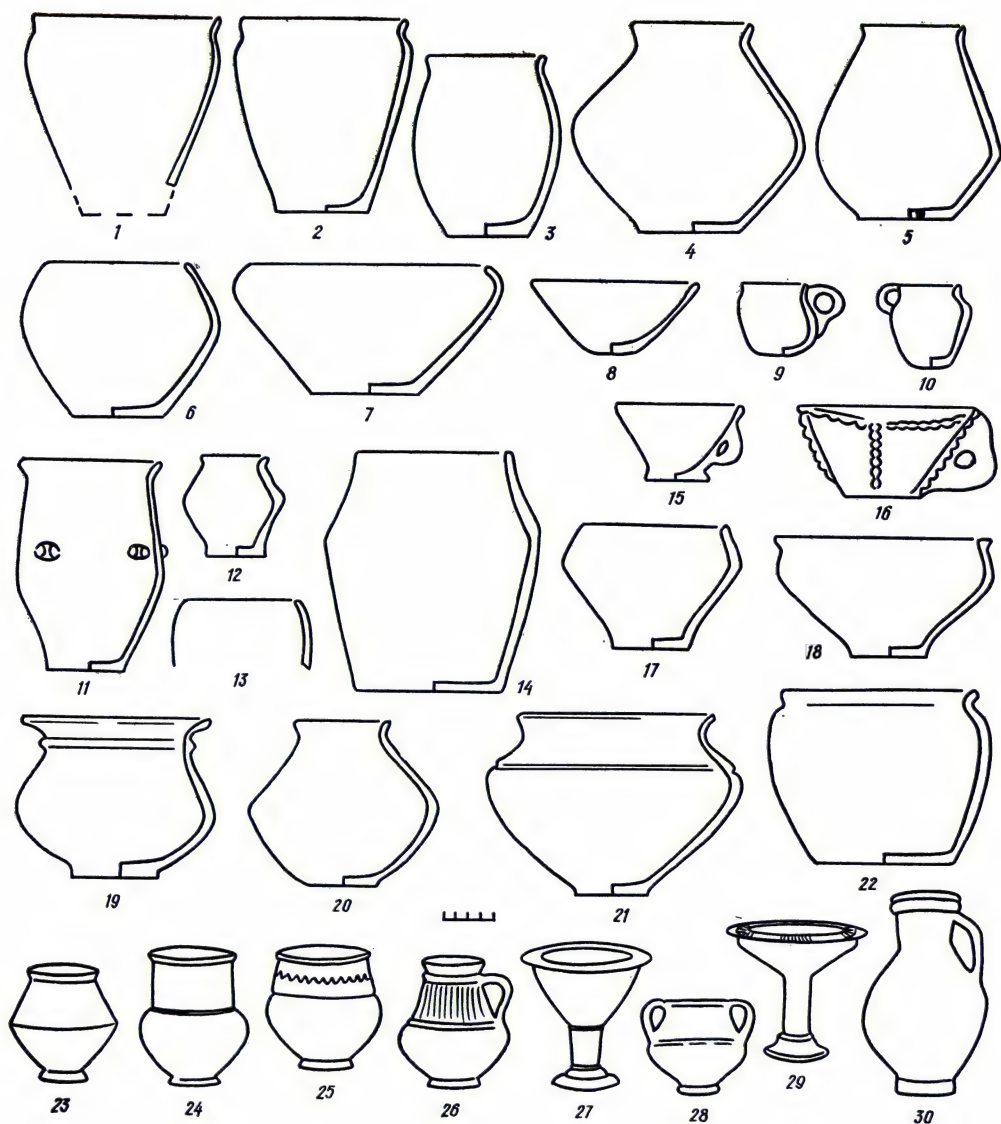
Миски составляют вторую основную группу лепной керамики. Выделяются два типа мисок.

Тип 1 — округлобокие миски без шеек с загнутыми внутрь или вертикально поставленными краями.

Тип 2 — миски конической формы с горизонтальным срезом края.

Кружки представляют собой небольшие горшкоподобные сосуды со слабо-

профилированным корпусом, большими, реже маленькими, петельчатыми ручками.

Анализируя комплекс лепной керамики латенской культуры Закарпатья, можно прийти к выводу, что во всех типах посуды ощущается влияние местной предшествующей — куштановицкой культуры скифского времени.

Наиболее характерными для позднескифских памятников Нижнего Днепра были высокие горшки и корчаги вытянутых пропорций с низкопоставленными среднепрофилированными плечика-

Рис. 10. Керамика археологических культур рубежа и первой четверти нашей эры:

1—10 — лепная посуда латенской культуры Закарпатья; 11—18 — лепная посуда липицкой культуры; 19—22 — гончарная керамика из латенских памятников Закарпатья; 23—30 — гончарная керамика липицкой культуры (1—8, 19—22 — Закарпатье; 9, 10 — Галиш-Ловачка; 11 — Незвиско; 12, 13, 23—30 — Верхняя Липица; 14, 15, 17 — Ремезовцы; 16, 18 — Залески).

ми, основания которых расположены посередине высоты посуда и даже несколько ниже. Горловины таких горшков обычно среднепрофилированные, плавновыгнутые. Известны сосуды и менее высокие, но со значительной

округлостью формы за счет более высокоподнятых сильнопрофилированных плечиков, большей вытянутости линии придонной части и более широкого днища. Горшки, как правило, нелощеные, а корчаги подлощены или же лощеные. Украшались позднескифские сосуды ямками или косыми насечками по венчику, налепами в виде расчлененных валиков по плечикам, традиционным скифским орнаментом. Нередко встречались сосуды, декорированные орнаментальными мотивами, указывающими на связь с соседними культурами, например с гето-дакийской (различные шишечки, дуговидные ребра), с сарматской (прорезные зигзаги, волнистые линии, «елочка») и др. (рис. 11, 9—14).

Сарматская керамика в основном известна по погребениям. Для ранних погребений III—II вв. до н. э. характерны горшки, по своим пропорциям относящиеся к средним, с низко посаженными сильнопрофилированными выпуклыми плечиками и сильно выпуклой линией придонной части, что создает шарообразность корпуса. Горловина, как правило, узкая, короткая, сильно и среднепрофилированная. Для более позднего времени, первых веков нашей эры типичны: горшки более приземистых пропорций с низкососяженными плечиками и широким дном; горшки и корчаги, очень высокие, стройные с широкими днищами и высоко поднятыми основаниями плечиков. Горшки первых веков нашей эры отличаются более широкой, средне- и сильнопрофилированной горловиной. Сосуды раннего периода в основном украшались традиционным сарматским орнаментом: прочерченными горизонтальными и волнистыми линиями под шейкой, зигзагами, спускающимися вниз. В более позднее время появились мотивы, характерные для соседних культур: ямки и насечки по венчику, налепы разнообразной формы (рис. 11, 8).

Кроме горшков и корчаг в позднескифских и сарматских материалах рассматриваемого времени довольно много мисок с загнутыми внутрь краями, светильников различной формы, подражающий античной кружальной посуде и т. д.

Истоки позднескифской и сарматской

керамики лежат в скифской и сарматской культурах предшествующих времен.

Итак, для керамики рассматриваемых культур характерны своеобразные специфические черты, создающие колорит каждой из них. Вместе с тем прослеживаются определенные черты, общие для ряда керамических комплексов этих культур, свидетельствующих о связях, взаимовлияниях и взаимопроникновениях одних культурных элементов в другие.

Так, по ширине ассортимента зарубинецкая, пшеворская, поенешти-лукашевская культуры близки между собой и входят в ареал культур латенского круга. Однако отдельные виды посуды на них представлены в различном количественном отношении (так кружки наиболее типичны для зарубинецкой культуры Полесья и Среднего Поднепровья, а в зарубинецком Верхнем Поднепровье и в поенешти-лукашевских памятниках их единицы). Высокие стройные горшки с наибольшим расширением корпуса в нижней части характерны для Среднего и Верхнего Поднепровья и тяготеют к скифскому миру. Для поенешти-лукашевской и пшеворской культур более типичны средние по высоте горшки с высокопоставленными плечиками. Орнаментация нелощенной посуды всех рассмотренных групп тяготеет к традициям субстратных предшествующих культур, а лощеной — к новым, пришлым.

Так, в зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья и в какой-то мере Верхнего Поднепровья, ощущаются традиции местных культур скифского времени. Это нашло отражение и в ассортименте посуды (крышки конической формы, скифские миски с загнутым внутрь краем), пропорциях горшков, орнаментации нелощенной посуды.

В зарубинецкой керамике Верхнего Поднепровья, кроме некоторых элементов культур скифского круга, ощущается заметное влияние и милоградской культуры, особенно заметное в мисках ранних фаз Чаплинского могильника и орнаментации некоторых горшков.

На сложение зарубинецкой культуры Полесья, как и на облик лощеной кера-

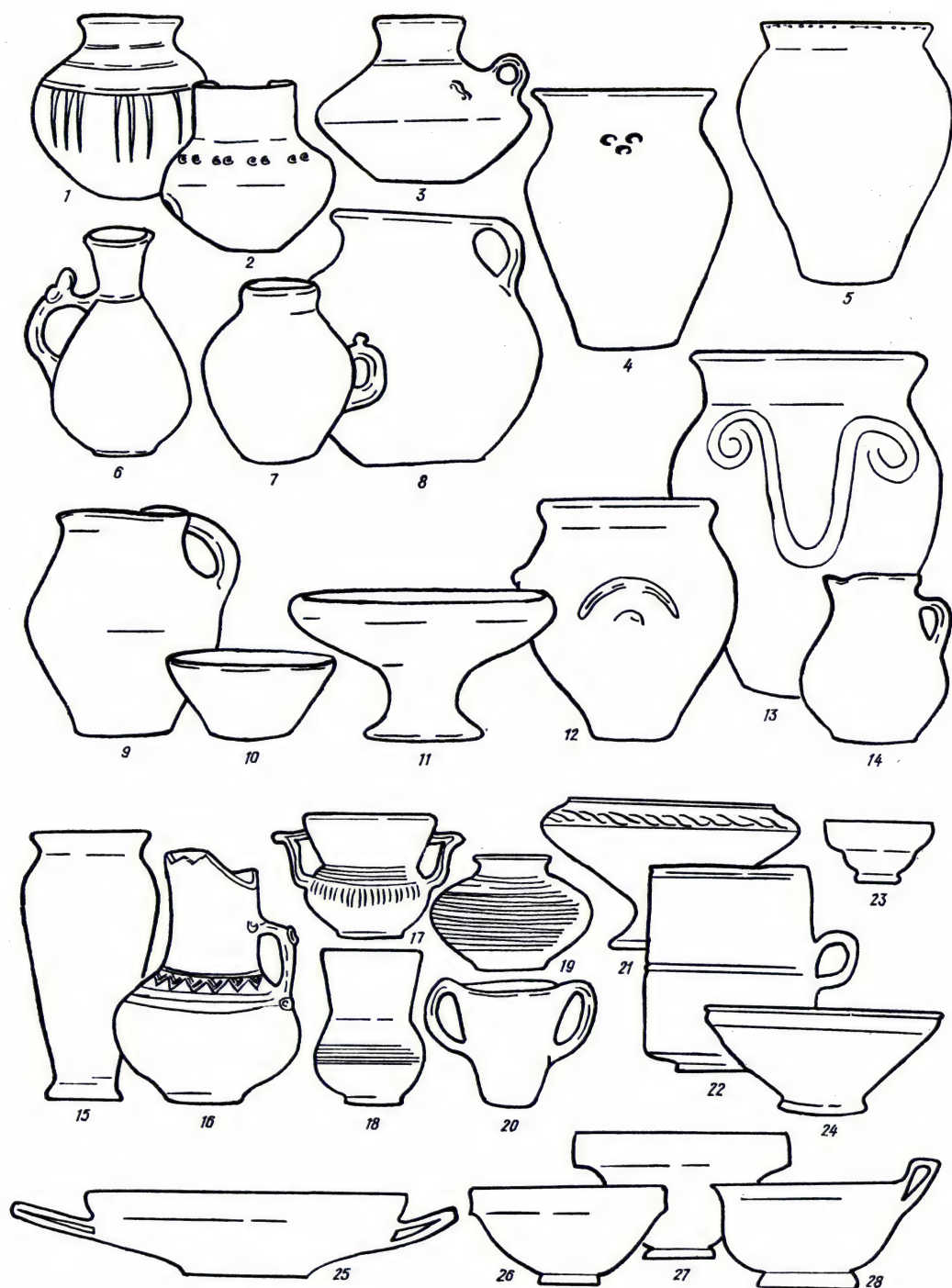

Рис. 11. Керамика позднескифской и сарматской культур Северного Причерноморья:

1—8 — сосуды сарматской культуры; 9—14 — позднескифская посуда; 15—24 — античная посуда на позднескифских и сарматских памятниках; 25—28 — античная посуда на зарубинецких памятниках.

мики зарубинецкой культуры в целом, осязаемое влияние оказали поморская и подклешовая культуры Центральной Европы [Кухаренко, 1964.— С. 3—24]. Исследования последних лет показывают также вклад ясторфской культуры.

Керамический комплекс поенешти-лукашевской культуры сложился на традициях местной культуры, представленной здесь памятниками гетского населения, что проявляется в кухонной посуде поселений, и пришлого населения ясторфской, наследников поморской и позднелужицкой культур. Влияние последних наиболее сильно выражено в формах посуды могильников, хотя наблюдаются и в материалах поселений.

В керамике пшеворской культуры Верхнего Поднестровья и Волыни позднелатенского периода прослеживается связь с пшеворской культурой Польши. В раннеримское время заметно увеличивается вклад позднезарубинецкой культуры в керамический комплекс. В результате интеграции элементов обеих культур возникает волыно-подольская группа [Козак, 1985.— С. 25—33].

Основные формы лепной керамики липицкой культуры находят аналогии в керамике культур дакийского круга Румынии [Цигилик, 1975.— С. 79—110]. Лепная керамика латенской культуры Закарпатья вобрала в себя традиции посуды местного населения куштановицкой культуры скифского времени [Бидзиля, 1971.— С. 87—102].

Взаимовлияния рассмотренных культур проявляются не только в каких-то отдельных элементах керамики, но и в появлении керамики одной культуры в материалах другой. Так, зарубинецкая керамика зафиксирована в сарматских погребениях, позднескифских городищах Нижнего Днестра, а в поселениях Ремезовцы и Майдан-Гологорский исследователи отмечают смешанные пшеворско-зарубинецкие памятники [Вязьмитина, 1962; Цигилик, 1975; Козак, 1984].

Многие черты керамики конца I тыс. до н. э.— первой четверти I тыс. н. э. со временем исчезли, но отдельные особенности керамики зарубинецкой, пшеворской, скифской и других культур

нашли свое отображение в керамике культур второй четверти I тыс. н. э. (например, киевской и черняховской).

Кружальная керамика в материалах ряда культур рубежа и первой четверти I тыс. н. э. представлена немногочисленными импортными изделиями и только в липицкой и латенской культурах Закарпатья — кружальными сосудами местного производства.

По насыщенности античного импорта в зарубинецкой культуре выделяется Среднее Поднепровье, особенно Правобережье Днестра в окрестностях Канева и Киева, устье Роси и Тясмина. В небольшом количестве античные изделия встречаются и в глубинах Левобережья, на Суле и Сейме. Обломки античной посуды, по данным Е. В. Максимова, найдены на 22 пунктах [Максимов, 1972.— С. 93]. Наиболее многочисленны фрагменты амфор с о. Кос, изготовленных из розовато-коричневой глины. У них светло-зеленого цвета обмозка, двустольные ручки, иногда с клеймами, датирующие амфоры концом III — началом I вв. до н. э. [Максимов, 1972.— С. 94]. В меньшем количестве известны обломки амфор из Родоса, Пароса, Фасоса, Синопы. Особенности венчика, ручек и днищ, а также надписей амфорных клейм дают основания датировать их главным образом временем косского импорта.

Изредка встречается столовая посуда рубежа н. э. Кружальная посуда изготовлялась в античных городах Северного Причерноморья — на Боспоре, в Херсонесе и Ольвии. Так, в погребении № 150 Пироговского могильника найден небольшой кружальный кувшин ольвийского производства.

На зарубинецких поселениях найдена посуда раннеримского времени: обломки краснолаковой столовой посуды и амфор светло-желтого цвета с примесью в тесте черных частичек пироксена, а также коричневого цвета с примесью песка (рис. 11, 25—28). Они датируются I в. до н. э.— I в. н. э. [Вязьмитина, 1962.— С. 158; 1960.— С. 109].

В поенешти-лукашевской культуре зафиксирован импорт с Родоса, Коса, Синопы. По данным М. Бабеша, он из-

вестен на 27 поселениях и в большинстве случаев представлен фрагментами родосских амфор (в 18 пунктах из 27). В Лунка-Чурей, Лукашевка II и Пуркары выявлены фрагменты керамики, датированные от 210—175 до 175—146 гг. до н. э.

На некоторых поселениях в небольшом количестве найдены обломки кельтской кружалной посуды: гладкой, тонкой, иногда расписной, и графитовой, украшенной прорезными линиями (Круглик, Боросешты, Лунка-Чурей, Тырпешты и т. д.).

Кружалная керамика из памятников латенской культуры Закарпатья составляет до 40 % всей глиняной посуды. Большинство кружалной керамики является кельтской или изготовленной местными мастерами по кельтским образцам и лишь немногие формы находят аналоги среди керамики дакийских памятников [Бідзіля, 1971.— С. 87] (рис. 10, 19—22).

По способу обработки поверхности и технологии изготовления керамики выделяется несколько групп кружалной керамики: 1) простая, нелощеная; 3) графитовая; 4) расписная; 5) сероглиняная.

Наиболее распространена кружалная посуда с нелощеной гладкой поверхностью с примесью песка, изредка орнаментирована. Генетично керамика связана с кельтскими древностями Средней Европы [Бідзіля, 1971.— С. 87]. Нелощеная посуда представлена горшками, мисками, посудой для хранения припасов, кувшинами.

Лощеная керамика встречается редко, в основном это единичные экземпляры кубков.

Графитовая керамика также составляет незначительный процент посуды и представлена в основном горшками. Тесто со значительной примесью графита; внешняя поверхность заглажена до залощенности и нередко орнаментирована густыми вертикальными начесами.

Еще реже встречается расписная кельтская посуда. В кургане у с. Бобовое найден целый горшок, на котором по желтой глиняной основе нанесен тонкий слой желто-красного ангоба, по

нему коричневой краской проведены четкие тонкие линии.

На закарпатских позднелатенских памятниках широко распространена своеобразная сероглиняная посуда, изготовленная из тщательно отмученной серой глины с незначительными примесями мелкого песка. Наиболее типичными в этой группе были горшки и глубокие ребристые миски, орнаментированные геометрическим узором, розетками или дуговидными углублениями, нанесенными штампом.

В материалах липицкой культуры кружалная керамика встречается в небольшом количестве на поселениях, составляя от 3 до 15 % всего керамического комплекса, главным образом в погребальных комплексах. Генетически она, в основном, происходит от дакийских памятников Румынии, хотя в какой-то мере ощущается влияние кельтской и античной цивилизации [Циглик, 1975.— С. 105—111].

Ассортимент кружалной посуды составляют горшки нескольких типов, вазы, чаши на высокой ножке и кувшины (рис. 10, 23—30).

Кружалная липицкая посуда изготовлялась из хорошо очищенной глины, с незначительными примесями мелкого песка, формовка происходила на быстровращающемся гончарном круге, а обжиг в специальных горнах. Поверхность посуды в основном серая, хорошо заглаженная, черная или желто-коричневая. Орнаментировалась кружалная посуда пролощенными линиями, образующими волнистый и геометрический узор.

На сарматских памятниках, кроме собственной посуды (рис. 11, 1—8), представлен античный импорт разнообразных форм. Среди них встречаются амфоры, красноглиняная и значительно меньше краснолаковая и сероглиняная посуда. Столовая красноглиняная посуда датируется позднелатенистическим временем II—I вв. до н. э. и римским I—II вв. н. э.— чаши, блюда, миски, кувшины, ойнохои, лагиносы, горшочки, канфары, лекифы. Большинство из них изготовлены в мастерских Северного Причерноморья, но встречаются изделия малоазиатского происхождения.

Среди сероглиняной посуды, найденной преимущественно в Молочанском могильнике, преобладают кувшины, ойнохой и миски (рис. 11, 15—24).

В материалах позднескифского населения Нижнего Поднепровья (рис. 11, 9—24) среди импортной кружальной посуды преобладают греческие остродонные амфоры, а в эллинистических слоях — из Родоса.

На этой же территории найдено большое количество столовой посуды: в ранних слоях городищ — обломки чернолаковых канфар, киликов, тарелок, солоннок, мегарских чаш III—II вв. до н. э. Позднее появляются позднеэллинистическая краснолаковая керамика и расписная херсонесская посуда. В первые столетия нашей эры завозилась и посуда разнообразной формы: кувшины, миски, кубки, тарелки, рыбные блюда.

7. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ, БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ, ПРЕДМЕТЫ УБОРА, ОРУЖИЕ

При анализе этих категорий археологического материала основное внимание уделялось лесостепным культурам земледельческого населения, имеющих отношение к этногенезу восточных славян (зарубинецкая, пшеворская, волыно-подольская, позднезарубинецкая, липицкая). Вещевой материал культур скифо-сарматского мира привлекался лишь попутно.

Производственный и бытовой инвентарь включает в себя предметы, связанные с сельским хозяйством, разнообразными ремеслами, а также вещами повседневного личного пользования.

Несмотря на довольно высокий уровень сельскохозяйственного производства у племен Юго-Восточной Европы рассматриваемого периода [Пачкова, 1974.— С. 3—134; Цигилик, 1975.— С. 130—175; Козак, Пашкевич, 1985.— С. 18—27], предметов, связанных с обработкой почвы, сбором и переработкой сельскохозяйственной продукции найдено очень мало. Это объясняется, по мнению исследователей, ценностью железа, что приводило к бережливому к нему отношению, а также тем, что

большинство сельскохозяйственного инвентаря изготовлялось из дерева [Пачкова, 1974.— С. 2—34].

Известно два экземпляра наральников. Один из них найден на поселении культуры Поенешти-Лукашевка в Круглике на Среднем Днестре [Пачкова, 1974.— С. 34], второй — на поселении волыно-подольской группы у с. Майдан-Гологорский на Верхнем Днестре [Цигилик, 1975.— С. 120] (рис. 12, 2). Оба экземпляра принадлежат к типу с узким лезвием. Втулка образована загибом широких лопастей треугольной заготовки, форма близка к цилиндрической. Длина изделия 16 и 20 см, ширина лезвий 5—7 см. Наиболее близкие аналогии описанным наральникам известны на латенском поселении в Галиш-Ловачке в Закарпатье [Бидзиля, 1964.— С. 98]. Известны в зарубинецкой культуре и культуре Поенешти-Лукашевка, а также на памятниках раннеримского времени Южного Побужья (рис. 12, 3—7) [Пачкова, 1974.— С. 35—40; Максимов, 1972.— С. 79; Хавлюк, 1975.— С. 16]. Их длина 10—24, ширина лезвий 2,2—3 см.

Роль серпов могли выполнять, по мнению исследователей, ножи серповидной формы, с сильно изогнутой спинкой и вогнутым лезвием [Пачкова, 1974.— С. 39]. Такие ножи известны в зарубинецкой культуре. Длина изделий 12—16 см.

При раскопках Е. В. Максимовым поселения зарубинецкой культуры у с. Зарубинцы найдено кольцо, при помощи которого к рукояти крепилась коса [Максимов, 1975.— Табл. XXVIII, 13]. Находка свидетельствует о наличии кос у племен зарубинецкой культуры.

Песты, зернотерки, жернова, служившие для измельчения зерна, изготовлялись из камня. Помимо них, население Юго-Восточной Европы широко применяло при обработке зерновых деревяные орудия, не дошедших до нашего времени, например ступки [Пономарев, 1955.— С. 30; Пачкова, 1974.— С. 41].

Каменные песты округлой формы найдены на ряде памятников зарубинецкой культуры [Максимов, 1972.— С. 70]. Реже встречаются зернотерки

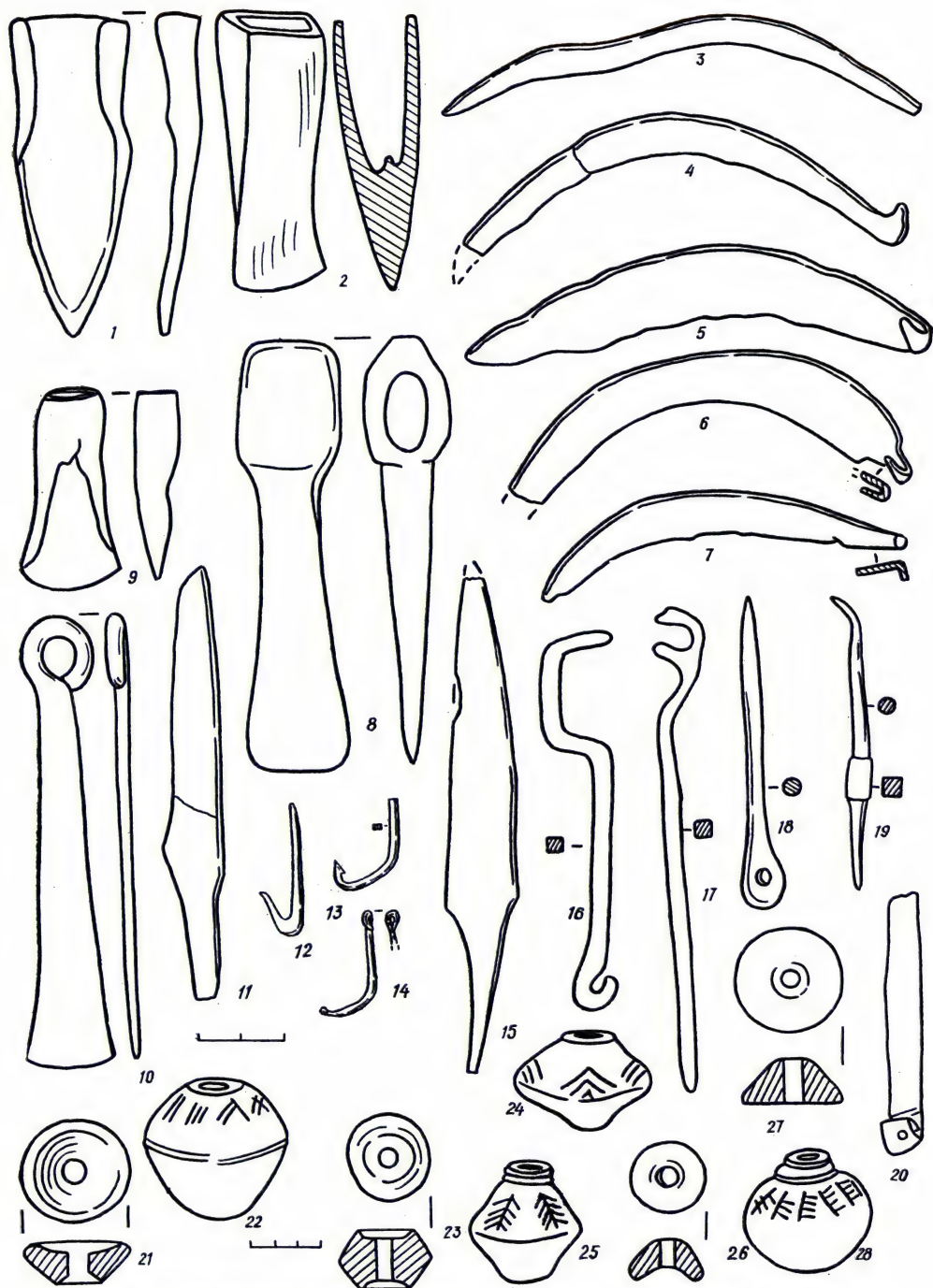

Рис. 12. Орудия труда и предметы быта рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:
 1 — Майдан-Гологорский; 2, 4, 6 — Чаплин; 3, 5, 7 — Субботов; 8, 9, 18 — Сокольники I; 10, 16,
 20 — Гринец; 11, 17, 21, 23 — Подберезцы; 15, 19, 26, 27 — Пасеки-Зубрицкие.

[Пачкова, 1974.— С. 41—42; Вязьмитина, 1972.— С. 185, 215]. Они состоят из двух камней — нижнего, на который насыпалось зерно, и верхнего, так называемого куранта, при помощи которого оно размельчалось.

С IV—III вв. до н. э. на рассматриваемой территории появились ротационные жернова. Они найдены на позднескифских городищах [Вязьмитина, 1974.— С. 215]. В раннеримское время каменные ротационные жернова известны в липицкой культуре, в частности на поселении в Верхней Липице, могильнике в Звенигороде. На последнем обломками жерновых камней закрывали некоторые урны [Цигилик, 1975.— С. 126]. Во второй половине II в. н. э. ротационные жернова уже применяли носители памятников волыно-подольской группы. Большинство фрагментов жерновых камней выявлено в Пасеках-Зубрицких, где открыто сооружение для помола зерна, куда входили несколько стационарных жерновов и специальные ниши для хранения зерна и муки [Козак, Пашкевич, 1985.— С. 18—27].

К сельскохозяйственным орудиям следует отнести, очевидно, и топоры, необходимые при подсечном земледелии. Они известны в зарубинецкой и липицкой культурах, а также в памятниках волыно-подольской группы.

В зарубинецкой культуре встречены топоры втульчатого типа в виде клиновидных кельтов. Форма прямоугольная, размерами 3×3 см. Длина топоров 13, лезвия до 5 см [Максимов, 1972.— С. 79; Пачкова, 1974.— С. 26]. Подобные топоры характерны и для латенской культуры.

Топоры более совершенной конструкции, относящиеся к так называемым проушным, встречены на памятниках волыно-подольской группы (рис. 12, 2, 8). Один из них найден на поселении в Сокольниках I Львовской области. У него прямоугольное длинное, со слабо расширенным концом, лезвие и массивный пятигранный обух. Отверстие в обухе четырехгранное. Длина топора 15, ширина лезвия 6 см [Козак, 1974.— С. 41]. Фрагмент аналогичного топора обнаружен на поселении в Ремезовцах и Верхнем Поднестровье [Цигилик,

1975.— Рис. 53, 15]. Подобные изделия известны на памятниках пшеворской культуры в Польше.

Наиболее частыми находками из категории инвентаря являются ножи (рис. 2, 11, 15). Они широко известны на всех исследованных памятниках рубежа и первых веков нашей эры. Форма ножей клиновидная в разрезе. По своей форме ножи делятся на несколько групп.

Не менее распространены шилья, проколки, иголки (рис. 12, 18, 19). Шилья изготовлены, как правило, из железной проволоки. Одна группа изделий встречена в липицкой и зарубинецкой культурах, имеет четырехугольный, несколько сплюснутый к концу черенок и круглое острие. Последнее составляет $\frac{3}{4}$ длины изделия. У острия черенок утолщен. Вторая группа представлена изделиями, у которых черенок отделен от острия квадратным утолщением (липицкая культура, волыно-подольская группа). Длина шильев от 8 до 20 см. Последняя форма характерна для пшеворской культуры. Проколки изготовлялись из костей и рогов мелких животных. Рабочая часть круглая, заостренная в конце. Длина 10—15 см.

На памятниках зарубинецкой культуры найдено несколько железных иглоков длиной 6,5—9 см. В утолщенном конце сделано ушко для продевания нитки. Костяные иголки известны на памятниках волыно-подольской группы, в сарматских могильниках, позднескифских городищах Нижнего Днепра.

В зарубинецкой культуре известны в единичных экземплярах долота, зубила, молотки, сверла, пробойники, гвозди [Максимов, 1972.— С. 79; Пачкова, 1974.— С. 91]. Интересен напильник, найденный на поселении липицкой культуры в Ремезовцах Львовской области [Цигилик, 1975.— С. 118], длиной 23, шириной 1 см. Подобные изделия известны в латенской культуре, а также на пшеворских памятниках (Галиш-Ловачка, Камьенчик).

На поселении волыно-подольской группы в Сокольниках I найдены два тесла [Козак, 1984.— Рис. 41, 2, 3] (рис. 12, 9). У них округлые втулки и расклепанное рабочее лезвие. Края лез-

вий с обеих сторон загнуты внутрь. Длина изделий 7—10, ширина лезвий 4 см.

С литейным и ювелирным производством связаны находки на памятниках зарубинецкой культуры и волыно-подольской группы глиняных льячек и тиглей [Пачкова, 1974.— С. 101; Козак, 1984.— С. 26]. Ложковидными льячками разливали металл в формы. В одном экземпляре из поселения в Подберезцах в Верхнем Поднестровье в ручке проделано отверстие для подвешивания.

Форма тиглей конусовидная или цилиндрическая, небольших размеров. Они изготавливались из огнеупорной глины. Высота 4—7 см, диаметр верхней части до 5 см. И некоторых тиглей в зарубинецкой культуре и у всех тиглей из памятников волыно-подольской группы возле основания прикреплены небольшие ручки-ушки, за которые их поддерживали клещами.

В ювелирном ремесле применялись, очевидно, и зажимные пинцеты с загнутыми внутрь краями. Несколько таких пинцетов найдено на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья и на памятниках волыно-подольской группы Верхнего Поднестровья (Пасеки-Зубрицкие). На каждом из исследованных памятников рассматриваемого периода найдены точильные бруски длиной 10—20 см. Обнаружено довольно значительное количество предметов, связанных с ткачеством и прядением — главным образом, пряслица, встречаемые на поселениях и в погребениях каждой из культур (рис. 12, 21—28).

Пряслица изготавливались из той же глины, что и лепная посуда. Нередко встречаются пряслица, сделанные из стенок лепных, гончарных, краснолаковых сосудов и амфор. Часть пряслиц с грубой примесью в тесте и шероховатой поверхностью. Большинство из них изготовлялось более тщательно, с лощеной поверхностью черного, серого, коричневого цветов. Наиболее распространена во всех культурах — биконическая форма с разнообразными вариациями (округло-плоскобиконическая). Встречаются пряслица цилиндрической и сферической форм. Специфическими

для зарубинецкой культуры являются пряслица грушевидной формы, а для памятников липицкой культуры — в форме усеченного конуса. Пряслица последней формы в небольшом количестве найдены и на памятниках волыно-подольской группы, где присутствуют элементы липицкой культуры. Еще одной чертой, характерной для пряслиц зарубинецкой культуры, является то, что большая их часть покрыта разнообразной орнаментацией. Орнаментированные пряслица иногда встречаются и на памятниках пшеворской культуры и волыно-подольской группы. На липицких пряслицах орнамент отсутствует.

Размеры пряслиц 1,5—5 см, их диаметр и высота 3—6 см. Среди этой категории находок выделяются несколько пряслиц из липицких и волыно-подольских поселений, изготовленных из мергельного мела. Одно из них было покрыто черной краской (Подберезцы).

С ткаческим ремеслом связаны также глиняные блоки, выполнявшие функции грузил для вертикальных ткацких станков. Грузила пирамидальной, реже конической или прямоугольной формы. На волыно-подольских памятниках найдены грузила округлой формы со сквозным отверстием на половине высоты. Высота грузил 12—16, ширина 8—10 см.

Орудия промыслов представлены рыболовными крючками, острогами, копьями, дротиками, наконечниками стрел. Рыболовные крючки длиной 8—12 см обнаружены на памятниках зарубинецкой и волыно-подольской культур (рис. 12, 12—14).

Остроги найдены лишь на зарубинецких памятниках. Они одношипные. Верхняя часть имеет форму черенка, что свидетельствует о насадной конструкции рукояти.

Наконечники копий, дротиков, стрел, применявшиеся не только для охоты, но и как боевое оружие, встречаются крайне редко. Исключение составляют пшеворская и сарматская культуры, носители которой клали предметы вооружения в погребения воинов.

Наиболее сложными изделиями из категории бытового инвентаря являются костяные гребни. На памятниках

рубежа и первых веков нашей эры найдено несколько гребней: одно- и двухслойных. Первые представлены гребнем из поселений волыно-подольской группы в Майдане-Гологорском [Цигилик, 1975.— С. 115] и Загаях II (раскопки Д. Н. Козака) (рис. 13, 13, 14), а вторые — двумя трехслойными гребнями из памятников волыно-подольской группы (Подберезцы, Сокольники I).

На памятниках пшеворской, липицкой и волыно-подольской культур известны немногочисленные находки ключей (рис. 12, 16, 17). В одном из погребений могильника пшеворской культуры у с. Гринев вместе с ключом обнаружены части замка. Длина ключей 10—20 см.

На памятниках пшеворской культуры в Поднестровье найдены ножницы (рис. 14, 12), принадлежащие к типу пружинных, с полукрулыми, расширенными в средней части и суженными в направлении лезвия дужками. Со стороны заостренной части лезвия отделены от дужек косыми уступами. Длина лезвий 16,5 см.

К индивидуальным, бытовым вещам принадлежат и кресала, обнаруженные в погребениях пшеворской и липицкой культур, длиной 8—12 см (рис. 12, 10). Иногда в пшеворских и зарубинецких погребениях встречаются бритвы (Гринев) (рис. 12, 20).

На могильниках липицкой культуры найдено несколько зеркал [Цигилик, 1975.— С. 123]. Они изготовлены из белого сплава — платины. Имеют форму округлой плитки диаметром 6,3—10 см. Подобные зеркала ввозились из наддунайских провинций [Vulpe, 1924.— S. 217]. К импортам из этих же областей относятся стеклянный кубок и стакан с профилированной подставкой, найденные в погребениях липицкой культуры, а также гемма из поселения липицкой культуры Верхняя Липица. На ней изображен обнаженный Гермес, держащий в левой руке мешочек, а в правой — кадуцей. Через руку переброшен плащ. Изображение на пластинке негативное. Гемма относится ко II в. н. э. [Цигилик, 1975.— С. 127]. Бронзовые зеркала нескольких видов хорошо известны из сарматских памятников,

а также позднескифских городищ Нижнего Днестра [Вязьмитина, 1974.— С. 185—261].

Украшения и детали одежды представлены фибулами, шпильками, подвесками, бусами, поясными пряжками, частями ремня (рис. 13, 1—24).

Фибулы использовались как украшения и в качестве застежки населением всех культур рубежа и первых веков нашей эры. Некоторые типы фибул характерны только для данной этнокультурной группы (так называемые зарубинецкие), большинство носит интеррегиональный характер.

Наиболее ранними являются фибулы среднелатенской схемы, найденные на зарубинецких, сарматских памятниках и нижнеднепровских позднескифских городищах. Они охватывают широкий ареал и известны во многих культурах Европы [Амброз, 1966.— С. 14].

Наиболее распространены в зарубинецкой культуре так называемые зарубинецкие фибулы, изготовленные, как правило, из бронзы. Типология и хронология этих фибул разработаны А. К. Амброзом [Там же.— С. 14—16].

Хорошо известны на рассматриваемой территории фибулы с рамчатым и ажурным приемником, нижней тетивой и прямой или лукообразно изогнутой спинкой. Такие фибулы распространены на значительной части Европы [Там же.— С. 22, 23]. Очень редкими в зарубинецкой и пшеворской культурах являются фибулы «боев», относящиеся к концу позднелатенского и началу раннеримского времени [Там же.— С. 25]. Они импортировались из Западной Европы.

В этот же период в зарубинецкой культуре получили распространение так называемые воинские фибулы. Помимо зарубинецкой культуры они известны на значительной части Центральной Европы [Там же.— С. 23—25]. На сарматских памятниках известны богато украшенные фибулы-броши нескольких форм [Вязьмитина, 1974.— С. 200—207].

К западным образцам принадлежат фибулы типа «Нертотмарус», ранний вариант очковой фибулы, а также фибула типа А 67 по классификации О. Альм-

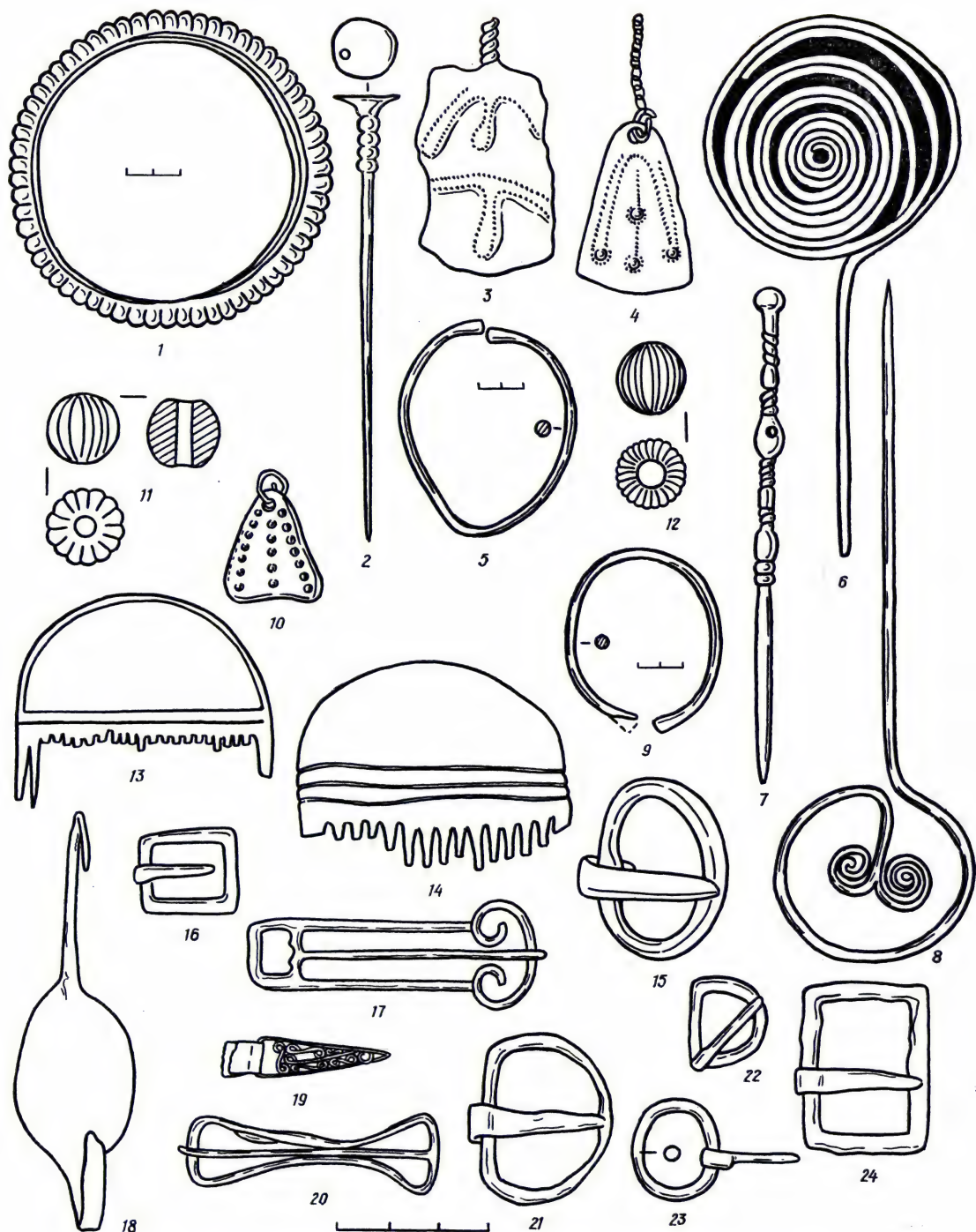

Рис. 13. Украшения и предметы убора рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:
1—11 — Полесье; 12 — Пасеки-Зубрицкие; 13, 14 — Загаи II; 15 — Звенигород; 16—24 — Гринев,

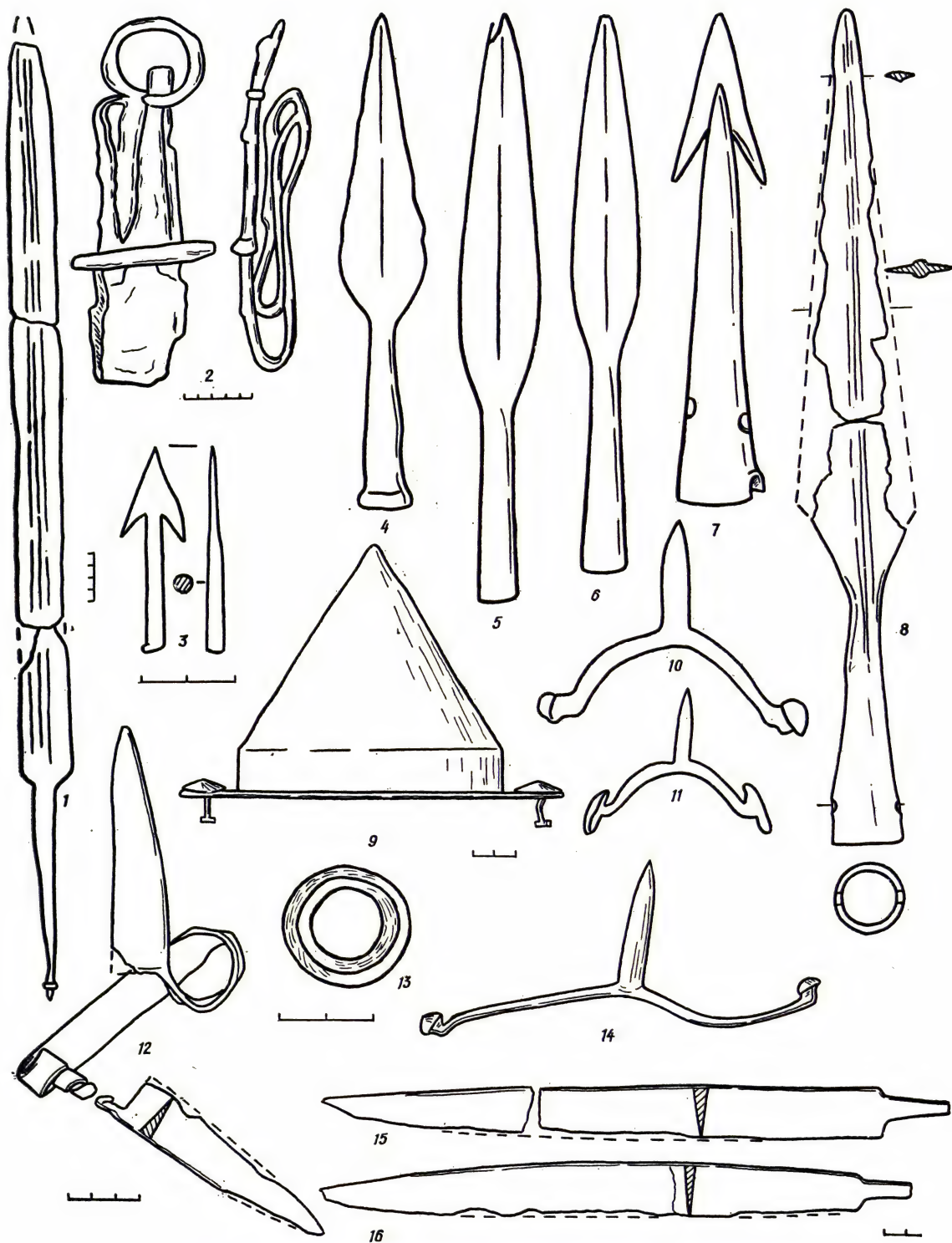

Рис. 14. Типы оружия рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:
1, 2, 8, 9, 11—16 — Гринец; 10 — Звенигород.

грена, найденные в богатом погребении у с. Колоколин в Прикарпатье [Smiszko, 1935.— С. 158—160]. Фибула типа А 67 по классификации О. Альмгрена найдена также в погребении могильника пшеворской культуры у с. Гринев в Верхнем Поднестровье [Козак, 1984.— Рис. 38, 2].

В раннеримское время наиболее распространенными на рассматриваемой территории были остропрофилированные фибулы типа 68 по классификации О. Альмгрена. Они широко известны в липицкой и пшеворской культурах Поднестровья. В Поднепровье и Полесье найдены в единичных экземплярах. Подавляющее большинство фибул этого типа изготовлены из бронзы; отличаются друг от друга пропорциями, более или менее вынутой головкой, наличием или отсутствием отверстий на приемнике. Классификация этого типа фибул дана М. Ю. Смишко [1932.— С. 30.— tabl. XIII].

К типу остропрофилированных относятся трубчатые фибулы, распространенные на памятниках липицкой и пшеворской культур [Smiszko, 1932.— С. 29—34].

На исследуемой территории (у с. Марьяновка на Южном Буге) найдена только одна такая фибула с двумя гребнями на спинке [Хавлюк, 1975.— Рис. 7, 1]. Подобные фибулы известны на территории Южной и Центральной Европы (Паннония, Норикум, Дакия, Силезия, Нижнее Повисленье) [Амброс, 1966.— С. 39]. Такой же редкостью для Юго-Восточной Европы является фибула типа Авциссы, найденная на могильнике в Рахнах [Хавлюк, 1975.— Рис. 7.3]. Как и предыдущий тип, она импортирована из Западной Европы [Амброс, 1966.— С. 39]. Одной из поздних в группе остропрофилированных фибул является фибула типа 82 по классификации О. Альмгрена, обнаруженная на рахновском могильнике [Хавлюк, 1975.— Рис. 7, 5]. Подобные фибулы широко распространены на территории Румынии и восточной части Северного Причерноморья [Амброс, 1966.— С. 40].

На сарматских и позднескифских памятниках римского времени распрост-

ранены фибулы лучковые с подвижной ножкой, арбалетные фибулы с трапецевидной ножкой, двущитковые сложнопрофилированные типа *augissa* и др. [Вязьмитина, 1974.— С. 185—224].

Довольно многочисленную группу на памятниках пшеворской, липицкой и позднесарубинецкой культур, а также в древностях раннеримского времени Южного Побужья составляют глазчатые фибулы. Они представлены поздними типами основной серии с неорнаментированной ножкой (тип 53 по классификации О. Альмгрена) и прусской серий (типы 57—61 по его же классификации) [Smiszko, 1932.— Tabl. XIII; Dąbrowska, 1973.— Tabl. X; Хавлюк, 1975.— Рис. 77—12; Максимов, 1982.— Tabl. VI].

Редкими на рассматриваемой территории являются железная фибула с плоской треугольной спинкой, заканчивающейся пуговкой (липицкий могильник в Верхней Липице), две эмалевые фибулы из этого же могильника [Smiszko, 1932.— С. 40], являющиеся провинциально-римскими импортами. Своеобразна фибула так называемого дакийского типа из могильника в Рахнах [Хавлюк, 1975.— Рис. 7, 10] с широкой пластинчатой спинкой, украшенной глазками, обрамленными вокруг точечками.

Оригинальную форму для рассматриваемой территории представляет железная фибула S-видной формы из могильника в Звенигороде, являющаяся импортом или же имитирующая аналогичные фибулы раннеримского времени в пшеворской культуре [Dąbrowska, 1973.— С. 211].

Единична фибула смычкового типа из поселения в Ремезовцах [Цигилик, 1975.— Рис. 53, 24]. Аналогии ей известны на памятниках пшеворской культуры [Godłowski, 1960.— Рис. 56, 1].

Переходный период от раннеримского к позднеримскому времени представлен фибулами, производными от остропрофилированных, найденными на памятниках волыно-подольской группы [Козак, 1984.— Рис. 18, 14; 45, 3]. Основными районами распространения

этих фибул является Центральная и Южная Европа.

Специфически зарубинецким украшением являются бронзовые булавки (рис. 13, 6—8), чаще всего встречаемые в Полесье, реже — в Среднем и Верхнем Поднепровье. В последнее время булавки обнаружены и на памятниках волыно-подольской группы. Типология булавок разработана Е. В. Максимовым [1972.— С. 83]. Булавки всех типов широко известны среди северо-восточных культур и являются свидетельством тесных связей зарубинецкого населения с балтским населением.

Не менее распространенным украшением в зарубинецкой культуре и у сармат являлись браслеты (рис. 13, 5, 9). Известны четыре основных типа: 1) изготовленные из круглой или полукруглой в сечении проволоки с заостренными, но не соединенными концами. Помимо зарубинецкой культуры найдены на памятниках волыно-подольской группы; 2) аналогичные изделия, но с расширенными концами; 3) в виде многовитковой спирали. Этот тип известен и на памятниках раннеримского времени Южного Буга (Рахны); 4) в виде литых обручей с крупными шишечками по ободу. Тип 1 и 3 широко распространен в Полесье, тип 2 — в Среднем Поднепровье [Максимов, 1972.— С. 84]. В сарматских могилах найдены золотые браслеты.

Зарубинецкие племена и сарматы широко пользовались украшениями в виде подвесок (рис. 13, 4, 10). Формы их разнообразны: трапециевидные, в виде лунниц, спиралевидные, бубенчikovидные. Подвески изготавливались из тонкой бронзовой жести. Нередко крепились к бронзовой спирали, которая одевалась на шлем в виде гривны [Максимов, 1972.— С. 84]. Аналогичные подвески широко распространены в милоградской и юхновской культурах [Мельниковская, 1963.— Рис. 5].

Не менее известны в зарубинецкой культуре и ожерелья из бусин: бронзовых (пронизок), импортных стеклянных, непрозрачной пасты. Последние орнаментировались зелеными, желтыми, красными зигзагами или глазками на голубой основе. Нередко бусины од-

нотонны. В состав ожерелий входили также местные глиняные бусы. Ожерелья, как и подвески, имеют аналогии среди балтского круга культур. Некоторые бусы, в частности из непрозрачной части с глазками, известны в материалах латенской культуры Центральной Европы и в Причерноморье [Dąbrowska, 1973.— S. 197].

К единичным украшениям относятся серьги из субботовского могильника, изготовленные из тонкой проволоки, соединенной простым замком. По мнению Е. В. Максимова, они перевезены из Северного Причерноморья.

К южным импортам принадлежат украшения, найденные на могильнике в Рахнах: шейная гривна в виде спирали с утолщенными концами и браслет с концами в виде змеиных голов [Хавлюк, 1975.— Рис. 8, 1—2]. Единичные экземпляры стеклянных и эмалевых бус найдены на памятниках липицкой культуры, волыно-подольской группы, на позднезарубинецких памятниках.

Металлические части пояса включают в себя поясные пряжки, скрепления поясов, оковки конца пояса (рис. 13, 15—24). Найдены они на памятниках пшеворской, липицкой культур и памятниках волыно-подольской группы, а также сарматских и позднескифских городищах Нижнего Днепра. В некоторых погребениях липицкой культуры встречено по 8—11 поясных пряжек. Для населения зарубинецкой культуры металлические части пояса не характерны. Две отдельные находки этой категории вещей (Велемичи — скрепление пояса, Субботов — оковка конца пояса) — импортированы из западных областей.

В липицкой культуре все пряжки изготавливались из железа, в пшеворской и волыно-подольской группе сармат и поздних скифов — из железа и бронзы.

Наиболее ранними на исследуемой территории являются поясные пряжки с округлой рамкой и подвижным язычком, более поздними — полукруглой формы. Единична железная восьмеркообразная пряжка из могильника пшеворской культуры в Гриневе. Такие пряжки встречаются в пшеворской культуре лишь спорадически и являют-

ся наследованием маркоманских пряжек.

Отдельный тип представляют пряжки прямоугольной формы, найденные на пшеворских и липицких могильниках. Они типичны для I—II вв. н. э.

К более позднему времени относится двучленная железная пряжка из Добростан [Козак, 1984.— Рис. 17, 1]. На одной из ее длинных сторон сделано крепление к концу пояса. С другой стороны крепления имеются три отверстия для заклепок, при помощи которых оно соединялось с поясом. Пряжки этого типа распространены в пшеворской культуре. Кроме пряжек встречаются предметы, служившие для оковки пояса, например трехчастное крепление ремней, найденное на могильнике в Гриневе [Козак, 1984.— Рис. 36, 6]. Они довольно редко встречаются на памятниках пшеворской культуры и известно в комплексах позднелатенского времени [Okulicz, 1971.— S. 153].

Своеобразна оковка конца пояса из Добростан [Козак, 1984.— Рис. 17, 8]: длинные стороны вогнуты, верхняя часть выгнута и оканчивается кольцом; раздвоенная основа крепилась двумя заклепками, от которых сохранились округлые отверстия. Среди находок этого типа выделяется бронзовая оковка конца пояса из могильника в Гриневе [Козак, 1984.— Рис. 37, 8]. Она выполнена в виде удлинненно-треугольной рамки, внутренняя часть которой заполнена ажурным орнаментом, состоящим из S-видных кольцевых фигур. Орнамент, как и рамка, сложен из двойных железных пластинок, покрытых бронзой. К рамке припаяно железное крепление к поясу.

Аналогий этому предмету не известно. Характер орнамента позволяет отнести его к изделиям позднелатенского времени. S-видный орнамент в виде спирали наиболее распространен на кельтских изделиях последних веков до нашей эры. Им украшались обкладки ножен, мечей, браслеты, фибулы и другие предметы [Filip, 1965.— S. 25, 93.— Obr. 4].

В наибольшем количестве предметы вооружения (рис. 14, 1—16) встречены на памятниках пшеворской культуры.

На зарубинецких поселениях и могильниках они известны в единичных экземплярах и представлены небольшими наконечниками копий, дротиков и стрел. Большое количество наконечников копий обнаружено в погребениях верхнеднепровской позднезарубинецкой группы, что связывается исследователями с изменением погребального обряда, согласно которому в погребения стали класть оружие [Максимов, 1972.— С. 79].

Предметы вооружения известны на смешанных пшеворско-липицких могильниках в Звенигороде и представлены типично пшеворскими формами. Преобладающая часть предметов вооружения, как отмечалось, найдена в погребениях. На пшеворских поселениях оружие встречается редко и представлено единичными находками наконечников копий, стрел, шпорами.

Наиболее распространенными являются наконечники копий и стрел. Только в ареале пшеворской культуры Поднестровья обнаружено более 40 железных наконечников и несколько оковок нижней части древка. Наконечники копий отличаются друг от друга размерами, формой лезвий, что позволило выделить среди них несколько разновидностей [Козак, 1984.— С. 26—27] (рис. 14, 4—8). В Гриневе найдены две нижние оковки древка копья, изготовленные из жести, свернутой в кольцо. В верхней, широкой части, сделаны отверстия для заклепок.

Стрелы встречаются редко. Несколько экземпляров обнаружено на селищах зарубинецкой культуры, немногим больше — на памятниках пшеворской культуры и волыно-подольской группы, а также памятниках раннеримского времени Южного Побужья (рис. 14, 3). Представлены они двумя типами — втульчатыми и черенковыми. Большое количество наконечников стрел в колчанах встречено в сарматских захоронениях.

Шпоры занимают второе место по количеству выявленных экземпляров. Со времени появления в пшеворской культуре в конце позднелатенского времени они периодически меняли свою форму.

Наиболее ранними являются шпоры, изготовленные из округлой в разрезе проволоки. Концы лукообразных плечиков отогнуты в стороны, к ним крепились большие, округлые, выпуклые пуговички. Посредине плечиков помещался высокий четырехгранный шип с закругленным концом [Там же.— Рис. 36, 21] (рис. 14, 10, 11, 14).

К более позднему времени относятся шпоры, изготовленные в отличие от упомянутых выше из железных пластин. Плечики более или менее изогнуты и оканчиваются полусферическими шишечками. Посредине плечиков — высокий, округлый в сечении шип.

Следующую форму представляют шпоры с короткими, расширенными посредине дужками плечиков и массивным суженным книзу округлым шипом с утолщенной кольцевой основой [Там же.— Рис. 18, 6, 15, 20].

К поздне римскому времени относятся шпоры с сильно изогнутыми, расширенными посредине дужками и высокими биконическими шипами. Характерной особенностью шпор этого типа является небольшой крючок возле шипа, при помощи которого шпора крепилась к ноге.

Интересны шпоры, у которых неодинаковая длина плечиков, из-за чего они приобретают асимметричную форму. Вместо крючка на дужке помещен небольшой выступ, служивший не для практических целей, а как украшение [Smiszko, 1932.— S. 95].

Своеобразна железная шпора из богатого погребения в Чижикиве. Она относится к ранним формам так называемых стуловидных шпор, изготавливавшихся в Германии и Чехии [Jahn, 1921.— S. 18, 24]; в Чижикиве она импортирована из пшеворской культуры.

Умбоны — одна из деталей боевого щита, предназначенная для охраны руки от удара (рис. 14, 9). По форме делятся на несколько типов. Наиболее ранними (первый тип) на исследуемой территории являются умбоны конической формы со сравнительно высокой шейкой и широкими горизонтальными полями. Шип умбона слегка обозначен. Они объединены в первый тип. Более развитая форма у умбона из Перепель-

ников (пшеворская культура) [Козак, 1984.— Рис. 15, 19]. В отличие от описанного выше у него относительно хорошо выделен шип.

Типологически и хронологически более поздними являются умбоны с хорошо развитыми, заостренными на конце шипами.

Умбоны второго отличаются от вышеописанных формой шипа. Он, как правило, высокий, суженный посредине и расширенный на конце. Форма его многогранная или округлая в сечении. К третьему типу относятся умбоны с широкими, ровно срезанными шипами. Они наиболее поздние в пшеворской культуре на исследуемой территории [Козак, 1984.— Рис. 36, 27].

Рукояти щитов, известные на пшеворских памятниках, имеют ровные, выпуклые ручки, на которых размещены широкие пластины для крепления к щиту. Одна из рукоятей на месте перехода ручки в пластину орнаментирована поперечными линиями. Края пластины украшены поперечными насечками. Все рукояти щитов относятся к девятому типу рукоятей с выделенными пластинами по классификации М. Яна [1916.— S. 183].

Мечи, один из наиболее ценных видов оружия, встречаются у племен пшеворской культуры, как правило, согнутыми или переломанными на двести части (рис. 14, 1—2). Наиболее ранними являются мечи, найденные на могильнике пшеворской культуры в Гриневе [Козак, 1984.— Рис. 37, 4; 36, 2, 3]. У одного из них длинный, обоюдоострый клинок с округленным концом. Ромбовидный в сечении черенок заканчивается массивной головкой. От черенка клинок отделен колоколовидным перекрестием. Вся поверхность клинка, за исключением краев, украшена продольными углублениями-желобками. Длина меча 92 см. В пшеворской культуре такие мечи известны в основном в позднелатенское время [Dąbrowska, 1973.— S. 163].

Следующий тип представлен мечами несколько короче предыдущих с удлиненным, заостренным концом клинка. Узкий, плоский клинок переходит в черенок двумя горизонтальными или не-

сколько опущенными вниз уступами [Козак, 1984.— Рис. 17, 21]. Такие мечи появляются под влиянием римских «гладиусов», которыми можно было не только рубить, но и колоть [Taskenberg, 1925.— S. 109]. Типологические более поздними являются мечи с длинными широкими клинками и заостренным концом. Клинок отделен от черенка двумя уступами. В одном случае черенок заканчивался плоской шишечкой [Козак, 1984.— Рис. 17, 1]. Такие мечи принадлежат к типу длинных, обоюдоострых мечей с широким клинком.

В особый тип следует выделить обоюдоострый меч, выявленный в Звенигороде — Гоевая Гора [Козак, 1984.— Рис. 36, 25]. У него короткий, заостренный на конце клинок, кольцевое навершие и прямое перекрестие на месте перехода в клинок. К. Домбровский и Е. Колендо относят его к группе провинциально-римских мечей с кольцевым навершием, встречающихся в погребениях римского времени в Центральной и Северной Европе [Dąbrowski, Kolendo, 1967.— S. 383—428]. Более точные аналоги известны среди коротких сарматских мечей с кольцевым навершием I—II вв. [Кропоткин, 1984.— С. 54].

Вместе с мечами в некоторых погребениях пшеворской культуры находят остатки ножен или оковок к ним. Ножны являются типичными для позднелатенского времени [Kostrzewski, 1919.— S. 96]. Исключительное место среди находок этого типа занимает богатый набор оковок ножен меча, обнаруженный в погребении № 3 в Гриневе [Козак, 1984.— Рис. 43] *.

Элементом ножен явились бронзовые и железные подвески, при помощи которых ножны соединялись с поясом (рис. 14, 13). По две таких бронзовых подвески найдено в Лучке и в одном из погребений в Гриневе, одно — в Звенигороде — Загуменках. Такие подвески часто встречаются на кельтских памятниках. В пшеворской культуре они появляются в конце позднелатенского времени с ранними типами мечей

[Kostrzewski, 1919.— S. 92, 93.— Abb. 6.].

Интересна оковка нижнего конца ножен меча из Гриневы дугообразной формы. Края пластины загнуты внутрь, образуя желобок, куда вкладывались концы ножен. Оковка крепилась к ножнам сквозными заклепками с выпуклыми головками. Вдоль наибольшей выпуклости проходит ребро, подчеркнутое с двух сторон параллельными углублениями. От ребра в обе стороны отходят косо расположенные желобки. Аналогии этому предмету не известны. Вместе с боковыми обкладками меч из погребения № 3 составляет единую по стилю оковку ножен меча и относится к изделиям кельто-фракийского круга.

К предметам вооружения относятся и два боевых ножа, выявленные в погребении № 3 в Гриневе (рис. 14, 15, 16). У одного из них дугообразная спинка и наибольшая ширина клинка в средней части. Длина ножа 47 см. Второй нож прямой, с сильно суженным к концу клинком. Длина ножа 28 см. Аналогии ножам известны на памятниках пшеворской культуры [Dąbrowska, 1973.— Tabl. XXVIII, 18; XL 13].

Рассмотрение вещевых находок из памятников II в. до н. э.— II в. н. э. Юго-Восточной Европы позволяет отметить не только культурные особенности отдельных регионов, но и проследить определенный прогресс в социально-экономическом развитии племен, населявших эту территорию.

Культурную специфику наиболее четко демонстрируют предметы украшений, одежды, оружие. По этим категориям вещей можно выделить: северо-восточный регион рассматриваемой территории, перекинувшийся с балтским ареалом (зарубинецкая культура); юго-западный, тяготеющий к гето-дакийской культурной области (липичская культура, позднезарубинецкие памятники типа Рахны), и западный, тесно связанный с пшеворской культурой. Отдельно стоит южный регион, связанный со скифо-сарматским миром.

Для каждого из перечисленных регионов в позднелатенское и начало раннеримского времени характерен специ-

* Подробнее описана в разделе «Сакральные памятники племен Юго-Восточной Европы в I тыс. н. э.»

фический набор предметов. Так, фибулы «зарубинецкого типа», большое количество бронзовых булавок, браслетов, разнообразных подвесок, ожерелий свойственны лишь зарубинецкой культуре. Все эти вещи, за исключением фибул, аналогичны или близки к милоградским и юхновским изделиям. Для носителей липицких памятников типичен свой набор украшений, например своеобразные остропрофилированные фибулы провинциально-римского типа. Очень близки связанные с гето-дакийской культурой украшения у носителей позднезарубинецких памятников типа Рахны на Южном Буге. Оригинальны также украшения племен пшеворской культуры. На памятниках волыно-подольской группы скрепляются элементы материальной культуры трех первых направлений. Своеобразен набор вещей и у сарматов и поздних скифов.

Для зарубинецких племен не характерен пояс с металлическими частями. Единичные находки частей пояса западного типа на зарубинецких памятниках, в частности припятских, свидетельствуют о редких контактах этих племен с западным населением.

В свою очередь, пряжки разнообразных типов, оковки конца пояса, скрепления типичны как для пшеворских и волыно-подольских, так и для липицких и сарматских памятников.

Только на пшеворских и сарматских памятниках обнаружено большое количество оружия специфической формы и видов. Редкие находки таких же предметов вооружения на липицких и волыно-подольских памятниках следует рассматривать как результат воздействия пшеворской культуры.

Отметим, что своеобразие изделий на территории Юго-Восточной Европы в значительной степени исчезает в раннеримское время. На всей территории Украины распространяются одинаковые типы украшений, частей пояса, набор хозяйственных и бытовых предметов. Причем все эти предметы либо южного и юго-западного, либо западного происхождения.

Таким образом, если в позднелатенское время восточная часть рассматриваемого региона была в значительной

степени изолирована от западной культурной области, контактируя, в основном, с северными регионами, южными античными центрами и скифо-сарматским миром, то в раннеримское время она включается непосредственно в орбиту юго-западной культуры. При этом прогрессивные явления, связанные с экономическим развитием, первоначально прослеживаются в западных областях рассматриваемого региона и только в конце ранне-позднеримского времени распространяются на восток, что очень выразительно просматривается на сельскохозяйственном и ремесленном инвентаре.

Так, одно из важнейших сельскохозяйственных орудий — железный наральник — известен уже в позднелатенское время на памятниках лукашеской культуры. В более раннее время аналогичные изделия получили распространение на латенских памятниках Центральной Европы, в том числе и Закарпатье. В раннеримский период такие же наральники известны на липицких и волыно-подольских памятниках. В восточных областях наральники из железа в это время еще не получили распространение.

Аналогичная картина наблюдается с изделиями для размельчения зерна. В зарубинецкой культуре, как впрочем и в других культурах позднелатенского времени, для этой цели служили зернотерки и песты. Однако уже в раннеримское время в среде носителей липицких памятников, тесно связанных с римскими придунайскими провинциями, распространяются более прогрессивные изделия — ротационные жернова, повышающие производительность труда в 3—4 раза. Это важное нововведение, связанное с ростом производительности труда в сельском хозяйстве, одновременно было заимствовано и носителями памятников волыно-подольской группы. Широкое распространение в лесостепной части Восточной Европы эти изделия получили только в III—IV вв.

В раннеримское время другие орудия труда также приобретают более совершенную форму. Для примера назовем топоры, которые в зарубинецкой культуре имели еще примитивную втульча-

тую форму (кельт). В раннеримское время в среде липицких и волыно-подольских племен бытуют уже топоры более совершенного проушного типа, существующие до настоящего времени.

Только в лукашевской и зарубинецкой культурах, относящихся к позднелатенскому времени, известны косы и серпы. Их отсутствие в культурах раннеримского времени можно, по-видимому, объяснить слабой исследованностью памятников. На памятниках волыно-подольской и липицкой групп (раннеримское время) найдены тесла, ножницы, напильники, что свидетельствует о более развитом ремесленном производстве. Находки ключей на тех же памятниках говорят о появлении в это время частной собственности. Подобные находки в культурах позднелатенского времени не известны.

8. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Археологические культуры позднелатенского и раннеримского времени рассматриваемой территории датировались первыми исследователями, как правило, по отдельным памятникам, обычно могильникам, на основании отдельных датирующих изделий, чаще всего фибул, и впоследствии эта хронология распространялась на всю культуру в целом. Так, после датировки зарубинецкой культуры, предложенной ее первооткрывателем В. В. Хвойкой (II в. до н. э.—II в. н. э.) [1901.— С. 182—184], почти за столетний период исследования ее памятников были предложены более широкие рамки (III в. до н. э.—III в. н. э.) [Даниленко, 1953.— С. 197—208] и более узкие (в пределах I—II вв. н. э.) [Рыбаков, 1948.— С. 43].

Поенешти-лукашевская культура датировалась Р. Вульпе и исследователем могильника Лукашевка Г. Б. Федоровым II—I вв. до н. э. [Vulpe, 1953.— Р. 465—506; Федоров, 1957.— С. 51—62]; ученым Р. Хахманом — очень коротким промежутком времени — ранней фазой позднего предримского периода, то есть около 120/100—

90/70 гг. до н. э. [1961.— С. 244] и т. д.

Хронологию пшеворских (I в. до н. э.—III в. н. э.) и липицких (I—II вв. н. э.) памятников на территории Поднепровья и Западной Волыни определил М. Ю. Смишко [1932.— С. 110].

В последнее десятилетие добыт значительный материал, позволивший по новому рассмотреть вопросы хронологии и периодизации зарубинецкой, поенешти-лукашевской, пшеворской и липицкой культур.

Хронология культур позднелатенского времени опирается на датирующие материалы могильников и поселений: фибулы, различные украшения и предметы убора, античную керамику, из которой наиболее ценными являются обломки амфор с клеймами, найденные на зарубинецких и поенешти-лукашевских поселениях (рис. 15).

Ранняя дата зарубинецких поселений определяется амфорным материалом античного производства. Он найден на всех ранних поселениях Среднего Поднепровья. Наиболее значительное количество такого материала выявлено на городище Пилипенкова Гора близ Канева — свыше 2000 обломков амфор, среди которых встречены экземпляры с клеймами [Максимов, 1982.— С. 22]. Наиболее многочисленными из них являются обломки косских амфор; в меньшем количестве встречены фрагменты амфор, изготовленных на Фасосе, Родосе, Паросе и Синопе. Позднелленистические амфоры датируются последней четвертью III в. до н. э.—первой половиной I в. до н. э. [Максимов, 1972.— С. 114], что позволяет начальной датой зарубинецких поселений Среднеднепровского региона считать по крайней мере конец III в. до н. э. или рубеж III/II вв. до н. э. Наиболее ранними датирующими материалами на могильниках являются расчлененные фибулы среднелатенской конструкции. В единичных экземплярах они известны на Среднем Поднепровье и Припятском Полесье. Эти фибулы с восьмеркообразными петлями на спинке (Пировов, Воронино), с шариками на ножке (Велемичи I), с рельефными утолщениями на ножке (Велемичи II, Пировов). По мнению современных исследо-

вателей появление расчлененных фибул связывается с начальным этапом среднего латена, а широкое их распространение — со всем среднелатенским периодом, хотя отдельные экземпляры известны и в первом этапе позднего латена [Woźniak, 1970.— S. 63; Doman'ski, 1970.— S. 15—16; Müller, 1985.— С. 39.— Рис. 13].

На шкале абсолютной хронологии среднелатенский период в работах исследователей занимает различный временной отрезок: от последней четверти III в. до н. э.— весь II в. до н. э. [Polenz, 1971.— S. 31—44]; от середины III в. до н. э.— весь II в. до н. э. [Godlowski, 1977.— S. 22, 36, 43—45]; только II в. до н. э. [Woźniak, 1970.— S. 33—39] и т. д. Общим для исследователей является включение II в. до н. э. в среднелатенский период. На Пироговском могильнике расчлененная фибула встречена в погребении № 26 вместе с миской скифоидной формы, но типично зарубинецкого типа и обработки поверхности. Это позволяет датировать погребение № 26 начальной стадией зарубинецкой культуры, возможно, рубежом III/II вв. до н. э. или началом II в. до н. э. К этому же времени можно отнести еще несколько погребений Пирогова с керамикой, сочетающей архаические черты с новыми, характерными для посуды сложившейся зарубинецкой культуры. Таким образом, мы можем считать рубеж III/II вв. до н. э. или начало II в. до н. э. временем возникновения Пироговского могильника.

На зарубинецких могильниках Припятского Полесья и Верхнего Поднепровья также известны погребения, в инвентаре которых архаические черты культур предшествующего времени уживаются с чертами, типичными для зарубинецкой культуры. Наиболее наглядно это проявляется в керамике. Эти погребения отражают процесс начала формирования зарубинецкой культуры, происходившего на рубеже III/II вв. до н. э.— начале II в. до н. э.

Поздняя дата зарубинецких памятников Припятского Полесья установлена К. В. Каспаровой по фибулам позднелатенской схемы типа М и Ю. Кост-

шевским в пределах 40—50 гг. н. э. [Каспарова, 1976.— С. 128—140]. Однако анализ материалов зарубинецких могильников Поднепровья показывает, что в это время функционируют, а следовательно, существуют и связанные с ними поселения. Погребения первой половины I в. н. э. сопровождаются большим количеством фибул развитого зарубинецкого типа и керамикой различных форм. Угасание зарубинецких могильников Поднепровья происходит на рубеже I—II вв. н. э., о чем свидетельствует небольшое количество погребений с редкими находками фибул зарубинецкого типа и керамикой, сходной с лощеной посудой южнобугского могильника Рахны и верхнедеснянского поселения Почеп.

Могильник Рахны, поселение Оболонь и ряд других памятников, еще недостаточно полно исследованных (по Десне, Трубежу, Южному Бугу и его притокам), называются в литературе поздnezарубинецкими или же выделяются в отдельную группу — горизонты, как бы отделяются от зарубинецких. По-видимому, эти памятники все же полноправные зарубинецкие и относятся к заключительному этапу развития культуры, хотя в материалах некоторых из них появляются совершенно новые черты (Грини, Вовки и т. д.). Самыми поздними датирующими предметами, найденными на них, являются глазчатые фибулы (А. 60/61 и А. 53), датируемые второй половиной I — началом II в. н. э. и II в. н. э. (период В1 и В2) из Рахнов, Лютеж [Jamka, 1964.— S. 30—93]. В небольшом количестве встречаются предметы, которые укладываются в эти же хронологические рамки: фибула типа А-236 и шпора типа группы I из Марьяновки. Фибулы типа А 84 из Пасишной, Рудяков и Вовки, возможно, заходят и в начало III в. н. э. Фибульные материалы, свидетельствующие об угасании зарубинецкой культуры, дополняются античными импортом — обломками раннеримских амфор I в. н. э., краснолаковой и сероглиняной столовой посудой II в. н. э. из поселений Среднего Поднепровья и Южного Побужья [Максимов, 1982.— С. 174].

Таким образом, зарубинецкая культура охватывает время от рубежа III/II вв. до н. э. до середины, возможно, конца II в. н. э. Выделяется несколько хронологических периодов, соответствующих этапам развития зарубинецкой культуры. В археологической литературе по этому вопросу существуют различные точки зрения. Так, Ю. В. Кухаренко выделил в развитии зарубинецкой культуры два этапа — ранний, датируемый им I в. до н. э., и поздний — I в. н. э. Различные этапы усматривались им в изменении типов фибул и некоторых видов керамики. Однако культура, по его мнению, в целом оставалась неизменной [Кухаренко, 1964. — С. 55].

Л. Д. Поболь делит зарубинецкую культуру на три стадии: первую дофибульную (середина III в. до н. э. — до середины II в. до н. э.); вторую — середина II в. до н. э. — середина I в. до н. э.; третью — середина I в. до н. э. — начало II в. н. э. Такое разделение обосновывается наличием различных типов фибул, а также скифским, античным и кельтским (латенским) импортом [Поболь, 1971. — С. 165—175].

Е. В. Максимов делит зарубинецкую культуру на три периода: ранний (конец III в. до н. э. — конец I в. до н. э.); средний (конец I в. до н. э. — конец I в. н. э.) и поздний (в основном II в. н. э.). Существование трех периодов Е. В. Максимов, помимо факторов внутреннего развития, объясняет влиянием внешнеполитической ситуации, способствовавшей изменению некоторых черт материальной культуры (топография поселений, чернолощенная керамика, фибулы, импорты) [1985. — С. 15—16]. Периодизация Е. В. Максимова основана, главным образом, на наблюдениях за эволюцией материалов зарубинецких поселений.

Периодизация зарубинецкой культуры на основании анализа погребальных комплексов могильников Припятского Полесья сделана К. В. Каспаровой. Проведя корреляцию фибул с различными типами горшков и мисок, найденных в одних погребениях, ею выделено четыре группы погребений, соответствующие четырем хронологическим фа-

зам эволюции зарубинецкой культуры в Полесье [1981. — С. 17]. Все предложенные периодизации несколько отличаются друг от друга.

Основываясь на анализе погребальных и поселенческих комплексов — наиболее полно исследованных к настоящему времени памятников, периодизацию и развитие зарубинецкой культуры можно представить в более детальном членении.

Начало первого этапа зарубинецкой культуры, как уже отмечалось, датируется на поселениях обломками косских амфор, а на могильниках, наиболее ранние погребения, расчлененными фибулами и керамикой архаичных форм (конец III в. до н. э. или рубеж III/II — начало II в. до н. э.).

Следующая фаза этого этапа (1б) входит во II в. до н. э. — от конца фазы 1а до последних десятилетий или конца II в. до н. э. Она также датируется расчлененными фибулами или их сочетанием с гладкими проволочными среднелатенской схемы типа В по Ю. Костшевскому. На I этапе возникают и развиваются фибулы зарубинецкого типа (ЗТ—I, ЗТ—II, ЗТ—III).

Первая фаза второго этапа (IIа), охватывающего, в основном, первую половину I в. до н. э. (40—60 гг. до н. э.), завершается формированием характерных черт зарубинецкой культуры, отличающих ее от других синхронных латенизированных культур Юго-Восточной Европы. Оформляется классический комплекс чернолощенной посуды, состоящий из горшков, мисок и кружек. Фибулы зарубинецкого типа с развитым щитком занимают главенствующее место; исчезают расчлененные, но продолжают бытовать гладкие проволочные среднелатенские фибулы. Связь с другими культурами латенизированного круга ослабевает, хотя и не прекращается, на что указывают типы посуды, характерные для среднеевропейских культур (горшки с ручкой, миски с ручкой, стопки), единичные экземпляры фибул, подражающие типам широко распространенным в это время в других латенизированных культурах (фибулы из погребений № 193, 124 Пировского могильника, из погребений

№ 7, 144, 241, 246 Чаплинского могильника).

В конце второго этапа (фаза II б) (середина I — до последних десятилетий I в. до н. э.) происходят некоторые изменения в материальной культуре зарубинецкого населения. Об этом прежде всего свидетельствуют материалы Чаплинского могильника. Здесь в фазе II б появляются погребения с фибулами позднелатенских типов М и N, острореберные формы мисок. В следующем хронологическом периоде III а (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) — эти черты становятся преобладающими в верхнеднепровских памятниках. В материалах других регионов зарубинецкой культуры они также зафиксированы, но в значительно меньшем количестве.

Чаплинский могильник — единственный крупный могильник, в материалах которого в большом количестве содержатся фибулы зарубинецкого типа ранних вариантов (ЗТ—I, ЗТ—II, ЗТ—III) и практически отсутствуют разновидности ЗТ—IV, являющиеся наиболее распространенными фибулами начиная с этапа II б. На полесских и среднеднепровских памятниках встречаются фибулы позднелатенской схемы типов М и N, но их сравнительно немного (Припятское Полесье), в то время как в Чаплине они составляют более половины в общем очень большой коллекции фибул.

Острореберность не характерна для керамики ни среднеднепровских, ни полесских памятников: в могильниках ребристые формы вообще представлены единицами. В Чаплине ребристые миски являются основным и преобладающим типом посуды третьего периода. Такая особенность материальной культуры Чаплинского могильника, проявившаяся во II б и III а периодах, по всей видимости, не была случайной. Вероятно, верхнеднепровский период зарубинецкой культуры в это время находился под воздействием тех культурно-этических массивов, которые не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на полесский и среднеднепровский районы. Однако в Среднем Поднепровье в конце I в. до н. э. также происходят

значительные изменения. По наблюдениям Е. В. Максимова именно в это время заканчивается первый (ранний) период зарубинецкой культуры. В Среднем Поднепровье повсеместно возводятся оборонительные сооружения, расширяется территория зарубинецкой культуры. Появляются новые поселения и могильники на притоках Днепра, на правых притоках Припяти, в Подесенье, на Южном Буге. Расширение территории зарубинецкой культуры, очевидно, происходит главным образом за счет укрепления самой культуры, упрочения социально-экономической базы ее носителей и сложения ситуации относительного перенаселения, в результате которого отпочковываются новые поселения и осваиваются новые территории.

Во второй фазе третьего этапа (III б) от середины до рубежа I/II в. н. э. появляются новые черты в керамике. В это время определяющими становятся слабопрофилированные горшки и миски с высоким бортиком. Зарубинецкие могильники постепенно прекращают функционировать, а следовательно, и соответствующие им поселения в Припятском Полесье, Верхнем и Среднем Поднепровье.

Последняя фаза третьего этапа (III в) относится ко II в. н. э. (или поздний период по Е. В. Максиму). Его следует считать заключительным этапом в истории племен зарубинецкой культуры, на протяжении которого постепенно исчезают зарубинецкие культурные традиции, на базе которых возникают новые этнокультурные образования, представленные ранними памятниками черняховской и киевской культур.

Территория зарубинецкой культуры во II в. н. э. значительно сокращается. В ее состав уже не входит Припятское Полесье. На Среднем Поднепровье известно несколько десятков памятников — Грини, Оболонь, Таценки-Довжик, Малая Горка в Зарубинцах, Монастырек, Бортнич, Староселье, Рудяки, Койлов, Вовки, памятники на р. Трубеж. В лесостепной полосе Южного Буга продолжают функциониро-

вать памятники типа Рахны, на Верхней Десне — Почеп.

Особенности материалов перечисленных памятников II в. н. э. свидетельствуют об их принадлежности к зарубинецкой культуре заключительного этапа, когда становится характерным присутствие элементов других культур, в частности пшеворской и культуры штриховой керамики, что отражает происходящие в это время этнокультурные процессы.

Начало поенешти-лукашевской культуры на некоторых поселениях определяют обломки античных амфор, в основном, из Родоса. По клеймам они датируются в пределах 210—146 гг. до н. э., причем отдельные клейма относятся к 210—175 гг. и к 175—146 гг. до н. э. — по хронологической схеме В. Грейс (к 220—180 и 184—146 гг. до н. э. — по определению Д. Б. Шелова и Б. Н. Гракова). То есть по амфорам поенешти-лукашевские поселения можно датировать рубежом III/II или началом II в. до н. э. Обломки амфор с такими клеймами найдены, например, в жилище № 4 на поселении Лукашевка II (Федоров, 1960. — С. 14—40).

В могильниках наиболее ранними материалами являются среднелатенские расчлененные железные фибулы с длинной пружиной и с двумя или тремя бронзовыми шариками, отлитыми одновременно с седловинкой и насаженными на конец ножки и спинку фибулы (по М. Бабешу тип II, 5 а и II, 5 в), а также фибулы с короткой пружиной и с двумя шариками, каждый из которых отдельно скрепляет ножку и спинку фибулы (по М. Бабешу тип II, 5 с). Все разновидности расчлененных фибул с шариками являются одновременными и, как отмечалось выше, наиболее широкое распространение получили во II в. до н. э., хотя появились, возможно, и несколько раньше.

Фибулы с шариками в некоторых погребениях встречаются вместе с фибулами, близкими варианту В по Ю. Костшевскому (или по М. Бабешу типы II, 3 а и II 3 в), а также с довольно крупными железными фибулами, близкими к фибулам позднелатенской конструк-

ции (по М. Бабешу тип III 1 а): головка с длинной пружиной и верхней тетивой, корпус прямоугольной формы, ножка, подогнутая снизу под спинку, образует прямоугольную рамку приемника. Ножка приковывается к спинке или вставляется в прорезь спинки.

Конец поенешти-лукашевских поселений определяется фибулой из жилища № 3 на поселении Круглик Черновицкой области. Это железная провололочная фибула позднелатенской схемы с верхней тетивой, четырехвитковой пружиной со слегка прогнутым корпусом и рамчатым приемником (рамка вырезана в сплошной пластине приемника) по типологии Ю. Костшевского близка варианту М. Функционируют подобные фибулы, возможно, уже с середины I в. до н. э. (Prahistoria..., 1981. — Т. 5. — С. 53). Из керамики в этом жилище обращает на себя внимание чернолощенная с довольно четко выраженным ребром миска. Сочетание фибулы позднелатенской схемы варианта М с ребристой чернолощенной миской в одном комплексе может свидетельствовать о том, что комплекс захватывает вторую половину I в. до н. э.

На исследованных поенешти-лукашевских могильниках наиболее поздними датирующими предметами являются фибулы, близкие варианту Н по Ю. Костшевскому, которые, вероятно, по абсолютной хронологии не выходят за пределы первой половины I в. до н. э.

Вопрос о периодизации поенешти-лукашевской культуры также поднимался в литературе. Д. А. Мачинский на материалах могильника Поенешти обосновал два периода в развитии культуры [1966. — С. 84]. М. Бабеш на основании материалов поселений выделяет три хронологические фазы: к наиболее ранней — поселение Бовшев, где раскопана землянка с кельтским материалом. Две последующие разделены им по принципу наличия или отсутствия обломков родосских амфор, отметив, что остальной комплекс находок у них одинаков [Babeş, 1978. — С. 18]. По материалам могильников М. Бабеш выделил также три фазы развития культуры. Первая фаза охватывает вре-

мя от 170/150 до 100 гг. до н. э. и характеризуется фибулами с шариками типа II, 5 а и II, 5 в, поясными крючками типа II, 1 а, II, 1 б, III, 1, III, 3 по его типологии. Вторая — первую половину I в. до н. э. и датируется фибулами типа Н по Ю. Костшевскому, браслетами, поясными крючками более сложной конструкции типа I, 1—3, II, 2—4, III, 5. Третья фаза относится ко второй половине I в. до н. э., не охватывая ее полностью. Однако фазы развития, выделенные на материалах могильников, не совпадают с периодизацией поселений. Так, первая фаза по могильникам соответствует второй фазе поселений. В третью же фазу могильников вошло лишь несколько погребений из Долиняны, сопровождаемые фибулами позднелатенской схемы М по Ю. Костшевскому [Babeş, 1985.—Р. 201—205]. Нам представляется неправомерным отнесение землянки с кельтским материалом в Бовшеве и могильника Долиняны, резко отличающегося погребальным обрядом и инвентарем от известных поенешти-лукашевских могильников, к памятникам этой культуры.

Периодизация поенешти-лукашевской культуры в настоящее время наиболее четко устанавливается по материалам могильников, а не поселений, из-за недостаточной полной исследованности последних. Хотя поселения позволяют установить как наиболее раннюю, так и наиболее позднюю дату культуры.

Выделяем два периода в развитии поенешти-лукашевской культуры. Начало первого определяют обломки родосских амфор с клеймами рубежа III/II вв. до н. э., найденные в комплексах поселений. На могильниках наиболее ранние погребения сопровождаются средне-латенскими расчлененными фибулами с шариками, фибулами, напоминающими по конструкции позднелатенские — тип III, 1 а по М. Бабешу.

Во втором периоде функционирования могильников наблюдаются изменения в характере керамики по сравнению с первым. Датируется этот период гладкими проволочными фибулами типа Н по Ю. Костшевскому, но встречаются фибулы типа В по Ю. Кост-

шевскому, позднелатенские типа III, 1 в по М. Бабешу. Конец второго периода совпадает со временем упадка культуры во второй половине I в. до н. э.

Наиболее ранней датирующей находкой в пшеворской культуре Поднестровья является шпора с дуговидными плечиками и округлыми массивными шишечками из могильника в Гриневе. Такие шпоры характерны для I в. до н. э. Функционирование культуры в это время на Поднестровье подтверждается находками на могильниках характерных мечей и наконечников копий, бронзовыми полукруглыми поясными пряжками из Гринева, время бытования которых определяется главным образом I в. до н. э. [Smiszko, 1934.—Tabl. II, 1].

Конец позднелатенского периода в пшеворской культуре фиксируется комплексом погребения № 3 из Гринева с фибулой и многочисленными предметами оружия, относящимися к 20—40 гг. н. э. [Smiszko 1962.—S. 128].

К позднелатенскому времени относятся и некоторые пшеворские поселения Поднестровья и Вольни (Чишки, Комарно, Черепин, Подрожье (нижний слой), Подберезцы, Пасеки-Зубрицкие, Горькая Полонка II, Загаи, Линов). В культурном слое и некоторых объектах этих памятников найдена лепная керамика с венчиками, профилированными двумя-тремя гранями. В хронологической схеме Т. Домбровской, разработанной на основе узко датированных позднелатенских погребений могильника Карчевец (Мазовия), такая керамика соответствует I в. до н. э.—середине I в. н. э. [Dąbrowska, 1973.—Tabl. II; III].

Большое количество датирующего материала относится к середине I в. н. э. Это комплекс погребения из Лучки с фибулой первой половины I в. н. э. и фибулами 40—70 гг. н. э. (тип А-68). В погребении найдены также восьмеркообразная поясная пряжка, позднелатенский наконечник копья и кольцевидная подвеска меча. Подобное сочетание позднелатенских и раннеримских

предметов позволяет датировать это погребение серединой I в. н. э.

Серединой I в. н. э. ограничивается развитие пшеворской культуры в Поднестровье и Западной Волыни. С этого времени начинается ее интеграция с зарубинецкой и липицкой культурами, что приводит к образованию волыно-подольской группы.

Керамический материал наиболее ранних волыно-подольских памятников характеризуется сочетанием позднелатенских и раннеримских пшеворских форм. Первые составляют от 7 до 33 %. Аналогичные по набору сосудов жилища в Пивоничах (Польша) датируются второй половиной I в. н. э.

В памятниках Поднестровья и Западной Волыни этого времени заметный процент составляют сосуды зарубинецкой культуры, в Поднестровье — еще и единичные фрагменты лепной и кружалной керамики липицкой культуры. Можно предположить, что именно в это время происходит процесс формирования памятников, сочетающих элементы названных выше культур.

Существование памятников волыно-подольской группы в более позднее время (II в. н. э.) подтверждают находки шпоры и бусины из египетского фаянса на поселении в Пасеках-Зубрицких (Поднестровье) и костяного однопластинчатого гребня на поселении в Загаях (на Волыни). Шпора имеет округлый шип и пластинчатые дужки. Античные бусы из египетского фаянса существовали в I—II вв. н. э., хотя известны и позже [Алексеева, 1978. — С. 27]. Костяной гребень с дуговидной спинкой относится к наиболее раннему типу одночастных костяных гребней в Европе, датируемому второй половиной I — II вв. н. э. [Chmelowka, 1971. — S. 27, 97]. Они встречаются в комплексах с глазчатыми фибулами и умбонами с острыми шипами, датируемыми в целом II в. н. э. [Okulicz, 1973. — S. 122].

Для керамического комплекса II в. н. э. характерно полное отсутствие позднелатенских форм, появление остросеребряных чернолощеных мисок и дисков-сковородок и продолжающие

встречаться фрагменты сосудов липицкой культуры.

Конец II—III вв. н. э. на памятниках волыно-подольской группы представлен бронзовой фибулой северопаннонского типа из Пасек-Зубрицких, датируемой второй половиной II в. н. э. (тип А 84) [Гороховский, 1980. — С. 136]. Синхронной ей, а возможно, и более поздней, является производная от сильнопрофилированных фибула из жилища № 7 в Подберезцах, датирующаяся второй половиной II — началом III в. до н. э. [Liana, 1970. — S. 444].

Фибулы с высоким приемником (Сокольники I), подвязные фибулы с декоративными кольцами (Великая Слободка I), подвязные железные фибулы варианта I по Амброзу (Сокольники I, Подберезцы) и костяные гребни (Сокольники I, Подберезцы) определяют III в. н. э. на волыно-подольских памятниках [Godlowski, 1970; Jamka, 1962. — S. 144—142; Амброз, 1966. — С. 79. — Табл. 15, 5].

Функционирование поселений волыно-подольской группы в III в. н. э. в Поднестровье подтверждается наличием обломков светлоглиняных узкогорлых амфор с асимметричными ручками и фрагментов краснолаковых узкогорлых сосудов. Наиболее поздней датирующей находкой на поселениях волыно-подольской группы является фибула со сплошным приемником из поселения в Сокольниках I второй половины III — начала IV [Godlowski, 1970. — Pl. VIII, 11].

На протяжении III — в начале IV в. памятники волыно-подольской группы Поднестровья трансформируются в древности черняховского типа, известные по исследованиям В. Д. Барана, И. С. Винокура.

Латенская культура Закарпатья датируется рубежом III/II в. — до н. э. — началом I в. н. э. [Бідзіля, 1971. — С. 119]. Анализ письменных источников привел Я. Филипа к выводу, что проникновение кельтов на территорию Карпатского бассейна происходило в несколько этапов. Первый, согласно свидетельству Помпея Трога о борьбе кельтов с киммерийцами в Среднедунайской низменности около 358 г. до

н. э., приходится на середину IV в. до н. э. Но в верхнем течении р. Тисы (Закарпатье) кельты получили сильный отпор. Окончательное закрепление кельтов в северо-восточных районах Карпатского бассейна произошло на рубеже III/II вв. до н. э. [Филип, 1961.— С. 61]. Мнение Я. Филипа подтверждается археологическим материалом. Начало латенской культуры на рубеже III/II—II в. до н. э. определяется монетами, оружием, конским снаряжением, некоторыми формами сероглиняной кружальной керамики.

Важным источником для датировки поселения Галиш-Ловачка являются серебряные монеты, найденные в жилище № 3 и в погребениях на окраине поселения. Монеты имитируют македонские тетрадрахмы IV—III вв. до н. э. или монеты пеонийского короля Аудолеона [Бідзіля, 1971.— С. 86]. Наиболее ранние типы этих монет в Закарпатье могли появиться в III в. до н. э., но массовое их распространение приходится на II в. до н. э. Концом III — началом II вв. до н. э. датируется железный кинжал с псевдоантропоморфной рукоятью из Галиш-Ловачки, относящийся к четвертой группе по типологии Я. Кудрнача.

II—I вв. до н. э. датируются псалии с двумя дырками на средней расширенной части и двухсторонние кольцевые удила [Там же.— С. 109]. Эта дата подтверждается бронзовыми и железными поясными цепочками, бронзовыми ножными браслетами и среднелатенскими фибулами. Конец латенской культуры в Закарпатье определяется фибулами позднелатенской схемы, профилированной фибулой с кнопкой на ножке из Галиш-Ловачки, датируемыми концом I в. до н. э.— I в. н. э. [Там же.— С. 115].

Хронология отдельных предметов латенской культуры в Закарпатье подтверждается керамическим материалом, в котором некоторые виды керамики также могут служить хронологическими реперами — это банковидные графитовые ситуты с вертикальными расчесами по корпусу и массивными округлыми венчиками, сероглиняная кружальная керамика II—I вв. до н. э.,

расписная кельтская керамика I в. до н. э.

Приблизительно одновременно с началом формирования в Поднестровье и Волыни памятников волыно-подольской группы появляются древности липицкой культуры. В литературе существуют различные точки зрения относительно хронологии липицких памятников. В последних работах, посвященных этим древностям, М. Ю. Смишко считал возможным ограничить рамки существования липицких памятников I — началом III вв. н. э. Так же определяли хронологию этих древностей Г. И. Смирнова [1964.— С. 202], И. К. Свешников [1957.— С. 63—69]. В. Д. Баран, исходя из стратиграфии липицких и черняховских объектов на поселении в Черепине, считал, что первые прекратили свое существование не позже конца II в. н. э. [1961.— С. 19—20]. Более узко — I — серединой II вв. н. э. датирует липицкие памятники Т. Домбровская [1973.— С. 216]. В. Н. Цыгылык датировал их I—III вв. н. э. [1975.— С. 128].

Датирующий материал липицкой культуры многочислен: фибулы, некоторые типы оружия, импортные бронзовые вещи. Большинство предметов группируются в довольно узком хронологическом диапазоне. Наиболее ранним памятником является богатое погребение в КолокоLINE. М. Ю. Смишко, отмечая сочетание здесь предметов позднелатенского и раннеримского времени, считал, что оно совершено в первых годах нашей эры [1932.— С. 160], датируя его 5—10 гг. н. э. По мнению Т. Домбровской, его следует отнести ко времени не раньше 20—30 гг. н. э. [1973.— С. 206].

Существование дакийских памятников в Верхнем Поднестровье в указанное время подтверждается материалами пшеворского погребения № 3 начала I в. н. э. из могильника в Гриневе. Здесь, наряду с пшеворской, обнаружено небольшое количество лепной липицкой керамики. В это время липицкие памятники в Поднестровье были представлены, по-видимому, единицами, что свидетельствовало о начале продвижения липицкого населения на

эту территорию. Основная масса появляется в середине I в. н. э. Наиболее распространенными в это время являются остропрофилированные фибулы (тип А—68). Ранние их формы из Верхней Липицы, Звенигорода — Гоевая Гора, Загуменики (Болотня) датируются 40—70 гг. н. э. [Liana, 1970.— S. 458]; типологически более поздние из Верхней Липицы и Гринева — II в. н. э. по М. Ю. Смишко [Smiszko, 1932.— S. 158], периодом между второй половиной I — началом II в. н. э. [Амброз, 1960.— С. 36—38; Dąbrowska, 1973.— S. 208].

I — началом II в. н. э. могут быть датированы трубчатые фибулы [Liana, 1973.— S. 210], фибула провинциально-римского типа и глазчатая фибула из могильника в Верхней Липице [Smiszko, 1932.— S. 160]. Наиболее поздними на липицких памятниках являются две эмалевые шарнирные фибулы из Верхней Липицы — II в. н. э. [Silven, 1961.— S. 118, 119].

Важными для датировки липицких памятников являются: бронзовые сосуды из погребения в Чижикове конца I в. н. э. [Liana, 1973.— S. 207]; шпоры с длинным острым шипом из Звенигорода, типичные для 40—70 гг. [Liana, 1970.— S. 450]; две шпоры стулообразного типа из Чижикова, хронология которых также не выходит за рамки I в. н. э.; умбон из Звенигорода — Загуменок со слабо выраженным острым шипом 40—70 гг. н. э. [Jahn, 1916.— S. 169—170]; ажурные бронзовые ножны меча из этого же погребения, которые датируются I в. н. э. [Kostrzewski, 1919.— S. 86].

Таким образом, датирующий материал определяет время существования культуры 20-ми годами I в. — серединой II в. н. э., причем преобладающее количество памятников относится к 40—70-м годам н. э. Уже с конца I в. н. э. ряд объектов прекращает свое существование (Гринева, Болотня, могильники в Звенигороде), что может свидетельствовать о начале угасания культуры. К концу I — первой половине II в. н. э. относятся лишь могильник и поселение в Верхней Липице, функционировавшие не дольше середины II в. н. э.

Отдельного рассмотрения заслуживает поселение в Ремезовцах, содержащее значительное количество липицких материалов. Судя по наличию здесь характерной лощеной зарубинецкой керамики, поселение возникло не позже середины I в. н. э. Верхняя дата поселения определяется железной фибулой смычкового типа, датированной началом III в. [Цигилик, 1975.— С. 128]. Однако аналогичные фибулы датируются исследователями концом II в. н. э. [Prahistoria..., 1981.— Т. V.— S. 62] или концом II — началом III вв. н. э. [Godlowski, 1959.— Rys. 53, 1]. Такая датировка существования поселения в Ремезовцах подтверждается провинциально-римской фибулой [Jobst, 1975.— Taf. IV, 94], ошибочно занесенной к глазчатым [Цигилик, 1975.— Рис. 62, 26].

Однако эту дату поселения в Ремезовцах вряд ли правомерно распространять на всю липицкую культуру. Кроме липицких в Ремезовцах найдены многочисленные зарубинецкие и пшеворские материалы, наличие которых отражает процесс интеграции всех культурных групп Верхнего Поднепровья, продолжавшийся еще в начале III в.

В этом сложном культурном процессе, происходившем на рубеже и в первых веках нашей эры в Поднепровье, определенное место занимают древности пшеворской культуры позднеримского времени, представленные погребениями (Перепельники, Каменка Великая, Иване-Золотое, Петрилов) или небольшими группами погребений с оружием (Доброостаны, Кристинополь, Червоноград). Хронологию этой узколокальной и небольшой группы древностей определяют, в основном, предметы вооружения — шпоры, рукоятки щитов, умбоны. Из них наиболее ранними являются шпоры с узкими плечиками и массивным шипом (Доброостаны), появляющиеся в пшеворской культуре уже во II в. н. э., но наибольшее распространение получившие в III в. [Jahn, 1924.— S. 38; Godlowski, 1970.— Pl. II, 1]; а также шпора из Петрилова с асимметричными плечиками второй половины III в. н. э. [Jahn,

1921.— S. 58, 61; Godlowski, 1970.— Pl. II, 48].

Рукоятки щитов (Добростаны, Иване-Золотое) представлены одним из вариантов типа I с выделенными пластинами и датируются второй половиной II—III в. н. э. [Jahn, 1916.— S. 189, 219]. Из умбонов наиболее ранним является найденный в погребении в Перепельниках, со слабо выделенным шипом с острым концом, который датируется концом II — началом III в. н. э. Синхронны ему умбоны с широким равно срезанным шипом (Капустянцы, Добростаны), отнесенные М. Яном ко II в. н. э. [1916.— S. 178], а Т. Домбровской — ко II—III в. н. э. [1973.— S. 161].

Еще одним хронологическим определителем этой группы памятников является фибула подвязной конструкции из погребения в Иване-Золотом. Подобные фибулы относятся к концу II — началу III в.

Таким образом, пшеворские единичные или групповые погребения Поднестровья позднеримского времени были совершены в конце II—III в.

Хронологическое определение памятников рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и на Западной Волины позволяет выделить несколько фаз культурного развития региона.

К первой фазе относятся памятники позднелатенского времени I в. до н. э. — середины I в. н. э. Для них характерны материалы пшеворской культуры позднелатенского облика.

Вторая фаза охватывает вторую половину I—II в. н. э. В это время возникают и затем существуют памятники волыно-подольской группы в Западной Волины, Верхнем и Среднем Поднестровье. В начальный период этой фазы в Поднестровье появляются небольшие группы даков, оставившие памятники типа Липицы, проживавших чересполосно с волыно-подольским населением. Во второй половине фазы носители липицких памятников растворяются в более многочисленной и стабильной волыно-подольской среде.

Третья совпадает с начальным периодом позднеримского времени. Население волыно-подольской группы Подне-

стровья постепенно втягивается в сферу провинциально-римской культуры, о чем свидетельствует наличие в объектах этого периода провинциально-римских гончарных изделий (мисок, амфор, краснолаковых сосудов), украшений (фибул, бус), производственного инвентаря (ротационных жерновов).

В начале этого периода на Волинь с территории Нижней Вислы вторглись носители вельбарской и позднепшеворской культур. По правым притокам Припяти они продвинулись в Южное Побужье. Через плотно заселенное верхнее Поднестровье прошли только отдельные позднепшеворские группы, оставившие памятники типа Добростан-Капустянец. Эти группы были немногочисленны и на развитие культуры Поднестровья существенно не повлияли. В Западной Волины непрерывность культурного развития была прервана — на местах памятников волыно-подольской группы I—II вв. н. э. появляются памятники вельбарской культуры; носители волыно-подольских древностей отошли на юг, в Поднестровье, где известны по памятникам типа Сокольники I — Великая Слободка I.

В результате распада Скифии и сарматского вторжения в Причерноморские степи часть скифского населения, главным образом оседлого, концентрируется в области Нижнего Днестра. В конце III — начале II в. до н. э. возникает ряд городищ, в основном, на местах скифских земледельческих поселений IV—III вв. до н. э. — у сел Золотая Балка, Гавриловка, Любимовка, Знаменка, Каиры, Горностаевка, Львово, Лепетиха, Николаевка, Красномаяцкое, Консуловка. Возле городищ открыты неукрепленные поселения и могильники.

Ранний период позднескифской культуры на Нижнем Днестре датируется античной керамикой; ручка синопской амфоры с астиномным клеймом III—II вв. до н. э. из Золотой Балки, ручка с греческим клеймом «Ермес» этого же времени из Любимовки. Значительно больше амфор позднеэллинистического времени (II—I вв. до н. э.). Это родосские (в большинстве случаев из Знаменки) и главным образом косские ам-

форы из Золотой Балки и Гавриловки.

На рубеже нашей эры прекращают функционировать Знаменское и Каирское городища. На оставшихся преобладающим датирующим материалом становятся раннеримские амфоры — светлоглиняные с двухствольными ручками и желудепоподобными ножками; двуручные с ребристыми ручками I—II вв. н. э. Найдено большое количество фибул позднелатенской схемы с круто выгнутой спинкой, нижней тетивой, пластинчатым приемником, проволоочной или пластинчатой спинкой (рубеж I в. н. э.), железные лучковые фибулы с подвижной ножкой (I—II вв. н. э.), фибулы типа Авцисса (I в. н. э.).

На рубеже I—II вв. н. э. или в самом начале II в. н. э., в связи с очередным вторжением сарматов Волго-Донского междуречья в Причерноморские степи, погибают позднескифские городища у сел Золотая Балка, Гавриловка и Любимовка [Костенко, 1983.— С. 81]. На продолжающих функционировать находят позднеримский амфорный материал: небольшую узкогорлую амфору с надписью красной краской греческим курсивом (II—III вв. н. э.), обломки амфор с желобчатым корпусом (III в. н. э.), отдельные фрагменты посуды II—III вв. н. э. В самых поздних слоях встречаются экземпляры арбалетных фибул с трапецевидными ножками и двухщитковых фибул II—IV вв. К IV в. прекращается жизнь на Красномаяцком и Николаевском городищах [Археология, 1986.— Т. 2].

История сарматов разделяется исследователями на четыре периода: савроматский (VI—IV вв. до н. э.); ранний сарматский (прохоровский) (IV—II вв. до н. э.); средний сарматский (сусловский) (конец II в. до н. э.— I в. н. э.) и позднесарматский (аланский) (II—IV вв. н. э.) [Археология, 1986, т. 2]. На территории Украины наиболее ранние сарматские погребения появились в III в. до н. э. и продолжали существовать, сохраняя самостоятельную культуру, до середины III в. н. э. На основе анализа сарматских материалов время их пребывания на Украине можно разделить на более мелкие хронологические отрезки, по которым хорошо

фиксируются этапы развития сарматской культуры, время появления и исчезновения различных племенных группировок сарматов [Костенко, 1983.— С. 39].

Наиболее ранние сарматы на Украине являлись потомками прохоровцев, а также сарматов с Нижнего Дона, которые первыми стали проникать в Скифию и осваивать захваченные территории. II в. до н. э.— время полного освоения сарматами Левобережья Днепра. По сведениям Страбона это были языги.

В целом погребения III—II вв. до н. э. обнаруживают определенное сходство с прохоровскими комплексами восточнее Дона — горшки с яйцевидным корпусом, близкие плоскодонной керамике из Приуралья и Поволжья, датируемые III—II вв. до н. э.; курильницы; бронзовые трехгранные наконечники с выступающей втулкой и трехгранной головкой, датируемые IV—III вв. до н. э.; железные мечи с серповидным или кольцевидным навершием; предметы конской сбруи; украшения, среди которых в большом количестве представлены бусы из стекла с внутренней позолотой — цилиндрической, боченковидной и округлой форм, а также «бородавчатые» III в. до н. э.

Сарматская культура подвергалась сильному влиянию со стороны античных центров Северного Причерноморья и позднескифского государства. Устанавливаются торговые связи с окружающими этническими массивами. Среднесарматский период на Украине датируется фибулами I в. до н. э.; гладкими проволочными, близкими варианту В по Ю. Костшевскому; «неапольского» варианта по А. К. Амброзу; зарубинецкого типа; бронзовыми дисковидными зеркалами. I в. н. э. более надежно представлен фибулами типа Авцисса, лучковыми подвижными и фибулами со спиральным завитком на конце пластинчатого приемника. Датировку по фибулам подкрепляют красноглиняные кувшины с яйцевидным корпусом, краснолаковые античные сосуды, бронзовые сарматские котлы, наконечники стрел со срезанными под

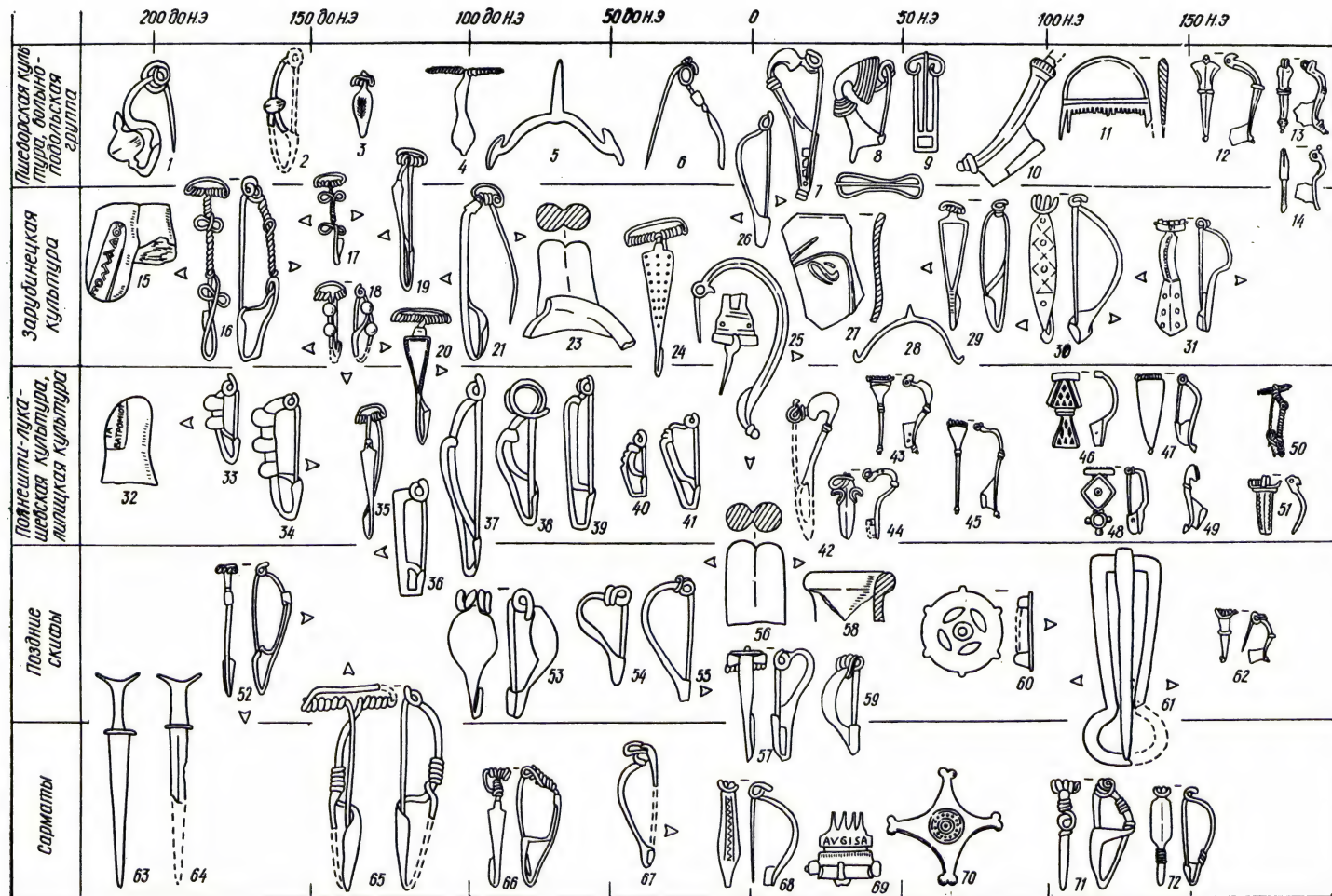

Рис. 15. Синхронистическая таблица культур рубежа — первой четверти I тыс. н. э.:

1, 3, 4 — Куштановицкий могильник; 2 — Галиш-Ловачка; 5, 7, 8, 45 — Гринев; 6 — Бернашовка; 9 — Лучка; 10 — Хренники; 11, 50, 51 — Ремезовцы; 12 — Пасеки-Зубрицкие; 13 — Подберезы; 14 — Соколыники I; 15 — Пилипенкова Гора; 16, 20, 29 — Пироговский могильник; 17 — Воронино; 18 — Велемичи I; 19, 26 — Чаплин; 23, 27 — Субботов; 24 — Велемичи II; 25, 30 — Рахны; 28 — Марьяновка; 31 — Лютеж; 32, 35 — Лукашевска; 33, 34, 36 — Поеншти; 37—41 — Боросешты; 42, 44 — Колоколин; 43, 46—49 — Верхняя Липица; 52—56, 58—62 — Золотая Балка; 57 — Николаевка; 63 — Гришино; 64 — Большая Белозерка; 65 — Фрунзе; 66, 68, 72 — Аккермень; 67 — Тенетинка; 69 — Федоровка; 70 — Новофилиповка; 71 — Владимировка.

прямым, тупым и острым углом к основанию допастями.

К концу I в. до н. э. сарматы (языги и роксоланы) проникают на берега Дуная и с начала I в. н. э. нападают на придунайские провинции Римской империи. Римский поэт Овидий видел их на побережье Понта (Черного моря) в начале I в. н. э., когда они переходили Истр (Дунай) [Овидий. Печальные песни. III, 10, 55]. Плиний отмечает их пребывание в середине I в. н. э. уже в долине р. Тисы, левого притока Дуная, откуда они выгнали даков и получили название «метанастов» — переселенцев [Плиний, IV, 80].

В конце I в. н. э. в Днепро-Донском междуречье появляются новые сарматские элементы, связанные с носителями позднесарматской культуры (аланы). Вторая волна позднесарматских племен относится к концу II в. н. э. В это время на Нижнем Днепре погибают позднескифские городища, нарушаются торговые связи между кочевниками и античными центрами. Упадок сарматской культуры в Причерноморье связан с нашествием готов в конце III в. н. э. [Костенко, 1983. — С. 91—93].

В позднесарматских погребениях значительно меньше, чем в среднесарматских, найдено изделий, имеющих четкую датировку. Инвентарь менее разнообразен, более беден. Мало краснолаковой керамики, предметов вооружения, уменьшается разнообразие лепных сосудов, предметов украшений. Хронологическими реперами этого периода могут служить фибулы-броши с ромбическим щитком и завитками на углах (вторая половина I — первая половина II вв. н. э.), профилированные фибулы причерноморских типов (II в. н. э.), фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (конец I — конец II вв. н. э.), отдельные варианты лучковых подвязных фибул с расширяющейся ножкой (вторая половина II—III в. н. э.) [Амброз, 1966. — С. 33, 41, 43, 50]. Материальный комплекс позднесарматских погребений, как и элементы погребального обряда, существенно отличается от позднесарматской культуры Поволжья [Костенко, 1983. — С. 63].

Рассмотрение культур латенского и раннеримского времени показывает, что в связи с изменившейся исторической обстановкой (падением Скифии и овладением степями сарматскими племенами; продвижением с севера и запада кельтских и германских племен на территорию Юго-Восточной Европы) на местной основе на рубеже III/II вв. до н. э. или в начале II в. до н. э. складываются новые культурные общности: зарубинецкая, поенешти-лукашевская, пшеворская, латенская культуры Закарпатья, находившиеся под влиянием культуры кельтов и тех пришлых западных элементов, которые приняли участие в их формировании. Продолжительность существования этих культур была различной. Раньше всех во второй половине I в. до н. э. исчезла поенешти-лукашевская культура, что было связано с усилением гетского государства Буребисты; примерно через столетие исчезают и пшеворские памятники Верхнего Поднестровья и Волыни. Зарубинецкая культура к этому времени также проходит апогей своего развития, хотя памятники ее продолжают существовать почти на протяжении столетия.

В 20—40-е годы нашей эры с юга в Поднестровье продвинулось дакийское население, принесшее культуру типа Липица, просуществовавшее до начала II в. н. э. Во II в. н. э. на территории Волыни и Подолии формируется группа памятников, интегрирующая черты зарубинецкой, пшеворской и липецкой культур. На территории зарубинецкой культуры в это время оформляются памятники с зарубинецкими, пшеворскими и балтскими культурными элементами.

В Причерноморских степях Украины господствующее положение заняли сарматы, различные племенные группировки которых волнами прокатывались от Поволжья до римских провинций на Дунае. В III в. этническая ситуация рассматриваемой территории вновь меняется. На южной окраине Лесной и Лесостепной (северная часть) зон формируется киевская культура, а в Лесостепной и Степной зонах — черняховская.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э. НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография археологических культур второй четверти I тыс. н. э. (черняховской, вельбарской, киевской и культуры карпатских курганов) является результатом напряженной работы многих ученых-археологов.

Изучение памятников черняховской культуры и культуры карпатских курганов началось в конце прошлого века. Памятники киевской и вельбарской культуры на территории Юго-Восточной Европы были открыты только в 50-е годы нашего столетия. Они составляют несколько десятков, тогда как карпатские курганы — сотни, а число черняховских достигло 3000.

Исследование этих культур происходило неравномерно, с разной степенью интенсивности: периоды бурного накопления материалов сменялись более или менее успешными попытками теоретических обобщений. В связи с новыми открытиями и накоплением материалов изменялись взгляды на географические и хронологические рамки, генезис, этническую природу, подвергались изменениям сами названия.

Наиболее обширна историография черняховской культуры. Ее открытие связано с именем украинского археолога В. В. Хвойки, раскопавшим в 1899 г. могильники у сел Ромашки и Черняхов. Название Черняховского могильника наиболее полно раскопанного, и дало имя всей культуре [Хвойка, 1901.— С. 187—189]. Тогда же аналогичные памятники обнаружены на Под-

нестровье, где К. Гадачек провел раскопки поселения у с. Неслухов, материалы которого он прямо связал с открытиями В. В. Хвойки [Hadczyk, 1912.— S. 1—42].

Первооткрыватель черняховской культуры В. В. Хвойка стал и первым ее интерпретатором. Определив время существования культуры II—V вв., он указал на ее генетическую связь с зарубинецкой культурой, считая обе культуры последовательными этапами исторического развития славянских племен Поднепровья.

Однако сразу же после первых публикаций В. В. Хвойки была высказана и другая точка зрения. Автор ее немецкий археолог П. Рейнеке, выдвинул гипотезу, согласно которой создателями и носителями черняховской культуры являлись германские племена, в первую очередь, готы [1902]. Следует упомянуть и высказанное в литературе мнение Н. Бебяшевского, обратившего особое внимание на провинциально-римский характер материальной культуры этих памятников [1904]. Однако имевшийся в распоряжении дореволюционных исследователей материал был явно недостаточным для решения каких-либо кардинальных проблем черняховской культуры.

В предвоенный период полевые исследования черняховских памятников не приобрели широкого и планомерно-го характера, хотя накопление новых материалов продолжалось [Макаренко, 1927; Смоличев, 1927; Рудинский, 1927; 1931; Щербаківський, 1927 и др.]. Нап-

более масштабными в это время стали работы в Днепровском Надпорожье, где в связи со строительством Днепрогэса проводились археологические исследования, в ходе которых открыты новые могильники и поселения черняховской культуры [Брайчевская, 1960.— С. 148—149]. В это же время в Институте археологии АН УССР начинается большая работа по сбору, систематизации и публикации всех имеющихся в фондах музеев и самого Института черняховских материалов [Брайчевский, 1964.— С. 8]. После окончания Великой Отечественной войны эта работа была продолжена. Новый период в изучении черняховской культуры характеризуется широкими раскопками и разведками на Поднепровье, Поднестровье и Волини [Махно, 1949; 1952; 1952а; Тиханова, 1949; 1953; 1955; Смишко, 1949; 1952; Сымонович, 1952; 1955; Брайчевская, 1955 и др.]. В результате проведенных работ собран большой фактический материал. Особенно это касается черняховских поселений. Только за три послевоенных года были начаты и проведены исследования на поселениях в Пражеве, Жуковцах, Ягнятине, Кантемировке (Е. В. Махно), Луке-Врублевцевой (М. А. Тиханова), Неслухове, Залесцах, Костянце (М. Ю. Смишко) и др. [Брайчевский, 1953.— С. 62].

В этот период из-за развенчания теории Н. Я. Марра о стадияльных трансформациях языка и культуры одного народа в язык и культуру другого народа теория эволюционного последовательного развития черняховской культуры из зарубинецкой и далее в культуру Киевской Руси, ставшая к этому времени наиболее общепринятой, потребовала новых доказательств.

Если теория Н. Я. Марра избавляла от необходимости искать объяснения различию хронологически последовательных культур, объясняя их стадияльными взрывами, то теперь для доказательств славянства черняховской культуры требовалось показать ее связь с бесспорно славянской культурой последующего периода, которой в то время считалась культура Киевской Руси.

Отсюда и возникли попытки удили-

нить хронологию черняховских древностей вплоть до VII—VIII вв. и рассматривать их как непосредственных предшественников древнерусской культуры [Брайчевский, 1953.— С. 63—68]. В научной литературе по этому поводу разгорелась оживленная дискуссия, причем все чаще высказываются мнения о многокомпонентности черняховской культуры [Третьяков, 1956.— С. 7—8; 1958]. Завершением дискуссии стало совещание в 1957 г. в г. Киеве, организованное Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР [Голубева, 1957.— С. 274—277].

На совещании, собравшем ведущих специалистов-археологов страны, впервые комплексно рассматривались такие важнейшие вопросы, как географические и хронологические рамки культуры, ее генетические связи и этническое содержание, место и роль черняховской культуры в историческом процессе и ранней истории славян. Прочитанные доклады и особенно дискуссии позволили подвести итоги предыдущему этапу изучения черняховской культуры и наметить новые наиболее перспективные направления. Особый интерес вызвали доклады М. И. Артамонова и М. А. Тихановой. Первый высказал тезис о том, что черняховская культура включает в себя разнотничное население, спаянное в единую общность пришлыми готами. Вторая — в общем массиве черняховских древностей выделила пять локальных вариантов, связав их с определенными культурными или этническими общностями, предшествовавшими черняховской культуре в различных частях ее ареала [Тиханова, 1957]. Подводя итоги дискуссиям, Б. А. Рыбаков отметил, что подавляющим числом ученых хронологические рамки культуры определены в пределах II—V вв. н. э. и признаны безуспешными прошлые попытки типологически и генетически связать черняховскую культуру с культурой Киевской Руси. Что касается этнической интерпретации черняховской культуры, то скорее всего ее носителями являлось смешанное многоплеменное население. Вместе с тем участниками совещания было

признано несомненное участие славянского населения в создании черняховской культуры.

Следующие десять лет, прошедшие после совещания в Киеве, ознаменовались интенсивным накоплением и публикацией материалов черняховских памятников. Массовые разведывательные работы увеличили количество известных памятников, к тому же значительное их число исследовалось в широких масштабах. Здесь следует назвать работы Э. А. Сымоновича, Е. В. Махно, А. Т. Смиленко, Н. М. Кравченко в Поднепровье, М. А. Тихановой, М. Ю. Смишко, В. Д. Барана, И. С. Винокура в Поднестровье и на Волыни, Г. Б. Федорова, Э. А. Рикмана в Молдавии и др. На протяжении этого периода были изданы фундаментальные труды, в том числе четыре тома МИА СССР, посвященные черняховской культуре, в которых наряду с новыми [Федоров, 1960; Березовец, Петров, 1960.— С. 84—100; Сымонович, 1960.— С. 192—239; 1967.— С. 205—238; Рикман, 1960.— С. 302—328; Баран, 1964.— С. 213—253; Винокур, 1964.— С. 186—196; Кравченко, 1967.— С. 77—135 и др.] были пересмотрены и переизданы материалы раскопок Б. В. Хвойки и С. С. Гамченко — могильников в Черняхове, Маслове, Ромашках [Петров, 1964.— С. 53—168, Брайчевский, 1962.— С. 100—148]. Особое внимание уделялось составлению карт и сводок черняховских памятников [Махно, 1960.— С. 9—84; Сымонович, 1964.— С. 7—44]. Таким образом, в распоряжении ученых оказались обширные материалы, позволившие гораздо полнее, на новом качественном уровне представить материальную культуру черняховского населения.

Вместе с тем именно в это время в конце 50 — начале 60-х годов о себе заявляют пражско-корчакские и пенковские древности третьей четверти I тыс. н. э. По многочисленным материалам они были известны на нашей территории и ранее. Но только сейчас, когда число этих памятников неизменно увеличивается от Днестра до Дуная, они обнаруживают четкую преемственность со славянскими древностями по-

следующего периода (Лука-Райковецкая, волынцевские, роменско-борщевские) вплоть до культуры Киевской Руси.

Как видим, гипотеза о последовательной эволюции черняховских древностей в древнерусские была подорвана окончательно.

Все это представляло тот новый уровень, на котором в 1967 г. во Львове, спустя 10 лет после первого Киевского, было собрано второе совещание по проблемам черняховской культуры, на котором рассматривались вопросы, касающиеся историографии (Э. А. Сымонович), хронологии (В. В. Кропоткин, А. Т. Смиленко, М. Б. Щукин), проблемы происхождения черняховской культуры (И. С. Винокур, Н. М. Кравченко, Ю. В. Кухаренко). Особое внимание привлек доклад В. Д. Барана, в котором на конкретных материалах исследованных им селищ черняховской культуры и славянской культуры VI—VII вв., автор попытался показать их преемственность для территории Верхнего Днестра и Западного Буга.

Интересно отметить, что спустя десятилетие перед черняховистами стоят те же вопросы. Однако теперь представленные в докладах и дискуссии попытки их решения основываются на гораздо более фундаментальном материале. Следует также отметить, в докладах разрабатывались конкретные темы и вопросы, что также свидетельствует о качественно новом уровне в исследованиях черняховской культуры.

Дальнейшее развитие изучения черняховских памятников идет как по пути накопления новых материалов, их обработки по современным методам, что увеличивает информативность, так и по пути теоретического осмысления. За прошедшие почти 20 лет со времени последнего совещания вышли монографии и сборники, посвященные изучению вопросов черняховской культуры в отдельных регионах ее распространения и вопросам, касающимся всей культуры в целом. Следует назвать монографии И. С. Винокура [1972], А. Т. Смиленко [1975], Э. А. Рикмана [1975], В. Д. Барана [1981], Л. В. Вакуленко и О. М. Приходнюка [1984],

Г. Ф. Никитиной [1985], Б. В. Магомедова [1987], сборник статей, посвященный публикации материалов черняховских могильников [1979] и Свод археологических источников по погребальному обряду, подготовленный Э. А. Симоновичем и Н. М. Кравченко [1983].

Изучение черняховской культуры в значительной мере связано с усилением интереса к вопросам славянского этногенеза, так как именно эта культура предшествовала славянским древностям на большей части территории Юго-Восточной Европы. Поэтому в исследованиях о происхождении и ранней истории славян непременно рассматриваются и черняховские материалы. В связи с этим вновь дискутируются вопросы о хронологии черняховских древностей, в частности о ее верхней границе. Новые открытия и материалы, полученные при изучении других культур, также имели большое значение для выяснения кардинальных вопросов черняховедения.

Наконец, особую важность приобрело открытие славянских памятников, ранняя дата которых заходит в V в. (Кодын — И. П. Русанова, Б. А. Тимошук; Лука-Каветчинская — О. М. Приходнюк; Рашков III — В. Д. Баран). В свете сказанного наиболее важное значение для нашей темы имеют материалы, полученные при широкомасштабных работах, проводившихся в 1974—1979 гг. на Среднем Днестре Среднеднестровской археологической экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В. Б. Барана. Исследования, проведенные большими площадями на поселениях у сел Рашков и Теремцы (В. Д. Баран), Сокол (Л. В. Вакуленко, О. М. Приходнюк), Бакота (И. С. Винокур) позволили получить убедительные данные, свидетельствующие о последовательной преемственности черняховских и раннеславянских древностей в этом регионе. Исследования на Поднестровье, а также в Попрутье показали отсутствие хронологической лакуны между памятниками первой и второй половины I тыс. н. э.

Вопросы о роли черняховской культуры в славянском этногенезе рассмат-

ривались на симпозиуме «Позднейшие судьбы черняховской культуры», организованном Институтом археологии АН УССР и АН СССР и Каменец-Подольским государственным педагогическим институтом им. В. П. Затонского в г. Каменец-Подольском в 1981 г.

В оживленной дискуссии отмечался прогресс в изучении черняховской культуры, выразившийся не только в накоплении качественно нового материала, позволяющего сомкнуть хронологическую лакуну между памятниками черняховской культуры и раннесредневековыми славянскими древностями, но и в выявлении истоков средневекового славянского домостроительства и иньтерьера в черняховской среде.

Последние итоговые выводы по изучению древностей рубежа и I тыс. н. э. на территории Украины изложены в работе «Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. [1985]. Отмечая синкретический характер черняховской культуры, включающей различные этнические компоненты, главенствующие в разных частях черняховского ареала, авторы раздела о черняховской культуре В. Д. Баран и Б. В. Магомедов подчеркивают, что в Лесостепной зоне Украины основное население составляли славяне, принявшие участие в сложении славянских древностей пражской и пеньковской культур.

Почти одновременно с черняховскими были открыты и первые памятники культуры карпатских курганов. В 1893 г. Й. Сомбаши обследовал вблизи с. Глубокая на Буковине (бывшей территории Австро-Венгерской империи) курганный могильник, насчитывающий 86 курганов и состоящий из трех курганных групп, раскопал здесь два кургана [Szombathy, 1894. — S. 15]. В 1912 г. И. Коперницкий исследовал курган на могильнике у с. Нижний Струтинь в Галиции [Kopernicki, 1923. — S. 194—197]. В отличие от открытых В. В. Хвойкой черняховских памятников, эти исследования не вызвали отклика в научной среде, а в европейской археологической литературе долгое время только упоминались курганные погребения с обрядом трупо-

сожжения на месте [Smiszko, 1933.— С. 181]. Даже после того, как в 30-е годы начались систематические раскопки и археологами К. Журавским, Я. Пастернаком, Т. Сулимирским, М. Смишко было исследовано более 80 курганов на 15 различных могильниках, расположенных в предгорных районах Карпат, им не было посвящено ни одной статьи. Остались неопубликованными и материалы, полученные Э. Затлукалом в начале 40-х годов при раскопках 12 курганов на могильнике у с. Иза на Закарпатье. Значительно позже, уже в конце 40-х — начале 50-х годов были сделаны первые попытки объединения этих памятников в единую культуру и определения их места в кругу других древностей [Смишко, 1948.— С. 107—109; 1953.— С. 131].

Тогда же эти памятники получили название культуры карпатских курганов, исходя из формы погребений — невысоких курганных насыпей и их расположения в пределах Карпатских предгорий. К тому времени были собраны новые материалы, благодаря работам М. Ю. Смишко, исследовавшим в 1948 г. курганы у с. Иза на Закарпатье [1952.— С. 315—337] и Б. А. Тимощука, раскопавшего пять курганов на могильнике у с. Глубокая [1953.— С. 54—60].

Своеобразный итог исследованиям карпатских могильников подведен в монографии М. Ю. Смишко «Карпатські кургани I тис. н. е.» [1960]. Им собраны все известные к тому времени материалы, происходящие из более чем 100 погребений, исследованных на 18 могильниках за весь период изучения культуры, включая и работы 40—50-х годов.

В работе М. Ю. Смишко содержатся наблюдения и выводы, основанные на материалах могильников и касающиеся погребального ритуала, хозяйства, торговли, керамического производства, вопросов социально-экономического развития и пр. Хронологические рамки существования культуры определены им в пределах III—VI вв. н. э.

Рассматривая вопросы этнической принадлежности населения, оставившего памятники культуры карпатских

курганов, М. Ю. Смишко выдвинул предположение, что они принадлежали племенам карпов, постепенно ассимилированных славянским населением и ставших предками летописного славянского племени хорватов.

При изучении культуры карпатских курганов длительное время внимание обращалось только на погребальные комплексы, совершенно игнорируя исследования поселений. Практически поселения культуры карпатских курганов вообще не были известны за исключением двух возле сел Глубокая и Слободка, открытых Б. А. Тимощуком на Прикарпатье [1953.— С. 59] и одного у г. Виноградова на Закарпатье, где в 1960 г. параллельно с раскопками курганов на могильнике у с. Изы велась разведки Закарпатской археологической экспедицией под руководством В. Д. Барана [Цигилик, 1962.— С. 77—79].

Систематическое изучение селищ культуры карпатских курганов началось в середине 60-х годов раскопками с. Глубокая Черновицкой области. Стационарные раскопки проведены также на селищах вблизи сел Волосов, Грабовцы и Печенежин Ивано-Франковской области. Кроме того, разведками открыто 39 ранее неизвестных поселений [Вакуленко, 1976.— С. 73—94]. Исследование поселений дало Л. В. Вакуленко материалы для более широкого монографического исследования культуры карпатских курганов. По-новому освещались хозяйство и экономика прикарпатского населения. С учетом последних достижений европейской хронологии ею вновь рассмотрены вопросы датировки, этнической атрибуции и пр. Хронологические рамки культуры уточнены в пределах конца II — середины V вв. [Вакуленко, 1977].

В 60-е годы параллельно с исследованиями поселений велась небольшие работы на расположенных рядом могильниках. Так, раскопано два кургана в Глубокой и три — в Печенежине [Вакуленко, 1968.— С. 171—172].

В 70-е годы интенсивные археологические работы ведутся на могильниках культуры карпатских курганов в Закарпатье, где В. Г. Котигорошко завершил раскопки могильника у с. Изы и

исследовал курган у с. Братово [1977.— С. 153—163; 1982.— С. 153—158].

В 80-е годы изучение поселений и могильников возобновилось и в Прикарпатье. Карпатской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Л. В. Вакуленко проведены раскопки на поселениях у сел Королевка, Воскресенцы, а также на поселении и могильнике у с. Пилипы Ивано-Франковской области. Кроме того, тщательные разведки на территории Северного Прикарпатья позволили открыть ряд новых курганных групп и поселений. В конце 70-х годов могильники культуры карпатских курганов открыты и на территории Румынского Прикарпатья. На протяжении последних лет яский археолог В. Михайлеску-Бырлиба исследовал около 30 курганов на могильниках в Бранештах, Тирзии, Гуре-Секулуй [1980.— Р. 181—207].

В настоящее время особый интерес исследователей вызывают вопросы происхождения и этнической интерпретации культуры карпатских курганов. В 50—60-х годах М. Ю. Брайчевский высказал мнение, что прикарпатские памятники представляют не отдельную культуру, а только локальный вариант черняховской культуры [1957.— С. 122—125; 1964.— С. 5]. Однако это предложение не было поддержано другими исследователями, полностью разделяющими мнение М. Ю. Смишко, и считающими, что прикарпатские древности по комплексу характерных черт безусловно необходимо выделить в самостоятельную культуру. Что касается других вопросов, в частности этнической интерпретации культуры, то помимо изложенной выше точки зрения М. Ю. Смишко в научной литературе высказываются и иные точки зрения. Так, изучая закарпатские памятники, В. Г. Котигорошко пришел к выводу, что они изначально и на протяжении всего периода существования принадлежали северофракийскому племени [Котигорошко, 1980.— С. 239—247].

В. Михайлеску-Бирлиба высказал предположение, что происхождение культуры карпатских курганов связано с проникновением германского племени астингов (пшеворская культура)

в липицкую среду и их смешения [1980.— Р. 206—207]. Л. В. Вакуленко отмечен синкретичный характер культуры, представляющий собой смешанный этнос, где один из компонентов имеет гето-дакийскую этническую окраску, второй — очевидно, следует связывать с праславянским элементом, удельный вес которого возрастает на поздних этапах развития культуры [1977.— С. 76—90; 1985.— С. 68]. Общие черты, прослеженные в домостроительстве и керамических комплексах культуры карпатских курганов и раннесредневековых славянских памятников, заставляют учитывать роль прикарпатских древностей при решении вопросов о сложении славянской раннесредневековой культуры.

Открытие киевской культуры или памятников киевского типа, как они были названы их первооткрывателем В. Н. Даниленко, пришлось на начало 50-х годов [Даниленко, 1955.— С. 21—29]. Проведя исследование поселений и могильников у сел Бортнич, Новые Безрадицы и Ходосовка, а также разведки на территории Киевщины и Черниговщины, В. Н. Даниленко пришел к выводу, что памятники киевского типа и памятники типа Абидня в Южной Белоруссии представляют собой единый круг древностей, а их хронология синхронна черняховской. Тогда же им отмечена их генетическая преемственность по отношению к зарубинецким древностям предшествующего периода и связь с раннесредневековой славянской культурой третьей четверти I тыс. н. э. [1976.— С. 65—91].

В 60-х годах поиски и исследования подобных памятников были начаты и в Подесенье. Здесь П. Н. Третьяковым открыт ряд поселений и могильник (Лавриков Лес, Вишенки, Киреевка и др.), выделенные в группу так называемых деснянских древностей [1974.— С. 40—118]. В дальнейшем систематические исследования памятников киевской культуры Подесенья велись Э. А. Сымоновичем, Е. А. Горюновым, Р. В. Терпиловским и др. В настоящее время в Подесенье известно более 400 памятников киевской культуры. На 13 из них велись стационарные ра-

боты [Третьяков, 1974.— С. 40—118; Горюнов, 1981.— С. 99—100]. Наиболее полно работами Среднеднепровской раннеславянской экспедиции под руководством Е. В. Максимова изучены поселения у сел Ульяновка, Киреевка II, Выбли, Роище. Полученные многочисленные материалы опубликованы Р. В. Терпиловским [1984]. В 1981 г. вышла монография Е. А. Горюнова, в основном рассматривающая деснянские древности I тыс. н. э., в том числе и его второй четверти. Как видим, деснянская группа киевской культуры изучена более полно, а главное — нашла достаточное освещение в научной литературе. С 60-х годов археологи вновь обратились к изучению памятников Поднепровья. Начало этому положили раскопки поселения и могильника у с. Казаровичи [Максимов, Орлов, 1974].

Тогда же археологической экспедицией Киевского педагогического института им. М. Горького под руководством Н. М. Кравченко начато планомерное обследование территории в междуречье правых притоков Днепра, Стугны и Красной и многолетние раскопки группы поселений киевской культуры в районе г. Обухова (Обухов II, III, VII) [Кравченко, Абашина, Гороховский, 1975]. Различные по масштабам работы велись и на других поднепровских памятниках киевской культуры: Глеваха (Р. В. Терпиловский), Вишенки (С. П. Пачкова), Сушки (О. М. Приходнюк, Е. Л. Гороховский).

Следует сказать и о памятниках Юго-Восточной Белоруссии типа Абидня и Тайманово, которые, хотя и не включаются Л. Д. Поболем в круг киевских древностей, но, безусловно, тесно связаны с ними [1969]. Памятники, близкие киевским, в последнее десятилетие открыты в Курской и Белгородской областях РСФСР (Э. А. Сымонович, А. М. Обломский).

Открытие и введение в научный оборот памятников киевской культуры вызвало значительный интерес археологов-славистов. Большинство из них вслед за В. Н. Даниленко признало эти памятники недостающим звеном развития славянского этногенеза, соединяю-

щим зарубинецкую культуру со славянской раннесредневековой культурой [Даниленко, 1976; Поболь, 1969; Третьяков, 1974; Баран, 1981; 1983; Сымонович, 1983; Godlowski, 1979]. Однако некоторые ученые считают, что киевская культура принадлежит восточным балтам [Русанова, 1976; Седов, 1979].

В изучении киевской культуры еще много неясных вопросов, требующих для своего решения не только расширения источниковедческой базы, но и внимательного рассмотрения имеющихся материалов на общем фоне европейских исторических процессов. Так, хотя связь киевской культуры с зарубинецкими древностями представляется несомненной, среди археологов отсутствует единогласие в оценке этой связи. Большинство исследователей считает киевскую культуру самостоятельной (Е. В. Максимов, Н. М. Кравченко, Е. А. Горюнов, Р. В. Терпиловский), генетически связанной с зарубинецкой. Существует мнение, что это просто поздний этап развития зарубинецких древностей (В. Н. Даниленко, Л. Д. Поболь). Если большинством исследователей киевской культуры признается ее участие в генезисе славянских колочинской и пеньковской культур, то в отношении пражско-корчакских древностей это представляется весьма спорным. Необходимы специальные исследования и в вопросе о соотношении киевских древностей с синхронными черняховскими.

Название вельбарская культура впервые введено в научный оборот около 10 лет тому назад польским археологом Р. Волонгевичем [1974.— S. 129—130], хотя история ее изучения насчитывает многие десятилетия, сопровождаемая неоднократными изменениями названия культуры. Следует отметить, что подобное явление крайне редко встречается в археологической науке, всегда стремящейся сохранить первоначальное традиционное название культуры, зачастую даже неудобное, как, например, культура карпатских курганов.

Открытые впервые в конце XIX в. на территории Польского Поморья и достаточно интенсивно изучавшиеся в

течение всего последующего периода, памятники, объединенные в настоящее время под понятием вельбарской культуры, на разных этапах изучения были известны в археологической литературе как гото-гепидские [Kmieciński, 1962.— S. 194]. Вместе с культурами пшеворской и оксывской они включались в состав венедской [Kostrzewski, 1949.— S. 51] и оксывской, а также выступали под названием восточнопоморско-мазовецких древностей [Godlowski, 1970.— S. 31—42].

Новое и, надо полагать последнее, название культура получила от могильника в Вельбарке-Гостишево, памятника, наиболее полно охватывающего весь период ее развития [Schindler, 1940.— S. 131].

Существование вельбарской культуры приходится на весь римский период вплоть до начала переселения народов [Godlowski, 1970.— S. 31—42]. В процессе развития она претерпевает достаточно сильные изменения не только в материальной культуре, но и в территории своего распространения. Последнее позволило польским исследователям выделить две различные, но взаимосвязанные фазы существования вельбарской культуры, отличающиеся хронологически и территориально [Wolagiewicz, 1981.— S. 150]. Первая, ранняя фаза, получила название любовидзкой от могильника, исследованного в Любовидзе (Слупское воеводство) [Wolagiewicz, 1981.— S. 150]. Хронологически любовидзкая фаза вельбарской культуры охватывает раннеримский период с середины I в. н. э. до последней четверти II в. н. э. [Wolagiewicz, 1974.— S. 130—136]. Вторая, более поздняя фаза названа цецельской по имени могильника, исследованного И. Ясканисом в 1966—1970 гг. [1972.— S. 81—102] в Цецеле (Белостокское воеводство). Время существования этих памятников приходится на позднеримский период [Godlowski, 1981.— S. 178—191].

Памятники вельбарской культуры, открытые на территории СССР, в советской археологической литературе получили название памятников типа Дитиничей-Брест-Тришин, тем самым добавив еще одно название к списку

имен вельбарских древностей. Название это происходит от двух наиболее известных и представительных памятников: могильник, исследованный в 1957 г. М. Ю. Смишко, В. В. Аулихом и И. К. Свешниковым, у с. Дитиничи Ровенской области [Смішко, Свешников, 1961.— С. 89—114], и могильник, изучавшийся Ю. В. Кухаренко в 1960—1963, 1965 и 1977 гг., на восточной окраине г. Бреста [1980.— С. 3—23].

Население вельбарской культуры занимало территорию Белорусского и Украинского Полесья, Волыни по мере своего продвижения на юго-восток, начавшегося в конце II в. н. э. Поэтому все вельбарские памятники нашей территории относятся ко второй, цецельской, фазе вельбарской культуры.

Следует отметить, что уже при первой публикации дитиничских материалов ее авторы совершенно точно определили характер этого памятника, указав на его прямую связь с памятником Польского Приморья [Смішко, Свешников, 1961.— С. 110—112].

Ю. В. Кухаренко в своей монографии, помимо публикации Брест-Тришинских материалов, собрал все известные к тому времени находки вельбарских памятников на территории СССР [1980.— С. 64—84]. Так, здесь впервые опубликованы все сохранявшиеся материалы из могильника у с. Деревянное Ровенской области [Там же.— С. 80—83] — первого памятника вельбарской культуры, открытого на нашей территории. Работы проводились здесь еще в 30-е годы З. Залесским (1935) и Т. Рейманом (1938 г.). За четыре послевоенных десятилетия исследовались и другие могильники и поселения вельбарской культуры. На территории УССР следует назвать раскопки Ю. В. Кухаренко на могильнике в Любомле [1980.— С. 77—80]; исследование поселений проводились М. Ю. Смишко — с. Викнины Великие [1947.— С. 111—122], Л. И. Крушельницкой — села Рошош и Федоровка; Д. Н. Козаком и А. И. Журкой — с. Великая Слободка II [Козак, 1984.— С. 55—60]. Особо следует отметить многолетние (1956—1962 гг.) и широкомасштабные раскопки

ки М. А. Тихановой на поселении у с. Лепесовка [1966.— С. 209—214].

Ю. В. Кухаренко относит к вельбарской культуре и другие памятники, считающиеся большинством исследователей черняховскими [1980.— С. 74]. Сказанное относится к тем, где были зафиксированы отдельные вельбарские элементы (Ружичанка, Косаново, Пряжев, Ягнятин, Компанийцы, Будешты, Данчены, Раковец и др.). По мнению Ю. В. Кухаренко, наличие некоторых признаков вельбарской культуры на черняховских памятниках подтверждает его концепцию, согласно которой черняховская культура сложилась на основе вельбарской, являясь как-бы ее самой поздней, завершающей стадией [Кухаренко, 1980.— С. 75—76]. Другие археологи-черняховисты считают, что вельбарское население в процессе продвижения на юго-восток вклинилось в черняховский культурный массив. Таким образом, вельбарские элементы, прослеживаемые в черняховской среде, являясь следствием взаимовлияний и интеграции [Сымонович, 1973.— С. 24—32; Винокур, 1972.— С. 144—145; Баран, 1981.— С. 159—161].

Важным этапом в изучении данной культуры стал научный симпозиум «Проблемы вельбарской культуры», проведенный в 1979 г. в г. Слупске (ПНР). На самом симпозиуме и в изданных в 1981 г. его материалах [Problem..., 1981] как бы подведены итоги многолетним археологическим, антропологическим и другим исследованиям вельбарских памятников. В процессе дискуссии были приняты предложенные Р. Волонгевичем датировка и периодизация культуры. Не возникало и разногласий по отношению к ее этническому определению как культуры готов-гепидов, отмечалась двойственность ее происхождения на основе оксывского и пришлого скандинавского населения.

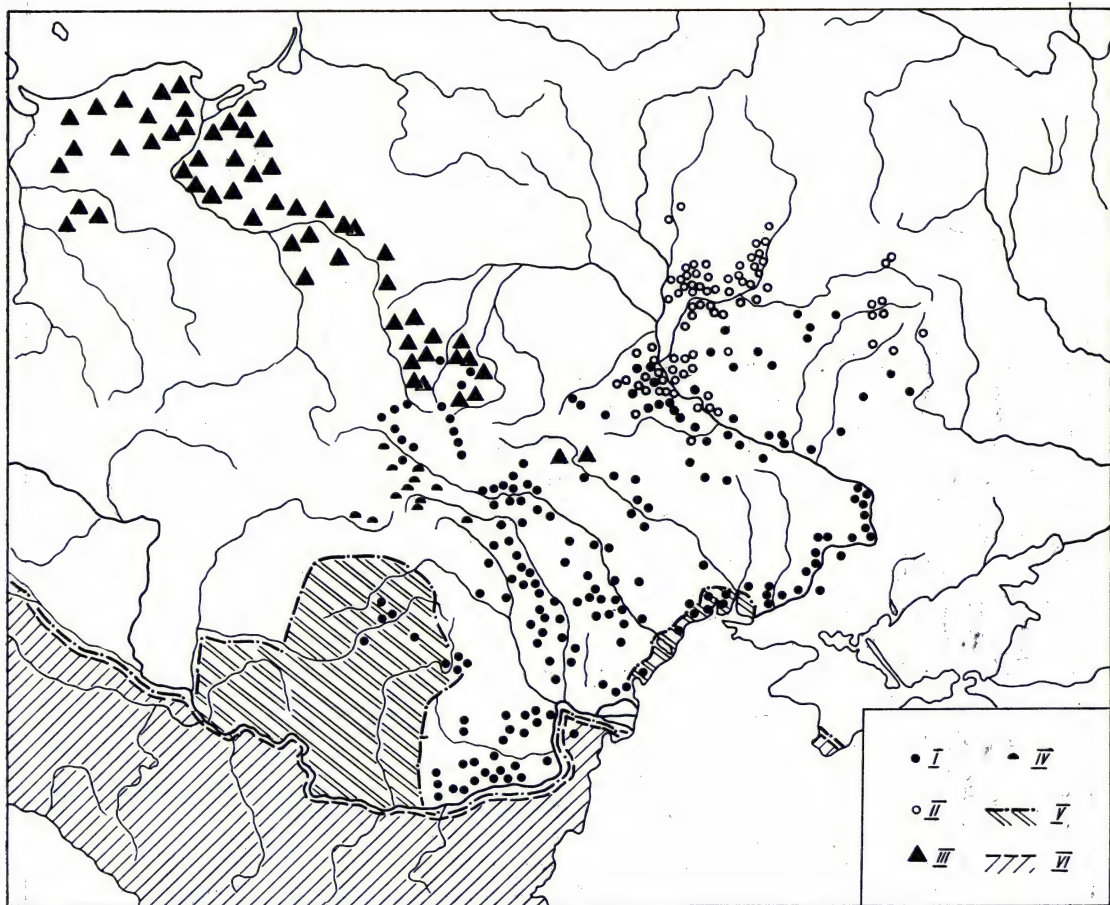
В настоящее время изучение вельбарской культуры остается примерно на уровне материалов и выводов, представленных на симпозиуме, так как накопление материала не привело пока к возможности какого-либо пересмотра как принятых, так и спорных положений.

2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Рассмотренные в предыдущем разделе культуры второй четверти I тыс. н. э. черняховская, карпатских курганов, киевская и вельбарская занимают большую часть Восточной Европы (рис. 16; 17). Основную и наибольшую по протяженности территорию, безусловно, занимают черняховские памятники, известные на Украине, в Молдавии и Румынии. На севере граница черняховской культуры совпадает с Лесостепью, образуя в Черниговском и Киевском Полесье контактную зону с памятниками киевской культуры (Успенка, Хлопков, Киев, Дедовщина). Самые южные черняховские памятники известны на Румынском левобережье Дуная и на побережье Черного моря до устья Днестра. Западная их граница достигает верховьев Днестра, Западного Буга и Сана (Ромош, Неслухов, Черепин, Грудек Надбужный), непосредственно соседствуя с территорией, занятой пшеворской культурой, а по линии Днестра и Прута — с культурой карпатских курганов. На востоке территория черняховской культуры ограничивается Левобережьем Днестра (от низовий до порогов), соприкасаясь со степными сармато-аланскими древностями.

Территория, занятая памятниками киевской культуры, расположена к северу и северо-востоку от черняховской. Недостаточная изученность этой культуры не позволяет точно определить ареал ее распространения. В настоящее время памятники киевской культуры известны: на севере Киевской, в Черниговской и Сумской областях УССР, на востоке Гомельской и на юге Могилевской областей БССР, на юге Брянской и на западе Курской и Белгородской областей РСФСР. Хорошо прослеживается северо-западная граница культуры, проходящая по нижнему течению Березины и по Днепру (в районе Могилева), где она соприкасается с древностями культуры штрихованной керамики, тогда как северные и северо-восточные рубежи неясны. На юге киевские памятники соприкасаются и

перемежаются с черняховскими. Подобная картина зафиксирована исследователями в районе Обухова, Киева (Глеваха) и Василькова. Западные пределы киевской культуры не определены. Скорее всего они достигают Припяти. Наиболее восточные памятники, близкие киевским, открыты в районе Курска (Букреевка 2, Каменево 2) и Белгорода (Шимино 5).

Культура карпатских курганов занимает территорию, граничащую с юго-западной оконечностью черняховской культуры. Ее памятники расположены вдоль северных и восточных склонов Карпатского хребта, между Карпатами и верховьями Днестра, Прута и Серета.

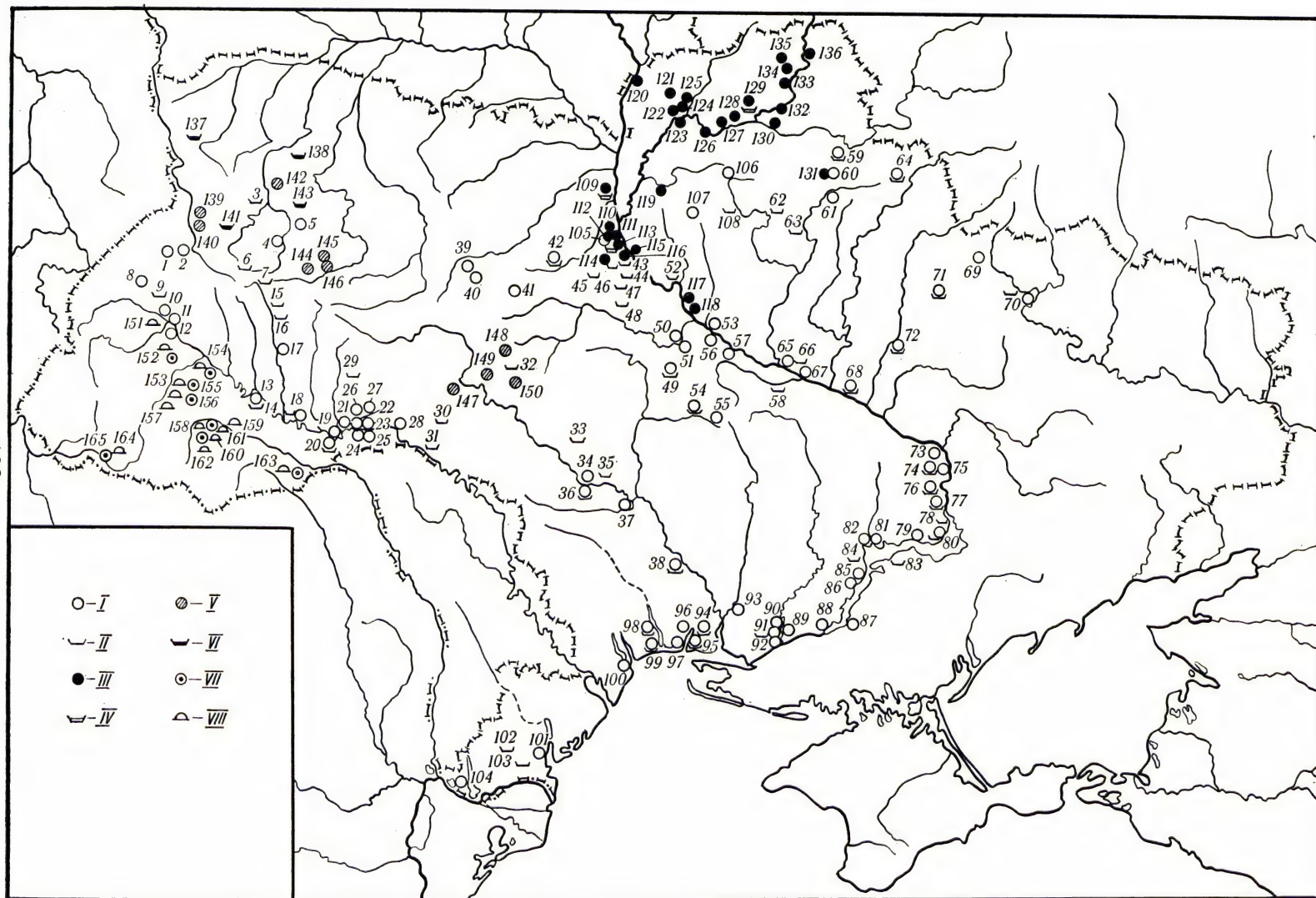
Крайней группой памятников карпатской культуры на юго-востоке являются курганные могильники, обнаруженные на территории Румынской Молдовы в районе сел Гура Секулуй,

Рис. 16. Схема размещения археологических культур второй четверти I тыс. н. э. на юге Восточной и в Центральной Европе:

I — черняховская культура; II — киевская культура; III — вельбарская культура; IV — культура карпатских курганов; V — граница Римской империи 117—271 гг.; VI — граница Римской империи 272—395 гг.

Бранешты и Тирзия. На северо-западе ее граница доходит до р. Стрый (Добрыны). Возможно, граница распространения этих памятников расположена еще западнее, если принять во внимание, что курганный могильник с аналогичным обрядом известен на пограничной с Украиной территории Польши (Лукавица). На южном предгорье Карпат (Закарпатье) известен только один могильник этого времени — в верховьях р. Тисы у с. Иза.

Основная территория распространения вельбарской культуры находится вне пределов Юго-Восточной Европы на

северо-востоке Польши. На территории СССР памятники вельбарской культуры появляются в результате миграции ее носителей на восток. Эта группа вельбарских древностей получила название памятников типа Дитиничей. Они концентрируются, в основном, на Волини в пределах Волинской и Ровенской областей, вклиниваясь в территорию, занятую черняховским населением, и перемежаясь с черняховскими памятниками. Среди вельбарских древ-

ностей наиболее восточным является поселение у с. Лещесовка, наиболее южным — поселение у с. Ромош.

При взгляде на карту Юго-Восточной Европы во второй четверти I тыс. н. э. заметно, что в это время основной массив составляют черняховские памятники, занимающие самую большую и центральную территорию, включающую Лесостепь и Степь. Киевская культура, расположенная к северо-востоку от черняховской, определенно тяготеет к лесной зоне. Карпатская культура связана с зоной Карпатских предгорий. Вельбарская культура занимает Волинь, вклиниваясь в черняховский массив. Отметим, что археологические материалы позволяют в какой-то мере судить о пограничных отношениях между населением культур второй четверти I тыс. н. э.

Как уже подчеркивалось, археологически зафиксировано существование контактных зон между перечисленными культурами, а также чересполосное проживание носителей упомянутых культур. Достаточно четкая граница существовала, очевидно, между населением черняховской и карпатской культур. Так, на территории, где известны курганные могильники карпатской культуры, черняховские памятники не обнаружены.

3. КАТЕГОРИЯ ПАМЯТНИКОВ, ИХ ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА

Памятники археологических культур второй четверти I тыс. н. э. изучены неравномерно. Хотя все они представлены как селищами, так и могильниками, удельный вес этих категорий памятников в общей характеристике культур неодинаков.

Среди черняховских древностей, насчитывающих в настоящее время около 3000 пунктов, лишь одну десятую часть составляют могильники. Киевская культура представлена почти исключительно селищами, в то время как вельбарская, даже на основной территории своего распространения и в западных областях СССР, изучена, в основном,

Рис. 17. Основные памятники второй четверти I тыс. н. э. на территории СССР:

I, II — поселения и могильники черняховской культуры; III, IV — поселения и могильники киевской культуры; V, VI — поселения и могильники вельбарской культуры; VII, VIII — поселения и могильники культуры карпатских курганов. *Черняховская культура*: 1 — Неслухов; 2 — Репнев; 3 — Баев; 4 — Редкодубы; 5 — Костинец; 6 — Раковец-Чесновский; 7 — Березанка; 8 — Черепин; 9 — Пары; 10 — Демьянов II; 11 — Бовшев; 12 — Островец; 13 — Незвиско; 14 — Городница; 15 — Романово Село; 16 — Чернелов-Русский; 17 — Сухостав; 18 — Устя; 19 — Сокол; 20 — Оселевка; 21 — Лука-Врублевская; 22 — Теремцы; 23 — Бакота; 24 — Комаров; 25 — Романовцы; 26 — Иванковцы; 27 — Ставчаны; 28 — Бернашовцы; 29 — Ружичанка; 30 — Заячевка; 31 — Вилы-Ярузские; 32 — Косанов; 33 — Рыжевка; 34 — Синищевка-Сабатиновка; 35 — Данилова Балка; 36 — Кринички; 37 — Грушевка; 38 — Городок; 39 — Пражев; 40 — Слободище; 41 — Гянятин; 42 — Дедовщина; 43 — Обухов; 44 — Жуковцы; 45 — Барахтянская Ольшанка; 46 — Деревяна; 47 — Черняхов; 48 — Ромашки; 49 — Журовка; 50 — Николаевка; 51 — Завадовка; 52 — Переяслав-Хмельницкий; 53 — Новолиповское; 54 — Маслово; 55 — Турия; 56 — Леськи; 57 — Ломоватое; 58 — Степовка; 59 — Успенка; 60 — Беседовка; 61 — Коровинцы; 62 — Гурбинцы; 63 — Лохвица; 64 — Сумы; 65 — Радудовка; 66 — Градижск; 67 — Максимовка; 68 — Компанейцы; 69 — Пересечное; 70 — Новопокровка; 71 — Кантемировка; 72 — Писаревка; 73 — Волосское; 74 — Башмачка; 75 — Никольское; 76 — Федоровка; 77 — Августиновка; 78 — Новоалександровка; 79 — Привольное; 80 — Капуловка; 81 — Кут; 82 — Грушевка; 83 — Каменка-Днепровская; 84 — Гавриловка; 85 — Осокоровка; 86 — Дудчаны; 87 — Каиры; 88 — Берислав; 89 — Кондаково; 90 — Афанасьевка; 91 — Александровка; 92 — Дарьевка; 93 — Калиновка; 94 — Каменка-Анчекрак; 95 — Каборга; 96 — Тилигуло-Березанка; 97 — Викторівка; 98 — Ранжево; 99 — Коблево; 100 — Киселово; 101 — Перушай; 102 — Холмское; 103 — Фурмановка; 104 — Нагорное; 105 — Глеваха; 106 — Березанка II; 107 — Осовец; 108 — Малая Девича. *Памятники киевской культуры*: 109 — Казаровичи; 110 — Белгородка; 111 — Ходосовка; 112 — Глеваха; 113 — Новые Безрадицы; 114 — Хлепча; 115 — Вишенки; 116 — Обухов II, III, VII; 117 — Решетки; 118 — Сушки; 119 — Любчанов; 120 — Радуль; 121 — Роице; 122 — Ульяновка; 123 — Выбли; 124 — Киселевка 2; 125 — Ключков; 126 — Салтыкова Девича; 127 — Максаки; 128 — Мена; 129 — Киреевка; 130 — Обирок; 131 — Беседовка; 132 — Короп; 133 — Мезин; 134 — Лавриков Лес; 135 — Форостовичи; 136 — Бирин. *Памятники вельбарской культуры*: 137 — Любомль; 138 — Деревянное; 139 — Федоровцы; 140 — Ромош; 141 — Машев; 142 — Боратин; 143 — Детиничи; 144 — Борсуки; 145 — Лещесовка; 146 — Викнины Великие; 147 — Демидовка; 148 — Слободка; 149 — Гунька; 150 — Зяньковцы. *Памятники культуры карпатских курганов*: 151 — Добряны; 152 — Нижний Струтин; 153 — Цуцилово; 154 — Марковцы; 155 — Волосов; 156 — Каменка; 157 — Переросль; 158 — Печенежин; 159 — Корпач; 160 — Пилипы; 161 — Мышин; 162 — Стопчатов; 163 — Глубокая; 164 — Иза; 165 — Виноградово.

на материалах могильников. В культуре карпатских курганов, продолжительное время известной исключительно по раскопкам курганов, большинство исследованных памятников — могильники.

Для всех рассматриваемых культур характерны открытые неукрепленные поселения, чаще всего расположенные по берегам небольших рек и ручьев. Однако население каждой из них имело свои излюбленные места для устройства селищ, что обусловило своеобразие топографии (рис. 18, 1—2).

Наиболее разнообразна топография черняховских поселений, что, очевидно, связано с обширной географией распространения культуры, носители которой занимали области, различные по ландшафтному и почвенным условиям. Поселения, открытые в большинстве случаев на берегах небольших водоемов, балок, стариц (Репнев, Киселов, Журовка, Жуковцы и др.), встречаются и на берегах таких больших рек, как Днепр, Днестр, Западный Буг, Прут (Людманов-Каменка, Майорка, Сокол, Бакота, Теремцы, Лука-Врублевцевская, Ракобуты) (рис. 18, 2). Черняховские поселения чаще всего размещались на обращенных к югу склонах надпойменных террас, однако встречаются и на плато высотой от 3—4 до 10—20 м. Нередко следы поселений обнаруживают по обе стороны ручья или оврага, а также на возвышениях в пойме, например, в Рипневе, Каборге, Августиневке и Бовшеве (рис. 18, 1).

Неоднократно отмечалось расположение черняховских поселений группами или «гнездами» (то есть концентрация нескольких поселений на небольшом участке местности). Расстояние между селищами в подобных группах обычно несколько сот метров. В качестве примера можно назвать две группы по пять поселений, открытых В. Д. Бараном между селами Неслухов — Рипнев — Ракобуты на Западном Буге и Бовшев — Коростовичи — Демьянов на левом притоке Днестра — Гнилой Липе [Баран, 1981.— С. 19]. Группы поселений от 2 до 10 и 14 зафиксированы Э. А. Рикманом на территории Пруто-Днестровского междуречья [Рикман, 1975.— С. 74].

Черняховские поселения занимали вдоль склонов полосу шириной в 100—200, реже — 300 м и длиной от нескольких сот метров до 2 км. Замечено, что большие по площади селища преобладают в таких регионах, как Среднее Поднепровье и Молдавия. Однако большие и малые поселения встречаются по всему ареалу распространения черняховской культуры.

Что касается планировки, то на широко раскопанных поселениях иногда удается проследить расположение построек параллельными рядами вдоль склонов (Репнев, Жуковцы) или группами (Теремцы). На многих других отмечена нерегулярная, свободная планировка. Иногда удается выделить отдельные усадьбы, состоящие из жилой постройки и относящихся к ней хозяйственных сооружений. На поселении у с. Сокол, например, таким хозяйственным комплексом являлось жилище № 9 с относящимися к нему двумя ямами-погребам, сооруженными по обе его стороны [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— Рис. 6]. Однако нередко довольно трудно определить такие «усадьбы» или дворы даже на широко раскопанных поселениях [Баран, 1981.— С. 21—22]. Отличительной особенностью черняховских селищ является мощный культурный слой, насыщенный кусками глиняной обкладки, костями животных, фрагментами керамики и другими находками. Толщина его колеблется в пределах 0,4—1,6 м.

Поселения киевской культуры встречаются на берегах Днепра и Десны (Казаровичи, Бортнички, Решетки, Сушки и др.), но основное их количество открыто на берегах малых рек Днепровского бассейна: Ирпень, Ступня, Стрижень или их притоков (Белгородка, Глеваха, Хлепча, Роище и др.).

Топография поселений киевской культуры отлична от черняховских. Для поселений киевской культуры наиболее характерно расположение по краю невысоких боровых, реже лёссовых террас коренного берега (Обухов II, III, VII, Глеваха) или на дюнных образованиях в пойме рек (Новые Безрадиичи, Золотинка, Ульяновка 3, Сушки 2).

Последнее в особенности отличает

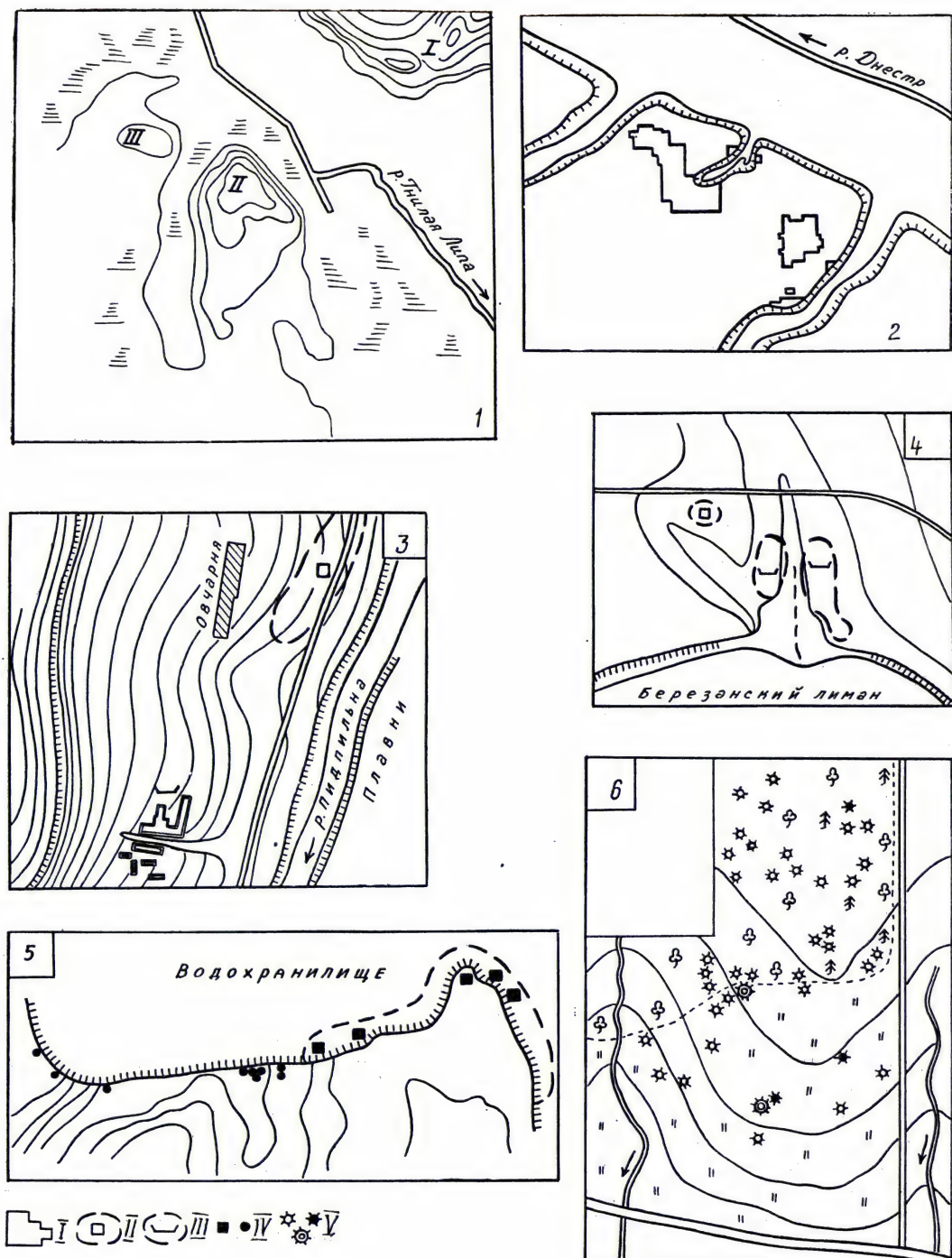

Рис. 18. Топография поселений (1, 2) и могильников (3—6) второй четверти I тыс. н. э.:
 I — раскопы; II — поселения; III — могильники; IV — погребения; V — курганы. 1 — Бовшев; 2 — Сокол;
 3 — овчарня совхоза «Приднепровский» (Гавриловка); 4 — Каборга IV; 5 — Казаровичи; 6 — Печене-
 жин.

топографию киевской культуры. Необходимо отметить, что при всем разнообразии топографии черняховских селищ они редко встречены в речных поймах. То же самое относится и к двум другим рассматриваемым культурам. Селища киевской культуры как будто чаще, чем черняховские, образуют «гнезда», в которых они отстоят друг от друга на расстоянии 0,5—2 км. Подобная группа поселений, например, исследована на р. Стугне, вблизи г. Обухова [Кравченко, 1971.— С. 281]. Открыты они и в Подесенье. Большие «гнезда» поселений обнаружены в устьях р. Смач, Малотечка, Замглай, в верховьях р. Стрижень [Третьяков, 1974.— С. 52; Терпиловский, 1984.— С. 9]. По мнению П. Н. Третьякова, возникновение подобных групп поселений отражает определенную социально-экономическую структуру [1974.— С. 9]. Этого мнения придерживается и Е. В. Максимов [1982.— С. 145]. Е. А. Горюнов связывает существование «гнезд» поселений прежде всего с непрочной оседлостью населения [1981.— С. 14—15]. Для киевской культуры скорее характерны небольшие селища от 1 до 2 га. Однако на Черниговщине, в особенности на Верхнем Поднепровье, открыты и крупные поселения.

Небольшое число полностью или достаточно широко раскопанных селищ не позволяет сделать определенный вывод об их планировке. Бесспорно, что жилища на них размещались в основном разбросанно, удаленно друг от друга. П. Н. Третьяков на деснинских поселениях (Лавриков Лес и Смольянь) выяснил, что жилища и хозяйственные ямы группировались в разных частях поселения [1974.— С. 12—13].

Следует отметить характерную особенность поселения киевской культуры, а именно — наличие огромного количества ям-погребов, по количеству иногда в десятки раз превышающее другие постройки. Так, на поселении Роище, где исследовано 2170 м², открыто пять жилищ, размещавшихся на расстоянии 12—24 м друг от друга вдоль берегов ручья. Между ними находилось шесть хозяйственных построек и 230 ям-погребов [Терпиловский, 1984.— С. 9].

В отличие от черняховских, на селищах киевской культуры почти отсутствует культурный слой, а культурные остатки сосредоточены вокруг построек.

Поселения культуры карпатских курганов занимали первые или вторые террасы небольших рек. Наиболее характерно для них расположение на мысах, как правило, образованных рекой и впадающим в нее ручьем. К мысовым, например, относится селище в Волосове, Печенежине, Пилипах, Пыконе-ве. Обычно это небольшие поселения площадью 2—3 га. Известны и крупные поселения — такие, как Глубокое, занимавшее площадь около 7 га по обоим сторонам ручья. Поиски поселений культуры карпатских курганов очень затруднены в условиях предгорного рельефа и задернованных площадей. В двух-трех случаях как будто удалось проследить расположение поселений «гнездами» на небольшом расстоянии друг от друга. Например, четыре селища открыты в районе хут. Мыслов Сторожинецкого района Черновицкой области. В остальных случаях, особенно в районе Коломии и Косова, несмотря на настойчивые поиски, открыты только единичные поселения. Трудно сказать что-то определенное в отношении внутренней планировки селищ культуры карпатских курганов. Что касается культурного слоя, то его толщина достигает 0,2—0,45 м. Впрочем, последнее прослежено только на многослойном Глубоком поселении.

Селища вельбарской культуры размещались на первых или вторых надпойменных речных террасах, преимущественно на южном склоне балок и оврагов. Так, поселение у с. Ромош занимало первую надпойменную террасу р. Западный Буг. Сведения о площади вельбарских поселений и их планировке практически отсутствуют из-за слабой изученности. Данные, полученные при исследовании поселения в Лепесовке, вряд ли следует считать типичными для селищ вельбарской культуры.

Другой важнейшей категорией памятников являются могильники (рис. 18, 3—6). Для большинства культур второй четверти I тыс. н. э., как и для предыдущего периода, характерны

грунтовые. Если в древности погребения и имели какие-то обозначения на поверхности, то до наших дней они не сохранились. Поэтому длительное время черняховская, зарубинецкая и другие культуры были известны под общим названием — культуры полей погребений. Грунтовые могильники без внешних признаков характерны и для открытой значительно позже киевской культуры. На этом общем фоне четко выделяется курганным погребальным обрядом культура карпатских курганов.

Хотя могильники черняховской культуры составляют гораздо меньшую, чем поселения, часть общего количества памятников, в целом они изучены лучше, чем поселения. Это не только большие, иногда насчитывающие несколько сот погребений, могильники, но и небольшие в несколько десятков или несколько погребений кладбища и отдельные захоронения. Примерами первых могут служить эпонимный могильник в Черняхове, где открыто 275 погребений, и могильник в Будештах с 362 могилами. Около 100 м и более захоронений содержат древние кладбища в Маслове, Журовке Ольшанской, Овчарне совхоза Приднепровского, Оселевке, Ружичанке и др. Около 20—30 захоронений открыто в Островце, Ранжевом, Лохвице, Ромашках, Баеве и др. Для них характерен биритуальный обряд, то есть сочетание трупоположений и трупосожжений в пределах одного могильника. Топографически черняховские могильники размещались обычно выше по рельефу и в значительном удалении от берегов водоемов, чем поселения. Такая закономерность прослежена, например, в Журовке Ольшанской, Деревянном, Обуховском, Малом Ржавце, Ромашках и др. В тех случаях, когда удалось идентифицировать поселение и могильник, установлено, что чаще всего они расположены рядом и их удаленность друг от друга не превышает 500 м. Например, в Каборге могильник отстоит от поселения на 200 м (рис. 18, 4).

Данные, приведенные Э. А. Сымоновичем, показывают, что поселение и могильник у с. Гавриловка (Овчарня совхоза Приднепровский) находились на расстоянии 120 м один от другого

(рис. 18, 3); в Ранжевом и Журовке Ольшанской — 90, в Малаештах — 60 м [Сымонович, Кравченко, 1983.— С. 130.— Табл. 4]. Известны случаи, когда граница могильника смыкалась с границей поселения (Сумы) или когда поселение находилось рядом с могильником, окружая его с трех сторон (Будешты). Следует отметить, что в некоторых районах черняховского ареала, в целом достаточно хорошо исследованных, почти совсем неизвестны могильники, в то время как поселения насчитываются сотнями. Сказанное относится, например, к территории Верхнего и Среднего Поднепровья, где известны такие хорошо исследованные поселения, как Бовшев, Теремцы, Бакота и др., вблизи которых, несмотря на все попытки, не удалось обнаружить могильники.

Могильники киевской культуры известны мало и изучены слабо. Как правило, они сильно разрушены. Очевидно, это были небольшие кладбища, так как они должны были соответствовать небольшим по площади и недолговременным поселениям. Лишь на могильнике Тайманово исследовано около 100 погребений III—V вв., однако эти данные опубликованы очень кратко. В Казаровичах, близ Киева, открыто 15 могил. В остальных случаях известно до пяти захоронений.

Находясь в непосредственной близости от поселений, могильники повторяют их топографию. Так, могильник в Киреевке располагался на дюнных всхолмлениях в пойме правого берега р. Убеди в 70—80 м от поселения [Третьяков, 1974.— С. 113, 115—116]. На дюнах, по данным В. Н. Даниленко, находились и два могильника у с. Бортничи и еще два — у с. Новые Безрадиичи [Даниленко, 1976.— С. 69]. Поселение и могильник у с. Казаровичи размещались на расстоянии 300 м друг от друга, при этом последний занимает более высокий участок надпойменной террасы Днепра (рис. 18, 5). Какие-либо заключения о внутренней планировке могильников в настоящее время невозможны из-за отсутствия достаточного количества материалов.

Могильники культуры карпатских

курганов занимали, как правило, высокие, часто залесенные участки местности. На хребтах возвышенностей расположены, например, могильники в Глубокой, Дебеславцах, Грушеве (Корныч), Траче, Печенежине, все три могильника в Пилипах и др. Могильники в Мышине и Нижнем Струтине находились на высоких берегах рек. Курганы отстояли от поселений не более чем 300—500 м (Глубокая, Пилипы, Пиконев) (рис. 18, 6).

Детальные археологические обследования последних лет в районе Галицкого предгорья позволили отметить такую характерную особенность, как расположение карпатских могильников, насчитывающих от 3—5 до 15—20 курганов, на расстоянии 1,5—2 км друг от друга.

Вообще для культуры карпатских курганов скорее характерны небольшие кладбища. Самое большое количество курганов насчитывали могильники в Глубокой (86) и Переросле (67), более 40 насыпей — в Нижнем Струтине, Печенежине, 20—30 — в Каменке, Марковцах, Грушеве (Корныч), остальные могильники насчитывали до 20 курганов.

Мы располагаем данными относительно планировки карпатских могильников. Так, в ряде случаев отмечалось существование в пределах одного могильника нескольких обособленных групп. По три таких группы отмечено в Глубокой и Переросле, по две — в Мышине и Пилипах. Расстояния между ними составляли от 30—50 до 150—500 м.

Создается впечатление, что в пределах одной могильной группы курганы располагаются «гнездами», группируясь вокруг насыпей самого большого размера. Расстояние между отдельными гнездами — 6—9 м, а между насыпями внутри гнезда — 1—2 м.

Могильники вельбарской культуры, открытые в западных областях Украины и Белоруссии, размещались на пологих или крутых склонах берегов рек, балок и возвышенностей. Так, Брест-Тришинский памятник обнаружен на пологом склоне правого берега р. Муховец, погребения в Любомле, Де-

ревянном, Дитиничах и Машеве — на песчаных возвышенностях. Очевидно, они находились рядом с поселениями, как в Грудке Надбужном, однако сведения об их пространственном соотношении с поселениями очень скудны. В большинстве это небольшие кладбища, насчитывающие 20—30, реже до 100 погребений. В Брест-Тришине выявлено 75 погребений, в Дитиничах — 21.

Необходимо упомянуть могильник Вельбарк-Госцишево, функционировавший на всем протяжении существования культуры, где открыто около 2000 погребений, или могильник в Цецеле, относящийся к поздней фазе вельбарской культуры, насчитывающий 500 могил. Погребения внутри могильника располагались бессистемно на расстоянии 2—3 м друг от друга. На некоторых могильниках отмечены участки с наибольшей густотой захоронений (Вельбарк-Госцишево).

Помимо поселений и могильников — категорий памятников, общих для всех культур второй четверти I тыс. н. э., в среде черняховских древностей известно три городища: Башмачка, Александровка и Городок [Смиленко, 1975; Магомедов, 1987]. Все они находятся в степной зоне. Это мысовые городища с каменными укреплениями, усиленными рвами и земляными валами. Городище в Башмачке занимало центральную часть черняховского поселения. Сведения о существовании городищ киевской культуры еще не подтверждены достоверными данными, хотя находки керамики киевской культуры на городищах других эпох, возможно, свидетельствуют о том, что они использовались и населением киевской культуры.

Следует также назвать такую категорию памятников, как монетные клады. На территории Юго-Восточной Европы они известны в ареале древностей черняховской культуры и культуры карпатских курганов. В основном это клады римских монет, изредка сопровождаемые и другими предметами римского импорта. Как правило, это случайные находки, и сведения об их топографии отсутствуют [Брайчевский, 1958]. Как видим, за исключением Карпат-

ского предгорья, население изучаемых культур селилось и хоронило своих умерших в близких топографических условиях. Наиболее близкая топография, а также планировка у поселений черняховской и киевской культуры, расположенных на границе Леса и Лесостепи.

4. ТИПЫ ЖИЛИЩ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

Домостроительство во второй четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы независимо от топографических условий и планировки поселений было очень неоднородным. С одной стороны, оно отражает уровень строительного дела варварского населения этого времени, а с другой — этнокультурную и экологическую специфику региона, который, как известно, занимает различные географические зоны: Лес, Лесостепь, Степь, Карпатское предгорье. Кроме того, в северо-причерноморской полосе во второй четверти I тыс. н. э. сохранились традиции домостроительства, сложившиеся в процессе многовекового соседства степного населения с греческой и римской цивилизациями. Все это влияло на характер используемого строительного материала, планировку построек, устройство интерьера, подсобных помещений, использование различных типов отопительных сооружений и т. п.

Исходя из характера материалов, которыми пользовались строители этой части Европы, все жилища можно разделить на три группы: 1) жилища, при постройке которых использовались дерево и глина; 2) деревянные жилища столбовой и срубной конструкции; 3) каменные дома.

Первая группа жилищ наиболее характерна для Лесостепной и Степной географических зон, а также Северо-Карпатского предгорья. Единичные постройки первой группы встречаются и в прибрежной полосе Северо-Западного Причерноморья, для которой свойственны каменные дома, отнесенные к третьей группе. Жилища второй группы преобладают в лесной полосе, хотя там

известны отдельные постройки первой группы и наоборот.

Такое общее членение жилых построек не исчерпывает всей полноты их классификации, необходимой для сравнительного изучения и решения этнокультурных вопросов. На рассматриваемой территории проживало население, оставившее по крайней мере памятники четырех различных археологических культур (карпатских курганов, черняховской, киевской, вельбарской), со своими традициями домостроительства. Кроме того, в настоящее время установлено, что даже внутри одних и тех же культур встречаются различные типы домов. Все это требует проведения более детальной типологии жилых построек по принципу конструктивных особенностей и определению специфики в границах перечисленных культур.

По своим конструктивным особенностям все жилые и хозяйственные постройки поздне римского времени на территории Юго-Восточной Европы подразделяются на два типа: углубленные и наземные. Их соотношение в разных культурах различно. В культуре карпатских курганов, занимающей Карпатское предгорье, в настоящее время известно 30 жилищ, из них 12 углубленных и 18 наземных. Поселения черняховской культуры исследованы значительно лучше. На всей территории черняховской культуры известно около 160 поселений, на которых проводились широкие археологические исследования. Из них более 100 на территории Украины. В настоящее время на черняховских поселениях открыто более 300 углубленных жилых построек, 175 наземных глинобитных и около 40 каменных домов. На поселениях киевской культуры открыто более 40 жилищ. Из них только два наземные, а остальные углубленные. Поселения вельбарской культуры исследованы очень слабо. На территории Польши вообще вельбарские жилища не известны. На Волыни открыто около 20 наземных и углубленных жилищ.

В культуре карпатских курганов углубленные жилища известны на поселениях Глубококе и Кодын II Черновицкой области; Грабовец, Печенежин,

Пилипы, Королевка Ивано-Франковской области [Вакуленко, 1977.— С. 13—16]. Это небольшие четырехугольные или подквадратные полуземлянки площадью 9—12 м², глубиной 0,5—0,9 м от современной поверхности. Преобладающая ориентировка — углами по сторонам света. Пол жилищ материковый, в основном ровный, утрамбованный, стены каркасно-плетневой конструкции, обмазанные глиной, но на поселении Глубокое открыта постройка со срубными стенами. Крыша, по-видимому, двускатная. Отопительные сооружения — очаг (Грабовец, Печенежин) или глиняная печь (Глубокое). На поселении Кодын II в одном из жилищ открыта печь-каменка. Форма печей овальная, размеры 1×1,4 (рис. 19, 7, 8, 9).

На поселениях черняховской культуры углубленные жилые постройки делятся на два подтипа: полуземлянки и землянки. Последние в количественном отношении составляют очень незначительную часть — не многим более 50, то есть около 17 %. На большинстве поселений они известны как единичные объекты, лишь в верховьях Западного Буга и Днестра (Репнев II, Бовшев II, Неслухов, Чижикив) землянки составляют заметную часть построек, что определяет некоторое этнографическое своеобразие этого региона [Баран, 1981.— С. 54].

Черняховские полуземлянки различаются формой. У большинства из них четырехугольная и подквадратная (рис. 19), приблизительно у трети овальная форма. Средние размеры жилищ 8—17 м², в единичных случаях до 26 м², но их количество не превышает 15. Глубина полуземлянок 0,8—1,5 м от современной поверхности и 0,4—1 м от уровня древней поверхности. Полуземлянки овальной формы встречаются и несколько глубже. Ориентированы полуземлянки углами или стенками по сторонам света. Овальные жилища вытянутой формы в большинстве случаев поставлены длинными стенками — восток-запад. Пол жилищ в основном ровный, утрамбованный; материковые стенки отвесные или немного сужены к низу, особенно в глубоких жилищах.

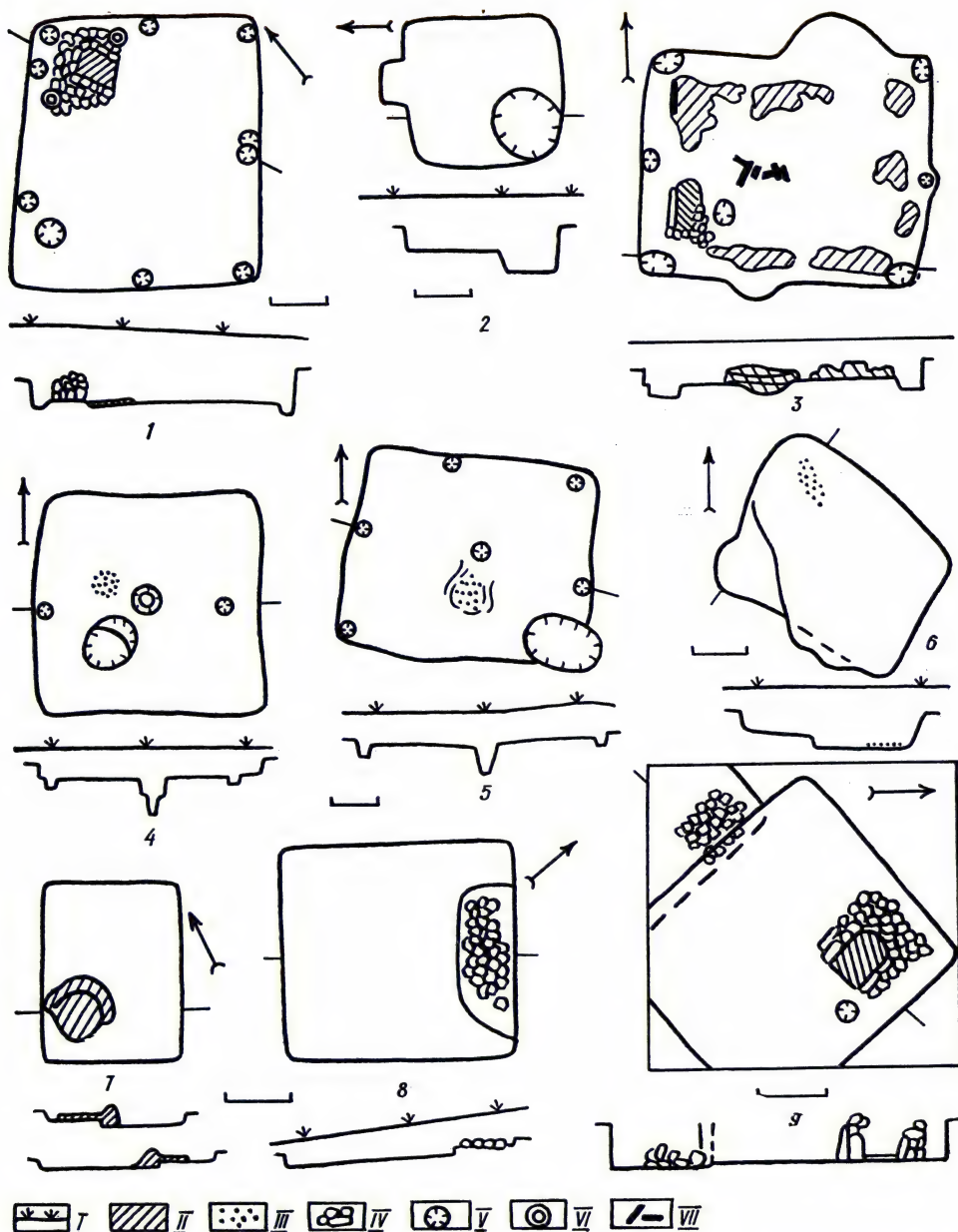
Больше чем в 20 случаях под стенками жилищ оставались материковые выступы-прилавки или лежанки, а около 40 полуземлянок имели подвальные ямы. Встречаются ямы со следами обжига (в них могло храниться зерно) (Репнев II).

Отопительными устройствами в полуземлянках были очаги. Они открыты в 130 жилищах на всей территории распространения культуры. Известны очаги, сложенные из камней и подмазанные сверху глиной, а также подмазанные глиной на материковом полу. Форма очагов в основном овальная или близкая к округлой, диаметр 0,5—1 м, но встречаются очажные пятна до 1,5 м². На некоторых поселениях (Репнев II, Бовшев II, Теремцы, Хлопков) открыты полуземлянки без отопительных устройств, хотя по набору инвентаря и размерам они не отличаются от остальных жилищ (рис. 19, 2).

Печь как отопительное устройство черняховского жилища встречается значительно реже, чем очаг. Из общей массы черняховских поселений выделяются четыре (Теремцы, Бакота, Сокол на Днестре и Журовка на Днепре), где печи открыты в подавляющем большинстве жилищ. Все они относятся к заключительному этапу существования черняховской культуры.

Известны печи, сооруженные из глины и камня. Первые открыты в единичных жилищах на всей территории распространения черняховской культуры, вторые — локализуются лишь в Верхнем и Среднем Поднестровье [Баран, 1981.— С. 54—57]. Определенного, навсегда установленного места в жилище для очага не было. Они сооружались в углу или какой-нибудь другой части полуземлянки. Печи-каменки всегда занимали один из углов жилища, а глиняные печи иногда вырезались в материковой стенке полуземлянки или сооружались на небольшом материковом возвышении в одном из ее углов. Сооружение печи в материковой стенке жилища широко практиковалось на поселении в Журовке [Сымонович, 1963.— С. 81.— Рис. 2, 3]; одна такая печь открыта на поселении Демьянов II [Баран, 1981.— С. 30—31]. Под глиня-

ных печей всегда подмазан глиной, стенки и купол сложены из глиняных вальков. Форма печей овальная, близкая к подковообразной. Их размеры в среднем $0,8 \times 1,3$ м.

Печи-каменки появляются в конце второй четверти I тыс. н. э. и только в ограниченном районе Верхнего и Среднего Днестра, где на поверхность выходят пласты мягкого камня-песча-

Рис. 19. Углубленные жилища второй четверти I тыс. н. э.:

I — слой дерна; II — обожженная глина; III — следы очага; IV — камни; V — ямы; VI — сосуды; VII — угли. 1, 2 — Теремцы, жилища № 17, 22; 3 — Сокол, жилище № 9; 4 — Киселевка 2, жилище № 1; 5 — Ульяновка I, жилище № 4; 6 — Глеваха, жилище № 9; 7 — Глубокое, жилище № 7; 8 — Грабовцы, жилище № 1; 9 — Кодын, жилище № 23.

ника, легко поддающегося обработке. Наибольшее количество жилищ с печами-каменками открыто на поселениях

в Теремцах (24 из 29 исследованных), Бакоте (около 20), Соколе (8 из 13), Черепине (2 из 8). Важной особенностью жилищ с печью-каменкой является их постоянная подквадратная форма.

Под печей-каменок подмазан глиной и всегда залегает непосредственно на материковом полу жилища. Стенки и купол сложены из колотых мягких камней без скрепляющего материала. Иногда щели между камнями заполнялись землей. Форма печей подковообразная, средние размеры $0,5 \times 1 - 1,2$ м (рис. 19, 1, 3).

На основании размещения столбовых ям, открытых во многих полуземлянках, и наличии в них прослоек обожженной глиняной обмазки можно сделать вывод, что большинство четырехугольных и овальных жилых построек имели каркасно-плетневые стены, при постройке которых широко использовались глиняные вальки. Крыша была двускатной. У отдельных жилищ подквадратной формы стены возводились из деревянных плах столбовой или срубной конструкции. Они наиболее полно представлены в Теремцах (29) и на других поселениях Среднего Днестра [Баран, 1973]. Такие жилища зафиксированы и в Журовке. Однако следует заметить, что не у всех подквадратных жилищ были срубные стены. На поселениях в Соколе (жилище № 9) и Бернашовке в полуземлянках с печью-каменкой открыты мощные слои обожженной глиняной обмазки, с отпечатками прутьев, свидетельствующие о том, что эти постройки имели каркасно-плетневые стены [Вакуленко, Приходнюк, 1984]. Отметим, что появление в конце второй четверти I тыс. н. э. подквадратных полуземлянок выдержанной формы на поселениях черняховской культуры Поднестровья и Поднепровья, а также единичных построек в соседних регионах Карпатского предгорья в культуре карпатских курганов связано с переустройством жилища. Наряду с глиняными постройками появляются деревянные столбовые или срубные дома, стены которых сложены из толстых и ровных бревен или плах. Они требуют соответственно определенной планировки нижней части жилища;

вырезанной в материке и, в первую очередь, ровных стен и прямых углов, в отличие от стен каркасно-плетневой конструкции, которые можно было легко повернуть в любую сторону и применить как при четырехугольной, так и при овальной и даже неправильной планировке постройки.

Жилища-землянки углублены в грунт на 1,7—2,5 м от современной поверхности, но на репневском поселении два жилища углублены на 2,7—2,85 м от этого уровня. Их размеры приблизительно такие же, как и у полуземлянок — 7—25 м², форма овальная или четырехугольная. Важной конструктивной особенностью землянок являются ступеньки, нередко вырезанные в одной из материковых стен жилища и образующие вход. В некоторых землянках встречаются материковые выступы, используемые как скамейки или лежанки. Подпольные ямы в землянках отсутствуют. Отопительные сооружения — очаги, такие же, как и в полуземлянках. Их диаметр 0,6—1,1 м. Лишь несколько землянок, открытых в Репневе II, Журовке и Привольном, имели глиняные печи, аналогичные печам из полуземлянок. Их размеры доходят до 1,3 м. Стены землянок не поднимались выше дневной поверхности. Землянки имели двускатное перекрытие, опирающееся краями непосредственно на земляные борта жилища.

Для киевской культуры можно считать характерным только один тип жилой постройки — полуземлянку. Два жилища на поселении в Безрадицах, которые В. Н. Даниленко считал наземными, также были немного углублены в землю [Даниленко, 1976. — С. 65—91]. Полуземляночные жилища известны на поселениях Роище, Обухов II и VII, Розаровичи, Сушки, Глеваха, раскопанные Е. В. Максимовым, Р. В. Терпиловским, Н. М. Кравченко, Н. С. Абашиной, О. М. Приходнюком [Терпиловский, 1984. — С. 9—14]. Полуземлянки углублены в грунт на 0,3—1,5 м от современной поверхности. Форма подквадратная, занимаемая площадь — 11—17 м². Преобладающее количество жилищ ориентировано стенками по сторонам света. Полы ровные;

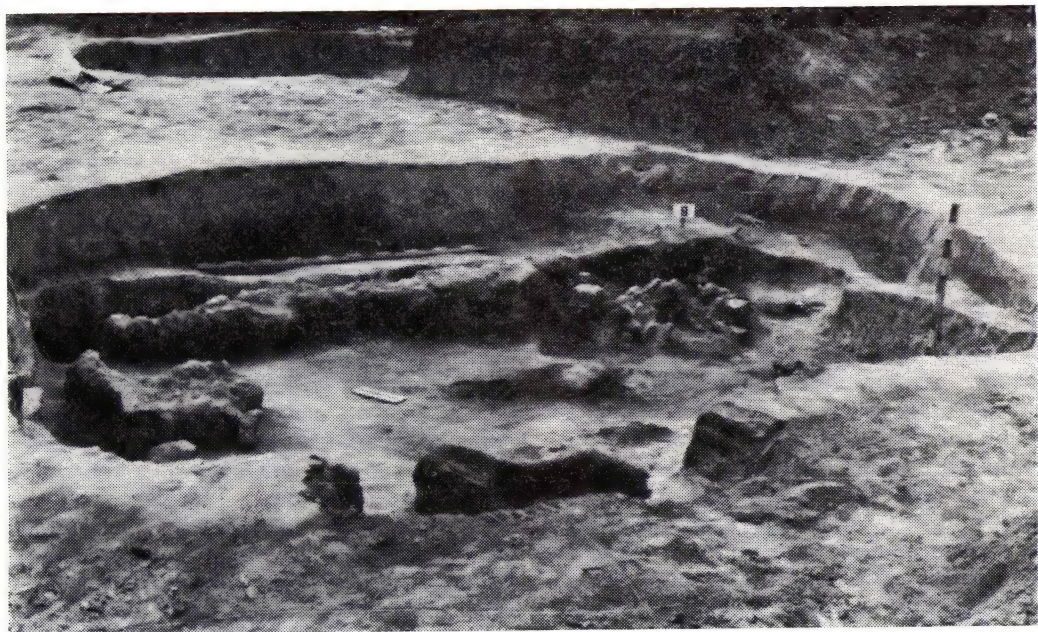

Рис. 20. Сокол. Жилище № 9.

утоптанные. В ряде жилищ открыты подпольные ямы. Отопительное сооружение — очаг, размещался приблизительно в центре жилища. В некоторых жилищах очаги не зафиксированы. Форма очагов овальная, диаметром 0,5—0,9 м. Встречаются очаги, вымощенные обломками раздавленных сосудов и подмазанные сверху слоем глины (рис. 19, 4—5). В одном из жилищ на поселении Роище, а также у с. Белгородка под Киевом печи были вырезаны в стенке полуземлянки [Терпиловский, 1984.— С. 14]. Такие печи известны на памятниках черняховской культуры [Журовка, Демьянов], о чем писалось выше. Жилище с аналогичной печью открыто на поселении в Букреевке около Курска [Симонович, 1979.— С. 95—96].

Важной конструктивной особенностью жилищ киевской культуры Левобережья Днепра является наличие в центре пола ямы от центрального столба диаметром 0,3—0,6, глубиной 0,3—0,7, м от уровня пола. По-видимому, центральный столб, судя по диаметру и глубине ямы, являлся опорой для перекрытия жилищ. Наличие центрального столба при отсутствии следов столбовых ям наводит на мысль о шатровой крыше построек. Однако большин-

ство исследователей киевской культуры считает, что центральный столб был лишь одной из опор двускатной крыши, края которой опирались на стены жилища и другие столбы. Последние, судя по расположению столбовых ям, находились приблизительно посередине противоположных стен постройки, а иногда размещались в один ряд с ямой от центрального столба.

Стены жилищ возводились из деревянных бревен или плах и имели срубную конструкцию [Терпиловский, 1984.— С. 11]. На Правобережье жилище с ямой от центрального столба найдено только на поселении у с. Глеваха. Все другие жилища (22) центрального столба не имели. Кроме того, на правобережных поселениях (Обухов II и VII, Погребы, Глеваха), в отличие от левобережных, где все обнаруженные жилые постройки имели срубные или столбовые стены, открыты полуземлянки со стенами каркасно-плетневой конструкции (7 из 23). На упомянутых поселениях они сочетаются с полуземлянками срубной конструкции [Кравченко, Гороховский, 1979.— С. 51—68].

Вторым типом глинобитной постройки являются наземные жилища. Во вто-

рой четверти I тыс. н. э. они широко распространены в культурах карпатских курганов, черняховской и вельбарской.

В культуре карпатских курганов наземные постройки известны на поселениях Глубокое Черновицкой области, Грабовец, Волосов Ивано-Франковской области [Вакуленко, 1977.— С. 8—13]. Это глинобитные однокаменные постройки прямоугольной формы, площадью 12—37 м². Они представляют собой сплошные или несколько разрозненные развалы обожженной глиняной обмазки толщиной до 0,2 м, залегающие на глубине 0,25—0,3 м от современной поверхности. Слои обмазки состоят из больших или маленьких кусков обожженной глины с отпечатками деревянных конструкций, фрагментов керамики, костей животных, орудий труда. В нескольких жилищах на поселении у с. Глубокое под слоем обмазки открыты столбовые ямки диаметром 0,1—0,15, глубиной 0,2—0,3 м, на расстоянии 0,5 м друг от друга. Они размещались по периметру стен и очерчивали границы построек.

Пол жилищ всегда находился под слоем обмазки. На полу устраивались очаги, сложенные из кусков камня и сверху подмазанные толстым слоем глины. Форма очагов овальная, диаметр около 1 м. Место очага довольно устойчиво — в центральной части жилища, ближе к одной из стенок. Рядом с очагом иногда устраивались приотажные ямы. В двух жилищах на поселении у с. Глубокое открыты подпольные хозяйственные ямы. Еще в одном жилище на этом же поселении найдено мельничное сооружение (рис. 21, 3, 4).

Наземные жилища распространены и на поселениях черняховской культуры. Исключение составляет район Верхнего Поднестровья, где они составляют 5—10 % по отношению к углубленным постройкам.

По конструкции и строительному материалу они делятся на два подтипа — с каркасно-глинобитными и каменными стенами. Последние, как отмечалось, известны лишь в прибрежной полосе Северного Причерноморья.

Остатки каркасно-глинобитных на-

земных жилищ на поселениях черняховской культуры представляют собой более или менее мощные слои глиняной обмазки, залегающие обычно на глубине 0,2—0,6 м от современной поверхности. В свою очередь, по количеству помещений и размерам они подразделяются на однокамерные постройки размером 10—30 м² и двух- или трехкамерные вытянутых форм площадью 50—120 м² (рис. 21. 1, 2).

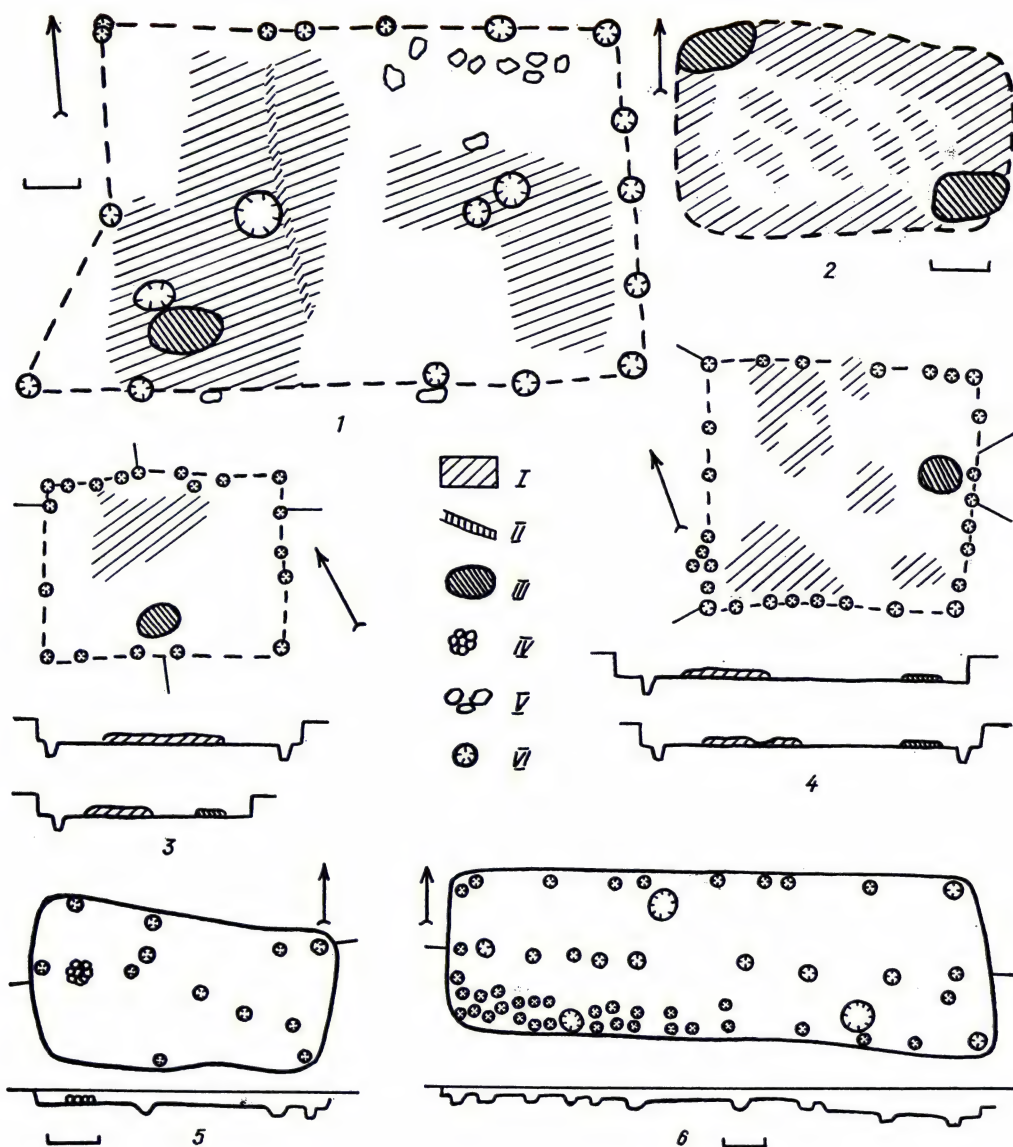
Однокамерные постройки широко распространены и уступают по количеству лишь полуземлянкам. В настоящее время на исследованных черняховских поселениях известно около 120 таких построек. Существует определенная закономерность, вытекающая из статистической обработки различных типов жилищ на черняховских поселениях. Лишь на некоторых известных поселениях (немногим более 10) углубленные и наземные жилища открыты на одних и тех же пунктах и только на единичных из них (Лука-Врублевская, Башмачка) они занимают приблизительно одинаковое количественное положение. В подавляющем большинстве случаев преобладает какой-то один тип жилища, наземный или полуземляночный, являющийся ведущим на поселении [Баран, 1981.— С. 58].

Форма однокамерных жилищ в большинстве случаев прямоугольная. Пол ровный, утопанный, иногда подмазан глиной. Стены столбово-плетневой конструкции. Данных для реконструкции крыши мало. Можно предположить, что она была двускатной и покрыта соломой или камышом.

В наземных постройках отопительные устройства встречаются в виде очагов или глинобитных печей. Как и в полуземлянках и землянках, количественно преобладают очаги, печи — довольно редки. Очаги сооружались из глины или камня и глины. В одних случаях их под состоял из каменной вымостки, в других — каменная вымостка перекрывалась слоем глины. Форма очагов овальная или округлая, диаметром 0,6—1,4 м.

Печи представляли собой сооружения овальной формы с глиняным или

выложенным камнями подом и сводчатым каркасно-плетневым куполом. Иногда перед ними устраивались специальные вымостки-площадки или припечные ямы. Размеры печей $1 \times 1,5$ м.

Отопительные сооружения различных типов (очаги и печи) сочетаются не только на одних и тех же поселениях, но и в одних и тех же жилищах.

Другим видом наземных каркасно-глинобитных построек являются большие двух- или трехкамерные жилища. Их площадь нередко превышает 100 м^2 ,

Рис. 21. Наземные жилища второй четверти I тыс. н. э.:

I — обожженная глиняная обмазка; II — глинобитная перегородка; III — глинобитный очаг; IV — каменный очаг; V — камни; VI — ямки. 1 — Будешты; 2 — Киселев; 3, 4 — Глубокое; 5, 6 — Великая Слобода.

хотя встречаются постройки размерами $50-70 \text{ м}^2$. Такие постройки известны на Западной Волыни, в Среднем Поднепровье, на Среднем Днестре и в Молдавии. Они известны в основном на тех черняховских поселениях, где ведущим типом жилищ являлись наземные одно-

камерные постройки, и отсутствуют там, где преобладают углубленные жилища. При этом следует подчеркнуть, что большие каркасно-глинобитные дома сами по себе никогда не являются ведущими в количественном отношении на черняховских поселениях [Баран, 1981.— С. 58—59]. В настоящее время их известно около 30*.

Остатки больших длинных построек на черняховских поселениях давно обратили на себя внимание археологов [Смишко, 1947; Тиханова, 1957; Брайчевский, Брайчевская, 1959; Рикман, 1962.— С. 88—105; Воляник, 1979; Баран, 1981.— С. 58—59]. Их остатки представляют собой площадки длиной до 14 м, перекрытые мощными слоями обожженной глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. По периметру стен нередко обнаруживается большое количество столбовых ям, расположенных на близком расстоянии друг от друга и являющихся опорой стен, сплетенных из прутьев и обмазанных толстым слоем глины. Длинные прямоугольные в плане постройки разделены перегородками на две или три камеры. Две третьих их площади занимало жилое отапливаемое помещение, остальную — хозяйственная часть. В неотапливаемой части изредка устраивались подпольные ямы погребов. Иногда удается проследить и место входа, а то и двух, ведущих в жилое и хозяйственное помещения.

Отопительные устройства представлены очагами, реже глинобитными печами. По конструкции они отличаются от отопительных сооружений наземных однокамерных жилищ. На территории Украины такие постройки открыты в Ягнятине [Махно, 1952]. Леськах [Смиленко, Брайчевский, 1967], Оселевке; в Молдавии — в Будештах, Загайках, Делакеу, Соборе, Комрате и Русянах [Рикман, 1975.— С. 88—105]. На поселении в Сухоставе на Среднем Дне-

стре М. Ю. Смишко открыл трехкамерную постройку, где две камеры использовались под хозяйственные нужды. Возможно, одна из них была стойлом для скота [Смишко, Баран, 1976]. Заслуживает внимания постройка на поселении у с. Большая Слобода на Среднем Днепре. Ее отличительной особенностью при наличии общих черт является некоторая углубленность пола, врезанного в грунт на 0,55—0,2 м от древней поверхности. В ней по периметру стен, а также в центральной части расчищено 50 столбовых ям, расположенных близко друг от друга [Журко, 1981].

В вельбарской культуре наземные каркасно-глинобитные жилища открыты на поселениях Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области (7), Викнины Великие Ломовецкого района Тернопольской области (2) и Боратин Луцкого района Волынской области (2) [Тиханова, 1966; Смишко, 1947; Козак, 1985]. Следует подчеркнуть, что на территории Нижнего Повисленья поселения вельбарской культуры не исследовались, поэтому жилища волынской группы вельбарских древностей пока являются единственным источником, позволяющим определить характер домостроительства вельбарского населения. Для всех наземных вельбарских построек характерны значительные размеры — от 60 до 120 м². В большинстве случаев длина постройки в несколько раз превышает ее ширину. По своему характеру они не отличаются от больших каркасно-глинобитных наземных построек, описанных выше (рис. 21, 5, 6).

Отдельную группу наземных жилых построек в позднеримское время представляют каменные дома. Они не известны ни в культуре карпатских курганов, ни в киевской, ни в вельбарской культурах. На территории черняховской культуры каменные дома открыты лишь в узкой полосе Северо-Западного Причерноморья, граничащего с римской хорой. На отдельных поселениях черняховской культуры в этой зоне изредка встречаются и каркасно-глинобитные постройки, иногда углубленные, но их очень мало — каменные дома замет-

* А. И. Журко в своей кандидатской диссертации «Жилые сооружения племен черняховской культуры» приводит другую цифру (37). Но к черняховской культуре он отнес поселения в Лепесовке и Викнинах Великих на Волыни, которые мы считаем вельбарскими.

но преобладают над другими типами жилищ.

Первое внимание археологов к этим постройкам было привлечено в 50-е годы нашего столетия [Раевский, 1955]. Какое-то время памятники с каменными постройками не имели четкого культурного определения. В настоящее время их насчитывается больше 60-ти и они отнесены к локальной группе черняховской культуры Северо-Западного Причерноморья [Сымонович, 1967; Баран, 1981.— С. 163—165.— Табл. XXXII; Гудкова, 1986; Магомедов, 1987].

Остатки каменных построек редко сохраняют в основании стен более двух-трех рядов каменной кладки высотой до 0,25 м. Наиболее полно исследованы их остатки на Киселевском поселении, где открыто два ряда домов прямоугольной формы, расположенных по гребню плато [Раевский, 1955]. Среди каменных построек известны однокамерные общей площадью 15—30 м², иногда 60 м², и многокамерные, площадь которых составляет от 70 до 160 и более м² (Ранжевое, Каменка-Анчерак, Афанасьевка, Ильинка, Ново-Кондаково, Снигиревка и др.) [Магомедов, 1987]. Как одно- так и многокамерные дома имеют прямоугольную форму, но последние более длинные и содержат два, три или более помещений с отдельным входом. Стены построек выложены из необработанных камней различных пород (гальечника, раковистого и сарматского известняка). Различные приемы кладки могут сочетаться в одной и той же постройке. Кладка велась на грязевом растворе, пустоты между камнями заполнялись щебенкой. Толщина кладки 0,4—0,8 м. Найдены специально обработанные каменные пороги с гнездами для дверных косяков. В помещениях прослежены остатки загорода, поставленных в углах или вдоль одной из стен и использовавшихся в качестве кормушек для скота (яслей). Пол земляной, на отдельных участках покрыт каменной вымосткой. В отдельных случаях в жилищах встречаются хозяйственные ямы-погребки. Жилые помещения отапливались главным образом очагами, нередко

сложенными из каменных плит, но встречаются и глинобитные печи. Часть каменных построек без отопительных устройств, возможно, они использовались как хозяйственные помещения.

Каменные дома на черняховских поселениях свидетельствуют о своеобразном характере их застройки, близкой к позднескифским городищам и античной хоре.

Характеристика поселений будет не полной, если не учитывать хозяйственные, производственные и другие постройки, дополняющие картину селища. Наряду с жилищами наиболее многочисленны хозяйственные ямы.

В культуре карпатских курганов они открыты на всех исследованных поселениях, но их общее количество (13) уступает количеству жилищ. Форма овальная, в двух случаях прямоугольная, стенки книзу сужены, в двух случаях расширены. Диаметр ям 0,8—1,5, глубина 0,5—1,5 м от современной поверхности. В отдельных ямах на дне прослежены следы каменной вымостки или обжига. В одной из ям на поселении Рогатка найдено 63 грузика от ткацкого станка [Вакуленко, 1977.— С. 17—18]. Хозяйственные ямы на поселениях культуры карпатских курганов в Грабовце и Печенежине дополняются углубленными хозяйственными постройками площадью 7—23 м².

Жилищам на черняховских поселениях также сопутствуют хозяйственные сооружения, представленные ямами-хранилищами, которых нередко больше жилых домов, и единичными наземными или углубленными постройками. Так, на поселении Бовшев II на 10 жилищ приходилось 47 хозяйственных ям, причем большинство из них размещалось на специально отведенной для них площадке на самом высоком участке поселения. В Репневе II на 28 жилищ — 35 хозяйственных ям, в Черепине на 8 жилищ — 14.

В последнее время в археологической литературе, посвященной черняховским древностям, стало модным выискивать в планировке поселений признаки существования индивидуальных хозяйств, представленных жилищем с принадлежащими ему хозяйственными по-

стройками. Более тщательное изучение материалов показало, что за отдельным исключением выделить такие хозяйственные единицы трудно. Лишь в южных областях черняховской культуры, где известны каменные постройки, индивидуальные хозяйства лучше просматриваются в планировке поселений. Форма ям овальная или близкая к округлой, стены сужены книзу, отвесные или выпуклые. Открыто некоторое количество ям со стенками, расширенными книзу. Диаметр большинства ям колеблется от 1,5 до 2,5 м, но встречаются ямы диаметром до 1 м. Глубина ям также различна: до 1 м, но в большинстве случаев — 1,5—2,5 м. Найдены ямы глубиной до 3 м, а на поселении Репнев II — 3,58 м от современной поверхности [Баран, 1981.— С. 48].

Наземные или углубленные хозяйственные постройки единичны на черняховских поселениях. По площади они, как правило, не превышают 10 м². В больших многокамерных каркасно-глинобитных и каменных домах хозяйственные помещения устраивались в пределах одной постройки рядом с жилыми помещениями. Такие многокамерные наземные каркасно-глинобитные постройки с жилыми и хозяйственными помещениями особенно характерны для поселений вельбарской культуры. Однако на некоторых вельбарских поселениях Западной Волыни (Боратин) открыты углубленные хозяйственные сооружения, возведенные за пределами жилищ. Их площадь 6—44 м².

На поселениях киевской культуры хозяйственные сооружения представлены двумя основными типами: ямами и наземными сооружениями, перекрывающими несколько больших ям [Терпиловский, 1984.— С. 14]. Обращает внимание количественное преобладание хозяйственных ям над жилыми постройками. Так, на широко исследованном поселении в Роище на площади 2170 м² открыто 5 жилищ и 230 хозяйственных ям, а также 6 хозяйственных наземных построек. Они сплошным массивом покрывают раскопанный участок поселения. Близкое соотношение жилых и хозяйственных построек за-

фиксировано на большинстве поселений киевской культуры. В целом, в районе Подесенья на 20 открытых жилищ приходится около 300 ям-погребов. Количественное соотношение жилищ и хозяйственных построек всегда связано с соответственной планировкой поселений и отражает определенный тип общественных отношений. Подавляющее большинство ям овальной или округлой формы, с вертикальными или расширенными книзу стенками. Их диаметр 1—1,64, глубина 0,6—1,2 м от современной поверхности. Хозяйственные постройки также включают в себя по несколько ям-погребов, вписывающихся в их очертания. Они занимают площадь до 42 м², например на поселении в Ульяновке [Терпиловский, 1984.— С. 15].

Кроме жилых и хозяйственных построек на поселениях всех культур позднеримского времени Юго-Восточной Европы вне пределов жилищ встречаются очаги, единичные печи, различные производственные сооружения. На поселениях черняховской культуры и культуры карпатских курганов открыты двухъярусные гончарные печи, возведенные по образцу аналогичных провинциально-римских объектов, связанных с кельтскими традициями [Баран, 1981.— С. 52—53; Вакуленко, 1977.— С. 20—22]. Гончарные печи не найдены на поселениях киевской и вельбарской культур.

Характеризуя домостроительство Юго-Восточной Европы во второй четверти I тыс. н. э., необходимо определить общие закономерности для всего изучаемого района и выявить те специфические черты, которые отличают жилые и хозяйственные постройки как в пределах различных географических зон, так и в рамках археологических культур. Их анализ показывает, что факторы, вытекающие из общего уровня технического развития, и географический фактор несомненно оказывают влияние на характер домостроительства, но они сочетаются с другой группой более важных, решающих признаков — социальных. Изучение их во взаимодействии делает жилые и хозяйственные постройки одним из важных

признаков этнокультурных общностей и помогает раскрыть их социально-экономическое значение.

Если рассматривать жилища и хозяйственные сооружения с точки зрения их технических и архитектурных решений, то напрашивается вывод о том, что для всех географических зон и археологических культур позднеримского времени Юго-Восточной Европы уровень домостроительства был примерно одинаков и несомненно соответствовал стандарту всего варварского мира Европы. Исключением является прибрежная полоса Северо-Западного Причерноморья, расположенная в границах черняховской культуры, каменное домостроительство которой по своему характеру, техническому совершенству и архитектурным решениям резко контрастирует с остальной территорией, обнаруживая черты сходства с античной хорой. Оно определялось связями с античными строительными традициями.

Как же распределялись жилища по различным географическим зонам и культурам, исходя из их типологии, которая включает географический и социальный факторы?

Для черняховской культуры (исключая Северо-Западное Причерноморье), занимающей Лесостепную и Степную зоны (последняя лишена леса), культуры карпатских курганов, распространенной в Карпатском предгорье с большими лесными массивами, вельбарской культуры Западной Волыни на границе леса и лесостепи — характерны оба основных типа каркасно-глинобитных жилищ: наземные и углубленные. В киевской культуре, занимающей верховья Днепра в Лесной и частично в Лесостепной зонах, все жилища углублены в грунт. В двух первых культурах эти жилища близки и по форме, и размерам, устройству интерьера и по типу отопительных сооружений, которыми на этапе их сложения и расцвета служили очаги, изредка глинобитные печи.

Следует отметить, что на памятниках черняховской культуры, особенно Лесостепной зоны, углубленные жилища являются ведущим типом жилых построек. Кроме того, на заключительном

этапе черняховской культуры появляются подквадратные полуземляночные жилища нередко срубной конструкции с печкой-каменкой (Черепин, Теремцы, Сокол, Бакота и др.) или глинобитной печью, вырезанной в материковой стенке (Журовка, Демьянов).

Жилища киевской культуры своей подквадратной формой, размерами и степенью углубленности также близки к углубленным постройкам черняховской культуры, особенно ее заключительного этапа. В Правобережье Днепра помимо срубных встречаются и каркасно-глинобитные стены, а помимо очагов — глиняные печи, вырезанные в материковой стенке (Роище, Белгородка). Отличительной чертой киевских жилых построек в Левобережье Днепра являются ямки, свидетельствующие о наличии в них центрального опорного столба, что несомненно связано с оформлением интерьера. В киевской культуре Правобережья известна всего одна такая постройка. Полуземлянка со столбовой ямкой в центре пола открыта и на черняховском поселении в Теремцах на Среднем Днестре.

На поселениях северо-западных окраин черняховской культуры, как и на поселениях киевской культуры, нередко наблюдается количественное преобладание хозяйственных ям над жилыми постройками (Бовшев II).

Состояние исследованности поселений вельбарской культуры не позволяет определить ведущий тип жилых построек. На поселениях в Лепесовке и Викнинах Великих открыты наземные жилища, в Боратине — углубленные. Общей чертой, отличающей их от обоих типов жилых построек остальных исследуемых нами культур позднеримского времени Юго-Восточной Европы, является наличие в них большего количества столбовых ям, расположенных на близком расстоянии друг от друга и свидетельствующих о своеобразном способе постройки плетневых стен и устройстве интерьера. Кроме того, преобладающее количество вельбарских наземных жилищ представляет собой двух- или трехкамерные длинные дома, отсутствующие в киевской культуре карпатских курганов. Они встречаются

лишь на отдельных черняховских поселениях как один из компонентов, свидетельствующий о наличии в составе ее носителей вельбарского населения. Во всех углубленных постройках вельбарской культуры (Боратин) полностью отсутствуют очаги и печи.

Важной задачей при изучении домостроительства, как и других категорий материальной культуры, являются поиски истоков определенных типов жилищ. Решение этой задачи требует их сравнительного изучения с постройками более ранних культур на территории Юго-Восточной Европы и сопредельных регионов.

Если мы обратимся к данным, касающимся жилищ первой четверти I тыс. н. э. на интересующей нас территории, изложенным в предыдущем разделе, то мы увидим, что все жилища вельбарской культуры (углубленные и наземные большие) дома с большим количеством столбовых ям не имеют прототипов на территории Восточной Европы. К ним относятся и большие многокамерные каркасно-глинобитные наземные дома черняховской культуры, генетически связанные с ними. Аналогии большим наземным домам, где под одной крышей размещались жилище, хлев и подсобные хозяйственные помещения, известны на территории Северо-Западной Европы [Тиханова, 1966; Рикман, 1975.— С. 103—105]. На территории Ютландии и Скандинавии такие наземные постройки существовали уже с первых веков нашей эры [Bantelmanza, 1959.— S. 232—238]. Население вельбарской культуры по своему происхождению связано с этой территорией. Поэтому появление подобных жилищ на вельбарских поселениях Волыни закономерно. Это же население принесло их на территорию черняховской культуры, где они исчезают с уходом готов за ее пределы. Все остальные виды и типы жилых каркасно-глинобитных и срубных построек имеют прототипы в культурах первой четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы.

Прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо выделить еще одну группу жилищ, не имевших, как и

вельбарские постройки, продолжения в раннем средневековье. Это каменные дома черняховской культуры прибрежной полосы Северо-Западного Причерноморья. Каменное строительство в этом районе имеет глубокие корни. Постройки из камня, которого здесь достаточно, известны еще с эпохи бронзы. Однако исследователи не видят между ними и каменными домами черняховской культуры типологической преемственности. Последние можно увязать с традициями античной хоры и позднескифских памятников [Сміленко, 1978.— С. 47—48; Баран, 1981.— С. 59, 165; Журко, 1983.— С. 25; Магомедов, 1987.— С. 25]. Подобный тип каменной постройки в этом регионе является основным уже в первые века нашей эры (Козырка, Петуховка, Золотая Балка, Молога II и др.) [Бураков, 1976.— С. 16—18; Гудкова, 1987]. Характер керамики и других предметов быта и украшений позволили А. В. Буракову сделать вывод, что население Козырки и других причерноморских городищ и поселений было смешанным и состояло из греков, скифов, сарматов и фракийцев [Бураков, 1976.— С. 145].

Прототипы углубленным и наземным однокамерным каркасно-глинобитным жилищам находим на поселениях позднестаробульварской, пшеворской и липицкой культур, а также волино-подольской группы, занимающих значительную часть территории Юго-Восточной Европы во второй четверти I тыс. н. э. Углубленные жилища на поселениях всех названных культур в количественном отношении явно преобладают над наземными постройками. Поэтому их можно считать основным типом жилища в этих культурах и тем самым ведущим типом постройки на рубеже и в первых веках нашей эры в междуречье Днепра — Днестра и Западного Буга.

Та же картина характерна и для памятников киевской культуры, где все жилища были более или менее углублены в грунт, и для лесостепной части черняховской культуры, где также преобладает тенденция к строительству полужемлянок. По своим конструктивным особенностям оба типа жилищ первой и второй четверти I тыс. н. э. близки и

свидетельствуют о преемственности развития. Стены жилищ каркасно-глинобитной конструкции, а в полуземлянках встречаются материковые выступы-прилавки, подпольные ямы-погребца. Основной тип отопительного устройства — очаги и лишь в отдельных случаях встречены глиняные печи. Однако следует подчеркнуть, что домостроительство киевской культуры, отличающееся от всех остальных культур второй четверти I тыс. н. э. Юго-Восточной Европы преобладанием жилищ подквадратной формы и постройки наряду с каркасно-глинобитными и срубных стен, своим происхождением связано главным образом с жилищами позднезарубинецкой культуры. Помещения с центральным столбом особенно характерны для левобережной части киевских поселений и наиболее близки почепскому варианту позднезарубинецких древностей [Терпиловский, 1984. — С. 50—58].

В отличие от киевской культуры черняховское домостроительство Лесостепной зоны складывается как один из компонентов синтеза материковой культуры волыно-подольской группы позднезарубинецких и липицких памятников. Именно жилища этих поселений, где появляются подквадратные полуземлянки, наиболее характерные для зарубинецких поселений в первые века нашей эры, можно считать прототипами черняховских построек очерченной территории [Баран, 1981. — С. 60—61]. В дальнейшем на черняховских поселениях среднего и верхнего Днестра подквадратные полуземлянки продолжают преобладать; основным отопительным устройством становится печь-каменка (Теремцы, Черепин, Бакота, Сокол на Днестре). Именно эти жилища, а также жилые постройки киевской культуры находят свое продолжение на славянских памятниках раннего средневековья. Черняховское домостроительство междуречья Днестра и Дуная, где в количественном отношении преобладают наземные глинобитные однокамерные постройки, типологически связано прежде всего с дако-гетскими культурами I—III вв. очерченной территории. Однако на рубеже IV—V вв. н. э. здесь

появляются единичные подквадратные полуземляночные жилища с печью-каменкой (Кодын II). Это может свидетельствовать о территориальном расширении в римское время тех типов жилых построек, которые, в более раннее время, являлись наиболее характерными для зарубинецкой культуры. Именно этот тип жилища, зародившийся в лесной зоне и созданный, по всей вероятности, протославянами, обнаруживает самую близкую типологическую связь со славянским раннесредневековым домостроительством, о чем будет сказано ниже. Все виды наземных построек с каркасно-глинобитными стенами, как и каменное домостроительство, не имеет своего продолжения на территории Юго-Восточной Европы в раннесредневековое время.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребальный обряд рассматриваемых нами культур изучен неравномерно. Ему уделено важное место в монографических исследованиях по черняховской культуре [Федоров, 1960; Винокур, 1972; Рикман, 1975; Баран, 1981; Магомедов, 1987] и культуре карпатских курганов [Смішко, 1960; Вакуленко, 1977]. Проблемы черняховской погребальной обрядности рассмотрены в некоторых специальных статьях [Сымонович, 1963; Махно, 1971; Кравченко, 1970; Магомедов, 1979; Гей, 1980 и др.] и монографиях [Сымонович, Кравченко, 1983; Никитина, 1985], хотя до сих пор остаются спорными некоторые вопросы, связанные не только с интерпретацией, но и с методикой исследований погребений [Махно, 1978; Сымонович, 1982]. Гораздо меньше мы знаем о погребальном обряде племен киевской культуры, что объясняется ограниченностью материала.

Исследователям черняховской культуры в настоящее время известно более 300 могильников. Около 100 из них раскопано. В результате изучено более 2000 погребений [Сымонович, Кравченко, 1983. — С. 8].

Могильники расположены обычно несколько выше поселений, на расстоя-

нии, не превышающем несколько сот метров от них. Размеры кладбищ различны — от совсем небольших до насчитывающих 300—400 погребений на площади в 1000 м². На поверхности погребения ничем не обозначены. Исключение составляют курганные насыпи — Кантемировка, Ромашки (?), Башмачка, Войсковое. Немногочисленные случаи перекрытия ранних погребений более поздними (около 20) свидетельствуют о том, что и в древности они не имели долговечных обозначений.

Как уже отмечалось, характерной чертой черняховского погребального обряда являлся биритуализм, то есть сочетание трупоположений (ингумация) с трупосожжениями (кремация). При этом среди достаточно полно исследованных могильников встречаются памятники без следов кремации. Они сосредоточены в Северном Причерноморье — Ранжевое, Холмское, Камянка-Анчекрак. Могильники, на которых преобладает обряд трупосожжения, немногочисленны — Косаново, Маслово, Оселевка, Рыжевка, Привольное. В целом на черняховских могильниках ингумации составляют 60—70 %, однако необходимо учитывать, что некоторое количество трупосожжений не сохранилось из-за размыва и распахки верхних слоев почвы.

Погребальные сооружения с трупоположениями по форме ям можно разделить на несколько типов: погребения в простых грунтовых ямах; в ямах с заплечиками; с подбоем; в земляных склепах (рис. 22, 8—10).

Господствующим типом погребального сооружения являлась простая грунтовая яма прямоугольной или овальной формы с вертикальными стенками. Они известны почти на всех черняховских некрополях. Их размеры в среднем соответствуют размерам тела умершего.

Могила с заплечиками состояла из входной ямы, превосходившей средние размеры сооружений предыдущего типа, и вырытого в ее дне узкого углубления, служившего погребальной камерой. Вдоль длинных стен могилы или по всему периметру ямы оставались уступы-заплечики, на которые опирались деревянные или каменные пере-

крытия. Следы деревянных плах на заплечиках сохраняются в редких случаях. Глубина погребальных камер редко превышает 0,4 м. Могила с заплечиками наиболее характерны для Северного Причерноморья, где на некоторых памятниках составляют большинство. Только здесь они перекрывались каменными плитами. За пределами этого района подобная форма погребальных сооружений известна в Будештах, Журовке, Переяславе-Хмельницком, Курниках, Даниловой Балке и др. Вполне возможно, что в некоторых случаях эти ямы трактовались как простые, так как узкие заплечики без следов перекрытия проследить трудно (например, в глубоких черноземах).

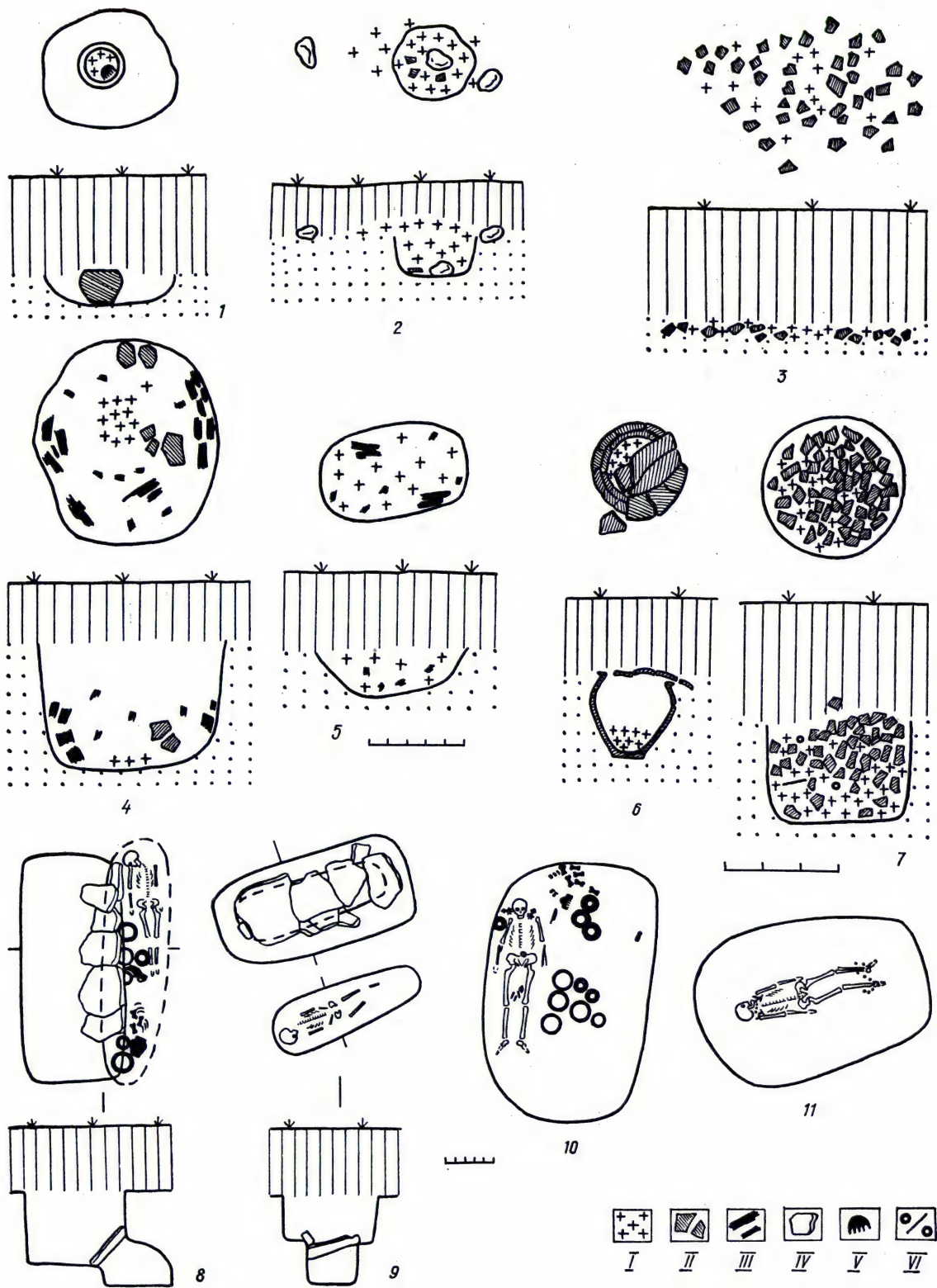
Погребения в подбоях на черняховских могильниках редки. Они представляют собой прямоугольную или овальную входную яму, в длинной стенке которой вырезана углубленная ниже дна ниша — погребальная камера. Закрывали их деревянными или каменными закладами. В небольшом количестве подбоя известны на многих причерноморских могильниках, в остальных районах они встречаются в виде исключения (Переяслав-Хмельницкий, Кантемировка, Компанийцы, Гавриловка, Будешты). Только в Северном Причерноморье открыты захоронения в земляных склепах (Коблево, Фурмановка, Бельенкое, Большая Корениха). Входная яма этих захоронений размещалась над торцевой частью прямоугольной погребальной камеры.

Кремировало умерших черняховское население за пределами кладбищ. Об этом говорит отсутствие кострищ на подавляющем большинстве могильников. Исключение составляют два подкурганых сожжения на месте в биритуальном могильнике у с. Войсковое, сходное с захоронениями культуры карпатских курганов. Есть сведения о черняховских «крематориях» у сел Пере-

Рис. 22. Типы погребений второй четверти I тыс. н. э.:

I — кальцинированные кости; II — керамика; III — угли; IV — камни; V, VI — инвентарь. 1, 2 — вельбарская культура (1 — Брест-Тришин; 2 — Любомль); 3, 6—11 — черняховская культура (3 — Косаново; 6, 7 — Городок; 8, 9 — Каменка-Анчекрак; 10, 11 — Сад); 4, 5 — киевская культура (4 — Казаровичи; 5 — Киреевка).

сечное, Дедовщина и Окно. О первом из них данных сохранилось мало. На могильнике Дедовщина, где исследовано 19 труположений, обнаружено кострище в виде обожженной глиняной площадки диаметром 1,15 м с остатками угольников, кальцинированных костей и фрагментов разбитой посуды [Козловська, 1930]. Полной уверенности, что это был «крематорий», а не место принесения тризны, нет, так как костные остатки специальному исследованию не подвергались. Сооружение у с. Окно в отличие от двух первых, исследованных в довоенное время, описано подробно. Оно представляло собой каменную площадку размерами $2,2 \times 1,4$ м, к которой примыкала яма глубиной 1,5 м. По предположению авторов публикации, остатки сожжения собирали с площадки в яму, а затем переносили на кладбище. Основную яму окружали четыре небольших ямки, имевшие ритуальное значение [Тимошук, Винокур, 1964. — С. 192—193].

Могины с трупосожжениями типологически разнообразны [Сымонович, Кравченко, 1983. — С. 47] (рис. 22, 3, 6, 7). Наиболее заметным отличительным признаком является наличие или отсутствие урны (урновые и ямные погребения). В качестве урн чаще всего использовались различные формы горшков, изредка — миски, а иногда вазы, кубки, кубкины и амфоры. Только в редких случаях в погребение ставилось более одной урны. Встречаются случаи захоронения остатков трупосожжений в ларцах (Косаново), а также в различных вместилищах из органических материалов, о существовании которых можно судить только по компактности залегания материала. Передки урны-сосуды, закрывавшиеся миской, горшком или каким-нибудь другим сосудом, иногда камнем или умбоном отщипта.

Кальцинированные кости в урнах бываю перемешаны с остатками костра (угольками) и землей. Попадали в нее и пережженные предметы личного убранства: украшения, детали одежды и т. п. Иногда в костре обгорали и сами урны. Безурновые погребения совершались в ямах различных размеров.

Встречаются кальцинированные кости, смешанные не только с угольками, но и с черепками. Сожжения в небольших ямах, как и урны, иногда закрывались крышкой. К другому типу относятся захоронения в обширных ямах (диаметр 1,5—2,0 м), где остатки кремирования лежали рассредоточенно.

На могильниках у сел Башмачка и Войсковое исследованы четыре трупосожжения под курганами [Смиленко, 1979; Бодянский, 1968]. Сильно расплывшиеся насыпи сохранились на высоту 0,25—0,5 м. В трех из них зафиксированы следы кострищ, позволяющих предположить, что кремация происходила на месте захоронения. Сильно обожженные площадки были покрыты слоем золы и древесного угля. Прослежены обугленные деревянные плахи и ямы от столбов, очевидно, являющихся остатками каких-то погребальных сооружений. В двух случаях кремации помещены в урну.

Кроме перечисленных главных особенностей, связанных со способом захоронения и конструкцией могильного сооружения, черняховские погребения обладают чертами, отражающими определенные обряды. Важной деталью обряда труположения является ориентация умерших по сторонам света. За незначительными исключениями, покойников клали головой на север или запад. Последняя ориентация встречается втрое реже. Ее нельзя считать типичной для северо-западных районов черняховского ареала. С определенной ориентацией погребений связаны некоторые дополнительные признаки. Так, погребения с западной ориентацией, в отличие от северных почти не содержат инвентаря. Они реже подвергались разрушениям и в среднем выкапывались в большую глубину. Среди них почти не встречаются ямы с подбоем, а в Причерноморье — простые грунтовые ямы. Существует мнение, что перечисленные особенности погребений с западной ориентацией умерших объясняются распространением среди черняховских племен христианского учения [Сымонович, 1978].

Как отмечалось, случаи преднамеренного разрушения могил-труположе-

ний встречаются главным образом в погребениях с северной ориентацией скелетов. Эта особенность распространяется на всю территорию черняховской культуры. При этом перекопы могил являются редкостью для кладбищ с исключительно северной ориентацией погребений. Редко разрушались и детские захоронения. Степень перекапывания трупоположений различна. Иногда воронка перекопа доходит только до верхней части скелета, а остальное пространство могилы не затронуто. Во многих случаях скелет разрушался почти полностью; сохранялись чаще всего кости ног. Сопровождающий инвентарь в таких случаях обычно поврежден. Исключать, что могилы разрушались с целью ограбления, полностью нельзя, так как в погребения клялись достаточно ценные предметы из серебра, золота и стеклянные кубки. Однако такое предположение может быть опровергнуто в тех случаях, когда четко прослеживаются следы тризны, не оставляющие сомнений в ритуальных действиях над раскопанными могилами. В подобных случаях в перекопанном грунте обнаруживаются остатки костра вместе с пережженной керамикой и костями животных. Ямы с подобным заполнением впускались и в не разрушенные могилы или же размещались рядом с ними (Каборга, Городок, Малаешты, Балцаты и др.).

Следы тризны являются археологическим выражением ритуала поминовения умершего, когда остатки трапезы перед закапыванием сжигались вместе с посудой. О существовании подобного обряда может свидетельствовать алтарь античного типа, найденный на могильнике при Александровском городище [Магомедов, 1987]. Иногда на черняховских могильниках наблюдаются следы обычая «кормление душ» в виде зарытых сосудов, содержавших пищу, предназначенную для умершего в загробном мире. В Будештском могильнике открыто 14 ям, включавших до 10 сосудов.

Поза погребенных в черняховских трупоположениях довольно устойчива. Обычно скелеты лежат на спине с вытянутыми конечностями. Иногда одна

или две руки покоятся на костях таза. Изредка встречаются скелеты с подогнутыми ногами, скорченные на боку, лежащие на животе (Маслово, Компанийцы).

Большинство черняховских погребений содержат разнообразный инвентарь, который по своему назначению можно разделить на две группы. К первой относятся предметы, составлявшие часть одежды человека (в первую очередь фибулы и пряжки), а также вещи, которые принято носить на себе или при себе. Это украшения (бусы, браслеты, гривны и т. д.), амулеты, предметы личного обихода (ножи, гребни, туалетные пинцеты). К последним, по-видимому, относятся иглы с игольниками, а также пряслица. Особое значение имеют находки в погребениях оружия, которое было не только личной собственностью погребенного, но и определяло его социальный статус.

Вторую группу погребального инвентаря составляют предметы, выполнявшие роль культовых атрибутов в погребальной обрядности. Прежде всего это сосуды, предназначенные для загробной трапезы, остатки напутственной пищи, иногда (на юге) светильники и т. д. Наличие таких культовых атрибутов является характерной чертой черняховской культуры. Они встречаются в подавляющем большинстве трупоположений (за исключением могил с западной ориентацией), а также и трупосожжений. Обычно в трупосожжения посуда попадала в разбитом и пережженном виде, то есть приношения сжигались вместе с умершим. При этом, правда, трудно установить, не имеем ли мы дело со следами тризны. Некоторый процент кремаций содержит неповрежденные сосуды-приношения. Количество керамики и другого инвентаря в захоронениях колеблется в больших пределах. Есть безынвентарные погребения, а, например, в одном из сожжений Каборгского могильника насчитывается 32 предмета, в том числе 19 сосудов.

Чаще всего в могилу ставили обычный кухонный горшок. Нередко они закопчены снаружи, а внутри иногда

сохраняют следы растительной пищи. В богатых погребениях большинство составляют столовые сосуды. При этом встречается посуда, явно непригодная для применения в быту — с малозаметным производственным дефектом (трещина, отверстие) или плохо обожженная. Последний факт свидетельствует о том, что часть керамических изделий изготовлялась на заказ для погребального ритуала. В могилы ставили почти все категории посуды (кроме самых крупных, предназначенных для длительного хранения продуктов — пифосов). Иногда умерших сопровождают ценные импортные сосуды — краснолаковые кувшины и стеклянные кубки, а также амфоры с вином. Некоторые керамические изделия могли иметь ритуальное назначение и в таком случае помещались в погребение с магической целью. Некоторые исследователи относят к сосудам, имевшим «узко-сакральное» значение, трехручные вазы [Рыбаков, 1962. — С. 67; Винокур, 1972. — С. 136]. Характерно, что почти все они найдены в погребениях. Такое же значение могли иметь некоторые кувшины и кубки, украшенные сложными орнаментальными композициями и символическими изображениями.

В большинстве обнаруженных в могилах сосудов первоначально находились какие-то пищевые продукты, остатки которых по естественным причинам не сохранились. Иногда в горшках удается обнаружить следы пригоревшей растительной пищи. В ряде случаев в мисках или прямо на земле найдены кости животных и яичная скорлупа (последняя чаще встречается в детских захоронениях). В черняховском погребальном ритуале применялся скифо-сарматский обычай класть в могилу кусок баранины вместе с ножом. Встречаются в погребениях и куриные кости. Интересно, что птицам и яйцам придавалось большое значение в древних культах, в частности в греческом погребальном ритуале. Кувшины, амфоры и кубки свидетельствуют о том, что в заупокойную трапезу входило и питье, в частности — импортное вино.

Ряд фактов указывает на применение огня в черняховском обряде трупоположения. Мы уже упоминали о следах костров, связанных с тризной. Однако угольки и следы обгоревших плах встречаются и в неразрушенных погребениях. В некоторых погребениях, особенно в Причерноморье, встречаются осветительные плошки, изготовленные из черепков, а иногда и античные светильники. Изредка в могилах находят куски ладана (Бережанка, Куриники), что позволяет предположить о бытовании в черняховском погребальном ритуале действий, связанных с воскуриванием ароматических веществ. Нечто подобное существовало в первые века нашей эры и у степного населения, судя по находкам курильниц в сарматских и позднескифских погребениях.

По-видимому, с какой-то погребальной магией связано помещение в могилы наборов мелких камней (обычно возле правой руки), железных замков и ключей, панцирей черепах и т. д.

Погребальные памятники дают важный материал для выяснения социальных различий внутри черняховского общества. Известны погребения как с большим количеством инвентаря, так и безынвентарные. Однако количество сопровождающих умершего вещей еще не может служить определяющим показателем социального статуса погребенного, тем более, как отмечалось, состав инвентаря связан с ориентацией могил. Более определенные результаты дает комплексный подход к этой проблеме с учетом количественного и качественного состава инвентаря, размеров могильной ямы и ее расположения на кладбище.

На ряде черняховских памятников встречаются ямы больших размеров, иногда усложненной конструкции, многие из них расположены особняком в центре кладбища [Сымонович, 1980]. Как правило, они разрушены и ограблены, но сохранившийся инвентарь свидетельствует о высоком общественном положении покойного. Иногда на одном могильнике встречается несколько таких захоронений. Еще В. В. Хвойка обратил внимание на два

погребения, совершенных в деревянных ящиках на Черняховском могильнике. Дерево использовано и в устройстве могилы № 71 из Маслова, сопровождавшейся монетой и обломками зеркала. В погребениях в больших ямах из Курников найдены золотая подвеска и двухпластинчатые серебряные фибулы. В Ранжевом выделяется размерами неразрушенная могила № 14 со стеклянным кубком и серебряными изделиями (фибулы, пряжка). Погребение № 10 из Каменки-Анчекрак не содержало инвентаря, но умерший лежал в каменной гробнице из тщательно подогнанных плит. Следует отметить, что большинство рядовых погребений принадлежали женщинам. Сожжения представителей знати встречаются реже. Наиболее ярким из них является погребение № 86 Компанийцевского могильника. В небольшой яме (диаметр 0,35, глубина 1 м) вместе с урной лежали меч, умбон и рукоять щита, топор, наконечники копья, дротика, стрел, нож, железные детали ведра, остатки серебряного сосуда, фибула. Скорее всего, похоронен военный вождь. Изредка встречающиеся трупосожжения с отдельными предметами вооружения могли принадлежать дружинникам. Иногда инвентарь могил позволяет судить о занятиях погребенного. Считают, что ремесленнику-гончару принадлежало погребение № 21 из Косанова, где найдены гончарные ложила и многочисленные фрагменты керамики.

Анализ материальных следов погребального обряда очень важен для культурногенетических построений в археологии. Для черняховской культуры подобный анализ осложняется значительным разнообразием обряда. В предшествующее время такое количество типов погребений не встречается ни в одной из культур Восточной и Центральной Европы. Население степной зоны составляли племена поздних скифов и сармат, у которых господствовал обряд трупоположения в различных типах погребальных сооружений. Для зарубинецкой культуры, до I в. н. э. занимавшей северные районы будущей черняховской терри-

тории, были характерны трупосожжения с сосудами-приношениями. На позднезарубинецком памятнике Рахны в Южном Побужье найдены ямные захоронения с пережженной керамикой. Накануне и в период сложения черняховской культуры на ее территорию с северо-запада продвигались племена пшеворской и вельбарской культур. Их отличительной особенностью было кремирование покойников, чаще всего вместе с сосудами-приношениями, причем многие пшеворские погребения содержали оружие. На вельбарских кладбищах на территории Польши открыты трупоположения в простых грунтовых ямах. На юго-западных окраинах черняховской территории в культурах фракийского происхождения — гето-дакийской и липицкой — преобладали сожжения в урнах с крышкой.

В черняховском погребальном обряде встречаются практически все перечисленные типы захоронений, причем, как правило, на одних и тех же могильниках. Конечно, из этого не следует, что он является продуктом механического смешения различных культурных компонентов. Формирование обряда погребения, как и других составных частей культуры, — процесс сложный и многогранный. В нем возможны заимствования каких-то элементов, а также и глубокие изменения, связанные с эволюцией духовной жизни и социальными переменами. Тем не менее наиболее яркие черты обряда, общие для черняховской и предшествующих культур, сопоставленные с другими источниками, могут служить основанием для выяснения их преемственности.

В черняховском обряде трупоположения наиболее надежно определяется скифо-сарматское происхождение могильных сооружений сложных форм. Это захоронения в ямах с заплечиками, подбоями и в катакомбах [Магомедов, 1987]. Их количество невелико (особенно катакомб), распространены они преимущественно в Северном Причерноморье и, в меньшей степени, в Молдавии. Наиболее массовый и конструктивно простой тип захоронений

в обычных грунтовых ямах не поддается этнокультурному определению. Эпизодически в них встречаются элементы скифо-сарматской обрядности — следы отпавлений культа огня в момент захоронения, деревянные конструкции в могилах, кости овцы с ножом, а также посуда скифо-сарматских типов, изредка — деформированные черепа (Журовка, Данчены).

На черняховских могильниках известны трупосожжения, подобные зарубинецким (урны в комплексе с целыми сосудами-приношениями) [Сымонович, Кравченко, 1983. — С. 50]. Они наиболее выразительны на северных памятниках. В остальном их связь с зарубинецкими древностями прослеживается значительно слабее. Многие черняховские кремации содержат пережженные фрагменты сосудов, что характерно для вельбарской и пшеворской культур, а в ряде случаев подтверждается и соответствующим инвентарем. Встречаются такие погребения в различных районах черняховского ареала [Там же]. Сожжения гето-дакийского типа (в урнах с крышками) распространены в Юго-Западных районах Украины, в Молдавии и Румынии. Некоторые типы лепной посуды из них находят аналогии в гетской керамике [Там же. — С. 50—51].

Участие упомянутых групп населения в формировании полиэтнической черняховской культуры в настоящее время сомнений не вызывает. Известно также, что в состав ее носителей входили и предки ранних славян. Наиболее достоверно с ними связывается группа черняховских поселений в верховьях Днестра и Западного Буга [Баран, 1981], однако могильники при них до сих пор не были обнаружены. Вряд ли это можно считать случайностью, так как в этом же районе известны черняховские могильники (Псары, Городница, Островец, Малиновцы, Оселовка), но их еще трудно соотносить с упомянутыми поселениями. Есть основания для предположения, что у верхнеднестровских славян поздне римского времени бытовал погребальный обряд, не оставлявший заметных следов. Сказанное подтвержда-

ется тем, что славянские могильники в этом районе нам не известны и для раннесредневекового времени.

Погребальный обряд вельбарской культуры достаточно полно изучен на всей территории ее распространения. В юго-восточном регионе наиболее полно раскопаны могильники в Дитиничах, Брест-Тришине, Любомле, Деревянном. Отдельные погребения исследованы в Могилянах, Горкой Полонке, Городище, Шумском, Колесниках, Кутках. Некоторые черняховские могильники настолько насыщены вельбарскими элементами, что их скорее можно считать вельбарско-черняховскими. Все могильники вельбарской культуры грунтовые, расположены на песчаных или иных возвышенностях. Преобладающий вид погребального обряда вельбарской культуры — кремация в стороне от места захоронения, но изредка встречаются и труположения.

Остатки трупосожжений хоронили в основном в ямах, реже — в урнах (рис. 22, 1, 2). Ямные сожжения имеют овальные или круглые очертания диаметром 0,4—0,7, глубиной до 0,6 м. В отдельных случаях в заполнении ям найдены валуны или аморфные куски кремня. Пережженные кости умершего, как правило, перемешаны с золой. Здесь же находят поврежденные огнем украшения, туалетные принадлежности и т. д., а также пережженные фрагменты лепной или гончарной керамики. В Дитиничах ряд погребений сопровождался вторично обожженными целыми сосудами (до пяти экземпляров). В немногочисленных урновых погребениях, как и в ямных, кальцинированные кости обычно сопровождалась остатками погребального костра. В качестве урн использовались лепные или гончарные горшки, реже — миски, вазы или кувшины. Изредка погребения этого типа закрывались миской (Любомль). Большинство урновых захоронений сопровождалось дополнительными глиняными сосудами (до семи в Деревянном). Остальной инвентарь не отличается от ямных захоронений, хотя урновые погребения в целом богаче.

На нескольких могильниках юго-восточного региона вельбарской культуры обнаружены единичные погребения с труположениями (Горькая Полонка, Деревянное, Величковичи, Могиляны, Городище). Совершались они в прямоугольных ямах глубиной 0,5—1,4 м. Погребенные лежали головой к северу, большинство на боку с подогнутыми ногами. Труположения, как и в черняховской культуре, сопровождались различными сосудами, украшениями и другими вещами. Среди труположений выделяется «княжеское» захоронение у с. Рудка. Оно совершено в яме размерами 2,5×1,1 м, глубиной 2,1 м и сопровождалось богатым инвентарем: девять глиняных сосудов, два римских бронзовых — котелок и миска, стеклянный кубок, серебряные вещи — две шпory, фибула, ножик, а также два стеклянных жетона. В ногах скелета лежали кости свиньи. Подобные захоронения представителей знати встречаются в Центральной Европе и в черняховской культуре (но менее богатые).

Помимо погребений на могильниках встречаются жертвенные ямы различной формы диаметром 0,7—2 и глубиной до 1,7 м, заполненные золой, камнями, изредка обломками сосудов и костями животных. Такие объекты открыты на могильниках Брест-Тришин, Любомль, Дрогичин-Козарувка, в более северных районах вельбарского ареала, а также в соседних культурах Южной Прибалтики и Скандинавии. Выше подобные ямы упоминались при описании черняховского погребального ритуала, где они являются элементом, почерпнутым из вельбарской культуры. Принято считать, что в ямах закапывали остатки жертвенного костра, горевшего возле могилы. Этот обычай имеет этнографические параллели в Скандинавии [Кухаренко, 1980.— С. 29]. К объектам подобного рода следует отнести и открытую на могильнике в Любомле вымостку из валунов, между которыми находилась зола.

Основные черты вельбарского погребального обряда едины по всей территории. Однако у юго-восточных мо-

гильников встречаются особенности, которые можно объяснить контактами с соседними культурами. Результатом пшеворского воздействия является большое количество в трупосожжениях поврежденного огнем инвентаря, а также наличие урновых захоронений. Увеличение процента труположений по сравнению с северо-западными областями объясняется влиянием черняховской обрядности.

Погребальный обряд племен киевской культуры изучен на основании относительно немногочисленных могильников: Казаровичи, Новые Безрадиичи, Бортничы в Среднем Поднепровье, Киреевка в Подесенье, Абидня и Тайманово в Верхнем Поднепровье. В общей сложности количество исследованных погребений приближается к 200. Все могильники бескурганные, расположены, как и поселения, на небольших всхолмлениях речных пойм. Остатки кремированных покойников захоронены без урн в неглубоких ямах округлой формы диаметром 0,4—1,5 м (рис. 22, 4, 5.) На могильнике Новые Безрадиичи обнаружены остатки квадратного сооружения с углубленным основанием, которое, по мнению автора раскопок, является погребальным комплексом [Даниленко, 1976]. В могильные ямы среднеднепровских могильников помимо кальцинированных косточек помещались остатки погребального костра и следы тризны в виде пережженной керамики и костей животных, иногда — предметы личного убора (подвески, фибулы и т. д.) и пряслица. В одном из погребений в Казаровичах найдено почти 400 фрагментов крупной корчаги, несколько горшков и мисок. В захоронениях верхнеднепровского региона остатки тризны встречаются реже. В отличие от более южных памятников размеры могильных ям здесь намного больше, форма овальная, приближающаяся по размерам к труположениям.

Вопрос о происхождении погребального обряда племен киевской культуры окончательно не решен. Трупосожжения населения, обитавшего на данной территории в предшествующий период, во многих деталях отличаются

от киевских. Вместе с тем наиболее близким по типу к киевскому является обряд милоградской культуры, хотя хронологический стык между этими культурами отсутствует. Передаточным звеном некоторых милоградских черт могли послужить могильники верхнеднепровской группы зарубинецкой культуры (Чаплин, Семурадцы), представленные ямными трупосожжениями, иногда с фрагментами керамики и остатками костра. Вместе с тем зарубинецкие захоронения отличаются от киевских более богатым инвентарем, куда входят сосуды-приставки и другие вещи. Некоторые черты киевских трупосожжений бассейна Среднего Днепра находят аналогии в погребальных обрядах пшеворской культуры (наличие в погребениях угля и пережженной керамики). Эти же пшеворские элементы присутствуют и в сожжениях черняховской культуры. Можно заключить, что основные черты погребальной обрядности племен киевской культуры сложились на основе верхнеднепровских поздnezарубинецких с участием пшеворских элементов [Терпиловский, 1984.— С. 16—19].

На огромной территории лесостепной Юго-Восточной Европы, занятой в первой половине 1 тыс. н. э. различными культурами, обряд погребения, связанный с сооружением курганных насыпей, зафиксирован только в области Карпатских предгорий в среде носителей культуры карпатских курганов.

Исследования проводились на 24 могильниках, где раскопано более 170 курганов [Смішко, 1960; Тимошук, 1973; Вакуленко, 1972.— С. 381; Котигорошко, 1980.— С. 229—248]. Могильники расположены в основном на возвышенных участках местности, часто в лесу и насчитывают различное количество курганов. Самый большой из известных могильников у с. Глубокая в конце века насчитывал 86 курганов. На могильнике у с. Переросль зафиксировано 68 курганов, у с. Нижний Струтинь — 46, у с. Печенежин — 43, на закарпатском могильнике Иза — 42. Более 20 насыпей обнару-

жено на могильниках в Каменке и Грушеве (уроч. Корнев). В других могильниках насчитывалось от 3—5 до 20 насыпей. Известны и единичные курганы.

Вне всякого сомнения, современное количество курганов не отвечает их первоначальной численности, так как они подвергаются интенсивному разрушению из-за хозяйственной деятельности человека. В качестве примера можно назвать Глубокский могильник. Похожая судьба постигла и могильники в Грабовцах, Траче, Марковцах и др. На некоторых могильниках курганы размещались двумя-тремя группами. Такая ситуация прослежена на могильниках в Глубокой, Переросле, Нижнем Струтинь. Например, на могильнике у с. Пилипы обнаружено две группы курганов, насчитывавших 13 и 4 насыпи, расположенных на расстоянии 150 м друг от друга.

Основной чертой этих могильников являются земляные насыпи круглой формы без каких-либо дополнительных конструкций, высотой 1—1,20, диаметром 10—12 м. Среди всех исследованных курганов только в нескольких случаях на различных могильниках в той или иной степени был использован камень (рис. 23).

Во всех захоронениях прослежен только обряд кремации. В подавляющем большинстве курганов под насыпью выявлены следы костра в виде обожженного грунта толщиной от 2 до 8—10 см. Пятно костра круглой или прямоугольной формы занимало площадь от 4—6 м² до — 10—12 м².

Под некоторыми насыпями вокруг костра прослеживалась канавка шириной 0,2—0,3 и глубиной 0,25—0,35 м. Ее заполнение составляло темный грунт с включением остатков костра, мелких фрагментов вторично обожженной керамики и отдельные кальцинированные косточки. Во всех курганах найдены обломки керамики со следами вторичного обжига.

Наличие под курганной насыпью достаточно сильно обожженного грунта наводило исследователей на мысль о сожжении покойника на месте захоронения под курганной насыпью. По-

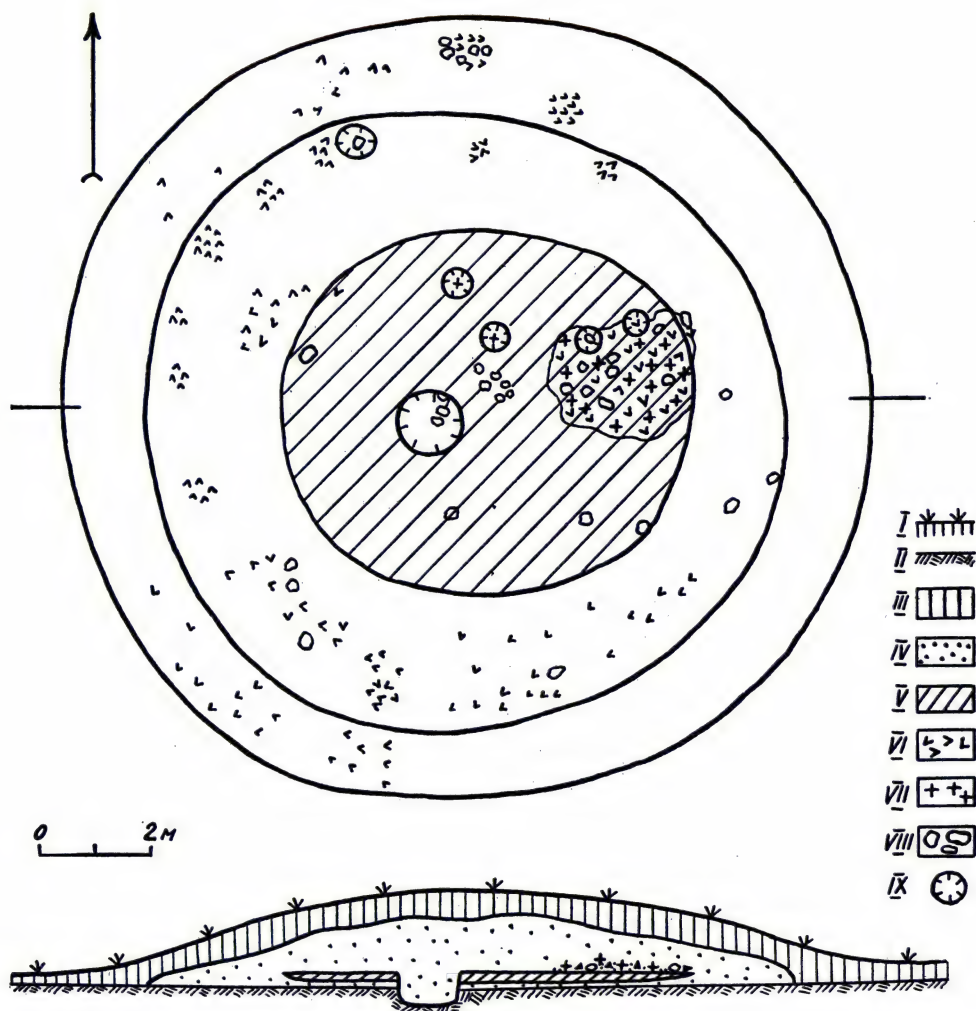

Рис. 23. План погребения культуры карпатских курганов у с. Пилипы (курган № 1, группа Б):

I — слой дерна; II — материк; III — насыпной грунт желтого цвета; IV — насыпной грунт серого цвета; V — кострище; VI — угли; VII — кальцинированные кости; VIII — обломки керамики; IX — ямы.

следние исследования, а также привлечение антропологических данных поколебали этот тезис. Выяснилось, что помимо человеческих, под курганной насыпью содержатся и сожженные кости животных. К тому же человеческих костей иногда настолько мало, что нельзя утверждать о сожжении покойника на месте. Следует отметить, что в одном кургане могли быть захоронены останки одного и нескольких человек, вероятно, близких родственников [Тимошук, 1953. — С. 54—60].

В ряде случаев удалось обнаружить остатки деревянных плах и ямки от столбов, что позволяет предположить наличие каких-то деревянных погре-

бальных сооружений. Так, в кургане № 2 группы Б на могильнике в Пилипах остатки обугленных деревянных плах образовывали решетку.

После кремации останки хоронили различными способами: оставляли на поверхности костра или сгребали их на той же поверхности в кучу; помещали в одну или несколько ямок; складывали в урну. Нередко урны об-

сыпались остатками костра. В нескольких случаях урны закрывались фрагментом или дном сосуда, большими гальками, каменными плитками.

Часть ямных погребений сопровождалась сосудами-приставками, чаще одним-двумя. По девять сосудов-приставок обнаружено в двух курганах Глубокского могильника.

Характерными чертами погребального обряда культуры карпатских курганов следует считать: кремацию, наличие костра под курганной насыпью, обычай бросать в костер сосуды, о чем свидетельствуют вторично пережженные фрагменты керамики. Наконец, следует отметить обычай сожжения и захоронения вместе с человеческими костями костей животных — лошади, козы или овцы и свиньи. Антропологические и палеозоологические исследования костных материалов из четырех курганов могильника в [Mihăilescu-Bîrlibă, 1980.— Р. 181—207] и шести курганов на двух могильниках у с. Пилипы* показали, что кости животных находились как в кучах на поверхности костра, так и в ямках, и в урнах вместе с человеческими костями.

6. КЕРАМИКА

Лепная посуда, как и многие черты погребального обряда, а также жилищное строительство, в силу своей консервативности сохраняет глубокие древние традиции. Это делает ее одним из важных источников изучения процессов этнокультурного развития в определенных хронологических и культурно-территориальных рамках.

Несмотря на свое значение, лепная посуда из памятников второй четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы (черняховской, киевской, вельбарской и культуры карпатских курганов) еще не стала предметом специального изучения. Отсутствуют такие исследования и по каждой культуре в отдельности. В литературе известны немногочисленные статьи,

рассматривающие лепную посуду отдельных регионов черняховской культуры [Сымонович, 1957.— С. 14—19; Баран, 1961.— С. 77—97]. Изучению лепной черняховской посуды посвящена работа Г. Ф. Никитиной [Никитина, 1965], а характеристика и классификация лепной керамики каждой из рассматриваемых культур в той или иной мере приведены в обобщающих, главным образом монографических, трудах [Федоров, 1960.— С. 119—122; Смішко, 1960.— С. 98—102; Винокур, 1972.— С. 89—91; Рикман, 1975.— С. 182—186; Вакуленко, 1977.— С. 22—25; Баран, 1981.— С. 75—85; Горюнов, 1981.— С. 15—23; Терпиловский, 1984.— С. 19—25].

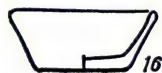
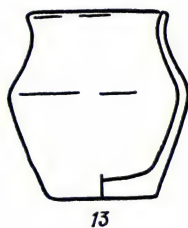
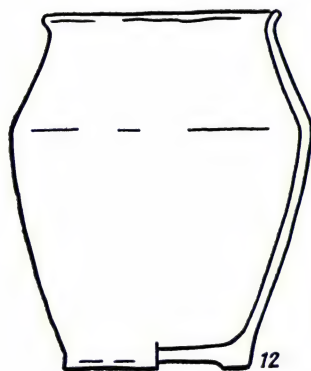
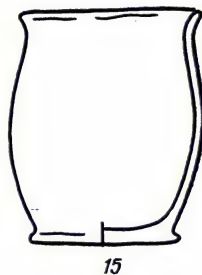
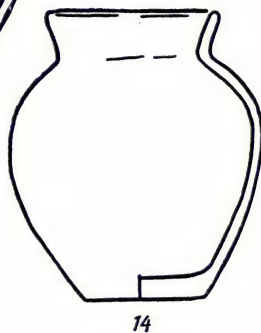
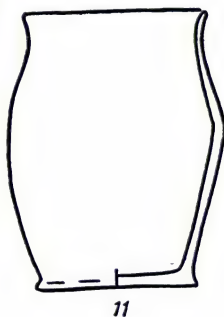
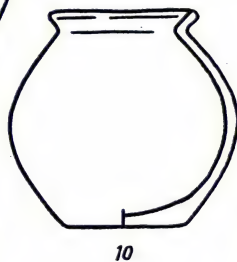
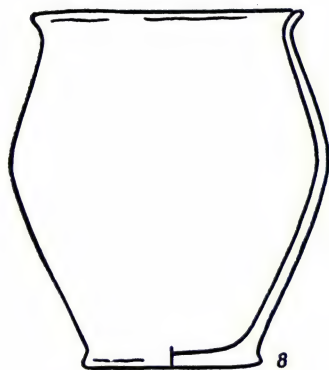
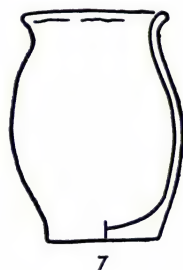
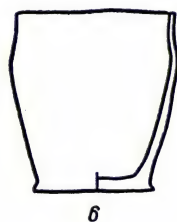
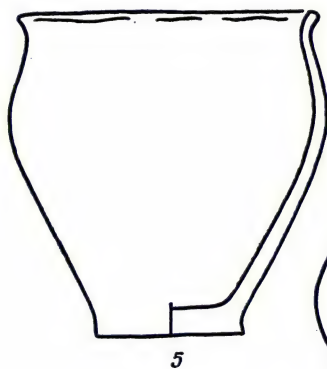
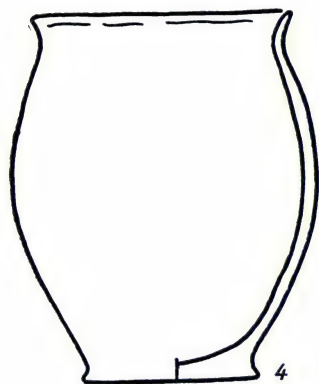
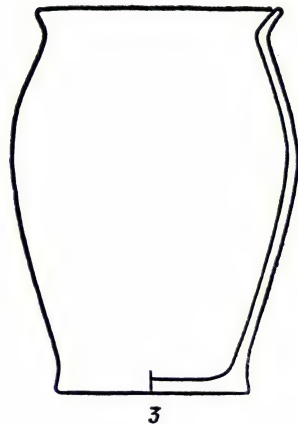
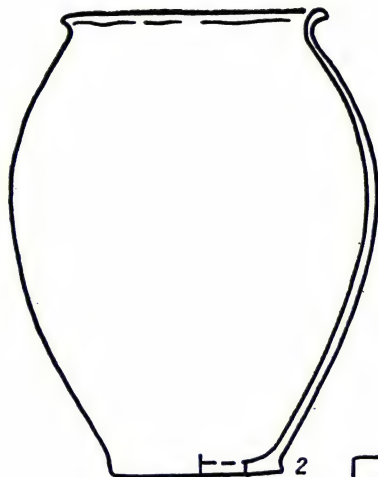
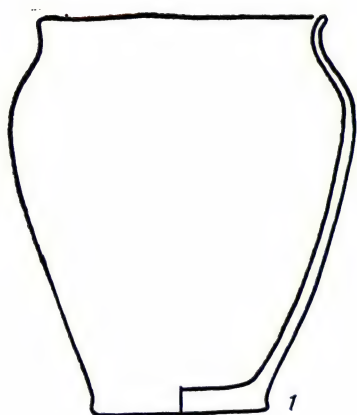
Характеризуя лепную керамику второй четверти I тыс. н. э., нельзя не отметить, что она присутствует во всех культурах этого времени, известных на территории Юго-Восточной Европы. Наиболее заметное место она занимает среди материалов киевской культуры, население которой пользовалось почти исключительно лепной посудой. Гончарная керамика на памятниках киевской культуры встречается в ограниченном количестве, в основном в поздних комплексах, и то в качестве импорта [Терпиловский, 1984.— С. 24—25]. На памятниках культуры карпатских курганов лепная посуда всегда сочетается с гончарной сероглиняной и в количественном отношении ей не уступает [Смішко, 1960.— С. 26; Вакуленко, 1977.— С. 22—25]. В последнее время Л. В. Вакуленко открыты поселения этой культуры (Пилипы), где в обиходе была почти исключительно гончарная посуда. В черняховской культуре на могильниках, за редким исключением (Компанийцы, Данчены), преобладает гончарная керамика. Иногда эта группа является единственной во всех погребениях. Однако на многих поселениях, особенно на Левобережье Верх-

Рис. 24. Лепная керамика черняховской культуры:

1, 2, 8, 12 — Бовшев II; 3, 4, 7, 17 — Черенин; 5, 6 — Теремцы; 9 — Хлопков I; 10 — Каменка-Анчерак; 11 — Успенка; 13 — Городница; 14 — Большая Корениха; 15 — Ракобуты; 16 — Репнев I; 18 — Демьянов.

* Исследования доктора биологических наук Е. И. Даниловой.

0 6 CM

него и Среднего Днестра, а также на некоторых поселениях Среднего Поднепровья (Журовка) лепная посуда значительно преобладает. Установлена закономерность, что на тех черняховских поселениях, где преобладают углубленные жилища, лепной керамики всегда много, а на селищах с наземным домостроительством — мало [Баран, 1981.— С. 79—85]. Корреляция керамики и типов жилищ позволяет выделить определенные регионы, имеющие свою этнографическую специфику, что для такой синкретической культуры, какой является черняховская, очень важно.

Ниже мы приводим характеристику лепной посуды покультурно, что дает возможность ее последующего сравнительного изучения.

Лепная посуда черняховской культуры (рис. 24, 1—18) по составу формовой массы и способу обработки поверхности делится на две группы. Первую составляет керамика, изготовленная из плохо промытой глины с примесями крупных зерен шамота, иногда шамота и дресвы. Соответственно ее поверхность бугристая, неровная, обжиг плохой или посредственный, цвет коричневый с темным сероватым или желтоватым оттенком.

Посуда второй группы изготовлена из хорошо промытой глины с мелкими примесями дресвы или песка, иногда шамота и органических частиц. Поверхность заглажена, иногда лощеная, бледно-коричневого, темно-серого, черного цвета.

Обе группы посуды различны и по набору форм. Если в первой группе ведущей формой является относительно высокий или средней высоты горшок (иногда на поселениях встречаются конические плошки или крышки, а в поздних комплексах единичные сковородки (Теремцы)), то во второй — преобладают мисковидные сосуды и низкие широкогорлые горшки, различной формы кубки, единичные вазы и кувшины.

Первая группа посуды лишена орнамента. Изредка встречаются горшки с насечками по краю венчика или

врезной волнистой линией в верхней части сосуда. Для второй группы характерны врезной геометрический орнамент или пролощенные линии.

Горшки первой группы по своей профилировке довольно разнообразны и подразделяются на ряд типов. Мы выделяем лишь основные, составляющие относительно значительные группы сосудов и тем самым отражающие характер керамики определенных локальных групп памятников.

К первому типу относятся сосуды с наибольшим расширением корпуса в верхней части. Плечики более или менее крутые, шейка невысокая, слабо отогнута наружу, венчик нередко утолщен. Диаметр венчика всегда меньше наибольшего расширения корпуса, но больше диаметра дна (рис. 24, 1).

Второй тип представляют сосуды с максимальным расширением корпуса несколько выше середины высоты. Плечики покатые. Оформление горловины и дна совпадает с сосудами первого типа (рис. 24, 2—4).

Третий тип представлен сосудами с вытянутым корпусом и максимальным расширением на середине высоты сосуда (рис. 24, 8). Формы некоторых из них близки к биконическим. Шейка отогнута наружу, венчик утолщен. В целом шейки несколько выше, чем у сосудов двух первых типов.

К четвертому типу относятся сосуды с широкой горловиной, когда диаметр венчика равен наибольшей ширине корпуса. Отдельные большие горшки этого типа использовались в качестве корчаг для хранения припасов (рис. 24, 5).

Пятый тип составляют довольно высокие банковидные горшки с узким корпусом и слабо выраженными плечиками. Шейка резко отогнута наружу. Диаметр горла почти равен максимальному расширению сосуда (рис. 24, 7).

Шестой тип представлен биконическими сосудами с прямой или несколько отогнутой шейкой и ребристым боком (рис. 24, 9, 12, 13). Их характерной чертой является наличие под венчиком валика — гладкого или с косы-

ми насечками. Многие сосуды отличаются крупными размерами.

К седьмому типу относятся сосуды с приземистым сферическим корпусом, наибольшее расширение которого приходится на середину высоты, выразительной высокой горловиной и относительно широким дном (рис. 24, 10, 14).

К восьмому типу можно отнести сосуды вытянутых пропорций с сильно отогнутой наружу высокой шейкой и насечками по венчику. Наибольшее расширение — в верхней части сосуда. Диаметр венчика больше диаметра дна.

Девятый тип составляют сосуды с высокой, почти прямой шейкой и вытянутым корпусом, наибольшее расширение которого приходится на середину высоты. Диаметр венчика несколько больше диаметра дна.

К десятому типу относятся низкие сосуды банковидной формы с отогнутой наружу шейкой (рис. 24, 15). Диаметр венчика почти равен диаметру дна. В отдельный одиннадцатый тип выделены сосуды, изготовленные по образцу гончарных.

Следует подчеркнуть, что перечисленные типы не исчерпывают всего многообразия форм сосудов. На многих памятниках встречаются и переходные, и различные индивидуальные формы, но они, как правило, не образуют серий.

Отдельную категорию лепной посуды первой группы составляют конические плошки с плоским дном или кольцевым поддоном. Некоторые из них могли использоваться в качестве крышек. Найдены и конические миски с плоским дном, но в меньшем количестве, чем плошки, а также единичные сковородки с низким бортиком. Последние известны лишь на отдельных поселениях в комплексах, бытующих до V в.

В подавляющем большинстве лепная посуда первой группы не украшена, кроме горшков шестого типа, украшенных обычно под венчиком валяком. В единичных случаях на сосудах первого, второго и пятого типов как исключение встречается орнамент в виде насечек по краю венчика или

врезной волнистой линии, причем не по всей окружности сосудов.

Количественное соотношение типов горшков первой группы на черняховских поселениях (на могильниках ее очень мало) различно, но в их распределении наблюдается определенная закономерность, позволяющая определить различные регионы, где те или иные типы являются ведущими. Для селищ Лесостепной полосы междуречья Днестра и Днестра, особенно в Среднем и Верхнем Поднепровье, характерно преобладание сосудов первых пяти типов, составляющих более $\frac{2}{3}$ комплекса и, несомненно, являющихся ведущими. Шестой тип хорошо представлен на черняховских поселениях Левобережья Днестра в районе Киева на границе с киевской культурой. Например, на черняховском поселении у с. Хлопков Барышевского района Киевской области этот тип горшков количественно преобладает в ряде керамических комплексов. В Степной зоне, особенно в Северо-Западном Причерноморье, в том числе в междуречье Днестра и Дуная, превалируют сосуды седьмого — десятого типов, составляющие свыше 80 % лепной керамики. Однако такие же формы в незначительном количестве встречаются и на памятниках в пределах остальной территории черняховской культуры. В то же время сосуды первых шести типов в степных районах Северного Причерноморья почти не известны или встречены на отдельных поселениях лишь в единичных экземплярах. Сосуды одиннадцатого типа в незначительном количестве встречены на всей территории черняховской культуры, но ни на одном из памятников не являются основными.

Вторая группа керамики по количеству значительно уступает первой. На большинстве памятников черняховской культуры она отсутствует или представлена единичными экземплярами. Но на поселениях и могильниках Волыни, в междуречье Днестра и Южного Буга, Нижнем Поднепровье, междуречье Нижнего Днестра и Дуная керамика второй группы занимает значительное место — до 50 %.

Незначительную часть этой посуды в Западной и Восточной Волини и на Верхнем Днестре составляют ребристые миски, кружки с коленчатой ручкой, единичные горшки пшеворского или позднезарубинецкого облика [Баран, 1981.— С. 84—85]. Все остальные формы этой посуды на памятниках черняховской культуры (яйцевидные горшки с загнутым внутрь краем, миски, вазы, кружки с X-видными ручками или псевдоушками, кубки) аналогичны посуде вельбарской культуры, характеристику которой мы дадим ниже. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от чисто вельбарских памятников на территории Нижнего Повисленья или Волини (Брест, Дитиничи), керамика второй группы вельбарского облика на памятниках черняховской культуры сочетается с гончарной сероглиняной посудой, составляющей большую часть керамического комплекса, и различными типами, характерными для названных выше регионов лепной посуды первой группы в различном количественном соотношении. Известны и такие широко исследованные поселения и могильники черняховской культуры (Лепесовка, Компанийцы, Косаново, Слобода II, Данчены и др.), в большинстве комплексов которых лепная керамика вельбарского типа определяет специфику памятников (рис. 25, 15—22).

Таким образом, лепная посуда на памятниках черняховской культуры с учетом количественного соотношения различных групп и типов в сочетании с особенностями домостроительства и погребального обряда является тем этнокультурным показателем, который позволяет определить регионы преобладания местного субстратного населения и населения, пришедшего в определенные регионы Юго-Восточной Европы лишь во второй четверти I тыс. н. э.

Периодизация лепной посуды разработана довольно слабо, однако установлено, что в первой группе все типы, кроме четвертого — шестого, существуют с начала образования культуры [Баран, 1981.— С. 147; Магомедов, 1987.— С. 45—48]. Сосуды четверто-

го — шестого типов всегда принадлежат к комплексам, датируемым не раньше IV в. н. э. Они известны на таких поселениях, как Черепин, Бовшев II, Сокол, Бакота, Теремцы на Верхнем и Среднем Днестре, Репнев II в верховьях Западного Буга, Журовка на Среднем Поднепровье и др. [Баран, 1981.— С. 147—148].

Перечисленные типы сосудов коррелируются с подквадратными полуземляночными жилищами, нередко с печью-каменной или глиняной печью, где они нередко сочетаются с горшками первого — третьего типов. Наиболее выразительно они представлены на поселении в Теремцах, где все жилые полуземлянки имели подквадратную форму, причем 24 из 29 открытых отоплялись печью-каменной. Поселение просуществовало не менее чем до середины V в. [Баран, 1983.— С. 22—23]. В наиболее поздних комплексах поселения встречены и такие формы горшков, которые появляются в Поднепровье лишь в V в. К ним в первую очередь относятся сосуды четвертого типа и единичные широкогорлые сосуды с прямой шейкой, а также сосуды с прямой шейкой и узким высоким корпусом. Два сосуда, аналогичные последним, найдены в комплексах конца V в. на поселении пражской культуры — Рашков III.

Не ранее V в. в керамических комплексах Верхнего Поднепровья появляются единичные лепные пифосовидные сосуды с широким горизонтальным венчиком, изготовленные по образцу гончарных.

Прототипы формам лепной посуды найти довольно трудно. Ни одна из культур первой четверти I тыс. н. э. на интересующей нас территории не имеет аналогичного набора типов лепной посуды. Однако отдельные типы и их группы все же находят близкие аналогии в различных предшествующих культурах Юго-Восточной Европы. Так, прототипами сосудов первой группы (типы первый — третий) являются сосуды тех памятников раннеримского времени на территории Днестро-Днепровского междуречья, где синтезируются зарубинецкие и пшеворские эле-

Рис. 25. Керамика вельбарской культуры (1—14) и лепная посуда вельбарско-пшеворского типа из черняховских памятников (15—23):

1—3, 5, 6, 9—11 — Дитиничи; 4, 7, 8, 12—14 — Брест-Тришин; 15, 17 — Глеваха; 16 — Каборга; 18 — Чубовка; 19—22 — Компанийцы.

менты (Подберезцы, Сокольники, Подрожье, Слобода I, Оселовка (нижние слои), Пасеки-Зубрицкие, Рахны и др.) [Баран, 1981.— С. 157—159; Козак, 1984.— С. 58—63]. В данной работе мы называем их памятниками воыно-подольской группы. На некоторых из них в Верхнем Поднестровье встречаются элементы липицкой культуры, которые иногда преобладают в количественном отношении (Ремезовцы, Майдан-Гологорский и др.) [Цигилик, 1975.— С. 79—104; Баран, 1981.— С. 149—151]. В составе керамических комплексов этих памятников обнаружены прототипы коническим плоскам и мискам.

Четвертый тип горшков первой группы находит свои прототипы в ранних комплексах киевской культуры. Такие сосуды особенно хорошо представлены на поселении в Казаровичах [Максимов, Орлов, 1974; Кравченко, Гороховский, 1979]. Что касается форм пшеворского и зарубинецкого облика, то они типологически близки к посуде более ранних памятников, синтезирующих элементы упомянутых культур. Пятый и шестой типы посуды пока неизвестны на памятниках более ранних культур ни на территории Юго-Восточной Европы, ни в сопредельных регионах. Они и в черняховской культуре встречены только на единичных памятниках (Теремцы, Хлопков), причем в комплексах не ранее IV—V вв. Сосуды шестого типа находят продолжение в пеньковской культуре.

Седьмой — десятый типы сосудов связаны своим происхождением со скифо-сарматскими древностями Северо-Западного Причерноморья, в лепной посуде которых они находят свои прототипы [Рикман, 1975.— С. 183—185; Магомедов, 1983].

Кроме того, в первой группе лепной черняховской посуды есть сосуды, имеющие аналоги в более ранних культурах, связанных с гето-дакийским населением, особенно в липицких древностях.

Все сосуды второй группы (вельбарского облика) не имеют своих прототипов на территории Юго-Восточной Европы.

Как отмечалось выше, лепная керамика составляет большинство находок при исследовании памятников киевской культуры (рис. 26, 1—24). В состав формовочной массы, кроме глины и песка, входил, как правило, крупный и средний шамот, а также (главным образом для киевской культуры на территории БССР) дресва (зерна гранита или кровавика).

Подавляющее большинство сосудов не орнаментировано. Изредка встречаются следы вдавлений или насечек по срезу венчика, налепные валики под венчиком, иногда украшенные насечкой, а также пересекающиеся следы расчесов гребнем (реже — острием) по корпусу сосуда. В единичных случаях — процарапанный по сырой глине знак, окруженный прямоугольной рамкой (Роище), ряд ямок по корпусу (Абидня, Ульяновка), налепные «подковки» в верхней части сосуда и орнамент в виде фриза, состоящего из проложенных треугольников (Обухов III).

Чаще всего встречаются сосуды с поверхностью красновато-коричневого или желтоватого цвета, бугристой из-за крупных примесей или грубого сглаживания. Столовая посуда аккуратно сглажена или подложена, ее поверхность темно-серого или красноватого цвета. Венчики закруглены или срезаны, днища с закраинкой и следами подсыпки.

Подавляющее большинство керамики принадлежит кухонной (горшки, диски), а также тарной (корчаги) посуде. Столовая керамика представлена мисками и горшковидными сосудами. Таким образом, горшки составляют основу кухонного и тарного комплекса, а также входят в состав столовой посуды, что позволяет на их примере рассматривать особенности керамического комплекса.

Типология керамики киевской культуры разработана еще недостаточно, что объясняется, прежде всего, невысокой степенью изученности самой культуры и фрагментарностью материалов, происходящих как из поселений, так и из могильников. В. Н. Даниленко, выделивший в свое время памятники киевского типа, отметил,

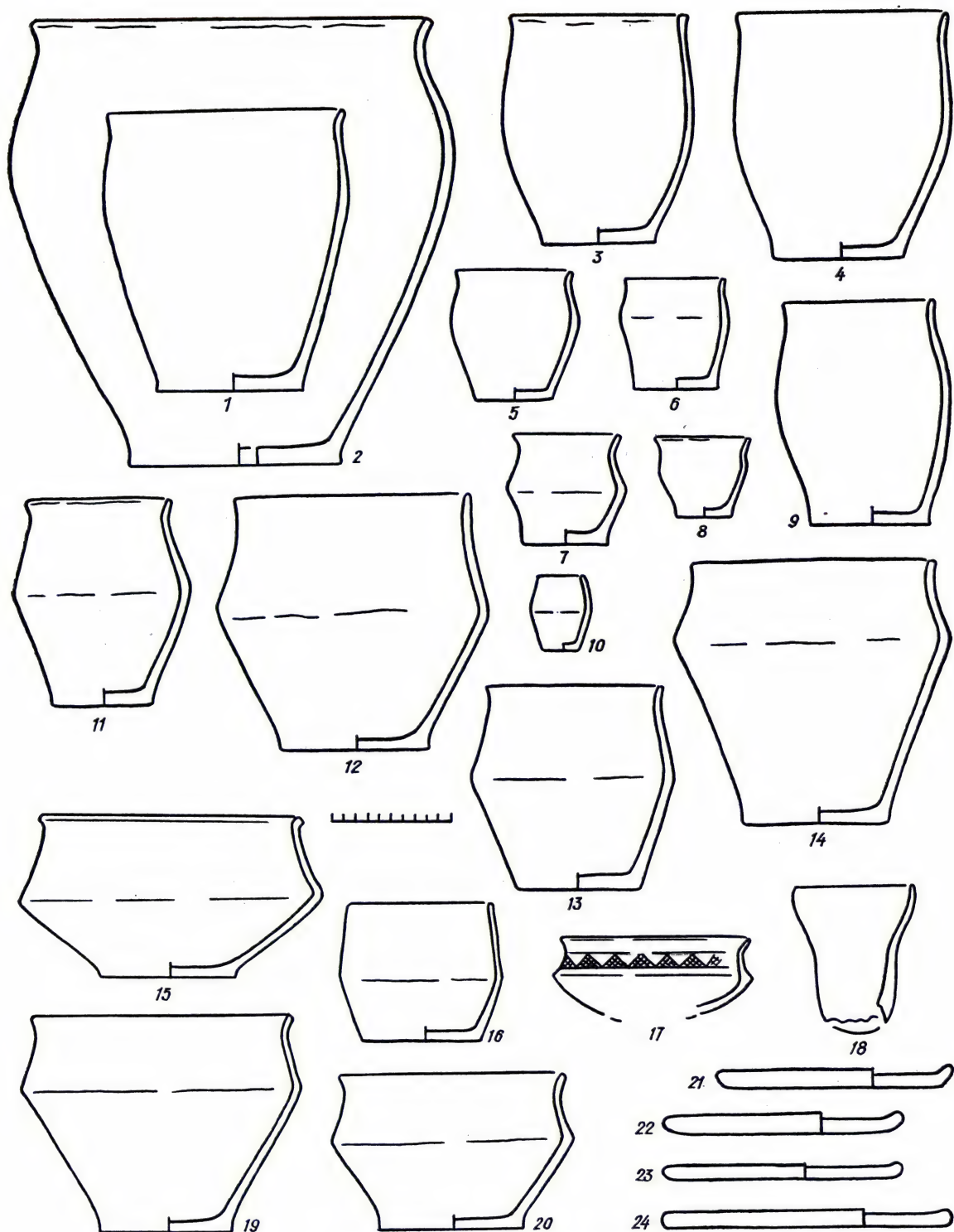

Рис. 26. Керамика киевской культуры:

1 — Казаровичи; 2, 11, 17, 18, 20 — Обухов III; 3, 7, 24 — Ульяновка; 4, 13 — Тайманово; 5 — Киселевка 2; 6 — Вишенки; 8, 12, 15, 16 — Роище; 9, 10, 21 — Лавриков Лес; 14 — Абидня; 19 — Сушки 2; 22 — Глеваха; 23 — Обухов II;

что для них характерны четыре основных типа горшков, а также диски и ребристые чернолощенные миски [Даниленко, 1976.— С. 70—79, 81].

Типология керамики киевской культуры Среднего Поднепровья, предложенная Н. С. Абашиной и Е. Л. Гороховским на основе посуды из вымостки очага в Обухове III [Абашина, Гороховский, 1975.— С. 66—70], учитывает пять групп посуды. Эта типология в несколько переработанном виде применена в обобщающей работе Н. М. Кравченко и Е. Л. Гороховского, посвященной древностям Среднего Поднепровья первой половины I тыс. н. э. [Кравченко, Гороховский, 1979.— С. 65—66.— Рис. 3]. Одновременно с работой Н. С. Абашиной и Е. Л. Гороховского появилась статья Е. А. Горюнова о периодизации древностей Подесенья по керамическим материалам, включенная позднее в монографию [Горюнов, 1981.— С. 18—19]. Среди материалов девяти поселений III—VII вв., на основе которых эта система была выработана, была использована керамика нескольких поселений киевской культуры (Лавриков Лес, Киреевка, Форостовичи и Вишенки). Позднее, с привлечением материалов поздних памятников киевской культуры (Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли), эта система была несколько переработана [Терпиловский, 1984.— С. 19—24]. В данном случае мы применяем эту классификацию при анализе керамики киевской культуры во всех регионах ее распространения. Небольшое количество целых сосудов заставляет в качестве основного критерия классификации использовать профилировку верхней части.

Остановимся на выделенных на этой основе типах горшковидных сосудов, не касаясь более дробного деления их на варианты.

Первый тип представлен горшками с широкой горловиной и максимальным расширением корпуса в верхней части высоты. Корпус конический, дно относительно узкое (рис. 26, 1, 2, 5, 8). Такие корчаги и горшки широко распространены преимущественно на ран-

них памятниках киевской культуры во всех регионах ее распространения: в Среднем Поднепровье (Казаровичи, Обухов II, Глеваха и др.), в Юго-Восточной Белоруссии (Абидня, Тайманово), в Нижнем и Среднем Подесенье (Деснянка, Мена 5, Лавриков Лес, Форостовичи и др.).

Второй тип составляют округлобокие горшки с максимальным расширением корпуса на середине высоты и суженной горловиной. Диаметр дна немного уступает диаметру венчика (рис. 26, 9). Все варианты принадлежат сосудам средних размеров. Подобные сосуды найдены по всей территории распространения памятников киевской культуры, но нигде не составляют большинства. Несколько особняком стоят сосуды третьего варианта, представленного горшками с более слабой профилировкой (банковидными). Сосуды третьего варианта известны только на памятниках Десны (Лавриков Лес, Роище) и Верхнего Поднепровья (Абидня, Тайманово).

Третий тип представлен сосудами с широкой горловиной и плавно переходящими к узкому дну стенками (тюльпановидными). Максимальный диаметр обычно приходится на середину высоты и незначительно отличается от диаметра венчика (рис. 26, 3, 4). Тюльпановидные сосуды характерны, прежде всего, для памятников киевской культуры Подесенья. Относительно редко они встречаются в Верхнем и Среднем Поднепровье (Обухов III).

Четвертый тип составляют горшки с ребристым перегибом стенок, расположенным в верхней части или на середине высоты (биконические). Шейка обычно короткая, ребро образовано относительно плавным перегибом стенок или же является четким, резким (рис. 26, 7, 11—14). Ребра, образованные слегка оттянутым валиком (Ульяновка), встречаются редко. Среди биконических горшков представлены сосуды любых размеров: от небольших горшочков до корчаг. К этому же типу принадлежат все столовые горшковидные сосуды с хорошо сглаженной или подлощенной поверхностью. Биконические сосуды широко распростране-

ны на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья (особенно поздних) и несколько реже встречаются в Верхнем Поднепровье. Четыре основных типа киевских горшков в отдельных комплексах деснянских памятников (Роище, Ульяновка) дополняются цилиндро-коническими формами. По сути, они отличаются от биконических горшков только более широкой горловиной, полностью совпадающей по всем остальным деталям. Шейки почти не выражены. Цилиндро-конические сосуды представлены крупными и средних размеров изделиями. Для более раннего времени они не известны.

Кроме вышеназванных основных типов горшков на памятниках киевской культуры изредка встречаются формы, не образующие серий. Часто повторяют форму горшков миниатюрные сосуды, относительно редко встречающиеся среди киевской посуды (рис. 26, 10). Двумя экземплярами представлены фрагменты сосудов с отверстиями (Казаровичи, Обухов III) — цеделки.

Значительно реже на памятниках киевской культуры встречаются миски. Практически все они имеют простые ребристые формы и средние размеры (рис. 26, 15—17). Наиболее распространенными являются высокие сосуды с ребром в верхней части корпуса, слегка суженной горловиной, короткой шейкой и относительно узким дном. Такие изделия встречены почти повсеместно на ранних памятниках киевской культуры в Среднем (Сушки 2, Казаровичи, Обухов III) и Верхнем Поднепровье (Абидня), а также в Подесенье (Лавриков Лес). К ним приближаются более низкие острореберные сосуды, в той или иной степени характерные как для ранних, так и для поздних памятников Среднего (Казаровичи, Обухов III) и Верхнего (Абидня) Поднепровья и Подесенья (Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка 2, Роище). Поверхность более поздних изделий обработана, как правило, грубее по сравнению с ранними.

Часть обломков мисок из поселений Подесенья относится к изделиям, напоминающим почепские миски с почти

цилиндрической верхней частью (Лавриков Лес, Форостовичи). Целый сосуд такого типа встречен на поселении Абидня. Только на памятниках Верхнего Поднепровья обнаружено несколько экземпляров мисковидных сосудов со слабопрофилированной верхней частью и относительно широким дном. Венчик и бочок одного из них украшены насечками (Тайманово). Верхняя часть миски из того же памятника с плавным S-видным профилем украшена фризом из горизонтальных линий с вписанными в них ромбами. Фрагмент острореберной миски из пода № 2 Обухова III орнаментирован фризом из пролощенных треугольников. Несколько особняком стоят также два сосуда из Подесенья: крупная миска с выпуклым бочком и почти вертикальной высокой шейкой (Мена 5) и биконический сосудик без шейки (Роище).

Особую категорию сосудов представляют кубки, выполненные в подражание черняховским изделиям. Известно всего два экземпляра (Обухов III, VII) (рис. 26, 18).

Особую группу керамического комплекса составляют диски-крышки и сковородки, обломки которых в небольшом количестве найдены почти на каждом исследованном памятнике киевской культуры. Их диаметр 12—28 см, толщина 1—2 см. Край плавно закруглен, реже — срезан; край сковородок утолщен или имеет бортик высотой до 1 см (рис. 26, 21—24). Диски изготовлены из керамической массы, обычной для кухонных сосудов. Одна из поверхностей обычно заглажена аккуратнее, чем другая. По-видимому, они использовались и как крышки для горшков и корчаг, и как жаровни-лепешницы.

Сравнительный анализ посуды из памятников различных регионов киевской культуры свидетельствует о том, что в ранний период преобладают горшки и корчаги с широкой горловиной и максимальным расширением корпуса в верхней части (первый тип). За ними, как правило, следуют округлобокие сосуды с максимальным расширением корпуса на середине высо-

ты или удлиненные биконические горшки. Последние часто имеют высокое положение ребра. Горшковидные сосуды раннего киевского комплекса в среднем несколько более крупных размеров, чем поздние, и чаще дополняются подлощенными ребристыми мисками.

Для позднего керамического набора киевской культуры характерно широкое распространение приземистых, по сравнению с ранними, биконических горшков с ребром на середине высоты, а также слабопрофилированных и тюльпановидных форм, появляются цилиндроконические горшки. Шейки сосудов становятся короче. Среди столовой посуды — лепные миски, подражающие гончарным изделиям черняховской культуры (Обухов III, Роще). Вместе с тем миски в этот период встречаются крайне редко.

Различные регионы распространения киевской культуры отличаются преобладанием сосудов тех или иных типов, их вариантами [Терпиловский, 1984.— С. 42—47]. Для Среднего Поднепровья характерны прежде всего многочисленные варианты горшков первого типа, в целом более округлобокие, чем в остальных регионах. К особому варианту того же типа можно отнести и сосуды относительно вытянутых пропорций с размещением плеча около верхней трети высоты. В Верхнем Поднепровье широко распространены банковидные слабопрофилированные сосуды с относительно широким дном и широкогорлые горшки с ребристым плечиком, расположенным в верхней части. Оба региона объединяют относительно многочисленные столовые сосуды, прежде всего миски.

Индивидуальной особенностью киевской керамики Подесенья являются главным образом тюльпановидные сосуды. Локальные особенности керамики немногочисленных памятников Лесостепного Левобережья Днестра, близких к киевской культуре, пока не ясны. В настоящее время можно отметить, прежде всего, группу памятников второй четверти I тыс. н. э. в районе Курска, для которой в той или

иной степени типична лепная посуда. Среди ранних памятников преобладают округлобокие сосуды с высокой шейкой (первый и второй типы), реже встречаются лепные миски и плошки, а также горшки с невыраженной шейкой (Букреевка 2). Поздний памятник этого же региона (Каменев 2) представлен главным образом слабопрофилированной керамикой [Сымонович, 1983.— С. 98—100].

Происхождение керамического комплекса киевской культуры во многом еще не ясно. Среди древностей предшествующего периода к нему наиболее близка керамика памятников типа Грини. Для этих пока немногочисленных памятников, встречающихся в Среднем Поднепровье (Грини 1, 2, Решетки), Подесенья (Змеевка) и Днепровском Лесостепном Левобережье (Вовки), характерны, в первую очередь, широкогорлые сосуды с высоким положением округлого или ребристого плеча, а также банковидные сосуды (Терпиловский, 1981.— С. 94—95). Типичен обычай покрывать поверхность сосудов расчесами гребнем или штриховкой. Лощеная керамика крайне редка. Памятники типа Грини, в свою очередь, восходят к памятникам рубежа нашей эры типа Чечерск-Кистени, сформировавшимся в пограничье культур зарубинецкой и штрихованной [Обломский, 1983.— С. 18]. Тем не менее следует отметить, что, за исключением единственного типа горшка, все остальные происходят от сосудов зарубинецкой культуры.

Кроме памятников типа Грини, у истоков киевской культуры стояли различные местные позднезарубинецкие группы памятников, что, естественно, отразилось в ее локальных особенностях, в том числе керамике. Так, ряд форм сосудов из Среднего Поднепровья, а также оформление деталей, орнаментация (Обухов III, Сушки 2, Казаровичи) сближают их с посудой позднезарубинецких поселений Лютеж и Оболень в том же регионе.

Тюльпановидные горшки и миски с цилиндрической верхней частью, типичные для Подесенья, восходят к местным памятникам типа Почеп, а

керамика из Абидни — к памятникам типа Чечерск-Кистени и Горошков-Чаплин.

Таким образом, с определенным основанием можно считать, что киевский керамический комплекс восходит к посуде тех или иных памятников зарубинецкой культуры.

Вместе с тем в киевской культуре встречаются единичные формы, восходящие к культуре штрихованной культуры (конические сосуды с высоким положением ребра) и пшеворской культуре (высокие миски и горшки с суженной горловиной и крутым высоким плечиком). Вероятно, проникновение таких сосудов в киевский керамический комплекс произошло еще на стадии его формирования, когда происходила активная инфильтрация разнообразных культурных элементов из обширных маргинальных зон. Несколько иначе обстоит дело с подражаниями черняховским гончарным изделиям в виде некоторых типов лепных мисок, иногда соответственно орнаментированных, а также единичных кубков. Все такие подражания относятся к позднему периоду существования киевской культуры, поэтому можно предположить, что они возникли в результате контактов между киевским и черняховским населением.

Характеристике лепной посуды культуры карпатских курганов посвящены специальные разделы в обобщающих работах [Смишко, 1960.— С. 98—102; Вакуленко, 1977.— С. 22—25]. Она довольно однородна по составу формовочной массы и не очень разнообразна по формам. Преобладают толстостенные сосуды, изготовленные из глины с примесью шамота и дресвы. Поверхность неровная, бугристая, иногда заглаженная, обжиг плохой и неравномерный, цвет коричневый с желтым или сероватым оттенком. Основные формы: горшки, плошки на высоком поддоне, кружки с ручкой, кубки, миниатюрные сосуды. Из-за фрагментарности лепной керамики на поселениях и ограниченного количества в погребениях ее типология разработана очень слабо, отсутствуют типологические таблицы.

Подавляющая часть лепной посуды представлена горшками. По профилировке бочка и постановке шейки они довольно разнообразны. Определенная часть из них составляет серии, которые можно подразделить на типы, однако значительное количество сосудов различной профилировки встречено в единичных экземплярах.

К первому типу, представленному наибольшим количеством сосудов как в жилищных, так и в погребальных комплексах, относятся биконические горшки с наибольшим расширением корпуса на середине их высоты. Они подразделяются на два варианта: сосуды с невыделенной и с выразительной шейками. Последняя отогнута наружу. Кроме кухонных сосудов средних размеров, изредка встречаются большие сосуды, используемые для хранения припасов.

Второй тип составляют округлобокие сосуды с высокой выразительной шейкой. Наибольшее расширение корпуса приходится на середину высоты сосуда. Диаметр венчика приблизительно одинаков с диаметром дна. Они найдены на поселениях у сел Глубокое, Печенежин и некоторых курганах (Иза I, Гапповка и др.) [Вакуленко, 1977.— Табл. XIX, 2]. На поселении в Печенежине встречен большой сосуд этого типа для хранения продуктов [Там же.— Табл. XIII, 1].

К третьему типу можно отнести небольшие сосуды с максимальным расширением в верхней части. Плечики довольно крутые, шейка короткая, слабо отогнутая наружу, венчик часто утолщен. Диаметр венчика несколько больше диаметра дна. Эти сосуды происходят главным образом из поселений (Глубокое и Печенежин). В могильных комплексах такой тип сосудов отсутствует.

Кроме перечисленных основных типов, на памятниках культуры карпатских курганов встречены, как правило, единичные горшковидные сосуды различной профилировки, не образующие серий: сосуды со сферическим корпусом и загнутым внутрь краем; низкие горшки с округлым корпусом и отогнутой наружу шейкой; горшок

ситуловидной формы; различные сосуды, изготовленные по образцу гончарных.

Второе по количеству место после горшков занимают конические плошки на высоком поддоне, а также различных размеров конические миски с плоским дном. Больше всего их найдено на поселениях Глубокое и Грабовцы, но они известны и в могильных комплексах.

Другие формы представлены коническими кружками с массивной ручкой, а также миниатюрными кубками различной профилировки, иногда с ручкой. На поселении в Грабовцах найдена сковородка с низким бортиком [Вакуленко, 1977.— С. 24].

Некоторая часть лепной посуды культуры карпатских курганов орнаментирована. Горшки первого типа украшены пластическим орнаментом в виде налепных гладких валиков или валиков с насечкой и пальцевыми защипами. Сосуды второго и третьего типов, как правило, лишены орнамента и лишь в отдельных случаях украшены насечкой по венчику. Более разнообразен орнамент (пластичный и врезной) на многих горшковидных сосудах, представленных единичными экземплярами в погребальных комплексах. Иногда оба мотива встречаются вместе. Кроме сплошного валика горшки орнаментировались короткими косыми валиками с насечками или полукруглыми валиками-подковами, шпечками и т. п. Врезной орнамент в виде волнистой горизонтальной линии или штампа встречается значительно реже, чем пластический.

В отличие от черняховской и киевской культур лепную керамику культуры карпатских курганов еще трудно разделить на территориальные или хронологические группы. Эта задача в археологической литературе пока никем не ставилась. Однако следует отметить, что горшковидные сосуды третьего типа, в отличие от остальных форм, встречаются в основном в жилищных комплексах поселений и лишь в отдельных случаях в погребениях. Аналогии им находим на черняховских поселениях Верхнего и Среднего

Поднестровья, а прототипы — на памятниках раннеримского времени во-лыно-подольской группы, включающей элементы пшеворской и зарубинецкой культур [Козак, 1983.— Рис. 12, 3]. Сосуды со сферическим корпусом и ситуловидной формы связаны своим происхождением с лепной пшеворской посудой [Баран, 1981.— С. 81]. Все другие типы и формы сосудов, за исключением горшков второго варианта первого типа, которые локализуются лишь в Прикарпатье и исключительно в среде культуры карпатских курганов, в подавляющем большинстве находят прототипы в гето-дакийской среде, в том числе и в липицкой культуре [Смишко, 1960.— С. 101—102; Вакуленко, 1977.— С. 25].

Такое смешение различных традиций, свойственное культуре карпатских курганов, М. Ю. Смишко правильно объяснил географическим положением Карпат и связями с окружающим миром [1960.— С. 100]. Однако ядро лепной посуды культуры карпатских курганов составляли формы гето-дакийского происхождения.

На памятниках вельбарской культуры лепная посуда преобладает над гончарной. От керамики выше рассмотренных культур она отличается довольно резко и не имеет местных корней. Ее происхождение непосредственно связано с культурным ареалом Нижнего Повисленья и Поморья [PZP, 1981.— S. 165—190]. В процессе переселения в конце II—III вв. н. э. в юго-восточном направлении ее носители принесли на территорию Волини, Южного Побужья, Среднего Поднестровья и Северного Причерноморья ряд культурных элементов. Отметим, что еще раньше, в ходе продвижения через юго-восточные районы Польши, вельбарские племена восприняли некоторые пшеворские черты. Поэтому на территории южной части Восточной Европы вельбарские и пшеворские элементы в керамическом комплексе выступают смешанно, при преобладании первых. Наряду с относительно немногочисленными памятниками, сохранившими основные особенности вельбарской культуры, специфическая

лепная керамика в той или иной степени, часто в единичных экземплярах, встречается в черняховских комплексах — главным образом на территории Южной и Восточной Волыни, Среднего Поднепровья, Южного Побужья и Северного Причерноморья.

Лепные сосуды изготовлены из керамической массы с примесью песка, дресвы, реже — шамота и органических остатков. Крупные сосуды простой профилировки содержали более грубые примеси. У них нередко специально ошершавленная поверхность и сглажены верхняя и придонная части. Поверхность столовой керамики обычно подложена и украшена разнообразным орнаментом. Цвет поверхности коричневым, реже серый или черный. Днища и венчики заглажены.

В целом вельбарские лепные сосуды, встреченные на территории Восточной Европы, приземистые, с низко расположенным максимальным расширением корпуса. Подавляющее большинство целых сосудов найдены в могильниках Брест (уроч. Тришин), Деревянное, Любомль и Дитиничи, а также в отдельных погребениях — Могиляны, Хмельник, Горькая Полонка и др. Материалы в значительной степени опубликованы [Кухаренко, 1980]. Гораздо хуже обстоит дело с поселениями Ромош на Западном Буге, Лепесовка и Борсуки на Горыни, Пряжев на Тетереве. В настоящее время подготовлены к публикации материалы из поселения Боратин Волынской области, где Д. Н. Козаком исследовано 11 жилищ и 16 ям. Следует отметить, что лепная посуда из поселений по своему ассортименту значительно беднее керамики могильников, где широко представлена столовая посуда сложной профилировки.

Лепные сосуды вельбарской культуры по форме довольно разнообразны. Обычно за основу классификации исследователями принимается схема Р. Шиндлера, разработанная применительно к керамике могильников Нижнего Повисленья и Поморья [Schindler, 1940]. Им выделено 18 групп, включающих сосуды различных категорий и типов. Мы считаем более удач-

ными типологии, предложенные М. Ю. Смишко, И. К. Свешниковым и Д. Н. Козаком, где отдельно для каждой категории посуды выделены типы [Смишко, Свешников, 1960. — С. 103—106].

Необходимо отметить, что в отличие, например, от керамики киевской культуры, где границы между типами в пределах одной категории посуды довольно нечетки, но деление на категории проблемы не составляет, некоторые категории вельбарской посуды объединяются общими формами. С другой стороны — в пределах одной категории посуды значительно варьируются по профилировке и орнаментации.

Среди горшковидных кухонных сосудов, проникающих из вельбарских памятников на территорию Восточной Европы, можно выделить два основных типа. Первый представлен разнообразными яйцевидными сосудами (кумфами) с загнутым внутрь краем (рис. 25, 12, 13). Пропорции таких сосудов различны: от шаровидных до вытянутых. Поверхность нередко ошершавлена (за исключением верхних и придонных частей). Иногда по корпусу нанесены врезные беспорядочные линии или ногтевые зацепы. Этот тип посуды наиболее распространен не только на вельбарских памятниках, но и на некоторых черняховских комплексах (Великая Слободка 2, Косаново, Компанейцы, Глеваха).

У второго типа горшков шейка отчетливо выражена, несколько отогнута наружу, корпус, как правило, приземистый (рис. 25, 14). Плечики (округлые, реже — ребристые) расположены в средней или верхней части. Некоторые варианты таких горшков, особенно распространенные на Волыни, ближе к пшеворской культуре. Корпус часто ошершавлен или покрыт врезными линиями, нередко в виде «решетки» (Деревянное под Киевом); иногда на уровне плечиков — налепной валик.

Миски также делятся на два основных типа: конусовидные или со слегка загнутым внутрь краем и сравнительно глубокие с плавным или резким S-видным профилем (рис. 25, 6, 7,

9, 11]. Последние чаще встречаются на Волыни и обычно связываются с пшеворским компонентом. Миски орнаментированы редко, иногда они снабжены X-видными ушками или псевдоушками. Наряду с яйцевидными горшками такие изделия распространены в черняховских памятниках с вельбарскими чертами.

Наиболее разнообразны, по сравнению с вышеописанными категориями посуды, высокие вазы. Корпус таких изделий округлого или биконического профиля; шейки значительно варьируются по высоте и степени отогнутости наружу. Вазы, как правило, богато декорированы ушками, валиками, каннелюрами, пролощенными или врезными линиями, составляющими комбинации из треугольников, параллельных линий и решеток (рис. 25, 5).

Для вельбарского керамического комплекса характерны также кружки в виде приземистых слабопрофилированных сосудов, снабженных массивными ручками. Поверхность таких изделий ошершавлена или украшена врезными линиями. Некоторые кружки приближаются по оформлению деталей к широкогорлым кувшинчикам (рис. 25, 1, 10). Последние отличаются округлым корпусом и невысоким цилиндрическим или сужающимся кверху горлом.

Набор вельбарской посуды дополняется небольшими стопками или кубками разнообразных типов и индивидуальных форм: экзотическими ситуловидными столовыми сосудами с удлиненной нижней частью, широкогорлыми сосудами с двумя-тремя ручками и обильным врезным орнаментом и цедилками (рис. 25, 2—4, 8). Последние встречены только на поселениях (Ромаш, Боратин).

Памятники вельбарской культуры на территории Восточной Европы исследованы еще слабо, поэтому ход эволюции керамического комплекса во многом неясен. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что по своему происхождению эта культура непосредственно связана с прибалтийской территорией Польши, где известны и более ранние и синхронные древности

того же типа. Вельбарский керамический комплекс наиболее полно сохранил свои специфические черты на Волыни и в Южном Побужье, где носители вельбарской культуры, вероятно, составляли значительную часть населения во второй четверти I тыс. н. э. [Баран, 1981.— С. 161].

По мере усвоения этими племенами некоторых особенностей черняховской культуры лепная посуда все более вытесняется гончарной. В результате в черняховских памятниках с вельбарскими чертами наблюдаются лишь отдельные наиболее устоявшиеся формы лепной посуды — яйцевидные горшки и миски с X-видными ушками. Тем не менее эти элементы вельбарской культуры, распространившись в пределах черняховской культуры на значительной части Восточной Европы, дожили до рубежа IV—V вв., то есть до заключительной фазы существования черняховской культуры.

Изучение и анализ лепной посуды черняховской, киевской и вельбарской культур, культуры карпатских курганов показали, что каждая из них обладает свойственным только ей керамическим комплексом, в котором специфически сочетаются различные керамические группы и формы. Этнографическое своеобразие каждой из них придает в какой-то мере отсутствие или наличие орнамента, его типичные мотивы. Так, некоторые типы лепной посуды, особенно характерные для причерноморской локальной группы черняховской культуры и культуры карпатских курганов, происходят от скифо-сарматских и гето-дакийских древностей. Вся вельбарская керамика, в том числе и та, которая является составным элементом ряда черняховских памятников, не имеет прото-типов и дальнейшего продолжения на указанной территории.

Наряду со сказанным, некоторые формы лепной посуды лесостепной локальной группы черняховской и киевской культур, а также культуры карпатских курганов объединяются общими признаками. Так, первый и второй типы горшков черняховской культуры сопоставимы с третьим типом сосудов

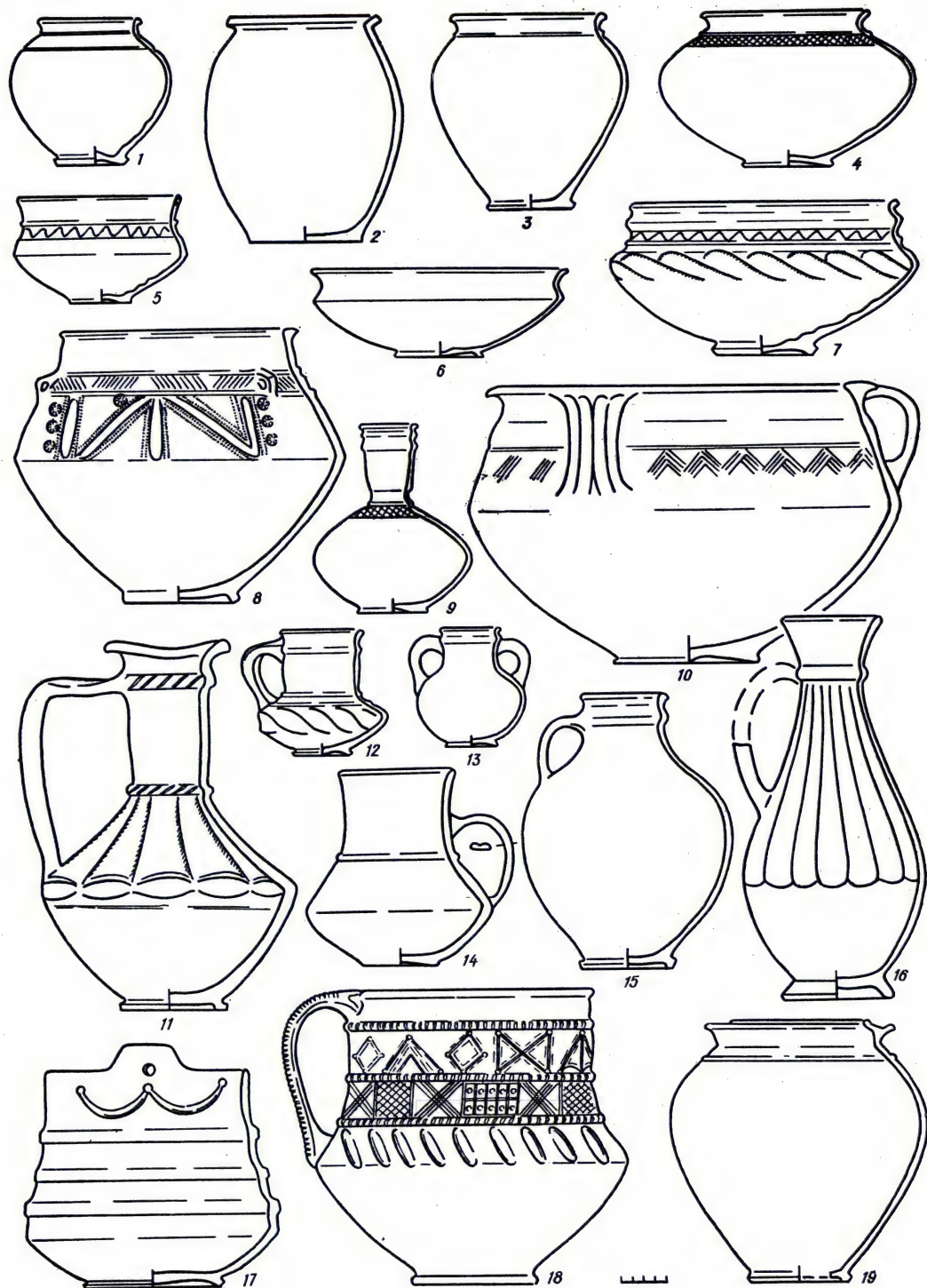

Рис. 27. Гончарная посуда черняховской культуры:

1, 4, 6, 7, 9, 12, 13 — Сад; 2, 3 — Переяслав-Хмельницкий; 5, 14 — Ромашки; 8, 15, 19 — Курники; 10 — Компанийцы; 11 — Успенка; 16 — Чистиллов; 17 — Каборга IV; 18 — Войсковок.

карпатских курганов, а пятый и шестой типы сосудов — с первым и четвертым типами сосудов киевской культуры. Однако в своих керамических комплексах они распространены в разной степени. На черняховских поселениях первый и второй типы сосудов являются ведущими, а в культуре карпатских курганов они составляют лишь незначительную группу. Таким же относительно небольшим количеством представлены сосуды четвертого типа на черняховских памятниках, в то время как в киевской культуре это один из основных типов горшков. Сосуды шестого типа известны лишь на поселении черняховской культуры у с. Хлопков на Киевщине, но здесь это один из наиболее многочисленных типов лепной посуды. На памятниках киевской культуры эти сосуды единичны.

Все перечисленные типы сосудов, кроме шестого, появившиеся только на рубеже IV—V вв., объединены общим происхождением от позднезарубинецкой посуды или древностей первой четверти I тыс. н. э. междуречья Днестра, Днестра и Западного Буга (Подберезцы, Ремезовцы, Рахны и др.), включающих в себя элементы зарубинецкой культуры. Следует отметить, что на поселениях культуры карпатских курганов третий тип лепной керамики появляется в результате ассимиляционных процессов, связанных с расселением в юго-восточных областях Карпат верхнеднепровского черняховского населения. Сферические сосуды с загнутым внутрь краем, изредка встречающиеся на памятниках названных культур, связаны своим происхождением с пшеворской или вельбарской культурой.

Упомянутые формы и типы, а также некоторые другие изделия (диски, сковородки) имеют свое продолжение в славянских культурах раннего средневековья.

Во второй четверти I тыс. н. э. в черняховской, вельбарской и культуре карпатских курганов получает распространение гончарная керамика. На поселениях киевской культуры она выступает как черняховский импорт.

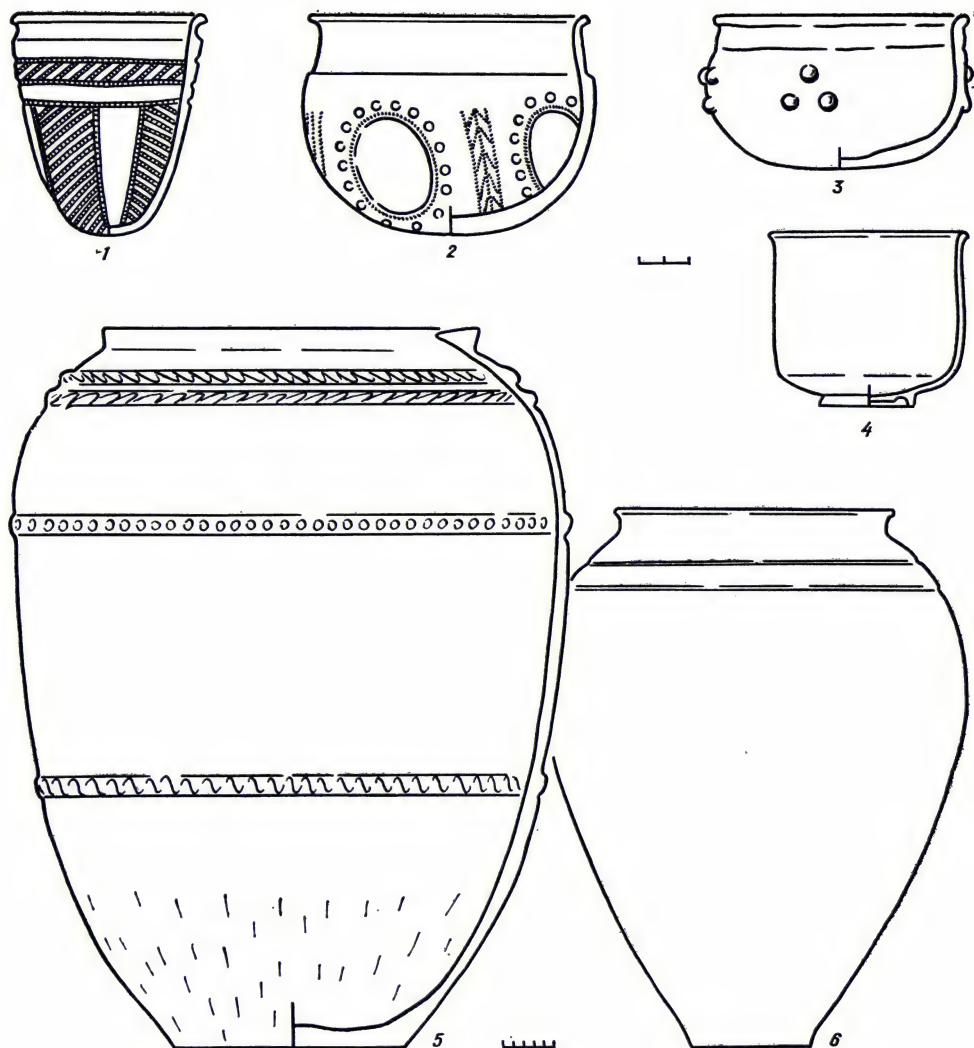
Основные типы гончарной посуды перечисленных культур практически одинаковые, то есть входят в общеримский круг провинциально-римской керамики. Осваивая эти формы посуды, заимствованные вместе с ремесленной технологией производства, местные племена органично сочетали с ними и прежние традиции лепной керамики, что проявлялось в использовании привычных форм, приемов орнаментации и обработки поверхности.

Лучше других исследован гончарный керамический комплекс черняховской культуры. Ряд обобщающих работ, посвященных керамике отдельных районов черняховского ареала или всей культуры в целом, опубликован в виде специальных разделов монографий [Федоров, 1960; Рикман, 1975; Баран, 1981; Магомедов, 1987] и отдельных статей [Магомедов, 1977; Сымонович, 1981; 1983]. Некоторые исследователи уделяли внимание отдельным типам и видам посуды или отдельным способам ее оформления [Сымонович, 1956; 1964; Магомедов, 1973; Кропоткин, 1973].

Одной из характерных черт черняховской гончарной керамики является серый цвет черепка, хотя в юго-западных районах культуры встречаются и красноглиняные изделия. Гончарная посуда представлена двумя видами, отличающимися по составу формовочной массы и своему назначению: кухонная с шероховатой поверхностью (в основном горшки, а также пифосы) и разнообразная столовая, как правило, с лощеной поверхностью. По функциональному назначению сосуды, выходящие из черняховских мастерских, делятся на три категории: кухонные, столовые, сосуды-хранилища.

Кухонная посуда служила для приготовления пищи и представлена самым массовым видом — горшками (рис. 27, 1—3). Формовочная глиняная масса отощалась добавками песка и дресвы (толченый камень), что делало ее устойчивой к многократным перепадам температур. К категории кухонной посуды функционально следует относить и так называемые це-

дилки — миски с многочисленными отверстиями в нижней части. Считается, что они служили для приготовления сыра.

Горшки представлены несколькими типами и многочисленными вариантами. Они отличаются размерами, но высота подавляющего большинства 15—20 см. Встречаются миниатюрные сосуды, по объему скорее напоминающие кубки. Пропорции горшков варьируют от приземистых до вытянутых, плечико располагалось посередине или в верхней трети высоты. Различно оформление поддона (плоский, плитчатый, кольцевой) и венчика. Наиболее распространенным венчиком явля-

Рис. 28. Гончарная посуда черняховской культуры:

1 — Успенка; 2, 3 — Компанийцы; 4 — Переяслав-Хмельницкий; 5 — Александровка; 6 — Кут.

ется отогнутый округло-утолщенный (каплевидный). Некоторые горшки украшены по плечу врезными или выпуклыми горизонтальными параллельными линиями и, реже, волной.

Столовая посуда представлена разнообразными видами соответственно ее назначению. Черняховское население пользовалось мисками, трехручными вазами, кувшинами, кружками, столовыми горшками, кубками (рис. 27, 4—19; 28, 1—4). Строгие формы сосу-

дов, декор, сочетающий блестящие поверхности и линии с матовыми орнаментальными полями, свидетельствуют о развитом эстетическом вкусе мастеров.

Для орнаментации столовой посуды применялись лощение, дополнительная профилировка (плоские срезы и каннелюры), различные штампы. На трехручные вазы, кувшины и кубки иногда наносили символические знаки и сложные изображения (обычно животных). Системы знаков на вазе из Лепесовки и кувшине из Ромашек Б. А. Рыбаков расшифровал как земледельческие календари [1981.— С. 320—325]. Не представляет сомнения, что посуда занимала важное место в магических и культовых действиях черняховского населения. Особенно это относится к вазам, которые чаще встречаются в составе погребального инвентаря, чем на поселениях.

На черняховских памятниках из всех видов столовой посуды наиболее многочисленны миски с острым (биконическим) профилем бочка. Они делятся на два основных типа: закрытые (диаметр венчика меньше диаметра бочка) и открытые (с противоположным сочетанием диаметров). Встречаются крупные закрытые миски с округлым бочком. Отдельные экземпляры мисок изготовлены из грубого теста, большинство — из тонкой глины и покрыты лощением. Нередко их украшали по плечу орнаментальной полосой в виде зигзага или сетки. Бочок иногда оформлялся дополнительной профилировкой (срезы или косые каннелюры).

Трехручные гончарные вазы с широкими ленточными ручками и плоским Т-образным венчиком являются специфической особенностью черняховской культуры. Встречается и иное оформление деталей. Большинство ваз крупных размеров — до 40 см в диаметре. В черняховском ареале этот вид посуды распространен неравномерно. В Северном Причерноморье их находят реже, чем в других областях, что связано с культурно-этническими особенностями региона [Магомедов, 1987].

Кувшины являются наиболее типо-

логически разнообразным видом черняховской посуды. Некоторые из них скорее напоминают кружки. Известны кувшины без ручек, одно- и двухручные. Последние нередко изготавливались из «кухонной» глины. Декорировались обычно одноручные кувшины. Многие виды кувшинов локализуются в определенных регионах черняховской культуры [Магомедов, 1973]. Так, для Днепровского Левобережья характерны биконические узкогорлые сосуды, особенно с вертикальными каннелюрами на плечиках; биконические кувшины со среднешироким горлом — в Среднем Поднепровье. На Западной Украине распространены сосуды с округлым профилем бочка. На территории Румынии встречаются почти все типы черняховских кувшинов, а специфическими являются широкогорлые формы (в том числе типа кружек), а также подражания провинциально-римским типам.

Столовые горшки встречаются реже, чем перечисленные выше виды керамики. Оформление их довольно стандартно. Нередко у них горизонтальный венчик, а орнамент нанесен в виде пролощенного зигзага по плечу. Найдены они главным образом в Подунавье.

Керамические кубки, как и вазы, чаще всего встречаются среди погребального инвентаря. У большинства полусферическое дно, высота различна. Многие экземпляры изготовлены очень тщательно, поверхность тонких стенок покрыта черным лощением. Для орнаментирования широко использовались штампы. Такие кубки известны во всем черняховском ареале, но редко встречаются в Причерноморье.

Керамические кубки, как и вазы, чаще всего встречаются среди погребального инвентаря. У большинства полусферическое дно, высота различна. Многие экземпляры изготовлены очень тщательно, поверхность тонких стенок покрыта черным лощением. Для орнаментации широко использовались штампы. Такие кубки известны во всем черняховском ареале, но редко встречаются в Причерноморье.

К редким видам столовой керамики следует отнести имитации деревянных ведер. На единственном пока целом экземпляре из Каборги рельефно изображены железные детали — ушки и обручи.

Сосуды-хранилища (рис. 28, 5, 6) представлены лишь одним видом — корчагами или пифосами. Изготовлены они из глины с крупными включениями. Высота колеблется от 0,6 до 1 м, а объем измеряется несколькими десятками литров. У большинства сосудов массивный горизонтальный венчик, приспособленный под крышку. Орнамент — расчлененный валик или многоядная волна — помещался обычно в верхней части плечиков, а иногда и на венчике. Рельефный орнамент более распространен в Южном Побужье [Сымонович, 1956].

Гончарная керамика культуры карпатских курганов в основных чертах сходна с черняховской [Смішко, 1960; Вакуленко, 1977]. Она также имеет серый цвет черепка и делится на два сорта по составу формовочной массы и на три категории по функциональному назначению (кухонная, столовая, сосуды-хранилища). Удельный вес посуды, изготовленной на гончарном круге, в карпатском керамическом комплексе невелик: около 50 % в погребениях и 20 % на поселениях [Вакуленко, 1977.— С. 56], тогда как на подавляющем большинстве черняховских памятников она преобладает над лепной.

Кухонная посуда, представленная горшками, подразделяется дополнительно на две разновидности по количеству грубых примесей в глине. Сосуды светло-коричневого цвета с большим количеством дресвы (так называемая посыпная керамика) являются специфической особенностью культуры карпатских курганов. У горшков второй разновидности — серый цвет черепка, менее насыщенное примесями глиняное тесто и более гладкая поверхность. Обе разновидности объединяют округлая форма и тонкостенность, сложный тип венчиков, из которых особенно характерен S-видный

профиль. Орнаментировались горшки горизонтальной линией по плечу.

Столовая посуда в гончарном керамическом комплексе культуры карпатских курганов составляет подавляющее большинство. К ней относятся миски, вазы, кувшины, крышки, горшки и кубки.

Миски, как и в черняховской культуре, относятся к двум основным типам — закрытому и открытому. Вазы на высокой полой ножке на карпатских памятниках встречаются редко, но являются характерной особенностью керамического комплекса этой культуры. Известны отдельные находки трехручных ваз черняховского типа (Мишин, Переросль), а также двуручная ваза. Большинство кувшинов стройных пропорций и с высоким горлом. Кроме одноручных сосудов, среди которых встречаются биконические формы, известны округлобкие кувшины без ручек или с двумя ручками. Конические покрывки служили для закрывания горшков. Столовые горшки двух типов — округлые и биконические. Последние обычно оформлены горизонтальным венчиком. Глиняные кубки с круглым или плоским дном иногда украшены вертикальными линиями.

Сосуды-хранилища (пифосы), которыми пользовалось население культуры карпатских курганов, подобны одному из типов черняховских пифосов. Это крупные сосуды яйцевидной формы с массивным горизонтальным венчиком. Плечики и верхняя плоскость венчика часто украшались волнистым орнаментом.

На памятниках вельбарской культуры Северо-Западной Украины и на смешанных вельбаро-черняховских памятниках гончарная керамика практически не отличается от черняховской. Исключение составляют отдельные типы, повторяющие характерные черты лепной посуды. Так, на гончарных вазах и мисках встречаются маленькие ушки X-видной формы или в виде шишек без отверстия. В очень редких случаях известны фрагменты гончарных горшков с загнутым внутрь вен-

чиком и с так называемой хроповатой поверхностью. В подобном случае сформованный сосуд покрывали дополнительным слоем жидкой глины, которой затем специально придавалась шероховатая фактура.

Проблема формирования керамического комплекса любой археологической культуры — одна из важнейших проблем, связанная с их происхождением. Для культур Юго-Восточной Европы второй четверти I тыс. н. э. она осложняется сосуществованием гончарной и лепной посуды. Эти две части керамического комплекса возникли в результате различных социально-экономических процессов и их изучение дает разнообразную информацию. В отличие от лепной посуды, которая в значительной степени связана с культурно-этническими традициями, местная гончарная керамика является показателем уровня социально-экономического развития данной группы населения и направления ее культурно-технологических связей. Она представляет интерес и в культурно-этническом плане, так как в ней нашли отражение формы лепной керамики местного населения.

Рассматриваемые нами древние общества прошли различный путь освоения гончарного ремесла. Если для юго-восточной ветви вельбарских племен появление кружалной керамики явилось прямым следствием тесных контактов с черняховским населением, то для самой черняховской культуры, а также для культуры карпатских курганов проблема выглядит гораздо сложнее.

Еще не так давно сторонники славянской концепции черняховской культуры поддерживали мнение о местном развитии большинства типов ее кружалной посуды из зарубинецких лепных форм [Петров, 1964. — с. 88; Довженко, 1969. — С. 28—38; Сымонович, 1983. — С. 40]. Остальные исследователи считают, что основные формы гончарной керамики были восприняты вместе с технологией гончарного производства из обществ, уже знакомых с этим изобретением, но различающихся в конкретном направлении этого

заимствования. Авторы называют липицкую культуру [Брайчевский, 1964. — С. 120], дунайские провинции Рима [Федоров, 1960. — С. 127—128; Третьяков, 1966. — С. 9; Баран, 1981. — С. 97—98], греческие города Северного Причерноморья [Тиханова, 1973; Рикман, 1975. — С. 243—246; Магомедов, 1977. — С. 120]. Высказано мнение о раздельном заимствовании различных групп керамики: лощеной в липицкой культуре, шероховатой — с территории Дакии [Diasconu, 1970]. Подобное разнообразие взглядов на проблему явилось следствием того, что в черняховском гончарном комплексе можно найти общие элементы со всеми перечисленными культурами.

Сероглиняная гончарная посуда, подобная рассмотренной выше, в первые столетия нашей эры получает распространение во многих провинциях Римской империи и на соседних с ней территориях Восточной, Центральной и Западной Европы. Стиль, в котором выполнена вся эта керамика, получил название провинциально-римского. Основными его чертами являются: серый цвет черепка, специфический профиль бочка (преобладание биконического в столовой посуде и округлого — в кухонной), лощение поверхности столовой посуды и украшение ее пролощенным или штампованным орнаментом. Некоторые виды гончарной керамики, включая и наиболее массовые — горшки, миски и пифосы, без заметных различий повторяются во многих провинциальных и варварских культурах Европы, в том числе и на нашей территории. Широкое распространение керамики провинциально-римского стиля связано с возрождением кельтских традиций в гончарном ремесле и составляет часть общеевропейского явления, получившего название кельтский ренессанс [Щукин, 1973]. Важнейшей причиной этого явления были экономические и социальные перемены в среде варваров, ставших в римский период мощной политической силой и противопоставляющих себя Риму.

Второй причиной послужил процесс развития кризиса внутри Империи,

приведший к утрате Римом и Италией центрального привилегированного положения. «Варваризация» и «провинциализация», охватившие все стороны жизни античного общества, повлияли на ремесло и искусство, когда возрождаются старые местные традиции, во многих местах кельтские. В гончарном ремесле это проявилось в распространении кельтского обжигательного горна с двухкамерной топкой и провинциально-римской керамики, ведущие формы которой, представленные в черняховской культуре и культуре карпатских курганов (горшки, миски, пифосы), а также орнаментация посуды почти без изменений повторяют латенские прототипы*.

Конкретные пути проникновения провинциально-римского стиля в черняховскую среду проходят, по нашему мнению, через античные центры Северного Причерноморья. Традиция изготовления сероглиняной керамики сохранялась здесь с архаического времени, но особенно усиливается в первые века нашей эры. В гончарном производстве Ольвии, Тиря и их окружении появляются не свойственные ранее местному населению типы провинциально-римской керамики и соответствующие орнаментальные мотивы. Образцы этой продукции еще в раннеримское время проникают в среду населения, субстратного для черняховской культуры. Такая керамика в небольшом количестве известна на памятниках причерноморских поздне скифских племен [Магомедов, 1987]. От 2 до 13 % керамического комплекса она составляет (совместно с посудой липицкого типа) на пшеворских поселениях Западной Украины [Козак, 1984.— С. 23].

На новой ступени социально-экономического развития, вместе с ростом внутреннего рынка, у варварских племен лесостепной и степной Восточной Европы возникла потребность в продукции собственного гончарного ремесла. Закономерным следствием давних

контактов этих районов с античным Северо-Западным Причерноморьем явилось заимствование отсюда вместе с технологией изготовления гончарной керамики и ведущих ее форм — кухонных горшков, биконических лощеных мисок, пифосов.

Для культуры карпатских курганов исторически сложилось другое направление культурных связей — с Подунавьем. На этом, а также на анализе керамических типов основано предположение о заимствовании общих провинциально-римских форм гончарной посуды именно из этих районов [Смішко, 1960.— С. 138; Вакуленко, 1977.— С. 29—30].

Более сложное происхождение имеют другие формы гончарной керамики названных культур. Все они выполнены в одном стиле и технике, но прототипами им служили различные модели. Черняховские и вельбарские трехручные вазы аналогичны лепным сосудам, широко распространенным среди племен пшеворской и других культур территории Польши и Восточной Германии. Для северных областей вельбарской культуры они не характерны. Вазы, встречающиеся на вельбарских и смешанных вельбарско-черняховских памятниках, как правило, ближе к пшеворским прототипам. Элементы, характерные для типичных черняховских ваз — горизонтальный венчик и широкие ленточные ручки, появились в результате влияния причерноморской гончарной техники. Обнаружение отдельных ваз этого типа на памятниках карпатских курганов объясняется связями с черняховской культурой [Смішко, 1960.— С. 94].

Большое разнообразие форм черняховских кувшинов объясняется их различным происхождением. Аналогии им известны среди гончарной и лепной посуды античных центров Северного Причерноморья, на гето-дакийских, сарматских и зарубинецких памятниках [Магомедов, 1973]. Крупные сосуды в виде кружек и двуручные кувшины известны и в вельбарской культуре [Каспарова, Щукин, 1979.— С. 161—164], хотя последние сходны и с античной посудой.

* См. например: Filip, 1956.— Tab. CVI, CVII; CXI, 17, 18 20; CXIII, 5; CXVIII, 1; CXX, 10; CXXXIII, 2; CXXXI, 1.

Несколько типов черняховской керамики формой повторяют изделия других культур. Из кувшинов к ним относятся экземпляры с округлым корпусом и косыми или вертикальными каннелюрами. Тип возник как подражание металлическим изделиям провинциальных мастерских конца IV — начала V в. [Кропоткин, 1973]. К форме римских стеклянных чаш восходят черняховские керамические кубки с полусферическим дном. Однако их орнаментация лишь в редких случаях напоминает рельефную отделку стеклянных изделий (гранение, капли), чаще они украшены мотивами, свойственными местным племенам. Керамические наследования провинциально-римским кубкам встречаются и в культуре карпатских курганов. Редкий для черняховской культуры тип ведерковидных сосудов занесен с территории Польши, где они аналогичны добродзеньской группе позднешеворских памятников IV — начала V в. [Szydlowski, 1976]. Эти керамические изделия происходят от северо- и центральноевропейских деревянных ведер с металлическими деталями. Подобные изделия встречаются и среди черняховского инвентаря.

Среди гончарной керамики культуры карпатских курганов, в целом восходящей к провинциально-римским образцам, выделяются вазы на высокой ножке. На территории Центральной Европы они встречаются в довольно широком хронологическом диапазоне, преимущественно среди гето-дакийских культур, в частности на памятниках липицкой культуры и культуры Поенешти-Вертишкой [Smiszko, 1932. — II. VII, 8, 12, 15; Bichir, 1967. — P. 194, 196].

Анализ гончарной посуды культур Восточной Европы второй четверти I тыс. н. э. подтверждает ее принадлежность к широкому кругу керамики провинциально-римского стиля. При этом черняховская культура в основном заимствовала этот стиль из античных центров Северо-Западного Причерноморья, а культура карпатских курганов — из Подунавья. Кроме того, гончарный керамический комплекс

местных племен обогатился типами традиционной лепной посуды. В керамике полиэтнической черняховской культуры прослеживаются формы, восходящие к пшеворским, зарубинецким, вельбарским, гето-дакийским, сарматским прототипам. При создании форм гончарной керамики этнически более монолитных культур карпатских курганов и вельбарской нередко использовались местные образцы.

7. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ И БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ, ПРЕДМЕТЫ УБОРА, ОРУЖИЕ

Во второй четверти I тыс. н. э. у племен Восточной Европы по сравнению с предшествующим периодом значительно увеличиваются количество и ассортимент различных изделий, применявшихся в производстве и быту. В сельском хозяйстве и ремесле появляются новые прогрессивные орудия труда, изготовленные по большей части из высококачественного железа.

Возросшие материальные возможности и культурный уровень населения, проникновение элементов провинциально-римского уклада жизни способствовали развитию ремесла. Широко распространяются различные предметы хозяйственного обихода, принадлежности туалета, украшения, часть которых поступала в Восточную Европу путем внешней торговли.

Изменения в сфере материальной культуры произошли благодаря глубоким сдвигам в экономическом и социальном укладе восточнославянских племен. Общий подъем экономики наиболее заметно выразился в типах земледельческих орудий, более прогрессивных, чем в предшествующее время. В позднеримское время в Восточной Европе впервые получают массовое распространение железные наконечники для упряжных пахотных орудий. Использовали также ручные орудия — лопаты и мотыги. Убирали урожай серпами и косами. Перемалывали зерно каменными жерновами, которые появляются только в это время.

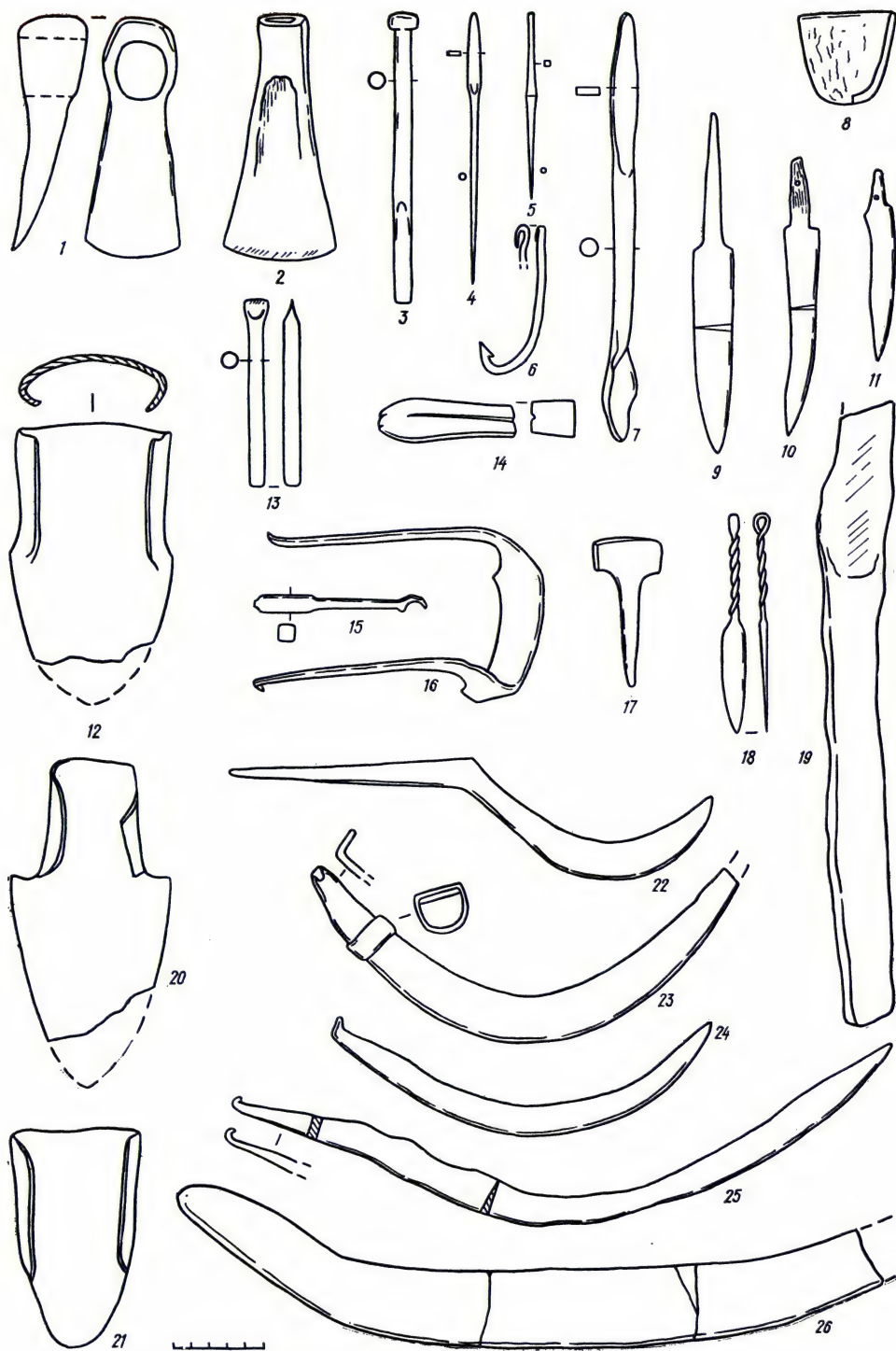

Рис. 29. Орудия труда второй четверти I тыс. н. э.:

1, 5, 14, 25 — Хлопков; 2, 19 — Репнев II; 3, 8, 16, 23 — Роище; 4, 9, 13 — Компанийцы; 6 — Тайманово; 7 — Теремцы; 10 — Переяслав-Хмельницкий; 11 — Ульяновка 12 — Глинск; 15 — Бовшев II; 17 — Новые Безрадицы; 18 — Лохвица; 20 — Нерушай; 21 — Волошское; 22 — Викнины Великие; 24 — Обухов VII; 26 — Каменка-Анчерак. 1—4, 6, 7, 9—13, 15—17, 19—26 — железо; 5, 18 — бронза; 8 — керамика; 14 — камень.

Несомненно, из рассматриваемых культур наиболее экономически развитой следует признать черняховскую. На ее памятниках найдено подавляющее большинство различных сельскохозяйственных орудий. Среди материалов вельбарской и киевской культур, население которых заимствовало основные нововведения у черняховских племен, а также в культуре карпатских курганов, этих материалов значительно меньше. О типах применявшихся упряжных орудий можно судить только по сохранившимся железным деталям — наральникам (сошникам) и отдельным экземплярам чересел (рис. 29, 12, 19—21).

Известны наральники двух типов: узко- и широколопастные. К первому относятся наральники с одинаковой шириной лезвия и втулки (турбицы). По форме лопасти они делятся на несимметричные (со сдвинутым в сторону острием) и симметричные. У наральников второго типа, широколопастных, ширина лезвия превышает ширину втулки, образуя как бы «плечики». На черняховских и вельбарских поселениях найдено более 20 наральников обоих типов (Ягнятин, Кринички, Волошское, Репнев II, Тилигуло-Березанка и др.). Сошники киевской культуры представлены двумя узколезвийными экземплярами (Ульяновка, Обухов VII). Памятники культуры карпатских курганов таких находок не дали.

Железные наральники в Восточной Европе впервые начали широко применяться черняховскими племенами и продолжали бытовать у раннесредневековых славян. Их происхождение следует связывать с дунайскими провинциями Рима, где они существовали наряду с другими типами сошников.

Находки мотыг единичны. Вероятно, ими возделывали огородные культуры. Легкие мотыги с треугольным лезвием найдены на черняховском поселении Дарьевка и черняховско-вельбарском Лепесовка. Более тяжелый тип орудия обнаружен на черняховском поселении Русяны в Молдавии.

Небольшой мотыгой с узким лезвием пользовались и земледельцы куль-

туры карпатских курганов. Лопаты обычно делали полностью из дерева, лезвия иногда оковывали железом (Киселово, Поенешти в Румынии).

Убирали урожай в основном серпами. Известны два типа этого орудия, наиболее заметное отличие которых состоит в способе крепления рукоятки (рис. 29, 22—25). У серпов первого типа (более архаичных) она крепилась к пластине в тыльной части орудия, конец которой отогнут в сторону. У серпов второго типа, появившихся в римское время, деревянная рукоять насаживалась на черенок, расположенный под углом к лезвию. Серп первого типа найден на поселении киевской культуры Роище. Он аналогичен находкам на черняховских памятниках, где известны орудия обоих типов, а их общее количество насчитывается десятками. Так, в Чернелове-Русском найден клад из девяти серпов и четырех кос.

До распространения черняховской культуры косы в Восточной Европе были известны только на античных поселениях Северного Причерноморья. Кроме упомянутого клада они найдены на поселениях Каменка-Анчекрак, Снигиревка, на вельбарских поселениях Лепесовка и Великая Слобода (рис. 29, 26).

Важным нововведением при первичной переработке продуктов земледелия было внедрение ручных мельниц: их применение, по сравнению с зернотерками, повышало производительность труда в 3—4 раза [Федоров, 1960. — С. 106]. Иногда зернотерки находят на памятниках черняховской и киевской культур, но их количество, по сравнению с ротационными жерновами, ничтожно мало. Каменные жернова являются обычной находкой на поселениях всех описываемых культур. Они изготовлены из плотного известняка, песчаника или гранита. Известна серия жерновов, вытесанных из туфа, месторождение которого известно у с. Луговая (Винницкая область) на территории черняховской культуры. Отсюда готовые изделия поступали не только в окрестные поселения, но и экспортировались в киевскую культу-

ру, что свидетельствует об их централизованном ремесленном производстве [Хавлюк, 1980].

Диаметр жерновов приблизительно одинаков — около 40 см, однако различаются они способом соединения камней. Существует несколько различных реконструкций ручных мельничных устройств (см. рис. 81) [Симонович, 1952; Винокур, 1970; Хавлюк, 1977; Минасян, 1978]. В основном они схожи: в рабочем положении нижний жернов устанавливался на неподвижном основании, а верхний — приводился во вращательное движение с помощью рычага. Рычаг представлял собой либо рукоятку, закрепленную на ребре верхнего камня, либо длинный стержень, соединенный одним концом с выемкой у края жернова, а другим — с неподвижной точкой непосредственно над осью устройства. У одного типа ручных мельниц нижний камень имел отверстие, через которое проходила ось. На нее опиралась порхлица, закрепленная в отверстии верхнего камня (через него же засыпалось зерно). У другого типа в центре нижнего камня было сделано углубление, в которое опиралась ось, закрепленная в отверстии верхнего жернова. В предшествующий период ротационные ручные мельницы были широко распространены в римских провинциях и в Северном Причерноморье. В конце античной эпохи мельницы второго типа в Восточной Европе выходят из употребления, однако первый тип, унаследованный от населения культур второй четверти I тыс. н. э. раннесредневековыми славянами, в практически неизменном виде бытует вплоть до настоящего времени [Минасян, 1978].

Редкой находкой являются остатки двух ножных рычажных ступ на черняховском поселении Каменка-Анчекрак. О степени их распространенности судить невозможно, так как обычно они изготавливались полностью из дерева (в реконструированном экземпляре некоторые детали каменные — см. рис. 81, 3). Такие ступы применялись в основном для лущения проса, а также для приготовления крупы из других злаков. Как и ручные мельницы,

они сохранялись у славян в раннем средневековье и дошли, по этнографическим свидетельствам, до наших дней [Hegmann, 1976.— S. 37].

Небольшая группа изделий связана с животноводством, охотой и рыболовством. На поселениях черняховской (Леськи, Кобуска-Веке) и киевской (Ульяновка) культур найдены примитивные железные колокольцы-ботала, которые привязывали на шею скоту. На охоте помимо специальных орудий применяли боевое метательное оружие, особенно лук и стрелы. Изредка встречаются костяные наконечники. Некоторые типы железных наконечников трактуются исследователями как охотничьи [Федоров, 1960.— С. 108; Брайчевский, 1965.— С. 74]. Изредка встречаются рыболовные крючки (Ханска-Лутэрия). На ряде поселений найдены грузила для рыболовных сетей. Плели их, как считают, при помощи заостренных с обоих концов костяных игл, нередко встречаемых на поселениях (рис. 30, 13). Свидетельством морского рыболовства можно признать находки каменных якорей в виде плиты с отверстием на некоторых причерноморских памятниках черняховской культуры (Киселово, Ранжевое).

Многочисленные орудия труда применялись в различных ремесленных производствах и домашних промыслах. Инструменты, связанные с обработкой металлов, на памятниках рассматриваемых культур встречаются редко. Полное представление о них можно составить по более многочисленным находкам с территории Польши, где племена пшеворской культуры имели примерно такой же уровень металлообработки [PZP.— Т. 5.— S. 349—351]. На поселениях культур черняховской и карпатских курганов найдены зубила (рис. 29, 13) и пробойник. Нередко встречаются глиняные тигли-лячки, применявшиеся в ювелирном ремесле для плавки цветных металлов (рис. 29, 8) [Петров, Кравченко, 1961]. В мастерской черняховского поселения у с. Сокол обнаружен набор глиняных тиглей, а также миниатюрное зубильце. Для ювелирного производства могла применяться и маленькая накова-

ленка из Новых Берзадичей (киевская культура) (рис. 29, 17).

Гораздо чаще встречаются орудия для обработки дерева. Это топоры, тесла, долота, скобели, сверла, найденные на черняховских поселениях Бовшев, Ранжевое, Леськи, Иванковцы, Будешты и др. (рис. 29, 1—3, 7, 16). В Бовшеве и Поенешти (Румыния) встречены токарные резцы для дерева (рис. 29, 15).

Применялись и специализированные инструменты — ложкари (Цахнауцы, Глеваха). На черняховско-вельбарском поселении Лепесовка обнаружены скобели, долота, шилья; на киевском поселении Роище — серию плотницких инструментов: скобель, долота, сверло. Затачивались инструменты брусками из песчаника (оселки) (рис. 29, 14).

Повсеместно находят такие универсальные орудия, как шилья из железа и бронзы, а также ножи (рис. 29, 4, 5, 9—11). Длина клинка у большинства железных ножей достигала 12 см при ширине 1—2,5 м. Деревянная или кожаная рукоять крепилась на коротком черенке. На лезвиях иногда сохраняются следы кожаных чехлов. Немногочисленные ножи с лезвием, плавно переходящим в черенок, типологически связаны с культурами предшествующего времени. Со второй четверти I тыс. н. э. изделия с четкими уступами, отделяющими лезвие от черенка, становятся ведущим типом и продолжают бытовать в средневековье [Миhasян, 1980. — С. 13]. Среди черняховских ножей выделяется тип с длинной металлической ручкой и, как правило, с ланцетовидным лезвием (рис. 29, 18). Изготовлены они из высококачественной стали или бронзы. Есть предположение об их применении в качестве хирургических инструментов [Сымонович, 1971].

Обычной находкой на поселениях и могильниках являются глиняные пряслица — маховики из деревянных веретен (рис. 30, 14—19). Как правило, они изготавливались из глины, хотя встречаются экземпляры из кости и мергеля и даже стеклянные. Форма глиняных пряслиц различна. Для культур Юго-Восточной Европы позд-

неримского времени наиболее характерны так называемые биконические пряслица диаметром 3—4 см. Эта форма сохранилась и у ранних славян. У пряслиц киевской культуры низкий корпус и широкое отверстие. Найдены здесь и округлые экземпляры (рис. 30, 16, 17). На черняховских памятниках обычны биконические пряслица с вогнутыми основаниями. Редки — с гранеными боковыми поверхностями, а также цилиндрически округлые и конические. Находки черняховских пряслиц в форме конуса с вогнутым основанием (рис. 30, 14) сконцентрированы в верховьях Днестра и Западного Буга. В предшествующее время подобные изделия встречаются в этом же районе на памятниках липицкой и пшеворской культур. В районах, богатых античными импортами, нередко пряслица, изготовленные из амфорных стенок. Стеклянные пряслица, как и остальные привозные изделия, встречаются на обширной территории. Полусферические костяные пряслица изготавливали из круглых суставов крупных животных.

Некоторые глиняные биконические пряслица украшены срезами по ребру (подобно сосудам), простыми прочерченными и точечными орнаментами. Встречаются группы штрихов или насечек, а иногда и более понятные знаки. На двух экземплярах из Роище изображены символы солнца. В погребении женщины на черняховском могильнике Лецкани в Румынской Молдове обнаружено пряслице с готской рунической надписью. Одна ее строка переводится: «Здесь ткань Идо (Адо)», на другой читается: «Ранго» (как сокращение вестготского женского имени Рангахильда) [Blosiu, 1975. — р. 231].

Деталими деревянных веретен являются помимо пряслиц и так называемые клюковидные булавки — бронзовые стержни, нередко скрученные, с крючком на одном конце. В погребениях их обычно находят вместе с пряслицами.

С ткацким производством связывают находки небольших железных гребней [Сымонович, 1968] (рис. 30, 5, 9).

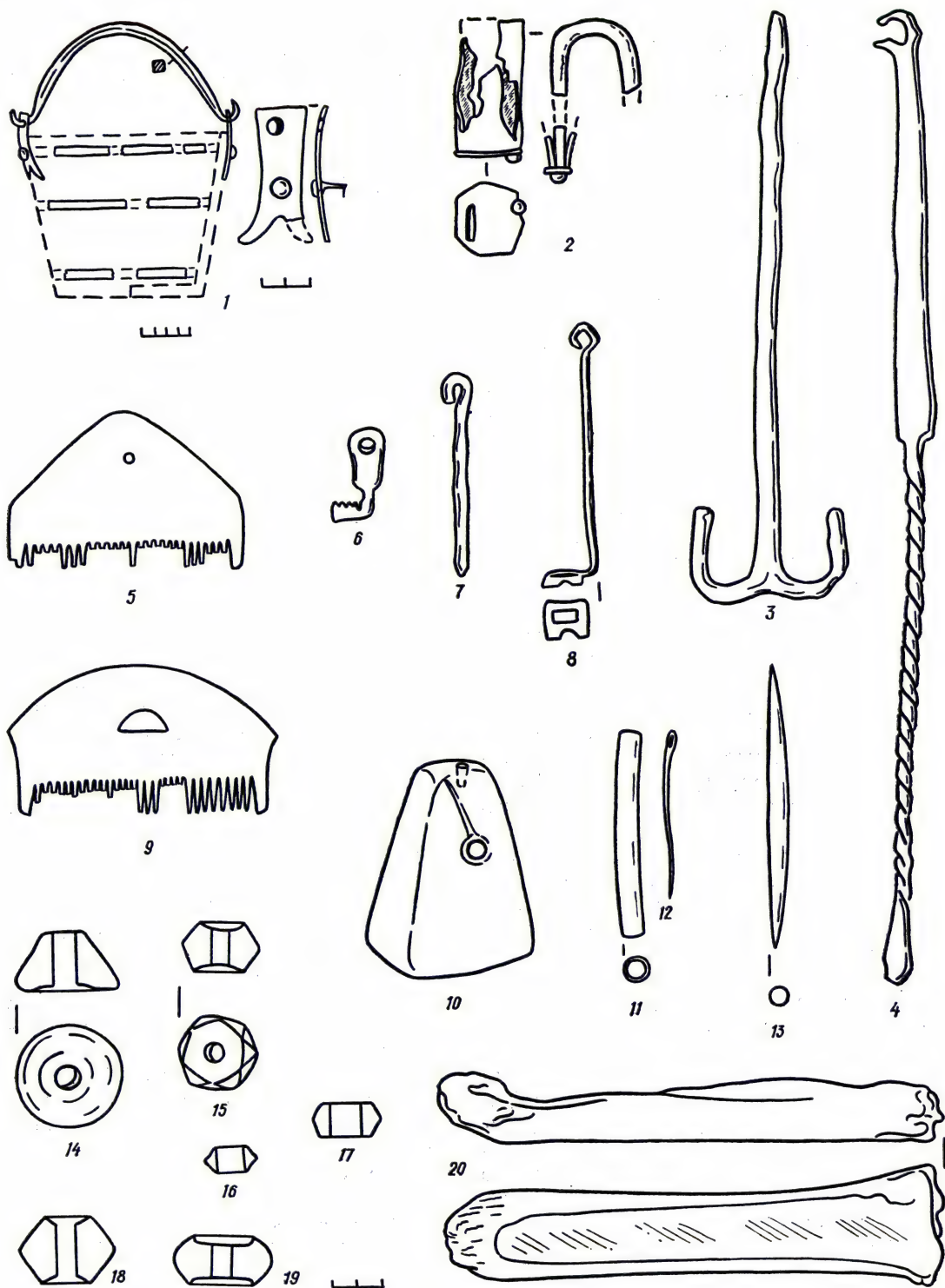

Рис. 30. Орудия труда и бытовой инвентарь второй четверти I тыс. н. э.:

1 — Компанийцы; 2, 20 — Каборга IV; 3, 4, 8, 14 — Репнев II; 5 — Ягнятин; 6 — Ружичанка; 7 — Глеваха; 9 — Кринички; 10, 13, 18, 19 — Хлопков; 11, 12 — Сад; 15 — Лохвица; 16, 17 — Ульяновка. 1—9 — железо; 10, 14—19 — керамика; 11, 13, 20 — кость; 12 — бронза.

В отличие от гребней из оленьего рога, в составе погребального инвентаря они не встречаются. Они найдены на черняховских поселениях Ерквцы, Журовка (два экземпляра), Кринички, Лепесовка, Новые Безрадичи, Писаревка, Шершни, Ягнятин, Кобуска Веке. По основным признакам они аналогичны предметам из Центральной и Северной Европы [Thomas, 1960]. Длина черняховских гребней колеблется от 7 до 11 см при толщине пластинок около 2 мм. Зубцы обычно короткие. Форма спинки у большинства экземпляров полукруглая или подтреугольная с отверстием: маленькое круглое или побольше — полукруглое. Исключение составляет экземпляр из Шершней, у которого высокая спинка с выделенными плечиками. Отверстия в пластинке нет. Очевидно его сходство с роговыми гребнями третьего типа (см. ниже).

Деталими вертикальных ткацких станков являются грузила конической и пирамидальной форм, которые находят в жилищах целыми сериями (рис. 30, 10). Многочисленны железные и бронзовые иглы. В погребениях они нередко лежат в костяных футлярах (игольниках) (рис. 30, 11, 12).

Для обработки кожи применялись различные костяные орудия — тупики из ребер крупного рогатого скота, лощила различных форм, в том числе так называемые коньки (рис. 30, 20). Шили кожаные изделия при помощи металлических шилей и костяных проколов. Примером такого изделия является глиняная модель обуви из каборгского могильника [Магомедов, 1987. — Рис. 25, 4].

Многочисленные находки различных предметов, связанных с ведением домашнего хозяйства, украшения, детали одежды, туалетные принадлежности свидетельствуют о возросшем, по сравнению с предшествующим временем, уровне культуры племен второй четверти I тыс. н. э.

Кроме разнообразной глиняной и стеклянной посуды бытовали емкости из других материалов: деревянные ведра с железными ручками, ушками и обручами. Такое ведро было поставле-

но в одно из погребений Компанийцевского могильника (рис. 30, 1). Общее представление об этих изделиях можно составить по глиняному сосуду — имитации ведра из Каборги. На черняховских памятниках Причерноморья довольно часто встречаются корыта, изготовленные из мягкого известняка.

С развитием частной собственности связано появление дверных замков в жилищах черняховских племен (рис. 30, 2, 3, 6, 8); деревянные замки-засовы запирались железными ключами якоревидной или крюковидной формы (Кринички, Костянец, Лески, Репнев II, Собарь, Делекеу и др.). Подобные ключи известны и в культуре карпатских курганов (Иза). Обнаружены железные цилиндрические замки с пружинным механизмом (черняховские памятники Репнев II, Каборга, Гавриловка, Ружичанка), аналогичные древнерусским изделиям. Ключи от таких замков найдены в Репневе и Великой Снетинке.

Кресала для высекания огня известны в инвентаре черняховских погребений (Тыргшор и Могошани в Румынии) и на поселении Великая Снетинка. Этот тип в виде плоского стержня с кольцом распространен в пшеворской и других центральноевропейских культурах. Подобные кресала обнаружены и на поселениях киевской культуры Глеваха и Тайманово (рис. 30, 7).

На черняховских поселениях встречаются стержни из железной скрученной проволоки иногда с вилкой на конце (Репнев II, Демьянов II, Глеваха) (рис. 30, 4). Возможно, они играли роль своеобразных ухватов в бронзолитейном производстве. Подобные предметы из Западной Европы считаются кухонными предметами. Изредка встречаются бронзовые колокольчики (Черняхов, Ружичанка), детали римских бронзовых весов (Лепесовка), гвозди, скреплявшие какие-то деревянные изделия.

Металлические детали одежды обычно являлись и украшениями. Наиболее многочисленны бронзовые, железные или серебряные фибулы, служившие застежками для плащей.

В черняховском и вельбарском жен-

ском костюме нередко использовались две фибулы, соединенные шнурком или цепочкой. Во второй четверти I тыс. н. э. в Восточной Европе одновременно существовало несколько типов фибул, в деталях оформления которых проявлялись этнографические черты отдельных культур. На черняховских памятниках бронзовые подвижные фибулы с длинной надставной пружиной часто встречаются со сплошным приемником иглы (воинские).

Для вельбарской культуры характерны южнобалтийские варианты с декоративными проволочными кольцами на корпусе. Фибулы киевской культуры нередко изготовлялись из железа, конструкция подвижная с длинной тетивой. В отличие от многих других категорий вещей, форма фибул менялась в соответствии со вкусами заказчика *. Фибулы II—III вв. небольших размеров почти лишены украшений (исключение составляют некоторые изделия западных образцов). Более поздние экземпляры IV — начала V вв. часто массивны и украшены разнообразными фасетками, гранями, пуансоном. Распространяется тип так называемых двущитковых фибул, нередко серебряных (см. рис. 35, 21, 25). На румынских могильниках встречаются экземпляры, покрытые золотой фольгой со вставками (Изворул, Кокалеци), а в составе Петроаского клада — четыре золотых фибулы в виде орлов с инкрустацией из драгоценных камней [Федоров, Полевой, 1973].

Пряжки украшались скромнее (рис. 31, 1—9). Черняховские изделия, как правило, небольшого размера, рамка овальной формы с утолщенной передней частью. Иногда они снабжены обоймой с заклепками для крепления кожаного пояса. На вельбарских, карпатских и некоторых черняховских памятниках встречаются центральноевропейские пряжки с двухчастной рамкой (тип «омега»). Встречаются рамки в виде спаренных овалов. Для

* Более подробный анализ фибул как датирующего материала см. в разделе «Хронология и периодизация».

экземпляров конца позднеримского и гуннского времени характерны язычки с клювообразно загнутым концом. Пряжки ковали или отливали из железа, бронзы и серебра, язычки оформляли фасетками, но встречаются и поздние экземпляры с зооморфной орнаментацией.

В инвентаре могильников черняховской и вельбарской культур широко представлены различные украшения (рис. 32, 1—40). Чаще всего встречаются различные подвески и бусы, реже — серьги, височные кольца, браслеты, гривны. Кроме эстетических функций, многие украшения выполняли роль амулетов.

Разнообразны по форме и материалу подвески. Обычно их вплетали в прическу или крепили к ожерелью. На многих памятниках известны изделия в виде миниатюрных емкостей, предназначенные, по мнению исследователей, для ношения ароматических веществ. Как правило, они имеют форму ведерка, реже встречаются корзиноподобные или треугольные (последние два типа более характерны для пшеворской культуры). Изготавливались такие подвески из бронзы и железа. Исключение составляет золотой экземпляр из Рыжевки, украшенный зернью.

Специфической особенностью киевской культуры является распространение украшений так называемого варварского стиля — выемчатые эмали и разнообразные пластинчатые подвески (трапециевидных, лунниц и др.).

Украшения в виде бронзовых и серебряных пластинок прямоугольной, круглой, полумесячной формы (лунницы) считаются символами солнца и луны (Черняхов, Косаново, Тыргшор и др.). Видимо, амулетами являлись и пирамидальные подвески, оформленные циркульными кружками. Незамысловатые по способу изготовления кольца из бронзовой, серебряной или золотой (Курники) проволоки с завязкой иногда дополнялись стеклянными бусами. Реже встречаются стеклянные подвески когтевидной формы.

Янтарные грибовидные подвески своим происхождением связаны с

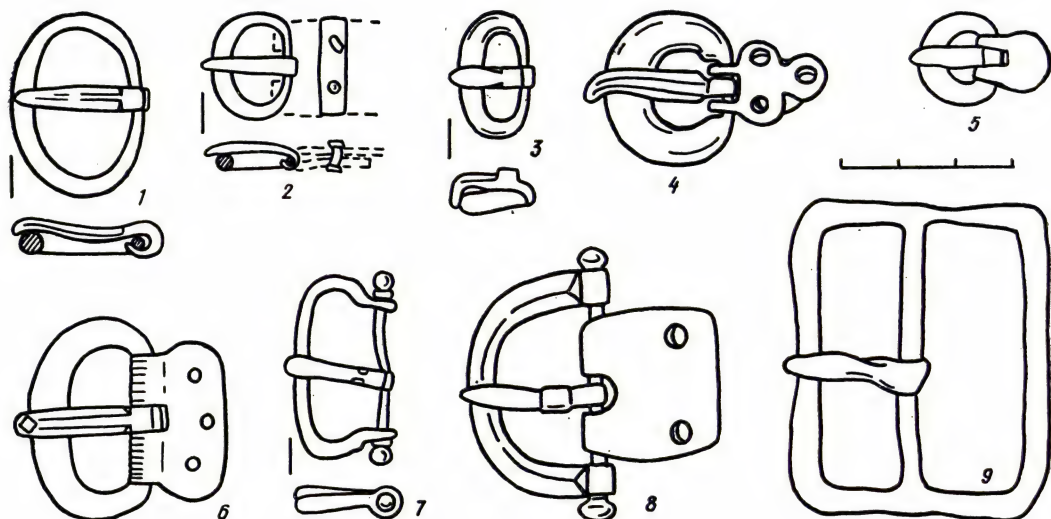

Рис. 31. Бронзовые пряжки второй четверти I тыс. н. э.:

1, 4, 7 — Косанов; 2 — Сосновка; 3 — Журовка; 5 — Кантемировка; 6 — Рыжевка; 8 — Новоалександровка; 9 — Деревянное.

вельбарской культурой (Ружичанка, Косаново, Рыжевка). Уникальна миниатюрная бронзовая фигурка льва с кольцом для подвешивания из Черепина. В погребениях иногда встречаются подвески-амулеты из морских раковин (Черняхов, Гавриловка, Ружичанка, Бережанка и др.), из клыков кабана (Ружичанка, Тыргшор) или медведя (Косаново). Амулет из когтя медведя найден на киевском поселении Выбли. Иногда в качестве подвесок использовали римские монеты (Черняхов, Баев).

На южных черняховских памятниках встречаются серьги. Экземпляр с овальным щитком найден в Каборге, с круглым — в Ранжевом. Известны височные кольца из бронзовой проволоки (Компанийцы, Косаново). Вельбарские, черняховские и киевские браслеты обычно изготавливались из бронзового прута (Баев, Косаново, Журовка, Репнев, Роище и др.). В культуре карпатских курганов встречаются браслеты из железа (Мишин, Иза). На поздних черняховских и киевских поселениях — массивные бронзовые браслеты с утолщенными концами (Теремцы, Хлопков, Ульяновка). Известны экземпляры из бронзовых пластин, в том числе с пуансонным орнаментом (Кринички, Косаново). Иногда встречаются гривны простой конструкции из круглой в сечении бронзовой прово-

локи с замком из крючка и петли (Косаново, Черепин). Обломок похожей серебряной гривны найден на могильнике культуры карпатских курганов Переросль.

Очень разнообразны по форме и материалу бусы. Женские погребения на черняховских и вельбарских могильниках нередко сопровождаются наборами этих украшений. Бусы из стекла различаются цветом и формой (округлые, линзовидные, 14-гранные, прямоугольные и т. д.). Некоторые бусины оформлены разноцветными «глазками» и нитями. Широкое распространение получил в черняховской культуре сердолик, особенно бусы 14-гранной формы. Реже встречаются изделия из янтаря, коралла, горного хрусталя, алебаstra, фаянса, бронзы. Судя по применявшимся материалам, подавляющее большинство бус поступало в Восточную Европу в виде импорта.

Из туалетных принадлежностей на памятниках позднеримского времени наиболее часто встречаются гребни общеевропейских типов, изготовленные из оленьего рога (рис. 33, 1—10). Их классификация на западноевропейском материале подробно разработана

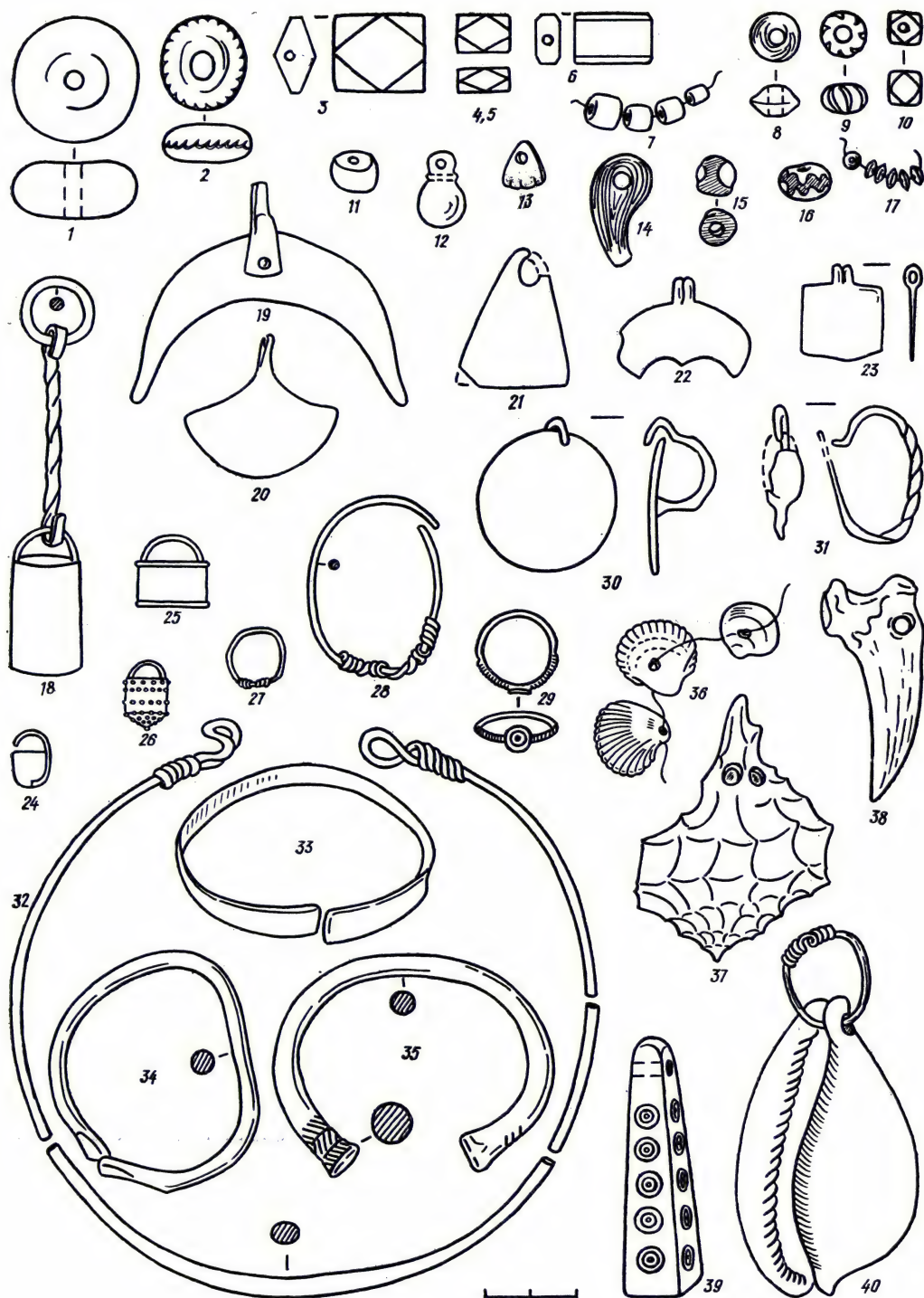

Рис. 32. Украшения второй четверти I тыс. н. э.:

1—6, 8—11, 15—17 — Успенка; 7, 36, 37 — Сад; 12, 25 — Рыжовка; 13, 24, 28 — Компанийцы; 14 — Каменка-Анчекрак; 18, 39, 40 — Лохвица; 19 — Глеваха; 20, 29 — Теремцы; 21, 34 — Хлопков; 22, 23, 32 — Косаново; 26 — Ромашки; 27 — Курники; 30 — Коблево; 31 — Каборга IV; 33 — Кринички; 35 — Ульяновка; 38 — Выбли. 1, 2, 8—10, 14—17 — стекло; 3—6 — сердолик; 7 — коралл; 11—13 — янтарь; 18, 24 — железо; 19—23, 25, 28—31, 33—35 — бронза; 26, 27 — золото; 32 — серебро; 36, 37, 40 — раковины; 38 — медвежий коготь.

С. Томас, а на черняховском — Г. Ф. Никитиной [Thomas, 1960; Никитина, 1969].

Все гребни римского времени делятся на две группы: одно- и трехслойные. Однослойные изготовлены, как правило, из одной роговой пластины, но могут состоять и из двух-трех частей, скрепленных продольными металлическими стержнями. Многослойные гребни более сложной конструкции. Они набраны из нескольких пластин с зубцами, закрепленных бронзовыми или железными заклепками между двумя пластинами-накладками. Известны отдельные экземпляры гребней, повторяющие форму многослойных, но изготовлены из одной пластины (Сад, Ружичанка). Хотя по конструкции они принадлежат к первой группе, по остальным признакам их следует относить ко второй.

В Юго-Восточной Европе гребни первой группы (однослойные) встречаются из наиболее ранних для этой территории памятниках вельбарской культуры (Брест-Тришин, Могиляны-Хмельник, Лепесовка) и датируются второй половиной II — первой четвертью III в. (фаза С1а). Спинка треугольной или полукруглой формы, нередко украшена циркульными кружками, прочерченными линиями или рельефом (рис. 33, 1—3).

Трехслойные многочастные гребни представлены во всех культурах Юго-Восточной Европы второй четверти I тыс. н. э., но наиболее массово на черняховских памятниках. По форме спинки они делятся на три типа, в каждом из которых выделено несколько вариантов [Никитина, 1969]. Хронологические рамки их бытования в черняховской культуре уточнены по материалам погребальных комплексов [Гороховский, 1985].

К первому типу относятся гребни с полукруглой спинкой. Вариант с высокой спинкой в виде правильного полукруга (IВ1) существовал на протяжении IV в. (рис. 33, 4). Остальные полукруглые варианты более низких пропорций (IВ1 а — в), а также вариант подтреугольной формы (IВ2) наиболее характерны для более ранних комп-

лексов второй трети III — начала IV в. (рис. 33, 5, 6).

Гребни второго типа со спинкой в виде трапеции (рис. 33, 7) синхронны первому. Гребни третьего типа, спинка которых имеет выступающую полукруглую среднюю часть и низкие плечики, появляются в IV в. (рис. 33, 8). К наиболее позднему варианту IIIВ1а (последняя четверть IV — первые десятилетия V в.) относятся экземпляры с высокой средней частью, отделенной от прямых плечиков острым углом (рис. 33, 9). Трехслойные многочастные гребни иногда украшались гравированным орнаментом из циркульных кружков или линий. На могильнике у с. Ромош и на некоторых памятниках Румынии найдены экземпляры с изображениями животных, по-видимому, оленей.

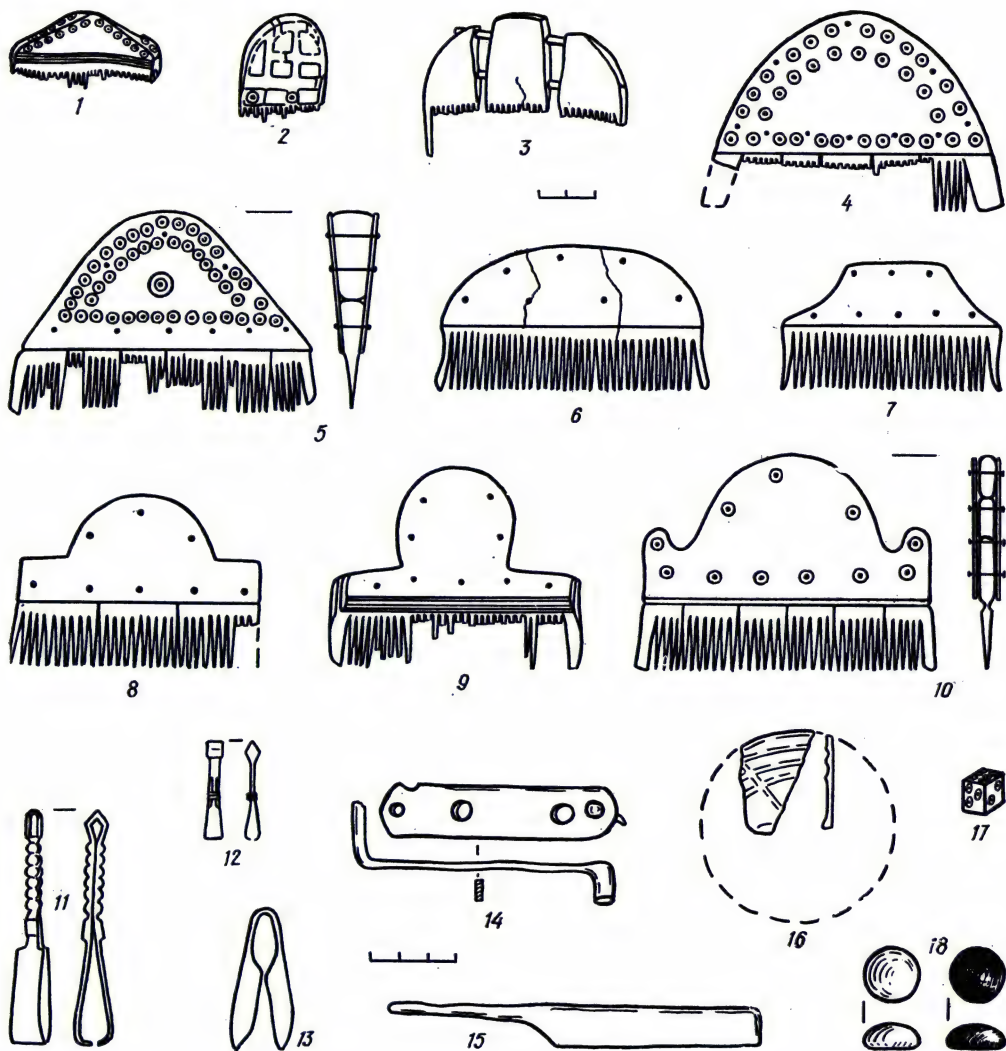
В раннесредневековое время описанные типы гребней исчезают, уступая место двусторонним гребням, получившим распространение на раннеславянских памятниках.

Несколько экземпляров бритв с прямым или, реже, изогнутым клинком обнаружено на поселениях киевской культуры (Роище, Тайманово и др.) (рис. 33, 15).

На черняховских и вельбарских памятниках встречаются пинцеты и миниатюрные ножницы, имевшие, по-видимому, туалетное назначение (рис. 33, 11, 12). Они изготовлялись из бронзы, реже из серебра, нередко украшались фасетками и гранями. На памятниках этих же культур находят металлические детали (накладки, замки) от деревянных ларцов (Косаново, Переяслав-Хмельницкий, Думаново, Зячевка и др.) (рис. 33, 14). Редкой находкой являются обломки круглых импортных зеркал из белого сплава (Ульяновка) (рис. 33, 16).

О распространении в среде черняховских племен влияния провинциально-римского быта свидетельствуют находки принадлежностей для игр (рис. 33, 17, 18). В погребении Переяславского могильника обнаружен набор из 22 черных и белых стеклянных жетонов. Подобные изделия известны и на других памятниках [Сымонович,

1964а]. Найдены и кубические игральные кости с обозначением на гранях чисел от 1 до 6 (Каборга, Кантемировка).

Находки в погребениях (обычно это трупосожжения пшеворского типа) дают представление о снаряжении воинов (рис. 34, 1—18). В комплекс захоронения представителя знати из Компанийцевского могильника входили меч, умбон, рукоять от щита, боевой топор, наконечник копья и конские удила. В погребение могильника Ханска-Лутэрия выявлены кинжал, копьё, дротик, стрелы. Видимо, погребения, где лежали одно копьё, топор, щит или стрелы (Балцаты, Тыргшор,

Рис. 33. Принадлежности туалета и игр второй четверти I тыс. н. э.:

1—3 — Брест-Тришин; 4 — Компанийцы; 5, 17 — Каборга IV; 6, 7 — Раковец; 8, 10, 18 — Переяслав-Хмельницкий; 9, 15 — Роище; 11 — Теремцы; 12 — Городок; 13 — Заячевка; 14 — Косаново; 16 — Ульяновка. 1—10, 17 — рог; 11, 13, 14 — бронза; 12 — серебро; 15 — железо; 16 — белый сплав; 18 — стекло.

Ромашки, Беленькое), принадлежали рядовым воинам. Иногда предметы вооружения встречаются и на поселениях.

Оружие местных племен, найденное главным образом на черняховских и вельбарских памятниках, в основном соответствует центральноевропейским образцам. Мечи относятся к различным типам. У экземпляра из Компа-

нийцев длинный (77 см) клинок суживался к концу. Короткий (43 см) и широкий меч из Ягнятина имел закругленный конец. Здесь же найден боевой однолезвийный нож-скрамасакс. Меч, обнаруженный в Будештах, близок сарматскому оружию.

Кинжалы представлены изделиями с широким двулезвийным клинком (Кринички, Будешты). В качестве оружия мог применяться и нож из Александровки длиной более 14 см. Довольно часто встречаются наконечники копий, дротиков и стрел. Наконечник копья втульчатый с четырехгранным или плоским профилем боевой части (Компанийцы, Успенка, Журовка, Лепесовка, Репнев II, Ромашки, Хлопков, Ханска-Лутэрия). По-видимому, к вельбарской культуре относится наконечник копья с рунической надписью, найденный у с. Сушично в Волынской области [Тиханова, 1977]. Втульчатые и черенковые наконечники стрел с разной формой пера найдены в Переяслав-Хмельницком, Ромашках, Леськах, Лепесовке, Каменке-Анчекрак, Делакеу и др. Детали метательного оружия обнаружены и на памятниках культуры карпатских курганов и киевской культуры: ромбовидные наконечники дротиков или копий и наконечники стрел (Волосов, Глубокое, Грабовец, Ульяновка, Абидня).

Боевые топоры, за исключением находки из Компанийцев, небольших размеров (Журовка, Нерушай, Кринички). От щитов сохраняются конические или полусферические умбоны и рукояти (Компанийцы, Малаешти, Комрат, Александровка, Курники, Беленское).

Предметы снаряжения всадника — шпоры, удила, пряжки, кольца и другие детали уздечек, являлись привилегией знатных воинов. Они найдены в Черепине, Бовшеве, Неслухове, Лепесовке, Переяславе-Хмельницком, Лохвице, Будештах, Делакеу и т. д. Шпоры, найденные в черняховских памятниках и в богатом вельбарском захоронении в Рудке, аналогичны изделиям из Центральной и Западной Европы. Шпора с киевского поселения Новые Безрадици относится к балт-

скому типу [Перхавко, 1978. — С. 120—121]. Кроме того, на черняховском могильнике Косаново найден бронзовый прорезной псалий римского типа; на поселении киевской культуры Роище — набор серебряных подвесок-лунниц от конского убора. Железные и бронзовые удила встречаются в погребениях карпатских курганов (Стопчатов). К предметам воинского снаряжения обычно относят и ледоходные шипы, крепившиеся к обуви. Такой шип найден на черняховском городище Александровка.

Анализ различного инвентаря восточноевропейских племен второй четверти I тыс. н. э. показывает значительный рост производственной и бытовой культуры местного населения по сравнению с предшествующим временем. Судя по типам распространенных в это время вещей, население рассматриваемого региона подвергалось мощному культурному влиянию со стороны провинций Римской империи. Это влияние было прямо связано с общим экономическим уровнем и с удаленностью каждой конкретной культурно-исторической общности от границ империи.

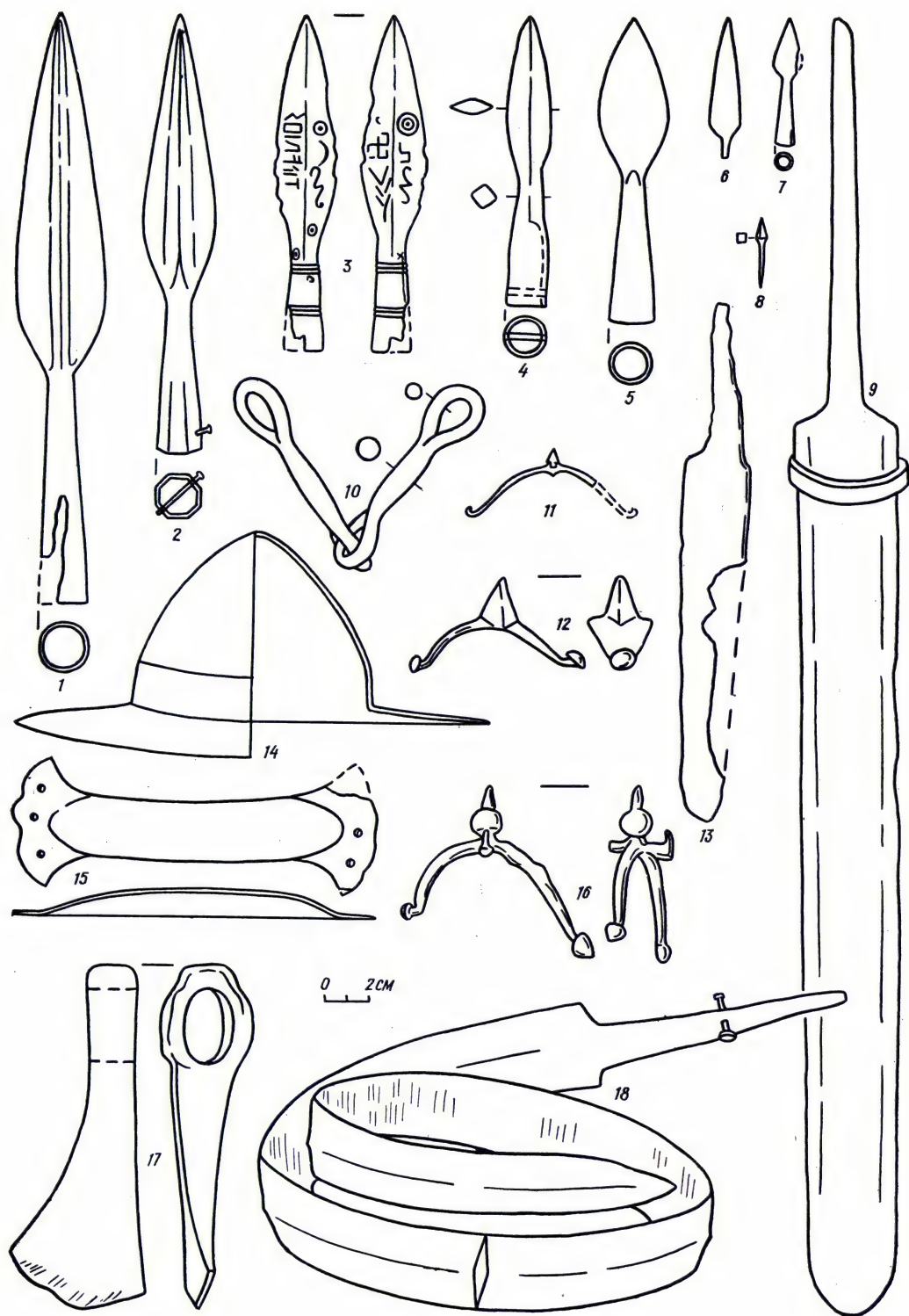
8. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Рассматриваемые нами культуры — черняховская, вельбарская, киевская, культура карпатских курганов — по общеевропейской хронологии в основном укладываются в позднеримский период. Многие типы вещей, найденные на описанных выше памятниках, аналогичны синхронным древностям Центральной Европы. Поэтому к ним применима среднеевропейская схема относительной хронологии Эггерса-Годловского [Eggers, 1955; Godlowski, 1970]. Вместе с тем в Восточной Европе подобные находки встречаются совместно с други-

Рис. 34. Оружие и снаряжение воинов второй четверти I тыс. н. э.:

1, 2, 7, 10, 14, 15, 17, 18 — Компанийцы; 3 — Сушично; 4 — Хлопков; 5 — Теремцы; 6, 11 — Переяслав-Хмельницкий; 8 — Ульяновка; 9, 13 — Ягнятин; 12 — Новые Безрадици; 16 — Черепин.

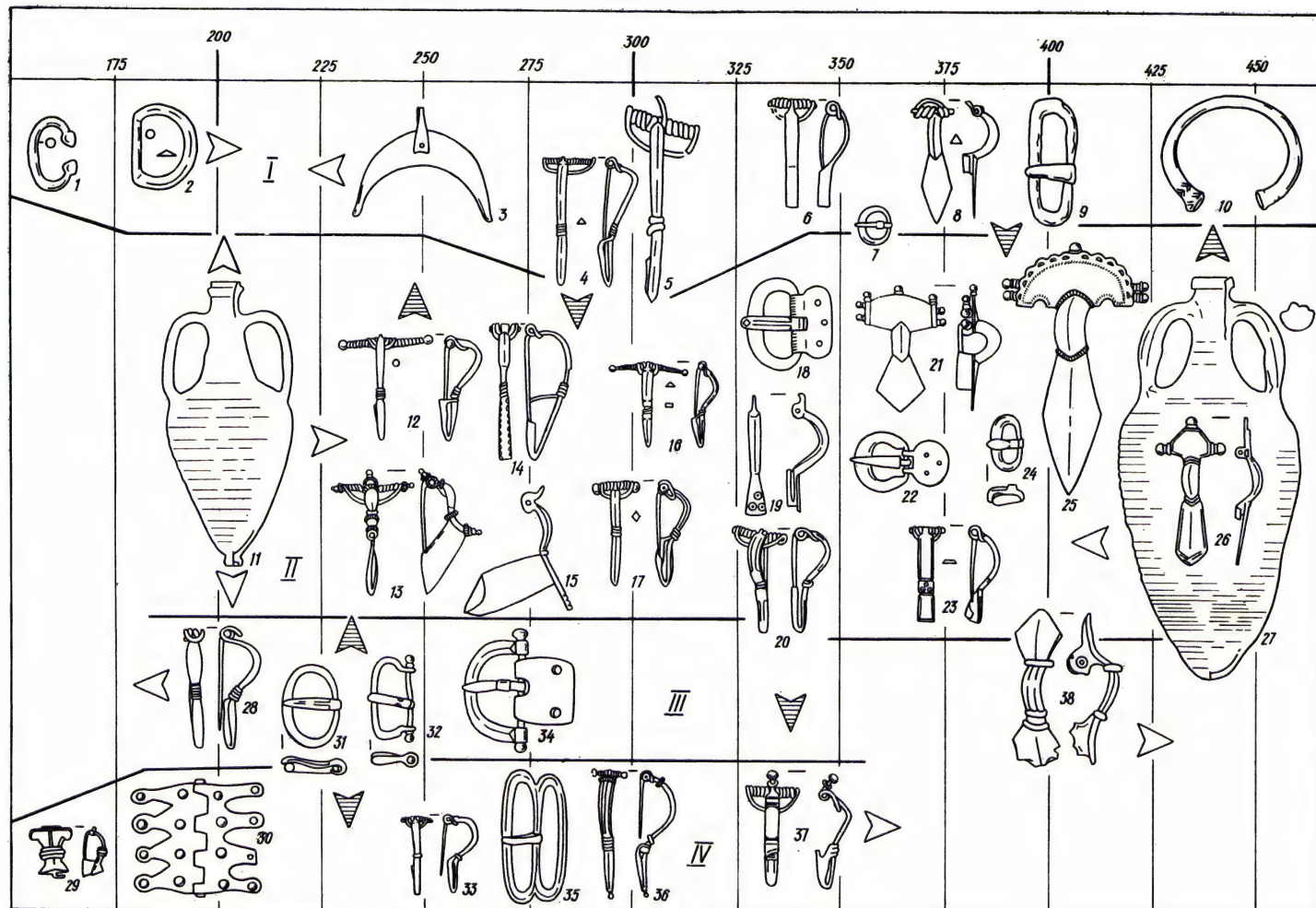

Рис. 35. Синхронистическая таблица культур второй четверти I тыс. н. э.:

1 — Казаровичи; 2, 4 — Новые Безрадищи; 3, 6 — Глеваха; 6, 8 — Тайманово; 7, 10 — Ульяновка; 9 — Рошце; 11 — Чабановка II (реконструкция); 12, 13, 16 — Ружичанка; 14 — Каборга IV; 15, 19 — Демьянов; 17, 23, 31, 32 — Косаново; 18, 25 — Ранжево; 20 — Черепин; 21 — Черняхов; 22 — Хлопков; 24 — Журовка; 26 — Теремцы; 27 — Каменка-Анчекрак; 28 — Иза; 29 — Любомль; 30, 36 — Дитиничи; 33 — Боратин; 34 — Новоалександровка; 35 — Деревянное; 37 — Баев; 38 — Мышин.

ми, местными типами вещей, как правило, не составляя характерных для Центральной Европы наборов. Поэтому среднеевропейская хронологическая схема на нашей территории может быть применена лишь в частных случаях.

В целом древности рассматриваемых культур соответствуют периодам С и D. Для определения абсолютной датировки отдельных комплексов или целых культур в настоящее время с разной степенью точности применяются некоторые хорошо разработанные категории вещей (рис. 35). Датировка на основе античных монет применима в редких случаях из-за большого несоответствия их эмиссии и момента попадания в состав того или иного комплекса. Датировку находками могут быть импортные изделия: стеклянные кубки, амфоры, краснолаковая посуда, бусы [Rau, 1972; Шелов, 1978; Алексеева, 1978 и др], местные и импортные фибулы, гребни, пряжки и пр. [Almgren, 1923; Амброз, 1966; Thomas, 1960; Гороховский, 1985 и др.].

Со времени открытия памятников черняховской культуры определение их хронологических рамок являлось предметом дискуссий, которые не закончены и в настоящее время. В. В. Хвойка датировал первые обнаруженные им черняховские древности II—V вв. [1913.— С. 43, 44]. Другие исследователи ограничивали время их существования III—IV вв. [Беляшевский, 1903.— С. 11; Reinecke, 1908]. Позднее пытались доказать их бытование и в раннем средневековье — до VI и даже до VIII в. [Третьяков, 1941.— С. 124; Смішко, 1947.— С. 121; Махно, 1949; Брайчевский, 1950.— С. 50—55]. Эта теория не получила поддержки и была подвергнута убедительной критике [Березовец, 1963.— С. 97—110; Щукин, 1967.— С. 8, 9].

Резкое увеличение в последние десятилетия количества надежно датированных комплексов позволило не только уточнить общую датировку черняховской культуры, но и выделить хронологические этапы ее существования. Наиболее общепринятым является следующее временное членение: сложе-

ние культуры — конец II — середина III в.; расцвет — середина III—IV вв.; угасание — конец IV — середина V в. [Этнокультурная карта...— С. 47]. В соответствии с центральноевропейской хронологией [Godlowski, 1970] этап сложения черняховской культуры примерно соответствует периоду С₁, расцвет — С₂ и С₃, угасание — периоду D. По материалам могильников на основе корреляционного метода разработана более дробная хронология, включающая 6 фаз [Гороховский, 1985].

Период сложения черняховской культуры датируется в основном фибулами, амфорами и краснолаковой керамикой. Наиболее ранние материалы получены при раскопках поселений. Погребальные комплексы датируются не ранее III в. [Гороховский, 1985]. Некоторые исследователи считают возможным датировать памятники по находкам римских денариев. Большинство монетных находок вкладах, комплексах поселений и могильников относятся ко времени от Траяна до Септимия Севера (98—211 гг.), причем пик приходится на правление Марка Аврелия (161—180 гг.) [Кропоткин, 1967.— С. 27].

В настоящее время большинство ученых считает, что серебряные денарии не могут служить датирующим материалом для черняховской культуры, так как они попали в Восточную Европу спустя продолжительное время после эмиссии [Кропоткин, 1970.— С. 159; Тиханова, 1979]. Из ранних типов фибул на черняховских памятниках нередко встречаются двучленные фибулы первого варианта (по А. К. Амбразу), получившие распространение во второй половине II — большей части III в. А. К. Амброз называет около 30 памятников с такими находками [1966.— С. 61—63]. Однако ни один из них нельзя уверенно отнести ко II в. III в. датируются фибулы с высоким пластинчатым приемником, известные в западных областях Украины и Молдавии [Амброз, 1966.— С. 73—74].

К периоду формирования черняховской культуры относятся также наход-

ки светлоглиняных амфор «неапольско-го» и «танаисского» типов. Первые датируются II в., вторые — первой половиной III в. [Шелов, 1978.— С. 18, 19]. «Неапольская» амфора найдена на поселении Балцаты [Рикман, 1975.— С. 216]. Кроме того, Э. А. Рикман называет на территории Молдавии еще 31 черняховский памятник с фрагментами таких амфор [1975.— С. 219—220], однако датировка этих памятников II в. не подтверждается другими материалами [Щукин, 1975.— С. 59—60]. Тем более неубедительно определение хронологии некоторых поселений на основании находок фрагментов амфор I в. н. э.

«Танаисские» амфоры (рис. 35, 11) на черняховской территории представлены главным образом случайными находками (Олонешты, Дубна, хут. Савинский) и фрагментами [Рикман, 1975.— С. 59—60]. Из других типов удается выделить светлоглиняные амфоры при наличии достаточно выразительных деталей или с помощью петрографического метода. Присутствие в комплексе поселений Ломоватое II, Лепесовка, Успенка (Кировоградской области), Чабанское II, Сокол * «танаисских» амфор позволило установить их обитание в первой половине III в. [Сымонович, 1960.— Рис. 9, 5; Круг, 1972; Кропоткин, 1964; Магомедов, 1987.— С. 88; Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 29]. Одним из редких примеров находок ранних типов краснолаковой посуды является «терра сигиллята» из Черепина, относящаяся ко II или началу III в. [Баран, 1981.— С. 100—101]. Кроме упоминавшихся памятников, материалы периода формирования черняховской культуры дают могильники Раковец, Ружичанка, Каборга IV, Завадовка, поселения Незвиско, Репнев, Бовшев, Каменка-Анчекрак [Винокур, Островский, 1967; Винокур, 1979; Магомедов, 1979; 1983.— С. 145—146; Смирнова, 1964; Баран, 1981.— С. 130—151].

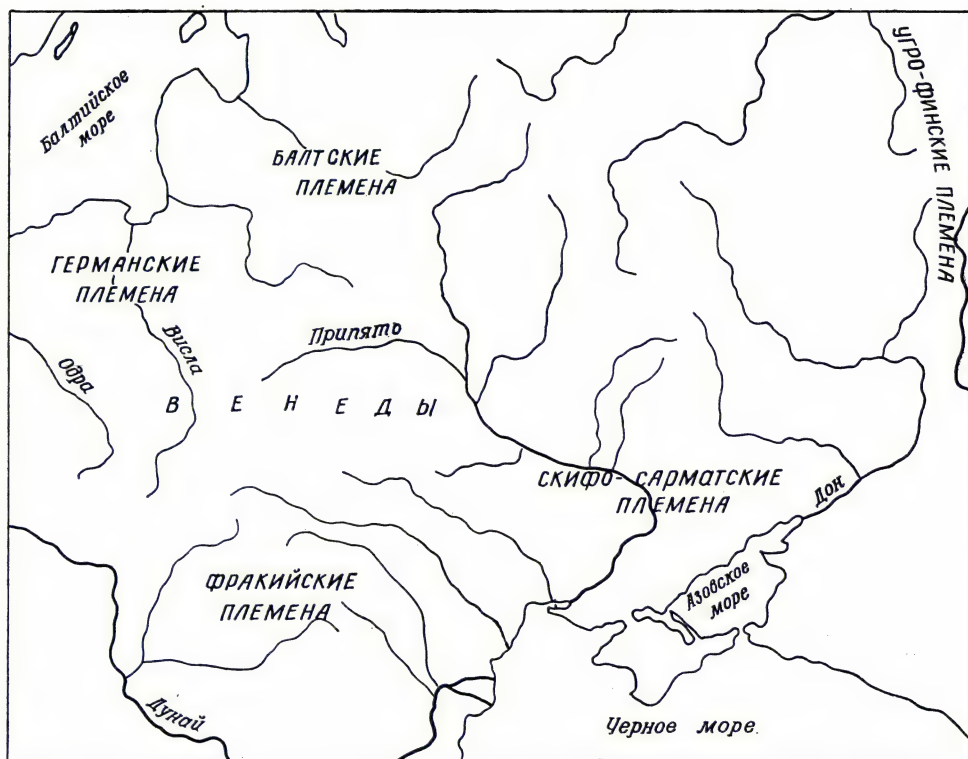
* Определения отдельных фрагментов амфор из Ломоватого и Сокола как «неапольских», по нашему мнению, ошибочно [Щукин, 1976.— С. 304; Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 29].

Большинство ранних памятников черняховской культуры открыто на западе УССР, в Молдавии, а также в Причерноморье, что решает вопрос о районах формирования культуры. В этом отношении важным фактом является открытие в Одесской области группы позднескифских памятников типа Мологи II, относящихся преимущественно ко II в. н. э. Их керамический комплекс, кроме лепной и импортной посуды, включает кухонную и столовую гончарную сероглиняную керамику, которая отличается от черняховской только более бедной орнаментацией и меньшим разнообразием форм [Гудкова, Фокеев, 1982.— С. 55—113]. На основе этих памятников сформировался местный причерноморский тип памятников черняховской культуры.

Основная масса черняховских древностей определяется временем расцвета культуры, то есть второй половиной III — большей частью IV в. Этот хронологический отрезок хорошо датирован многочисленными находками подвязных фибул второго и третьего вариантов по А. К. Амброзу, фибул со сплошным приемником и некоторых других типов [1966.— С. 61—66, 70—72]. В начале этого периода в употреблении были главным образом косяные гребни с полукруглой спинкой (тип IBI). В IV в. форма спинки усложняется, появляются различные варианты плечиков («колоколовидные гребни») [Никитина, 1969; Гороховский, 1985]. В IV в. получают широкое распространение хорошо датированные по провинциально-римским комплексам импортные изделия: светлоглиняные узкогорлые амфоры «инкерманского» типа (тип F по Д. Б. Шелову) и крупные красноглиняные амфоры типа Делакеу, стеклянные кубки с шлифованными овальными фасетками, краснолаковые кувшины, миски и т. д. [Кропоткин, 1970]. Изредка встречаются бронзовые монеты, которые являются более надежным датировочным источником, чем серебряные и золотые, так как они быстрее выходили из обращения.

В ряде случаев на широко раскопанных могильниках и поселениях удается

сравнительно узко продатировать отдельные комплексы находок — погребения, жилища, хозяйственные сооружения, что позволяет проследить динамику развития памятника. Так, например, на поселении Репнев II одно жилище датируется III в., три — III—IV вв. и семь — IV или IV — началом V в. [Баран, 1981. — С. 143—145].

В период расцвета черняховские племена основывали тысячи поселений и могильников. Возникает новый тип памятников — городища Башмачка, Городок, Александровка. Территориально рамки культуры значительно расширяются. В течение III — первой половины IV в. они охватывают все Лесостепное и Степное Поднепровье. В Северном Причерноморье появляются новые черняховские памятники, содержащие вельбарские элементы. В Среднем Поднепровье черняховское население сталкивается с племенами киевской культуры. Смена населения хорошо прослеживается на поселении Глеваха южнее Киева [Терпиловский, 1985]. В жилищах и хозяйственных ямах второй

Рис. 36. Схема размещения племен Восточной и Центральной Европы на рубеже и в начале нашей эры по письменным и археологическим данным.

половины III—IV вв. встречаются обломки киевских лепных сосудов и отдельные фрагменты гончарной посуды, поступавшей сюда в качестве импорта. В первой половине IV в. на этом месте без заметного хронологического разрыва появляются объекты, где найдена сероглиняная гончарная керамика, типичные черняховские пряслица, античные импорты и другой инвентарь. Во второй половине III — начале IV в. в Северном Причерноморье появляются новые черняховские памятники, содержащие элементы, характерные для района Лесостепи и вельбарской культуры. В начале IV в. чисто вельбарские поселения и могильники Волыни и Подолы уступают место черняховским или смешанным черняховско-вельбарским. Приблизительно в это же время (конец III — начало IV в.) черняховские племена проникают в Нижнее Поду-

наве, причем позднее всего в Трансильванию.

К периоду расцвета черняховской культуры относятся многие изученные памятники. На западе Украины продолжают развиваться Черепин, Репнев, Бовшев, Неслухов, возникают поселения Иванковцы, Комаров, могильники Оселевка, Чернелов-Русский, Роменковцы. В лесостепной части Днепрового Правобережья и Южном Побужье серединой III—IV в. датируются такие памятники, как Черняхов, Маслово, Ромашки, Обухов, Глеваха, Косанов, Заячевка; в Днепровом Левобережье — Успенка, Сад, Переяслав-Хмельницкий, Компанийцы. В Степном Поднпровье и Причерноморье в период расцвета черняховской культуры активно растут старые и возникают новые поселения и могильники — Никольское, Гавриловка, Привольное, Кobleво, Дарьевка, Киселово, Каменка-Анчекрак, Фурмановка; в Днестро-Прутском междуречье — Малаешты, Будешты, Делакеу, Ханска. В Нижнем Подунавье черняховские племена в IV в. иногда используют прежние гетосарматские могильники III в. (Тыргшор), но чаще оставляют свои памятники на новых местах — Спанцов, Индепенденца, Олтени, Синтана-де-Муреш.

Заключительный период черняховской культуры определяется комплексами находок, включающими предметы гуннского времени: подвязные фибулы первого варианта по А. К. Амброзу и крупные двухпластинчатые фибулы [Амброз, 1966. — С. 61, 82, 83], пряжки с массивной рамкой и клювовидным язычком, гребни с полукруглым выступом на прямоугольной спинке типа ШВ2 [Гороховский, 1985]. Из римских провинций поступают новые типы стеклянных кубков — массивные конические с глубокими фасетками, тонкие конические с украшениями из напаянных овалов (тип Косино) или капель цветного стекла и другие [Щукин, 1980]. Появляется новый тип узкогорлых светлоглиняных амфор — с яйцевидным корпусом (тип Е по Д. Б. Шелову). Для местной сероглиняной керамики последнего этапа черняховской

культуры характерна рельефная орнаментация овальными срезами по бочку или каннелюрами.

Многие черняховские памятники, появившиеся в период расцвета культуры, продолжают функционировать и в последующее время. Поздняя дата Косановского могильника определяется по подвязным фибулам IV варианта по А. К. Амброзу, массивными пряжками, стеклянным кубком. Кубки типа Косино известны в могильниках Малаешты, Холмское, а также Извоаре и Индепенденца на территории Румынии. В Журовке найдены кубок с каплями синего стекла и двухпластинчатые фибулы конца IV — начала V в. Подобные фибулы входили в комплексы Гавриловки, Черняхова, Маслово, Малаешты, Курников, Ранжевого, а также поселения в Луке-Врублевской. Поздними находками являются трехпальчатая бронзовая фибула с поселения у с. Теремцы и перекладчатые фибулы круга выемчатых эмалей из Компанийцевского могильника. Все эти памятники рассредоточены практически по всей территории черняховской культуры.

Находки самых поздних вещей позволяют сделать вывод, что черняховская культура продолжала существовать в V в., во времена гуннских походов, но не позже середины этого столетия она исчезает.

Среди памятников разноэтничной черняховской культуры наибольший интерес в плане этногенеза славян представляют поселения верховьев Западного Буга, Верхнего и Среднего Днестра, продолжающихся в ранне-средневековых славянских древностях V—VI вв. [Баран, 1981. — С. 163—177]. Культурно-генетическое родство обеих групп доказано на основании типологической общности археологического материала и существовании хронологического стыка между поздними черняховскими и наиболее ранними славянскими комплексами.

Из общей массы черняховских памятников интересующие нас поселения выделяют ряд общих признаков. В керамическом комплексе это большой процент лепной посуды (как правило, больше половины), среди которой

встречаются славянские формы, характерный тип жилищ — подквадратные полуземлянки, многие из которых отапливались печью-каменкой или, реже, глинобитной печью. Перечисленные особенности присущи поселениям Черепин, Сокол, Теремцы, Бакота, Лука-Врублевская, Бовшев, Демьянов и др.

Одним из наиболее ранних и долго существовавших поселений Верхнего Днестра является Черепин [Баран, 1981.— С. 130—151]. Его возникновение в конце II в. засвидетельствовано находками очковидной фибулы позднего прусского варианта [Almgren, 1923.— S. 27; Амброз, 1966.— С. 35] и обломками краснолаковой посуды типа «терра сигиллята» южногалльского производства времени Антонинов (138—192 гг.) [Кропоткин, 1970.— С. 81]. С этой датировкой согласуется и найденная на поселении пшеворская керамика. В первой половине III в. попали сюда так называемые танаисские амфоры (тип D) [Шелов, 1978]. Три железные шпоры и фибула с высоким приемником датируются III в. [Jahn, 1921.— S. 58; Godlowski, 1970.— P. 8, 9.— Fig. 2 k, pl. IX, 16; Амброз, 1966.— С. 73]. Основная масса вещей, найденных на поселении, включая большинство фибул и составных костяных гребней, не отличается от материалов черняховских памятников III—IV вв. Верхнюю дату поселения определяют некоторые типы гребней и железная фибула с лукообразной дужкой и сплошным плоским приемником, составляющая близкую аналогию находке из поселения в Куне V в. [Хавлюк, 1974.— С. 211—212]. Эта фибула, по-видимому, относится к концу IV—V в. Тип гребней с высокой колоколовидной спинкой известен в комплексах IV и V вв. [Thomas, 1960.— S. 120], а гребень с узкой дуговидной спинкой близок к изделиям группы I B по А. Хмелевской, которую она датирует V—VI вв. [Chmieliwska, 1971.— S. 54—56]. Черепинская находка вряд ли выходит за рамки V в.

Значительное по размерам поселение Репнев II возникло в III в. и активно развивалось в IV в. [Баран, 1981.— С. 130—151]. Об этом свидетельствуют

находки ранних типов подвязных фибул и фибул с высоким приемником, гребней с полукруглой спинкой, бытовавших в III в., а также наиболее массовые на памятнике подвязные фибулы третьего варианта по А. К. Амброзу (IV в.). Более поздним отрезком времени (IV — началом V в.) определяется дата крупных фибул четвертого варианта [Амброз, 1966.— С. 66—67]. Наиболее поздними на Репневском поселении являются три фибулы провинциально-римского типа. Фибулы с дугообразной спинкой и кнопкой (Bügelknopffibel) известны главным образом в IV — начале V в., но встречаются и более поздние находки [Meyer, 1960.— S. 236—246; Баран, 1981.— С. 141—142]. Верхнюю дату Репневского поселения более точно позволяет установить бронзовая подвеска редкого типа. По аналогиям из погребений в Мехолупах (Чехословакия) и Гетлингене (ФРГ) время ее бытования можно определить V в., скорее его первой половиной [Preidel, 1940.— S. 108—115.— Taf. 52—53; Svoboda, 1965.— S. 119—120.— Tab. XXIX; XXX; Veeck, 1939.— S. 258—259]. Это согласуется с датировкой обнаруженной здесь гончарной печи: по данным палеомагнитного метода, в последний раз она была в эксплуатации в конце V в. [Бурлацкая, Нечаева, Петрова, 1966].

Черняховское поселение у с. Сокол (уроч. Островы), судя по находкам фрагментов «танаисских» амфор, возникло в III в. Серединой этого же века определено и использование пода печи в жилище № 9. Гребни, подвязная фибула второй серии, обломки «инкерманской» амфоры и краснолаковой посуды свидетельствуют об активном функционировании поселения в III—IV вв. [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 27—29]. По-видимому, жизнь здесь не прекратилась и в начале V в. В одной из ям найдена верхняя часть стакана зеленовато-травянистого стекла, украшенного тремя рядами стеклянных нитей синего цвета и двумя гравированными линиями. Серия таких находок известна из Цебельдинских могильников в Абхазии, где они датируются концом IV—V в. [Трапш,

1971.— С. 172—177; Сорокина, 1979.— С. 61—69].

Поселение Теремцы на основании большинства вещей: верхней части бронзовой фибулы, стеклянного конического кубка, бронзового пинцета с фасетировкой можно в основном датировать концом III—IV в. [Баран, 1983.— С. 14—24]. Известны и более поздние материалы. Фрагменты двух импортных кувшинов сходны с находками конца IV—V в. афинской агоры [Robinson, 1959.— P. 83.— pl. 29, 268—295]. К редкому переходному типу от двухпластинчатых к пальчатым относится бронзовая фибула из Теремцев (рис. 35, 26). Она напоминает позолоченный экземпляр из Веймара, относящийся к южнорусско-дунайскому типу и датируемый около 400 г. и несколько позже [Behm—Blankske, 1973.— S. 342; 59, № 59]. Находку из Теремцев можно датировать первой половиной V в. [Баран, 1983.— С. 23].

К кругу черняховских поселений со славянскими чертами относится и поселение Бакота. Здесь, как и на большинстве описанных памятников, основная масса материалов датируется III—IV вв. Верхняя дата определяется по железной фибуле с сильно изогнутой дужкой прямоугольного сечения концом IV — первой половиной V в. [Винокур, 1983.— С. 114—117].

На многослойном поселении Лука-Врублевцкая среди черняховских материалов выделяются две полуземлянки, в заполнении которых значительный процент составляла лепная керамика [Сымонович, 1955.— С. 23—32]. О существовании памятника в III в. свидетельствует ножка светлоглиняной «танаисской» амфоры и фибулы с высоким держателем. Большинство подвязных фибул датируются IV в. К гуннскому времени относятся двуштитковая фибула с ромбической ножкой и гребень типа ПВ2.

Исследуя хронологические особенности описанной выше группы черняховских памятников верховьев Западного Буга, Верхнего и Среднего Днестра, В. Д. Баран выделил наиболее поздний этап в их развитии, наступив-

ший не ранее IV в. В это время появляются черты, характерные для более поздних памятников раннесредневековых славянских культур: на поселениях начинают строить жилища приблизительно правильной подквадратной формы, появляются печи-каменки (Черешин, Бакота, Сокол, Лука-Врублевцкая, Теремцы) или глиняные печи (Демьянов, Репнев II). Во многих комплексах этого периода увеличивается процент лепной посуды, появляются горшки с высокими плечиками, близкие раннесредневековой посуде пражско-корчакского типа. В составе гончарной керамики — изделия со значительной примесью песка, в том числе большие пифособразные сосуды [Баран, 1981.— С. 147].

С раннеславянскими памятниками связаны и наиболее поздние следы черняховской культуры. Это, как правило, наличие небольшого количества гончарной сероглиняной керамики в пражских и пеньковских комплексах середины — второй половины V в. В некоторых случаях встречаются и другие находки, характерные для черняховской культуры. Так, в объектах первой фазы поселения Лука-Каветчинская, где преобладала лепная керамика пражского облика (68,2 %), гончарные фрагменты черняховского типа составляли 4,1 % всех обломков посуды. Найдены также: подвеска из серебряной монеты Адриана; осколки стеклянных сосудов; стеклянная спаренная бусина провинциально-римского производства; подвеска из морской раковины; кружальное пряслице из отмученной глины [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 74]. Гончарная керамика черняховской культуры или культуры карпатских курганов встречена и на раннеславянских поселениях Рашков III, Зеленый Гай, Каветчина, Кодын.

Важное значение для понимания культурных процессов в Буго-Днестровском междуречье имеет вопрос о времени появления вельбарских памятников на восточном берегу Западного Буга. Одни исследователи настаивают на том, что вельбарские памятники возникли на этой территории до образования черняховской культуры [Ку-

харенко, 1970.— С. 57—80; 1980.— С. 64—76], другие — доказывают, что вельбарское население продвинулось на территорию Волыни и Подолии позже, когда черняховская культура уже существовала [Сымонович, 1973.— С. 29—32; Баран, 1981.— С. 150—161]. По мнению М. Б. Щукина, первые вельбарские памятники появились на территории восточнее Западного Буга между 170 и 220 гг. [Szczukin, 1981.— С. 143]. Вторая волна миграции носителей вельбарских памятников на эту территорию приходится на середину III в., когда черняховская культура только выкристаллизовывалась [Szczukin, 1981.— С. 148].

Наиболее ранними вельбарскими памятниками на территории УССР являются поселения в Лепесовке, Боратине и, возможно, уничтоженный могильник у с. Могиляны (Хмельник). Могильник в Любомле датируется фибулой типа 41 по О. Альмгрёну концом II — началом III в., то есть стадией C_{1a} [Almgren, 1923.— С. 17—19]. О его существовании на стадии C₁ в — C₂ свидетельствуют находки двух подвязных фибул, близких к типу 168 в системе О. Альмгрёна с рубчатыми накладными кольцами [Там же.— С. 71—89]. К III в. можно отнести трехслойный гребень с полукруглой спинкой варианта 1 первого типа по С. Томас [Thomas, 1960.— С. 120].

Стадией C_{1a} следует датировать и вельбарское погребение № 2 на разрушенном могильнике в Могилянах (Хмельник), где найден однослойный гребень типа ВП по классификации С. Томас [Thomas, 1960.— С. 54; Каспарова, Щукин, 1979.— С. 161.— Рис. 3].

Начало существования лепесовского поселения определяется двумя фибулами типа 129 по классификации О. Альмгрёна и однослойным гребнем типа ВП по классификации С. Томас [Тиханова, 1971.— С. 1059—1063]. Вещи III—IV вв. на поселении представлены вельбарско-черняховскими материалами. Они датируются несколькими вариантами фибул с высокими приемником и подвязными фибулами, в частности, серебряной фибулой с фи-

гурной прогнутой тетивой [Тиханова, 1971.— С. 10—61.— Рис. 1, 18, 19].

К дочерняховскому времени и периоду зарождения черняховской культуры относится, очевидно, группа поселений, открытых П. И. Хавлюком на Южном Буге (Гуньки, Демидовка, Слободка, Зяньковцы и др.) [Хавлюк, 1976.— С. 2]. Здесь найдены удлиненные наземные жилища глинобитной конструкции и большое количество вельбарской керамики. В объектах и культурном слое обнаружена гончарная посуда, главным образом миски с лощеной поверхностью. По мнению П. И. Хавлюка, эта керамика не является еще черняховской, а принадлежит к импортным изделиям из античных центров Северного Причерноморья. В Поднестровье аналогичная керамика встречена в жилищах с фибулами, производными от остропрофилированных, и фибулами типа А84, датирующихся стадией C_{1a}. Сказанное позволяет нам с определенной вероятностью датировать этим же временем начало существования южнобугских вельбарских памятников.

Важное значение для определения хронологии вельбарской культуры имеют материалы Дитиничского могильника. М. Ю. Смишко определял время его функционирования первой половиной IV в. [Смишко, Свешников, 1961.— С. 110]. Исследователь опирался при этом на фибулы типа А168, которые он датировал по аналогиям в Прибалтике. Более подробно хронология могильника рассмотрена М. Б. Щукиным [Szczukin, 1981.— С. 146—147.— Рис. 5]. К наиболее ранним датирующим вещам здесь относятся железные и бронзовые крепления к поясу из погребения № 9 (рис. 35, 30), датирующиеся концом II — первой половиной III в. [Raddatz, 1957.— С. 77—81], и глиняная имитация стеклянного кубка типа 133 по классификации Г. Эггера, относящегося к стадии C₁ [Eggers, 1951.— С. 178] (погребения № 5 и 9). Наиболее поздние на могильнике — подвязные фибулы с рубчатыми кольцами на спинке, распространенные на стадии C₁ и существующие до середины IV в. [Амброз, 1966.— С. 67; Godlowski, 1970.— Р. 53]. Хорошо датиро-

ется погребение № 17, где найдены подвязная двухчастная фибула и ажурная подвеска с выемчатой эмалью. Фибула относится к группе 16 серии II по классификации А. К. Амброза и датируется III в. [Амброз, 1966.— С. 61—63]. Что касается эмалевой подвески, то время бытования таких вещей более широкое [Смішко, Свешніков, 1961.— С. 109].

Таким образом, датирующий материал могильника охватывает время с конца II до первой половины IV вв. включительно. М. Б. Щукин справедливо подверг сомнению возможность столь длительного его существования и предложил более узкую дату — III — начало IV в. (стадия C₁ в — C₂) [Szczukin, 1981.— S. 14].

Довольно надежно датируются поселение у с. Ромош и погребение у с. Горькая Полонка [Крушельницкая, Оприск, 1975.— С. 75—80; Брайчевский, 1964.— С. 173]. На памятниках выявлены трехчастные костяные гребни типа I по С. Томас и двучленные подвязные фибулы, близкие к группе 16 серии II в системе А. К. Амброза. Подобные фибулы, как уже упоминалось, датируются III в. Костяные трехслойные гребни с дуговидной спинкой появляются в III в., но особенно широко распространяются с середины столетия [Thomas, 1960.— S. 92]. Сочетание двух вещей в одном комплексе позволяет датировать его второй половиной III в.

На поселении в Борятине датирующий материал представлен двучленной подвязной фибулой с гладкой спинкой и полукруглым костяным трехчастным гребнем.

Фибула изготовлена из круглого стержня и по форме близка к группе 16 II серии по классификации А. К. Амброза. Гребни относятся к типу IC С. Томас. Вместе с гребнем в жилище № 21 найдена лепная и гончарная керамика. Последняя составляет 14,5 % керамического комплекса. Гончарная керамика в небольшом количестве обнаружена еще в пяти жилищах, синхронных, очевидно, вышеупомянутому объекту № 21. Однако в остальных вельбарских жилищах гон-

чарная керамика не найдена, а лепная включает сосуды вельбарской и пшеворской культур. Исходя из сказанного, объекты с гончарной керамикой следует, в соответствии с датировкой гребня, отнести ко второй половине III в. Объекты без гончарной керамики можно датировать временем бытования фибулы подвязной конструкции — концом II — первой половиной III в. Синхронно второй фазе существования поселения в Борятине поселение у с. Загаи, где также выявлено небольшое количество гончарной керамики.

Таким образом, все вельбарские памятники можно датировать концом II — началом IV вв. Хронологически они делятся на две группы. Первая из них относится к концу II—III в. (Любомль, Могиляны-Хмельник, Борятин, Лепесовка). Вторая группа возникла позже — на стадии C₁ в. По предположению польских исследователей, обе группы памятников являются отражением двух волн перемещения вельбарского населения на Волинь и Подолию [PZP, 1981.— S. 136—157].

Характерной особенностью памятников первой группы является наличие элементов пшеворской культуры. На могильниках они проявляются в деталях погребального обряда, а на поселениях — в значительном количестве пшеворской лепной керамики, форме и конструкции жилищ углубленного типа. Это объясняется, по-видимому, тем, что вельбарские группы населения, двигаясь через территорию Мазовии на юго-восток, вовлекли в миграционный поток значительные массы пшеворского населения. Смешение пшеворской и вельбарской культур в Мазовии неоднократно отмечалось польскими исследователями [Okulicz, 1970.— S. 426]. Какие-либо элементы черняховской культуры на памятниках первой группы отсутствуют.

Что касается вельбарских древностей второй хронологической группы (Дитиничи-Ромош-Загаи), то для них характерно небольшое количество гончарной керамики черняховской культуры и слабое проявление пшеворских элементов.

Хронология культуры карпатских

курганов согласно общепринятой европейской периодизации полностью укладывается в рамки позднеримского периода, захватывая начальный этап эпохи великого переселения народов. Возникновение культуры прямо связано со временем, наступившим после маркоманских войн, которые явились катализатором в процессе образования многих археологических культур нашего региона. Исчезновение культуры карпатских курганов, приходящееся на перелом I тыс. н. э., — одно из последствий сложной общеевропейской ситуации, связанной, в первую очередь, с гуннским нашествием и массовыми передвижениями племен и народов, получившими название великого переселения народов.

В процессе изучения культуры карпатских курганов высказывались и другие взгляды на ее хронологию. М. Ю. Смишко датировал культуру III—IV вв., распространяя время ее существования и на период раннего средневековья. При этом он особо выделял закарпатские могильники Иза I и II, которые, по его мнению, могли относиться к первым двум векам нашей эры [Смишко, 1960. — С. 115—129].

Безусловно, закарпатские памятники являются одними из наиболее ранних. Это относится как к могильнику в Изе, так и к кургану из Братово. В Прикарпатье наиболее ранние датируемые курганные погребения обнаружены на могильнике в Нижнем Струтине.

В семи курганах Изы найдено девять железных одночленных фибул с подвижным приемником и узкой ножкой [Смишко, 1960. — Табл. XVIII, 2, 15; Котигорошко, 1980. — Рис. 5, 1—7]. Подобные фибулы относятся к самому началу позднеримского периода [Kolnik, 1965. — S. 202; Godlowski, 1970. — S. 83—84]. Разумеется, этой датой (концом II — первой половиной III в.) не исчерпывается вся хронология могильника в Изе, функционировавшего, очевидно, на протяжении всего III в. Погребения кургана в Братово сопровождалась относительно богатым погребальным инвентарем, среди которого выявлен сосуд типа *terra sigillata* [Котигорошко, 1979. — Рис. 2, 7].

Подобные сосуды известны на памятниках соседней Словакии и являются изделиями паннонских мастерских конца II — первой половины III в. [Kolnik, 1971. — S. 508. — Обр. 6].

К начальному этапу позднеримского периода относятся и другие датирующие изделия из Братовского комплекса: наконечники копий с листовидным пером; рукояти щитов; умбоны; шпоры с асимметричными дужками [Котигорошко, 1979. — Рис. 2, 10—13; 5, 6, 7, 10, 12, 14—17].

В кургане обнаружены целая и фрагментированная железные фибулы [Там же.]. Целый экземпляр полностью аналогичен одночленным фибулам, найденным в курганах Изы, и также датируется концом II — первой половиной III в. н. э. Следует обратить внимание и на совпадение других находок, выявленных как на могильнике в Изе, так и в кургане Братово. Помимо фибул это наконечники копий, веерообразные подвески и, наконец, керамика. Наиболее ранней датирующей находкой на могильнике в Нижнем Струтине является светлоглиняная двуручная амфора с лейковидным горлом, ребристым корпусом и плоским дном из кургана XV [Смишко, 1960. — Табл. X, 10]. Изделия, подобные нижнеструтинской находке, известны в материалах римских лагерей вдоль лимеса (40-е годы I — середина III вв.). Более узкую дату позволяют определить стратиграфические наблюдения Е. Пелише при исследовании римского лагеря в Нионе, где подобные сосуды относятся к позднему этапу существования лагеря, то есть к 190—260 гг. н. э. [Pelichet, 1946. — S. 193]. В закрытом комплексе погребения римского могильника в Кельне аналогичный сосуд найден вместе с потертой монетой Марка Аврелия (161—180 гг.) [Hagen, 1906. — S. 421—422. — Taf. XXV, 57].

Как и в Изе, на нижнеструтинском могильнике часть погребений датируется более поздним временем.

Так, в одном из курганов Нижнего Струтиня найдена бронзовая двухчленная фибула с высоким приемником, богато украшенная набором проволоч-

ных колец. Подобные изделия датируются со второй половины III в. [Almgren, 1923.— S. 98; Godlowski, 1970.— S. 84]. Наконец, в кургане IV, расположенном в другой курганной группе этого же могильника нежелезный курган XV с двуручной амфорой, обнаружена стеклянная чаша прозрачного красно-фиолетового стекла, украшенная прямыми и змеевидными линиями из светло-желтой и голубой эмали [Смішко, 1960.— Табл. XI, 1]. Как уже отмечалось, прямых аналогий сосуд не имеет. Форма и приемы орнаментации сближают его с изделиями III в., и известными по находкам в Седра Квинеди (Швеция), Рудках (УССР), Полвитене и датируемыми в пределах III в.— вплоть до 300 г. [Eggers, 1951.— S. 99, 178; Teirál, 1970.— S. 389—411]. Однако темный красно-фиолетовый цвет нижнеструтинской чаши считается более поздним признаком, присущим уже изделиям IV в. [Kisa, 1908.— S. 394—429]. Во всяком случае, наличие этого сосуда, как и вышеупомянутой фибулы, заставляет предположить существование могильника в Нижнем Струтине на протяжении всего III и IV в. н. э.

Итак, ранняя дата отдельных курганов, распространяясь на памятник в целом, не исчерпывает его хронологию полностью. Однако памятники, где найдены наиболее ранние в общих хронологических рамках культуры погребения, отмечены чертами архаичности погребального инвентаря. Это прежде всего прослеживается в явном преобладании в общей массе керамического материала лепной посуды над кружальной. В некоторых курганах Изы и Нижнего Струтиня кружальная керамика отсутствует вообще. В то же время только здесь встречается столовая лепная посуда. Еще одним аргументом в пользу приведенной хронологии могут служить материалы, хорошо датированные концом II — первой половиной III в., раннего памятника кургана в Братово, где обнаружена только лепная керамика. Здесь представлен и второй характерный признак архаичности — наличие лепной столовой посуды.

Вместе с тем следует отметить, что

курганам погребениям, где найдены наиболее ранние датирующие вещи, присущи те же характерные черты, что и прикарпатскому погребальному ритуалу в целом. Все это позволяет утверждать, что на конец II — первую половину III в. приходится начальные этапы уже сложившейся культуры карпатских курганов.

Относительно ранней находкой является и светлоглиняная узкогорлая амфора, обнаруженная в яме-погребении жилища № 2 на поселении в Глубокой в комплексе с набором лепной посуды [Вакуленко, 1977.— Рис. 18, 1, 5, 11, 14]. Подобные амфоры, называемые «танаисскими», относятся к первой половине — середине III в. [Шелов, 1978.— С. 19; Зеест, 1960.— С. 117].

Наибольшее количество из исследованных памятников культуры карпатских курганов функционировали во второй половине III—IV в. К этому периоду относятся могильники в Ганеве и Глубокое, в чьих курганах обнаружены четыре светлоглиняные узкогорлые амфоры с коническим ребристым корпусом, называемые инкерманскими и датируемые не ранее конца III—IV в. [Зеест, 1960.— С. 122; Шелов, 1978.— С. 19—20]. В это же время производились захоронения на могильниках в Марковцах, Траче, Грушеве (Корнич и Дебра), Каменной, Дебеславцах, Пилипах и др. Об этом свидетельствуют найденные здесь датирующие материалы (фибулы, пряжки, амфоры, бусы), а также характерные наборы керамической посуды. Так, в Марковцах, в кургане VII найден фрагмент серебряной фибулы, относящейся ко времени со второй половины III в. н. э. [Almgren, 1923.— S. 98; Godlowski, 1970.— S. 84].

В кургане II могильника в Каменной выявлена красноглиняная остродонная амфора с грушевидным ребристым корпусом, узкой шейкой и высоко поднятыми ручками с острым изломом в верхней части [Смішко, 1960.— Табл. XV, 3]. Подобный сосуд найден в кургане I могильника в Бранешты-Немцишор в комплексе с двумя инкерманскими амфорами [Mihailescu—Bîrliaba, 1980.— Fig. 17]. Как видим, время бы-

тования этих изделий совпадает. Поскольку инкерманские амфоры хорошо датируются концом III—IV в., то и амфору из Каменной, а также и весь памятник следует отнести к этому периоду. Тогда же, очевидно, функционировало и поселение у с. Королевка, где в хозяйственной яме обнаружена бронзовая двучленная подвижная фибула с пластинчатым корпусом IV в. [Амброз, 1966.— С. 64].

К третьей, наиболее поздней группе памятников культуры карпатских курганов относятся могильники в Мышине, Стопчатове, Переросли, Бранештах-Немцишор и, вероятно, курган в Добрянах. В кургане II могильника в Мышине найдена бронзовая двухпластинчатая фибула с сильно выдвинутой пятигранной дужкой и одинаковыми ромбовидными пластинками. Именно эта находка VI в. позволила М. С. Смишко поднять верхнюю хронологическую границу культуры к VI в. [1960.— С. 124]. Однако место мышинской фибулы в общем типологическом ряду двухпластинчатых фибул свидетельствует о ее бытовании не позже V в. [Вакуленко, 1977.— С. 66—67]. К такому же выводу приводят и немногочисленные известные аналогии. Две близкие по конструкции фибулы обнаружены в могильнике Миоркань (РНР) в комплексе второй половины — конца IV в. н. э. [Jónica, 1975, Fig. 4, 5]. Еще одна подобная фибула найдена в городище Гундемайген на Дунае и датируется V в. [Werner, 1981.— S. 233—240.— Abb. 6a].

В кургане I в Стопчатове обнаружены половина удила с восьмигранным стержнем, спаянным из бронзы и железа, и серебряная полуовальная пряжка. Биметаллические удила широко известны на памятниках гуннского времени [Alföldi, 1932.— Tab. I, 5; XXII, 1; XXIII, 2]. Следует назвать погребение в Кештели-Гат (Венгрия), где аналогичные удила встречены в комплексе с тремя серебряными пряжками, аналогичными стопчатовским, и трехлопастными гунскими стрелами [Alföldi, 1932.— Old. 60—61.— Кер. 17]. Биметаллические удила такой же конструкции (железо и серебро) известны в

наборе конского снаряжения Качинского клада, хорошо датированного двумя двухпластинчатыми серебряными фибулами первой половины V в. н. э. [Кухаренко, 1982.— С. 236, 238—240.— Рис. 1, 3].

Бронзовая плоская бляшка с прорезным орнаментом из кургана VIII в Переросли аналогична комплексу Качинского клада, поэтому само погребение также следует датировать первой половиной V в. К гуннскому времени, возможно, относится и курган в Добрянах, где найдена серебряная пряжка, аналогичная стопчатовской. Поздние комплексы, надо думать, не всегда исчерпывают всю полноту хронологии могильников, где они обнаружены. Так, в двух курганах могильника в Мышине выявлены бронзовые двучленные фибулы, датирующиеся со второй половины III в. (Смишко, 1960.— Табл. XII, 7; XX, 9; Almgren, 1923.— S. 98]. Это заставляет предположить более широкие хронологические рамки функционирования Мышинского Могильника. Вместе с тем погребальный инвентарь, обнаруженный в 17 исследованных из 67 курганов, производит впечатление однородного и в целом относящегося ко времени не ранее IV — первой половины V в. н. э. То же присуще Стопчатову, где обнаружено и исследовано четыре кургана. К этой же группе позднейших памятников, датирующихся IV — первой половиной V в., относится и могильник в Бранешты-Немцишор, где помимо уже упоминавшихся амфор конца III—IV в. найдена серебряная монета императора Констанца II.

Как отмечалось, в общих хронологических рамках культуры (конец II — первая половина V в.), благодаря архаичным чертам керамического материала, хорошо выделяется ее ранний этап. К нему следует отнести ряд курганов из Нижнего Струтиня и Изы, поселение в Грабовцах, жилища № 2, 5, 15, 16 на поселении в Глубокой.

Поздние памятники, датирующиеся концом IV—V в., по содержащимся в них керамическим и другим материалам, не имеют явных выделяющих от-

личий. Отмеченное здесь подавляющее большинство кружалной посуды при-суще и памятникам второй половины III—IV в.

Хронология киевской культуры раз-работана сравнительно хорошо, благо-даря наличию в некоторых комплексах датирующих предметов римского пе-риода — местных и черняховских ти-пов. Тесная связь специфически киев-ских находок с черняховскими изделия-ми, на что обратил внимание еще В. Н. Даниленко, заставляет предпо-ложить, что в целом киевская культу-ра синхронна черняховской. Так как на хронологию черняховской культуры существуют различные взгляды (чаще всего используют узкую (III—IV вв.) и широкую (II—V вв.) датировку), то отсутствует и полное единодушие в да-тировке памятников киевской культу-ры. Обычно их временные границы определяют II—IV (V) вв. или чаще III—V вв. Опираясь на новые разра-ботки и ряд находок, полученных в последние годы, хронологию киевской культуры в целом, а также датировку отдельных памятников можно уточ-нить.

На территории распространения киевской культуры ее памятникам не-посредственно предшествуют памятни-ки типа Грини, пока еще исследован-ные очень мало. К ним, кроме поселе-ний в Гринях (I и II), относятся, ве-роятно, наиболее ранние комплексы из Абидни, поселения Решетки, Вовки и др. На этих памятниках найдены об-ломки краснолаковых сосудов (Грини, Абидня), фрагменты амфор, сильно профилированные бронзовые фибулы с крючком на головке типа Альмгрен 84 (Вовки) и несколько бусин [Максимов, 1969.— С. 39—41; Горюнов, 1981.— С. 108—109]. Сочетание такой фибу-лы с краснолаковой керамикой наибо-лее характерно для второй половины II в. н. э. Эти предметы сопровождают керамику, которую можно назвать пе-реходной от позднзарубинецкой к киевской. Таким образом, памятники типа Грини указывают *terminus post quem* киевской культуры около рубежа II и III вв. [Терпиловский, 1981.— С. 94—95].

Наиболее ранние памятники киевской культуры, уже обладающие более или менее полным набором ее черт (пре-жде всего, это ощутимо по составу ке-рамического комплекса), все еще не отмечены влиянием черняховской куль-туры. В их числе можно назвать сред-неднепровское поселение и могильник в Казаровичах, комплексы киевской культуры из поселения и могильника в Новых Безрадицах, а также поселение Беседовка в Днепровском Лесостепном Левобережье и ряд комплексов из по-селения и могильника Абидня в Верх-нем Поднепровье. Для определения нижней даты киевской культуры су-щественны датирующие вещи из выше-упомянутых памятников: небольшая светлоглиняная амфора танаисского типа (Беседовка). Подобные амфоры по многочисленным античным закры-тым комплексам датируются первой половиной III в. или немного шире [Шелов, 1978.— С. 18—19]. В погре-бении № 14 могильника Казаровичи встречена железная двучленная подвяз-ная фибула [Максимов, Орлов, 1974.— Рис. 3, 2]. У нее гладкая спинка из круглого стержня с асимметричным из-гибом. Ее можно отнести к варианту 1 серии 1 по А. К. Амброзу, датируемому концом II—III в. [Амброз, 1966.— С. 62—63]. Там же найдена плоская красная пастовая бусина типа 104 по Е. М. Алексеевой, характерная для II—III в. [Алексеева, 1978.— С. 69], а так-же бронзовая пряжка с несомкнутыми концами и шишечками на них, две лу-ницы с выемчатой эмалью ранних ти-пов, судя по их относительно простой форме, неглубоким гнездам и красной эмали.

Ранняя дата киевской культуры определяется и на основании находок из вышеуказанного памятника Новые Безрадицы. Железная шпора с корот-кой, расширенной в середине дужкой и массивным граненым шипом и брон-зовая полукруглая пряжка с утолщен-ной впереди дужкой имеют аналогии, прежде всего, среди некоторых культур римского времени на территории ПНР [Jahn, 1921.— S. 50—51; PZP, 1981.— S. 264]. Сочетание этих вещей наибо-лее характерно для второй половины

II — начала III в. К несколько более позднему времени (III в.) можно отнести железный гребень с сегментовидной спинкой и две бронзовые двучленные подвязные фибулы (одна из них происходит из погребения № 6) с гладкой трехгранной в сечении спинкой.

Вероятно, этому периоду соответствуют и некоторые комплексы поселения Абидня в Верхнем Поднепровье, к сожалению, почти не опубликованные. Здесь, судя по кратким информации, обнаружено несколько железных подвязных фибул серии 1 подгруппы II по А. К. Амброзу, плоские красные пастовые бусины, две лунницы с выемчатой эмалью, пряжка с двучастной полукруглой рамкой, бронзовая римская монета начала III в. [Поболь, 1966. — С. 205—217].

Следующий этап развития киевской культуры в Среднем Поднепровье характеризуется поступлением черняховских импортов и в целом может быть датирован второй половиной III — началом IV в. Лучше других комплексов датируются киевские объекты двуслойного поселения Глеваха близ Киева, где кроме керамики (в том числе и черняховской столовой), встречены датирующие предметы. Это одна железная и две бронзовые фибулы, обнаруженные в хозяйственных ямах № 25, 43 и в культурном слое. Все они двучленные, подвязные с гладкой узкой спинкой. Отличия касаются лишь профилировки спинки и ее сечения. К наиболее раннему типу относится найденная в культурном слое фибула из округлого в сечении прута; более поздним временем можно датировать фибулу из четырехгранного стержня из ямы № 43. И, наконец, фибула из ямы № 25 с двумя фасетками может быть отнесена к концу III — началу IV вв. Трехслойные многочастные небольшие костяные гребни с невысокой дуговидной спинкой (жилище № 3 и яма № 31) датируются в основном второй половиной III в. или несколько шире [Thomas, 1960. — С. 120]. Не исключено, что бронзовые фибулы и гребни, как и гончарная посуда, относятся к черняховскому импорту. Бронзовая пластинчатая подвеска-лунница из жи-

лица № 3 имеет аналогии в памятниках II в. н. э. — Картамышево 2 и Осиновка.

Таким образом, для киевских объектов из Глевахи наиболее оправданной датой будет вторая половина III в., не исключая, возможно, и самого начала IV в. Очевидно, к этому же периоду относится материал из выемки пода № 1 Обухова III, судя по набору керамических форм и совместной находке нижней части черняховской миски [Абашина, Гороховский, 1975. — С. 61—71]. Возможно, в конце III — первой половине IV в. возникает и поселение у с. Ходосовка (уроч. Диброва), где найдена крупная железная подвязная фибула с широкой спинкой.

К рассматриваемому периоду относятся, возможно, и вещи с выемчатой эмалью из Хлепчи и Новых Безрадичей: известная цепь из трех блях, соединенных цепочками, а также треугольная фибула и лунница [Гороховский, 1982. — С. 125—140]. По сравнению с изделиями из Казаровичей и Абидни, данные украшения отличаются более крупными размерами, развитыми формами, ажурным обрамлением и более глубокими гнездами для разноцветной эмали.

Этот период киевской культуры в Подесенье характеризуется, в отличие от Киевщины, почти полным отсутствием черняховского импорта. Такие предметы начинают проникать туда не ранее IV в., о чем свидетельствуют находки бронзовой подвязной, орнаментированной по спинке колесиком, фибулы из Куриловки и пряжки с литой рамкой и массивным язычком из Салтыковой Девицы 2. На поселениях Деснянка, Мена 5, Киреевка 1 и 2, Лавриков Лес и Форостовичи при относительно развитых формах керамики черняховские материалы отсутствуют [Терпиловский, 1984. — С. 40—42]. Вместе с тем здесь встречены три крупные подвязные железные фибулы, спинки которых расчленены площадками (Деснянка, Мена 5, Лавриков Лес). Такие изделия следует датировать по среднеевропейским и прибалтийским аналогиям второй половиной III — первой половиной IV в. Несколько шире

(III—IV вв.) датируется железная посоховидная булавка с головкой из граненого стержня с завитком (Лавриков Лес, Киреевка). Кроме того, на поселении Мена 5 встречена плоская красная пастовая бусина II—III вв.

К этому же кругу древностей, вероятно, относится поселение Кветунь, в значительной мере разрушенное более поздними могильниками [Горюнов, 1981.— С. 30—32]. С киевской культурой следует связать находки крупной подвязной и двух перекладчатых фибул, а также крестовидную бляшку с выемчатой эмалью. Перекладчатые фибулы, хотя и восходят к прибалтийским прототипам, известны и южнее. Так, две из них, близкие находкам из Кветуни, встречены в одном из погребений черняховского могильника Компанийцы, где датируются, очевидно, концом III — первой половиной IV в.

Очевидно, к III—IV вв. относится и большинство комплексов из Абидни в Верхнем Поднепровье. Среди нескольких железных подвязных фибул из Абидни есть экземпляры, аналогичные фибуле с граненой спинкой из Глевахи. К IV в., судя по аналогиям из Центральной Европы, относится бронзовая ручка римской шкатулки. Кроме того, в Абидне в большом количестве найдены посоховидные булавки, главным образом железные, аналогичные изделиям из Подесеня. Вероятно, некоторые киевские комплексы из Тайманово относятся к этому же времени (из культурного слоя — несколько вещей с эмалью, круглая фибула-брошь прибалтийского типа III—IV вв. и большое количество посоховидных булавок), хотя в целом соответствующий слой этого памятника можно датировать несколько более поздним временем, чем Абидню.

Приблизительно с рубежа III—IV вв. памятники, во многом близкие киевским, появляются в Курском Посеймье. Как и в Среднем Поднепровье, они находятся под значительным воздействием черняховской культуры, о чем свидетельствуют находки черняховской керамики и других изделий черняховского типа [Сымонович, 1983.— С. 98—100]. К рассматриваемому периоду, ве-

роятно, относится поселение Букреевка 2, где в постройке № 8 обнаружена фибула с длинным приемником и корпусом, украшенным тремя кольцами. Подобные изделия обычно датируют III и началом IV в. В культурном слое встречена небольшая подвязная фибула с узкой спинкой, расчлененной площадками. Можно предположить, что сочетание таких фибул указывает на конец III — первую половину IV в. Этой датировке не противоречат и сравнительно архаические формы керамики.

Заключительный этап развития киевской культуры характеризуется появлением в местной среде черняховских импортов, среди которых встречаются и вещи гуннского времени. Этот этап наиболее отчетливо прослеживается в Подесенье, где к нему относятся такие сравнительно широко исследованные и опубликованные поселения, как Роище и Ульяновка. Здесь повсеместно распространен довольно разнообразный и многочисленный черняховский импорт, представленный не только различными украшениями и предметами личного убора, но и гончарной керамикой, орудиями труда и т. п. [Терпиловский, 1984.— С. 40—42]. Наиболее четко верхняя дата киевской культуры может быть определена небольшим бронзовым браслетом с утолщенными концами и гравировкой на них и фрагментом зеркала из белого сплава с центральной петлей и радиально-концентрическим рельефным орнаментом (Ульяновка, жилище № 1), а также трехслойным костяным гребнем с прямыми плечиками и высокой арочной спинкой и фрагментированной светлоглиняной амфорой типа Е (Роище, жилище № 14). Браслет, зеркало и гребень по средневропейским аналогиям датируются в пределах второй половины IV—V в. Амфоры типа Е Д. Б. Шелов датирует концом IV — началом V в. [Шелов, 1978.— С. 19]. Таким образом, сочетание перечисленных вещей с черняховской гончарной керамикой скорее всего может указывать на конец IV — первую половину V в.

К IV в. в целом можно отнести клад серебряных лунниц и колец (украше-

ний сбруи) и большую полихромную бусину (тип 316 по Е. М. Алексеевой), обнаруженные в культурном слое поселения Роище [Алексеева, 1978.— С. 52; Терпиловский, 1984.— С. 31]. Ко второй половине IV в. относятся крупные узкие железные пряжки (Роище, жилище № 3 и яма № 196, Ульяновка, постройка № 5), имеющие аналогии в памятниках добродзеньского типа на территории ПНР [PZP, 1981.— S. 101—102]. Бронзовые пряжки с округлой рамкой со слегка изогнутым на конце язычком с квадратным выступом у основания можно датировать IV в. по находкам подобных вещей в могильниках цебельдинской культуры [Воронов, Юшин, 1979.— С. 179]. Этим же временем датируются некоторые типы бус: многочисленные бусины синего стекла (Киселевка 2, жилища № 2 и 3) и биконические прозрачно-зеленые бусы (Ульяновка, постройка № 5).

Наиболее поздние памятники киевской культуры Среднего Поднепровья пока не дали выразительных датированных материалов. Однако, судя по близким формам керамики, описанным деснянским памятникам синхронны под № 2 из Обухова III, Обухов II и IV, а также поселение Вишенки. На последнем обнаружено несколько фрагментов жернова, изготовленного из вулканического туфа. Судя по материалам Подесенья и Среднего Поднепровья, такие изделия появляются в данных регионах в IV в., когда на Южном Буге начинает функционировать мощный центр по изготовлению ручных мельниц из туфа.

Заключительная фаза развития киевской культуры Верхнего Поднепровья может быть представлена материалами поселения и могильника Тайманова, что, впрочем, затруднено отсутствием подробных публикаций. В комплексах и культурном слое Тайманова обнаружены изделия южного, возможно, черняховского происхождения [Поболь, 1971.— С. 148—150]. Это несколько пряжек и бус, фрагмент костяного гребня и гончарная миска. Не исключено, что привозные южные вещи появляются в Верхнем Поднепровье в то же вре-

мя, что и в Подесенье, то есть, со второй половины IV в. Во всяком случае, к IV в. следует отнести железную фибулу со сплошным приемником и ленточной спинкой. В жилище № 15 вместе с четырьмя бронзовыми подвижными фибулами встречена фибула с ромбической ножкой и сплошным приемником, относящаяся, скорее всего, ко второй половине IV в.

Этим же или несколько более поздним временем датируются памятники, исследованные к северу от Курска по р. Тускарь. Таким памятником, в первую очередь, является Каменево 2, где наряду с киевскими уже появляются и колочинские черты. Для его датировки особенно существенны находки двух крупных железных фибул (постройки № 2 и 7) и верхней части стеклянного кувшина [Сымонович, 1983.— С. 98—100]. Фибулы однотипны: с расширяющейся ленточной ножкой, сплошным приемником и длинной пружинной с шариками на концах. Аналогии этим изделиям известны, прежде всего, в Прибалтике, где соответствующие типы фибул датируются второй половиной IV — первой половиной V в. [Godłowski, 1970.— P. XII, 7]. Вместе с вышеописанной фибулой в постройке № 7 обнаружена крупная узкая железная пряжка с изогнутым на конце язычком. Напомним, что такие вещи встречены в Подесенье (Роище, Ульяновка) на памятниках гуннского времени. В Роище в жилище № 4 встречена своеобразная бритва с прямым клинком и узкой рукоятью, аналогичная двум находкам из Каменево 2. Верхняя часть сосуда из прозрачного зеленоватого стекла с широкой профилированной ручкой, вероятно, принадлежала кувшину с цилиндрическим корпусом. Изделие является римским импортом и относится ко времени не раньше IV в.

К тому же примерно периоду, что и Каменево 2, относится часть материалов из Тазово. Небольшой трехслойный гребень с прямыми плечиками и полукруглой спинкой (тип III по С. Томас) аналогичен находкам из Ульяновки и Роища и датируется IV — началом V в. К северу от Курска, несомненно,

существует еще ряд памятников этого же периода, о чем свидетельствует случайная находка в р. Тускари возле с. Гусинка большой красноглиняной амфоры так называемого типа Делакеу (Сымонович, 1971.— С. 231—232]. Так как к северу от Курска черняховские памятники отсутствуют, то данную находку можно связать с киевской культурой.

Таким образом, общие рамки киевской культуры можно определить в пределах конца II — начала III в. до середины V в. Внутри этого отрезка времени выделяются три периода, перекрывающие друг друга, так как некоторые датирующие изделия имеют сравнительно широкие хронологические рамки: а) ранний (конец II—III в.); б) средний (вторая половина III — первая половина IV в.); в) поздний (большая часть IV — первая половина V в.). Выделенные периоды в некоторой степени отвечают центрально-европейской хронологической схеме Эггерса-Годловского [PZP, 1981.— S. 51—57]. При этом, ранней фазе в основном соответствуют предметы периода C₁, средней — C₂ и, возможно, C₃ и поздней — D.

Сравнение хронологии восточно-европейских культур пезднеримского вре-

мени показывает, что черняховская, киевская и культура карпатских курганов развивались практически синхронно, возникнув в конце III — начале IV в., и прекратили существование в начале V в. С конца II до середины III в. все культуры переживают этап формирования, за исключением вельбарской, попавшей в Восточную Европу в сложившемся виде. Последним объясняется более однородный характер ранних вельбарских памятников в сравнении с остальными памятниками этого времени, в большинстве своем синтезирующих элементы материальной культуры предыдущего периода. Древности восточно-европейских культур конца III — большей части IV в. предстают в их классическом виде, однако вельбарские поселения и могильники в начале IV в. на нашей территории исчезают или перерождаются в смешанные черняховско-вельбарские памятники.

В первой половине V в. черняховская, киевская и культура карпатских курганов прекращают свое существование, но многие элементы двух первых и некоторые элементы последней получают продолжение и развитие в славянских культурах третьей четверти I тыс. н. э.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ

I тыс. н. э.

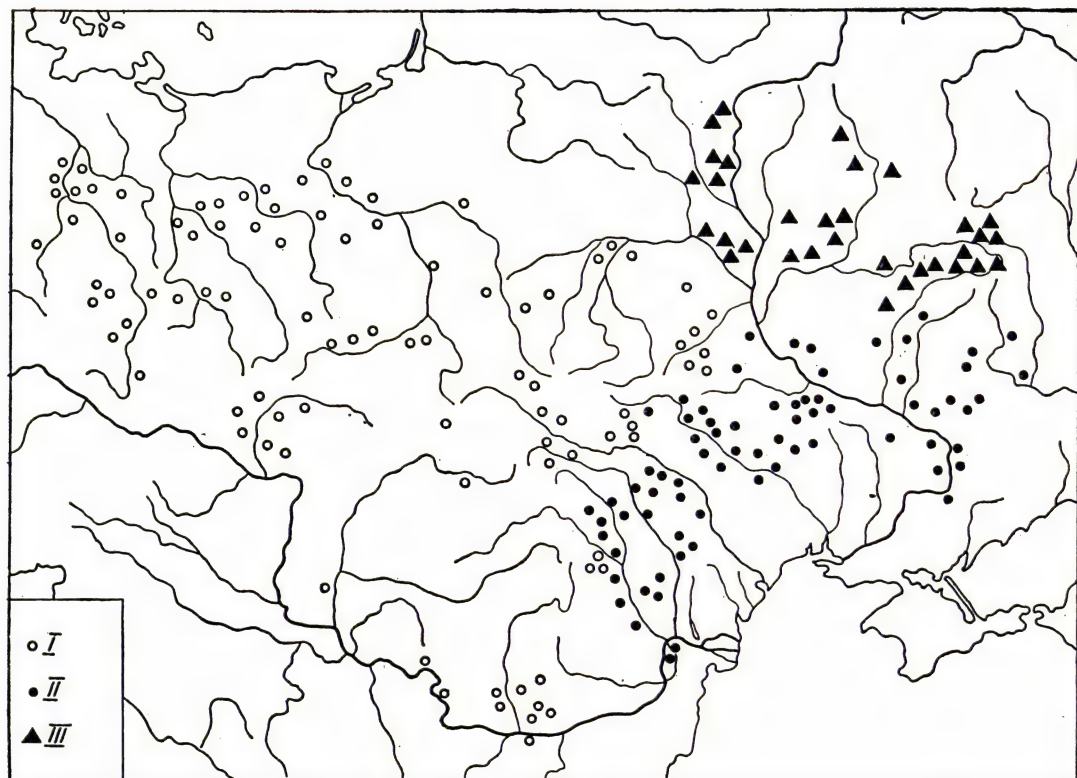
На рубеже и в первой четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы существовало несколько вполне сложившихся этнокультурных образований: зарубинецкая культура в Среднем и Верхнем Поднепровье и Полесье; пшеворская и липицкая на Верхнем Днестре; позднелатенская в Закарпатье; поенешти-лукашевская в междуречье Прута и Днестра; скифо-сарматская в Северном Причерноморье и степной части Украины.

Скифо-сарматские древности первых веков нашей эры сложились в результате завоевания сарматами скифских степей Северного Причерноморья. И степные скифы, и сарматы, по свидетельству лингвистов, — ираноязычное население. В подоснове позднелатенской культуры Закарпатья, поенешти-лукашевской и липицкой культур лежат кельтские, фракийские и бастарнские древности Подунавья. Пшеворские памятники распространяются на Западном Буге и Верхнем Поднепровье в позднелатенский период из Повисленья уже в готовом виде, так как в упомянутом регионе пшеворская культура существовала с рубежа III—II вв. до н. э. В настоящей работе все эти древности интересуют нас как возможное славянское окружение.

Наибольший интерес для нашей темы представляет зарубинецкая культура, сложившаяся на рубеже III—II вв. до н. э. на территории Среднего и Верхнего Поднепровья, а также Припятского Полесья. В предшествующий

период ее территория была занята в Поднепровье культурами скифов-пахарей и подгорцевско-милоградской, а на Волыни — поморско-подклешевой. Последняя как один из компонентов лежит в подоснове и пшеворской культуры Повисленья.

Сравнительное изучение зарубинецкой культуры и более ранних древностей показало наличие в ней компонентов предшествующих культур: поморско-подклешевой, особенно на памятниках волынской группы, элементов скифской лесостепной, а также подгорцевской и милоградской культур, преобладающих в средне- и верхнеднепровской группах [Максимов, 1972. — С. 117]. Общие черты наблюдаются в жилищном строительстве, в какой-то мере в погребальном обряде и других элементах культуры. Так, подквадратные полуземлянки со срубными стенами и очагом волынской группы зарубинецких поселений очень близки к жилищам поморских памятников Белорусского и Припятского Полесья. Полуземляночные жилища такой же формы или прямоугольные характерны и для среднеднепровской группы зарубинецких поселений. Однако плетневые стены обмазывались глиной, что характерно для жилищ предшествующего периода, известных по раскопкам лесостепных городищ скифского времени. На Верхнем Днестре зарубинецкие углубленные постройки близки к жилищам милоградской культуры. Одновременно все отмеченные черты в том

или ином сочетании можно найти в каждой из групп зарубинецких древностей, так как последние представляют уже иной, новый этап в домостроительстве поселений Верхнего Поднепровья и Волыни, лишь сохраняющих местные традиции.

Погребальный обряд населения зарубинецкой культуры, выраженный в ямных и урновых трупосожжениях, больше связан с традициями поморско-подклешевой и милоградской культур, чем лесостепных скифских древностей, хотя и здесь наблюдаются определенные различия [Максимов, 1972.— С. 122]. Для могильников Среднего Поднепровья позднескифского времени характерны как бескурганные, так и курганные погребения с трупоположениями, не имеющие продолжения в зарубинецкой обрядности. В них выявлены только единичные ямные погребения с трупосожжениями, в какой-то степени аналогичные зарубинецким [Петренко, 1961.— С. 86—96; Максимов, 1972.— С. 121]. Зарубинецкий по-

Рис. 37. Схема размещения археологических культур третьей четверти I тыс. н. э. на юге Восточной и в Центральной Европе (основные памятники):

I — пражская культура; II — пеньковская культура; III — колочинская культура.

гребальный обряд нельзя вывести из какой-то одной предшествующей культуры. Однако остается неоспоримым фактом то, что он в основном продолжает традиции, сложившиеся в Средней Европе и северо-западной части Восточной Европы. Вполне допустимо, что наличие трупосожжений в лесостепных скифских культурах, где они составляют около 5 % погребений [Петренко, 1967.— С. 58], также связано с северо-западными влияниями населения поморско-подклешевой культуры.

Зарубинецкая керамика по технике обработки поверхности четко делится на две группы: грубая толстостенная кухонная посуда; столовая посуда с гладкой лощеной поверхностью. Отметим, что керамика первой группы по

формам горшков довольно различна. В волыно-полесской группе зарубинецких памятников явно преобладают округлобокие формы с наибольшим расширением сосуда в верхней части, в Среднем и Верхнем Поднепровье ведущей формой являются сосуды с наибольшим расширением в середине высоты. Соответственно первые типологически связаны с посудой поморско-подклешевой культуры, вторые — с посудой скифских лесостепных культур Среднего Поднепровья с учетом определенной их эволюции. На зарубинецких памятниках Верхнего Поднепровья известны формы, которые можно увязать с некоторыми группами керамики милоградской культуры.

Весомым компонентом в зарубинецкой культуре является чернолощенная посуда второй группы. Несмотря на ее некоторую схожесть с керамикой предшествующих культур, особенно поморской, истоки этой группы посуды следует искать в латенских культурах Южной и Средней Европы. Именно эти влияния определили облик ряда европейских культур рубежа нашей эры и охватили ряд культур Юго-Восточной Европы, в том числе зарубинецкую [Филипп, 1956; Максимов, 1972. — С. 127]. Е. В. Максимов, К. В. Каспарова, С. П. Пачкова и другие исследователи отмечают латенское влияние на производство зарубинецких фибул. Созданные зарубинецкими мастерами по латенским образцам, они имели все же свою оригинальную форму, характерную только для зарубинецкой культуры [Максимов, 1972. — С. 128; Каспарова, 1978. — С. 84].

Таким образом, сопоставление наиболее весомых в этнокультурном отношении элементов зарубинецкой культуры с предшествующими древностями показало, что в ней в той или иной степени присутствуют компоненты поморско-подклешевой, милоградской и скифской лесостепной культур. Их преобладание в отдельных регионах стало фактором, обусловившим в значительной мере ее локальные различия. Рассматривая зарубинецкую культуру как единое этнокультурное образование, следует согласиться с Е. В. Максимо-

вым, что ее нельзя вывести из какой-то одной предшествующей культуры [Максимов, 1972. — С. 128]. Попытки увязать сложение зарубинецких древностей или ее отдельных локальных групп лишь с лесостепными культурами скифского облика (П. Ф. Либеров), милоградской культурой (Л. Д. Поболь) или поморско-подклешевой (Ю. В. Кухаренко) упрощают те сложные этнокультурные, экономические, социальные и политические процессы, которые создавали предпосылки для возникновения качественно нового общественного явления, каким является зарубинецкая культура.

Если рассматривать сложение зарубинецкой культуры в целом, то трудно отдать предпочтение каким-либо из факторов, обусловивших ее возникновение. Причем на рубеже III—II вв. до н. э. носители всех этих культур, в том числе поморско-подклешевой, могут рассматриваться в качестве субстрата. Однако в дальнейшем наблюдается усиление тенденций развития западных и северных элементов поморского и милоградского субстрата, особенно в погребальной обрядности. Этот компонент просматривается и в облике жилищ, и в керамическом производстве. Элементы лесостепных культур скифского времени Поднепровья сохраняются лишь частично в кухонной керамике и в еще меньшей степени — в домостроительстве.

В последующем периоде (I — начало III в. н. э.) прослеживаются две линии развития: западная — на памятниках волыно-подольской группы — и восточная в сочетании с западной — в позднезарубинецких памятниках Поднепровья.

Формирование этих направлений в развитии материальной культуры населения лесостепной части Юго-Восточной Европы приходится в основном на I в. н. э. Для этого периода характерны неустойчивость, передвижение и смешение различных этнических группировок, что расшатывало и приводило в упадок уже сложившиеся культурные образования и способствовало зарождению новых.

К рубежу нашей эры первой под давлением гето-даков, а возможно, и сарматов прекращает существование поенешти-лукашевская культура, возникающая в Попрутье с приходом ба-старнов, смешавшихся с местным фракийским населением [Пачкова, 1985.— С. 25].

В I в. н. э. в значительной мере приходит в упадок зарубинецкая культура и меняет свой облик. Главной причиной этих изменений явилось перемещение соседних племен. С юга на север продвигаются сарматы. Их погребения появляются в Среднем Поднепровье на Роси и Тясмине (Колонтаев, Колодистое, Емчиха, Ярошовка и др.). На левом берегу Верхнего Днестра и его левых притоках начиная с середины I в. н. э. появляются памятники липицкой культуры (Верхняя Липица, Залесцы, Черепин, Бовшев I, Незвиско и др.), увеличивается количество пшеворских памятников.

В этих условиях одни группы зарубинецкого населения со Среднего Поднепровья отходят к северо-востоку — на Десну, другие — к югу — на Южный Буг. Размывается и припятско-полеская группа зарубинецких древностей, часть населения которой постепенно переселяется в Верхнее Поднестровье.

В результате всех этих перемещений во второй половине I—II в. н. э. между Днестром и Верхней Вислой создается обширная зона смешанных памятников носителей перечисленных культур [Козак, Терпиловский, 1986]. В последние годы выделен культурный пласт второй половины I—II в. н. э., образовавшийся в процессе интеграции зарубинецких, пшеворских и липицких элементов культуры [Баран, 1981.— С. 148—150]. Они представлены на Днестре и Волыни памятниками воыно-подольской группы [Козак, 1984.— С. 49; 1985.— С. 27—34], а в Среднем Поднепровье и на Южном Буге — поздnezарубинецкими древностями [Даниленко, 1976.— С. 65—91] (см. рис. 68).

Определение этнокультурных черт, свидетельствующих о непрерывном развитии материальной культуры субстратного населения и элементов, привнесенных извне, а также установление их

количественного соотношения на различных памятниках второй половины I—II в. н. э. междуречья Днестра, Днестра и Верхней Вислы является одним из важных достижений славянской археологии последних десятилетий. Процессы их смешения и синтеза представляют одну из наиболее характерных особенностей развития материальной культуры населения Лесостепной полосы Юго-Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э.

Трудно предсказать, в каком направлении пошло бы развитие этой новой группы с проявившимися чертами определенной этнокультурной общности, если бы на рубеже II и III вв. она не подверглась давлению извне еще одной группировки. Имеются в виду носители вельбарской культуры — гото-гепиды, могильники и поселения которых появляются на Волыни (Брест-Тришин, Дитиничи и др.). По письменным и археологическим данным, именно в это время начинается их миграция из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье.

Последнее обстоятельство в значительной мере повлияло на дальнейшее развитие культурно-генетических процессов в Днепро-Висленском регионе, а также Северо-Западном Причерноморье, где аналогичные процессы (с некоторыми особенностями) происходили среди скифо-сарматского и гетского населения. Пришельцы со своей материальной культурой вливаются в эту среду и становятся еще одним ее компонентом. Кроме того, с их приходом изменяется политическая ситуация в Юго-Восточной Европе. Готы какое-то время возглавляют новообразовавшиеся военные объединения в рамках черняховской культуры, состоящие из славян, скифов, сарматов и дако-гетов, ведущие «готские» («скифские») войны с Римской империей [Баран, 1981.— С. 165—177; 1980.— С. 66—70]. Определяя в значительной мере политическую и военную ситуацию, готы — носители довольно примитивной вельбарской культуры — остаются малозаметными в культурной и социальной сферах, особенно по сравнению с тем вкладом, который вносит в развитие черня-

ховской культуры осевшее на землю скифо-сарматское, а также фракийское население юга, имевшее многовековые традиционные культурные связи с античной цивилизацией. Именно последнее являлось носителем провинциально-римских влияний в черняховской культуре, особенно на юге. В лесостепной полосе важную роль в образовании и развитии черняховской культуры сыграло субстратное население, представленное памятниками, синтезирующими в различных соотношениях элементы позднезарубинецкой и пшеворской культур. Именно эта, так называемая волыно-подольская, группа памятников и легла в основу локальной группы черняховских древностей Днестро-Днепровского междуречья, что придало им своеобразную этнографическую окраску, которая доживает до славянского средневековья. Сказанное подтверждается сопоставлением памятников первой и второй четверти I тыс. н. э. на указанной территории по таким основным категориям, как жилища, погребальный обряд, домашнее керамическое производство, характер социальной структуры и пр.

Как отмечалось в предыдущих разделах, в черняховской культуре Днестро-Днепровского междуречья основными типами жилищ остаются прямоугольные и подквадратные полуземлянки, характерные для позднезарубинецких памятников и поселений волыно-подольской группы (см. рис. 19). На черняховских поселениях заключительного этапа в Среднем и Верхнем Поднестровье в жилищах появляются печи-каменки, не известные в Юго-Восточной Европе в более ранний период. Их зарождение связано именно с этим регионом, где в изобилии имеется камень. По-видимому, и наземные постройки небольших размеров в значительной мере связаны с субстратными явлениями, чем с влиянием вновь появившихся групп вельбарского населения, хотя они не чужды и последнему. Наземные и углубленные большие жилища, нередко двух- и трехкамерные, не имеют прототипов на указанной территории. Они появляются здесь с приходом вельбарского населения [Тиха-

нова, 1966; Баран, 1981. — С. 159—161].

Каменные дома прибрежной полосы Северо-Западного Причерноморья связаны с традициями античной хоры. Они известны на этой территории в первых веках нашей эры на таких памятниках, как Козырка, Петуховка и др., где обитало смешанное население, состоящее из греков, скифов, сарматов, фракийцев [Бураков, 1976. — С. 145]. По-видимому, на таких селищах в Северном Причерноморье селилось и пришедшее сюда готское население, не знавшее каменного домостроительства. Во всех других регионах Юго-Восточной Европы, где найдены вельбарские материалы, в том числе на Среднем Днестре, и где выходы на поверхность камня-песчаника не могли быть не замечены, каменные постройки отсутствуют. Их нет и на поселениях Нижнего Повисленья, откуда готы переселились в Северное Причерноморье.

Каменное домостроительство в Юго-Восточной Европе несомненно связано с Северным Причерноморьем, где наблюдается синтез античных и варварских традиций. Оно, как и глиняное многокамерное домостроительство Юго-Восточной Европы, является тушиковым. В славянских культурах раннего средневековья бытуют лишь подквадратные полуземлянки с печью-каменной или в редких случаях — глиняной печью (см. рис. 42), традиции которых достигают зарубинецкой культуры. Домостроительство черняховского населения, обитавшего в междуречье Днестра и Дуная, наиболее близко к жилищам поселений вельбарской и дако-гетских культур первой четверти I тыс. н. э. Лишь в IV — начале V в. в этом регионе, в том числе на селищах культуры карпатских курганов в верховьях Прута (Гореча, Кодын II), также появляются подквадратные полуземлянки, иногда с печью-каменной, свидетельствующие о распространении днестровских домостроительных традиций.

Как и на поселениях, на могильниках черняховской культуры прослеживаются некоторые черты, свойственные населению предшествующих культур. Однако синтез материальной культуры различных этнических групп черняхов-

ского населения во второй четверти I тыс. н. э. и социальные преобразования вызвали изменения в их духовной жизни. Рассматривая погребальные обряды зарубинецкого, пшеворского, вельбарского, фракийского и скифо-сарматского населения, занимавшего определенные регионы Юго-Восточной Европы в первой четверти I тыс. н. э., необходимо отметить, что у четырех первых групп на нашей территории существовало трупосожжение, а у двух последних — трупоположение. Единичные трупоположения, открытые И. К. Свешниковым на смешанных пшеворско-липцких могильниках в Звенигороде и Болотне Львовской области, скорее всего, оставлены сарматами [Свешников, 1957; Щукин, 1973. — С. 9].

На территории Польши известны вельбарские погребения с трупоположениями и единичные пшеворские [Баран, 1981. — С. 71—72]. На черняховских могильниках сочетаются почти все типы погребений. Однако, как справедливо отмечают Э. А. Сымонович и Н. М. Кравченко, наличие соответствующих черт погребальной обрядности связано в первую очередь с регионами, для которых она была характерна в предыдущий период. Так, фракийские черты главным образом наблюдаются на территории Румынии и Молдавии [Федоров, 1960. — С. 89—101]; зарубинецкие — в Среднем Поднепровье [Сымонович, 1959; Кравченко, 1970], иногда — в Поднестровье [Баран, 1981. — С. 73]; пшеворские — в верховьях Западного Буга и Днестра; вельбарские — на Волини и в междуречье Южного Буга и Днепра; позднескифские и сарматские — в Северном Причерноморье [Магомедов, 1981. — С. 8—9; Гей, 1985].

Анализ погребального обряда показал, что при всей консервативности он меняется, теряя те или иные черты, приобретает новые, особенно на этапе формирования новой этнокультурной общности. В результате интеграции определенных этнических групп в черняховском обществе возникают новые формы идеологических представлений, при которых уживаются различные способы захоронения (ингумация, кре-

мация в урнах и ямах и пр.) на одних и тех же могильниках. Более того, биритуализм утверждается как постоянная форма погребального обряда.

Сравнительное изучение черняховских погребальных обрядов показало, что ни один тип погребений нельзя рассматривать как простое продолжение погребальных традиций населения какой-то одной из предшествующих культур, в том числе вельбарской. Подобная оценка погребальной обрядности носителей черняховской культуры вынуждает нас (на данном этапе) признать ограниченность возможностей этнических определений и проявить осторожность при подсчетах количественных показателей ее составных компонентов. Однако в настоящее время достоверно установлено, что носители последующих славянских культур V—VII вв. начиная с V в. уже не хоронят умерших по обряду трупоположения. Погребальный ритуал полностью утрачивает черты, свойственные ираноязычному скифо-сарматскому населению степной части Европы. Сохраняются лишь различные типы трупосожжений, издревле господствующие в Средней Европе, лесной и лесостепной частях Юго-Восточной Европы.

Важное значение при решении вопросов преемственности культур имеет керамика, особенно лепная. Отметим разнообразие черняховской керамики, которое вполне соответствует синкретичности самой культуры. Гончарная сероглиняная посуда, которой широко пользовалось черняховское население, ведет свое происхождение с юга. Она связана с провинциально-римским производством, с упадком которого к началу VI в. выходит из употребления у жителей Лесостепной полосы Юго-Восточной Европы. Такое явление характерно не только для черняховских древностей, но и для многих культур Средней и Западной Европы.

Лепная посуда представлена формами, происхождение которых связано в Днестро-Днепровском междуречье с местным населением волыно-подольской группы, южнее — с гетским и скифо-сарматским субстратами, а также пришлым гото-гепидским населением,

представленным в «чистом» виде вельбарской культурой. Эти группы и формы посуды, нередко сочетаются на одних и тех же черняховских памятниках, хотя изучение количественного соотношения позволяет увязать их с определенными географическими районами, совпадающими в общих чертах с областями распространения соответствующих предшествующих культур.

Как и гончарная сероглиняная, все группы и типы лепной посуды, связанные с пришлыми гото-гепидскими группировками, а также поздне скифским и сарматским населением, прекращают свое существование с упадком черняховской культуры. Их отголоски в виде единичных банковидных сосудов (черта сарматской лепной посуды) или с глухим ушком (деталь вельбарской посуды) встречаются лишь на отдельных славянских поселениях раннего средневековья [Баран, 1983.— С. 31]. Дальнейшее развитие получают лишь формы лепной посуды (типы I—III первой группы, тип VI (см. рис. 24), связанные с территорией Лесостепи, начиная с зарубинецкой культуры. Именно они, как и подквадратные жилища и определенные типы ямных и урновых сожжений, доносят местные традиции до раннего средневековья. Этим процессам не противоречат и другие элементы материальной культуры: украшения, предметы быта и одежды, орудия труда и т. п. Однако последние, как правило, лишены узко этнографических особенностей. В большинстве они имеют общеевропейский характер и скорее поддаются хронологическому чем этнографическому членению, тем более в относительно ограниченном регионе.

В отличие от черняховской культуры, возникшей на многоэтнической основе, и представляющей собой скорее социально-экономическую и политическую общность, чем этническую, киевская культура наследовала позднезарубинецкие древности Среднего и Верхнего Поднепровья. Такие компоненты, как пшеворские в Среднем Поднепровье и балтские в Верхнем Поднепровье, в ней очень незначительны. Благодаря своему географическому по-

ложению киевская культура осталась в стороне от провинциально-римских влияний, что положительно сказалось на сохранности ее этнокультурных особенностей. Это подтверждает сравнительное изучение материалов киевской культуры с предшествующими древностями. Подквадратные или прямоугольные полуземляночные жилища со срубными, иногда плетневыми стенами и очагом (см. рис. 19) продолжают традиции позднезарубинецкого населения. Лишь в Подесенье появляется центральный столб — новая деталь внутреннего интерьера жилища. Однако и он, по мнению исследователей [Терпиловский, 1984.— С. 11—13], существенно не влиял на изменение устоявшегося облика жилищной постройки. Все же появление этого нового элемента в домостроительстве населения киевской культуры Верхнего Поднепровья еще ждет обоснованного объяснения.

Погребальный обряд носителей киевской культуры, представленный ямными трупосожжениями, по сравнению с предыдущим периодом несколько изменяется, особенно в деталях. Исчезают в основном урновые трупосожжения, значительно беднеет инвентарь, в ряде случаев появляется вторично обожженная керамика (черта пшеворских памятников). Изменения не затрагивают тех основных черт погребальной обрядности населения киевской культуры, которые прослеживаются вглубь до поморско-подклешевых и милоградских сожжений. Следует согласиться с мнением о продолжении в поздне римское время местных зарубинецких традиций, сложившихся в северо-западной части Верхнего Поднепровья и Волыни.

Определенные трудности вызывает решение вопроса о происхождении керамического комплекса киевской культуры. Наиболее близкая керамика, дополненная чертами, свойственными посуде позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья (Оболонь, Лютеж), известна на позднезарубинецких памятниках типа Грини, а в Подесенье — памятниках типа Почеп. Именно эти типы лепных сосудов, а также диски

и сковородки определяют особенность керамического комплекса киевской культуры и бытуют вплоть до раннего средневековья. Однако нельзя не отметить единичные формы, восходящие к культуре штрихованной керамики, а также пшеворской культуре, свидетельствующие о некотором, хотя и очень скромном, участии этих компонентов в процессах сложения киевских древностей. Приведенным данным не противоречат и другие составные элементы киевской культуры (бытовой и производственный инвентарь, украшения), а в особенности процессы социально-экономического развития населения на протяжении первой и второй четверти I тыс. н. э. Последние свидетельствуют об эволюционном, хотя и не очень быстром, поступательном развитии материальной культуры одного и того же населения Верхнего Поднепровья и Волыни в первой половине I тыс. н. э. без каких-либо существенных потрясений, связанных с внешними вторжениями.

Как видим, изучение взаимосвязей культур первой половины I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы в их хронологической последовательности показало, с одной стороны, непрерывное развитие этнокультурных черт субстратного населения, а с другой — наличие черт, привнесенных извне ираноязычными, фракийскими, германскими и балтскими группами населения. Это явление представляет собой одну из важнейших закономерностей исторического развития Юго-Восточной Европы на рубеже и в первой половине I тыс. н. э.

В процессе сложнейших взаимоотношений местного и пришлого населения происходили те этнокультурные и социально-экономические процессы, которые привели к образованию новых этнических общностей, в том числе древнеславянской.

В материальной культуре эти процессы фиксируются наличием различных культурных компонентов в каждой конкретной археологической культуре, их количественным соотношением и интенсивностью проявления в процессе ее развития. Нередко они определяют

и локальные различия памятников в рамках культур.

Интенсивность развития всех этих компонентов разная. Наиболее устойчивыми оказались компоненты, восходящие к поморско-подклешевой культуре. Они не только наиболее полно проявились в погребальном обряде и керамике, но и получили широкое распространение. Эти элементы хорошо фиксируются в позднезарубинецких комплексах I—II вв. и на поселениях волыно-подольской группы. Образование последней происходило и при участии пшеворского, а на Верхнем Днестре — липицкого компонента.

Регион позднезарубинецких памятников и поселений волыно-подольской группы достаточно обширен. На севере, в лесной зоне, он ограничивается территорией распространения балтских культур (штриховой керамики, днепровской и верхнеокской); на западе, в верховьях Вислы и Западного Буга, — пшеворскими, отличающимися от рассматриваемых выразительной германской «окраской». Восточная граница в настоящее время может быть определена приблизительно в верховьях Сейма и Псла, южная — примерно совпадает с северной границей степной зоны, занятой позднескифскими и сарматскими древностями (см. рис. 68; 69).

Со второй половины II в. заметны тенденции к унификации культуры в пределах очерченной территории, что, вероятно, свидетельствует о начавшемся процессе формирования единой этнокультурной группы. Однако развитие этого процесса было нарушено появлением в конце II — начале III в. на территории Украины новых гето-гепидских группировок. Это в значительной мере усложнило развитие дальнейших политических и культурно-генетических процессов в междуречье Днестра и Вислы, хотя памятники волыно-подольской группы, объединившиеся в различной степени элементы зарубинецкой, пшеворской и липицкой культур, остаются наиболее весомым компонентом новых образований — черняховской культуры в лесостепной зоне Юго-Восточной Европы, а позднезарубинецкие — киевской культуры. В Южном

и Северном Прикарпатье возникает новая культура — карпатских курганов, основой которой остается местное фракийское население.

Для этого периода характерны исчезновение внутриплеменной замкнутости, усиление контактов с Причерноморьем и дунайскими провинциями. Интенсификация внутренних и внешних торговых связей приводит к значительным социально-экономическим и вместе с тем культурным сдвигам, особенно на большей части Лесостепи и Степи Украины, Молдавии, где образуется черняховская культура, а затем и на территории Румынии. В значительной мере ее культурно-экономическое единство поддерживается военнополитическим союзом, возглавляемым причерноморскими готами, воевавшими с Римской империей. Однако за этим единством четко прослеживаются элементы, присущие предшествующим культурам II в. н. э. На многих поселениях Украинской Лесостепи сохраняются тенденции развития, связанные с субстратным наследием славянского населения воыно-подольской группы, что нашло продолжение в славянских культурах раннего средневековья.

Таким образом, черняховская культура сформировалась на основе ряда местных культур: скифо-сарматской, дако-гетской и воыно-подольской групп, а также привнесенной вельбарской культуры. В настоящее время еще трудно раскрыть характер их взаимосвязей и процессов интеграции. О том, что такие процессы происходили, свидетельствует разнообразие погребального обряда на черняховских могильниках, традиции которого берут начало в предшествующих культурах: приемы домостроительства; наличие различных элементов в материальной культуре. Черняховская культура возникла тогда, когда упомянутые древности на определенной территории прекратили свое существование как отдельные культурные общности и их элементы в процессе интеграции привели к образованию нового культурного явления с новыми признаками, отличающими его от каждой из отдельно взятых субстратных культур. Важную роль в этих про-

цессах сыграла провинциально-римская культура, под влиянием которой возникли многие характерные черты, свойственные культурам всей римской периферии. Поэтому ставить возникновение черняховских древностей в зависимость только от переселения в Северное Причерноморье гото-гепидов на рубеже II—III вв. или сводить всех их носителей к готам, как это делает Й. Вернер [1972.— С. 102—111], — означает совершать методическую ошибку.

В настоящее время в науке сложилось твердое мнение, что в состав населения черняховской культуры входили различные этнические группы (скифо-сарматы, фракийцы, славяне и готы), находившиеся в процессе интеграции. С выводом о ее многоэтничности следует согласиться, учитывая, что черняховская культура сложилась прежде всего как хозяйственно-экономическая общность. В процессе ее развития в значительной мере стираются отличия в разных регионах распространения культуры, в том числе лесостепной и лесной зонах, чему способствовало расселение в различные ее регионы позднескифского, сарматского и фракийского населения, поддерживавшего многовековые контакты с античными городами и хорой Северного Причерноморья, а также Дунайским лимесом. Именно эти группировки являлись активными проводниками достижений античной культуры в среду населения лесостепной зоны. Однако нивелировка граней на различных уровнях технических достижений еще не означала полной утраты этнографических особенностей определенных регионов на этой огромной территории, занимаемой населением черняховской культуры. Они сохранялись на всем протяжении ее существования, свидетельствуя главным образом о своеобразии разноэтничского наследия.

М. А. Тиханова попыталась выделить пять локальных групп черняховских памятников: Среднее Поднепровье, Пороги Днепровские, Поднестровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией, Воынь [1957.— С. 168—194]. По мнению Е. В. Махно,

основной территорией черняховской культуры являлось Среднее Поднепровье, вокруг которого размещалось инфильтрационное кольцо.

В настоящее время на основании наиболее важных и устойчивых особенностей черняховских памятников выделяются три локальные группы, связанные с тремя регионами: Северо-Западным Причерноморьем; междуречьем Днестра, Прута и Дуная; Лесостепной зоной Украины [Баран, 1981.— С. 163—165]. Наличие локальных вариантов внутри черняховской культурной общности подтверждает ее синкретический характер и вместе с тем указывает, что этнический состав населения в разных ее регионах был различным, то есть какая-то этническая группа занимала доминирующее положение в количественном отношении. В Северо-Западном Причерноморье преобладали скифо-сарматы, в Днестро-Дунайском междуречье — гето-даки и сарматы, в лесостепной зоне Украины основное население составляли славяне. Кроме того, черняховское население всех этих регионов включало различные по численности группы готов и сарматов [Баран, 1981.— С. 161—163].

Черняховская общность распадается в результате событий, связанных с вторжением гуннов. Часть составлявших ее племен (по письменным источникам, готы и сармато-аланы) покидает Юго-Восточную Европу. Оставшиеся нетронутыми черняховские поселения продолжают существовать в V в. Они характеризуются подквадратными полуземлянками, нередко с печами-каменками, и проявляют довольно выразительные черты зарождающихся славянских раннесредневековых культур (см. рис. 76). Именно этот факт является наиболее весомым доказательством наличия в культурах первой половины I тыс. н. э. на территории Лесостепной полосы Юго-Восточной Европы славянского субстрата. Киевская культура сформировалась на рубеже II—III вв. главным образом на основе позднезарубинецких древностей при некотором участии пшеворского, а на севере — и балтского компонента.

Сделаны попытки выделить в ареа-

ле киевской культуры локальные варианты. Пока наиболее четко выделяются деснянская и среднеднепровская правобережная группы памятников. В дальнейшем, возможно, будут выделены и другие памятники [Терпиловский, 1984.— С. 73—85].

Местные особенности культуры в первую очередь связаны с предшествующими древностями: на Десне — с почепской группой памятников; на Правобережье Среднего Днестра — с памятниками типа Лютеж, Казаровичи, Грини и др. Определенное влияние на сложение тех или иных черт материальной культуры оказывали контакты с соседними этнокультурными группами, например в северной части Верхнего Поднепровья с населением культуры штрихованной керамики.

Занимая Северное Поднепровье и прилегающие к нему районы, киевская культура в отличие от черняховской оставалась вне интенсивного провинциально-римского влияния. Все это, хотя и отрицательно повлияло на социально-экономическое развитие носителей киевской культуры, предопределило ее «стойкое» эволюционное развитие и положительно сказалось на сохранности этнокультурного облика. Последнее позволяет более четко определить ее место в этнокультурных процессах Юго-Восточной Европы в середине I тыс. н. э., чем других синхронных ей культур. Линия этнокультурных связей с более ранними поздне-зарубинецкими памятниками, а в последующее время — колочинскими и пеньковскими, прослеживается довольно выразительно (см. рис. 26, 1—24).

Таким образом, мы, с одной стороны, проследили те основные тенденции развития материальной культуры коренного населения лесостепной части Юго-Восточной Европы, которые возникают на рубеже и в первых веках нашей эры в зарубинецкой культуре и через волыно-подольскую группу и позднезарубинецкие памятники достигают черняховской и киевской культур, а в последующем периоде находят свое продолжение в славянском средневековье. С другой стороны, мы стремились

показать сложность процессов этнокультурного развития на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы. Почти все культуры этого огромного региона, особенно черняховская, включали элементы, свидетельствующие о наличии здесь различных групп германского, балтского, ираноязычного, фракийского населения. Последние в середине I тыс. н. э. или уходят за пределы очерченного региона (готы и сармато-аланы), или ассимилируются носителями культур, которые становятся основой славянских древностей раннего средневековья.

Все это особенно наглядно представ-

лено на карте памятников второй половины IV—V в. н. э. (см. рис. 71). Памятники с выразительными славянскими материалами занимают значительную территорию на границе леса и лесостепи от верховьев Сейма и Псла до верховья Днестра и Западного Буга. Они, с одной стороны, связаны типологически с раннесредневековыми славянскими древностями VI—VII вв., а с другой — с более ранними памятниками римского времени (см. рис. 68—71). Это позволяет сделать вывод, что пограничье леса и лесостепи Юго-Восточной Европы было занято славянами (прото-славянами, по крайней мере, с рубежа нашей эры).

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ V—VII вв. И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ СЛАВЯН

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

С территорией Украины в третьей четверти I тыс. н. э. связаны пражская, пеньковская и колочинская культуры. Среди них наиболее значительным археологическим явлением выступают пражские древности, которые впервые были открыты и выделены в отдельную типологическую корчацкую группу на материалах Житомирщины С. С. Гамченко в конце XIX в. [Гамченко, 1896.— С. 360—384]. Определил их хронологию и место среди славянских древностей средневековья накануне второй мировой войны И. Борковский, исследовавший кремации с близкой к житомирской лепной посудой в г. Праге [Borkovsky, 1939.— S. 97—108].

Планомерные полевые работы по изучению пражско-корчацких древностей на территории Украины начались после Великой Отечественной войны. Большую работу по их исследованию на Волыни провели И. П. Русанова, Ю. В. Кухаренко, В. К. Гончаров и др. Стационарные раскопки велись на поселениях у сел Тетеревка, Райки, Гульск, на бескурганных могильниках у сел Тетеревка, Хорск, на курганных могильниках в селах Селец, Клементовичи и др. [Русанова, 1970.— С. 51; Фролов, 1967.— С. 30—35; Гончаров, 1963.— С. 283—315; Кухаренко, 1963.— С. 316—319; Кухаренко, 1961.— С. 29]. В окрестностях с. Корчак полностью раскопано три селища, а четыре — частично [Русанова, 1963.— С. 39—50].

Изучению славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э. много внимания уделено В. Д. Бараном, В. В. Аулихом и Г. И. Смирновой в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье. Стационарным раскопкам подверглись поселения Репнев II, Бовшев, Демьянов, Незвиско [Баран, 1963.— С. 315—365; 1972.— С. 143—155; Смирнова, 1960.— С. 222—238]. В Западном Побужье у с. Зимно открыто городище со слоями VI-VII вв., исследованное В. В. Аулихом почти полностью [1972].

В Прикарпатье пражско-корчацкие поселения изучались Л. В. Вакуленко в окрестностях сел Глубокое и Волосов, И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком у с. Кодын [Вакуленко, 1977.— С. 83—89; Русанова, Тимощук, 1984].

В Среднем Поднестровье изучению славянских древностей третьей четверти I тыс. н. э. большое внимание уделили В. Д. Баран, И. С. Винокур, О. М. Приходнюк и др. Здесь на больших площадях раскапывались поселения у сел Городок, Устье, Бакота, Каветчина и др. [Винокур, Приходнюк, 1974.— С. 227—241; Приходнюк, 1975; Вакуленко, Приходнюк, 1984]. Два поселения у с. Рашков раскопаны полностью [Баран, 1980.— С. 54—55].

В Украинском Закарпатье памятники пражской культуры изучались В. К. Берняковичем, С. И. Пеняком и В. Г. Котигорошком [Балагури, Пеняк, 1976.— С. 68—85]. Пражские древности широко известны также в Чехословакии, Польше и ГДР [Pleinerová,

1975.— С. 7—13; Гурба, Гаевски, 1980.— С. 117—123; Heggmann, 1970.— С. 3—530].

Открытие пеньковских памятников связано с работами Д. Т. Березовца в середине 50-х годов в Потясминье. Возле с. Пеньковка исследована группа поселений в уроч. Молочарня, Луг I и II, Макаров Остров [Березовец, 1963.— С. 145—208]. В окрестностях с. Большая Андрусовка им раскопаны четыре могильника [Березовец, 1969.— С. 58—71]. Значительные работы на поселении Стецовка в Потясминье в это же время проведены В. П. Петровым [1963.— С. 209—233].

Исследования в окрестностях с. Пеньковка положили начало стационарным раскопкам пеньковской культуры. Значительное количество материалов раннесредневекового времени получено разведывательными работами А. В. Бодянского в конце 40-х — начале 50-х годов в Днепровском Надпорожье [1960.— С. 274—277].

В процессе новостроечных работ в начале 70-х годов в Поорелье Д. Я. Телегиным возле с. Осиповка открыты два пеньковских поселения, а С. П. Юренко — селища возле сел Богатое и Чернещина [Телегин, Беляева, 1975.— С. 95—107; Юренко, Сухобок, 1974.— С. 376—377].

В середине 70-х — начале 80-х годов некоторые пеньковские памятники в Среднем Поднепровье, на Левобережье Днепра и в Южном Побужье раскапывались О. М. Приходнюком. Это поселения у сел Вильховчик, Будище, Кочубеевка, Сушки, Беляевка и некоторые другие [1980.— С. 129—131; 1985.— С. 101—133].

Изучение пеньковских памятников на Левобережье Днепра начато раскопками Б. А. Шрамко селища Задонецкое в начале 50-х годов. В последующее время они исследовались в окрестностях сел Бельск (Б. А. Шрамко), Заньки (А. Г. Дьяченко), Сухая Гомольша (В. К. Михеев) и других местах [Шрамко, Михеев, Буйнова, 1977.— С. 97; Шрамко, 1980.— С. 74—78; Дьяченко, 1977.— С. 291—292; 1978.— С. 322—323; Михеев, Приходнюк, 1986.— С. 112—124]. Наиболее значи-

тельные работы осуществлены в 1973—1976 гг. Е. А. Горюновым на поселении Хитцы [1981.— С. 111—130].

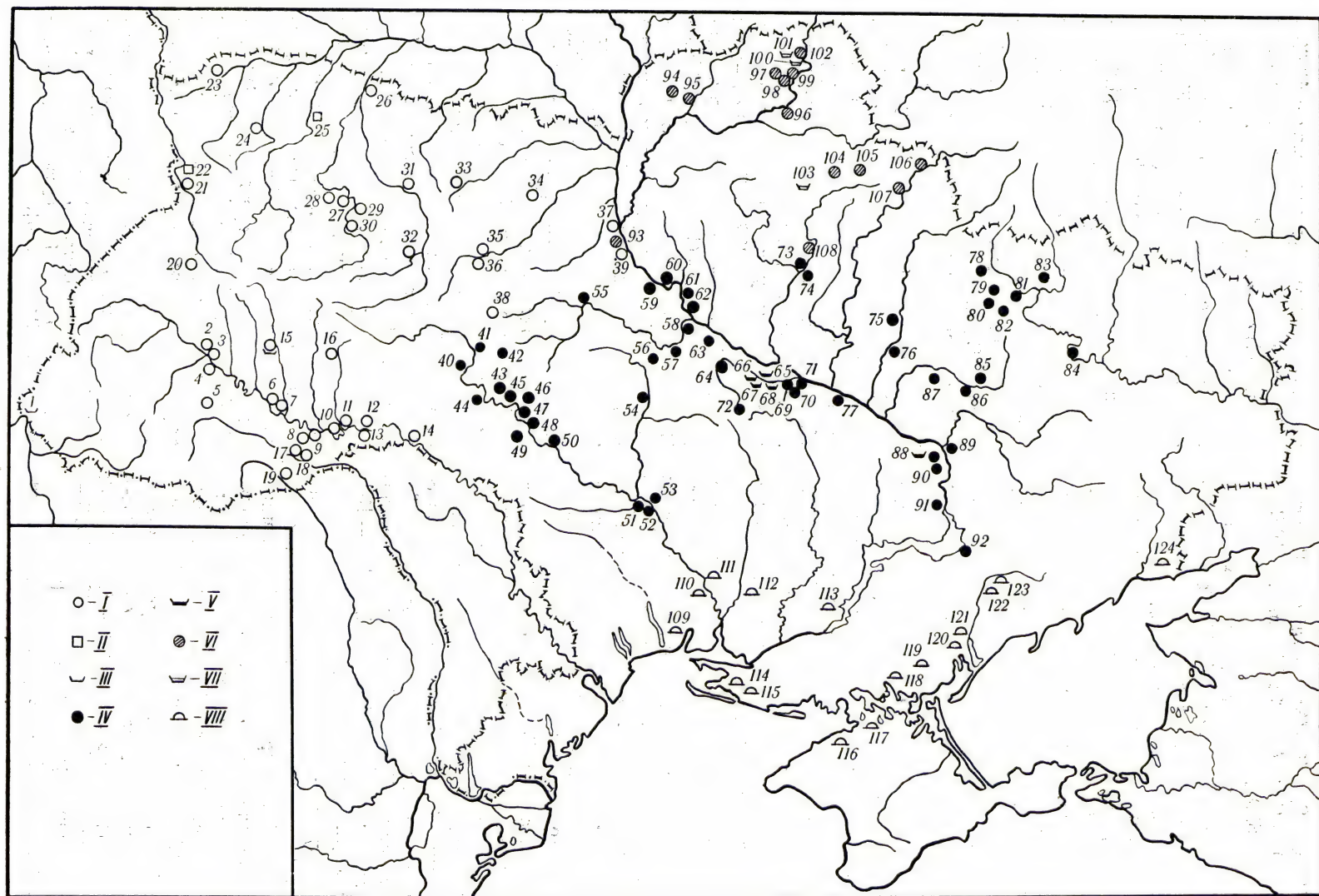
Многолетние полевые работы в Южном Побужье проводились П. И. Хавлюком. В конце 50-х — начале 60-х годов на широких площадях им раскапывались поселения у сел Скибинцы, Семенки, Самчинцы и др. [1961.— С. 187—201; 1963.— С. 320—350; 1974.— С. 181—215]. Возле с. Гайворон В. Н. Даниленко и В. И. Бидзилей исследован единственный среди пеньковских древностей металлургический центр [Бідзіля, 1963.— С. 123—144].

В Прутско-Днестровском междуречье впервые раннесредневековые памятники начал исследовать в начале 50-х годов Г. Б. Федоров [1960.— С. 173—228]. Немного позже к изучению пеньковских древностей в Молдавии приступил И. А. Рафалович. Им раскопаны поселения Ханска П, Хуча, Реча, городище и могильник у с. Селиште и другие [Рафалович, 1972.— С. 122—142; 1973.— С. 134—144; Рафалович, Лапушнян, 1974а.— С. 127—142; 1974б.— С. 125—139]. Памятники с чертами пеньковской культуры открыты также в Карпато-Дунайской котловине, на территории Румынии и в Среднем Поднестровье [Teodor, 1978.— С. 3—223; Приходнюк, 1975.— С. 3—154; Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 71—136].

На северо-востоке Украины в Днепровском Левобережье известны древности колочинского типа. Впервые они открыты Э. А. Сымоновичем в 1955—1960 гг. на городище Колочин I на Гомельщине * [1963.— С. 97—137].

Большую работу по изучению памятников колочинского типа в начале 60-х годов осуществил П. Н. Третьяков в Верхнем Подесенье, где раскапывались селища Заярье, Колодезный Бугор, Смольянь [Третьяков, 1974.— С. 40—118; 1982.— С. 71—83]. Аналогичные поселения и могильники с трупосожжениями вблизи сел Хохлов

* Отметим, что первые раскопки могильника колочинского типа, в те времена не выделенного в определенную культурную группу, были предприняты еще в начале XX в. Е. Р. Романовым в Белорусском Приднепровье [Седов, 1982.— С. 30].

Вир, Микча в районе Трубчевска: раскапывал В. А. Падин [1974.— С. 132—135]. Два грунтовых могильника возле хут. Княжий и с. Лебяжье исследовал Ю. А. Липкинг в Курском Посеймье [1974.— С. 136—152]. Возле с. Картамышево в Курском Подесенье поселение и могильник раскапывал Е. А. Горюнов [1980.— С. 50].

Большое внимание изучению памятников Белорусского Поднепровья уделил Л. Д. Поболь. В 50—70-х годах им раскапывались поселения и могильники Нижняя Тощица, Тайманово, Шатково и др. [1966.— С. 205—217].

Материалы V-VII вв., полученные на территории СССР, Чехословакии, Польши, ГДР, Австрии, Югославии, Румынии, Болгарии, почти все опубликованы и широко используются специалистами при изучении раннесредневекового периода славянской истории.

Рис. 38. Основные памятники третьей четверти I тыс. н. э. на территории УССР (Этнокультурная карта..., 1985.— Рис. 13):

I — поселения; II, III — городища и могильники пражской культуры; IV, V — поселения и могильники пеньковской культуры; VI, VII — поселения и могильники колочинской культуры; VIII — погребения кочевников VI—VII вв. *Памятники пражской культуры*: 1 — Ужгород; 2 — Бовшев I—III; 3 — Демьянов I; 4 — Крылос; 5 — Волосов; 6 — Зеленый Гай; 7 — Городница; 8 — Перебыковцы; 9 — Рашков II, III; 10 — Каветчина; 11 — Устье; 12 — Бакота; 13 — Студеница; 14 — Козлов; 15 — Звиная I, II; 16 — Городок; 17 — Гореча I, II; 18 — Кодын; 19 — Глубокое I; 20 — Репнев I—III; 21 — Лежница; 22 — Зимнее; 23 — Краски; 24 — Подрожье; 25 — Бабка; 26 — Либлино; 27 — Зозов; 28 — Городок I; 29 — Колесники I; 30 — Курганы; 31 — Курчицы; 32 — Глубочка; 33 — Рудня; 34 — Ризня; 35 — Корчак; 36 — Тетеревка; 37 — Киев; 38 — Райки; 39 — Обухов II. *Памятники пеньковской культуры*: 40 — Якушин; 41 — Пиков; 42 — Глинское; 43 — Самчинцы; 44 — Семенки; 45 — Кисляк; 46 — Куня; 47 — Ладыжин; 48 — Скибинцы; 49 — Балашовка; 50 — Гайворон; 51, 52 — Ивановка; 53 — Семеновка; 54 — Кочубевка; 55 — Белая Церковь; 56 — Вильховчик; 57 — Гута-Михайловская; 58 — Крещатик; 59 — Григоровка; 60 — Цыбли; 61 — Домантово; 62 — Сушки; 63 — Будище; 64 — Стецовка; 65—68 — Великая Андрусовка; 69—71 — Пеньковка (Луг I, II, Молочария); 72 — Беляевка; 73 — Хитцы; 74 — Засулье; 75 — Прогресс; 76 — Полузоре; 77 — Дериевка; 78 — Липцы; 79 — Сухая Гомольша; 80 — Занки; 81 — Задонское; 82 — Таранцево; 83 — Петровское; 84 — Студенок; 85 — Чернщина; 86 — Богатое; 87 — Осиповка; 88 — Волосское; 89 — Игрень; 90 — Званецкое; 91 — Хортица; 92 — Скелька. *Памятники колочинской культуры*: 93 — Ходосовка; 94 — Роище; 95 — Ровчак; 96 — Короп; 97 — Запье; 98 — Левкин Бугор; 99 — Стрелица; 100 — Новгород-Северский; 101 — Смяч; 102 — Целиков Бугор; 103 — Артюховка; 104 — Раконская Сечь; 105 — Большие Будки; 106 — Груновка; 107 — Курган-Азак; 108 — Сенча. *Памятники кочевников VI—VII вв.*: 109 — Яблоня; 110 — Ковалевка; 111 — Новая Одесса; 112 — Христофоровка; 113 — Костокрызово; 114 — Черноморское; 115 — Бехтеры; 116 — Портово; 117 — Рисовое; 118 — Сивашовка; 119 — Сивашское; 120 — Родионовка; 121 — Малая Терновка; 122 — Аккермень; 123 — Большой Токмак; 124 — Октябрьское.

Они вошли в обобщающие труды по вопросам славянского этногенеза. Однако несмотря на общность исходных теоретических предпосылок, выводы и взгляды разных авторов по многим вопросам восточнославянского этногенеза не совпадают.

Так, П. Н. Третьяков считал, что славянские культуры VI—VII вв., к которым он относил пражские, пеньковские и колочинские древности, сложились на основе позднезарубинецких памятников в Поднепровье и пшеворских в Повисленье [1966.— С. 249—250]. И. И. Ляпушкин, исходя из идей общеславянского единства, вслед за летописной традицией считал, что расселение славян произошло из Подунавья. Из числа славянских он исключал древности типа Пеньковки и некоторые северные археологические культуры [1968.— С. 171—172]. И. П. Русанова зачисляет к славянской только пражскую культуру. Колочинские древности, по ее мнению, оставлены балтами, а пеньковские представляют собой разнотнический конгломерат [1976.— С. 12—112].

В. В. Седов древности V—VII вв. делит на три группы: 1) с керамикой пражского облика, охватывающей пространство от Днепра и Дуная до Эльбы; 2) распространенная в Центральной и Северной Польше и близлежащих областях ГДР; 3) пеньковская, распространена на границе Степи и Лесостепи от Северского Донца до Подунавья. Колочинскую культуру он считает балтской [1970.— С. 63—69; 1979.— С. 104—143; 1982.— С. 10—34].

В пражской культуре все исследователи усматривают проявление славянского этноса. Нет серьезных разногласий и в определении ее хронологии, но существуют расхождения в определении пражского керамического комплекса. Для памятников Украины полярные взгляды по данному вопросу высказывались В. Д. Бараном и И. П. Русановой. В. Д. Баран в пражский (корчакский) керамический комплекс зачисляет все формы лепной посуды, встречающиеся в строительных комплексах [1972]. И. П. Русанова считает пражскими только стройные плечистые

горшки с максимальным расширением в верхней трети высоты. Венчик у них вертикальный или слегка отогнутый наружу [1973; 1976]. Спорным остается вопрос об истоках пражских древностей. Их усматривают в черняховских древностях Среднего и Верхнего Поднестровья и Прикарпатья [Баран, 1972; 1983; Вакуленко, Приходнюк, 1984], в пшеворской культуре Польши, Словакии, в культурах латенского времени Чехии [Русанова, 1976.— С. 8].

Будучи наиболее заметным явлением среди славянских древностей ранне-средневекового времени, пражская культура на локальных территориях имеет свои отличия. Однако этот вопрос еще очень слабо разработан в науке. На территории Украины можно выделить два варианта этих древностей. Первый — в пределах Житомирской области, доходящий по Припятскому Полесью до Поднепровья; второй — охватывает территорию Среднего и Верхнего Поднестровья, Западного Побужья и Украинского Прикарпатья [Баран, 1983]. В керамических материалах этих регионов прослеживаются незначительные отличия, что объясняется влияниями со стороны более ранних и смежных синхронных культур.

Больше споров вызывает интерпретация пеньковской культуры. Недостатком в ее изучении является суммарный подход к раннесредневековым материалам, породивший тенденцию рассматривать все древности второй половины I тыс. н. э. пограничья Степи и Лесостепи как пеньковские. Начало этому было положено заключением Д. Т. Березовца о том, что все четыре памятника в окрестностях с. Пенковка (Молочарня, Луг I и II, Макаров Остров), составляют звенья единого эволюционного развития пеньковской группы древностей, относящихся, по его мнению, к единой славянской культуре VII—IX вв. [Березовец, 1963.— С. 145—146, 201—202]. Однако в результате изучения археологических материалов из Пенковки по объектам было установлено, что в Молочарне существует один наиболее ранний слой, а на Макаровом Острове представлены

постройки Луки-Райковецкой и сахновского этапа. На Луге I и II выделены три строительных периода — этапа Молочарни, Сахновки и Луки-Райковецкой. Только наиболее ранние полуземлянки, в заполнении которых выявлен специфический лепной материал, можно отнести к пеньковской культуре [Приходнюк, 1980.— С. 12—57]. Объекты послепеньковского времени открыты и на поселениях Стецовка, Хитцы, Семенки, Самчинцы, Ханска II и в некоторых других местах.

Д. Т. Березовец считал, что пеньковские древности оставлены пришедшими с севера славянами. На основании летописных сообщений он связывал потяминские памятники с улицами [1963.— С. 145—146, 202, 208]. П. И. Хавлюк усматривает корни раннесредневековых комплексов Южного Побужья в зарубинецкой среде. Близость ранних археологических материалов Южного Побужья к культуре Луки-Райковецкой свидетельствует, по его мнению, об их славянской принадлежности [Хавлюк, 1961.— С. 200—201; 1963.— С. 348—349].

П. Н. Третьяков генетическую основу пеньковских древностей усматривал в позднезарубинецких памятниках Верхнего Поднепровья. Им выдвинута гипотеза, согласно которой славянские зарубинецкие племена, занимавшие территорию Лесостепного Правобережья Днепра, поречья Припяти и Верхнего Поднестровья во II—III вв. были оттеснены на север и северо-восток черняховским населением. В послегуннское время, в середине I тыс. н. э., начинается обратный процесс расселения славян на юг, вследствие чего они заняли обширную территорию Днепро-Днестровской Лесостепи и бассейн Нижнего Дуная [Третьяков, 1966.— С. 265, 271; 1970.— С. 92—99; 1971.— С. 115; 1982.— С. 95—115].

Славянской (антской) считает пеньковскую культуру В. В. Седов, высказываясь в пользу ее черняховской подосновы [1970.— С. 68—69; 1978.— С. 171—173; 1982]. В черняховской среде ведет поиски истоков славянских древностей, объединяемых в пастырско-пеньковскую группу, и А. Т. Смилен-

ко. Вместе с тем она считает, что в процессе их формирования приняли участие северные племена восточных славян [1975.— С. 66—67].

Против славянской принадлежности пеньковских памятников выступал М. И. Артамонов, утверждая, что они были оставлены болгарами-кутригурами [1969.— С. 7—8; 1970.— С. 23—28].

И. П. Русанова рассматривает их как разнородный конгломерат. По ее мнению, в формировании культуры приняли участие славяне, иранское население, болгары и другие народы. Корни этих древностей И. И. Русанова видит в черняховской, неславянской, по ее мнению, культуре. И лишь постепенно, на позднем этапе существования, племена пеньковской культуры славянизируются под влиянием северных соседей [1976.— С. 85—112].

Отсутствует единство и в вопросе этнокультурной интерпретации древностей колочинского типа. Это отразилось и в их названиях, фигурирующих в литературе как колочинские, типа Тушемли-Колочина, Колочина-Акатово, Банцеровщины. Памятники занимают обширное пространство к северу от пражской и пеньковской культур, на большой территории до Верхнего Поднепровья и Витебско-Полоцкой части Западнодвинского бассейна. Кроме того, этот ареал значительно расширился в южном направлении в результате новых исследований в Южной Белоруссии и Северной Украине.

Все древности третьей четверти I тыс. н. э. очерченного региона характеризуются близким керамическим материалом, что и породило мнение о принадлежности их к единой балтской культурной группе. Такой точки зрения придерживаются В. В. Седов и И. П. Русанова [Седов, 1970.— С. 48—53; 1982.— С. 29—41; Русанова, 1976.— С. 56—74].

Как балтскую группу древностей рассматривает колочинские памятники Е. А. Шмидт [1972.— С. 9—10]. К этой точке зрения близки выводы Г. А. Митрофанова. Однако в балтской, по его мнению среде этого региона, в V—VIII вв. ощутимы сильные влияния славян [1972.— С. 162].

Э. А. Сымонович считал, что все памятники Верхнего Поднепровья относятся к единой славянской колочинской культуре, близкой к корчакским древностям [1966.— С. 40; 1975.— С. 26—28].

П. Н. Третьяков, уделивший много внимания этому вопросу, разделял очерченный ареал на две этнокультурные группы: северную — типа Банцеровщины и Тушемли, корни которой прослеживаются в местных балтских культурах (штрихованной керамики и днепро-двинской), и южную — типа Колочина, развивавшуюся на основе славянской зарубинецкой культуры. Для колочинских древностей характерны полужемлянки, а для Банцеровщины-Тушемли — наземные дома столбовой конструкции. Между двумя ареалами существуют и другие, менее существенные отличия. В памятниках южной части Верхнего Поднепровья и Подесенья П. Н. Третьяков видел черты, роднящие их со славянскими древностями Правобережной Украины. К ним относятся топография поселений, характер жилищ, обряд сожжений и т. п. [1966.— С. 273—274; 1980.— С. 52—62]. Мнение П. Н. Третьякова по этому вопросу активно поддерживал Е. А. Горюнов [1981.— С. 44—47].

В этнической интерпретации колочинских древностей наиболее убедительны аргументы П. Н. Третьякова. Поэтому, в дальнейшем будем исходить из его взглядов на характер и этнос колочинских древностей.

Находками, непосредственно связанными с северо-восточным ареалом пеньковской культуры, являются клады третьей четверти I тыс. н. э. мартыновского типа. Три из них найдены в районах Нижнего Поросья (Мартыновский, Мало-Ржавецкий, Вильховчикский), один — вблизи Пастырского городища (Хацковский), два — на Левобережье Днепра в районе Богодухова (Козиевский, Новоодесский), три — в непосредственной близости от пеньковского ареала, на северо-восточной его периферии (Новосуджанский, Колосковский, Цыпляевский).

Богатые клады и пальчатые зоо- и антропоморфные фибулы впервые

интерпретировались А. А. Спицыным, определившим их как «древности антов» [1928.— С. 492—495]. На определенном уровне знаний, когда не были известны пеньковские древности, А. А. Спицын довольно убедительно обрисовал единство области «антских древностей», в состав которых включались пальчатые зоо- и антропоморфные фибулы, поясные наборы, височные кольца нескольких типов и другие украшения.

Принадлежность лесостепных кладов местному оседлому населению признавали Б. А. Рыбаков и Г. Ф. Корзухина, считая кочевническими богатые погребения степной полосы [1953.— С. 42; 1955.— С. 61—82].

П. Н. Третьяков, отмечая сложность наборов кладов мартиновского типа, которые, по его мнению, включали аланские, готские, финно-угорские и славянские черты, подчеркивал, что определяющими среди них являются те, которые позволяют связывать эти находки со славянским этносом (1971.— С. 110—111).

Часть зарубежных исследователей склонны рассматривать богатые клады как кочевнические. Так, некоторые венгерские археологи отстаивают аварскую принадлежность кладов мартиновского типа [Laslo, 1955.— С. 276—284].

2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Раннесредневековые культуры V—VII вв. по материальным признакам (характер топографии и планировка поселений, тип жилищ, погребальный обряд, специфический набор лепной посуды и т. д.) хорошо выделяются среди синхронных культурных ареалов. Расположены они на огромной территории Восточной и Центральной Европы: от Днепровского Левобережья на востоке до Эльбы на западе, от Верхнего Днепра на севере до Северопричерноморской степи и Подунавья на юге. Наиболее удаленными на запад и северо-запад являются памятники с пражской посудой, исследовавшиеся в За-

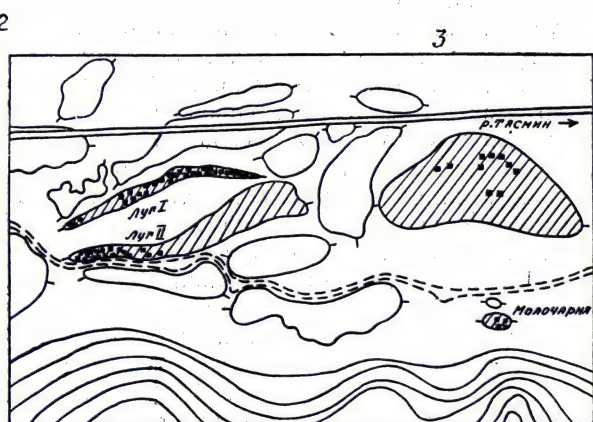
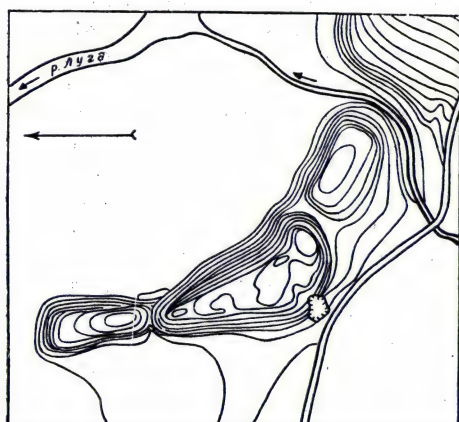
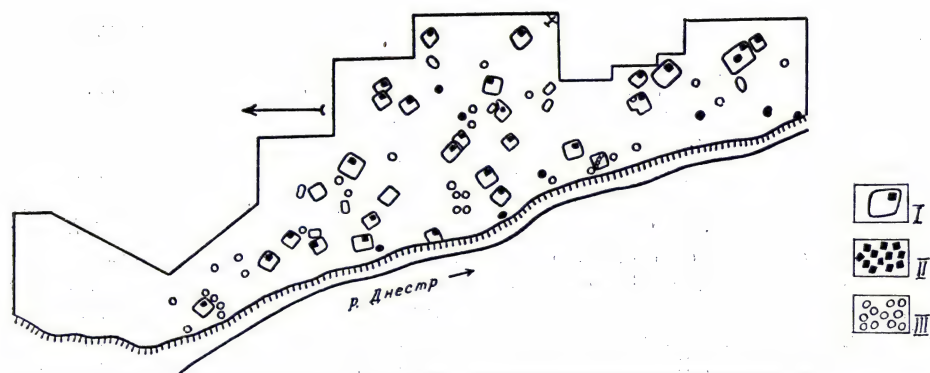
висте, Праге, Бад-Дюрренберге, Греппине, Мензе, Хохензеде, Рабенсторфе в поречье Эльбы; Кленице, Познани, Бискупине в междуречье Одера и Вислы; Любиче, Слупине, Медзйбурове на Правобережье Вислы; Дрогичине на Западном Буге; Хотомеле, Хорске, Семурадцах на Припяти.

На севере и северо-востоке среди ареала колочинской культуры пограничными являются: славянские поселения в Шатково на Березине; поселения и могильник в Тайманово; поселения во Владимировке, Смольяни и Белокаменке в Верхнем Подесенье; Воробьевка, Тазово, Букреевка 2, могильник Лебяжье в Курском Посеймье; поселения и могильник Картамышево в верховьях Псла. На востоке и юге в пограничье Лесостепи и Степи с кочевническим ареалом граничат пеньковские поселения Голубовка, Плоское, Задонецкое, Изюм, Студенок в поречье Северского Донца; Богатое, Чернеизина, Осиповка в Поорелье. Оттуда они своеобразным «языком» спускаются по обоим берегам Днепра в район Надпорожья, где известны такие пеньковские памятники, как Игрень-Подкова I, Волосское, Диброва, Хортица, Скельки и др. Далее на запад наиболее южными памятниками являются поселения Беляевка, Семеновка, Ивановка между Днепром и Южным Бугом; селище Ханска II в междуречье Днестра и Прута. В Карпато-Дунайской котловине, на территории Восточной Румынии, известны раннесредневековые памятники с чертами пражской, пеньковской и местной гето-дакийской культур. Это древности типа Костица-Ботошане, Суцавы-Шипот и Ипотешт-Киндешт.

Все три культурных ареала — пражский, пеньковский и колочинский — смыкаются в пределах Лесостепной Украины.

Крайними южными памятниками пражской культуры, граничащими с пеньковским ареалом, являются поселения Козлов на Среднем Днестре; Райки, Тетеревка, Шумск в поречье Тетерева; Киев (уроч. Луг) в Среднем Поднепровье. Наиболее северными пограничными пеньковскими памятниками являются поселения Хуча в Среднем

Поднепровье; Лука, Гордиевцы, Войтовцы в Южном Побужье; Белая Церковь в верховьях р. Рось; Григоровка в Среднем Поднепровье. На Левобережье Днестра наиболее северными пеньковскими памятниками, граничащими с колочинскими древностями, являются поселение Цыбли в Среднем Поднепровье; Писаревщина в среднем течении Псла; Хитцы в среднем течении р. Сула. Пограничными колочинскими памятниками с юга являются поселения Макишин в Подесенье; Чаплище, Суджа, Казацья Локня в верховьях Сейма; поселение и могильник Картамышево в верховьях Псла.

3. КАТЕГОРИИ ПАМЯТНИКОВ, ТОПОГРАФИЯ, ПЛАНИРОВКА

Все три ареала (пражский, пеньковский, колочинский) изучены настолько полно, что имеется возможность дать

Рис. 39. Топография поселений (1, 3) и городища (2) третьей четверти I тыс. н. э.: I, II — жилища; III — ямы. 1 — Лука-Каветчинская; 2 — Зимно; 3 — Пеньковка.

им полную археологическую характеристику. Сейчас известно около 800 пунктов, связанных с этими древностями. На территории пражской культуры — около 400, пеньковской — более 300, колочинской — около 60 памятников. Менее изученной остается колочинская культура, полевые исследования которой только разворачиваются.

На основании имеющихся данных можно утверждать, что основной категорией славянских памятников V—VII вв. являются небольшие поселения открытого типа, размещавшиеся почти в одинаковых топографических условиях. Подавляющее большинство их занимает участки первых террас вблизи воды и легких для обработки грунтов. Иногда они расположены на дюнных всхолмлениях и мысовидных выступах

берега. Рядом с селищами находятся иногда пойменные луга, болота. Такие топографические условия присущи пражским (Корчак, Репнев II, Глубокое, Кодын, Рашков II и III, Городок, Устье, Лука-Каветчинская и др.), пеньковским (Пеньковка, Сушки, Будище, Кочубеевка, Хотцы, Семенки, Самчинцы и др.), колочинским (Целиков Бугор, Смольянь, Левкин Бугор, Ровчак и др.) поселениям.

Для славянских селищ характерно расположение группами по 3—8 и более на расстоянии 0,5—5 км друг от друга. Такие «кусты» селищ известны в окрестностях сел Корчак, Городок, Рашков, Бакота, Пеньковка, Хохлов Вир, Усох, Посудичи, Суворово и многих других местах. Следовательно, археологические данные подтверждают свидетельства Маврикия о том, что местности, занятые славянами, «расположены вдоль рек, и они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать ...около них находятся леса, болота и заросли тростника» [Мишулин, 1941.— С. 256, § 46].

Культурный слой на славянских памятниках очень незначительный, лишь в отдельных случаях его мощность достигает 0,2—0,4 м. В слое попадают отдельные обломки посуды, кости животных, камни, угольки и т. п. На большинстве памятников культурные наслоения между постройками практически отсутствуют, материал концентрируется в заполнениях археологических объектов.

Незначительная толщина культурного слоя, по-видимому, объясняется кратковременностью жизни на поселениях и небольшим количеством одновременно функционирующих жилищ, что подтверждается археологическими данными.

Площадь большинства селищ не превышает 2—3 га, а чаще составляет 0,5—1,5 га. На такой территории насчитывается не более 30 жилищ с подсобными постройками, ямами хозяйственного назначения и печами за пределами полуземлянок. Исключение составляет поселение Рашков III на Среднем Днестре, где В. Д. Бараном

выявлено около 100 жилищ-полуземлянок (рис. 40).

Не все домохозяйства на поселениях существовали одновременно, о чем свидетельствуют жилища, заброшенные еще в древности, при функционировании поселков. Котлованы таких полуземлянок засыпались землей или использовались как мусорные ямы. Перекрытие одного сооружения другим является прямым свидетельством их одновременности. На большинстве пражских и пеньковских поселений одновременно функционировало 10—15 домохозяйств, в Рашкове — 21—35. Колочинские поселения не исследовались на больших площадях, поэтому твердо говорить об их размерах преждевременно. Можно сослаться на мнение Е. А. Горюнова, считавшего, что на таких поселках количество жилищ не превышало 6—7 [Горюнов, 1981.— С. 14]. Такие небольшие поселки встречаются в пеньковской и пражской культурах [Березовец, 1963.— С. 187; Русанова, 1973.— С. 23—25].

В настоящее время можно более или менее твердо говорить о планировке поселений. Наблюдается бессистемное расположение домов. В пражской культуре они удалены друг от друга от нескольких десятков сантиметров до нескольких десятков метров.

В тех случаях, когда поселения исследовались на большой площади, удавалось проследить некоторые закономерности их планировки. На пражских поселениях чаще всего наблюдается групповое расположение построек по 2—6 вместе. Например, в Городке они концентрировались тремя группами, а жилище № 14 с подсобными постройками стояло обособленно в 40 м к югу от основного ядра поселения. Такая же планировка прослеживалась при раскопках селищ у сел Корчак, Тетеревка, Рашков, Кодын и др. [Приходнюк, 1975.— С. 11; Русанова, 1973.— С. 23—24; Баран, 1986]. При раскопках поселения Корчак III в отдельных случаях обнаружены следы от заборов в виде ямок от столбов, отделявших группы жилищ [Русанова, 1973.— С. 23]. На поселении Корчак I, где исследовано 12 полуземлянок, и у

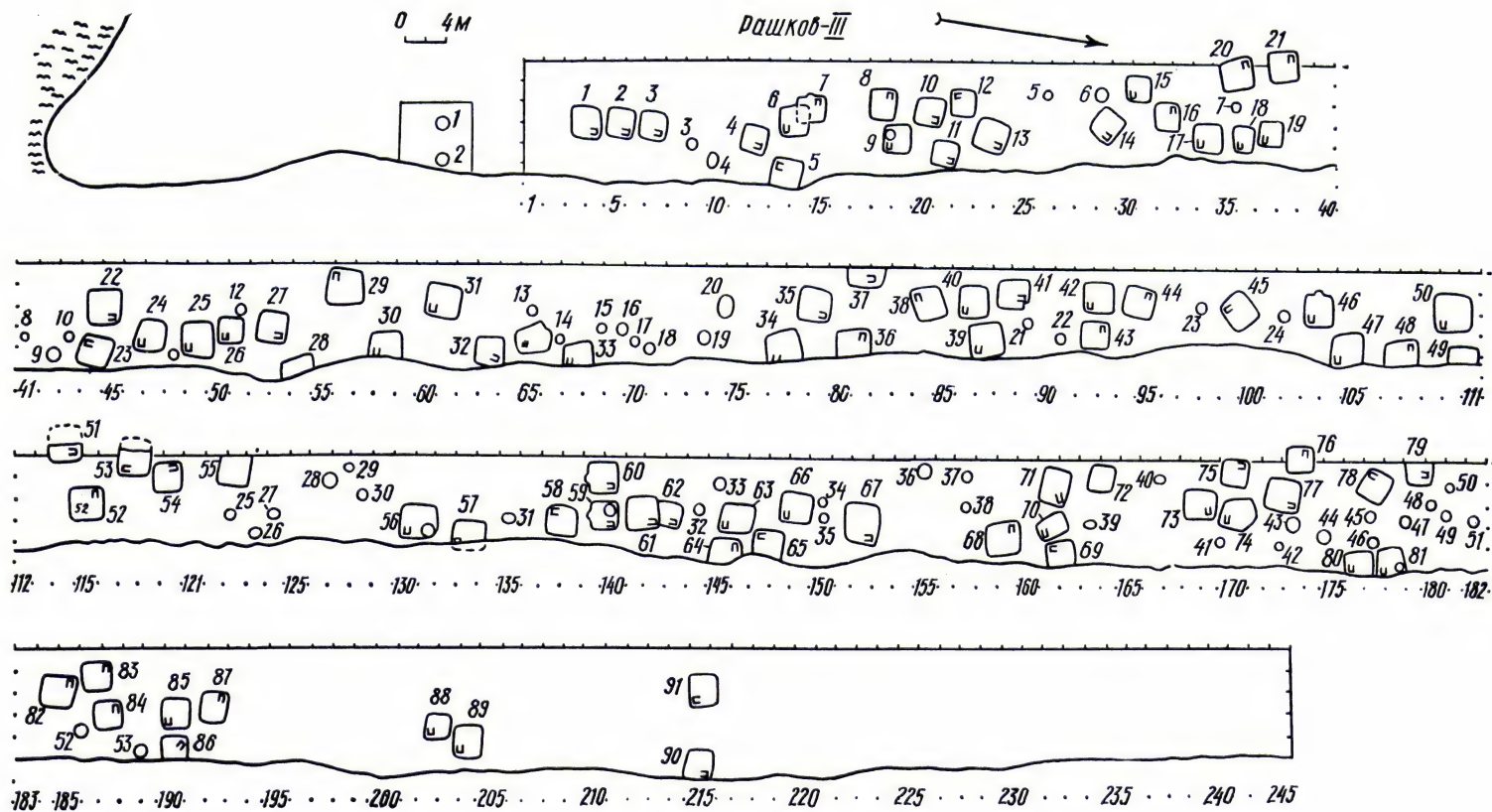

Рис. 40. План поселения Рашков III.

с. Устье, где раскопано 7 жилищ, постройки располагались не очень четкими рядами, что позволяет предположить наличие уличной планировки [Русанова, 1973.— С. 23; Приходнюк, 1975.— С. 11].

На пеньковских памятниках можно констатировать преобладание бессистемно разбросанных домов на расстоянии 15—40 м друг от друга. Иногда рядом с домами находились хозяйственные ямы и постройки хозяйственного назначения. Интересно размещались хозяйственные ямы вблизи полуземлянки № 25 на поселении Семенки. Семь ям оконтуривали жилище на расстоянии 0,5—2,5 м от края его котлована [Хавлюк, 1974.— С. 20.— Рис. 13]. В Будищах 19 хозяйственных ям концентрировались компактной группой и вместе с подсобными постройками составляли хозяйственную периферию селища. Большой компактной группой располагались хозяйственные ямы на поселении Хитцы [Горюнов, 1981.— С. 64.— Рис. 18; Приходнюк, 1985.— С. 105].

Колочинские поселения исследовались на небольших площадях, что не позволяет твердо говорить об их планиграфии. Можно констатировать, что у с. Смольяны пять полуземлянок концентрировались компактной группой [Седов, 1982.— С. 32].

На территориях, занятых пражской, пеньковской и колочинской культурами, известно несколько укрепленных поселений. Это городища у сел Зимно, Хильченцы на Волини, Будище в Среднем Поднепровье, Селиште в Молдавии, Колочин на Гомельщине и др.

Городище у с. Зимно на Волини занимает центральную часть удлиненого мыса на левом берегу р. Луги (правый приток Западного Буга). С трех сторон оно ограждено заболоченной поймой, а с напольной юго-восточной укреплено глубокими перекопами. Склоны мыса высотой 15—16 м неправильных треугольных очертаний длиной 135 и шириной до 65 м. Раскопки 1957—1964 гг. площадь городища исследована почти полностью. Установлено, что с раннесредневековым

временем в Зимно связаны деревянные укрепления, прослеживающиеся в виде обгоревших вертикальных столбов и горизонтальных балок, находившихся с напольной стороны мыса. В. В. Аулих предполагает, что края крутых склонов были укреплены частоколом и стеной. По краю юго-западной стороны возвышения прослеживались остатки длинного сооружения, разделенного на отдельные комнаты с очагами. По-видимому, кроме оборонительных функций они выполняли роль жилищ. С этим сооружением связаны основные находки раннесредневекового времени. Кроме того, на площади городища обнаружены производственные мастерские по ювелирной обработке цветных металлов.

Раннесредневековый слой отличается насыщенностью археологических находок. Найдено около 20 тысяч обломков лепной посуды, множество изделий из железа (коса, ножницы, резцы, наконечники копий и стрел и т. д.), цветных и благородных металлов (пряжки, поясные накладки, браслеты с утолщенными концами, перстни и т. д.) [Аулих, 1972].

Близкое по топографии расположение и характеру застройки городище пеньковской культуры из Селиште Оргиевского района Молдавской ССР. Оно исследовалось в 1968—1973 гг. И. А. Рафаловичем.

Памятник находится на мысу при впадении ручья Ватич в р. Реут. Он занимает возвышенные участки мыса, с трех сторон отделенного крутыми обрывами, а с напольной, южной, стороны оборонительной стеной и глубоким естественным каньоном.

Археологическими раскопками площадь городища, достигавшая примерно 130×60 м, исследована полностью. Не раскрыты только юго-западный выступ и некоторые узкие периферийные участки, примыкающие к обрывам.

В южной части мыса вдоль каньона, расположенного с напольной стороны, выявлены следы оборонительной стены, от которой в материке на глубине 0,6—0,75 м от современной поверхности прослежены две параллельные канавки шириной 0,35—0,4 м, располо-

женные на расстоянии 0,6—1 м друг от друга. Это следы двойной деревянной стены, внутреннее пространство которой заполнено суглинком.

На городище раскопано 16 полуземлянок, 3 печи с куполовидным перекрытием производственного назначения, 81 хозяйственная яма и погребение по обряду кремации (№ 28) пеньковской культуры. За пределами укрепления, с напольной части мыса, раскопано еще пять кремаций (№ 16, 17, 18, 19, 60) и два погребения по обряду ингумации (№ 48, 59) с материалами пеньковского облика.

Поскольку городище исследовалось сплошной площадью, есть возможность судить о его планиграфии. Жилая часть располагалась в северо-западной части, удаленной от напольной стороны мыса. Здесь раскопана большая часть полуземлянок (10 шт.). Восточная часть городища, удаленная от жилых районов, была занята мастерскими, где исследовано четыре производственные полуземлянки (№ 7, 11, 13, 15), связанные с ювелирным и керамическим производством, хозяйственными помещениями (полуземлянки № 10, 12), тремя производственными печами (№ 1—3), четырьмя очагами вне жилищ, многими ямами хозяйственного назначения. В этих объектах и вокруг них найдены тигли, льячки, литейные формочки. В полуземлянке № 12 обнаружено большое количество сланца, из которого изготавливали литейные формочки.

Участки, примыкавшие к напольной стороне, заняты густо расположенными хозяйственными ямами. Значительно меньше их в жилом районе.

То обстоятельство, что часть ям концентрировалась с внешней стороны за пределами оборонительных сооружений, является косвенным подтверждением высказанного И. А. Рафаловичем предположения о наличии в древности дополнительных укреплений, уничтоженных земляными работами [Рафалович, 1972б.— С. 122—142; 1973.— С. 134—144; Рафалович, Лапушнян, 1974а.— С. 127—142; 1974б.— С. 125—139].

Судя по характеру застройки и нали-

чию производственных комплексов, городища Зимно и Селиште относятся к административно-хозяйственным центрам. Находки наборов от портупей на Зимно указывают на проживание там дружинников.

Другое назначение имели городища Колочин и Будище. Первое занимало мыс подпрямоугольной формы размерами 42×36 м, возвышавшийся над поймой на 15—20 м. От Днестра его отделяла широкая заболоченная пойма. Под городищем протекает ручей. С севера мыс огражден крутым берегом, а с востока — глубокой и широкой ложбиной. Кроме того, городище было укреплено двумя линиями валов высотой 1,1 и 3,5 м. При раскопках Э. А. Сымонович проследил по периметру городища остатки деревянной ограды, к которой вплотную примыкали постройки из дерева. Здесь концентрировались основные находки. Центральная часть укрепления оставалась незастроенной. Возле городища находилось поселение площадью до 1 га [Сымонович, 1963.— С. 97—137].

Городище Будище площадью около 0,5 га расположено на одной из господствующих вершин Мошногорья. С напольной, юго-западной, стороны оно укреплено двумя линиями валов и рвов, находящихся немного ниже укрепленной площадки. С других сторон оборонительные сооружения отсутствуют, но крутые склоны горы эскарпированы. В 1978 г. О. М. Приходнюком исследована площадь около 100 м², на которой отсутствовали археологические находки и культурный слой. Наиболее вероятно, укрепления городища были сооружены в скифское время (на одной из террас горы собраны скифские черепки), но они функционировали и в раннесредневековое время, о чем свидетельствуют находки пеньковской керамики и расположенное у его подножия пеньковское поселение [Приходнюк, 1980.— С. 127—128].

По-видимому, городища из Колочина и Будищ являлись убежищами, где население постоянно не проживало. На них в период военной опасности находили защиту жители окрестных поселков. Как правило, такие городища со-

проводятся расположенными вблизи синхронными поселениями.

Среди раннесредневековых памятников пограничья Лесостепи и Степи особое место занимает Пастырское городище VI—VIII вв. — сложный в структурном отношении археологический комплекс. Оно занимает невысокие склоны р. Сухой Ташлык площадью около 3,5 га. Городище размещалось за мощными скифскими укреплениями (вал и ров), которые, по-видимому, были подправлены в раннесредневековое время. Относительно его этнической атрибуции существует несколько мнений.

М. Ю. Брайчевский, признавая родство комплексов Пастырского городища с пеньковскими древностями, обращает внимание на наличие среди материалов черт «салтовского влияния» [1968. — С. 94, 101, 171]. К кругу пеньковских памятников относит его и А. Т. Смиленко, усматривая в нем эмбрион средневекового города — торгового и политического центра славян [1975. — С. 69—70]. Как поселение ремесленников — гончаров, ювелиров и кузнецов — рассматривал Пастырское городище П. Н. Третьяков. Расположение городища в славянской среде и существование на нем полуземлянок послужили основанием для интерпретации его как славянского [Третьяков, 1971. — С. 108].

Д. Т. Березовец усматривал в нем салтовский опорный пункт, где пребывал хазарский наместник. Ставка кагана находилась на славянской территории и включала смешанное население, среди которого были славяне и болгары [1965. — С. 55]. М. И. Артамонов связывал его с той частью болгар-кутригуров, которая уцелела после хазарского погрома и слилась со славянами в Поднепровье [Артамонов, 1969. — С. 8].

Знакомство с археологическими комплексами Пастырского городища убеждает, что среди них встречаются как европейские, так и кочевнические материалы. Расположенное вблизи степи и играющее роль крупного экономического центра, оно впитало в себя разноэтничные черты материальной

культуры, типичные для славян и степного населения. Например, местным земледельческим племенам второй половины I тыс. н. э. присущи четырехугольные полуземлянки с печами-каменками, преобладающие на Пастырском городище (16 шт.), тогда как наземные сооружения (4 шт.) следует связывать со степным населением.

Среди лепной керамики к пеньковским древностям относятся биконические горшки. Найдена и славянская посуда стройных пропорций с расширением в верхней части, хорошо выраженными плечиками и отогнутыми наружу венчиками, иногда украшенными пальцевыми вмятинами по краю. Отдельные экземпляры таких изделий сформованы на ручном круге, корпус украшен врезным волнистым и линейным орнаментом.

К кочевническим формам приближаются приземистые лепные горшки с массивной расширенной придонной частью. Типично салтовскими являются гончарные лощеные узкогорлые кувшины с одной ручкой и широким округлым корпусом.

Своеобразную группу пастырской керамики составляют серолощенные шаровидные горшки. Такие изделия по формам близки к соответствующей черняховской посуде. Это послужило основанием усматривать их черняховскую подоснову [Брайчевский, 1968. — С. 70]. М. И. Артамонов признавал, что пастырская посуда могла бы происходить из черняховского гончарства, но против этого, по его мнению, свидетельствует хронологический разрыв между временем существования Пастырского городища и черняховскими древностями [1969. — С. 3]. Однако на городище найдены черняховская гончарная посуда и лепные пеньковские горшки. То есть хронологический разрыв между этими древностями не был значительным или его вообще не существовало.

Есть мнение, что Пастырское городище являлось центром производства пальчатых, зооморфных и антропоморфных фибул [Рыбаков, 1948. — С. 63; Пудовин, 1961. — С. 184—185; Амброз, 1971а. — С. 114].

Неоднородны по составу клады 1898

и 1949 гг. Первый состоял из 12 предметов — браслетов с расширенными полыми концами и звездовидных сережек, второй — из трех серебряных антропоморфных стилизованных фибул, двух серебряных браслетов с полыми расширенными концами, 10 разнообразных сережек и круглых подвесок из серебра. В составклада входили также около 30 бубенчиков-пуговиц и несколько десятков янтарных бусин.

Наличие в обоихкладах звездовидных сережек, отлитых в одной матрице, свидетельствует об их местном производстве. Шаровидные полые подвески с гроздевидными отростками берут начало в сармато-аланской среде [Айбабин, 1973.— С. 72].

Бубенцы и круглые подвески — типичное украшение степного населения, в частности они нередко встречаются у племен салтовской культуры. Вместе с тем присущи европейскому убору и браслеты с расширенными концами.

Таким образом, материалы Пастырского городища убеждают нас в сложной этнической структуре памятника, где археологически фиксируются как местные славянские, так и иноэтнические черты культуры.

Среди разрозненных следов металлургического производства третьей четверти I тыс. н. э. выделяется Гайворонский металлургический центр, расположенный на безымянном о-ве Южного Буга, между селами Солгутов и Гайворон. Там за два археологических сезона вскрыто 3000 м² площади и исследовано 25 производственных печей, размещавшихся по две-три вместе. По функциональному назначению они делятся на агломерационные, в которых руда обогащалась, и горны для выплавки железа. Из 25 обнаруженных печей 4 — агломерационные и 21 — горны.

Кроме производственных комплексов в Гайвороне обнаружено несколько круглых ям, где хранились запасы руды. Вблизи объектов найдены лепная пеньковская керамика, железные ножи, серебряная подвеска пастырского типа и др.

Очень важную категорию памятников третьей четверти I тыс. н. э., свя-

занных с пеньковским ареалом славянских древностей, составляютклады — Мартыновский, Малоржавецкий, Вильховчикский, Хацковский, Козиевский, Новоодесский, Новосуджанский, Колоковский и Цыпляевский.

Малоржавецкийклад состоял из женских украшений, представленных серебряными браслетами с утолщенными концами, бронзовыми шейными гривнами с завитыми концами, большими височными кольцами со спиральными завитками и серебряными «наушниками» [Рыбаков, 1953.— С. 75.— Рис. 16].

Мужские предметы поясного набора обнаружены в составе Вильховчикскогоклада, найденного в лепном горшке в 1974 г. (см. рис. 50). Среди сохранившихся вещей — 15 накладных серебряных бляшек с фигурными прорезями и поясные наконечники [Приходнюк, 1980.— С. 99.— Рис. 61, 1—15].

Большинство интересующих наскладов по своему составу неоднородны и включали мужские и женские наборы.

Среди женских вещей Мартыновскогоклада — серебряные головные венцы и «наушники», большие спиралевидные кольца, серебряные браслеты с расширенными концами, зооморфные и пальчатые позолоченные фибулы. Мужскими — предметы поясных наборов из серебра, разнообразные по форме и размерам наконечники поясов, фигурные антропоморфные и зооморфные бляшки, пряжки и пр. В состав Мартыновскогокомплекса входили мисочка, ложка и щипцы византийского происхождения [Fettich, 1930.— S. 256, fig. 20; Рыбаков, 1953.— С. 7.— Рис. 17; С. 81.— Рис. 18; С. 85.— Рис. 20; С. 88.— Рис. 21].

Женские наборы Хацкогоклада состояли из серебряных браслетов, трапезиевидных подвесок, пронизи и раковины с кольцом для подвешивания. Мужские представлены в нем элементами поясного набора — серебряными бляшками, пряжками, лжепряжками, фигурными поясными накладками и наконечниками [Бобринский, 1898.— С. 147—148.— Табл. XIX; Рыбаков, 1953.— С. 55.— Рис. 7а].

В Колосковском кладе женские украшения представлены фибулами, двухспиральными очковидными кольцами, колокольчиком, браслетами с утолщенными концами, украшенными насечками и «глазками», шестью парами скрепленных вместе трапециевидных подвесок, медной канторгой с петлей для подвешивания. Поясные фигурные антропоморфные серебряные накладки, лжепряжки и поясные наконечники с антропоморфными прорезями входили в мужской комплект клада из Козиевки [Рыбаков, 1953.— С. 66—67].

Кроме трех поясных наконечников Новоодесский клад состоял из женских украшений. Это бронзовые двухспиральные очковидные подвески, браслеты, цепочки, трубочки-пронизи, трапециевидные подвески на проволочке, круглые подвески с выпуклостью в центре, бубенчики и т. д. [Рыбаков, 1953.— С. 69.— Рис. 13].

Колосковский клад, найденный в железном племе, состоял из двухспиральных очковидных колец, серебряных браслетов, концы которых украшены насечками и «глазчатый» орнаментом, пальчатых фибул с пуансонным орнаментом. Мужские предметы не так многочисленны и представлены наконечниками копий, серебряными поясными накладками с крестовидными и антропоморфными прорезями [Макаренко, 1906.— С. 150—151].

Новосуджанский клад включал мужские и женские наборы. Это серебряные накладки, наконечники пояса, лжепряжки, двухспиральные очковидные кольца, шейные гривны, колокольчики на цепочках, щитовидные круглые подвески с выпуклостью в центре, три пары трапециевидных подвесок, пальчатые фибулы с пуансонным орнаментом на щитках и ножках, бусы [Рыбаков, 1949.— С. 75—90; 1953.— С. 64.— Рис. 11].

Цыпляевский клад найден в 1959 г. на правом берегу р. Нежеголь у с. Первое Цыпляево Белгородской области. Судя по всему, сохранилась только часть находок, представленных серебряной поясной накладкой, двумя браслетами с утолщенными концами, украшенными насечками, обломком шейной

гривны и медной цепью из шести колец, один край которых оформлен в виде змеиных головок. Возможно, цепь изготовлена из тонких змеиноголовых браслетов [Дьяченко, 1978.— С. 27—35].

По географическому расположению клад третьей четверти I тыс. н. э. делится на Поросские и Харьковско-Курские, которые по вещевому комплексу очень близки между собой. Это касается поясных гарнитуров, пальчатых фибул и других категорий женских украшений, что свидетельствует об общности этих древностей, позволяющей связывать их с конкретным племенем росов — русов, являвшихся ядром антского племенного объединения.

При сопоставлении рассмотренных выше комплексов с древностями степного населения прослеживаются значительные отличия. Во-первых, в лесостепных комплексах отсутствуют вооружение и предметы конского снаряжения, на что впервые обратила внимание Г. Ф. Корзухина [1955.— С. 78—82]. Последние очень типичны для кочевнических местонахождений. Среди интересующих нас кладов исключение — Колосковский, в составе которого было два наконечника копий.

Сказанное относится и к браслетам с утолщенными концами. В IV—VII вв. они почти отсутствуют у кочевников и повсеместно встречаются в славянских комплексах. На городище Зимно в Западном Побужье обнаружены мастерские по их изготовлению и полуфабрикаты браслетов с утолщенными концами [Аулік, 1972.— С. 66—67]. К европейским уборам относятся шейные гривны, выявленные в Малоржавецком, Новоодесском и Цыпляевском кладах. К европейскому убору относятся трапециевидные подвески, истоки которых прослеживаются в Прибалтике, аналогичные найденным в Новосуджанском и Новоодесском кладах. Головные уборы из Мартыновки и Малого Ржавца имеют характерный элемент — большие спиральные кольца, типологически близкие двухспиральным очковидным подвескам из Новой Одессы, Суджи, Колоскова. Реконструированному головному убору из Мартыновки Б. А. Ры-

баков нашел близкие аналогии среди русских кокошников [Рыбаков, 1953.— С. 83.— Рис. 19].

Из-за своей уникальности плохо поддаются этнической атрибуции антропоморфные и зооморфные фигурки из Мартыновского клада. В третьей четверти I тыс. н. э. у славян и кочевников известны единичные изделия такого рода. Антропоморфное изображение мартыновского типа найдено на пенковском поселении Требужены в Молдавии, а зооморфное — в ювелирной мастерской на о-ве Мытковском (с. Скибинцы) на Южном Буге [Рикман, Рафалович, Хынку, 1971.— С. 64.— Рис. 9, 5; Хавлюк, 1963.— С. 321.— Рис. 2]. Антропоморфная и зооморфная фигурки обнаружены в кочевническом погребении на станции Преградная на Кубани [Минаева, 1957.— С. 133.— Рис. 52, 1, 2]. Фигурка мужчины мартыновского типа обнаружена среди вещей Кушнаренковского могильника (V—VII вв.) в Северном Приуралье [Генинг, 1972.— С. 255.— Рис. 8, 1].

Предметы поясных наборов, представленные пряжками, лжепряжками и накладными бляшками, в третьей четверти I тыс. н. э. получили распространение по всему Евразийскому континенту. Известны они от верхнего течения Волги на севере до Закавказья на юге, от Монголии на востоке до Италии на западе. Центрами их распространения, где поясные наборы наиболее разнообразны, считаются Степь, Крым и Черноморское побережье Кавказа [Ковалевская, 1972.— С. 102].

Часть венгерских исследователей связывают среднеднепровские поясные наборы мартыновского типа с аvaraми [Lasclo, 1971.— S. 42—55; Kovrig, 1963.— S. 227—228]. Одним из основных признаков их аварской принадлежности Г. Ласло считает антропоморфные черты на поясных накладках. Последние действительно обнаружены среди аварских комплексов Подунавья, но достаточно широко распространены и в других местах. Известны они в Башкирии, на могильниках Суук-Су в Крыму, Агойском, Чми на Северном Кавказе, в Арцыбашевском погребении

на Рязанщине, на Лебяженском могильнике в Курском Посеймье и в других местах [Ковалевская, 1972.— С. 101.— Рис. 5, 17, 18; Репников, 1906.— С. 1—80; Амброз, 1971а.— С. 115.— Рис. 5, 26, 43, 44, 47, 62, 63; Монгайт, 1951.— С. 126.— Рис. 43, 8, 9, 13, 13а; Липкин, 1974.— С. 146.— Рис. 5, 5, 4].

Кроме того, поясные наборы в аварских могильниках на территории Венгрии появились только в VII в. н. э., что на основании византийских монет, встречающихся в этих погребениях, убедительно доказали Д. Чаллань, И. Вернер и А. К. Амброз [Csallany, 1939.— S. 166—169; Werner, 1950.— S. 170; Амброз, 1971а.— С. 120]. Это делает маловероятным аварское происхождение наборов из кладов мартыновского типа. Ведь продвигаясь с востока на запад (авары пришли в Подунавье около 567 г.), подобно другим народам, ранние наборы авар не обладали ярко выраженными этническими чертами. Лишь в начале VIII в. у них появляются прорезные накладки с растительным и зооморфным орнаментом, несущие ярко выраженную этническую нагрузку [Lasclo, 1971.— Fig. 11—13; fig. 97, 104—111, 114—116, 119, 125 и др.].

А. К. Амброз возникновения поясных наборов связывает с полуварварской средой византийских городов и крепостей на Дунае. По его мнению, именно оттуда они попали к населению Юга, Центральной и Восточной Европы [1971а.— С. 118]. По-видимому, именно этим объясняется сходство поясов на всех территориях их распространения.

Сейчас можно считать установленным, что ранние поясные наборы не являются отражением определенного этноса, в них в большей мере, чем в других археологических материалах, проявляется общая евразийская мода. Они служили как бы отличиям дружинника, отражая его заслуги, указывали на место его владельца в военной иерархии. Очевидно, пояса имели и геральдическое содержание, поскольку все известные комплексы по форме, рисунку и деталям бляшек отличаются

друг от друга [Ковалевская, 1971.— С. 102].

На бляшках из Мартыновки имеются тамгообразные знаки, корни которых следует искать в гуннской среде Северного Причерноморья. Однако уже в третьей четверти I тыс. н. э. они начинают проникать в восточнославянские земли как знаки родовых старейшин. Свидетельством этого может служить также тамга на трапециевидной подвеске из Мощина [Рыбаков, 1953.— С. 97.— Рис. 25, 14]. По мнению Б. А. Рыбакова, такие тамгообразные знаки являлись той основой, на которой сформировались более поздние знаки «рюриковичей» [Рыбаков, 1953.— С. 95—97].

Не вызывает сомнения византийское происхождение серебряной мисочки, блюда и ложечки из Мартыновского клада — либо дары, либо военная добыча.

Таким образом, вещи кладов мартыновского типа неоднородны по своему происхождению. Их корни прослеживаются в самых разнообразных этнических массивах. Истоки одних обнаруживаются в Византии (мисочки, блюдо, щипцы, ложечка из Мартыновки) и на ее периферии в Подунавье (поясные наборы), некоторых — в кельтской среде (браслеты, шейные гривны), других — в Северной Прибалтике (спиральные и трапециевидные подвески). Наиболее вероятно, что тамгообразные знаки на поясных накладках — северо-причерноморского (гуннского) происхождения.

Еще совсем недавно, когда древности третьей четверти I тыс. н. э. почти не были известны, трудно было связывать клады типа Мартыновки с определенными археологическими памятниками. В наше время положение изменилось коренным образом. Уже хорошо изучены раннесредневековые древности в Лесостепной полосе, что позволяет ставить вопрос об их связях с богатыми кладами.

Наличие у местных племен Восточной Европы, в третьей четверти I тыс. н. э. поясных наборов засвидетельствовано раскопками Зимновского городища на Волини, где обнаружены

пряжки и накладки на пояса [Аулік, 1972.— С. 3—8.— Табл. XII; С. 57.— Табл. XI, 1—14]. При раскопках Лебязьенского могильника близ г. Курска, где Ю. А. Липкинг исследовал 110 урновых и безурновых кремаций колочинской культуры, в погребениях № 3, 68 и одном из поврежденных захоронений найдены предметы поясных наборов — пряжки, лжепряжки, прорезные накладки, наконечник пояса [Липкинг, 1974.— С. 146.— Рис. 5, 10—14]. Материалы свидетельствуют, что некоторые погребения из Лебязьенского принадлежали дружинным. Кроме поясных наборов об этом говорят находки наконечников копий, фрагментов кольчуг из погребений № 32, 63 и позвоночник человека из погребения № 102, в котором глубоко застряла железная стрела [Липкинг, 1974.— С. 148—151]. Кольца от кольчуги обнаружены и в погребении № 24 из могильника № 1 в Большой Андрусовке [Приходнюк, 1980.— С. 67.— Рис. 44, 16, 17].

Предметы поясных наборов, которые связываются с пеньковскими памятниками, известны в Среднем Поднепровье. Поясная накладка с прорезами и пряжка найдены на поселении Волосское в Надпорожье [Приходнюк, 1980.— С. 69.— Рис. 46, 2, 6]. Здесь исследовано несколько полуземлянок и найдена лепная биконическая и округлобокая керамика пеньковского облика. На Левобережье Днепра, вблизи с. Коробовка (уроч. Рыхлица), при осмотре поселения пеньковского типа выявлена бронзовая бляшка от пояса. Еще один наконечник пояса происходит с пеньковского поселения возле с. Звонецкое, где раскопано несколько очагов, вблизи которых, кроме поясного наконечника, встречены лепная биконическая и округлобокая керамика, зооморфная и пальчатая фибулы, трапециевидная подвеска, двухспиральное височное кольцо [Приходнюк, 1980.— С. 69.— Рис. 46, 4, 7, 8].

Более того, клад из Вильховчика хранился в лепном горшке, закопанном на территории пеньковского поселения, исследованного О. М. Приходнюком весной 1966 г. Комплекс из Вильховчи-

ка интересен еще тем, что впервые на материалах Среднего Поднепровья клад третьей четверти I тыс. н. э. удалось связать с синхронными поселениями пеньковского типа.

Таким образом, для очерченного региона пеньковской культуры характерно наличие богатых кладов, что может стать основой выделения центра племенного объединения, так как в руках племенной верхушки и дружинников в первую очередь концентрировались богатства. Клады мартиновского типа придают пеньковской культуре Днепровского Левобережья и Поросья своеобразную специфику, порожденную уровнем социально-экономического и политического развития данных регионов.

4. ТИПЫ ЖИЛИЩ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

В отличие от домостроительства второй четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы, находившейся в стадии становления и характеризовавшейся пестротой архитектурных типов, жилища третьей четверти в этом регионе отражают далеко продвинувшийся процесс унификации. Начиная с конца IV в. осуществлялся постепенный переход от жилищ с плетневыми стенами к полуземлянкам со стенами, сложенными из бревен и плах. Для этого было необходимо соответственно подготовить котлован под жилище с ровными земляными стенами и прямыми углами. Отсюда вне зависимости от культурной принадлежности поселений (пражской, пеньковской, колочинской) вырабатывается единый архитектурный тип подквадратной жилой постройки. Различия (причем не всегда межкультурные) наблюдаются лишь в приемах укладки и крепления бревенчатых стен, оформления деталей интерьера, своеобразии отопительных устройств, которые и положены нами в основу их классификации. Однако следует подчеркнуть, что перечисленные различия несущественны и не влияют на плановую и конструктивную схему жилища [Раппопорт, 1975.— С. 17, 104—155].

Перед тем как перейти к характеристике славянского домостроительства, отметим, что славянское жилище раннего средневековья отличается простотой, удобством и монументальностью бревенчатых стен. Оно вполне отвечает требованиям суровых климатических условий лесной и лесостепной полосы Восточной Европы, выгодно отличается от легких построек кочевнического степного населения.

Все славянские жилища на открытых поселениях Юго-Восточной Европы независимо от культурной принадлежности частично углублены в грунт, достигая материка (рис. 41; 42, 1—8). Лишь верхняя часть постройки и крыша возвышаются над дневной поверхностью. Основной строительный материал — дерево и в отличие от большинства жилищ первой половины I тыс. н. э. минимальное количество глины.

По способу укладки и крепления бревен при возведении стен славянские жилища раннего средневековья подразделяются на срубные и столбовые. Оба типа жилищ в одинаковой мере характерны для славянских культур раннего средневековья. Те незначительные особенности, которые наблюдаются в колочинской и пеньковской культурах, связаны с соседним окружением и не могут повлиять на общую схему славянского жилища. О них мы скажем ниже.

В настоящее время на поселениях пражской культуры в пределах СССР исследовано около 350 жилищ. По признакам укладки и крепления бревен при возведении стен поддаются определению 314 жилищ. Из них 201 постройка имела срубные стены, а 113 — столбовые. На поселениях пеньковской культуры исследовано около 150 жилищ. Из них 63 — срубные, а 50 — столбовые [Приходнюк, 1985]. В значительно меньшей мере исследованы поселения колочинской культуры, где открыто около 50 жилищ и также выявлены срубные и столбовые постройки.

Оба типа жилищ наиболее часто сочетаются на одних и тех же поселениях. Наряду с ними известны селища, где подавляющее большинство жилищ представлено каким-то одним типом

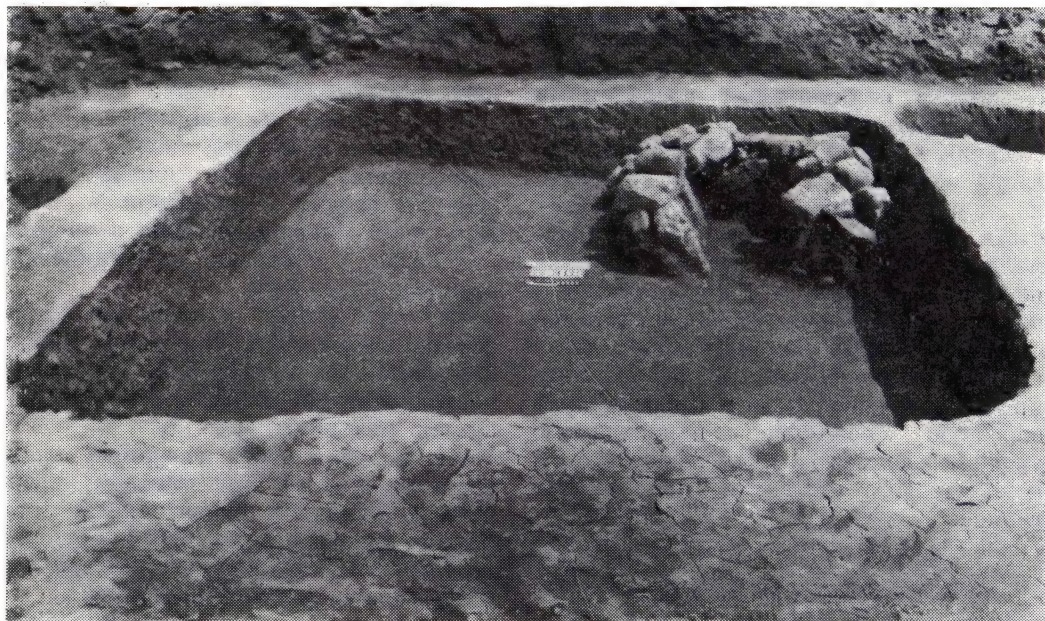

Рис. 41. Рашков III. Жилище № 37.

построек. Так, на полностью исследованном поселении Рашков III на Днестре из 92 выявленных полуземлянок лишь одна имела столбовую конструкцию, наоборот, на поселении Кодын I в верховьях Прута из 22 жилищ пражской культуры только две постройки — срубные, а 20 жилищ — со столбовой конструкцией стен. По-видимому, преобладание какого-то одного типа жилищ на некоторых поселениях, передко соседних, следует рассматривать как местную приверженность к определенным традициям и следование определенной моде. Славянское полуземляночное жилище срубной и столбовой конструкций как вполне определенный архитектурный тип в V—VII вв. приблизительно равномерно распространено на территории всех трех славянских раннесредневековых культур.

Остатки славянских раннесредневековых жилищ представляют собой в подавляющем большинстве углубленные в землю котлованы подквадратной формы с отопительными и другими бытовыми устройствами, иногда со следами деревянных конструкций. Они вырезаны в материке, имеют ровные отвесные стены и почти всегда — прямые углы. В редких случаях встречаются некоторые отклонения: округленность

углов, деформация стен и т. п., что связано, по-видимому, с плохой сохранностью земляной части жилища.

На некоторых поселениях незначительное количество полуземлянок построено таким образом, что одна сторона (преимущественно та, где стоит печь) несколько шире противоположной. Пол в подавляющем большинстве жилищ ровный, хорошо утрамбованный, материковый, иногда, но очень редко, подмазан глиной. В нескольких полуземлянках на поселении Рашков II котлованы опущены до уровня горизонта, на котором начинаются выходы камня. В этих случаях полом служили каменные плиты, занимающие часть постройки, иногда значительную. В трех жилищах большие каменные плиты возвышались над уровнем пола. Они выравнивались и служили прилавками; в одном случае к такой каменной глыбе была пристроена печь [Баран, Некрасова, 1984. — Рис. 4].

В одном из жилищ (№ 50) пражской культуры на поселении Рашков III, погибшем в пожаре, отчетливо прослежены остатки обугленного деревянного пола, сделанного из тонких плах. Необходимо отметить, что это

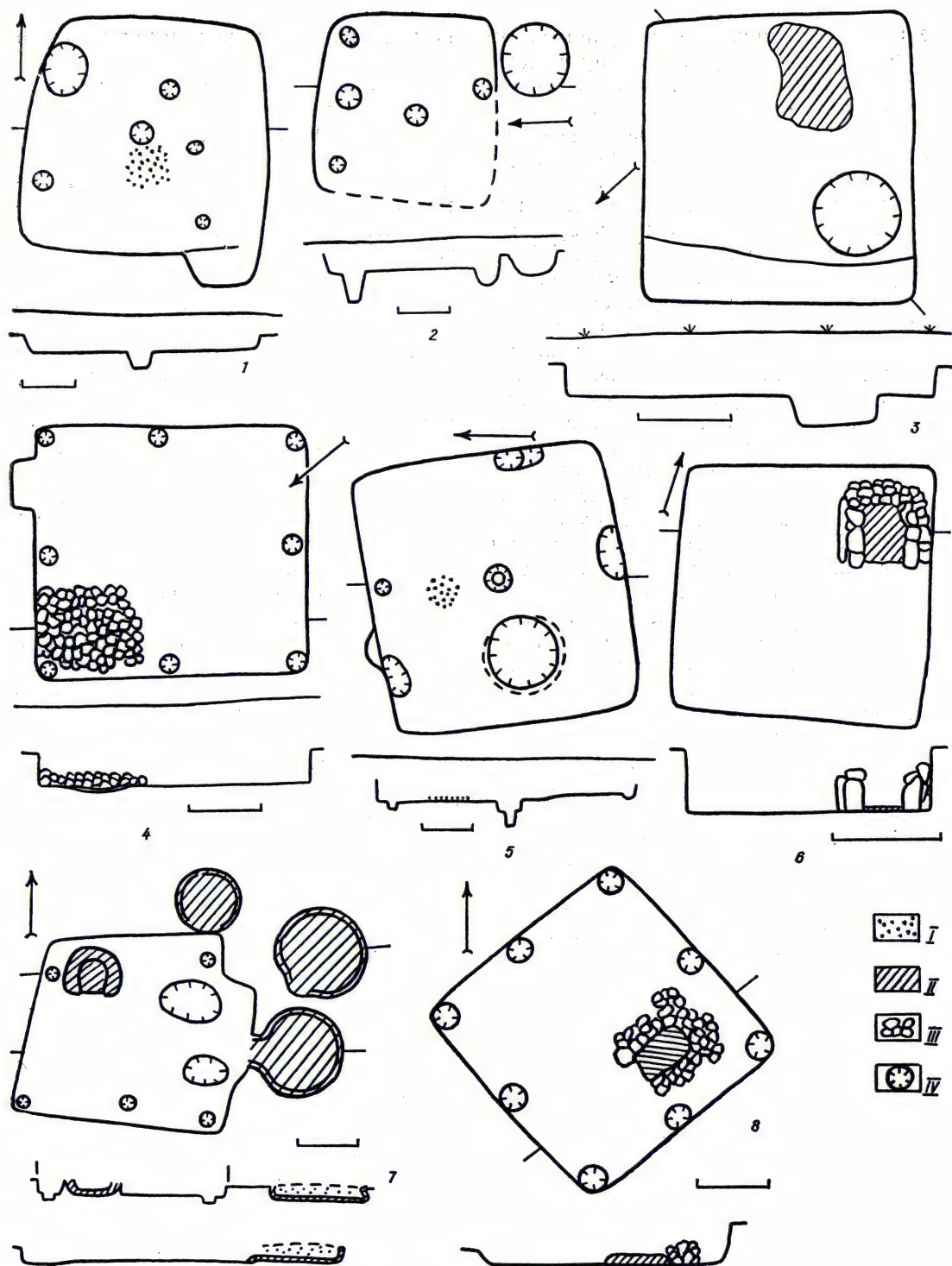

Рис. 42. Планы жилищ V—VII вв.:

I — углистый слой; II — обожженная глиняная обмазка; III — камни; IV — ямы. 1 — Левкин Бугор; 2 — Целиков Бугор; 3 — Гута Михайловская; 4 — Будище; 5 — Роище; 6 — Рашков III; 7 — Репнев II; 8 — Зеленый Гай.

единственное жилище на рашковском поселении, где удалось проследить остатки деревянного настила на полу. Если и встречались на этом поселении или других славянских раннесредневековых селищах полуземлянки с деревянным полом, то единичные.

Все славянские раннесредневековые жилища небольшие. Их размеры колеблются в среднем от 12 до 20 м². Нередко какая-то одна полуземлянка или группа выходит за указанные рамки. На поселениях пражской культуры Поднепровья известны жилища, площадь которых значительно меньше названных размеров. Так, на поселении Рашков III из 79 полуземлянок, площадь которых точно установлена, размеры 48 жилищ 6—8,5 м², а 11 — 4—5,5 м². Глубина жилищ, то есть земляного котлована, также не одинакова. Пол жилищ почти всегда опускался в материк. Однако в зависимости от толщи чернозема глубина самой ямы также разная. Наиболее распространенная глубина — 0,7—1 м от древней поверхности. Встречаются и менее глубокие жилища не только в пражской, пеньковской, но и в колочинской культуре.

Ориентация жилищ определялась в основном топографическим положением поселения. В большинстве они ориентированы стенами к течению реки либо ручья или по сторонам света. В каждом жилище было место входа. Однако место входа в сохранившейся нижней части полуземлянки определить трудно, а нередко и невозможно, так как в подавляющем большинстве построек никаких следов не осталось. Наиболее вероятно, что вход должен был находиться в стене жилища с противоположной стороны печи, приблизительно напротив ее устья. Такое расположение входа наиболее рационально и удобно для отвода дыма из жилища во время топки печи по-черному. Сказанное подтверждается тем фактом, что в ряде жилищ пражской и пеньковской культур в материковых стенах напротив печи вырезаны прямоугольные или овальные выемки шириной 0,6—0,8 м, выступающие наружу на 0,3—0,4 м. Они всегда впущены в материк до уровня пола, иногда имеют вырезанные в материке ступень-

ки и, по-видимому, указывают на место входа.

Описанная земляная часть жилища дополняется деревянными конструкциями стен и крыши. Отметим, что для жилищ столбовой конструкции выкапывались ямки под столбы по периметру материковых стен. Наличие столбовых ям и определяет тип постройки, так как деревянные остатки, как правило, отсутствуют и не могут быть зафиксированы в процессе раскопок. Остатки деревянных обугленных плах, канавки на полу, углы вдоль стен открыты во многих жилищах на поселениях Рашков III, Кодын, Лука-Каветчинская и др. На поселении Кодын I в жилище № 21 сохранились три ряда лежащих друг на друге плах. За исключением столбовых ям в полу, во всем другом котлован под столбовое жилище ничем не отличался от земляной части срубной полуземлянки. Оба типа жилища не отличались между собой и устройством интерьера.

Срубы складывались из плах, длина которых соответствовала длине материковых стен. По углам плахи крепились в «обло» или «лапу». В полуземлянках, где печь стояла в углу и задней и боковой стенами прилегала к материковым стенам жилища, предполагается впуск плах коренного венца в пазы между стенкой печи и стеной котлована. Выше, на уровне древней поверхности, конструкция перекрывалась венцом. Предполагается, что наземная часть сруба могла достигать 2 м или немногим меньше; полная высота внутреннего пространства до конькового прогона крыши могла составлять около 3 м. Это соответствует результатам расчета высоты жилища с поперечным отношением входа положением конька двускатной крыши с традиционными для лесостепной полосы уклонами.

При столбовых стенах плахи крепились способом впуска в пазы столбов или укладывались вдоль материковых стен и поддерживались столбами изнутри жилища. Столбы устанавливались по углам полуземлянки, посередине двух, а иногда и всех четырех стен жилища. Конек двускатной крыши мог крепиться к столбам двух противопо-

ложных стен. Крыша жилищ как при срубной, так и при столбовой конструкции имела деревянный каркас, который обшивался камышом или соломой. В некоторых жилищах поселений пеньковской и колочинской культур (Роище, Заярье, Смольянь, Хитцы, Кочубевка, Скибинцы, Селиштэ, Дончены) открыты ямки от центрального столба глубиной до 0,5 м. Его назначение пока не ясно. Не исключено, что он усиливал крепление крыши. Следует отметить, что центральный столб устанавливался только в жилищах первого хронологического периода пеньковской культуры. В полуземлянках более позднего времени он отсутствует. Такая конструктивная деталь не известна и в полуземлянках пражской культуры. На некоторых поселениях колочинской культуры (Смольянь) стены ранних жилищ были плетневыми и подмазывались глиной.

В южной части Поднепровья на пеньковских поселениях у сел Осиповка, Чернеччина, Стецовка и др. обнаружено несколько углубленных в землю жилищ округлой в плане формы, напоминавших юрты. С. А. Плетнева, хорошо изучившая кочевнические постройки, считает, что они принадлежали осевшим на землю кочевникам [1967.—С. 57].

Устройство интерьера славянского раннесредневекового жилища очень неприхотливо: пристенные лавки, иногда вырезанные в материке, ступеньки у входа в жилище, ямки от столбиков (возможно, следы от ножек стола) и обязательно отопительное устройство. Однако на многих поселениях пеньковской культуры открыты полуземлянки со всеми признаками жилища, но с отсутствием следов отопительного устройства. Такая картина наблюдалась и на более ранних поселениях черняховской и киевской культур в римское время.

Отопительным устройством служили печь или очаг. Печь наиболее характерна для поселений пражской культуры. Она сооружалась в каждом жилище, лишь несколько жилищ на Днестре (Зеленый Гай, Устье) имели очаги. В пеньковской культуре отопительные

сооружения более разнообразны. По подсчетам О. М. Приходнюка, в настоящее время в ранней фазе известно 21 жилище с очагом, 9 — без отопительных устройств и лишь в 10 жилищах, преимущественно на Правобережье Днестра,— печи-каменки. В жилищах второй фазы печь занимает господствующее положение. Они открыты в 53 жилищах, только в 10 — очаг, а около 10 полуземлянок вообще не имели отопительного сооружения [Приходнюк, 1986]. В жилищах колочинской культуры известны главным образом очаги, печи встречаются крайне редко.

Печи в жилищах размещались в определенных местах. Они всегда ставились в одном из углов полуземлянки, в основном в северной части жилища. Нередко печь стоит и в южной его части, причем для ее возведения использовался любой из четырех углов. Такая картина, в частности, наблюдается на поселении Рашков III, где открыто наибольшее количество жилищ. Определена закономерность в ориентации устья печей. Они установлены таким образом, что вне зависимости от того, в каком углу стоят, при подходе к ним со стороны устья печь всегда остается справа. Такое расположение печи наблюдалось на поселении Рашков III и во многих жилищах других поселений [Баран, 1988].

На подавляющем большинстве поселений всех славянских раннесредневековых культур печи строились из камня. Однако бывают исключения. Во всех открытых жилищах на трех поселениях пражской культуры у с. Репнев в верховье Западного Буга — глиняные печи; такие же печи открыты на поселениях у сел Подрожье, Зозове, Городке на Волини и некоторых других, в том числе пеньковской культуры (Ханска) [Баран, 1972].

Печи-каменки стояли на полу, лишь изредка под немного опускался в материк или поднимался выше пола жилища.

Основа печи укладывалась из крупных камней или каменных плит, поставленных ребром. Однако в жилищах, относящихся к началу сложения сла-

вянских раннесредневековых культур, печи возводились из мелкого камня, поэтому они всегда разрушены до основания. Купол в большинстве также сложен из плитчатых камней, иногда перекрыт каменной плитой. Сверху укладывались более мелкие камни, которыми забутовывались и стенки. Камни никогда не скреплялись раствором, но нередко щели между ними засыпались землей или закладывались фрагментами керамики. Топка печей небольшая — в среднем шириной 0,4—0,6, высотой 0,3—0,5 м. Под, подмазанный глиной, очень редко сложен из каменных плит, вмазанных в глину, или подбит фрагментами сосудов.

Для постройки глиняных печей в одном из углов жилища оставался материковый останец, где вырезалась основа печи. Свод сооружался из округлых глиняных вальков, закрепленных глиной. На поселении в Подрожье печи полностью строились из специально заготовленных вальков и глины. Размеры топок глиняных печей такие же, как и печей-каменок.

В отличие от печей очаги размещались главным образом в центре полуземлянки. В колочинской культуре — нередко рядом с центральным столбом. Иногда они подмазаны глиной и залегают непосредственно на полу жилища. Форма овальная, диаметром 0,5—0,7 м.

Аналогичные квадратные жилища с печью-каменкой известны в большинстве регионов распространения славянских раннесредневековых культур. Они открыты на поселениях в междуречье Днестра и Дуная, на территории Словакии, Моравии и Чехии, а также в междуречье Эльбы и Заале [Zeman, 1967; Donat, 1980].

Между Вислой и Одером на поселениях пражского типа домостроительство иное. Здесь преобладают жилища овальной, удлиненной формы, часто с такой же формы большой, несколько углубленной ямой, занимавшей центральную часть постройки. Вместо печей — очаги, иногда сложенные из камня. Перечисленные различия в плановой схеме жилища и устройстве ин-

терьера, несомненно, свидетельствуют об иных, свойственных данному региону традициях, корни которых следует искать в предшествующих культурах данной территории. Квадратные полуземлянки с печью-каменкой (редко с глиняной печью) известны лишь на правобережье Верхней Вислы, где они составляют одну региональную группу с памятниками пражской культуры междуречья Днестра и Вислы. Такие жилища встречаются на отдельных поселениях прибрежной части левого берега Верхней Вислы (Могилы), но вглубь Висленского Левобережья не входят.

На территории каждой из славянских раннесредневековых культур известны городища: Колочинское, давшее название культуре, Пастырское на пограничье пеньковской и салтовской культур, Зимно — в пражской культуре. На Пастырском городище, а также в Колочине открыты полуземлянки (на последнем одна), аналогичные постройкам поселений. Городища укреплены земляным валом и деревянной стеной, к которым примыкали длинные деревянные постройки, разделенные на отдельные камеры, где открыты остатки очагов. Такие постройки раскопаны, в частности, на городище у с. Зимно [Аулих, 1972].

Жилищам на раннесредневековых славянских поселениях сопутствовали хозяйственные постройки. Иногда это наземные помещения со столбовыми или срубными стенами, достигающие по размерам величины жилищ. Последние единичны. В большинстве это хозяйственные ямы. Их количество на поселениях колочинской, пеньковской и пражской культур различно. На поселениях двух первых культур хозяйственные ямы в основном преобладают над количеством жилищ (Хитцы); в пражской, за редкими исключениями (Лука-Каветчинская), их всегда меньше. Так, на поселении Рашков III на 92 жилища приходится всего 53 хозяйственные ямы. Чаще всего хозяйственные ямы расположены группами на свободной площади между жилищами. Встречаются и единичные ямы, относящиеся к определенным жилищам

и составляющие с ними один хозяйственный комплекс.

Ямы круглой или овальной в плане формы. Стенки отвесные, книзу сужены и расширяются или становятся выпуклыми приблизительно посередине высоты. Соответственно конфигурации стен, вырезанных в материке, ямы в профиле цилиндрические, колоколовидные, бочковидные. Дно ровное, плоское или несколько закругленное, линзовидное. Размеры ям различны: диаметр 0,3—2 м; глубина колеблется в пределах 0,3—2 м от древней поверхности. Самые глубокие ямы сооружались на поселениях с плотным глинистым материком. В песчаном грунте их размеры ограничены. Кроме того, величина ям определялась их хозяйственным назначением.

Кроме хозяйственных ям на славянских поселениях раннего средневековья изредка встречаются очаги и единичные печи, вынесенные за пределы построек. Нередко они связаны с производственной деятельностью жителей поселения.

Приведенная характеристика славянских жилищ Юго-Восточной Европы на этапе пражской, пеньковской и колочинской культур показывает, что они обладают не только общими признаками, объединяющими их, но и специфическими чертами, свойственными каждой культурной группе. Несомненно, общим и самым важным социальным и этническим признаком является плановая и конструктивная схема жилища-полуземлянки столбовой или срубной конструкции, то есть вполне определенный архитектурный тип. Эта ведущая черта славянского раннесредневекового жилища свойственна каждому поселению независимо от его культурной принадлежности и географического положения в рамках пражской, пеньковской и колочинской культур. Однако жилища колочинской культуры, а частично и пеньковской, особенно на раннем этапе, имеют еще центральный столб, отсутствующий в полуземлянках пражской культуры. В отличие от жилищ пражской культуры отопительным устройством жилищ колочинской культуры являлся открытый очаг. Послед-

ний широко применялся и на раннем этапе пеньковской культуры. Очаг занимает заметное место в пеньковском жилище и в период ее расцвета (около 25 %). Своеобразной чертой пеньковских поселений можно считать наличие на них округлых построек — юрт, что связано с проникновением на территорию славян кочевнического населения [Плетнева, 1967].

Немаловажной проблемой, возникающей при изучении славянских жилищ на раннесредневековых поселениях, являются поиски их прототипов.

Вопрос об истоках раннеславянской полуземлянки подквадратной в плане формы, с деревянными стенами и печью-каменной в одном из углов еще в достаточной мере не разработан. В зависимости от того, на какой территории исследователи видят истоки славянских раннесредневековых культур, они ищут и прототипы славянского жилища. И. П. Русанова и В. В. Седов все слагаемые элементы пражской культуры, не исключая жилища, видят в пшеворских древностях. В подоснове пеньковской культуры, по мнению В. В. Седова, лежат черняховские памятники [1972.— С. 116—130; 1979.— С. 101—133]. П. Н. Третьяков, Й. Вернер, К. Годловский видят истоки в древностях киевской культуры [Третьяков, 1966.— С. 301—302; Вернер, 1972.— С. 116—130; Godłowski, 1979.— S. 7—27]. П. Донат, посвятивший славянским жилищам специальную работу, зарождение славянской полуземлянки связывает с лесостепной зоной Восточной Европы, полагая, что в лесной зоне Европейского континента всегда преобладали наземные постройки. В решении вопроса о наземных и углубленных типах построек он исходит из своеобразия ландшафтных зон [Donat, 1980.— S. 10—70].

Как известно, в Восточной Европе наиболее ранние углубленные жилища подквадратной формы с плетневыми и срубными стенами и открытым очагом известны на поселениях позднелужицкой культуры в Среднем Поднепровье [Максимов, 1982.— С. 35—40.— Табл. VIII, 6]. Подквадратные полуземлянки открыты на всех поселениях

киевской культуры III — начала V в., где они представляют единственный тип жилища (Роище, Ульяновка, Глеваха и др. в Подесенье и Поднепровье) [Терпиловский, 1980.— С. 7].

Отопительным сооружением, как и на зарубинецких поселениях, остается открытый очаг, расположенный в центре жилища. Лишь на некоторых поселениях встречаются глиняные печи, иногда вырезанные в материковой стене. Стены срубные или каркасно-столбовые, но на Левобережье Днепра появляется центральный столб, чего не наблюдалось раньше, и это, по-видимому, несколько меняет общий облик постройки. Аналогичные жилища известны и на поселениях второй четверти I тыс. н. э. черняховской культуры (Черепин, Демьянов, Теремцы, Бакота, Сокол, Бернашовка, Журовка) [Баран, 1982.— С. 18—61; Вакуленко, Приходнюк, 1984; Сымонович, 1971].

В черняховской культуре подквадратные полуземлянки существуют наряду с другими типами углубленных жилищ (овальные, удлиненные), а также наземными постройками с глинобитными стенами, которые нередко преобладают в количественном отношении. Однако на многих черняховских поселениях Левобережья Среднего Днестра именно подквадратная полуземлянка с плетневыми или срубными стенами является основным типом жилищной постройки (Теремцы, Сокол, Бакота и др.). Важной особенностью черняховских подквадратных полуземлянок Верхнего и Среднего Поднестровья является наличие в них печей-каменок, расположенных в одном из углов жилища. Печи-каменки открыты в 2 из 8 жилищ в Черепине, в 24 из 29 в Теремцах, в 8 из 12 в Соколе [Вакуленко, 1983.— С. 155—179; Баран, 1983.— С. 5—48]. Более ранние жилища с печами-каменками, сложенными из камня-песчаника без скрепляющего раствора, нам не известны. Этот тип печей, являющийся, несомненно, одним из характерных признаков славянского раннесредневекового жилища, которое славяне переносят на Балканы и в Центральную Европу, возникает на поселениях черняховской культуры Сред-

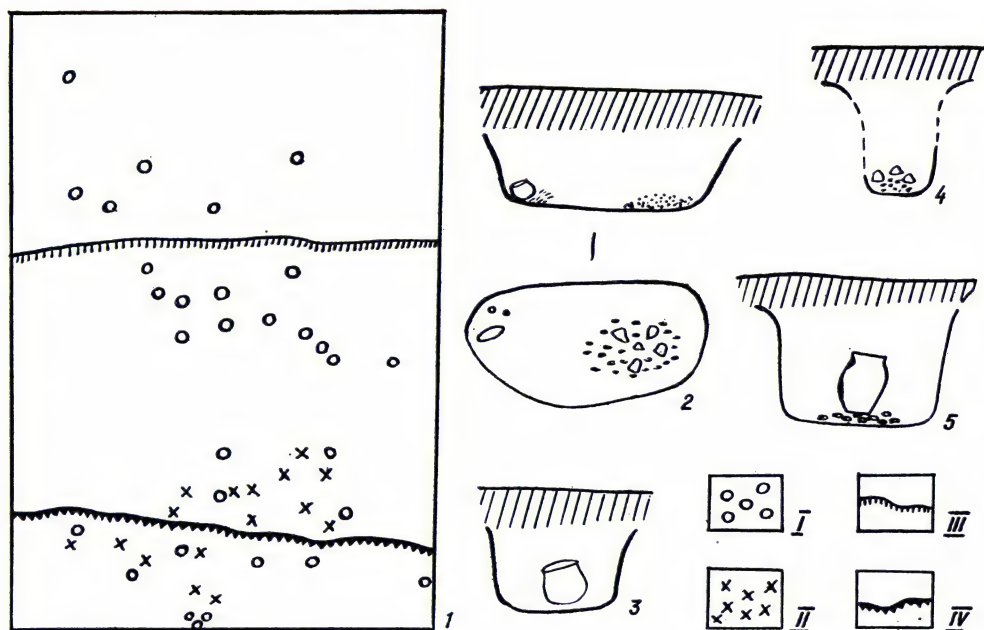
него Поднестровья в районах с повсеместными выходами на поверхность камня-песчаника, широко используемого местным населением во все времена как строительный материал. В черняховских жилищах известны и глиняные печи, вырезанные в материковой стене полуземлянки (Журовка, Демьянов), что напоминает такие же печи из Репнева II, вырезанные в материковом останце. Отметим, что жилища с печами-каменками появляются лишь на последнем этапе развития черняховской культуры — не раньше IV в. В более ранних полуземлянках встречаются открытые очаги [Баран, 1982.— С. 147—148].

Таким образом, в качестве прототипа славянской подквадратной полуземлянки можно принять углубленные постройки киевской культуры, а также поселений черняховской культуры Верхнего Поднестровья, восходящих к жилищам волыно-подольских и позднезарубинецких поселений. В процессе эволюции углубленного жилища в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы на протяжении нескольких веков закладываются основы конструкции той славянской полуземлянки с печью-каменкой, которая характерна для славянского жилища раннего средневековья. Попытки вывести славянские подквадратные жилища с печью-каменкой из культур римского времени Средней Европы обречены на неудачу.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Отдельную группу славянских древностей составляют погребения. По сравнению с поселениями они менее изучены, сведения о них отрывочны и нередко малодостоверны. Это касается в первую очередь пражской и пеньковской культуры. Так, по данным С. С. Гамченко, для корчакских погребений на Волыни характерны бескурганные трупосожжения в каменных ящиках, раскопанные им в окрестностях сел Корчак, Катериновка и Перлявка по берегам р. Тетерев и ее при-

токов [Петров, 1963.— С. 23—28]. И. П. Русанова, уделившая много внимания исследованиям корчацких древностей, пришла к выводу, что такие каменные ящики представляют собой остатки разрушенных печей-каменок [Русанова, 1973.— С. 26].

Вызывает сомнение мысль о биритуальности пеньковского погребального обряда, высказанная некоторыми исследователями [Сміленко, 1975.— С. 97; Русанова, 1976.— С. 98; Седов, 1982.— С. 276]. Она базируется на наличии нескольких скелетов «с металлическими украшениями пеньковского типа», раскопанных А. В. Бодянским в Днепровском Надпорожье и И. А. Рафаловичем в Молдавии. Учитывая, что Надпорожье и Молдавия были территориями стыков славян со степным массивом, вполне вероятно, что последние, проникнув в славянскую среду, восприняли черты материальной культуры пеньковского населения, сохранив свой погребальный обряд. Во всяком случае, ингумация у славян на основных территориях их проживания не обнаружена.

Было принято считать, что в колочинской культуре есть подкурганные захоронения. Основанием для этого служили материалы из Демьянки и

Рис. 43. План могильника № 1 у с. Большая Андрусовка (1) и типы погребений третьей четверти I тыс. н. э. из Лебяжьинского могильника (2—5):

I — урновые погребения; II — погребения в ямках; III, IV — береговые линии 1961 и 1962 гг.

Кветуни. Однако, анализируя стратиграфию этих курганов и характер распространения находок под курганными насыпями, В. В. Седов и Е. А. Горюнов сумели доказать, что колочинские материалы на этих могильниках не имеют прямого отношения к захоронениям. Они происходят из более ранних слоев поселений [Седов, 1982.— С. 32; Горюнов, 1981.— С. 31—32].

Кроме того, на некоторых могильниках из ареала пражской и пеньковской культур встречаются как ранние VI—VII вв., так и поздние погребения этапа Луки-Райковецкой. В тех случаях, когда керамический материал в захоронениях отсутствует или представлен маловыразительными фрагментами, трудно твердо установить их культурную принадлежность. Такие могильники известны у сел Хорск, Тетеревка, Шумск, Великая Андрусовка и в некоторых других местах.

Для всех территорий распространения славянских культур типичен обряд

кремации на стороне с последующим помещением кальцинированных костей в неглубоких, круглых или овальных в плане ямках диаметром 0,4—0,6 и глубиной 0,4—0,7 м от современной поверхности (рис. 43, 1—5). Встречаются урновые и безурновые могилы. Урны заполнены кальцинированными костями, золой, углем и т. п. Иногда находят и очищенные от погребального костра захоронения. Нередко верхние части урн разрушены вспашкой. Иногда они сопровождаются фрагментами керамики, бусами, пряжками, ножами и т. п.

Урновые и ямные погребения исследовались на пражских могильниках Шумск, Сарашевка, Суемцы, Хотомель, Хорск, Ужгород; на пеньковском могильнике в Великой Андрусовке и многих местах Днепровского Надпорожья; на могильниках колочинской культуры — Усох, Смяч, Княжий, Лебяжье, Нижняя Тошица, Новый Быхов и в других местах.

В отдельных захоронениях найдены ритуальные сосуды. Среди корчакских захоронений на Воляни на могильниках у сел Барашевка, Суемцы обнаружено по одному погребению, где урны были перекрыты плоским камнем или сковородкой [Русанова, 1973.— С. 27]. Интересно, что вокруг урны погребения из Суемцов лежало 12 глиняных «хлебцов» [Там же].

На могильниках колочинской культуры нередки захоронения, где кальцинированные косточки накрыты перевернутой урной. Такие же могилы известны на пеньковском могильнике № 3 из Великой Андрусовки. Здесь исследовано четыре кремации в цилиндрических ямках, перекрытых лепными сосудами [Березовец, 1969.— С. 67—68]. В. Н. Даниленко отнес эти погребения к колочинскому типу [1976.— С. 89]. Обнаруженную здесь посуду, представленную четырьмя мисками, нельзя считать колочинской, так как у мисок есть отдельные параллели среди пеньковской посуды.

Сожжения под перевернутой урной известны и на корчакских могильниках Шумск, Хотомель, Хорск [Русанова, 1973.— С. 27]. То есть такую деталь

погребения нельзя считать типичной только для колочинской культуры. Перевернутые вверх дном урны, хотя и в меньшем количестве, встречаются среди пеньковских и пражских древностей. На большинстве славянских могильников исследовано до 10 захоронений. На могильнике № 1 из Большой Андрусовки раскопано 43 захоронения второй половины I тыс. н. э. Такое положение объясняется в первую очередь тем, что над могилами отсутствуют внешние признаки, поэтому их очень трудно обнаружить археологическими разведками. Вместе с тем нельзя исключить, что в древности могилы могли иметь какие-то опознавательные знаки. В пользу последнего говорят факты отсутствия случаев перекрывания одних погребений другими. В Тетеревке вокруг погребений обнаружены ямки от столбов [Русанова, 1973.— С. 27].

Захоронения помещаются на небольшой глубине, чаще всего в гумусном слое. Только изредка погребальные ямы впущены в материк. Поэтому многие из них разрушены вспашкой и эрозией почвы.

Большие могильники, насчитывающие десятки и даже сотни погребений, известны на нашей территории в колочинской культуре. Так, на Новобыховском могильнике раскопано 40, а на Лебяжьенском — 110 захоронений. В колочинской культуре встречаются погребальные поля, на которых преобладают или урновые, или ямные захоронения. Иногда те и другие выступают в равной степени. Например, на Княжинском могильнике 80 % захоронений урновые, а на могильниках Усох, Новый Быхов только 7,4—17 % урновых могил. В то же время в Лебяжьем оба вида захоронений выступали в одинаковых количествах [Седов, 1982.— С. 32].

Большинство славянских могил отличается бедностью инвентаря. Чаще всего встречаются фрагменты керамики и лишь иногда — оплавленные стеклянные бусы, пряслица, ножи, фибулы и т. д. То есть среди погребений нет бедных и богатых, что, по-видимому, свидетельствует об отсутствии сколько-

нибудь значительного имущественного и социального расслоения внутри общин.

Вместе с тем на Лебяжьенском могильнике известны могилы, сопровождавшиеся деталями кольчуг и портупей (пряжки, лжепряжки, поясные накладки). В Княжинском найдены два железных наконечника копий [Липкинг, 1974.— С. 140.— Рис. 2, 1, 2; С. 146.— Рис. 5, 10—16]. Обнаружение таких находок позволяет ставить вопрос о наличии здесь захоронений дружинников. Возможно, что дружинными являлись и некоторые могилы из Большой Андрусовки, где найдены звенья от кольчуг [Приходнюк, 1980.— С. 67.— Рис. 44, 16, 17]. По-видимому, такие погребения могут свидетельствовать о выделении дружинного сословия в славянской среде.

Большинство погребений и могильников славянских культур размещалось в 0,5—1 км от селищ, занимая возвышенные или низкие участки местности. Интересно, что в устье р. Вороной, Селиштех, Корчак IX, Тетеревке и некоторых других местах погребения располагались на территории поселений [Березовец, 1969.— С. 67—68; Рафалович, 1973.— С. 141—143; Русанова, 1973.— С. 27]. Интересно погребение, обнаруженное на поселении Ханска III. На глубине 0,6 м от современной поверхности расчищен человеческий череп, рядом с которым стояло восемь лепных ребристых сосудов [Рафалович, 1972.— С. 148—149]. Такой погребальный ритуал берет истоки в черняховской среде. В Молдавии он прослежен на большинстве черняховских могильников [Федоров, 1968.— С. 85—93].

На Воляни известны подкурганные сожжения, расположенные на значительном удалении от поселений и концентрирующиеся группами по 10—50 вместе. Размещаются они кучно, иногда почти сливаясь основаниями. Наиболее исследованными являются курганные группы у с. Мирополь, где раскопано 30 насыпей. У с. Корчак из 27 насыпей раскопано 8. Славянские курганы исследовались также в селах Буда Шеецкая (уроч. Волчье Болото),

Могильно, Семурадцы, Селец и других местах [Русанова, 1973.— С. 28—30]. С. С. Гамченко, раскопавший 15 курганов (диаметром 4—10, высотой 0,4—1 м) в Мирополе, считал, что сожжение покойников производилось на месте, а остатки кремаций помещались в глиняных урнах. Безурновым был только курган № 19. Новыми раскопками, проведенными Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой, установлено, что под насыпями находились разрозненные обломки лепной керамики. Только в кургане № 3 обнаружена лепная урна, заполненная кальцинированными костями.

Лепные горшки без остатков кремации выявлены в курганах № 5, 6, где они лежали рядом с сожжениями. Два перевернутых вверх дном, заполненных песком сосуда стояли в кургане № 17. На подошве насыпей встречались маломощные кострища площадью 0,5—1,5 м и толщиной 4—5 см. По мнению И. П. Русановой, эти кострища ритуальные и их нельзя рассматривать как остатки погребального костра [Русанова, 1973.— С. 28]. В нескольких случаях под насыпями прослежены четырехугольные или круглые оградки из столбов. Оградки из вертикально или горизонтально поставленных столбов и плах или в виде канавок обнаружены также под курганами в селах Миляновичи, Семурадцы, Межиречка и некоторых других местах.

Восемь из 27 курганов, раскопанных С. С. Гамченко у с. Корчак, имели диаметр 13—20 м при высоте до 60 м и были ограждены ровиками. По наблюдению И. П. Русановой не все исследованные насыпи у с. Корчак являлись курганами. Сомнительными представляются ей курганы № 1, 2, 7. В одном из них (№ 1) найдены камень, черепки и пережженные кости, в другом (№ 7) — «каменный ящик», по-видимому, остатки печи-каменки [Русанова, 1973.— С. 28]. Во всех остальных насыпях у с. Корчак остатки сожжений находились на горизонте без урн. Лишь в кургане № 8 обнаружено два целых сосуда, один из которых заполнен пережженными костями, другой — без костей — стоял вверх дном.

Сопровождающий материал в погребениях очень бедный. Он представлен фрагментами керамики, иногда — целыми лепными сосудами, пряслицами и железными ножами. В кургане у с. Клементовичи обнаружены железные удила, костяная и железная пряжки от пояса, в кургане у с. Зубковичи — бронзовая пуговка с плоской головкой.

О подкурганных славянских погребениях, открытых на Воляни, И. П. Русанова пишет, что там господствовали безурновые сожжения. «Восстановить обряд погребения с наибольшей полнотой можно по курганам, исследованным у с. Мирополь в 1969 г. Это небольшие насыпи диаметром около 4 м и высотой меньше 0,5 м, расплывчатые и окруженные ровиками шириной около 1—1,5 м, глубиной до 40 см. Ровики заполнены углистой землей, по-видимому, кругом насыпи разжигались поминальные костры. В насыпи и на их подошве встречаются отдельные угольки, которые на горизонте иногда образуют небольшие ритуальные кострища. В трех случаях под насыпью кургана сохранились следы столбовой оградки. В кургане № 1 ямки от столбов образовывали прямоугольник. В кургане № 2 между столбами такой же прямоугольной оградки сохранились куски обожженных горизонтально лежавших бревен. Размеры оградки в этом кургане приблизительно 2×2,4 м. В кургане № 5 ямки от вертикальных столбов шли по кругу вдоль подножия кургана. Наряду со столбами в тот же круг вписывались и отдельно лежавшие большие камни. Диаметр круга около 3 м» [Русанова, 1973. — С. 39].

Два подкурганных славянских захоронения исследованы в 1966—1967 гг. у с. Чепоносы в Среднем Поднестровье [Тимошук, 1966]. Первый из них диаметром 15 и высотой 0,3 м. На древнем горизонте под земляной насыпью в северо-восточной части кургана расчищена прямоугольная глиняная площадка размерами 1,5×1,4 м с толщиной обожжения 10 см, на которой была совершена кремация умершего. На площадке находились угольки и кальцинированные человеческие косточки. Вокруг нее лежали угольки и куски

обгоревшего дерева. К северо-востоку от площадки, на древнем горизонте помещался раздавленный горшок-урна. В урне и вокруг нее лежали кальцинированные косточки вперемешку с угольками и пеплом. На уровне подошвы прослежено семь кострищ в ямках глубиной 0,2 м. Ямки располагались в определенной системе и вместе с площадкой образовывали круг диаметром около 4 м.

Второй курган из Чепонос диаметром 17 при высоте 0,7 м. Его основание подсыпано слоем чернозема толщиной 8—10 см. На подсыпке обнаружены кальцинированные человеческие кости, возле которых стоял лепной горшок. Примерно в центре насыпи, на глубине 0,3 м от ее вершины, прослежены неправильные в плане обожженные участки. По-видимому, это остатки тризны.

Таким образом, материалы из Чепонос свидетельствуют о наличии в Среднем Поднестровье урновых и безурновых подкурганных сожжений. В кургане № 1 кремация совершена на месте, на специальной глиняной площадке. Часть кальцинированных костей помещалась в глиняной урне, а часть лежала на месте сожжения и вблизи него. Кальцинированные человеческие кости в кургане № 2 находились на уровне подошвы, подсыпанной слоем чернозема. Безурновое погребение на горизонте сопровождалось лепным ритуальным горшком. Над остатками сожжения прослежены следы тризны. Тело сожжено на стороне.

Следовательно, на всех территориях распространения славянских культур в третьей четверти I тыс. н. э. господствовали урновые и безурновые сожжения. Преобладают могильники без внешних признаков на поверхности. Встречаются захоронения на территории селищ. Нельзя исключить, что над такими погребениями также возводились какие-то опознавательные знаки.

Подкурганные славянские сожжения наиболее характерны для территории Воляни, где известны курганные группы, насчитывающие несколько десятков захоронений.

На других славянских территориях

единичные подкурганные захоронения обнаружены только в Среднем Поднестровье. Подавляющее большинство подкурганных погребений выполнено по обряду кремации на стороне. Лишь в кургане № 1 из Чепанос тело покойного было сожжено на месте. Ближайшие аналогии этому обряду известны в культуре карпатских курганов. По М. Ю. Смишко, это ямно-костровой вариант погребения [Смишко, 1960.— С. 20].

6. КЕРАМИКА

В отличие от керамических комплексов первой половины I тыс. н. э., характеризующихся разнообразием технических приемов, стилей, форм и орнаментальных мотивов, славянская посуда третьей четверти I тыс. н. э. более однородна. Прекращается массовое производство гончарной и лепной посуды с гладкой лощеной поверхностью. Такая посуда встречается лишь в ранних комплексах не позже V — самого начала VI в., а потом полностью исчезает из обихода. Ее отсутствие, возможно, компенсировалось деревянной посудой, в том числе точенной на токарном станке, которая, как известно, в сухом грунте не сохраняется.

Для славянских раннесредневековых поселений VI—VII вв. характерна в основном лепная посуда. Это кухонные горшки высотой 10—30 см, небольшое количество корчаг высотой 40—60 см, а также сковородки, диски, миниатюрные сосуды, единичные миски. Причем этот набор форм одинаково характерен для всех трех раннесредневековых славянских культур — пражской, пеньковской и колочинской (рис. 44, 1—17; 45, 1—22; 46, 1—17).

Формовочная масса состоит из глины с примесью шамота и дресвы или песка. Поверхность посуды бугристая, лишь у отдельных кухонных горшков и мисок заглаженная, иногда подмазанная тонким слоем жидкой глины. Посуда в основном толстостенная (0,5—1 см), хотя на раннем этапе встречаются и тонкостенные. Придонная часть горшков массивная, иногда с закраиной.

Несмотря на то что в последние десятилетия собраны десятки тысяч фрагментов славянской керамики и сотни целых форм, до сих пор отсутствуют специальные исследования по разработке ее типологии. Однако в большинстве общих работ, посвященных изучению славянских древностей, вопросам типологии, классификации и периодизации славянской керамики отводится значительное место [Borkovsky, 1940; Баран, 1961.— С. 33—50; Аулих, 1961.— С. 30—40; Березовец, 1963.— С. 145—208; Приходнюк, 1975.— С. 28—36; Русанова, 1876.— С. 16—38; Тимошук, 1976.— С. 8—22; Русанова, Тимошук, 1984.— С. 10—16].

Большая работа по изучению керамики пражской культуры и ее периодизации проделана И. П. Русановой. Разработанный ею принцип классификации славянской лепной керамики пражской культуры в последнее время применяется многими исследователями. В более упрощенном виде он использован и в настоящей работе.

Ведущей формой посуды на памятниках всех трех славянских культур являются горшки. Они подразделяются на ряд типов и вариантов.

Первый тип представлен сосудами двух вариантов: а) горшки стройных пропорций с суженной нижней частью и максимальным расширением в верхней трети высоты. У них хорошо выражены плечики, венчик низкий несколько отогнут наружу. Диаметр венчика несколько меньше наибольшего расширения корпуса, но больше диаметра дна. Такая посуда названа пражской, а на Волыни — корчацкой (рис. 44, 1—9; 45, 12—14; 46, 8); б) сосуды этого варианта отличаются от предыдущих более широкой раскрытой горловиной. Диаметр венчика равен наибольшему расширению сосуда. Плечики высокие и крутые, как у сосудов варианта «а» (рис. 44, 12).

На Волыни край пражских сосудов округлен, горизонтально или плоско срезан [Русанова, 1973.— С. 11.— Рис. 1, 1]. Посуда из Прикарпатья и Среднего Поднестровья с утолщенным или утонченным краем [Тимошук, 1976.— С. 11.— Рис. 2; Вакуленко,

Приходнюк, 1984.— С. 63.— Рис. 36, 1—7]. На волинских памятниках пражской культуры горшки обоих вариантов составляют 80—98 % общего числа керамики, на поселениях Поднепровья Рашков III — 57,6 %).

На пеньковских памятниках горшки первого типа составляют 5,9—7,5, на поселениях колочинских древностей — 4, 9 % всей посуды.

Второй тип состоит из округлобоких горшков с максимальным расширением корпуса по середине высоты сосуда или несколько выше (рис. 44, 10; 45, 8—10; 46, 1, 2). Их высота колеблется от 14 до 30 см. У них более или менее отогнутый венчик, диаметр горловины немногим больше диаметра дна. На пеньковских памятниках их насчитывается 29,9—46,9 %, на пражских — 16,8—23,5, на колочинских — до 14,4 %.

Третий тип представлен кухонными биконическими горшками высотой 15—30 см с невыделенным или отогнутым наружу венчиком с округленным краем и острым переломом на середине высоты сосуда (рис. 44, 11; 45, 1—7; 46, 6). Диаметр венчика почти равен диаметру дна. Разновидностью этой посуды представляют горшки с нечетким ребром по середине или в верхней части корпуса. Диаметр венчика почти всегда больше диаметра дна. По форме, пропорциям и профилировке к этому типу относятся большие зерновики-корчаги высотой 40—60 см. Под венчиком иногда наклеплен трех- или четырехугольный валик. Биконические горшки являются определяющей формой пеньковского керамического набора — 29,4—35,8 %, на пражских памятниках их насчитывается 1—3, а на колочинских — 8,5—25 %.

К четвертому типу относятся кухонные горшки тюльпановидных очертаний высотой 15—35 см (рис. 45, 16; 46, 4, 5). У них сужена нижняя и расширена верхняя часть диаметром 15—30 см. Под открытой горловиной слегка намечена шейка, а венчик слегка отогнут наружу.

Пятый — составляют цилиндроконические горшки с плавным или ребристым переходом от верхней цилиндри-

ческой к нижней конической части. На перегибе иногда помещен оттянутый валик (рис. 45, 15; 46, 9).

Тюльпановидные и цилиндроконические сосуды являются основными в колочинском керамическом наборе, где они соответственно составляют 12,5—40,4 и 14—43 %; на пеньковских памятниках Левобережья Днепра — 8,7—10,4 %; в Среднем Поднепровье и Южном Побужье — 2,3—4,2 %; на пражских поселениях — 1,5—2 %.

Вариантом цилиндроконических сосудов в колочинском керамическом наборе являются низкие широкие ребристые сосуды, у которых диаметр дна заметно меньше диаметра венчика. Они занимают промежуточное место между биконическими и цилиндроконическими горшками (рис. 46, 7). В. В. Седов выделяет их в отдельный тип [Седов, 1982.— С. 32].

Шестой тип представлен горшками сферической формы высотой 15—20 см с расширенной верхней частью и суженной нижней. Венчик невыделенный и вогнут внутрь (рис. 44, 13; 45, 17; 46, 11). Такие сосуды в единичных экземплярах встречаются в комплексах всех трех раннесредневековых культур, где их насчитывают 2,4—4,3 %.

Характерной формой посуды для всех славянских культур V—VII вв. являются сковороды диаметром 13—25 см. У них толстое днище и косые или прямые бортики высотой 1—1,5 см. В керамические комплексы пеньковской и колочинской культур входят плоские диски. Они иногда имеют закраину (рис. 44, 15—17; 45, 19—22; 46, 13—17).

Отдельную форму посуды представляют миски, хотя в количественном отношении они не превышают 1—4,1 % керамических изделий на славянских раннесредневековых поселениях (рис. 44, 14; 46, 12). Так, на поселении Рашков III, где открыты 92 жилища и 53 хозяйственные ямы, найдено всего 4 миски. У них различная профилировка и размеры. Их высота 5—10, диаметр венчика 10—17 см. Встречаются конические миски с ребристыми плечиками (изготовленные по образцу

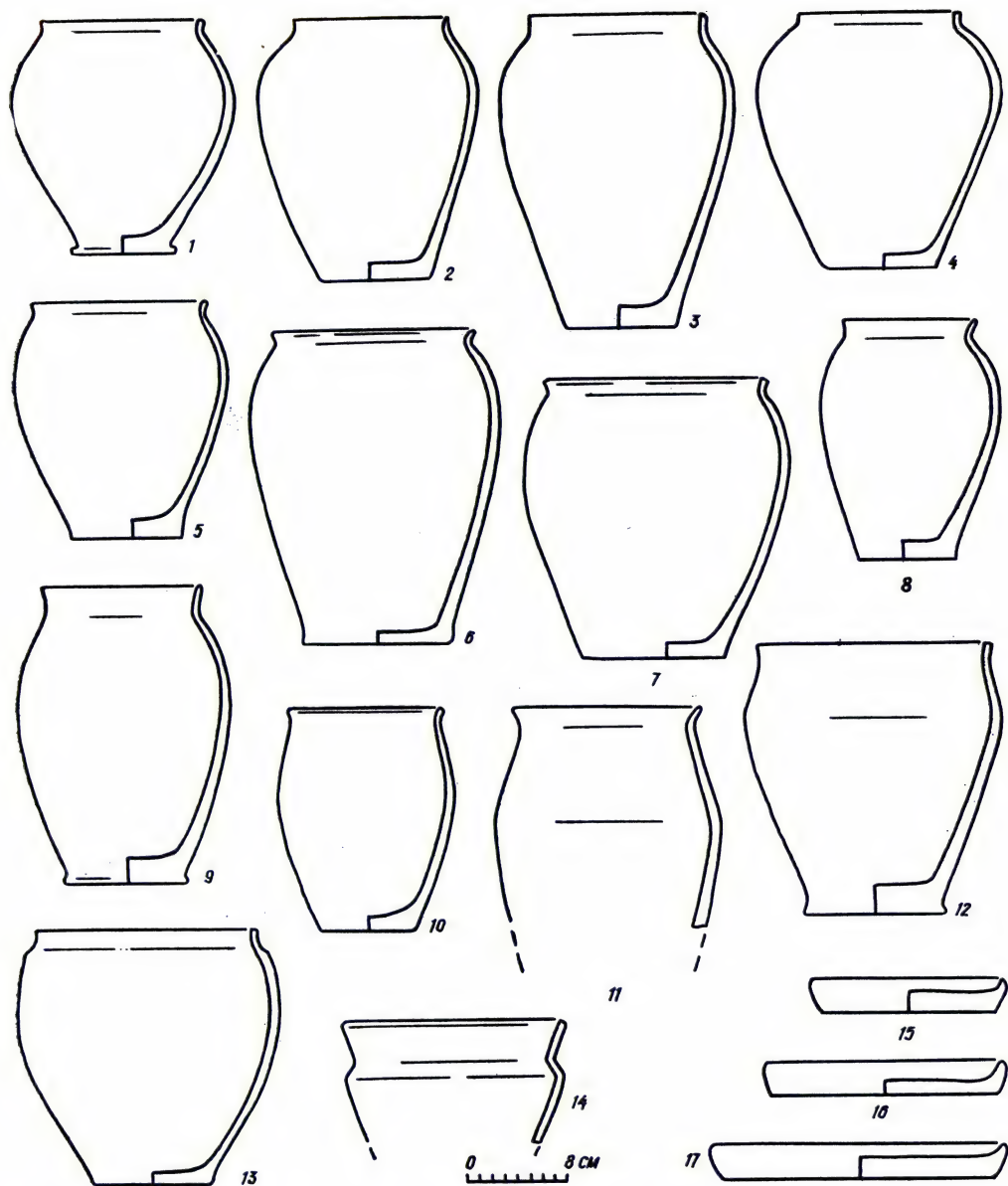

Рис. 44. Керамика пражской культуры:
1, 3, 7—12, 14—17 — Рашков III; 2, 5, 6, 13 — Реп-
нев II; 4 — Кодын I.

гончарных), биконические, цилиндрические, округлобокие. Венчик у них не выделен или отогнут наружу. Возможно, в качестве мисок использовались также низкие широкогорлые сосуды.

В состав керамических комплексов входят также небольшие сосуды-кубки цилиндрической формы высотой 9—12 см и диаметром горловины 8—11 см. Венчик едва намечен или же не выделен. В комплексах пеньковской кера-

мики они составляют 1,5—1,7 %, в единичных экземплярах встречаются и на поселениях пражской культуры. Кроме того, на некоторых поселениях среди пражской керамики известны единичные миниатюрные сосуды высотой 4—7, диаметром горловины 4—6 см.

Характерной чертой славянских раннесредневековых комплексов является

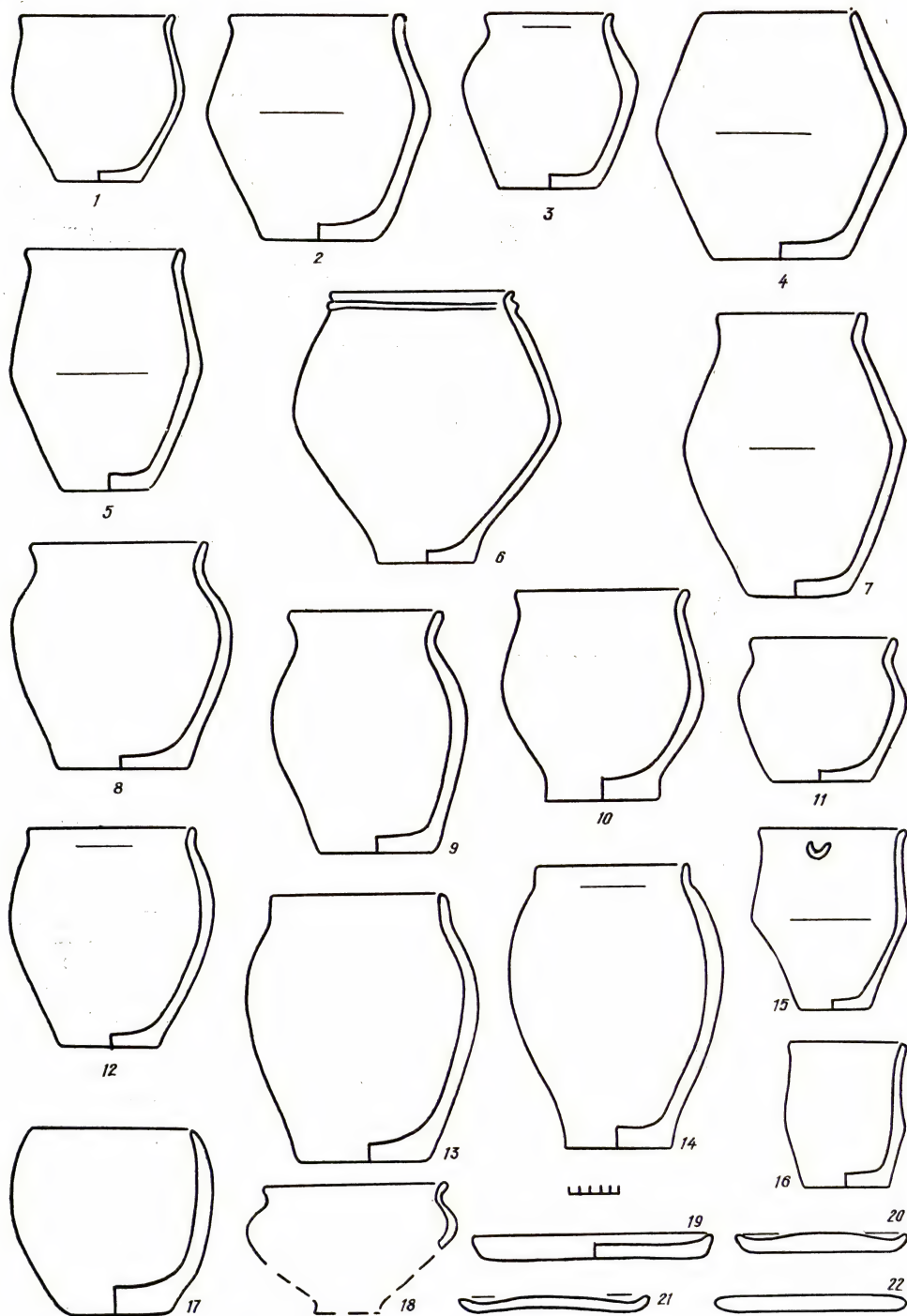

Рис. 45. Керамика пеньковской культуры:

1, 15, 16 — Хитцы; 2, 12 — Таращеве; 3 — Сушки; 4, 13 — Крещатик; 5, 20 — Скибинцы; 6, 14, 18, 19 — Кочубеевка; 7 — Ханска II; 8 — Селиште; 9, 10 — Семенки; 11 — Вильховчик; 17 — Завадовка; 21 — Сухая Гомольша; 22 — Осиповка.

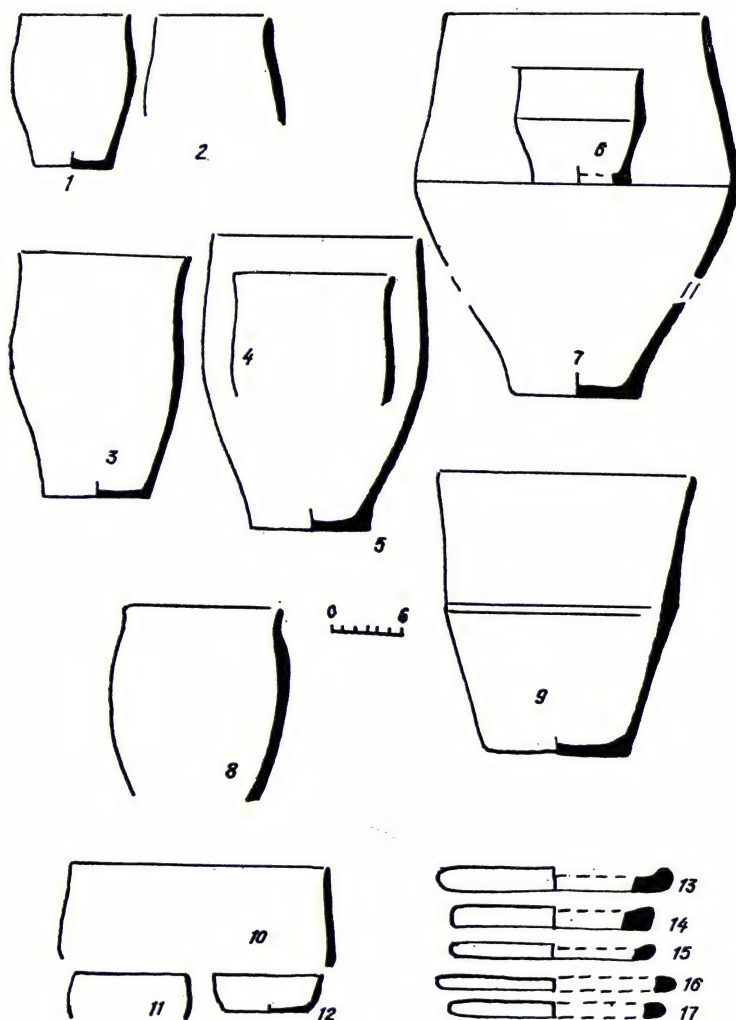

Рис. 46. Керамика колочинской культуры:
1 — Демьянки; 2, 4, 5, 7, 9, 10, 13 — Колочин; 3 —
Ходосовичи; 6, 8, 14 — Телеш-Калиновка; 12 —
Нисимковичи; 15—17 — Новые Громыки.

отсутствие орнамента на подавляющем большинстве сосудов. Лишь отдельные экземпляры украшены волнистой или зигзагообразной врезной линией, сетчатым узором, насечками по краю венчика, гладким валиком или с косыми насечками, штампом в виде розетки, лентой иксовидных знаков по окружности и т. п., у некоторых сосудов — налпы (рис. 45, 6, 15).

Таким образом, для всех славянских раннесредневековых древностей характерен близкий набор форм (горшки, сковороды, диски, кубки).

Наиболее массовыми формами славянской посуды являются стройные округлобокие горшки с расширением в верхней трети высоты; биконические,

тюльпановидные, цилиндроконические и округлобокие горшки с расширением на середине высоты. Эти формы присутствуют фактически на памятниках всех трех славянских ареалов. По-видимому, это объясняется общностью происхождения и тесными контактами между племенами пражской, пеньковской и колочинской культур. Вместе с тем количественное соотношение этих общих типов керамики в славянских культурах различно. Среди пражских древностей преобладают горшки стройных пропорций с расширением в верх-

ней трети высоты; в пеньковской — биконические и округлобокие изделия с расширением на середине высоты; в колочинской — тюльпановидные и цилиндрикоконические сосуды. На основании количественного сочетания керамических форм и некоторых других признаков в большинстве случаев можно определить, к какой из трех славянских культур относится тот или иной памятник, даже если он размещен на стыке культур или в маргинальной зоне.

В наиболее ранних комплексах памятников пражской и пеньковской культур (Зеленый Гай, Устье, Рашков III, Кодын, Лука-Каветчинская, Кочубеевка, Хитцы, Песчаное и др.) отдельную, хотя и небольшую (1—15 % всей посуды), группу составляет гончарная керамика [Баран, 1983; Вакуленко, Приходнюк, 1984; Горюнов, 1981; Русанова, Тимошук, 1984]. Это сероглиняная посуда, хорошо известная на территории Юго-Восточной Европы из памятников черняховской культуры. Она подразделяется на столовую и кухонную, соответственно разделяясь по составу теста и технике изготовления.

Столовая посуда представлена мисками, изготовленными из хорошо отмученной глины без примесей или с незначительными примесями мелкого песка (рис. 45, 18). Поверхность лощеная, серого или темного цвета. Миски ребристые, с раскрытым раструбом, дно на кольцевом или плитчатом поддоне. Кухонная посуда состоит из фрагментов горшков, изготовленных из глины со значительными примесями крупнозернистого песка, поверхность шершавая, серого цвета с темным оттенком. Судя по сохранившимся фрагментам, горшки имели отогнутый наружу венчик, выпуклые стенки и плоское дно (или на кольцевом поддоне).

На некоторых поселениях (Лука-Каветчинская) найдены фрагменты больших пифосовидных сосудов-корчаг. В отличие от керамики черняховской культуры гончарная посуда славянских раннесредневековых памятников бедна по ассортименту, как правило, лишена орнаментации или украшена врезными горизонтальными линиями. В ней от-

сутствуют изящные формы, обработка поверхности менее совершенна. Наблюдается спад гончарного производства. Подчеркиваем, спад, но не его прекращение после упадка черняховской культуры, как это представлялось раньше. Сказанное подтверждает не только наличие гончарной посуды в ранних слоях славянских раннесредневековых поселений, но и открытие Л. В. Вакуленко в 1966 г. на славянском поселении у с. Глубокое Черновицкой области мастерской по ее производству [Вакуленко, 1977.— С. 86—89].

Мастерская состояла из четырехугольной полуземлянки размерами 3×3,8 и глубиной 0,8 м с печью-каменкой в одном из углов. С южной ее стороны помещалась гончарная печь, устьем выходившая в полуземлянку. Горн овальной в плане формы, длиной 1,3 и шириной 1 м, двухъярусной конструкции. В нем находилась исключительно столовая посуда (миски). В полуземлянке-мастерской кроме единичных гончарных фрагментов найдены горшки пражского облика и сковородки. Комплекс свидетельствует о том, что в Прикарпатье в раннесредневековое время еще производилась гончарная посуда провинциально-римских образцов.

На поздних пеньковских памятниках встречаются фрагменты амфор с густым рифлением, известные на славянских памятниках V—VII вв.

В заключение еще раз подчеркнем, что группа гончарной посуды на раннесредневековых славянских поселениях очень незначительна. Ее количество постепенно уменьшается, в комплексах VI в. она уже отсутствует, то есть выходит из употребления. Например, на поселении Рашков III гончарная посуда найдена лишь в 6 из 92 жилищ, и то в наиболее ранних, не позже V в. н. э. [Баран, 1983.— С. 37]. Во всех остальных жилищах и хозяйственных комплексах VI—VII вв. встречалась исключительно лепная посуда.

Поскольку наиболее ранние славянские раннесредневековые поселения с комплексами V в. открыты именно на территории лесостепной части или по-

границе Леса и Лесостепи Юго-Восточной Европы, то их прототипы, в том числе лепной посуды, следует искать в более ранних культурах, то есть в культурах позднеримского времени этой территории. Отметим, что ни одна из них, в том числе киевская, не обладает идентичным набором форм. Керамические комплексы пражской, пеньковской и колочинской культур сложились в результате взаимосвязей и сложных переплетений местных разнотипных элементов предшествующего времени и представляют уже иной, новый этап в истории развития славянского керамического производства в Юго-Восточной Европе. Сравнительное изучение форм и типов лепной посуды раннесредневековых культур и культур позднеримского времени, особенно памятников, имеющих хронологический стык, приходящийся на V в., показало, что основные формы и типы пражской и пеньковской лепной посуды происходят от лепной керамики киевской и лесостепной части черняховской культуры. Первая, с примесью балтских элементов, лежит в подоснове развития и керамического комплекса колочинской культуры.

Горшки первого типа с низким венчиком и наибольшим расширением в верхней части сосуда, составляющие «лицо» пражских памятников и встречающиеся в незначительном количестве в пеньковской и колочинской культурах, берут свое начало от подклешевых форм и доходят до средневековья через зарубинецкую, волыно-подольскую и поднестровскую группы черняховских памятников [Русанова, 1976. — С. 205—215; Баран, 1983. — С. 170—173]. С черняховской культурой междуречья Днепра и Днестра связаны своим происхождением округлобокие горшки второго типа — одного из основных в пеньковской культуре, занимающего заметное место на пражских поселениях Поднестровья.

Биконические горшки третьего типа, известные во всех трех славянских культурах, но являющиеся основными на памятниках пеньковской культуры, имеют самые близкие аналогии в киевской культуре. Их разновидность —

горшки с валиком под венчиком — в большом количестве найдены в комплексах IV—V вв. и черняховского поселения Хлопков Киевской области.

Тюльпановидные и цилиндрикоконические горшковидные сосуды (четвертый и пятый типы) — ведущие формы в колочинской культуре (в двух остальных встречаются в единичных экземплярах) — берут начало от киевской культуры, особенно из ее памятников северо-восточного региона.

Сферические сосуды с вогнутым внутрь венчиком (шестой тип) имеют прототип в черняховской культуре Поднестровья, но происходят от пшеворской культуры [Баран, 1981. — С. 156—157]. Это редкие формы в славянских раннесредневековых культурах V—VII вв. Они восприняты славянским населением у своих соседей германцев в римское время [Баран, 1981. — С. 156] и не имели дальнейшего развития в славянской керамике VIII—IX вв. С черняховской культурой, несомненно, связано происхождение ребристых конических мисок. Дiski в римское и более раннее время известны на поселениях зарубинецкой и киевской культур. Сковороды изредка встречаются в наиболее поздних комплексах черняховской (Теремцы), киевской (Лавриков Лес, Форостовичи) культур.

Все формы гончарной посуды, встречающиеся в комплексах V в. на поселениях пражской и пеньковской культур, связаны с древностями черняховской культуры. Славянское население лесостепной полосы Юго-Восточной Европы, как и другие этнические группировки, входившие в состав черняховской культурной области, широко пользовалось сероглиняной гончарной посудой провинциально-римских образцов. Остатки гончарного производства в Прикарпатье прослежены на раннем этапе пражской культуры. Дальнейшего развития в славянской среде это производство не получило.

Таким образом, славянская лепная керамика, как и жилища и погребальный обряд, несомненно, типологически связана с местными элементами предшествующих культур. Элементы куль-

тур римского времени, которые были привнесены неславянским населением, проживавшим на территории Юго-Восточной Европы в указанное время, не получили развития в славянской среде раннего средневековья. Сказанное относится к вельбарской культуре и в подавляющем большинстве к культуре карпатских курганов. Однако определенные отголоски тесного общения славян в римское время со скифо-сарматским, фракийским, германским и балтским населением присутствуют в славянской керамике. Так, на поселениях пеньковской и пражской культур встречаются горшки банковидной формы, характерные для скифо-сарматских комплексов черняховской культуры (Рашков III); горшки с налечами (Семенки) для дако-гетской керамики, с глухими иксевидными ушками (Зеленый Гай) — вельбарской [Хавлюк, 1961.— С. 348—349; Рикман, Рафалович, 1965.— С. 54; Баран, 1972.— С. 45].

В целом, керамические комплексы славянских культур раннего средневековья по набору форм и количественному соотношению типов не только не идентичны комплексам культур своих предшественниц, но и отличаются друг от друга, составляя с другими элементами материальной культуры специфические этнографические области. Они продолжают развиваться (в преобразованном виде) в славянских культурах последней четверти I тыс. н. э.

7. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ И БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ, ПРЕДМЕТЫ УБОРА, ОРУЖИЕ

Все материалы, найденные на славянских памятниках третьей четверти I тыс. н. э., можно разделить на две большие группы — инструменты, связанные с тем или иным производством, и готовую продукцию. Подчеркнем, что граница между ними проводится очень условно, так как сами инструменты являются продукцией того или иного производства.

Интересную, хотя далеко не самую многочисленную, категорию находок со-

ставляет инвентарь, характеризующий уровень хозяйственного и в некоторой степени экономического развития восточных славян предгосударственного периода.

Среди таких находок наиболее важными являются орудия сельскохозяйственного производства. Железные наральники найдены на поселениях пражского типа в Городке и Бакоте, на пеньковских поселениях Любимовская Забора и Селиште [Приходнюк, 1975.— С. 34.— Рис. 15, 1; С. 127.— Табл. XVII, 1; 1985.— С. 117.— Рис. 10, 1, 2]. Они известны также в городищах Хотомель и Пастырское. Славянские наральники сравнительно небольшого размера — длиной 15—19 см. Они изготовлены из цельного куска железа, с лезвием в форме удлинённого треугольника. В одних случаях стороны верхней части загнуты в продольном направлении таким образом, что образуют узкую втулку, в других — на верхней, наиболее широкой части наральника сделаны бортики, удерживающие наконечник на деревянной основе рала.

Железные мотыжки длиной 10—15 см известны по раскопкам в Чернечине, Волосском, Тымченках и на некоторых других пеньковских поселениях [Приходнюк, 1985.— С. 117.— Рис. 10, 9, 10]. Широкие цельные лезвия переходят во втулку, выполненную так же, как и у наральников (рис. 47, 3, 4).

Серпы найдены на пражских поселениях в Горошовой, Лесогорке, Луке-Каветчинской [Приходнюк, 1975.— С. 50], на пеньковских селищах Бельск, Кочубеевка, Семенки, Зелениянка и в других местах [Приходнюк, 1985.— С. 117.— Рис. 10, 3, 4, 8, 11]. На городище Колочин I найден клад, состоявший из четырех железных серпов [Сымонович, 1963.— С. 134.— Рис. 27, 1—4]. Длина их колеблется от 15 до 30 см. По способу крепления к деревянной рукоятке они делятся на крючковидные и черенковидные. По характеру перегиба лезвия эти серпы очень близки между собой и принадлежат к асимметричным, у которых вершина дуги перемещена к основанию (рис. 47, 6—11).

К сельскохозяйственному инвентарю

относятся косы-горбуши, известные по раскопкам в Городке, Устье, на городищах Колочин I, Зимно [Приходнюк, 1975.— С. 127.— Табл. XVII, 1; Сымонович, 1963.— С. 132.— Рис. 26, 14]. Они представляют собой массивные изделия длиной около 40 см с лезвием, немного вогнутым к рабочей поверхности, и пяткой со штырем на конце (рис. 47, 5).

С переработкой зерновых культур связаны каменные жернова, повсеместно встречающиеся на славянских поселениях. Жернова изготавливались из крупнозернистых пород камня: песчаника, ракушечника, туфа, кварцита. Диаметр таких дисков составляет 35—50, толщина — 7—15 см. В центре некоторых из них сделано отверстие диаметром 5—8 см. Рабочая поверхность жерновов хорошо заглажена, противоположная сторона и края обработаны менее тщательно. В Бакоте найдена каменная ступа. Это большой круглый грубо обработанный камень диаметром 65 и высотой 30 см. В центре его сделано конусовидное углубление диаметром 15 см [Приходнюк, 1975.— С. 39.— Рис. 17].

К сожалению, ни на одном из подвргавшихся раскопкам поселений не обнаружены остатки кузниц. Лишь иногда встречаются кузнечные инструменты — зубила, пробойники, маленькие наковальни (Лука-Каветчинская, Сушки, Луг I, Семенки, Ханска II и др.) [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 66.— Рис. 38, 8; Приходнюк, 1985.— С. 125].

Найденный в кузнице Пастырского городища инвентарь состоял из наковальни, двух молотов, двух кузнечных клещей, ножниц для разрезания металла, зубила и пробойника [Брайчевская, 1960.— С. 101.— Рис. 2, 1—8].

Изделия из цветных металлов, представленные украшениями и предметами личного убора (рис. 48, 1—31; см. рис. 50), встречаются на раннесредневековых славянских памятниках редко. Их малочисленность объясняется отсутствием в Восточной Европе залежей меди и олова. Большинство таких находок обнаружено на территории пеньковской культуры. Особенно часто

они попадают в Среднем Поднепровье, где, как полагают исследователи, находился центр по их изготовлению [Рыбаков, 1953.— С. 23—104].

Пальчатые фибулы найдены на пеньковских поселениях — Бельск, Майорка, Волосское, Семенки, Ханска II [Приходнюк, 1985.— С. 119.— Рис. 14, 1—3]; на пражских — Горошова, Рашков III, Демьянов [Баран, 1972.— С. 165.— Рис. 45, 7; Этнокультурная карта...— С. 82.— Рис. 15, 21—24]; на колочинских — Казачье Локно [Горюнов, 1981.— С. 43.— Рис. 14, 4] и в других местах. Головка фибул выполнена в виде розетки, украшенной пятью пальцевыми отростками. Иногда вместо отростков сделан полукруг с фигурными отверстиями по внешнему овалу. Ножка у обоих видов застежек удлиненная, ее край венчает человеческая или звериная головка. Иногда на корпусе помещены птичеголовые отростки, а на поверхности — пуансонный и S-видный орнамент (рис. 48, 1—3, 10, 11, 17).

У наиболее простых зооморфных фибул из пеньковских поселений в Молочарне, Звонецком, устье р. Самары верхняя часть оформлена в виде розетки с двумя повернутыми в разные стороны звериными или птичьими головками. Нижний широкий лопатообразный щиток гладкий, чаще всего без орнамента. Из Надпорожья происходит застежка с двумя лопатообразными щитками, соединенными тонкой перемычкой. В великой Андрусовке, Дежках и Таранцево вместе с лепной пеньковской керамикой найдены зооантропоморфные фибулы со сложным прорезным орнаментом (рис. 48, 5).

Из бронзы изготовлены цельнолитые (дунайско-византийского типа) и пластинчатые подвижные фибулы, обнаруженные также в пеньковских поселениях Волосское, Звонецкое, Ханска II и Горошова (Этнокультурная карта...— С. 82.— Рис. 15—35; С. 89.— Рис. 16, 25) (рис. 48, 14).

Группу украшений представляют подвески и височные кольца (рис. 48, 13, 15, 19). Бронзовые подвески с гроздевидными отростками, близкие к пастырским, встречены на поселениях Се-

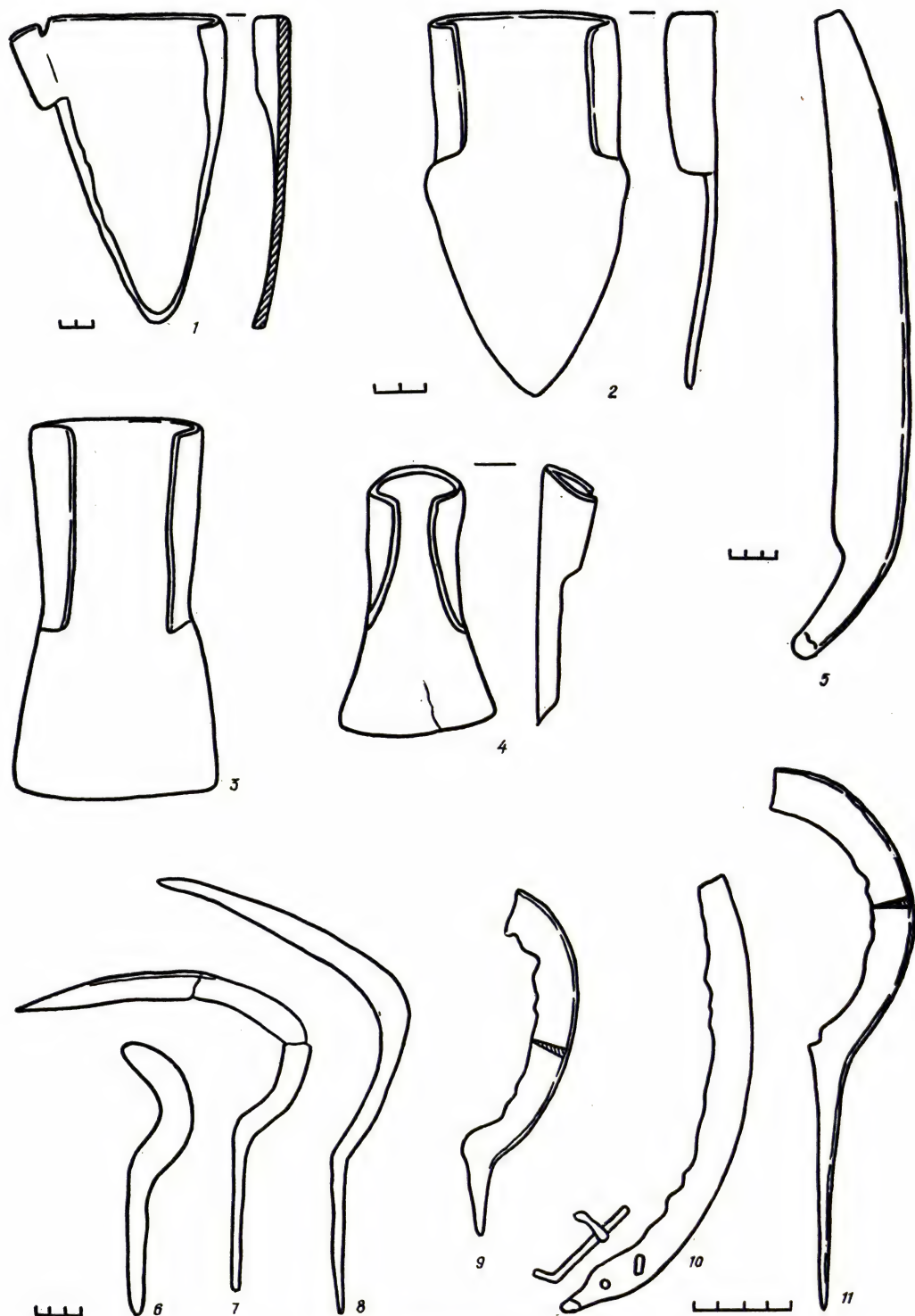

Рис. 47. Сельскохозяйственные орудия V—VII вв.:

1 — Бакота; 2 — Любимовская Забора; 3 — Тягинская Забора; 4 — Чернещина; 5 — Городок; 6—8 — Ханска II; 9 — Зеленинка; 10 — Кочубевька; 11 — Семенки.

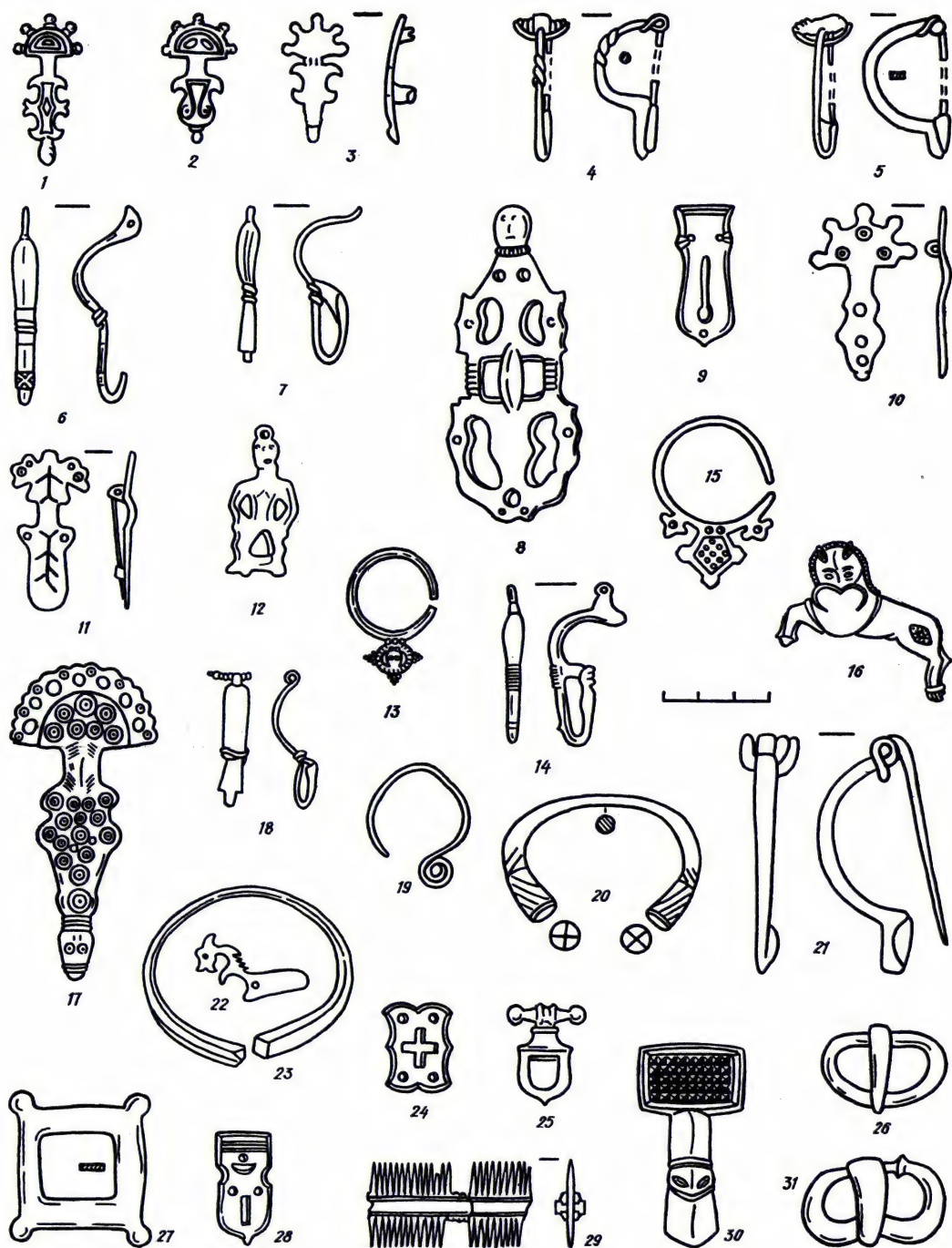
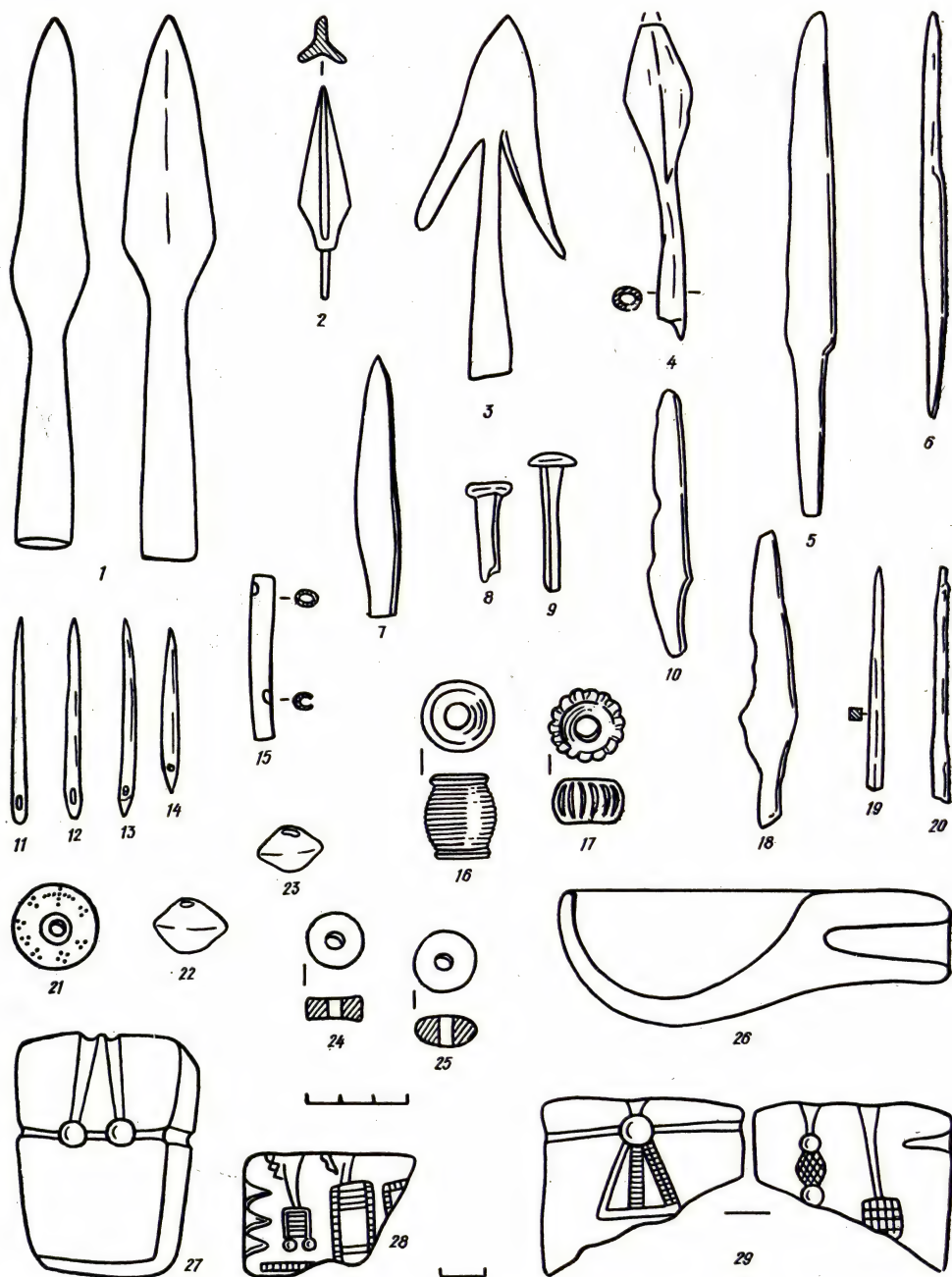

Рис. 48. Предметы убора и украшения V—VII вв.:

1 — Демьянов; 2 — Черепин; 3, 7 — Горошоча; 4, 5 — Кодын; 6, 29 — Лука-Каветчинская; 8 — Великая Андрусовка; 9, 17 — Майорка; 10, 18 — Волосское; 11 — Звонецкое; 12 — Требушены; 13 — Гайворон; 14 — Ханска II; 15, 19, 22, 23 — Семенки; 16 — Скибинцы; 20 — Новоселица; 21 — Звонецкий Порог; 24—26, 28, 31 — Лебяжье; 27 — Целиков Бугор; 30 — Картамышево.

менки, Гайворон, Задонецкое [Приходнюк, 1985.— С. 120.— Рис. 12, 5, 9, 13]. От пастырских некоторые из них отличаются более грубой работой и декоративными деталями. Спиральные и очковые подвески, височные кольца, изготовленные из тонкой медной проволоки, встречены в Волосском, Алексеевке,

Семенках и других местах [Приходнюк, 1985.— С. 120.— Рис. 12, 14]. Трапециевидные подвески, иногда усложненной конфигурации, изготовлялись из тонкой медной бляшки. Они гладкие или украшены выпуклостями. Такие украшения найдены на Луге I, в Деревке, Волосском, Луке-Врублевцевой,

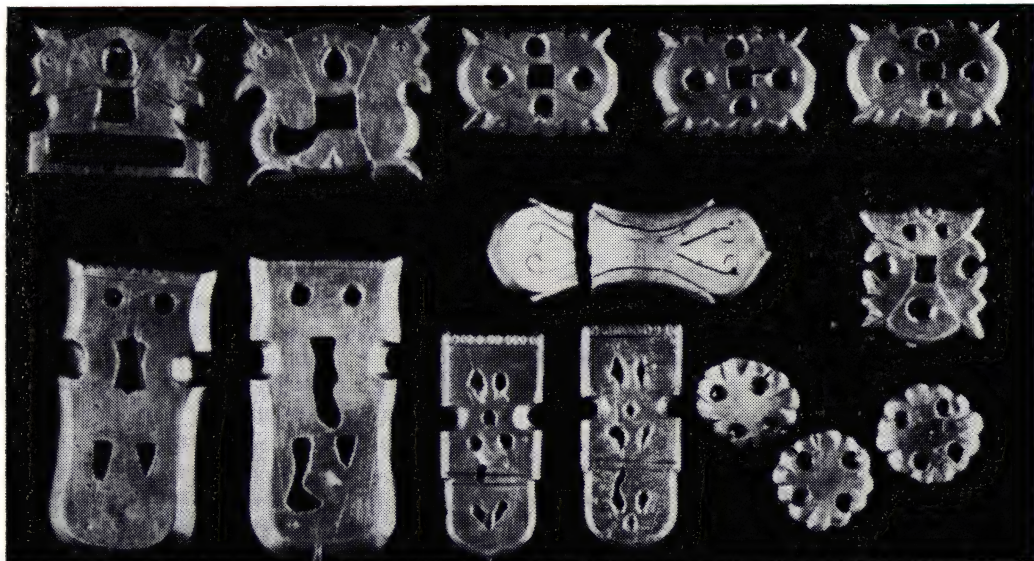

Рис. 49. Орудия труда и оружие V—VII вв.: 1 — Княжье; 2 — Хохлов Вир; 3 — Селиште; 4—12, 15, 22—25 — Городок; 13, 14, 16—20 — Лука-Каветчинская; 21 — Занки; 26 — Тягинская Забора; 27, 29 — Семенки; 28 — Скибинцы. 1—10, 18—20 — железо; 11—15 — кость; 17, 21—26 — керамика; 16, 27—29 — камень.

Рис. 50. Вильховчикский клад серебряных изделий VII в.

Колочине и т. д. [Сымонович, 1963.— С. 131.— Рис. 25, 6; Приходнюк, 1980.— С. 9.— Рис. 46, 11 и др.]. На пеньковских памятниках встречаются колокольчики (о-в Кизлевский).

Браслеты с утолщенными концами известны в Волосском, Скибинцах, Новоселице, Рашкове II, Лебяжьем и на других памятниках [Хавлюк, 1963.— С. 335.— Рис. 14, 9; Березовец, 1963.— С. 196.— Рис. 24, 5, 21]. Иногда их края украшены насечками (рис. 48, 20, 23). Редки браслеты из тонкой проволоки со змеиными головками на концах. Они найдены на поселениях в Хитцах, Игрень-Подкове, на могильниках Усох и Лебяжье [Горюнов, 1981.— С. 43.— Рис. 14, 5, 7—10].

Уникальными находками являются зооморфные и антропоморфные фигурки (Скибинцы, Требужены, Зимно) (рис. 48, 12, 16), зеркала (Ханска II), перстни (Сушки, Селиште).

Поясные наборы представлены пряжками и накладками от портупей (рис. 48, 9, 24—26, 28, 31, 32). Среди них выделяется пряжка с бронзовым

язычком, сделанным в виде стилизованного коня [Хавлюк, 1963.— С. 335.— Рис. 14, 10]. В Волосском, Звонецком, Коробовке, Лебяжьем и других местах известны серебряные фигурные бляшки-накладки и наконечники поясов [Приходнюк, 1980.— С. 69.— Рис. 46, 2—4, 7, 10].

Есть некоторые данные о производстве таких изделий на славянских поселениях. Глиняные тигли, льячки, литейные формы, связанные с бронзолитейным делом, найдены на городище в Зимно, поселениях Корчак VII, Тетеревка, Городок, Домантово, Хитцы, Будище, Гута-Михайловская, Скибинцы, Рашков и в некоторых других местах.

Литейные формочки изготавливались из мягких пород камня (Городок, Тетеревка, Скибинцы, Семенки и т. д.). На хорошо заглаженной лицевой стороне сделаны углубленные контуры будущих изделий, заполнявшиеся в процессе литья расплавленным металлом (рис. 49, 27—29).

К предметам личного убора относятся костяные гребни, найденные на пеньковских поселениях Кисляк, Хуча, Ханска II и на поселении пражского типа Лука-Каветчинская [Рафалович, 1972.— С. 110.— Рис. 16, 6, 10]. Пеньковские гребни изготовлены из цельного куска кости. Более сложен гребень из Луки-Каветчинской (рис. 48, 29).

Он узкий, длиной около 10 см, трехчастной конструкции. Зубчатая часть изготовлена из узких костяных пластин шириной 1,5—2 см, подогнанных друг к другу и соединенных двумя костяными полосами при помощи железных заклепок. По-видимому, гребень из Луки-Каветчинской привозной. Его изготовление требовало наличия специальных инструментов и высоких производственных навыков.

На славянских поселениях немногочисленными находками представлены предметы вооружения и конского снаряжения (рис. 49, 1—4; 50). К ним относятся трехлопастные стрелы гуннского типа с упором при переходе от пера к острию. Они встречены на пеньковском поселении Занки и колочинском селище Хохлов Вир. На поселениях Богатое, Требужены и в некоторых других местах найдены большие трехлопастные стрелы «аварского» типа. В Сухой Гомольше, Богатом, Семенках и на других памятниках встречены плоские черенковые наконечники с удлинненным ланцетовидным пером, в Селиште — большое острие с двумя шипами.

Длина наконечников копий, известных по раскопкам на Луге I, Волосском, Луке-Каветчинской, Колочине и т. д., 15—30 см. Они относятся к типу ланцетовидных с массивной втулкой (рис. 49, 1). Клинок ромбовидный в сечении или со сглаженной, уплощенной одной стороной. В Городке найден втульчатый, с ромбическим пером наконечник дротика длиной 10 см (рис. 49, 4), а в Колочине — двухшипный наконечник дротика [Сымонович, 1963.— С. 132.— Рис. 26, 11].

Копья, дротики и лук использовали не только как военное снаряжение, но и для охоты. На городище Селиште найден костяной наконечник стрелы, предназначенный для охоты на мелкую дичь и птицу.

Обнаруженные на поселениях Семенки и Ханска II железные удила принадлежат к типу простых, без дополнительных отверстий для псалиев [Хавлюк, 1974.— С. 202.— Рис. 11, 26].

Со славянских селищ Игрень-Подкова, Осиповка, Волосское, Лука-Кавет-

чинская, городища Колочин I и из других мест происходят железные рыболовецкие крючки длиной 6—8 см. Иногда они достигают гораздо больших размеров. В Игрень-Подкове найдены крючки длиной 15—20 см. Применялись они для ловли сомов и щук. Пешня — орудие рыболовства — выявлена среди материалов Колочинского городища [Сымонович, 1963.— С. 131.— Рис. 25, 10].

На славянских памятниках нередко встречаются орудия труда, применявшиеся в домашнем производстве (рис. 49, 5—25). На подавляющем большинстве поселений найдены керамические прясла — грузики от веретена (рис. 49, 16, 17, 21—25) — биконической, цилиндрической, округлой и дисковидной форм. Лепились они из цельного куска глины. Поверхность изделий неровная, хотя иногда встречаются сглаженные и подлощенные экземпляры. Отдельные из них орнаментированы наколами, треугольниками, солярными знаками. Дисковидные грузики изготавливались из стенок сосудов. Диаметр прясел 2—5 см.

Железные резцы, долота, ложкорезы, известные по раскопкам поселений на Луке-Каветчинской, Сушках, Будищах и в других местах, применялись для обработки древесины. При заготовке и обработке древесины для различных производственных и хозяйственных нужд применяли топоры, найденные в Луке-Каветчинской, Стецовке и других местах [Петров, 1963.— С. 229].

Железные и костяные шилья, иголки и проколки предназначались для портняжного и кожеобрабатывающего домашнего производств. Они известны по раскопкам поселений Городок, Бакота, Лука-Каветчинская, Богатое, Кисляк, Семенки, Хуча и т. д. Толстые иглы длиной 6—8 см чаще всего изготавливались из кости. Интересно, что железная игла из Богатого по форме и размерам соответствует костяным стержням. Судя по размерам, такие иглы могли применяться для сшивания грубых тканей (рис. 49, 11—14).

Из бытовых, широкого функционального назначения изделий часто встречаются железные ножи (рис. 49, 5, 7, 10, 18). Они длиной 6—13 см, с пря-

мой спинкой и плоским черенком. Длина черенка составляет $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть общего размера ножей.

Особое место по набору производственного и бытового инвентаря среди памятников пражской культуры занимает городище у с. Зимно на Западной Волыни [Аулих, 1972.— С. 40—86].

К сельскохозяйственному инвентарю относится коса-горбуша длиной 43 см. На пятке сохранилось кольцо, при помощи которого коса крепилась к деревянной рукоятке (рис. 47, 5).

К ремесленным инструментам относятся: железный молоток длиной 12 см с клиновидным острием и четырехгранным обухом; маленькая наковальня длиной 6,4 см в форме срезанной пирамиды; небольшой топорик длиной 6,4 см с широким лезвием; резец-ложкарь длиной 10,2 см с дугообразной рабочей поверхностью; стержни длиной 5,3—16 см, среди которых встречаются шля, пробойники, пуансоны и пр.

С бронзолитейным делом связаны найденные на Зимновском городище тигли, льячки и литейные формы.

Тигли-лячки представляют собой глиняные ложковидные изделия с поллой ножкой, куда вставлялась рукоятка. Их длина бывает от 5 до 9 см. На лицевой стороне литейных формочек из мягких пород камня помещалось негативное изображение будущих изделий — пластин, лунниц, ажурных украшений.

К бытовым предметам относятся железные ножи длиной 8,5—15 см с дугообразной или прямой спинкой: глиняные и каменные пряслица диаметром 1,9—3,2 см. Они цилиндрические, цилиндрическо-опуклобокие, биконические, линзовидные. Отдельные глиняные прясла украшены наколами.

Изделия ювелирного ремесла представлены предметами из серебра и бронзы. К ним относятся цельнолитые пряжки бесшарнирной конструкции самых различных форм. Это овальные, четырехугольные, В-образные изделия без щитка или со щитком усложненной конфигурации. Среди них выделяется шарнирная пряжка с литой трапецевидной рамкой и щитком из тонкой бляшки. Язычок с загнутым концом,

возле перехода в петлю — шаровидное утолщение.

На городище встречены и простые железные пряжки с лировидной, овальной, круглой и полукруглой рамками.

В Зимно представлены бляшки усложненной конфигурации от поясных наборов. Некоторые из них украшены антропоморфными прорезями. Интересна крестовидная бляшка с круглой выпуклостью в центре. Обращает на себя внимание изображение в виде птицы, выполненное в реалистической манере. Встречаются также круглые, со сквозными прорезями украшения, трапецевидные подвески, браслеты с расширяющимися концами (среди последних — заготовки-полуфабрикаты, свидетельствующие о местном производстве), шпилька с фигурной головкой, большой серебряный перстень со стеклянной вставкой голубого цвета, спирали, пинцет, колокольчик, кольца, петли и т. д.

На территории Зимновского городища найдены также стеклянные и пастовые бусы: круглые, граненые, двухчастные, цилиндрические — зеленого, синего, темно-красного и серебристого цветов.

Предметами вооружения являются наконечники копий, дротиков и стрел. Массивные наконечники копий длиной 25—27,5 см, со втулкой. Иногда у ее основания имеется ушко для крепления острия к древку. Перо наконечников удлиненной линзовидной в сечении формы или же на нем с двух сторон сделаны четкие продольные ребра. Длина наконечников дротиков 15,3—16 см. Они втульчатые, с листовидным пером.

Среди наконечников стрел длиной 5,4—11,3 см встречаются втульчатые и черенковые. По форме пера первые делятся на листовидные, ромбовидные, двушипные и кинжаловидные. Одним экземпляром представлен черенковый наконечник с поперечно срезанным пером, применявшийся для охоты, длиной 5,5 см.

Предметами конского снаряжения являются железные удила. Они простой конструкции, состоят из двух шарнирно соединенных стержней, на

свободных концах которых в петлях закреплены большие кольца. Среди других находок из железа можно назвать огнива, кольца и пр.

Городище у с. Зимно являлось крупным производственным центром, дающим представление о развитии металлообработки у славян раннего средневековья.

8. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Изучение славянских культур ранне-средневекового времени предполагает разработку вопросов их внутренней периодизации и хронологии.

По вопросам внутренней периодизации и хронологии восточнославянских древностей существуют определенные разногласия. Это относится ко всем памятникам третьей четверти I тыс. н. э. — пражскому, пеньковскому и колочинско-го типов.

Впервые систематизировал и выделил славянские материалы пражского типа И. Борковский, отнесший их к третьей четверти I тыс. н. э. [1939.— С. 97—107]. В процессе уточнения датировок этих материалов появились расхождения в определении верхней и нижней дат пражских памятников. Согласно хронологической схеме Эйснера-Поулика, пражские древности в Чехословакии датируются концом V — началом VI в. [1948.— С. 89—94]. Концом V — концом VII в. датировал В. В. Аулих материалы Зимовского городища, где собрана большая коллекция пряжек, поясных накладок, браслетов и т. д. Позже он стал относить его к VI — первой половине VII в. [1962.— С. 95—105; 1972.— С. 86—96]. В. Д. Баран датирует древности Верхнего Побужья серединой V—VII в. [1972.— С. 59—79]. На основании ранних форм керамики и наличия в жилищах гончарной посуды черняховского облика В. Д. Баран допускает, что к концу V в. относится нижняя дата поселения Зеленый Гай на Среднем Днепре [Баран, 1972.— С. 62]. На основании детальной классификации и разработки типологической **схемы разви-**

тия пражской керамики из междуречья Днепра и Западного Буга И. П. Русанова датирует ее VI—VII вв. [1973.— С. 17—22].

В результате раскопок В. Д. Барана, И. С. Винокура, О. М. Приходнюка, Б. А. Тимощука, И. П. Русановой в Среднем Поднестровье и Прикарпатье удалось твердо выделить пражские объекты V в. на поселениях в Устье, Бако-те, Луке-Каветчинской, Рашкове, Кодыне и других местах. К V в. относится гончарная мастерская, исследованная Л. В. Вакуленко у с. Глубокое в Прикарпатье [1974.— С. 242—251]. Все эти памятники картографированы и выделены как ранний этап пражской культуры, начало которого приходится на середину V в. Верхняя дата пражских древностей относится исследователями к VII в. Лишь Ю. В. Кухаренко определял ее в пределах VIII в. [1961.— С. 9].

Недостаточно четко определена хронология колочинских древностей, датируемых большинством исследователей серединой и третьей четвертью I тыс. н. э. Так, к VI—VII вв. относит ее И. П. Русанова [1976.— С. 73]; к V—VII вв. — П. Н. Третьяков, В. В. Седов и Е. А. Горюнов [Третьяков, 1982.— С. 138; Седов, 1982, 1982.— С. 33; Горюнов, 1981.— С. 63]; к V—VIII вв. — Э. А. Симонович [1975.— С. 23]. Е. А. Горюнов склонен нижний рубеж некоторых колочинских памятников опустить до конца IV в. [1982.— С. 63]. Д. Т. Березовец, впервые открывший и исследовавший группу потясминских поселений пеньковской культуры, на основании керамических комплексов рассматривал все четыре памятника как звенья одного эволюционного развития пеньковской группы древностей.

Наиболее ранний памятник — в уроч. Молочарня — датирован VII в., а наиболее поздний — в уроч. Макаров Остров — VIII — первой половиной IX в. Поселения Луг I и II интерпретировались как переходные и датировались соответственно концом VII — первой половиной VIII и VIII в. н. э. [Березовец, 1963.— С. 192]. Примерно таких же взглядов на датировку дне-

провских раннесредневековых древностей придерживаются А. Т. Смиленко и В. П. Петров [Смиленко, 1975.— С. 82—102; Петров, 1963.— С. 229—231].

В результате разбора раннесредневековых материалов с территории Среднего Поднепровья по закрытым комплексам, базируясь на новых археологических раскопках, О. М. Приходнюк расчленил их на три хронологических этапа: Пеньковка, Стецовка и Лука-Райковецкая. Первый из них, в свою очередь, делится на ранний (первая половина V — рубеж V—VI вв.) и поздний (VI — вторая половина VII в.) [Приходнюк, 1980].

Анализируя раннесредневековые славянские комплексы из районов Южного Побужья, И. П. Хавлюк делит их на три этапа. К первому он зачислил поселения в Голиках, Куне, Кисляке и ранние слои из Скибинец, которые на основании большой двучленной железной фибулы из Куны отнес к середине V в. [Хавлюк, 1974.— С. 181]. Вместе с тем комплексы из Семенок с сероглиняной гончарной керамикой пастырского типа, а также поселения в Куне, Ярмолинцах и других вполне правильно им отнесены ко второму этапу, датируемому VI—VII вв. [Там же.— С. 181]. Третий этап, по И. П. Хавлюку, характеризуется переходными чертами к культуре Луки-Райковецкой (лепные сосуды с защипами по краю венчика и пр.). Сюда относятся и поздние комплексы из Семенок, поселения в Самчинцах, Кочурове III, Кальнике и другие, датируемые концом VII — началом IX в. [Хавлюк, 1974.— С. 183].

На основании материалов из Хитцов, Е. А. Горюнов выделил три этапа в развитии славянских культур Днепровского Лесостепного Левобережья. Первые два он относил к пеньковской культуре, а третий — к культуре типа Волынцево. Первый из них он датировал не позже первой половины V—VI в., второй — концом VI — началом VIII в., третий — VIII в. [Горюнов, 1981.— С. 79—82].

Разногласия по вопросу внутренней периодизации и датировки раннесредневековых древностей Юго-Восточной Европы объясняются несколькими при-

чинами: малочисленностью строго датирующихся материалов; аморфностью археологических комплексов второй половины I тыс. н. э.; различными уровнями исследованности памятников. Но главной из них следует считать отсутствие единых методических принципов в подходе к археологическим комплексам. Одни исследователи суммарно рассматривают материалы, другие — при индивидуальном подходе к материалам из отдельных объектов недостаточно четко определяют признаки, характеризующие ту или иную группу славянских древностей. Поэтому в один этап зачисляются разновременные комплексы середины и второй половины I тыс. н. э.

Изучение археологических комплексов из индивидуальных объектов привело к заключению о наличии нескольких этапов в развитии славянских древностей второй половины I тыс. н. э., характеризующихся свойственными для них чертами. Из-за хозяйственных и социально-экономических сдвигов и внешних влияний отмирали одни черты культуры и появлялись другие. Однако наиболее типичные из них, иногда в несколько измененном виде, сохранялись на протяжении всей второй половины I тыс. н. э.

В настоящее время, когда появились новые опорные широко исследованные стратифицированные памятники и стали более совершенными методы их датировки, некоторые даты и хронологические этапы развития славянских раннесредневековых древностей уточняются.

Разработку хронологии славянских древностей начнем с датировки памятников пражской культуры. Ее крайние даты, определенные V—VII в., обоснованы находками фибул, браслетов, пряжек и других, хорошо датируемых вещей, найденных в жилищах или стратифицируемых слоях, типологией керамики, археомагнитным методом.

Нижняя дата пражской культуры на территории Украины определяется жилищными комплексами, в которых сочетаются ранние формы раннесредневековой лепной и сероглиняной гончарной посуды, восходящей к более ранним

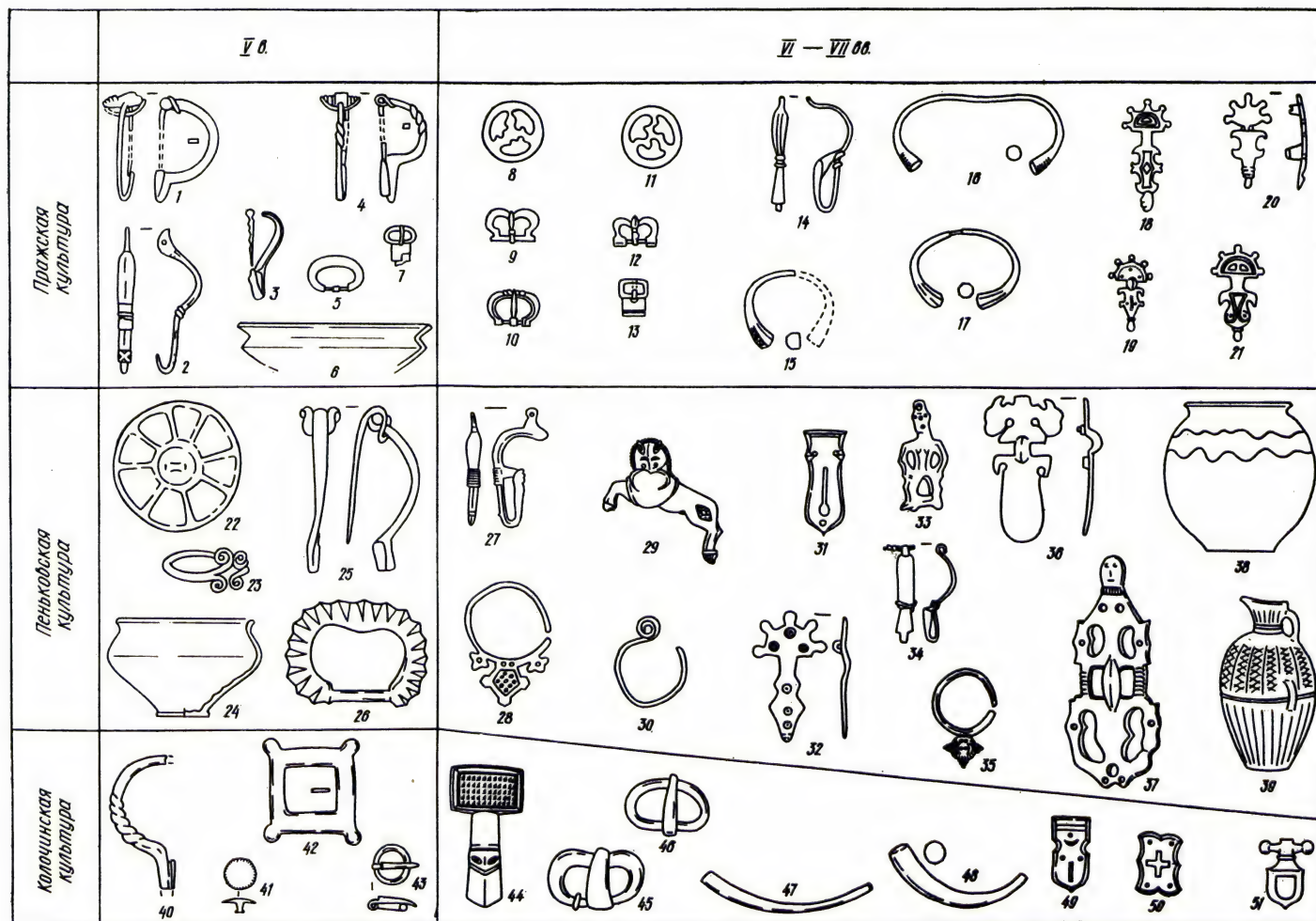

Рис. 51. Синхронистическая таблица культур третьей четверти I тыс. н. э.:

1, 4 — Кодын I; 2 — Лука-Каветчинская; 3 — Бакота; 5, 7, 9—13, 16, 17 — Зимно; 6, 8, 13, 19 — Рашков III; 14, 21 — Горошова; 18 — Демьянов I; 20 — Черновка I; 22, 27, 38 — Ханска II; 23 — Сушки; 24 — Кочубеевка; 25 — Куныя; 26, 27 — Великая Андрусовка; 28—30 — Семенки; 31 — Майорка; 32, 34 — Волосское (Сурская Забора); 33 — Требужены; 35 — Гайворон; 36 — Пеньковка (Молочарня); 39 — Будище; 40 — Колодезный Бугор; 41, 43 — Смяч; 42 — Целиков Бугор; 44 — Картамышево; 45, 47—51 — Лебяжье; 46 — Княжье.

культурам поздне римского времени — черняховской и карпатских курганов. Такие поселения открыты в Поднестровье и верховьях Прута (Зеленый Гай, Устье, Бакота, Городок, Слободка, Рашков II и III, Лука-Каветчинская, Кодын I и II и др.) [Баран, 1988.— С. 25—32; Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 71—74; Русанова, Тимошук, 1984.— С. 23—28]. На этих поселениях в ряде жилищ с печами-каменками керамика пражского типа сочетается с гончарной черняховской посудой. На поселениях Кодын I, Лука-Каветчинская и Бакота такие комплексы датируются поздне римскими фибулами не позднее V в. Фибулы из Кодына (жилища № 10, 21) — железные, арбалетные, с высокой дугообразной дужкой, в одном случае с перевитой спинкой и сплошным держателем иглы — аналогичны такой же находке из могильника западнобалтийской культуры Осова в Северо-Восточной Польше, датированной в рамках середины IV — первой половины V в. [Русанова, 1976.— С. 23, 25.— Рис. 11, 5] (рис. 51).

Фибула из Луки-Каветчинской найдена в полуземлянке № 27 с печью-каменкой, датированной археомагнитным методом концом V в. [Вакуленко, Приходнюк, 1985.— С. 95.— Рис. 11] (рис. 51, 25). По стилистическим и конструктивным особенностям она является переходной от черняховских подвязных к византийским со сплошным приемником и датируется второй половиной V — началом VI в. О ранней дате поселения в Луке-Каветчинской свидетельствуют находки стеклянной спаренной бусины IV в., гончарного пряслица, костяного трехчастного двустороннего гребня и пр. [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 74].

Более ранней является крупная железная фибула с широкой, прямоугольной в сечении спинкой из жилища № 65 поселения Бакота (рис. 51, 3). Здесь помимо жилищ пражской культуры открыт черняховский слой. Жилище № 65 представляет собой подквадратную полуземлянку с печкой-каменкой, более характерную для славян раннего средневековья. Это подтверждает и комплекс керамики, сочетающий гон-

чарную посуду с лепной пражских форм. А. К. Амброз датирует такие фибулы концом IV — началом V в. [1966.— С. 66], что позволило И. С. Винокуру продатировать указанное жилище этим же временем. На поселении Рашков III пять жилищ продатированы археомагнитным методом второй половиной — концом V в.* Кроме того, на этом поселении в шести жилищах и одной яме вместе с лепной посудой ранних форм найдена гончарная сероглиняная керамика.

На двухслойных поселениях Репнев II, Бакота, Глубокое, Гореча пражские объекты перекрывают постройки черняховской культуры и культуры карпатских курганов, датирующиеся фибулами концом IV — началом V в. [Баран, 1972.— С. 212—213; Вакуленко, 1977.— С. 106.— Рис. 37; Тимошук, 1976.— С. 32—34].

Проведенные стратиграфические наблюдения свидетельствуют о том, что наиболее ранние пражские поселения возникли не ранее второй половины V в. Важное значение для датировки пражской культуры имеет городище у с. Зимно Волынской области, где найдено наибольшее количество датирующего материала: 16 серебряных и бронзовых браслетов; 33 серебряные, бронзовые и железные пряжки; 8 бляшек поясного набора; 5 перстней, в том числе один с камнем; подвески; спирали; железные наконечники стрел и другие предметы вооружения. Этот замечательный набор дополняется византийской медной позолоченной монетой Юстина или Юстиниана (установить более точно не удалось). Названные и другие вещи, в том числе более 20 000 фрагментов керамики пражского типа, найдены в горелом слое при расчистке остатков большой деревянной постройки, расположенной вдоль укреплений по краю городища.

В. В. Аулих на основании хорошо датированных аналогий в основном из закрытых комплексов Подунавья, Прибалтики, Крыма и некоторых более

* Датировка проведена старшим научным сотрудником Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загнием.

отдаленных европейских находок датирует все материалы из Зимновского городища VI — первой половиной VII в. [1972.— С. 89]. Большинство находок из городища — пряжки, браслеты, бляшки поясного набора — датируется VII в., захватывая VI в. [Рыбаков, 1953.— С. 78; Амброз, 1971.— С. 113]. Однако на поселении найдены изделия, например пряжка с овальной рамкой, которые имеют аналогии в позднечерняховских погребальных комплексах конца IV — начала V в. в Малаештском, Гавриловском могильниках [Федоров, 1960.— С. 282—294] и на аламанских памятниках Вюртенберга, датированных второй половиной V—VI в. [Veeck, 1931.— S. 64—65.— Tab. 50 A, 20]. Таким образом, все датирующиеся вещи из Зимновского городища в сочетании с керамикой, в составе которой наиболее ранние типы отсутствуют (нет и гончарной сероглиняной посуды), не выходят за рамки VI—VII вв. Здесь отсутствует и посуда с пальцевыми вдавлениями по венчику, характерная для VIII в. Позднюю дату пражской культуры подтверждают материалы многих других памятников.

На поселении Рашков III в жилище № 76 выявлена бронзовая пятипальчатая фибула (рис. 51, 19). Пальчатые фибулы найдены также на поселениях пражской культуры в Демьянове, Горошове, Черновке I (рис. 51, 18, 20, 21). А. К. Амброз и И. Вернер такие фибулы датируют не ранее середины VII в. [Амброз, 1971.— С. 74; Werner, 1950]. Концом VI — первой половиной VII в. можно датировать бронзовый браслет из Рашкова III; к VII в. относится миниатюрная пряжка с этого же поселения [Баран, 1988.— Рис. 12, 6, 11; Амброз, 1971.— С. 113]. На Рашковском поселении девять жилищ (№ 22, 23, 28, 31, 34, 39—42) продатированы в пределах VII в. археомангнитным методом [Баран, 1988].

Датировка этих опорных памятников, несомненно, определяет время существования всех древностей пражской культуры на территории Украины и даже более широкого региона. Сделанный вывод вытекает из близости форм, типов и вариантов лепной посуды на

памятниках пражской культуры и их количественных соотношений в жилищных комплексах.

Как известно, периодизация славянских памятников разработана еще недостаточно, однако широко или полностью раскопанные памятники пражской культуры на территории Украины позволяют выделить жилищные комплексы нескольких хронологических этапов. Так, на полностью раскопанном поселении Рашков III, где открыты 92 жилища и 53 хозяйственные ямы, В. Д. Барану удалось подразделить их на три этапа, датированных второй половиной V — началом VI в., VI и VII вв. На поселениях Кодын I, где открыто 30 жилых и хозяйственных построек, и Кодын II — 46 построек — И. П. Русанова и Б. А. Тимошук подразделяют все комплексы на четыре периода, датируемых соответственно V, VI и VII вв. Причем объекты V в. подразделяют на две фазы [Русанова, Тимошук, 1984.— С. 28]. На два периода (V и VI—VII вв.) разделяют О. М. Приходнюк комплексы на поселении Лука-Каветчинская [Вакуленко, Приходнюк, 1984].

Таким образом, материалы пражской культуры Поднестровья и верховьев Прута в целом можно разделить на три хронологических периода. Отметим, что хорошо датирующиеся материалы присутствуют только в комплексах V и VII вв. Комплексы VI в. выделены на основании стратиграфии и типологии керамики.

Не все поселения существовали на протяжении всего установленного времени. Многие из них (Бовшев I и II, Незвиско, Демьянов) не выходят за рамки VI—VII вв.; последнее возникло не ранее VII в. На некоторых поселениях (Кодын I и II, Незвиско, Бовшев II) открыты и более поздние комплексы этапа Луки-Райковецкой.

Кроме Поднестровья и Попрутья хронологические этапы выделены на таких широко исследованных поселениях, как Бжезно (ЧССР), Дессау-Мозиккау (ГДР) [Pleinerova, 1975.— S. 24—27.— Tabl. I].

Однако все поселения пражской культуры, где открыты жилые и хозяй-

ственные комплексы первого периода, сосредоточены в Верхнем и Среднем Поднестровье и Верхнем Попрутье (Зеленый Гай, Устье, Бакота, Лука-Каветчинская, Рашков II и III, Кодын I и II и др.). За пределами указанного региона, в том числе на Волыни, они пока не известны. Их характерной чертой является наличие комплексов, в которых лепная посуда сочетается с гончарной сероглиняной керамикой. Типологически они восходят к более ранним культурам позднеримского времени [Баран, 1988]. На ряде поселений (Лука-Каветчинская, Кодын I, Бакота) такие комплексы датируются позднеримскими фибулами не позднее V в. или имеют археомагнитную датировку (Рашков III, Лука-Каветчинская) [Тимошук, 1976; Баран, 1988; Вакуленко, Приходнюк, 1984].

Успехи полевых и теоретических исследований позволяют твердо выделить два хронологических этапа в развитии пеньковской культуры.

Отличительной особенностью раннего является наличие в четырехугольных полуземлянках очагов. В их заполнении найден керамический материал с чертами архаичности: сосуды с подложенной или сглаженной поверхностью, иногда орнаментированные налепными шишечками, полумесяцами, штампованным орнаментом; горшки с загнутым внутрь краем. Во многих ранних комплексах встречается фрагменты гончарной сероглиняной черняховской посуды (рис. 51, 24).

Этот этап пеньковской культуры можно отнести к середине I тыс. н. э., что подтверждается рядом датированных находок. Так, в четырехугольной полуземлянке из Куни на Южном Побужье вместе с лепной раннепеньковской керамикой найдена большая железная арбалетная фибула двухчленной конструкции (рис. 51, 25). Такие же фибулы обнаружены на пеньковских поселениях над Звонецким порогом и на Балке-Осоковке в Днепровском Надпорожье. Аналогичная фибула из Железовице (ЧССР) датируется IV—V вв. н. э. [Svoboda, 1965.— S. 229.— T. XXIV, 1].

V в. датируется большая бронзовая

цельнолитая пряжка овальных очертаний, найденная на поселении Задонецкое на Северском Донце вместе с лепной биконической керамикой пеньковского облика [Preda, 1980.— P. 149.— T. XV]. В хронологическом отношении интересна находка бронзового перстня из Сушков на Каневщине. Он обнаружен в полуземлянке № 3 вместе с лепной раннепеньковской керамикой. Перстень сделан из двух спаянных проводочек, концы которых загнуты в спираль, образуя с лицевой стороны четыре разьединенных завитка (рис. 51, 23). Аналогичные изделия в Центральной Европе известны на могильниках в Базилей-Клячюнингене и Смолине, где они датируются концом V в. [Moosbrugger-Len, 1971.— Tabl. 54, 5; Teýral, 1982.— Obr. 25, 5—T. XVI, 3].

Преимущественно к V в. относятся пряжки увеличенных пропорций с рифленой овальной дужкой, аналогичные пряжке из потясминского могильника № 3 возле с. Великая Андрусовка, в погребении № 4, сопровождавшейся лепной керамикой [Böhme, 1974.— S. 81.— Taf. 79, 13; Godlowski, 1970.— Pl. XIII, 22]. Изредка они встречаются в комплексах первой половины VI в. н. э., о чем свидетельствуют и материалы раскопок княжеского кургана у с. Таурапилис в Литве [Tautavicius, 1981.— P. 28]. По облику материальных признаков ближе к пеньковским древностям стоит поселение IV — начала V в. из с. Роище в Подесенье, ошибочно причисляемое к киевскому типу культуры [Терпиловский, 1984].

Материалы позднего этапа пеньковской культуры несколько видоизменяются в деталях археологических комплексов. В полуземлянках почти повсеместно очаги сменяют печи-каменки. Среди лепной посуды отсутствуют подложенные экземпляры, шишечки и полумесяцы на корпусе; ощутима тенденция к уменьшению удельного веса биконических сосудов и увеличению количества округлобоких форм. Во второй фазе совершенно отсутствуют горшки с загнутым внутрь краем венчика и гончарная черняховская керамика. Вместе с тем в районах, граничащих со

Степью, появляются обломки гончарных кувшинов канцерского и шаровидной посуды пастырского типов.

Для датировки этого этапа пеньковских древностей мы также располагаем необходимыми данными.

Важное значение приобретают изделия из цветных металлов, украшения и предметы поясных наборов. Так, в полуземлянке из Сурской Заборы кроме пеньковской посуды найдены пальчатая фибула (рис. 51, 32), трубочка-пронизь, спиральное височное кольцо, наконечник пояса, оловянный браслет и колокольчик. Среди инвентаря, сопровождавшего трупосожжения на Сурском и Кизлевском о-вах, были трапецевидные подвески, трубочки-пронизы, колокольчики, спиральные кольца. Биконический горшок, фрагменты лепной посуды, зооморфная и пальчатая фибулы, поясной наконечник, трапецевидная подвеска, спиральное височное кольцо, бронзовые браслеты с расширенными концами обнаружены возле очагов, на южном склоне о-ва Кизлевского [Бодянский, 1960.— С. 276.— Рис. 4]. Хронология этих вещей в большинстве случаев вписывается в рамки VI—VII вв.

Уточнить нижний рубеж позднего этапа пеньковской культуры помогают находки цельнолитых фибул дунайско-византийского типа из поселений у с. Волосское и Ханска II (рис. 51, 27). По имеющимся сейчас данным, упрощенные схемы таких застёжек возникают в V в. на территории Среднего Поднепровья. Позже центром их производства становятся города и крепости Подунавья, где изготавливались развитые формы цельнолитых фибул типа Звонецкое — Ханска II, датирующиеся началом VI — началом VII в. [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 72—73].

Пальчатые фибулы днепровского типа, найденные на поселениях Волосское, Семенов, в погребениях из о-ва Кизлевского и других мест, датируются VII в. [Werner, 1950]. Согласно А. К. Амброзу, много внимания уделившего хронологии раннесредневековых древностей, такие изделия относятся ко второй половине VII в. [1971.— С. 161—188]. Поэтому верхний рубеж

пеньковской культуры можно определять второй половиной VII в.

Несмотря на недостаточную изученность древностей колочинского типа, в их среде исследователи усматривают ранний (до VI в.) этап развития. В качестве подтверждений приводят своеобразные лепные керамические наборы, сопровождавшиеся на поселениях Заярье, Сенча, Курган-Азак и других фрагментами гончарной черняховской керамики и амфор IV в. На селище Курган-Азак найдена подвязная фибула второй половины III—IV в. [Горюнов, 1981б.— С. 45]. Ряд поселений с раннеколочинскими чертами, такие, как Кудлаевка (Заярье), Целиков Бугор (жилище № 1) и другие, исследовались в окрестностях Новгорода-Северского [Третьяков, 1974.— С. 40—118; Горюнов, 1974.— С. 119—125].

На среднеднепровском поселении Ходосовка, основываясь на керамических наборах, В. Н. Даниленко отнес к колочинскому типу три срубные полуземлянки с очагами. В их заполнении найдены высокие широкогорлые банковидные горшки с оттянутым валиком на середине корпуса, биконические формы, диски и пр. На основании железной фибулы арбалетного типа эти комплексы В. Н. Даниленко датировал V в. [1976.— С. 88].

Поселение Ульяновка на Десне с очень близкими керамическими комплексами, «имеющими колочинские черты» [Горюнов, 1981.— С. 48], авторы раскопок Е. В. Максимов и Р. В. Терпиловский относят к заключительному этапу существования киевской культуры. Исходя из гончарной черняховской керамики и браслета с расширенными концами, поселение Ульяновка датируется ими концом IV—V в. [Терпиловский, 1984].

Наиболее вероятно, что поселения типа Ходосовки (Диброва), Ульяновки, Сенчи, Кургана-Азака отражают начальные этапы становления колочинской культуры. В целом, их можно предвзительно отнести к концу IV—V в.

Таким образом, первый этап ранне-средневековых древностей колочинского типа можно датировать V в. При этом не исключено, что некоторые из

них начали приобретать раннесредневековый облик еще в конце IV в. Часть славянских древностей первого этапа могла доживать до рубежа V—VI вв. или до начала VI в.

При определении хронологии второго этапа колочинской культуры использованы материалы, найденные по всей территории ее распространения, — металлические украшения и принадлежности одежды. В первую очередь это коллекция, состоящая из пряжек, лжепряжек, поясных наконечников и накладок, происходящих из Лебяжененского могильника (рис. 51, 49—51). Все они — усложненной конфигурации, со сложным прорезным орнаментом. По хронологии А. К. Амброза и И. Вернера, такие усложненные геральдические наборы датируются второй половиной VII в. [Werner, 1950; Амброз, 1971. — С. 118—119].

Из Посудичей происходит обломок четырехугольной бронзовой пластинки с «решетчатым» орнаментом. Подобные изделия датируются VI в. На поселении Великие Будки найден браслет с утолщенными орнаментированными концами VI в.

Второй половиной VI—VII в. определяется время существования наибольших трехлопастных стрел с упором на шейке [Седов, 1982. — С. 32]. К сказанному можно добавить, что радиоуглеродным методом колочинское поселение Смольянь продатировано концом VI — началом VII в. [Третьяков, 1966. — С. 259].

На колочинских памятниках встречаются изделия, хронология которых выходит за VI—VII вв. [Горюнов, 1981. — С. 43—47; Седов, 1982. — С. 32—34].

Несмотря на это, время существования второй фазы колочинской культуры можно определить VI—VII вв., о чем свидетельствуют поддающиеся строгой датировке предметы, относящиеся к этому времени.

Таким образом, пеньковские и колочинские древности в целом можно отнести к V—VII вв. Вместе с тем хронология некоторых памятников выходит за эти рамки, достигая конца VII или начала VIII в. Сказанное не противоречит нашим датировкам. Славянские

древности не могли возникнуть и исчезнуть одновременно. Несомненно, среди них должны быть наиболее ранние, переходные от предшествующих культур, и наиболее поздние, знаменующие становление на их основе памятников последующих этапов.

Среди раннесредневековых древностей Восточной Европы особое место принадлежит Пастырскому городищу — административному и ремесленному центру. Здесь найдено множество изделий из серебра и цветных металлов, поддающихся узкой датировке. Пастырское городище впитало в себя черты славянских и кочевнических культур. Это неудивительно, поскольку оно расположено на пограничье Лесостепи и Степи. Наиболее вероятным временем существования Пастырского городища — VI — начало VIII в. О том, что на ранних этапах существования оно было синхронным пеньковской культуре, свидетельствуют находки лепной биконической керамики, а на пеньковских памятниках — гончарной сероглиняной посуды пастырского типа. Вместе с тем на Пастырском встречаются лепные фрагменты с пальцевыми защипами, что свидетельствует о его более поздней дате по сравнению с пеньковскими древностями.

На городище найдено большое количество фибул, сережек, подвесок, браслетов, являющихся хорошими источниками для датировок. Однако большинство их нельзя связывать с определенными строительными комплексами. Среди находок из металла многочисленную группу составляют пальчатые и зоо-антропоморфные фибулы, время существования которых не выходит за пределы VII в. [Амброз, 1971. — С. 96—123]. Антропоморфные двущитковые фибулы из Пастырскогоклада 1949 г. занимают последнее место в типологической схеме Б. А. Рыбакова и датируются VIII в. [1953. — С. 93. — Рис. 23, 17, 18]. Такую датировку подтверждают найденные в кладе литые сережки пастырского типа, относящиеся к VII—VIII вв. [Айбабин, 1973. — С. 69—70], и бубенчики, являющиеся наиболее ярким признаком VIII в. [Амброз, 1971б. — С. 130]. По-

видимому, к VIII в. следует относить прекращение жизни на Пастырском городище, что подтверждается датировкой перечисленных вещей.

С северо-восточным ареалом распространения пеньковской культуры связаны клады мартыновского типа (Мартыновский, Малоржавецкий, Вильховчикский, Колосковский и др.). Большинство исследователей склонны относить их к третьей четверти I тыс. н. э. Однако наиболее убедительной следует признать узкую их датировку — второй половиной VI — второй половиной VII в. Сейчас можно считать установленным, что поясные геральдические наборы возникают в VI в. в Подунавье, а в VIII в. появляются совершенно иные стили украшений — растительный и звериный [Амброз, 1974. — С. 118].

Поясные наборы из кладов мартыновского типа занимают различное место в типолого-хронологической линии их развития. Наиболее ранние из них (например, Цыпляевский клад) отличаются простотой конфигурации и ornamentации — они с ровными прямоугольными краями и отверстиями, соединенными прорезями. Такие поясные накладки относятся ко второй половине VI в. [Пудовин, 1961. — С. 183. — Рис. 1; Ковалевская, Краснов, Амброз, 1973. — С. 288—289].

Отдельные бляшки из Мартыновки и других кладов находят соответствия среди поясных накладок первой половины VII в. из Суук-Су [Пудовин,

1961. — С. 181. — Рис. 1]. В первую очередь сказанное относится к лжепряжкам и наборам с антропоморфными прорезями. Однако среди мартыновских наборов встречаются накладки с тамгообразными знаками, что, по мнению А. К. Амброза, является поздним признаком, на основании которого он и отнес их ко второй половине VII в. [Амброз, 1974. — С. 115].

Пальчатые фибулы с S-видными завитками, найденные в Мартыновском кладе, и с пуансонным орнаментом из Козиевки, Новой Одессы, Колосково имеют аналогии на могильнике Суук-Су, где они представлены в основном в комплексах VII в. [Амброз, 1974. — С. 116—122].

Шейные гривны днепровского типа с крючком и петлей на концах, выявленные в Новоодесском, Суджанском, Цыпляевском кладах, по европейским аналогиям датируются между 525—560 гг. [Schmidt, 1961. — S. 44].

Таким образом, наиболее ранние наборы содержал Цыпляевский, а наиболее поздние — Мартыновский клад. По комплексу вещей, поддающихся узкой датировке, эти клады возникли между серединой VI — концом VII в., хотя часть украшений имела более широкий хронологический диапазон.

Подводя итог, можно констатировать, что клады мартыновского типа разновременны и их наличие нельзя связывать с каким-то одним военным потрясением.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VIII—IX вв.

Период VIII—IX вв. — важный этап в истории восточнославянского общества. В конце I тыс. н. э. завершился процесс дифференциации общеславянского языка, образования восточных, западных и южных славян, а также их расселение. К этому времени восточные славяне уже заняли территорию, на которой в IX в. возникает Древнерусское государство — Киевская Русь.

В конце I тыс. н. э. возрастает плотность населения, о чем свидетельствует рост числа поселков и расширение их размеров. Увеличивается и количество укрепленных городищ. Развивается социальная дифференциация неукрепленных и укрепленных поселений. Наряду с основной массой сельских поселков существуют общинные, ремесленные и культовые центры, зарождаются феодальные замки и города. В периферийных районах возводятся городища — порубежные крепости.

Формируются черты экономики и социального строя, характерные для феодального общества. На основе развития феодальных отношений складывается Древнерусское государство.

Ценные сведения о восточных славянах периода образования Древнерусского государства содержатся в ряде письменных источников, в первую очередь в древнерусских летописях, их дополняют другие письменные источники IX—X вв. (труды географа Баварского, Константина Багрянородного, персидского Анонима, арабских писателей и др.).

Очень важным источником в изучении истории славян являются археологические материалы. Проведенные хронологические разработки позволили выделить памятники периода VIII—IX вв., количество которых исчисляется сотнями. Новые археологические исследования дают ценный материал для глубокого понимания истории восточных славян периода образования Руси.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

История исследований славянских древностей VIII—IX вв. Восточной Европы началось во второй половине XIX — начале XX в. Первоначально работы носили эпизодический характер и были связаны с раскопками курганных древностей как в южной Лесостепной полосе, так и в северной Лесной. В конце XIX в. уже исследуются городища данного периода.

Важный вклад в изучение славянских памятников Днепровского Левобережья внес Н. Е. Макаренко. В 1906 г. совместно с В. Ф. Беспальчевым им исследован могильник с трупосожжениями и последующим захоронением в урнах между с. Малые Будки и хут. Константинов [Макаренко, 1907. — С. 50—54; Беспальчев, 1911. — С. 214—215]. Впоследствии могильник отнесен к волинцевской культуре.

В 1901 г. Н. Е. Макаренко открыл и исследовал в окрестностях г. Ромны

группу поселений, получивших название памятников роменской культуры [1907.— С. 55; 1908; 1925]. В. А. Городцов и А. А. Спицын решительно высказывались за их несомненную принадлежность славянам [Спицын, 1909; Городцов, 1911]. Позднее к ним присоединился Н. Е. Макаренко, высказавший мнение о чрезвычайной архаичности и примитивности раннеславянской культуры Левобережья, которое господствовало в науке в течение нескольких десятилетий. В общих чертах была определена хронология роменских поселений, укладывавшаяся в рамки VIII—X вв. [Макаренко, 1908].

В конце XIX в. появляются первые работы, обобщившие восточнославянские древности [Спицын, 1899]. На археологических материалах X—XIII вв., главным образом разнообразности женских украшений, А. А. Спицын показал этнографическое своеобразие культуры отдельных групп восточнославянских племен, названных летописью.

В довоенный период вместе с новыми археологическими материалами советскими учеными поднимаются важные вопросы исторической оценки различных групп археологических источников, делаются попытки установления их этнографических различий.

Период VIII—IX вв. продолжает изучаться как на Правобережье, так и на Левобережье Днепра. В области Среднего Поднепровья, на территории Киева, ведутся исследования древнейшего Киевского городища, его построек, а также языческого могильника IX—X вв. [Каргер, 1958.— С. 127—230]. В это время открыт культурный слой конца I тыс. н. э. на горе Киселевка. Продолжались раскопки курганов на Волыни и Закарпатье.

Изучением славянских памятников на Левобережье занимались в конце 30-х годов П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин в бассейне р. Ворсклы и Б. А. Рыбаков в Курской области [Третьяков, 1947.— С. 123; Ляпушкин, 1946.— С. 117; Рыбаков, 1939.— С. 319].

Важным событием в изучении славянских древностей явилось открытие и первоначальное исследование близких к роменским боршевских поселений

в бассейне р. Дона, давших возможность на основании монетных находок и по аналогиям определить абсолютную дату роменской культуры [Ефименко, Третьяков, 1948].

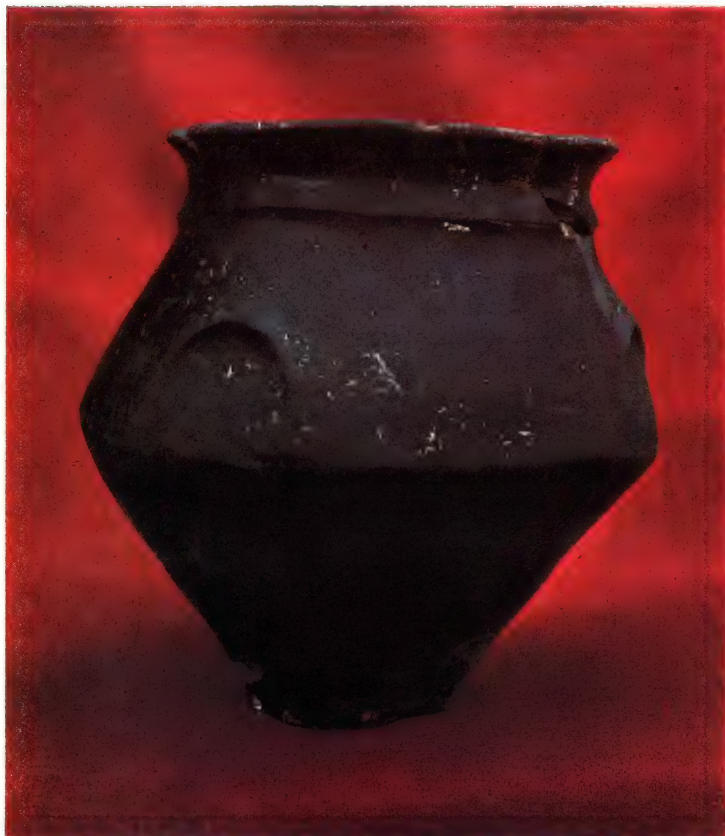
В предвоенные годы в трудах советских ученых освещаются важные проблемы восточнославянской истории. Уделяется внимание определению древностей антов. А. А. Спицын связывал с антами группу украшений — так называемые комплексы пальчатых фибул Среднего Поднепровья [1928]. Б. А. Рыбаковым рассмотрено отношение антов к Киевской Руси, показана преемственная связь раннеславянской антской культуры Среднего Поднепровья и древнерусской [Рыбаков, 1939].

Ряд работ посвящен выяснению этнографических особенностей культуры отдельных летописных племен. В 30-е годы вышли в свет монографии, посвященные курганам вятичей [Арциховский, 1930] и древностям радимичей [Рыбаков, 1932].

В 1937 г. между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским разгорелась дискуссия о правомочности отнесения локальных групп курганных древностей и определенных типов женских украшений X—XIV вв. к летописным племенам. П. Н. Третьяков, полемизируя с А. В. Арциховским, связывал этнографические культурные различия этого времени не с племенными образованиями, а с существованием экономических и ремесленных центров формирующихся феодальных областей. Точка зрения П. Н. Третьякова впоследствии принята не была. Однако его призыв к изучению древностей, предшествующих Киевской Руси, привел к более глубокому изучению памятников второй половины I тыс. н. э. П. Н. Третьяковым была подготовлена обобщающая работа о северных восточнославянских племенах кривичей, словен новгородских и вятичей [1941].

После Великой Отечественной войны исследования восточнославянских древностей приобрели систематический, планомерный характер. Уже к 50-м годам был накоплен материал, позволивший определить локально-хронологические группы памятников, археологичес-

Посуда из могильника зарубинецкой культуры Пирогово. II—I вв. до н. э. Фото В. Светличного.

Нагрудная цепь и подвеска с выемчатыми эмалями. III — начало IV в. Хленча, Среднее Поднепровье. Фото В. Светличного.

Фибулы с выемчатыми эмальями. III — начало IV в. Волосское, Великая Снетинка. Фото В. Светличного.

Гребень, подвески и пряслице из оленьего рога. III—IV вв. Великая Снетинка. Фото В. Светличного.

Стеклянные кубки. III—IV вв. Нижний Струтинь, Косаново. Фото М. Петковского, В. Светличного.

Меч гуннского времени,
найденный на Украине.
IV—V вв. Фото В. Свет-
личного.

Поясной набор из авар-
ского погребения VI—
VII вв. Сивашовка. Фо-
то В. Светличного.

Диадема, пряжки и
бляшка с памятников
гуннского времени на
Украине. IV—V вв.
Фото В. Светличного.

Наконечники копий и
стрел. VI—VII вв.
Зимно. Фото М. Пет-
ковского.

Ювелирные украшения, литейная форма, детали конской упряжи. VI—VII вв. Зимно. Фото М. Петковского.

Бляшки из Мартыновского клада. VII в. Фото В. Светличного.

Пряжки, гривна и серьга из Келегейского клада. VI—VIII вв. Фото В. Светличного.

Нагрудные украшения из Глодосского кла-
да. Конец VII в. Фото В. Светличного.

Фибулы и браслеты из Харьевского кла-
да. VII в. Фото В. Светличного.

Серьги с Пастырского городища. VII—
VIII вв. Фото В. Светличного.

Серьги и гривны с Пастырского городища.
VII—VIII вв. Фото В. Светличного.

Раннеславянская керамика VI—VIII вв.
Рашков. Фото В. Светличного.

кие культуры восточных славян VIII—X вв. Памятники Правобережья Днестра получили название — тип или культура Луки-Райковецкой — от поселения в уроч. Лука у с. Райки, исследованного В. К. Гончаровым в 1946—1947 гг. [1950.— С. 11—13, 1963]. Это название распространилось на славянскую культуру VIII—X вв. от Правобережья Среднего Днестра до Закарпатья [Русанова, 1973.— С. 13].

Значительно расширились исследования на территории Среднего Поднепровья. Среди памятников, открытых в Киеве, находились и объекты VIII—IX вв.: жилища на Старокиевской горе, деревянные срубные постройки IX—X вв., усадьбы на различных участках Подола, давшие новое представление о планировке и домостроительстве древнего Киева [Толочко, 1972.— С. 49; 1983.— С. 51—55]. Широкие раскопки проводились вблизи г. Канева и в низовьях р. Рось. На значительной площади раскрыто в 1957—1962 гг. Каневское поселение — в 7 км к югу от г. Канева [Мезенцева, 1965]. В 70-е и 80-е гг. проводились работы на городище у хут. Монастырек к северу от г. Канева [Максимов, Петрашенко, 1988.— С. 3—20; Петрашенко, 1985.— С. 71—84]. Несколько поселений изучалось в период 1949—1973 гг. у с. Сахновка в низовьях р. Рось. Материалы этих поселений дали основание О. М. Приходнюку выделить особый сахновский этап в развитии восточнославянской культуры, соответствующий этапу формирования культуры Луки-Райковецкой [1980.— С. 25—49].

На юге Среднего Поднепровья, в устье р. Тясмин у с. Пеньковка, в 1956—1957 гг. исследовалось поселение VIII—IX вв. в уроч. Макаров Остров [Березовец, 1963; Линка, Шовкопляс, 1963]. В 60-е годы у с. Великая Андрусовка изучались могильники, относящиеся к поселениям у с. Пеньковка, в том числе могильник I, синхронный поселению в уроч. Макаров Остров [Березовец, 1969].

Славянские древности Житомирщины, впервые открытые С. С. Гамченко, изучались и в послевоенные годы [Гончаров, 1963], особенно интенсивно —

в конце 50-х и 60-х годах. В это время исследовались поселения VIII—IX вв. у сел Тетеревка, Буки, Шумск, могильники у сел Межиречка, Мирополь, Мияновичи и др. [Русанова, 1973].

В бассейне Южного Буга среди славянских древностей, систематически исследовавшихся в 50-е и 60-е годы П. И. Хавлюком, были и поселения VIII—IX вв. у сел Семенки и Коржовка [Хавлюк, 1962].

Памятники данного периода изучались в западных и юго-западных областях УССР. К их числу относятся: в Западной Волыни — городище у с. Бабка Ровенской области [Кухаренко, 1961.— С. 7—11], поселение у с. Репнев возле Львова [Аулих, 1963], городище у хут. Плиснеск Львовской области, где найдены постройки VII—X вв. [Кучера, 1962]. В Верхнем Поднестровье на поселении у с. Незвиско некоторые постройки относились к VIII—IX вв. [Смирнова, 1960]. На Среднем Днестре у с. Григоровка исследованы поселение и металлургический центр раннесредневекового времени на территории скифского городища и за его пределами [Артамонов, 1955].

В области Прикарпатья, в Северной Буковине в 60-е и 70-е годы открыто и исследовано значительное количество памятников, содержащих материалы VIII—X вв. На широких площадях были раскопаны поселения у сел Кодны [Русанова, Тимошук, 1984], Рашков [Баран, Карчина, Некрасова, 1979], Ревное, Белое, Черновка. Значительный интерес представляют городища VIII—IX вв. Прикарпатья у сел Ломачинцы, Добриновцы, Грозенцы и др., показавшие, что в это время у восточных славян были распространены укрепленные поселения. Исследовались и могильники Прикарпатья — Ревнянский, Черновский [Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981]. Славянские поселения и могильники этого времени изучались в Закарпатской области: в Ужгороде в уроч. Радванка, у сел Червеново, Зняцево и в зонах новостроек [Бернякович, 1957; Котигорошко, 1977; Пеняк, 1980].

В 70-е и 80-е годы опубликованы работы, посвященные славянским древ-

ностям отдельных регионов к западу от Днепра, в которых отражены и памятники VIII—IX вв. Вышедшие труды были посвящены древностям Западной Волини, Верхнего Днестра [Баран, 1972], Волини [Русанова, 1973], Степного Поднепровья [Смиленко, 1975], Северной Буковины [Тимошук, 1976], Закарпатья [Пеняк, 1980], Среднего Поднепровья [Приходнюк, 1980; Петрашенко, 1982].

На Левобережье Днепра археологические исследования проводились Левобережной экспедицией ИИМК АН СССР совместно с ИА АН УССР.

За период 1938—1957 гг. обследованы бассейны рек Десны, Сейма, Сулы, Ворсклы и верхнего течения Северского Донца [Воеводский, 1949.— С. 67; Падин, 1948.— С. 86—92]. Проведенные И. И. Ляпушкиным разведки (в плане работ Днепровской Левобережной экспедиции ИИМК АН СССР) в бассейнах этих рек позволили с большой точностью определить границы распространения и характер раннеславянских памятников. Раскопки, предпринятые И. И. Ляпушкиным в Полтаве, Опощне и на других поселениях, уточнили датировку собственно роменских древностей [Ляпушкин, 1946.— С. 117; 1952.— С. 285; 1961].

С середины 50-х годов начинается поиск недостающих звеньев в истории восточного славянства. В это время появляются статьи, затрагивающие проблему древностей V—VII вв. [Березовец, 1953; Даниленко, 1955; Корзухина, 1955; Брайчевский, 1957]. Предпринимаются раскопки памятников в Белорусском и Украинском Полесье, в Брянском Подесенье, Верхнем Поднепровье и смежных районах Днепровского Правобережья, в результате чего здесь выявлены интересные с точки зрения славянского этногенеза материалы, датируемые I тыс. н. э. [Падин, 1960; Артишевская, 1963; Амброз, 1964; Гончаров, 1963].

Предположение Г. Ф. Корзухиной о связи «древностей русов» (антов) с оседлым населением Днепровского Левобережья в V—VII вв. получило подтверждение после разведки В. А. Ильинской в 1966 г. на Левобе-

режной Украине, где выявлено около 10 пунктов, топография и материалы которых находили аналогии в раннеславянских поселениях бассейна Десны [Ильинская, 1968.— С. 55—61]. Позже сделанное наблюдение подкрепилось раскопками О. В. Сухобокова на поселении близ с. Курган-Азак по среднему течению р. Псел [Сухобоков, 1971.— С. 273—277], Э. А. Сымоновича и Ю. А. Липкинга [Сымонович, 1974.— С. 136—152], Е. А. Горюнова [Горюнов, 1972.— С. 42—46; 1973.— С. 99—112; 1974.— С. 119—125; 1975.— С. 42—50, 60—61; 1981].

Таким образом, благодаря новейшим исследованиям, стало очевидным наличие длительных традиций оседлости славянского населения на Днепровском Левобережье.

Значительный вклад в изучение памятников Левобережной Украины внес Д. Т. Березовец. Особенно важными были открытие и исследования в 1948—1949, 1953, 1965—1966 гг. поселения и могильника в уроч. Стан близ с. Волынцево Путивльского района Сумской области. Многолетние раскопки этого поселения позволили выделить особую группу раннеславянских памятников и выдвинуть гипотезу об истоках роменской культуры [Березовец, 1952; 1953; 1955; 1967.— С. 166—169].

В этом плане важное место занимают раннероменский могильник в с. Дорошевка и Харьевский клад [Березовец, 1952; 1955.— С. 242—250].

В эти же годы И. И. Ляпушкин исследовал Битицкое городище, расположенное в верхнем течении р. Псел [1959.— С. 58—83; 1968.— С. 59]. Кроме того, им раскопано городище Новотроицкое [1952—1954 гг.), ставшее эталоном для роменской культуры [Ляпушкин, 1958]. В 1957 г. И. И. Ляпушкин возобновил начатые в 1940 г. и прерванные Великой Отечественной войной раскопки Опощнянского городища. Исследовалась восточная часть поселения (1500 м²), где выявлены остатки 14 жилищ-полуземлянок и около 20 хозяйственных и производственных построек. Дальнейшее изучение поселения продолжено Днепровским Левобережным отрядом славяно-русской экс-

педиции ИА АН УССР в 1975 г. [Сухобоков, Иченская, Юренко, 1976.— С. 395—396]. В результате полностью раскрыта доступная для раскопок часть поселения.

В 70-х годах значительно увеличилось число волынцевских памятников: на территории Лесостепного Левобережья и в районе Деснянского Полесья.

К этому времени относятся открытие поселений с волынцевскими керамическими комплексами и на Правобережной Украине, что значительно расширило территорию распространения памятников волынцевской культуры. Это селище у с. Ходосовка близ Киева, многослойное поселение Обухов II на р. Стугне [Орлов, 1972.— С. 236—241; Кравченко, Абашина, Гороховский, 1975.— С. 87—98; Сухобоков, 1977].

Интересные результаты получены при исследовании Большого Горнальского городища [Башилов, Куза, 1977.— С. 17—23], комплекса роменско-древнерусских памятников у с. Каменное на р. Псел [Сухобоков, Иченская, Орлов, 1978.— С. 378—388]. Широкие работы по изучению истории г. Путивля и его округа проведены в 1979—1983 гг. Левобережной славяно-русской экспедицией [Сухобоков, 1984.— С. 120—123]. Были исследованы роменские слои как в самом Путивле, так и в его окрестностях — у сел Лухтовка, Латышевка, Волынцево (уроч. Курган) и др. Важным этапом работы экспедиции стало завершение после многолетнего перерыва раскопок Волынцевского поселения в 1980—1981 гг. [Юренко, 1981].

Заслуживают внимания работы А. А. Узянова и В. А. Кашкина, проследивших динамику заселения бассейна Посеймья в догосударственный период [Узянов, 1985].

Большой интерес представляют возобновленные в 1984 г. и продолженные в 1985—1988 гг. раскопки волынцевского и роменского городищ у с. Битица на р. Псел [Сухобоков, Юренко, Приймак, 1985; 1986; 1987].

Изучение восточнославянских древностей нашло завершение в обобщающих монографиях, посвященных восточному славянству в целом. Этногене-

зу восточных славян и их племенных группировок посвящены труды П. Н. Третьякова [1948; 1953; 1966]. Археологическая карта восточнославянских памятников, черты культуры, хозяйства и общественного строя славян обобщены в монографии И. И. Ляпушкина [1968]. Этногенез восточных славян, их племенные образования и развитие культуры на протяжении VI—XIII вв. освещены в работах В. В. Седова [1979; 1982]. Сложные процессы возникновения восточнославянских племенных союзов с древнейших времен и образования Киевской Руси рассмотрены Б. А. Рыбаковым (1982).

В многочисленной археологической литературе неоднократно ставились и всесторонне рассматривались вопросы истории восточных славян периода образования Руси. Это типология и социальный характер укрепленных и неукрепленных поселений, особенности домостроительства, хронология, периодизация и эволюция восточнославянской культуры, развитие экономики и общественного строя у славян. Большое внимание уделялось локальным особенностям восточнославянской культуры и их связи с союзами племен, упоминаемыми летописью. Правда, не все эти и другие вопросы являются ясными и доказанными, хотя многолетний труд археологов дал основания для освещения многих вопросов истории восточных славян.

2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ. КАТЕГОРИИ ПАМЯТНИКОВ. ТОПОГРАФИЯ, ПЛАНИРОВКА

Славянское население, занимающее в середине I тыс. н. э. Среднее и Верхнее Поднепровье и Поднестровье, к концу его расселяется на обширной территории Восточной Европы.

На юге Восточной Европы славянские племена связываются с тремя археологическими культурами — Луки-Райковецкой, волынцевской и роменской, датируемых VIII—X вв. (рис. 52). От Среднего Днестра до Закарпатья рас-

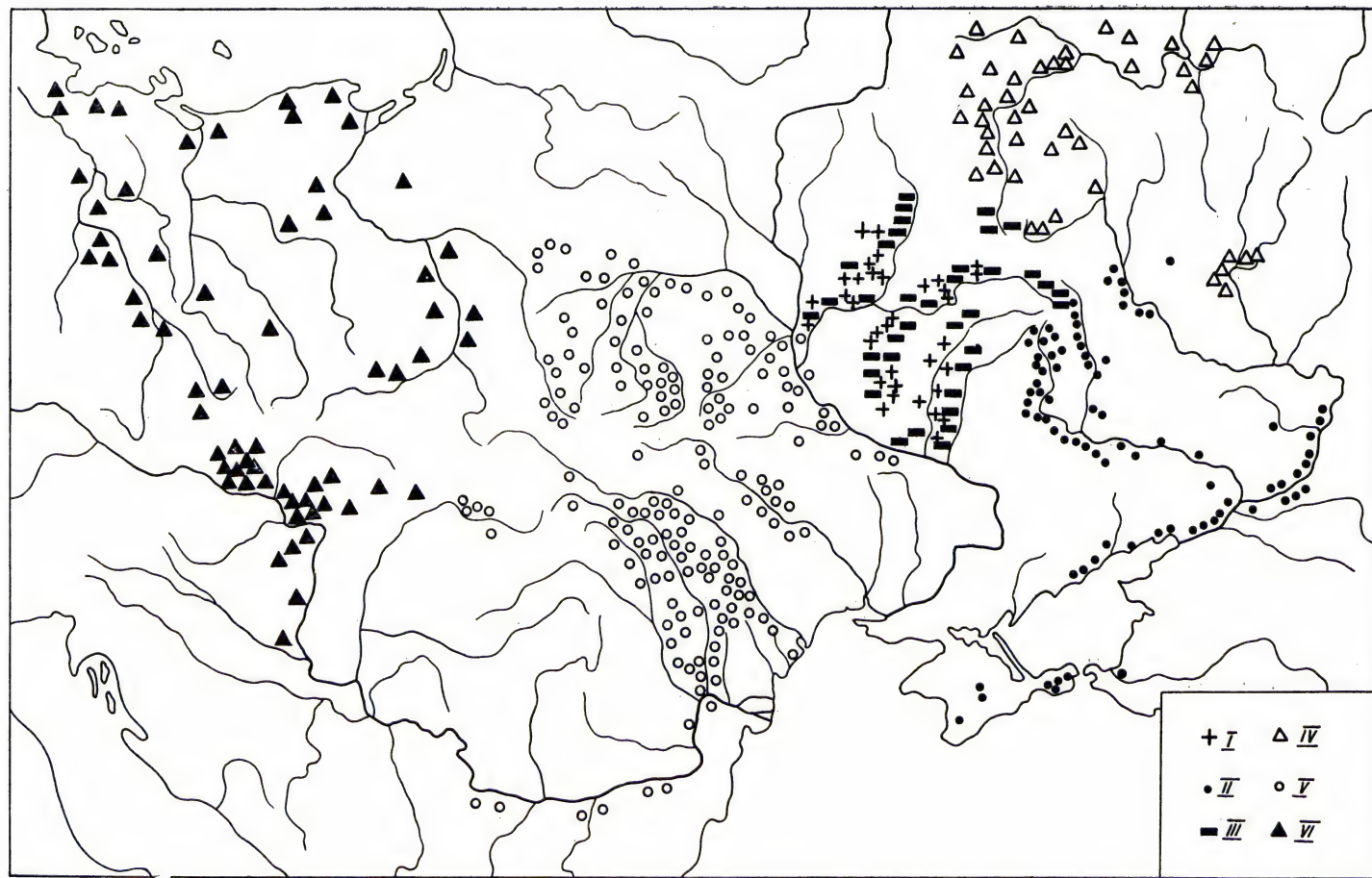

Рис. 52. Схема размещения археологических культур последней четверти I тыс. н. э. на юге Восточной и в Центральной Европе (основные памятники):

I — волынцевская культура; II — салтовская культура; III — роменская культура; IV — боршевская культура; V — культура Луки-Райковецкой; VI — славянские поселения IX—X вв. Средней Европы.

положен массив памятников, известный в литературе под названием Луки-Райковецкой [Русанова, 1973.— С. 13; Тимошук, 1976.— С. 21—29; Седов, 1982.— С. 90—92]. На севере и западе они достигают Припяти, верховьев Западного Буга и Днестра, Прикарпатья и Закарпатья, на юге включают Потясминье, среднее течение Южного Буга, на юго-западе — Поднестровье, Попрутье и достигают Нижнего Дуная, заходя на территории МССР, СРР и НРБ (рис. 53).

К востоку от Днестра расположены памятники волынцевской и роменской культур, охватывающих верхнее и среднее течение Ворсклы, Псла и Сулы, бассейн Сейма и поречье Десны от устья Сейма до устья Снопоти (рис. 53). Северная и северо-западная границы проходят в районе Брянска, восточная — Курска, южная — по линии Решетняки — Сары — Лубны, заходя в зону степного ландшафта [Ляпушкин, 1961.— С. 245—247; Сухобоков, 1975.— С. 6]. Западная граница волынцевских памятников в отличие от роменской культуры охватывает приднепровский район Правобережной Киевщины [Сухобоков, Юренко, 1978.— С. 134].

Восточные славяне к концу I тыс. н. э. осваивают север и северо-восток Восточной Европы. Они расселяются на Верхней Оке, где известны памятники роменской культуры [Никольская, 1981.— С. 12—41], а также в бассейне Верхнего и Среднего Дона, где расположена близкая к роменской боршевская культура [Москаленко, 1981.— С. 60—61]. Заселяются северные районы у озер Псковское и Ильмень, куда славяне проникают с запада: псковские кривичи из междуречья Вислы и Одера, а ильменские словене — из области Польского Поморья [Седов, 1982.— С. 58, 66]. Расширяется область обитания восточных славян и в юго-западном направлении — по летописным данным, здесь они достигают низовий Дуная.

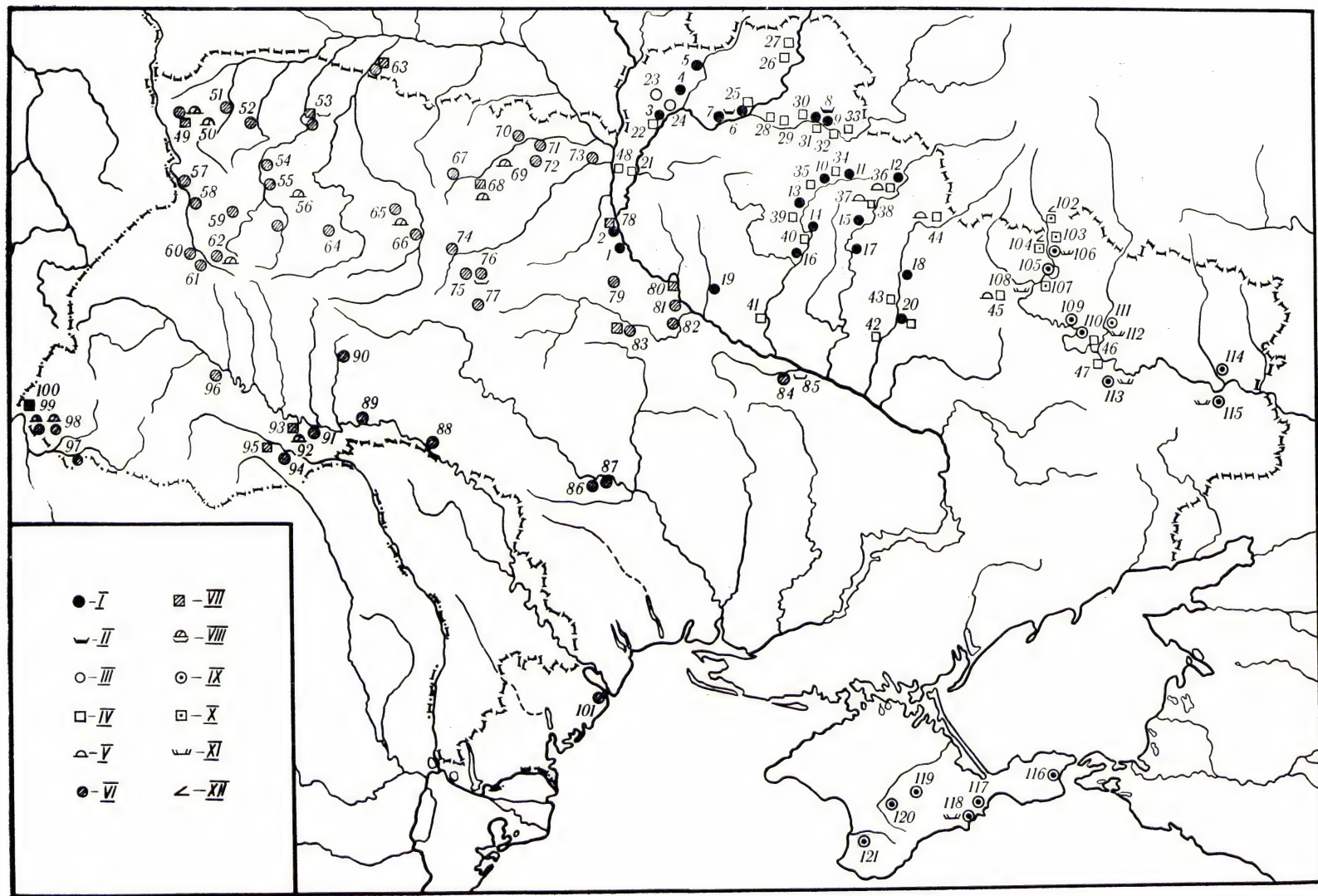
Восточнославянские древности VIII—IX вв. представлены памятниками различных категорий. Основным местом обитания населения продолжают оста-

ваться неукрепленные поселения, количество которых в этот период возрастает с общим ростом населения. В выборе места для поселений, топографии и их планировке сохраняется много общего с поселениями предшествующего времени. Они селились в низких местах, на пойменных возвышенностях, береговых склонах и террасах, но в ряде случаев и на высоких берегах рек. Естественной защитой поселений служили овраги, ложбины. Нередко селища располагались под укрытием лесов и гор. Обычно поселения размещались в местах, удобных для земледелия, скотоводства и сельскохозяйственных промыслов, — на плодородных участках почвы, вблизи рек, лугов, лесов. Размеры поселений в этот период более значительны, чем в предшествующий. В среднем они составляют около 3 га. Существовали как небольшие поселки с 10—20 постройками, так и поселения с большим количеством жилых построек.

Поселения со значительным количеством жилищ открыты на Правобережье Среднего Днестра и Северной Буковине. На селище Рашков I на правом берегу Днестра В. Б. Бараном исследовано 80 жилищ, свыше 100 хозяйственных ям и гончарный горн. В Северной Буковине на поселении Черновка Б. А. Тимошуком зафиксированы следы 160 построек. Нередко поселения размещались отдельными группами, гнездами. При наличии городищ селища обычно тяготеют к ним.

Некоторые, наиболее широко исследованные поселения дают представление о планировке построек. В одних случаях жилища строились без определенной системы, в других — группами. Так, анализ общего плана Волынцевского поселения свидетельствует о размещении жилищ и хозяйственных построек несколькими отдельными группами [Юренко, 1982.— Рис. 3]. Аналогичная картина прослеживается на графической реконструкции Новотроицкого поселения, где достаточно четко выделены четыре группы жилищ [Ляпушкин, 1958.— Рис. 116].

Иногда прослеживаются и элементы рядовой уличной планировки. Так, на Каневском поселении открыта четырех-

рядная планировка жилищ, вытянутых вдоль Днепра, на городище у хут. Мо-настырек — трехрядная (рис. 54, 5).

Возле жилых построек нередко находились хозяйственные сооружения, составляя вместе с ними отдельные жилищно-хозяйственные комплексы.

В VIII—IX вв. возрастает количество укрепленных поселений. Если в VI—VII вв. они возводились как исключение, то в VIII—IX вв. составляют уже многочисленную группу. Такие поселения обнаружены в различных областях Восточной Европы от Прикарпатья до р. Волхов и Верхнего и Среднего Дона. Концентрируются городища преимущественно в периферийных областях расселения восточных славян. Более 20 городищ открыто в Буковинском

Рис. 53. Основные памятники последней четверти I тыс. н. э. на территории СССР (по: Этнокультурная карта..., 1985.— Рис. 19):

I, II — поселения и могильники волынецкой культуры; III — поселения; IV, V — городища и могильники роменской культуры; VI — поселения; VII, VIII — городища и могильники типа Луки-Райковецкой; IX — поселения; X — городища; XI, XII — грунтовые и катакомбные могильники салтовской культуры. *Памятники волынецкой культуры:* 1 — Ходосовка; 2 — Киев; 3 — Шестовица (уроч. Коровель); 4 — Целиков Бугор; 5 — Чулатово; 6 — Сосница; 7 — Мена; 8 — Волынцево (уроч. Стан); 9 — Харьевка; 10 — Беседовка; 11 — Малые Будки; 12 — Битица; 13 — Дергачевка; 14 — Засулье; 15 — Новотроицкое; 16 — Хитцы; 17 — Киселевка; 18 — Вовки; 19 — Стовяги; 20 — Опошня. *Памятники роменской культуры:* 21 — Чернигов; 22 — Шестовица; 23 — Малый Листвен; 24 — Пушкари; 25 — Сосница; 26 — Горбово; 27 — Новгород-Северский; 28 — Червоный Ранок; 29 — Воргол; 30 — Камень; 31 — Волынцево (уроч. Курган); 32 — Лухтовка; 33 — Путивль; 34 — Басовка; 35 — Шумск; 36 — Зеленый Гай (уроч. Старое Крейдиче); 37 — Опошня; 38 — Каменное; 39 — Ромны; 40 — Лубны; 41 — Воинская Гребля; 42 — Решетики; 43 — Полтава; 44 — Ницаха; 45 — Городное; 46 — Харьков; 47 — Коробов; 48 — Любеч. *Памятники типа Луки-Райковецкой:* 49 — Головно; 50 — Мелановичи; 51 — Комарово; 52 — Подрожье; 53 — Бабка; 54 — Волынянка; 55 — Липлянка; 56 — Пересопница; 57 — Литовиж; 58 — Скоморохи; 59 — Усовостав; 60 — Ракобути; 61 — Репнев I; 62 — Подгорцы (Плиске); 63 — Хотомель; 64 — Мости; 65 — Больши Горбаши; 66 — Рогачев; 67 — Ушня; 68 — Коростень; 69 — Межиречка; 70 — Христиновка; 71 — Полесское; 72 — Шишиловка; 73 — Крузиновка; 74 — Будки; 75 — Тетеревка; 76 — Шумск; 77 — Райки (Лука-Райковецкая); 78 — Киев; 79 — Обухов; 80 — Монастырек; 81 — Канев; 82 — Сахновка; 83 — Момоты; 84 — Макаров Остров; 85 — Великая Андрусовка; 86 — Грабовец; 87 — Семенки II; 88 — Григоровка; 89 — Бакота; 90 — Городок; 91 — Рашков I; 92 — Черновка; 93 — Добриновцы; 94 — Кодын; 95 — Ревное; 96 — Незвиско; 97 — Федорово; 98 — Червено; 99 — Знячево; 100 — Ужгород; 101 — Шабо. *Памятники салтовской культуры:* 102 — Дмитриевка; 103 — Волчанск; 104 — Верхний Салтов; 105 — Печенеги; 106 — Нетайловка; 107 — Мохнач; 108 — Сухая Гомольша; 109 — Савинцы; 110 — Изгой; 111 — Жовтневое; 112 — Шейковка; 113 — Красный Лиман; 114 — Рогалик; 115 — Новолимаревка; 116 — Героевка; 117 — Планерское; 118 — Кордон-Оба; 119 — Меловое; 120 — Тау-Кипчак; 121 — Инкерман.

Прикарпатье. Особенно много городищ известно на юго-востоке — Левобережье Днепра, Верхнем и Среднем Дону, что объясняется их окраинной территорией, граничащей с кочевым миром степей, постоянно угрожавшим оседлому славянскому населению.

В настоящее время на Левобережном Поднепровье выявлено более 200 славянских городищ VIII—XIII вв. Выделить из этого числа поселения VIII—X вв. трудно, поскольку на большинстве из них жизнь продолжалась и в последующее время. Трудности в вопросах классификации славянских городищ отмечал И. И. Ляпушкин, разделив их на два основных типа: поселения (городища и селища) роменско-борщевского и близкого к ним типа VIII—X вв.; поселения (городища и селища) X—XIII вв. [Ляпушкин, 1961.— С. 215]. Периодизация поселений, предложенная И. И. Ляпушкиным, конкретизирована и дополнена П. А. Раппопортом, который также делит оборонительные сооружения VIII—XIII вв. на две основные группы: городища VIII—X вв. включительно; городища конца X—XIII в. [Раппопорт, 1961.— С. 22, 27].

Городища составляют несколько типов, отличающихся друг от друга топографией, формой и характером застройки, тесно связанной с социальным значением памятников.

Большинство восточнославянских городищ относится к типу мысовых, сооруженных на мысах и возвышенностях берегов рек, нередко трудно доступных из-за крутизны склонов. Форма таких городищ обычно связана с естественной формой мыса или возвышенности. В группе мысовых городищ VIII—X вв. П. А. Раппопорт выделяет простые и сложномысовые [Раппопорт, 1961.— С. 22, 27]. К другому типу относятся городища круглой формы, сооруженные в низменной местности — на дюнах или болотах (Бабка, Хотомель). Площадь городищ обычно составляет 0,5—3 га.

В связи с различным социальным содержанием городищ они имели особенности в устройстве. Наиболее значительную группу составляли постоянно

заселенные городища. В их число входили укрепленные сельские поселения, общинные и ремесленные центры. К концу рассматриваемого периода формируются укрепленные феодальные замки и городские центры. Планировка построек на постоянно заселенных городищах та же, что и на неукрепленных поселениях. Расположение жилищ различное: бессистемное, групповое, рядовое (уличная планировка). Для общинных и ремесленных центров характерна концентрация жилищ и ремесленных мастерских. Примером ремесленного центра может служить Добриновское городище Буковинского Прикарпатья, чья площадь была густо застроена. Из 27 открытых полуземлянок 9 — ремесленные мастерские, большей частью кузнечные. Одна из мастерских кожевничная, а три — с нишеобразными печами, судя по находкам оплакованной керамики, служили для обжига сосудов.

Исследователями выделена группа городищ-убежищ, которые не были постоянно заселены, использовались в период опасности как укрытие и поэтому имели незастроенную центральную часть. Сохранившиеся остатки построек размещались по периметру городищ или сооружались в толще стен.

К городищам-убежищам относится мысовое городище у с. Момоты на юге Киевской области с бедным культурным слоем [Приходнюк, 1980.— С. 135—136]. К этой категории памятников можно отнести городище у с. Бабка Ровенской области с незастроенной центральной частью. Вдоль вала городища сохранилось 13 ям с остатками каменных очагов и кострищ [Кухаренко, 1961.— С. 7—11]. В верхнем слое VIII—X вв. городища Хотомель в БССР вокруг укрепленной площадки открыты остатки легких наземных деревянных построек: сгоревшие столбы и очаги [Кухаренко, 1957.— С. 90—93]. Особую группу составляют городища-святилища.

Незначительное количество раскопанных памятников, а также небольшой объем работ на городищах привели к тому, что некоторые ученые в 50—60-х годах считали оборонительные

укрепления славян VIII—X вв. примитивными, которые якобы для защиты использовали преимущественно рельеф местности, сооружая только рвы. Вала же представляли собой скорее всего просто выбросы из рвов. Никаких деревянных конструкций внутри земляных валов VIII—X вв., по их мнению, не было. Когда же поселения располагались на останках, валы и рвы просто не сооружались [Ляпушкин, 1952.— С. 12—13; Раппопорт, 1961.— С. 66—67].

Однако последующие археологические исследования показали ошибочность подобных предположений. Установлено применение восточными славянами при сооружении городищ не только земляных укреплений, но и более мощных — дерево- или каменно-земляных, с разнообразными деталями укреплений.

Известно несколько разновидностей оборонительных сооружений восточнославянских городищ VIII—X вв.

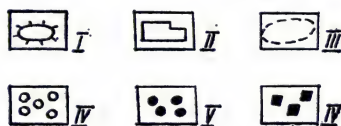
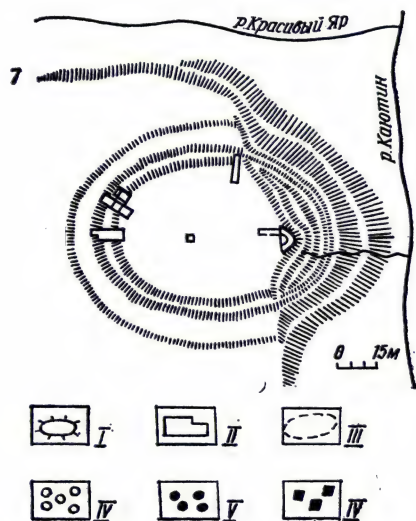
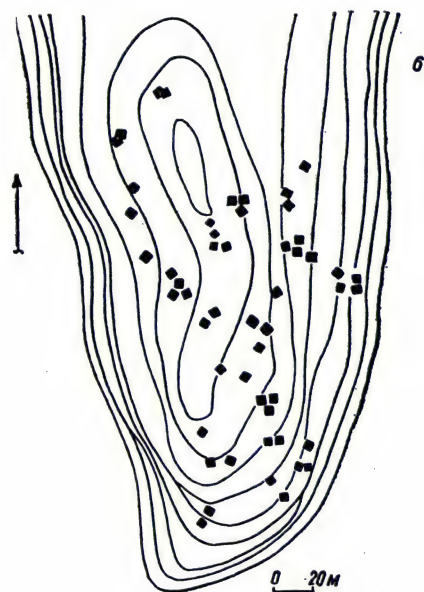
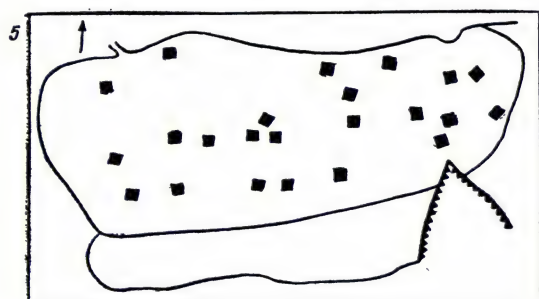
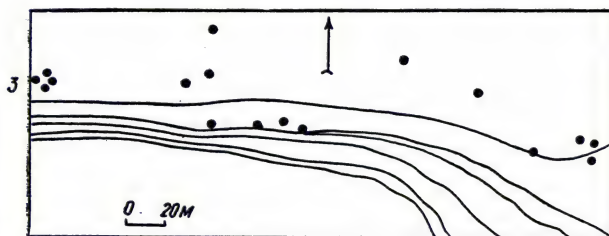
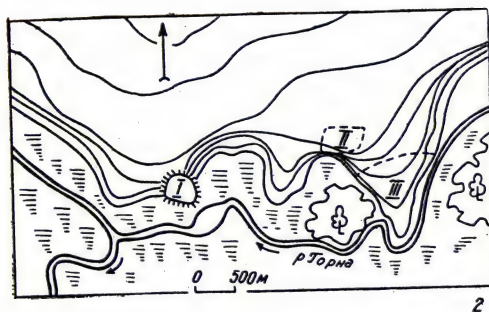
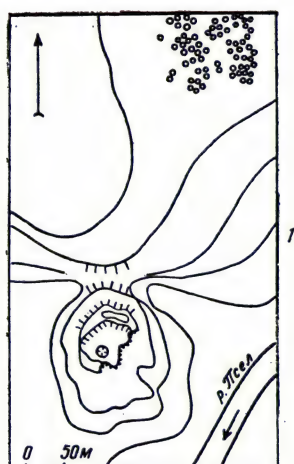
Это городища с земляными укреплениями — валом, рвом (Момоты, Опошня), двойной линией валов и рвов (Бабка), только со рвом (Новотроицкое). Ширина рвов составляла 5—10, глубина, 2—5 м.

Нередко на городищах возводились деревянные стены из горизонтально уложенных бревен или плах, закрепленных вертикальными столбами. Бревна крепились к опорным столбам при помощи пазов или же расколотыми вдоль бревнами, вкопанными по обе стороны стены. Подобные конструкции исследованы в ходе раскопок в 1975 г. Опошнянского городища в бассейне р. Ворскла. Раскопки укреплений показали, что вал является развалом стены, сложенной из двух рядов горизонтально положенных бревен, закрепленных

Рис. 54. Топография памятников последней четверти I тыс. н. э.:

I — городище; II — раскоп; III — границы поселений; IV — курганы; V — погребения; VI — жилища. 1 — городища и курганный могильник у с. Каменное; 2 — комплекс памятников у с. Волянцево (I — городище роменской культуры; II — могильник волянцевской культуры; III — поселение волянцевской культуры); 3 — могильник у с. Волянцево; 4 — поселение в уроч. Макаров Остров; 5 — городище Монастырек; 6 — поселение у с. Волянцевцево; 7 — городище у с. Ломанчинцы.

вертикально парными стояками; пространство между ними забутовано материковой глиной, вынудой при сооружении внешнего рва. Высота подножия вала со дна рва 3,5 м при глубине рва 2,1 м. В древности стены были, безусловно, более мощными, о чем, в частности, может свидетельствовать значительный диаметр столбовых ям (0,35 м) [Сухобоков, Иченская, Юренко, 1976.— С. 395; Юренко, 1978.— С. 110]. Наличие валов с деревянной конструкцией характерно и для славянских городищ Верхнего и Среднего Дона, таких, как Малое Боршевское, Нижний Воргол и др. [Москаленко, 1981.— С. 62, 63].

Городища Буковинского Прикарпатья также дали представление о различных вариантах и деталях устройства деревянных стен. На городище Добриноцы в стене сооружались на некотором расстоянии друг от друга срубы, укреплявшие ее и использовавшиеся под жилища, мастерские, склады. Некоторые из срубов, выступавшие за линию стены, служили одновременно оборонительными башнями [Тимошук, 1976.— С. 74—76].

Известны деревянные стены в виде частоколов, к которым изнутри примыкали деревянные постройки. Подобные устройства имели стены городища Грозенцы [Тимошук, 1976.— С. 76]. Извне деревянные стены городищ дополнительно укреплялись рвами, эскарпами, земляными откосами (выкидами из рва).

Помимо дерево-земляных конструкций славяне Днепровского Левобережья применяли каменные панцири. Последние выявлены при раскопках оборонительных сооружений на городище Малый Балкан у с. Ницаха Сумской области, в нижнем роменском слое. Аналогичные сооружения открыты исследователями и на городищах Северского Донца (Коробовское), Псла (Каменное), где найдены материалы, позволяющие относить первоначальные укрепления к VIII—X вв. Каменные элементы оборонительных сооружений некоторые исследователи (Б. А. Шрамко, С. А. Плетнева, О. В. Сухобоков и др.) склонны объяснять влиянием салтовских племен в юго-восточных ре-

гионах расселения славян, что не противоречит исторической обстановке того времени на Левобережной Украине.

Вблизи славянских поселений и городищ размещались могильники — бескурганные и курганные. В рассматриваемый период господствовал обряд кремации, впоследствии сменившийся ингумацией. Как правило, могильники размещались по отношению к поселениям выше по берегу.

Особой категорией находок являются клады: вещевые и монетные, зарывавшиеся в землю в период опасности на территории поселений, городищ или вблизи них.

3. ТИПЫ ЖИЛИЩ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

Домостроительство восточнославянского населения, отражающее уровень социально-экономического развития, естественно-географическую среду и этнические традиции, не было однородным в различных областях Восточной Европы.

На неукрепленных поселениях и постоянно обитаемых городищах жилые постройки представлены несколькими типами. Для северной Лесной зоны характерны наземные срубные дома. На юге Лесной зоны, в южных областях Лесостепи и Степи на сельских поселениях в основном строились жилища, углубленные нижней частью в землю, с различной конструкцией стен [Раппопорт, 1975.— С. 117—123]. В городах, как показали исследования последних лет, начиная с IX—X вв. получили распространение наземные дома, срубные и каркасно-столбовые. На городищах — убежищах и ремесленных центрах — сохранились постройки особого типа, характерные для этой категории памятников. Основным строительным материалом восточнославянских жилищ было дерево (рис. 55).

В зависимости от степени углубленности постройки относятся к типу полуземлянок или землянок, хотя для подобного расчленения нет общепринятых критериев. К полуземляночному типу мы относим постройки, углублен-

ные в грунт до 1,6 м от современной поверхности.

Преобладающим типом славянского жилища в южных областях Восточной Европы была полуземлянка (рис. 55; 56) прямоугольной или квадратной формы. В отдельных районах или памятниках преобладала та или иная форма. Так, к западу от Днестра чаще встречалась квадратная форма (170), реже — прямоугольная (62). Исключением является Каневское поселение, где больше прямоугольных жилищ (20 из 22 построек); на Левобережье Днестра преобладают прямоугольные жилища.

На поселениях Закарпатья форма жилищ не одинакова: квадратная (2), прямоугольная (16), овальная (8) [Пеняк, 1980.— С. 94].

Ориентированы полуземлянки чаще всего стенами по сторонам света, реже — углами. На постоянно заселенных городищах к западу от Днестра постройки чаще ориентированы стенами по сторонам света, к востоку от Днестра — углами.

И на поселениях, и на городищах к западу от Днестра наиболее многочисленной является группа жилищ среднего размера (9—18 м²). Жилища площадью 5—9 и 18—24 м² известны в меньшем количестве [Петрашенко, 1982.— С. 50].

В волынцевской культуре преобладают жилища площадью 12—18 м² (40 %). Выделяются своими размерами постройки Волынцевского поселения. Здесь открыто пять жилищ, площадь которых превышает 30 м² [Юренко, 1984.— С. 36]. Отметим, что каждое из них отличается деталями внутреннего устройства (наличием двух-трех печей разной конструкции) и специфическими находками, позволившими говорить о совмещении жилых и производственных функций в одном сооружении.

Полуземляночные постройки делятся, соответственно конструкции стен, на четыре подтипа: 1) столбовые жилища с деревянной облицовкой стен; 2) столбовые каркасно-плетневые жилища; 3) столбовые постройки с грунтовыми стенами; 4) срубные постройки (рис. 56).

Столбовые жилища с деревянной об-

лицовкой стен преобладали на поселениях и городищах. В зоне памятников типа Луки-Райковецкой (включая сахновский этап) они представлены 142 постройками, на территории волынцевской культуры — 74. Преобладают они и на памятниках роменской и борщевской культур (Опошня, Новотроицкое, Большое Борщевское городище).

Жилища, где прослежены ямы от столбов, различаются между собой количеством и расположением этих ям, что, видимо, связано с конструктивными особенностями облицовки стен и устройством перекрытия. Каркас жилищ составляли 4, 6, 8 и более столбов. Как правило, ямки от столбов размещались по углам и вдоль стен. Нередко ямки примыкали вплотную к материковым стенам котлована или же отстояли от них на незначительное расстояние. В некоторых жилищах между угловыми столбами в материке прослежены неглубокие канавки, где найдены остатки дерева, очевидно, бревен (плах). На облицовку стен шли тесаные, чаще колотые бревна средних размеров (15—20 см в диаметре), а также плахи. Об их истинных размерах судить трудно из-за плохой сохранности.

На основании полевых наблюдений и анализа полевой документации можно говорить о нескольких способах крепления деревянной облицовки. В одних случаях дерево прилегает почти вплотную к стенам. Это свидетельствует, что прижимались плахи столбами. Плахи закладывались между стеной и столбами, стоявшими по углам и в средней части жилища. С внутренней стороны деревянная облицовка обмазывалась глиной, что подтверждается остатками обмазки, выявленной вместе с завалами дерева у стен построек. Возможно, применялась и забутовка между материковой и деревянной стенами.

Подобная система облицовки хорошо прослежена в некоторых жилищах Волынцевского поселения (№ 18, 19, 37, 43 и др.).

Известен и иной способ облицовки, когда плахи крепились в пазах угловых столбов, что прослеживается в жилище № 24 в Новотроицком (волынцевский горизонт). На полу, вдоль юго-

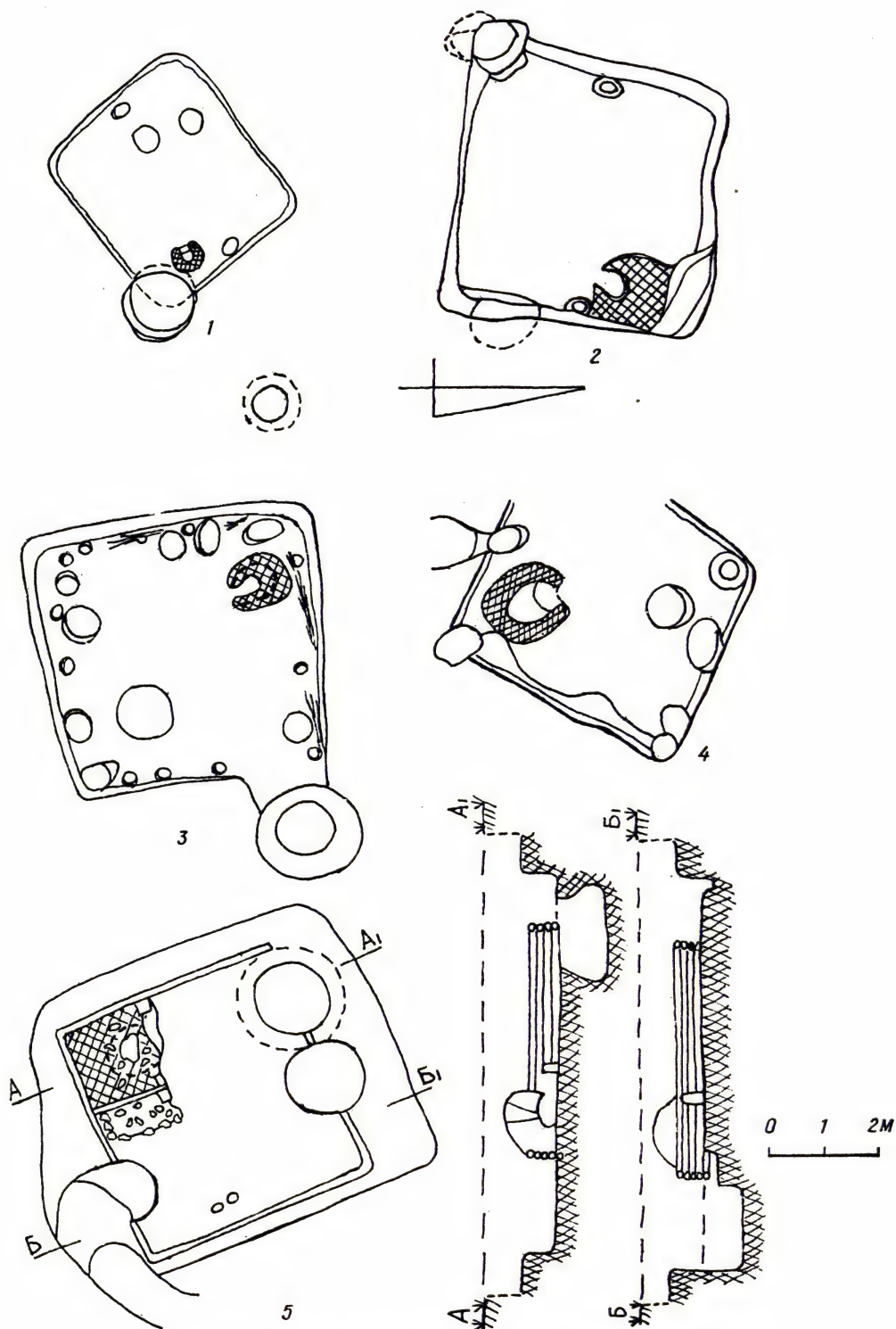
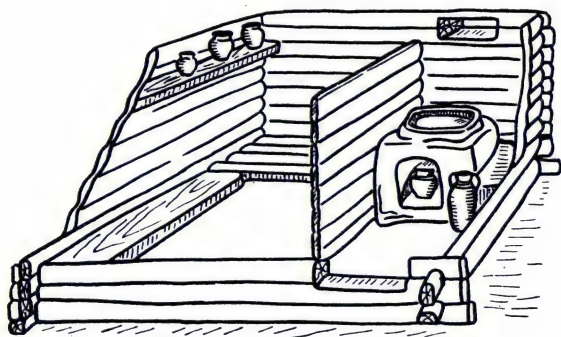

Рис. 55. Основные типы жилищ волынцевской и роменской культур:

1, 3—5 — Волынцево; 2 — Новотроицкое.

I

II

восточной и юго-западной стен, выявлены остатки сгоревших плах, врезанных в столбы и образовавших нижние ряды горизонтальной облицовки.

В углах некоторых жилищ городища Монастырек плахи примыкали друг к другу плоскими торцами без пазов. В ряде случаев между облицовкой стен и земляными котлованами находилась глиняная забутовка.

В отношении характера и высоты стен столбовых построек в литературе существуют два мнения. И. И. Ляпушкин, предлагая реконструкцию жилищ исследованного им Новотроицкого городища, считал, что деревянные стены не возвышались над краем земляного котлована и двускатная крыша опиралась на его края [1968.— С. 130]. Однако многие авторы придерживаются точки зрения, что деревянные стены возвышались над землей и края крыши опираясь на их верхнюю часть [Ефименко, Третьяков, 1948.— С. 26; Петрашенко, 1985.— С. 74].

Ко второму подтипу жилищ, также столбовой конструкции, относятся полуземлянки с плетневой облицовкой стен. Для данной конструкции характерно большое количество столбовых ямок по периметру котлована жилища. В отличие от жилищ с деревянной облицовкой в данном случае ямки от угловых и срединных столбов расположены вплотную к стенам котлована. В ходе раскопок вдоль стен такого жилища в полу прослеживались ряды кольев на

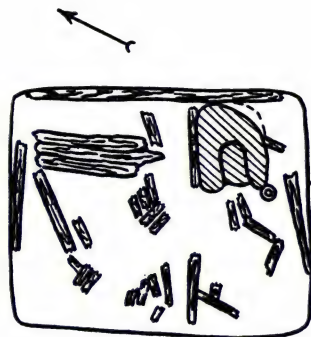

Рис. 56. Обухов П. Жилище VIII—IX вв. Реконструкция Н. М. Кравченко и М. Л. Стрункой:

I — дерево; II — глина.

расстоянии 15—20 см друг от друга, служивших каркасом и одновременно удерживавших плетень в вертикальном положении. Более толстые столбы по срединам стен и углам котлована придавали конструкции необходимую жесткость, а также являлись опорой для крыши.

Жилища с плетневой облицовкой преобладают в Волянцеве (54,7 %). Такие конструкции стен почти не применялись к западу от Днестра. Известно всего несколько подобных построек на юго-западной периферии круга памятников типа Луки-Райковецкой (Закарпатье, низовья Днестра).

Третьим подтипом столбовой конструкции жилищ является сооружение с грунтовыми стенами, без деревянной облицовки, покрытыми глиняной обмазкой (открыто две-три постройки в Новотроицком).

Полуземляночные жилища со срубной конструкцией стен на поселениях VIII—IX вв. строились реже. В памятниках типа Луки-Райковецкой раскопано 46 срубных построек. В волянцевской культуре такие постройки составляют всего 6 % общего количества жилищ. Известны срубные полуземлянки и на борщевских городищах.

Наиболее надежным признаком срубной конструкции стен являются сохра-

нившиеся части сруба, в частности врубки или пересечение бревен в углах постройки. В некоторых постройках сохранилось до 5—13 венцов сруба из бревен (толщиной 0,25—0,3 м). Иногда исследователи приводят и менее достоверные признаки наличия срубов — отсутствие столбовых ям, удаленность печи от стен котлована и др.

Выделяются два варианта срубной конструкции жилища: отсутствие столбов и сочетание срубной конструкции со столбами, обычно в средней части двух противоположных стен. Столбы, иногда выходящие за пределы постройки, могли служить дополнительной опорой для перекрытия.

Материалы волынцевских поселений содержат некоторые данные и для понимания устройства крыши жилища. Так, при исследовании жилищ Волынцевского, Опошнянского и других поселений почти во всех случаях зафиксированы ямки от двух столбов, размещенных в средней части противоположных стен, параллельных оси топки печи. По линии этих столбов прослеживались остатки сгоревших толстых бревен, которые и являлись остатками перекрытия крыши (матица), а сами столбы — его опорой. К матице крыши крепились поперечные слги, образовавшие каркас, который покрывался хворостом, камышом или соломой и засыпался землей или обмазывался глиной. Последние найдены в древнем Киеве, на роменских и борщевских городищах [Каргер, 1958.— С. 323; Ляпушкин, 1958.— С. 194; Москаленко, 1981.— С. 9].

В отдельных жилищах прослежен вход в виде материковых ступенек, нередко укрепленных деревом, или полового материкового ската от верхнего края котлована жилища до пола. Входом могло быть и бревно с зарубками, служившее лесенкой. Как правило, вход размещался в восточной или южной части жилища, противоположной расположению печи.

Пол жилищ, чаще всего материковый, хорошо утоптан и сnivelирован. В тех случаях, когда материком был песок или культурный слой, пол выкладывали из глины толщиной 5—

10 см. Как исключение известен деревянный пол в жилище поселения Буки.

Отопительное устройство полуземляночных жилищ семи видов: 1) печи-каменки; 2) каменно-глиняные печи; 3) печи, вырезанные в материковых останцах; 4) печи, вылепленные из глины или вырезанные в глиняном массиве; 5) глиняные каркасные печи; 6) подбойные печи; 7) открытые очаги.

Наиболее широко распространены печи-каменки, соорудившиеся нередко к западу от Днепра на поселениях и городищах [Петрашенко, 1982.— С. 53—54].

Снаружи печи-каменки подпрямоугольной формы. Камень применялся различного типа в зависимости от местоположения поселения. Нижняя часть стен печей обычно складывалась из крупных, часто плоских камней, верхняя — из более мелких. Нередко стенки печей сложены насухо, но в ряде случаев прослежен глиняный или земляной раствор. Сооружались печи-каменки на уровне пола либо возвышении — грунтовой подсыпке или материковой останце. Иногда под печи слегка врезан в пол. Под печи, большей частью материковый, представлял собой пережженный слой, смешанный с землей, золой. Иногда под подмазывали глиной или выкладывали мелкими камнями или же обломками керамики. Печи-каменки имели какие-то дополнительные деревянные части, о чем свидетельствуют сохранившиеся ямки от кольев близ устья или в углах печей. Часто в развалах печей или поблизости находили обломки глиняных жаровен, лежавших сверху печей и, возможно, входивших в их конструкцию. Две печи имели свод, сооруженный из глиняных вальков. Длина стен составляет 0,8—1,7 м, высота печи — до 0,9 м.

На территории волынцевской культуры печи из камня и кусков болотной руды сооружались только в районах Черниговского и Брянского Подесенья, где подстилающими грунтами были песок или выходы известняковых и меловых пород и отсутствовала глина.

Каменно-глиняные печи открыты в небольшом количестве к западу от Днепра на городище Монастырек и поселе-

нии Сахновка (11). Нижняя их часть вырезалась в глине или складывалась из камней и обмазывалась толстым слоем глины. Свод сооружался из камней или вальков и обмазывался толстым слоем глины. Под нередко подмазывался глиной или выкладывался камнями. Печи из глины и камня часто сооружались на борщевских городищах.

Основным конструктивным типом на поселениях и городищах Днепровского Левобережья в волынцевской и роменской культурах являлись печи, вырезанные в материковом глиняном останце или же, если материковый грунт состоял из песка или подзола, в специально принесенном и сбитом глиняном массиве [Ляпушкин, 1958.— С. 168; Юренко, 1984.— С. 39]. Общее количество таких печей 143. Свод печи возводился из глиняных поделок — «конусов» — разнообразной формы. Иногда в свод печи вмазывались крупные фрагменты керамики. Внутренняя полость печи тщательно обмазывалась глиной, часто прослеживаются следы ремонта. Под овальной формы накладывался прямо на глину или же для повышения тепловой отдачи выкладывался из мелких камешков и битой посуды, а потом обмазывался глиной. Форма печей, вырезанных в материке, прямоугольная, кубовидная, круглая или овальная.

К западу от Днепра печи, вырезанные в материковых останцах или вылепленные из глины, известны в Киеве, на поселениях Ходосовка, Обухов II, далее к западу — на поселениях Западной Волины (Репнев I, Городок и др.).

В связи с плохой сохранностью сводов печей трудно судить об устройстве дымоходов, которые, возможно, существовали. Об этом свидетельствуют жилища Новотроицкого городища (волынцевского горизонта), где в своде печей были сделаны круглые отверстия.

Глиняные каркасно-плетневые печи известны в ареале древностей Луки-Райковецкой в 26 жилищах. Печи этого типа близки к древнерусским, отличаясь от них меньшими размерами и слабо обожженным подом.

В свод глиняных печей, как и печей-каменок, нередко вмонтировались глиняные блюда или жаровни, служив-

шие, по мнению исследователей, для просушки зерна и растений, а также выпечки хлебных изделий. В некоторых жилищах встречались предпечные ямы, обычно округлые в плане.

Любопытна находка, имевшая непосредственное отношение к конструкции печей. В полуземлянке № 39 Волынцевского поселения в верхней части печи найдена фрагментированная глиняная поделка в виде односторонне выпуклого диска диаметром 0,35—0,4 м с центральным отверстием 0,15 м.

Думается, что такие глиняные диски использовались в перекрытии верхнего отверстия печи для установки кухонной посуды. Вероятность такого предположения подтверждается местом находки, а также малыми размерами челюстей печи, что исключает возможность помещения в топку горшков даже средней величины.

Количество всех подбойных печей сравнительно невелико. Выявлены они на отдельных поселениях Правобережья и Левобережья Днепра обычно в жилищах, имевших и обычные печи. Размеры подбойных печей: длина 0,8—2, высота 0,5—0,8 м. Находки в некоторых подбойных печах позволяют предположить их назначение как кузнечных горнов или печей для выпечки хлеба.

В жилых помещениях редко сооружались и открытые очаги размерами 0,7—0,5×1,2—0,9 м. Сооружались они из глины, глины и камня, камня, битой посуды, иногда имели вид очажного пятна или очажной ямы. Размещались очаги в центре жилища или у его стены, в некоторых случаях на материковом останце. К западу от Днепра очаги сооружались на Среднем Днестре и в Закарпатье, к востоку — на отдельных волынцевских поселениях.

Очаги, как и подбойные печи, большей частью играли вспомогательную роль, находясь в одном жилище с печью. Ими могли пользоваться в летнее время.

Во многих полуземлянках обнаружены и такие детали внутреннего устройства, как материковые выступы, вырезанные одновременно с сооружением котлована жилища. Размещены они

вдоль стен, возле печи и, по всей вероятности, обшивались деревом. Это сооружения прямоугольной формы, длиной 1,2—1,8 м и шириной 0,6 при высоте 0,2—0,6 м.

Существуют две точки зрения относительно назначения этих останцев. И. И. Ляпушкин усматривал в них столы-верстаки, на которых производились огнеопасные работы, что подтверждалось наличием их в помещениях со следами производственной деятельности [Ляпушкин, 1961.— С. 231]. Большинство исследователей считают их своеобразной мебелью — лежанками [Гончаров, — 1950.— С. 49—57; Приходнюк, 1975.— С. 19] — или же сооружениями, совмещающими производственное назначение и мебель [Баран, 1963.— С. 352]. К сожалению, состояние информации об этих останцах таково, что решить данный вопрос однозначно не представляется возможным. Тем не менее, думается, правомочно предположение о двояком назначении материковых останцев вдоль стен, но определенно говорить об этом можно лишь при наличии конкретных материалов.

К деталям внутреннего устройства волынцевских жилищ можно отнести деревянные настилы-полаты, выявленные в жилищах № 13, 17 в Волинцеве.

Н. М. Кравченко и М. Л. Стрункой предложена реконструкция интерьера славянского жилища VIII—IX вв., основанная на материале нескольких жилищ из раскопок поселения Обухов II [Кравченко, Струнка, 1984.— С. 84—95]. Остатки деревянной перегородки у боковой стенки печи, отделявшей угол с печью, деревянные настилы у стен и материковые опоры настилов, лессовые останцы у стен с частями шести сосудов позволили реконструировать «внутреннюю неподвижную» мебель жилища (рис. 56).

К числу «неподвижной» мебели авторы статьи отнесли деревянные лавки, «пол» (полаты), полочки для посуды, загородки угла с печью. Эти детали интерьера, по данным этнографии, существовали в народном славянском жилище вплоть до недавнего времени.

Авторы приходят к выводу о постоянном членении древнеславянского однокамерного жилища на функциональные части, выделении постоянного места для печи, наличии неподвижных деревянных лав и «пола», использовавшихся как рабочее место и место отдыха, полок для посуды и мелких орудий труда.

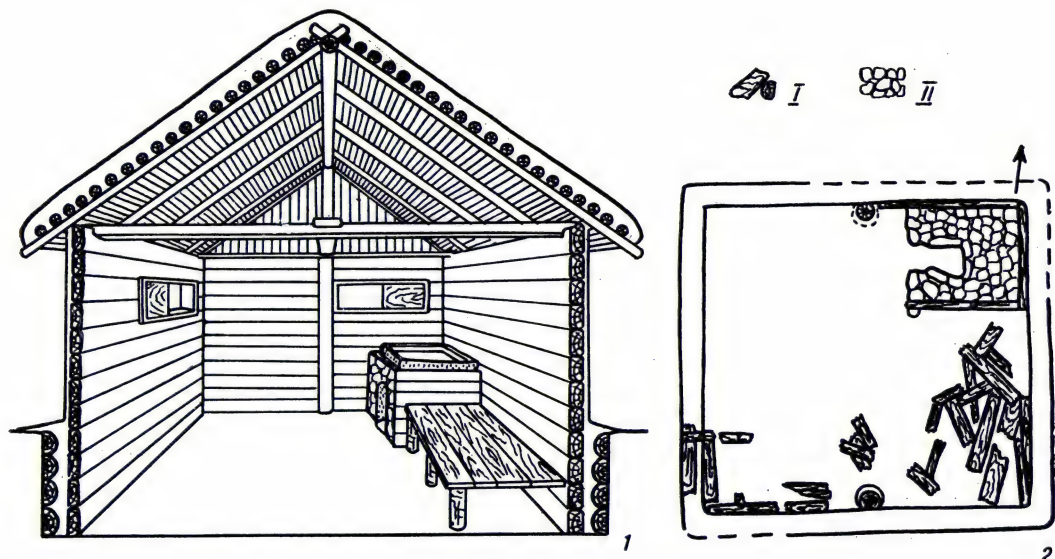
В срубных жилищах деревянные детали интерьера строились одновременно со стенами (рис. 57). Нередки в помещениях и ямы-хранилища. На волынцевских поселениях внутри жилищ ямы-хранилища нередко преобладают над хозяйственными ямами, расположенными вне жилищ. В плане они круглые или овальные; в сечении цилиндрические, колоколовидные и грушевидные. Глубина их от уровня древнего горизонта составляет от 1,4 до 2,6 и 0,4—1,2 м от пола построек. Довольно редки ямы в плане неправильной четырехугольной формы.

Стены и дно ямы обмазывались глиной и в ряде случаев обжигались. Отверстия перекрывались деревянными крышками (Воынцево, жилище № 13). На разных уровнях в стенах ям-кладовых устраивались подбои, служившие своеобразными полками-местами значительной емкости. Так, в жилище № 7 (Воынцево) обнаружена яма-кладовая, в стенах которой сделано четыре ниши-пещерки с горизонтальными, совершенно ровными основаниями и сферическими сводами. Вырезаны они на различной глубине от верхнего среза ямы и углублены в стенку на 0,8 м. Стены ям, а также внутренние полости ниш-пещерок старательно обмазаны глиной и обожжены.

Многие ямы служили зернохранилищами, о чем, в частности, свидетельствует их грушевидная форма в сечении с вогнутым дном и тщательно обожженными стенками. Как правило, ямы-зернохранилища имели небольшое верхнее отверстие при значительно расширяющемся нижнем диаметре дна.

В некоторых ямах обнаружены запасы спондиловой глины, очевидно, приготовленной на случай ремонта печей.

Постройки типа землянок, углубленные в землю на 1,7—1,8 м, встречаются крайне редко. Одна подобная постройка сохранилась на городище Монастырек, другая — на Волынцевском поселении. Они такого же типа, что и полуземлянки.

Подводя итоги рассмотрению жилищ VIII—IX вв. в южных и юго-восточных областях расселения восточных славян, отметим, что наиболее часто сооружались постройки, частично углубленные в землю, верхняя часть которых возвышалась над землей (так называемые полуземлянки). Конструкция стен жилищ преимущественно столбовая или срубная.

Этот тип жилищ характерен и для славянских культур предшествующего периода: V—VII вв. (пражской, пеньковской, колочинской), что отражает непрерывность и преемственность в развитии материальной культуры восточных славян.

Некоторые различия в устройстве жилищ VIII—IX вв. связаны с территорией их распространения. К западу от Днепра, на памятниках типа Луки-Райковецкой, большая часть жилищ квадратной формы размерами 9—18 м². Они нередко ориентированы стенами по сторонам света.

Жилища Левобережья Днепра в волынцевской и роменской культурах в основном прямоугольные, большей пло-

Рис. 57. Монастырек. Жилище IX—X вв. Реконструкция В. А. Петрашенко:

I — дерево; II — камни.

щади (12—18 м² и более), ориентированы по сторонам света углами. На Левобережье Днепра длительное время бытовала плетневая конструкция стен. Она прослеживается в некоторых жилищах колочинской культуры, нередко встречается на волынцевских поселениях; в Волынцеве этот тип жилищ преобладал.

Отопительные сооружения славянских полуземляночных жилищ разнообразные.

Наиболее распространенными в VIII—IX вв., как и в предшествующий период — VI—VII вв., были печи-каменки. Жилища с печами-каменками распространены к западу от Днепра, в ареале памятников типа Луки-Райковецкой.

Глиняные печи различных типов, главным образом вырезанные в материковых останцах, широко распространены на Левобережье Днепра в волынцевской и роменской культурах. К западу от Днепра глиняные печи также строились, хотя не так часто, как печи-каменки. В памятниках типа Луки-Райковецкой сооружались также глиняные каркасные печи, печи из глины и камня и вырезанные в материковых останцах.

В борщевской культуре Подонья в основном сооружались печи-каменки, печи из камня и глины и каменные очаги.

На землях восточных славян известны наземные жилища, имевшие преимущественно срубную конструкцию стен. Основной областью распространения этого типа жилищ являлась северная лесная зона. На юге Восточной Европы также возводились подобные постройки. Начиная с IX—X вв. они возводились на городищах и в городских центрах. Такие постройки открыты в Буковинском Прикарпатье. На городище Ревно ІВ, относящемся к X в., обнаружены наземные срубные дома с каменными очагами, подвальными помещениями, использовавшимися как хозяйственные помещения или склады продовольствия [Тимошук, 1982.— С. 46—50].

В древнем Киеве в IX—X вв. сооружались наземные срубные дома. Особенно выразительный материал по деревянному домостроительству получен на Подоле. Наиболее древние срубные постройки открыты в районе Житнего рынка. Жилые дома IX—X вв. представляли собой двухкамерные сооружения площадью 28—38 м², срубленные «в обло», с глинобитными печами, иногда подвалами. Усадьбы, состоявшие из жилого дома и хозяйственных помещений, огораживались деревянными заборами [Толочко, 1983.— С. 107—110].

На севере Руси наземные срубные дома широко распространены как на неукрепленных поселениях, так и на городищах и в крупных городских центрах. У срубных построек северной лесной зоны наблюдаются конструктивные различия. В. В. Седов выделил три типа наземных срубных домов кривичско-словенского региона [1986.— С. 10—15]. Основным типом постройки VIII—X вв. являлся наземный срубный дом площадью 10—20 м² с бревенчатым полом и каменной или глиняной печью в углу, типичный для славянских поселений северной зоны. Подобные постройки открыты в Старой Ладоге, Новгороде, на городищах Новгородском (Рюриковом), Псковском, в Изборске. Известны этого типа постройки и на

открытых неукрепленных поселениях в Новгородской области.

Вторым типом построек словенско-кривичского региона являлись наземные срубные с земляным или глинобитным полом и центральным очагом. По мнению В. В. Седова, они местного, прибалтийско-финского, происхождения. К третьему типу относятся постройки с углубленным котлованом внутри и каменными печами или очагами. Так как подобные постройки широко распространены на славянских землях междуречья Вислы и Эльбы, можно предположить, что они принесены группами славян, переселившихся с запада [Седов, 1986.— С. 13—14]. Существуют различные точки зрения о больших домах нижнего горизонта Старой Ладоги площадью 42—120 м² с очагом или печью в средней части. Высказывались мнения о том, что эти дома были жилищами патриархально-семейных общин [Равдоникас, 1950.— С. 34] и имели прибалтийско-финское происхождение [Седов, 1982.— С. 65]. А. Н. Кирпичников рассматривает большие дома Ладоги как предшественники древнерусских посадских изб-пятистенков [Кирпичников, 1985.— С. 16].

Особую группу составляют постройки на городищах VIII—X вв., конструктивно связанные с оборонительными сооружениями. Они открыты Б. А. Тимошуком на юго-западе восточнославянских земель в Северной Буковине. На Городище-убежище Ломачинцы двойная деревянная стена разделялась поперечными стенами на незасыпанные клетки, где сохранились следы очагов. Клетки могли служить временными жилищами, занимающимися в период опасности населением, обитавшим на поселении. Некоторые из клеток являлись мастерскими (в одной из них сохранились остатки кузницы). На городищах-убежищах Северной Буковины (Ломачинцы, Ревно, Червона Диброва) открыты примыкающие к стенам большие наземные дома столбовой плетневой конструкции с глиняной обмазкой. Размеры домов 14×6, 20×6 м. В домах сохранились очажные ямы, выложенные камнями, диаметром около 0,8 м, а рядом с домами — ямы-погреба.

Назначение больших наземных домов, по мнению Б. А. Тимощука, можно определить на основании данных немецкого хрониста Герборда об аналогичных домах у западных славян [1976.— С. 126—127]. Из описания хронистом домов-контин следует, что в них хранились общинные припасы, проводились народные собрания, устраивались пиры и осуществлялись обряды.

Постройки в толще укреплений и пристроенные к стенам известны не только на городищах-убежищах. В Северной Буковине на городище Добриновцы, являвшемся ремесленным центром, в опорных срубах и башнях оборонительной стены сохранились печи-каменки, очаги и каменные рабочие площадки, что позволяет определять их как жилища и кузнечные мастерские. На этом же городище к западной стене были пристроены наземные деревянные дома-континны длиной 20 м. Культовое погребение в яме одного из этих домов подтверждает проведение в подобных домах языческих обрядов [Тимошук, 1976.— С. 122—124].

На неукрепленных поселениях и постоянно заселенных городищах широкое распространение получили постройки хозяйственного назначения, размещавшиеся вблизи жилищ. Разновидностями хозяйственных построек являлись хлев, кладовые, ремесленные мастерские, ямы-погребов, а также очаги и печи вне построек, использовавшиеся в летнее время.

Значительная часть построек полуземляночного типа конструктивно и по размерам близка к жилищам. Нередко у них отсутствовали отопительные сооружения или же (в особых случаях) ставились две или более печи. Среди хозяйственных сооружений роменских поселений известны и наземные. Так, на Новотроицком городище удалось проследить остатки прямоугольной в плане постройки наземного типа размерами 2—4×2—3 м, стены которых представляли собой вертикально стоящие впритык плахи шириной до 0,3 м. Внутри сооружения обнаружены остатки очага и ямы [Ляпушкин, 1958.— С. 209].

Известны постройки типа амбаров и

специальные мельничные сооружения. На поселении у с. Сахновка на Киевщине рядом с жилищами открыто хозяйственное помещение-амбар, где хранилось и перемалывалось зерно, а также находились орудия сельского хозяйства. Постройка длиной до 2,5 м немного углублена в землю. В ее западной части помещалась зерновая яма, где хранились обломки жерновов и железный наральник [Довженок, Линка, 1959.— С. 105—106]. На Каневском поселении открыто мельничное сооружение, представлявшее собой полуземляночную постройку, на полу которой сохранились обломки массивных жерновов. Очевидно, постройка предназначалась для помола зерна [Мезенцева, 1965.— С. 52—55].

Широко использовались на поселениях хозяйственные ямы-хранилища, погребов, сооружавшиеся как в жилищах, так и за их пределами. Форма ям-погребов обычно в плане округлая, а в разрезе — колоколовидная или грушевидная. В ямах для хранения зерна стенки обмазывались глиной и обжигались. Многие ямы, расположенные за пределами жилищ, имели шалашевидную кровлю.

Значительную группу хозяйственных построек составляют ремесленные мастерские — металлургические, кузнечные, ювелирные, гончарные.

4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Изучение материалов могильников помогает раскрыть многие стороны социального, экономического и культурного развития восточнославянского общества.

Исследованы могильники в значительно меньшем объеме, чем поселения и городища, из-за их плохой сохранности и трудности поисков бескурганых захоронений. Лишь отдельные могильники изучены относительно полно.

Общими для всех восточнославянских племен второй половины I тыс. н. э. являются бескурганный и сменявший его курганный типы могильных сооружений с захоронениями по обряду трупосожжения. Переход от бескурган-

ных могильников к курганным происходил во второй половине I тыс. н. э. в славянском мире почти повсеместно и завершился в конце этого же тысячелетия [Третьяков, 1974.— С. 74; Седов, 1982.— С. 136].

На ряде могильников обнаружены специально отведенные места для кремации покойников. На северо-восточной окраине бескурганного могильника в с. Ревно выявлена яма, где, по-видимому, сжигали умерших. Форма ямы подпрямоугольная, размеры $2,65 \times 1$ м, а глубина 0,35 м, стенка и дно сильно прокалены. На дне ямы сохранились следы погребального костра: кальцинированные кости, угли, обожженные камни и обломки керамики.

Места кремации обнаружены также на могильниках у сел Червенено в Закарпатье и Сосница на Левобережье Днепра.

На Сосницком могильнике Д. Т. Березовец в 1949 г. открыл две площадки, покрытые толстым слоем угля, и определил их как остатки погребального костра [1955.— С. 56]. Каждая площадка состояла из двух толстых плах, положенных в направлении восток — запад. По концам длинных сторон были забиты прямоугольные в сечении колья. Размеры площадок $1,2 \times 1,84$ и $1,2 \times 1,77$ м. На их поверхности сохранились пепел и кальцинированные кости.

Захоронение сожженных совершалось как под курганной насыпью, так и в ямках без земляной насыпи сверху. В южной зоне восточнославянских земель можно выделить несколько типов захоронений остатков кремации.

Первый тип представлен урновыми захоронениями. Урна с прахом сожженного закапывалась в неглубокую яму. Прослежено несколько вариантов этого типа: а) 2—3 урны в одном захоронении; б) урны в перевернутом положении; в) урны вместе с сосудами-справницами; г) захоронение в ограде из кольев.

К западу от Днепра, в ареале культуры Луки-Райковецкой, бескурганный могильник с урновыми захоронениями площадью 1,5 га исследован Д. Т. Березовцом в Потясминье у с. Великая

Андрусовка (могильник № 1 VIII—IX вв.). На раскопанной площади 1000 м^2 открыто 29 урновых сожжений. Погребальный инвентарь не богат и включает бронзовые проволоочные кольца, стеклянные бусы, астрагал.

На Левобережье Днепра захоронения третьего типа характерны для волынцевской культуры. Они открыты в могильнике между селами Малые Будки и Константинов, у с. Волинцево, близ г. Сосница.

Наиболее полную информацию о погребальном обряде волынцевской культуры дают материалы одноименного могильника. Некрополь не имеет каких-либо внешних признаков. Д. Т. Березовцу удалось выявить здесь 17 погребений. Во всех случаях прослежен обряд трупосожжения на стороне с последующим захоронением остатков кремации в урнах. Урны находились под самой поверхностью современного пахотного слоя, что привело к их разрушению при обработке земли. Погребения размещались на незначительном расстоянии друг от друга (1—5 м), что исключало существование курганных насыпей.

Могильных ям, куда бы закапывались урны, проследить в пахотном грунте не удалось. По мнению Д. Т. Березовца, в погребениях № 2 и 3 сосуды стояли на расчищенных в черноземе площадках, подсыпанных песком. В подобных случаях венчики сосудов находились почти на одном уровне с поверхностью. Сосуды в погребениях ориентировались по линии восток — запад, причем урны с прахом всегда ставились с восточной стороны. В заполнении урн, кроме кальцинированных костей и углей с золой, встречались остатки обгоревших вещей, сопровождавших покойника. Наиболее многочисленную группу находок составляли разноцветные стеклянные и пастовые бусины различных размеров, в большинстве многочастные. В погребении № 10 Волынцевского могильника выявлено 150 бусин. Кроме них найдены бронзовые украшения (браслеты, перстни), бытовые предметы, остатки снаряжения и вооружения (кольчуга, оковки ножен). Погребения с наибольшим ко-

личеством сосудов и урн, а также ценными вещами сосредоточивались в южной части могильника.

Все перечисленные элементы обряда характерны и для двух других могильников, расположенных в аналогичных топографических условиях. На могильнике между селами Малые Будки и Константинов Н. Е. Макаренко в одном из погребений проследил девять пятен от сгнивших кольев, ограждавших урну [1907.— С. 50]. Бескурганные урновые захоронения IX—X вв. известны в языческих могильниках древнерусских городов — Киева, Чернигова — и их окрестностях.

Второй тип представлен ямными захоронениями. Это неглубокие ямы круглой и овальной формы, диаметром 0,3—0,5 м, углубленные в материк на 0,3 м. В ямах сохранились остатки костра, кальцинированные кости, обломки лепных и гончарных сосудов (нередко вторично обожженных и ошлакованных).

Ямные сожжения известны к западу от Днепра в ареале культуры Луки-Райковецкой. На р. Тясмин в с. Великая Андрусовка в могильнике № 1 открыто 14 ямных сожжений в виде кучки пережженных костей диаметром 15—25 см. Контуры погребальных ям не прослежены. На р. Прут возле с. Ревно исследован могильник, где сохранились 37 бескурганных ямных сожжений (рис. 58, 1, 2). Здесь же открыты святилище, яму, в которой сжигали покойников, и наземный дом [Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981.— С. 87].

Определенный интерес вызывают могильные ямы, выявленные И. И. Ляпушкиным на Новотроицком городище. Их всего пять. Из них только две (I и II) не вызывают сомнений в принадлежности к погребальным сооружениям. Так, могила II представляла собой прямоугольную яму длиной 1,8 м, шириной 0,7 при глубине 1,4 м. Под слоем гумуса в яме находилась прослойка обожженной земли с вкраплением отдельных угольков, а в центре, начиная с глубины 0,85 м, лежали зола и пережженная глина с включением сожженных костей. Мощность слоя около 0,20 м. В северо-западном и юго-восточ-

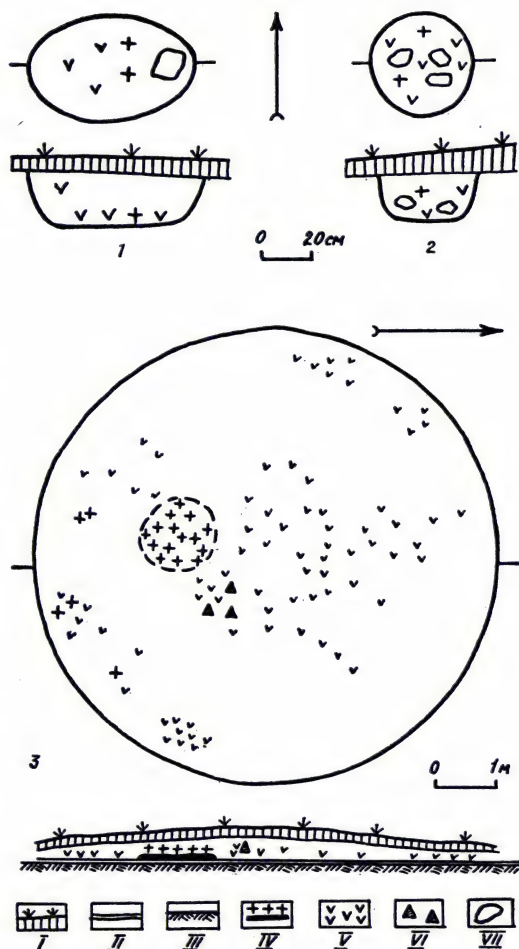

Рис. 58. Захоронения VIII—IX вв.:

I — гумус; II — предматерик; III — материк; IV — кальцинированные кости; V — угли; VI — керамика; VII — камни. 1, 2 — Ревно; 3 — Червнево.

ном направлении от слоя залегала пережженная земля [Ляпушкин, 1958.— С. 157].

К концу I тыс. н. э. у восточных славян получили повсеместное распространение подкурганные захоронения. Особенно крупные курганные могильники известны в древнейших южнорусских городах. На территории Киева еще в прошлом веке сохранялось несколько курганных групп: несколько сотен курганов на Кирилловских высотах, свыше 200 курганов на Батыевой горе, курганы на территории Верхнего Киева.

К западу от Днепра большие могильники исследовались в Прикарпатье у

с. Черновка, где сохранилось более сотни курганов, в Закарпатье у с. Зняцево, где могильник состоял из 91 кургана.

На Днепровском Левобережье большие могильники известны в северных районах и Курском Посемье. Могильник близ с. Вырвек в бассейне р. Сейм состоял из 1500 курганов. До 2000 курганных насыпей сохранилось на могильнике у с. Зеленый Гай на р. Псел и у с. Журавное на р. Ворскла (оба могильника продолжали функционировать и в XI—XIII вв.).

Курганные могильники, как правило, расположены вблизи поселений, на возвышенностях. Высота курганов обычно 0,7—2 м, диаметр до 15 м. Отдельные курганы достигали больших размеров. Форма курганов полусферическая.

Подкурганные трупосожжения также представлены несколькими типами и вариантами. К первому типу относятся захоронения на горизонте. Остатки кремации вместе с пережженными костями переносили на место погребения и ссыпали в древний горизонт или помещали в насыпь кургана. Иногда под курганом прослеживаются следы деревянных погребальных сооружений. Захоронения этого типа известны в Среднем Поднпровье и к западу от Днепра в культуре Луки-Райковецкой (Волынь, Закарпатье) (рис. 58, 3).

Варианты первого типа: а) захоронения на глиняных площадках (Среднее Поднпровье); б) захоронения тщательно перебранных костей, сыпанных в кучу (Закарпатье).

Ко второму типу относятся захоронения в ямах. Остатки погребального костра ссыпались в неглубокие ямы — глубиной около 0,15—0,3 м, диаметром 0,2—0,4 м, размещавшиеся в подножиях курганов. Число ямок в курганах 1—3 и более. Они нередко окружены ровиками. Остатки погребального костра встречались не только в ямках, но и на древнем горизонте, на котором прослежен слой золы, углей, мелких пережженных костей. Этот тип захоронений прослежен на Волини (Милянчи) и Буковинском Прикарпатье (Черновка).

На Левобережье Днепра курганные

погребения в ямках, куда ссыпались остатки кремации, выявлены в районе Трубчевска.

Третий тип — захоронения в урнах. Они известны в могильнике IX—X вв. древнего Киева. Здесь, на склоне Михайловской горы, в 1838 г. раскопан курган, в котором найдена урна с обожженными костями [Голубева, 1949.— С. 105].

Для роменской культуры, особенно ее раннего этапа, характерны захоронения тщательно перебранных, пережженных костей в урне, установленной на древнем горизонте или в верхней части курганных насыпей — на глубине 0,15—0,2 м от поверхности кургана. По всей видимости, расположение урн в верхней части курганный насыпи совпадает с летописным описанием погребального обычая северян: «мертвеца сожижаху и посем, собравше кости, вложяху в судину малу, а поставяху на столбе, на путех...» [ПВЛ.— С. 15]. Эта особенность курганных могильников Левобережья выделена еще Д. Я. Самоквасовым и позднее Г. Ф. Соловьевой [1956.— С. 140].

Примером описанного выше погребального обряда может быть известный Дорошевский могильник, исследованный Д. Я. Самоквасовым в 1873 г. и Д. Т. Березовцом в 1949 г. Погребальные урны помещались в верхней части сферических курганных насыпей диаметром 5—8 м и высотой 1,5—2,8 на глубине 0,15—0,20 м от поверхности кургана. Урнами служили лепные горшки с типично роменским орнаментом и вертикальными венчиками, аналогичные урнам Волинцевского могильника [Березовец, 1955.— С. 56—57]. Описанный тип захоронений известен на могильниках у сел Седнев, Волокитино, Клюква, Марьяновка, Кветуць, Выривка, Гочев и др.

Четвертый тип представлен сожжениями на месте. Они характерны для конца I тыс. н. э. и открыты на Волини и в киевских курганных группах. На берегу р. Лыбедь, на Батыевой горе в Киеве, раскопан большой курган с кострищем и урной с костями. Богатый погребальный инвентарь позволяет предположить, что на месте в кургане

сожжены знатный воин вместе с девушкой-рабыней [Голубева, 1949.— С. 106]. Обряд сожжения на месте в кургане прослежен и в могильниках древнего Чернигова и его окрестностей.

В X—XI вв. обряд кремации на Руси сменяется ингумацией, что связано с социальным развитием общества и влиянием христианства [Моця, 1987.— С. 46—47].

5. КЕРАМИКА

До настоящего времени отсутствуют работы, специально посвященные славянской керамике VIII—X вв. Однако в публикации материалов отдельных памятников или же трудах обобщающего характера в определенной мере освещены характерные черты керамического комплекса славян конца I тыс. н. э.

Классификация керамики Волыни VIII—X вв. типа Луки-Райковецкой приводится в работе И. П. Русановой: форма, технология и орнаментация сосудов [1973.— С. 13—16]. Монография Б. А. Тимощука содержит классификацию керамики VIII—X вв. типа Луки-Райковецкой Северной Буковины — ее форм, в частности типов венчиков, орнаментации [1976.— С. 24—30]. Типологии сосудов типа Луки-Райковецкой Правобережья Среднего Днепра посвящены работы О. М. Приходнюка [1980.— С. 49—54] и В. А. Петрашенко [1982.— С. 6—10].

В публикациях И. И. Ляпушкина, посвященных Новотроицкому, Битицкому и Опошнянскому поселениям, дана описательная характеристика роменской керамики. При этом в зависимости от форм и орнаментации выделены четыре (Новотроицкое) и три (Опошня) типа сосудов [1958.— С. 32—46; 1959.— С. 66—77; 1961.— С. 268—272].

В настоящее время классификация и типология роменской керамики с учетом новейших полевых исследований приведены в работах О. В. Сухобокова [1975; 1985]. Описание волынцевской керамики содержится в работах Д. Т. Березовца [1955], О. В. Сухобо-

кова [1977], Е. А. Горюнова [1975]. Орнаментацию керамики роменской культуры рассматривал Н. Е. Макаренко [1925]. Эту же тему в связи с исследованием славянского населения Левобережья затрагивает и П. Н. Третьяков [1969].

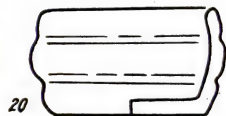
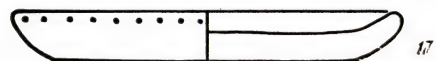
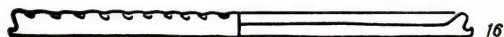
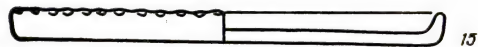
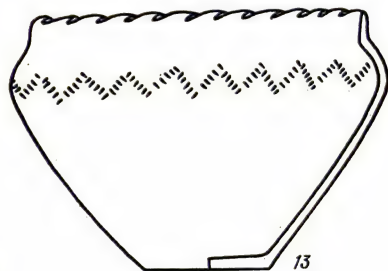
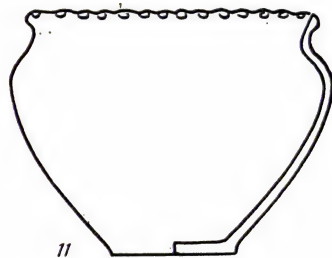
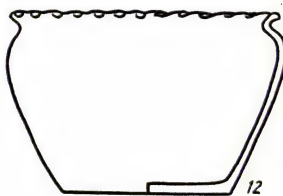
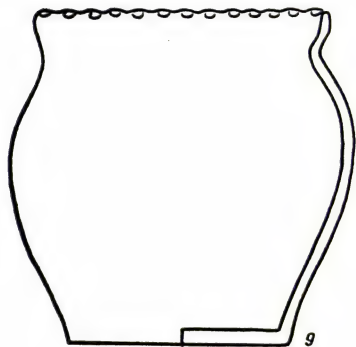
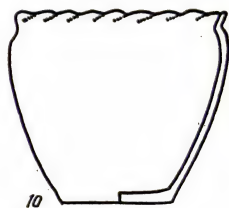
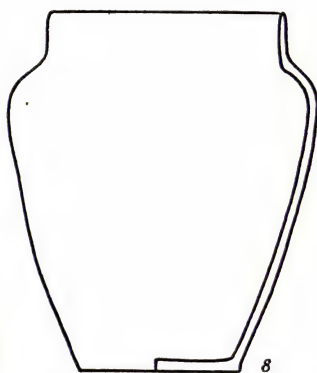
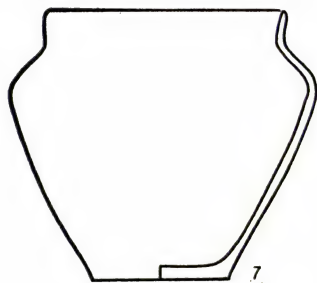
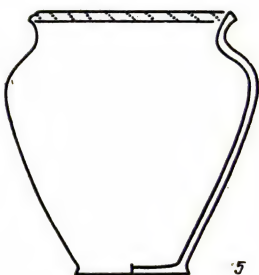
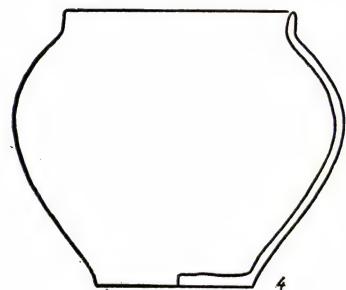
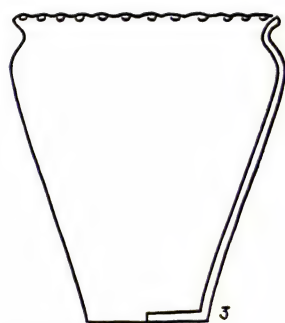
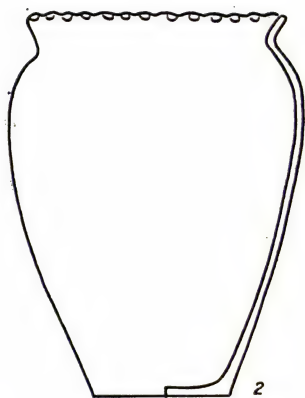
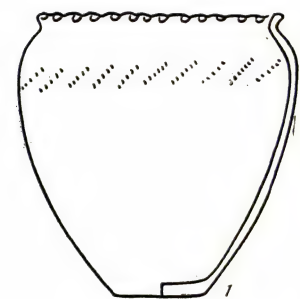
Изучению борщевской керамики посвящены кандидатская диссертация А. З. Винникова «Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (по керамическому материалу)» и некоторые его работы [1978; 1982; 1984]. Им разработаны типология, классификация и периодизация славянской керамики Подонья конца I тыс. н. э.

Сводная типологическая характеристика всей славянской керамики с рассмотрением ее локальных особенностей составлена В. В. Седовым [1982]. Технологии производства славянской керамики VIII—X вв., вопросам сырья, формовочной массы и формообразования сосудов уделено большое внимание А. А. Бобринским [1978].

В археологической литературе применительно к средневековой керамике отсутствуют единые критерии принципов классификации. За основу классификации керамических комплексов трех славянских культур конца I тыс. н. э. юга Восточной Европы (волынцевской, роменской и Луки-Райковецкой) взято функциональное назначение керамических изделий, разделенных на категории: горшки, миски, сковородки, кубки, жаровни (противни). В каждой из них на основании особенностей формы и пропорций определены типы сосудов.

Гончарный круг у восточных славян начинает применяться в керамическом производстве в VIII в. (волынцевская культура). В культуре Луки-Райковецкой гончарная керамика появляется в IX в., а в конце X — начале XI в. — в керамическом комплексе роменской культуры. Лепная и гончарная посуда рассматривается нами отдельно.

Основную категорию лепной посуды VIII—X вв., как и в предшествующий период, у восточных славян составляли кухонные горшки (около 60 %). По форме они делятся на две основные группы, включающие 12 типов, разли-

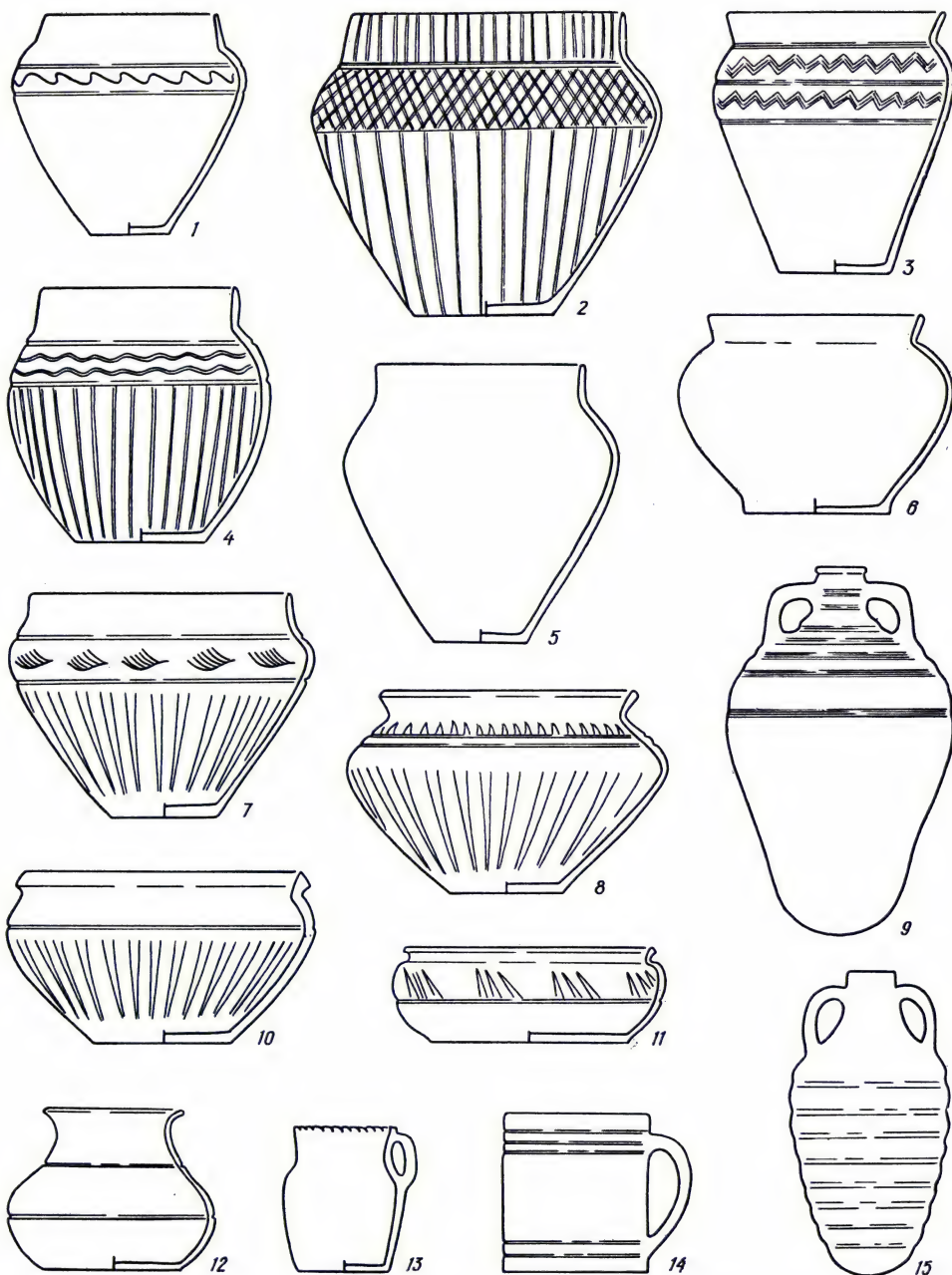

Рис. 59. Лепная керамика волынецкой культуры:

1—9 — горшки (1 — тип I; 2 — тип II; 5 — тип III; 3 — тип IV; 4 — тип V; 6 — тип VI; 7, 8 — тип VII; 9 — тип VIII); 10—13 — миски (10 — тип II; 11 — тип I; 12 — тип III; 13 — тип IV); 14—17 — сковородки (14 — тип I; 15 — тип II; 16 — тип III; 17 — тип IV); 18 — светильник; 19 — кубок; 20 — плошка. 1, 5, 10, 13 — Новотроицкое; 2 — Опошня; 3, 8 — Ходосовка; 4 — Сосница; 6, 7, 9, 11, 12, 14—20 — Волынцево.

Рис. 60. Гончарная керамика волынецкой культуры:

1—6 — горшки (1, 2 — тип I; 4 — тип II; 5 — тип III; 6 — тип IV; 3 — тип V); 7—11 — миски (7 — тип III; 8 — тип II; 10 — тип I; 11 — редкие формы); 9, 15 — амфоры; 12 — кубышки; 13, 14 — кружки. 1, 2, 4, 6, 8, 9, 11—14 — Волынцево; 3, 5 — Новотроицкое; 7, 10, 15 — Битица.

чающихся деталями пропорций и профилировки.

Первую группу лепных горшков представляют сосуды с широкой горловиной, высокими плечами и узким дном, форма которых приближается к конусовидной. Они в целом характерны для восточнославянских земель и составляют около 52 % находок. В зависимости от формы венчика, степени выпуклости плечиков и высоты сосуда в первой группе можно выделить четыре типа горшков.

1. Конусовидные горшки удлиненных пропорций, высотой до 45 см, со слабо выпуклыми плечиками. Открытая широкая горловина достигает в диаметре 35 см. Дно узкое, соотношение диаметров венчика и дна от 2 : 1 до 3 : 1. Значительная часть горшков (около 85 %) ornamentирована по краю отогнутого венчика пальцевыми вдавлениями и оттисками веревочного штампа. Горшки данного типа представлены в культурах Луки-Райковецкой, волынцевской, роменской (рис. 59, 20; 60, 1—15; 61, 1—10; 62, 1—20). В роменской керамике горшки этого типа иногда украшены веревочным орнаментом по венчику и плечикам. На Правобережье Днепра сосуды первого типа в IX в. изготовлялись как вручную, так и на круте, а на Левобережье — только вручную.

2. Конусовидные горшки стройных пропорций, близкие к первому типу. Они широкогорлые, узкодонные, с высокими плечиками. Соотношение диаметров венчика и дна близко к соотношению сосудов первого типа. Отличие их заключается в том, что плечики имеют большую выпуклость и относительно больший диаметр. Венчики отогнуты наружу, большая их часть ornamentирована по краю ямками, зацепами, а иногда и веревочным орнаментом. Данный тип горшков характерен для Левобережья Днепра — волынцевской и роменской культур.

3. Горшки такой же формы и пропорций — конусовидные, стройные, с широкой горловиной, узким дном и высокими выпуклыми плечиками. Отличительной их чертой является высокий вертикальный венчик. Лепные горшки

этого типа известны в культуре Луки-Райковецкой, но особенно характерны для волынцевской и роменской культур. Они рассматриваются как подражание гончарным волынцевским горшкам той же формы.

4. Горшки конусовидной формы, но меньшей высотой, с большим диаметром венчика и сильно выпуклыми плечиками. Особенно характерны для волынцевской и роменской культур, где изготовлялись вручную и на круте. Иногда украшались по плечикам лощеными горизонтальными полосами и лощеной зигзагообразной или волнистой линией.

Лепные горшки второй группы могут быть названы округлобокими. Они отличаются от сосудов первой группы более низким расположением выпуклых плечиков и в ряде случаев меньшей разницей в диаметре венчиков и доньев. В целом, они составляют около 38 % общего количества сосудов, включая несколько типов, отличающихся большей удлиненностью или, наоборот, приземистостью, формой венчиков, плечиков, а также степенью выпуклости последних. Некоторые из типов представлены как лепными, так и гончарными сосудами. Вторая группа включает типы 5—12.

5. Горшки овоидной (яйцевидной) формы с наибольшим расширением в верхней или средней части сосуда. Венчик отогнут наружу. Его диаметр превышает диаметр дна в два и более раза. Часть сосудов украшена ямками и насечками по венчику. Сосуды характерны для памятников типа Луки-Райковецкой (лепные и гончарные), волынцевской и роменской культур (лепные). В роменской культуре иногда встречается веревочный орнамент по плечу.

6. Горшки, относящиеся к этому типу, по сравнению с сосудами пятого типа более приземистые, поэтому они близки к корчагообразным сосудам. Венчики отогнутые, их диаметр (10—26 см) в два раза превышает диаметр дна (6—12 см). Корпус овоидной формы, его высота 12—30 см. Около 80 % сосудов ornamentированы ногтевыми насечками и пальцевыми вдавлениями

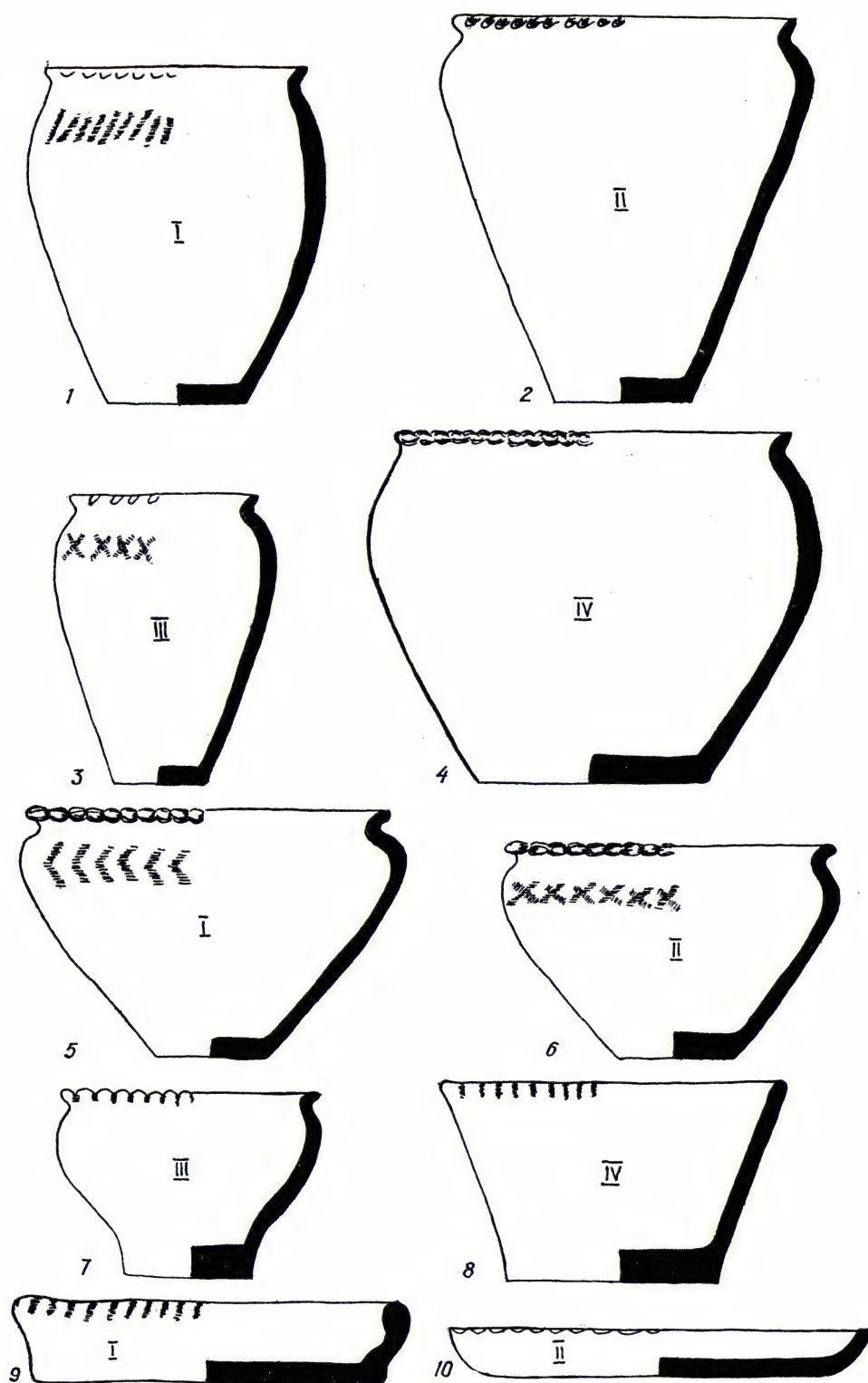

Рис. 61. Лепная керамика роменской культуры:

1—4 — горшки (1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III; 4 — тип IV); 5—8 — миски (5 — тип I; 6 — тип II; 7 — тип III; 8 — тип IV); 9, 10 — сковородки (9 — тип I; 10 — тип II). 1—10 — Новотроицкое.

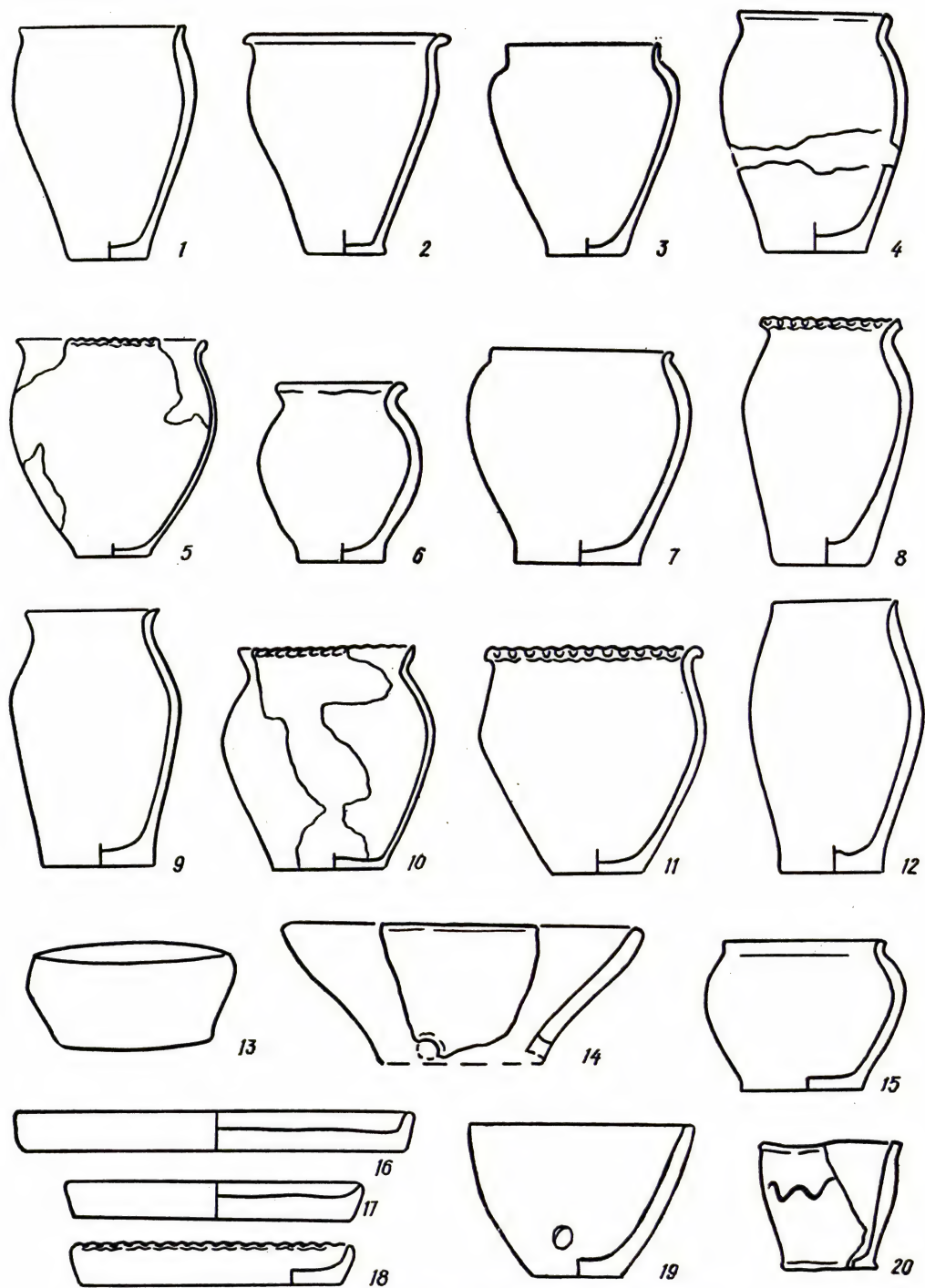

Рис. 62. Лепная керамика культуры Луки-Райковецкой:

1—12 — горшки (1, 2, 5 — тип I; 3, 4 — тип III; 6 — тип V; 7 — тип IX; 8, 9 — тип X; 10, 11 — тип XI; 12 — тип XII); 13—15, 19 — миски (13 — тип III; 14 — тип IV; 15 — тип II; 19 — тип V); 16—18 — сковороды; 20 — кубок. 1 — Кодын II; 2, 16, 17 — Монастырек; 3 — Буки; 4 — Добриноцы; 5, 10 — Канев; 6 — Лука-Райковецкая; 7, 15 — Тетеревка; 8, 11 — Звиняч; 9 — Чепоносы; 12 — Шумск; 13 — Макарево Остров; 14, 18 — Рашков I; 19 — Горишние Шеровцы; 20 — Репнев.

по краю венчика. Горшки шестого типа характерны для волынцевских памятников.

7. Горшки данного типа отличаются широкодонностью. Отношение диаметра венчика к диаметру дна равно $1,4 : 1$. Венчики слегка отогнуты наружу, 90 % сосудов орнаментировано по краю венчика погтевыми или пальцевыми вдавлениями. Горшки данного типа немногочисленны, представлены в волынцевском керамическом комплексе.

8. Характерной особенностью является близость этих горшков к мискообразным сосудам. Горловина широкая, примерно равная высоте корпуса. Диаметр дна составляет $\frac{1}{2}$ диаметра горловины. Венчики отогнуты, украшены рядом ямок. Сосуды представлены в роменской культуре.

9. Округлобокие горшки данного типа близки к сосудам восьмого типа, отличаясь от них прямым, закругленным сверху венчиком. Высота горшков почти равна наибольшему их диаметру. В славянской керамике представлены в небольшом количестве (около 4,3 %). В культуре Луки-Райковецкой они изготавливались вручную и на круге, в волынцевской — только вручную.

10. Округлобокие горшки очень вытянутых пропорций с наибольшим расширением в верхней части. Высота их значительно превышает наибольший диаметр (отношение высоты к наибольшему диаметру равно $1,7 : 1$). В славянской керамике представлены единичными экземплярами в культуре Луки-Райковецкой.

11. Горшки с биконическими, слегка закругленными боками и наибольшим расширением в средней части. В культуре Луки-Райковецкой представлены лепными и гончарными сосудами. Лепные горшки украшались насечками по венчику.

12. Тюльпановидные горшки удлиненных пропорций с плавным расширением боков в средней части. Отношение высоты сосудов к наибольшему диаметру равно $1,7 : 1$. Венчики высокие, прямые или плавно отогнутые наружу. В культуре Луки-Райковецкой представлены лепными и гончарными сосудами.

Миски составляли вторую категорию сосудов. Наибольшее распространение они получили в волынцевской культуре, где их количество достигает 19,8 % известных сосудов (рис. 59). Миски волынцевских памятников изготовлены тщательнее горшков, тесто более плотное, стенки заглажены, иногда со следами лощения. Большинство мисок украшено по венчику пальцевыми вдавлениями, косой насечкой и зигзагом, выполненным в виде оттисков веревочного штампа по плечикам. По форме сосудов выделяются следующие типы мисок.

1. Наиболее многочисленный тип составляют миски с высоким биконическим закругленным бочком и отогнутым венчиком, украшенным по краю пальцевыми вдавлениями. Горловины обычно широкие, донья различного диаметра. Отношение высоты к наибольшему диаметру также не одинаково, поэтому пропорции мисок более-менее вытянутые. У большинства сосудов (около 60 %) диаметр горловины превышает высоту. Однако встречаются миски, у которых диаметр горловины почти равен высоте (отношение $1 : 1$). Данный тип мисок характерен для волынцевской культуры. Разновидностью первого типа мисок (подтип 1а) являются миски с прямым венчиком и узким дном (соотношение горловины и дна близко $3 : 1$). Миски украшены по плечикам отпечатками веревочного штампа. Известны в волынцевской и роменской культурах.

2. Миски с плавнокруглыми боками и отогнутыми венчиками. В памятниках культуры Луки-Райковецкой встречаются миски удлиненных пропорций, у которых отношение диаметра горловины к высоте равно $1,2 : 1$. Для роменской культуры характерны более приземистые, широкогорлые и узкодонные. У них отношение диаметра горла к высоте равно $1,5 : 1$, а отношение диаметра горловины к диаметру дна — $3 : 1$.

3. Миски с биконическими боками и невыраженными шейкой и венчиком, низкие, приземистые. Диаметр сосудов более чем в 2 раза превышает высоту.

Известны в памятниках типа Луки-Райковецкой.

4. Миски с коническими стенками, невыраженными венчиками, иногда с профилированным дном. Диаметр горловины превышает высоту в 1,5 раза. Край венчика иногда украшался насечками. Конические миски изготавливались в памятниках типа Луки-Райковецкой и роменской культуре.

5. В культуре Луки-Райковецкой известны миски-цедилки с отверстиями в дне или стенке (представлены фрагментарными материалами).

Кубки являются редкой формой в восточнославянской керамике VIII—X вв. Встречаются в памятниках типа Луки-Райковецкой, волынцевской и роменской культурах.

Форма кубков близка к банковидной. Некоторые из кубков слегка расширены кверху, у других — слегка выпуклые стенки.

Украшались кубки углубленной волнистой линией по плечикам, ямками или отрисками веревочного штампа по краю венчика. Высота их до 10 см.

Сковородки по технологическим качествам делятся на две группы. Большинство из них отличается тщательной выделкой, примесями мелкого шамота и дресвы или песка в тесте, хорошей обработкой поверхности. Основное количество таких сковородок орнаментировано по срезу бортика пальцевыми вдавлениями либо косой насечкой.

Часть сковородок вылеплена из теста с примесями крупнодробленного шамота. Срез бортика неровный и орнаментирован пальцевыми отпечатками. Сковородки памятников типа Луки-Райковецкой и роменской культур иногда украшались прочерченными крестами на внутренней поверхности дна. По профилировке бортиков и внутренней емкости можно выделить четыре вида сковородок, характерных для памятников типа Луки-Райковецкой, волынцевской и роменской культур.

1. Сковородки с отогнутым наружу бортиком и округленной придонной частью. Общая высота бортиков 2—5 см. Верхний диаметр 16—30 см с преобладанием средних параметров (от 16 до 22 см).

2. Сковородки с вертикальным прямым бортиком при слегка закругленной придонной части.

3. Сковородки с сильно отклоненным наружу бортиком и профилированной придонной частью.

4. Сковородки со слабо выраженным бортиком и небольшой емкостью (16—22 см³), мало чем отличающиеся от так называемых дисков-лепешечниц, широко распространенных в памятниках более раннего времени (киевская, колочинская, пеньковская культуры).

Жаровни-противни представляют собой массивные сосуды, предназначенные для просушки зерна или выпечки хлеба. Нередко монтировались наверху печей. У них прямоугольная форма и высокий бортик. Иногда украшались заплатами или пальцевыми вдавлениями по краю или стенкам бортиков. Распространены в культуре Луки-Райковецкой. Довольно часто встречаются на поселениях волынцевской и роменской культур. Лишь из раскопок Волынцевского поселения известно 10 экземпляров противней. Один из них обнаружен в жилище № 44. Это прямоугольное, с округленными боками изделие размерами 0,9×0,6 м. Высота бортиков 0,13 см, толщина 3—5 при толщине дна 2,5 см. Несмотря на большие размеры и внутренний объем, противень очень легкий.

На внешней плоскости дна заметны отпечатки соломы, входившей в состав теста с другими органическими примесями. Под действием огня примеси выгорали, а само изделие становилось пористым, следовательно, легким и теплоемким. Внутренняя поверхность сглажена и покрыта светло-серым ангобом, образовавшимся в результате техники обваривания сильно нагретого изделия мучнистым раствором [Бобринский, 1978.— С. 216—217]. Вероятно, такие керамические изделия с применением специфических приемов изготовления служили для выпечки хлеба. Некоторые из них, в частности смонтированные на верхней части печей и неангобированные, видимо, предназначались для сушки зерна. Последнее не исключает их применения в качестве жаровен для обогрева помещения.

При описании типов лепных сосудов упоминались разновидности орнамента, которым они украшались. Преобладает орнаментация венчиков сосудов — горшков, мисок, сковородок. По технике орнаментации прослежено семь способов украшения среза венчика, среди которых наиболее широко распространены пальцевые, ногтевые отпечатки, защипы. Техника орнаментации стабильная, но композиции орнамента разнообразны в зависимости от частоты, наклона и глубины нанесения компонентов. Нередко встречаются пальцево-ногтевые отпечатки.

Орнаментация пальцевыми вдавлениями характерна для всех памятников волынцевской, роменской культур и культуры Луки-Райковецкой и широко известна в славянских древностях Восточной Европы I тыс. н. э.

Применялась также орнаментация отпечатками круглой в сечении палочки. В зависимости от ее положения во время нанесения отпечатков — торцом или стороной — отпечатки имели разную форму и глубину. Более редкими являются украшения в виде косых ступенек, нанесенных плоскостью ножа. Встречается и орнаментация по срезу венчика, сделанная штампом, отдаленно напоминающим зигзаг.

Часть горшков украшалась по корпусу и венчику. Орнамент, выполненный с помощью палочки, перевитой веревочкой, наиболее характерен для Левобережья Днепра. Отпечатки этим инструментом образуют различные, часто очень сложные композиции. Во многих случаях встречается сочетание названного приема с такими же отпечатками или пальцевыми вдавлениями по срезу венчика. Реже встречается накольчатый штамп, косые отпечатки которого в ряде случаев образовали зигзагообразные узоры. Применялся иногда и линейно-волнистый декор, характерный в основном для гончарной керамики. На некоторые сковородки наносили отпечатки крестов.

Подведем некоторые итоги рассмотрению типологии лепной восточнославянской керамики VIII—IX вв. южных областей. Наиболее широко распространенными являлись формы, определяе-

мые как широкогорлые, стройных пропорций сосуды с высокими плечиками и округлобокие, отличающиеся более узким горлом и более низким расположением плечиков. К западу от Днепра, в памятниках типа Луки-Райковецкой, обе группы сосудов представлены примерно в равном количестве (соответственно 40 и 42 %). На Левобережье Днепра в волынцевской и роменской культурах наблюдается несколько иная картина. Так, для волынцевского лепного керамического комплекса характерно преобладание широкогорлых округлобоких сосудов, в роменской — самыми распространенными являются широкогорлые сосуды с высокими плечиками и узким дном.

Стройные горшки с высоко поставленными плечиками — характерная форма, восходящая к местной посуде зарубинецкой культуры и впоследствии бытующая в пражской культуре V—VII вв. По сравнению с сосудами пражской культуры в зарубинецких сильнее профилирована верхняя часть — шейка и отогнутый венчик, нередко орнаментированный.

Форма округлобокого горшка также издавна бытует на восточнославянских землях и приходит в культуры VIII—IX вв. главным образом через пеньковскую и саховскую, где она широко представлена.

Другие формы лепных горшков — биконическая (10 %), тюльпановидная (8 %) — представлены в культуре Луки-Райковецкой единичными экземплярами. В предшествующий период (V—VII вв.) в пеньковской и колочинской культурах эти формы были основными, а в VIII—IX вв. существовали как пережиток.

Различных форм миски и банковидные кубки в культурах Луки-Райковецкой, волынцевской и роменской известны в единичных экземплярах. Эти формы сосудов редко встречались и в культурах V—VII вв. Шире употреблялись в быту сковородки в V—IX вв. Эволюция этого типа сосудов шла по линии увеличения высоты бортиков, которые в более поздний период чаще орнаментировались по венчику.

Таким образом, большинство форм

восточнославянских лепных сосудов VIII—IX вв. имеет местные корни в керамике V—VII вв. — пражской, пенсковской и колочинской культурах — и отражает преемственность развития местной керамики на протяжении значительного периода времени.

Гончарная посуда на Правобережье Днепра на большинстве поселений культуры Луки-Райковецкой составляет от 5 до 20 % керамического материала. Основная ее масса по технологическим качествам и форме близка к лепной, что свидетельствует о ее местном происхождении. Известны и местные мастерские по ее производству (с. Хреновка Ильинецкого района Винницкой области).

Гончарная керамика представлена изделиями, повторяющими основные формы лепных горшков. Это конусовидные и округлобокие сосуды, составляющие несколько типов, различающихся большей или меньшей выпуклостью и формой плечиков. Венчики горшков отогнутые, с закругленным, косо или прямо срезанным краем. По функциональному назначению большинство горшков кухонные. Отдельные сосуды больших размеров — как лепные, так и гончарные — использовались для хранения припасов.

Гончарные горшки украшались линейно-волнистым орнаментом, покрывающим всю поверхность сосуда. Встречаются также гребенчатые наколы, иногда ямочный орнамент по краю венчика.

На Левобережье Днепра гончарная посуда представлена в волынцевской культуре. На большинстве известных памятников она составляет 5—10 %, в то время как на Битицком городище ее количество достигает 56 % (по материалам раскопок 1985—1988 гг.) (рис. 60, 1—15). Характерной чертой этой керамики является высокий (до 6 см) вертикальный венчик, иногда наклоненный вовнутрь или наружу. Для волынцевской керамики характерно также лощение, покрывающее всю поверхность, или своеобразный орнамент из пролощенных полос, что придавало посуде особую красоту и нарядность. Вместе с декоративными элементами лощение имело практическое значе-

ние — уплотняло поверхность сосуда, делая ее непроницаемой для влаги.

В орнаментации гончарной волынцевской посуды выделено 30 мотивов. Преобладает орнамент в виде фриза из широких горизонтальных вдавленных, пролощенных или врезных линий (37,5 %). Нередко в этом фризе заключена одна врезная волнистая линия, а иногда — многорядная волна. Особо следует отметить специфический орнамент волынцевской гончарной керамики, состоящий из взаимопересекающихся пролощенных линий, образовавших сетку на наиболее расширенной части корпуса. Часто такая сетка размещалась между двумя горизонтальными вдавленными пролощенными линиями.

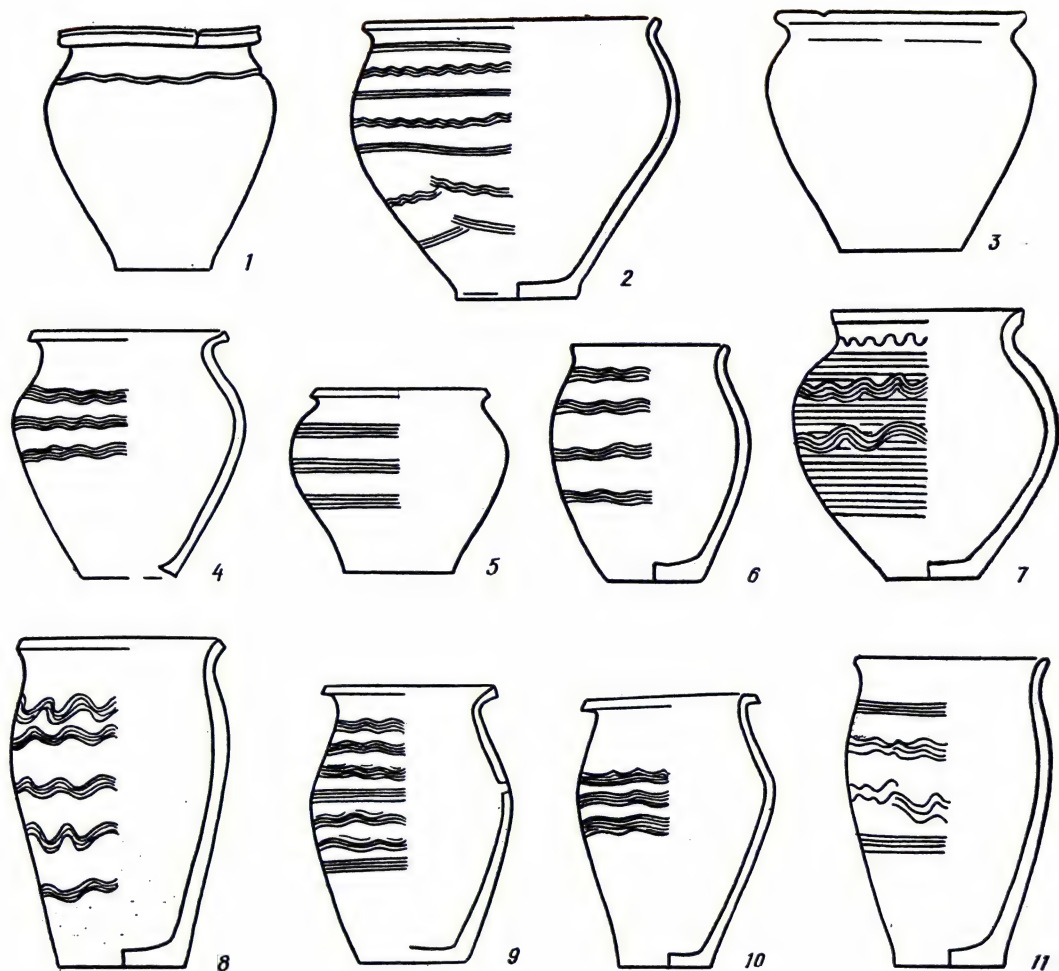
Гончарная керамика VIII—IX вв. представлена кухонными горшками, мисковидными сосудами и кружками. Как и в лепной керамике, первую группу гончарных сосудов составляют конусовидные горшки, у которых отношение диаметра горловины к диаметру дна равно около 3 : 1. Сосуды довольно однообразны по форме и составляют один тип, соответствующий первому типу лепной посуды.

1. Стройные горшки с округлыми, высоко расположенными плечиками, широкой горловиной и узким дном, соотношение диаметров венчика и дна 2 : 1. Венчики сосудов отогнутые наружу или вертикальные. Первая разновидность венчиков характерна для культуры Луки-Райковецкой (рис. 63, 1—11) вторая — для волынцевской. Орнамент большей частью линейно-волнистый, углубленный, на волынцевских сосудах сочетается с лощеным.

Вторую группу, как и в лепной керамике, составляют округлобокие сосуды с более низким расположением плечиков и у которых разница в диаметрах горла и дна меньше. Они составляют три типа (2—4).

2. Округлобокие горшки с максимальным расширением в средней части и слегка наклоненными наружу венчиками. Орнамент — линейно-волнистый, углубленный. Встречаются в памятниках типа Луки-Райковецкой. Соответствуют пятому типу лепных сосудов.

3. Округлобокие приземистые горшки, у которых диаметр боков превосходит высоту (1,2 : 1). Наибольшее расширение в средней части. Отношение диаметров горловины и дна равно 1,7 : 1. Венчик отогнут наружу (в сосудах типа Луки-Райковецкой) или прямой (в волынцевских). Орнамент — линейно-волнистый углубленный, в волынцевской керамике сочетается с лощеным. Соответствует восьмому типу лепных сосудов.

4. Стройные горшки с биконическими, слегка закругленными боками и наибольшим расширением в верхней части сосуда. Диаметр венчиков равен диаметру плечиков. Отношение высоты к наибольшему диаметру 1 : 1,2. Венчик отогнут наружу, с косо срезанным кра-

Рис. 63. Гончарные горшки культуры Луки-Райковецкой:

1—4 — тип I; 5 — тип III; 6, 7 — тип II; 8, 11 — тип XII; 9, 10 — тип IV; 1, 3 — Киев; 2 — Луки-Райковецкая; 4, 9, 10 — Плесенск; 5 — Червенево; 6 — Радванка; 7 — Ревно; 8 — Луг I; 11 — Шумск.

ем. Орнамент — волнистый, углубленный. Встречаются в памятниках типа Луки-Райковецкой. Соответствуют одиннадцатому типу лепных сосудов.

Гончарные мисковидные сосуды представлены в волынцевской керамике тремя типами.

1. Невысокие приземистые сосуды с широким горлом. Венчик отогнут наружу, плавно переходит в выпуклые бока корпуса. Диаметр венчика более чем в два раза превышает диаметр дна. Орнаментация мисок подобна орна-

ментации горшков: пояс из горизонтальных вдавленных, пролощенных или врезных линий в сочетании с вертикальным лощением.

2. Приземистые сосуды с более крупными плечиками и утолщенным венчиком, резко отогнутым наружу. Орнамент: вдавленная горизонтальная линия, опоясывающая сосуд, лощеные вертикальные линии в нижней и верхней частях сосуда. Данный тип преобладает среди мисковидных сосудов волинцевской культуры.

3. Сосуды с коротким усеченно-коническим корпусом, плавными плечиками и загнутым вовнутрь венчиком. Диаметр его в 1,5 раза превышает высоту миски. Несколько отличается композиция орнамента, находящегося в верхней трети сосуда. Расстояние между двумя врезными горизонтальными линиями заполнено врезными дуговидными линиями, обращенными концами кверху. Нижняя часть сосудов покрыта вертикальным лощением. Миски этого типа соответствуют лепным мискам четвертого типа.

К редкому типу гончарной посуды волинцевской культуры относятся кружки цилиндрической формы, плоскодонные, с полукруглой ручкой, украшенные поясами бороздок.

В X в. гончарная восточнославянская керамика переживает новый этап развития. Гончарные горшки становятся технологически совершеннее, с более сложной профилировкой венчиков — манжетовидной и фигурной, характерной для древнерусской посуды. На Правобережье Днепра прослеживается перерастание восточнославянской керамики типа Луки-Райковецкой IX в. в древнерусские типы сосудов X в. Однако лепная и примитивная гончарная керамика продолжает бытовать и в X в. В крупных городах архаические формы исчезают раньше, в периферийных областях они существуют на протяжении всего X в.

Подобная ситуация наблюдается и в роменской культуре на ее позднем этапе (конец X — первая половина XI в.). Для этого времени характерно наличие переходной технологии, когда ручная лепка сосудов сменяется изготовлени-

ем их на круге. При этом сосуды сохраняют традиции роменской культуры, что проявляется в моделировке верхней части горшков по общерусским образцам, между тем как сами сосуды по-прежнему орнаментируются по плечикам характерным веревочным штампом, иногда в сочетании с линейно-волнистым орнаментом. Этот период существования роменских и древнерусских традиций в керамическом производстве отражает процесс вrastания роменской культуры в общерусскую.

6. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ И БЫТОВОЙ ИНВЕНТАРЬ. ОРУЖИЕ. УКРАШЕНИЯ.

В период VIII—IX вв. вместе с социально-экономическим развитием славянского общества, ростом поселений и городищ, а также размеров самих селищ увеличивается количество орудий труда. Они становятся более разнообразными и технически совершенными.

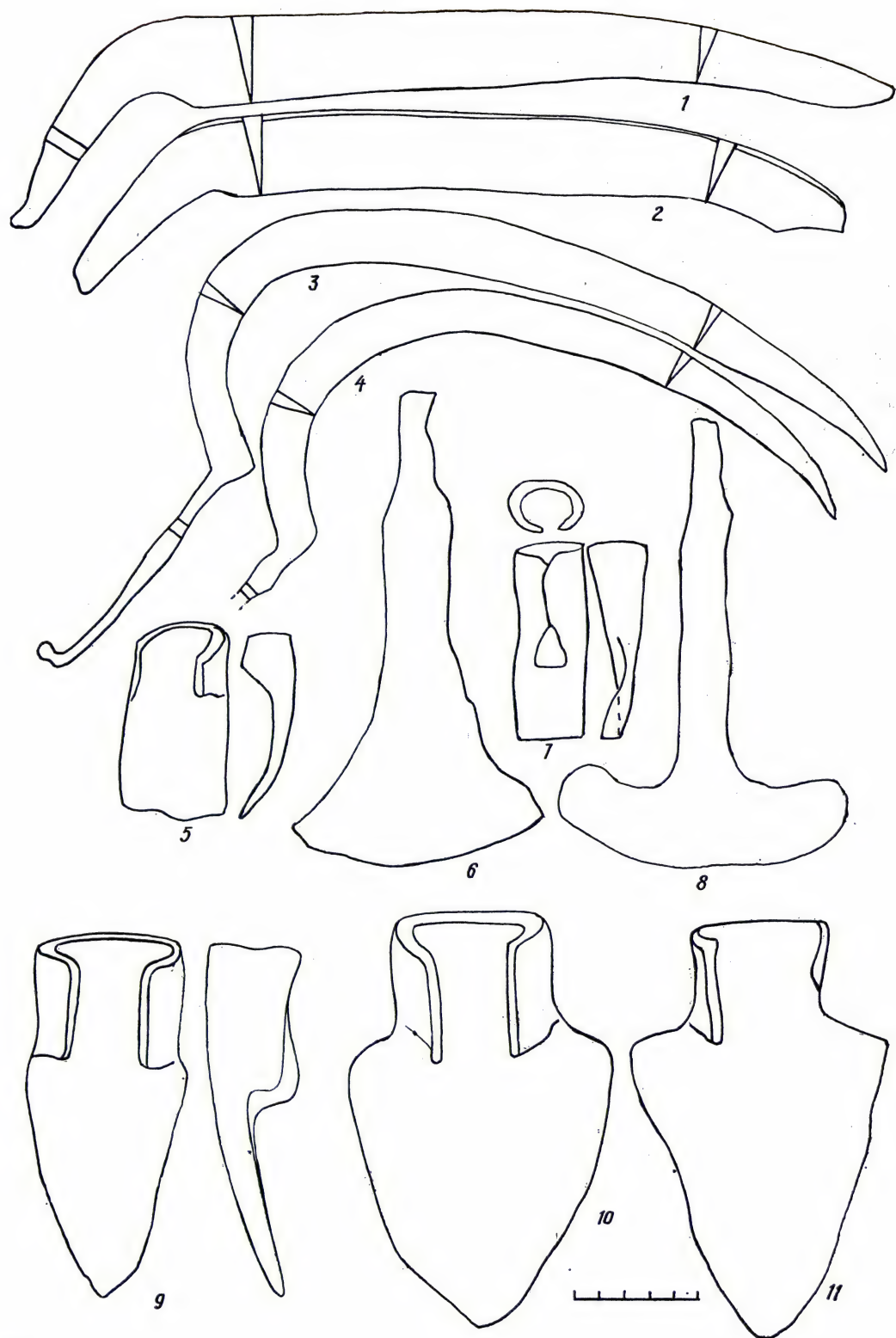
По функциональному назначению все металлические предметы могут быть разделены на следующие группы: земледельческий инвентарь, бытового и хозяйственного назначения, оружие и предметы конской упряжи, снаряжение всадника, украшения.

Земледельческий инвентарь включает орудия возделывания почвы и сбора урожая. К первым относятся узко- и широколопастные наральники и тесла-мотыги, обнаруженные на памятниках типа Луки-Райковецкой, волинцевской, роменской и борщевской культур (рис. 64, 1—11).

В VIII—IX вв. в южной части восточнославянских земель широко применялись широколопастные наральники с плечиками, изготовленные из одного куска железа, длиной 16—22 см при ширине лопасти 8—12 и ширине втулки 6—8 см. По классификации Ю. А. Краснова, они относятся к первому типу [1978.— С. 98—113]. Такие наральники обнаружены на поселени-

Рис. 64. Земледельческие орудия VIII—IX вв.: 1—5, 7, 9 — Битига; 6, 8, 11 — Макаров Остров; 10 — Волинцево.

ях в Сахновке, Макаровом Острове, Григоровке, Хотомеле, Волынцеве, Новотроицком, Битице, Титчихе.

Подобные орудия широко распространены в эпоху Киевской Руси [Довженок, 1961.— С. 74—75]. Известны они и на памятниках салтовской культуры [Плетнева, 1967.— Рис. 38, 8; Михеев, 1985.— С. 131.— Рис. 32].

Примером узколопастных наральников, функционировавших одновременно с широколопастными в I тыс. н. э. на обширной территории Восточной Европы [Краснов, 1982.— С. 69—70] и известных в материалах древнерусских памятников [Довженок, 1961.— Рис. 18, 1; 21, 1, 2], является наральник из жилища № 42 Волынцевского поселения. Он выкован из одного куска железа и имеет следующие параметры: длина (4,7 см) и средняя ширина втулки (6 см) составляют около $\frac{1}{2}$ общей длины наконечника (14 см). Наибольшая ширина лопасти (6 см) приходится на ее верхнюю часть и почти равняется ширине втулки (6 см). Лопасть в продольном сечении загнута в сторону втулки.

Из других орудий, применявшихся для обработки земли, известны мотыжки со втулкой (Канев, Ходосовка, Волынцево, Битица, Новотроицкое, Коробовы Хутора), нередко встречающиеся и в более позднее время. Они небольшие (длина 7,5—8, ширина 2,5—3,5 см), крепились на кривой деревянной ручке. Ими также рубили корни деревьев, выкорчевывали пни. Подобные мотыги широко распространены среди салтово-маяцкого населения Подонья и Приазовья [Плетнева, 1967.— С. 146; Михеев, 1985.— С. 39].

Топоры относятся к типу узколезвийных, проушных, со щеками на обухе. Найдены они на поселениях в уроч. Макаров Остров, Новотроицкое. Более 10 таких топоров обнаружены на Битицком городище. Аналогичные по форме и размерам топоры известны в салтово-маяцкой культуре [Плетнева, 1967.— С. 158, 159; Михеев, 1985].

Основным орудием уборки урожая являлся серп, достигший уже к середине I тыс. н. э. совершенной формы, близкой к серпам эпохи Киевской Руси

и современным. Длина серпов колеблется от 20 до 30 см, длина рукояти 10,5—14 см. Формировались серпы данного типа на обширной территории Центральной и Восточной Европы, занятой племенами пражско-корчакской и пеньковской культур. В VIII—IX вв. серпы этого типа известны на Правобережье Днепра на поселениях Сахновка и Макаров Остров; на Левобережье Днепра в памятниках волынцевской и роменской культур; на Дону, в памятниках боршевской культуры. Серия таких серпов (26) найдена в 1984—1988 гг. на Битицком городище.

Среди археологических материалов VIII—IX вв. известны и косы-горбуши — основные орудия сенозаготовки. Косы выковывались из толстой, клиновидного сечения пластины.

Длина клинков кос по прямой от 30 до 50 см, ширина лезвий от 5 до 4 см. Косы в средней части слабо изогнуты, конец черенка загнут крюком для более прочного крепления с рукояткой при помощи железного кольца, экземпляр которого найден при раскопках Битицкого городища. Известны косы и на других славянских памятниках третьей четверти I тыс. н. э. (Зимно, Городок), и в материалах позднейшего периода (Канев, Волынцево, Новотроицкое). Широко бытуют они и на многих памятниках эпохи Киевской Руси.

Косы, несколько отличающиеся конструктивными особенностями, обнаружены на салтовских памятниках Подонья [Михеев, 1985.— С. 29—32]. С косами связаны инструменты, применявшиеся для их заточки: наковаленка, металлическая бабка, точильные бруски, найденные на Волынцевском поселении, городищах Титчиха, Новотроицкое и др.

К орудиям рыбной ловли относятся одинарные металлические безбородчатые и бородчатые крючки, остроги, пещи, выявленные на многих памятниках (Битица, Титчиха, Монастырище). По форме рыболовные крючки делятся на три типа [Москаленко, 1965.— С. 73]. К первому относятся массивные металлические крючки длиной 8—17 см с бородкой и петлей для лески на про-

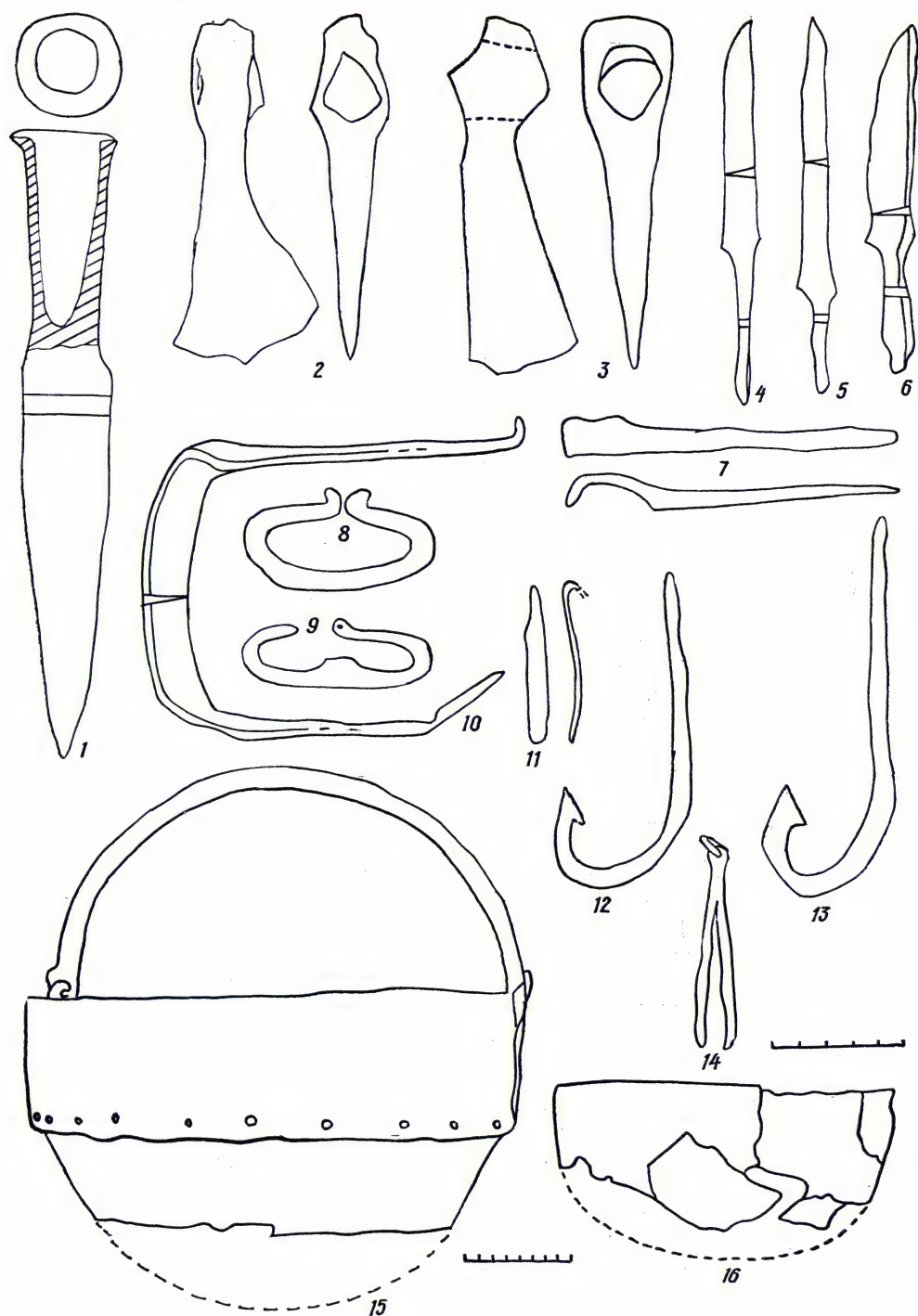

Рис. 65. Орудия ремесла и бытовые вещи VIII—IX вв.:
1, 3—8, 10—16 — Битица; 2 — Макаров Остров; 9 — Волицево.

тивоположном конце. Крючки второго типа не имеют петель для лески, на стержне некоторых из них сделаны насечки. Они несколько меньшей длины (до 8 см). К третьему типу относятся безбородчатые крючки разных размеров.

Разнообразие крючков объясняется специализацией в рыбной ловле. Рыбу добывали также одно- и трехзубыми острогами, насаженными на древко. О ловле рыбы в зимнее время свидетельствуют массивные долотообразные инструменты-пешни. Последние известны на памятниках третьей четверти I тыс. н. э. [Сымонович, 1963.— С. 131.— Рис. 25, 10]. Несколько экземпляров этих орудий найдено при раскопках Битицкого городища (1984—1988 гг.).

Значительную группу составляют орудия, связанные с ремесленной деятельностью: кузнечным, слесарным и ювелирным, обработкой дерева, камня, стекла (рис. 65, 1—16).

Орудия обработки черного металла, применявшиеся в кузнечном и слесарном деле, представлены наковаленками (Мохнач, Донецкое), пробойниками для рубки металла (Канев, Титчиха, Новотроицкое), кузнечными клещами (Решетняки), молотками (Каменное), напильниками и ножницами для жести (Титчиха, Бакота).

К ювелирным инструментам относятся маленькие наковаленки, молоточки, пуансоны (Опошня). Нередко встречаются пинцеты двух типов: с плоскими (Волынцево) и Г-образными губами и кольцом на нерабочей части (Титчиха). Длина пинцетов 12—14 см, расстояние между губами 6—7 мм. Распространение и хронологический диапазон существования подобных пинцетов довольно широки. Так, в Новгороде они встречаются в слоях X—XIV вв. [Колчин, 1953.— С. 20—22].

Более многочисленны и распространены деревообрабатывающие инструменты, так как дерево являлось основным материалом при строительстве и производстве предметов быта. К ним относятся топоры, тесла, скобели, сверла, стамески, ложкари, молотки, долота (Монастырек, Решетняки, Битица,

Новотроицкое, Волынцево, Мохнач). Главное орудие, использовавшееся и в домашнем хозяйстве, и в деревообрабатывающем ремесле,— топор. Технология изготовления топоров разрабатывалась Б. А. Колчиным и В. Д. Гопак. Славянские кузнецы сочетали железо и сталь, чем достигались вязкость тела топора, твердость лезвия и стойкость острия [Гопак, 1976.— С. 10]. Топоры могли выполнять различные функции: массивные в плотницком и лесорубном деле (Битица, Новотроицкое), более легкие — в столярных и бондарских работах.

Долота — инструменты для долбления пазов и выемок в дереве — по способу соединения с рукоятью делятся на два типа: простые и втульчатые. Преобладают первые, представляющие четырехгранный стержень с лезвием на одном конце и обухом на другом. На Волынцевском поселении найдены большое долото (длиной 21 при ширине лезвия 1,4 см) и малое (длина 7, ширина лезвия 0,7 см). Подобные долота обнаружены в Каневе, Новотроицком, Битице.

Инструментами, при помощи которых делались различные выемки в деревянных предметах, были тесла (Монастырек, Битица, Новотроицкое): втульчатые, проушные, а также фигурные. По облику проушные тесла напоминают топор с обухом, ромбовидными щеками и двумя выступами в верхней части, но только с поперечным лезвием, предназначенным для долбления. Общая длина тесел 18—20 см, ширина лезвия 7—8, диаметр проушины 3 см. У втульчатых тесел может быть как прямое (Воргол, Новотроицкое), так и желобчатое лезвие (Новотроицкое, Битица). Еще одним, довольно распространенным инструментом для обработки дерева был ложкарь, или ручной резец для изготовления деревянной посуды. Ложкорезы найдены при раскопках Киева, Канева, Титчихи, Монастырька, Новотроицкого и ряда других памятников. Весьма редкой находкой является поперечная пила для столярных работ. Экземпляр хорошей сохранности происходит из раскопок Битицкого городища. Обломок такой пилы

известен в материалах роменского городища у с. Решетняки.

Известны находки скобелей-стругов — инструментов для снятия коры с дерева. Все они двуручные, с двумя поперечными черенками для крепления деревянной рукоятки, прямым или дугообразным ножевидным лезвием (Битица).

Предметы бытового и хозяйственного назначения составляют самую многочисленную группу вещей — ножи, шилья, бритвы, дужки и петли от ведер, кресала, подковки, замки, гвозди, скобы и пр. Технология их изготовления не сложна и доступна любому кузнецу.

Больше всего найдено ножей — универсальных орудий труда, необходимых и хозяйке, и земледельцу, и воину, и охотнику [Колчин, 1953. — С. 71]. Металлографическое исследование ножей из коллекции Волынцева и Титчихи, сделанное Г. А. Вознесенской, свидетельствует о высоком уровне мастерства местных кузнецов. Из 20 ножей, выявленных в культурном слое городища Титчиха, 11 железных; у 3 на железную основу наварена стальная полоса; 4 ножа изготовлены из стали; у 2 клинок изготовлен при помощи сварки трех полос металла — стальной в центре и железных по бокам. Некоторые железные ножи подвергались цементации. Аналогичные результаты получены при исследовании коллекции ножей из Волынцева. По форме клинка ножи делятся на два вида: с прямой спинкой, клинок которых отделен от черенка перпендикулярным или скошенным уступом, или же с криволинейной спинкой и таким же лезвием.

Ножи подобных типов широко представлены среди древностей середины — третьей четверти I тыс. н. э. (Зимно, Семенки, Степовка, Пастырское), в памятниках салтовской культуры (Сухая Гомольша, Салтово) и древнерусских (Райковецкое городище, Киев, Чернигов, Путивль).

Особо следует отметить единичные экземпляры ножей, отличающиеся от остальных большими размерами и утолщением на месте перехода лезвия к черенку или же наличием на одной стороне лезвия (ближе к спинке) уз-

кой выемки — дола (Новотроицкое, Волынцево, Канев). Авторы раскопок относят такие ножи к боевым.

Универсальными по своему назначению являются также шилья с круглым в сечении острием, которые нередко встречаются на памятниках конца I тыс. н. э. (Монастырек, Канев, Волынцево, Битица, Новотроицкое).

Важным предметом в быту и хозяйстве было калачевидное кресало с язычком с внутренней стороны ударной части (Битица, Новотроицкое, Титчиха). Среди прочих предметов быта частыми находками являются железные дужки и ушки от деревянных ведер, гвозди, стержни, заклепки и др.

На поселениях Волынцево и Титчиха найдены железные бритвы. Изготовление их требовало большой затраты труда и высокой квалификации. Кузнец сначала должен был отковать полосы, затем сварить их вместе, выдерживая определенный температурный режим. Потом бритва проковывалась и клинок лезвия вытачивался на точильном круге. Заключительным этапом ее изготовления была термическая обработка.

Из железа изготавливались также некоторые предметы убора и туалета: одежные и поясные пряжки, подковки для сапог — дугообразные и прямоугольные в сечении пластинки с тремя небольшими остриями, с помощью которых они крепились к каблуку (Канев, Титчиха).

Предметы из глины, камня, кости, предназначенные для бытовых нужд, являлись продуктом домашних промыслов.

К изделиям из глины кроме посуды относятся пряслица от веретен, рыболовные грузила, тигли и льячки для цветных металлов, детские игрушки, другие предметы.

Пряслица, изготовлением которых занимались практически в каждом доме, широко представлены на всех исследованных памятниках. Изготавливались они из хорошо промешанной глины с добавлением мелкого песка, а также из обломков гончарной посуды, стенок амфор и камня. Большая часть пряслиц усеченно-биконической формы

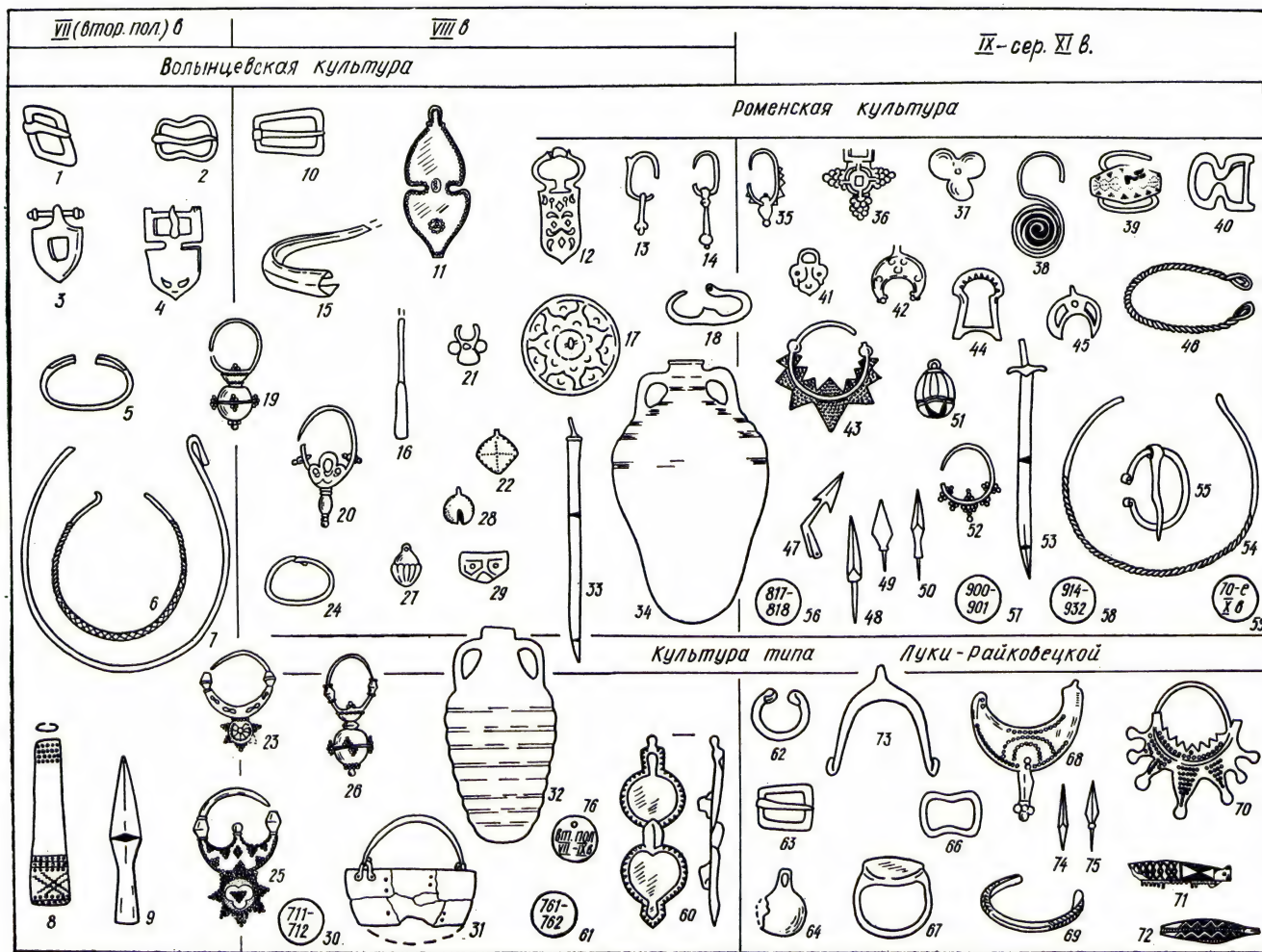

Рис. 66. Синхронистическая таблица культур последней четверти I тыс. н. э.:

1, 3, 4 — Лебяжье; 2, 20, 32, 33 — Битица; 5—7, 11, 12, 15, 19, 23, 25, 26 — Харьвека; 8, 9, 16, 28, 34 — Волынцево; 10, 13, 21, 27, 29 — Ходосовка; 14, 22, 30, 35—37, 43, 47, 52, 56 — Новотроицкое; 17, 18 — Опошня; 38, 39, 40, 41, 44, 46, 54 — Каменное; 42, 51, 53, 57 — Донецкое; 45 — Ницаха; 48—50, 55 — Путивль; 58 — Лухтовка; 59 — Горналь; 60 — Ханска; 61, 64, 65, 68, 69, 71, 72 — Монастырек; 62, 66, 70 — Хотомель; 63 — Канев; 67 — Шумск; 73, 75 — Добриновцы; 74 — Грозенцы; 76 — Кодын.

(средние размеры: высота 2—3,5, диаметр отверстия 0,5—1 см). Встречаются пряслица плоские, односторонне-выпуклые и конические.

Рыболовные грузила изготавливались из той же глины, что и посуда, нередко с примесью шамота. В отличие от пряслиц у них более грубая выделка. По форме их можно разделить на пирамидальные, конические, круглые.

К керамике технического назначения относятся тигельки и льячки. Из числа других поделок можно назвать фигурки животных и детские игрушки из Опошнянского, Новотроицкого и Битицкого городищ.

Наиболее многочисленными изделиями из кости являются проколки, шилья, кочедыки, иглы. Заготовками для них служили острия от расколотых трубчатых костей. Длина орудий колеблется в пределах 8—12 см. Рабочий конец представляет собой заточенное острие с характерной залощенностью. Противоположный конец орудий нередко сделан в виде обработанной круглой головки. Шилья и иглы отличаются меньшими размерами и более тщательной обработкой. Среди костяных изделий известны и ложила, изготовленные из плоских, круглых, чаще всего, реберных костей животных. Длина их колеблется в пределах 12—18 см.

К редким изделиям относятся: рукоятки ножа (Новотроицкое, Малые Будки), штампы для ornamentации керамики (Волинцево), амулеты (Волинцево, Каменное, Титчиха). Следует отметить и большое количество астрагалов, встречающихся почти на каждом поселении.

Изделия из камня представлены жерновами, многочисленными и разнообразными точильными брусками, тиглями. Обломки жерновов найдены в Каневе, Монастырьке, Новотроицком, Битице, на Большом Борщевском городище на Дону и ряде других памятников. Изготавливались они чаще всего из кварцита (Поднепровье) или песчано-глинистого известняка (Подонье). Жернова округлой формы, со сквозным отверстием в центре. На нерабочей стороне некоторых жерновов сделано по одному небольшому отверстию. Точильные кам-

ни изготавливались из песчаника и сланца. Некоторым из них придана форма брусков, большинство же неправильной формы. В небольшом количестве известны и круглые точильные камни из песчаника с прямоугольными отверстиями в центре для закрепления их на оси (Новотроицкое, Битица). Аналогичные точила известны на Екимауцком городище [Федоров, 1953.— Рис. 5, 1, 3], в Саркале [Артамонов, 1962.— С. 59]. Серию (больше 20) составляют небольшие орудия с хорошо обработанной рабочей поверхностью — «утюжки» из Новотроицкого городища. Изготавливались они из песчаных конкреций, расколотых пополам. Единичные экземпляры их известны в Битице, Волинцево.

У восточных славян в VIII—X вв. была широко распространена обработка цветных и благородных металлов. Об этом свидетельствуют не только сами изделия, найденные на поселениях, в погребениях и в составе кладов, но и производство, связанное с обработкой цветных металлов.

Найденные украшения позволяют судить и о технологии их изготовления. Так, большинство украшений из Новотроицкого поселения (браслеты с расширенными концами, пяти- и семилучевые височные кольца, перстни с «усиками», височные провололочные кольца с подвесками в виде гроздей или амфорок и т. п.) изготовлялось при помощи литья — самого распространенного приема обработки цветных металлов как в VIII—IX вв., так и в эпоху Древней Руси. Б. А. Рыбаковым определены его разнообразные приемы: в жестких литейных формах, изготовленных из глины, в которых оттискивалось готовое изделие; литье по восковой модели с сохранением или потерей формы и т. д. [Рыбаков, 1948.— С. 77—86].

Бронзовая матрица для тиснения и штампованные бляшки поясного набора из Новотроицкого городища уточняют время появления в среде восточнославянского населения техники тиснения цветных металлов. В VIII—X вв. появляются сделанные славянскими мастерами тонкие и сложные изделия: височные кольца, подвески, браслеты,

перстни, пряжки, свидетельствующие о высоком искусстве местных мастеров, освоивших технику зерни, принесенную с Востока. В период VIII—X вв. в ювелирном искусстве получил развитие изысканный геометрический стиль (рис. 66, 1—76).

Каталог украшений VIII—IX вв. в значительной мере может быть дополнен кладами вещей этого периода. В состав Харьевского клада VII—VIII вв., обнаруженного в волынцевском сосуде, входили: золотые (4) и серебряные (2) сережки, серебряные плоские подвески (5), серебряные браслеты (10), шейные гривны (5), антропоморфные фибулы (5), серебряная цепь, фрагменты поясного набора [Березовец, 1952].

К более позднему периоду (IX—X вв.) относятся два клада: Новотроицкий и Полтавский 1905 г. В составе последнего — серебряные спиральные височные кольца (10), радимичские семилучевые кольца (2), серебряные браслеты с расширенными концами (8), серебряная гривна ромбического сечения с петлей и ножевидными концами [Макаренко, 1908]. Б. А. Рыбаков считает Полтавский клад старше всех северянских курганов и сопоставляет его с кладом IX в., найденным у с. Ивахники (современные Яхники) Полтавской области, в который входили: пластинчатые антропоморфные фибулы, витые гривны с петельчатыми застежками, заканчивающиеся крылышками, трапециевидные подвески на цепочке, бубенчики, перстни [Макаренко, 1908].

Клад серебряных вещей, найденный у с. Фатовиж на Сумщине и датированный VIII—IX вв., содержал женские украшения — серьги (4) с удлиненными подвесками биконической формы и в виде фигурного щитка, украшенные псевдозернью, пластинчатые браслеты (4), а также части мужского поясного набора — прорезные бляшки (7) и пряжку с зооморфными изображениями лани, зайца, грифона. Характер предметов поясного набора, выполненных в технике литья, их орнаментальные и стилистические особенности близки к позднеаварским частям поясов VIII—IX вв. Фатовижские пояса либо

привозились из Подунавья, либо изготовлялись по их образцам. Остальные предметы клада — местного происхождения.

Украшения VIII—IX вв. славянского населения юга Восточной Европы представлены целым рядом категорий и типов.

Височные кольца — типичные славянские украшения в течение длительного времени — в памятниках VIII—IX вв. известны еще в небольшом количестве. Но уже в это время появляются типы украшений, получившие дальнейшее развитие в X—XII вв. и распространенные в курганных древностях отдельных областей, связываемых с землями летописных племен.

В VIII—IX вв. бытовали перстневидные височные кольца с несомкнутыми (Волынцево, Новотроицкое) или загнутыми вовнутрь (Новотроицкое) концами. Более сложны в типологическом отношении височные кольца волинского типа, широко распространенные в южных районах восточнославянского расселения в VIII—IX вв. В IX в. появляются пяти- или семилучевые височные украшения ранних вариантов, отдельные экземпляры которых украшены ложной зернью (Хотомель, Новотроицкое, Полтава, Титчиха).

Пятилучевые височные кольца из Новотроицкого городища отлиты из низкопробного серебра; их рисунок воспроизводит сияющую звезду. В одном из колец средний луч сильно вытянут, остальные шесть по сравнению с ним короче. Зернь едва намечена. В другом кольце лучи переданы треугольниками, густо покрытыми ложной зернью, словно наизванными на тонкий обруч. С внутренней стороны колечка, против лучей, помещены маленькие треугольники [Ляпушкин, 1958. — С. 26. — Рис. 13]. Новотроицкие и титчихинские кольца так же, как зарайские, составлены из элементов геометрического орнамента. Б. А. Рыбаков отметил близость этих колец к более поздним кольцам радимичей [1948. — С. 104—106].

На территории северян широкое распространение получили серебряные спиральные височные кольца (Каменное, Полтавский клад). По мнению

Б. А. Рыбакова, они происходят от двухспиральных височных колец, распространенных на Днепровском Левобережье в VI—VII вв. Связующим звеном между ними являются височные кольца IX в. из Полтавского клада 1905 г. [Рыбаков, 1949.— С. 75—90; 1953.— С. 68].

Серьги и лунницы в VIII—X вв. были главной составной частью женского убора, отличающегося изяществом и легкостью. Серебряные овальные серьги с шариком в верхней части и блоковидным приспособлением внизу для подвески известны из Битицы, Ново-троицкого и ряда других памятников. Найденная в ювелирной мастерской Каневского поселения литейная форма для отливки серьги свидетельствует о том, что обитатели поселения носили серьги в виде овальной дужки с подвеской — стержнем, имитирующим три вертикально расположенных шарика. Подобные серьги характерны для юга Восточной Европы — Причерноморья [Спицын, 1907.— С. 189—190] и Северного Кавказа [Смирнов, 1951.— С. 113—119].

В памятниках волынцевской, роменской и борщевской культур известны литые серьги салтовского типа с грушевидной и конической подвесками, датируемые С. А. Плетневой второй половиной VIII — началом IX в. [1981.— С. 150.— Рис. 37, 3].

Особого внимания заслуживают серьги из Харьевского клада, по схеме весьма близкие к серьгам из раскопок Пастырского городища. Относительно их происхождения высказывались различные предположения, детально рассмотренные А. И. Айбабиным [1973]. По-видимому, прототипами харьевских серег являлись звездообразные серьги среднедунайского типа, бытовавшие в VII—VIII вв. Сказанное относится и к другому типу серег — с полой шаровидной или каплевидной подвесками [Айбабин, 1973.— Рис. 24, 3—10], которые, по мнению исследователя, являлись прототипами украшений византийского и среднедунайского образца. Не исключается и собственно византийское происхождение некоторых серег Харьевского клада.

На городище Монастырек найдена бронзовая серьга в виде лунницы, украшенная псевдозернью, аналогичная великоморавским древностям IX в.

Шейные украшения представлены ожерельями из бус и гривнами. Арабский путешественник Ибн-Фадлан в X в. писал о любви славянских женщин к пестрым ожерельям и той щедрости, с какой славянские князья оплачивали дорогие ожерелья из бус: «Они [русы] заключают [торговые] контракты относительно них, покупают одну бусину за диргем и нанизывают как ожерелье для своих жен» [Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939.— С. 79]. Среди находок на памятниках VIII—IX вв. преобладали стеклянные бусы, изготовленные в мастерских Ближнего Востока. Среди них лимонovidные, зонные (синие, зеленые), глазчатые — с «глазками» белого, синего, коричневого цветов. К группе глазчатых бус относятся и полосатые («зебристые») нескольких типов. В отдельную группу выделены мозаичные бусы, принадлежащие к типу «Д», по классификации В. Д. Деопик [1961.— С. 232.— Рис. 5, 59—60]. Иногда стеклянные бусы чередовались с бусинами, сделанными из горного хрусталя, сердолика, получивших распространение у населения салтовской культуры. Нередко ожерелья дополнялись лунницами, бубенчиками, монетовидными и округлыми прорезными подвесками.

Г. Ф. Корзухина предполагала, что лунницы появляются в Киевской Руси в X в. довольно внезапно [1954.— С. 64]. Однако с этим нельзя согласиться. Лунницы хорошо знакомы населению Причерноморья еще в позднеэллинистическую эпоху, украшения в виде лунниц известны на памятниках черняховской и киевской культур.

Образцом сложного декоративного искусства, где все элементы, как создающие форму вещи, так и рождающие рисунок зерни, подчинены геометрическому стилю, являются подвески в виде лунниц и звезд из Харьевского клада. Некоторые из них выглядят как тонко изогнутый лунный серп, к которому в середине подвешен круг с выпуклой поверхностью.

Составной частью ожерелий, помимо лунниц, были бубенчики. Сферические серебряные или бронзовые бубенчики с прорезью и рельефным пояском (Волынцево, Опошня, Новотроицкое) характерны для салтово-маяцких и северокавказских древностей [Плетнева, 1967.— Рис. 36; 1981.— С. 179.— Рис. 62]. Три бубенчика происходят из клада, найденного на Битицком городище в 1984 г. Они немногочисленны в материалах раннеславянских памятников. Количество их возрастает в древнерусское время, причем специалисты отмечают их местное происхождение [Седова, 1981.— С. 156.— Рис. 62].

К ожерельям подвешивались трапециевидные подвески (Волынцево), имеющие аналогии в Ивахниковском VIII—IX вв. и более ранних кладах VI—VII вв. Среднего Поднепровья. Разделителями бус в ожерелье служили различные бронзовые и костяные подвески.

Шейные гривны принадлежат к относительно редким находкам рассматриваемого периода. Исключением является Харьковский клад, содержащий более 10 гривен. Все они изготовлены из серебряной ложновитой проволоки. Близкие по форме гривны известны из Ивахниковского клада. Особый интерес с точки зрения ювелирного мастерства представляет пустотелая гривна из Харьевского клада, состоящая из четырех отдельных частей, соединенных между собой [Березовец, 1952.— С. 116].

Бронзовая гривна диаметром 14 см, изготовленная из кованой проволоки четырехугольного сечения, входила в состав Новотроицкого клада. Цилиндрические концы гривны, образующие замок, переходят в крыловидные пластины, загнутые параллельно гривне. На лицевой стороне крыловидных пластин по краю нанесен орнамент в виде зигзагов. Очень близкая по форме серебряная гривна несколько больших размеров входила в состав Полтавского клада. Проволочные бронзовые и железные гривны с простыми замками известны из раскопок могильника у с. Каменное.

Серебряные и бронзовые фибулы не-

скольких разновидностей, встречающиеся в V—VII вв. довольно часто, крайне редки в последующий период. Две литые антропоморфные фибулы VIII в. найдены на поселении Ханска II в Молдавии. Шесть серебряных антропоморфных фибул входили в состав Харьевского клада. За исключением некоторых деталей, изготовлены они по единой схеме, украшены сканью. Две фибулы из Харьевского клада очень похожи на фибулы из клада в с. Ивахники Полтавской области.

Украшения для рук представлены браслетами и перстнями. Среди браслетов выделены витые (Каменное), толстопроволочные (Волынцево, Новотроицкое) и пластинчатые (Буки, Канев, Волынцево, Новотроицкое). По оформлению концов различаются разомкнутые и загнутоконечные браслеты, относящиеся к общеславянским типам.

Наиболее распространенными являются толстопроволочные браслеты с плоскими расширенными концами. Они известны на славянских памятниках третьей четверти I тыс. н. э., бытуют в VII—VIII вв. на волынцевских, распространены на роменских памятниках и в древнерусское время.

Отдельную группу составляли пластинчатые браслеты нескольких видов. Бронзовые браслеты, изготовленные из пластины, которая в средней части склепывалась в проволоку круглого сечения, известны в Волынцевском могильнике, Фатовицком и Харьевском кладах.

Пластинчатый серебряный браслет в полтора оборота с продольным утолщением посередине и расширенными концами найден на Новотроицком городище. Простой пластинчатый серебряный браслет обнаружен в трупоположении на Битицком городище.

Перстни проволочные, витые, пластинчатые, щитковые. Широкий ареал распространения имели щитковые перстни. Находки их известны на поселениях Шумск, Волынцево, городищах Новотроицкое, Титчиха. Подобные перстни обнаружены также в Верхнесалтовском и Борисовском могильниках. Перстень с жуковиной, снабжен-

ной четырьмя лапками и выступами, образующими равноконечный крест, находящий аналогии в венгерских находках IX в., происходит из Григоровского поселения. Пластинчатый перстень, орнаментированный кружками, с утолщенными краями, по которым сделаны насечки, и «усиками» в один оборот с каждого конца, найденный на Новотроицком городище, находит аналогии в ряде памятников Восточной Европы.

Принадлежности костюма, представленные поясными пряжками, застежками, бляшками, пуговицами, относятся к редким находкам.

Серебряные бляшки, антропоморфные, с растительным и зооморфным орнаментом, служили наременными украшениями (Ходосовка, Каменное). Они известны по материалам салтовских могильников [Плетнева, 1967.— С. 163.— Рис. 44]. Застежки и металлические пуговицы найдены на городище Титчиха.

Металлические пряжки выявлены на Каневском поселении. Одна из них — круглой формы, с разомкнутыми концами, диаметром 3,5 см, изготовленная из толстой проволоки, — вероятно, была нагрудной одежной пряжкой [Мезенцева, 1965.— С. 107]. Аналогичные круглые пряжки известны из поселения второй половины I тыс. н. э. Молдавии [Федоров, 1960], Новотроицкого городища [Ляпушкин, 1958.— С. 25] и других древнерусских городов.

Две пряжки из Каневского поселения относятся к поясным. Они обычной — прямоугольной или несколько асимметричной (трапецевидной) — формы и отличаются лишь размерами. К так называемому гитаровидному типу относятся пряжки с поселения Ходосовка и городища Хотомель [Сухобоков, 1977.— С. 61; Русанова, 1973.— С. 19]. Обычно они датируются VII—IX вв.

Лировидная поясная пряжка из Харьевки, по мнению В. Б. Ковалевской, обладает рядом типичных черт VIII—IX вв. [1979.— С. 34].

К предметам туалета относятся зеркала. При раскопках Сосницкого поселения найден обломок небольшого круглого зеркала из белого металла с

радиальными рельефными линиями на оборотной стороне, очень напоминающая ранние зеркала из Салтовского могильника [Мерперт, 1951.— Рис. 22]. Подобное зеркало с растительным орнаментом в виде восьми мелких лепестков и лилий найдено И. И. Ляпушкиным в Опошне. Его связь с зеркалами сармато-аланского круга очевидна и возражений не вызывает [Плетнева, 1981.— С. 150.— Рис. 37].

Еще одно зеркало обнаружено на Новотроицком городище. Оно бронзовое, диаметром 19,5 см, с невысоким плоским бортиком шириной 1,8 см. С одной стороны видны следы припая и орнамент в виде трех concentрических поясов, состоящих из двух врезных линий. Вторая сторона зеркала совершенно гладкая [Ляпушкин, 1958.— С. 30].

Особую группу предметов из железа составляют оружие, снаряжение воина и предметы конской упряжи. Наиболее многочисленны наконечники стрел, типологическая схема которых разработана А. Ф. Медведевым [1966]. Наконечники стрел изготавливались из железа и предназначались для разового применения. Повышенная твердость наконечника достигалась за счет наклепа. Некоторые из них подвергались закалке. Почти все они черенковые, за исключением нескольких экземпляров втульчатых из Каневского и Новотроицкого городищ.

Более распространены черенковые наконечники стрел, которые по характеру поперечного сечения пера делятся на плоские и граненые. Наконечники первого типа в разрезе имеют вид сильно сплющенного ромба или линзы. У наконечников второго типа граненое острие в сечении имеет форму плоского треугольника. Наиболее распространены и простыми являются ромбические наконечники с расширением в средней и нижней частях пера (Канев, Волинцево). Наконечник стрелы с ланцетовидным пером обнаружен на Новотроицком городище.

К граненым бронебойным наконечникам, пробивавшим кольчугу и доспехи, относится пирамидальный трехгранный наконечник из Волинцевского поселения.

Приведенные типы наконечников стрел широко известны на восточно-славянской территории не только во второй половине I тыс. н. э. (Зимно, Хотомель, Пастырское, Семенки), но и в начале II тыс. н. э. (Плеснеск, Колодязин, Новгород, Старая Рязань и др.).

Железные наконечники копий представлены двумя экземплярами из Битицкого и Волинцевского поселений. В материалах раскопок последнего хранится втульчатый наконечник с пером ромбической формы, хорошей сохранности, длиной 22,3 см (длина пера 11,5 см, ширина 3, диаметр втулки 2,5 см). На Битицком поселении обнаружены аналогичные наконечники копий со следами дерева во втулке. Железная втулка дротика в виде конического колышка с притупленным концом найдена на Волинцевском поселении. Почти полную аналогию ему представляют два дротика из раскопок Битицкого городища. Кроме того, здесь же обнаружена серия черенковых дротиков листовидной формы (раскопки 1988 г.).

К предметам оружия ближнего боя относятся сабли (городища Титчиха, Донецкое, Битица), обломки меча (Канев, Новотроицкое), боевые топоры (городища Донецкое, Битица, Ницаха), булавы и кистени. Железный кистень обнаружен на Битицком городище в 1988 г. и булава в 1989 г.

У сабли из Донецкого городища слабо изогнутый однолезвийный клинок длиной 85 см. Длина черенка рукояти 11 см. Возле самого конца на протяжении 15 см клинок сделан двулезвийным. Черенок рукояти слегка отогнут в сторону лезвия. Перекрестье напускное, прямое, сужающееся к концам, к которым прикреплены шарики. По всем признакам сабля относится к группе раннесредневековых VIII—X вв., нередко встречающихся в погребениях салтовской знати [Шрамко, 1962.— С. 304]. Аналогичная сабля хорошей сохранности, но без перекрестья найдена в 1985 г. на Битицком городище.

К защитному вооружению воина относятся обрывки кольчуги и обломки щита из Волинцева. Железный щит в

виде круга диаметром 27 и толщиной 1,2 см со штырьком в центре для крепления петли найден в 1988 г. на Битицком городище. Аналогий ему не известно в материалах синхронных памятников. Орывки кольчуги найдены в захоронении и носят следы пребывания в сильном огне (сохранилось около 70 целых колец, концы которых соединялись заклепками). Прослеживается чередование рядов более тонких и более толстых колец диаметром 0,7—1,2 см. Остатки кольчуги также выявлены на городищах Титчиха, Битица. Снаряжение всадника и его коня представлено пряжками прямоугольной и дугообразной форм, удилами, стременами, шпорами. На Битицком городище представлен почти полный набор предметов конской экипировки, за исключением деталей седел.

7. ХРОНОЛОГИЯ. ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Для датировки восточнославянских древностей VIII—X вв. используются различные методы, в первую очередь данные стратиграфии и типологической разработки датированных вещей. Данные стратиграфии применялись при датировке отдельных жилищ на поселениях Подрожье, Монастырек, Ревное I. На городище у с. Хотомель зафиксированы два культурных слоя, разделенных пожарным, из которых верхний представлял культуру Луки-Райковецкой.

Некоторыми исследователями разработана эволюция славянской керамики периода V—X вв., что дало возможность привлекать ее в качестве датировочного материала. В датировке памятников использованы и новые методы естественных наук — радиоуглеродный и археомагнитный.

Эволюции и культуре славянских древностей Правобережья Днепра типа Луки-Райковецкой уделяли большое внимание многие исследователи [Русанова, 1973; Тимошук, 1976; Приходнюк, 1980; Петрашенко, 1982].

Культуру Правобережья Днепра VIII—X вв. типа Луки-Райковецкой можно разделить на два этапа, разли-

чающихся отсутствием на раннем и присутствием на позднем местной гончарной посуды [Гончаров, 1963; Русанова, 1973]. Такой же точки зрения придерживается Б. А. Тимощук, обозначивший ранний и поздний периоды этой группы памятников как фазы В₁ и В₂ [Тимощук, 1976.— С. 24—30]. Подобной периодизации придерживаются и другие авторы.

О. М. Приходнюк выделил этап формирования культуры Луки-Райковецкой, датированный концом VII — серединой VIII в. и названный им этапом Сахновки [1980.— С. 25—49]. Опорными памятниками в характеристике данного этапа послужили поселения у с. Сахновка в низовьях р. Рось. К этому этапу автор отнес ряд жилищ из поселений у с. Пеньковка в уроч. Луг 1 (жилища № 1, 3, 5, 7, 9, 27), Луг 2 (жилища № 7, 9), Макаров Остров (жилища № 2, 10), первоначально отнесенные Д. Т. Березовцом к памятникам пеньковского типа [Приходнюк, Казанский, 1978]. По мнению О. М. Приходнюка, сахновский этап может быть в будущем выделен и в памятниках более западных областей.

Ряд объектов сахновского типа раннего этапа культуры Луки-Райковецкой датирован концом VII—VIII в. археомагнитным методом: часть жилищ на поселениях Городок и Сахновка — концом VII — началом VIII в., а несколько построек на поселении Бакота — второй половиной VII — серединой VIII в. [Приходнюк, 1975.— С. 46, 47; 1976.— С. 117]. Радиоуглеродным методом одно из жилищ на поселении Подрожье датировано концом VII — началом VIII в. [Русанова, 1973.— С. 24].

Возраст некоторых построек определен обнаруженными в них датирующими вещами: в жилище № 9 городища Монастырек найден арабский дирхем 761—762 гг. [Максимов, Петрашенко, 1980.— С. 7]; в жилище № 20 и неподалеку от него на поселении Ханска II — две бронзовые литые антропоморфные фибулы VIII в. [Рафалович, 1972.— С. 39]; жилища VIII в. поселений Кодын I и II датированы стратиграфически, а также импортной

провинциально-византийской керамикой и серебряной монетовидной подвеской салтовского типа [Тимощук, Русанова, Михайлина, 1981.— С. 91]. На перечисленных объектах обнаружена лепная керамика: округлобокие и конусовидные горшки, большей частью с отогнутыми венчиками, нередко украшенными ямками по краю. Жилища поселения Рашков I, где преобладала лепная посуда, но встречалась и гончарная, датированы археомагнитным методом концом VIII — началом IX в. [Баран, Карчина, Некрасова, 1979.— С. 296].

Комплексы позднего этапа памятников типа Луки-Райковецкой с лепной и местной гончарной посудой датируются вещевым материалом IX в. Некоторые изделия аналогичны материалам Новотроицкого городища Левобережья Днестра IX в. [Ляпушкин, 1958.— С. 185, 188]. К ним относятся: бронзовый пластинчатый браслет с небольшой продольной гранью и пунктирным орнаментом в виде зигзага, найденный на поселении Буки в Восточной Волыни в комплексе с поздней керамикой типа Луки-Райковецкой; бронзовый литой перстень с круглым щитком, обнаруженный в заполнении землянки с печью-каменкой на поселении Шумск; семилучевое височное кольцо с ложной зернью из верхнего горизонта культурного слоя городища Хотомель [Русанова, 1973.— С. 18—19]. Оттуда же происходит «гитаровидная» пряжка IX в. [Русанова, 1973.— С. 19].

На поселении Григоровка на Среднем Днестре возле одного из металлургических горнов найден перстень с жуковиной, снабженной четырьмя лапками и выступами, образующими равноконечный крест; перстень аналогичен венгерским находкам IX в. [Артамонов, 1955.— С. 110].

В культурном слое городища Монастырек выявлена бронзовая серьга в виде лунницы, аналогичная великоморавским древностям IX в. [Максимов, Петрашенко, 1980.— С. 14; Chropovský, 1971.— Р. 233]. В одной из хозяйственных ям этого же городища найден костяной односторонний составной гребень, украшенный геометрическим

орнаментом (сетка, ромбы), который может быть отнесен к IX—XI вв. [Максимов, Петрашенко, 1981.— С. 277; Давидан, 1962.— С. 100—101]. В жилище № 2 городища обнаружен дирхем чеканки 814 г. Из этого же жилища происходит значительное количество гончарной керамики. В ювелирной мастерской Каневского поселения найдена литейная формочка, предназначенная для отливки серьги с подвеской в виде столбика из трех шариков салтовского типа второй половины VIII—IX в. [Плетнева, 1967.— С. 141].

Известны археологические комплексы IX в. и в Северной Буковине, в частности на селище, примыкающем к городищу в с. Ревно (Ревно Ia). На селище исследовано девять жилищ IX в., три из которых перекрыты валами городища, возведенными в X в., и, следовательно, датируются стратиграфически. В жилищах преобладала лепная керамика, сочетавшаяся с гончарной, близкой по форме к лепной, украшенной линейно-волнистым орнаментом. В одном из жилищ найдена железная шпора с отогнутыми крючкообразными петлями, характерная своей формой для времени до X в. [Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981.— С. 92; Кирпичников, 1973.— С. 64]. На Добриновском городище обнаружены две шпоры: одна VIII—IX вв., другая IX—XII вв., что позволяет предположить одновременное их бытование в IX в. [Тимошук, 1976.— С. 42; Кирпичников, 1973.— С. 57, 64]. Более ранняя из шпор найдена на полу наземного общественного дома Добриновского городища.

Большинство находок из поселений Каневского, Макарова Острова, городищ Монастырек, Хотомель и других имеют более широкую дату — VIII—IX вв. или VIII—X вв. Они подтверждают хронологические рамки памятников типа Луки-Райковецкой в целом. Наконечники стрел — втульчатые листовидные и двушипные, а также черенково-ромбовидные и трехлопастные килевидные — имеют широкий хронологический диапазон, охватывающий VIII—X вв. [Медведев, 1966.— С. 56—70]. Наконечники копий листовидной

формы аналогичны наконечникам копий салтовских памятников VIII—IX вв. [Плетнев, 1967.— С. 158—159]. Наконечники копий с удлинненным треугольным пером и сильно скошенными плечиками относятся к VIII—X вв. [Кирпичников, 1966.— С. 13]. Топоры — узколезвийные, проушные, со щечками на обухе — близки по схеме к топорам салтовской культуры VIII—IX вв. [Плетнева, 1967.— С. 158—159].

Лепная и гончарная керамика типа Луки-Райковецкой бытует и в X в., сосуществуя с древнерусской посудой так называемого курганного типа с манжетовидными венчиками. Это наблюдается на Каневском поселении, городищах Монастырек в Среднем Поднепровье, Ревно I Б и III Б в Северной Буковине и других памятниках. В больших древнерусских городах керамика типа Луки-Райковецкой прекращает свое существование ранее, в более периферийных областях существует на протяжении всего X в.

Таким образом, памятники типа Луки-Райковецкой могут быть датированы от конца VII до конца IX в. Этот период подразделяется на два этапа: первый, ранний, включая сахновский тип, датируется концом VII—VIII в. Для него характерна лепная керамика. Второй, поздний, относится к IX в. и включает памятники, на которых сосуществует лепная и гончарная керамика. Последующий X в. относится, по существу, уже к древнерусской эпохе. В это время керамика типа Луки-Райковецкой еще существует, особенно в отдаленных районах Руси, как составной элемент древнерусской культуры.

На территории Левобережья Днепра в лесостепных и граничащих с ними районах Полесья древности V—VII вв. сменяются памятниками волынцевской культуры (VII—VIII вв.), затем роменской (VIII—X вв.), перерастающей в XI в. в древнерусскую. Каждая из этих культур имеет свою хронологию и периодизацию.

Анализ керамического комплекса волынцевской культуры и корреляция с датирующими вещами позволяют расчленить его на три периода: ранний, хронологически соотносимый с коло-

чинскими и пеньковскими памятниками; средний, синхронный древностям типа Сахновски; и поздний, типологически и хронологически близкий к раннему этапу Луки-Райковецкой на Правобережье Днепра.

Для раннего этапа волынцевской культуры характерно сочетание сосудов с округлобоким и слабо расчлененным профилем, а также посуды ребристых форм при отсутствии волынцевской гончарной керамики и подражающей ей лепной. Подобное сочетание форм керамики отмечено и на наиболее близком к Волынцевскому могильнику у с. Лебяжье III, причем на обоих прослежены тождественные детали погребального обряда. Датировка этого горизонта керамического комплекса обоснована бронзовыми и серебряными проволочными браслетами с расплюсченными (Волынцево) или зооморфно оформленными концами (Хитцы), имеющими аналоги в ряде кладов (Колосково, Козиевка, Хацки, Первое Цыпляево) и определяющимися в рамках VII в. V—VII вв. датируются наконецники копий из Княжинского могильника; аналогичный экземпляр найден на Волынцевском поселении. Для памятников VI—VII вв. характерны В-образные пряжки [Ковалевская, 1979.— Табл. XVIII, 18; XIX, 15; Старостин, 1967.— Табл. 19, 13, 14, 20, 22, 24], а для первой половины VII в. — костыльковые застёжки [Генинг, 1979.— С. 101]. На основании этих материалов ранний период волынцевской культуры может быть датирован начиная с середины VII в., чему не противоречит хронология аналогичных предметов в могильниках Южной Таврики [Пудовин, 1961.— С. 184; Амброз, 1971.— С. 120—122].

Для среднего периода характерно наличие горшков 4, 6, 7 и 8 типов (в том числе гончарных), сковородок с более высоким бортиком и красноглиняных амфор с зональным рифлением по плечикам, что является отличительной деталью амфор второй половины VII—VIII в. [Баранов, 1977.— С. 24]. Основанием для выделения этого периода волынцевской культуры служат ранние салтовские импорты и вещи из Харьв-

ского клада: двуштитковые антропоморфные фибулы, звездоподобные серьги VII—VIII вв. [Рыбаков, 1949.— С. 63; Айбабин, 1973.— С. 69—70], лировидные с вытянутыми губами пряжки [Ковалевская, 1979.— Табл. XV, 12], серебряные и бронзовые браслеты с расширенными трубчатыми концами, шаровидные пустотелые подвески с гроздьями зерни, ставшие прототипами для древнерусских височных колец [Корзухина, 1946.— С. 48, 51], восходящих к рубежу VIII в. Некоторые из этих изделий найдены на Волынцевском поселении; обломок раннесалтовского зеркала, по северокавказским аналогиям датируемого рубежом VII—VIII вв. [Мерперт, 1951.— Рис. 2], обнаружен при раскопках поселения близ Сосницы.

Сказанное позволяет датировать средний период волынцевской культуры рубежом VII—VIII — серединой VIII в., тем более что время зарытия кладов на Лесостепном Левобережье определяется началом VIII в. [Корзухина, 1969; Айбабин, 1973.— С. 71; Горюнов, 1971.— С. 81; Приходнюк, 1980.— С. 109—111]. К этому времени относятся некоторые памятники с волынцевскими материалами (Киселевка 2, Ходосовка, Стрелица, Целиков Бугор и др.).

Поздний период Волынцевского поселения по времени в какой-то степени совпадает с раннероменскими памятниками, а на Новотроицком поселении хронологически перерастает в него, будучи связан с ними генетически. Для этого периода жизни Волынцевского поселения, как и для других памятников, характерно наличие керамических комплексов, где наряду с исчезающими формами лепных горшков 1—3 типов сосуществуют сосуды ручной технологии, относящиеся к 4, 7, 8 типам, а также гончарные горшки 1 и 5 типов. Более широко представлены обломки херсонесской красноглиняной амфорной посуды с зональным рифлением верхней части. Выявлено некоторое количество салтовской керамики. По разработанной И. А. Барановым типологии крымских амфор они могут быть датированы рамками VII—VIII вв.

[Баранов, 1971.— С. 24]. Однако А. Л. Якобсон допускает их существование в более широких хронологических границах — вплоть до IX в. включительно [1979.— Рис. 12, 3].

Абсолютная хронология позднего периода жизни Волынцевского поселения определяется наличием импортных предметов салтовского происхождения, характерных для алаано-болгарских памятников конца VIII—IX в. [Плетнева, 1967.— Рис. 36; 1981.— Рис. 37, 2]. Сюда же относятся бронзовые серьги (Ходосовка), которые, по Н. Я. Мерперту, датируются второй половиной VII—VIII в. [1951.— С. 24—25.— Рис. 2], а С. А. Плетнева считает возможным датировать их второй половиной VIII—началом IX в. [1981.— Рис. 37, 3]; серебряные бляшки, антропоморфные и с растительным орнаментом (Ходосовка). По аналогии с северокавказскими могильниками их возраст определяется в пределах конца VII—начала IX в. [Ковалевская, 1979.— Рис. 3, 21]. В рамки VIII—начала IX в. вписываются стрелы с плоским ромбическим наконечником, обнаруженные на Волынцевском поселении и в раннем горизонте Новотроицкого городища. В состав позднего волынцевского керамического комплекса входят горшки, кубышка и плоская миска гончарной технологии (Волынцево), ближайшие аналогии которым известны в материалах Дмитриевского катакомбного могильника [Плетнева, 1981.— Рис. 46, 9, 11, 12, 15; 47, 7]. Все сказанное дает основания датировать поздний период волынцевской культуры рубежом VIII—IX вв. Волынцевской культуре в целом синхронна культура Луки-Райковецкой (ранний период) Правобережья Днепра.

Следующий период истории населения Левобережной Украины находит отражение в памятниках роменской культуры [Ляпушкин, 1961.— С. 234; Сухобоков, 1975.— С. 83; Седов, 1982.— С. 136 и др.] и в целом не вызывает сомнений. Однако масштабные исследования памятников роменской культуры, проведенные в 70—80-х годах [Сухобоков, Иченская, Юренко, 1976; 1979; Башилов, Куза, 1977; Узянов,

Смирнов, Верещинский, 1979; Григорьев, 1983 и др.], свидетельствуют о том, что не все роменские памятники одновременны. По мнению О. В. Сухобокова, некоторые особенности поселений и обнаруженные на них материалы позволяют выделить ранне- и позднероменскую хронологические группы изучаемых памятников.

К раннероменскому периоду О. В. Сухобоков относит городища и поселения, близкие к памятникам предшествующего времени, то есть волынцевской культуры (Опошня, Новотроицкое). Размещение их на останцах и мысах при незначительности оборонительных сооружений или даже отсутствии последних выделяет данные памятники из круга классических роменских поселений и сближает с памятниками третьей четверти I тыс. н. э. Об этом свидетельствует и керамический комплекс, существенно отличающийся от типичного роменского (отсутствие традиционного роменского гусеничного орнамента на плечиках сосудов, наличие глиняных дисков и сковородок с низким бортиком, сосудов баночной или тюльпановидной формы и т. д.).

Нижняя граница существования Новотроицкого поселения по совокупности находок и украшений определяется второй половиной VIII в., а верхняя — на основании монетных находок (дирхемы 711/712—818/819 гг.) и салтовской керамики — IX в. Таким образом, раннероменский период датируется второй половиной VIII — концом IX в. [Сухобоков, 1985.— С. 130].

К позднероменской хронологической группе памятников относятся поселения, продолжающие свое существование после рубежа IX—X вв. (Ницаха на р. Ворскле, Каменное на р. Псел, Лухтовка на р. Сейме, Горбовское городище на р. Десна и др.). О непрерывности существования роменских поселений в VIII—X вв. в более позднее время свидетельствуют стратиграфические наблюдения, отмечающие отсутствие стерильных прослоек или слоев пожара между роменскими и древнерусскими отложениями. Так, в верхнем слое Большого Горнальского городища обнаружены саманидские дирхе-

мы 70-х годов X в. и отчеканенный при халифе Муктадире в первой трети X в. [Куза, 1981.— С. 29].

На позднем этапе роменской культуры лепная роменская и гончарная древнерусская керамика конца X — первой половины XI в. сосуществует. Такие материалы найдены на городище Монастырище, у сел Гочево, Красное Утро, Ницаха и др. Интерес представляют материалы Горбовского городища, где в закрытых комплексах обнаружены лепные роменские сосуды совместно с горшками древнерусского типа, датируемые первой половиной XI в. [Григорьев, 1983.— С. 254—255].

Таким образом, поздний этап роменской культуры соответствует X — первой половине XI в. Общие хронологические рамки культуры в целом определяются второй половиной VIII — первой половиной XI в. [Сухобоков, 1985.— С. 129—131] (рис. 66).

Сопоставляя лево- и правобережные древности, следует отметить синхронность значительной части периода существования роменской культуры и позднего периода культуры Луки-Райковецкой (IX—X вв.). Наиболее ранние из роменских памятников сопоставимы с волынцевскими и ранними памятниками типа Луки-Райковецкой (VIII в.). Следует также отметить, что роменская культура существует дольше культуры Луки-Райковецкой, доживая до середины XI в. Обе эти культуры отражают перерастание восточно-славянской культуры в древнерусскую.

8. СОЮЗЫ ПЛЕМЕН И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

По данным летописей, у восточных славян перед образованием Киевской Руси существовало 14 больших групп племен: поляне, древляне, волыняне (дулебы, бужане), уличи, тиверцы, хорваты, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, ильменские словене.

Упоминания в летописях и других источниках дулебов и северян в связи с событиями VII в. указывают на вре-

мя формирования этих объединений. Так, дулебы упоминаются в летописи в годы правления византийского императора Ираклия (610—641). Византийский хронист Феофан называет северян на Дунае во время прихода болгар в конце VII в. Другие объединения восточных славян упоминаются в источниках IX—X вв. Географ Баварский в конце IX в. знал волынян, бужан, северян, уличей. Византийский император Константин Багрянородный в X в. упоминает кривичей, дреговичей, северян, древлян, уличей и неизвестные летописи племени. Некоторые названия племен знали арабские писатели IX—X вв.

Начало изучения летописных племен относится к концу XIX в. В трудах поднимались вопросы исторической географии племен (Н. П. Барсов, С. М. Середонин), содержания понятия летописных племен. А. А. Спицын и А. А. Шахматов считали эти племена древними этническими образованиями, В. И. Ключевский и С. М. Середонин — поздними территориальными объединениями.

Первая историко-археологическая карта древнерусских племен была составлена А. А. Спицыным [1899]. Исследовав инвентарь курганов X—XIII вв., ученый пришел к заключению, что определенные типы женских украшений концентрируются в местах расселения племен, названных летописью.

Большое внимание «летописным племенам» уделяли советские исследователи [Арциховский, 1930; Рыбаков, 1932]. После дискуссии между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским (1937 г.) о правомочности отнесения древнерусских памятников X—XIII вв. к «летописным племенам» основное внимание было обращено на изучение восточнославянских древностей второй половины I тыс. н. э. — времени формирования племенных объединений. Было определено социальное содержание этих образований как крупных союзов племен, сложившихся в конце первобытнообщинного строя и постепенно переросших в феодальные «княжения» (этим словом летопись на-

зывает восточнославянские объединения).

Многими исследователями опубликованы труды, посвященные отдельным памятникам, группам близких памятников и увязке их с союзами племен, упоминаемых летописью. Созданы также сводные обобщающие труды по всем упоминаемым летописями союзам племен [Третьяков, 1948; 1953; Рыбаков, 1982; Седов, 1982].

Летописные союзы племен занимали обширные территории, равные нескольким современным административным областям. Союзы объединяли около десятка отдельных племен, имена которых впоследствии были забыты. Обычно сохранялось общее название союза, которое могло быть именем одного из племен или новым названием.

В письменных источниках сохранились сведения о больших союзах племен у западных славян — лютичей и бодричей, состоявших из ряда племен, носивших каждое свое имя.

На восточнославянских землях в некоторых областях на основании анализа погребального обряда удалось выделить отдельные племена, входившие в союзы радимичей (8 племен) и вятичей (6 племен) [Соловьева, 1956]. Предположив, что и другие союзы включали такое же количество племен, на землях славян можно насчитать более сотни племен.

Археологические памятники свидетельствуют о том, что культура восточных славян на широкой территории отличалась единством. Широко распространены неукрепленные поселения, углубленные в землю и наземные постройки с бревенчатыми стенами, обогревавшиеся каменными и глиняными печами. В погребальном обряде преобладала кремация на стороне с последующим захоронением останков.

Вместе с тем памятники восточных славян образуют ряд локальных групп со своими этнографическими особенностями, которые чаще всего проявляются в характере обогреваемых сооружений, деталях обряда, керамике, украшениях.

В вышедших трудах, посвященных увязке данных летописей о землях

«княжений» с локальными группами археологических памятников, использовались материалы разных периодов: от VI—VII до XII—XIII вв. Некоторые локальные варианты славянской культуры можно проследить и в VI—VII вв. Однако для этого периода многие исследователи подчеркивают и культурное единство славян. Древним авторам в то время были известны обширные славянские объединения (анты, склавины). Не все «княжения» упоминаются в письменных источниках этого времени, и не все они освоили свои «земли».

В данном разделе мы рассмотрим локальные особенности восточнославянской культуры VIII—X вв. — периода реального существования «княжений». Новый материал, накопленный в последние годы, хотя и не во всех областях одинаково полноценный, позволяет предварительно определить особенности культуры «княжений» этого периода. Локальные особенности восточнославянской культуры еще сохраняются в XI—XIII вв., однако выходят за хронологические рамки данной книги.

Исследователи неоднократно отмечали близость культуры юго-западных восточнославянских племен и трудность в выявлении ее местных особенностей. В VIII—X вв. на землях летописных полян, древлян, волынян, уличей, тиверцев и хорватов сложилась единая археологическая культура, получившая в литературе наименование Луки-Райковецкой. Вместе с тем некоторые этнографические особенности в отдельных районах распространения этой культуры, уже отмечавшиеся в литературе, позволяют связывать их с летописными союзами племен.

В истории восточнославянских племен особая роль принадлежала полянам и полянскому племенному «княжению», расположенному в Среднем Поднепровье, ставшим ядром Киевской Руси.

По данным летописи, поляне — «мужи мудри и смыслени» — обитали по Днепру, в Киеве, им принадлежали города Вышгород, Васильев, Белгород. Летопись объясняет название «поляне» тем, что обитали они в поле — «в поле

седяху» (подразумевается полоса Лесостепи с безлесными участками). Полянами были и первые, известные летописи киевские князья Кий, Щек, Хорив.

Первоначально в исторических трудах полянам отводили небольшой район Киевского Поднепровья [Барсов, 1885; Середонин, 1916; Мавродин, 1946]. Впоследствии на основании материалов могильников и некоторых других данных была определена более обширная полянская территория, включающая Киев, Любеч, Чернигов, Переяславль [Рыбаков, 1947; Русанова, 1966].

К полянским древностям относятся поселения и городища VIII—X вв. на территории Киева и Киевщины. Наиболее широко на Киевщине исследованы поселения Монастырек, Каневское, Сахновское [Максимов, Петрашенко, 1988; Мезенцева, 1965; Приходнюк, 1976]. На поселениях сооружались полуземлянки со столбовой или срубной конструкцией стен и отопительными устройствами — печами, сложенными из камня, глины или каменно-глиняными.

В IX—X вв. была заселена значительная территория древнего Киева — от Кирилловских высот до Печерска. Постройки древнего города на Старокиевской и Замковой горах, а также в различных районах Подола отличались большим конструктивным разнообразием и сложностью по сравнению с сельскими поселениями. Кроме обычных для сельских поселений жилищ, частично углубленных в землю, в древнем Киеве, особенно в районе Подола, сооружались наземные срубные дома. В центральной части древнего Киева уже в X в. возводились каменные и кирпичные дворцы феодальной знати, христианские храмы, сменившие языческие капища [Толочко, 1982.— С. 33—62].

Некрополи полянской знати исследовались в XIX — начале XX в. В. Б. Антоновичем, Н. Беяшевским, В. В. Хвойкой, на Левобережье Днепра — Д. Я. Самоквасовым, а в советское время — Д. И. Блифельдом, С. С. Ширинским.

Для IX—X вв. характерен обряд

кремации на стороне и месте погребения. Безурновые и реже урновые погребения совершались на горизонте и в насыпи на глиняных площадках, характерных для полянских захоронений [Седов, 1982.— С. 108].

В X—XII вв. получает распространение обряд ингумации в глубоких могильных ямах. Для полянских погребений характерны различные деревянные конструкции (срубы и пр.). В рядовых захоронениях инвентарь не богат. Наиболее типичными височными украшениями для юго-западной группы восточных славян явились перстнеобразные височные кольца со сходящимися концами или в полтора оборота.

Вокруг Киева и Чернигова — формирующихся городских центров — сохранились огромные языческие некрополи IX—X вв. с дружинными погребениями феодальной знати. Захоронения, совершенные по обрядам кремации (Черная Могила в Чернигове и др.) [Рыбаков, 1949] и ингумации, свидетельствуют о сложных погребальных обычаях знати. Классификация дружинных погребений IX—X вв. Среднего Поднепровья, включающих захоронения с конем, разработана Д. И. Блифельдом [1977]. В дружинных погребениях знати сохранился богатый и разнообразный инвентарь.

Предшественниками полянских подкурганых погребений в глубоких ямах В. В. Седов считает труположения VI—VII вв. Среднего Поднепровья (типа Балаклеи и Поставамук), в свою очередь, восходящие к черняховскому и скифскому обрядам, что отражает иранский этнический компонент в составе среднеднепровских полян. Преемственность обряда ямных труположений в Среднем Поднепровье подтверждается преемственностью антропологических типов — скифского, черняховского и полянского [Седов, 1982.— С. 112].

Значительный интерес представляет состав керамического комплекса полянской земли VIII—IX вв. Кроме форм, характерных для культуры Луки-Райковецкой Правобережья Днепра, на Киевщине и Каневщине встречаются сосуды, форма и орнамент которых ана-

логичны волынцевской и роменской культурам Левобережья. Так, волынцевские материалы на Правобережье Днепра обнаружены на поселениях в Ходосовке и Обухове, роменские — в Киеве. Разнообразие керамических типов на поселениях, расположенных на правом берегу Днепра, можно думать, обусловлено оживленными связями между группами населения Правобережья и Левобережья.

Рассмотрение особенностей материальной культуры жителей полянской земли позволяет предположить следующие характерные черты: 1) разнообразие в устройстве отопительных сооружений жилищ; 2) деталь обряда кремации в виде глиняных площадок в курганах; 3) сочетание в керамическом комплексе типов сосудов, свойственных трем культурам — Луки-Райковецкой, волынцевской и роменской.

Сочетание нескольких культурных элементов в керамике и отопительных сооружениях, очевидно, связано с местоположением Киева и Киевщины в зоне стыка трех археологических культур — волынцевской, роменской и Луки-Райковецкой [Этнокультурная карта..., 1973.— С. 119]. Расположение древнего Киева на оживленной водной магистрали способствовало притоку на территорию Киевщины населения из различных восточнославянских областей [Рыбаков, 1982.— С. 98—107; Толочко, 1983.— С. 32—33], что не могло не повлиять на сложение особенностей полянской культуры.

К северо-западу от полян, в области Восточной Волыни, находились земли древлян, получивших свое имя, как объясняет летопись, по лесистой местности их проживания («...зане седоша въ лесехъ»). Древлянам принадлежали города Искоростень и Вручий.

По данным летописи, в середине IX в. киевские князья Аскольд и Дир воевали с древлянами. Запись 885 г. свидетельствует о том, что древляне при князе Олеге в конце IX в. были подчинены его власти. Вместе с тем столкновения древлян с киевскими князьями продолжались до 945 г., когда во время сбора дани древляне убили князя Игоря. В то время у древлян правил

племенной князь Мал. После убийства Игоря княгиня Ольга возглавила военный поход против древлян, они были разбиты, а город Искоростень сожжен. В результате древляне окончательно подчинились власти киевских князей.

С конца XIX — начала XX в. велись раскопки древлянских курганов. Наиболее значительные работы проводились С. С. Гамченко, В. В. Завитневичем, В. Б. Антоновичем, Ф. Р. Штейнгелем, Я. В. Яроцким. Территория расселения древлян определялась по-разному. Так, М. П. Барсов [1885] и Л. Нидерле [1956] размещали их между реками Припятью, Горынью и Тетеревом; С. М. Середонин [1916] отодвигал их земли к востоку до Киева.

В советское время раскопки древлянских курганов продолжены С. С. Гамченко и И. Д. Левицким. В послевоенные годы древлянские курганы исследовались у сел Ракитно, Мирополь Ю. В. Кухаренко [1969] и у сел Буки, Межиречка, Мирополь И. П. Русановой [1973.— С. 26—30]. На основании анализа одной из деталей погребального обряда — наличия характерной зольно-угольной прослойки в насыпи курганов XI—XII вв. — ею определена территория древлян [Русанова, 1960]. Границы расселения древлян проходили на западе по р. Случь, на юго-востоке — в междуречье рек Тетерев и Роставица, на востоке — по р. Здвиж и в нижнем течении рек Тетерев и Уж. Северную границу древлянской земли можно предположить южнее болотистой местности на правом берегу Припяти, так как в курганах правого берега реки возле города Турова преобладали дреговичские признаки [Седов, 1982.— С. 104].

Древности VIII—X вв. древлян Восточной Волыни послужили эталоном при выделении ареала памятников типа Луки-Райковецкой. Поселения этого времени на Восточной Волыни исследовались в уроч. Лука у с. Райки [Гончаров, 1963.— С. 283—315], у сел Тетеревка, Буки, Шумск [Русанова, 1973.— С. 35—37]. Жилища на исследованных поселениях представлены полужемлянками со стенами срубной и

столбовой конструкций, обогревавшими печами-каменками.

Могильники этого времени раскапывались у сел Шумск, Мирополь, Миляновичи [Русанова, 1973.— С. 37—45], Селец [Кухаренко, 1968]. Погребальный обряд — кремация в стороне от места погребения. Захоронения бескурганные (урновые, ямные) и курганные. Под курганной насыпью остатки кремации помещались в насыпи или на горизонте, иногда в ямки, обычно без урны. Иногда встречаются трупосожжения на месте. В X в. появляются подкурганные захоронения по обряду ингумации на горизонте, характерной деталью которых, как уже отмечалось, была зольно-углистая прослойка в насыпи. Нередко встречаются деревянные гробы, иногда — колоды. Распространенной деталью древлянских курганов являются окружавшие их кольцевые канавки с остатками частокола. Некоторые курганы сохранили каменные конструкции (обкладки, вымостки, кладки, насыпи).

В керамике древлянских поселений VIII—X вв. ведущей формой сосудов были конусовидные, хотя известны округлобокие и биконические.

Место обитания трех племенных объединений — дулебов, бужан и воляний — летопись связывает с рекой Буг: «Дулебы живяху по Бугу, где ныне воляняне», «бужане, зане седоша по Бугу, после же воляняне» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 13—14]. По мнению большинства исследователей, это был Западный Буг. Судя по приведенной записи, дулебы и бужане — более древние объединения, сменившиеся впоследствии объединением воляний. О взаимоотношениях летописных наименований дулебов, бужан и воляний в литературе высказывались различные суждения: смена названий (М. П. Барсов, Л. Нидерле, Б. Д. Греков), переселение племен (А. А. Шахматов) и др.

Дулебы — одно из наиболее ранних восточнославянских объединений — существовали уже в VII в. Так, ко времени правления византийского императора Ираклия (610—641 гг.) летопись относит нападение аваров на дулебов: «си же орби воеваху на словенах, и при-

мучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебским» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 14].

По мнению В. Д. Барана, территория дулебов определяется в Западной Волини путем сопоставления археологической карты раннеславянских поселений V—VII вв. пражского типа (Репнев II, Зимно и др.) и карты топонимов, производных от названия дулебов [Баран, 1972.— С. 131—133]. Обе карты в основном совпадают. В ряде случаев топонимические названия дулебов выходят за пределы Западной Волини, что свидетельствует об инфильтрации части дулебских племен в западном и юго-западном направлениях. Письменные источники знают дулебов в Восточной Европе, Чехии и на Балканах.

Расселение дулебов подтверждается и археологическими материалами — близостью древностей VI—VII вв. Западной Волини, Верхнего Днестра, Чехии, Словакии, Закарпатья [Баран, 1972.— С. 132].

В. В. Седов считает, что дулебы представляли собой обширное объединение, которое может быть связано с памятниками VII—VIII вв. — частью пражско-корчакских и типа Луки-Райковецкой в области между Средним Днепром и Закарпатьем. Косвенным подтверждением существования в VII—VIII вв. обширного дулебского объединения может служить близость курганных древностей IV—XII вв. юго-западной группы летописных племен — воляний, древлян, отчасти дреговичей, что неоднократно отмечалось в литературе [Седов, 1982.— С. 92].

Многие исследователи считают, что бужане, лучане и воляняне были позднейшими территориальными объединениями, связанными с городами Волинь, Бужск, Луцк, сменившими прежнее этническое объединение дулебов (Л. Нидерле, Б. Д. Греков). Однако в литературе высказывались и иные точки зрения.

Существует мнение, что летописные бужане обитали не на Западном Буге, а на Южном, верховья которых территориально сближены. Б. А. Рыбаков обратил внимание на различное написание в летописи названия р. Буг в

двух отрывках: «Дулебы же живяху по Бугу, кѣде ныне Вельныяне» и «Бужане зане сѣдоша по Бугу, послеже же Вельныяне» [Рыбаков, 1982.— С. 236]. Различное написание названия реки — «Бѣг» и «Буг» — и одинаковое написание реки «Буг» и населения «Бужане», позволяет предположить, что в летописи идет речь о различных реках и «бужане» обитали на Южном Буге. Здесь же размещает «Бужан» и М. Ю. Брайчевский, основываясь на одновременном упоминании Географом Баварским и волянян, и бужан. Вкладывая в слово «послеже» пространственное значение («за», «далее», то есть западнее), исследователь считает, что бужане жили по Южному Бугу, а воляняне — по Западному [Брайчевский, 1968.— С. 140].

Наиболее поздним объединением, судя по летописным текстам, было волянянское. Вместе с тем упоминание Географом Баварским бужан и волянян в конце IX в., а летописью в 907 г. дулебов свидетельствует, возможно, о том, что прежние племенные названия частично сохранились и после образования объединения волянян.

Мнение польских историков (С. Кучинский и др.) об обитании по Западному Бугу западнославянских племен «лендзян» лишено оснований, так как по фрагментарным упоминаниям письменных источников невозможно установить, кто были «лендзяны» и какую территорию они занимали [Баран, 1972.— С. 136].

Территория обитания волянян уточняется по курганным древностям IX—X вв. В конце XIX — начале XX в. курганные могильники волянян исследовались В. Б. Антоновичем, Е. Н. Мельник, Ф. Р. Штейнгелем, К. Гадачеком, а в 20—30-х годах — Т. Сулимирским.

В советское послевоенное время курганы волянян изучали И. Д. Старчук, Ю. В. Кухаренко, И. П. Русанова и др. Особый интерес для определения территории волянян и характерных особенностей волянских захоронений представляют курганы VIII—X вв., исследованные Ю. В. Кухаренко у с. Головно Волянской области [1961.— С. 31—32]. Размещались они небольшим груп-

пами на пойменных лугах, причем нередко попарно — большой и рядом маленький. В курганах под насыпью, а иногда и в верхней ее части находилось кострище, огражденное кольцевой деревянной стеной. Сожжение производилось на месте погребения и в стороне. Размещая волянян в Западной Волини, исследователи на основании курганных древностей VIII—IX вв. уточнили территорию их обитания между реками Западный Буг, Припять, Случь и водоразделом притоков рек Припять и Днестр [Седов, 1982.— С. 96].

На очерченной территории исследовались поселения VIII—IX вв. у сел Решнев I, Городок, Подрожье, Ромош, Подгорцы (хут. Плеснеск), городище у с. Бабка на р. Стыр. На поселениях волянян сооружались прямоугольные полуземлянки столбовой конструкции. Обогревались помещения глиняными печами, количественно преобладающими, а также печами-каменками и каменно-глиняными. Форма глиняных сосудов на этой территории конусовидная и округлобокая.

В X в. у волянян получает распространение обряд ингумации. Захоронения совершались на горизонтах, в ямах и насыпях курганов; использовались деревянные гробы и более мощные конструкции [Тимофеев, 1961].

На южной окраине восточнославянских земель обитали союзы племен уличей и тиверцев. Летописные сведения о месте проживания этих союзов племен носят противоречивый характер. «Повесть временных лет» сообщает, что уличи вместе с тиверцами жили по Днестру: «присядяху к Дунаеви... оли до моря» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 14]. В Ипатьевской летописи упоминается, что эти племена жили «по Бугу и по Днепру и присядяху к Дунаеви ... оли до моря» [ПСРЛ.— Ч. 2.— С. 938].

Из летописей узнаем, что во второй половине IX в. киевские князья воевали с уличами, стремясь их подчинить. Еще в середине IX в. с уличами вели борьбу Аскольд и Дир [Новгородская первая летопись.— С. 106]. Под 885 г. сохранилась запись о «рати» с уличами князя Олега [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 20].

Упорная борьба киевских князей с уличами продолжалась и в первой половине X в. В 907 г. во время похода князя Олега на Византию уличи в составе русского войска не упоминаются, что может свидетельствовать о самостоятельности в эти годы союза уличей. В Новгородской первой летописи описана борьба с уличами воеводы князя Игоря — Свенельда (922—939 гг. и вторичная запись 940 г.). Свенельд «примучил» уличей, возложив на них «дань и власть». Только город Пересечен не подчинился, и Свенельд «седе» у Пересечена «три лета, и едва взя» [Новгородская первая летопись. — С. 109]. Таким образом, уличи в первой половине X в. подчинились власти князя Игоря и вошли в состав Руси. При этом Новгородская первая летопись сообщает, что прежде уличи сидели по Днепру, а после взятия Пересечена перешли «между Буг и Днестр».

На основании различной локализации уличей в летописях ученые по-разному определяли их место обитания, причисляя их к «загадочным» племенам. В. Н. Татищев и А. И. Соболевский размещали уличей на Днепре; Н. И. Надеждин и М. П. Барсов — на Днестре; С. М. Середонин и Л. Нидерле — между Днестром и Днепром. Связывая название уличей со словом «угол», некоторые исследователи локализовали «угол» на Нижнем Днепре (А. И. Соболевский) или на побережье Северо-Западного Причерноморья (Н. И. Надеждин).

В начале 50-х годов Б. А. Рыбаков обобщил данные летописей и археологии об этом союзе племен [1951]. С первоначальным пребыванием уличей на Днепре исследователь связал определенные археологические памятники Южного Поднепровья: поля погребений III—IV вв. Днепровской Луки и средневековые погребения у сел Вознесенка и Свистуново Запорожской области, открытые в конце 20-х — начале 30-х годов при строительстве Днепрогэса. Предположение Б. А. Рыбакова об отнесении к уличам древностей Южного Поднепровья поддержано и другими археологами. Так, Д. Т. Березовец в 1963 г. с уличами связывал от-

крытые им на р. Тясмин древности пеньковского типа, а также аналогичные им памятники Днепровского Надпорожья и Южного Буга.

Впоследствии определилась точка зрения о связи пеньковских древностей с антами. Ее поддерживали в 50—60-е годы В. Н. Даниленко и П. И. Хавлюк, а в 70—80-е — В. В. Седов и О. М. Приходнюк. Эта точка зрения, несомненно, справедлива по отношению к ранним пеньковским древностям. Однако в связи с тем что последние упоминания в письменных источниках об антах относятся к 602 г., поздние пеньковские памятники VII в. следует увязывать с одним из союзов племен, образовавшихся после распада обширного антского объединения. Поскольку некоторые летописные тексты связывают с уличами обитателей Южного Поднепровья, можно связывать славянские древности VII—IX вв. этой области с уличскими. К ним могут быть отнесены поселения р. Тясмин — позднепеньковские и типа Луки-Райковецкой, открытые и исследованные у с. Пеньковка, в уроч. Макаров Остров, а также в урочищах Луг I и II и Стецовка (верхние горизонты). Этим поселениям синхронен могильник № 1 в с. Великая Андрусовка.

На поселениях VII—IX вв. Потясминья сооружались полуземлянки срубной и столбовой конструкций, обогревавшиеся печами-каменками. Погребальный обряд, судя по могильнику Великая Андрусовка, представляет собой кремацию в стороне от места захоронения. Погребения бескурганные, ямные и урновые. Эти черты культуры можно считать характерными для уличей.

В керамических материалах представлены конусовидные и округлобокие формы, изредка встречаются биконические, отражающие старую пеньковскую традицию.

В первой половине X в., судя по сообщениям летописи, уличи переселяются сначала к северу по Днепру, а затем на юго-запад в Побужье. Анализ летописных текстов дает основания полагать, что город Пересечен должен был находиться недалеко от Киева

[Рыбаков, 1951]. В этом городе был погребен, где «держали» узников. В «Списке русских городов, дальних и ближних», помещенном в Воскресенской летописи конца XIV в., Пересечен назван среди «градов киевских». Упомянутая между Пересеченом и Васильевым р. Стугна уточняет местоположение города: вероятно, Пересечен находился в нижнем течении Стугны. Близость Пересечена к Киеву и вызвала его длительную осаду, принимая во внимание враждебные отношения уличей с киевскими князьями. Местоположение Пересечена в X в. свидетельствует о том, что уличи в начале этого века передвинулись по Днепру к северу, ближе к Киеву, в область полян, вероятно, после первого прихода на Русь печенегов в 915 г.

Сообщение летописи о последующем передвижении уличей, после взятия Пересечена, «между Буг и Днестр» подтверждается археологическими материалами. В верховьях Южного Буга открыто около 50 городищ X—XI вв. с окрестными селищами. Вероятно, это были феодальные замки, вокруг которых проживало зависимое население. Городища могли возникнуть и на местной основе, на базе поселений предшествующего периода — VI—IX вв. (к VIII—IX вв. здесь относятся поселения у сел Грабочец и Семенки II). Однако значительная концентрация городищ позволяет предположить и новый приток населения, что можно связать с летописным известием о переселении к Бугу уличей [Хавлюк, 1969; 1970]. Переселившиеся на юго-запад уличи, очевидно, подчинялись Руси, судя по тому, что войны с этими племенами киевских князей прекратились. Не исключается и договоренность уличей с киевскими князьями о поселении их в Побужье, поскольку аналогичные ситуации известны в X в. и в других пограничных районах Руси. Побужские городища успешно противостояли печенежской опасности, составляя две оборонительные линии — по Южному Бугу и р. Соб с его правыми притоками. В середине X в. уличи упоминаются Константином Багрянородным под именем «ультина»

как южная группировка славян, соседняя с одним из печенежских племен.

Как уже упоминалось, в Повести временных лет уличи и тиверцы размещены по Днестру: «приседяху к Дунаеви ... оли до моря», а в Ипатьевской летописи — «по Бугу и Днепру и приседяху к Дунаеви ... оли до моря». Если первоначальное обитание уличей по Днепру подтверждается сообщением Новгородской первой летописи, то подобное подтверждение о тиверцах отсутствует. Поэтому исследователи обычно размещают тиверцев в Поднепровье, считая упоминание о тиверцах на Днепре в Ипатьевской летописи опиской [Седов, 1982.— С. 129].

Название этого союза племен обычно связывают с греческим названием реки Днестр — Тирас.

В конце X в. (885 г.), как уже отмечалось, киевский князь Олег вел борьбу с уличами и тиверцами. Но уже в начале X в. тиверцы вступают с русскими князьями в союзнические отношения — в 907 г. они участвуют в походе Олега на Византию как «толковины» [ПСРЛ.— Ч. 1.— С. 29]. Значение этого слова исследователи определяют как «союзники» или «переводчики». После 907 г. тиверцы входят в состав Древнерусского государства, что вытекает из сообщения летописи о походе князя Игоря в 944 г. на Византию. Тиверцы упоминаются в числе других союзов племен, входивших в состав Руси.

С тиверцами обычно связывают славянские древности VIII—XI вв. Правобережья Среднего Днестра и Днестро-Прутского междуречья (территория МССР). К ним относятся поселения типа Луки-Райковецкой, у сел Рашков I, Черновка, Ханска, Глинжаны, Бранешты I, Одая, Скок, Калфа (нижний слой), древнерусские городища и могильники Алчедар, Бранешты [Федоров, 1952; 1960; 1968; Рафалович, 1972; Тимошук, 1976.— С. 140].

К местным особенностям материальной культуры тиверцев относят небольшие округлые городища, укрепленные земляными валами [Тимошук, 1976.— С. 139—140]. Жилища на по-

селениях в городищах относятся к полужемляночному типу со стенами столбовой и срубной конструкций. Обогревались жилища печами-каменками.

Захоронения IX—X вв. двухобрядные. Кремирование совершалось в стороне от места захоронения; его вариантами были погребения бескурганные, урновые; подкурганные на горизонте, в ямах или урнах, на глиняной обмазке; курганы окружались ровиками. Преобладал обряд ингумации на бескурганных могильниках.

В состав погребального инвентаря входили: височные кольца — перстнеобразные, трехбусинные, с виноградною гроздью; гривны, браслеты, перстни и пр.

В керамическом комплексе VIII—X вв. преобладали конусовидные и округлобокие формы горшков, изредка биконические. Многими исследователями отмечалась в керамике обильная примесь слуды.

Племена хорватов историки обычно размещали в Прикарпатье (Л. Нидерле, М. П. Барсов, С. Н. Середонин и др.). Существует предположение о связи имени хорватов с названием гор Карпаты (Ф. А. Браун).

Хорваты составляли обширный племенной союз, впоследствии распавшийся, возможно, под натиском аваров. Хорваты расселились частично на юг, Балканы, частично в Среднюю Европу, часть хорватов осталась в Прикарпатье, проникнув и в южные предгорья Карпат. Летопись знает восточных русских хорватов и южных белых. О белых хорватах в Далмации упоминает Константин Багрянородный.

На протяжении X в. хорваты названы летописью дважды. В 907 г. они принимали участие в походе Олега на Византию [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 23]. Эта запись подтверждает пребывание хорватов в начале X в. в составе Древнерусского государства. Второе упоминание в летописи под 992 г. сообщает о походе на хорватов князя Владимира Святославича [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 84]. Существует мнение, что поход мог быть вызван сепаратистскими действиями местной знати [Тимошук, 1976.— С. 139] или захватом хорватов

польским королем Болеславом Храбрым [Седов, 1982.— С. 123].

К древностям хорватов VIII—IX вв. исследователи относят археологические памятники Северной Буковины к западу от р. Прут: поселения Кодын (объекты VIII в.), Белая, Широкая Поляна, Клокучка II, городища Ревно, Красная Диброва, могильник Ревно и др. [Тимошук, 1976.— С. 139; Тимошук, Русанова, Михайлина, 1981.— С. 83—91; Русанова, Тимошук, 1984]. С хорватами связывают также памятники Украинского Закарпатья: поселения Червеново, Федорово, Оросиево, Ужгород (уроч. Радванка), могильник Червеново и др. [Пеняк, 1980.— С. 162—165].

В материальной культуре хорватов преобладают общие восточнославянские черты, а также прослеживаются и местные особенности. Основной тип жилищ — прямоугольные полужемлянки срубной и столбовой конструкций, обогревавшиеся печами. Погребальный обряд представлен подкурганными захоронениями остатков кремации в стороне от места погребения. Пережженные кости переносили к месту захоронения вместе с остатками костра или очищенными от них. Кости складывались на уровне горизонта в кучку, в урну, закапывались в ямку или разбрасывались на широкой площади.

Как и в других восточнославянских землях, в керамическом материале преобладали конусовидная и округловидная формы горшков (в Закарпатье последняя являлась основной).

Исследователи отмечали местные культурные особенности определенных районов обитания восточных хорватов. Б. А. Тимошук и Л. П. Михайлина считают характерным для городищ Северной Буковины использование каменной креpidы, укреплявшей извне деревянные стены. Следует отметить и значительное количество укрепленных городищ в этой области. Особенность керамики конца I тыс. н. э. Северной Буковины — значительная примесь крупной дресвы (так называемая посыпная керамика).

У хорватских племен, обитавших в Закарпатье, в ряде случаев сооружа-

лись двухкамерные жилища или овальной формы, а стены — каркасно-плетневой конструкции; кроме печей-каменок иногда в жилищах ставились каркасно-глинобитные печи или открытые очаги [Пеняк, 1980]. И в северных, и в южных предгорьях Украинских Карпат деревянные постройки нередко сохраняли глиняную обмазку.

В Среднем Поднестровье известны грунтовые могильники без наземных признаков, покрытые каменными плитами (так называемые подплитовые) XI—XIII вв. Е. И. Тимофеев высказал предположение о принадлежности могильников этого типа хорватам [1961]. По мнению В. В. Седова, могильники — хорвато-тиверские, концентрация их связана с оттоком славянского населения из районов Нижнего Днестра под натиском кочевников и совпадает с территорией Галицкого княжества [Седов, 1982.— С. 128—129].

Большинство исследователей связывают с северянами («северъ») роменскую культуру, основываясь на прямых указаниях летописей, помещающих северян по бассейнам левых притоков Днепра, «...а другие седища по Десне и по Семи, по Суле и нарекошася северъ» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 1, 13—15]. Памятники роменской культуры по мнению исследователей занимают, помимо названных летописцем, бассейны Псла, Ворсклы и верховья Северского Донца [Третьяков, 1953.— С. 242; Рыбаков, 1947.— С. 94.— Карта 4; Березовец, 1953.— С. 28—44; 1968.— С. 2, 10, 20; Седов, 1982.— С. 133—140; Сухобоков, 1975.— С. 132—148; 1985.— С. 132—135].

Ведущим типом поселений северян являются городища, что обусловлено как внутренним укладом поселений, так и фактором внешней опасности. Селища нередко сопутствуют городищам.

Для роменских поселений характерно расположение своеобразными гнездами по 3—9 в 2—5 км друг от друга, что может свидетельствовать об определенных родственных связях внутри этих групп, а также о социально-эко-

номических отношениях между гнездами поселений.

Наиболее полно исследованным является Новотроицкое городище, на основании материалов которого И. И. Ляпушкин реконструировал внешний облик северянского поселения.

Жилища представляли собой углубленные в грунт на 0,5—1,2 м, четырехугольные в плане полуземлянки, главным образом каркасно-столбовой конструкции, площадью от 9—12 до 20—30 м². Внутреннее устройство жилищ составляли глинобитные или вырезанные в останцах печи и такие же материковые останцы вдоль стен, служившие своеобразной мебелью. Свод печи монтировался из глиняных, предварительно обожженных вальков.

Погребальный обряд северян полностью соответствует сообщению летописца: «мертвеца сожижаху и посемъ собравшие кости вложяху в судину малу и поставяху на столпе на путех». Исследования волынцевских грунтовых могильников (Волынцево, Сосница, Малые Будки) и роменских курганных (Дорошевка, Старый Кирпичный завод, Каменное) подтвердили существование погребального обряда в виде трупосожжения на стороне и погребения урн с прахом в неглубоких ямках без внешних признаков (волынцевская культура) или в верхней части насыпи (роменская культура). Обряд ингумации распространяется у северян в XI в.

Керамика северянского населения представлена в основном посудой лепной технологии. Гончарные сосуды появляются здесь в конце IX в. и сосуществуют с лепной посудой вплоть до середины XI в. Ведущая форма — высокие горшки с усеченно-коническим корпусом, узким дном, выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу венчиками. Встречаются также сравнительно низкие и широкогорлые сосуды, относимые исследователями к мискам. Выделяются сосуды с вертикальным венчиком более совершенной технологии. Специфической особенностью лепной керамики является ее орнаментация — отпечатки веревочного и гребен-

чатого штампов по венчику и плечикам сосудов.

Украшения в северянском курганном инвентаре представлены спиральными височными кольцами, восходящими, по мнению Б. А. Рыбакова — к двухспиральным подвескам VI—VII вв. [1947.— С. 91; 1953.— С. 68].

Во второй половине I тыс. н. э. завершилось расселение восточнославянских племен в северной части Восточной Европы. Некоторые ее области освоены уже в VI—VII вв., другие позднее — в VIII—IX вв. Образовавшееся в IX в. Древнерусское государство сформировалось на основе всех восточнославянских союзов племен, расселившихся на землях Восточной Европы. В северной ее полосе летопись называет союзы племен дреговичей, радимичей, вятичей, кривичей и словен.

К северу от древлян размещался союз племен дреговичей. По летописи, они обитали между реками Припять и Двина: «...а друзии седуша межю Припятью и Двиною и нарекошася дреговичи» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 11]. Название дреговичей происходит от слова «дрегва» (болото). На правом берегу р. Припять, в ее среднем течении, концентрируются поселения, городища и могильники VI—X вв., принадлежащее населению, вошедшему в союз дреговичей; здесь же возникает племенной центр — Туров [Седов, 1982.— с. 116]. О характере домостроительства в этом районе можно судить по селищу возле городища Хотомель, где открыты полуземлянки с глиняными каркасными печами.

Территорию к северу от р. Припять дреговичи осваивают начиная с IX в. На реках Днепр и Березина, севернее Припяти, курганы IX—X вв. исследовались в конце XIX в. в основном В. В. Завитневичем, в советское время — А. Н. Лавданским, С. А. Дубинским, Ю. В. Кухаренко, П. Ф. Лысенко и др. В курганах IX—X вв. обряд кремации совершался на месте или в стороне (с ритуальными кострищами в курганах). Кострища устраивались на горизонте или подсыпке, остатки

кремации собирали в кучку или урну. Иногда сожжение совершалось в деревянных гробах. Начиная с X в. распространяется обряд ингумации [Успенская, 1953.— С. 118—124]. Наиболее характерным признаком дреговичских погребений являются находки в них крупных металлических бус с зернью [Седов, 1982.— С. 116].

Область расселения радимичей помещают в бассейне притока Днепра — р. Сож, основываясь на сообщении летописи: «Бяста бо 2 брата в ляхех, — Радим, а другой Вятко, — пришедъша седоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи»; в другом месте упоминается о приходе радимичей «от ляхов», «от рода ляхов» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 14, 59]. На основании этих сообщений некоторые исследователи считали, что радимичи пришли с запада. Из польских земель выводили радимичей А. А. Шахматов, Ф. Буяк. По данным гидронимии, предполагается приход радимичей из области Верхнего Поднестровья [Соловьева, 1968; Седов, 1970.— С. 142, 143].

До 885 г., по летописи, радимичи платили дань хазарам. В результате похода князя Олега они были освобождены от этой дани. Сохранив племенную организацию, радимичи выплачивали дань киевскому князю. После похода князя Владимира Святославича в 984 г. радимичи окончательно потеряли самостоятельность и вошли в состав Древнерусского государства.

Курганы радимичей в конце XIX в. исследовались в основном П. М. Еременко, а в советское время, в 60-е годы, Г. Ф. Соловьевой. Научная систематизация курганов радимичей, разработка их эволюции и хронологии даны Б. А. Рыбаковым [1932]. В ранней группе курганов с кремацией IX—X вв. преобладало сожжение на месте, большей частью в насыпи (на так называемой подсыпке), что считается характерным для радимичей [Соловьева, 1956.— С. 141]. Встречается также сожжение на горизонте и в деревянных гробах. Типичны для радимичей и кострища с утолщением по периферии (с «огненным кругом»). В конце X в.

обряд кремации сменяется ингумацией.

Наиболее характерным для радимичей видом украшений являлись семилучевые височные кольца, среди которых можно выделить группу ранних — IX—X вв. [Соловьева, 1978]. В Нижнем Посожье изучались поселения VIII—X вв. у сел Ходосовичи, Нисимковичи и др. Постройки на поселениях с печами из глины и камня, керамика близки к роменской и боршевской культурам.

Вятичи размещались, как упоминает летопись, по р. Ока: «А Вятко седе с родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 14]. С вятичами связывают группу верхнеокских поселений, городищ и могильников. На поселениях у сел Супруты, Лебедка, Лужки и других открыты полуземлянки, отапливаемые печами, сооруженными из камня и глины, а также каменными очагами [Никольская, 1959.— С. 72; 1981.— С. 16—22; Изюмова, 1971.— С. 93; 1974.— С. 53]. Могильники конца I тыс. н. э. исследовались у сел Лебедка, Западная и др. [Никольская, 1957.— С. 176—197; Изюмова, 1964.— С. 159—162]. Часть курганов содержала захоронения остатков кремации в насыпи — в урне или в виде кучки костей. В курганах второго типа находились погребальные срубные камеры-гробы. Курганы обычно окружались кольцевыми столбовыми оградками. В XI—XII вв. обряд кремации сосуществует с обрядом ингумации. Культура верхнеокских памятников по особенностям (полуземлянки, черты погребального обряда, керамика) близка к роменской.

Особым вопросом является определение племенной принадлежности славянского населения Верхнего и Среднего Дона, где расположены памятники боршевской культуры, так как в летописи отсутствуют сведения об этом населении.

Славянские поселения VIII—X вв. Подонья представлены селищами и укрепленными городищами (Боршевские, Воргольское, Титчиха) и по облику сходны с северянскими. Одним

из наиболее исследованных памятников является городище с прилегающим к нему открытым поселением близ хут. Титчиха [Москаленко, 1965].

Характерным типом жилищ являлись однокамерные полуземлянки с деревянной облицовкой стен. Пол материковый, без каких-либо следов подмазки. Основной тип отопительных сооружений — печи, сложенные либо из камней, либо из камней и глины. Сооружались также каменные очаги. Как исключение встречаются печи из глины: печи, при сооружении которых материк использовался лишь частично.

По погребальным памятникам в Лесостепном Подонье четко выделяются два района: Средний Дон (Боршевский могильник) и р. Воронеж в Верхнем Подонье (Кузнецовский, Лысогорский, два Белогорских). Первый район отличается стабильностью погребального обряда: трупосожжение за пределами кургана; деревянные конструкции в виде камер и оградок; остатки кремации помещены в северо-восточном секторе на уровне погребенной почвы; почти полное отсутствие инвентаря в захоронениях кроме керамики [Винников, 1984.— С. 42—43].

Курганы из могильников на р. Воронеж содержат разные типы погребений: с трупосожжением на стороне и помещением кальцинированных костей на погребенной почве; с трупосожжением на стороне и помещением кремации в деревянные камеры; с трупосожжением на стороне и вторичным обжигом на месте кургана; курганы на месте трупосожжения; с трупосожжением на месте в деревянных конструкциях [Винников, 1984.— С. 4—43].

Керамика в Подонье изготовлялась вручную. Даже в X в. гончарный круг здесь практически не применялся, хотя донские славяне, вероятно, через салтовцев были с ним знакомы. Отличительным является ассортимент посуды, где, помимо горшков, распространены (12—15 % всего керамического комплекса) разнообразные мисковидные сосуды, сырницы, светильники.

Находки пяти- и семилучевого ви-

сочных колец, а также особенности погребального обряда свидетельствуют о том, что радимичи и вятичи входили в состав населения Подонья.

Многочисленные племена кривичей обитали в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги («кривичи, иже сядят на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 13]). Племена кривичей составляли две группировки. Северную представляли псковские кривичи, обитавшие в бассейне р. Великая и Псковского озера, южную — полоцко-смоленские кривичи, расселявшиеся в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги.

На землях кривичей получили распространение так называемые длинные курганы — валообразные насыпи с остатками кремации, большей частью совершенной в стороне от курганов. Известно несколько вариантов обряда кремации: на горизонте, в насыпи (иногда на глиняной обмазке), впускные погребения. Кальцинированные кости закапывались в ямку, ссыпались в кучку или рассыпались на поверхности. Длинные курганы, сочетающие славянские, прибалтийские и финские особенности культуры, отражают местную культуру прежнего населения данной области.

Наиболее ранние длинные курганы VI—VIII вв. открыты на Псковщине.

Начиная с VIII в. в Псковской земле известны укрепленные городища — Псковское и Изборское. Последнее в VIII—X вв. являлось ремесленным и племенным центром кривичей Псковской земли. В слое этого времени на Изборском городище сохранились остатки наземных срубных домов, обогревавшихся глиняными печами, сооруженными на деревянном каркасе или каменном основании [Седов, 1982.— С. 57].

На основании особенностей домостроительства и данных лингвистики предполагается, что славяне в Псковскую землю пришли в VI—VII вв. из области Висло-Одерского междуречья [Седов, 1982.— С. 58]. Существует также мнение, что славяне расселились в область распространения длинных курганов с юга [Лебедев, 1982.—

С. 58]. Полоцко-Смоленская область была заселена кривичами в VIII—IX вв. В IX—X вв. на землях кривичей длинные курганы сменяют круглые с обрядом кремации, в основном на стороне, с ритуальными кострищами в основании или насыпи курганов. Уже в это время в инвентаре погребений встречаются браслетообразные завязанные височные кольца, характерные для кривичских курганов с ингумацией X—XII вв.

Центром смоленских кривичей являлось большое Гнездовское поселение у г. Смоленск, рядом с которым находилось самое крупное на Руси скопление курганов, включавшее 10 могильников [Булкин, Дубов, Лебедев, 1978]. Гнездовское поселение, бывшее значительным торгово-ремесленным центром Руси IX—X вв., возникло на пересечении днепровского пути «из варяг в греки» с западным и восточными путями.

В летописи несколько раз упоминаются полочане как отдельный племенной союз. В одном из этих упоминаний полочане названы кривичами: «первии насельници... въ Полотъски кривичи» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 18]. По поводу названия «полочане» в литературе высказывались различные предположения. Наиболее вероятно географическое и вместе с тем политическое содержание названия этой области кривичей, обитавших вблизи древнего города кривичей — Полоцка.

Словене ильменские — наиболее северная группа восточно-славянских племен. Летопись сообщает об их обитании возле озера Ильмень: «Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 11]. Многие исследователи предполагали, что на озеро Ильмень славяне пришли с юга (П. И. Шафарик, М. П. Барсов, П. Н. Третьяков, Д. А. Мачинский, Г. С. Лебедев и др.). Предполагают и западное происхождение словен — из земель Польского Поморья. Полученные материалы относятся к домостроительству, оборонительным сооружениям, антропологическим исследованиям [Седов, 1982.— С. 66]. На основании

новгородской керамики Г. П. Смирнова пришла к выводу о переселении группы славянского населения на земли словен из области Балтийского Поморья [1974].

В Приильменье исследовались селища словен конца I тыс. н. э. — Золотое Колоно, Новые Дубовики, Прость, Городец под Лугой и др. [Орлов, 1972; Носов, Верхорунова, Конецкий, 1976; Носов, 1976; Лебедев, 1982]. Здесь открыты наземные срубные дома и полуземлянки с печью-каменкой в углу. Керамика поселений представлена конусовидными горшками с высокими плечиками, восходящая, возможно, частью к пражской посуде.

В VIII—IX вв. у словен сооружались укрепленные городища. Наиболее широко исследовано городище в Старой Ладоге в Нижнем Поволховье. Уже в IX в. Ладога становится торгово-ремесленным центром и крупнейшим северным портом Восточной Европы. В конце IX в. в ней возводится каменная крепость — древнейшая на Руси. Домостроительство Ладоги представлено наземными срубными постройками двух типов: большими домами с сенями и печью-каменкой в центре большого помещения; обычными небольшими избами с печью-каменкой в углу. Первый тип дома преобладает в слое VIII—IX вв., второй — начиная с X в. Высказывались предположения, что в больших домах проживала патриархально-семейная община [Равдоникас, 1949; 1950. — С. 34]; что они финского происхождения [Седов, 1982. — С. 65]; а также, что они наиболее древние предшественники древнерусских посадских избятистенок [Кирпичников, 1985. — С. 16].

В Верхнем Поволховье открыто городище, датируемое IX—X вв., — так называемое Рюриково, бывшее торгово-ремесленным и военно-административным центром многочисленных поселений словен этой области и прилегающего побережья оз. Ильмень. Здесь же, в уроч. Перынь, раскопано языческое святилище словен. В начале X в. в 2 км от Рюрикова городища возникает город Новгород.

С поселениями словен в бассейне озера Ильмень связаны погребальные памятники, известные под названием новгородских сопок. Это коллективные усыпальницы с захоронениями по обряду кремации, расположенными ярусами. Остатки сожжения собирали в кучку, урну или ямку. Насыпи сопок содержали различные каменные сооружения. Новгородские сопки VIII—IX вв. оставлены смешанным славяно-финским населением [Седов, 1982. — С. 64]. В IX—X вв. сопки сменяются курганами с остатками кремации (на стороне), которые помещались в верхней части насыпи; большинство захоронений безурновые.

В письменных источниках сохранились сведения о том, что восточнославянские союзы племен в ряде случаев объединялись в еще более крупные объединения — суперсоюзы. Крупным объединением юго-западной группы восточных славян был дулебский союз, распавшийся в начале VII в. под натиском аваров.

В условиях борьбы с кочевниками в Среднем Поднепровье сложилось объединение под названием Русь. Происхождение Руси как народа один из сложнейших вопросов отечественной истории. Локализация Руси является вместе с тем наиболее спорным вопросом в исторической науке. Исследователи связывали Русь и с варягами, и с кочевниками, а также с группой славянских племен Среднего Поднепровья. Последняя точка зрения наиболее аргументирована.

Исследование летописных текстов показывает, что понятия «Русь» и «Русская земля» не были стабильными. Возникнув в определенной области, это название впоследствии распространилось на более обширную территорию. В летописях названия «Русь» и «Русская земля» выступают в двух значениях: более широком, охватывающем все восточнославянские земли, и более узком, относящемся к южной части этих земель. Территория Руси в узком значении, согласно летописным свидетельствам, охватывала земли от Киева и Белгорода на юго-западе до городов Стародуб и Курск на северо-

востоке и до рек Рось и Тясмина на юге. На этой территории проживали поляне, северяне и уличи, объединившиеся в VI—VII вв. в союз против кочевников. Название этому союзу, очевидно, дало одно из племен, обитавших на р. Рось [Рыбаков, 1982.— С. 567].

Кроме дулебов и русов в период VII—IX вв. существовали, очевидно, и другие большие союзы восточнославянских племен. На севере большое объединение составляли кривичи, в состав которых вошли две группы племен — псковские и смоленско-полоцкие кривичи [Седов, 1982.— С. 158].

На основании анализа летописных текстов и других письменных источников Б. А. Рыбаковым выделен промежуточный этап в образовании Руси между союзом племен VI—VII вв. и Древнерусским государством X—XII вв. Об этом этапе свидетельствует упоминание летописи в связи с событиями VII в. о вхождении в состав Руси полян, древлян, полочан, дреговичей, северян и бужан (волынян): «Се бо токмо словеньск язык в Руси: Поляне, Древляне, Полочане, Дрьгъвичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, послеже же Вельняне» [ПВЛ.— Ч. 1.— С. 14]. Книга персидского географа первой половины IX в. «Области мира», в которой упоминаются далекие северные владения Руси, уточняет время существования этого объединения (суперсоюза) — между серединой VII и началом IX в. Уже в начале IX в. Русь была государством со всеми признаками раннефеодальной монархии, включающими верховную власть киевского князя, сложную систему вассалитета и пр. Государственная организованность в огромном масштабе отразилась и на организации полудья (первичной формы феодальной

ренды) и сбыта полудья за пределами Руси [Рыбаков, 1982.— С. 570].

С дальнейшим распространением государственной территории Руси в IX—X вв., включавшей земли между Прибалтикой, Причерноморьем, Прикарпатьем и Доном, тесно связано образование всей древнерусской народности, куда вошли все восточнославянские и некоторые другие народности Восточной Европы: в Верхнем Поднепровье и на Верхней Оке — восточнобалтская этническая группа; на севере и северо-востоке — прибалтийско-финская; на юге — часть аланских и тюркских этнических групп. В результате консолидации восточного славянства и ассимиляции неславянского населения складывается древнерусская народность с единым языком, общей территорией, культурой и тесными экономическими связями. Распространяются на широкой территории единые принципы домостроительства, единообразный погребальный обряд. В ассортименте ремесленной продукции и изделиях прикладного искусства прослеживаются общие черты, характерные для обширной территории Руси.

Особенности древнерусской культуры, сложившейся в X в., имеют корни в восточнославянском обществе предшествующего времени и сформировались в VIII—IX вв., а в ряде случаев — и в более раннее время. Сказанное относится ко многим конструктивным особенностям построек, чертам погребального обряда, типам орудий труда, быта, украшений. В это время формируются экономика, социальный строй и духовная культура, получившие дальнейшее развитие в древнерусском обществе. Государство Киевская Русь возникло в результате длительного внутреннего общественно-экономического развития восточнославянского населения.

СЛАВЯНЕ И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

В I тыс. н. э. славяне поддерживали контакты с окружающими их племенами. На протяжении I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. тесные связи у славян существовали с племенами балтов. По мнению ряда лингвистов, общеславянский праязык сформировался на основе периферийных диалектов балтийского типа [Иванов, 1958. — С. 39; Топоров, 1961. — С. 213; Лер-Сплавинский, 1964. — С. 136; Хабураев, 1980. — С. 45—51 и др.]. Выделение праславянского языка из протобалтийского (балто-славянского), по мнению различных исследователей, произошло сравнительно поздно: от I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Территория обитания балтов на протяжении этого периода очерчивается вполне четко благодаря устойчивым топонимическим границам: центральная полоса лесной зоны. Как показал В. В. Седов, в раннем железном веке наблюдается наиболее бесспорное совпадение данных языкознания и археологии [1970. — С. 10—13]. Для этого периода отчетливо вырисовываются три крупных этнокультурных массива: а) финно-угорский, локализуемый к северу от Западной Двины и Оки; б) балтийский — к югу от Западной Двины и Оки примерно до Десны и Припяти; в) иранский (скифо-сарматский), занимающий Лесостепь и Степь *. На такой карте как будто нет места для славян, что толкает некоторых исследователей искать «праславянский массив» исключительно среди культур

среднеевропейского круга [Русанова, 1976. — С. 202—214; Седов, 1979. — С. 47—52]. Вместе с тем вполне вероятно, что именно в это время славяне еще не вполне выделились из «балто-славянской общности». Конечно, под праславянами языковеды понимают носителей реконструированного праславянского языка, а археологи — носителей археологических культур, восходящих к культурам раннесредневековых исторических славян. Эти представления, безусловно, отражают различные стороны одного явления и во многом не совпадают. Тем не менее вывод о сравнительно позднем выделении праславян и их генетической связи с балтами заслуживает самого пристального внимания.

Попытаемся рассмотреть проблему балто-славянских контактов с применением новых археологических данных. Как отмечалось, такая проблема применительно к древностям раннего железного века пока может быть поставлена в самых общих чертах, учитывая, что в этот период происходил только начальный этап выделения пра-

* Необходимо отметить, что эту лингвистическую ситуацию некоторые исследователи пытаются механически перенести на самые разнообразные археологические культуры вплоть до конца I тыс. н. э., упуская из виду, что: а) слои гидронимии различного происхождения вообще с трудом поддаются датировке; б) славянские культуры начиная со второй половины I тыс. н. э. уже широко известны.

славян. К тому же преемственность в развитии культур раннего железного века и последующих периодов не вполне установлена. Значительные лакуны приходится на IV—II вв. до н. э., лежащие в пограничье между двумя важными эпохами.

Среди культур рубежа новой эры Восточной Европы наиболее единодушно связывается со славянами зарубинецкая. Вместе с тем некоторые исследователи допускают ее балтскую принадлежность на том основании, что ареал зарубинецкой культуры частично совпадает с балтийским слоем гидронимии. В. В. Седов более определенно указывает на ее западнобалтийское происхождение, так как в ареале обитания летописной голяди известны некоторые зарубинецкие элементы [1970.— С. 42—48]. В последнее время этот автор, однако, высказал предположение, что зарубинецкие племена принадлежали к особой переходной диалектной группе между западными балтами и славянами [1979.— С. 75—77].

Зарубинецкая культура, возникшая в латенский период, непосредственно граничила на севере с некоторыми культурами балтского массива, непрерывно развивавшимися на протяжении VIII—VI вв. до н. э. вплоть до первых веков — середины I тыс. н. э. Речь идет о культуре штрихованной керамики, днепро-двинской и верхнеокской, занимавших обширные районы от среднего течения Немана до бассейна верховьев Оки. Особенно интенсивный характер контактов наблюдается между зарубинецкой культурой и культурой штрихованной керамики, в пограничье которых (около рубежа новой эры) сформировалась особая группа памятников типа Чечерск — Кистени. Отметим, что при тесном переплетении традиций обеих культур преобладающими оказались зарубинецкие элементы, что особенно четко прослеживается в керамике из памятников типа Чечерск — Кистени [Обломский, 1983.— С. 16—18].

Активные контакты с балтийским населением днепро-двинской и верхнеокской культур у зарубинецких пле-

мен начались, вероятно, несколько позже — в первые века нашей эры. В результате в бассейне Верхнего Днепра и Оки появляется посуда, формами и обработкой поверхности напоминающая зарубинецкую типа среднего слоя Тушемли. Особенно широко распространяется в этот период столовая чернолощенная посуда, главным образом миски, восходящая к зарубинецким прототипам. Ряд исследователей зарубинецкое проникновение в лесную зону склонны рассматривать как первый этап славянизации днепровских балтов [Третьяков, 1966.— С. 229—230]. Не исключено, что воздействие зарубинецких племен в этом направлении не ограничивалось балтской средой — вероятно, отдельные зарубинецкие элементы проникли и в финно-угрскую среду Поволжья. Возможно, об этом свидетельствуют некоторые типы керамики из памятников типа Лбише, возникших около III в. н. э. [Матвеева, 1986].

Определенная близость некоторых черт материальной культуры существует в III—V вв. между населением киевской культуры и балтским населением Средней Белоруссии и центральной европейской части РСФСР. Как отмечалось, в создании киевской культуры определенную роль сыграла культура штрихованной керамики, что проявилось в некоторых типах посуды и орнаментации. Сходны и некоторые типы украшений (изделия круга выемчатых эмалей, посоховидные булавки, некоторые фибулы) [Терпиловский, 1984.— С. 42—48]. В киевской культуре ощущается влияние и со стороны еще более отдаленных культур. Так, в одном из комплексов поселения Деснянка близ Чернигова встречен фрагмент типичного сосуда дьяковской культуры, охватывавшей в этот период бассейн Верхней Волги и среднее течение Оки. Исследователи отмечают, что для первой половины I тыс. н. э. характерно проникновение балтских элементов в дьяковскую культуру [Розенфельд, 1974.— С. 196].

Второй этап славянского проникновения в лесную зону совпадает с выходом славян на широкую историчес-

кую арену в ходе их расселения на юг и север. Естественно, что в этом процессе наиболее активное участие приняли северные славянские племена, представленные колочинской культурой и некоторыми группировками пражской культуры. Отметим, что в создании колочинской культуры определенную роль сыграл местный балтский субстрат, восходящий к пограничью культур штрихованной керамики и днепро-двинской [Третьяков, 1982.— С. 88—91; Горюнов, 1981.— С. 45—47]. Эти культуры определили ряд специфических черт древностей Лесной зоны. Культуру штрихованной керамики середины I тыс. н. э. сменяет банцеровская, а днепро-двинские памятники — тушемлинские (названия происходят от опорных памятников — верхних слоев городищ Банцеровщина и Тушемля) [Митрофанов, 1978.— С. 85; Шмидт, 1975.— С. 12—15]. Не исключено, что ассимиляция славянами днепровских балтов не всегда протекала мирно.

Для банцеровской и тушемлинской культур характерны многочисленные городища со сложной системой оборонительных сооружений, а для колочинской они являются исключением. Полуземляночный тип жилища известен в основном на колочинских поселениях, а в северо-западной части Верхнего Поднепровья — небольшие наземные жилища столбовой конструкции. В Подвинье и Смоленском Поднепровье сооружались длинные наземные столбовые дома.

В создании банцеровской культуры принимали участие, очевидно, и некоторые группы пражской культуры. Об этом, видимо, свидетельствует наличие здесь квадратных небольших углубленных жилищ с печами-каменками. Своеобразную, нередко орнаментированную посуду культур штрихованной керамики и днепро-двинской сменяет неорнаментированная, близкая к славянской. Для керамического комплекса банцеровской культуры характерны прежде всего тюльпановидные, слабо профилированные и банковидные сосуды, для тушемлинской — тюльпановидные, слабо профилированные или реже ребрис-

тые горшки (кухонные и столовые подлощенные) с оттянутым валиком на середине высоты, а также миски.

Во второй четверти I тыс. н. э. на базе верхнеокской культуры формируется мощинская. Влияние культуры Поднепровья проявилось прежде всего в широком распространении характерных высоких чернолощенных мисок. Хотя формы их во многом оригинальны и специфичны только для памятников данной группы, все же можно отметить для целого ряда изделий близость к зарубинецким мискам рубежа нашей эры [Седов, 1982.— С. 41—45].

Изложенная выше концепция балтославянских отношений по археологическим материалам I тыс. н. э. разработана в основных чертах П. Н. Третьяковым. Полученные в последние годы новые данные, как нам представляется, в основном совпадают с этой концепцией. Иной точки зрения придерживаются В. В. Седов и И. П. Русанова. По их мнению, проникновение славян в глубь лесной зоны произошло в VIII—X вв. и связано с массовым появлением здесь длинных курганов и соответствующих поселений. Последняя группа памятников, по мнению В. В. Седова, западнославянского происхождения [1982.— С. 51—58]. Однако им высказано предположение, что славяне могли проникать в лесную зону уже в VI в., причем не с территории ПНР, а из Среднего Поднепровья [1981].

Мы не будем рассматривать сложные и многосторонние отношения балтских племен со славянами — носителями длинных курганов, так как эта проблема выходит за рамки данной темы. Кроме того, значительное количество специальных работ В. В. Седова и других исследователей избавляет нас от необходимости анализировать ход проникновения западных славянских племен в лесную зону Восточной Европы.

Третий этап славянизации днепровских балтов связан с продвижением на север элементов славянских культур южного происхождения в VIII—X вв. Отметим, что этот процесс шел во многом параллельно распростране-

нию длинных курганов с запада. Среди памятников данного периода отмечаются элементы культур типа Луки-Райковецкой и роменской [Лебевев, 1982.— С. 50]: специфические типы глиняной посуды (в том числе изготовленной на медленном гончарном круге), а также своеобразный хозяйственно-бытовой комплекс, включающий особые разновидности серпов, ножей, стрел, железные наральники, ручные мельницы и пр. [Минасян, 1980].

Некоторые исследователи высказывают предположение о существовании вплоть до этого периода весьма пестрой этнической обстановки в центральной и северных частях лесной зоны. Здесь могли обитать как внедрившиеся славянские племена, так и славянизированные балты (или даже «пережиточные» балто-славянские группировки). Одновременно (особенно в северной части рассматриваемой территории) обитало балтское население, сохранившее традиционную культуру [Лебедев, 1982]. В ходе третьей волны славянской колонизации такие «боковые», или «немагистральные», линии развития славянства, как колочинская культура и культура длинных курганов, а также культуры славянизированных днепровских балтов (банчеровская и тушемлинская), в конечном итоге были поглощены роменской культурой и памятниками типа Луки-Райковецкой. Это дает основание В. В. Седову и И. П. Русановой отрицать славянскую принадлежность колочинской культуры исходя из того, что она не восходит непосредственно к Древней Руси [Русанова, 1976.— С. 197—198; Седов, 1982.— С. 29]. Нельзя согласиться с подобным утверждением, так как в развитии славянских культур второй половины I тыс. н. э. существовали и «тупиковые» линии развития, пресекавшиеся по тем или иным внешним и внутренним причинам. Кстати, одновременно с древнерусской на значительных пространствах Центральной и Южной Европы существовал целый ряд славянских культур.

Итак, контакты славянских племен

с балтским населением по данным археологии представляются весьма продолжительными и многосторонними, что соответствует выводам лингвистов об особой роли балто-славянских отношений. Активное проникновение праславянских и славянских племен в балтскую среду в I тыс. н. э. происходило в несколько этапов. В результате днепровское балтское население было в основном славянизировано, сохранив вместе с тем ряд этнографических элементов культуры и языка. Поэтому днепровских балтов, несомненно, можно считать одним из многочисленных субстратов, вошедших в состав древнерусской народности.

Отличались активностью и контакты славянских племен с германцами. Если балты занимали широкую полосу к северу от мест обитания славян, то германцы размещались к западу и граничили со славянами на более ограниченной территории. В отличие от балто-славянских отношений славяно-германские связи достаточно хорошо отражены не только в лингвистических, но и в письменных источниках. Так, средний этап развития праславянского языка (по периодизации Ф. П. Филина) характеризуется, в частности, заимствованием ряда германских терминов [Седов, 1979.— С. 74]. Плиний, Тацит и Птолемей приводят ряд сведений о германских племенах в первые века новой эры. Исторические события III—IV вв., активными участниками которых были германцы, нашли отражение в сочинениях многих современников [Древние германцы, 1937].

Своеобразие археологических культур германского круга начинается ярко проявляться лишь с раннеримского периода (с середины — конца I в. н. э.). Предполагают, что в латенский период некоторые германские группировки скрывались под «латенской вуалью», судя по сообщениям Цезаря и других авторов рубежа нашей эры. В это время кельты доминировали как в культурном, так и в военнополитическом отношении, что и привело к повсеместному распространению латенских элементов в варварской среде. Так, германцами считают, напри-

мер, носителей ясторфской культуры Балтийского побережья, отдельные элементы которой прослежены в зарубинецкой культуре.

В пределах Восточной Европы взаимоотношения между ясторфскими и зарубинецкими племенами можно считать наиболее древними германо-славянскими связями, фиксируемыми археологическими материалами. Известно, что в число носителей пшеворской культуры латенского периода также входили германские племена [Godłowski, 1985.— S. 127—156]. Об активной инфильтрации пшеворских традиций в зарубинецкую среду свидетельствуют некоторые формы керамики, приемы ее орнаментации, некоторые особенности погребального обряда, фиксируемые вплоть до востока Днепровского Левобережья [Этнокультурная карта...— С. 16, 32—33]. В целом пшеворская культура являлась постоянным соседом рассматриваемых восточноевропейских культур на протяжении 500 лет.

Латенский период в развитии культур Средней Европы сменяется в первых веках нашей эры раннеримским, для которого типично выделение специфических германских элементов в керамике, домостроительстве и погребальном обряде. Подобным образом меняется и облик пшеворской культуры. Одновременно в западных областях СССР и смежных районах ПНР (вплоть до бассейна р. Сан) формируется особая группа памятников на пшеворско-зарубинецкой основе при участии липицких и других элементов. Памятники этой волыно-подольской группы, как показали многолетние исследования Д. Н. Козака, отличаются от пшеворской культуры Великопольши, насыщенной германскими элементами [1984.— С. 46—49].

Таким образом, в I—II вв. происходит некоторая поляризация германской и славянской культур. Даже если принять во внимание, что внутри основного массива пшеворской культуры сохранились некоторые славянские группировки, то все равно приходится признать, что не они определили облик материальной культуры этого периода.

Часть исследователей, склонных искать истоки славянских культур раннего средневековья исключительно среди древностей Средней Европы, пытаются при этом подчеркнуть хотя бы некоторые детали, так как о комплексе «славянских признаков» не может быть и речи [Седов, 1979.— С. 43; Русанова, 1985].

Новый этап славяно-германских контактов, фиксируемый по археологическим материалам, наступает в конце II в. н. э. К этому времени на территорию пшеворской культуры вторгаются новые германские группировки из Нижнего Повисленья и Поморья — племена вельбарской культуры. Большинство исследователей считают ее носителем готский племенной союз. Инфильтрация вельбарских элементов в пшеворскую среду приводит к смешению черт обеих культур [Dąbrowska, 1980]. Некоторые памятники продолжают существовать уже как вельбарско-пшеворские.

С конца II в. н. э. носители вельбарской культуры из смежных районов Польши проникают в Восточную Европу. Наиболее компактный вельбарский массив, сохранивший в значительной мере культурные элементы, свойственные древностям Нижнего Повисленья и Поморья, вероятно, существовал на Западной Волыни (до р. Горынь) [Кухаренко, 1980.— С. 64—76]. Вельбарские племена, очевидно, вытеснили из этих областей потомков зарубинецко-пшеворского населения, о чем свидетельствуют, например, материалы поселения Борятин близ Луцка. Нижний слой представлен комплексами волыно-подольской группы I—II вв., позднее их сменяют постройки с характерным вельбарским материалом [Этнокультурная карта...— С. 32, 69]. Вельбарские погребения III—IV вв. обнаружены также на зарубинецких могильниках рубежа нашей эры (Велемичи I, II в Припятском Полесье и Дедов Шпиль в Среднем Поднепровье).

Отметим, что в этнически чуждой среде Восточной Европы германское население вельбарской культуры сохранило самобытность вплоть до IV—

V вв. Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что переселение германских племен происходило в несколько этапов [Szczykun, 1981]. Существенно, что носители вельбарской культуры (впитавшей, как было сказано выше, и ряд пшеворских элементов) проникли на Волынь и в Южное Побужье примерно в тот период, когда в более южных и западных областях активно шли процессы этнокультурной интеграции, сопровождавшие формирование черняховской культуры [Кухаренко, 1970]. В конечном итоге эти процессы затронули и большую часть вельбарских племен на территории Восточной Европы, усвоивших основные черняховские элементы.

В результате лишь немногие памятники III—IV вв. сохранили явные вельбарские элементы. В большинстве случаев они представлены единичными типами лепных сосудов при полном преобладании черняховской гончарной керамики. Такие черняховские памятники с вельбарскими элементами, носителями которых можно считать германцев, распространены достаточно широко: от Румынии и Молдавии до Среднего Поднепровья. За пределы Волыни и Южного Побужья они проникли в конце III—IV в., расселившись как внутри черняховского ареала, так и за его пределами.

Как свидетельствуют материалы поселения Глеваха к югу от Киева, слой киевской культуры с некоторыми черняховскими импортами второй половины III в. сменяется черняховско-вельбарским в начале IV в. Одновременно подобные памятники появляются в бассейнах рек Стугна и Ирпень (Черняхов, Обухов I, Деревянное, Игнатовка и др.), ранее занятых памятниками киевской культуры [Терпиловский, 1985]. Вельбарские элементы в черняховской культуре отчетливо фиксируются вплоть до конца IV — начала V в. (Косаново), то есть до гуннского времени. В этот период, по сообщениям Иордана и других авторов IV—VI вв., готы на территории Восточной Европы, возможно, входившие в военнополитический союз, археологическим выражением которого была черня-

ховская культура, терпят поражение от гуннов.

Славяне, судя по археологическим материалам, обитавшие на северной периферии черняховской культуры, подчинялись германским и сарматским группировкам. Объединившись, вероятно, с еще более северными племенами киевской культуры, они воспользовались новой политической обстановкой и выступили против готов. Начались славяно-готские войны, ярко описанные Иорданом, которые расцениваются В. Д. Бараном как борьба за политический престиж [1981.— С. 176]. Они проходили с переменным успехом и закончились поражением антского вождя Божа. Однако поражение было временным и не смогло остановить процессов славянской консолидации, приведших к созданию могучих военнополитических союзов, занявших место готского объединения в Юго-Восточной Европе [Баран, 1981.— С. 176].

Письменные источники сообщают, что в конце IV — первой половине V в. различные готские группировки постепенно концентрируются в Подунавье, проникая затем в пределы Римской империи [Буданова, 1983.— С. 14—17]. Некоторая часть готского населения на территории Восточной Европы сохранилась только в Крыму и, возможно, на Черноморском побережье Кавказа, растеряв большинство этнических элементов в разнородной среде.

Таким образом, славяно-готские войны конца IV — начала V в. можно считать заключительным периодом славяно-германских отношений в Восточной Европе. Следующий этап таких контактов наступает в ходе славянской колонизации Средней Европы и Балканского полуострова VI—VII вв., вызвавший активизацию разносторонних связей между славянами и германцами.

В эпоху «великого переселения народов» одним из важнейших факторов, активно влиявшим на ход исторических событий в Европе, были кочевники, хлынувшие из Азии в Причерноморские степи, что привело к значи-

тельным этническим сдвигам в среде местных племен и народов.

Взаимосвязь славян и кочевников подтверждается археологическими данными. Для гуннского времени таких свидетельств немного, поскольку славянские и кочевнические древности V в. н. э. пока изучены слабо. Поэтому отметим только дореволюционную находку клада из Суджи Курской области, содержащего серебряные украшения гуннской эпохи; серебряную фибулу, обтянутую золотым листом и украшенную гранатами из с. Пашковка на Черниговщине; небольшую железную трехлопастную стрелу гуннского типа из пеньковского поселения Заньки на Харьковщине [Рыбаков, 1953; Засецкая, 1975.— С. 77.— Табл. IV; Дьяченко, 1976].

В последующее аварское время славяно-кочевнические связи археологически улавливаются более четко. В значительной мере они фиксируются по раскопкам славянских древностей и в меньшей — по памятникам степных племен. На поселениях пеньковской культуры Осиповка, Чернещина, Стецовка и Богатое обнаружено по одному юртообразному жилищу: овальному или круглому в плане, диаметром 4—7,2 м. Своеобразной чертой этих юрт являются врытые в землю основания, что редко встречается у кочевников. «По существу,— пишет С. А. Плетнева,— круглые в плане юрты-полуземлянки являются уже жилищами оседлого населения, освоившего основные принципы строительства постоянных жилищ. С юртами их сближают, во-первых, круглая в плане форма и, во-вторых, расположение очага в центре пола» [1967.— С. 57]. Кочевнические черты присущи также одной из полуземлянок поселения Будище.

Остатки двух жилищ, по конструкции близких к салтовским, раскопаны Д. В. Бодянским на балке Звонецкой возле с. Майорка в Надпорожье. Это наземные, прямоугольные в плане постройки с гранитными доколами размерами 10,5×7 и 4×3,4 м. По размерам, наличию каменных доколов они близки к салтовским жилищам, выде-

ленным С. А. Плетневой во второй тип [1967.— С. 63]. Такие жилища очень характерны для всех оседающих на землю кочевых народов.

Как видим, в результате взаимодействия славян и кочевников, которое характеризовалось в данном случае внедрением последних в местную земледельческую среду, в районах контактной зоны пеньковской культуры появляются юрты, полуземлянки и наземные жилища. Вместе с тем посуда и бытовой инвентарь, найденные в этих домах, в основном типичны для местного славянского населения. В данном случае мы имеем дело с ярким, фиксируемым археологически примером процесса культурной и, по-видимому, этнической адаптации кочевнического населения, попавшего в этнически инородную земледельческую среду.

В результате такого взаимодействия в районах контактной зоны появились отдельные погребения с элементами оседлых и кочевнических племен. Возле с. Алексеевка на Днепропетровщине, на левом мысе р. Чертомлык, Д. В. Бодянский раскопал три труположения. В погребениях найдены спиральные медные кольца, бусы из стекловидной пасты, браслетовидное кольцо. Спиральные подвески, аналогичные найденным на могильнике в Алексеевке, встречаются и на пеньковских памятниках [Приходнюк, 1980.— С. 69.— Рис. 46, 8, 12].

Два раннесредневековых труположения обнаружены на пеньковском могильнике возле с. Селиште Оргеевского района Молдавской ССР [Рафалович, Лапушнян, 1974.— С. 1974.— С. 137—140]. В погребениях выявлены круглая литая пряжка с массивным кольцом и асимметрично выступающей передней частью, маленькая круглая железная пряжка, биусеченное, с вогнутым основанием пряслице, пастовые и янтарные бусы, костяная игла, ромбовидная бронзовая литая пальчатая фибула.

Эти труположения сближают с кочевниками и некоторые категории инвентаря: массивная пряжка и биусеченное, с вогнутым основанием пряс-

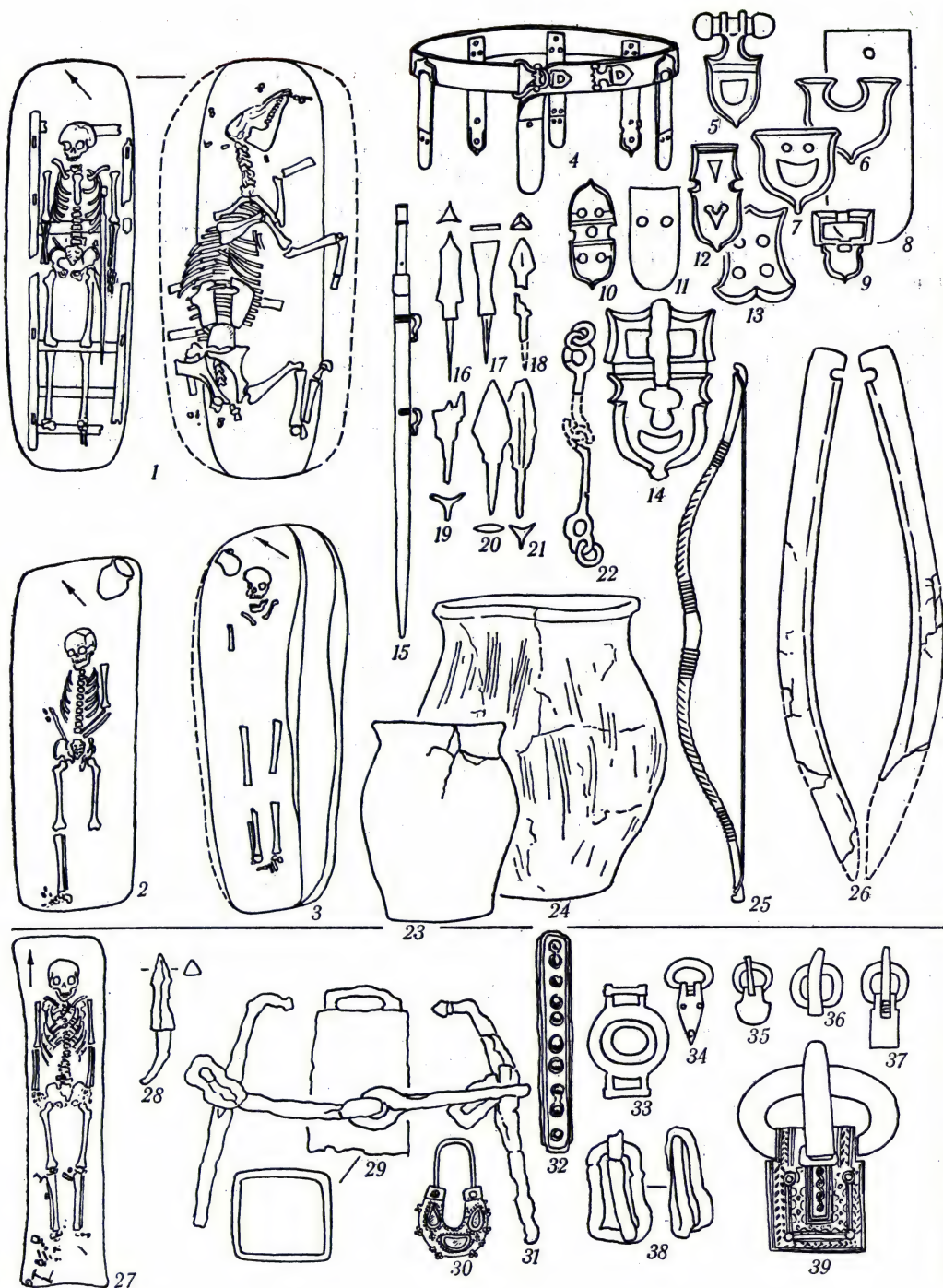

Рис. 67. Культура кочевников IV—VII вв. (по: Этнокультурная карта..., 1985.— Рис. 18):

лице. Аналогичные находки нередки в аварских женских погребениях на территории Венгрии [Вопа, 1956.— С. 183—244]. Пальчатые фибулы более типичны для славян.

Влияние кочевнической культуры на славянские древности в контактной зоне прослеживается и на керамическом материале. Лепная пеньковская керамика из Поорелья и Днепровского Надпорожья отличается наличием значительных органических примесей в глиняном тесте. Большинство славянских горшков из контактной зоны по краю венчика украшено насечками. Насечки, пальцевые вмятины, обилие органических примесей в глиняном тесте являются существенными признаками влияния кочевнической культуры на славян Поорелья и Днепровского Надпорожья.

На городище пеньковской культуры в с. Селиште найден целый лепной горшок, который по форме и орнаментации близок к кочевнической посуде [Рафалович, Лапушнян, 1974.— С. 126.— Рис. 8].

Под влиянием кочевников у пеньковского населения получают распространение глиняные фигурки животных, костяные петли для подвешивания налучий и колчанов, костяные обкладки лука. Соответствуют ему и большие, тяжелые железные трехлопастные и ромбовидные стрелы, найденные в селах Требужены и Чернещина. В кочевнических погребениях костяные детали лука и большие железные стрелы встречаются повсеместно. В то же время славяне, по свидетельству Маврикия, пользовались деревянными луками и небольшими стрелами, смоченными в сильнодействующем яде [Мишулин, 1941.— С. 253—254]. В регионе юго-восточного пограничья пеньковской культуры найдены и кочевнические клады.

Таким образом, славяне на границе со Степью вступали в контакты с соседним кочевническим массивом, что приводило к проникновению элементов культуры кочевников в славянскую среду.

Связь славян со степными племенами способствовала не только проник-

новению кочевнического населения и элементов их культуры в славянскую среду, но и имела обратный эффект. Например, в результате оседания кочевники заимствовали у славян полужемляночный тип жилищ [Плетнева, 1967.— С. 50—51].

Свидетельством проникновения славян в степные районы являются материалы Дмитриевского могильника салтовской культуры в бассейне Северского Донца. Там обнаружено семь ранних ямных трупосожжений, сопровождавшихся лепными округлобкими, ребристыми и тюльпановидными горшками [Плетнева, 1972.— С. 116.— Рис. 3, 1—5; С. 117.— Рис. 4, 1, 2; 5, 12].

В последней четверти I тыс. н. э. соседями славян на юго-востоке Европы были аланы, болгары, тюрки, хазары, угры, печенеги. В письменных источниках сохранились сведения о тяжелой и длительной борьбе славян с хазарами и печенегами. С аланским и болгарским населением, которое в VII—IX вв. в значительной степени перешло к оседлости и расселилось на юго-восточной периферии славянского этнического массива, отношения у славян были мирными. Часть кочевников, осевших на землю славян, большей частью аланы и болгары были ассимилированы славянами.

Основной территорией обитания аланов был Северный Кавказ, но аланские поселения известны и за пределами этой области. В V—VII вв. в Южное Поднепровье проникают элементы аланской культуры, более всего заметные в керамике этого времени. Можно предположить также проникновение в эту область какой-то части аланского населения.

На правом берегу Днепра, между городами Днепропетровск и Запорожье, исследовались три поселка с гончарными мастерскими (12), представлявшими собой значительный ремесленный центр эпохи раннего средневековья, где изготовлялись на продажу сосуды аланского типа. Поселки гончаров расположены на склонах балки Канцерки, выходящей к Днепру. Поселки I, II находились вблизи с. Фе-

доровка Верхне-Хортицкого района Запорожской области (исследовались В. А. Гринченко в 1929—1931 гг.). Поселок III, расположенный на боковом ответвлении балки у с. Любимовка Солонянского района Днепропетровской области, изучался в 1964—1965 гг. [Сміленко, 1975.— С. 118—157]. Всего за годы раскопок открыто 18 гончарных горнов (два горна, кроме того, зафиксированы магниторазведкой) и целый ряд жилых и производственных помещений. Мастерские Канцерки датируются керамикой и археомагнитным методом: горны № 13, 17 — VII в., № 12 — VIII в.

В мастерских изготавливались большие водоносные кувшины, трехручные и одноручные, двуручные амфоровидные сосуды (корчаги), стаканы, горшки, кружки.

Только кувшины Канцерки представляли массовую продукцию, предназначенную для продажи. Остальные типы керамики изготавливались в меньшем количестве для собственных нужд.

Известен гончарный горн для обжига аналогичных кувшинов в с. Мачехи у г. Полтавы на расстоянии около 160 км к северу от исследованных в Канцерке поселений.

Отметим, что на синхронных Канцерке поселениях Южного Поднепровья пеньковского типа, расположенных рядом, кувшины канцерского типа почти не встречаются. Лишь на некоторых из поселений пеньковской культуры Среднего Поднепровья обнаружено небольшое количество обломков кувшинов, украшенных характерным канцерским орнаментом — бороздками, лощеными полосами, валиками, шишечками (Стецовка и др.).

Почти полное отсутствие продукции Канцерки на синхронных поселениях Поднепровья заставляет предположить, что большие водоносные кувшины изготавливались в основном не для местных сельских поселений. Покупателями в таком людном месте, недалеко от переправы в конце Днепровских порогов, возможно, были кочевники, торговцы и пр.

Наиболее многочисленные в материалах Канцерки одноручные и трех-

ручные кувшины не характерны для местной керамики Поднепровья. Поиски истоков их происхождения приводят на Северный Кавказ. Близкого типа сосуды появились у аланов Северного Кавказа еще в III—IV вв. и продолжали бытовать до конца I тыс. н. э. Больше всего аналогий кувшинам Канцерки известно в аланской керамике конца VII — начала IX в. [Минаева, 1961.— С. 125—126]. В подобных больших кувшинах переносили воду на Кавказе вплоть до недавнего времени [Минаева, 1965.— С. 48]. Сосуды Канцерки типа стаканов также находят аналогии в аланских памятниках Северного Кавказа [Кузнецов, 1962.— С. 108—114].

Близкие аналогии в аланских памятниках наиболее массовым типам керамики Канцерки дают основания отнести культуру открытых поселений к кругу аланских древностей. Учитывая факт находки на полу мастерской № 11 обломков черепа человека со следами искусственной деформации, издавна применявшейся сармато-аланскими племенами, можно предположить, что в Степное Поднепровье не только были принесены с юго-востока аланские типы кувшинов и стаканов, но и переселились сами гончары.

Так как аланы и болгары являлись основными создателями салтовской культуры, то и сосуды, найденные в Канцерке, близки к некоторым типам керамики салтовских памятников. Несколько трехручных кувшинов, иногда украшенных валиками, известно в Подонье, в частности в материалах Маяцкого могильника [Флеров, 1984.— С. 196]. В материалах Дмитровского могильника салтовской культуры также известны близкие формы — двуручные амфоровидные сосуды, одноручные кувшины, кружки, горшки с ручкой [Плетнева, 1967.— С. 114—118].

Аланы-гончары, поселившиеся на Днепре, оказались в области, уже заселенной ранее оседлыми и кочевыми племенами, с которыми пришельцы не могли не вступать в контакты. Поэтому материальная культура поселений Канцерки приобрела ряд черт местной

культуры. Так, обнаруженные в Канцерке жилища — полуземлянки с открытыми очагами или печью-каменной — близки к памятникам пеньковского типа Степного Поднепровья [Сміленко, 1975.— С. 85—86]. Известны подобные жилища и в салтовской культуре, которой были заимствованы, по мнению С. А. Плетневой, у славян [Плетнева, 1967.— С. 58]. Жилища аланов на Северном Кавказе строились из камня [Минаева, 1965.— С. 35].

Если тарная и столовая керамика Канцерки представлена аланскими формами, то бытовые кухонные горшки отражают связь с местным населением. Лепные горшки Канцерки фактурой и формой близки к раннеславянским. Шаровидный, подправленный на круге горшок относится к пастырскому типу [Археологія УРСР, 1975.— Т. 3.— С. 105].

В материалах поселений Канцерки прослежены, таким образом, черты аланской культуры Северного Кавказа, местной пеньковской и пастырской культур. Пришлые мастера в Поднепровье усвоили местную конструкцию жилищ и некоторые черты технологии, а также отдельные формы кухонной посуды.

Крупным политическим кочевническим объединением являлась Великая Болгария, сложившаяся в 30-е годы VII в. в Приазовье и на Тамани. Это государственное объединение было недолговечным. После смерти правителя Великой Болгарии Кубрата созданное им государство распалось на орды. Начался период возвышения Хазарского каганата, образовавшегося одновременно с Великой Болгарией в Прикаспии. Часть болгар, возглавленных ханом Аспарухом, откочевала на Дунай, другая подчинилась хазарам.

После длительной борьбы с арабами, продолжавшейся до 30-х годов VIII в., столица Хазарии была перенесена из Дагестана в низовья Волги, где был построен город Итиль. Переместившись к северу, Хазарский каганат подчинил своей власти часть степей Северного Причерноморья и Крыма. Из письменных источников мы узнаем, что каганат наложил дань на многие племена

и народы Восточной Европы, в том числе и на часть соседних восточнославянских племен. Экспансия Хазарского каганата не проходила мирно. Об этом свидетельствуют многочисленные одинокие захоронения воинов и вождей, обнаруженные вне могильников и относящиеся к концу VII — началу VIII в. Синхронность этих памятников позволяет связывать их с военными событиями эпохи распространения власти Хазарского каганата.

Особый интерес представляют наиболее богатые — «княжеские» — захоронения этого времени, получившие название Перещепинского типа (Глодосы, Келегеи, Новые Санжары и др.). Характерной их особенностью является наличие в составе инвентаря значительного количества драгоценностей, а также оружия и конского снаряжения. Первоначально памятники данной группы интерпретировались как клады, но впоследствии было доказано, что часть из них представляет собой богатые погребения. А. К. Амброз объединяет их в группу захоронений высшей знати [1981.— С. 13].

Памятники датируются многими найденными в составе инвентаря вещами. В первую очередь следует называть византийские монеты (общее их количество 89), отчеканенные в период между 582 и 668 гг. [Кропоткин, 1962.— С. 36]. Довольно точно могут быть датированы и некоторые из драгоценных сосудов с византийскими, в частности константинопольскими, клеймами VI — первой половины VII в. [Matzulewitsch, 1929]. К датирующим предметам относятся мечи в золотых обкладках, стремена, трехлопастные стрелы, поясные пряжки, бляшки от конской сбруи. Датировка этих вещей уточняется той частью, которая относится к узкому хронологическому периоду (сабли, стремена, пряжки с двурогим и геральдическим щитками, бляшки от конской сбруи). Последние находки датируют памятники концом VII — началом VIII в. [Амброз, 1971; 1973; Ковалевская, 1979.— С. 52].

В 1930 г. при строительстве Днепродзёзса В. А. Гринченко исследовал памятник у с. Вознесенка, представляв-

ший собой замкнутый прямоугольный вал, насыпанный из земли и камней. Внутри вала в одной из ям обнаружено огромное количество драгоценностей и дружинного снаряжения, частью оплавленных, перемешанных с золой, угольками и костями. Интересны две серебряные фигурки — орла и льва — навершия знамен. На груди орла — геральдическая монограмма, обозначавшая имя «Петров» [Мацулевич, 1959]. В. А. Гринченко рассматривал находки как остатки коллективного сожжения воинов и полководцев, а все сооружение — как военный лагерь [Гринченко, 1950].

В отношении этнической принадлежности памятников типа Малой Перепечины и Вознесенки в литературе высказывались самые различные точки зрения. Их связывали со славянами, уличами, русами, болгарами, аварами, хазарами, тюрками. А. К. Амброз считает их принадлежащими тюркской знати [1981]. Памятник у с. Вознесенка А. К. Амброз относит к поминальным комплексам тюркской знати.

Хазарский каганат подчинил своей власти болгарские племена Подонья и Приазовья, а также аланское население, которое после арабских походов в Предкавказье частично отселилось в бассейн Верхнего и Среднего Дона. Аланы и болгары Подонья и Приазовья, подчинившиеся власти Хазарского каганата, были создателями салтово-маяцкой культуры — одной из наиболее значительных в Восточной Европе. Изучение салтово-маяцкой культуры началось в начале XX в. В. А. Бабенко и В. А. Городцовым. В 30-е годы Волго-Донской и Саркельской экспедициями исследовались средневековые памятники Нижнего Дона [Артамонов, 1953; 1958; Ляпушкин, 1958]. Комплекс памятников у Салтовского городища изучался экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Д. Т. Березовца в 60—70-е годы [1962; 1965; 1970; 1975].

С. А. Плетневой разработаны датировка и классификация памятников, выделены локальные варианты. Исследован переход от кочевого образа жизни к оседлому [1967; 1981].

Сохранилось более 400 поселений салтово-маяцкой культуры, составляющих несколько групп: кочевые, или сезонные, стойбища; постоянно обитаемые поселения; городища с земляными валами и рвами. В Лесостепном Подонье строились укрепленные замки с каменными стенами.

Жилища на салтово-маяцких поселениях представлены четырьмя типами [Плетнева, 1981.— С. 68, 69]: типичными кочевническими жилищами — юртами; несколько углубленными в грунт наземными жилищами с плетневым каркасом стен; прямоугольными полуземлянками со стенами столбовой конструкции. Отапливались они очагами, глиняными и каменными печами. В Приазовье и Крыму строились наземные жилища с каменными стенами или на каменных цоколях.

Большой объем материала получен при исследовании могильников. В зоне Лесостепи, в верховьях Дона и Северского Донца, изучались катакомбные могильники. Особенности антропологического типа погребенных в катакомбах позволили связать их с аланским населением. Широко распространены ямные могильники, по антропологическим данным связанные с тюркскими болгарскими. Ямные болгарские могильники исследовались в Подонье, на Волге, в Дунайской Болгарии и Крыму. Иногда погребения совершались в гробах или каменных ящиках. В Нижнем Подонье подкурганные подбойные погребения с конем и многочисленным инвентарем связаны с хазарской верхушкой каганата.

В развитии салтовской культуры выделены периоды: сложения (середина VII — середина VIII в.); расцвета культуры (середина VIII—IX в.); поздний (конец IX—X в.).

Большая часть поселений салтовской культуры в конце IX в. прекратила свое существование, что исследователи объясняют вторжением печенегов. При этом часть населения возвратилась к кочевой жизни, влившись в печенежские орды. Другая часть расселилась из степей Подонья на север, в Лесостепное Подонье, а также в юго-западном направлении — на Левобере-

режье Среднего Поднепровья, в Степное Поднепровье и Днестро-Дунайское междуречье.

В археологическом материале славянской и салтовской культур отражены тесные культурные связи и непосредственные контакты славянского и алано-болгарского населения. На боршевских городищах Подонья (Титчиха) обнаружена керамика салтовского типа. По мнению А. Н. Москаленко, эти находки позволяют предположить, что на городище Титчиха обитали аланские переселенцы [Москаленко, 1965.— С. 160—162].

Известны находки салтовской посуды на роменских городищах Левобережья Днепра [Ляпушкин, 1958.— С. 44, 46]. В бассейне Северского Донца у салтовского Сухогомольшанского городища исследован могильник с погребальным обрядом урнового и ямного сожжения, где урнами являлись сосуды салтовского типа [Михеев, 1986]. Здесь прослеживается сочетание керамики салтовского типа с погребальным обрядом славянской поздненепеньковской традиции.

В Степном Поднепровье известна группа поселений IX—XI вв., культурный облик которых имеет черты славянской и салтовской культур. Наиболее широко из них исследовано поселение у хут. Первое Мая на балке Яцевой, где открыты семь жилищ, хозяйственное помещение и хозяйственные ямы этого же периода [Сміленко, 1975.— С. 163—167].

Большинство средневековых поселений Левобережья дельты Дуная относятся к IX—XI вв. (Криничное, Болград, Сафьяны, Етулия, Суворово, Нагорное и др.). Для них характерна этнокультурная неоднородность, про-

являющаяся в домостроительстве и керамическом материале. В целом в культуре поселений преобладают славянские черты, но хорошо заметны и салтово-маяцкие. На поселениях фиксируются четыре типа построек. Наиболее многочисленны полуземлянки с глиняными подбойными и каменными печами, что свидетельствует о славянском культурном элементе. Известны в меньшем количестве постройки типа юрт, а также наземные постройки, сооруженные главным образом из камня и глины. Эти типы построек отражают салтовский, болгаро-тюркский элементы. Такой же характер носит керамика поселений. Славянские и салтовские культурные черты распределены на отдельных поселениях неравномерно. Это свидетельствует о том, что на Левобережье дельты Дуная в X—XI вв. процессы этнокультурной интеграции не завершились сложением единой культуры [Сміленко, Козловский, 1988.— С. 301].

Приход в степи воинственных печенегов стал губительным для населения ряда областей Юго-Восточной Европы — многих поселений Крыма, ареала салтовской культуры, южных русских городов и поселений. Для защиты от кочевников в 80-е годы X в. князь Владимир строит города-крепости по рекам Остер, Трубеж, Сула, Стугна. В эту оборонительную систему входили и земляные укрепления — Змиевы валы.

Однако и за южной оборонительной линией Руси в Северном и Северо-Западном Причерноморье продолжают существовать отдельные поселения, населенные славянами и потомками носителей салтово-маяцкой культуры.

ИСТОКИ РАННЕСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В предыдущих главах освещены определяющие тенденции этнокультурного развития населения Юго-Восточной Европы на рубеже и в I тыс. н. э., взаимосвязи различных этнокультурных групп. Поставив перед собой задачу изучить на основании археологических источников проблемы сложения славянской этнокультурной общности и ее развитие, мы попытались выделить и сопоставить те древности Восточной и Центральной Европы рубежа и I тыс. н. э., с которыми можно увязать исторических славян, в том числе наиболее древнее их объединение, известное по письменным источникам (Плиний, Тацит, Птолемей, Помпоний Мела) под именем венедов. Это памятники зарубинецкой культуры конца III — начала II в. до н. э. — I в. н. э.; памятники позднезарубинецкие и волыно-подольской группы I — начала III в.; древности киевской культуры III — первой половины V в.; часть синхронных ей памятников черняховской культуры лесостепной полосы Днестро-Днепровского междуречья, сложившейся на основе волыно-подольских и позднезарубинецких древностей (рис. 68; 69; 70; 71).

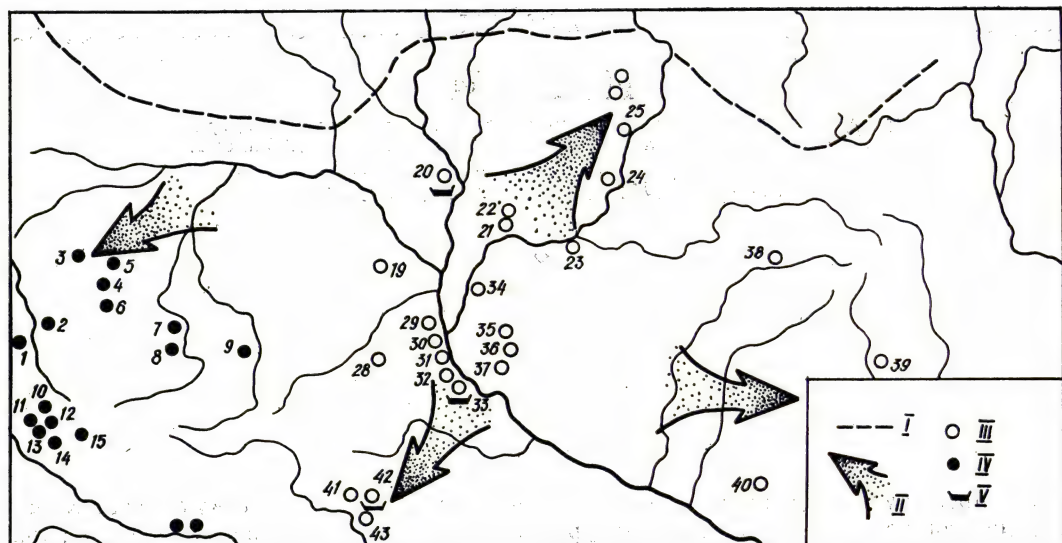
Однако славянская принадлежность перечисленных культур может быть доказана только при условии, что они, будучи близки между собой, увяжутся в типологической и хронологической последовательности со средневековыми славянскими культурами. Последнее

предполагает генетическую преемственность и принадлежность их носителей к родственным группировкам.

Успешная разработка данной проблемы позволяет ответить на вопрос, где, когда и на основе каких предшествующих культур сложились ранне-средневековые древности славян V—VII вв. и тем самым поставить и в какой-то мере решить проблему о прародине и непосредственных предках раннесредневековых славян.

Изучение процессов формирования раннесредневековых славянских древностей требует ретроспективного подхода, заполнения хронологических лакун, строгого комплексного учета всех основных элементов изучаемых культур от достоверно славянских памятников вглубь. Потеря или неизученность хотя бы одного из хронологических звеньев снижает возможность типологических сопоставлений, а следовательно, поисков тех этнографических признаков, которые увязывали бы более древние культуры со славянским средневековьем.

Длительное время таким уязвимым местом в изучении славянских древностей были памятники VI—VII вв., широкое изучение которых началось только в 50-е годы нашего столетия. Это было основной причиной неудач, постигших археологов, искавших прямую генетическую линию развития от культур римского времени и более ранних на территории Юго-Восточной и Центральной Европы к древностям

периода славянских государственных образований.

В последние десятилетия удалось заполнить хорошо датированными памятниками не только этот пробел, но и хронологическую лакуну, приходившуюся на V в., а также открыть на территории Украины поселения II в. н. э. (поздnezарубинецкие, воыно-подольской группы), без которых было бы трудно и даже невозможно типологически увязать древности римского и раннесредневекового периодов на территории Юго-Восточной Европы.

Существование хронологических лагун в изучении археологических культур II и I тыс. до н. э. делает мало-перспективными попытки археологов выстроить типологическую колонку от славянского средневековья до эпохи бронзы и даже до раннежелезного периода. Это является основной причиной того, что авторы настоящей работы в хронологическом плане не выходят за пределы рубежа I тыс. н. э. Кроме того, археологические данные I тыс. н. э. в отличие от более ранних можно сопоставить с немногочисленными, но важными фактами письменной истории.

Проблема истоков раннесредневековых древностей славян уже не раз ставилась в археологической литературе [Третьяков, 1966; 1970; Баран, 1972;

Рис. 68. Славянские памятники второй половины I — первой половины II в. н. э. в Восточной Европе (по: Козак, Терпиловский, 1987):

I — границы балтских культур лесной зоны (по В. В. Седову и др.); II — направление движения населения Среднего Поднепровья в I—II вв. н. э.; III — поздnezарубинецкие поселения; IV — поселения воыно-подольской группы; V — поздnezарубинецкие могильники. 1 — Белз; 2 — Свитязь; 3 — Подрожье; 4 — Боратин I; 5 — Семки; 6 — Лупк-Гнидава; 7 — Бильче; 8 — Боромель; 9 — Хоров; 10 — Подберезцы; 11 — Подборцы; 12 — Пасеки-Зубрицкие; 13 — Зубра; 14 — Звенигород; 15 — Майдан Гогогорский; 16 — Великая Слободка II; 17 — Оселевка; 18 — Гриневичи Вельке; 19 — Мартыновичи; 20 — Чаплин; 21 — Киселевка III; 22 — Змеевка; 23 — Старая Бутовка; 24 — Чулатово; 25 — Гремяч; 26 — Синьково; 27 — Почеч; 28 — Борожняк; 29 — Лютеж; 30 — Оболены; 31 — Новые Безрадици (уроч. Глубокое); 32 — Тапенки; 33 — Девич-Гора; 34 — Бирки; 35 — Селище; 36 — Коржи; 37 — Вовчков; 38 — Картамышеве II; 39 — Шоссейное; 40 — Оспивка; 41 — Носовцы; 42 — Рахны; 43 — Марьяновка.

1981; Седов, 1972; Русанова, 1976; Godłowski, 1979].

В настоящее время время определились два направления в поисках истоков раннеславянской культуры. Одна группа исследователей, отдавая предпочтение социально-экономической модели, видит ее подосновы на северо-востоке в верховьях Днепра в области распространения памятников киевской культуры III—IV вв. н. э. [Третьяков, 1966. — С. 301—302; 1970. — С. 43—110; Даниленко, 1976. — С. 65—91; Вернер, 1972. — С. 102—115; Godłowski, 1979. — С. 16—27]. Другие, исходя из морфологических признаков самой материальной культуры, склоняются к мыс-

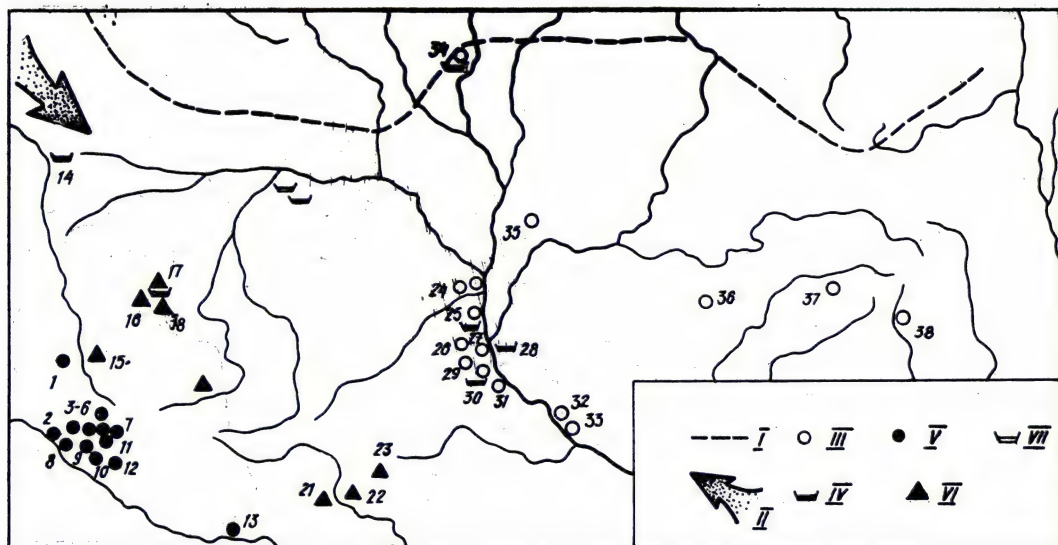

Рис. 69. Славянские памятники второй половины II—III в. н. э. в Восточной Европе:

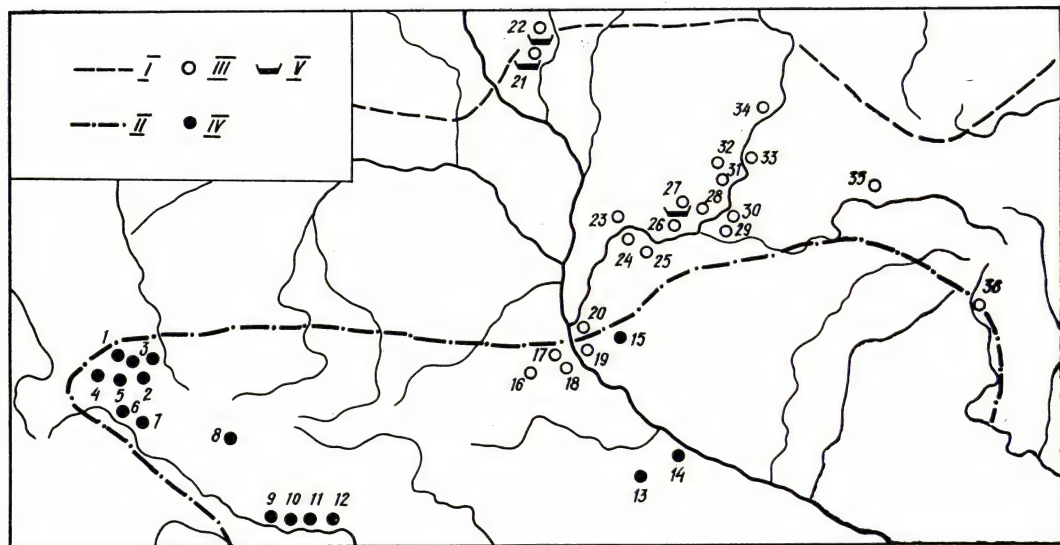
I — граница балтских культур лесной зоны (по В. В. Седову); II — направление движения вельбарских племен; III — памятники типа Грини и ранние памятники киевской культуры; IV — могильники киевской культуры; V — памятники воляно-подольской группы типа Сокольников I — Давыдов; VI — поселения и VII — могильники вельбарской культуры. 1 — Корчевка; 2 — Березец; 3 — Сокольников II; 4 — Подберезцы; 5 — Давыдов; 6 — Кожичи; 7 — Жировка; 8 — Твиржа; 9 — Сокольников I; 10 — Борщовичи; 11 — Пасеки-Зубрицкие; 12 — Воля Комулецкая; 13 — Большая Слободка I; 14 — Брест-Тришин; 15 — Ромош; 16 — Баев; 17 — Горькая Полонка; 18 — Боратин I; 19 — Велемичи I, II; 20 — Лепесовка; 21 — Демидовка; 22 — Гунька; 23 — Слободка; 24 — Грини; 25 — Казаровичи (уроч. Бусловка); 26 — Белгородна; 27 — Киев; 28 — Бортнич; 29 — Глеваха; 30 — Новые Безрадиичи (уроч. Митьков Кут); 31 — Обухов III; 32 — Решетни; 33 — Суши 2; 34 — Абидня; 35 — Верхнестриженское; 36 — Беседовка; 37 — Гочево I; 38 — Шишино 5.

ли, что в подоснове раннесредневековых славянских культур лежат пшеворские древности Южной и Средней Польши [Русанова, 1976.— С. 196—215; Седов, 1972.— С. 116—130; 1979.— С. 101—133].

Последователи первой группы включают из процессов сложения славянских древностей раннего средневековья носителей пшеворской и черняховской культур, которые Й. Вернер и К. Годловский связывают с германцами, а второй — население киевской культуры, считая его балтами. П. Н. Третьяков не исключал возможность наличия в пшеворской и черняховской культурах славянского элемента, но в последних работах отводил ему в процессах формирования славянских раннесредневековых культур очень незначительную роль.

Такие построения казались достоверными до тех пор, пока славянские раннесредневековые древности изучались по материалам поселений и могильников, датированных не ранее VI—VII вв. В это время они представляют собой уже достаточно развитые культуры, весьма далекие от периода их формирования. В этот период уже сложились их территории (славяне выходят за пределы прародин), тип поселка, жилых и хозяйственных построек, погребального обряда, основ-

ные формы глиняной посуды, хозяйственный уклад, социальная структура. Социально-экономическая модель славянского общества VI—VII вв. (периода наиболее интенсивного расселения славян) действительно отличается от модели, характерной для населения ряда культур римского времени, в частности пшеворской и черняховской, и наиболее близка к хозяйственной модели киевской культуры. С другой стороны, в раннесредневековой пражской культуре вырабатывается устойчивая форма горшка, имеющая аналогии в ряде более ранних культур, в том числе и одной из многочисленных форм пшеворской посуды.

Естественно, что ни один из этих признаков — ни хозяйственно-социальная структура, ни форма посуды — сами по себе еще не могут олицетворять славянский этнос, а тем более не могут служить основанием для выделения из славянских древностей целых культурных областей (колочинской или пеньковской [Русанова, 1976]).

Уже в VI в. славянские раннесредневековые древности охватывают огромную территорию — от верховьев Десны на северо-востоке до верховьев Эльбы на западе и от бассейна Припяти на севере до Дуная на юге (см. рис. 37). В VII—VIII вв. территория славянского расселения расширяется еще больше. Этому предшествует период сложения славянских раннесредневековых культур, приходящийся на гуннское время и до недавнего времени наиболее слабо изученный. Именно памятники переходного периода позволяют разобраться в сложных процессах развития археологических древностей лесостепной полосы Юго-Восточной Европы в середине I тыс. н. э. Однако поиски этих затерявшихся древностей оказались очень трудными. Они выделены лишь путем периодизации позднеримских и раннесредневековых культур. Во-первых, они представляют заключительный этап существования, а во-

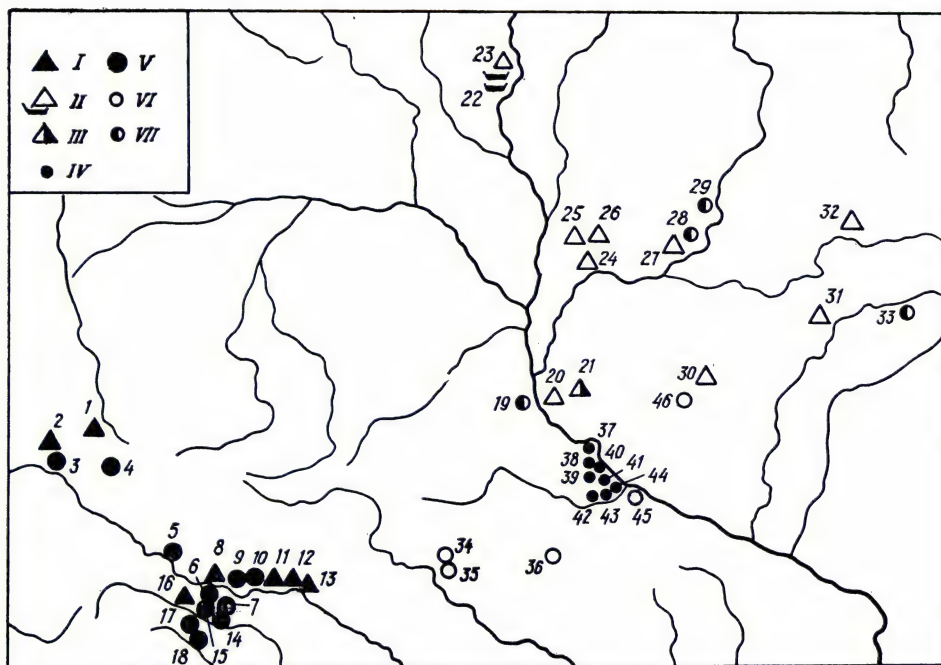
Рис. 70. Славянские памятники III—IV вв. на территории Юго-Восточной Европы:

I — граница балтских культур лесной зоны (по В. В. Седову); II — граница черняховской культуры (по Э. А. Сымоновичу); III — поселения киевской культуры; IV — поселения черняховской культуры; V — могильники киевской культуры. 1 — Неслухов; 2 — Репнев II; 3 — Ракобуты; 4 — Черепин; 5 — Чижикив; 6 — Демьянов; 7 — Бовшев; 8 — Верхний Иванов; 9 — Лука-Врублевская; 10 — Сокол; 11 — Теремцы; 12 — Бакота; 13 — Журовка; 14 — Ломоватое; 15 — Хлопков; 16 — Хлепча; 17 — Глеваха; 18 — Обухов II, III; 19 — Вишенки; 20 — Погребы; 21 — Аби́дня; 22 — Тайманово; 23 — Деснянка; 24 — Выбли; 25 — Салтыкова Девица II; 26 — Мена 5; 27 — Киреевка; 28 — Вишенки; 29 — Обирок; 30 — Короп; 31 — Лавриков Лес; 32 — Форостовичи; 33 — Бирин; 34 — Кветунь; 35 — Букреевка 2; 36 — Шишино 5.

вторых, — начальный этап их сложения (см. рис. 71).

Как известно, периодизация славянских памятников V—VII вв. разработана недостаточно. Однако в последние годы раскопан полностью или в значительных масштабах ряд раннеславянских поселений (Рашков III, Лука-Каветчинская на Днестре, Кодын на Пруте, Хитцы в Подесенье и др.), что позволило исследователям расчленить их на определенные этапы. Пражские древности Поднестровья делятся на три фазы: V — начало VI в.; VI — начало VII в. и VII в. [Баран, 1985. — С. 83]. Это хорошо видно по материалам поселения Рашков III. На поселении у с. Кодын И. П. Русанова и Б. А. Тимошук подразделяют жилищные комплексы пражского периода на четыре фазы [Русанова, Тимошук,

1984.— С. 23—28]. В пеньковской и колочинской культурах выделены только две фазы: V — начало VI в. и VI—VII вв. [Приходнюк, 1985.— С. 90; Терпиловский, 1985.— С. 97]. Отметим, что хорошо датированные материалы присутствуют лишь в комплексах V и VII вв. Комплексы VI в. на большинстве памятников выделены на основании стратиграфии и типологии керамики.

Важное место в разработках хронологии и периодизации славянских памятников раннего средневековья занимает археомагнитная датировка, довольно четко определяющая нижнюю и верхнюю хронологические границы пражской культуры V—VII вв. На поселении Рашков III археомагнитным методом продатировано 19 жилищных комплексов. Восемь из них отнесены к V или V — началу VI в., остальные — к VII в. На поселении Сокол археомагнитным методом продатировано четыре, а на поселении Лука-Каветчинская — один объект. Именно корреляция данных стратиграфии, археомагнитной датировки и признаков материальной культуры лежит в основе периодизации славянских ранне-

Рис. 71. Славянские памятники второй половины IV—V в. в Восточной Европе (по: Баран, 1988):

I — черняховские; II — киевские; III — черняховско-киевские; IV — отдельные находки фибул V в. в Среднем Поднепровье; V — пражские; VI — пеньковские; VII — колочинские. 1 — Репнев II; 2 — Черепин; 3 — Волники; 4 — Подберезцы; 5 — Зеленый Гай; 6 — Рашков II; 7 — Рашков III; 8 — Сокол; 9 — Каветчина; 10 — Устье; 11 — Теремцы; 12 — Бакота; 13 — Бернашовка; 14 — Кодын II; 15 — Кодын I; 16 — Гореча; 17 — Рогозна; 18 — Глубокое; 19 — Ходосовка; 20 — Вишенки; 21 — Хлопков; 22 — Новый Быхов; 23 — Тайманово; 24 — Ульяновка; 25 — Сибиреж; 26 — Роище; 27 — Мезин; 28 — Заярье; 29 — Целиков Бугор; 30 — Сенча; 31 — Курган-Азак; 32 — Каменев 2; 33 — Песчаное; 34 — Царховка; 35 — Куя; 36 — Кочубеевка; 37 — Букрин (Великий и Малый); 38 — Григоровка; 39 — Студенец; 40 — Бучаки; 41 — Пекари; 42 — Межиричи; 43 — Михайловка; 44 — Хмельна; 45 — Крешатик; 46 — Хитцы.

средневековых культур и делает ее достаточно надежной.

Верхняя граница пражской, пеньковской и колочинской культур фиксируется отсутствием в комплексах форм, характерных для этапа Луки-Райковецкой на Правобережье, волинцевской и роменской культур на Левобережье с типичным для них орнаментом в виде пальцевых вдавлений по краю венчика и врезной волны на плечиках сосудов. Смена культур наблюдается в конце VII — начале VIII в. В данном случае, говоря о происхождении и кристаллизации славян-

ских культур раннего средневековья, для нас наиболее важно выделение самого раннего этапа, приходящегося на гуннское время. Ниже постараемся показать надежно датированные комплексы V в. Наличие на раннесредневековых славянских поселениях таких комплексов позволяет определить время и территорию формирования славянских раннесредневековых культур и сделать более широкие выводы.

Следует отметить, что период конца IV—V в. н. э. совпадает с такими крупными историческими событиями, как крушение Римской империи и гуннское вторжение в Европу. В это время распадаются многие культурные общности, существовавшие во второй четверти I тыс. н. э., утрачиваются традиции, складывавшиеся под культурными влияниями римских провинций, наступает период средневековья, для которого характерно смещение акцентов экономической, культурной и политической жизни.

В сложившейся исторической ситуации довольно сложно определить, что же исчезает полностью, а что из старых культурных достижений остается и каково его отношение к новому. На стыке эпох археологические источники всегда немногочисленны, а те памятники, которые удается открыть, не всегда поддаются строгой датировке. Однако они являются тем недостающим звеном, которое связывает культуры двух эпох, в нашем случае — римского и раннесредневекового времени. Без их исследований все построения, посвященные изучению вопросов сложения славянских раннесредневековых культур, не выходят за пределы гипотез и предположений. Поэтому на современном этапе важной задачей является изучение тех памятников середины I тыс. н. э., которые представляют заключительный этап культур римского времени и начало сложения славянских раннесредневековых древностей. Именно они служат ключом к пониманию процессов формирования славянских средневековых культур и открывают возможности ретроспективного изучения их подоснов.

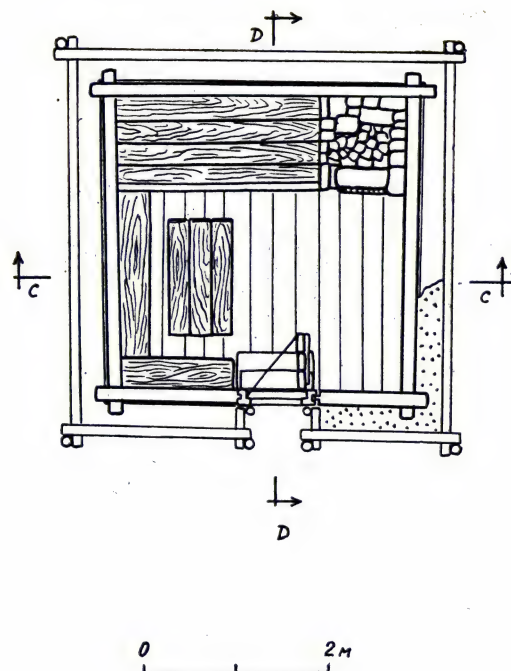
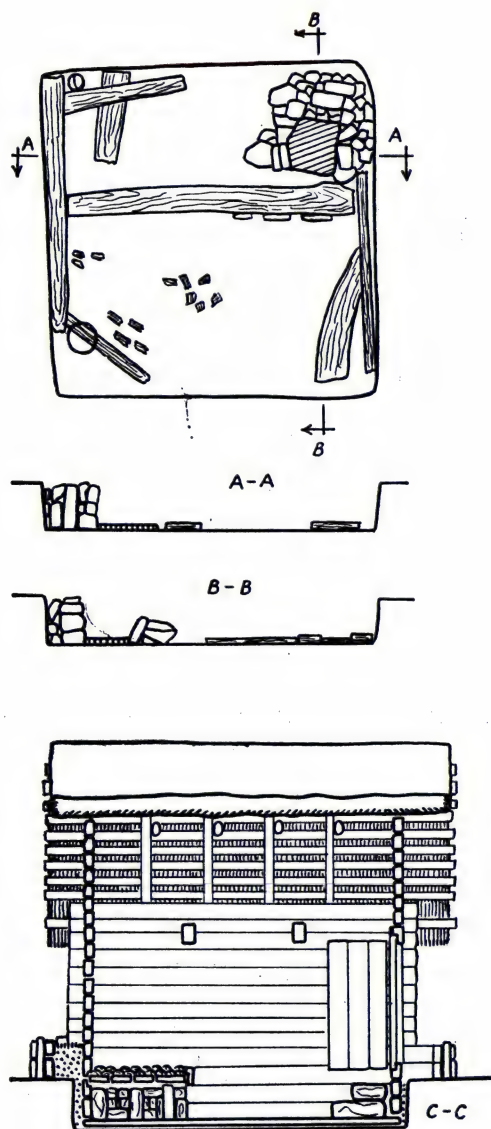
В последние годы на Украине

открыт пласт памятников, в основном поселений пражской, пеньковской и колочинской культур, наиболее ранние комплексы которых датируются гуннским временем и составляют их наиболее ранний — I — этап (см. рис. 71). Они отличаются от более поздних наличием наряду с лепной посудой гончарной сероглиняной керамики и других изделий, в том числе фибул, характерных для позднеимского времени. Приведем их краткую характеристику.

На территории пражской культуры выделяется регион Среднего Поднепровья и Верхнего Попрутья. Одним из первых памятников на Днестре, где в полуземляночных жилищах с печью-каменкой помимо лепной посуды выявлены фрагменты гончарной сероглиняной керамики, является славянское поселение у с. Зеленый Гай Залещицкого района Тернопольской области. Оно исследовано В. Д. Бараном в 1966—1967 гг. [1972.— С. 170—185]. Из восьми открытых на поселении славянских жилищ гончарная сероглиняная керамика встречена в четырех (№ 1, 4, 7, 9). В остальных полуземлянках керамические комплексы состояли исключительно из лепной посуды [Баран, 1972.— С. 170—185].

Керамические комплексы, сочетающие пражские формы, лепную и гончарную посуду черняховского типа, открыты О. М. Приходнюком в 1974—1977 гг. на славянском поселении Лука-Наветчинская Каменец-Подольского района Хмельницкой области на Среднем Днестре. Из 27 исследованных жилищ-полуземлянок с печами-каменками 14 содержали, кроме лепной, гончарную сероглиняную посуду черняховского типа [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 46.— Табл. 6]. Она же обнаружена и в нескольких хозяйственных ямах. Объекты с лепной и гончарной посудой выделены в отдельный ранний этап, который на основании железной подвязной фибулы с широкой рамкой приемника (см. рис. 75, 4) и красноглиняных амфор датируется второй половиной V в. [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 72—74].

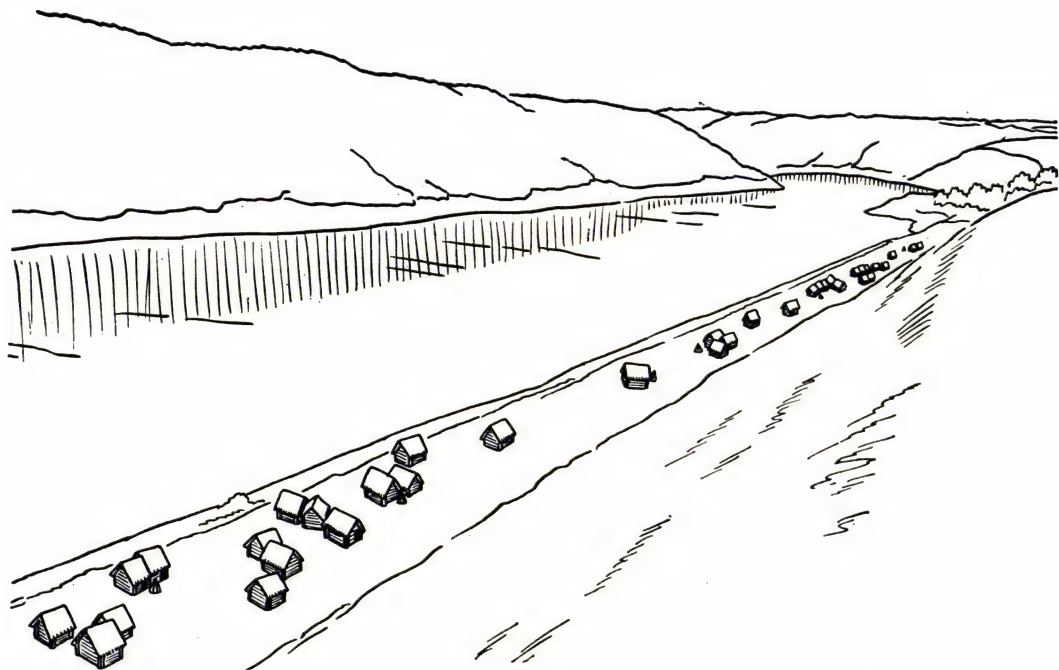
Очень однородный комплекс, сочетающий лепную и гончарную сероглиняную керамику, далo поселение у с. Устье Каменец-Подольского района Хмельницкой области. Здесь О. М. Приходнюком открыто семь полуземлянок, шесть из них с печью-каменкой и одна с очагом [Приходнюк, 1975.— С. 107]. В шести полуземлянках лепная славянская посуда сочеталась с гончарной сероглиняной керамикой.

Жилищные комплексы, в которых сочетается лепная и сероглиняная

Рис. 72. Рашков II. Реконструкция жилища.

гончарная посуда, открыты В. Д. Бараном на двух славянских раннесредневековых поселениях у с. Рашков Хотинского района Черновицкой области на Днестре.

На поселении Рашков II, где исследовано четырнадцать жилищ-полуземлянок с печами-каменками, в четырех из них, а также в одной хозяйственной яме вместе с лепной посудой выявлено несколько фрагментов гончарной керамики черняховского типа.

На большом раннеславянском поселении Рашков III, исследованном полностью, открыто 92 жилища-полуземлянки с печами-каменками и 53 хозяйственные ямы. Все они, за исключением шести полуземлянок (№ 10, 12, 52, 58, 73, 89) и двух хозяйственных ям, содержали исключительно лепную керамику, представленную горшками, несколькими сковородками и мисками. Керамические комплексы названных жилищ сочетали лепную и гончарную сероглиняную посуду. Гончарная керамика найдена и в культурном слое вне жилищ. Некоторые жилища (№ 29, 35, 44) продатированы археомагнитным методом второй половиной или концом V в. Так же датированы жилища № 27, 30, 32, 43, но у них, к сожалению, отсутствуют определяющие находки. Два жилища без находок (№ 33, 36) продатированы археомагнитным методом концом V — началом VI в. [Баран, 1988.— С. 28.— Табл. 2].

В целом, на поселении Рашков III на основании стратиграфии, археомагнитной датировки, количественного соотношения керамики черняховского облика и ранних форм пражской посу-

Рис. 73. Рашков III. Общий вид поселения. Реконструкция.

ды выделено 21 жилище и 2 хозяйственные ямы, которые относятся к первому хронологическому периоду существования поселения и датируются в рамках второй половины V — начала VI в. (рис. 73; 74).

В 1977—1978 гг. В. Д. Бараном и А. Журко частично исследовано многослойное поселение в с. Бернашовке Могилев-Подольского района Винницкой области. В раннеславянском жилище № 1 найдены фрагменты лепной и гончарной керамики. Причем гончарная керамика составляет незначительную часть комплекса (на 276 фрагментов лепных сосудов лишь 14 гончарных) подобно комплексам других славянских поселений, датированных фибулами V в.

Подквадратную полуземлянку с глиняной печью, чей керамический комплекс состоял из лепной посуды, близкой к пражскому типу, и нескольких фрагментов гончарной сероглиняной керамики, выявлено в 1980 г. В. Н. Цыгылыком у с. Рудники Николаевского района Львовской области.

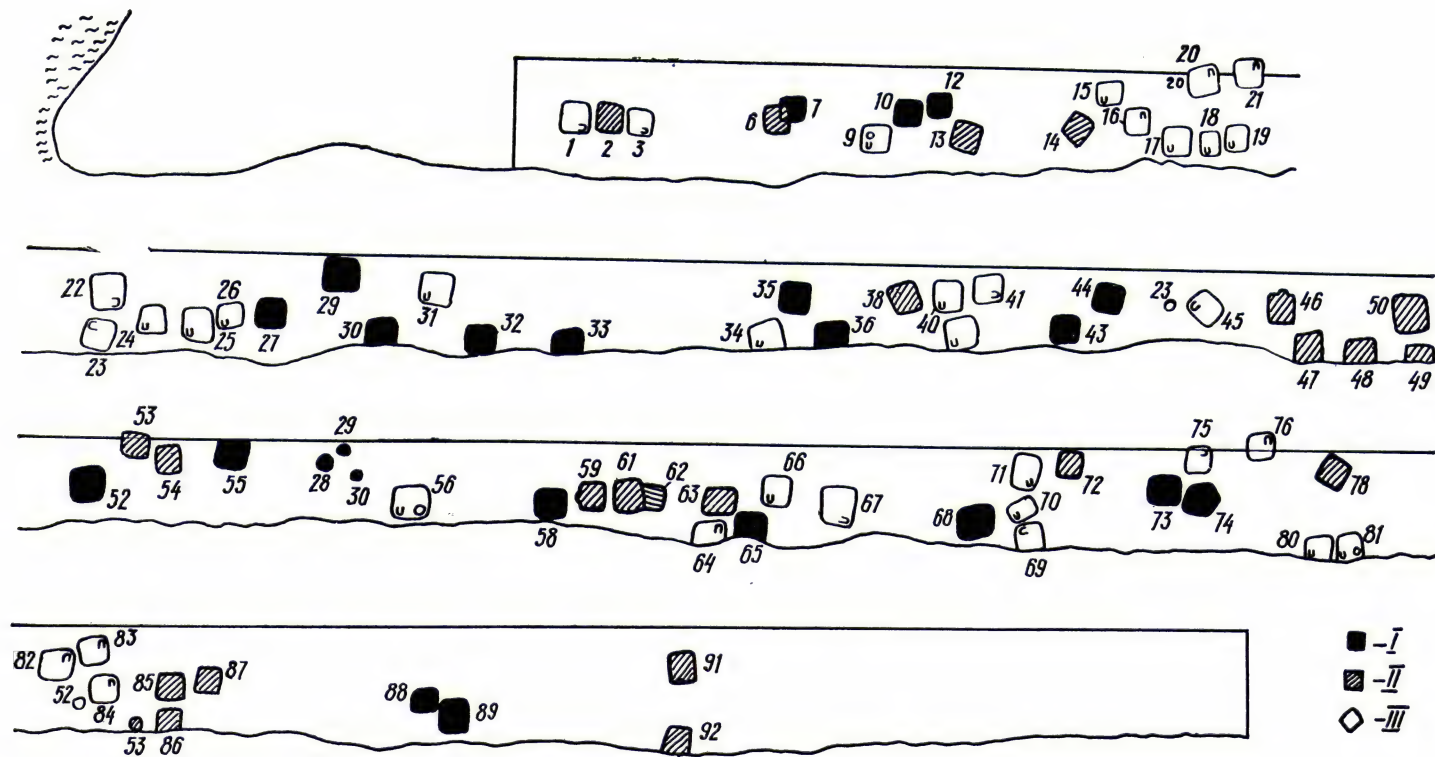

Рис. 74. Периодизация развития поселения Рашков III:
 I — жилища периода I; II — жилища периода II; III — жилища периода III.

Одно жилище с ранними формами пражской посуды и двумя фрагментами гончарной сероглиняной керамики открыто Д. Н. Козаком у с. Подберезцы Пустомытовского района Львовской области [Козак, 1984].

В 1977—1979 гг. И. П. Русановой и Б. А. Тамощуком широко раскапывались два славянских поселения — Кодын I и II, расположенные над р. Дереглуй, правым притоком р. Прут, под г. Черновцы [1984. — с. 3—86].

На поселении Кодын I исследовано 30 жилых и хозяйственных построек, а на поселении Кодын II — 46. Оба памятника существовали длительное время — с V по VIII в. включительно. Авторы раскопок на основании стратиграфии и вещественного материала выделили шесть последовательных периодов. Комплексы пражской культуры подразделяются ими на четыре хронологических периода. Первые периоды — IA и IB — укладываются в V в. К ним относятся восемь жилищ на поселении Кодын I и шесть — на Кодыне II. Для них характерно наличие в керамических комплексах ранних форм пражских сосудов в сочетании с гончарной и лепной керамикой позднеримского времени.

На поселении Кодын I открыты две полуземлянки (№ 10 и 21), комплексы которых надежно датированы фибулами V в. (рис. 75, 9, 10) [Русанова, Тимощук, 1984. — С. 22].

На двухслойном поселении Гореча II, на восточной окраине г. Черновцы, Б. А. Тимощуком раскрыты объекты культуры карпатских курганов и восемь славянских жилищ раннего средневековья. Два из них (№ 1 и 7), по мнению автора раскопок, являются переходным типом, связывающим типологически обе культуры. На месте очага в жилище № 1 построена печь-каменка, но в новых сооружениях сохранены приемы более раннего строительства, а их керамические комплексы содержат характерные формы посуды обеих культур [Тимощук, 1976. — С. 36]. Такой же керамический комплекс, включающий лепную и гончарную керамику, открыт в жилище № 7а.

Аналогичное двухслойное поселение

исследовалось Л. В. Вакуленко у с. Глубокое Черновицкой области [Вакуленко, 1974. — С. 246—250]. На борту одного из славянских жилищ с печью-каменной открыт гончарный горн с выходом в жилище. В печи найдена сероглиняная посуда, в жилище — лепные горшки, в том числе формы пражского типа, а также небольшая сковородка. Автор раскопок и Б. А. Тимощук рассматривают это жилище с горном как гончарную мастерскую. Гончарная сероглиняная керамика на этом поселении обнаружена еще в нескольких славянских полуземлянках (№ 4, 13, 14, 19), где она составляет от 2,4 до 16,9 % керамических комплексов.

Материалы очень интересного и важного поселения Ботошаны на р. Прут (Румыния) с выразительными, хорошо датированными жилищными комплексами опубликованы Д. Теодором [1978. — S. 11—47]. Им исследовано значительное количество подквадратных жилищ-полуземлянок с печами-каменками. В трех из них (№ 1, 9, 14) найдены подвязные фибулы, датирующиеся не позднее V в. Д. Теодор разделил жилищные комплексы ботошан на два хронологических этапа. Материалы первого этапа, датированные второй половиной V в. (жилища, керамика), находят полные аналогии не только на таких славянских поселениях, как Кодын I и II, Рашков III, но и на поселении в Теремцах, о котором речь пойдет ниже.

Ряд жилищных и хозяйственных комплексов V в. выделен на поселениях пеньковской культуры в верховьях Южного Буга.

Жилище-полуземлянка с печью-каменной открыто И. П. Хавлюком у с. Куня Гайсинского района Винницкой области. На полу жилища вместе с лепной пеньковской посудой найдена железная фибула с длинной дужкой и сплошным плоским приемником, датированная концом IV—V в. [Хавлюк, 1974. — С. 212—214]. Синхронное поселение исследовалось И. П. Хавлюком в 1977 г. у с. Пархомовка Ильинецкого района Винницкой области. Открыто четыре полуземлянки и хозяйствен-

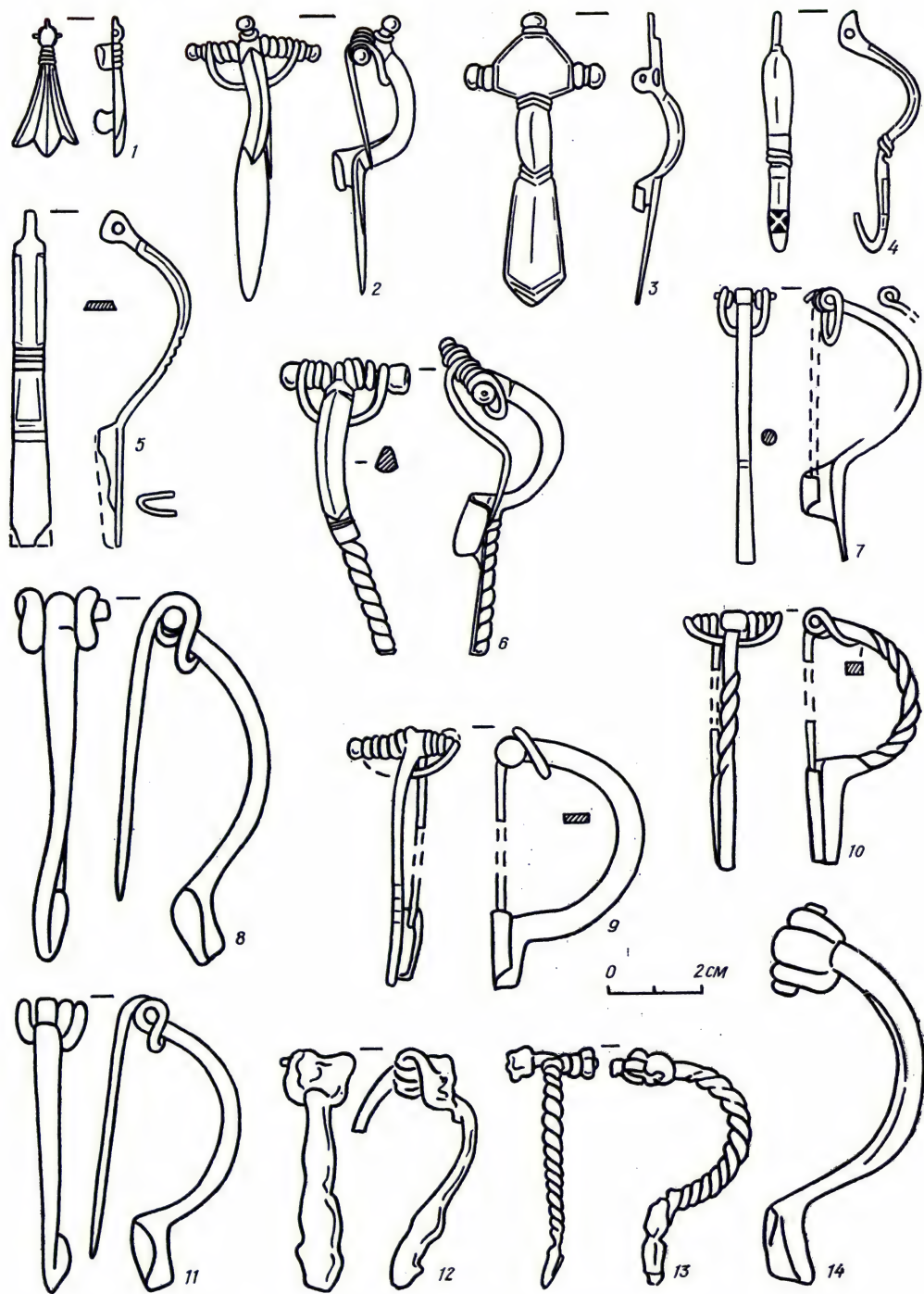

Рис. 75. Фибулы V в. из Юго-Восточной Европы:

1 — Межирич; 2 — Букрин; 3 — Теремцы; 4 — Лука-Кавецчинская; 5 — Пархомовка; 6 — Бабина Гора; 7 — Ходосовка; 8 — Куня; 9, 10 — Кодын; 11 — Звонецкий Порог; 12 — Черепин; 13 — Михайловка; 14 — Балка; 15 — Осокоровка. 1—6, 8, 11—14 — бронза; 7, 9, 10 — железо.

ная яма. В двух жилищах — очаги, еще в двух — печи-каменки. Керамика лепная, сочетающая пеньковские и пражские формы. В жилище № 3 на полу найдена большая бронзовая фибула с лукообразной дужкой не позже V в. (рис. 75, 5) [Хавлюк, 1974.— С. 184—188].

К этому же времени относится поселение у с. Голины Ильинецкого района Винницкой области. Обнаружено три полуземлянки с очагом и одну с печью-каменкой. По характеру керамики, близкой к посуде поселения у с. Куня, а также наличию дисковидных крышек, характерных для киевской культуры И. П. Хавлюк датирует его тем же временем, что и поселение у с. Куня.

К названной группе селищ в верховьях Южного Буга можно отнести поселение, исследованное О. М. Приходнюком у с. Кочубеевка Уманского района Черкасской области [1985]. В нескольких полуземлянках с очагом наряду с лепной посудой найдены фрагменты гончарной сероглиняной керамики черняховского типа.

Комплексы V в. открыты Е. А. Горюновым на поселении у с. Хитцы Лубенского района Полтавской области [1977.— С. 16—21]. Они представляют первую раннюю фазу поселения. В керамических комплексах преобладают формы, сочетающие черты посуды киевского и пеньковского типов. Встречены фрагменты сероглиняной гончарной черняховской керамики; найден трехчастный костяной гребень не позже V в. К ранним памятникам пеньковской культуры можно отнести и один из четырех могильников (№ 3) у с. Великая Андрусовка Кремгесовского района Кировоградской области на р. Тясмин. Здесь Д. Т. Березовец открыл четыре славянских погребения с трупосожжением в ямках [1969.— С. 67—68]. В захоронении № 4 найдена бронзовая литая пряжка, которую О. М. Приходнюк и М. М. Казанский вслед за К. Годловским датируют V в. [1978.— С. 46]. К ранней фазе пеньковской культуры О. М. Приходнюк относит более 20 памятников.

Комплексы V в., то есть гуннского

времени, известны и на памятниках колочинской культуры.

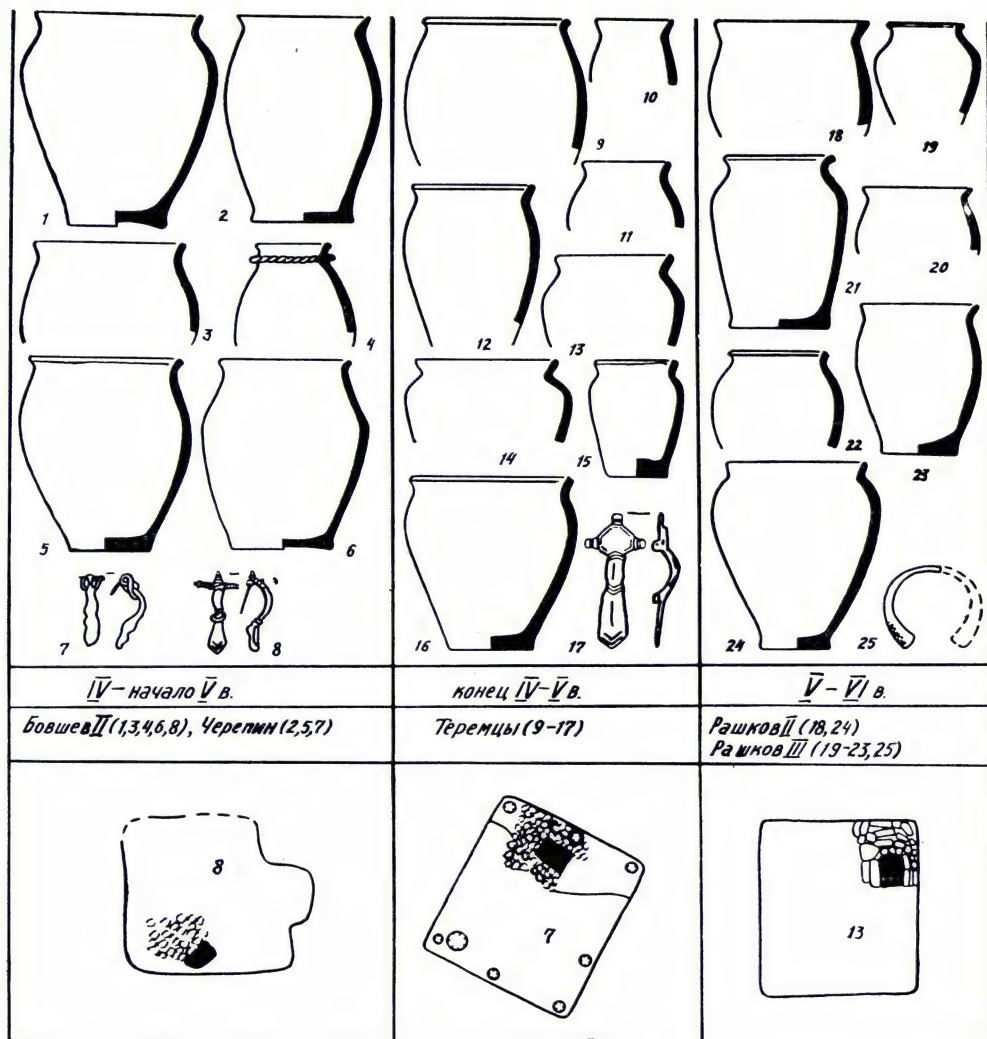
Е. А. Горюновым в 1978 г. на поселении у с. Песчаное Белгородской области обнаружены два подквадратных жилища-полуземлянки. Лепная керамика сочетается с единичными фрагментами сероглиняной гончарной черняховской посуды. Поселение датируется трехлопастным наконечником стрелы гуннским временем [Горюнов, Казанский, Усова, 1979]. Такие же материалы выявлены П. Н. Третьяковым и Е. А. Горюновым в районе Новгород-Северского в Подесенье [Горюнов, 1974.— С. 119—125]. Р. В. Терпиловский к ним относит и поселение в уроч. Заярье у с. Кудлаевки, могильник Смяч у с. Лесконоги и расположенное рядом поселение Целиков Бугор [1985.— С. 95].

В одном из жилищ на поселении Заярье найден фрагмент гончарной сероглиняной черняховской керамики. К гуннскому времени относятся миниатюрная бронзовая пряжка с хоботовидным язычком и бляшка в виде розетки из могильника Смяч [Горюнов, 1974.— С. 120—121; Генинг, 1976.— Рис. 29, 5]. Так же датируется квадратная бронзовая пряжка с округлыми выступами на углах из жилища № 1 поселения Целиков Бугор [Терпиловский, 1985.— С. 96]. К этому времени Р. В. Терпиловский относит и железную фибулу с крученой спинкой из культурного слоя поселения Целиков Бугор [1985.— С. 96].

В настоящее время известно более 10 памятников первой половины I тыс. н. э., где выделены комплексы гуннского времени.

Среди памятников киевской культуры наибольшего внимания заслуживают поселения Роище и Ульяновка [Максимов, Терпиловский, 1978.— С. 94—98]. На поселении Роище открыто 5 жилищ, 6 хозяйственных построек и свыше 230 хозяйственных ям. В трех жилищах и значительной части хозяйственных ям обнаружены материалы, доживающие до середины V в. Об этом свидетельствует разнообразный черняховский импорт, представленный гончарной сероглиняной кера-

микой и различными украшениями. В жилище № 14 найдены трехчастный костяной гребень с колоколовидной спинкой, фрагменты светлоглиняной амфоры типа Е. К IV в. относятся серебряные лунницы, крупные узкие железные пряжки, большая полихромная бусина [Терпиловский, 1985.— С. 57].

На поселении Ульяновка открыто три подквадратных жилища-полуземлянки, две хозяйственные постройки и пять хозяйственных ям. Во всех жилищах выявлены поздние формы лепной посуды, а также фрагменты гончарной сероглиняной импортной черняховской керамики. Керамические

Рис. 76. Характерные формы лепной посуды и жилищ IV—VI вв. (жилище № 8 из Черепина, жилище № 7 из Теремцов, жилище № 13 из Рашкова III).

комплексы сочетаются с находками небольшого бронзового браслета с утолщенными гравированными концами, фрагментом зеркала из белого сплава с центральной петлей и радиально-концентрическим рельефным орнаментом (жилище № 1), трехчастным костяным гребнем с колоколовидной спинкой (жилище № 3). В жилище № 5 выявлены большая узкая железная и бронзовые пряжки со слегка изогнутым на конце язычком. Все эти

изделия могут быть датированы не ранее IV в., а браслет и зеркало — первой половиной V в. [Терпиловский, 1984.— С. 41]. Так же их датировал и П. Н. Третьяков.

Судя по керамическим комплексам и отдельным датирующим находкам, названным памятникам могут быть синхронны поселения у с. Каменево в Курском Посеймье [Сымонович, 1983.— С. 91—102], некоторые комплексы из сел Тайманово в Верхнем Поднепровье [Поболь, 1971.— С. 148—150], Ходосовка, часть комплексов из Обухова на Киевщине [Даниленко, 1976.— С. 88; Кравченко, 1979.— С. 76] и др. Все эти памятники Р. В. Терпиловский относит к заключительному этапу киевской культуры [1984.— С. 42].

В Среднем, а также Верхнем Поднепровье в последние десятилетия исследованы поздние поселения черняховской культуры. На них открыты жилые и хозяйственные комплексы, датированные гуннским временем.

Наиболее выразительным памятником в этом отношении является поселение у с. Теремцы Каменец-Подольского района Хмельницкой области, расположенное на левом берегу Днестра (рис. 76, 9—17).

На поселении в Теремцах, исследованном В. Д. Бараном в 1979—1980 гг., открыто 29 жилищ-полуземлянок и 47 хозяйственных ям. Из них 24 жилища имели печи-каменки [1983.— С. 165—179].

Как и в комплексах раннего этапа раннесредневековых славянских селищ, в 25 полуземлянках и многих хозяйственных ямах в Теремцах керамические комплексы состояли из лепной и гончарной посуды в разном количественном соотношении. Меньше всего сероглиняной гончарной керамики (5—25 %) найдено в жилищах № 7, 8, 16, 19, 21, 24, больше всего (78—90 %) — в № 1, 3, 4, 6, 25. В жилище № 14, датированном бронзовой трехпальчатой фибулой первой половины V в. (см. рис. 75, 3), гончарная посуда составляет 53 %, лепная — 47. В среднем керамические комплексы из полуземлянок, за исключением № 3, 13, которые мы рассмотрим от-

дельно, содержат 52,7 лепной и 47,3 % гончарной посуды.

Полуземлянки № 3 и 13 отличаются от остальных внутренним устройством и керамическим комплексом. В них отсутствуют отопительные сооружения и практически лепная посуда, составляя не более 2 % всего комплекса. Не найдено лепной керамики в семи хозяйственных ямах. Некоторые из этих объектов перекрыты жилищами с печами-каменками.

Четкая стратиграфия и особенности керамических комплексов объектов позволяют выделить их в отдельный нижний более ранний горизонт и отнести к первому, раннему периоду существования поселения. К этому горизонту относится и полуземлянка № 29 без отопительного устройства, открытая в траншее № 2, в комплексе которой не более 11 % лепной посуды. На основании керамики, поздних вариантов подвязных фибул, фрагментов стеклянных кубков и амфор, массивного бронзового пинцета с фасетировкой всю группу объектов нижнего горизонта можно датировать IV в. [Баран, 1983].

Ко второму периоду относятся остальные жилища и хозяйственные ямы, составляющие стратиграфические верхний горизонт и датирующиеся концом IV — первой половиной V в.

Практически во всех объектах в различном количественном соотношении сочетается лепная и гончарная керамика. Для лепной характерны черты, сближающие ее, с одной стороны, с лепной черняховской керамикой III—IV вв. Поднепровья, а с другой — со славянской раннесредневековой посудой этого региона.

Незначительную группу керамики на поселении в Теремцах составляют амфоры, представленные исключительно фрагментами. Поэтому они плохо поддаются датировке, но вполне вероятно, что амфорная тара поступала на поселение и в гуннское время. Сказанное подтверждает два частично сохранившихся импортных кувшина, близкие аналогии которым известны в IX и X слоях Афинской Агоры, датиро-

ванные концом IV—V в. [Robinson, 1959.— Vol. 5.— Pl. 29].

Особого внимания заслуживает бронзовая трехпальчатая фибула, найденная на полу возле печи-каменки в жилище № 14 (рис. 75, 3). Фибула относится к переходному типу от двухпластинчатых к пальчатым. Отметим, что для нее очень трудно подобрать точные, хорошо датированные аналогии. Приблизительной аналогией может быть позолоченная фибула из погребения № 1 г. Веймара (ГДР), относящаяся к южнорусско-дунайскому типу и датированная около 400 г. или несколько позже [Bohn-Blancke, 1973.— S. 342.— F. 59]. Наиболее реальная датировка нашей фибулы — первая половина V в. Концом IV—V в. датируются и частично сохранившиеся конические стеклянные кубки.

В отличие от многих других памятников, содержащих лишь отдельные комплексы V в., на поселении у с. Теремцы подавляющая часть жилищных комплексов укладывается в рамки гуннского времени.

Очень близкое по характеру к Теремцам черняховское поселение исследовано Л. В. Вакуленко у с. Сокол Каменец-Подольского района Хмельницкой области на Днестре [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 6—43]. Из 13 открытых подквадратных жилищ в 8 были печи-каменки, в одном — глиняная печь, а еще в одном — очаг. В трех, сильно разрушенных, отопительных сооружениях не обнаружено.

Керамический комплекс жилищ состоял из лепной и гончарной сероглиняной посуды при некотором количественном преобладании первой.

На основании амфорной тары, железной фибулы, многослойных гребней с дугообразной спинкой, стеклянных сосудов и археомагнитных данных Л. В. Вакуленко датирует поселение в пределах III — середины V в. [Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 27—29].

В последние годы на Среднем Днестре И. С. Винокуром широко исследовалось поселение у с. Бакота Каменец-Подольского района Хмельницкой области [1979.— Т. 1.— С. 867—877]. На нем хорошо представлены как черня-

ховские объекты (в том числе полуземляночные и наземные жилища), так и славянские полуземлянки с глубоко лепными керамическими комплексами VI—VIII в. Автор исследований выделяет 21 жилище-полуземлянку, в комплексах которых сочетается лепная славянская с черняховской лепной и гончарной сероглиняной посудой. Конечно, при наличии двух разновременных, хорошо насыщенных находками слоев можно допустить и случаи механического смещения разнородной керамики в некоторых комплексах. Но некоторые подквадратные полуземлянки с печью-каменкой, перекрытые сплошным слоем глиняной обмазки, исключают возможность такого смешения. Их керамические комплексы, сочетающие лепную и гончарную посуду, характерную для черняховских памятников, можно считать закрытыми и не вызывающими сомнений. На полу одной из полуземлянок с печью-каменкой (№ 65) найдена большая подвязная фибула, датированная концом IV — первой половиной V в. и подтверждающая наличие на поселении комплексов гуннского времени [Винокур, 1979.— С. 867—877].

Жилище гуннского времени Б. А. Тимошук открыл на черняховском поселении Рогозна, расположенном на окраине г. Черновцы [1976.— С. 36.— Рис. 15]. Это подквадратная полуземлянка с печью-каменкой. Керамический комплекс жилища состоит из трех фрагментов гончарной сероглиняной посуды и 33 обломков лепных сосудов, среди которых встречаются и ранние пражские формы.

К группе черняховских памятников на Днестре, где на заключительном этапе появляются подквадратные полуземлянки с печами-каменками, следует отнести и поселение в Черепине Львовской области, исследованное В. Д. Бараном в 1954—1956 гг. На этом поселении выделяются два жилища (№ 8 и 12), характеризующиеся указанными признаками [Баран, 1983.— С. 7—9]. Их керамический комплекс также состоит из лепной и сероглиняной гончарной посуды. В жилище № 12 найдена железная фибула

со сплошным приемником, близкая к фибуле на поселении в Куне, которую П. И. Хавлюк и К. Годловский обоснованно датируют V в. [Хавлюк, 1974. — С. 211—219].

К поздним памятникам черняховской культуры относится поселение у с. Хлопков Барышевского района Киевской области. Оно расположено на р. Трубеж. Исследовалось В. Д. Бараном и А. Н. Некрасовой в 1981—1984 гг. Открыто 8 жилищ, 10 хозяйственных построек и 35 хозяйственных ям. Все жилища — четырехугольные полуземлянки, близкие к черняховским Верхнего Поднестровья. Отсутствие ямок от центрального столба отличает их от жилищ киевской культуры, хотя Хлопковское поселение расположено на территории стыка обеих культур. Керамический комплекс на поселении состоит из лепной (29 %) и гончарной сероглиняной керамики (71 %). Лепная — представлена в подавляющем большинстве биконическими формами, в том числе корчагами с гладким наленным валиком, близкими к керамике киевской и пеньковской культур. Лишь небольшая группа лепных округлобоких сосудов (8 %) полностью соответствует лепной посуде черняховских поселений Верхнего Поднестровья. Бронзовая овальная пряжка с массивной дужкой и изогнутым на конце язычком, а также стеклянный кубок со шлифованными овалами определяют верхнюю хронологическую границу поселения концом IV — началом V в.

Как видим, на более чем сорока памятниках открыты комплексы конца IV—V в. н. э. (см. рис. 71; 75, 1—15). Они охватывают большую территорию и тянутся цепочкой от верховьев Псла на востоке до верховьев Южного Буга, Прута и Днестра на юго-западе. Не все они в одинаковой мере изучены, а тем более опубликованы. Некоторые из них еще исследуются или же исследовались в последние годы и известны лишь по кратким публикациям информативного характера, поэтому их характеристика не полная. Однако многие поселения (Черепин, Куня, Пахомовка, Теремцы, Песчаное, Кодын,

Лука-Каветчинская и др.) широко раскопаны и надежно датированы, что позволяет считать их надежными хронологическими реперами и на этом основании выделить отдельный хронологический этап, предшествующий древностям VI—VII вв. Их изучение раскрывает основные закономерности перехода от культур позднеримского времени к раннему средневековью на территории лесостепной полосы Юго-Восточной Европы.

По характеру материала эти древности можно подразделить на две территориально-культурные группы, связанные с регионами Среднего и Нижнего Подесенья, Курского Посеймья и верховьями Южного Буга, с одной стороны, и со Средним и Верхним Поднестровьем и верховьями Прута — с другой. В первую группу входят комплексы V в. киевской, пеньковской и колочинской культур, во вторую — черняховской и пражской.

Уже на самом раннем этапе эти группы имели свои особенности в домостроительстве, керамике и в какой-то мере погребальном обряде. Для первой группы наиболее характерны полуземлянки подквадратной формы с очагом и нередко центральным столбом. В погребальном обряде заметно некоторое преобладание ямных трупосожжений над урновыми (при современном состоянии исследований могильников эти данные очень относительны). Керамика на ряде поселений исключительно лепная (Куня, Пахомовка, Голики). На поселении в Кочубеевке и ранних комплексах Хитцов помимо лепной посуды встречаются единичные фрагменты сероглиняной гончарной керамики, типичной для черняховской культуры. В группе лепной посуды преобладают биконические формы с выделенным ребром и округлобокие сосуды, горшки с широким раструбом и высокими крутыми плечиками. На поселении в Хитцах заметное место занимают цилиндро-конические сосуды. Известны глиняные диски (Голики, Хитцы). Все формы — переходные от киевской к пеньковской и колочинской культурам.

Днестро-Прутская группа поселений также имеет подквадратные полузем-

лянки, но не с очагом, а с печью-каменкой. Для их керамических комплексов характерно сочетание в различных пропорциях лепной и гончарной сероглиняной посуды. Основные формы лепной керамики, с одной стороны, близки к лепной черняховской, а с другой — к пражской посуде Поднестровья.

Таким образом, с открытием памятников с комплексами V в., типологически связанных (с одной стороны, с древностями киевской и днестровской группы поселений черняховской культуры, а с другой — со славянскими раннесредневековыми культурами), мы получили то среднее звено, которого не хватало в цепи культурного развития материальной культуры славян в I тыс. н. э. в лесостепной части Восточной Европы и которое связывает раннесредневековые древности с древностями римского времени. В соседних регионах, в том числе на территории Польши, в среде пражской культуры пока не известны поселения, где были бы открыты выразительные комплексы, датированные V в. По-видимому, к западу от Вислы смена культур римского и раннесредневекового времени происходит несколько позже.

В первой половине I тыс. н. э. черняховская культура, находясь в зоне римских влияний, несет отпечаток черт, характерных для всей провинциально-римской периферии. Памятники киевской культуры находились вне границ этой зоны, поэтому они в большей степени сохранили самобытность.

Проведя сравнительное изучение этих древностей, приходим к выводу, что в славянской раннесредневековой культуре проходит интеграция элементов упомянутых культур римского времени, но их участие в формировании отдельных славянских раннесредневековых групп не одинаково: киевская культура, несомненно, стала подосновой пеньковской и колочинской групп раннесредневековых памятников; черняховская в Поднестровье — пражских, а в верхней части Среднего Поднепровья (Хлопков) — в какой-то мере пеньковских древностей. Однако все это звенья одного исторического процесса, начинающегося в первой полови-

не I тыс. н. э. и заканчивающегося в VI—VII вв. (см. гл. III).

Славянские культуры VI—VII вв. по своему характеру, социально-экономическому развитию отходят от модели, присущей культурам провинциально-римской периферии, и стоят ближе всего к культурам, находящимся вне этой зоны. Это засвидетельствовано теми фактами, что большинство ведущих признаков, характерных для черняховских древностей, в V—VI вв. утеряно. Отсутствуют труположения, являвшиеся неотъемлемой частью черняховских биритуальных могильников, меняется и сам характер снаряжения могил — они беднеют. Славянское население в VI—VII вв. хоронит своих умерших в небольших и неглубоких ямах, куда ставятся единичные урны с очищенными остатками сожжений, или же последние складываются в яму и прикрываются горшком или черепком. Предметы быта и украшения в могилах встречаются очень редко. Найти параллели славянским погребениям в культурах римского времени довольно сложно. В черняховской культуре встречаются урновые и ямные трупосожжения, однако они представляют лишь один из признаков культуры, в то время как большинство черт ее погребального обряда чуждо славянскому населению раннего средневековья.

Могильники киевской культуры исследованы слабо. Открытые погребения в Казаровичах, Новых Безрадицах, Бортничах и других представляют собой ямные трупосожжения. Урновые погребения, более характерные для пражской культуры, здесь встречаются очень редко. Поэтому следует признать, что в раннесредневековых славянских погребениях никогда не повторяется весь погребальный обряд любой из упомянутых культур римского времени. В них синтезируются отдельные черты данного обряда.

Сравнительное изучение поселений этих культур обнаружило как общие, так и отличительные черты. Топография поселений в общем довольно близка. Правда, славянские раннесредневековые поселения размещаются в основ-

ном в более низких местах, чем поселения римского времени, особенно черняховские, однако известны многочисленные пункты, занимающие одни и те же участки (Репнев II, Незвиско, Бакота, Сокол, Бовшев, Обухов и др.). На некоторых черняховских поселениях наблюдается линейная застройка. Однако на Днестре открыто немало черняховских поселений, где жилища, как и на киевских и раннесредневековых славянских поселениях, расположены группами и чередуются с группами хозяйственных ям (Теремцы, Бовшев, Черепин, Бакота и др.).

На славянских раннесредневековых поселениях не находят продолжения наземные постройки, определяемые по завалам глиняной обмазки. Квадратная форма жилища и сруб, характерные для славянских жилищ VI—VII вв. междуречья Днепра и Вислы, связываются в первую очередь с Верхним и Средним Поднепровьем, где они известны уже в зарубинецкой, а позже в киевской культурах. Однако в последней встречаются и жилища с плетневыми стенами, особенно на Правобережье Днепра. Сам принцип постройки жилища со стенами из деревянных плах, требующих ровной квадратной формы котлована, несомненно, происходит от зарубинецких древностей лесной полосы. Позже такие жилища появляются в Лесостепи (Журовка, Бовшев, Демьянов, Сокол, Бакота и особенно Теремцы), где все они без исключения, в том числе столбовые, представляют собой квадратные полуземлянки со стенами из деревянных плах.

На черняховских поселениях Поднепровья переход от плетневой к срубной конструкции начался в IV в. Он связан с какими-то интеграционными глубинными процессами, общими для регионов лесной и лесостепной зон, особенно их пограничья, при определяющем влиянии позднзарубинецкой и киевской культур, где срубные постройки имели глубокие традиции. Через черняховскую культуру этот процесс в дальнейшем охватывает и соседние поселения культуры карпатских курганов Верхнего Попрутья (Кодын II, Го-

реча), где открыты аналогичные жилища с печью-каменкой, пока что единичные. Кроме того, такая немаловажная деталь жилища, как печь-каменка, не известная вне славянской среды, впервые появляется на Днестре в полужемляночных жилищах черняховской культуры (см. рис. 19). За пределами этого региона все жилища с печами-каменками более поздние. Они отсутствуют в киевской культуре.

Изучение керамических комплексов и других предметов быта показало, что раннесредневековые культуры в отличие от культур римского времени постепенно меняют свой характер. Прекращается деятельность гончарных центров, что приводит к исчезновению высококачественной гончарной посуды. Однако это происходит не внезапно, как казалось до открытия комплексов V в. Выяснилось, что сероглиняная гончарная посуда доживает до конца V в. и выходит из употребления постепенно, возможно, с притоком в Лесостепь населения из северных районов Поднепровья.

На всех славянских памятниках Поднепровья, а также ряде поселений других регионов, возникших в V в., найдена гончарная керамика. Из этого следует, что славянское население лесостепной части Украины, как и Подунавья, в V в. еще пользовалось гончарной посудой провинциально-римских образцов, а славянские раннесредневековые поселения с сугубо лепными комплексами на нашей территории нельзя датировать ранее VI в. В какой-то мере меняются формы лепной посуды, но наряду с этим основные формы лепных сосудов киевской культуры сохраняются в колочинских и пеньковских древностях, а черняховской (лесостепная зона Украины) — в пражской и пеньковской группах славянских памятников (см. рис. 76). Наличие на славянских поселениях V в. подвижных и других фибул, характерных для римского времени, свидетельствует о сохранении определенных традиций в оформлении одежды (см. рис. 75).

В земледелии, в отличие от металлургии, заметных изменений не произошло. Прекратили деятельность

большие металлургические центры типа Свентокжиских с многотысячными горнами одноразовой плавки. Появляются небольшие центры типа Гайворона или поселения с единичными горнами многократной плавки. Упрощается кузнечная техника, хотя в Поднестровье наблюдается преемственность многих технических приемов, известных мастерам, работавшим на поселениях римского времени. Изменяется и сам характер хозяйственной модели, что в значительной мере обусловлено прекращением римских влияний в связи с упадком Римской империи.

Подводя итоги сказанному, можно прийти к выводу, что в славянских древностях VI—VII вв. синтезируются основные элементы культур лесной и лесостепной частей Юго-Восточной Европы римского времени. Истоки большинства основных слагаемых пенковских и колочинских древностей находятся в киевской культуре. Днестровская группа памятников черняховской культуры (Теремцы, Сокол, Черепин и им подобные) стала основой формирования пражских древностей.

Не вполне ясным остается происхождение группы памятников пражской культуры к западу от Вислы. Славянские памятники VI—VII вв. междуречья Вислы и Одера типа Дзедзицы при наличии общих черт в погребальном обряде, а в некоторой мере и керамике с памятниками пражской культуры Поднестровья и Поднепровья имели отличия в домостроительстве. Для них характерны наземные жилища с неправильными или овальными ямами внутри и очагами. Лишь в VII—VIII вв. здесь наряду с овальными жилищами появляются подквадратные полуземлянки с глиняной печью или печью-каменкой. Последнее обстоятельство приводит к принципиально важному выводу о самобытности развития данной группы славянских памятников независимо от продвижения на запад славянского населения из Днестровско-Припятьского региона [Hergmann, 1975.— S. 21—32]. Следует считать неудачной концепцию о привнесении пражской культуры на восток из междуречья Вислы и Одера и наоборот —

о привнесении ее сюда из междуречья Днестра и Днестра. Попытки показать славянскую раннесредневековую культуру как простое развитие памятников киевской культуры [Вернер, 1972; Godłowski, 1979] или пшеворской [Русанова, 1976] не подтверждаются новыми археологическими исследованиями.

Отсутствуют основания для исключения из славянских раннесредневековых древностей колочинской культуры. Все три группы — пражская, пенковская, колочинская — характеризуются близостью или идентичностью черт погребального обряда, домостроительства, набором лепной посуды (горшки, сковородки, изредка миски). Некоторые различия в профилировке горшков, и то не всех, не может служить основанием для разделения этих древностей на различные этнические группы. К сказанному следует добавить, что все они составляют единую экономическую модель, близкую к киевской культуре. Этим и определяется важная роль последней в процессах сложения раннесредневековых славянских культур. Подчеркиваем, важная, но не единственная, поскольку ряд ведущих компонентов имеет свои истоки в днестровской группе черняховских памятников, а к западу от Верхней Вислы — пшеворских. Сказанное предполагает наличие в составе черняховской и пшеворской культур наряду с другими этническими группировками славянского населения. Что касается черняховской культуры, то новые материалы из поселения у с. Теремцы решили этот вопрос, который разрабатывался многие годы [Баран, 1970.— С. 44—52; 1972.— С. 97—129; 1978.— С. 5—39; 1981.— С. 169—177].

Поселение у с. Теремцы, датирующееся фибулами и провинциально-римскими импортами IV—V вв., несомненно, относится к группе памятников, принадлежавших славянскому населению и входивших в черняховскую культуру наряду с другими группами (готы, фракийцы, поздние скифы, сарматы). В римское время оно, как и многие другие этнические группировки Центральной и Юго-Восточной Европы,

входило в хозяйственную систему, возникшую под влиянием провинциально-римской культуры. В политическом отношении славяне в это время составляли одну из групп населения межплеменного объединения, возникшего с приходом готов в Северное Причерноморье.

После разгрома причерноморских готов гуннами в Восточной Европе возникла новая политическая обстановка и славяне выступили против их гегемонии. Начались славяно-готские войны, ярко описанные Йорданом [Йордан, 1960.— С. 115]. Эти войны следует рассценивать как борьбу за политическое лидерство. Они проходили с переменным успехом и закончились поражением антского князя Божа. Основной силой, противостоящей готам, было славянское население, входившее в состав Днепро-днестровской группы черняховской культуры. Население киевской культуры и другие этнические группы, если и принимали участие в этих войнах в составе славянских группировок, играли только вспомогательную роль.

Поражение славян не остановило процессов их консолидации и самоутверждения, что привело к созданию новых, уже славянских военно-политических союзов, занявших место бывшего готского объединения в Юго-Восточной Европе.

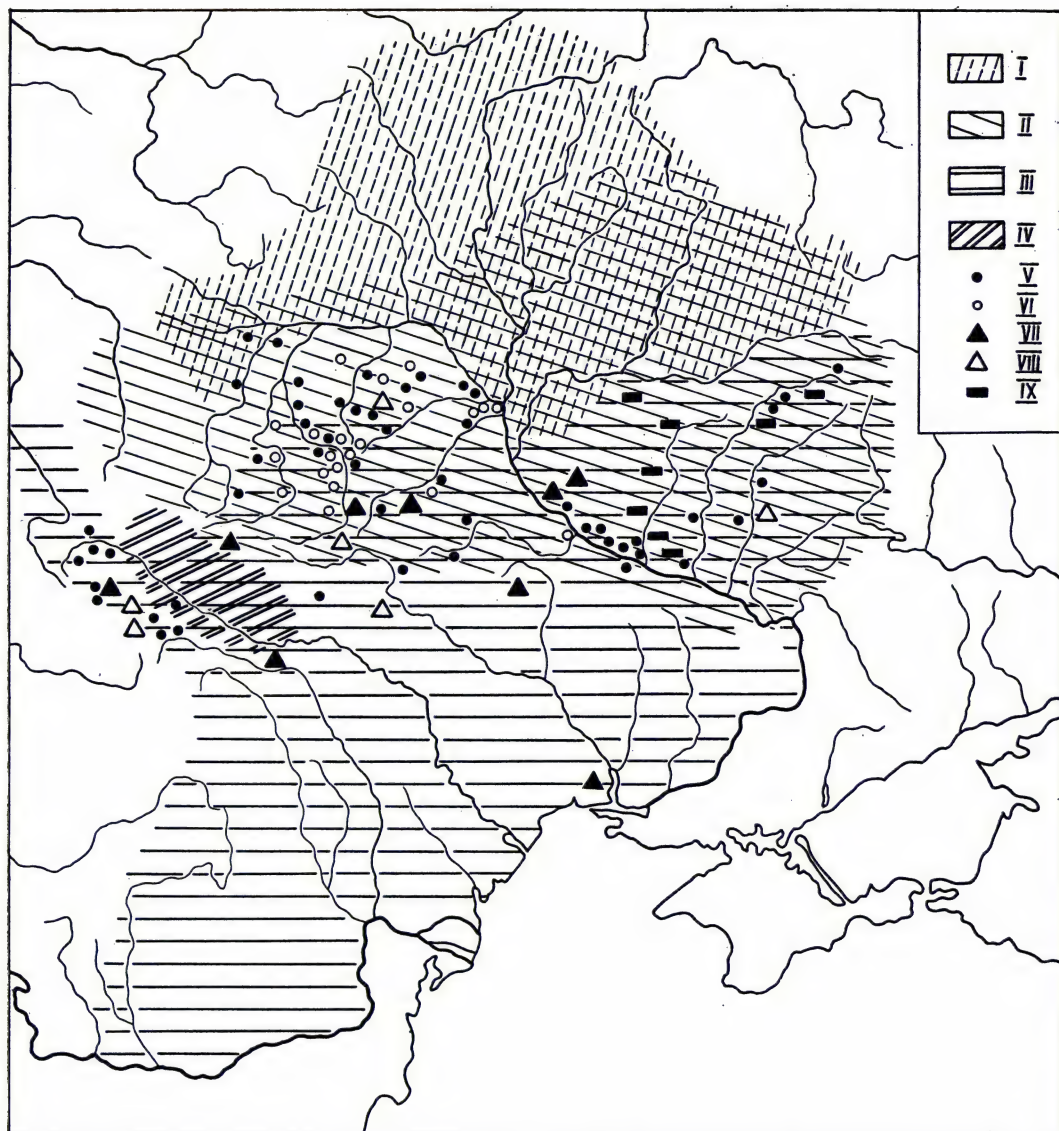
В свете последних открытий памятников середины I тыс. н. э. на Среднем Днестре, в верховьях Прута, Южном Побужье и верховьях Днепра, датированных IV—V вв., разгром готов гуннами и последующие славяно-готские войны можно считать началом возникновения в Юго-Восточной Европе новой этнокультурной и социально-экономической общности, в которой ведущую роль играли славяне. Это и был рубеж перехода от позднеимперского времени к средневековью в Юго-Восточной Европе.

Важную роль местного населения в этнокультурных преобразованиях, приведших на территории Юго-Восточной Европы к возникновению славянских раннесредневековых племенных объединений, подтверждают и лингвистические данные, в частности древнейших гидронимов в очерченном регионе.

Картографирование и анализ архаических гидронимов Верхнего и Среднего Поднепровья, а также Верхнего Поднестровья провели О. М. Трубачев и В. М. Топоров [Топоров, Трубачев, 1962.— С. 229—251; Трубачев, 1968.— С. 269—288]. В результате выяснилось, что славянские названия наиболее четко и в значительном количестве встречаются на юг от Припяти и Десны. Они опускаются по Днепру к р. Псел, доходя до его верховьев, и заходят на Левобережье в междуречье Псла и Орели. В Правобережье на юге достигают верхнего течения Южного Буга и Среднего Днестра, на западе — верховьев Днестра и Припяти (рис. 77). На север от Припяти и Десны выступают сплошным пластом балтские гидронимы, немного захватывающие Правобережье, где перемежаются со славянскими названиями.

С юга в лесостепную полосу территории Украины, главным образом в междуречье Днестра и верховья Припяти, заходят гидронимы иллирийского и фракийского происхождения, а на Левобережье — иранские. Германские гидронимы, представленные на востоке от Вислы только семью названиями, сосредоточены: в Северном Подкарпатье (два), на правом берегу Верхнего Днестра (один), в верховьях Южного Буга (два), в Восточной Волинии (один) и на правом берегу Орели (один). Если распространение иранских гидронимов с юго-востока, фракийских и иллирийских с юга, германских с запада и северо-запада, балтских с севера не вызывает сомнений, то славянские связываются именно с занимаемой ими территорией. И. Удольф, проанализировав данные славянской древней гидронимии на территории Восточной и Средней Европы, пришел к выводу, что архаичные славянские названия наиболее густо и компактно покрывают верховье Прута, Среднее и Верхнее Поднестровье, до верховьев Вислы [Udolf, 1979.— S. 2—23]. Наблюдения И. Удольфа не противоречат археологическим данным. В этом регионе открыты славянские комплексы V в. — как на ранних поселениях пражской культуры, так и на поздних чер-

няховских памятниках типа Теремцов. Однако славянские архаические гидронимы не ограничены только очерченным регионом. Они охватывают более широкую полосу древней границы леса и Лесостепи, которая на юго-западе опускается к Днестру. Именно здесь начиная от раннего средневековья через памятники V в. мы выходим к киевской и славянской частям черняховской культуры, позднезарубинецким памятникам и волыно-подольской группы, которые, в свою очередь, типологически восходят к зарубинецкой культу-

Рис. 77. Карта-схема распространения археологических культур первой половины I тыс. н. э. и архаичных гидронимов в Восточной Европе (по: Баран, 1981.— Табл. XXXI):

I — район распространения балтских гидронимов; II — зарубинецкие древности; III — черняховские древности; IV — липицкие древности; V — славянские гидронимы; VI — балтские гидронимы; VII — фракийские гидронимы; VIII — германские гидронимы; IX — иранские гидронимы.

ре (см. рис. 68—71; 77). Можно с большой долей вероятности полагать, что очерченная территория являлась местом формирования славянской этнокультурной общности. Не противоречит этому и данные антропологии, свиде-

тельствующие о близости мезодолхо-кранного узколицего населения древнерусского периода к некоторым группам черепов черняховских могильников [Алексеева, 1973.— С. 256]. Эти выводы, сделанные на основании археологических и лингвистических исследований, согласуются с письменными источниками римских авторов I—II вв. и византийских историков VI в. Они четко зафиксировали славян в римский период на восток от Вислы, а в раннем средневековье — на более широкой территории, охватывавшей бассейны Днестра, Днестра и Дуная, а на западе — верховья Вислы, Одера и Эльбы.

Уточняя границы территории славянской этнокультурной общности накануне великого расселения, полагаем, что она была довольно обширной и занимала не только свободную от балтов южную часть Белоруссии и Подесень, как считает И. Вернер, но и ряд районов Лесостепного Поднепровья, верховья Южного Буга, Среднее Поднепровье, Верхнее Попрутье, а также верховья Днестра, Западного Буга и Сана до верховьев Вислы (см. рис. 68—71; 75]. Именно на этой территории, которая, несомненно, входила в границы славянской прародины, наблюдается преемственность в материальной культуре субстратного населения начиная с рубежа I тыс. н. э. до раннего средневековья. В очерченном отрезке времени в разные периоды в зависимости от внутренних и внешних причин происходили его перегруппировки, расщепление и смешение, вторжение чуждых этнических групп, что в результате приводило к образованию новых культурных явлений. Однако начиная с рубежа I тыс. н. э. во всех археологических культурах данного региона (кроме вельбарской и липицкой) местные элементы всегда оставались стабильными и определяющими. Они дожили до раннего средневековья и стали той основой, из которой возникли славянские древности V—VII вв., занявшие доминирующее положение в Юго-Восточной и Средней Европе.

Во второй половине VII в. пражская, пенковская и колочинская культуры в результате поступательного внутрен-

него развития и теснейших взаимосвязей преобразуются в новые, доживающие до начала образования Древнерусского государства.

На основе пражской культуры между Днепром, Днестром и Западным Бугом формируется культура Луки-Райковецкой, а в Центральной Европе — ряд других западнославянских культурных образований. В Днепровском Левобережье население пенковской и колочинской культур участвует в сложении волынцевских и роменско-боршевских древностей. Новые образования в отличие от раннесредневековых (V—VII вв.), представленных на нашей территории двумя крупнейшими славянскими объединениями — склавинов (пражская культура) и антов (пенковская культура), включают множество племенных групп, известных по летописным данным (рис. 78). Эти племена объединялись в крупные союзы, создавая предпосылки возникновения восточнославянской государственности. Происходившие этнокультурные и социально-экономические процессы отражены в материальной культуре славян последней четверти I тыс. н. э.

На основании хорошо датированных комплексов V в. определена территория сложения восточнославянских раннесредневековых культур. Она простирается от Курского бассейна и Средней Десны до верховьев Днестра и Прута. Ретроспективным анализом на значительной части очерченной территории доказана преемственность археологических культур от раннесредневековых славянских древностей вглубь до рубежа I тыс. н. э. Это и определяет границы славянской прародины на рубеже и в первой половине I тыс. н. э. откуда началось расселение славянских племен в эпоху «великого переселения народов» на северо-восток, юг и юго-запад.

По данным археологических источников, славянское население колочинской и северной части пенковской культуры расселялось на север и северо-восток, постепенно занимая левые притоки Днепра вплоть до их верховьев. На этапе роменско-боршевской культуры границы славянских племен

Днепровского Левобережья расширяются до Северского Донца и верховьев Оки. В верховьях Южного Буга и даже левобережных районах Среднего Поднепровья наблюдается инфильтрация носителей пражской культуры.

Процессы расселения славян в северном и северо-восточном направлениях проходили медленно и довольно спокойно. Славяне обживали полупустые места с редким балтским или угро-финским населением. Северо-восточные границы славянских древностей до возникновения Древнерусского государства расширяются незначительно.

Наиболее интенсивные потоки славянского расселения были направлены к югу — Дунаю и границам Византийской империи. Судя по характеру археологического материала на местах славянского переселения, в нем принимало участие население пражской и юго-западной части пеньковской культуры, занимавшее территорию между Днепром — Днестром и Верхней Вислой. Археологические источники (отсутствие датированных славянских поселений V в. на территории Южной Польши между Вислой и Одером) не позволяют включить эту территорию в регион, откуда начались первые переселенческие процессы славян на юг и запад, хотя в дальнейшем в какой-то мере они охватили и области Верхнего Повисленья.

Висло-Одерское междуречье при сохранении признаков материальной культуры выделяется из общего массива пражской культурной провинции полуземлянками неправильных или овальных очертаний и наземными жилищами с удлиненной ямой и очагом. Такие жилища не известны ни в одном регионе к востоку от Верхней Вислы, ни в Подунавье, ни в верховьях Эльбы, где все жилые постройки представляют собой подквадратные полуземлянки с печкой-каменкой (Рашков, Лука-Каветчинская, Кодын, Ботошаны, Сучава, Дессау-Мозиккау и др.). Лишь на некоторых поселениях Словакии и Моравии встречаются отдельные полуземлянки с очагом, что свидетельствует о возможном переселении в эти районы каких-то небольших групп населения

из Верхнего Повисленья, но не раньше VI в. В VII в. наблюдается передвижение славян с территории Польши на запад, где возникают памятники суковского типа.

Картографирование типов жилищ из славянских поселений, проведенное И. Земаном, П. Донатом и И. П. Русановой с нашими дополнениями и уточнениями (рис. 79), показало, что в Подунавье и на Балканы расселялось славянское население из Среднего и Верхнего Поднепровья и Верхнего Попрутья (пражская группа), а также верховьев Южного Буга и Среднего Днестра (пеньковская группа). Оно опускалось по Пруту, Сирету и притокам Тисы и принесло в Подунавье пражский и пеньковский типы керамики и характерные квадратные жилища с печью-каменкой.

Вопрос о времени заселения славянами Днестро-Дунайского междуречья, особенно его нижней части, еще ждет своего решения.

К наиболее ранним письменным источникам, где встречаются данные о славянах-венетах в Северном Подунавье, относятся Певтингеровы таблицы — дорожная карта, датируемая не позднее IV в., а наиболее вероятно — концом III в. [Нидерле, 1956. — С. 36—42]. На карте венеты размещены между Нижним Днестром и Дунаем наряду с сарматами, гепидами, даками, гетами и другими этническими группировками. Более поздние источники упоминающие славян — склавинов (пражская культура) и антов (пеньковская культура) — в Северном Подунавье, относятся к первой половине VI в. Иордан хорошо знает и довольно отчетливо определяет территорию славян-склавинов, отмечая, что они живут на юг от Днестра и верховьев Вислы, а земля антов находится в междуречье Днестра и Днестра [Иордан, 1960. — С. 72].

Сообщения Иордана подтверждают и другие источники, также фиксирующие славян в VI в. в междуречье Дуная и Днестра. На северном берегу Дуная отмечает славян Прокопий. Он в отличие от Иордана в Подунавье знает не только склавинов, но и антов, считая их

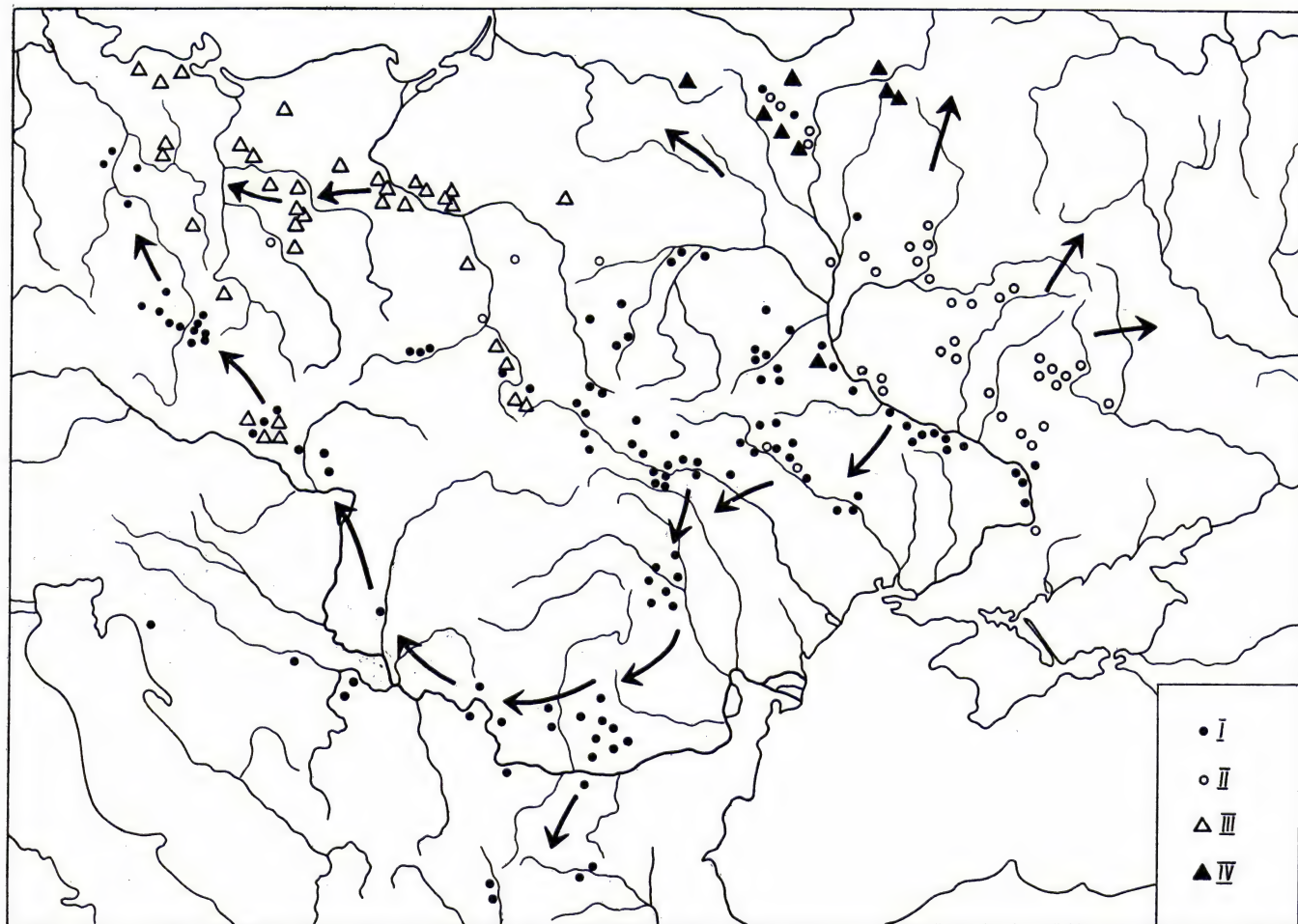

Рис. 79. Карта-схема славянских поселений V—VIII вв. (по И. Земану, П. Донату, И. П. Русановой и др.) и направления славянского расселения:
 I — полуземлянки с печами; II — полуземлянки с очагами; III — другие формы славянских жилищ с очагами; IV — наземные жилища.

одним народом [Прокопий из Кессарии, 1950.— С. 297—298]. Оценивая в целом данные Иордана и Прокопия о славянах, следует учитывать, что эти источники относятся к середине VI в., а потому должны отражать продвижение славян в Подунавье в несколько более раннее время, по-видимому, в первой половине VI в., а возможно, и конце V в. Этим, пожалуй, можно объяснить и расхождение между ними. И если Иордан упоминает лишь склавинов на юг от Днестра, а Прокопий — и склавинов, и антов, то это, по всей вероятности, отражает два близких по времени, но разных этапа в истории расселения славянских племен на юг. Именно так понимал эти расхождения и В. П. Петров [1972.— С. 27—28].

По-видимому, в конце V — начале VI в. склавины и анты еще были разделены Днестром и лишь в более позднее время, в середине VI в., последние появляются на правом берегу Днестра. Псевдо-Маврикий в «Стратегиконе» — произведении конца VI в., как отмечает Е. С. Скржинская в комментарии к книге Иордана «Гетика», пишет «о жизни и нравах склавинов и антов» вместе. В начале VII в. этноним «анты» исчезает со страниц письменных источников [Иордан, 1960.— С. 220]. Во время правления Юстина (518—527) и Юстиниана (527—565) славяне, склавины и анты уже вторгались на территорию Византийской империи, переходя Дунай [Lowmianski, 1963.— S. 262—263].

Археологическими материалами славяне к югу от Днестра представлены на некоторых поселениях культуры карпатских курганов (Кодын II), где открыты единичные подквадратные полуземлянки с печью-каменкой наряду с другими неславянскими типами жилищ [Тимошук, 1976.— С. 31—36]. Славянские элементы, правда, очень незначительные, в виде определенных форм лепной посуды в составе черняховской культуры на территории Молдавии выделяет Э. А. Рикман [1975.— С. 31—36]. Возможно, к каким-то группам венецов Певтингеровых таблиц относится новооткрытая группа памятников типа Этулия III—IV вв. в Бу-

джакской степи, для которой характерны поселения с полуземляночными четырехугольными жилищами с очагом или печью, погребениями с трупосожжениями и наличие значительного количества лепной посуды [Щербакова, 1987]. Названная группа своеобразием материальной культуры выделяется среди других синхронных ей древностей этого региона, в том числе памятников черняховской культуры [Гудкова, 1987.— С. 26].

Славянские поселения, хорошо датированные фибулами, появляются в Попруть в V в. н. э. (Кодын I). К памятникам этого времени относится поселение Ботошаны I, расположенное в Попруть в 70—80 км ниже Кодына на территории СРР [Teodor, 1978.— S. 11—47]. Отметим, что участок Днестра между городами Могилев-Подольский и Хотин очень близко подходит к Пруту. Именно здесь открыты ранние славянские поселения — Теремцы, Сокол, Бакота, Кодын, Ботошаны. Два последних — в настоящее время наиболее широко исследованные славянские поселения в верховьях Прута, на которых открыты комплексы конца IV—V в. Именно они и определяют начало систематического заселения славянами междуречья Днестра и Дуная.

Д. Теодор выделяет на Пруте и Сирете довольно большую группу памятников V—VI вв. и относит их к типу Костиша-Ботошаны [1984.— С. 31—32]. По Пруту и Сирету они опускаются к Дунаю, причем охватывают не только Молдову, но и другие регионы вдоль восточной дуги Карпат.

Исследования таких поселений, как Ботошаны, Костиша, Додешты и другие, показали, что для них характерны полуземляночные подквадратные жилища с печью-каменкой в одном из углов, иногда очагом. Керамические комплексы полуземлянок состоят из лепной (горшки, сковородки) и гончарной сероглиняной керамики (горшки, миски), аналогичной посуде из Теремцов, Сокола и других славянских поселений Поднестровья гунского времени. На поселении в Ботошанах найдена фибула, датирующая послечер-

няховский слой не позже V в. Ранняя датировка этих поселений (V—VI вв.) подтверждается и наличием густорифленых красноглиняных амфор, найденных на поселениях в Ботошанах и Додештах [Teodor, 1978]. Лепная керамика типологически хорошо связывается с посудой более поздних славянских поселений как на территории Северного Подунавья, так и Поднестровья; гончарная восходит к посуде римского времени на этой же территории. Однако следует отметить, что в отличие от Поднестровья, где гончарная сероглиняная керамика к началу VI в. полностью выходит из употребления, в Подунавье она бытует и в более позднее время (VI—VII вв.) на памятниках типа Ипотешты-Киндешты-Чурел, а также встречается, но в меньшем количестве, на поселениях типа Сучава-Шипот.

З. Курнатовская, изучавшая славянские памятники Подунавья и Балканского п-ова, совершенно справедливо считает, что доминирующими в этих культурах являлись славяне [Kurnatowska, 1977.— S. 25—31]. Со славянами она связывает четырехугольную полуземлянку с печью-каменкой, пражские и пеньковские типы лепных горшков, сковородки, трупосожжения из огромного могильника с Серета-Монтеору. К дакийским и дако-романским элементам она относит единичные полуземлянки с очагом, отдельные формы лепной посуды и гончарную керамику, восходящую к провинциально-римским традициям. З. Курнатовская выделяет также элементы византийской керамики и некоторые изделия из металла.

Таким образом, новые археологические материалы не только подтверждают, но и уточняют данные письменных источников, относящиеся к славянам Северного Подунавья. Они позволяют отнести начало заселения славянами этого региона к гуннскому времени, не отрицая возможности их инфильтрации на эти земли и в первой половине I тыс. н. э.

Все известные славянские комплексы V в. в Попрутье (Кодын, Рогозна,

Гореча, Ботошаны) содержат керамику пражского типа. Пеньковские формы посуды появляются к югу от Среднего Днестра несколько позже, что согласуется с приведенными выше сообщениями Иордана и Прокопия о склавинах и антах.

В последнее время некоторыми румынскими археологами (И. Нестор, Д. Теодор) сделаны попытки интерпретировать памятники типа Костиша-Ботошаны и Ипотешты-Киндешты-Чурел как поселения сугубо местного дако-романского населения. Полная ошибочность этой интерпретации очевидна. В Днестро-Дунайском регионе материальная культура славян сохраняет все те же черты, что и в более северных регионах между Днестром и Днестром, где, как известно, дако-романское население отсутствовало. Ни полуземлянки с характерной только для славян печью-каменкой, ни ведущие формы керамики (горшки пражского и пеньковского типов, сковородки) не были известны в Северном Подунавье до прихода славян. Расселение последних в Подунавье было длительным процессом, что способствовало развитию близких контактов с остатками местного дако-романского населения и отразилось в материальной культуре, сочетающей на ряде поселений как славянские, так и субстратные элементы.

В VI в. славяне подходят к берегам Дуная, а некоторые их группы переходят его, о чем свидетельствует поселение пражской культуры на правом берегу реки у с. Черна в Болгарии. Дальше славяне двигаются вверх по Дунаю, достигают Словакии и Моравии и переходят в междуречье Эльбы и Заале. Характер жилищ (подквадратные полуземлянки с печами-каменками) на славянских поселениях Верхнего Поэльбья (Дессау-Мозиккау и др.) не оставляет сомнений в том, что сюда приходят те самые славянские племена или их группы, которые прошли через Подунавье. Их исходной территорией являлось Верхнее и Среднее Поднестровье и Попрутье. Отличия в славянском домостроительстве населения дзедзицкой культуры на террито-

рии Польши, о чем говорилось выше, не дают оснований для предположения, что в верховья Эльбы переселяется население из Висло-Одерского междуречья (см. рис. 79).

В настоящее время трудно говорить о том, как далеко к северо-западу продвинулось это славянское население. Однако наличие в Шлезвиг-Гольштейнии славянских поселений VIII—IX вв. с характерными квадратными полуземлянками и печью-каменкой в одном из углов (Козель, Шуба и др.) позволяет думать, что Позэльбе вплоть до Балтийского моря в раннем средневековье было заселено славянами —

выходцами как из Висло-Одерского так и Днестро-Дунайского междуречий*.

В конце VII—VIII в. здесь встретились два переселенческих потока славян — носителей пражской и дзедзицкой групп славянских древностей. В результате интеграции и включения местного германского субстрата возникает суковско-фельдбергская группа славянских памятников.

---

* Мы ознакомились с поселением в Козеле на месте раскопок в 1985—1986 гг. Поселение исследуется проф. Мюллером Вилле. В настоящее время им открыто около 30 славянских жилищ и значительное количество хозяйственных ям.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В I тыс. н. э.

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЖИВОТНОВОДСТВО

Земледелие и животноводство, безусловно, являлись важнейшими отраслями хозяйства славянского общества на протяжении всего рассматриваемого периода. Ими был заложен базис, на основе которого к концу I тыс. н. э. у восточных славян складываются феодальные отношения и возникает государственность. Для этого времени целый ряд источников характеризует различные восточнославянские группировки, главным образом земледельцев, с развитым приселищным животноводством. Примерно в таком же духе сообщают об основных занятиях славян VI—VII вв. и более ранние источники, например Псевдо-Маврикий: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы». Прокопий сообщает о расселении славян, очевидно вызванном особенностью их сельскохозяйственного производства: «Живут они... на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства». «Поэтому-то им и земли надо занимать много». У него же встречаются сведения о стадах скота, угнанных славянами в виде военной добычи, и о приношении в жертву быков богу, творцу молний. Арабский автор X в. Ибн-Руста сообщает, что славяне — «народ, пасущий свиней, как мы овец», а «большая часть их посевов из проса». Согласно этому же источнику рабочего скота у славян немного.

Другой арабский автор середины X в. — Ибрагим Ибн-Якуб — сообщает, что славяне сеют дважды в год — летом и весной — и собирают два урожая.

Таким образом, ведущая роль земледелия и животноводства в жизни славян второй половины I тыс. н. э. не вызывает сомнений. Надо полагать, что эти отрасли не появляются на пустом месте, а зарождаются в период, непосредственно предшествующий возникновению раннесредневековых славянских культур, то есть на протяжении первой половины I тыс. н. э. Как показано выше, наибольшее отношение к сложению этих культур имеют зарубинецкая и отчасти пшеворская культуры рубежа новой эры, а затем киевская и некоторые северные группы памятников черняховской культуры [Этнокультурная карта., 1985.— С. 141—156]. Рассмотрим вышеуказанные культурные группы и славянские культуры второй половины I тыс. н. э. с точки зрения ассортимента культурных злаков, набора и типов сельскохозяйственных орудий, ориентации их носителей на те или иные типы почв, что позволит наметить линию развития земледелия в славянской среде.

Остановимся на наборе злаковых, культивировавшихся различными славянскими племенами и установленном на основании массовых находок обугленного зерна в ямах, сосудах и др., по исследованию отпечатков зерновок злаков на керамике, а также промывкой культурных отложений для получения обугленных частей растений. Палеоботанические исследования тако-

го рода осуществлены З. В. Янушевич для памятников Молдавии, а также некоторых памятников культур зарубинецкой и карпатских курганов [1976]. Большую работу по изучению палеоботанических памятников интересующих нас культур I тыс. н. э. в последние годы проводит Г. А. Пашкевич. Принципиально важно выделение ею таких понятий, как палеоботанический спектр (комплекс ископаемых зерновых и семян отдельного однослойного памятника) и палеоботанический комплекс (совокупность ископаемых зерновок и семян, характеризующих определенную археологическую культуру, сумма спектров памятников этой культуры), позволяющих сопоставлять между собой как отдельные памятники, так и целые археологические культуры для выявления их сходства или различия [Кравченко, Пашкевич, 1985].

В ходе палеоботанических исследований Г. А. Пашкевич проанализировала около 100 000 фрагментов керамики и обмазки, происходящих из 45 памятников различных культур I тыс. н. э. [1985]. На этой основе выявлено и определено около 2000 отпечатков зерновок и семян. В результате промывок на поселениях Хлопков, Глеваха, Обухов I, Пилипы определено около 9000 зерновок культурных растений и до 1000 зерновок и семян сорняков. На основе данных Г. А. Пашкевич, З. В. Янушевич, а также других исследователей, определявших в отдельных случаях материалы из славянских памятников [Ляпушкин, 1958.— С. 211—212; Федоров, 1960.— С. 222—227], можно сделать вывод, что племена лесостепной и южной частей Лесной зоны Европы, составившие ядро восточнославянского этноса на протяжении I тыс. н. э., выращивали в основном просо, ячмень, пшеницу, рожь. Возможно, преобладающей зерновой культурой являлось просо, наиболее часто фиксируемое по палеоботаническим данным. Наряду с ними выращивали овес, а также бобовые (горох, чечевица, чина) и технические растения (конопля, лен и др.).

Вместе с тем доля вышеперечисленных растений в рассматриваемых культурах

различна, что, вероятно, отражает местные традиции, этнические связи и характер земледелия, обусловленный в первую очередь почвенными, климатическими и другими условиями соответствующей территории. Стабильное положение проса, пшеницы и ячменя объясняется, очевидно, достаточно примитивным способом сельскохозяйственного производства, характерным почти для всего I тыс. н. э., за исключением последних столетий. Известно, что полба-двузернянка хорошо приспосабливается к почвенным и климатическим условиям, отличается высокой засухоустойчивостью, дает надежные урожаи. Основные качества проса — скороспелость, засухо- и морозостойкость. По этнографическим данным, просо как быстросозревающая культура широко применялось для пересева погибших от ранних заморозков посевов пшеницы и ячменя. Отметим также, что просо, являясь очень требовательным к чистоте поля от сорняков, обычно использовали для посева по подсекам и гарям.

В течение I тыс. н. э. нетребовательные к качеству обработки почвы растения сменяются культурами, требующими глубокой пахоты и хорошо удобренной, очищенной от сорняков почвы. К их числу относятся, например, голозерные пшеницы и рожь, значение которых постоянно возрастает. Так, по сравнению с палеоботаническим комплексом зарубинецкой и черняховской культур увеличивается доля голозерных пшениц в палеоботаническом комплексе раннесредневековых славянских культур. Особенно быстрыми темпами возрастает роль ржи, которая из засорителя посевов пшениц на рубеже нашей эры становится одной из основных зерновых культур новоосваиваемых земель в киевской культуре и культурах второй половины I тыс. н. э.

Таким образом, палеоботанический комплекс культур раннесредневековых славян наследует традиции предшествующего времени. Основными культурными растениями восточных славян являются пшеницы пленчатая и голозерные, просо, ячмень и рожь, что близко к ассортименту злаков зарубинецкой и киевской культур. Отличия

закладаются в большем значении ржи и голозерных пшениц.

Для черняховской культуры характерна неоднородность набора злаков для различных территорий ее распространения. Так, северные памятники (Обухов I, Глеваха), расположенные в пограничье с киевской культурой, указывают на использование проса, ячменя пленчатого, пшеницы-двузернянки, ржи, а также гороха. В то же время в Прутско-Днестровском междуречье и Северо-Западном Причерноморье рожь и горох не выращивались, здесь главным образом культивировали голозерные пшеницы и пленчатый ячмень, а также чину [Янушевич, 1976.— С. 38—166].

Состав культурных растений у земледельческого населения соседних со славянами этнических массивов иногда существенно отличался удельным весом каждого конкретного растения и даже видовым набором. Так, если племена поенешти-лукашевской культуры имели близкий по составу и количественному распределению к зарубинецкому набор сельскохозяйственных культур, то ассортимент культур липицкой и карпатских курганов уже заметно отличался от лесостепных памятников черняховской и киевских культур. В липицких и памятниках карпатской культуры гораздо выше удельный вес овса и значительно меньше проса. К тому же среди проса значительное место занимала чумиза (итальянское просо), в то время как для Среднего Поднепровья на протяжении всего I тыс. н. э. наиболее типично просо обыкновенное.

Как известно, среди «варварских» средне- и восточноевропейских культур в последние века I тыс. до н. э. наблюдается значительный прогресс в развитии агротехники. У кельтов под влиянием античной цивилизации появляются тяжелые колесные рала, конные жатки, ручные мельницы, а также широко распространяются разнообразные наральники, серпы, косы и пр. [Filip, 1956.— S. 471]. Кельтская культура латенского времени, в свою очередь, оказала большое влияние на характер земледелия соседних племен, и тем

сильнее, чем ближе они находились к кельтам территориально. Наиболее заметным оно было на земледельческое хозяйство Закарпатья конца I тыс. до н. э., в создании латенской культуры которого принимали участие и сами кельты. Здесь на памятниках этого времени выявлены значительные коллекции сельскохозяйственных орудий труда кельтского типа: наральники, серпы, косы, зернотерки и жернова [Бідзіля, 1971.— С. 48—55]. Железные орудия труда латенских образцов (наральники, косы, серпы) составляют основную часть кладов из различных изделий и инструментов, найденных на территории поенешти-лукашевской культуры в Лозне, Негри и Оничени (СРР). Подобные орудия зафиксированы и на поенешти-лукашевских поселениях: клад серпов и наральник из Круглика, серп из Лукашовки.

Влияние агрикультуры античных городов Северного Причерноморья сказалось и на земледельческом хозяйстве позднескифского населения Нижнего Поднепровья, где уже в IV—III вв. до н. э. появляются четырехугольные жернова эллинистического, а с рубежа нашей эры — круглые жернова римского типов.

Набор орудий сельского хозяйства, представленный на более удаленных от античной и кельтской цивилизаций землях, в частности на памятниках зарубинецкой культуры и восточных пшеворских, намного скромнее (рис. 80, 1). Подавляющее большинство составляют серпы латенских типов с невыделенной рукояткой и их обломки, а также ручные сферические каменные зернотерки. В единичных случаях зафиксированы латенская коса (Бабина Гора), железный узколезвийный наральник (Майда-Гологорский) и ротационные жернова ручных мельниц (Бабина Гора, Пасеки-Зубрицкие) [Максимов, 1982.— Табл. XI, 2; Цигилик, 1975.— Рис. 52, 1].

По сравнению с ними памятники черняховской культуры содержат более богатый набор сельскохозяйственного инвентаря, куда входят железные наральники, мотыги, серпы, жернова, режущие лопаты, косы и ножные ступы

(рис. 80, 2). В единичных случаях встречены чересла [Баран, 1981.— С. 108—109]. Типы большинства вещей восходят к провинциально-римским изделиям, а такие относительно редко встречающиеся орудия, как виноградные ножи и широкие мотыги, к средиземноморским. Показателен клад из могильника Чернелов-Русский, состоящий из девяти серпов и четырех кос [Герета, 1978]. Легкие ручные мельницы нескольких основных типов получили в позднеримское время повсеместное распространение. Крупный центр по производству жерновов из вулканического туфа функционировал в Южном Побужье, обеспечивая продукцией не только черняховское население, но и окружающие племена [Хавлюк, 1980].

На памятниках культуры карпатских курганов найден железный наральный (Пилипы), а также обломок втулки железной мотыжки из поселения Глубокое. Там же обнаружены фрагмент железного серпа и жерновые камни из песчаника и кварцита [Вакуленко, 1977.— С. 31—33].

Сельскохозяйственные орудия киевской культуры соединили в себе ряд форм, характерных для позднезарубинецких памятников, культур Лесной зоны Восточной Европы, а также черняховской [Терпиловский, 1984.— С. 26—27, 35—36]. Последние служили не только образцами для местных кузнецов, но и иногда являлись прямым импортом (серп из Роища, туфовые жернова на памятниках Подсенья и Среднего Поднепровья). Показательна и находка железного нарального на поселении Ульяновка, конструктивно близкого к черняховским изделиям.

На раннесредневековых славянских памятниках наиболее многочисленны находки серпов, причем среди них встречаются изделия, близкие к орудиям Лесной зоны — относительно небольшие и слабоизогнутые, а также более развитых форм — асимметричные с отогнутой рукояткой (рис. 80, 3). Известно несколько случаев обнаружения небольших железных наральных с плечиками (Селиште, Бакота, Городок

и др.) и кос-горбуш (Зимно, Городок, Устье). Меньшее распространение, чем в позднеримское время, получили ротационные жернова, изготавливаемые из различных местных пород камня. Кроме того, широко применялись сферические ручные зернотерки.

Совершенствование сельскохозяйственного инвентаря наблюдается в культурах последней четверти I тыс. н. э. На территории южной части Восточной Европы распространяются орудия, общие для славян практически во всем ареале их расселения и связанные, вероятно, по своему происхождению с Подунавьем [Минасян, 1980.— С. 16—18].

Среди орудий обработки почвы в это время получают распространение главным образом широколезвийные наральники с плечиками (известны на памятниках Лесостепи и южной окраины Лесной зоны). В редких случаях встречаются наконечники без плечиков, чересла или же детали двузубой сохи (Новотроицкое, Хотомель), а также мотыжки [Сухобоков, 1975.— С. 90—95]. Среди многочисленных находок серпов преобладают асимметричные изделия с отогнутой рукояткой, близкие к современным типам. Довольно многочисленны и находки кос, а также жерновов ручных мельниц. В целом, сельскохозяйственный инвентарь VIII—X вв., представленный на памятниках типа Луки-Райковецкой, волинцевской, роменской и боршевской культур, ассортиментом и своим оформлением весьма близок к древнерусскому (рис. 80, 4). Последний, несомненно, возникает на его основе. Выразительный комплекс сельскохозяйственных орудий и других предметов этого периода происходит из кладов в Макаровом Острове и Битице [Березовец, 1963.— С. 183—184].

Однако в каждой из указанных культур металлические и каменные сельскохозяйственные орудия, очевидно, уступали первенство деревянным, хорошо известным по этнографическим данным: ралам, суковаткам, грызобойкам, ступам и т. д.

Сказанное подтверждается не только этнографической литературой, но и набором злаковых в рассматриваемых

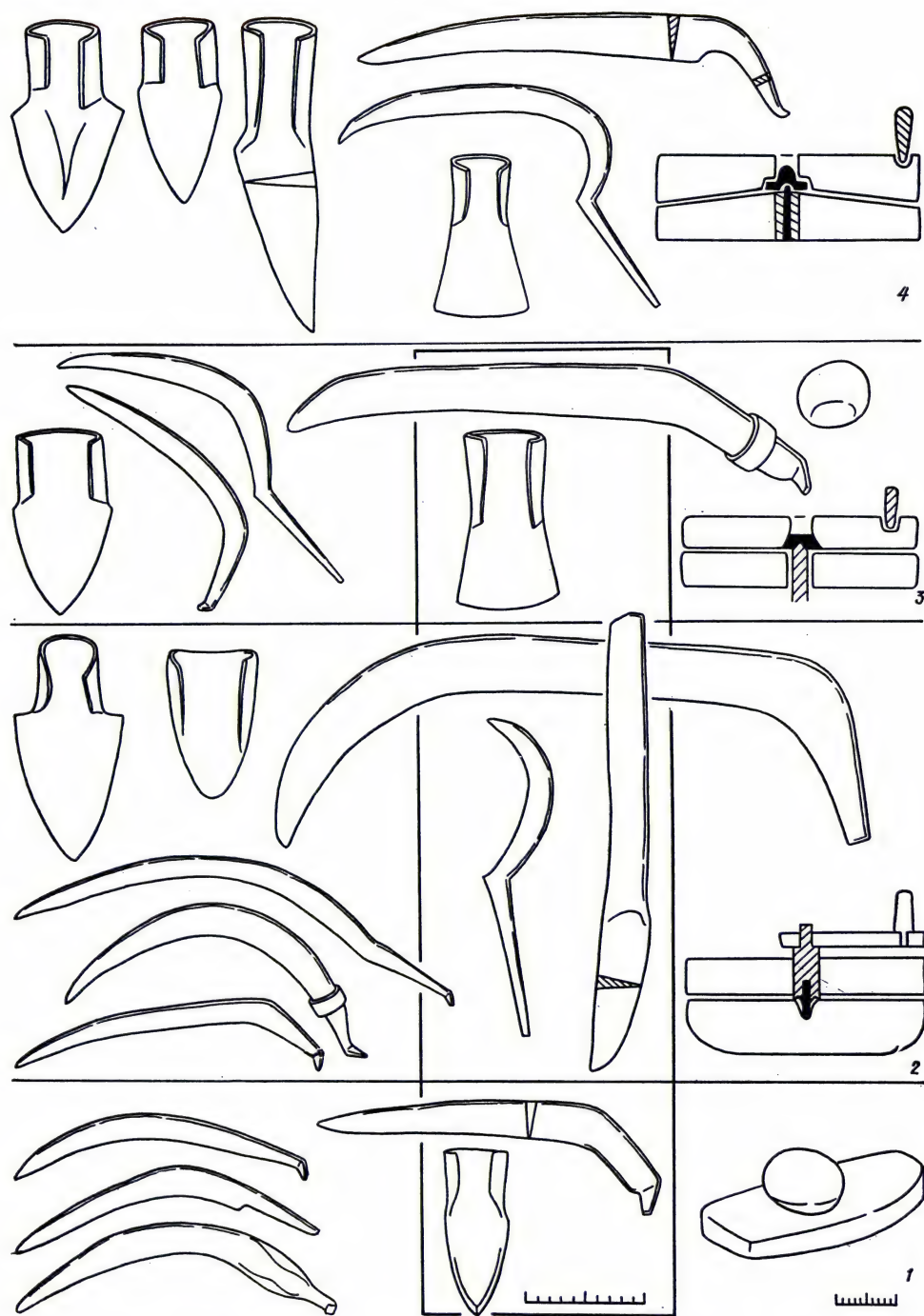

Рис. 80. Комплекс сельскохозяйственных орудий I тыс. н. э.:

1 — зарубинецкая, поенешти-лукашевская и липицкая культуры; 2 — черняховская и киевская культуры; 3 — пражская, пеньковская и колочинская культура; 4 — культуры волинцевская, роменская и типа Луки-Райковецкой.

археологических культурах. Зерновые требовали неглубокой вспашки земли, что обеспечивалось древними приемами землепользования и деревянными орудиями труда. Так, по мнению специалистов, одной из причин уменьшения в начале XX в. посевов полбы стало повсеместное введение в крестьянских хозяйствах железных плугов, вспахивавших землю на значительную глубину [Янушевич, 1976.— С. 57].

Некоторые сведения относительно системы земледелия получены на основе данных о составе сорняков. К сожалению, в настоящее время такие материалы, полученные в результате палеоботанических исследований отпечатков на керамике, промывок почвы из археологических объектов, известны всего для нескольких культур.

Широко распространенные в I тыс. н. э. пшеница-двузернянка, ячмень и просо, судя по этнографическим материалам, предназначались в основном для подсечной или переложной систем земледелия. Среди сорняков, например, в материалах зарубинецкой культуры преобладают семена растений, встречающихся в посевах яровых культур: мишій, куриное просо, сурепка, василек луговой, чистяк весенний. Возможно, у населения культур ченяховской, карпатских курганов, раннесредневековых славян определенное распространение получили озимые посевы, о чем свидетельствуют такие сорняки, как вьюнок полевой, василек синий, костер ржаной и полевой. Очевидно, племена названных культур использовали такую систему обработки земли, при которой озимая рожь чередовалась с яровой пшеницей, просом или ячменем. Пшеница могла высеваться после озимой ржи как культуры, хорошо очищающей почвы от сорняков, а рожь шла по перелогу или после яровых культур. Просо, чувствительное к засоренности почвы, высевалось сразу после перелога или по целине, то есть по чистым или слабозасоренным почвам. Существенно, что вышеприведенные факты еще не говорят о переходе к правильным севооборотам — двух- или трехпольным системам, — так как при таком чередовании посевов поле

иногда оставалось пустым (находилось в залежи).

К сожалению, для рассматриваемых культур отсутствуют следы древних полей, известные для раннего железного века и более позднего периода на территории Северной [История крестьянства, 1985.— С. 102—105] и реже Средней Европы [Prahistoria, 1981.— S. 322—323]. Единственным известным нам памятником такого рода на территории южной части Восточной Европы является подсечное поле в уроч. Прорва близ г. Трубчевска, связанное с поселением середины I тыс. н. э. [Горюнов, 1977.— С. 9—10]. В целом же, о пригодности тех или иных участков ландшафта под поля приходится судить, опираясь исключительно на топографию соответствующих поселений с учетом плодородия близлежащих земель.

Культуры славян второй половины I тыс. н. э. и предшествующие им на территории юга Восточной Европы охватывают главным образом лесостепную полосу и южную часть лесной зоны. Для ландшафта первой группы наиболее плодородными почвами являются различные типы черноземов, залегающие на лессах. В ландшафтах второй группы плодородные земли относительно немногочисленны и состоят из оподзоленного чернозема и серых лесных почв. Если для слаборасчлененного рельефа лесной полосы особых изменений в топографии поселений на протяжении I тыс. н. э. не происходит, то иначе обстоит дело с селищами, расположенными на территории Лесостепи. Памятники зарубинецкой культуры в Поднепровье, особенно городища, нередко занимают мысы на отрогах высоких коренных берегов крупных рек. Менее типично размещение поселений на первых надпойменных террасах или даже на дюнных всхолмлениях либо останцах в пойме [Максимов, 1972.— С. 62—65].

Поздnezарубинецкие памятники I—II вв., синхронные поселения воыно-подольской группы, памятники киевской культуры, ряд северных черняховских памятников, поселения славянских культур третьей четверти I тыс.

н. э., а иногда и конца I тыс. н. э., как правило, тяготеют к пойме, размещаясь обычно на первой или второй надпойменной террасе или реже непосредственно в пределах поймы, причем такая топография селищ характерна и для Лесной, и для Лесостепной зон. Относительно редко поселения занимали отроги коренного берега. Все это свидетельствует о том, что население данных культур, очевидно, использовало под поля наиболее плодородные почвы вдоль краев террас, а заливные луга в пойме — для выпаса скота и заготовки кормов.

Из сказанного следует, что ранние исторические славяне и их непосредственные предки в условиях Лесостепи ориентировались не на более плодородные, но и более тяжелые для обработки черноземы, а на уступавшие им в плодородии, зато более легкие в обработке почвы первых надпойменных террас. Не исключено, что в некоторых случаях возделывались и болотные черноземы в пойме, в целом более пригодные для огородных, нежели для зерновых, культур. Черноземные земли начинают осваиваться лишь к концу I тыс. н. э. носителями культур Луки-Райковецкой, роменской и боршевской в связи с переходом к более высокой степени развития сельскохозяйственно-го производства.

Рассмотрев основные источники, позволяющие в какой-то степени восстановить особенности земледелия ранних и восточных славян, перейдем к материалам, освещающим другую сторону славянского хозяйственного комплекса — животноводство. Для его характеристики мы располагаем двумя группами источников: орудия и предметы, связанные с животноводством, и остеологические материалы. Как известно, последние в первую очередь дают представление о животных, мясо которых употреблялось в пищу, и лишь косвенно — о составе стада.

К животноводческому инвентарю относятся ботала — крупные колокольчики для скотины, обычно изготовленные из железного листа. Они встречаются в единичных экземплярах на черняховских и киевских поселениях (Лесь-

ки, Ульяновка), а также в последующее время. Редко встречаются и так называемые овечьи пружинные ножницы, которые, конечно, могли использоваться не только для стрижки шерсти, но и в повседневной жизни. Большие ножницы обнаружены в черняховских памятниках, в Абидне (киевская культура) и Песчаном (колочинская культура). Чаше ножницы встречаются в культурах конца I тыс. н. э. с богатым набором хозяйственно-бытового инвентаря. Различные типы кос, начиная от найденного в одном экземпляре латенского типа в зарубинецкой культуре и кончая многочисленными косами-горбушами в культурах последней четверти I тыс. н. э., судя по этнографическим данным, предназначались почти исключительно для заготовки сена. Об использовании верховых лошадей свидетельствуют предметы снаряжения всадника, редко встречаемые на славянских памятниках, — шпоры, удила, детали упряжи и др.

Основным источником при изучении славянского животноводства является анализ костных остатков. Такие исследования были осуществлены В. И. Цалкиным, Н. Г. Белан, О. П. Журавлевым и другими исследователями для ряда памятников южной части Восточной Европы [Цалкин, 1966; Белан, 1977]. В это время исследовалась относительно небольшая часть памятников I тыс. н. э. Остеологические коллекции в ряде случаев немногочисленны, что затрудняет сопоставление особенностей животноводства различных археологических культур, тем более их локальных вариантов. Все же следует отметить, что для славянских культур I тыс. н. э. наиболее типично такое распределение костных остатков по числу особей, при котором первое место принадлежит крупному рогатому скоту, второе — свинье, третье — козе или овце и четвертое — лошади. В ряде случаев (черняховские памятники Верхне-го Поднестровья и Побужья, боршевская культура) количество быков и свиней примерно одинаково. В южных районах Лесостепи за крупным рогатым скотом следовали, как правило, козы и овцы, опережая свиней и лоша-

дей. Сравнительно небольшое количество костей лошади во всех рассматриваемых культурах свидетельствует, что они почти не употреблялись в пищу.

Очевидно, животноводство славянских племен носило оседлый, приселенческий характер, на что указывает высокий удельный вес свиньи — животного, не способного к длительным переходам. Преобладание крупного рогатого скота, по мнению специалистов, говорит не только о мясо-молочном направлении животноводства, но и косвенно может свидетельствовать о существовании пашенного земледелия, когда волов использовали как тягловую силу. Изготовление молочных продуктов (творог) подтверждается мискообразными сосудами с отверстиями в придонной части или днищах, встреченными на памятниках киевской культуры (Казаровичи, Обухов III) и славян VIII—X вв. Поднестровья и Среднего Поднепровья.

Состав стада славянских культур I тыс. н. э., в котором преобладали коровы и свиньи, отличается, с одной стороны, от синхронных культур восточных балтов и финно-угров, где доминируют свиньи или лошади, а с другой — от культур степной полосы Восточной Европы, в которых весьма значительна доля мелкого рогатого скота и лошади. Очевидно, отмеченные различия в составе стада, с одной стороны, объясняются физико-географическими особенностями региона, а с другой — направлением хозяйственной деятельности населения (состав стада в значительной степени отражает его специфику), регулировавшееся многовековыми традициями [Краснов, 1967.— С. 31—34]. Поэтому животноводческий комплекс, не претерпевший существенных изменений в течение тысячелетия, может свидетельствовать об отсутствии резких скачков в развитии местного сельского хозяйства под влиянием чужеродных племен.

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов с привлечением этнографических и экспериментальных данных попытаемся реконструировать некоторые стороны производства продуктов питания славянски-

ми племенами второй половины I тыс. н. э. и их ближайшими предками.

Сельское хозяйство племен зарубинецкой культуры и волыно-подольской группы по сравнению с кельтским, иллирийским, провинциально-римским, очевидно, было слабообразованным. Под поля могли использоваться участки в пойме или на склонах надпойменных террас, на отрогах коренного берега. Пахали деревянным ралом без железного наконечника на волах или лошадях. Опыты С. А. Семенова и его группы показали, что подобные орудия могли пахать даже целину. Серпы этого периода невелики и приспособлены главным образом для срезания колосьев. Наиболее распространенной зерновой культурой являлось просо [Пачкова, 1974.— С. 9—55]. Система земледелия скорее всего была экстенсивной — перелог, возможно, залежь и подсека. Поля на длительное время забрасывались. Для их расширения, видимо, вырубались деревья, выжигались кусты и другая растительность. Несмотря на необходимость частой смены участков из-за истощения плодородия почвы, такой способ ведения хозяйства был весьма продуктивным, что типично для ряда примитивных способов сельскохозяйственного производства [Беранова, 1980.— С. 45]. Иными словами, количество свободных земель, пригодных для земледелия, около рубежа и в первые века нашей эры было вполне достаточно для получения относительно обильных урожаев при минимальной затрате сил.

Зерно хранили в ямах-погребах, довольно многочисленных на зарубинецких поселениях (хотя, конечно, не все они одновременны). Так как находки жерновов на рассматриваемых памятниках почти не известны, а размол зерна на ручных зернотерках мало производителен (помол 1 кг зерна длился не менее двух часов), можно предположить, что основной хлебной пищей у племен этого периода были каши, моченое или жареное зерно, а также пресные лепешки (рис. 81, 1, 2). О выпечке лепешек свидетельствуют довольно частые находки глиняных дисков [Максимов, 1972.— С. 70—73].

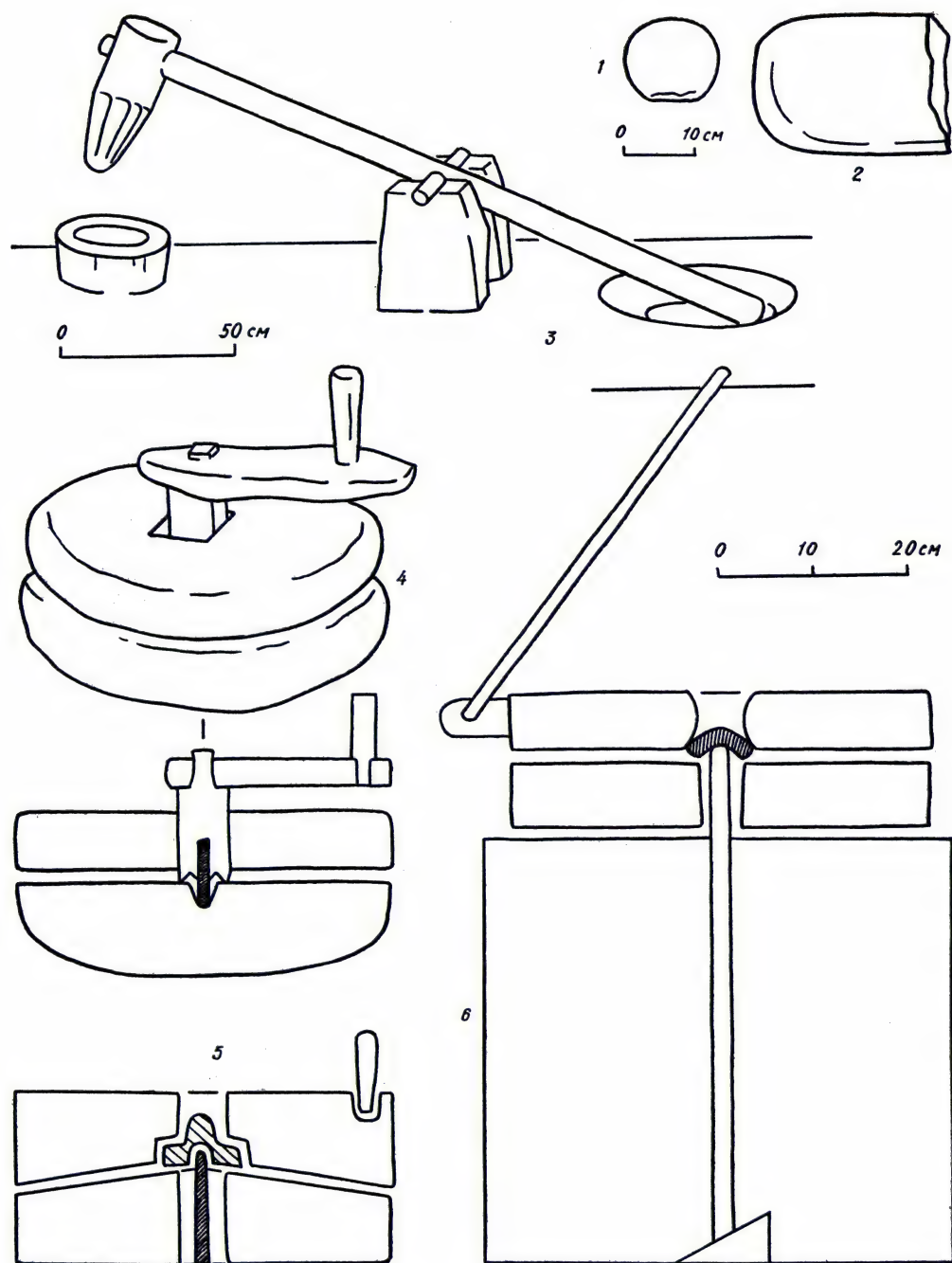

Рис. 81. Орудия переработки сельскохозяйственной продукции:

1 — терочник; 2 — зернотерка; 3 — реконструкция ножной ступы из черняховского поселения Каменка-Анчекрак (по Б. В. Магомедову); 4 — реконструкция жернового постава черняховской культуры (по П. И. Хавлюку); 5 — реконструкция жернового постава салтовской, волынцевской и роменской культур (по Р. С. Минасяну); 6 — реконструкция восточнославянского жернового постава (по Р. С. Минасяну).

Наличие огромных заливных лугов вблизи поселений зарубинецкой культуры и воыно-подольской группы, многочисленные обломки костей домашних животных на этих памятниках показывают, что роль животноводства в этот период была велика. В стаде основное место занимали крупный рогатый скот и свиньи [Максимов, 1972.— С. 73—76; Пачкова, 1974.— С. 46—52]. Козы и овцы, а также лошади употреблялись в пищу реже. Не вполне ясно, как была организована зимовка скота. Анализ остеологического материала показывает, что поголовье коров и лошадей в основном сохранялось, в то время как часть молодняка мелкого рогатого скота и свиней на зиму забивалась.

Определенный прогресс в сельском хозяйстве наблюдается в римский период. Племена черняховской культуры перенимали многие орудия, очевидно, в это же время распространяются некоторые новые зерновые культуры и агротехнические приемы. Вместе с тем нельзя не отметить, что в отличие от римских провинций на территории Восточной Европы пользовались ограниченным набором инструментов, наиболее приспособленных к традициям местных племен в производстве и переработке продуктов питания. Главным образом, это серпы и ручные мельницы, изредка — железные наральники, косы, мотыги и др. В большей части ареала черняховской культуры в основном распахивались участки черноземных почв на лёссах, расположенных рядом с поселениями.

Несмотря на значительный объем исследований, проведенных на поселениях черняховской культуры, немногочисленные (около 10) находки небольших наконечников пахотных орудий вряд ли могут свидетельствовать об их широком применении. Несколько широколезвийных наральников и чересел [Рикман, 1975.— С. 124—128; Брайчевский, 1964.— С. 34—39] не могут служить доказательством существования плуга — упряжного орудия, способного переворачивать пласт земли [Краснов, 1971.— С. 3—11]. Орудия типа черняховских, так называемые плужные ра-

ла, были лишь шагом на пути к созданию настоящего плуга, характеризующегося в первую очередь широким асимметричным лемехом и получившего распространение в Восточной Европе только в эпоху развитого средневековья. Скорее всего, основной системой землепользования был долгосрочный перелог. О том, что в среде черняховского населения были потомки осевших на землю скифов и сарматов, свидетельствует высокий удельный вес овец и лошадей в стаде Северного Причерноморья. Относительно широкое распространение кос длиной около 50 см сделало возможным заготовку кормов на зиму. Изредка на черняховских памятниках встречаются кости ослов, верблюдов, домашних кошек.

От вышеописанного сельскохозяйственного производства второй четверти I тыс. н. э., в целом провинциально-римского, несколько отличаются земледелие и животноводство более северного ареала, где обитали славянские племена (памятники Верхнего Поднепровья, Западного Побужья и других северных периферийных черняховских областей, а также киевской культуры). Производство продуктов питания имело здесь более традиционный характер, а изменения менее заметны, чем в южных областях [Баран, 1981.— С. 124—126].

Поселения размещались рядом с участками плодородных земель вблизи первой надпойменной террасы. Оподзоленные черноземы и серые лесные почвы при достаточно теплом и влажном лете, а также мягкой и снежной зиме могли давать неплохие урожаи зерновых. Луга речных пойм создавали надежную базу для животноводства. Основной системой землепользования также являлся перелог и, возможно, подсека. По мере истощения плодородия окружающих полей поселения переносились на новые места. Отведенные под посев легкие почвы обрабатывались упряжными пахотными орудиями типа рала, иногда снабженными железными наконечниками, подобными найденному в Ульяновке [Пашкевич, Терпиловский, 1981].

В посевах славянских племен III—

IV вв. основное место по-прежнему занимало просо, однако в отличие от более раннего периода культивировались рожь, пшеница (двузернянка и спельта) и ячмень. Такой ассортимент зерновых культур обуславливался уровнем агротехники, а также климатическими и почвенными особенностями региона. Определенный прогресс наблюдается и в технике уборки злаков. Серпы этого времени более крупные и сильноизогнутые, хотя рукоятки в большинстве случаев еще не отогнуты. Важным нововведением в процесс первичной переработки продуктов земледелия было внедрение ручных мельниц, вытеснивших примитивные зернотерки (рис. 81, 4). Их применение повысило производительность труда в 3—4 раза [Федоров, 1960.— С. 106]. Очевидно, начиная именно с этого времени кислый хлеб становится постоянным продуктом питания.

Скотоводство, возможно, менее всего подвергалось изменениям. В пищу употребляли в первую очередь мясо коров и свиней. Животноводство оставалось приселищным. Видимо, стада выпасались на пойменных лугах. Иногда домашним животным подвешивались колокольчики-ботала. Находки крупных ножниц (а также их миниатюрных моделей) свидетельствуют о том, что хозяйственное использование овец и коз не ограничивалось получением от них только мяса и молока. Существование домашней птицы подтверждают кости петуха на поселении Роище.

Как видим, земледелие киевской культуры и северных черняховских памятников было более производительным, чем зарубинецкой. Здесь применялись более совершенные орудия труда и урожайные злаки (рожь). Постоянные контакты с высокоразвитой черняховской культурой южных областей приводили к некоторым изменениям в хозяйственной жизни славянских племен, что особенно заметно на поздних памятниках Подесенья [Терпиловский, 1984.— С. 59—65]. Ассортимент сельскохозяйственных орудий расширился за счет железных наральников, больших серпов совершенных форм, ручных мельниц.

Не исключено, что широкое переселение славянских племен — прямых потомков носителей киевской культуры и северных черняховских памятников — в VI—VII вв. в Подунавье, на Балканы и в Центральную Европу было вызвано, помимо прочих причин, потребностями возросшего населения в пахотной земле.

По-видимому, как и в первой половине I тыс. н. э., в земледелии славян раннего средневековья практиковалась переложная система. Поле обрабатывали и засеивали до тех пор, пока почва оставалась плодородной и не требовалось особых затрат труда. Потом поле зарастало травой и не обрабатывалось до тех пор, пока не восстанавливалось его естественное плодородие. Из-за низкой производительности пахотного орудия (им, очевидно, по-прежнему оставалось деревянное рало, в редких случаях с небольшим железным наконечником) для этой системы больше всего подходили легкие плодородные почвы, а из зерновых — просо, пшеницы (двузернянка и карликовая) и другие, хорошо растущие на плохо обработанных почвах и дающие надежный урожай [Беранова, 1980.— С. 47]. Последнее в условиях примитивного земледелия мог обеспечить только длительный покой грунта, что известно по этнографическим параллелям и историческим источникам XVIII—XIX вв. [Беранова, 1985.— С. 8—9].

Эксперименты, проведенные чешскими археологами по реконструкции пахотных орудий этого времени, показали, что простая соха с железным лемехом (и даже без него) вполне годится для распашки целинных земель, в особенности во влажную погоду. Все же такие рала были более приспособлены для обработки легких почв на первых террасах по берегам рек. Можно предположить, что относительно примитивные и легкие рала требовали незначительной тягловой силы (одной лошади или вола). Предположительно для VI—VII вв. можно говорить о двух основных типах рал: бесполезном и с полозом. Первое из них (прототип сохи) позволяло взрыхлять землю на 5—7 см, без особых усилий со стороны

пахаря извлекая орудие из каменистой или пронизанной корнями почвы. Ралом с полозом и железным наральником, вероятно, удобнее было распахать ровные участки, проводить более ровную борозду, хотя травяной пласт и не переворачивался [Полевой, 1985.— С. 76].

Нам представляется малоперспективной попытка подсчета необходимого количества пахотных земель, сроков полевых работ, объема урожая и прочего для славянского населения раннего средневековья на основании данных XIX в. [Приходнюк, 1975.— С. 59—64]. На наш взгляд, при этом не учитываются залежная и переложная системы земледельческого хозяйства в VI—VII вв., обеспечивающие даже при несовершенных орудиях значительные урожаи, в отличие от крестьянского хозяйства эпохи капитализма с принудительным севооборотом, трехпольем и т. д. Надежное основание для реконструкции экономики ранних славян могут дать лишь многочисленные эксперименты, построенные с учетом всех особенностей сельского хозяйства той поры.

Славяне VI—VII вв. южной части Восточной Европы почти повсеместно использовали ручные мельницы, что, вероятно, свидетельствует о высоком значении хлеба в питании по сравнению с другими зерновыми продуктами. Убирали хлеба не только серпами, но и косами (предназначенными в основном для травы), так как незрелое зерно не осыпается. В целом, немногочисленные находки кос свидетельствуют о заготовке кормов для скота на зиму [Баран, 1972.— С. 72—73].

То, что животноводство занимало в экономике славянских племен значительное место, не вызывает сомнений, хотя кроме остеологических материалов и нескольких свидетельств византийских авторов на его развитие могут указывать лишь некоторые находки, главным образом удила, шпоры и другие части снаряжения всадника. Состав животных, употреблявшихся в пищу, оставался традиционным: крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы и лошади. Две находки ножниц для стрижки овечьей шерсти (Песчаное, Рап-

ков III) указывают, что эти провинциально-римские орудия прижились на славянской почве.

Значительные перемены в земледелии наступили в конце VII—VIII в., когда на территории Восточной Европы, включая Лесную зону, распространяется своеобразный славянский хозяйственно-бытовой комплекс [Минасян, 1980]. Причиной, по которой восточнославянское население было вынуждено начать внедрение более совершенных и разнообразных орудий почвообработки, уборки и переработки урожая, очевидно, стало сокращение пахотной земли, необходимой для экстенсивных форм хозяйства. Нехватка пахотных земель, в свою очередь, могла быть вызвана ростом народонаселения. Дополнительным толчком явилось воздействие на жителей глубинных областей Поднепровья и Поднестровья славянского населения Подунавья и Балкан, перенявшего у романского населения ряд совершенных для той поры сельскохозяйственных орудий и агротехнических приемов.

На протяжении VIII—X вв. под поля все чаще начинают использовать не только легкие почвы приречных участков, но и тяжелые плодородные черноземы на плато. Сроки пребывания участков под перелогом сокращаются, что приводит к двуполью. На его существование указывают письменные источники X в., а также находки разнообразных сортов пшеницы, ржи, овса на памятниках роменской и боршевской культур, а также в культуре Луки-Райковецкой. Двупольный севооборот подтверждается также находками среди зерновых культурных злаков специализированных, озимых сорняков [Сухобоков, 1975.— С. 87—107]. Как видим, система земледелия VIII—X вв. становится более интенсивной. Земледельцы переходят к кратковременным перелогам. Долговременные перелог и изредка практиковавшаяся (для расширения участков) подсека, очевидно, являлись дополнением [Пашкевич, Петрашенко, 1982].

В этот период в восточнославянской среде начинают применять усовершенствованные подошвенные рала с отно-

сительно широким симметричным наконечником и череслом, а также отвальной доской, которые уже могли отвальнуть подрезаемый пласт почвы в сторону с некоторым рыхлением, хотя и не переворачивали его. Применение ножей-чересел, как считают, позволило увеличить глубину вспашки до 10—15 см [Полевой, 1985.— С. 69]. Такие орудия, повысившие производительность земледельческого труда, представляли собой переходный тип от рала к плугу — так называемые плужные рала. Не исключено, что в некоторых случаях применяли двузубые сохи, более типичные для славянского земледелия. Лесной полосы последующего периода. Таким образом, для VIII—X вв. наблюдается определенная специализация пахотных орудий.

Наступает и некоторая перемена в ассортименте хлебных злаков. На смену пленчатым пшеницам приходят более прихотливые, но и более пригодные для помола голозерные. Культивировались и все остальные злаки, но реже, чем пшеница. Все же роль ржи, проса, ячменя в питании остается значительной. Кроме того, засвидетельствованы горох, бобы и другие стручковые растения, репа, а также лен и конопля. Не исключено, что выращивались и плодовые деревья.

При уборке урожая начинают применять более совершенные серпы с асимметричным лезвием и отогнутой рукояткой. Молотба, вероятно, осуществлялась при помощи изогнутых палок или цепов.

Размеры зерновых ям VIII—X вв. увеличиваются по сравнению с предыдущим периодом и нередко превышают 2—2,5 м. Иногда они специально обору́довались (обжигались, стенки укреплялись плетнем и пр.). Известны и специальные хозяйственные сооружения, состоявшие из зерновых ям, ручных мельниц (рис. 81, 5, 6) и помещения для сельскохозяйственного инвентаря (Сахновка).

Что касается разведения домашних животных, то состав стада по сравнению с предыдущим временем изменился незначительно. Наличие достаточного количества пойменных лугов вблизи

большинства славянских поселений VIII—X вв. фактически позволяло ограничивать размер стада лишь количеством кормов, запасаемых на зиму. Корма для свиней поставлялись в виде продуктов огородничества и собирательства, а также отходов. Зимой скот содержался в защищенных местах (загонах?), где подкармливался сеном. Переработка молока в творог и сыр, как показали многочисленные находки сосудов-цедилок, практиковалась повсеместно. Разводилась и домашняя птица.

Таким образом, земледелие и животноводство в последней четверти I тыс. н. э. — основа экономики восточнославянского общества — сделали значительный шаг вперед, что проявилось в изменении способов сельскохозяйственного производства, когда новая техника соединялась со знаниями об естественном возобновлении почвенного плодородия. Славяне этого периода усвоили многое из провинциально-римской (византийской) агротехники, но применительно к своим потребностям.

В хозяйстве славянских племен на протяжении I тыс. н. э. определенную, но все же второстепенную роль играли промыслы, являвшиеся подспорьем для основных отраслей хозяйства — земледелия и приселенного животноводства. Основными видами были охота, рыболовство, бортничество и собирательство. Немногочисленные сведения об этих отраслях хозяйства дают археологические раскопки, дополненные палеозоологическими исследованиями, историческими сообщениями и этнографическими параллелями.

Судя по остеологическому материалу, главным объектом охотничьего промысла являлись «мясные» виды диких млекопитающих (лось, благородный олень, зубр, тур, козуля, кабан), составляющие обычно 10—20 % особей по сравнению с домашними млекопитающими. Значительная доля костей диких животных на памятниках боршевской культуры (около 50 %) объясняется употреблением в пищу племенами Подонья мяса пушных зверей (бобры), что, очевидно, не было принято на остальной славянской территории.

Значение охоты на пушных зверей косвенно подтверждается наличием значительного количества серебряных изделий и монет на памятниках конца I тыс. н. э., которые могли быть получены в результате обмена на пушнину [Ляпушкин, 1958.— С. 216], что подтверждается свидетельством восточных авторов [Гаркави, 1870.— С. 219]. Орудиями охоты, по-видимому, являлись лук и стрелы, копья и дротики, рогатины, различные приспособления (сети, ловушки, капканы).

Рыболовство также широко практиковалось у населения I тыс. н. э., хотя следы его менее выразительны на археологических памятниках. На ряде поселений I тыс. н. э. обнаружены кости и чешуя судака, щуки, сома, сазана, осетра, леща, плотвы, линя. Про ловлю рыбы свидетельствуют железные рыболовные крючки и остроги, в разных количествах находимые в материалах всех рассматриваемых культур. Кроме них, несомненно, применялись сети, невода и пр.

Мы мало знаем о других сельскохозяйственных промыслах. Так, бортничество известно практически по письменным источникам, древнейшие из которых восходят ко времени первых сведений о славянах. Племена I тыс. н. э., вероятно, занимались бортничеством в наиболее примитивной форме, суть которой сводилась к отысканию деревьев с дуплами, занятыми дикими пчелами, и добычанию из них воска и меда. Так, на Монастырьке в жилище VIII—X вв. найдены куски обгоревшего дупла с сотами и медом [Пашкевич, Петрашенко, 1982.— С. 60—62]; на поселении боршевской культуры Титчиха в заполнении одного из жилищ обнаружен комок воска [Москаленко, 1965.— С. 77]. Горшок с остатками меда выявлен на городище близ с. Воргол (Посеймье) [Березовец, 1952.— С. 58—61]. В эпоху Киевской Руси мед и воск считались одними из основных богатств древнерусских земель [Монгайт, 1959.— С. 175].

Помимо промыслов в экономике славянского населения определенную роль играло собирательство. Сбор желудей, орехов, ягод, грибов, дикорастущих

плодов позволял, по этнографическим данным, разнообразить пищу еще в XVII—XIX вв. Вполне правдоподобно заключить, что в неурожайные годы собирательство становилось значительным подспорьем в питании.

2. ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛЕЗА

В сложной проблеме истории производства восточнославянских племен I тыс. н. э. особое место принадлежит черной металлургии и металлообработке — ведущим отраслям человеческой деятельности, определявшим экономический потенциал древних обществ.

Появление населения зарубинецкой культуры на территории Восточной Европы относится к тому историческому периоду, когда техника и технология железоделательного производства в указанном регионе прошли более чем тысячелетний путь своего развития. Как известно, железо начиная с раннескифского времени становится основным производственным материалом в экономике местных культур. Таким образом, традиции всей предшествующей восточноевропейской металлургии и металлообработки являлись прочной базой для становления и развития собственно славянской металлургии и металлообработки железа. Технологические схемы производства железа в древности в первую очередь определялись типом железоделательного устройства, используемого древними металлургами. На территории Восточной Европы применялись три технологические схемы получения железа: а) в ямных горнах многоразового использования без шлаковывпуска; б) в стационарных горнах со шлаковывпуском; в) в ямных горнах одноразового использования.

Технология производства железа в ямных горнах многоразового использования являлась древнейшей на территории Восточной Европы. Ее происхождение, по всей видимости, тесно связано с медеплавильным делом [Паньков, 1985]. Сущность этого способа железнодобычи, производившейся в небольших по размерам ямных печах, обра-

занных изнутри глиной и лишенных шлаковывпуска, заключалась в освобождении рабочего объема печи от застывших шлаков после окончания сыродутного процесса.

Английский исследователь Х. Шуберт, характеризуя этот тип печи, известной и в ранней черной металлургии Британских островов, отмечал, что обмазка основания и стенок ямных горнов давала возможность удалять шлак, не разрушая каждый раз стенки внутренней части, и гарантировала несколько плавок, делая железопроизводство более экономичным, чем в необмазанных печах [Schubert, 1957.— Р. 19]. Недостаток такой технологии прежде всего заключался в весьма скромных конечных результатах. Позднее в металлургии усложнили конструкцию ямного горна многоразового использования, увеличив его рабочий объем и усилив изоляцию земляных стенок ямы от соприкосновения с расплавленными шлаками.

Наиболее развитым памятником этого типа является горн из поселения черняховского времени у с. Синицы Христиновского района Черкасской области [Кропоткин, Нахапетян, 1976.— Табл. III, 1]. Стенки горна были выложены плитками известняка, обмазанными глиной.

Итогом эксплуатации горнов ямного типа многоразового использования без шлаковывпуска явилось открытие способа удаления шлака в жидком, текучем состоянии, решившего проблему резкого увеличения производства металла. Действительно, в печи со шлаковывпуском теоретически можно было переработать какое угодно количество руды и получить железную губку любых размеров. Населению Восточной Европы эта технология была известна уже к середине I тыс. до н. э. [Фабрициус, 1949].

Дальнейшее развитие и применение такого способа получения железа в конце I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. наблюдается в материалах зарубинецкой (Пилипенкова Гора, Лютеж [Максимов, 1972.— С. 78; Бидзия, Пачкова, 1969.— Табл. III, 2]), липицкой (Ремезовцы [Баран, Цигилик,

1971; Цигилик, 1976.— С. 57]), вельбарской (Лепесовка [Тиханова, 1960; 1964]), черняховской (Иванковцы, Лопатна [Довженко, 1952; Федоров, 1960]) культур и памятниках киевского типа (Васильков 1а) [Гороховский, 1975.— С. 1—6] (рис. 82, 1—4).

Сыродутные горны из поселения зарубинецкой культуры позднего этапа у с. Лютеж Киевской области представляли собой стационарные сооружения с наземными шахтами высотой 70—80 см. Некоторые горны были несколько углублены в землю и снабжены предгорновыми ямами. Железодельное производство населения воыно-подольской группы представлено двумя мастерскими по добыче железа с так называемыми встроенными горнами со шлаковывпуском (тип горна и мастерской), характерными для средне-европейской металлургии железа позднелатенского и римского времени (поселение Ремезовцы). Небольшие по размерам стационарные железодельные печи с наземными шахтами зафиксированы на поселении Лепесовка, где выявлена железодельная мастерская с несколькими сыродутными горнами. Остатки стационарной наземной печи с глиняной шахтой обнаружены на поселении черняховской культуры у с. Иванковцы. Подобная печь, шахта которой сделана не из глины, а из плиток известняка (глина применялась как связующий элемент), известна в черняховской культуре Молдавии (Лопатна).

Таким образом, краткая характеристика вышеприведенных источников показывает, что в результате развития железодельной техники на территории Восточной Европы к рубежу и первым столетиям нашей эры выработался устойчивый местный тип металлургии железа, основанный на применении стационарных сыродутных печей двух принципиально различающихся конструкций. Первая из них представлена стоящими обособленно или в мастерских печами с наземными шахтами (иногда с несколько углубленным в землю основанием и предгорновой ямой). Второй тип горна — ямы со шлаковывпуском.

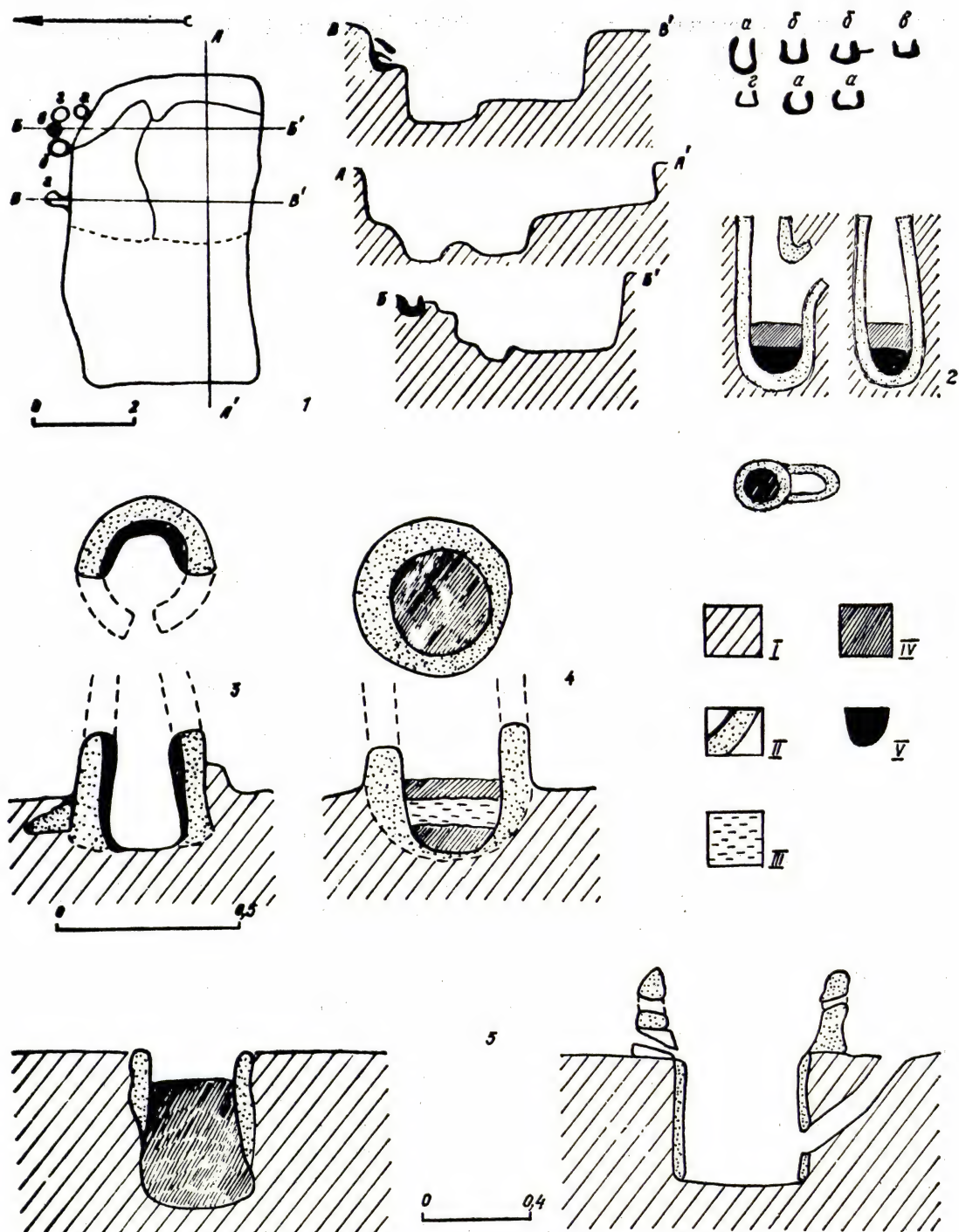
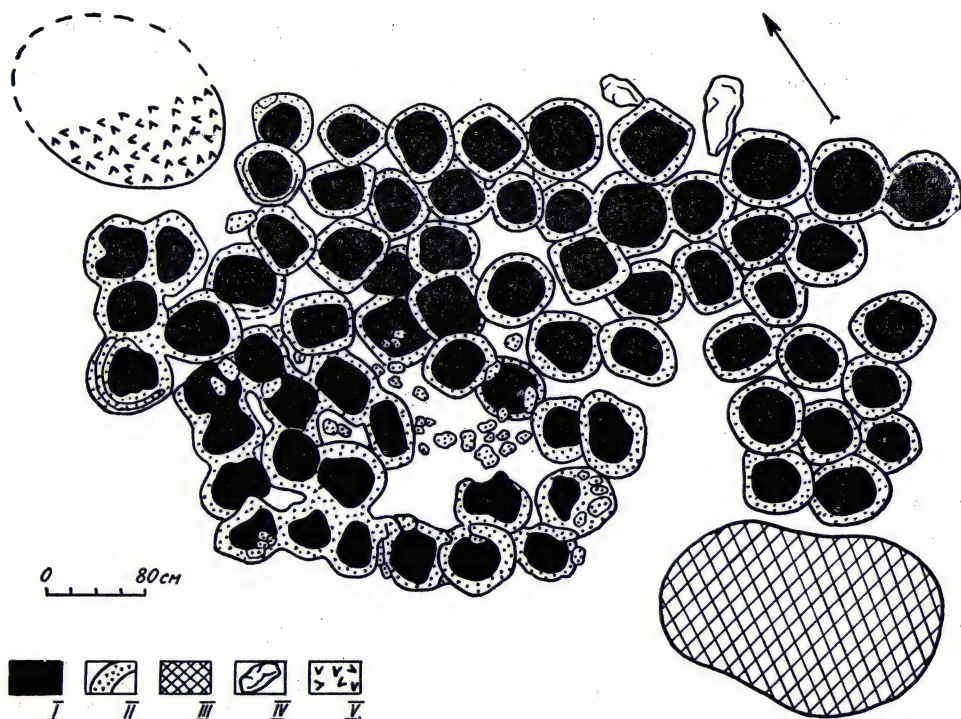

Рис. 82. Сооружения, связанные с производством железа:

I — материк; II — глина; III — песок; IV — шлак; V — крица. 1 — Ремезовцы. Железодельная мастерская, производственное сооружение № 2; 2 — Ремезовцы. Железодельный горн из производственного сооружения № 12; 3, 4 — железодельные горны Лютежского центра; 5 — остатки железодельного горна Уманского центра и его реконструкция.

Однако археологические исследования показали, что процесс развития славянской металлургии не был прямым. Среди разнообразных памятников производства железа латенского и римского времени особенное внимание привлекают остатки железодобычи, среди которых наиболее известными являются Новоклиновский и Свентокшижский центры железодобычи с горнами одноразового использования [Бідзія, 1970; Bielenin, 1974. — S. 64—190]. Исследования в Свентокшижских горах на территории Малополюши были развернуты с середины 50-х годов нашего столетия. Их результатам польские археологи посвятили ряд публикаций.

На основании археологических и экспериментальных данных исследователи Свентокшижского центра пришли к выводу, что горн одноразового пользования состоял из углубленного в землю до 50 см котлована-шлакосборника и возведенной над ним конической шахты высотой до 1 м. Так как расплавленные шлаки заполняли котлован-шлакосборник, то горн для вторичной

Рис. 83. Площадка № 3 из Уманского центра черной металлургии:

I — шлак; II — глиняная обмазка; III — известь; IV — камень; V — древесный уголь.

плавки не годился. Поэтому для изъятия железной губки шахта разрушалась, а рядом строился новый горн. В начале 60-х годов остатки таких горнов обнаружены у с. Новоклиново Виноградского района Закарпатской области. Их происхождение связывается с деятельностью местной группы племен латенской культуры.

Железодобывающий комплекс открыт на южной окраине г. Умань Черкасской области и связан с керамикой позднезарубинецкого типа [Бідзія, Недопако, Паньков, 1981; Паньков, 1982. — Табл. II] (рис. 82, 5; 83). Нет сомнений в том, что в конструктивном плане горны одноразового пользования всех трех центров (Новоклиновского, Свентокшижского и Уманского) принципиальных различий не имеют. Материалы Уманского центра позволили реконструировать горн для одноразовой добычи железа. Он состоял из двух частей — углубленного в землю котло-

вана-шлакосборника и наземной шахты, выполненной из глины и играющей роль своеобразного колошника. Глубина котлована-шлакосборника достигала 60 см, диаметр — 50—60 см (основной рабочий объем горна). Стенки его обмазывались слоем глины толщиной около 5 см, высота наземной части не превышала 30 см, причем ее диаметр совпадал с верхним диаметром котлована или несколько превосходил его. Толщина стенок наземной шахты горна достигала 10 см. Дутье в горн осуществлялось последовательно через канал, пробитый в земле и под наклоном выходящий к основанию шлакосборника, и через сопло, вмазываемое в наземную шахту горна. Возможно и применение естественной тяги, регулируемой глиняными заглушками.

Произведенная нами реконструкция сыродутного горна, применявшегося на комплексах черной металлургии типа Новоклинова и Свентокшижских гор, позволяет сделать вывод, что такие центры железнодобычи не имеют прототипов на территории Юго-Восточной Европы. Их следует искать на территории Западной и Средней Европы.

Важное значение для характеристики уровня развития черной металлургии как отрасли ремесленного производства племен восточноевропейской Лесостепи рубежа и первой половины I тыс. н. э. приобретает историческая интерпретация центров товарного производства железа типа Новоклинова и Свентокшижских гор, представленных в железнодобыче юга Восточной Европы Уманским металлургическим центром. Товарный характер производства железа и его масштабы [Бидзиля, Недопако, Паньков, 1983.— С. 61, 67] свидетельствуют не только об отделении металлургии железа от кузнечного производства и развитии специализации в черной металлургии, но и об отделении железнодобычи от других видов хозяйственной деятельности. Если Новоклиновский центр являлся важным поставщиком железа в придунайские земледельческие области [Бидзиля, 1970], то расчеты объема производимого железа в Уманском центре показывают, что продукция сбывалась не

только на внутреннем рынке, но и экспортировалась [Бидзиля, Вознесенская, Недопако, Паньков, 1983.— С. 67—68].

В целом, в славянских культурах рубежа и первой половины I тыс. н. э. отсутствовала территориальная специализация. Потребность в железе благодаря распространенности легкодоступных болотных руд и железистых кварцитов удовлетворялась на месте. Анализ таких памятников, как Пилипенкова Гора, Лютеж, Ремезовцы, Иванковцы, Лопатна, показывает, что добыча железа на них осуществлялась в свободное от сельскохозяйственных работ время, в условиях производства «на заказ» членами индивидуальной семьи. Этим она отличается от металлургии, основанной на экстенсивном способе получения металла, требовавшем значительных затрат труда, что обеспечивалось больше семейными коллективами [Бидзиля, Вознесенская, Недопако, Паньков, 1983]. Соответственно условиям организации металлургов, работавших в рамках общины, должен был и распределяться продукт, полученный в обмен на изделия ремесла. Этим же условиям соответствовало отношение ремесленников к орудиям их деятельности.

Таким образом, уровень техники железнодобычи того времени не позволял вести товарное производство в рамках индивидуальной семьи и требовал приложения коллективных затрат труда. С другой стороны, слабые экономические и политические связи в восточнославянской среде ориентировали на децентрализацию в производстве и замкнутое натуральное хозяйство.

Со второй половины I тыс. н. э., особенно с третьей его четверти, в среде восточнославянских племен усиливаются процессы, приведшие в дальнейшем к созданию первого феодального государства восточных славян — Киевской Руси. Общий объем производительных сил, отмечаемый в этот период, привел к резкому увеличению производства железа, что требовало унификации в технике и технологии его добычи. В результате металлургии отказались от использования малоэффектив-

ных технологий в добыче железа и предпочли технологию, основанную на использовании стационарных сыродутных печей со шлаковывпуском.

В соответствии с социально-экономическим развитием восточнославянского общества второй половины I тыс. н. э. в развитии черной металлургии этого периода можно выделить два этапа. Прежде всего, следует отметить, что в V—VII вв. каких-либо серьезных сдвигов как в технике железнодобычи, так и в социальной и производственной организации этой отрасли ремесленного производства не наблюдается. Характерными памятниками черной металлургии V—VII вв. являются железноделательные комплексы славянских поселений Семенки и Самчинцы [Хавлюк, 1963], Репнев II [Баран, 1972.— С. 75—76], Рашков I [Баран, 1981], Гайворон [Бидзила, 1963].

Анализ остатков железноделательного производства, зафиксированных на этих памятниках, показывает, что в технике железнодобычи славянами V—VII вв. использовались стационарные горны со шлаковывпуском, причем не только наземные шахтные (Семенки, Самчинцы, Гайворон), но и ямные (Рашков I).

Характер производственных остатков на поселении Репнев II, где рядом с железноделательными горнами выявлены следы кузнечного и литейного производств, позволяет утверждать, что соединение металлургического, кузнечного и литейного дела — обычное явление для ремесленников V—VII вв.

Немного особняком среди памятников этого типа стоит Гайворонский центр, существование которого свидетельствует о возможном начале процесса территориальной специализации в раннеславянской черной металлургии.

Начиная с VIII в. в социально-экономическом и культурном развитии восточных славян, вступивших в эпоху образования раннефеодального государства, наблюдаются значительные сдвиги. Разложение институтов первобытнообщинного строя, имущественная и социальная дифференциация, становление и рост городов — оплотов

княжеской власти, экономическая и политическая консолидация славянских племен стали важными факторами в разделении и специализации в развитии металлургии и металлообработки. Именно к этому периоду относится зарождение структуры древнерусского ремесленного производства и таких его подразделений, как городское, деревенское и вотчинное ремесла [Рыбаков, 1948.— С. 482—514], соответствующих социально-экономической структуре славянского общества.

Анализ памятников черной металлургии последней четверти I тыс. н. э. свидетельствует, что в это время в железноделательном производстве восточных славян появляются крупные центры по добыче железа (Григоровка, Алчедар [Артамонов, 1960.— С. 285]), существование которых может быть объяснено товарным производством металла.

В целом же, остатки железноделательного производства второй половины I тыс. н. э. можно разделить на три основные группы. Первую составляют железноделательные комплексы, зафиксированные на небольших по площади и количеству жилищ славянских поселениях. К ним можно отнести: Семенки (12 жилищ и одна наземная шахтная печь, находившаяся на поверхности); Самчинцы (14 жилищ и два железноделательных горна [Хавлюк, 1963]); Репнев I (одна железноделательная печь в углу постройки площадью около 5 м² [Аулих, 1963]); Рашков I (комплекс из металлургического горна и кузнечной мастерской [Баран, 1981.— С. 12—18]); Лопатна Оргеевского района МССР (две железноплавильные печи [Федоров, 1960.— С. 206]).

По всей видимости, эта группа памятников, мало чем отличающаяся от основного комплекса остатков черной металлургии первой половины I тыс. н. э., свидетельствует о становлении деревенского ремесла, призванного удовлетворять потребности в изделиях ремесленного производства жителей своего поселения или небольшой округи. Ремесленник-металлург, занимавшийся также кузнечной обработкой металла, осуществлял свою деятельность

в условиях «производства на заказ», будучи тесно связанным с сельскохозяйственным трудом.

Ко второй группе памятников черной металлургии относятся остатки железоделательного производства, зафиксированные на городищах. К ним можно отнести такие пункты, как железнорудный комплекс VIII в. на территории Пскова, железоделательные горны на городищах Лабенщина и Кимия VII—VIII вв. Минской области БССР [Колчин, 1953; Поболь, 1974], остатки железнорудного и обрабатывающего комплекса на городище Алчедар I, функционировавшего с VI—VII вв. [Федоров, 1960. — С. 285].

Этот тип памятников, вероятно, свидетельствует о становлении и развитии городского ремесла с присущими ему чертами товарного производства и отделения металлургии и металлообработки как отрасли ремесленного производства от земледелия. Хотя не следует забывать, что Ф. Энгельс, рассматривая раннесредневековые ремесла, писал: «...Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу... Производство с целью обмена еще только возникало» [Маркс, Энгельс. — Соч. — Т. 19. — С. 216].

Третий тип памятников, представленный крупными железнорудными центрами типа Григоровка и Гайворон, в настоящее время в социально-экономическом отношении интерпретировать сложно. Для этого необходим всесторонний исторический и экономический анализ районов, где они функционировали. Предварительно можно предположить, что их наличие свидетельствует о становлении территориальной специализации в ремесленном производстве, требующей, с одной стороны, устойчивых рынков сбыта для продукции железоделательных комплексов, а с другой — категории населения, ориентирующейся в своей деятельности главным образом на занятие ремесленным трудом.

Таким образом, остатки памятников черной металлургии второй половины I тыс. н. э. показывают, что совершенствование и развитие техники и технологии добычи железа в это время базировались в основном на использовании стационарных сыродутных горнов со шлаковывпуском как наиболее продуктивных и соответствующих уровню производительных сил восточнославянского населения периода сложения Древнерусского государства. Со второй половины I тыс. н. э. на территории Восточной Европы окончательно утвердился интенсивный способ железнорудный, который и определял характер восточноевропейской черной металлургии вплоть до конца применения сыродутного способа получения железа.

В этот период железоделательное производство начинает приобретать товарный характер, направленный в отличие от первой половины I тыс. н. э. на обеспечение потребностей экономического развития восточнославянского населения, вступившего в эпоху образования государства и становления феодального способа производства.

3. КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО

Кузнечное ремесло племен Восточной Европы I тыс. н. э. в последние десятилетия было объектом особого внимания исследователей, сосредоточивших усилия главным образом на изучении техники и технологии металлообработки на основе широкого применения металлографического анализа кузнечной продукции. Результаты этих исследований позволяют определить оптимальный уровень технического развития данного производства, степень профессионализма и специализации ремесленников, поставить вопросы о массовости и товарности продукции, о связях ремесленников с потребителями, дают материалы для истории развития производительных сил общества. Важен не только историко-технический и социально-экономический аспект исследований. Не менее интересна проблема формирования производственных традиций как отражение одной из сто-

рон культурного развития восточнославянского общества.

Для освещения истории металлообрабатывающего производства в первой половине I тыс. н. э. привлекались материалы культур зарубинецкой, поеншти-лукашевской, пшеворской, липицкой, черняховской, киевской, вельбарской и карпатских курганов. Технологическое изучение кузнечных изделий этих культур проведено Г. А. Вознесенской и В. Д. Гопак. Так как исследователи работают по единой методике, можно суммировать полученные ими результаты для составления технологических характеристик и определения технического строя ремесла у племен Восточной Европы I тыс. н. э.

Ими учтены данные около 250 предметов из памятников зарубинецкой и киевской культур [Гопак, Хавлюк, 1972; Гопак, Заверняев, 1981; Гопак, Шовкопляс, 1983; Бидзиля, Вознесенская, Недопако, Паньков, 1983. — С. 75—101; Гопак, 1984]. Исследовано 30 изделий из восточнопшеворских памятников [Вознесенская, 1981], а также привлечены аналитические данные Е. Пяковского, изучавшего кузнечные изделия пшеворской культуры в Польше [1966; 1970; 1972].

Около 30 исследованных предметов (из раскопок поселений Круглик, Ремезовцы, Майдан-Гологорский, Заболотье, городища Малая Копаня, могильников Братово и Иза I) принадлежали археологическим культурам, в которых нашли свое отражение контакты и взаимовлияния местного населения с соседними разноэтничными племенами [Бидзиля, Вознесенская, Недопако, Паньков, 1983. — С. 97—100]. Уровень развития производительных сил в области металлургии и металлообработки у населения черняховской и вельбарской культур стал предметом специального исследования, выполненного на основе технологического изучения 200 изделий [Барцева, Вознесенская, Черных, 1972. — С. 8—49].

Использованы материалы тех культур позднелатенского и римского времени, в которых археологически зафиксированы контакты с кельтским миром или возрождение кельтских традиций.

Кроме того, в изучении техники и технологии ремесла учтены влияния высокоразвитой античной культуры римских провинций на различные области производственной деятельности соседнего «варварского» мира. Важным представляется также вопрос о вкладе скифо-сарматской техники в формирование производственных традиций восточных славян. В связи с этим была исследована коллекция — 136 кузнечных изделий, происходящих из замечательного памятника латенской культуры на восточной окраине кельтского мира — поселения Галиш-Ловачка в Закарпатье [Бидзиля, Вознесенская, Недопако, Паньков, 1983. — С. 75—90; Вознесенская, 1984]. Привлечены результаты подобных исследований, опубликованные зарубежными учеными [Pleiner, 1962. — S. 102—129; Schaaber, 1963; France-Lanord, 1964; Schulz, Pleiner, 1965; Spehr, 1971; Pleiner 1982]. Достижению античной цивилизации в области железообработки и развитию кузнечной техники раннего средневековья в Центральной Европе посвящены работы Р. Плейнера [1962; 1956; 1969; 1970; 1975]. Разработка вопросов становления и развития металлургии железа и техники его обработки у племен Лесостепной и Степной Скифии осуществлена Б. А. Шрамко и его коллегами [Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963; 1971; 1977].

Основным источником информации о состоянии кузнечного ремесла у племен Юго-Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. является его продукция — изделия из железа и стали. Производственных сооружений, которые, безусловно, можно связать с железообработкой, еще не выявлено. Находки кузнечно-слесарного инструментария также малочисленны. Они ограничиваются пробойниками, зубилами и напильниками, что, естественно, не отражает объема и характера работ по металлу. Железный инвентарь археологических культур этого времени не отличается широтой ассортимента. Например, в зарубинецкой культуре он насчитывает около 40 наименований, большая часть которых относится к предметам домашней утвари и быта,

принадлежностям костюма и украшениям. Орудия труда встречаются в раскопках довольно редко, по форме они архаичны, а по размерам невелики. Их можно разделить на две группы: 1) орудия труда и сельских промыслов: серпы, косы, рыболовные крючки, остроги, ножи, шилья, топоры втульчатые; 2) ремесленные инструменты: зубила, пробойники, долота, сверла, ложки. Предметы вооружения и снаряжения всадников представлены шпорой.

В черняховской культуре ассортимент кузнечных изделий заметно расширился (до 60 наименований); возрос удельный вес орудий труда из железа и стали, особенно земледельческих. Орудия труда и сельских промыслов: наральники, плужные лемехи, чересла, серпы, косы, мотыги, оковки деревянных лопат, ножи, шилья, ножницы, рыболовные крючки, наконечники охотничьих стрел. Ремесленные инструменты: зубила, пробойники, топоры, тесла, скобели, долота, стамески, сверла, сучкорезы, пилы. Предметы вооружения и снаряжения всадников представлены мечами, кинжалами, боевыми ножами, наконечниками копий и стрел, боевыми топорами, умбонами и ручками от щитов.

Ремесленное производство населения Восточной Европы I тыс. н. э. имело одинаковую основу для развития — господство натурального хозяйства в экономике общества, находящегося на стадии разложения родового строя и перехода к новому типу социальных отношений, характерных для соседской общины. Поэтому у него больше общих черт, чем различий, о чем может свидетельствовать технический строй кузнечного ремесла культур зарубинецкой и черняховской (рис. 84).

Изучение форм и конструкций кузнечных изделий зарубинецкой культуры показало, что технический уровень кузнечного ремесла стоял на той ступени развития технологии обработки железа, которая ограничивается приемами свободнойковки металла в горячем состоянии. Основное исходное сырье — кричное железо и неравномерно науглероженная сырцовая сталь. Отличительная особенность зарубинецкого же-

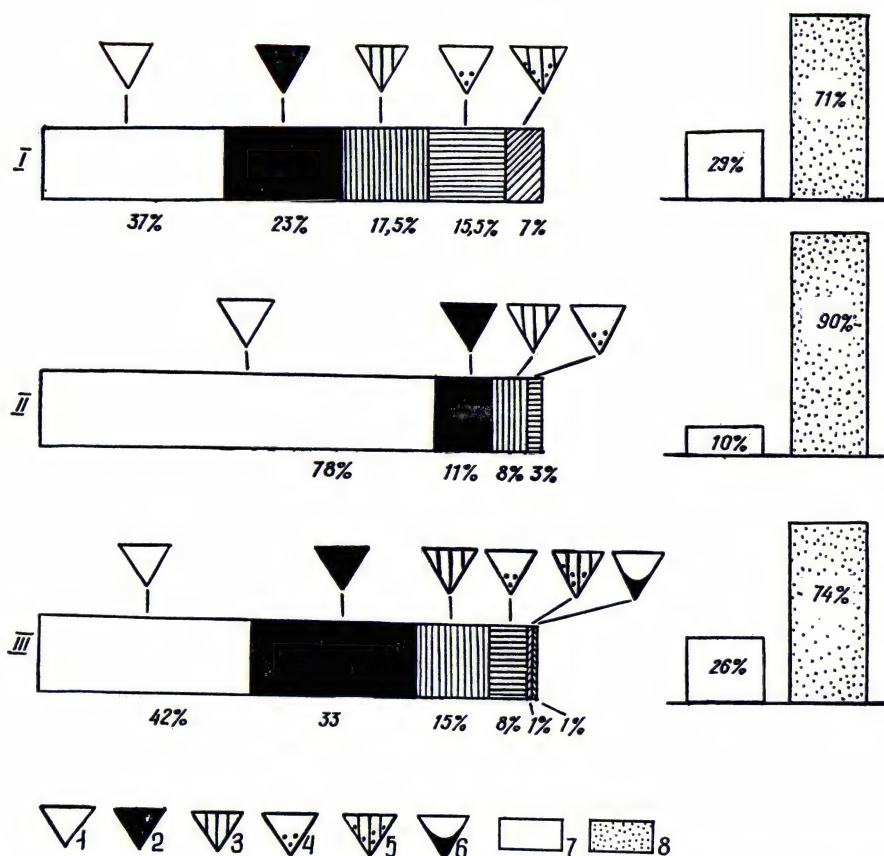
леза — сильная загрязненность шлаковыми включениями, особенно металла среднеднепровской группы памятников. Этот факт свидетельствует не только о примитивности металлургического процесса, но и наряду со структурами перегрева и плохой проковки говорит о несовершенстве пластической обработки металла в горячем состоянии.

Сталь с повышенным содержанием углерода известна, но применялась редко. То же можно сказать о термической обработке изделий. Некоторые технологические особенности, отмеченные в единичных случаях среди изделий среднеднепровской группы (цементация лезвий инструментов с последующей местной закалкой, пакетирование сырья), позволяют сближать их с устойчивыми традициями латенской металлообработки.

Технология железообработки на поселениях верхнеднепровской и полеской групп зарубинецкой культуры несколько отличается от среднеднепровской. При более высоком уровне мастерства пластической обработки металла вгорячую технологически она более примитивна. В этом отношении особенности металлообработки данного региона на зарубинецкой культуры несколько сближают ее с техническим уровнем кузнечного производства германских культур позднелатенского времени и оксывской культуры в Польше [Piskowski, 1969]. Исходя из технологической характеристики железных изделий ранних зарубинецких памятников В. Д. Гопак и Е. В. Максимов считают, что существует преемственность в развитии кузнечной техники от лесостепного населения скифской эпохи к зарубинецкому Среднего Поднепровья и Южного Побужья [Гопак, Хавлюк, 1972; Максимов, 1978].

Определенные профессиональные знания, необходимые для поиска и обработки сырья, ведения металлургического процесса, дальнейшей кузнечной обработки полуфабриката иковки изделий, наличие специального инструмента способствовали тому, что металлургия железа находилась в числе первых производств, выделившихся в самостоятельное ремесло. В зарубинец-

ком обществе профессиональным ремеслом металлургов и кузнецов могли владеть одна или несколько индивидуальных семей, входивших в состав общины. Они обеспечивали металлом других членов поселка или, возможно, группы соседних поселений.

Свидетельством того, что добыча и обработка железа сосредоточивались в руках одного мастера (или одной семьи) могут быть: небольшой объем кузнечной продукции ограниченного ассортимента, простейшая технология кузнечного производства, наличие остатков железодобычи со следами кузнечной обработки металла. Вероятно, в руках металлурга-кузнеца сосредоточивалась и обработка цветных металлов. Об этом свидетельствуют остатки бронзолитейного и кузнечного производств на одних и тех же поселениях [Пачкова, 1974.— С. 106, 132; Максимов, 1978]. Слабое развитие ремесел, отсутствие дифференциации различных

Рис. 84. Соотношение технологических схем изготовления кузнечных изделий рубежа и первой половины I тыс. н. э.:

I — позднелатенская культура (поселение Галиш-Ловачка). Учтено 97 предметов; II — зарубинецкая культура. Учтено 152 предмета; III — черняховская культура. Учтено 185 предметов. 1 — цельножелезные изделия; 2 — цельностальные; 3 — пакетный металл; 4 — цементированные; 5 — пакетный клинок с цементированным лезвием; 6 — наварка стального лезвия; 7 — термообработанные изделия; 8 — изделия без термообработки.

производств и их децентрализации в условиях натурального хозяйства при почти полном отсутствии имущественного неравенства в зарубинецком обществе не позволяют говорить о существовании товарного производства в это время.

Изучение технического строя кузнечного ремесла черняховской культуры позволило прийти к следующему выводу. Основным технологическим приемом изготовления орудий труда и оружия являлась свободнаяковка. Кузнецы в совершенстве владели пластической обработкой металла в горячем

состоянии. Существовал сознательный дифференцированный подход кузнеца к выбору сырья. Использовалась техника поверхностной и сквозной цементации заготовок и откованных предметов. Кузнечная сварка металла одинакового состава постоянно применяется для соединения деталей поковки.

Техника сварки железа и стали в одном предмете как основа конструкции, по-видимому, была известна, но встречалась в единичных случаях. С кузнечной сваркой связан также способ предварительной обработки заготовок для получения слоистой структуры пакетного металла, очень характерного для черняховских изделий. Обычным приемом была термическая обработка поковок, в основном простейшая ее форма — закалка. Широкое использование перечисленных технологических приемов и их применение при изготовлении основных орудий труда устойчивого сочетания технологических приемов (а именно пакетирования, цементации и закалки) восходят к традициям кельтского кузнечного производства. Возможно, что определенным образом сказалось также влияние высокой кузнечной техники провинциально-римского мира, где кузнечное ремесло достигло исключительного расцвета.

Большой объем знаний, связанных с кузнечной обработкой железа и стали, а также высокая степень мастерства при выполнении сложных кузнечных работ говорят о профессионализме ремесленника. В условиях незначительного развития общественного разделения труда и господства натурального хозяйства некоторые производства, выделившиеся в самостоятельные ремесла, еще не порывали тесных связей с земледелием [Кропоткин, 1970]. Археологические материалы свидетельствуют, что у черняховского населения добыча железа носила децентрализованный характер, так как следы выплавки железа в виде металлургических шлаков находят на большинстве поселений, а сколько-нибудь значительные центры не известны. Процесс отраслевой дифференциации производств, по-видимому, был еще слабо развит. В руках индивидуальной семьи (или не-

скольких) сосредоточивались выплавка и кузнечная обработка железа. Возможно, что один мастер мог быть металлургом, кузнецом и литейщиком: мастерская на поселении Сокол, где обнаружены следы металлургии железа и бронзолитейного производства (в виде железных шлаков и тиглей), подтверждает такую возможность [Вакуленко, Приходнюк, 1984].

Технологическое изучение кузнечной продукции черняховской культуры позволило определить, что производительность труда кузнеца была небольшой; в изготовлении изделий не наблюдается стандарта ни в форме, ни в технологии, полностью отсутствуют признаки серийного производства. Приведенные данные говорят об универсальности кузнеца, изготавливавшего все необходимые вещи для членов своей общины, работавшего в основном «на заказ», а не на рынок. Кузнечное ремесло черняховских племен носило общинный характер и по своей характеристике соответствует второму этапу развития ремесленного производства эпохи первобытнообщинного строя [Массон, 1972].

Материалы зарубинецкой и черняховской культур дают наиболее полное представление о производственной деятельности населения Украинской Лесостепи в первой половине I тыс. н. э., связанной с металлургией железа. В меньшей степени изучены аналогичные материалы культур пшеворской, липицкой, поенешти-лукашевской, карпатских курганов, вельбарской, киевской [Поболь, Гурин, 1975; Бидзиля, Вознесенская, Недопако, Паньков, 1983; Гопак, 1983]. И все же проведенные исследования позволяют сделать вывод, что в формировании производственных традиций металлообработки населения этих культур проявляется влияние кельтской технологии, особенно заметное в позднеримское время. Анализ ассортимента, исходного сырья и технологических особенностей кузнечной продукции приводит к мнению о том, что относительно более высоким уровнем железообработки обладали племена культур черняховской, липицкой, поенешти-лукашевской по сравне-

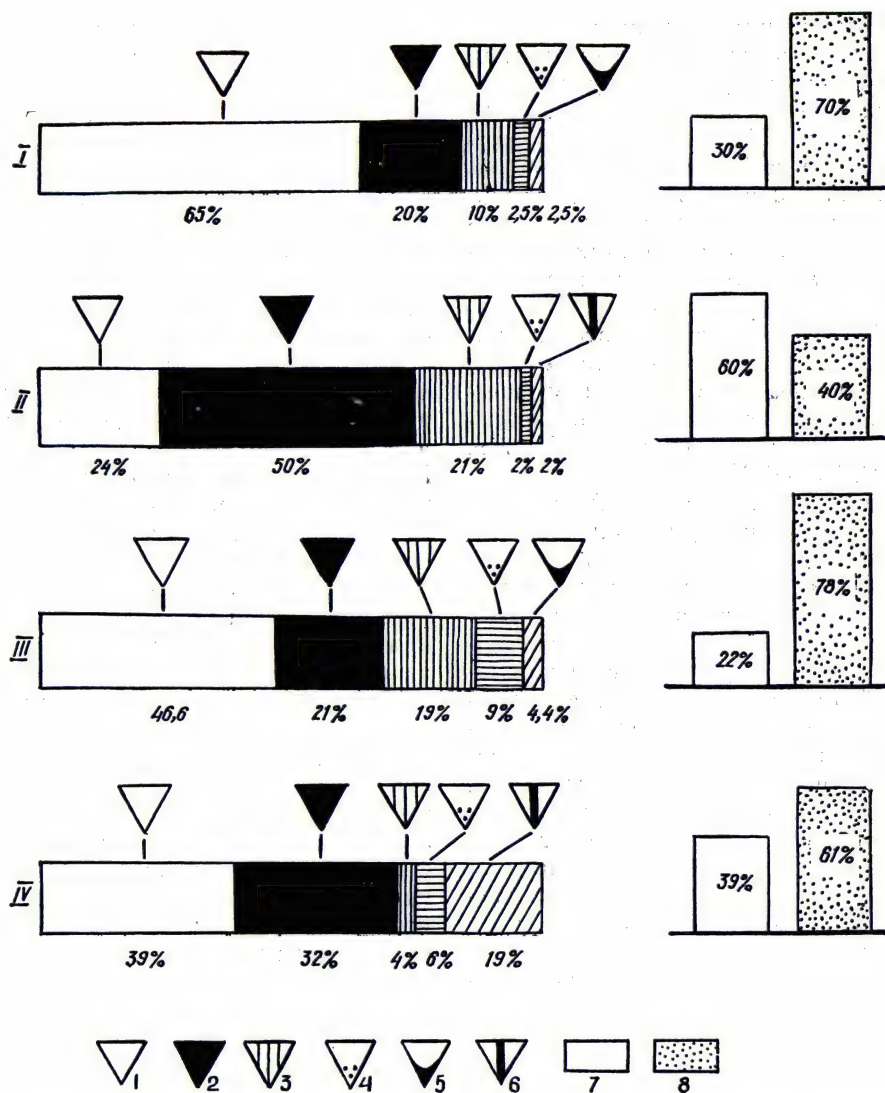

Рис. 85. Соотношение технологических схем изготовления кузнечных изделий второй половины I тыс. н. э.:

I — раннесредневековые славянские культуры V—VII в. (пражская, пеньковская). Учтено 130 предметов; II — волынцевская культура. Учтено 46 предметов; III — памятники типа Луки-Райковецкой. Учтено 90 предметов; IV — роменская культура. Учтено 152 предмета. 1 — целножелезные изделия; 2 — цельностальные; 3 — пакетный металл; 4 — цементированные; 5 — наварка стального лезвия; 6 — трехслойный пакет; 7 — термообработанные изделия; 8 — изделия без термообработки.

ской культуры, изделия из железа малочисленны. Ассортимент их немногим превышает 30 наименований, куда входят как орудия труда, так и предметы вооружения, бытовые вещи, детали кос-

тюма и украшения, мелкие поковки в виде пластин, стержней, оковок и т. п. Такая кузнечная продукция удовлетворяла в основном потребности крестьянского хозяйства. Исключение составляет городище у с. Зимно Волинской области, занимающее особое место среди раннесредневековых славянских поселений и являющиеся административным центром племени. На городище обнаружены материалы (орудия труда, полуфабрикаты-заготовки, готовые изделия), несомненно, свидетельствующие, что на нем проживали ремесленники (ювелиры и кузнецы), обслуживающие князя и его дружину [Ауліх, 1972.— С. 91—120].

При раскопках поселений третьей четверти I тыс. н. э., принадлежащих памятникам пеньковской культуры, изделия из железа более многочисленны, хотя ассортимент в основном тот же. На общем фоне рассредоточенности железорудных месторождений, что определяется находками печей для обжига руды, сыродутных горнов и остатков металлургической деятельности в виде шлаков на соседних и одновременных поселениях, в древностях пеньковской культуры открыт металлургический центр у с. Гайворон на Южном Буге, состоявший из 21 сыродутного горна и 4 агломерационных печей [Бідзіля, 1963].

Техника и технология славянского кузнечного производства в третьей четверти I тыс. н. э. документированы данными металлографического изучения кузнечной продукции из поселений пражской культуры: Рапков III, Лука-Каветчинская, Городок, Корчак VII, Зимно и пеньковской культуры: Кочубеевка, Луг I и II, Семенки, Стецовка, Ханска II, Хуча. Общее количество исследованных изделий — около 130 экземпляров [Гопак, 1976; Вознесенская, 1978]. Изучение показало, что техника кузнечного производства на раннесредневековых славянских поселениях V—VII вв. одинакового уровня. Используются один вид сырья и одни и те же технологические операции.

Как и в предыдущую эпоху, кузнецы в совершенстве владели техникойковки железа в горячем состоянии (рис. 85). В основном орудия труда и

другие категории кузнечных изделий целиком откованы из железа и сырцово-й стали, отличающейся неравномерной первичной науглероженностью. Хорошего качества однородная высокоуглеродистая сталь, скорее всего вторично науглероженная (цементированная), встречается редко. Известна и широко употребляется тепловая обработка поковок, чаще всего закалка. Распространен пакетный металл, получаемый при помощи определенной системы обработки железного и стального полуфабрикатов. Используется при вторичной переработке железный лом (изношенные, сломавшиеся вещи и т. п.). Цементация изделия, применяемая для упрочения его рабочей части и очень характерная для кузнечной техники предшествующего времени, в кузнечном производстве V—VII вв. встречается редко. Единичны случаи изготовления конструктивно сложных изделий с наварными стальными лезвиями. Примечательно, что сочетание традиционных технологических приемов (цементация изделий с последующей закалкой, пакетирование сырья) наиболее отчетливо прослеживается на материалах раннеславянских поселений Среднего Поднестровья, где археологи видят типологическую близость пражских древностей с культурами римского времени [Баран, 1972.— С. 97—129; Вакуленко, Приходнюк, 1984.— С. 99—106; Русанова, Тимощук, 1984.— С. 40—45]. В конкретном случае мы также наблюдаем наследование раннесредневековым славянским населением производственных достижений предшествующей эпохи.

Археологическими исследованиями установлено, что небольшие славянские поселки третьей четверти I тыс. н. э. размещались обычно группами, составляя, вероятно, первобытную соседскую общину, находившуюся на стадии перехода от родовой к соседской. Жители каждого поселка вели совместное хозяйство, которое было натуральным. Несомненно, что добыча и кузнечная обработка железа, требующие профессиональных знаний и навыков, носили ремесленный характер. Каждая община, очевидно, имела своего кузнеца, ко-

торый сам обеспечивал себя сырьем — кричным железом. Ремесленная специализация была еще слабой. Выявленные на поселениях остатки мастерских свидетельствуют, что общинные ремесленники сосредоточивали в своих руках все работы, связанные с получением и обработкой металлов, как черных, так и цветных [Баран, 1972. — С. 75—76; 221—273, 189—191; Русанова, Тимошук, 1984. — С. 40—44; Брайчевская, 1960]. Производительность труда общинного кузнеца зависела прежде всего от требований заказчика по изготовлению и починке изделий.

В то же время археологические данные свидетельствуют о том, что примерно с VI—VII вв. у славянских племен Восточной Европы наблюдается подъем железоделательного производства. При благоприятных условиях (близость и доступность сырья, удачный сбыт железного полуфабриката) происходит обособление металлургии от кузнечества и появляются небольшие производственные центры. Характерным примером является уже упоминавшийся железоделательный центр VI—VII вв. у с. Гайворон. Существование таких обособленных металлургических площадок говорит о растущем разделении труда, наличии рабочего коллектива, обладающего профессиональными навыками, о повышении объема производства, что ведет к появлению торговли железом как сырьем вне рамок общинного рынка.

Торговля железным полуфабрикатом возникает и развивается быстрее, чем торговля кузнечной продукцией. Свидетельством развития внутренней торговли железом на славянских землях в раннее средневековье являются находки заготовок-полуфабрикатов различной формы. К такого рода предметам можно отнести стержни-заготовки из раскопок городища Зимно. Десять экземпляров, найденных вместе, имеют вид стержней длиной около 14 см, прямоугольных в сечении, утончающихся с одного конца, а на другом — со следами рубки в горячем состоянии [Аулих, 1972. — С. 44]. Проведенное металлографическое исследование этих заготовок показало типичную для товарно-

го полуфабриката железа структуру: феррит с большим количеством крупных и мелких шлаковых включений.

Так как добыча железа и его кузнечная обработка — две стороны единого производственного процесса, то подъем в железоплавильном деле неизбежно вел к тому же в области металлообработки — к развитию ремесленной техники, росту квалификации ремесленника, возрастанию объема продукции. В этом отношении показательны материалы Пастырского городища (VI—VII вв.), в которых прослеживаются как славянские, так и салтовские черты.

Большое значение для характеристики раннесредневекового кузнечного ремесла имеет открытая на городище кузница, представляющая собой постройку из легкого деревянного каркаса, обмазанного глиной. Завал обожженной печины и скопление камней, по-видимому, являются остатками производственной печи. В кузнице найден набор кузнечных инструментов: наковальня, предназначенная дляковки небольших изделий и ювелирных работ, молот-кувалда и молоток-ручник, большие и малые кузнечные клещи, ножницы для резания металла, зубило. Большое количество железных изделий (сельскохозяйственные орудия труда, деревообрабатывающие инструменты, предметы вооружения, быта) дает представление о разнообразном ассортименте кузнечной продукции [Брайчевская, 1960]. Технологическое изучение железного инвентаря Пастырского городища проведено В. Д. Гопакон [1976]. Установлено, что основная масса изделий откована целиком из железа или стали без применения каких-либо приемов улучшения рабочих качеств орудий труда. Встречается цементация рабочих частей инструментов, применяется термическая обработка изделий. У ножниц для резания металла из Пастырской кузницы наварные стальные лезвия. Они термообработаны — закалены и отпущены.

Материалы Пастырского городища убеждают нас в том, что оно являлось ремесленным центром по обработке черного и цветного металла. Наряду с

выразительными свидетельствами металлообработки на городище рядом с кузницей найдены остатки металлургической деятельности в виде разрушенного горна и большого скопления железных шлаков. Следовательно, пастырские кузнецы сами обеспечивали себя сырьем. Некоторые наблюдения позволяют предположить, что в пастырской кузнице могли изготавливаться не только кузнечные изделия из железа, но и украшения [Брайчевская, 1960]. Эти факты указывают на то, что и в это время межотраслевая специализация могла отсутствовать даже на таких поселениях, где ярко выражен ремесленный характер. Общинный способ производства с его ограниченным рынком не способствовал развитию внутриотраслевой специализации ремесла, поэтому кузнец был вынужден быть универсалом.

Состояние восточнославянского кузнечного производства в VII—VIII вв. известно по материалам волынцевской культуры. Технологическое изучение кузнечной продукции поселения Волынцево (30 предметов) и городища Битица (27 предметов) позволило прийти к выводу, что техника кузнечного производства и направление ее развития у населения волынцевской культуры соответствуют характеристике, полученной при аналогичном исследовании изделий других групп славянского населения третьей четверти I тыс. н. э.

По-прежнему большинство изделий изготавливается из кричного железа или неравномерно науглероженной стали. Высокоуглеродистая сталь, полученная вторичной цементацией, — редкость. Значительная доля предметов, откованных из пакетного металла, а также наличие цементированных изделий среди волынцевских находок свидетельствуют о преемственности технологических традиций прошлого. В то же время увеличивается количество термически обработанных изделий, как правило, закаленных. Следовательно, растет объем производимой стали, в достаточной степени науглероженной и способной принимать закалку, что возможно двумя способами: совершенствованием процесса выплавки в горне (стремление получить науглероженное железо) и

развитием процесса вторичной цементации полуфабриката. В кузнечных изделиях волынцевской культуры впервые обнаружена техника трехслойной сварки клинка ножа: в центре с выходом на лезвие идет полоса высокоуглеродистой стали, по бокам — полосы железа. Клинок закален. Нож найден в жилище VIII — рубежа IX в. поселения Волынцево. В таком «классическом» виде трехслойный пакетный клинок, полученный целенаправленным подбором железных и стальных полос с последующей закалкой готового изделия, является одним из наиболее ранних изделий в славянских древностях Лесостепной Украины.

Определенный интерес представляет сравнение технологической характеристики волынцевского и салтовского металлов, поскольку материальная культура этого населения в некоторых своих чертах обнаруживает определенную близость. Это сравнение показывает очевидное сходство техники и технологии кузнечного производства. Однако конструктивно сложные, сварные (из железа и стали) предметы, свидетельствующие о более прогрессивной технологии в раннесредневековом кузнечном производстве, более распространены в салтовской кузнечной продукции. Сходство технического строя кузнечного ремесла племен волынцевской и салтовской культур отражает прежде всего аналогичный уровень развития производительных сил, а также определенные взаимовлияния в области формирования производственных традиций у населения Украинской Лесостепи в I тыс. н. э.

Технологическое изучение кузнечных изделий третьей четверти I тыс. н. э. показало, что в технике кузнечного дела появились новые конструктивные решения, основывающиеся на использовании активной сварки железа и стали в одном предмете, надолго определившие ее развитие в последующие столетия. Новая технология, которой всегда принадлежит прогрессивная роль в развитии ремесленного производства, вела к дальнейшему повышению производительности труда, росту производственной дифференциации и специали-

зации, поступательному развитию всей экономики славянского общества. Эта закономерность в развитии кузнечной техники отмечена Р. Плейнером, хотя, по мнению исследователя, наварка стальных лезвий укоренилась в кузнечном ремесле Средней Европы раньше, чем на землях Восточной Европы. Р. Плейнер полагает, что техника цементации рабочих частей изделий и наварка стальных лезвий стали господствующими уже в VII—VIII вв. на территории Моравии и Словакии благодаря влиянию высоко развитых в ремесленном отношении областей бывших дунайских провинций Римской империи, где славяне перенимали различные кузнечные и другие ремесленные традиции [1967].

Однако общие тенденции развития металлургии железа на славянских землях в целом одинаковы. Дальнейшее их проявление позволяют проследить материалы последней четверти I тыс. н. э. прежде всего культур типа Луки-Райковецкой на Правобережье Днестра и роменской в Днепро-Днепровском Левобережье. В это время происходили важнейшие сдвиги в экономике и социальной организации восточнославянского общества, вызванные этнической консолидацией славянских племен и созреванием новых классовых отношений. Эти процессы протекали на фоне общего экономического подъема, отражавшего существенный прогресс в уровне развития производства.

Производственно-экономический фактор (прежде всего более продуктивное земледелие) обусловил дальнейшее развитие ремесел. В области металлургии железа резко увеличивается объем производства, что хорошо документируют материалы известного Григоровского металлургического центра VIII—X вв. [Артамонов, 1955]. По общему числу открытых печей (раскопана незначительная часть площади поселения) и рабочему объему каждой из них (0,25 м³) он значительно превосходит Гайворонский (где объем печи составляет 0,15 м³). Расчеты показывают, что григоровский горн за одну плавку мог давать около 13 кг железа против 8 кг гайворонского горна.

Количество железного инвентаря на славянских поселениях VIII—X вв. резко возрастает. К IX в. были созданы все основные виды орудий труда, стабилизируется их форма. Исследователи, изучая железные изделия, констатируют выдержанную, устойчивую форму сельскохозяйственных орудий труда и основных инструментов, сохранившуюся и в последующие столетия. Среди кузнечных изделий вообще выросла доля орудий труда, инструментов. В различных коллекциях их насчитывается около 30 видов: наральники, чересла, мотыжки, серпы, косы, бабки для отбивания кос, топоры, тесла, долота, стамески, ложжари, скобели, сверла, наковальни, молотки, клещи кузнечные, зубила, пробойники, ножицы по металлу, пинцеты, ножи разные, ножницы пружинные и шарнирные, шилья, иголки, пешни, остроги, рыболовные крючки, кресала.

Исследованные остатки ремесленных мастерских не всегда обнаруживают четкую производственную специализацию. Обычно производственные помещения, где найдены открытые очаги (горны), обожженные камни и углестые отложения на полу, железные шлаки, а тем более кузнечные инструменты, заготовки для изделий или предметы, связанные с литьем цветных металлов, интерпретируются как кузницы или ювелирные мастерские, например ремесленные мастерские поселения Кодын II [Русанова, Тимощук, 1984.— С. 40—44], городищ Добрино-ское [Тимощук, 1976.— С. 108—112], Новотроицкое [Ляпушкин, 1958.— С. 218—222], Большой Горналь [Куза, 1981] и др.

Как и для более раннего времени, технологическое изучение кузнечной продукции дает наиболее полную информацию о состоянии кузнечного ремесла у славян в последние века I тыс. н. э. Из памятников типа Луки-Райковецкой — поселения Городок, Бакота, Рашков I, Макаров Остров, Канев, Монастырек — исследовано около 90 предметов [Гопак, 1976; 1982; Вознесенская, 1978; 1981]. Изученная коллекция кузнечных изделий роменской культуры (более 160 экз.) происходит

из памятников Днепроовского Левобережья: Волынцево (уроч. Курган), городищ Большой Горналь [Вознесенская, 1979], Переверзево II, Мешково, поселения у с. Жерновец.

Исследования показали, что в кузнечной технике славянских племен Днепроовского Левобережья преобладают конструктивно несложные изделия, откованные целиком из кричного железа или стали свободной кузнечной ковкой. Продолжает применяться пакетный металл. Рабочие качества железных инструментов улучшаются дополнительным науглероживанием (цементацией) рабочих частей. В сочетании с закалкой такие орудия труда приобретают необходимые механические свойства — сочетание твердости лезвия и пластичности основы изделия. Термическая обработка стальных поковок — обычный прием. Как правило, это закалка или закалка с отпуском. Отмечено, что применение вторичной цементации в кузнечной практике увеличивается так же, как возрастает количество предметов, откованных целиком из стали. Технология целенаправленной сварки в одном изделии железа и твердой стали встречается в двух вариантах: 1) в виде двухполосой сварки клинка: лезвие образуется продольной сваркой стальной и железной полос; 2) наваркой стального лезвия на железную основу. Находки инструментов с наварными стальными лезвиями единичны.

Данные технологического изучения продукции роменских кузнецов свидетельствуют, что около половины качественных изделий отковано из наиболее доступного сырья — кричного железа и мягкой сырцовоы стали. Другая половина откована с применением средне- и высокоуглеродистой стали (цельносталые, сварные из железа и стали, главным образом термообработанные). Сварные конструкции встречаются почти исключительно в виде трехслойного пакета или его модификации, когда полоса высокоуглеродистой стали вваривается в нижнюю часть клинка. В кузнечной технике роменцев такая конструкция становится обычной. Среди изученных орудий труда

(найденных преимущественно в слоях и комплексах X в.) технология трехслойного пакета достигает 20 %. Сохраняется также технологическая схема двухслойного клинка, продолжают применяться цементация готовых изделий, пакетный металл. Изредка встречаются железные инструменты с наварным стальным лезвием.

Имеющиеся на сегодняшний день аналитические данные позволяют прийти к выводу, что при идентичности поступательного развития восточнославянского кузнечного ремесла в формировании его технологических традиций к концу I тыс. н. э. заметны и определенные различия. В кузнечном производстве славянского населения Днепроовского Правобережья сохраняются старая технологическая традиция, связанная, возможно, еще с кельтским наследием — использование цементации готовых изделий с последующей их закалкой, а также система предварительной обработки железного полуфабриката, ведущая к слоистой (пакетной) структуре. В кузнечном производстве населения роменской культуры при сохранении этих приемов получают большее распространение сварные (из железа и стали) конструкции изделий, особенно технология трехслойного пакета.

Поскольку ни одна отрасль хозяйственной деятельности славянского населения VIII—X вв. не могла обходиться без железных орудий труда, кузнечное дело было широко и повсеместно развито. Выступает оно в это время как универсальное ремесло, находящееся в системе натурального хозяйства территориальной (соседской) общины. Кузнечной продукцией в первую очередь обеспечивается сама община, занятая сельскохозяйственным трудом. Преимущественная форма работы ремесленников — «на заказ», когда продукция производится для конкретного потребителя.

В условиях общинного производства с его узким рынком сбыта некоторые обособленные отрасли хозяйственной деятельности славянского населения были тесно связаны. Есть свидетельства, что в руках одного мастера могли

сочетаться специальности кузнеца и ювелира. Кроме того, следует учитывать, что при узком рынке сбыта общинный кузнец не мог прокормить семью за счет ремесла, поэтому он в значительной степени был связан с сельскохозяйственным трудом. Вообще, связь ремесленника с землей обратно пропорциональна степени его профессионализма и специализации. Все же к концу I тыс. н. э. заметное увеличение объема ремесленного производства привело к росту кузнечной продукции, предназначенной для продажи на рынке. Об этом свидетельствует появление специализированных ремесленных поселений протогородского типа (например, Пастырского и Добриновского), где работали ремесленники по металлу, снабжавшие товарной продукцией широкую округу [Седов, 1982.— С. 242].

Кузнецы этого времени освоили технологию целенаправленного пакетирования и наварки стальных лезвий, что относится к наиболее сложным в техническом отношении кузнечным работам, требующим высококвалифицированного труда и свидетельствующим о значительном уровне развития специализированной деятельности в общественном производстве. Следовательно, уже в недрах восточнославянской территориальной общины, производственной ячейкой которой являлась индивидуальная семья, были созданы предпосылки дальнейшего бурного развития этой отрасли производства в условиях древнерусского города. С появлением древнерусского феодального производства происходит дальнейшая дифференциация и узкая специализация ремесел. В развитии кузнечного ремесла также наступает качественно новый этап: когда возникают новые технические возможности, совершенные технологические операции, возрастает производительность труда и возникают новые формы организации производства.

4. ГОНЧАРСТВО

С III в. население Юго-Восточной Европы начинает широко применять гончарную технику производства кера-

мической посуды. Наибольшего развития гончарное ремесло достигло у черняховских и карпатских племен. Осваивают его и вельбарские мастера. В киевской культуре гончарство не выделялось в отдельную отрасль ремесла.

О конкретных путях проникновения гончарной техники в среду черняховских племен существуют различные мнения. В посвященных этому вопросу работах как возможные источники назывались территории кельтской, липицкой культур, дунайских провинций Рима, греческих городов Северного Причерноморья. В настоящее время большинство исследователей разделяют последнюю точку зрения [Тиханова, 1973; Сымонович, 1973.— С. 127; Бобринский, 1970.— С. 25; Магомедов, 1977; Баран, 1981.— С. 95—97]. Одним из главных аргументов является сходство керамических форм, тогда как конструкция двухъярусных обжигательных горнов в предримское и римское время была одинакова по всей Европе. Для культуры карпатских курганов, учитывая общее направление ее культурных связей, наиболее вероятно заимствование гончарной техники из дунайских провинций Рима [Смішко, 1960.— С. 138; Вакуленко, 1977.— С. 29—30].

Заимствование основных производственных навыков из опыта античных мастерских, конечно, не означает, что гончарное ремесло оставалось для местных племен чужеродным явлением (как, судя по всему, стеклоделательное). Какая-то часть местной гончарной продукции, особенно на начальном этапе ее производства, могла изготавливаться пришлыми специалистами. Сказанное подтверждается находками греческих надписей на сероглиняной посуде из поселения Лепесовка. Однако возрастающие потребности внутреннего рынка вызвали быстрое распространение этого ремесла на значительной территории Юго-Восточной Европы.

Местные мастера, располагая неограниченными запасами природного сырья, освоили новые для них технику и технологию гончарного производства вместе с ведущими формами провинциально-римской керамики и за короткий

срок полностью насытили рынок своей продукцией. На большинстве черняховских памятников лепная посуда домашнего изготовления составляет не более нескольких процентов находок керамики. На синхронных поселениях культуры карпатских курганов соотношение обратное: доля лепной посуды приближается к 80 %, что говорит об относительно невысоком уровне товарности экономики прикарпатских племен и узости внутреннего рынка.

Отдельные группы населения черняховской культуры, в частности жители поселений со славянскими чертами района Среднего Днестра, в силу особенностей своего социально-экономического развития пользовались гончарной керамикой в меньшей степени, чем, например, племена территории Молдавии или Среднего Поднепровья. Однако и здесь она не являлась предметом импорта: на поселении Репнев II открыта гончарная мастерская с обжигательным горном [Баран, 1964.— С. 235—238].

Следы гончарного производства в виде горнов или керамических шлаков открыты на десятках поселений. Гораздо реже удается обнаружить остатки гончарных мастерских. Такие объекты различной степени сохранности известны на черняховских поселениях Лески, Лепесовка, Репнев II, Журовка, Глеваха. Хорошая сохранность и тщательное исследование жуrowsкой мастерской позволили не только реконструировать рабочее место ремесленника-гончара, но и восстановить некоторые технологические приемы изготовления посуды [Бобринский, Гусаков, 1973].

Мастерская размещалась на территории поселения в наземной каркасно-столбовой постройке размерами 5×3 м и с печью. Невдалеке находился гончарный горн и лежали запасы сырья — пластичная глина красноватого цвета. Такая же глина обнаружена внутри помещения у входа в корытообразной яме, обложенной досками. Подобные ямы служили для замачивания и предварительного замешивания глиняного теста. При входе обнаружена также куча белой глины — каолина. Оба сорта глины смешивались до получения однородной массы. Перемешанная мас-

са хранилась в углу, а рядом — подготовлена куча, состоявшая из тонких прослоек красной и белой глины. Вокруг рабочего места гончара пол был покрыт слоем затоптанной глины, падавшей со станка. Деревянный гончарный круг, конечно, не сохранился, но удалось обнаружить след от конического подпятника для оси, вбитый в дно неглубокой ямы диаметром 0,6 м. Рядом найдены четыре кремневых ложила различной формы. Справа от мастера, сидевшего на скамье, стоял горшок с водой для увлажнения глины при работе на круге, а также лежало небольшое количество чистого каолина, которым покрывалась поверхность сформованного изделия перед лощением. Отходы производства (комья глины и бракованные — деформированные или треснувшие — сырые сосуды) складывались в корзину, от которой сохранились отпечатки на полу. Напротив рабочего места гончара стоял стол или помост, куда он ставил сформованную посуду. В этом месте после внезапной гибели мастерской образовалось скопление промешанной глиняной массы.

Следы черняховской гончарной мастерской открыты и на поселении Глеваха [Терпиловский, 1985]. Рядом с жилищем в углубленном помещении размером 4,2×2 и глубиной до 1,7 м найдено основание гончарного станка — подушка из сырой глины (диаметр 0,5, толщина 0,22 м), в центре которой сохранились следы квадратного столбика. Вероятно, с помощью подушки неподвижно крепилась ось гончарного круга в рыхлой супеси материка.

Обжигательные горны открыты более чем на 40 черняховских поселениях: Журовка, Никольское, Воробьевка, Неслухов, Репнев II, Калиновка, Будешты, Собарь, Слободзея-Душка и др., а также в Румынии — Кыргаш, Илеана и др. [Федоров, 1960.— С. 124—127; Брайчевский, 1964; Баран, 1964.— С. 235—238; Зильманович, 1967; Хавлюк, 1971; Рикман, 1975.— С. 168—169; Бидзиля, Воляник, Гошко, 1981; Ionita, 1982 и др.]. Нередко на одном поселении находили три — пять печей (Неслухов, Завадовка, Лепесовка, Лука-Врублевская, Скейя-Су-

чава, Яссы-Николина). Иногда одна предгорная яма объединяла две (Журовка, Трушешти, Яссы-Николина) или три (Завадовка) печи. На поселениях культуры карпатских курганов один горн обнаружен в Голыни, а два — в Печенежине [Вакуленко, 1977.— С. 20—22].

Конструкция всех гончарных горнов в Юго-Восточной Европе почти идентична (рис. 86). В качестве примера приведем описание хорошо сохранившихся горнов, исследованных на поселении Завадовка [Бидзиля, Воляник, Гошко, 1981]. Поселение отличается ярко выраженными чертами ремесленного производства: открыты гончарные печи и остатки металлургических горнов, культурный слой памятника насыщен шлаками. Мастерская, включавшая помимо горнов производственное помещение, стояла на берегу ручья и была окружена жилыми постройками (на большинстве поселений горны находились в стороне от жилищ). В предгорновой яме (4,2×2,8 м) сохранились остатки более раннего горна, разрушенного при ее расширении.

Три горна, сооруженных позже, сохранились достаточно хорошо. Они врезаны в грунт вокруг предпечной ямы и имели двухъярусную конструкцию. Форма нижней топочной камеры горна № 1 круглая в плане (диаметр 1,5 м). Топливный канал, служивший для закладки дров, длиной более 1 м выходил в предгорновую яму. Посредине топочной камеры оставлен опорный столб, вырезанный из материкового лёсса. Он, как и стенки камеры, обмазан глиной с примесью листьев, мелких веток и соломы, что предохраняло обмазку от растрескивания. Опорный столб поддерживал горизонтальную перегородку, отделявшую топку от обжигательной камеры. В перегородке толщиной 12—16 см проделаны 22 сквозных отверстия — продухи — для выхода раскаленных газов. Верхняя обжигательная камера колоколовидной формы, ее диаметр по дну 1,1, высота до 1 м. Стенки, как и у нижней камеры, обмазаны и прокалены на глубину до 10 см. Верхнее отверстие диаметром около 0,5 м, служившее для загрузки посуды,

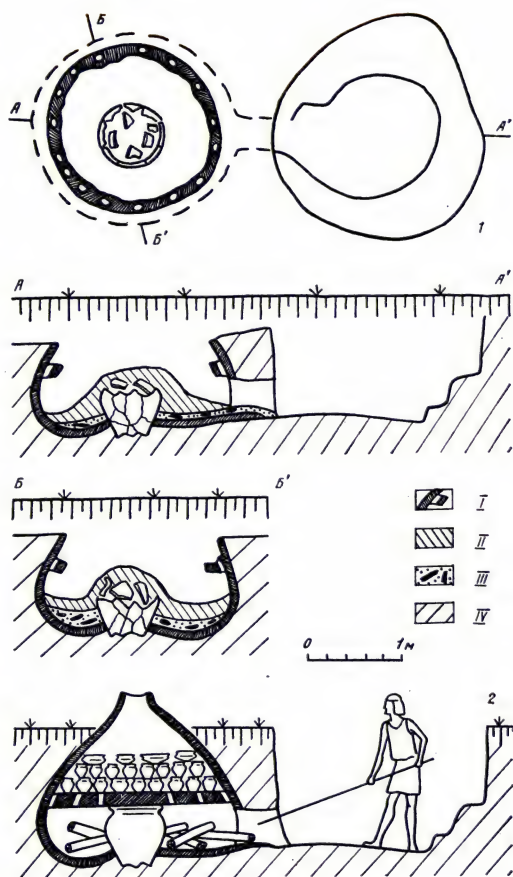

Рис. 86. Гончарный горн IV в. из поселения Сокольники. План и разрезы (1), реконструкция (2):

I — конструкции из глины; II — завал обожженной глины; III — уголь и зола; IV — материковый лёсс.

находилось примерно на уровне древней поверхности и имело заглаженный край. Остальные два горна из этой же мастерской приблизительно таких же размеров, но у одного количество продухов было 49. Авторы раскопок считают, что это обусловлено специализацией горнов, предназначенных для обжига разных сортов керамики. Такая же конструкция и у двух горнов, открытых на поселении культуры карпатских курганов у с. Печенежин. От них сохранились только нижние камеры-топки круглой формы, диаметром 2,1—2,2 м; межкамерные перегородки толщиной 0,2 м опирались на круглые столбы. Устья печей выходили в обширные предгорновые камеры разме-

рами 4×3 и 5,8×3,3 м. Возле стенок одной из них прослежены четыре ямки от столбов, поддерживавших крышу.

Остальные горны восточноевропейских культур римского времени отличаются, как правило, только размерами. Диаметр топки иногда превышал 2 м и обычно больше диаметра обжигательной камеры (1,3—2 м). В тех случаях, когда горн сооружался на склоне, отпадала необходимость в предпечной яме. Иногда в качестве опоры межкамерной перегородки использовали не вырезанный в грунте круглый или овальный остои, а камень или большой сосуд, забитый глиной.

Более существенным отличием является применение в топочной камере вместо опорного столба продольной стенки, делившей топку на две узкие камеры. Последнее встречается только в западной части региона: черняховские горны из Луки-Врублевцевой, Репнева II, некоторых памятников Румынии и карпатского горна из Голыни. Такая конструкция топки характерна для печей дунайских провинций Рима, сохранивших кельтскую традицию, а также для многочисленных горнов, открытых на территории пшеворской культуры [PZP, 1981.— S. 360—363]. Черняховские горны более сходны с печами античных центров Северного Причерноморья, где также применялся опорный столб [Тиханова, 1973]. Главное конструктивное отличие местных горнов заключалось в том, что их небольшие размеры позволяли обходиться без кирпичной кладки. То, что купол обжигательной камеры целиком сооружался в толще грунта, имело и некоторое преимущество, так как снижало теплопроводность его стенок.

Изучение производственных сооружений и гончарной продукции с привлечением методов естественных наук и этнографических параллелей позволило во многих чертах реконструировать технологию производства круглодонной посуды у народов Юго-Восточной Европы I тыс. н. э. [Бобринский, 1970; 1978]. Учитывались и данные, полученные польскими исследователями из гончарного центра Верхней Вислы (район Иголоми и Тропишова),

изготавливавшего подобную посуду [Wir-ska-Parachoniak, 1984; 1985].

Некоторые сорта глин после добычи и доставки к мастерской приходилось выдерживать на открытом воздухе более-менее продолжительное время. Под действием влаги и тепла естественные органические примеси перегнивали, масса становилась более рыхлой и податливой. Для мягких пластичных глин процесс «старения» не обязателен. На следующем этапе глину заливали водой в специальных ямах или корытах. Такая яма, обложенная деревом, обнаружена при входе в гончарную мастерскую на поселении Журовка. Намоченную глину уплотняли (трамбовали), после чего строгали на тонкие пласты (эта стадия также отражена в Журовской мастерской). Строгание давало возможность удалить грубые комья, конкреции или механические загрязнения. После этого глину тщательно месили ногами, при необходимости смешивали разные ее сорта и добавляли одновременно другие необходимые компоненты.

Для разных видов посуды применялся различный состав сырья. Для кухонной посуды добавляли 10—12 % кварцевого песка или дресвы (толченый гранит, редко — известняк), иногда 3—7 % шамота (толченая керамика). После обжига глина с отощителями приобретала повышенную прочность и водонепроницаемость и могла выдержать большие перепады температур, поэтому из нее изготавливались кухонные горшки. Крупные зерна минеральных примесей снижали излишнюю пластичность глины, образуя при формовке как бы жесткий скелет сосуда. Масса с повышенным содержанием крупной дресвы (около 15 %) шла на изготовление самых больших сосудов — пифосов или зерновиков, высота которых достигала 1 м. Размер зерен примесей учитывался и при производстве горшков: тонкостенные изделия содержали в формовочной массе песок, для более грубых применялась и дресва.

Столовая посуда изготавливалась из хорошо очищенной глины без минеральных примесей. Для аналогичной керамики пшеворской культуры поль-

ские исследователи установили в ряде случаев наличие добавки органического происхождения — толченого древесного угля и пепла [Wirska-Parachoniak, 1985.— S. 210—212]. Такой прием известен в греческом и римском гончарстве. Он способствовал улучшению физико-химических свойств глиняной массы, в том числе снижал температурный порог ее спекания, и положительно влиял на процесс восстановительного обжига. Вблизи гончарных мастерских района Новой Гуты и Иголоми открыты ямы с глиной черного цвета — по видимому, запасы обогащенного сырья для производства столовой посуды.

Формовка изделий из подготовленной, промешанной до полной однородности массы производилась на гончарном круге. Преобладание ручного или ножного станка у гончаров Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период не установлено, но для мастерских, открытых в Журовке и Глевахе, можно говорить о применении ножного гончарного круга.

Гончарная посуда производилась в ленточной (или жгутовой) технике. Из заранее раскатанных глиняных жгутов, медленно вращая круг, наращивали стенки сосуда. Куполообразно суживаясь, они образовывали дно (начин). После этого изделие переворачивали, стенки наращивали дальше или вытягивали из них верхнюю часть сосуда. Реже работу начинали с дна [Бобринский, 1970]. При такой технике нижняя часть сформованного сосуда оставалась слишком массивной. Поэтому, вращая круг, лишнюю глину срезали ножом. Для черняховской посуды, особенно кухонной, характерны следы этой операции в виде горизонтальных бороздок от выпавших зерен кварца в придонной части сосуда. После формовки наносился орнамент.

Поверхность слегка подсушенной столовой посуды подвергалась лощению, как правило, на круге. Инструментом служил гладкий камень (галька), возможно, кость. Лощеный поверхностный слой глины уплотнялся до блеска, что придавало посуде не только привлекательный вид, но и повышало ее водонепроницаемость.

Подготовленную продукцию загружали через верхнее отверстие в обжигательную камеру горна. Процесс обжига продолжался не менее суток. Равномерный прогрев всей партии изделий обеспечивался тем, что нагретые газы поступали в верхнюю камеру из топки через перегородку с отверстиями. Температура в печах обычно не превышала 950°. Специальные исследования пшеворской керамики установили, что столовая посуда хорошо обжигается при 900—950°, кухонная — при 800—900°, пифосы — около 950°.

Для того чтобы придать посуде характерный для позднеримской гончарной керамики серый или черный цвет, состав газов в горне регулировали. Применялся так называемый восстановительный (редукционный) обжиг с пониженным доступом кислорода (при окислительном обжиге, редком для рассматриваемых культур, изделия приобретали красноватый, терракотовый цвет). При редукционном режиме обжиг производился с закрытым дымоходом. В результате в верхней камере скапливалась окись углерода (CO), которая восстанавливала входящие в состав глины красные железистые соединения до черной окиси железа (FeO). В зависимости от процентного содержания железа в составе глины изделия приобретали различные по плотности оттенки серого цвета. Это свойство сырья учитывалось еще на стадии подготовки формовочной массы: химический анализ образцов черной столовой керамики показывает повышенное содержание в ней железистых соединений. Кроме того, такая керамика могла обжигаться при более низкой температуре (около 800 °C), так как железистые соединения ускоряют процесс спекания глины [Wirska-Parachoniak, 1985.— S. 210—216]. Применялся и другой способ: в конце обжига в топку подкладывали топливо, дающее много дыма, что усиливало редукцию, а главное — поры глиняных изделий насыщались сажей, что придавало их поверхности ровную черную окраску. Следует отметить, что посуда черного цвета нередко недостаточно обожжена.

Считается, что обжиг посуды в восстановительном режиме требует несколько меньших усилий, чем в окислительном. Для получения желтой или красной посуды печь топили только сухими дровами (влажность способствует редукции) и поддерживали более высокую температуру. По-видимому, это было одной из причин распространения среди «варварских» народов Европы именно редукционного способа обжига гончарной керамики.

Освоенная местными ремесленниками технология гончарного производства обеспечивала высокую производительность труда. По подсчетам А. А. Бобринского [1978.— С. 26—33], мастер тратил на изготовление одного среднего сосуда 8—10 минут, ежедневно производя от 30 до 80 сосудов, что могло обеспечивать округу в радиусе десятков километров. Относительную производительность гончарных мастерских можно сравнить по внутреннему объему обжигательных камер. Так, репневский горн вмещал не более 25 средних сосудов, тогда как в будущем одновременно обжигалось до 150. Еще больше продукции производилось в тех случаях, когда при одной предгорновой яме одновременно работало две-три печи. Предполагается, что такие комплексы требовали более сложной организации труда ремесленников. Если один горн могла обслуживать отдельная семья, то для нормального функционирования трех печей требовались объединенные усилия нескольких работников.

В середине I тыс. н. э., после распада Римской империи, облик раннесредневековой культуры по сравнению с культурами римского времени в целом меняется. Происходят общие варваризация и архаизация культур Европы, в том числе раннесредневековых культур Юго-Восточной Европы. Прекращают свою деятельность многие гончарные центры. Последнее приводит к тому, что высококачественная гончарная посуда, представленная изысканными формами, исчезает и остается в употреблении посуда домашнего производства, изготовленная ручным способом в местных традиционных формах.

Однако этот процесс не был внезапным, как считали большинство исследователей до открытия и широких исследований памятников V в. н. э. Сейчас известно около 30 памятников, где обнаружены комплексы конца IV—V в. н. э., подробно рассмотренные В. Д. Бараном [1983.— С. 7—42].

На памятниках переходного периода от поздней античности к средневековью помимо лепной керамики раннесредневековых типов присутствует сероглиняная гончарная керамика черняховского типа. На поселениях позднего периода черняховской культуры и культуры карпатских курганов черняховская посуда составляет довольно значительный процент. На наиболее ранних славянских средневековых поселениях сероглиняная гончарная керамика черняховского типа еще встречается, но уже в незначительном количестве (1—15 %), что свидетельствует о ее постепенном выходе из употребления. Вероятно, в этот период еще сохранялись единичные гончарные центры, где производилась такая посуда.

В раннесредневековых славянских культурах VI—VII вв. — пражской, пеньковской и колочинской — господствующее положение занимала лепная керамика. Основные формы сосудов — горшки, миски, сковороды — изготавливались вручную домашним способом, обжигались, как правило, на открытом огне.

В VIII в. в культурах типа Луки-Райковецкой, волынцевской и роменской продолжала существовать лепная керамика. В некоторых случаях наблюдается ее огрубение.

В VIII—IX вв. в Юго-Восточной Европе возрождается и широко распространяется ремесленное гончарное производство. В VIII в. в волынцевской культуре, а в IX в. в культуре Луки-Райковецкой получает распространение гончарная керамика. Появляются гончарные ремесленные мастерские.

Выделение гончаров-профессионалов фиксируется еще в VII в. на поселениях пеньковской культуры, в частности в области Пруто-Днестровского междуречья. На городище Селиште обнаружена полуземлянка, которую И. А. Ра-

фалович, по характеру находок связывал со специализированным производством лепной посуды. В этой мастерской найдено большое количество обломков лепных сосудов, значительная часть которых пережжена или оплакована. Здесь выявлены ленточные жгуты для изготовления сосудов и необожженные горшки. В той же области на поселении Данчены открыты одноярусные гончарные печи. Подобные производственные комплексы позволили И. А. Рафаловичу предположить, что гончарство у племен пеньковской культуры выделяется в специализированное ремесло.

Гончарные комплексы (две мастерские) на славянском поселении VIII—IX вв. типа Луки-Райковецкой исследованы П. И. Хавлюком у с. Хреновка Ильинецкого района Винницкой области. Обе мастерские представляли собой обширные полуземлянки. В одной из них (в углу) стояла глиняная печь, а в заполнении постройки сохранились обломки керамики, в том числе необожженной. Обнаружены места, где хранились заготовленная глина и крупнозернистый песок, применявшийся в качестве примесей. После того как мастерская перестала функционировать и была засыпана, здесь выстроили другую. В стенках более поздней, хозяйственной постройки были вырезаны три глиняные купольные печи. Перекрытие постройки поддерживалось столбами. В постройке и заполнении печей сохранились обломки необожженной керамики. По мнению П. И. Хавлюка, изготавливавшаяся здесь продукция предназначалась не только для самого поселения, но и для жителей прилегавшей округи.

Значительного развития достигло гончарное производство у населения, обитавшего в VII—IX вв. на юго-восточной периферии славянского этнического массива, о чем свидетельствуют открытые здесь керамические мастерские. Речь идет главным образом об алахах и болгарях — создателях салтово-маяцкой культуры, подчинившихся Хазарскому каганату.

Значительный интерес представляет гончарный центр VII — начала VIII в.,

открытый на правом берегу Днепра между Днепропетровском и Запорожьем в балке Канцерке. Здесь исследовались три поселка гончаров, где обнаружено 18 гончарных горнов из 12 мастерских. Хорошо сохранившиеся мастерские дали представление о дворах гончаров, включавших жилые постройки, служившие одновременно мастерскими, горны, хозяйственные помещения. Последние представляли собой кладовые, хранилища сырья, готовой продукции, продуктов, а иногда и место работы в летнее время [Сміленко, 1975.— С. 118—157].

Большое внимание уделяли гончары подготовке сырья. Хранящиеся в крытых хозяйственных сооружениях или внутри жилищ-мастерских кучи различных сортов глины свидетельствуют о начальной стадии ее подготовки к замешиванию — «лежание» или «выдерживание». Химический анализ заготовленных сортов сырья показал их местное происхождение и наличие среди них хорошей пластичной глины и сортов, применявшихся в качестве примеси при изготовлении керамики. Отмучивание глиняной массы, очищение ее от естественных примесей и добавление специально приготовленных примесей осуществлялись по-разному в зависимости от типов сосудов.

Почти вся керамика, за исключением кухонных горшков, — одного типа и формовалась на гончарном круге. Изучение ям (отпечатков кругов в полумастерских) позволило предположить применение ручного гончарного круга с неподвижной осью на массивной подставке-плахе.

Обжигательные горны, выкопанные в материке и частью вылепленные из глины, достигали значительных размеров. В плане они круглые, в вертикальном разрезе — двухъярусные. Под верхней обжигательной камеры, имевший до 14 отверстий, опирался на центральный опорный глиняный столб. Диаметр горнов составлял 1,5—2,25, общая длина 3,6 м.

Найденные на поселениях сосуды и многочисленные обломки дают представление об их типах. В основном это тарная керамика (различные типы

водоносных кувшинов и корчаги); столовые сосуды (стаканы, горшки, кружки); кухонные горшки. Сопоставление размеров горнов и кувшинов, обжигавшихся в наиболее массовом количестве, позволяет предположить, что разовая продукция горна могла составлять 9—12 больших трехручных кувшинов, 21—22 одноручных и до 63 одноручных кувшинов меньшего размера. Даже при одновременном функционировании всех горнов количество изделий могло достигать значительных размеров, что позволяет рассматривать мастерские в балке Канцерка как крупный для своего времени гончарный центр.

Согласно классификации технологических приемов изготовления керамики, предложенной А. А. Бобринским, гончарное производство Канцерки соответствует V этапу развития функций гончарного круга, характерному для довольно развитого в экономическом отношении ремесленного производства [1978].

Ареал распространения канцерской продукции точно не установлен. Незначительное количество обломков канцерских кувшинов найдено на некоторых поселениях Южного Поднепровья. Вероятно, большие водоносные кувшины производились не только для сельских поселений, но и для подвижного населения (кочевники, торговцы, дружинники), нуждавшегося в запасе воды.

Гончарные мастерские известны и у болгарского населения салтовской культуры. Они открыты на Нижнем (ст. Суворовская) и Среднем Дону (у Маяцкого городища), Северском Донце (с. Подгаевка), левобережье дельты Дуная (с. Богатое). У Маяцкого городища в 1979 г. открыты два полуземляночных сооружения — гончарные мастерские и остатки большой двухъярусной обжигательной печи, предназначенной для обжига массивных пифособразных лощеных сосудов [Плетнева, Афанасьев, Винников, 1981.— С. 73].

На селище салтово-маяцкой культуры у с. Подгаевка раскопан комплекс, состоящий из полуземлянки с хозяйст-

венной ямой и открытым очагом, а также пяти гончарных глиняных печей [Красильников, 1976.— С. 267—278]. Со временем полуземлянка утратила значение жилища и была переделана в мастерскую. Постройка и хозяйственная яма расширены. К западу от постройки сооружено пять гончарных печей, три из которых строились последовательно одна за другой, а две — с выходом жерл на печь № 3, превращенную в предпечную площадку новых печей.

Печи двухъярусные, верхний под отверстиями-продухами внизу не имел опоры. В стенках предпечных площадок вырезано восемь ниш, которые, возможно, использовались как скамьи или столики, куда ставили посуду. В печах обжигались главным образом круговые кухонные горшки (80 % находок) и (в меньшем количестве) глиняные котлы с внутренними ушками, горшки-пифосы, миски. На горшки мастера ставили свои клейма.

На Левобережье дельты Дуная, у г. Измаил, на поселении в с. Богатое, где обитало смешанное население (болгары-тюрки и славяне), исследована гончарная мастерская, где обжигались преимущественно горшки с серой лощеной поверхностью и в меньшем количестве — кухонные горшки с шероховатой поверхностью, ведркообразные сосуды [Смиленко, Козловский, 1987]. Гончарная мастерская состояла из гончарного горна, предгорновой ямы и помещения, где работал гончар на гончарном круге. Горн двухъярусный. Под верхней обжигательной камеры имел 13 отверстий-продухов, нижняя опора отсутствовала. У трех стен обширной предгорновой ямы выявлены земляные ступени, служившие, вероятно, или для сидения, или же на них ставились какие-то предметы. Массивный столб, от которого сохранилась яма, являлся центральной опорой перекрытия.

С юга к предгорновой яме примыкало помещение, слегка углубленное в землю. Наиболее интересная его деталь — отпечаток в земляном полу нижней части гончарного круга в виде ямки овальной формы размерами 0,5×0,42 м, в центре которой находи-

лась меньшая, но более глубокая ямка диаметром 4 см. Следы от вкопанных гончарных кругов известны и на других поселениях салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967.— С. 112—114; Сміленко, 1975.— С. 142—144].

Большое количество находок обломков керамики в мастерской и вблизи нее (свыше 2000) указывает на производство, рассчитанное на сбыт продукции обитателям левобережных поселков в низовье Дуная.

5. ДРУГИЕ ВИДЫ РЕМЕСЕЛ

Занятия земледелием, скотоводством, охотой создавали сырьевую базу для прядения и ткачества, обработки кожи и кости, использования дерева и камня.

Все эти виды ремесел, за редкими исключениями, в условиях натурального хозяйства не выходили за рамки семейного промысла. Они играли немаловажную роль в жизни сельского населения, удовлетворяя его потребности в одежде, некоторых предметах быта и орудиях труда.

Наиболее распространенными с древнейших времен являлись прядение и ткачество. Сырье для прядения и последующего ткачества давали земледелие и скотоводство: лен, конопля, шерсть домашних животных — коз и овец.

Археологические материалы ничего не говорят о приемах переработки растительных волокон. По мнению ряда исследователей, они не отличались от способов, известных по этнографическим данным. После обмола та лен и коноплю дергали, мяти, сушили, трепали, превращали в кудель, из которой тянули пряжу [Рыбаков, 1948.— С. 85; Лебедев, 1956.— С. 459—540]. Пряжу расчесывали, по-видимому, гребнями. Такие небольшие железные гребешки найдены на памятниках черняховской культуры Подолии и Молдавии [Сымонович, 1968], в киевской культуре [Даниленко, 1976.— Рис. 3, 1]. В основном они, очевидно, были деревянными. Из полученного льняного или конопляного волокна с помощью веретена

тянули нитку. Важной частью веретена было пряслице, которое насаживалось на деревянный стержень, усиливая его инерцию при вращении. Пряслица — одна из наиболее распространенных категорий археологических находок. Они встречаются в большем или меньшем количестве на каждом селище I тыс. н. э., почти в каждом жилище и большинстве женских погребений среди погребального инвентаря.

Пряслица изготовлялись главным образом из глины, вручную. Однако довольно распространенными были пряслица из обломков местной керамики, амфор, камня (мергеля, мела). Последние, в частности, известны на славянских памятниках VI—IX вв. Западной Волыни и Подолии [Тимошук, 1976.— С. 106]. Уже в III—IV вв. (черняховская культура) известны прясла, выточенные на токарном станке [Баран, 1981.— С. 110] из мергеля. Большое количество таких пряслиц найдено на славянском городище VI—VII вв. Зимно [Ауліх, 1964.— С. 128—134]. В VIII в. пряслица вытачиваются уже из шифера. Первые шиферные прясла известны в роменской культуре [Сухобоков, 1975.— С. 120]. Форма прясел разнообразна: биконические различных вариантов, округлые, цилиндрические, в виде усеченного конуса, овальные, грушевидные и др. Нередко на поверхности пряслиц нанесены магические знаки — своеобразные обереги, призванные защищать выделяемую одежду, а вместе с ней того, кто будет ее носить, от «злых сил». Величина и вес прясел различны. По мнению исследователей, это свидетельствует о некоторой специализации: легкие изделия могли применяться для получения тонких нитей из менее прочного материала, а массивные — для выделки толстых нитей [Терпиловский, 1984.— С. 70]. Наматывались нитки на катушки, в некоторых случаях сделанные из глины [Козак, 1984.— С. 26].

Прядение предполагает наличие ткачества. Археологические материалы показывают, что племена рассматриваемой территории знали как грубые плотняные ткани, так и изготовленные

из очень тонких нитей [Пачкова, 1974.— С. 127]. Выделывались ткани при помощи вертикального ткацкого станка. Они изготовлялись из дерева и поэтому археологически не зафиксированы. Однако на поселениях нередко встречаются глиняные грузила с отверстиями, являвшиеся неотъемлемой частью вертикального ткацкого станка. В грузила сначала продевали петлю из тонкой веревки, ниток или ремешка. Следы от таких петель заметны на плохобожженных грузилах. К петле прикрепляли концы нитей основы, запас которых в виде клубка лежал внизу, у петель. Нити привязывались сверху к горизонтальной планке станка [Гайдукевич, 1952.— С. 405].

Э. А. Рикман обращает внимание на различную величину глиняных грузил в черняховской культуре, что, кстати, типично и для других культур. По его мнению, они применялись для натягивания нитей разной толщины, предназначенных для выделки тканей различного качества [1975.— С. 188—189]. Известны жилища, где найдены скопления грузил в одном месте (Делакеу, Лепесовка — поселения черняховской культуры). Очевидно, там стоял ткацкий станок [Рикман, 1975.— С. 189].

По наблюдениям Б. А. Тимошука, на славянских памятниках Буковины VIII—IX вв. глиняные грузила отсутствуют. На этом основании автор предполагает, что славяне уже пользовались более совершенным ткацким станком. Сделанное предположение подкрепляется найденным на селище Бранешты II цилиндром-юрком, при помощи которого слетали нити на горизонтальном ткацком станке [Тимошук, 1976.— С. 106].

Одежду шили металлическими и костяными иглами; известны спицы для плетения и вязания. Иногда в погребениях встречаются игольники-футляры, изготовленные из трубчатых костей птиц [Рикман, 1975.— С. 190].

Шерсть для тканей получали после стрижки овец и коз. Стригли их пружинными ножницами. Они найдены на памятниках пшеворской, черняховской, киевской, пражской и роменской культур. Шерсть очищали, сбивали в вой-

лок или после тщательной промывки изготовляли пряжу [Сухобоков, 1975.— С. 120].

Обработка кожи, как и предыдущее ремесло, связана с удовлетворением потребностей людей в теплой одежде, обуви, сбруе. Это один из наиболее древних видов производственной деятельности человека. Сырье для домашнего производства поставляли скотоводство, а также охота.

Известны многочисленные археологические находки орудий труда, связанных со скорняжным ремеслом. Условно их можно разделить на две группы. К первой относятся предметы, предназначенные для выделки кожи: костяные скребки и ложила из ребер коровы («тупики»), «утюжки» из пястных или плюсовых костей лошади — так называемые коньки, скребки из рогов оленя. Последние хорошо известны на славянских памятниках Буковины. Они имеют форму трапецевидной лопатки [Тимошук, 1976.— С. 106]. Рабочие части таких орудий хорошо отполированы.

Вторую группу представляют орудия для сшивания изделий из кожи или меха: многочисленные костяные острия и проколки, кочедыки, железные и бронзовые шилья, а также круглые иголки. У костяных проколов и игл сильно зашлифованное острие, что свидетельствует об их длительном применении. Население роменской культуры в скорняжном ремесле пользовалось так называемыми утюжками, изготовленными из различных пород камня. Форма их разнообразна, рабочая поверхность хорошо отполирована. Предназначались они для разглаживания швов на коже.

Природные условия рассматриваемой территории, богатой лесами, позволяли широко использовать дерево в хозяйственных целях. К сожалению, археология почти не располагает изделиями, полученными в результате деревообработки, что объясняется их плохой сохранностью. Однако, без сомнения, ассортимент таких изделий обширен. Это детали сельскохозяйственных орудий, ткацкие станки, лодки, мебель, посуда, рукоятки различных инструментов. Из

дерева изготовлялась разнообразная домашняя утварь. Дерево было основным строительным материалом при возведении жилищ, хозяйственных построек, оборонительных сооружений.

Археологическим подтверждением широкого применения дерева у славян являются специализированные орудия труда, широко представленные на памятниках рассматриваемой территории: топоры, скобели, тесла, долота, сверла. В III—IV вв. у носителей черняховской культуры Поднестровья появляется токарный станок. Подтверждением этого служит находка в одном из жилищ на поселении Бовшев II железного токарного резца: круглый стержень с утолщенным концом. На противоположном, рабочем, конце помещалось перовидное лезвие. Здесь найден и железный топор [Баран, 1981.— С. 110]. По мнению исследователя, это было жилище плотника.

Еще одно жилище, обитатель которого был плотником-специалистом, открыто на поселении Репнев II. Здесь найдены тесло, сверло и выточенное на токарном станке мергельное пряслице [Баран, 1981.— С. 110].

Наблюдается разделение некоторых столярных инструментов по функциональному назначению: двуручные скобели и струги с широкими и узкими лезвиями из Репнева II. Первые применялись для грубого обтесывания стволов и досок, вторые — для обработки небольших предметов [Баран, 1981.— С. 110]. Еще у одного струга лезвие было повернуто в противоположную от ручки сторону. Известно, что совсем недавно с помощью таких стругов изготавливали бочки [Баран, 1981.— С. 110].

Приведенные данные могут свидетельствовать о том, что в черняховское время деревообрабатывающее ремесло достигло определенного уровня специализации и, возможно, могло выделиться из рамок домашнего промысла. На поселении, по-видимому, проживал плотник, изготовлявший сложные предметы из дерева и обслуживавший свою, а возможно, и соседние общины.

Применение токарного верстака открывало широкие возможности для

развития деревообрабатывающего ремесла. Оно позволило увеличить ассортимент изделий, улучшить их качество. Существует мнение, что в VI—VIII вв. славяне на токарном станке изготавливали столовую посуду — миски, стопки, кружки, отсутствующие среди глиняных изделий [Баран, 1972.— С. 74]. Наличие токарного станка в раннесредневековое время подтверждается материалами Зимновского городища, о чем говорилось выше.

Интересны наблюдения, сделанные О. В. Сухобоковым на славянских памятниках Левобережья. На одной из глиняных мисок из поселения Волинцево им зафиксированы остатки деревянной подставки с характерными годовыми кольцами. По мнению автора, это может свидетельствовать о том, что славянское население Левобережья уже в VIII в. применяло поперечную пилу. Обломок пилы обнаружен И. И. Ляпушкиным на роменском городище в Решетниках [Сухобоков, 1975.— С. 118].

Достижение высокой ступени развития навыки плотничьего ремесла у славян VI—IX вв. подтверждаются совершенной строительной техникой при сооружении жилищ и хозяйственных построек, мало изменившейся на протяжении последующей тысячи лет. При возведении стен срубов повсеместно применялись приемы соединения бревен «в лапу» и в «обло», что зафиксировано археологическими источниками.

Многочисленные изделия из кости и рога, постоянно встречающиеся на селищах первой половины I тыс. н. э. и славянских памятниках VI—IX вв., свидетельствуют о развитии косторезного ремесла. Из кости изготовлялись разнообразнейшие предметы, восполнявшие недостаток металлических орудий труда и быта и применявшиеся в домашнем хозяйстве: различные острия, проколки, ложила, кочедыки, иглы и пр. Из кости и рога, зубов и клыков животных изготовлялись рукояти ножей и шильев, других металлических орудий, украшения, амулеты, пояса, пряслица, игольники. Производство всех этих вещей требовало особых

навыков, хотя и происходило в рамках домашнего ремесла.

Так, следует отметить, что кость, а особенно рог с трудом поддаются обработке без предварительной подготовки. Специальные исследования показали, что славяне повсеместно владели технологией обработки кости и рога. Их длительное время вымачивали в горячей воде, проваривали в закрытом сосуде [Изюмова, 1949.— С. 16—19]. Изготавливали предметы из кости с помощью пилки, ножа, топора, сверла.

Наиболее сложным изделием являлся гребень, появившийся в раннеримское время. Сначала он изготовлялся из одного куска рога. Такие гребни известны на памятниках липицкой культуры и волыно-подольской группы. В III—IV вв. в черняховской культуре широко распространяются трехслойные многочастные гребни, различающиеся по форме спинки (полукруглая, трапециевидная, полукруглая с выступающими плечиками). Такие гребни состоят из нескольких пластин с зубьями, соединенных с обеих сторон пластинчатыми накладками. Конструкция скреплялась железными или бронзовыми заклепками. Довольно часто гребни украшались циркульным орнаментом. По мнению исследователей черняховской культуры, для изготовления таких гребней требовались высокопрофессиональные навыки. Массовость их изготовления, унифицированность форм, сложная конструкция, требующая значительной затраты труда, свидетельствуют о довольно высоком ремесленном уровне производства. Известны мастерские, производившие гребни. В них обнаружено значительное количество сырья, отходов, заготовок, что говорит о хорошо налаженном массовом производстве [Palade, 1981.— С. 179—213]. Производство гребней продолжалось и в последующее время, однако не носило столь высокого и масштабного уровня [Приходнюк, 1975.— С. 39].

Камнеобрабатывающее ремесло представлено немногочисленными предметами, что свидетельствует о его незначительной роли в хозяйстве славян. Из камня изготавливали специфические орудия, которые невозможно было заме-

нить другим материалом: точильные бруски, зернотерки, песты, литейные формочки. Реже камень использовали для грузил.

На территории Волыни и в смежных районах Поднестровья начиная с III в. в хозяйстве широко применяется мергель, легко поддающийся обработке. Из него вытачивали на токарном станке пряслица, вырезали литейные формы для украшений. Большое количество таких прясел и формочек найдено на славянском городище Зимно [Баран, 1972.— с. 75]. В Бакоте на славянском селище обнаружена каменная ступа. Это округлый обработанный камень, в центре которого — конусовидное углубление [Приходнюк, 1975.— С. 39]. На городище Новотроицкое (около IX в.) найдены два круглых камня с прямоугольным отверстием для крепления на оси. Возможно, это первые механические точильные приспособления [Сухобоков, 1975.— С. 117]. Интересны «утюжки», известные в роменской культуре и применявшиеся в скорняжном деле [Сухобоков, 1975.— С. 117]. Славяне начиная с V в. широко применяли камень для строительства печей.

Наиболее сложными изделиями из камня, производство которых требовало специальных навыков, были жернова. Они изготавливались из ракушечника, туфа и других вулканических пород. Первые жерновые камни на исследуемой территории появились в среде носителей липицкой культуры, затем на волыно-подольских памятниках. Широкое распространение они получили в Юго-Восточной Европе начиная с III в. Жернова делались, по-видимому, опытными мастерами там, где на поверхность выходила необходимая для этих целей порода камня. Такой ремесленный центр, относящийся к черняховской культуре, обнаружен и исследован П. И. Хавлюком на Южном Буге [Хавлюк, 1980.— С. 30—34]. Здесь открыто два карьера по добыче вулканического туфа. Рядом размещались поселения черняховской культуры, жители которых занимались горнорудным делом и изготовлением жерновов. По мнению автора исследований, производство велось большими коллек-

тивами непрерывно, с разделением труда. По подсчетам П. И. Хавлюка, на изготовление одного жернового камня уходило около 24 часов [Хавлюк, 1980.— С. 34]. При этом применялись специальные инструменты: железные, деревянные и костяные клинья, кирки, лопаты, зубила, молотки, циркуль.

Жерновые камни известны и в более позднее время — в славянских ранне-средневековых культурах. Очевидно, как и в черняховское время, они изготавливались мастерами-специалистами, хотя масштабы производства в эту эпоху уменьшились.

6. ТОРГОВЛЯ

Торговля как форма товарного обмена, то есть реализация товаров путем купли-продажи, является исторической категорией, берущей начало в эпоху сложения товарного производства. Применительно к Восточной Европе эта эпоха совпадает со временем существования Киевской Руси — первого государственного образования в данном регионе, где господствовала феодальная система общественно-экономических отношений, основанная на частной собственности и личном труде производителя в натуральном хозяйстве.

В более ранний период истории Юго-Восточной Европы, в частности в первой половине I тыс. н. э., торговля как таковой еще не было, существовал только хозяйственный натуральный обмен как одна из характерных черт первобытнообщинного строя. Лишь в финальный период этой общественно-исторической формации зарождается торговля, что подтверждается ее существованием в первоначальной форме среди носителей черняховской культуры.

Хозяйственный обмен, о чем свидетельствуют археологические материалы и данные этнографии, возник постепенно, как результат обычая взаимного посещения, своеобразных дружеских визитов.

По мере развития межплеменной хозяйственный обмен приобретает регулярный характер, при котором местные

изделия, бывшие предметом обмена (а также продукты), начинают заготавливаться заранее и специально для обмена. Раз возникнув, обмен широко распространяется и интенсивно поддерживается.

Механизм межплеменного обмена, основанный на индивидуальных и коллективных действиях, в ходе дальнейшего развития способствовал возникновению своеобразных рынков, то есть особых мест для встреч, куда в известное время собирались люди различных племен специально для обмена.

Начальный хозяйственный обмен основывался на принципах взаимности и безусловной обязательности, при которых за каждую вещь полагалось получить иную, необходимую другой стороне, принимающей участие в этом процессе. Первоначально отсутствовало само понятие стоимости оцениваемых вещей как понятие торгового эквивалента.

Однако с течением времени, когда обмен превращался в чисто хозяйственное явление, он приобрел новые черты, приближающие его к торговле. Они хорошо прослеживаются в тех случаях, когда в обмене участвуют стороны, различные по уровню социально-экономического развития, например вполне «цивилизованные» торговцы-эллыны и «первобытные» лесостепные обитатели Поднепровья, Побужья или Подолья. Еще более выраженные торговые черты присущи обмену в черняховском обществе, достигшем начальной стадии развития товарного производства.

Высказанные предположения можно дополнить рассмотрением конкретных материалов, выявленных в различных культурах I тыс. н. э. Юго-Восточной Европы (рис. 87, 1—31).

Для зарубинецкой культуры хозяйственный обмен характеризуется интенсивными связями со скифо-античным Югом. О размерах этого обмена свидетельствуют многочисленные находки античных материалов, главным образом обломков амфор, встречаемых на поселениях Поднепровья и Южного Побужья, исключение составляет территория Припятского Полесья, традиционно тяготевавшая к Северо-Западу.

Наиболее активные торгово-обменные контакты с Югом были у зарубинецкого населения Среднего Поднепровья. На это указывают обнаруженные при раскопках поселений материалы, а именно фрагменты амфор, составляющие от 3 до 20 % всех керамических находок. Больше всего таких материалов встречено в окрестностях Канева и Киева, бывших в последние века до нашей эры центрами территорий двух племенных образований. Амфорные находки отмечены также в низовьях рек Рось, на Тясмине, на Левобережье — по Трубежу, Десне и Сейму, в нижнем течении Псла и Ворсклы, на Орели.

В локализации античных материалов на территории зарубинецкой культуры первостепенную роль играли реки Днепровского бассейна, которые в ту пору представляли собой естественные пути для перевозки товаров.

Торговый путь в глубины зарубинецкой территории начинался в низовьях Днепра. Здесь находилась Ольвия — самый известный и крупный эмпорий античной эпохи в Северо-Западном Причерноморье. Ольвия вела оживленную торговлю со многими центрами античного мира, в их числе в эллинистическое и раннеримское время находились Кос, Родос, Парос, Фасос, Синоп и др. Ольвия славилась ремесленниками, здесь вырабатывались вина, засаливалась рыба, изготовлялись разнообразная посуда, ткани, художественные предметы быта, личного убора, украшения из золота, серебра, бронзы, глины, стекла. Многочисленные стеклянные бусы, найденные в погребениях верхнеднепровского Чаплинского могильника (более 1100 экз.), как установлено химическим анализом, были ольвийского изготовления [Поболь, 1971. — С. 138].

Эквивалентом античных товаров, находивших сбыт в глубинах зарубинецкой территории (вино в амфорах, столовая посуда, бронзовые фибулы и другие предметы личного убора — браслеты, кольца, серьги, украшения из стекла и пасты), являлись зарубинецкие меха, кожи, мед, воск. Именно этими товарами как традиционными предметами обмена располагала Средняя и

Восточная Европа начиная с эпохи бронзы и вплоть до средневековья [Анохин, 1967. — С. 7—67].

Организаторами и непосредственными исполнителями торгового обмена являлись жители нижнеднепровских поселений Малой Скифии (Золотая Балка, Любимовка, Гавриловка и др.), которые начиная с III в. до н. э. торговали как с Ольвией, так и со Средним Поднепровьем. О существовании таких двусторонних торговых контактов свидетельствуют многочисленные предметы античного изготовления, а также зарубинецкая столовая посуда (миски, кружки), найденные при раскопках нижнеднепровских городищ и могильников [Сымонович, 1978. — С. 94—98; Вязьмитина, 1969; 1972].

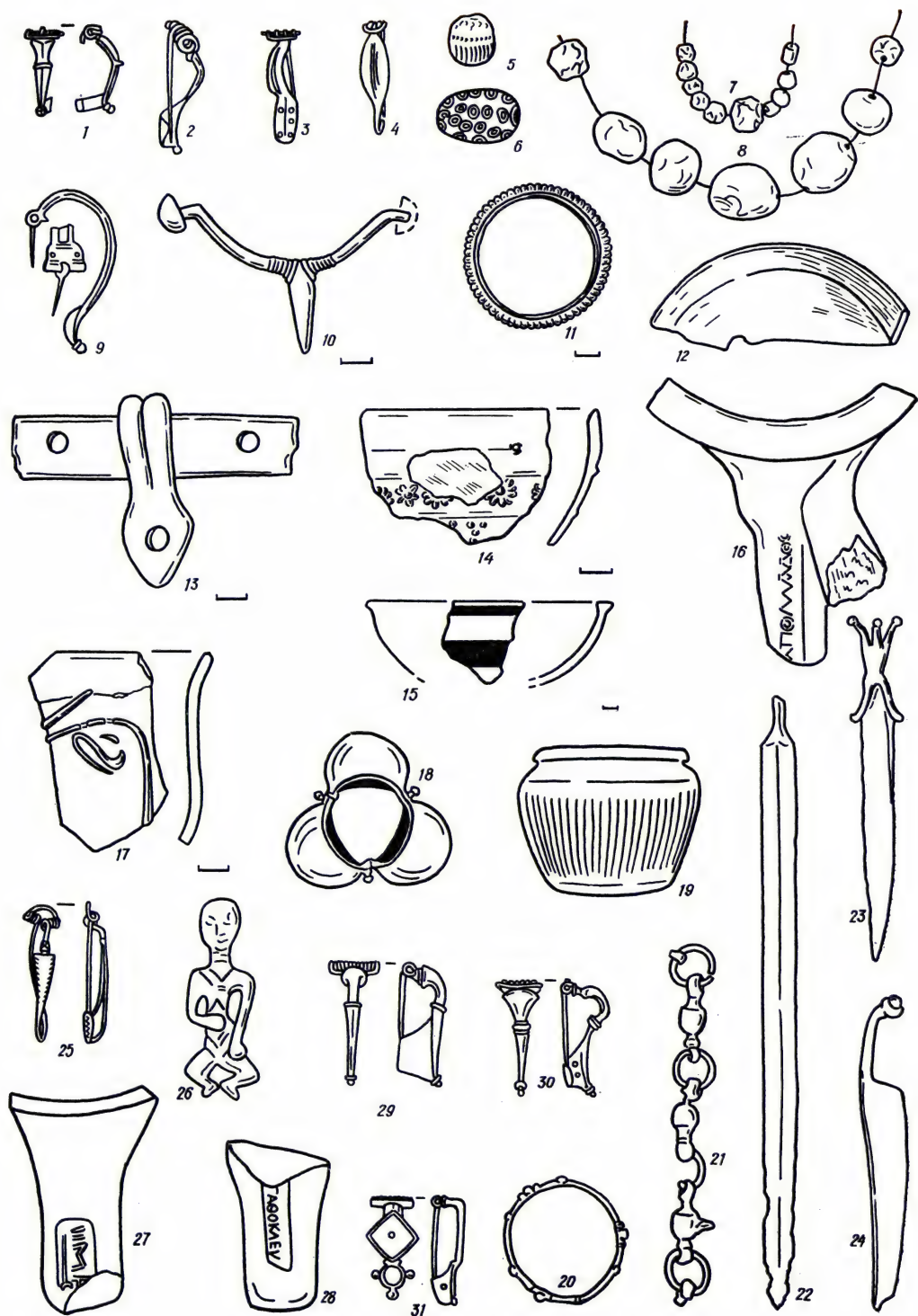
Тесные экономические связи зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье с нижнеднепровскими позднескифскими поселениями способствовали появлению здесь зарубинецкого населения, о чем свидетельствует ритуальный инвентарь тех погребений нижнеднепровских Золотобалковского и Николаевского могильников, где обнаружена зарубинецкая лепная посуда [Максимов, 1982. — С. 72].

Зарубинецко-античная торговля, осуществлявшаяся при содействии позднескифского населения Нижнего Поднепровья, была, как отмечено, обменной. В Ольвии и всех других полисах Северного Причерноморья издревле существовало собственное денежное обращение, чеканились медные и золотые деньги. Однако античные монеты не выходили за пределы полисов, они были средством внутреннего обращения. На нижнеднепровских городищах, а также поселениях и городищах среднеднепровско-зарубинецкой культуры ольвийские монеты не найдены. Исключением является бронзовый тетрахалк конца II в. до н. э. южнопричерномор-

Рис. 87. Импортные изделия из памятников рубежа и первой четверти I тыс. н. э.:

1 — Рудяки; 2, 4 — Тапенки; 3 — Лютеж; 5, 7, 8, 12, 14, 17 — Субботов; 6, 9 — Рахны; 10 — Оболонь; 11 — Басовка; 13 — Монастырек; 15 — Завадовка; 16 — Филиппенкова Гора; 18—24 — Галиш-Ловачка; 25—28 — Лукашевка; 29—31 — Липица. 1—4, 9, 11, 13, 18, 20, 21, 25, 26, 29—31 — бронза; 10, 22—24 — железо; 5—8 — стекло; 12, 14—17, 19, 27, 28 — глина.

ской чеканки, найденный на Пилипенковой Горе [Максимов, 1972.— С. 96], куда попал, несомненно, случайно. Лишь со II в. на Среднем Поднепровье появляются римские серебряные денари, получившие широкое распространение в среде черняховского населения. Небольшое же количество монет II в., которые можно связать с поздзарубинецкими поселениями [Максимов, 1963.— С. 110—122], являлись для местных жителей сырьем или же сохранялись как сокровища.

Помимо южного направления зарубинецкая обменная торговля имела еще и юго-западные связи, масштаб которых, однако, был значительно меньше. К их числу относятся очень ранние контакты с балканской областью латенской культуры, откуда поступали провололочные бронзовые фибулы среднелатенской схемы со спинками сложной конструкции (с шариками, бусинами, восьмерками) и откуда, возможно, заимствованы фибулы с треугольным щитком [Каспарова, 1978.— С. 79—88], ставшие впоследствии этнографическим эквивалентом зарубинецких предметов подобного рода.

Помимо фибул на Среднем и Верхнем Поднепровье встречены: поясные крючки, ситуты, кольца, браслеты, votивные подвески-амулеты; особенно много их найдено в окрестностях Канева [Кухаренко, 1959.— С. 31—51]. Хронологически они не выходят за пределы позднего латена.

К этому же времени относятся более скромные по своему масштабу контакты с областью ясторфской культуры, отмеченные для Припятско-Полесского региона, где найден бронзовый наборный пояс [Каспарова, 1976.— С. 156].

К ясторфским древностям относятся также своеобразные бронзовые украшения в виде шейных шарнирных гривен, известные в литературе как коронки [Кухаренко, 1971.— С. 35]. Такие гривны на зарубинецкой территории известны в Побужье (Дашев) и Подесенье (Леськи), а также на пшеворских памятниках Подолии (Ольховое, Залесье).

Общий экономический подъем у племен Юго-Восточной Европы во второй четверти I тыс. н. э. в значительной

мере связан с развитием внутренней и внешней торговли. Об уровне развития внутреннего обмена в обществе можно судить по уровню организации ремесла. У черняховских племен в качестве самостоятельных производств выделились металлообработка, гончарное, отчасти косторезное и, возможно, каменотесное ремесла. Во многом справедливо мнение, что черняховская культура являлась продуктом ремесла и торговли [Третьяков, 1970.— С. 177]. Примерно на том же уровне экономического развития находились карпатские и вельбарские (позднего этапа) племена. Для киевской культуры можно говорить лишь о выделении металлообработки.

Мастера-ремесленники работали, как правило, «на заказ» в пределах общины или группы соседних общин, получая за свой труд продукты сельского хозяйства. Сведения о зачатках товарного производства, то есть производства товаров не «на заказ», а на рынок, имеются только для гончарного ремесла [Бобринский, 1978.— С. 26—28]. Но и в этом случае взаимоотношения производителя и потребителя вряд ли выходили за рамки натурального обмена. То же можно сказать о торговле ценным сырьем (цветные металлы) или изделиями из редких материалов (железа из вулканического туфа).

Среди археологического материала Юго-Восточной Европы второй четверти I тыс. н. э. особенно ярко выделяются свидетельства внешних экономических связей. Торговля с античным миром достигает в это время своего наивысшего развития. Находки амфорной и краснолаковой керамики, а также стекла известны практически на всех исследованных памятниках черняховской культуры и культуры карпатских курганов, на многих вельбарских и киевских поселениях. Большая часть импортных товаров оседала в черняховских областях, которые можно рассматривать как контактную зону с античным миром — Северное Причерноморье, Молдавия, Нижнее Подунавье. На причерноморских поселениях в среднем 20—30 % керамики представлено обломками амфор.

Исследователи черняховской культу-

ры, учитывая объем античного импорта, не пришли к единому мнению относительно черняховского экспорта. Споры идут по вопросу о вывозе хлеба с черняховской территории в пределы Римской империи. Одни авторы видят в хлебном экспорте основу торговли местных племен с античным миром [Рыбаков, 1948.— С. 42, 43; Брайчевский, 1964.— С. 238—240; Винокур, 1972.— С. 48], другие не придают ему решающего значения [Рикман, 1975.— С. 228]. М. А. Тиханова и В. В. Кропоткин отрицают вывоз хлеба, выдвигая в качестве главного аргумента то, что «относительно низкий уровень социально-экономического развития черняховского общества не позволяет предполагать наличие здесь избыточного продукта в виде зерна, идущего в качестве товара на рынок» [Тиханова, 1974.— С. 69; Кропоткин, 1967.— С. 112, 113]. С таким выводом трудно согласиться полностью, поскольку, как отмечает один из упомянутых авторов в более поздней работе, уровень развития черняховского земледелия практически не отличался от уровня земледелия в таких римских провинциях, как Паннония, Мезия, Дакия, откуда вывоз зерна засвидетельствован документально [Кропоткин, 1970а].

По-видимому, вывоз хлеба из пределов черняховской культуры все же осуществлялся, по крайней мере из районов, наиболее удобных в транспортном отношении. Представление о списке товаров, участвовавших в обмене Причерноморья со Средиземноморьем, правда, в более раннее время (II в. до н. э.), можно получить из «Истории» Полибия: «Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество, бесспорно, отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая...» [цит. по: Латышев, 1947.— С. 214]. Вряд ли такой традиционный список мог намного измениться в позднеримское время.

Наличие торговли предполагает существование торговцев-посредников, в руках которых сосредоточивались товары, предназначенные для вывоза. На территории черняховской культуры открыто несколько памятников, где можно предполагать существование торговых факторий, поддерживающих связь с римскими провинциями. Это комплексы построек на поселениях Каменка-Анчекрак в Северном Причерноморье и Собарь в Молдавии; остатки производственных мастерских со следами пребывания выходцев из римских провинций в Комарове на Среднем Днестре, а также, возможно, в Лепесовке на Волыни и в районе Балцат в Молдавии.

Усадьба в Каменке-Анчекрак расположена на окраине крупнейшего черняховского поселения района Березанского лимана [Магомедов, 1987.— С. 77]. Здесь открыт комплекс из четырех крупных каменных зданий с пристройками и огороженным двором. Хозяин усадьбы, судя по нескольким греческим граффити на краснолаковых сосудах, был знаком с античной культурой, возможно, сам являлся выходцем из провинциальной греко-римской среды. Из раскрытых на вилле 11 помещений только три оборудованы очагами и, таким образом, могут быть признаны жилыми. Остальные помещения с площадью несколько десятков квадратных метров почти лишены находок в виде развалов сосудов, орудий труда и пр. Вполне возможно, что они использовались как склады сельскохозяйственной продукции и стойла для скота. Огороженный скотный двор мог вмещать десятки голов домашних животных. О налаженных торговых связях местных жителей с античными центрами свидетельствует амфорная тара: количество ее обломков превышает половину всех керамических находок на усадьбе — больше, чем на любом из остальных черняховских памятников. Торговые операции обитателей усадьбы заключались, по-видимому, в натуральном обмене восточносредиземноморских товаров на сельскохозяйственную продукцию и рабов, поставляемых местной племенной верхушкой. По Березанскому лиману к фактории могли подходить

корабли для разгрузки и приема очережных партий товара.

Некоторое сходство с каменной усадьбой имеет комплекс из черняховского поселения Собарь [Рикман, 1975.— С. 205—214]. Внутри двора, обнесенного каменной стеной, находилось здание размерами 9,8×18 м. Стены возведены из камня с применением кирпича, скрепленного известковым раствором. В развалинах найдены кровельная черепица, оконное стекло, базовые камни колонн, а также обломки римских амфор IV в. и каменной чаши с латинской надписью, сероглиняная керамика.

Стеклоделательная мастерская в Комарове представляла собой особый вид торгово-ремесленной фактории [Смишко, 1964; Шапова, 1978а]. Здесь найдены остатки каменного здания, плинфы, черепица, многочисленный античный импорт. Мастера принадлежали к провинциально-римской школе стеклоделия. В последней четверти III в. в Комарове изготавливали кубки, бусы, стеклянные пряслы и даже (в небольшом количестве) оконное стекло. Часть сырья (слюда, окись марганца) доставлялась издалека. Однако производство дорогого и хрупкого товара на месте снимало значительные транспортные расходы на перевозку по сухопутным дорогам и малосудоходному Днестру. По этой же причине обмен с местным населением мог идти на пушнину и деньги — серебряные денарии. Правда, мастерская работала недолго и большого распространения ее продукция не получила.

Исследования Ю. Л. Шаповой позволяют предположить существование еще одного центра производства стекла в Молдавии. Это предположение основано на физико-химическом анализе однотипных круглых бус, выполненных в примитивной технике из темно-гранатового стекла плохого качества. Найдены они в комплексах второй половины IV в. на довольно ограниченной территории — Лопатна, Лукашевка III, Балцаты.

На черняховско-вельбарском поселении Лепесовка обнаружены остатки железоплавильных горнов и гончарных

мастерских [Тиханова, 1966]. По мнению автора раскопок, греческие граффити на сероглиняных горшках свидетельствуют, что гончарная посуда черняховского типа изготавливалась провинциально-римскими мастерами. На поселении работал и ремесленник-ювелир, скорее всего пришлый: найдены корытце от римского безмена, а также тигли, льячки и бронзовые полуфабрикаты [Тиханова, 1978]. Если здесь и существовала торгово-ремесленная фактория типа Комаровской, то необходимо учитывать, что рентабельность ее не могла быть длительное время высокой из-за конкуренции местных ремесленников.

Важными для восточноевропейских племен торгово-ремесленными центрами оставались бывшие античные города Ольвия и Тира, включенные после эвакуации римских гарнизонов в черняховскую политико-экономическую систему [Кравченко, Корпусова, 1975; Магомедов, 1985]. Продолжали действовать гончарные мастерские, поставлявшие в окрестные поселения высококачественную сероглиняную керамику. Черноморские порты поддерживали традиционные связи с понтийскими и средиземноморскими городами. На месте портовых сооружений в Нижнем городе Ольвии открыты скопления амфор этого времени [Лейпунская, 1984]. Отсюда и из Тиры продукция восточно-римских экономических центров расходилась по бассейнам ближних рек, а часть ее доходила до Прибалтики и Скандинавии.

Меньшую роль в черняховской экономике играла торговля с другими «варварскими» народами. Если из центров средиземноморской цивилизации местные племена за продукты сельского хозяйства и промыслов получали главным образом ремесленные изделия, то в отношении своих экономически менее развитых соседей «черняховцы» выступали в роли поставщиков продукции ремесленных мастерских. Об этом свидетельствуют находки черняховских изделий на памятниках пограничных, а иногда и довольно удаленных племен. Так, типичные черняховские фибулы встречаются в погребениях племен лес-

ной зоны бассейна Оки и в могилах сарматов от Венгрии до Поволжья [Амброз, 1966.— С. 61—66, 70]. Сарматские кочевники, наиболее вероятно, поставляли скот и продукты животноводства.

Большое количество предметов черняховского импорта найдено на памятниках киевской культуры [Терпиловский, 1984]. На многих поселениях встречаются обломки черняховской сероглиняной гончарной посуды. Среди орудий труда, бесспорно, импортными являются жернова из вулканического туфа, месторождение которого разрабатывалось в Южном Побужье. Не исключено, что из черняховских областей киевскому населению Среднего Поднепровья и Подесенья, по крайней мере на раннем этапе взаимных контактов, поступали некоторые железные орудия — наральники, серпы, топоры, скобели, о чем свидетельствует их типологическое единство. В черняховских мастерских изготовлены некоторые характерные типы бронзовых фибул и пряжек, трехслойные гребни из оленьего рога.

Через торговцев-посредников по днепровскому пути киевские племена получали привозную античную продукцию: амфоры с вином, стеклянные и сердоликовые бусы. По-видимому, такой же путь проходили и цветные металлы — бронза и монетное серебро. Можно предположить, что транзитную торговлю держали в своих руках черняховские торговцы-посредники, получавшие немалую прибыль. Расплачиваться население киевской культуры с наибольшей выгодой могло продукцией лесных промыслов — пушниной, воском, медом. Земледельческая продукция вряд ли использовалась для этого, учитывая менее развитый уровень хозяйства у киевских племен и их менее плодородные земли.

Об установлении торговых связей черняховских племен с Южной Прибалтикой свидетельствуют в первую очередь находки янтарных бус и подвесок. Месторождения янтаря известны и в Среднем Поднепровье, однако, по имеющимся сведениям, их разработка начинается только в эпоху Киевской

Руси. Прибалтийское происхождение черняховских янтарных украшений подтверждается химическим анализом изделий из Успенского могильника*. Кроме того, форма янтарных подвесок характерна для южноприбалтийских культур — грибовидная. На черняховских памятниках встречаются и другие прибалтийские изделия — определенные типы фибул и подвесок. В Южной Скандинавии изготовлены так называемые фибулы-монстры (фибулы «чудовищного типа»), найденные в Молдавии — у сел Будешты, Василика и Данчаны [Амброз, 1966.— С. 68]. Они изготовлены из серебра, покрытого золотым листом, и украшены накладными дисками. Подобная фибула происходит из с. Медведовка Черкасской области.

Многие бронзовые предметы изготовлены из характерного для Прибалтики многокомпонентного сплава с ведущими концентрациями цинка. Все они обычны для вельбарских памятников Северо-Западной Украины, откуда они могли распространяться по черняховской территории вместе с населением и, частично торговым путем. Часть украшений, несомненно, производилась в местных мастерских, другая часть, а также бронзовые слитки, возможно, доставлялись из коренных районов вельбарской культуры. В обмен по речным системам понтийско-балтийского торгового пути поступали предметы античного импорта, прежде всего стеклянные бусы (с конца II в.) и кубки восточносредиземноморских мастерских. В центральноевропейском регионе наибольшая их концентрация отмечена в низовьях Вислы. Отсюда восточное стекло морским путем расходилось по побережьям Дании, Швеции, Норвегии. Основные торговые связи Южной Прибалтики с Римской империей осуществлялись по традиционному «янтарному пути» через Центральную Европу [PZP, 1981.— S. 390, 399; Stawiarska, 1985.— S. 125—132].

Одним из важнейших аспектов вопроса об уровне развития торговли у черняховских племен является вопрос о денежном обращении. На территории

* Результаты получены В. Н. Зоценко

Восточной Европы известны сотни кладов и отдельных находок римских монет (в основном серебряных), часть из них связана с черняховскими памятниками [Брайчевский, 1959; Кропоткин, 1961; 1966.— С. 74—102; Тиханова, 1979.— С. 38, 39]. Мнения о значении нумизматических данных для изучения экономики черняховских племен среди исследователей существенно расходятся. Немаловажен тот факт, что подавляющее большинство римских монет на территории черняховской культуры датируется II в., а III и IV вв. представлены значительно меньшим количеством находок. Многие исследователи объясняют это порчей римской серебряной монеты при Каракалле (взамен полноценных серебряных денариев выпускают биллоновые антонинианы), в результате чего на «варварских» землях длительное время продолжала обращаться старая полноценная монета. Кроме того, В. В. Кропоткин отмечает общую натурализацию экономической жизни Римской империи в III—IV вв. и возрастание менового, натурального характера ее торговли с «варварами» [1961.— С. 23—30; 1970а.— С. 159]. М. Ю. Брайчевский считает, что «время притока римских монет на основную часть восточнославянских земель так же, как и попадание сюда преобладающего количества вещей римского производства, довольно точно совпадает со временем римского господства в Дакции ... когда границы империи максимально приблизились к восточнославянским землям и, таким образом, сложились все внешнеполитические предпосылки для развертывания систематических торговых отношений римлян с восточными славянами» [1959.— С. 57].

М. А. Тиханова выдвигает точку зрения, в соответствии с которой раннеримская монета принадлежала какому-то предчерняховскому населению, а в черняховское время «на смену денежной внешней торговле, как и в Центральной Европе, приходит торговля меновая, когда привозные изделия, в основном предметы, обеспечивающие потребности знати, оплачивались тем или иным сырьем» [1974.— С. 69—72].

Возможно, преобладание римских денариев II в. в Восточной Европе обуславливалось разными причинами, но главной является высокое содержание в них драгоценного металла по сравнению с более поздними выпусками. Известно, что в первых веках нашей эры качество римской серебряной монеты все время понижается. При Нероне (54—68) в монетном металле впервые появились искусственные добавки, понизившие содержание серебра в среднем до 93 % (до этого — 96—99 %). Денарии Траяна, Адриана и Антонина Пия выпусков 107—148 гг. содержат благородного металла уже 87—90 %, денарии Антонина Пия 148—161 гг. — 82—85 %. На протяжении правлений Марка Аврелия и Коммода (190—192) этот показатель понизился до 72—73 %; в 194—195 гг. Септимий Север довел его до 57 %. В 215 г., при Каракалле, начинается выпуск новой монеты — антониниана, отличавшегося от денариев внешним видом и большим весом, однако содержание серебра в нем сначала составляет 50 %, а ко времени Требониана Галла (151—153 гг.) снижается до 36 %. Во второй половине III в. антонинианы чеканились из меди с тонким серебряным покрытием. С этого времени (несмотря на незначительный выпуск серебряной монеты в IV в.) главенствующая роль серебра в римской денежной системе упала и его заменило золото.

Для многих соседей Римской империи, включая черняховские племена, римский монетный металл был основным, если не единственным источником поступления серебра. При господстве меновой торговли на внутреннем рынке лишь незначительная часть этих поступлений попадала в обращение, основная же масса шла на ювелирные изделия. Поэтому независимо от способов ввоза монет из империи (мирная торговля, выкуп за пленных и военные контрибуции) постоянным требованием «варваров» оставалось соблюдение определенного стандарта чистоты серебра. Этому стандарту отвечали денарии, выпускавшиеся до начала III в., с чем римские партнеры вынуждены были считаться.

Если значительная часть монет могла попасть в восточноевропейские земли во время «готских» войн середины III в., то пик импорта греко-римских товаров приходится на IV в. Из античных областей к племенам черняховской культуры и культуры карпатских курганов и в меньшей степени к киевским и вельбарским племенам поступали вино и масло в амфорах, стеклянная и краснолаковая посуда, бусы и т. д. Древние авторы упоминают о сбыте среди «варварских» народов Европы дорогих тканей. В этой связи интересно напомнить находку золотой парчи в одном из погребений Переяславского могильника [Гончаров, Махно, 1957.— С. 134].

Доминирующим видом импортных изделий на памятниках культур Восточной Европы позднеримского времени* являлись амфоры (рис. 88. 1—7). Светлоглиняные узкогорлые сосуды производились в малоазийском центре, скорее всего Синопе, на южном берегу Черного моря [Шелов, 1978]. На памятниках IV в. находят амфоры «инкерманского типа» (тип F, по Д. Б. Шелову) (рис. 88, 2). На их горле и плечиках иногда краской нанесены греческие надписи. Целые экземпляры обнаружены на черняховских памятниках Максимовка, Викторовка, Каменка-Анчекрак, Чубовка и других, в карпатских курганах у сел Гапковка и Глубокое. Реже встречаются светлоглиняные амфоры «танаисского типа» (тип D) второй половины III в. (рис. 88, 1). Целая амфора найдена на поселении Беседовка (по-видимому, киевская культура). Наиболее поздние узкогорлые светлоглиняные амфоры (тип E) конца IV — начала V в. обнаружены на черняховском поселении Каменка-Анчекрак, городище Александровка, поселении киевской культуры Роище (рис. 88, 6). На всех черняховских поселениях Северного Причерноморья IV — начала V в. встречаются обломки широкогорлых красноглиняных амфор «типа Делакеу» (по Э. А. Рикману)

(рис. 88, 5). В глубинные районы Восточной Европы они доставлялись редко из-за больших размеров (высота 62—93 см). Целые экземпляры известны в Комарове, Делакеу, Каменке-Анчекрак, Александровке. С поселения Комаров происходят пять сосудов, близких по пропорциям к светлоглиняным «инкерманским» амфорам, а также амфора с узким воронковидным горлом и раздутым корпусом. Широкогорлые рифленные амфоры найдены в Репневе, Ягнятине и Фрунзовке.

Глиняная импортная столовая посуда, обычно краснолаковая (рис. 88, 9—12), известна на многих карпатских и черняховских памятниках, на киевских встречается редко (Абидня). В большинстве это продукция малоазийских центров. Уникальными для черняховской культуры являются обломки краснолаковых чаш с рельефным орнаментом из Черепина. На одном изображен воин в шлеме и панцире, со щитом. Сосуды изготовлены в Галлии во II в. Большое количество античной краснолаковой керамики встречено на черняховских памятниках Причерноморья. Кувшины первой половины IV в. с каплевидным и веретенообразным корпусами найдены в Каборге или Каменке-Анчекрак. Ко второй половине IV в. относятся широкодонный кувшин из Ранжевого (рис. 88, 9) и, возможно, кувшины из Викторовского и Коблевского могильников.

Импортные сосуды без краснолакового покрытия встречаются реже. В погребениях могильника Каменка-Анчекрак найдены два кувшина конца IV в. с рельефным корпусом, на узкой ножке, по форме напоминающие амфоры с одной ручкой. Один из них, изготовленный из бурой плотной глины с примесью слюды (рис. 88, 10), по-видимому, происходит из мастерских о-ва Самос, а второй — из рыхлой красной глины — является северопричерноморским подражанием. Помимо кувшинов на причерноморских памятниках встречаются импортные блюда и миски.

Однотипные краснолаковые блюда с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком происходят из раскопок поселений Каменка-Анчекрак, Викторовка

* Наиболее полная сводка римских импортов в Восточной Европе дана В. В. Кропоткиным [1970 б].

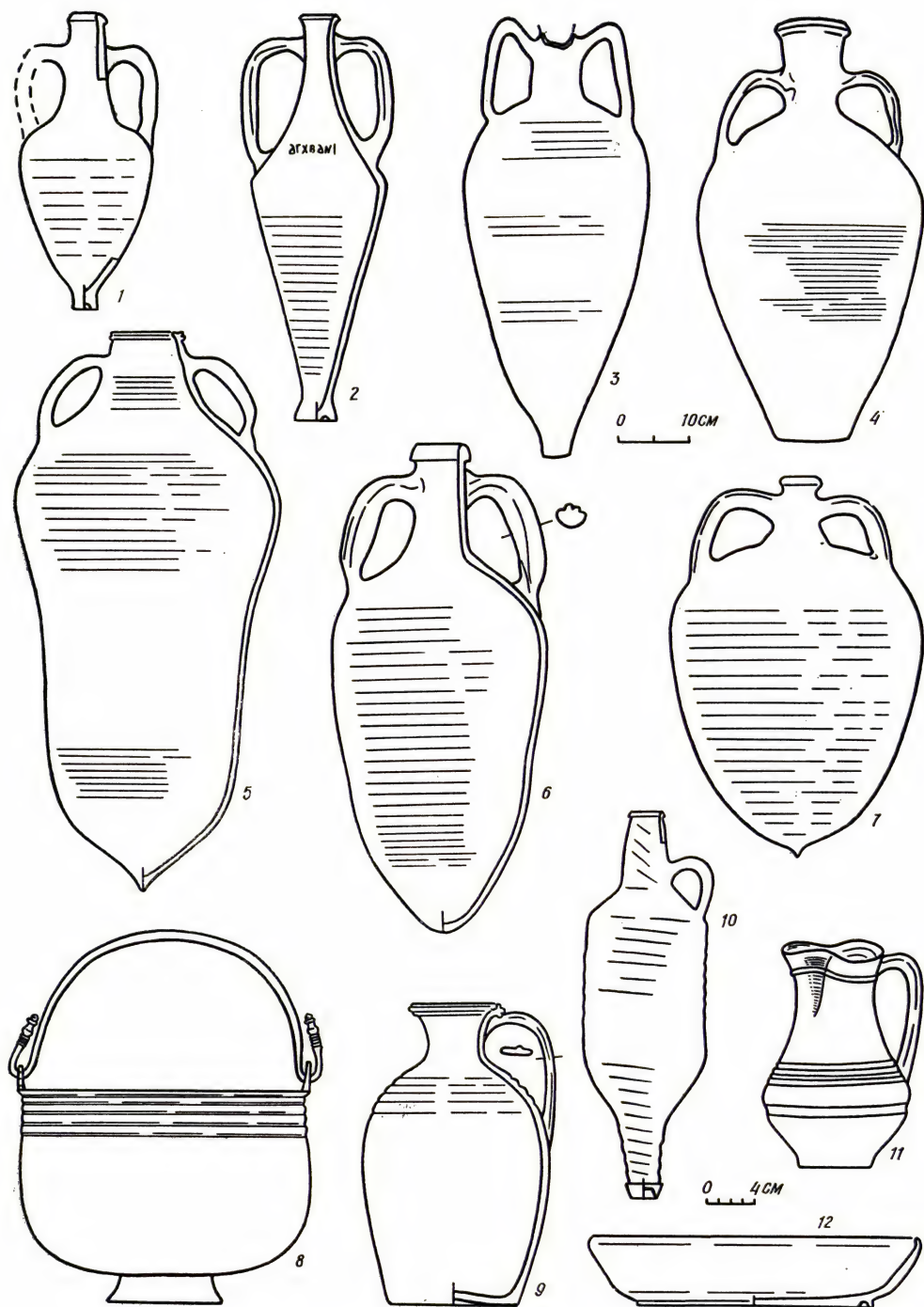

Рис. 88. Импортная посуда второй четверти I тыс. н. э.:

1 — Беседовка; 2 — Чубовка; 3 — Каменка; 4 — Нижний Струтень; 5, 6, 10, 12 — Каменка-Анчекрак; 7 — Коровинцы; 8 — Рудка; 9 — Ранжевское; 11 — Холмское. 1—7, 9—12 — керамика, 8 — бронза.

и могильника Сычавка (рис. 88, 12). Посуда такого типа хорошо известна на многих позднеантичных памятниках Северного Причерноморья, а в Танаисе обломки этих блюд составляют большинство среди краснолаковой керамики в слоях конца IV — начала V в. [Арсеньева, 1981]. В Каборге найдены типологически близкое блюдо и миска IV в., а также миниатюрная мисочка второй половины II—III в.

В Днестровско-Прутском междуречье одноручные краснолаковые кувшины известны на памятниках в Готештах и Варваровке, двуручные — в Бендерах, широкая чаша — на селище Будешты. В Поднепровье целые краснолаковые кувшины встречены на могильниках Черняхов, Каменка-Днепровская, Гавриловка.

На южных черняховских поселениях в небольшом количестве встречается сероглиняная импортная керамика, производившаяся в мастерских северопричерноморских античных городов.

Античные светильники обнаружены только на памятниках со следами пребывания выходцев из Римской империи — Комаров, Собарь, Каменка-Анчекрак. На последнем найден экземпляр, украшенный рельефными рубчиками и точками. Такое оформление является отличительным признаком светильников, производившихся в Херсонесе в середине — второй половине IV в., что дает основания для предположения о существовании торговых связей черняховских племен с Крымом.

Металлическая посуда римской эпохи поступала в Восточную Европу в гораздо меньшем количестве, чем глиняная или стеклянная. Есть основания полагать, что значительная часть бронзовых и серебряных сосудов оказалась здесь не торговым путем, а в результате военных походов как добыча или подарки военачальникам от римлян. Она имела большую ценность, поэтому ее нередко находят в составе кладов [Кропоткин, 1970б. — С. 85—98].

Клепанный бронзовый котелок найден вместе с римскими монетами и кольцом от пряжки IV в. у с. Черница Житомирской области. Один из обнаружен-

ных в Киеве кладов римских монет помещался в бронзовом сосуде, напоминающем ведро (ситула?). Подобным образом клад денариев из окрестностей с. Жигайловка Сумской области был спрятан в бронзовой посудине «в виде сулеи самой старинной формы». Через 160 лет, в 1964 г., в тех же местах найден узкогорлый серебряный кувшин без ручки с изображением военных сцен и охоты, изготовленный в Константинополе на рубеже IV—V вв. Похожий серебряный кувшин, а также серебряная фляга яйцевидной формы встречены у с. Борочицы Волынской области. В них было насыпано около 1500 денариев. По некоторым сведениям, здесь же находилось золотое блюдо. Серебряное блюдо и римские монеты найдены близ г. Борзна Черниговской области.

К концу IV — началу V в. относятся вещи из погребения неизвестного вождя у с. Концешты на р. Прут (Молдавия) [Matzulewitsch, 1929. — S. 123—137]. Помимо варварских золотых украшений со вставками из цветных камней, гривны, погребального венка, деталей конского убора и тому подобного там найдены вещи, происходящие из Римской империи. Серебряные сосуды изготовлены в мастерских Константинополя: большое блюдо (диаметр 55 см), украшенное черным рельефным орнаментом, изображениями людей и животных; ведро с рельефными фигурами нимф, Леды и лебедя, Аполлона и Дафны; двуручный кувшин-амфора с ручками в виде кентавров. На корпусе сосуда размещены три фриза с изображением охотничьих и военных сцен. Кроме того, в погребении обнаружены серебряные орнаментированные детали складного стула и железный шлем с гребнем и нащечниками, покрытый серебряными позолоченными склепанными пластинками. Самые роскошные позднеантичные золотые сосуды IV — начала V в. входили в известный Петроасский клад на территории Румынии [Федоров, 1973]. Помимо украшений в его состав входили высокий одноручный кувшин, массивное блюдо, патеры с рельефным изображением богов и животных, две ажурные чаши с ручка-

ми в виде леопардов, украшенные драгоценными камнями.

На Волыни, на могильнике III в. Деревянное, обнаружена металлическая патера I в. н. э.; бронзовый котелок II в. найден на могильнике Городище, в упоминавшемся погребении второй половины III в. из Рудки — котелок галло-римского типа (тип Хеммоор) (рис. 88, 8) и бронзовая миска. В Молдавии, на могильнике Ханска-Лутерия, раскопаны поврежденные огнем обломки двух итальянских бронзовых сосудов. Обломок дужки ведра итальянского изготовления найден на могильнике Косаново, в погребении воина (№ 86) из Компанийцев — невыразительные фрагменты серебряного сосуда. Фрагменты металлической посуды известны и в киевской культуре (Абидня). В большинстве случаев довольно трудно связывать клады с определенной археологической культурой.

Одним из важных предметов ввоза на восточноевропейские земли из римских провинций являлась стеклянная посуда, представленная почти исключительно кубками (рис. 89, 1—12). Подавляющее количество находок сосредоточено на черняховских памятниках. В пределах киевской культуры осколки стеклянных сосудов зафиксированы только в Тайманове.

Небольшое количество стеклянных изделий производилось в Восточной Европе. Однако продукция упоминавшейся мастерской в Комарове значительного распространения не получила. Следы стеклоделательных мастерских обнаружены и в античном Северном Причерноморье, но и их деятельность почти незаметна в материальной культуре окружающего населения [Щапова, 1983. — С. 163]. Основную массу стеклянной посуды восточноевропейские племена получали из более отдаленных мест. Многочисленные аналогии кубкам свидетельствуют об их рейнском или ближневосточном происхождении. Греческие надписи на кубках из Малаешты, Комарова, Ранжевого позволяют прийти к выводу, что большинство стеклянных сосудов импортировалось из восточнопровинциальных мастерских (Египет, Сирия).

На многих памятниках черняховской культуры встречаются осколки кубков с цилиндрическим корпусом и массивным полусферическим дном, украшенных четырьмя рядами шлифованных овалов (тип Ковальк, по Г. Рау) (рис. 89, 6). Изготовлены они обычно из прозрачного желто-зеленоватого стекла. Целые экземпляры найдены в погребениях второй-третьей четверти IV в. могильников Черняхов, Журовка, Гнатки, Жовнин, Сад, Вилы-Ярузкие и др. Близкий, несколько более ранний тип (Сакрау II, скорее всего вторая четверть IV в.) — полусферической формы. Эти сосуды также украшались шлифованными овалами в два-три ряда (Черняхов, Переяслав-Хмельницкий) или же дополнялись резными линиями, обрамляющими овалы (Косаново, Гавриловка, Фрунзовка). Известны экземпляры из красного стекла (Малаешты).

В гуннское время входят в моду по-разному оформленные кубки конической формы (рис. 89, 7—9, 12). Толсто-стенные изделия украшены глубокими шестиугольными фасетками (Гавриловка, Ранжевое). На одном из двух ранжевских кубков вырезана греческая надпись «Пей, да поживай со всем домом». В отличие от большинства прозрачных зеленоватых кубков этот экземпляр изготовлен из слабо проницаемого вишневого стекла. Чаще встречаются тонкостенные конические кубки, иногда скромно декорированные редкими горизонтальными линиями (Данилова Балка, Малаешты, Журовка, Гавриловка и др.). В Журовке и Косанове найдены конические сосуды, орнаментированные зигзагами из толстых напаянных нитей из синего или зеленоватого стекла. К наиболее поздним коническим кубкам относятся экземпляры с большими овалами из напаянных нитей, на ножке или узком поддоне (тип Косино, V в.) (рис. 89, 10). Кубок из Малаешты украшает надпись «Пей, да поживай вечно». Сосуды этого типа найдены также в Индепенденце и Извоаре в Румынии и Холмском. Приблизительно в этот же период (первая половина V в.) попадает в Восточную Европу желтоватая полусфе-

Рис. 89. Импортные стеклянные кубки второй четверти I тыс. н. э.:

1 — Рудка; 2 — Нижний Струть; 3 — Черняхов; 4 — Переяслав-Хмельницкий; 5 — Гавриловка; 6 — Сад; 7, 9 — Ранжеево; 8 — Данилова Балка; 10 — Холмское; 11 — Журовка; 12 — Коса-ново.

рическая чаша с напаянными синими глазами (Журовка) (рис. 89, 11).

Полусферическая форма характерна для части изделий второй половины III — начала IV в. Сосуды этого времени более разнотипны, чем описанные выше (рис. 89, 1—4). Одна чаша из Косанова на кольцевом поддоне не имеет дополнительной орнаментации, у другой под венчиком напаяна спиральная нить. Иногда полусферические сосуды декорированы накладными вертикальными ребрами (Черняхов, Бережанка). Низкий кубок из Переяслав-Хмельницкого могильника изготовлен из зеленого стекла слоистой структуры.

На погребальных памятниках культур карпатских курганов и вельбарской известны немногочисленные кубки, оформленные накладными нитями бледно-желтого и голубого цветов. В богатом вельбарском погребении в Рудке найден кубок из зеленоватого стекла с орнаментом в виде овалов, пересеченных горизонтальной линией (тип 199, по Х. Ю. Эггерсу, III в.) (рис. 89, 1). Высокий сосуд с вертикальными линиями и зигзагами белого и голубого цветов (тип 189, по Х. Ю. Эггерсу) происходит из погребения III в. в Городнице.

Из остальных видов стеклянных изделий в массовом количестве ввозились бусы. Спросом пользовались пряслица из зеленого или синего стекла (Волошское, Привольное, Черепин, Викнины Великие, Иванковцы, Будешты и др.), а также жетоны для счета или игры (*calculi*) [Сымонович, 1964; Кропоткин, 1970б. — С. 41]. Эта игра стала известна среди восточноевропейских племен в позднеримское время. Иногда жетоны находят целыми наборами. В погребении № 5 Переяслав-Хмельницкого могильника лежали 11 белых и 11 черных жетонов. Такие находки широко известны в Северной и Центральной Европе. Стеклянные жетоны найдены в Косанове, Привольном, Репневе, Фрунзовке, Кантемировке, Рудке, Гавриловке, Лепесовке, Журовке и др. Кроме перечисленных изделий из стекла на черняховских памятниках встречаются кольца: витые трехцветные и синие (Каборга, Глеваха).

Наиболее массовой группой импортных изделий на восточноевропейских памятниках позднеримского времени являются бусы из стекла, фаянса и полудрагоценных камней (см. рис. 32, 1—7). Стеклянные бусы разнообразны по форме и размерам — параллелепипед, октаэдрические (14-гранные), цилиндрические, округлые, встречаются бусины-подвески в виде когтя, разделители с двумя параллельными отверстиями для сложных ожерелий. Различны оттенки прозрачного стекла; встречаются изделия глухого черного цвета, молочно-белые. Полихромные экземпляры украшены цветными нитями или «глазками». Химическим анализом установлено, что бусы из некоторых черняховских памятников изготавливались в мастерских Египта и европейских провинциях Рима [Щапова, 1978б]. Рубленный бисер привозили с Ближнего Востока. Изредка встречаются фаянсовые голубые бусы и желто-зеленый бисер, которые, как и все фаянсовые изделия, изготовлены в Египте.

Сердолик в античную эпоху добывали во многих местах. Плиний называет Персию, Индию, Аравию, Египет, Парос. В Северное Причерноморье сердоликовые бусы привозили, по-видимому, в готовом виде, хотя на поселении Балцаты найден необработанный кусок этого камня. У черняховских племен широко распространился один тип сердоликовых бус — уплощенные 14-гранные. Только в ранних комплексах встречаются шарообразные бусы из сердолика и горного хрусталя (Каборга). Известны бусы из коралла.

Существование торговых связей (несомненно, транзитных) между Восточной Европой и берегами Индийского океана подтверждается частыми находками морских раковин-амулетов в черняховских погребениях (Ромашки, Черняхов, Гавриловка, Привольное, Ружичанка, Кobleво, Индепенденца и др.). Из Южной Аравии привезены и куски ладана, положенные в погребения из Бережанки и Курников. Возможно, возкурение ладана связано с отправлением религиозных культов.

Культовое значение для местных

племен имели и античные бронзовые статуэтки. На территории описываемых племен их найдено около полутора десятков [Кропоткин, 1970б.— С. 122—123]. Большинство изображает египетские божества: Озириса, Гора, Исида, Исида с Гором. Известны статуэтки Венеры и сатиров. В Среднем Поднестровье найдены два бронзовых изображения фаллосов с крылышками и кольцами для подвешивания. Статуэтка коня из Степного Побужья (с. Кринички) связана с черняховским поселением [Сымонович, 1958], остальные находки случайны. Обломки терракоты, изображавшей, по-видимому, птицу, обнаружены на Каборгском могильнике.

Остальные категории вещей провинциально-римского происхождения попадали в Восточную Европу нерегулярно и не являлись предметами массовой торговли. Среди них можно назвать бронзовый медицинский пинцет из Ружичанки, роговой наконечник ножен из Лепесовки, фрагмент бронзового пса из Косанова, провинциальные фибулы.

Важным, хотя и малозаметным фактором экономической жизни славян накануне образования Древнерусского государства была внутренняя обменная торговля. Раннесредневековые славяне вели в основном натуральное хозяйство, обеспечивая себя большинством необходимой продукции. Вместе с тем они постепенно включались в процесс обмена, чему способствовало углубление специализации металлургического, кузнечного и ювелирного производств. Относительная их сложность, требовавшая специальных навыков, способствовала выделению ремесленной прослойки, занятой в производственной сфере, недоступной рядовым сельским общинам.

Ремесленники обеспечивали землевладельцев усовершенствованными орудиями труда (наральники, мотыжки, серпы и пр.), что вело к повышению производительности в земледелии, расширению обрабатываемых площадей, а вместе с тем к увеличению производства товарного хлеба, часть которого шла в обмен на ремесленные изделия.

То есть сельскохозяйственное и ремесленное производства способствовали развитию друг друга. Ремесленники все больше освобождались от занятости в сфере сельскохозяйственного производства, обеспечивая себя за счет реализации ремесленной, товарной продукции. Свидетельством этого могут служить металлургические центры в Гайвороне и Григоровке [Бидзиля, 1963.— С. 123—144; Артамонов, 1966]. Крупным ювелирным центром было Пастырское городище [Приходнюк, 1980.— С. 102—109].

Кроме готовых ремесленных изделий предметом обмена становилось и сырье — полуфабрикаты. В частности, на поселении Семенки на Южном Буге обнаружена заготовка из стальной полосы, свернутой в пятислойный пакет размерами $8 \times 2 \times 1,5$ см. На Луке-Каветчинской в Среднем Поднестровье найдены две полоски стали, изготовленные из такого же пакета. По мнению специалистов, торговля железом (полуфабрикатами) вне рамок общинного рынка развивалась даже быстрее, чем торговля кузнечной продукцией. Железо на славянских землях являлось не только предметом торговли, но и всеобщим эквивалентом стоимости [Pleiner, 1961.— Р. 18].

Если для добычи черных металлов сырьевая база в виде болотных руд в Восточной Европе была повсеместной, то сырье для цветных металлов на этой территории отсутствует. Местные ювелиры обрабатывали привозной цветной металл, поступавший, по-видимому, в обмен на сельскохозяйственную продукцию и пушнину в виде слитков, аналогичных найденным на поселении Хитцы и городище Селиште. Они имеют форму удлинненной гривны длиной около 12 см. Вместе с тем слитки могли служить эквивалентом стоимости при торговых операциях. Наиболее вероятно, что медь в Восточную Европу завозилась из Трансильвании, а серебро — из Чехии, где разработка этих полезных ископаемых ведется с глубокой древности.

В состав некоторых кладов мартыновского типа входили предметы византийского происхождения. Скорее

всего, это были дары или военная добыча, а не предметы попавшие в Среднее Поднепровье в результате торговых операций.

Сказанное тем более вероятно, что в третьей четверти I тыс. н. э. наличие торговли между народами Восточной Европы и Причерноморья слабо прослеживается археологически. На основных пеньковских территориях известны единичные изделия византийского происхождения: фрагменты крупных широкогорлых красноглиняных амфор, покрытых по корпусу глубоким и густым рифлением (Будище, Стецовка, Семенки, Ханска II, Селиште и др.), цельнолитые фибулы дунайско-византийского типа (Волошское, Ханска II).

Незначителен и приток византийских монет. В исследуемом регионе, к востоку от Днестра, обнаружено всего около десятка монет императоров Юстина I (518—527), Юстиниана (527—565), Юстина II (565—578), Маврикия (582—602), Ираклия (610—641) и Константина II (654—659). Это местонахождения из сел Кичкас, Фурсы, Максимовка, Жаботин, Зимно и др. На острове возле с. Майстров в Надпорожье в 1851 г. найден клад из нескольких сотен золотых византийских монет в глиняном горшке. Из них сохранилась одна монета Ираклия [Кропоткин, 1962.— С. 31—37].

На сравнительно небольшой территории Прут-Днестровского междуречья, расположенного вблизи Подунавья, обнаружено около 20 византийских монет, отчеканенных в середине и третьей четверти I тыс. н. э. Наиболее ранние из них принадлежат Маркиану (450—457) и Анастасию (491—518), а наиболее поздние — Фоке (602—610). Такие монеты найдены в селах Будей, Шерпены, Колибаш, Кымпень, Салкуца, Вышкауцы, Слободзея-Маре, Делакеу и других местах. Они присутствовали в раннесредневековых комплексах на поселении Ханска II, Лопатна, Требужны [Кропоткин, 1962.— С. 33, 40; 1965.— С. 180—181; Нудельман, 1974а.— С. 208—209; 1974б.— С. 194—195; Рафалович, 1972.— С. 40.— Рис. 9, 1—3].

Иной была ситуация на Левобережье Дуная, в регионе Восточнокарпатской Румынии, куда в третьей четверти I тыс. н. э. продвинулись восточнославянские племена. Здесь находки византийских монет исчисляются сотнями. Они обнаружены в Вамешь-Галоци, Стышчешти-Ботошане, Яссах, Ботошане-Сучаве, Бакэу, Цыбукане-Нямц, Дулчешти-Роман, Кукорени-Ботошане, Боичени и многих других местах [Teodor, 1978.— р. 23]. В уезде Галици найден клад из 28 монет Анастасия и Юстина I, а в Мовилени того же уезда — клад, состоящий из 26 монет Тиберия II и Маврикия. Клад из 30 монет, принадлежащих Юстиниану I, Юстину II, Маврикию и Фоке, выявлен в Хоргешти уезда Бакэу [Teodor, 1978.— Р. 23; Dimiam, 1957.— Р. 196—197; Capitanu, 1971.— Р. 255—268].

По наблюдениям специалистов, в Подунавье и примыкающих к нему районах византийские монеты находились во внутреннем обращении с V по VII в. [Dimiam, 1957.— Р. 203].

Расцвет притока монет на территории к северу от Дуная приходится на период правления Юстина I и Юстиниана, постепенно сокращается при Юстине II и совершенно прекращается во времена Тиберия (578—582). Последнее объясняется активизацией авар в Подунавье. При Фоке монетное обращение вновь достигает кульминации и сокращается с восхождением на трон Ираклия, что связано с аваро-славянскими разгромами придунайских провинций Византии [Янкович, 1980.— С. 179]. Почти полностью прекращается приток византийских монет на Левобережье Дуная при правлении Константина IV Погоната (668—685) [Чаллань, 1952.— С. 235—250; Фехт, 1964.— С. 57—59]. Д. Чаллань, изучавший вопросы денежного обращения в Подунавье, такое явление связывает со вторжением болгар во главе с Аспарухом и образованием первого Болгарского царства, признанного в 681 г. Византией. Создание Болгарского царства привело к временной изоляции Карпато-Дунайских земель, что негативно сказалось на экономических связях с Византией и денежном обращении

в этом регионе [Чаллань, 1952.— С. 245—250].

Прекращается приток византийских монет и на восточнославянские земли. В Среднем Поднепровье и на Левобережье Днепра известны немногочисленные арабские монеты последней четверти I тыс. н. э. Это находки из Киева (6 экз.), городищ Монастырек (3 экз.), Княжья Гора (1 экз.), Зарубинцы (1 экз.) и случайные местонахождения близ Киева. Среди них наиболее древним является дирхем халифа Хишане чеканки 742—743 гг., обнаруженный на городище Монастырек, а наиболее поздний — аббасидский дирхем халифа ал-Мамунд, отчеканенный между 813 и 815 гг. и найденный на городище у с. Зарубинцы [Беляшевский, 1889.— С. 38; Антонович, 1895.— С. 31; Марков, 1910.— С. 14; Каргер, 1958.— С. 210; Мезенцева, 1968.— С. 119; Кропоткин, 1968.— С. 78; Котляр, 1971.— С. 41; Максимов, Петрашенко, 1980.— С. 299].

На Левобережье Днепра арабские монеты известны по находкам из Донецкого городища, Райгородка, Змеева, Купянска, Великой Чугуевки, Верхнего Салтова и Новотроицкого городища. Старшей среди них является монета из Верхнего Салтова чеканки 746—747 гг., а наиболее молодой — из Новотроицкого городища чеканки 833 г. [Кропоткин, 1968.— С. 78; Котляр, 1971.— С. 41].

На Левобережье Днепра открыто три клада монет: первый из городища Новотроицкого, состоящий из 10 монет, младшая из которых относится к 818—849 гг.; второй из Новых Млынов, насчитывающий около 80 монет, старшая из которых отчеканена в 787—788 гг.; третий — из Ярыловичей — содержал 285 монет, младшая из которых отчеканена в 820—821 гг.

Показательно, что во многих арабских монетах были отверстия. Они использовались как подвески, а не как денежные знаки.

Вопрос о том, как попадали арабские монеты на восточнославянские территории, довольно сложный. П. Г. Любимов считал, что они поступали сюда через хазарский Итиль

[1928.— С. 17—20]; В. Л. Янин — что волжским путем, через Булгар [1956.— С. 104—105]; а В. В. Кропоткин и др. — через Хазарский каганат [Кропоткин, 1978.— С. 11—117; Котляр, 1971.— С. 23—24].

Как видим, на основных славянских территориях византийские и арабские монеты встречаются редко. Поэтому исследователи, занятые изучением экономических связей народов Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, вполне справедливо считают этот период безмонетным, то есть таким, когда монетные знаки отсутствовали во внутреннем обращении местных племен.

7. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассмотрев основные стороны хозяйственной деятельности племен различных археологических культур рубежа новой эры — первой половины I тыс. н. э., принимавших участие в процессе этногенеза славян, а также культуры исторических славян второй половины I тыс. н. э., перейдем к определению главных тенденций общественного развития этого населения.

Несмотря на обширную историографию, проблема реконструкции социально-экономических отношений в славянской среде еще далека от окончательного решения, о чем красноречиво свидетельствует огромное число разных, нередко взаимоисключающих мнений по вопросам общинных связей ранних и восточных славян. Одни исследователи видят их территориальными уже в начале второй половины I тыс. н. э. [Довженко, 1969.— С. 36], другие и в верви Русской Правды усматривают только переходную ступень от общины родовой к основанной на частной собственности [Фроянов, 1972.— С. 97]. Каковы же источники, позволяющие судить об уровне общественной организации славянских племен?

Среди письменных источников наибольший интерес представляют очень отрывочные сведения византийских и

арабских авторов VI—X вв., а также ряд сообщений древнерусских летописей. Так, Прокопий Кесарийский пишет, что склавины и анты VI в. «живут в народоправстве (демократии.— *Авт.*) и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [Мишулин, 1941.— С. 240].

Естественно, археология не в состоянии ответить на многие из вопросов, волнующих историка, однако необходимо подчеркнуть первостепенную значимость археологических открытий последних десятилетий. При скудности письменных источников археологические данные расширяются с каждым годом, причем в ряде случаев они вполне определенно и объективно позволяют судить об особенностях общественной организации славянских племен.

Археологические материалы в основном привлекались исследователями, рассматривавшими славянскую социальную структуру конца I тыс. н. э., накануне образования Древнерусского государства. Так, на основе изучения лесостепных поселений VIII—IX вв. И. И. Ляпушкин пришел к выводу, что в жилищах площадью 10—20 м² проживали малые семьи, состоящие из четырех-пяти человек. Группа поселений, «гнездо», свидетельствовала о существовании соседской общины, одну из пружин развития которой исследователь видел в борьбе между «старыми коллективными устоями жизни... и нарождающимися индивидуальными (частнособственническими)». «Первоначально земля подвергается периодическим переделам, а в конце концов делится навсегда. Лишь выгоны, сенокосы да лесные угодья остаются в общинном пользовании» [Ляпушкин, 1968.— С. 167]. Однако на основании последних данных можно прийти к выводу, что периодические земельные переделы являлись для Руси нововведением [История крестьянства, 1985.— С. 237]. Тем не менее возросший дуализм в отношении собственности, несомненно, имел место.

Широко использовал археологические источники для характеристики общественных отношений славян середи-

ны — второй половины I тыс. н. э. и П. Н. Третьяков. В отличие от И. И. Ляпушкина он уделял основное внимание памятникам лесной полосы Восточной Европы, в частности Подесенья. Поселения этого региона, нередко состоящие из нескольких жилищ, исследователь рассматривал как «патронимии» — группы семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной общины [Косвен, 1963.— С. 97]. В целом, деснянские памятники второй половины I тыс. н. э., по мнению П. Н. Третьякова, носили общинный характер [1974]. Групповое расположение подсобных сооружений, вероятно, свидетельствует о тесных родственных и хозяйственных связях жителей поселения. Их следует рассматривать как единый двор патриархальной семьи [Русанова, 1973.— С. 23].

Плодотворная попытка создания социальной типологии поселений на единой методической основе предпринята Б. А. Тимощуком. Основой работы послужили селища VI—X вв. Северной Буковины, расположенные в лесах или на древних пастбищах. Специфические условия способствовали тому, что на месте котлованов древних полуземляночных жилищ до настоящего времени сохраняются западины. Раскопки ряда памятников подтвердили правильность сделанных наблюдений. Б. А. Тимошук привлек также материалы, полученные при раскопках поселений других славянских территорий. По его мнению, для всех периодов развития славянской культуры VI—X вв. характерны селища — патриархальные семьи, селища — группы патриархальных семей и селища — общинные центры [1985.— С. 3—24]. Для последних веков этого периода, кроме того, типичны миниатюрные селища — нераздельные семьи и селища — группы малых семей.

Прежде чем предложить собственную реконструкцию общественных отношений славян второй половины I тыс. н. э. и их прямых предшественников, остановимся на некоторых методических вопросах, связанных с этой проблемой.

В настоящей работе рассматриваемая проблема ограничена рамками I тыс. н. э.

Как показано выше, во второй половине этого периода на обширной территории фиксируются различные археологические культуры, принадлежащие историческим славянам и восходящие к культуре Древней Руси. Им предшествуют памятники киевской культуры и ряд черняховских северного региона. В свою очередь, происхождение древностей III—V вв. связано с позднзарубинецкими памятниками I—II вв. и синхронными пшеворско-зарубинецкими памятниками волыно-подольской группы. Нижним достоверным звеном «цепочки» родственных культурных групп являются зарубинецкая культура и, не исключено, некоторые памятники пшеворской культуры, связанные с присутствием на территории Польши праславянского населения.

При реконструкции уровня развития общинных отношений будем основываться главным образом на материалах поселений, дающих в целом более объективную (а для вышеуказанных культур — и более богатую) информацию о жизни их обитателей, чем погребальные памятники. Материалы славянских могильников с трупосожжением могут быть использованы только для сравнения с другими данными.

Помимо общего уровня и некоторых особенностей хозяйственного развития отдельные исследователи для решения интересующей нас проблемы пытались использовать размеры и типы жилых построек. В частности, небольшие размеры полуземлянок, характерных для славян юга Восточной Европы, являлись, по их мнению, доказательством существования территориальных, а не родовых связей [Ляпушкин, 1958.— С. 244; Березовец, 1963.— С. 157], что вызвало справедливую критику [Мавродин, Фроянов, 1978.— С. 128; Седов, 1982.— С. 243]. Действительно, уже в палеолите известны небольшие одноочажные жилища. Видимо, сами по себе размеры жилых построек не могут быть единственным критерием при реконструкции социальной структуры жителей поселения той или иной культуры. В этом плане перспективно только полное изучение селищ как целостных организмов [Массон, 1976.—

С. 130]. К сожалению, такие материалы немногочисленны.

Вероятно, необходимо учитывать следующие моменты, прослеженные на полностью раскопанных поселениях или памятниках, исследованных широкими раскопками: 1) размеры жилых построек и некоторые детали их интерьера (количество отопительных сооружений, камер и пр.); 2) взаиморасположение жилых и хозяйственных сооружений (ям-погребов, построек, открытых очагов и т. д.); 3) общие размеры поселений и количество одновременно функционировавших на них жилищ и иных сооружений. Принимая во внимание, что во всех рассматриваемых в данном случае культурах жилища представлены однокамерными постройками, имевшими, как правило, одно отопительное сооружение, а их площадь не превышала 22 м², этот признак не является определяющим. Исследователи рассматривают такие жилища как место обитания малой семьи, состоящей в среднем из 4—5 [Ляпушкин, 1968.— С. 128] или 6 человек [Приходнюк, 1976.— С. 13]. Аналогичный количественный состав зафиксирован даже в период развитого феодализма [Бакланова, 1976.— С. 36]. Таким образом, определяющими критериями при реконструкции общинных отношений славян юга Восточной Европы являются планировка и размеры поселений.

Без изучения общинных отношений в восточнославянском обществе предгосударственного периода невозможно осветить в полной мере вопросы упадка первобытнообщинного строя и формирования классовых отношений. Для доклассовых обществ основной производственной ячейкой являлась община, существование которой было обусловлено сравнительно низким уровнем развития производительных сил, требовавших обобществления производства и собственности. В литературе существуют различные толкования внутреннего содержания общины. К. Маркс и Ф. Энгельс выделили два основных ее типа — родовую и соседскую. Промежуточным звеном между двумя основными ее формами является большесемей-

ная и земледельческая общины. Последние были основными хозяйственными единицами в период разложения первобытнообщинного строя. При их господстве вначале формируется семейная собственность на движимое имущество. В земледельческой общине сохраняется коллективная собственность на общинные территории, но пользование пахотной землей переходит к отдельным домохозяйствам. Однако и переходные ее формы не оставались статичными, а находились в постоянном развитии.

Для изучения восточнославянской общины предгосударственного периода первостепенное значение имеют археологические материалы.

Среди славянских памятников третьей четверти I тыс. н. э. пражской, пеньковской и колочинской культур наиболее часто встречаются небольшие поселения площадью до 2—3 га. Среди поселений пражской культуры широко исследован ряд памятников в районе Корчака близ Житомира, Кодын близ Черновцов, а также поселения Рашков III, Городок и Лука-Каветчинская. Значительные раскопки осуществлены на таких поселениях пеньковской культуры, как Хитцы, Пеньковка, Стецовка, Кочубеевка, Семенки и Ханска I. В ходе работ исследователям удалось выявить почти на каждом из них несколько этапов существования. Таким образом, в пределах указанных поселений одновременно (даже с учетом нераскопанных участков) существовало 4—7 (Корчак IX, Молочарня, Луг I, Кочубеевка, Кодын I) или 10—15 полуземлянок (Корчак VII, Городок, Семенки, Ханска II). В таких поселках могло обитать от 20—30 до 100 человек.

Особняком для этого периода стоит поселение Рашков III, где раскопано 92 жилища-полуземлянки и 53 хозяйственные ямы. В. Д. Баран делит их на три этапа (рис. 73; 74). В пределах каждого из них одновременно существовало 21—35 жилищ, причем в основном они располагались группами, включавшими от 2 до 7 построек [1985.— С. 4]. Таким образом, на поселении Рашков III одновременно могло проживать от 100 до 200 человек. В одних случаях хозяйственные комплексы и подсобные

постройки размещались компактными группами (Корчак VII и IX, Будище, Кодын I). Причем иногда жилища окружали большую площадку-двор, где находились и хозяйственные сооружения.

Групповое расположение подсобных построек, по-видимому, свидетельствует о тесных родственных и хозяйственных связях жителей небольших селищ, возможно, образовавших ячейки обособленной собственности в виде больших семей. Для последних, как известно, в первую очередь характерны совместное производство, владение средствами производства и другим имуществом, а также сохранение внутри семьи начал первобытного коллективизма. Отметим, что большая семья не является семьей в точном смысле этого слова и обязана своим существованием почти исключительно дворохозяйству [Семенов, 1976.— С. 41]. Дворохозяйство такой семьи иногда обносилось забором — Корчак VII [Русанова, 1973.— С. 23]. Помимо общественных хранилищ на поселениях в небольшом количестве встречались ямы-погребки возле индивидуальных домов. Очевидно, это свидетельствует о том, что конечный сельскохозяйственный продукт, произведенный большесемейным коллективом, частично распределялся между малыми семьями.

Аналогичный характер, по мнению П. Н. Третьякова, имели колочинские памятники Подесенья [1974]. От вышеуказанных поселений отличаются памятники, где хозяйственные сооружения примыкали в основном к отдельным домам (Семенки, Лука-Каветчинская). Подобная планировка, по-видимому, свидетельствует о том, что производство оставалось коллективным, а конечный продукт распределялся между членами общины.

Вместе с тем у раннесредневековых славян существовало индивидуальное сельскохозяйственное производство, что нашло отражение в археологических материалах. Например, на поселении в Городке помимо трех групп домов открыты жилища с хозяйственными постройками. Обособленный двор одного домохозяйства находился в 40 м к югу

от основного ядра Городокского поселения. Он включал жилую полуземлянку, два хозяйственных сооружения, хозяйственную яму и надворный очаг [Приходнюк, 1975.— С. 15.— Рис. 3]. На поселении Семенки вокруг жилища № 25 раскопано семь хозяйственных ям [Хавлюк, 1974.— С. 205.— Рис. 13]. Обособленные дворы прослежены и на поселении Корчак IX [Русанова, 1973.— С. 89.— Табл. 37, 6]. Индивидуальными домохозяйствами являлись дворы, бессистемно разбросанные на значительном расстоянии друг от друга (Кочубеевка). Они выделились в результате развития общественных и экономических отношений, когда сравнительно большая семейная община как хозяйственная единица оказалась экономически невыгодной, так как пахотное земледелие не требовало объединения труда больших коллективов [Довженюк, 1969.— С. 34].

Археологическим свидетельством существования в славянском обществе третьей четверти I тыс. н. э. элементов соседской или территориальной общины служит тот факт, что на некоторых пеньковских поселениях, расположенных на границе со Степью, встречаются юртообразные жилища (Богатое, Чернещина, Осиповка, Стецовка и др.), фиксирующие проникновение кочевнического населения в земледельческую среду. Такое явление совершенно исключается при господстве кровнородственных отношений и возможно лишь при наличии первобытной соседской или территориальной общины, в состав которой могли входить разноэтнические элементы.

Размеры славянских поселений последней четверти I тыс. н. э., принадлежащих культуре Луки-Райковецкой, а также левобережным волынецовской, роменской и боршевской культурам, по сравнению с селищами V—VII вв. увеличиваются. Многие из них приближаются к уникальному для предшествующего времени поселению Рашков III. Широкомасштабные раскопки поселений Рашков I, Монастырек, Канев, Волынцево, Горналь, Титчиха, в результате которых на каждом из них исследовано от нескольких десят-

ков до 100 жилищ, позволяют утверждать, что они принадлежали к нескольким периодам. Так, из 50 полуземлянок, открытых на поселении Новотроицкое, 27 погибли в огне [Ляпушкин, 1958.— С. 52—134], что может свидетельствовать об их одновременном существовании.

Аналогичная картина открыта и на городище Титчиха, где на плато, занятом поселением IX—X вв., жителями было оставлено 35 жилищ. Из них в огне погибли 22 полуземлянки, вероятно, соответствующих определенному этапу застройки [Москаленко, 1965.— с. 150]. Из 80 жилищ полностью раскопанного поселения Рашков I (вторая половина VII — первая половина IX в.) одновременно существовало от 16 до 31 полуземлянки [Баран, 1985.— С. 98—99]. Исходя из сказанного можно предположить, что в конце I тыс. н. э. наиболее крупные поселения объединяли около 30 жилищ или немногим больше. Полученные размеры славянских поселений в целом соответствуют синхронным аграрным поселениям Южной, Центральной и Западной Европы, в которых максимальное число жилищ редко превышает 30 [История крестьянства, 1985.— С. 135, 237, 361]. Скорее всего, значительная численность домов на поселениях Верхнего Прута, где Б. А. Тимощуком в некоторых случаях фиксируется по котлованам-западинам до 200 построек (Черновка II), отражает их общее количество без разделения на этапы [Тимошук, 1985.— С. 19—20].

На ряде рассмотренных выше памятников (Канев, Монастырек, Хотомель), принадлежащих культуре Луки-Райковецкой, дома стоят обособленно, на определенном расстоянии друг от друга. Возле жилищ помимо ям-погребов повсеместно встречаются хозяйственные постройки. Такие дворохозяйства прослежены на поселении Тетеревка, среди поздних объектов в Семенках и др. [Фролов, 1967.— С. 30—34; Хавлюк, 1974.— С. 196]. Появляются селища с рядовой планировкой — на поселении Хотомель жилища вытянуты в два ряда вдоль склона [Русанова, 1973.— С. 24].

За выделением отдельных дворохозяйств малых семей в конце I тыс. н. э., очевидно, стоит переход к соседской земледельческой общине. Этому соответствует и тот факт, что согласно летописям со времени возникновения Киевской Руси в первой половине — середине IX в. налоги взимаются с «дыма», «рала», «плуга» [ПВЛ, 1950. — С. 12]. В данном случае «дым» являлся единицей обложения данью не коллективного, а индивидуального хозяйства. Вряд ли правомерно связывать «дым» с группой жилищ, принадлежащих патриархальной семье [Тимошук, 1985. — С. 12—13], хотя само по себе существование больших семей этого периода как хозяйственной единицы вполне возможно.

Отмеченные изменения в планировке славянских жилищ, связанные с индивидуализацией хозяйства, свидетельствуют, что на славянских территориях с интенсивным развитием социально-экономических отношений, к которым в первую очередь относится Среднее Поднепровье, роль основной производственной ячейки переходит к малой (элементарной) семье. Возможно, это объясняется возросшим уровнем пахотного земледелия, не требовавшего объединения труда крупных коллективов [Довженко, 1969. — С. 34]. Малая семья стала «первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, и именно победа частной собственности над первоначально, стихийно сложившейся общей собственностью» [Маркс, Энгельс. — Соч. — Т. 21. — С. 68]. Индивидуализация хозяйства неминуемо вела к имущественной дифференциации общества. Так, на поселении Шумск на Волыни исследован дом, окруженный 14 хозяйственными постройками, образующими единый комплекс [Русанова, 1976. — С. 52]. Не исключено, что эта богатая усадьба принадлежала старейшине, выполнявшему также обязанности жреца.

Вместе с тем на некоторых поселениях конца I тыс. н. э., как и в предыдущее время, наблюдается групповое расположение жилищ, что свидетельствует о существовании больших семей

с коллективным хозяйством и сельскохозяйственным инвентарем. Очевидно, собственностью такого коллектива являлись орудия, найденные в кладе на поселении Макаров Остров: два наральника, пять серпов, два тесла, два топора, три наконечника копий и др. [Березовец, 1963. — С. 181. — Рис. 20, 1—15]. Надо полагать, что не все славянские общества в пределах юга Восточной Европы развивались одинаковыми темпами. Если для VIII—IX вв. переход к рядовой планировке зафиксирован главным образом на правобережье Среднего Днепра, то на значительной части славянского массива бессистемная застройка и расположение жилищ группами господствовали и через столетия. Очевидно, это явление связано с относительной удаленностью от правобережных районов, где происходило оформление основных институтов Древнерусского государства, а также постоянной конфронтацией с Хазарским каганатом и другими объединениями кочевников.

В силу этих причин в таких районах, как Молдавия, Буковина, а также Днепро-Днестровское Левобережье, архаичные формы общественных отношений в виде семейной общины могли сохраняться вплоть до X—XI вв. Об этом свидетельствует и существование родовых курганных могильников с трупосожжением в перечисленных регионах (Волынцев, Ревно и др.). Жилища на поселениях Екимавцы, Алчедар, Коростоватая I, Новотроицкое, Титчиха преимущественно располагались группами по две — пять построек. Возможно, что небольшие размеры таких групп могут указывать на продолжавшийся процесс распада больших семей в результате выхода из них некоторых малых, что отмечено для поселения Рашков III.

Ячейка обособленной собственности, которой в славянском обществе I тыс. н. э., видимо, соответствовала большая семья, была интегрирована в более крупный социальный и производственный коллектив. Таким коллективом в первую очередь являлась первобытная соседская община, сохранившая в отличие от позднего рода не только социальные, но и экономические функ-

ции. Как свидетельствуют средневековые письменные источники, в славянских государствах община (к этому времени уже соседская или крестьянская) совпадала с селом или охватывала несколько соседних сел, включая хутора, выделившиеся из деревни, но не из общины [История крестьянства, 1985.— С. 361]. Поэтому ретроспективно можно предположить, что «гнезда» небольших славянских поселений второй половины I тыс. н. э., очевидно, соответствовали общине. В случае более крупных поселков, насчитывающих около 30 домов, расположенных несколькими группами, община, видимо, совпадала с таким селищем.

Что касается патриинии — объединения группы родственных семей, происходящих от одного предка и поддерживающих определенные хозяйственные, родственные и идеологические связи [Косвен, 1963.— С. 97], то они представляются второстепенной организацией, по своему значению несравнимой с большой семьей и соседской общиной. Ее универсальный характер не доказан, а поэтому трудно назвать соответствия среди славянских поселенческих культур.

Таким образом, археологические данные позволяют предположить, что в течение второй половины I тыс. н. э. на территории юга Восточной Европы происходил переход от большесемейной общины к собственно соседской или крестьянской общине раннеклассового общества. В этот же период все чаще роль основной производственной ячейки переходит к элементарным семьям, что, видимо, связано с ростом уровня пашенного земледелия. Хозяйственное обособление жилищ малых семей прослеживается по размещению хозяйственных построек и ям-погребов, приуроченных к отдельным домам. Разумеется, полученные результаты не позволяют проследить зарождение характерных черт славянской общины. На основании отрывочных сведений письменных источников в дополнение к вышеизложенным археологическим данным можно заключить, что община этого периода, по-видимому, представляла собой социальный организм, дея-

тельность которого ограничивалась распределением угодий и выморочных земель, а также организацией взаимопомощи.

При переходе от римской эпохи к средневековой в странах Западной и Центральной Европы наблюдается перерыв континуитета развития общины. «Великое переселение народов», романизация Галлии и областей, граничивших с Рейном и Дунаем, вторжение «варварских» народов на территорию Римской империи открыли новую эпоху в социально-экономической истории Европы [История крестьянства, 1985.— С. 126, 135—136]. Что касается славянского общества, то аналогичные процессы происходили несколько позднее — во второй половине I тыс. н. э. Судя по материалам поселений археологических культур, генетически предшествующих славянским древностям V—VII вв., община первой половины I тыс. н. э. по основным признакам полностью соответствовала вышеописанной. Широкое распространение небольших памятников, характерное для V—VII вв., типично и для киевской культуры, ряда северных черняховских поселений, а также предшествующих им позднезарубинецких и пшеворско-зарубинецких древностей I—II вв. Как и в последующее время, планировка таких селищ отличается в деталях, что, возможно, объясняется своеобразием социально-экономического развития различных микрообществ.

Так, среди поселений киевской культуры наблюдаются различные варианты планировки, причем преобладание некоторых из них в целом соответствует этапам развития культуры [Терпиловский, 1984.— С. 71—72]. Такие поселения, как Казаровичи и Лавриков Лес, вытянуты вдоль склона первой надпойменной террасы, причем в последнем случае, по мнению П. Н. Третьякова, все хозяйственные сооружения занимали отдельный участок, а пять жилых полужемлянок размещались обособленно. Поселения Глеваха и Ульяновка отличаются свободной планировкой — застроенные участки, насчитывающие несколько жилищ и хозяйственных ям, далеко разбросаны друг от

друга вдоль края террасы или склонов балки. Отсутствие естественных препятствий вынуждало население занимать наиболее удобные участки. В пределах одного из них (поселение Глеваха) два жилища занимали верхнюю часть склона обводненной балки, а хозяйственные ямы и выносной очаг находились ниже. Вероятно, аналогичным образом размещались жилые и хозяйственные сооружения поселения Вишенки, где два жилища занимали верхнюю часть склона большой дюны, а около 20 ям-погребов обнаружены ниже по склону.

Иная планировка поселения позднего этапа киевской культуры у с. Роище. Основная часть поселения (раскопанного почти полностью) занимала низкий мыс в месте слияния двух ручьев. Пять полуземляночных жилищ размещались неправильной дугой вдоль склона на расстоянии свыше 10 м друг от друга. Вблизи жилищ и между ними обнаружено шесть наземных хозяйственных построек и около 200 ям-погребов. Отдельные жилища и хозяйственные сооружения занимали и противоположный берег ручья. Как видим, четкой локализации ям-погребов не наблюдается, а крупные хозяйственные постройки приурочены к отдельным домам.

Поселениям киевской культуры во многом близка планировка ряда северных памятников черняховского типа, связанных, судя по специфической лепной посуде и особенностям домостроительства, со славянским населением в среде их носителей. Планировку таких поселений можно назвать неупорядоченной — жилища образуют неправильный ряд (дугу) вдоль склона или же размещаются небольшими группами [Баран, 1981.— С. 20—23; Вакуленко, Приходнюк, 1984.— Рис. 3, 4]. Хозяйственные ямы, как правило, встречаются на черняховских памятниках в меньшем количестве, чем на позднезарубинецких и киевских. Проследить взаимосвязь жилых и хозяйственных сооружений здесь значительно сложнее. Во всяком случае ярко выраженных отдельных скоплений они не образуют (Сокол, Теремцы и др.). На поселении

Хлопков ямы-погребов размещаются в основном рядом с обособленными жилыми постройками.

К ранним памятникам киевской культуры по своей структуре близки и некоторые поселения предшествующего периода (I—II вв.). Например, шесть жилищ, исследованных на поселении Картамышево 2, дугой охватывают южный склон дюны, а хозяйственные ямы занимают ее северную часть [Горюнов, 1980.— С. 50—51; 1981а.— С. 48—49]. Аналогична планировка поселения волыно-подольской группы Горькая Полонка II в бассейне р. Стырь. Три хозяйственные постройки и 60 ям-погребов занимали обособленный участок, а пять жилищ с 27 ямами размещались поодаль [Козак, 1985]. Подобная картина прослежена и на поселении Подрожье. Тот факт, что такие поселки принадлежали большим семьям — ячейкам обособленной собственности, подтверждается наличием на поселении Пасеки-Зубрицкие (конец II — начало III в.) специального сооружения, где мололи зерно для нужд всех обитателей [Козак, Пашкевич, 1985].

Вместе с тем среди памятников первой половины I тыс. н. э. известны крупные поселения. Они довольно редки. Так, на территории Юго-Восточной Белоруссии исследовались поселения Абиция и Тайманово, где раскопано несколько десятков жилищ III—V вв., однако сведения о планировке исследованных участков отсутствуют. К несколько более раннему времени относится поселение Оболянь (Дуг IV) в Киеве. Здесь раскопано 56 жилищ и около 1000 хозяйственных ям I—II вв. Жилища размещались более или менее компактными группами вместе с ямами-погребками. Какая часть исследованных объектов существовала одновременно, сказать трудно. Аналогична и структура зарубинецкого городища Пилипенкова Гора (III—I вв. до н. э.), где в нескольких случаях отмечено размещение по кругу 5—7 жилищ [Максимов, 1982.— С. 32—40, 92—97]. Вероятно, внутри такого круга находился общий для данной группы жилищ двор. Большинство хозяйственных ям разме-

щалось между отдельными жилищами.

Очевидно, период существования зарубинецкой культуры совпадает с относительно ранней фазой первобытной соседской общины. Малая семья в зарубинецком обществе, возможно, выполняла отдельные производственные функции, нередко выступая в качестве потребительской ячейки. Вероятно, на таких памятниках, как Пилипенкова Гора, проживало несколько больших семей, составлявших общину. В свою очередь, группы жилищ, размещавшихся по кругу, свидетельствуют о процессе сегментации общинной собственности на собственность большесемейных коллективов, что знаменует грядущие перемены общественной системы у славян. Такую сегментацию общинной собственности можно усмотреть и в традиции распространения в первые века нашей эры небольших поздnezарубинецких поселений, состоящих обычно из нескольких жилищ.

В лесной полосе Восточной Европы в этот период известны и крупные поселения — Оболонь и Почеп состояли не менее чем из нескольких десятков синхронных жилищ. Не исключено, что приведенный факт свидетельствует о неравномерности общественного развития — в лесной зоне темпы индивидуализации хозяйства могли быть ниже, что обеспечивало сохранение здесь архаичных форм социальной организации и в последующий период (Абидня, Тайманово).

Тенденция к выделению небольших поселков, отмеченная для зарубинецкой культуры и поздnezарубинецких памятников I—II вв., достигает своего апогея во второй четверти I тыс. н. э. на киевских и северных черняховских памятниках, а также в генетически связанных с ними древностях исторических славян V—VII вв.

Вместе с тем неравномерность исторического и социального развития в этот период особенно заметна при сопоставлении структуры вышеописанных памятников с крупными поселениями, распространенными в черняховской культуре повсеместно от низовьев Дуная до востока Днепровского Левобережья и от Северо-Западного Причер-

номорья до Среднего Поднепровья. Большинство из них — значительных размеров (от 10 до 35 га), причем постройки образуют нерегулярные ряды, связанные, по мнению исследователей, с наличием дворохозяйств. В то же время поселения, судя по наиболее исследованным участкам в Молдавии, сравнительно редко образуют «гнезда», чаще располагаясь по одному-два. Все это, видимо, указывает на господство в черняховском обществе территориальной (крестьянской, соседской) общины [Рикман, 1975.— С. 74—79]. Ускоренное развитие черняховских племен, вероятно, объясняется вовлечением их в систему социально-экономических отношений римских провинций и политической консолидацией, объединившей этнически разнородные племена и способствовавшей разрушению моноэтнической племенной организации. Определенную аналогию черняховскому обществу можно найти в структуре «варварских» королевств, возникших в середине I тыс. н. э. на территории Подунавья и Западной Европы.

Попытаемся осветить некоторые тенденции развития потестарно-политических образований у славян на протяжении I тыс. н. э. Как отмечалось, для рассматриваемых культур типично расположение населенных пунктов «гнездами» на расстоянии 0,5—2 км между отдельными небольшими поселениями. Причины существования «гнезд» обычно видят в специфических отношениях оставивших их групп населения [Третьяков, 1974.— С. 73—84]. Вместе с тем, вероятно, нередки случаи, когда не все поселения внутри «гнезда» существовали одновременно. Е. А. Горюнов, проследив хронологическую неоднородность некоторых поселений в пределах одного «гнезда», пришел к выводу, что часть поселений в такой группе следует связывать с непрочной оседлостью населения, обусловленной ведением экстенсивного (перелог и подсека) сельского хозяйства [1981.— С. 12].

На протяжении всего I тыс. н. э. такие «гнезда», очевидно, принадлежали одной или нескольким общинам. В свою очередь, группа образовывала

более крупное территориальное объединение, которым являлось племя. Археологическим выражением его, очевидно, можно считать компактные скопления памятников той или иной рассматриваемой культуры, расположенные, как правило, в пределах бассейна какой-либо не слишком большой реки. Высказанное предположение подтверждается сообщением Иордана о различных этнонимах венедов (наиболее общее имя, под которым известны ранние славяне и некоторые другие народы) [Иванов, Топоров, 1980.— С. 21]. Согласно сообщению, венеды делятся на племена, называемые по родам или местам обитания. В данном случае, вероятно, речь идет о первоначальных племенах, соответствующих нескольким группам «гнезд» поселений. По наблюдениям Г. Ловмянского, проанализировавшего ряд более поздних сообщений, такие племена у славян в эпоху раннего средневековья занимали площадь от 2 до 10 тыс. км² [1972.— С. 9]. Таким образом, в пределах таких историко-этнографических общностей, как зарубинецкая или киевская культура, площадь которых приблизительно составляла 100 тыс. км², могло размещаться от 10 до 50 первичных племен.

Развитие племенной организации у славян фиксируется Иорданом для конца IV — начала V в. Готы казнили вождя антов Божа и 70 его старейшин. Под последними, очевидно, имелись в виду вожди первичных славянских племен. Их поражение носило временный характер и не остановило консолидационных процессов в славянском обществе, о чем красноречиво говорит появление союзов племен в VI—VII вв. [Баран, 1981.— С. 176]. Эта эпоха, вероятно, знаменует начало периода военной демократии у славян, что доказывает не только массовое возникновение военных союзов, но и такой надежный критерий, как появление у славян патриархального рабства (для военнопленных) в результате походов на Византию [Морган, 1934.— С. 48; Толстов, 1935.— С. 206; Мишулин, 1941.— С. 241]. Известны сообщения и о славянских военных предводителях. «Война и организация для войны ста-

новятся теперь регулярными функциями народной жизни» [Маркс, Энгельс.— Соч.— Т. 21.— С. 164].

О значении военного нобилитета и, возможно, народного собрания в это время может свидетельствовать сообщение Маврикия о том, что если они соберутся вместе, «то решенное одними тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступать другому... среди них много предводителей и нет между ними согласия» [Мишулин, 1941.— С. 254]. Вероятно, такое положение возникло из-за отсутствия сильного главенствующего рода, что вело к стремлению захватить власть каждым из предводителей племен, входивших в военный союз.

Во второй половине I тыс. н. э., утратив большинство экономических функций, род сохраняет значение как явление надстроечного порядка. Его существование во второй и третьей четверти I тыс. н. э., а в ряде районов и позднее подтверждается, например, характером погребального обряда. Умерших продолжают кремировать на общих для всех площадках. В обрядах, вероятно, принимают участие значительные группы людей. Среди достаточно однородной массы захоронений начинают выделяться погребения, принадлежавшие, возможно, дружинникам. Так, из 112 погребений колочинского могильника Лебяжье два с полной уверенностью можно определить как погребения воинов. В одном из них обнаружен наконечник копья, в другом — удила, ножи, детали престижного пояса. В погребении № 1 могильника Княжий обнаружено два наконечника копий, что соответствует описанию славянских воинов в источниках VI—VII вв. [Липкинг, 1974.— С. 139—147].

В тех же источниках неоднократно упоминается большая добыча, захваченная славянами на землях ромеев [Мишулин, 1941.— С. 252]. Вероятно, основная масса добытых богатств, включая пленных и скот, оседала у племенной верхушки и дружинников. Концентрация значительных ценностей в их среде прослеживается покладам

типа Мартыновского. В состав некоторых из них входили вещи византийского происхождения, которые скорее всего следует считать военной добычей, а не предметом импорта. Сказанное тем более вероятно, что на протяжении V—VII вв. на основных славянских территориях известны лишь единичные изделия византийского происхождения, в том числе монеты.

На протяжении третьей четверти I тыс. н. э. у славян юга Восточной Европы повсеместно создаются союзы племен, в ареалах которых возникают центры сосредоточения институтов власти [Рыбаков, 1982.— С. 42; Толочко, 1982.— С. 43; Седов, 1982.— С. 242—243].

В этот период помимо открытых аграрных поселений в славянской среде фиксируются специализированные ремесленные селища и городища. К первым из них, свидетельствующим о существовании ремесленной прослойки, относятся, например, металлургические центры в Гайвороне, Григоровке и на ряде памятников, где отмечены следы обработки черного и цветного металлов (Зимно, Пастырское). К их числу, вероятно, принадлежали Добриновцы, Ревное II и Горишние Шеровцы. Надо полагать, что процесс отделения ремесла от сельскохозяйственного производства у славян VI—IX вв., ведущий к социальной дифференциации общества, зашел достаточно далеко.

Помимо поселений ремесленников у восточных славян накануне образования Киевской Руси возникали племенные центры, где сосредоточивалась общественная и хозяйственная жизнь значительной округи (городища Зимно, Хотомель, Селиште). К этому времени относится и возникновение древнейшего Киевского городища. Они отличаются от аграрных поселений не только наличием укреплений, но и многочисленными следами производства, находками разнообразных орудий и украшений. Возможно, городища Зимно и Хотомель являлись и центрами дислокации военной дружины, что подтверждается находками оружия и украшений, в том числе частей престижных воинских поясных наборов

[Ауліх, 1972.— С. 120]. Кроме того, усиливающаяся военная опасность со стороны кочевников вынуждала славян строить городища-убежища [Третьяков, 1982.— С. 96, 122]. Для них характерны отсутствие стационарной застройки в центральной части и наличие по периметру длинных наземных домов (городища Колочин и Будище).

В рамках союзов племен между их отдельными частями все более налаживаются связи, преодолевается узкоплеменная обособленность. Новые образования становятся этносоциальными общностями с обязательными органами управления в виде военачальника, совета, народного собрания [Маркс, Энгельс.— Соч.— Т. 21.— С. 164].

Значительные сдвиги происходят в жизни восточных славян в VIII—IX вв. В это время усвершенствуется технология пашенного земледелия, распространяющаяся и в лесной зоне Восточной Европы, ремесло выделяется в самостоятельную отрасль производства, увеличиваются число и размеры населенных пунктов. Уже в конце VIII в. на базе достигнутого уровня развития производительных сил возникают факторы, приведшие в дальнейшем к созданию государства. Восточнославянское общество вступило в период развития, получивший в современной науке название «вождество». В образованиях такого типа уже существует социальное и имущественное неравенство (на могильниках этой поры вполне отчетливо выделяются погребения верхушки), но отсутствует легализованный аппарат принуждения. Характерной чертой этого уровня общественной организации является кумуляция светской и духовной власти [Бромлей, Першиц, 1972.— С. 28; Васильев, 1980.— С. 182; Куббель, 1982.— С. 136]. Продолжается процесс консолидации восточнославянской группировки, что проявляется в создании «суперсоюзов» племен. На основе племенных княжеств полян, древлян, северян, радимичей, вятичей и хорватов («живяху в мире») формируется «Русская земля», включившая в себя, как показали Б. А. Рыбаков и П. Н. Насонов, ряд среднеднепров-

ских право- и левобережных образований [Лебедев, 1985.— С. 227—249].

Таким образом, в развитии восточно-славянского общества на протяжении I тыс. н. э. выделяются три основных этапа; наблюдается взаимосвязь между эволюцией социально-экономических отношений и потестарно-политическими образованиями. Ранним этапам развития первобытной соседской общины соответствуют племена, поздним — союзы племен, а собственно соседской общине — раннегосударственные образования феодального типа. Здесь можно отметить определенное отставание надстроечных институтов по сравнению с прогрессом явлений базисного порядка. Темпы их развития выравниваются по мере приближения к эпохе классовых образований у восточных славян.

8. САКРАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В I тыс. н. э.

Широкие археологические исследования славянских и праславянских памятников предоставили в распоряжение исследователей большое количество остатков материальной культуры. Среди них — сооружения и предметы, которые в той или иной мере отражают идеологические представления древнеславянских племен.

Раскрытию сложных пластов языческого мировоззрения племен Украины I тыс. н. э. посвящены работы ряда ученых — специалистов по мифологии славян (М. И. Толстой, В. Иванов, В. М. Топоров, О. М. Трубачев, Г. Ловмянский), в первую очередь капитальные исследования Б. А. Рыбакова [1981]. В данном разделе попытаемся свести в единую систему все известные к настоящему времени сакральные археологические памятники I тыс. н. э. на территории Лесостепи Юго-Восточной Европы и осветить наиболее общие вопросы языческого мировоззрения древних славян в его развитии.

При этом мы исходим из аргументированного выше положения, что помимо славянских культур второй половины I тыс. н. э. прямое отношение к

славянскому этногенезу имели предшествующие им зарубинецкая и киевская культуры, волыно-подольская группа и часть черняховской культуры.

К числу наиболее заметных археологических сооружений, связанных с языческим культом, относятся святилища, то есть места молений и жертвоприношений древних славян своим богам. До недавнего времени среди ученых доминировало мнение, что славяне-язычники не воздвигали культовых сооружений, а совершали обряды на воздухе «под овином, под рощением, или у воды» [Седов, 1982.— С. 261].

Однако письменные источники недвусмысленно сообщают о существовании у славян храмов. Так, русские летописи упоминают «храмы идольские», «капища», «требища».

К сожалению, археологических подтверждений этих сведений чрезвычайно мало. Одним из них являлось святилище, раскопанное в 1901 г. В. В. Хвойкой в Киеве. Оно размещалось в центре княжеского двора на Старокиевской горе. Святилище сложено насухо из неотесанных камней и образовывало в плане неправильный прямоугольник с закругленными углами и четырьмя выступами по сторонам света. Размеры сооружения 4,2×3,5, высота 0,4 м. К югу от святилища находился очаг из обожженной глины, который, по мнению исследователя, являлся жертвенником. Вокруг очага обнаружено большое количество костей животных. Святилище датируется VIII—X вв. [Хвойко, 1913.— С. 66; Каргер, 1958.— С. 105—112; Седов, 1982.— С. 263]. В стороне от этого участка, на том месте, где стоит Андреевская церковь, находилось капище, где князем Владимиром были поставлены идолы, изображавшие главных богов Руси: Перуна, Дажьбога, Хорса, Стрибога, Симаргла, Мокошь [Рыбаков, 1974.— С. 15]. Еще одно святилище исследовано В. В. Седовым в начале 50-х годов под Новгородом в Перыни [1953].

Последнее десятилетие ознаменовалось важными открытиями в области духовной культуры славян. Они позволили не только подтвердить наличие у

славян специальных мест моления, но и в определенной мере воссоздать их облик. Речь идет об исследованиях Б. А. Тимощука на Буковине, И. П. Русановой на Житомирщине, И. С. Винокура в Поднестровье, М. А. Тихановой и Д. Н. Козака на Верхнем Днестре и в Западной Волыни.

Топографическое расположение славянских святилищ зависело в основном от особенностей рельефа. На северо-восточных славянских землях они устраивались обычно на всхолмлениях среди болот, на территории с горным рельефом — на вершинах возвышенностей, занимающих господствующее положение на местности (юго-западные славянские земли) [Седов, 1982.— С. 262]. Все святилища приблизительно одинаковой архитектуры: их образовывали небольшие круглые или овальные площадки с плоской поверхностью, окруженные рвом или валом либо же тем и другим [Седов, 1983.— С. 262; Тимошук, 1976.— С. 82—91]. Наличие валов вокруг святилищ подтверждается летописными данными. Уничтожая языческие святилища, Владимир их не только «посече», но и «всюду раскопа». Во рвах или же на валах находились кострища, в центре площадки — идол.

Костры являлись обязательным атрибутом святилищ. По мнению В. В. Седова, опирающегося на письменные источники, в первую очередь костры были непременным атрибутом культа Перуна: «Ему же, яко богу жертву приношаху и огонь неугасимый зо дубового древле непрестанно паляху» [ПСРЛ, 1926.— Т. 2.— С. 207; Седов, 1982.— С. 261].

К одному из таких святилищ Б. А. Тимошук относит Ржавинское городище в Черновицкой области [1976.— С. 85—88]. Оно расположено на высоком холме, на окраине большого славянского селища IX—X вв., в центре так называемого добриновского гнезда славянских поселений, возле чистых водных источников. Городище состояло из двух параллельных валов высотой до 1,5 м, окружающих площадку диаметром 24 м. Под насыпью внутреннего вала, на древней поверхности, лежал слой пепла, мелкого угля, кам-

ня. Однако следов очагов не прослежено. По мнению Б. А. Тимощука, остатки остывших очагов были принесены со стороны, что, очевидно, свидетельствует о существовании языческого обряда очищения огнем места постройки святилища. На вершине внутреннего вала размещалась площадка, выложенная камнями, на которой горели жертвенные огни. Вдоль наружной стороны внешнего вала проходила площадка-уступ шириной 1,5 м, подмазанная желтой глиной. На ней находились остатки древних очагов. Б. А. Тимошук предполагает, что здесь отдельными группами населения периодически зажигались огни в честь богов. За внешним валом помещались рвы шириной 5—6 и глубиной 1 м, на дне которых обнаружены остатки очагов. В северной части городища, между внутренним и внешним валами, открыт древний источник, обложенный каменными плитами. В южной части городища, возле внутреннего вала, выявлен каменный четырехгранный столб высотой 2,5 м, суженный кверху. По мнению автора раскопок, это идол, первоначально стоявший в центре городища, откуда его сбросили в ров. Городище-святилище датируется IX—X вв.

Подобным Ржавинскому является Горбовское городище-святилище на р. Прут [Тимошук, 1976.— С. 89—90]. Оно расположено на высоком мысу над речкой. Центральная площадка имела диаметр 30 м и была окружена кольцевым валом шириной 2,2 и высотой 1,1 м. На плоской вершине вала размещались остатки очага. С внутренней стороны — площадка-уступ шириной 3 м с остатками очагов. Однако, по мнению автора раскопок, здесь костры не горели, поскольку пережженная земля не зафиксирована. Очевидно, остатки очага ссыпались сюда с вершины вала. Городище датируется IX—X вв.

Близкие к ним городища-святилища известны в Рухотне, Кулешовцах на Днестре [Тимошук, 1969.— С. 61], а также в Родене на горе Пластунка [Мезенцева, 1968.— С. 131].

Такие святилища обслуживали крупные регионы, включавшие несколько поселений. Очевидно, это были племен-

ные ритуальные места — сакральные центры отдельных племен [Седов, 1982.— С. 262]. Важнейшим признаком таких племенных святилищ является их изолированность от поселений. По мнению В. В. Седова, жители окрестных селищ собирались сюда во время крупных языческих празднеств и молений или же в связи с важными для племени событиями [Седов, 1962.— С. 262].

Кроме племенных святилищ, у восточных славян существовали небольшие ритуальные сооружения, устраивавшиеся на селищах или вблизи них. Здесь, по-видимому, происходили рядовые моления и жертвоприношения. Подобные общинные святилища известны у славян с глубокой древности. Так, к ним относится ритуальный жертвенник, исследованный О. М. Приходнюком на славянском поселении VI—VIII вв. у с. Городок Хмельницкой области [1975.— С. 89].

Ритуальная площадка вместе с тремя жилищами отгораживалась от поселения оврагом. Жертвенник выложен из плоских камней и имел прямоугольную форму размерами 2,3×1,5 м. Он был ориентирован по сторонам света с незначительным отклонением длинной оси от линии север — юг. На камнях заметны следы огня. Возле восточной стороны жертвенника находился очаг диаметром 1,1 м. Он расположен в яме глубиной 0,2 м. Дно ямы обожжено на 5—7 см. В ней обнаружены пережженные кости животных, фрагменты керамики, уголь, пепел.

Очень интересное и своеобразное славянское языческое святилище, относящееся к IX в., исследовала И. П. Русанова в 1964 г. возле г. Житомира на р. Гнилопять [1966.— С. 233—237].

Святилище размещалось на одном из отрогов невысокого правого берега реки на ровной, слегка покатой к реке площадке. По другую сторону реки находилось несколько поселений VII—IX вв.

Это слегка углубленное в песок сооружение приблизительно крестообразной в плане формы, с четырьмя выступами ориентировано строго по сторонам света. Его размеры 11×14,2 м. В цент-

ральной части углубления помещался большой столб. Он стоял в яме диаметром 1 и глубиной 0,6 м. Столб был укреплен большими камнями. К югу и северу от него находились меньшие столбы, окруженные маленькими ямками и рядом камней. Небольшие ямы от столбов образуют полукруги в западном выступе и к западу от центрального столба. Вся центральная часть углубления перед большим столбом, где, очевидно, стоял идол, занята огромным кострищем. Толщина угольного слоя достигает 50 см. Кострища обнаружены также в южном и восточном выступах непосредственно перед центральным столбом.

В кострище южного выступа найдены кости быка. В северном выступе святилища на материке лежали большие, грубо высеченные камни почти правильной формы с плоскими ровными гравиями. Здесь выявлены пережженные кости петуха и маленький кремневый наконечник стрелы. И. П. Русанова предполагает, что на этом выступе святилища стоял жертвенник. Вход в святилище размещался, по мнению автора исследований, в южном выступе, по обе стороны которого попарно располагались ямы от небольших столбов. И. П. Русанова считает, что здесь было устроено какое-то заграждение, имевшее очистительную силу. Сооружение не имело перекрытия. Костры горели под открытым небом.

Значение каждого из выступов сооружения, по мнению И. П. Русановой, различно. В северном и южном выступах совершались жертвоприношения животных. Причем в отличие от южного в северном выступе очаг отсутствовал. Основные многочисленные находки обнаружены в центральном кострище. В восточном выступе возжигались благовония и совершались возлияния. По мнению автора раскопок, святилище посвящено Перуну — богу грома и молний. Однако исходя из его небольших размеров и скромных находок не исключено, что святилище посвящено какому-то местным богам. Б. А. Рыбаков увидел в форме этого святилища антропоморфные очертания. Он пишет: «Обозначены голова, раскинутые в стороны

женские груди, обрисованы бедра и внизу ступни ног. Самый массивный столб приходится на место сердца этой гигантской статуи, распростертой на высоком берегу реки. В кострище найдены кости птицы и быка. Возможно, что перед нами своеобразная форма жертвоприношения какому-то значительно женскому божеству — Мокошь, а может быть, богине смерти Бабе-Яге (рядом расположен могильник, а сама фигура помещена головой к северу, к царству мрака и смерти). О женской сущности божества говорят и пряслица для веретен, найденные в этом своеобразном святилище» [Рыбаков, 1974.— С. 14—15].

Рассмотрение славянских святилищ VI—XIII вв. свидетельствует о существовании довольно развитой и устоявшейся культовой архитектуры и атрибутики, что позволяет говорить о глубоких традициях в сооружении специальных мест моления и жертвоприношения у славян.

В этой связи большой интерес вызывают святилища, известные на рассматриваемой территории в более раннее время — начиная с первых веков нашей эры. Вполне понятно, что при господстве патриархально-родового строя такие святилища не могли быть фундаментальными и обслуживали небольшую группу людей — одну или несколько общин. Примером может служить небольшое святилище, исследованное Д. Н. Козаком на поселении волыно-подольской группы у с. Загаи на Волыни [1986], (рис. 90, 4). Святилище расположено в центре селища и на основании найденной в нем керамики может датироваться в пределах второй половины I—II в. н. э. По форме оно напоминает силуэт человека с головой и туловищем. Сооружение углублено в материк на 30 см. Пол ровный, очень сильно утрамбованный. Размеры сооружения 3,5×2,6 м. Святилище ориентировано углами строго по сторонам света. В центре помещения находился жертвенник (там, где у человека живот) в форме овальной ямы размерами 1,2×0,8 и глубиной 0,32 м от уровня пола. Стенки и дно ямы обмазаны глиной и обожжены. Яма заполнена углем,

пеплом, мелкими пережженными косточками и фрагментами керамики. С северной и северо-западной стороны жертвенника располагались три столбовые ямки диаметром 0,15—0,2 и глубиной 0,12—0,16 м от уровня пола. Назначение столбов, стоявших здесь, не ясно. Однако, несомненно, что они играли определенную роль в ритуале жертвоприношений.

В северо-восточной, короткой, стенке сооружения, напротив жертвенника, помещалась округлой формы ниша, дно которой находилось на уровне пола. Диаметр ниши 1,2 м. На дне ее, возле стенки, лежало антропоморфное каменное изваяние без каких-либо изображений подтреугольной формы. Схематически высечена голова, выделены плечи. Ширина изваяния 0,35, высота 0,25 м. Возле жертвенника найдены две человеческие челюсти. Одна из них принадлежала мужчине до 35 лет, вторая — женщине до 25 лет. С противоположной стороны жертвенника найдена женская глиняная статуэтка с отбитыми ногами и головой. На полу сооружения обнаружены небольшое количество фрагментов лепной керамики и кости животных. Есть основания рассматривать эти вещи в качестве жертвоприношений каменному идолу.

Большое количество сакральных сооружений известно в черняховской культуре, в частности на территории Среднего Поднестровья (Ставчаны, Иванковцы, Бакота), Волыни (Лепесовка, Ягнятин), в Северном Причерноморье (Александровка).

Святилище в Ставчанах открыто И. С. Винокуром и Г. М. Хотюном в 1963 г. [Винокур, 1972.— С. 109—112]. Оно расположено на берегу ручейка, впадающего в р. Днестр, и занимало восточную часть черняховского селища. Основным атрибутом святилища был идол, изображавший мужчину с бородой и головным убором конической формы (рис. 90, 3). Волосы острижены до затылка. С тыльной стороны хорошо переданы спина и плечи. В нижней части спины выбито изображение коня. В руках идола — рог. Изваяние высотой 1,9, шириной 0,52 м вытесано из местного известняка. На расстоянии 3 м

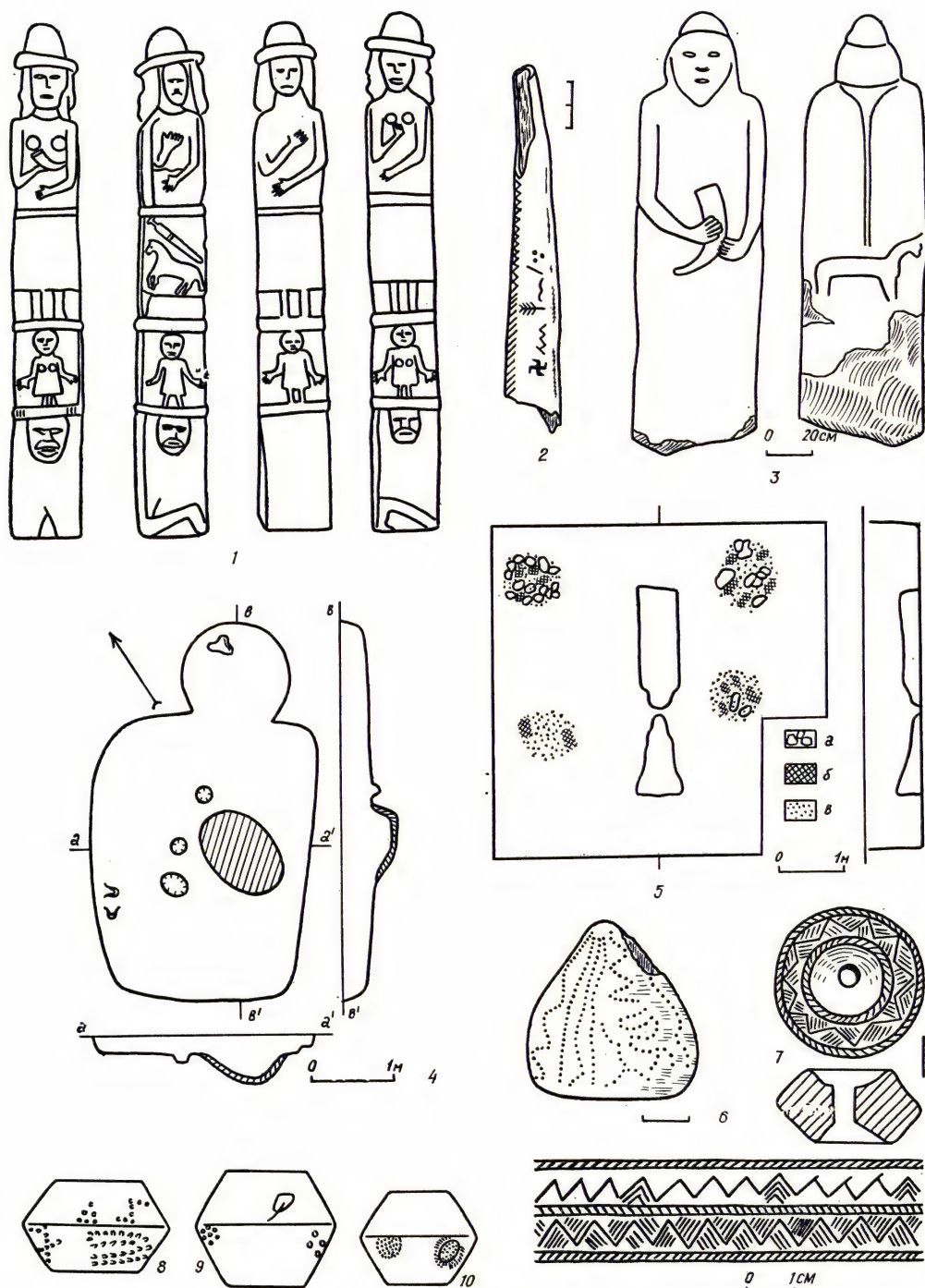

Рис. 90. Культурные предметы и святилища славян V—X вв.:

1 — «Збручский идол»; 2, 8—10 — Хлопков; 3 — «Ставчанский идол»; 4 — святилище на поселение Загай II; 5 — святилище на поселении Ставчаны; 6 — Рашков III; 7 — Сокольники I.

от идола, напротив него, стояла конусовидная каменная стела высотой 1,2 и шириной 0,24 м (рис. 90, 5). На ее лицевой стороне в верхней части выбит солярный знак диаметром 0,24 м. С четырех сторон от изваяния обнаружены остатки очагов, представленные скоплением пережженных камней, пепла и древесного угля. В раскопе найдены кости животных, обломки посуды. По мнению И. С. Винокура, здесь совершались жертвоприношения. Солярный знак на конусовидной стеле показывает, что жители селища поклонялись и приносили жертвы в честь солнца, которое олицетворял идол [Винокур, 1972.— С. 111].

Кубок или рог для питья в руках божества — атрибут божества славянских идолов. С ним связаны церемония гадания о плодородии будущего урожая. Изображение коня символизирует одно из проявлений божества. Священный конь являлся оракулом для жрецов храма Триглава в Штеттине и Святотида в Арконе [Гуревич, 1941.— С. 285].

Еще одно святилище III—IV вв. исследовано В. И. Довженком и М. Ю. Брайчевским в с. Иванковцы Хмельницкой области [Довженко, 1952.— С. 64; Брайчевский, 1953.— С. 45—53; Брайчевский, Довженко, 1967.— С. 238—262]. Здесь в западной части черняховского поселения найдены три идола, изготовленные из известняка. Один из них стоял вертикально; другой лежал на уровне земли и был когда-то сдвинут относительно первоначального положения; третий — разбит и закопан в землю крестьянами.

Центром капища был трехликий идол. Это четырехгранный столб высотой около 3 м, завершающийся скульптурным изображением головы человека. Ясно выражены глаза, нос, рот, волосы, уши. На туловище не намечены руки, ноги, какие-либо детали одежды. Поверхность камня неровная, с выбоинами. С севера, востока и запада на расстоянии 17—20 м от идола находились три небольших легких строения с глинобитными стенами. Западное и восточное строения — немного больше северного. В первых двух находились оча-

ги-жертвенники, в третьем очаг отсутствовал. Однако рядом с ним обнаружена вымостка из плоских камней, служивших, возможно, алтарем.

Между идолом и строениями размещались ритуальные ямы. На площадке перед идолом разжигались костры, от которых остались небольшие углубления, заполненные золой и пеплом [Винокур, 1972.— С. 109].

Остатки языческого капища обнаружены И. С. Винокуром в Бакоте [Винокур, 1972.— С. 112]. В центре капища помещались специально принесенные большие камни со следами обработки и действия огня. Возле них лежал обломок тесаного камня прямоугольной формы. По мнению И. С. Винокура, это нижняя часть идола. Вокруг остатков на площади 25 м² прослежены жертвенные ямы с костями животных и фрагментами керамики. Кроме того, недалеко от основного идола, в углублении, открыты два человеческих черепа.

Святилище в Бакоте, как и в Загаях на Волыни, подтверждает, что славяне в первых веках нашей эры приносили в жертву богам не только животных, но и людей. Последнее было вызвано, очевидно, чрезвычайными обстоятельствами, в которых очутилась община. Среднеднестровским святилищам III—IV вв. близко и святилище из Ягнятина Житомирской области [Малеев, 1975.— С. 76—80].

Святилище-капище размещалось на правом берегу р. Роставица и занимало восточный склон высокого плато. Несколько выше находился довольно большой водопад. На капище найдено пять больших блоков серого гранита. Из них сохранился самый крупный. Его поверхность обработана точечной оббивкой. Форма блока в разрезе четырехугольная и напоминает человеческий силуэт. Нижняя часть, предназначенная для вкапывания в землю, обработана небрежно. Туловище четырехгранное, правая сторона несколько выпуклая, спина ровная. Верхняя часть выделена углублениями, передающими шею и плечи, и отделяющими голову от туловища. Руки не выделены, округленная голова непропорционально ве-

лика. Широкое лицо не детализировано. В центральной части левой стороны головы — выступ и два углубления по краям. Возможно, они передают лицо и глаза. Еще менее выразительна правая сторона головы, также напоминающая лицо человека. Верхняя часть заострена. Автор исследования допускает, что здесь обозначен конический головной убор. Длина статуи 1,68, ширина 0,57 м.

Ю. В. Малеев усматривает стилистическую близость ягнятинского идола с антропоморфными идолами Среднего Поднестровья, в частности иванковским. По его мнению, сохранившийся идол стоял в центре святилища, остальные четыре, меньших размеров, — вокруг него, возможно, по сторонам света [Малеев, 1975. — С. 78].

Интересный обрядовый памятник-алтарь III—IV вв. исследован Б. В. Магомедовым в с. Александровка на р. Ингулец (Николаевская область) [1981. — С. 87—88]. Он находился рядом с черняховским городищем на территории могильника. Алтарь представлял собой квадратную ограду размерами 1,6×1,8 м, сложенную из камней в один ряд. Внутри — остатки костра, пережатая земля, фрагменты лепной и гончарной керамики, обломки амфор.

Алтари такой же формы с остатками заупокойных жертвоприношений известны в Северном Причерноморье с I в. н. э. [Магомедов, 1981. — С. 87]. По мнению Б. В. Магомедова, обычай сооружения на местах погребений жертвенников — эсхар — был занесен в Северное Причерноморье из Греции, где широко известен на различных некрополях начиная с эгейской эпохи. На алтарях совершались кровавые и огненные жертвоприношения, возлияния вина, посвященные хтоническим богам. В этом памятнике автор исследования усматривает свидетельство глубокого проникновения античной культуры в духовную жизнь «варварского» населения Северного Причерноморья в III—IV вв. [Магомедов, 1981. — С. 88].

Не менее интересный сакральный памятник исследован М. А. Тихановой в северной периферии черняховской культуры — на вельбарско-черняхов-

ском поселении у с. Лепесовка [Тиханова, 1963. — С. 190; Винокур, 1969. — С. 54—55].

Это наземное сооружение размерами 15,5×8 м. Внутри — четыре очага. Ряд очагов расположен за пределами постройки, вокруг нее. Недалеко от святилища открыты также специальные площадки, подмазанные в древности глиной. В очагах и на пространстве возле них обнаружены «хлебцы» — имитация хлебных буханок из глины. Внутри постройки, на полу, расчищены раздавленные и целые сосуды. Обломки больших сосудов-пифосов найдены и на площадках возле дома. В один из очагов, расположенных в постройке, наиболее мощный и, очевидно, основной, насчитывающий семь подов, были вмонтированы две трехручные вазы на высоких конических поддонах. Судя по наличию у очагов нескольких подов, святилище функционировало продолжительное время. Последнее, по мнению И. С. Винокура, свидетельствует о том, что за святилищем присматривали специальные люди, возможно жрецы, поддерживающие его в надлежащем порядке.

Важным источником в изучении мифологии славян являются идолы (рис. 90, 1—3, 6). Без сомнения, они стояли на святилищах, подобных ставчанскому или ржавинскому, до тех пор, пока не были уничтожены. Идолы-кумиры делались в основном из дерева. Об этом свидетельствуют письменные источники: «Не есть бози, но древо» [ПСРЛ, 1962. — Т. 1. — С. 82]. Перун, поставленный Владимиром Великим в Киеве, также был деревянным. Однако такие идолы до наших дней почти не сохранились. Нам известны главным образом изображения, выполненные в камне. Наиболее знаменитым из них является так называемый Збручский идол (рис. 90, 1), обнаруженный в р. Збруч возле г. Гусятин Тернопольской области в 1848 г.

Существует обширнейшая библиография, посвященная этому замечательному памятнику духовной культуры восточного славянства. Наиболее важными являются работы Ф. Д. Гуревич, Б. А. Рыбакова, Я. Розен-Пшеворской, Г. Ленчика [Гуревич, 1941. — С. 279—

287; Рыбаков, 1953.— С. 75—79]. Поэтому мы предлагаем краткое описание памятника. Это четырехгранный столб высотой 2,67 м, разделенный на три неравных пояса. Верхняя часть высотой 160 см занята четырьмя фигурами божеств, увенчанных одной колпаковидной шапкой с отогнутыми полями. На лицевой стороне изображено женское божество. В правой руке божество держит рог, обращенный тонким концом вниз. Левая рука опущена в плече, согнута в локте и касается середины живота. Из-под длинной одежды видны ноги. На поясе фигуры второй грани изображена подвешенная на двух ремнях кривая сабля. Под саблей, на одежде бога-воина, помещен конь с головой, опущенной влево. На третьей грани столба женское божество держит в руках кольцо. Изображение человека на четвертой грани столба лишено атрибутов.

В средней части столба высотой 40 см чередуются изображения женщин и мужчин. У левого плеча женщины на одной из граней видна маленькая человеческая фигурка с представленными руками.

В нижней части столба, занимающей 67 см, изображена усатая мужская фигура с поднятыми к голове руками, как бы подпирающая средний и верхний пояса.

Существует множество предположений относительно разгадки сюжета «Збручского идола» [Гуревич, 1941.— С. 279—282].

Наиболее полно и обоснованно общий космогонический смысл идола и изображений на каждой из четырех граней расшифрован Б. А. Рыбаковым [1953.— С. 75—79]. Збручское изваяние, согласно его интерпретации, символизирует деление вселенной на небо — мир богов, землю с людьми и подземный мир, таинственные обитатели которого держат на себе землю.

Главное место среди изображений верхнего яруса занимает богиня плодородия с рогом изобилия. По левую руку от нее — бог-воин с саблей — Перун. Две остальные фигуры со строгими взорами, говорящими об их неземном происхождении, также принадле-

жали основным богам славян. В среднем ярусе — земля с хороводом взявшихся за руки мужчин и женщин.

В нижнем ярусе помещены подземные боги [Рыбаков, 1953.— С. 75—79]. Представление о трехъярусном строении мира характерно для многих народов и сложилось еще в глубокой древности, о чем речь пойдет ниже. Общая шапка, под которой находятся четыре небесных существа, отражает, возможно, идею единого высшего бога [Седов, 1982.— С. 266].

В 1984 г. И. П. Русанова и Б. А. Тимошук обследовали места, где найден идол [Русанова, Тимошук, 1985.— С. 303—304]. В результате ими обнаружено святилище, с которым связан идол. Оно расположено в 5 км от с. Городница Гусятинского района, в лесу, на самом высоком холме Богит. Славянское святилище X—XIII вв. занимало высокую часть скифского городища. Открыты остатки каменного пьедестала для идола и отдельно расположенного жертвенника. Пьедестал представляет собой круглое возвышение диаметром 8, высотой 0,5—0,6 м, окруженное восемью корытообразными культовыми ямами глубиной до 1 м. В ямах найдены обломки керамики, два погребения мужчин 60 лет и два погребения детей в возрасте около 2 лет.

Жертвенник имел курганообразную форму диаметром 5, высотой 0,8 м и был выложен камнем. В центре жертвенника находилась квадратная яма глубиной 0,7 м, наполненная обломками керамики, каменными плитами, костями животных, углем. Здесь же выявлено три стеклянных браслета. На валах, окружающих святилище, были устроены площадки для ритуальных огней. Возле капища открыты три жилища-полуземлянки и длинные наземные дома. Городище окружал ритуальный ров с плоским дном, выложенным каменными плитами. В комплекс святилища входил также могильник, окруженный земляным валом. Вокруг городища размещалось пять селищ X—XIII вв.

Ряд антропоморфных славянских языческих изваяний обнаружен и изучен Б. А. Тимошуком на древнерус-

ских памятниках Буковины [1976.— С. 9].

Двуликий идол найден, например, у с. Яровка Черновицкой области на древнерусском могильнике, но не связан с ним [Тимошук, 1976.— С. 91]. Это овальный в разрезе, грубо обтесанный каменный столб высотой 1,7 м. На нем схематически изображена человеческая фигура с двумя лицами, развернутыми в противоположные стороны. Лица плоские, овальные. Треугольником выделены глаза, рытыми линиями — широкий рот и контуры лица. Одна голова — в остроконечном головном уборе, вторая — сверху ровная. Вероятно, это мужское и женское божества. Верхняя часть туловища статуи отделена от нижней поясом. Дата не установлена.

Традиция изготовления каменных идолов имеет в Поднестровье, как и на Волини, глубокие корни. Самый древний идол обнаружен, как упоминалось выше, на памятнике волино-подольской группы II в. н. э. у с. Загаи. Позже их находят на памятниках черняховского типа Поднестровья.

Так, каменное изваяние обнаружено в с. Калюс Хмельницкой области [Винокур, 1972.— С. 111]. Скульптура высотой 2,3 м, шириной 0,6 при толщине 0,26 м изготовлена из местного известняка и изображает бородатого мужчину с рогом в руках. Идол найден на большом черняховском селище. Манера изображения аналогична «Иванковскому» и «Ставчанскому» идолам.

Подобные идолы найдены И. С. Винокуром также в селах Креминна Хмельницкой области, Блищанка Тернопольской области, Непоротов Черновицкой области, Козлов Винницкой области [Винокур, 1972.— С. 111].

Фаллический идол найден в погребении № 15 Райковецкого могильника [Винокур, 1972.— С. 116]. Это грубо обтесанный каменный столб с округлым расширением в верхней части. Его длина 0,9 м. Антропоморфные изваяния Среднего Поднестровья III—IV вв. по материалу, технике исполнения, манере и семантике изображений составляют, по мнению И. С. Винокура, единое целое [1967.— С. 140]. Все они в сечении квадратной или прямоугольной формы.

Общими являются и внешние признаки. Изваяния передают мужские бородатые фигуры. Некоторые держат в руке рог. Изваяния без рога, по заключению И. С. Винокура, более высокие. Изображения с рогом одноликие. И. С. Винокур предполагает, что среднестровские каменные изваяния, найденные на черняховских селищах, типологически и генетически близки к «Збручскому идолу»: общий материал, из которого они изготовлены, близость манеры изображений, идентичность атрибутов богов. В этом смысле языческие изваяния III—IV вв. Среднего Поднестровья, по мнению И. С. Винокура, являются прототипами «Збручского идола» [1967.— С. 142].

Рассмотрение известных в настоящее время мест ритуальных действий славян и их соседей 1 тыс. н. э. позволяет разделить их исходя из социальной значимости на две группы [Седов, 1982.— С. 261—263].

Первую составляют сакральные места небольшого масштаба — святилища общинного пользования. Они размещались на окраине или в центре селища и предназначались для совершения сакральных действий одной или несколькими родственными общинами. Подобные памятники характерны для всего I тыс. н. э. По морфологическим признакам их можно разделить на три типа.

1. Святилища-жилища. Такие святилища размещались на селищах, имели перекрытие и внешне ничем не отличались от жилых построек. Внутри помещались ритуальные предметы (идол, священные сосуды) и жертвенный очаг. Это наиболее ранняя форма святилищ. К ним относятся святилища из Загая II и Лепесовки. Исходя из того, что такие святилища, найденные на памятниках, содержали материалы пшеворской и вельбарской культур, следует предположить их западное происхождение. Однако слабая изученность селищ этих культур в Польше не позволяет окончательно ответить на этот вопрос.

2. Святилища открытого типа. Они размещались на самих селищах (Иванковцы, Ставчаны) или близ них (Ягнятин, р. Гнилопять под Житомиром, Ба-

кота). Главным атрибутом являлись один или несколько идолов с комплексом ритуальных сооружений (ям, построек, очагов, жертвенников). Такие святилища — наиболее поздние на рассматриваемой территории и возникли, очевидно, в результате качественно нового этапа в развитии мифологических воззрений местных племен.

3. Святилища-жертвенники (требища) или алтари. Возводились непосредственно на поселениях (Городок) или могильниках (Александровка). Состояли из площадки, выложенной камнями, — собственно жертвенника и очажной ямы. Какие-либо ритуальные предметы отсутствуют. Очевидно, подобные сооружения использовались для повседневных жертвоприношений. В настоящее время они известны на памятниках черняховской культуры Северного Причерноморья, где возникли под влиянием античной культуры и, на раннесредневековых славянских памятниках.

Вторую группу составляют городища-святилища IX—X вв. (Ржавинцы, Родень, Горбовск, Збручанское). Их характерными чертами являются исключительное положение на местности, один или два ряда валов со специальными площадками для костров, глубокие рвы, идол в центре площадки. Такие святилища возникли в результате длительной эволюции в мифологических воззрениях славян, став высшим этапом в развитии языческих верований. Наличие подобных языческих центров предполагает необходимость появления специальных служителей сакральных действий — жрецов, обеспечивавших выполнение всех функций, связанных с молениями и жертвоприношениями. Такие святилища посвящались наиболее авторитетным, главным богам: Перуну, Дажьдбогу, Сварогу, Хорсу, Велесу. Судя по данным, полученным Б. А. Тимощуком, городища-святилища возникали, как правило, в центре «гнезд» поселений, являясь, таким образом, сакральным центром большой территории — племени или группы племен.

Поклоняясь силам природы, славянские племена совершали моления и жертвоприношения не только на спе-

циально построенных святилищах и антропоморфизованным божествам. В письменных источниках отмечено их поклонение горам, источникам, рощам, отдельным растениям. В мифологических верованиях многих народов гора наделена богатой и глубокой символикой. Она трактуется как средоточие космоса, центр, в котором небо смыкается с землей и подземным миром. Поэтому космическая гора нередко является местом обитания богов, в частности богов неба. В связи с этим сакральные сооружения-святилища часто помещались на возвышениях, где воздавалась похвала наивысшим богам [PZP, 1981.— С. 431]. Возможно, именно поэтому могильники некоторых культур рубежа нашей эры — I тыс. н. э. обычно помещались на возвышениях.

Сакральный смысл придавался также деревьям, рощам. Известна символика древа жизни и космического дерева, достигающих корнями подземного мира, а верхушкой — неба [PZP, 1981.— С. 431]. У славян священным деревом был дуб. Его культ тесно связан с культом Перуна: «Ему же яко богу жертву приношу и огонь неугасающий за дубового древия неустанно паляху» [ПСРЛ, 1926.— Т. 2.— С. 207]. Константин Багрянородный описывает жертвоприношение купцов-русов у священного дуба на о-ве Хортица на Днестре [Седов, 1982.— С. 204].

Со дна Десны и Днестра подняты стволы дубов, стоявших в свое время по берегам этих рек. В стволы дубов было вбито в одном случае девять, в другом — четыре кабаньи челюсти клыками наружу. Деревья с клыками, по мнению В. В. Седова, играли ту же обрядовую роль, что и на о-ве Хортица [1982.— С. 264].

По представлениям индоевропейцев, боги нередко проживали в лесах. Тацит в «Германии» пишет о священной роще как месте отправления культов племен наганарвалов, входивших в состав союза лугиев (пшеворская культура). Культовые действия здесь выполнял жрец в женской одежде [Тацит, 1976.— С. 43].

Несомненно, большую роль в мифологических воззрениях славян играла

вода (реки, ручьи, озера, источники). Обожествляя воду, человек приписывал ей особенную животворящую силу. Весенние и летние народные праздники всегда сопровождалось купанием либо обливанием, что указывает на веру в животворную силу воды. Отсюда представления о «живой» и «мертвой» воде, о воде «земной» и «небесной» [История культуры Древней Руси, 1951.— С. 62; Винокур; 1972.— С. 104].

Славянские святилища всегда размещались возле воды (Ржавинское, Ягнатиинское и др.). У многих народов, в том числе древних славян, важным обрядом являлось бросание в воду разных предметов, еды в качестве жертвоприношений, побуждающих силы, связанные с водой, гарантировать богатства, упрочнение положения. В основе этого обряда лежит символика погружения с целью регенерации плодородных сил богов природы. Вода играла в культуре плодородия основную роль как источник всей жизни [PZP, 1981.— С. 435; Eliade, 1966.— С. 200].

Славяне, несомненно, поклонялись и огню, связываемому с солнцем и молнией, дающих тепло и посылающих дождь-воду. По материалам погребального обряда известно, что славяне считали огонь очистительной силой [История культуры Древней Руси, 1951.— С. 62].

Важным источником для изучения языческих верований древних народов являются всевозможные предметы, рисунки на них и на керамике, относящиеся к языческому культу.

С церемонией гадания и магическими действиями вокруг хлеба связываются так называемые хлебцы. Они известны в зарубинецкой культуре, на черняховских памятниках Южной Волины, Подолии и Среднего Поднепровья (Переяслав-Хмельницкий, Маркуши, Коростышев, Слободище, Голодьки и т. д.) [Винокур, 1969.— С. 56], распространены и на памятниках вельбарской культуры (Боратин, Пряжев, Лепесовка). Глиняные «хлебцы» выявлены также на раннесредневековых славянских памятниках Волины. Так, на славянских поселениях возле сел Корчак, Репнев I и II в некоторых жили-

щах обнаружено по одному-два таких предмета. Еще чаще они встречаются в культурном слое или небольших ямках [Русанова, 1973.— С. 17.— Табл. 34, 4—6].

Это небольшие глиняные изображения округлых буханок хлеба диаметром до 30 и высотой 10—15 см. Чаще встречаются их миниатюрные копии. В глине «хлебцов» попадаются крупные отпечатки растительных примесей и злаков. Их магическое значение несомненно. В Лепесовке большое количество «хлебцов» найдено в доме-святилище. Один из «хлебцов» из Корчака орнаментирован крестом, нанесенным пальцем по сырой глине.

У многих земледельческих народов хлеб являлся одним из важнейших элементов обрядовых действий. Такие обряды прослежены на Украине и Белоруссии вплоть до конца XIX — начала XX в. [Сумцов, 1885].

Определенную мифологическую функцию выполняли сакральные камни — символ мощи и вечного существования [Даркевич, 1960.— С. 62—63]. Культ камня был распространен в раннем средневековье в северо-западной части восточнославянского мира. По своему происхождению он не связан со славянским этносом и унаследован от аборигенного населения [Седов, 1982.— С. 264]. Это большие камни с ямками, выемками, «следами» ног человека или животного. Они известны в Новгород-Псковской земле и на территории Белоруссии [Седов, 1982.— С. 264].

По мнению В. П. Даркевича, у славян камни не были предметом культа, а лишь его составной частью и использовались, очевидно, как жертвенный алтарь [Даркевич, 1960.— С. 63]. Одним из таких памятников является камень из Межигорья Тернопольской области [Винокур, 1972.— С. 115]. Это плоская каменная плита площадью 4,6×2,5 м, опирающаяся на три более мелких камня. В одном из его углов выбит крест размерами 0,72×0,8 м, который соединяется двумя канавками-стоками, уходящими к концам плиты с незначительным наклоном. По-видимому, плита служила для языческих жертвоприношений. Вокруг камня обнаружены ма-

териалы от раннежелезного века до средневековья [Винокур, 1972.— С. 115].

Еще одним памятником такого рода является камень, обнаруженный Н. М. Кравченко на поселении Обухов III [1975.— С. 301]. На трех гранях большого гранитного валуна помещены разнообразные солярные знаки, растительные узоры, изображения людей и зверей. По мнению автора исследований, памятник относится к III—IV вв. и принадлежит носителям киевской культуры.

Почти на каждом исследованном памятнике I тыс. н. э. на поселениях и могильниках встречаются многочисленные украшения, передающие языческую символику и мифологию. Наибольший интерес представляют амулеты, которые подвешивались на шнурок, одевались на шею или же носились в мешочках. Они относятся к предметам заклинательной магии [Седов, 1982.— С. 266]. Оберегами становились предметы из металла, кости, камня, глины. Наиболее распространены всевозможные подвески с дырочками или ушками. Они хорошо известны среди населения зарубинецкой культуры [Максимов, 1972.— Табл. XXIX, 15; Кухаренко, 1964.— Табл. 15, 17]. Они имели пирамидальную, трапециевидную, квадратную, округлую формы и нередко украшены точечками и линиями, образующими разнообразные узоры. Довольно характерны для зарубинецкой культуры и шумящие подвески-амулеты. Из них составлялись ожерелья, куда входили металлические бубенчики, подвески спиралевидной формы, всевозможные кружочки и цепочки [Кухаренко, 1964.— Табл. 15, 9; Максимов, 1972.— Табл. XXV, 2; XXVI, 6]. Смысл ношения шумящих ожерелий заключался в том, чтобы отгонять злых духов не только с помощью входивших в их состав подвесок, но и самим звуком, издаваемым при движении.

Распространены среди племен Днестро-Днепровского междуречья I тыс. н. э. лунницы — амулеты-подвески, связанные с почитанием луны. Луна, как и солнце, — добрые божества, противники и каратели всякой нечистой силы

и зла. Их появление приносило жизнь, здоровье, благополучие. Эти свойства были перенесены на условные изображения светил — лунницы, игравших роль чудесных оберегов [Даркевич, 1960.— С. 56—67]. Такие лунницы известны в зарубинецкой, киевской, черняховской культурах [Максимов, 1982.— Табл. XXXII, 20; Баран, 1964.— Рис. 5, 8]. Рассматривая лунницы, Б. А. Рыбаков отмечает: «Если руководствоваться мифологией, то их следует считать принадлежностью девичьего убора, так как Селена, богиня Луны была покровительницей девушек» [Рыбаков, 1971.— С. 17].

В черняховской культуре наиболее распространенными были пирамидальные, колоколо- и ведековидные подвески. Их связывали с солнечным божеством — покровителем земледелия.

Нередко такие подвески встречаются на одной нитке с раковинами [Винокур, 1972.— С. 137]. В качестве оберегов использовались бусы с антропоморфными изображениями (Черняховский могильник) [Винокур, 1972.— С. 137]. По мнению И. С. Винокура, оберегами, возможно, являлись фибулы в виде птицы (тотем?), распространенные на черняховских памятниках Поднестровья [1979.— С. 139]. Довольно часто славяне в качестве оберегов использовали клыки и кости хищных зверей, главным образом медвежьи и кабаньи. Они должны были «отпугивать зло», охранять, как и у других народов, от сглаза [Сумцов, 1886.— С. 6].

По мнению некоторых исследователей, роль оберегов могли играть некоторые категории железных ножей. Их не использовали по прямому назначению, а только для магических функций — умерщвления злого духа [Зеленин, 1931.— С. 729]. Есть данные, свидетельствующие об использовании племенами черняховской культуры черепов лошадей, почитающихся как атрибут солнца. Так, на поселении в Ломоватом обнаружено захоронение лошадиного черепа и четырех ног. На поселении в Журавке-Ольшанской в двух землянках на полу лежали лошадиные черепа, которые, по мнению автора исследований, упали с конька крыши.

Очевидно, они являлись оберегами [Сымонович, 1964.— С. 334].

Богатый и разнообразный материал по изучению представлений древних об окружающем мире дают изображения на керамике, бытовых и хозяйственных предметах. Они говорят не только об эстетических вкусах наших предков, но и об их идеологических представлениях, связанных с земледельческим укладом жизни. По-видимому, считалось, что магические обряды, совершавшиеся с предметами, украшенными сакральной символикой, должны были обеспечить плодородие почвы, высокие урожаи, защиту урожая от «злых сил» [Винокур, 1969.— С. 52], уберечь человека от болезней.

На многих памятниках I тыс. н. э. найдены фрагменты или целые сосуды с изображением разнообразных солярных знаков или креста. Они известны в культурах лукашевской, зарубинецкой, пшеворской, черняховской, карпатских курганов, в славянских древностях второй половины I тыс. н. э. (рис. 91, 1—6).

Солярный знак в виде свастики — космогонический символ. Он происходит от равностороннего креста, вписанного в квадрат. Этот символ имеет связь с солнцем и огнем, определяя стороны в космосе (стороны света). Солярный знак тесно связан по содержанию со знаком креста, но отличается от него отростками, отходящими от каждого луча. Отростки первоначально символизировали вращательное движение древнего приспособления для добывания огня, а впоследствии обозначали движение солнца по небу [Даркевич, 1960.— С. 59].

Очень древним магическим знаком является крест (рис. 91, 5). Фигура образована четырьмя лучами. Число четыре у славян, по мнению В. П. Даркевича, как и у многих других народов, священо (четыре стороны света, четыре времени года, четыре стихии). У «Збручского идола» — четыре лика, у святилища-жертвенника в Киеве — четыре выступа [Даркевич, 1960.— С. 59]. Первоначально крест имитировал древнейшее орудие для добывания огня, позднее становится универсаль-

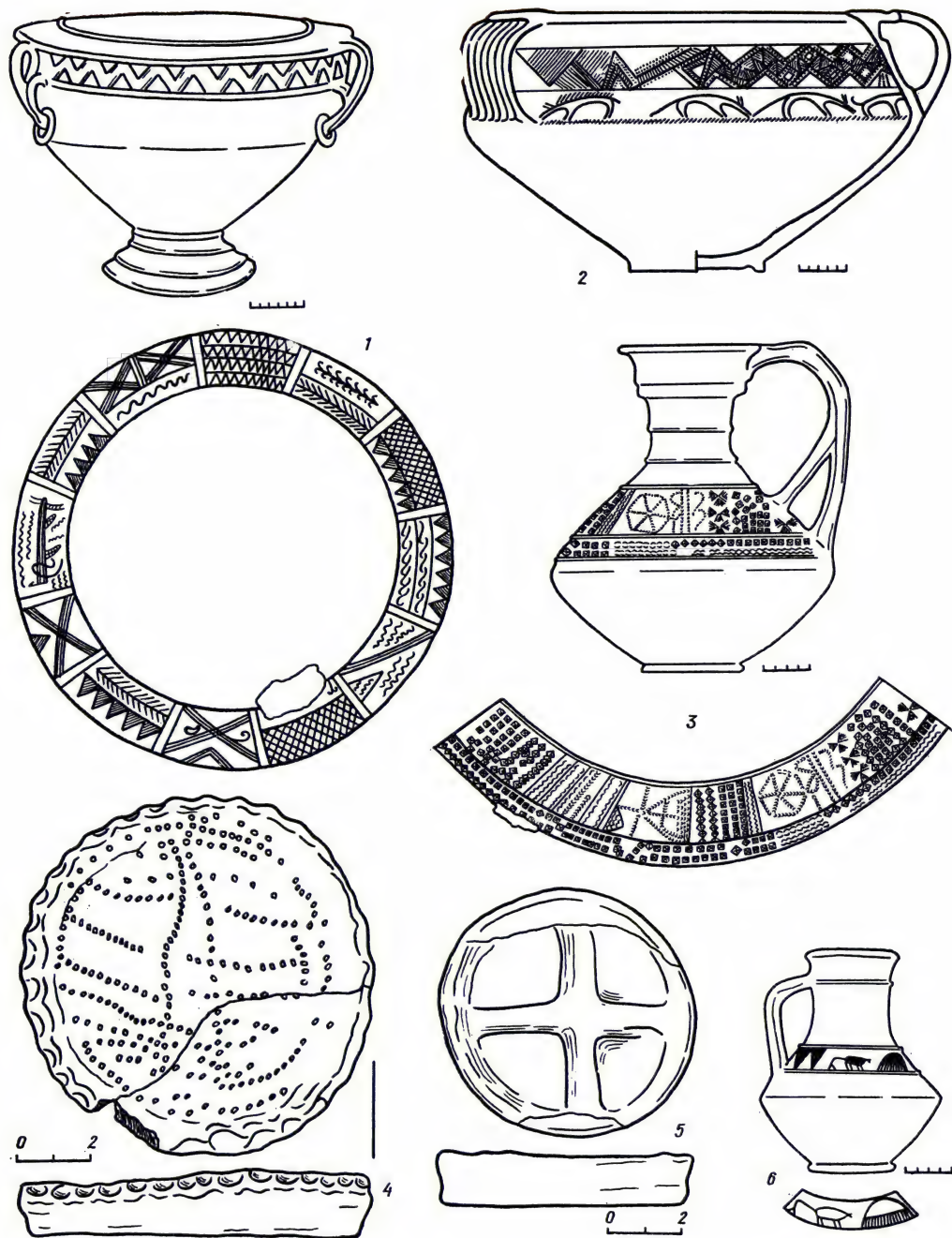
ной эмблемой огня и солнца как огня небесного. Крест стал символизировать соединение идеи небесного огня и огня на земле. В представлении древних славян крест — эмблема небесного огня — солнца. Как и огонь, солнце умиряет и возрождается в процессе движения по небу. В древности широко было распространено представление о небесном происхождении земного огня — нишпосланного небом. Крест является языческим очистительным символом воскресения и бессмертия. Как знак огня он был способен отпугивать нечистую силу и имел целебные свойства [Даркевич, 1960.— С. 58].

Крестовидные изображения особенно широко распространены на черняховской гончарной керамике. По мнению И. С. Винокура, сетчатый орнамент, довольно часто встречающийся на кувшинах и горшках, — не что иное, как система крестов [Винокур, 1972.— С. 134].

Еще одним знаком, нередко встречающимся на бытовых предметах, является круг. Этот орнаментальный мотив широко известен в черняховской культуре. Он представлен в виде циркульного орнамента на гончарной керамике, особенно кубках, предназначенных для ритуальных действий (Раковец). Форма круга издавна связывалась с формой солнечного диска. Широкое распространение кружкового орнамента свидетельствует об особом почитании солнца черняховцами. Нередко таким орнаментом украшали трехслойные костяные гребни. Особый интерес вызывают гребни с 12 кругами. Возможно, это отражение идеи 12 месяцев [Винокур, 1972.— С. 136].

Интересен также гребень из погребения № 54 овчарни совхоза «Приднепровский». Его украшали звездчатые изображения, выполненные пунктиром и как бы показывающие сияние светила. Э. А. Сымонович отмечал особое значение головы человека в магии черняховцев. Известны случаи специального разрушения могил для уничтожения черепа, а также особые захоронения черепов. Очевидно, предметы, связанные с уходом за волосами, должны были иметь особенно богатые очисти-

тельные и защитные знаки [Сымонович, 1964.— С. 344].

Одним из наиболее часто встречающихся орнаментов на керамике многих культур Украины I тыс. н. э. является зигзагообразный или волнистый орнамент и производные от него мотивы.

Рис. 91. Ритуальная керамическая посуда из памятников I тыс. н. э.:

1 — Лепесовка; 2 — Каборга IV; 3, 6 — Ромашки; 4, 5 — Рашков II.

Он известен на памятниках пшеворской культуры, широко распространен на черняховской керамике и керамике

славян VIII—XIII вв. (рис. 90, 7). Существует предположение, что зигзагообразный орнамент — стилизованное изображение змеи, обожествляемой многими древними народами [Сымонович, 1964.— С. 342].

На основании этнографических материалов Л. Я. Штернберг пришел к выводу о взаимосвязи волны и зигзага с молнией, огнем и водой — силами, способствующими плодородию [Сымонович, 1964.— С. 342]. Волнистый орнамент, выполненный в различной технике, украшает черняховские гончарные сосуды для хранения припасов, кубки, миски, кувшины — то есть сосуды, которые не ставились в огонь. На горшках для варки пищи он встречается редко. По мнению Э. А. Сымоновича, сосуды с такими знаками должны были охранять воду и пищу. Приготовленная на огне пища или же очищенная его знаком должна была предохранять человека от болезни, укрепить его силы [Сымонович, 1964.— С. 343].

Довольно распространены на гончарной керамике черняховской культуры сюжеты, выполненные фигурными штампами: звездчатые розетки, концентрически вписанные друг в друга циркульные кружки и пр. Кружки окружались зубчиками и пунктирными линиями. Таким орнаментом украшали также кубки, костяные пирамидальные подвески, гребни, пряслица (рис. 90, 8—10). Эти мотивы являются знаками солнца, луны, звезд. Зубчики, пунктиры вокруг кружков символизировали животворные лучи, приносящие на землю тепло и плодородие, и выполняли функцию очистительной силы [Сымонович, 1964.— С. 343]. По мнению В. П. Даркевича, розетка — солярный символ, воплощение идеи о связи животворных солнечных лучей и обильного прорастания растений [1960.— С. 60].

На славянских памятниках нередко встречаются пряслица с разнообразным орнаментом (рис. 90, 7—10). Некоторые исследователи склонны рассматривать орнамент на пряслицах как знаки собственности [Пачкова, 1974.— С. 126]. Очевидно, эти знаки имеют более глубокий символический смысл и

выполняют роль оберегов от «злых сил» при изготовлении одежды.

Все описанные выше знаки на предметах повседневного быта свидетельствуют об утилитарности представлений славянских племен I тыс. н. э. Все они несут в себе идеи, связанные в основном с хозяйственным благополучием (плодородие, защита урожая, пищи, защита человека от «злых сил»). Однако ряд данных свидетельствует и о более высоких устремлениях населения Украины I тыс. н. э., о желании более глубоко познать окружающий мир, об адаптации к наиболее необходимым земледельцу законам природы. Свидетельством этого являются черняховские керамические сакральные изделия с системой символических знаков из Ромашек и Лепесовки (рис. 91, 1, 3). Они изучены Б. А. Рыбаковым и интерпретированы как языческие календари [1962.— С. 66—89]. В Лепесовке два сакральных сосуда найдены внутри жертвенника. Это большие трехручные вазы с подвешенными глиняными кольцами на ручках. Плоский широкий венчик одной из чаш разделен на 12 секторов с различными рисунками в каждом из них. По мнению Б. А. Рыбакова, секторы несут в себе символы 12 месяцев, образующих годовой цикл. Сами сосуды предназначались для новогодних гаданий и заклинаний. В них хранилась священная вода, с помощью которой и совершались гадания об урожае [Рыбаков, 1962.— С. 71].

Сакральный сосуд из Ромашек — кувшин, украшенный двухъярусным орнаментом [Брайчевский, 1960.— С. 113]. В верхнем ярусе помещены магические знаки, а нижний покрыт штампованными квадратами, изображающими отдельные дни и календарно точно обозначенные числа важнейших языческих празднеств в честь Ярилы, Купала и Перуна [Рыбаков, 1962.— С. 77—80].

Несколько сакральных сосудов черняховской культуры со сложной календарной символикой выявлено и изучено И. С. Винокуром [1969.— С. 48—64]. Два из них найдены в могильнике Раковцы. Сосуд из погребения № 4 выполнен в форме кубка с плоским дном

и округлым корпусом. Он помещался в трехручной сакральной вазе и закрыт сверху миской. Орнамент расположен двумя ярусами. В каждом ярусе изображено четыре солярных знака. Между ними — дугообразные и прямые линии с разным количеством знаков в каждом ряду.

Второй сосуд, также в форме кубка, орнаментирован в два яруса. В первом изображено 14 звездчатых знаков, во втором — 6. Они расположены между дугообразными линиями. Пространство между ними покрыто оттисками гребенчатого штампа. Кроме того, в обоих ярусах сделаны треугольные вдавления. В верхнем ярусе их 36: по 18 сверху и снизу, в нижнем — 24. По мнению И. С. Винокура, сосуды следует рассматривать вверх дном. Округлая сферическая форма кубков символизирует идею неба. Рисунки должны передавать блеск дневного неба, озаренного яркими лучами солнца. Солярные знаки — солнце, посылающее благодатное тепло на землю и способствующее обильному урожаю [Винокур, 1969.— С. 51]. Интересен кувшин из черняховского погребения в Гнатках [Винокур, 1969.— С. 51]. Орнамент расположен в двух ярусах в верхней части корпуса. В верхнем ряду специальным штампом нанесено семь растительных символов-колосьев. Между ними — шесть солярных знаков. Нижний ярус заполнен солярными знаками штрихованными линиями, очевидно, символом земли. Смысл орнаментации, по мнению И. С. Винокура, заключается в идее взаимосвязи солнца, земли и растительности [Винокур, 1969.— С. 51].

Подобная идея заложена в орнаментике черняховского сосуда из Браги Хмельницкой области, сочетавшей солярные и растительные знаки [Винокур, 1969.— С. 53].

Если памятники со знаковой символикой, простой и доступной по исполнению и выразительности, можно встретить практически в каждой культуре, то зооморфные изображения, несущие не менее важную смысловую нагрузку, встречаются крайне редко. Это глиняная фигурка птицы из поселения рубежа нашей эры в Великой

Слободке I Хмельницкой области, глиняный конек из поселения последних веков до н. э. у с. Горошова на Днестре * и изображение медведя на ручке вазы из поселения зарубинецкой культуры Бабина Гора в Поднепровье [Максимов, 1982.— Табл. X, 2], а также костяная фигурка птицы из черняховского поселения Слободка на Волыни [Винокур, 1960.— С. 86].

Медведь, как и олень, в античной мифологии связывался с лунарным культом плодородия [Szatranski, 1975.— С. 325].

Большого внимания заслуживают зооморфные изображения на гончарной керамике черняховской культуры, собранные Э. А. Сымоновичем [1983.— С. 132—140]. Изображения иногда объединены в сцены глубокой и сложной символикой, например сцена пахоты на фрагменте керамики, найденном на поселении у с. Черепин [Брайчевский, 1961.— С. 138—184]. Изображение имеет три яруса.

Верхний — из косых пунктиров и волнистых линий, нанесенных при помощи штампа. В среднем помещены изображения коней, идущих друг за другом. Третий заполнен орнаментом в виде розетки — знака космического порядка. Фигура коня во втором ярусе повернута головой направо, голова поднята, морда опущена книзу. Корпус несколько подан назад. Передние ноги вытянуты вперед и соединены, задние разделены. С помощью треугольников изображены грива лошади и трава.

За конем виден вертикальный брус. По мнению М. Ю. Брайчевского, это соха или плуг, состоящий из вертикальной части — грядила — и горизонтальной рабочей части — полоза. Как видим, здесь изображена сцена пахоты.

Изображение коней помещено на черепке из могильника Бережанка [Волыник, 1974.— С. 75]. На нем в два яруса оттиснуты фигурки коней, окруженные зубчатыми рамочками. Фигуры коней переданы как бы присевшими на задние ноги.

* Фонды Каменец-Подольского пединститута.

Не меньший интерес вызывает композиция на кувшине из Ромашек [Сымонович, 1983.— С. 134—135], изображающая животное и какое-то сооружение (рис. 91, 6). Э. А. Сымонович считал, что это стог сена, поднятый на вертикальных столбах: место для просушки хлеба перед обмолотом — «овин» — священное место для славян.

Кони, волю, пахота играли чрезвычайно важную роль в жизни черняховцев-земледельцев. На рисунках четко выступает идея связи солнца, земли и плодородия.

Еще один вид домашних животных изображен на трехручной вазе из Каборги IV [Магомедов, 1979.— С. 29] (рис. 91, 2). Среди обычного для черняховской культуры геометрического орнамента, состоящего из ромбов и треугольников, помещен фриз, где углубленными линиями переданы трое животных, следующих цепочкой вправо. Четвертое животное помещено под ручкой вазы. Пятое обращено головой в левую сторону и размещено на некотором расстоянии от остальных. Очевидно, животные пасутся. У них короткие ноги и тупые морды, причем на морде одного из них видны клыки. По справедливому определению Б. В. Магомедова и Э. А. Сымоновича, рисунок передает сцену пастьбы свиней.

Таким образом, на ритуальных сосудах изображались только домашние животные (конь, вол, свинья). Без сомнения, они играли важную роль в мифологических воззрениях черняховцев, особенно в аграрных культах плодородия и солнца. Большую роль в магических действиях носителей памятников черняховской культуры играла также домашняя птица — петухи и куры. Кости этих птиц и яичную скорлупу часто, как отмечалось выше, находят в погребениях черняховцев.

Еще в эпоху бронзы водоплавающие птицы связывались с солнцем и солярным культом [Antoniewicz, 1957.— Р. 325], поэтому нередко являлись символом какого-то божества. Позднее в Древней Греции и Риме, богам мира умерших приносили в жертву петуха; в германской мифологии ворон был птицей Одина — солярного бога и одно-

временно предводителя душ умерших [Eliade, 1966.— Р. 346]. В погребениях остатки птицы могли быть жертвоприношением, обеспечивающим счастливую загробную жизнь.

О важной роли птицы в представлениях древних свидетельствуют ее изображения. В этой связи представляет интерес фрагмент черняховского сосуда из Кодыма. На нем помещены петухи, шествующие друг за другом вправо. Под ними нанесен орнаментальный пояс, выполненный зубчатым колесиком в виде параллельных линий [Сымонович, 1983.— С. 133]. Не менее интересно изображение птицы на костяной пластинке из Ромоша (вельбарская культура) [Кропоткин, 1974.— С. 295]. Пунктирными линиями здесь изображено существо, присевшее на ноги. У него прямоугольное туловище, заштрихованное параллельными линиями, длинная шея с вертикально торчащим на голове ухом и короткий хвост.

Еще одно изображение птицы встречено на славянском поселении VII—IX вв. у с. Рашков. Оно выполнено точками на дне небольшой глиняной сковородки (рис. 91, 4). Четко видны длинная, сужающаяся к голове шея и маленькая голова, а также как бы распростертые крылья. Птица напоминает голубя.

Важное место среди памятников мифологии не только территории Украины, но и всей Европы занимает обкладка ножен меча из могильника пшеворской культуры у с. Гринев Львовской области (рис. 92). Памятник относится к 20—40-м годам нашей эры. Ножны вместе с мечом и другим оружием этого времени принадлежали знатному человеку, скорее всего племенному вождю или вождю группы племен Поднестровья. Они не имеют аналогий в культурах Европы и выполнены, очевидно, по индивидуальному заказу [Козак, 1982.— С. 533—545]. Обкладка состояла из трех частей: тыльной, нижней и лицевой. Лицевая часть — комбинированная: низ окован бронзовой бляхой, как и тыльная сторона, а верх украшен отчеканенными в бронзе ажурными зооантропоморфными

изображениями. Длина фрагмента 21,7, ширина 3,54 см. Изображения на ажурной обкладке отделены перегородками таким образом, что композиция оказывается пятиярусной. Центральный ярус по размерам больше других. Он заполнен сценой священного брака. В верхних двух сценах изображены волк (собака?) и грифон, в нижних — баран и всадник на коне в окружении растительных побегов [Козак, Орлов, 1982. — С. 104—114].

Раскрывая смысл изображений, Д. Н. Козак и Р. С. Орлов подчеркивают, что их нельзя трактовать как бытовые или жанровые, а только как воплощение определенных мифологических сюжетов. Содержание композиции устанавливается с помощью сопоставления сюжетов искусства этой эпохи с антропо-зооморфными образами индоевропейской мифологии. Центральная сцена священного брака героя мифа построена в полном соответствии с дуалистической системой двоичных противопоставлений признаков: левый — женский, правый — мужской. Фигуры обнажены, подчеркнуты их половые признаки. У них непропорционально большие головы. У мужчины короткие волосы, у женщины — длинные, заплетенные в косу. Выделены уши, дугообразные брови, прямой нос, губы. У мужского персонажа отсутствуют борода и усы.

Мифическая эпоха — это «эпоха первопредков и перводействий» [Мелетинский, 1976. — С. 173]. Центральным персонажем мифологии выступал так называемый культурный герой, первопредок, задачей которого было упорядочение мироустройства, обуздание сил хаоса, создание космоса. Культурный герой выполнял также функции родоначальника.

Необходимым условием для этого был священный брак, который подчеркивал бы сверхъестественное происхождение первопредка.

В центральной сцене гриневской обкладки изображен, по-видимому, космогонический акт, предшествующий рождению первопредка. В верхней части обкладки, над сценой священного брака, помещен грифон — крылатое поли-

морфное существо с головой грифа или орла. Грифон передан головой вправо. Согласно греческой традиции, гри-

Рис. 92. Обкладка ножен меча. Гринев.

фон — существо, посвященное солнцу и иногда являющееся атрибутом Аполлона [Лосев, 1957.— С. 284]. В индоевропейской мифологической традиции образ грифона воплощал огненное начало и связывался с преобразованием вселенной, то есть космогенезом. Такая же роль отводится грифону в космогонических сюжетах на хорезмских сосудах [Раппопорт, 1977.— С. 58—71].

Верхний ярус обкладки занимает изображение хищника — волка-собаки (?). Передней лапой хищник держит птицу (рыбу?) и касается ее пастью. Это не сцена терзания. Помещенная здесь жертва лишь подчеркивает основную функцию зооморфного образа. В славянской мифологии волк отождествлялся с Велесом — богом скота — и выступал зооморфным противником бога грозы [Иванов, Топоров, 1974.— С. 31—75].

Ниже сцены священного брака помещены баран, поедающий стебли, и антропоморфный герой-воин на боевом коне с копьем и щитом. На щите хорошо различается умбон. Военная функция героя-всадника тесно связывалась с обеспечением плодородия. Мотив борьбы бога-героя с силами хаоса и как результат высвобождение плодородия земли и процветание скота — относится к основному космогоническому аспекту индоевропейской мифологической традиции [Иванов, Топоров, 1974.— С. 31—75].

Связь образов героя-всадника и барана находит аналогию в образе фракийского Хероса, в котором проступает сочетание военной и аграрной функций. Сказанное согласуется с гипотезой Ж. Дюмезиля об индоевропейской триединой системе мифологических функций — магической и юридической: власть, воинская сила, плодородие [Dumezil, 1958].

Пространственно отдельные сюжеты обкладки в соответствии с формой ножен расположены вертикально, что позволяет соотносить композицию с вертикальными моделями мифологических систем. К ним относится космическое дерево — универсальный знаковый комплекс [Топоров, 1971.— С. 13]. Вер-

тикальная модель составляет основу скандинавской мифологии. Это дерево Иггдрасиль, с которым связана судьба всего мира. Для мирового дерева, как и для любой вертикальной космической модели, характерны дифференциация и противопоставление верха и низа, жизни и смерти, вальхалы и царства мертвых, вершины с орлом и корней со змеей Нидхеггу [Старшая Эдда, 1963.— С. 31—57].

Таким образом, семантика сюжетов обкладки дает представление о понимании пшеворскими племенами структуры упорядоченного мироустройства, преобразованной вселенной. В таком случае верхнюю часть композиции, образы волка и грифона, можно соотносить с небом. Со средним уровнем мирового дерева — промежуточным между небесным и подземным миром — можно соотнести барана, объединяющего его ветви, как коза и олень в скандинавской мифологии объедают ветви Иггдрасиля. В этом образе проступает также идея плодородия.

В качестве стража подземного мира следует рассматривать героя-всадника. Военная функция героя подтверждается его военными атрибутами — щитом, копьем, конем. Конь — активный помощник героя, символ его власти, имеющий важное значение в древних культах и ритуалах, связанных с небесными и солнечными богами [Кузьмина, 1977.— С. 28—52].

Центральный сюжет обкладки — сцена священного брака — отражает, очевидно, главный элемент структурной модели мира — космогонический акт, наиболее архаичными носителями которого были небо-отец и земля-мать. В более развитых мифологиях, как и в нашем случае, в процессе космогенеза уже участвуют группы богов-демиургов — мифологических персонажей героического типа [Козак, Орлов, 1982.— С. 113—114].

Вопрос о происхождении памятника сложен и окончательно не решен. Уникальность стилистических особенностей изображения не позволяет отнести его к кельтскому, гето-фракийскому или германскому искусству. Однако в иконографии отдельных образов, особенно

зооморфных, ощущаются традиции фракийского искусства, в антропоморфных — кельтского. Ножны изготовлены, по-видимому, на периферии провинциально-римских влияний. У них, очевидно, местная, еще мало изученная подоснова, о чем свидетельствуют стилистическое единство всех изображений, а также разработанная иконография. В ней использованы уже известные в искусстве Европы образы, соотносимые со структурными элементами индоевропейской мифологии.

Анализ археологических источников позволяет заключить, что древние славяне и их соседи (германцы, фракийцы) имели довольно развитую языческую мифологию и организованные формы культа как выражение их мифологических представлений. Экономической основой жизни этих людей было земледелие, что определяло сходный характер языческих верований. В первую очередь почитались божества, связанные с аграрным культом. Особенное значение имело обожествление неба и небесных светил, олицетворявших высшие силы. Из летописей нам известны славянские божества солнца Сварог, Дажьбог, Хорс. Культ солнца воплощался в символических знаках на керамике, украшениях, предметах быта на протяжении всего I тыс. н. э. По мнению С. А. Токарева, у славян существовал также культ богини земли [1965.— С. 229]. Богом скота был Велес, он же, возможно, являлся богом богатства, а также имел отношение к обрядам, связанным с уборкой урожая. Определенную роль в земледельческом культе играл Стрибог — бог ветра [Седов, 1982.— С. 268]. Непосредственно с аграрным культом связан образ Переплута-Симаргла — бога растительности и плодоносящей силы, защитника семян, растений, изобилия и богатства [Рыбаков, 1967].

Древние славяне обожествляли силы природы: воду, огонь, лес, деревья, поселения в них многочисленных божков. Из летописных данных известны леший, лешук, водяной, полудница. Очень распространенным был культ русалки — девушки, живущей в поле, лесу, воде [Зеленин, 1916; Токарев, 1965.—

С. 233]. Исконно славянскими древними образами были берегини, водяницы, упыри.

Археологические источники свидетельствуют о том, что языческие верования славян имели в большинстве случаев сугубо утилитарный характер. Основная идея этих верований — хозяйственное благополучие и процветание рода. Как показывают материалы черняховской культуры, ее носители владели определенной суммой положительных знаний, что особенно проявилось в умении составлять хозяйственные календари. В них отражены знания о движении небесных светил, закономерности развития природы.

Наряду с почитанием сил природы, носившего неопределенный аморфный характер, среди племен Юго-Восточной Европы, в том числе славян, уже на рубеже нашей эры начала формироваться система антропоморфных божеств. Последнее предполагает более четкую классификацию мифологических образов, определение их основных функций. Идолы черняховской культуры составляют, по-видимому, завершающее звено антропоморфизации мифологических воззрений древних славян, являясь предшественниками знаменитого «збручского идола». По мнению А. Ф. Лосева, героический антропоморфный облик мифологических персонажей — высший этап в развитии мифологических воззрений древних народов [1957].

Восточные славяне в рассматриваемый нами период прошли несколько этапов социального развития: в I—VII вв. они находились на завершающей стадии разложения первобытнообщинного строя, когда еще господствовала первобытная соседская община, позже — этап формирования классового общества и государственных образований. Каждой из этих стадий соответствовали свои формы организации сакральных действий. На стадии существования патриархально-родового общества у славян преобладал, по-видимому, семейно-родовой культ в виде почитания предков. Для этой же ступени характерны и общинные культы, связанные прежде всего с земледелием как

основой экономического развития славянского общества. Сакральными памятниками семейно-родового общинного характера являются рисунки на хозяйственно-бытовых предметах, общинные святилища и жертвенники, расположенные на селищах (Загаи, Городок, Иванковцы, Ягнятин).

Более высокой ступени общественно-го развития славян соответствовали племенные и межплеменные сакральные центры VIII—IX вв.: святилища-городища, известные на Буковине и в Среднем Поднестровье. По мере усиления классового расслоения, на стадии перехода к государственным формам жизни, возникли условия для превращения племенных, межплеменных богов и культов в государственные [Токарев, 1965.— С. 232]. Попытался осуществить такую реформу, как известно, князь Владимир Святославич в 980 г., создавший на Андреевской горе в Киеве капище, где разместил основных богов славянских племен и велел приносить им жертвы. Этой реформой он стремился утвердить пантеон официальных богов единого княжества для придания ему идеологического единства [Токарев, 1965.— С. 232].

Сложен и дискусионен вопрос о наличии и времени появления жрецов у славян. По мнению С. А. Токарева, ритуал родового культа выполнялся, скорее всего, главами семей и родов. Общественные культы находились в руках профессиональных исполнителей сакральных действий. Письменные источники называют этих людей — ведуны, волхвы, чародеи, кудесники, вещие, ворожцы [Токарев, 1965.— С. 236]. В. В. Седов, характеризуя мифологию древних славян, предполагает, что родовые, племенные и межплеменные ритуалы совершались родовыми и племенными старейшинами, а также князьями [1982.— С. 268], отрицая, таким образом, наличие жрецов. Однако довольно высокий уровень организации мифологических верований у древних славян, подтвержденный археологическими данными, несомненно, предполагает довольно раннее появление служителей культа — исполнителей ритуальных действий.

Свидетельством сказанного являются общинные святилища, известные у славян в первые века нашей эры. Это специальные места для молений и жертвоприношений, которые следовало содержать в порядке, на них совершались ритуальные действия.

Последнее не отрицает участия старейшин, вождей, князей в сакральных церемониях. Очевидно, им принадлежало первенство в выполнении жреческих функций. Они были хранителями обычаев и мифов, совершали наиболее важные ритуальные действия.

Подтверждением служат материалы княжеского кургана Черная Могила в Чернигове, относящегося к X в. Здесь среди сопровождающих погребенного вещей обнаружены предметы культового характера: бронзовый идол, жертвенный нож, кости для гаданий [Рыбаков, 1949.— С. 43—46].

Не менее дискуссионным является вопрос о верховном божестве славян. Б. А. Рыбаков считает, что таким божеством до X в. был бог Род. Он пишет: «Христианскому богу Саваофу противопоставляется не Перун, а его стадийный предшественник, древний земледельческий бог Род, божество неба, молний, дождя, всей природы, рода человеческого и даже подземного мира» [Рыбаков, 1981.— С. 603—604].

Перун — бог грома и молний — введен в языческий пантеон, по мнению Б. А. Рыбакова, лишь в X в. — во времена Владимира Святославича [Рыбаков, 1962.— С. 88]. В. В. Седов считает, что Перун стал общеславянским богом грома и молний во второй половине I тыс. н. э., а божество Род, главенствующая роль которого в мифологическом пантеоне славян относится к глубокой древности, стал в это время домашним божеством, возможно, божеством семейных общин [1982.— С. 268]. При этом В. В. Седов опирается на известие византийского автора VI в. Прокопия из Кесарии, писавшего: «Они, склавтины и анты, считают, что один только бог, творец молний является властителем всего мира и приносят ему в жертву богов и всех других животных...» Однако в данном отрывке не

упоминается имя этого божества. Им мог быть и Род, и Перун, и, возможно, еще какое-то божество.

И. С. Винокур поддерживает мнение Б. А. Рыбакова. Он допускает, что большинство жертвенников-капищ с идолами, известных в Среднем Поднестровье, посвящены богу Роду. Во второй половине I тыс. н. э. Род своеобразно олицетворяется в збручском Святовиде — верховном божестве, сформировавшемся на границе восточно- и западославянского мира [Винокур, 1972.— С. 121].

Своеобразную мысль по этому вопросу высказал С. А. Токарев [1965.— С. 224, 230—231]. Он отрицает мнение Б. А. Тимощука о Роде как верховном божестве славян в дохристианскую эпоху. По его мнению, древние славяне никогда не были объединены ни поли-

тически, ни экономически и едва ли они могли иметь общих богов и общие культуры. Очевидно, пишет исследователь, у каждого племени были свои предметы почитания, а у каждого рода — свои.

Однако С. А. Токарев допускает, что некоторые из племенных богов могли получить более широкую известность, став, таким образом, межплеменными [1965.— С. 231].

На уровне сегодняшних знаний однозначное решение данного вопроса вряд ли возможно. Эта проблема, как и ряд других проблем славянского язычества, может быть раскрыта лишь на основе глубокого и комплексного изучения всех данных письменных источников, археологии, фольклора, народного эпоса, этнографии, лингвистики, народных искусств [Рыбаков, 1981].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ археологических древностей рубежа и I тыс. н. э. Юго-Восточной Европы открыл всю сложность этнокультурных процессов на данной территории. Важнейшим результатом, с одной стороны, является определение тех этнокультурных признаков, которые свидетельствуют о беспрерывном развитии субстратного славянского населения в лесостепной части Юго-Восточной Европы на протяжении всего I тыс. н. э., а с другой — элементов материальной культуры, привнесенных извне ираноязычным, фракийским, германским, балтским, а в дальнейшем и тюркским населением. Взаимоотношения и переплетение экономических и политических интересов субстратного и пришлого населения отражены в археологических материалах.

Они представляют одну из важнейших закономерностей исторического развития Юго-Восточной Европы в I тыс. н. э., без учета которой не могут быть поняты многовековые процессы сложения славянской этнической общности, раскрыты исторические корни славянства.

Анализ и сопоставление материалов археологических культур рубежа и I тыс. н. э. территории Юго-Восточной Европы привели авторов настоящей работы к выводу о том, что ни автохтонная, ни тем более миграционная теории происхождения славян сами по себе не в состоянии объяснить всю сложность формирования и исторического развития славянской этнической общности.

Вторым важным результатом археологических изысканий последних десятилетий является заполнение хорошо датированными памятниками хронологических лакун, существовавших для второй половины I—II в. н. э. после упадка зарубинецкой культуры в ее классическом проявлении и в V в. накануне сложения славянских раннесредневековых культур. Это начисто перечеркнуло «теорию» хиатусов о полном запустении лесостепной части Юго-Восточной Европы в середине I тыс. н. э. и открыло новые возможности ретроспективного поиска истоков раннесредневековых славянских древностей. Можно считать доказанным, что лесостепная зона Юго-Восточной Европы начиная с рубежа I тыс. н. э. никогда не была полностью лишена коренного населения. Ни переселение германцев с северо-запада на юго-восток, ни встречные им потоки сарматов с юго-востока и фракийцев с юга, зафиксированные письменными источниками и археологией в римское время, никогда не приводили к уничтожению или полному вытеснению местного населения. Такие передвижения лишь изменяли политическую обстановку, разрушали сложившиеся племенные структуры, привносили новые элементы в местную материальную культуру, давали новые направления экономического и политическим связям.

Однако даже в этой сложнейшей обстановке, проявившейся археологически в интеграции разнотнических элементов материальной культуры субстратного и пришлого населения (волыно-

подольская группа и позднезарубинецкие памятники, черняховская и киевская культуры) не остановили в своем развитии те этнокультурные направления, которые завершились образованием раннесредневековых союзов славян, представленных близкими по содержанию культурами — пражской, пеньковской и колочинской.

В настоящее время после открытия славянских памятников, датирующихся V в., а возможно, и концом IV в., в пограничье Лесостепной и Лесной зон Восточной Европы нет сомнения в том, что эту территорию следует признать регионом формирования раннесредневековых славянских культур (см. рис. 74). Тем более, что на всех сопредельных территориях славянские раннесредневековые древности датируются не ранее VI в. и более поздним временем.

На территории от Сейма до верховьев Прута и Днестра открыты памятники (Теремцы и Сокол на Днестре, Хлопков на Туребеже, Хитцы в устье р. Удай (приток Сулы) и многие другие), для которых, с одной стороны, характерны черты, близкие киевской и днестровской группам черняховских древностей, а с другой — свойственные славянским раннесредневековым культурам — пеньковской, колочинской и пражской. Они-то и являются тем недостающим звеном, которое увязывает славянские древности римского и раннесредневекового времени.

Именно на территории, очерченной памятниками V в. (см. рис. 74), в пограничье Лесостепи и Леса от верховьев Сейма и Псла до верховьев Западного Буга и Днестра расположены памятники, которые начиная от зарубинецкой и волыно-подольской групп до раннего средневековья, в хронологической последовательности отражают черты материальной культуры славян (см. рис. 68—71). Их территориальная стабильность во всех периодах первой половины I тыс. н. э. свидетельствует о том, что пограничная зона Леса и Лесостепи, содержавшая и древнейшие славянские гидронимы (см. рис. 77), входит в регион формирования славянской этнической общности — славянской прародины.

Вполне возможно, что в разные периоды более древнего времени (II—I тыс. до н. э.) славянские группировки занимали другие регионы Средней или Восточной Европы, перемещаясь в междуречье Днестра и Одера. Но мы сомневаемся в том, что до периода средневековья они на какое-то длительное время заселяли все это огромное пространство. В настоящее время еще нельзя археологически конкретно выделить славянские древности в культурах бронзового и раннежелезного периодов. Это одна из важнейших задач дальнейших исследований.

Началом сложения славянских раннесредневековых культур, открывающим новую страницу в славянской археологии, можно считать время разгрома гуннами готского объединения и славяно-готские войны, описанные Иорданом. Эти события, упадок Римской империи вызвали глубокие и сложные этнокультурные и социально-экономические изменения, положившие начало средневековью в Юго-Восточной Европе.

Гуннское нашествие 375 г., разгром существовавших племенных союзов и отход значительной части населения (готы, аланы) на юго-запад создают новую политическую обстановку. В конце IV — начале V в. в Юго-Восточной Европе на месте распавшегося готского объединения, состоявшего из разных этнических группировок степного и лесостепного населения, складывается новая культурно-этническая общность, ведущее место в которой занимают славяне. Письменные источники знают на этой территории славянские племена антов и склавинов. С ними и связываются памятники V—VII вв.

Во второй половине VII в. н. э. племена пражской, пеньковской и колочинской культур участвовали в образовании славянских культур последней четверти I тыс. н. э. На базе пражской культуры на территории Днепровского Правобережья формируются памятники типа Луки-Райковецкой, а в Средней Европе — других культурных групп. На Левобережье Днестра племена пеньковской и колочинской культур участвуют в сложении волынцевской культуры, предшествующей роменской.

Важнейшей особенностью V—VII вв., известных как эпоха «Великого переселения народов», является широкое расселение славян на юг — в Подунавье, на Балканский п-ов, и вверх по Дунаю, а также на запад — в междуречье Эльбы и Заале, где возникают новые славянские культуры, изучаемые в настоящее время археологами ГДР и ФРГ. Это был один из важнейших периодов в ранней истории славян, когда они, сохраняя единство, не только расселились на огромной территории Южной и Центральной Европы, но и сохранили в новых регионах свою самобытную культуру, многочисленные памятники которой являются в наше время важнейшими источниками для изучения их прошлого.

Процесс консолидации восточных славян в конце I тыс. н. э. охватил и северные области Восточной Европы. На широкой территории проживания восточных славян складываются сходные черты материальной культуры, а развитие социально-экономических отношений приближается к единому уровню. Этот процесс в значительной мере был обусловлен общим экономическим подъемом, достижениями в области земледелия и ремесла, развитием обмена, а следовательно, и более тесных связей между удаленными восточнославянскими областями. Вызванный экономическим подъемом рост численности населения способствовал расселению восточных славян в периферийные области. Распространение памятников типа Луки-Райковецкой в юго-западном направлении свидетельствует о повторных волнах восточнославянского расселения в VIII—IX вв. в Пруто-Днестровском междуречье — к низовьям Дуная, частично за Прут и Дунай. Продолжительное время, до начала II тыс. н. э., происходило поэтапное заселение восточными славянами Прикарпатья и Закарпатья. К VIII—IX вв. восточные славяне продвинулись на северо-востоке на Верхнюю Оку, а также Верхний и Средний Дон, где формируется культура, близкая к роменской (боршевская культура Подонья).

Основным вопросом этнокультурной карты Восточной Европы конца

I тыс. н. э. является определение культуры упоминаемых летописью группировок восточных славян, представлявших собой крупные союзы племен. При этом значительную трудность представляет определение культуры юго-западных групп восточнославянских племен, что неоднократно отмечалось в литературе. В результате широких исследований памятников VIII—IX вв. Среднего Поднепровья, Волыни, Поднестровья и Прикарпатья, проведенных в 60—70-х годах, значительно расширились наши знания о материальной культуре этого периода, что позволило связать определенные памятники и группы памятников с конкретными упоминаемыми летописью союзами племен.

Так, выделилась группа поселений Киевщины и Каневщины, которую многие исследователи относят к полянам. Памятники Южного Поднепровья и Побужья связываются с уличами, группа памятников Восточной Волыни — с древлянами, памятники Пруто-Днестровского междуречья — с тиверцами, группа поселений и могильников Прикарпатья и Закарпатья — с хорватами. Древности Западной Волыни и Верхнего Днестра V—VII вв. относятся к дулебам, а более поздние — к бужанам и волынянам, учитывая хронологическое отличие названия (дулебы — как более древнего). Более четко определены земли северянского союза Левобережья Днепра. Некоторые локальные проявления культур летописных союзов племен продолжают существовать и в последующий — древнерусский — период (X—XI вв.).

Восточные славяне поддерживали экономические и культурные связи с соседними алано-болгарскими племенами, создателями салтовской культуры Подонья и Приазовья, находившимися в политической зависимости от Хазарского каганата. О славяно-салтовских связях свидетельствует наличие у славян салтовской посуды и украшений, а у салтовских племен — жилищ и посуды славянского типа. Наиболее тесные связи между обеими группами населения на территории СССР устанавливаются на Северском Донце и в Степном Поднепровье, где аланы, славяне и

болгары проживают на одной территории.

Основные черты материальной культуры восточных славян лесостепной полосы, сложившиеся во второй половине I тыс. н. э., продолжают существовать в древнерусской культуре, свидетельствуя об исторической последовательности развития восточного славянства.

Важнейшим фактором, способствующим унификации восточнославянской культуры и сложению древнерусской, стало образование в IX в. Древнерус-

ского государства — Киевской Руси, куда вошло большинство восточнославянских союзов племен. Рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, строительство порубежных крепостей, населявшихся выходцами из различных областей Руси, военные походы русских князей, в которых участвовали воины всех объединенных земель, способствовали созданию единой древнерусской культуры и древнерусской народности, объединившей все восточнославянские племена, а также часть неславянского населения Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 13.— С. 1—167.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 23—178.

Абашина Н. С., Гороховский Б. Л. Керамика пизнозарубинецкого поселения Обухів III // Археологія.— 1975.— № 18.— С. 61—71.

Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. // СА.— 1961.— № 1.— С. 91—110.

Аверинцев С. С. К истолкованию мифа об Эдипе // Античность и современность.— М., 1972.

Агафий о царствовании Юстиниана.— М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953.— 221 с.

Айбабин А. И. К вопросу о происхождении сарматского типа // СА.— 1973.— № 3.— С. 2—72.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ.— 1978.— Вып. ГІ — 12.— 105 с.

Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян.— М.: Изд-во МГУ, 1973.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ.— 1966.— Вып. ДІ — 30.— 113 с.

Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА.— 1964.— № 1.— С. 56—71.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА.— 1971.— № 3.— С. 96—134.

Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) // СА.— 1973.— № 4.

Амброз А. К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.— С. 10—28.

Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V—первой половины VIII в. // Там же.— С. 38—42.

Амброз А. К. О Вознесенском комплексе

VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв.— М., 1982.— С. 204—222.

Анохин Г. И. К проблемам заселения и возникновения поземельной общины в древней Норвегии // Культура и быт народов зарубежной Европы.— М., 1967.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии.— К., 1895.

Анучин В. А. География Советского Закарпатья.— М.: Географиздат, 1956.— 296 с.

Арсеньева Т. М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V вв. н. э. // КСИИ.— 1981.— Вып. 168.— С. 43—47.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК.— 1935.— Вып. 131.

Артамонов М. И. Происхождение славян: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде в 1950 г.— Л., 1950.

Артамонов М. И. Белая Вежа // СА.— 1952.— Вып. 16.— С. 42—76.

Артамонов М. И. Славянские железоплавильные печи на Среднем Днестре // Сообщ. ГЭ.— 1955.— Вып. 7.

Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1951—1953 гг. // КСИИМК.— 1960.— Вып. 59.— С. 100—110.

Артамонов М. И. История Хазар.— Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1962.— 523 с.

Артамонов М. И. Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура // Археология, София.— 1969.— 11.— № 3.— С. 3—28.

Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Докл. отд. и комис. Геогр. о-ва СССР.— 1970.— Вып. 15.— С. 15—24.

Артишевская Л. В. Могильник раннеславянского времени на Десне // МИА.— 1963.— № 108.— С. 85—96.

Арциховский А. В. К методике изучения серпов // Труды секции археологии РАНИОН.— М., 1928.— Т. 4.— С. 29—42.

Арциховский А. В. Курганы вятичей.— М.: Наука, 1930.

Археология УРСР.— К.: Наукова думка,

1971.— Т. 2.— С. 185—215; 1975.— Т. 3.— 502 с.

Аулих В. В. Славянское поселение у с. Репнева (Репнев I) Львовской обл. // МИА.— 1963.— № 108.— С. 366—381.

Аулих В. В. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Змного Волинської обл. // МДАПВ.— 1964.— Вып. 3.— С. 128—134.

Аулих В. В. Змнівське городище.— Київ: Наукова думка, 1972.— 124 с.

Бабенко В. А. Древнеславянские окраины Южной России // Труды 12 АС.— М., 1905.— Т. 3.— С. 434—464.

Багалей Д. И. История Северской земли.— Киев, 1882.

Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском севере.— М.: Наука, 1976.— 184 с.

Балагури Э. А., Котигорошко В. Г. Работы Закарпатской новостроечной экспедиции // АО, 1975.— М., 1976.— С. 299—300.

Балагури Э. А., Пеняк С. Г. Закарпаття — земля слов'янська.— Ужгород: Карпати, 1976.— 155 с.

Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин.— К.: Наукова думка, 1961.— 126 с.

Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межириччі Дністра і Західного Бугу // МДАПВ.— 1961.— Вып. 3.— С. 77—88.

Баран В. Д. Раннеславянское поселение у с. Репнева (Репнев II) на Западном Буге // МИА.— 1963.— № 108.— С. 351—365.

Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга // МИА.— 1964.— № 116.— С. 213—253.

Баран В. Д. Етнокультурні процеси в межириччі Дніпра і Вісли в першій половині I тис. н. е. у світлі археологічних досліджень // УІЖ.— 1970.— № 2.— С. 44—52.

Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К.: Наукова думка, 1972.— 244 с.

Баран В. Д. До питання про підгрунтя черняхівської культури // Дослідження з слов'яно-руської археології.— К.: Наукова думка, 1976.— С. 49—62.

Баран В. Д. Славяне в середині I тис. н. е. // Проблемы этногенеза славян.— Киев: Наукова думка, 1978.— С. 5—39.

Баран В. Д. Славянские древности V в. н. э. (по материалам Поднестровья) // Тез. докл. сов. делег. на IV Междунар. конгр. слав. археол.— М., 1980.— С. 54—55.

Баран В. Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу.— К.: Наукова думка, 1981.— 263 с.

Баран В. Д. Сложение славянской ранне-средневековой культуры и проблемы расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае.— Киев, 1983.— С. 5—48.

Баран В. Д. Пражская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тис. н. э.— Киев., 1985.— С. 83.

Баран В. Д. Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы (пробле-

мы сложения, периодизации, социальной структуры) // Тез. докл. сов. делег. на V Междунар. конгр. слав. арх.— М., 1985.— С. 3—4.

Баран В. Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков).— Киев: Наук. думка, 1988.— 160 с.

Баран В. Д., Карчина Л. Я., Некрасова А. Н. Раннеславянское поселение у с. Рашкова // АО 1978.— М., 1979.— С. 294—295.

Баран В. Д., Некрасова А. Н. Поселення Рашків II на Середньому Дністрі // Археологія.— 1984.— Вып. 48.

Баран В. Д., Цигулик В. М. Дослідження поселення I тис. н. е. у верхів'ях Золотої Липи // Середні віки на Україні.— К., 1971.— Вып. 1.

Баран Я. В. Раннеславянский железоплавильный комплекс VII—VIII вв. на поселении Рашков I // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев: Наукова думка, 1981.— С. 12—18.

Баран Я. В. Плановая структура жилищных комплексов славянского поселения Рашков I на Среднем Днестре // Тез. докл. сов. делег. на V Междунар. конгр. слав. археол.— М., 1985.— С. 98—99.

Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму (локальные варианты салтовомаяцкой культуры) // Автореф. дис... канд. ист. наук.— Киев, 1977.— 24 с.

Барсов Н. Очерки русской исторической географии.— Варшава, 1885.

Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черныш Е. Н. Металл черняховской культуры.— М.: Наука, 1972.

Башилов В. А., Куза А. В. Стратиграфические исследования на Большом Горняльском городище // КСИА.— 1977.— № 150.— С. 17—23.

Белан Н. Г. До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тис. н. е. // Археологія.— 1977.— Вып. 24.— С. 29—37.

Белецкий В. Д. Жилища Саркела — Белой Вежи // МИА.— 1959.— № 75.— С. 40—134.

Беляшевский Н. Ф. Монетные клады Киевской губернии.— Киев, 1899.

Беляшевский Н. Ф. Поля погребальных урн // АЛЮР.— 1900.— Т. 2.

Беляшевский Н. Ф. Ближайшие задачи археологии Юга России // АЛЮР.— 1903.— № 1.— С. 12—18.

Беранова М. Сельское хозяйство в I тис. и в первой половине II тис. н. э. // Материалы III Междунар. конгр. слав. археол.— Братислава, 1980.— С. 43—49.

Беранова М. Славянская археология в Чехии в 1975—1985 гг. // Археологическое изучение памятников VI—XV вв. в Чехии в 1975—1985 гг.— Прага, 1985.— С. 5—30.

Березанская С. С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев: Наук. думка, 1974. 176 с.

Березанская С. С. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины.— Киев, 1976.— С. 190—221.

Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської обл. // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.

Березовець Д. Т. Харівський скарб // Археологія.— 1952.— Т. 6.— С. 109—119.

Березовець Д. Т. До питання про літописних сіверян // Археологія.— 1953.— Т. 8.

Березовець Д. Т. Раскопки в верхнем Салтове в 1959 г. // КСИА АН УССР.— Вып. 12.

Березовець Д. Т. О датировке черняховской культуры // СА.— 1963.— № 3.— С. 97—111.

Березовець Д. Т. Поселения уличей на Тясмине // МИА.— 1963.— № 108.— С. 145—208.

Березовець Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія.— 1965.— Т. 19.— С. 47—67.

Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. // АП УРСР.— 1965.— Т. 5.— С. 49—66.

Березовець Д. Т. Новые раскопки у с. Волинцево // Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.— Киев, 1967.— Ч. 1.— С. 166—169.

Березовець Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності.— К., 1969.— С. 58—71.

Березовець Д. Т. Салтівська культура // Археологія Української РСР.— К., 1975.— Т. 3.— С. 421—435.

Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов.— Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1951.— 256 с.

Бернякович К. В. Древнеславянские памятники Закарпатской области СССР // СА.— 1957.— Т. 2.

Беспальчев В. Ф. Поля погребений в Роменском уезде Полтавской губернии // Труды 14 АС.— 1911.— С. 214—215.

Бідзіля В. І. Залізоплавильні горни середини I тис. н. е. на Південному Бугі // Археологія.— 1963.— Т. 14.— С. 123—144.

Бідзіля В. І. Поселення Галіш-Ловачка // Археологія.— 1964.— Т. 17.

Бідзіля В. І. До історії чорної металургії Карпатського узгір'я рубежу нашої ери // Археологія.— 1970.— Вып. 24.— С. 34—41.

Бідзіля В. І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери.— К.: Наукова думка, 1971.— 182 с.

Бідзіля В. І. Латенська культура // Археологія УРСР.— К., 1975.— Т. 3.— С. 24—30.

Бідзіля В. І., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА.— 1969.— № 160.— С. 51—74.

Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.— III в. н. э.).— Киев: Наукова думка, 1983.

Бидзиля В. И., Воляник В. К., Гошко Т. Ю. Черняховская гончарная мастерская из Завадовки // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев, 1981.— С. 113—130.

Бидзиля В. И., Недопако Д. П., Паньков С. В. О черной металлургии рубежа нашей эры // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев, 1981.— С. 8—11.

Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці.— К.: Наукова думка, 1977.— 235 с.

Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.— Спб., Балашев, 1898.— Т. 3.— 174 с.

Бобринский А. А. Перещепинский клад // МАР.— 1914.— № 34.

Бобринский А. А. О некоторых особенностях формовочной технологии керамики из памятников черняховской культуры // КСИА.— 1970.— Вып. 121.— С. 20—26.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М.: Наука, 1978.— 270 с.

Бобринский А. А., Гусаков М. Г. Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв. // СА.— 1973.— № 1.— С. 150—163.

Богусевич В. А. Канівська археологічна експедиція // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 141—153.

Богусевич В. А., Линка В. В. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой Горе близ г. Канева // МИА.— 1969.— № 70.— С. 114—118.

Бодянский А. В. Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА.— 1960.— № 1.— С. 274—277.

Бодянский А. В. Результаты раскопок черняховского могильника в Надпорожье // Археологические исследования на Украине в 1967 г.— 1968.— Вып. 2.— С. 172—176.

Борисевич Г. В., Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ.— 1975.— ЕІ — 32.

Брайчевская А. Т. Кузница на Пастырском городище // КСИА АН УССР.— 1960.— Вып. 9.— С. 99—103.

Брайчевская А. Т. Черняховские памятники Надпорожья (по материалам раскопок и разведок И. М. Фещенко, А. В. Бодянского и автора) // МИА.— 1960.— № 82.— С. 148—192.

Брайчевський М. Ю. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. // Археологія.— 1950.— Т. 4.— С. 14—39.

Брайчевський М. Ю. Основные вопросы археологического изучения автов // Докл. VI конф. ИА АН УССР.— К.— 1953.— С. 63—68.

Брайчевский М. Ю. Древнеславянское святилище у с. Иванковцы на Днестре // КСИИМК.— 1953.— Вып. 59.

Брайчевський М. Ю. Про етнічну приналежність черняхівської культури // Археологія.— 1957.— Т. 10.

Брайчевський М. Ю. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э. // СА.— 1957.— № 3.— С. 114—129.

Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України.— К.: Изд-во АН УРСР, 1959.— 244 с.

Брайчевский М. Ю. Ромашки // МИА.— 1960.— № 82.— С. 100—148.

Брайчевський М. Ю. Зображення коня з с. Черепин в Середньому Пороссі // Археологія.— 1961.— Т. 12.

Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К.— Наук. думка.— 1964.— 321 с.

Брайчевский М. Ю. Погребение в Горькой-Полонке на Волыни // МИА.— 1964.— № 116.— С. 173—175.

Брайчевский М. Ю. Походження Русі.— К.: Наукова думка, 1968.— 310 с.

Брайчевский М. Ю., Брайчевская А. Т. Раскопки в с. Леськи близ Черкасс // КСИА АН УССР.— 1959.— Вып. 8.— С. 48—54.

Брайчевский М. Ю., Довженко В. И. Поселение и святилище в с. Иванковцы в Среднем Поднестровье // МИА.— 1967.— № 139.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.— М.: Наука, 1983.— 412 с.

Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса.— М., 1972.— С. 7—35.

Буданова В. П. Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // Тез. докл. симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры». — Каменец-Подольский, 1981.— С. 8—10.

Буданова В. П. Готы в Северном Причерноморье и на Балканах в III—IV вв.— Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1983.— 19 с.

Булкин В. А., Дубов И. В., и др. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв.— Л.: Наука, 1978.— 150 с.

Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых веков нашей эры.— Киев: Наукова думка, 1976.— 159 с.

Бурлацкая С. П., Нечаева Т. В., Петрова Г. П. Археоматричное датирование керамических изделий // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения.— М., 1966.— С. 244—252.

Вакуленко Л. В. Памятники культуры карпатских курганов у с. Глубокое // Археологические исследования на Украине в 1967 г.— Киев, 1968.— С. 169—172.

Вакуленко Л. В. Раннеславянское поселение у с. Глубокое на Прикарпатье // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 242—251.

Вакуленко Л. В. Поселения культуры карпатских курганов // Дослідження з слов'яноруської археології.— 1976.— С. 73—94.

Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н. е.— К.: Наукова думка, 1977.— 140 с.

Вакуленко Л. В. Поселение позднеримского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза // Славяне на Днестре и Дунае.— Киев, 1983.— С. 155—180.

Вакуленко Л. В., Пачкова С. П. О культурной принадлежности поселения у с. Сокол. Славяне и Русь.— К.: Наукова думка, 1979.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Роль черняховской культуры в формировании раннесредневековых древностей Среднего Поднестровья // КСИА.— 1984.— Вып. 178.— С. 40—47.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол

на Среднем Днестре.— К.: Наукова думка, 1984.— 106 с.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Проблема преемственности черняховских и раннеславянских древностей в свете исследований на Среднем Днестре // СА.— 1985.— XXXIII.— 1.— С. 71—136.

Василенко В. М. Русское прикладное искусство.— М.: Искусство, 1977.— 464 с.

Васильев А. С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников к протогосударству — чифдом) // Народы Азии и Африки.— 1980.— № 1.— С. 172—186.

Венедиктов И., Герасимов Т. Тракийское искусство.— София: Български художник, 1973.

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА.— 1972.— № 4.— С. 116—130.

Винников А. З. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.— С. 55—61.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона.— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984.— 192 с.

Винокур И. С. Старожитності Східної Волині першої половини I тис. н. е. // Старожитності Східної Волині.— Черновцы, 1960.

Винокур И. С. Памятники волинской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы // МИА.— 1964.— № 116.— С. 176—186.

Винокур И. С. Языческие изваяния Среднего Поднестровья // МИА.— 1967.— № 139.

Винокур И. С. Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен // СА.— 1969.— № 1.

Винокур И. С. Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э. // СА.— 1970.— № 2.— С. 238—244.

Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.— К.: Наукова думка, 1972.— 180 с.

Винокур И. С. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры.— 1979.— С. 112—135.

Винокур И. С. Черняховские племена на Днестре и Дунае // Славяне на Днестре и Дунае.— Киев, 1983.— С. 105—135.

Винокур И. С. Черняховские традиции в памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Лесостепном Днестро-Дунайском междуречье.

Винокур И. С., Вакуленко Л. В. Кисилевский могильник I—II вв. н. э. // КСИА.— 1967.— Вып. 112.— С. 126—132.

Винокур И. С., Островский М. И. Раковецкий могильник // МИА.— 1967.— № 139.— С. 144—159.

Винокур И. С., Приходнюк О. М. Раннеславянское поселение на р. Смотрич // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 227—241.

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны // КСИИМК.— 1949.— Вып. 24.— С. 67—78.

Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.— С. 64—65.

Вознесенская Г. А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв. // СА.— 1979.— № 2.— С. 70—76.

Вознесенская Г. А. Техника и технология кузнечного производства пшеворских племен Верхнего Поднестровья // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев, 1981.— С. 36—49.

Вознесенская Г. А. Кузнечное производство на славянских поселениях Среднего Поднепровья // Там же.— С. 20—35.

Вознесенская Г. А. Металлообработка на позднелатенском поселении Галиш-Ловачка // СА.— 1984.— № 4.— С. 163—174.

Воляник В. К. Могильник черняхівської культури у верхів'ях р. Горинь // Археологія.— 1974.— Вип. 13.— С.

Воляник В. К. Население Волыни первой половины I тыс. н. э.— Автореф. дис... канд. ист. наук.— Киев, 1978.— 16 с.

Воляник В. К. О «больших домах» в черняховской культуре // Славяне и Русь.— Киев, 1979.— С. 37—48.

Воронов Ю. Н., Южин В. А. Ранний горизонт (III—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА.— 1979.— № 1.— С. 181—198.

Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н. Находки из погребения IV—V вв. в Крыму // СА.— 1966.— № 3.— С. 187—195.

Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— Киев: Наукова думка, 1972.— 192 с.

Вязьмитина М. И. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА.— 1969.— № 4.— С. 62—77.

Вязьмитина М. И. Золота Балка.— К.: Наукова думка, 1962.— 239 с.

Вязьмитина М. И. Сарматский час // Археологія УРСР.— К., 1971.— Т. 2.— С. 185—215.

Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник.— Киев: Наукова думка, 1972.— 190 с.

Вязьмитина М. И. Пізньоскіфські городища Нижнього Дніпра // Археологія УРСР.— К., 1971.— Т. 2.— С. 245—244.

Вязьмитина М. И., Іллінська В. А. та ін. Кургани біля с. Новописливівка та радгоспу / «Аккермень» // АН УРСР.— 1960.— Т. 8.— С. 22—135.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 623 с.

Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях // МИА.— 1952. № 25.— С. 402—413.

Гамченко С. С. Раскопки в бассейне р. Случи // Труды XI АС.— 1896.— Т. 1.— С. 360—384.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах.— Спб., 1870.

Гей О. О. Середньодніпровська і північно-причорноморська зони черняхівської культури (за матеріалами поховального обряду) // Археологія.— 1980.— Вип. 34.— С. 35—53.

Гей О. А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир // Автореф. дис... канд. истор. наук.— М., 1985.

Генинг В. Ф. Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров.— М.: Наука, 1972.— С. 221—295.

Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из истории Волго-Камья.— Казань, 1976.— С. 55—108.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге.— М.: Наука, 1964.— 202 с.

Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА АН СССР.— 1979.— Вып. 158.— С. 96—106.

Герета И. П. Новые исследования в Чернеливе-Русском // АО 1977.— М., 1978.— С. 310—311.

Голубева Л. А. Сопоставление, посвященное проблеме черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян // СА.— 1957.— № 4.— С. 274—277.

Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА.— 1949.— № 11.— С. 103—118.

Голубева Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв.— М.: Наука, 1974.

Гончаров В. К. Райковецкое городище.— К.: Наукова думка, 1950.— 149 с.

Гончаров В. К. Лука-Райковецкая // МИА.— 1963.— № 108.— С. 263—315.

Гончаров В. К., Махно Б. В. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія.— 1957.— Т. 11.— С. 127—143.

Гонак В. Д. Техника кузнечного дела у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье) // СА.— 1976.— № 2.— С. 46—56.

Гонак В. Д. Залізні вироби VIII—X ст. з городища Монастирьок на Середньому Подніпров'ї // Археологія.— 1982.— Вип. 39.— С. 100—105.

Гонак В. Д. Кузнечные изделия памятников киевского типа в Среднем Поднепровье и Черниговском Подесенье // Древнерусское государство и славяне.— Минск, 1983.— С. 21—24.

Гонак В. Д. Ковальська справа у мешканців Ходосовського городища на рубежі н. е. // Археологія.— 1984.— Вип. 48.— С. 88—92.

Гонак В. Д., Заверняев Ф. М. Железные изделия Почечского селища // СА.— 1981.— № 3.— С. 181—191.

Гонак В. Д., Хавлюк П. І. Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя // Археологія.— 1972.— Вип. 6.— С. 90—96.

Гонак В. Д., Шовкоп'ялс А. М. Черный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве // СА.— 1983.— № 4.— С. 154—160.

Гордцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде в 1901 г. // Труды 12 АС.— 1905.— Т. 1.— С. 211—213.

Гордцов В. А. Результаты археологиче-

ских исследования в Бахмутском уезде // Труды XIII АС.— 1907.— Т. 1.— С.

Городцов В. А. Бытовая археология.— М., 1910.— 474 с.

Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV АС.— 1911.— Т. 3.— С. 93—161.

Гороховский Е. Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины.— Киев.— 1982.— С. 125—140.

Гороховский Е. Л. Хронология могильников черняховской культуры // Тез. докл. сов. делег. на V Междунар. конгр. археол.— слав.— М., 1985.— С. 21—22.

Горюнов Е. А. Селище Целиков Бугор на Средней Десне // КСИА АН СССР.— 1972.— Вып. 129.— С. 42—46.

Горюнов Е. А. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V—начале VIII вв. // СА.— 1973.— № 4.— С. 99—112.

Горюнов Е. А. Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине // Ранне-средневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— 1974.— С. 119—125.

Горюнов Е. А. О памятниках волинцевского типа // КСИА — АН СССР.— 1975.— Вып. 144.— С. 3—10.

Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти I тыс. н. э. // Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1977.

Горюнов Е. А. Исследования в Курской обл. // АО 1979.— М., 1980. С. 50—51.

Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— Л.: Наука, 1981.— 135 с.

Горюнов Е. А. Исследования в Курской обл. // АО 1980.— М., 1981.— С. 48—49.

Горюнов Е. А., Казанский М. М., Усова Г. А. О работе Днепровской Левобережной экспедиции // АО 1978.— М., 1979.— С. 57—58.

Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе.— М., Л.: Наука. 1930.— 280 с.

Гошкевич В. И. Древние городища по берегам Низового Днестра // ИАК.— 1913.— Вып. 47.

Граков В. М. Чи мала Ольвія торговельні зв'язки з Півочіахм і Приураліах в архайчуу та класичну епохи? // Археологія.— 1947.— Т. 1.— С. 23—37.

Гринченко В. А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // Археологія.— 1950.— Т. 3.

Гудкова А. В. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н. э.— Киев, 1986.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье.— Киев: Наукова думка, 1982.— С. 55—113.

Гудкова А. В. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой полови-

не I тыс. н. э. // Автореф. дис... доктора ист. наук.— Киев, 1987.— 30 с.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.— Киев: Наукова думка, 1984.— 119 с.

Гурба Я., Гаевский Л. Результаты последних исследований раннего средневековья на Люблинской возвышенности // Rapports du III-e Congr. Intern. d'Archeol. Slave.— Bratislava, 1980.— Т. 2. S. 117—123.

Гуревич Ф. Д. Збручский идол // МИА.— 1941.— № 6.

Давидан О. Н. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ.— 1962.— Вып. 4.— С. 95—108.

Даниленко В. Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Докл. VI научн. конф. ИА АН УССР.— Киев, 1953.— С. 197—208.

Даниленко В. Н. Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днестра // КСИА АН УССР.— 1955.— № 4.— С. 27—29.

Даниленко В. М. Пізньюзарубинські пам'ятки київського типу // Археологія.— 1976.— № 19.— С. 65—92.

Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Киевской Руси // СН.— 1960.— № 4.

Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА.— 1969.— № 169.— С. 52—61.

Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы V—IX вв. // СА.— 1961.— № 3.— С. 202—232.

Дестунис Г. С. Сказания Приска Панийского // Уч. зап. II отд. Академии наук.— Спб., 1861.— Кн. 7.— Вып. 1.

Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья.— Киев, 1982.— С. 83—92.

Довженко В. И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // КСИИМК.— 1952.— № 43.— С. 140.

Довженко В. И. Землеробство Древньої Русі.— К.: Наукова думка, 1961.— 268 с.

Довженко В. И. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточнославянских племен // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР.— М., 1969.— С. 28—39.

Довженко В. И., Линка Н. В. Раскопки раннеславских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА.— 1959.— № 70.— С. 102—113.

Древние германцы // Сб. докл.— М., 1937.

Дьяченко А. Г. Работы славянского отряда // АО 1976.— М.— 1977.— С. 291—292.

Дьяченко А. Г. Исследование славянских памятников в бассейне Северского Донца // АО 1977.— М.— 1978.— С. 322—323.

Дьяченко А. Г. Технология изготовления предметов из Цыпляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев., 1978.— С. 27—35.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА.— 1948.— № 8.— С. 1—11.

Журко А. И. «Большой дом» черняховской культуры в Среднем Поднестровье // Акту-

альные проблемы археологических исследований в Украинской ССР.— Киев, 1981.— С. 95—96.

Журко А. И. Жилые сооружения племен черняховской культуры // Автореф. дис... канд. ист. наук.— Киев, 1982.

Заверняев Ф. М. Селища бассейна р. Судости // СА.— 1960.— № 3.— С. 180—194.

Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА.— 1969.— № 160.— С. 88—118.

Заверняев Ф. М. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // МИА.— 1970.— № 176.— С. 22—25.

Засецкая И. П. Полихромные изделия гунского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ.— 1968.— Вып. 10.— С. 45—47.

Засецкая И. П. Золотые украшения гунской эпохи.— Л.: Аврора, 1975.— 78 с.

Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гунской эпохи // СА.— 1978.— № 1.— С. 53—71.

Зесст И. Б. Керамические тара Боспора. // МИА.— 1960.— № 69.— 178 с.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии.— Спб, 1916.

Зеленин Д. К. Магическая функция примитивных орудий.— М.: Изд-во АН СССР, 1931.— Серия VII.

Зильманович И. Д. Гончарные печи Луки-Врублевской // КСИА АН УССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 112—117.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей.— М.: Наука, 1974.

Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности.— Киев, 1980.— С. 11—45.

Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийского и славянского языков.— М., 1958.

Изюмова С. А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Киевской Руси // КСИИМК.— 1949.— № 20.— С. 16—19.

Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной // СА.— 1964.— № 2.

Изюмова С. А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1971.— М.— 1972.— С. 92—93.

Изюмова С. А. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1973.— М.— 1974.— С. 53—54.

Ильинская В. А. Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в Днепровской Лесостепи // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 55—61.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев: Наукова думка, 1983.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов.— М.: Изд-во восточ. литературы, 1960.— 435 с.

Иосиф Флавий. Иудейская война // ВДИ.— 1949.— № 3.

Исаченко А. Г. Ландшафты СССР.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.— 320 с.

История крестьянства в Европе.— М.: Наука, 1985.— Т. 1.— 608 с.

История культуры Древней Руси.— М.: Наука, 1951.— Т. 1—2.

Карамзин Н. М. История Государства Российского.— Спб, 1818.

Каргер М. К. Древний Киев.— М., Л.: Наука, 1958.— Т. 1.

Каспарова К. В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА.— 1969.— № 160.— С. 131—168.

Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник Велимичи II // АСГЭ.— 1972.— Вып. 14.— С. 53—111.

Каспарова К. В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // СА.— 1976.— № 3.— С. 128—140.

Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ.— 1976.— Вып. 17.— С. 35—66.

Каспарова К. В. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии.— Л., 1978.— Вып. 2.— С. 78—88.

Каспарова К. В. Хронология зарубинецкой культуры Припятского Полесья // Автореф. дис... канд. ист. наук.— Ленинград, 1981.— 19 с.

Каспарова К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА.— 1981.— № 2.— С. 57—79.

Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ.— 1984.— Вып. 25.

Каспарова К. В., Шукин М. Б. Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области // Труды Госэрмитажа.— 1979.— Вып. 20.— С. 147—168.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // САИ.— 1966.— Вып. Е1—36.— 146 с.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. // САИ.— 1973.— Вып. Е1—36.— 140 с.

Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога.— Л., 1985.— С. 3—17.

Ковалева И. Ф. Погребение IV в. у с. Старая Игреня // СА.— 1963.— № 4.— С. 233—238.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии VI—IX вв. Пряжки // САИ.— 1979.— Вып. Е1—2.— 87 с.

Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А., Амброс А. К. Рец. к книге: Erdely J., Gening W. Des Gräberfeld von Nevolino. Budapest // СА.— 1973.— N 2.— С. 288—289.

Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов у с. Ковалевки // Курганы на Южном Буге.— Киев, 1978.— С. 15—37.

Козак Д. Н. Раскопки поселения у с. Горькая-Полонка // АО 1983, М.— 1985.

Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині // Археологія.— 1978.— Вып. 25.— С. 96—107.

Козак Д. Н. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном

Побужье // Славяне на Днестре и Дунае.— К., 1983.— С. 77—105.

Козак Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі.— К.: Наукова думка, 1984.— 196 с.

Козак Д. Н. Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волыни и Подолии) // КСИА АН УССР.— 1984.— № 178.— С. 55—60.

Козак Д. Н. Нові ранньослов'янські пам'ятки в межиріччі Дністра і Західного Бугу // Археологія.— 1984.— Вип. 47.— С. 89—94.

Козак Д. Н. Пшеворская культура и волыно-подольская группа // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 25—34.

Козак Д. Н. Липицкая культура // Там же.— С. 34—42.

Козак Д. Н., Журко О. І. Поселення поблизу с. Велика Слобода пізньоримського часу в Середньому Подністров'ї // Археологія.— 1983.— № 43.— С. 62—71.

Козак Д. Н., Орлов Р. С. Обкладка ножен меча из погребения № 3 в Гриневе // Новые памятники древней и средневековой культуры.— Киев, 1982.— С.

Козак Д. Н., Пашкевич Г. О. Про землеробство племен Верхнього Подністров'я і Західного Побужжя на рубежі і в перших віках н. е. // Археологія.— 1985.— Вип. 50.

Козак Д. Н., Протас Л. О. Охоронні роботи в с. Боратин на Волині // Археологія.— 1984.— № 45.— С. 96—99.

Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Культурний процес на Україні в першій половині I тис. н. е. // Археологія.— 1986.— Вип. 56.

Козловська В. І. Новіші археологічні досліді на терені Білопеківщини // Хроніка археології та мистецтвознавства.— 1930.— Ч. 2.

Козловський А. А. Этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья в IX—XIV вв. // Земли Руси в IX—XIV вв.— Киев, 1985.— С. 62—71.

Колонтаев А. П. Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии.— М., 1975.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА.— 1953.— № 32.— 258 с.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА.— 1959.— № 65.— С. 7—120.

Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника // СА.— 1957.— № 1.— С. 55—59.

Кондукторова Т. С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже н. э.— М.: Наука, 1979.— 128 с.

Корзухина Г. Ф. О технике теснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X—XII вв. // КСИИМК.— 1946.— Т. 13.— С. 45.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 156 с.

Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э. // СА.— 1955.— № 22.— С. 61—82.

Коршенко С. В. Пряжка з головою варвара // Археологія.— 1948.— Т. 2.— С. 179—181.

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры.— М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 215.

Косвен М. О. Семейная община и патриимия.— М., 1963.

Костенко Ю. В. Пам'ятки I тис. н. е. в поріччі р. Трубежа // Археологія.— 1978.— Вип. 288.— С. 99—112.

Костенко В. И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э.— середины III в. н. э.— Днепропетровск, 1983.— 104 с.

Котигорошко В. Г. Исследование памятников в Закарпатье // АО 1976, М.— 1977.— С. 312.

Котигорошко В. Г. Новые данные к изучению древней истории славян Закарпатья // СА.— 1977.— № 1.

Котигорошко В. Г. Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово // СА.— 1979.— № 2.— С. 153—164.

Котигорошко В. Г. Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье // СА.— 1980.— № 1.— С. 229—247.

Котигорошко В. Г. Раскопки дакийского городища у с. Малая Копаня // АО 1980, М.— 1981.— С. 256.

Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму.— К.: Наукова думка, 1971.

Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.) // МИА.— 1967.— № 139.

Кравченко Н. М. К вопросу о происхождении некоторых типов погребального обряда трупосожжения на черняховских могильниках // КСИА АН СССР.— 1970.— Вип. 121.— С. 44—51.

Кравченко Н. М. Черняховские памятники Киевского Поднепровья // АО 1974, М.— 1975.— С. 301.

Кравченко Н. М. Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь.— Киев, 1979.— С. 74—92.

Кравченко Н. М. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. // СА.— 1979.— № 2.— С. 51—68.

Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский С. Л. Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'ї // Археологія.— 1975.— Вип. 15.— С. 87—98.

Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. О некоторых особенностях развития местной культуры населения Среднего Приднепровья в первой половине I тыс. н. э. // СА.— 1979.— № 2.— С. 51—69.

Кравченко Н. Д., Корпусова В. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія.— 1975.— Вип. 18.— С. 20—42.

Кравченко Н. М., Пашкевич Г. А. Некоторые проблемы методики палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических реконструкций.— Киев: Наук. думка, 1985.— С. 177—190.

Кравченко Н. М., Струнка М. Л. Реконструкция интерьеру слов'янського житла VIII—IX ст. // Археологія.— 1984.— Вып. 45.— С. 84—95.

Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА.— 1976.— № 3.— С. 72—73.

Краснов Ю. А. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР // КСИА АН СССР.— 1966.— Вып. 107.— С. 17—27.

Краснов Ю. А. Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 31—37.

Краснов Ю. А. К проблеме эволюции рала // МИА.— 1970.— № 176.— С. 137—142.

Краснов Ю. А. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // КСИА.— 1971.— Вып. 128.— С. 3—11.

Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА.— 1971.— № 174.

Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий по археологическим материалам Восточной Европы // СА.— 1978.— № 4.— С. 98—114.

Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА.— 1982.— № 3.— С. 63—80.

Кропоткин В. В. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г. // КСИА АН УССР.— 1954.— Вып. 102.— С. 57—63.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // СИА.— 1961.— Вып. Г4—4.— 135 с.

Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // СИА.— 1962.— Вып. Е4—4.— 64 с.

Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ.— 1965.— № 25.— С. 116—189.

Кропоткин В. В. Новые находки римских монет на территории СССР (Дополнение к СИА, вып. Г1—4) // НЭ.— 1966.— Т. 6.— С. 74—102.

Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э.— М.: Наука, 1967.— 135 с.

Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 72—78.

Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— М.: Наука, 1970.— 279 с. (САИ, Д1—27).

Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—IV вв. // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма.— М., 1970.— С. 146—160.

Кропоткин В. В. О датировке кувшина из Чистилковского могильника (Тернопольская обл.) // СА.— 1973.— № 3.— С. 240—243.

Кропоткин В. В. Раскопки поселения у с. Ромаш // АО 1974, М.— 1975.

Кропоткин В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская обл.) // КСИА АН СССР.— 1974.— № 140.— С. 51—57.

Кропоткин В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская обл.) // КСИА АН СССР.— 1975.— Вып. 140.— С. 51—56.

Кропоткин В. В. О топографии кладов кувшинских монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.— С. 111—117.

Кропоткин В. В., Нахпетян В. Е. Новый центр железодельного производства III—IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга // СА.— 1976.— № 3.

Круг О. Ю. Датировка светлоглиняных амфор Лепесовки по данным петрографии // Материалы XIII конф. ИА АН УССР.— Киев, 1972.— С. 254—258.

Крушельницька Л. І. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів Івано-Франківської обл. у 1961 г.— // МДАПВ.— 1964.— Вып. 5.

Крушельницька Л. І., Оприск В. Г. Поселення східнопоморськомазовецької культури у верхів'ях Західного Бугу // Археологія.— 1975.— Вып. 18.— С. 75—79.

Куббель Л. Е. Этнические общности и постестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., 1982.— С. 124—146.

Кубишев А. І. Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника // Дослідження з слов'яно-руської археології — К., 1976.— С. 23—41.

Кубишев А. І., Максимов Е. В. Пироговський могильник // МИА.— 1969.— № 160.— С. 25—38.

Куза А. В. Зарубинецкое поселение на Житомирщине // КСИА АН СССР.— 1964.— Вып. 102.— С. 34—36.

Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города.— М., 1981.— С. 6—39.

Куза А. В., Кубишев А. І. Нові зарубинецькі пам'ятки на Середньому Подніпров'ї // Археологія.— 1971.— Вып. 3.— С. 85—92.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА.— 1962.— № 106.

Кузьмин Е. Е. Распространение коневодства и куляк коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье.— М., 1977.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяноскифских и славяно-сарматских отношениях // СА.— 1954.— Вып. 19.— С. 111—120.

Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 90—97.

Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник // МИА.— 1959.— № 70.— С. 154—180.

Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА.— 1959.— № 1.— С. 30—51.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА.— 1960.— № 1.— С. 288—300.

Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ.— 1961.— Вып. Д1—29.— 70 с.

Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ.— 1961.— Вып. Е1—57.— 53 с.

Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ.— 1961.— Вып. Е1—57.— 39 с.

Кухаренко Ю. В. Курганы у с. Селец // МИА.— 1963.— № 108.— С. 316—319.

Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура // САИ.— 1964.— Вып. Д1—19.

Кухаренко Ю. В. Древнейшие курганы волинян // Liber Ioseppo Kostrzewski ostogepario a ueneratoribus dicatus.— Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968.

Кухаренко Ю. В. Мировпольские курганы // Древности Восточной Европы.— М., 1969.— С. 111—115.

Кухаренко Ю. В. Волинская группа полей погребений и проблема так называемой гот-гепидской культуры // КСИА.— 1970.— Вып. 121.— С. 57—60.

Кухаренко Ю. В. О так называемых зарубинецких памятниках в Подоллии // Проблемы советской археологии.— М., 1978.— С. 142—146.

Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин.— М: Наука, 1980.— 128 с.

Кучера М. П. Древний Пліснеск // АП УРСР.— 1962.— Т. 12.— С. 3—56.

Лапушнян В. А., Никулице И. Т., Романовская М. А. Гетские памятники IV—III вв. // Археологическая карта Молдавской ССР.— 1974.— Вып. 4.— С. 33—73.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели.— Спб., 1904.— Т. 2.— 271 с.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Греческие писатели.— Спб., 1893.— Т. 1.— 946 с.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе.— Л., 1985.— 286 с.

Лебедев Г. С. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи.— Л., 1982.— С. 29—39.

Лебедев Н. И. Прядение и ткачество у восточных славян в XIX—XX вв. // Труды Института этнографии.— 1956.— Т. 31.— С. 459—540.

Лебедев Г. С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока.— Сыктывкар, 1982.— С. 41.

Лейпунская Н. А. Керамика из затопленной части Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья.— Киев, 1984.— С. 65—88.

Лер-Сплавинский Т. О северо-восточных окраинах праславянского языка // ВЯ.— 1964.— № 1.

Линка Н. В., Шовкопляс А. М. Раннеславянское поселение на р. Тясмине // МИА.— 1963.— № 108.— С. 234—242.

Липкин Ю. А. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 136—152.

Ловмянский Г. Основные части позднелепленного и раннегосударственного строя славян // Становление раннесредневековых славянских государств.— Киев., 1972.— С. 4—16.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии.— М.; Наука, 1957.

Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблемы канона в средневековом искусстве Азии и Африки.— М., 1973.

Любимов П. Г. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XII вв. // Уч. зап. ГСУ им. Чернышевского.— 1923.— Т. 1.— Вып. 3.— С. 5—33.

Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим данным // МИА.— 1941.— № 6.— С.

Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. // КСИИМК.— 1946.— Вып. 12.— С. 191—246.

Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского Левобережья // СА.— 1952.— Т. 16.— С. 7—41.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА.— 1958.— № 74.— 328 с.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА.— 1958.— № 62.— С. 85—150.

Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волинянского типа // СА.— 1959.— Т. 29/30.— С. 59—83.

Ляпушкин И. И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА.— № 961.— № 104.— 215 с.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА.— 1968.— № 152.— 191 с.

Мавродин В. В. Древняя Русь — М., 1946.— 312 с.

Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян VIII—X вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии.— 1978.— Вып. 2.— С. 125—132.

Магомедов Б. В. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія.— 1973.— Вип. 12.— С. 80—87.

Магомедов Б. В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине.— Киев, 1977.— С. 111—123.

Магомедов Б. В. Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда // Славяне и Русь.— Киев, 1979.— С. 48—67.

Магомедов Б. В. Каборга IV (раскопки 1973—1974) // Могильники черняховской культуры.— М., 1979.— С. 24—62.

Магомедов Б. В. Жертвенник-эсхара позднеримского времени на р. Ингулец // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР / Тез. докл. республ. конф. молодых ученых.— Киев, 1981.— С. 87—88.

- Магомедов Б. В. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья // Автореф. дис... канд. ист. наука.— Киев, 1981.— С. 8—9.
- Магомедов Б. В. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и Лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае.— Киев, 1983.— С. 135—155.
- Магомедов Б. В. Черняховские памятники причерноморского типа // КСИА АН УССР.— 1984.— Вып. 178.— С. 60—66.
- Магомедов Б. В. Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. / Тез. докл. и сообщ. семинара.— Парутино, 1985.— С. 47—49.
- Магомедов Б. В. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наукова думка.— 1987.— 112 с.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— М.: Наука, 1983.— 224 с.
- Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии // ИАК.— 1907.— Вып. 22.— С. 142—144.
- Макаренко Н. Е. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии.— 1908.— Т. 5.
- Макаренко Н. Е. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской архивной комиссии.— Полтава, 1916.— 22 с.
- Макаренко Н. Е. Городище Монастирище // Науковий збірник за рік 1924.— К., 1925.— С. 3—23.
- Макаренко М. Г. Археологічні досліді та розшуки на Прилуччині // КЗ ВУАК за 1926 р.— К., 1927.
- Максимов Е. В. Памятники зарубинецкого типа в Суботове // КСИА АН УССР.— 1960.— Вып. 9.— С. 29—42.
- Максимов Е. В. Античный импорт на Среднем Подніпров'ї в зарубинецький час // Археологія.— 1963.— Т. 15.— С. 110—122.
- Максимов Е. В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА.— 1969.— № 160.— С. 39—45.
- Максимов Е. В. Зарубинецьке городище Пилипенкова Гора // Археологія.— 1971.— Вып. 4.— С. 41—56.
- Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры.— Киев: Наукова думка.— 1972.— 178 с.
- Максимов Е. В. К вопросу о зарубинецких городищах на Среднем Поднепровье // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 186—192.
- Максимов Е. В. Взаємодії зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія.— 1978.— Вып. 28.— С. 45—55.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура // Проблемы этногенеза славян.— Киев, 1978.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР.— Киев: Наукова думка, 1982.— 181 с.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 10—16.
- Максимов Е. В., Орлов Р. С. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 11—21.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. О. Городище Монастирьок VIII—XIII ст. на Средньому Дніпрі // Археологія.— 1980.— Вып. 33.— С. 3—20.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре.— Киев, 1988.— 148 с.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В. Поселения киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян.— Киев, 1978.— С. 91—108.
- Максимов Е. К. Позднейшие сарматско-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник.— Вып. 1. Саратов, 1956.— С. 65—85.
- Малеев Ю. М. Языческие капища на берегах Роставиці // Вісник КГУ.— 1975.— № 17.
- Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических).— СПб, 1910.
- Марозов И. Хифогамията от Летница // Археологія.— София, 1976.— Т. 18.
- Маршак Б. И., Скалон К. М. Перещепинский клад.— Л.: Наука, 1972.
- Массон М. Экономика и социальный строй древних обществ.— Л.: Наука, 1976.— 191 с.
- Матвеева Г. И. Работы Куйбышевского университета // АО 1984, М.— 1986.— С. 141—142.
- Мазно Г. В. Поселення культури полів поховань на Північно-Західному Правобережжі // АП УРСР.— 1949.— Т. 1.— С. 154—164.
- Мазно Г. В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— 231—242.
- Мазно Г. В. Ягнятинська археологічна експедиція // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 154—169.
- Мазно Е. В. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье // МИА.— 1959.— № 70.— С. 94—101.
- Мазно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР // МИА.— 1960.— № 82.— С. 9—83.
- Мазно Г. В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП УРСР.— 1960.— Т. 9.— С. 14—38.
- Мазно Е. В. Раскопки на могильнике у с. Успенки и погребальный обряд черняховской культуры // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. / Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР.— Ужгород, 1978.— С. 94.
- Мацулевич Л. А. Войсковый знак V в. // ВВ.— 1959.— Т. 16.
- Мачинский Д. А. Археологические памятники у с. Круглик и проблема зарубинецкой культуры // Тез. докл. Подольской ист.—краевед. конф.— Хмельницкий, 1965.— С. 71—72.
- Мачинский Д. А. О происхождении зарубинецкой культуры // КСИА АН УССР.— 1966.— Вып. 107.— С. 3—8.
- Мачинский Д. А. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поенешти-Лукашевка //

Археология Старого и Нового света.— М., 1966.— С. 82—96.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие // САИ.— 1966.— Вып. Е1—36.— 118 с.

Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян.— К.: Наукова думка, 1965.— 123 с.

Мезенцева Г. Г. Древньюоруське місто Родень. Княжа Гора.— К.: Наукова думка, 1968.— 183 с.

Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК.— 1951.— Вып. 36.— С. 14—30.

Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса.— М.: Наука, 1968.

Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства.— М., 1972.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа.— М.: Наука, 1976.

Мельниковская О. Н. О взаимосвязях милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии // СА.— 1963.— № 1.

Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.— М.: Наука, 1967.— 196 с.

Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК.— 1953.— Вып. 51.— С. 60—73.

Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА.— 1962.— № 15.— С. 114—166.

Минаева Т. М. Погребения с сожжением близ гор. Покровска // Уч. зап. СГУ.— VI.— Вып. 3.— 1927.— С. 106—123.

Минаева Т. М. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе // КСИИМК.— 1957.— Вып. 67.— С. 133—137.

Минаева Т. М. Кераміка балки Канцерки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія.— 1961.— Т. 13.— С. 119—128.

Минаева Т. М. Очерки по археологии Ставрополя.— Ставрополь: Кн. изд-во, 1965.

Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ.— 1978.— Вып. 19.— С. 47—85.

Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н. э.) // СА.— 1978.— № 3.— С. 101—112.

Минасян Р. С. Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне восточной Европы // Автореф. дис... канд. ист. наук.— Л., 1980.— 20 с.

Митрофанов А. Г. О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.) // Беларуская старожытнасці.— Минск, 1972.— С. 153—167.

Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.— VIII в. н. э.).— Минск: Наука и техника, 1978.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата.— Харьков: Высшая школа, 1985.— 147 с.

Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СЭ.— 1986.— № 3.— С. 158—173.

Михеев В. К., Приходнюк О. М. Пенків-

ське поселення на Сіверському Дінці // Археологія.— 1986.— № 54.— С. 112—124.

Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. // ВДИ.— 1941.— №1.— С. 230—280.

Моисеев И. А. К изучению Перещепинскогоклада // ИАК.— Вып. 54.

Морган Л. Древнее общество.— Л., 1934.— 350 с.

Монгайт А. Л. Археологические заметки // КСИИМК.— 1951.— Вып. 61.— С. 124—137.

Монгайт А. О. Археология в СССР.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 434 с.

Монгайт А. Л. Абу Хамид ал Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. // История СССР.— 1959.— № 1.

Москаленко А. Н. Городище Титчиha: Из истории древнерусских поселений на Дону.— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1965.— 311 с.

Москаленко А. Н. Святилище на р. Воргол // СА.— 1966.— № 2.— С. 203—209.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура).— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981.— 311 с.

Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ.— 1963.— Вып. Д1—10.

Нидерле Л. Славянские древности.— М.: Наука, 1956.— 450 с.

Никитина Г. Ф. Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. // Проблема происхождения черняховской культуры // Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1965.— 18 с.

Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА.— 1969.— № 1.— С. 147—159.

Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры.— М.: Наука.— 1985.— 208 с.

Никитина В. Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА.— 1965.— № 1.— С. 194—205.

Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка // СА.— 1957.— № 3.— С. 176—197.

Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э.— // МИА.— 1959.— № 72.— С.

Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней Оки в IX—XIII вв.— М.: Наука, 1981.— 295 с.

Никулице И. Т. Геты IV—III вв. н. э. в Днестровско-Карпатских землях.— Кишинев: Штиинца, 1977.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М., Л., 1950.

Носов Е. Н. Поселение у волховских порогов // КСИА.— 1976.— Вып. 146.— С. 76—81.

Носов Е. Н., Верхорубова Т. Л., Конечный В. Я. Исследования славянских поселений в Новгородской области // АО 1975, М.— 1976.— С. 32.

Нудельман А. А. Монеты из раскопок и сборов 1972—1973 гг. // АИМ.— 1973.— С. 188—228.

ОАК за 1905 г.— СПб, 1906.— С. 101.

ОАК за 1899 г.— СПб, 1900.— С. 127.

ОАК за 1897 г.— СПб, 1898.— С. 34—35.

ОАК за 1902 г.— СПб, 1903.— С. 126—127.

Обломский А. М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры // Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1983.— 20 с.

Обломский А. М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // СА.— 1985.— № 1.— С. 90—106.

Овидий Назон. Печальные песни // ВДИ.— 1949.— № 3.

Онайко Н. А. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья // СА.— 1960.— № 2.

Онайко Н. А. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья (IV—III вв. до н. э.) // СА.— 1962.— № 1.

Орлов Р. С. Розвідки ранньослов'янських пам'яток поблизу Києва // Археологія.— 1972.— Вип. 5.— С. 96—105.

Орлов Р. С. Культура кочевников IV—VIII вв. // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 98—105.

Падин В. А. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска // КСИИМК.— 1948.— Вып. 23.— С. 86—92.

Падин В. А. Раннеславянские поселения и могильники в р-не Трубчевска // СА.— 1960.— № 3.— С. 317—319.

Падин В. А. Древности VI—VII вв. в окрестностях Трубчевска // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 132—135.

Паньков С. В. О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тыс. до н. э.— первой половине I тыс. н. э. // СА.— 1982.— № 4.— С. 206.

Паньков С. В. Питання походження чорної металургії у Східній Європі // Археологія.— 1985.— Вип. 49.— С. 8—10.

Пачкова С. П. Виготовлення кераміки у племен зарубинецької культури // Археологія.— 1972.— № 5.— С. 41—51.

Пачкова С. П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери.— К.: Наукова думка, 1974.— 135 с.

Пачкова С. П. Землеробство племен культури Поянешти-Лукашівка // Дослідження з слов'яно-руської археології.— К., 1976.— С. 42—48.

Пачкова С. П. Поселення у с. Круглик на Буковині // Археологія.— 1977.— Вип. 23.— С. 35—47.

Пачкова С. П. К вопросу о памятниках позднелатенского времени на Верхнем Днестре // Проблемы этногенеза славян.— Киев, 1978.— С. 57—71.

Пачкова С. П., Романовская М. А. Памятники Карпато-Дунайского региона конца I тыс. до н. э. // Славяне на Днестре и Дунае.— Киев, 1983.— С. 48—77.

Пачкова С. П. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской обл. // Археологические памятники Среднего Поднепровья.— Киев, 1983.— С. 4—63.

Пачкова С. П. Культура Поенешти-Лукашівка // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 17—25.

Пашкевич Г. А. Палеоботанические исследова-

ния в области славянской археологии // Тез. докл. сов. делег. на V Междунар. конгр. слав. археол.— М., 1985.— С. 37—38.

Пашкевич Г. О., Петрашенко В. О. Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII—X ст. // Археологія.— 1982.— Вип. 41.— С. 46—62.

Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В. Сельское хозяйство деснинских племен III—IV вв. // Использование методов естественных наук о археологии.— Киев, 1981.— С. 93—113.

Пеняк С. І. Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.— К.: Наукова думка, 1980.— 178 с.

Перхавко В. В. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА.— 1978.— № 3.— С. 113—126.

Петрашенко В. А. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII—X вв. // Автореф. дисс... канд. ист. наук.— Киев, 1982.— 17 с.

Петрашенко В. А. Життя VIII—X ст. на Правобережному Подніпров'ї // Археологія.— 1982.— Вип. 37.— С. 48—59.

Петрашенко В. А. Городище Монастирек VIII—X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX—XIV вв.— Киев, 1985.— С. 71—84.

Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА.— 1961.— № 96.— С. 53—102.

Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ.— 1967.— Вып. Д1—4.— 180 с.

Петров В. П. Стецовка, поселение третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясминье) // МИА.— 1963.— № 108.— С. 209—233.

Петров В. П., Кравченко Н. М. Тигли черняховской культуры // КСИА АН УССР.— 1961.— Вып. 11.— С. 87—88.

Петров В. П. Етногенез слов'ян.— К.: Наукова думка, 1972.

Петров В. П. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1900—1901 гг.) // МИА.— 1964.— № 116.— С. 53—117.

Петров В. П. Масловский могильник на р. Товмач (по материалам раскопок П. И. Смоличева и С. С. Гамченко в 1926, 1928 и 1929 гг.) // МИА.— 1964.— № 116.— С. 118—167.

Петровська Е. О. Пам'ятка пізньоскіфського часу на р. Стугні // Археологія.— 1964.— Т. 16.— С. 173—180.

Петровская Е. А. Раскопки на Хотовском городище (близ Киева) в 1965—1966 гг. // АИУ.— Вып. 1.— 1967.— С. 106—109.

Петровська С. О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія.— 1971.— Вип. 2.— С. 9—22.

Пешанов В. Ф. Мелитопольская диадема // КСИА УССР.— 1961.— Вып. 11. С. 70—74.

Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА.— 1967.— № 142.— 198 с.

Плетнева С. А. Об этнической принадлежности населения Северо-Западного хазарского пограничья // Новое в археологии.— М., 1972.— С. 108—118.

Плетнева С. П. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.— С. 62—75.

Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и в Приазовье // Плиска-Преслав.— София, 1981.— Т. 2.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей.— М.: Наука, 1982.— 137 с.

Плетнева С. А., Афанасьев Г. Е., Винников А. З. Советско-Болгарско-Венгерская экспедиция // АО 1980, М.— 1981.— С. 72—73.

Плиний Старший. Естественная история // ВДИ.— 1949.— № 2.

Поболь Л. Д. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белоруссии // Древности Белоруссии.— Минск, 1966.— С. 205—217.

Поболь Л. Д. Новые зарубинецкие могильники на Туровщине // МИА.— 1969.— № 160.— С. 119—130.

Поболь Л. Д. Черняховский импорт на территории Белоруссии // Тез. докл., посвящ. итогам археологических исследований в 1970 г. в СССР.— Тбилиси, 1971.— С. 148—150.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1971.— Ч. 1.— 232 с.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1972.— Ч. 2.— 240 с.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1974.— Ч. 3.— 423 с.

Поболь Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 159—180.

Поболь Л. Д., Гурин М. Ф. Железные выработки в Тайманова Быхауского района // Вестн. АН БССР. Серия естественных наук.— 2.— Минск, 1975.— С. 101—109.

Повесть временных лет. Лаврентьевский список.— М., Л., 1950.— Ч. 1.— 404 с.

Погребова Н. Н. Позднекифские городища на Нижнем Днепре // МИА.— 1958.— № 64.— С. 103—247.

Покровская С. Ф., Ковпаненко Г. Т. Могильник біля с. Калантаєво // Археологія.— 1961.— Т. 12.— С. 129—142.

Полевой Л. Л. Типология земледельческих орудий и появление плуга на территории феодальной Молдавии // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье.— Кишинев, 1985.— С. 66—90.

Полиен. Военные хитрости // ВДИ.— 1948.— № 2.

Полное собрание русских летописей.— М., 1962.— Т. 1, 2.

Пономцев Н. А. История техники мукомольного и крупяного производства.— М., 1935.— Ч. 1.

Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII вв. н. э.)— К.: Наукова думка, 1975.— 154 с.

Приходнюк О. М. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось // Дослі-

дження в слов'яно-руській археології.— К., 1976.— С. 101—119.

Приходнюк О. М. Семья у восточных славян в раннее средневековье (по материалам раскопок поселений на территории УССР) // Открытия молодых археологов Украины.— Киев, 1976.— Ч. 2.— С. 12—15.

Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.— К.: Наукова думка, 1980.— 150 с.

Приходнюк О. М. Славянское население Юго-Восточной Европы V—VII вв. (пеньковская культура) // Автореф. дисс... канд. ист. наук.— Киев, 1985.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.

Приходнюк О. М. Основные итоги изучения пеньковской культуры // ААС.— 1985.— Т. 24.— С. 101—133.

Приходнюк О. М. Общественно-хозяйственная структура славянских поселений (по материалам пеньковской культуры) // Тез. докл. сов. делег. на V Междунар. конгр. слав. археол.— М., 1985.— С. 41—42.

Приходнюк О. М., Казанский М. М. Про керамічні комплекси Потясминського поселення Луг—I // Археологія.— 1978.— Вип. 27.— С. 43—47.

Прокопий из Кесарии. Война с готами.— М.: Наука, 1950.

Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА.— 1961.— № 1.— С. 177—185.

Пяковский Е. Металловедческие исследования древних железных предметов, найденных на польских землях // Вопросы истории, естествознания и техники.— М., 1972.— 2/32.— С.

Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // СА.— 1949.— Т. 11.— С. 5—54; Ч. 2.— СА.— 1950.— Т. 12.— С. 7—40.

Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра—Днестра в I тыс. н. э. // СА.— 1955.— № 23.— С. 250—276.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен.— М.: Наука, 1977.

Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА.— 1961.— № 105.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI—XIII вв.) // Древнее жилище народов Восточной Европы.— М., 1975.— С. 104—155.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ.— 1975.— Вып. Е1—32.— 179 с.

Раппопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье.— М., 1977.

Рафалович И. А. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска // КСИА АН СССР.— 1968.— Вып. 113.— С. 94—101.

Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии.— Кишинев: Щтинца, 1972.— 242 с.

Рафалович И. А. Раскопки раннеславянского поселения VI—VII вв. у с. Селиште //

АИМ 1968—1969 гг.— Кишинев, 1972 б.— С. 122—142.

Рафалович И. А. Исследование раннеславянских поселений в Молдавии // АИМ 1970—1971 гг.— Кишинев, 1973.— С. 134—144.

Рафалович И. А., Лопушнян В. Л. Работы Реутской археологической экспедиции // АИМ 1972.— Кишинев, 1974 а.— С. 110—147.

Рафалович И. А., Лопушнян В. Л. Могильник и раннеславянское городище у с. Селиште // АИМ 1973.— Кишинев, 1974 б.— С. 104—140.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. Могильник Суук-Су // ИАК.— 1806.— Вып. 19.— С. 1—80.

Рикман Э. А. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху) // МИА.— 1960.— № 82.— С. 302—328.

Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа // СА.— 1962.— № 3.— С. 121—138.

Рикман Э. А. Памятник эпохи великого переселения народов.— Кишинев: Карта молдовеняск, 1967.— 138 с.

Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры.— М.: Наука, 1975.— 336 с.

Рикман Э. А., Рафалович И. А. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 105.— С. 42—58.

Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии.— Кишинев: Штинца, 1971.— 178 с.

Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура.— М., 1974.— С. 90—197.

Романов Г. А. Изыскания о русских сельских поселениях эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.— М., Л., 1960.

Романовская М. А. Поселение Лукашевка II // СА.— 1962.— № 3.— С. 293—298.

Романовская М. А. Позднегетские поселения Молдавии // КС ОГАИМ за 1961 г.— Одесса, 1963.— С. 26—31.

Романовская М. А. Раскопки в Бранештах в 1962 г. // КСИА АН СССР.— 1964.— Вып. 102.— С. 37—42.

Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // МИА.— 1969.— № 150.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л.: Изд-во АН СССР, 1925.— 621 с.

Рудинский М. Дослідні на Кам'янецьчині // КЗ ВУАК за 1926 р.— К., 1927.

Рудинский М. Кантемирівські могили римської доби // Зап. ВУАК.— 1931.— С. 133—158.

Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным // СА.— 1960.— № 1.— С. 63—69.

Русанова И. П. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева // МИА.— 1963.— № 108.— С. 39—50.

Русанова И. П. Языческое святилище на

р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси.— М., 1966.— С. 233—237.

Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. // САИ.— 1966.— Вып. Е1—24.— 47 с.

Русанова И. П. Жилище VIII—IX вв. у с. Буки на Житомирщине // КСИА АН УССР.— 1971.— Вып. 125.

Русанова И. П. Карта распространения памятников типа Корчак (VI—VII вв.) // Древние славяне и их соседи.— М., 1970.— С. 93—96.

Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ.— 1973.— Вып. Е1—25.— 100 с.

Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.— М.: Наука, 1976.— 215 с.

Русанова И. П. Компоненты пшеворской культуры // Тез. докл. сов. делегации на V Международном конгрессе слав. археол.— М., 1985, с. 43—44.

Русанова И. П. Исследование городища святилища на р. Збруч // АО 1984.— М., 1986.— С. 298—299.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут.— М.: Наука, 1984.— 86 с.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Збручское святилище // Всесоюзная археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл.— Баку, 1985.

Рыбакову Б. А. Раздімічі // Праца археологічної комісії Беларускай Академіі навук.— Минск, 1932.

Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // ВДИ.— 1939.— № 1.— С. 319—337.

Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян // ИЖ.— 1943.— № 11/12.

Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // СЭ.— 1947.— Вып. 5/6.— С. 81—105.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.— М.: Наука, 1948.— 719 с.

Рыбаков Б. А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК.— 1949.— Вып. 27.— С. 75—90.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 7—93.

Рыбаков Б. А. Уличи // КСИИМК.— 1951.— Вып. 30.

Рыбаков Б. А. Искусство древних славян // История русского искусства.— М., 1953, Т. 1.

Рыбаков Б. А. Древние русы // СА.— 1953.— Т. 17.— С. 23—104.

Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян // СА.— 1962.— № 4.— С. 66—89.

Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М.: Наука, 1964.— 239 с.

Рыбаков Б. А. Русалии и бог Семаргл-Переплут // СА.— 1967.— № 2.

Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ.— 1974.— № 1.

Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси // История СССР.— 1981.— № 1.— С. 55—75.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М.: Наука, 1981.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси.— М.: Наука, 1981.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские

княжества XII—XIII вв.— М.: Наука, 1982.— 589 с.

Савчук А. П. Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж // МИА.— 1969.— С. 82—87.

Самойловский И. М. Корчеватовский могильник // МИА.— 1959.— № 70.— С. 61—93.

Свешников И. К. Могильники липицкой культуры во Львовской области (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 63—74.

Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перини // КСИИМК.— 1953.— Вып. 60.

Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XII в.) // Автореф. дис... докт. ист. наук.— М., 1966.

Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА.— 1970.— № 163.— 200 с.

Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья // СА.— 1972.— № 4.— С. 116—130.

Седов В. В. Анты // Проблемы советской археологии.— М., 1978.— С. 164—173.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М.: Наука, 1979.— 154 с.

Седов В. В. Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов // Балто-славянские исследования.— М., 1980.— С. 45—52.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР.— М., 1982.— 327 с.

Седов В. В. Жилища словенско-кривичского региона VIII—X вв. // КСИА АН СССР.— 1986.— Вып. 183.— С. 10—15.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XIII вв.).— М., 1981.— 193 с.

Семенов Ю. И. Первообитная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государств.— М., 1976.— С. 7—86.

Серодонин С. М. Историческая география.— Пг., 1916.— 241 с.

Симоненко А. В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы.— Киев, 1977.— С. 221—230.

Синицын И. В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского нижеволжского института краеведения.— 1936.— Вып. 7.— С. 71—85.

Синицын И. В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // Уч. зап. СГУ.— 1954.— Вып. 39.— С. 218—253.

Скряжнская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новистуне. Из комментариев к Иордану // ВВ.— 1957.— Т. 12.— С. 3—30.

Смиленко А. Т. Глодоські скарби.— К.: Наукова думка, 1965.

Смиленко А. Т. Находка 1928 г. у с. Новые Санжары // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 158—166.

Смиленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.)— К.: Наукова думка, 1975.— 209 с.

Смиленко А. Т. Погребения у с. Башмачки // Могильник черняховской культуры.— М., 1980.— С. 13—24.

Смиленко А. Т., Козловский А. А. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н. э.— Киев, 1987.

Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник—памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК.— 1951.— Вып. 38.

Смирнова Г. И. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре // РА.— 1960.— № 51.— С. 222—238.

Смирнова Г. И. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення // МДАПВ.— 1959.— Вып. 2.

Смиленко А. Т., Козловский А. А. Средневековые поселения Левобережья дельты Дуная // Труды V Международного конгресса археологов-славистов.— Киев, 1988.— Т. 2.— С. 296—301.

Смирнова Г. И., Бернякович К. В. Происхождение и хронология памятников кушта-новичского типа Закарпатья // АСГЭ.— 1965.— Вып. 7.

Смирнова Г. И. Поселение у с. Незвиско в первых веках новой эры // МИА.— 1964.— № 116.— С. 196—212.

Смирнова Г. И. О трех группах новгородской керамики X—начала XI вв. // КСИА АН СССР.— 1974.— Вып. 139.— С. 17—22.

Смішко М. Ю. Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих // Археологія.— 1947.— Т. 1.— С. 111—121.

Смішко М. Ю. Доба полів поховань в західних областях УРСР // Археологія.— 1948.— Т. 2.— С. 98—130.

Смішко М. Ю. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслухові в 1946 р. // АП УРСР.— 1949.— Т. 1.— С. 189—205.

Смішко М. Ю. Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я // Наук. зап. Інституту суспільних наук АН УРСР.— Львів: Карпати, 1953.— Т. 1.

Смішко М. Ю. Два кургани могильники в околицях с. Ізи Закарпатської області // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 315—337.

Смішко М. Ю. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 337—377.

Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тис. н. е.— К.: Наукова думка, 1960.— 186 с.

Смішко М. Ю. Поселення III—IV ст. н. е. з слідами склярного виробництва біля с. Комарів Чернівецької обл. // МДАПВ.— 1964.— Вып. 5.— С. 67—80.

Смішко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області // МДАПВ.— Вып. 4.— 1962.— С. 54—70.

Смішко М. Ю. Племена зарубинецької культури // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час.— К., 1976.— С. 6—15.

Смишко М. Ю. Богатое погребение начала

нашей эры во Львовской обл. // СА.— 1957.— № 1.

Смішко М. Ю., Свешніков І. К. Могилярник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області // МДАПВ.— 1961.— Вып. 3.— С. 89—114.

Смішко М. Ю., Баран В. Д. Племена черняхівської культури // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первісно-общинного ладу та в давньоруський час.— К.: Наукова думка, 1976.— С. 63—83.

Смолічев П. Археологічні дослідження в околицях Златополя на Черкащині 1926 р. // КЗ ВУАК за 1926 р.— К., 1927.

Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // СА.— 1956.— Т. 25.— С. 139—170.

Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе родимичей на Русь // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 352—356.

Соловьева Г. Ф. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.— С. 171—178.

Сорокина Н. П. Стекланные сосуды IV—V вв. в хронология Цебельдинских могильников // КСИА АН СССР.— 1979.— Вып. 158.— С. 57—67.

Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП.— 1899.— № 8.— С. 301—340.

Спицын А. А. Могилярник VI—VII вв. в Черноморской области // ИАК.— 1907.— Вып. 25.

Спицын А. А. Историко-хронологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП.— 1909.— № 1.— С. 67—83.

Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей // ИАК.— 1918.— Вып. 65.— С. 87—143.

Спицын А. А. Древности аятов // Сб. Отд. рус. языка и словесности АН СССР.— М., 1928.— С. 492—495.

Старовойтенко І. П. Київська область. Географічний нарис.— К.: Радянська школа, 1967.— 140 с.

Старостин П. И. Памятники именковской культуры // САИ.— 1967.— Вып. Д1—32.— 48 с., 26 табл.

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях.— М., Л.: Наука, 1963.

Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых.— СПб, 1885.— Ч. 1.

Страбон. География // ВДИ.— 1948.— № 1.

Струмилин С. Г. История черной металлургии СССР.— М.: Наука, 1954.— Т. 1.

Субботин Л. В., Загінняло А. Г., Шмаглей Н. М. Курганы у с. Огородное // МАСП.— 1970.— Вып. 6.— С. 133—150.

Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях.— Харьков, 1885.

Сумцов Н. Ф. Личные обереги от сглаза.— Харьков, 1886.

Сухобоков О. В. Исследования в округе древнерусского Путивля // АО 1982.— М., 1984.— С. 331.

Сухобоков О. В. До питання про пам'ятки волинського типу // Археологія.— 1977.— Вып. 21.— С. 50—67.

Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья.— Киев: Наукова думка, 1975.— 167 с.

Сухобоков О. В. Роменская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 125—135.

Сухобоков О. В., Иченская О. В., Юренко С. П. Новые исследования раннеславянского поселения близ Опощни // АО 1975.— М., 1976.— С. 395.

Сухобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С. Раскопки у с. Каменное // АО 1977.— М., 1978.— С. 387—388.

Сухобоков О. В., Орлов Р. С., Иченская О. В., Юренко С. П. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1978.— М., 1979.— 318 с.

Сухобоков О. В., Юренко С. П. Этнокультурные процессы на Левобережной Украине в I тыс. н. э. // Проблемы этногенеза славян.— Киев, 1978.— С. 124—142.

Симонович Э. А. Две статуэтки коня из Побужья // КСИИМК.— 1958.— Вып. 72.— С. 22—27.

Симонович Е. О. Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі // Археологія.— 1952.— Т. 6.— С. 97—107.

Симонович Э. А. О датировке поселений первых веков н. э. в Луке-Врублевской // КСИИМК.— 1955.— № 57.— С. 23—32.

Симонович Э. А. Памятники черняховской культуры на Нижнем Днепре // КСИА АН УССР.— 1955.— Вып. 4.

Симонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА.— 1955.— Т. 24.

Симонович Э. А. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА.— 1956.— Т. 26.— С. 262—270.

Симонович Э. А. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра // КСИИМК.— 1957.— Вып. 68.— С. 14—19.

Симонович Э. А. Раскопки поселения у с. Ломоватое 2 // КСИА.— 1960.— Вып. 79.— С. 21—26.

Симонович Э. А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // МИА.— 1960.— № 82.— С. 192—239.

Симонович Э. А. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье // КСИА АН СССР.— 1963.— Вып. 94.— С. 80—87.

Симонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА.— 1963.— № 1.— С. 49—60.

Симонович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине (Славяне накануне образования Киевской Руси) // МИА.— 1963.— № 108.— С. 97—137.

Симонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики // МИА.— 1964 6 — № 116.— С. 270—361.

Симонович Э. А. Игально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // СА.— 1964 а.— № 3.— С. 307—312.

Симонович Э. А. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА.— № 116.— 1964.— С. 7—43.

Симонович Э. А. Итоги исследования чер-

няховских памятников в Северном Причерноморье // МИА.— 1967.— № 139.— С. 205—237.

Симонович Э. А. Железные гребешки с поселений черняховской культуры // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 173—178.

Симонович Э. А. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья // СА.— 1966.— № 3.— С. 47—49.

Симонович Е. О. Північні Причорномор'я і слов'яни-анти // Археологія.— 1971.— Вип. 2.— С. 29—33.

Симонович Э. А. Раннесредневековая культура лесной зоны Поднепровья (типа Колочин-Акатаново) и ее место в славянском этногенезе // СА.— 1975.— № 22.— С. 17—28.

Симонович Э. А. Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 153—158.

Симонович Э. А. Племена Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. // Автореф. дис... доктора ист. наук.— М., 1971.

Симонович Э. А. Культуры римского времени и славяне // Berichte über den II intern. Kongr. zur Slawische Archeol.— Berlin, 1973.— S. 123—134.

Симонович Э. А. Находка позднеантичной амфоры из Курской области. // СА.— 1971.— № 4.— С. 231—232.

Симонович Е. О. Хірургія в черняхівську епоху // Середні віки на Україні.— К., 1971.— Вип. 1.— С. 83—87.

Симонович Э. А. Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культур полей погребений // КСИА АН СССР.— 1973.— Вип. 133.— С. 24—32.

Симонович Э. А. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период // СА.— 1978.— № 2.— С. 105—116.

Симонович Э. А. Курская новостроечная экспедиция // АО 1978.— М., 1979.— С. 95—96.

Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры.— М., 1979.— С. 63—111.

Симонович Э. А. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре. Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы.— М.: Наука, 1978.— С. 94—98.

Симонович Е. О. «Князівські» поховання черняхівської культури // Тез. доп. V Подільської іст.—красн. конф.— Кам'янець-Подільський, 1980.— С. 128—130.

Симонович Е. О. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія.— 1981.— Вип. 36.— С. 41—54.

Симонович Е. О. З приводу черняхівських трупоспалень з розсіяними кісточками.— Археологія.— 1982.— Вип. 41.— С. 91—94.

Симонович Е. О. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія.— Вип. 43.— С. 26—43.

Симонович Э. А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов. // СА.— 1983.— № 1.— С. 91—102.

Симонович Э. А., Кравченко Н. М. Погребальные обряды племен черняховской куль-

туры // САИ.— 1983.— Вип. Д1—22.— 126 с.

Симонович Э. А. Сюжетные изображения на черняховской керамике // СА.— 1983.— № 4.

Симонович Э. А. Население столицы позднескифского царства.— Киев: Наукова думка, 1983.— 173 с.

Симонович Э. А. О единстве и различиях памятников черняховской культуры // СА.— 1959.— Т. 29/30.— С.

Тараканова С. А. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК.— 1950.— № 33.— С. 74—76.

Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии.— Л.: Наука, 1970.— Соч. в 2-х томах.— С. 353—372.

Телегин Д. Я., Беляева С. О. Памятники раннеслов'янського часу на Орелі // Археологія.— 1975.— Вип. 18.— С. 95—107.

Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье.— Киев: Наукова думка, 1961.— 248 с.

Терпиловский Р. В. Население Среднего и Нижнего Подесенья III—IV вв. // Автореф. дис... канд. ист. наук.— Киев, 1980.

Терпиловский Р. В. К сложению памятников киевского типа // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Тез. докл. респ. конф. молодых ученых.— Киев, 1981.— С. 94—95.

Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв.— Киев: Наукова думка, 1984.— 123 с.

Терпиловский Р. В. Колочинская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев, 1985.— С. 58—59.

Терпиловский Р. В. Новые исследования памятников III—IV вв. в Среднем Поднепровье // Тез. докл. сов. делег. на V Международ. конгр. слав. археол.— М., 1985.— С. 45—46.

Тимофеев Е. Н. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. // СА.— 1961.— № 3.— С. 56—73.

Тимошук Б. А. Подкарпатские курганы III—IV вв. н. э. // КСИИМК.— 1953.— Вип. 52.— С. 54—60.

Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К.: Наукова думка, 1976.— 176 с.

Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина.— К.: Наукова думка, 1982.— 205 с.

Тимошук Б. А. Черняховская культура и древности культуры карпатских курганов (по материалам Черновицкой области) // КСИА АН УССР.— 1984.— № 178.— С. 86—91.

Тимошук Б. А. Социальная типология селищ VI—X вв. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестро-Прутском междуречье.— Кишинев, 1985.— С. 3—24.

Тимошук Б. А., Винокур И. С. Памятники черняховской культуры на Буковине // МИА.— 1984.— № 116.— С. 186—195.

Тимошук Б. А., Русанова И. П., Михайлова Л. П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв. // СА.— 1981.— № 2.— С. 80—93.

Тиханова М. А. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевцевой (Днестр) // КСИИМК.— 1949.— Вып. 27.— С. 72—74.

Тиханова М. А. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тыс. н. э. // КСИА АН УССР.— 1953.— Вып. 2.

Тиханова М. А. Поселение культуры полей погребений в Луке-Врублевцевой Хмельницкой области // КСИА АН УССР.— 1955.— Вып. 4.

Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА.— 1957.— № 4.— С. 168—194.

Тиханова М. А. Днестровско-Волинский отряд Галицко-Волинской экспедиции // КСИИМК.— 1960.— Вып. 79.— С. 94.

Тиханова М. А. Раскопки поселения III—IV вв. н. э. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // СА.— 1963.— № 2.

Тиханова М. А. Днестровско-Волинская экспедиция 1960—1961 гг. // КСИА АН УССР.— 1964.— № 102.— С. 50, 54.

Тиханова М. А. Раскопки поселения у с. Лепесовки // Докл. и сообщ. археологов СССР VII Междунар. конгр. историков и protoисториков.— М., 1966.— С. 204—214.

Тиханова М. А. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы научной конференции.— Л., 1973.— С. 29—31.

Тиханова М. А. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры // КСИА АН СССР.— 1974.— Вып. 138.— С. 66—73.

Тиханова М. А. Старшерунические надписи // Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи.— М.: Наука, 1977.— С. 133—141.

Тиханова М. А. О находке римских весов на Южной Волини // Проблемы археологии.— Л., 1978.— Вып. 2.— С. 97—101.

Тиханова М. А. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами // КСИА АН СССР.— 1979.— Вып. 159.—

Тиханова М. А., Черняков И. Т. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье // СА.— 1970.— № 3.— С. 17.

Токарев С. А. Религия древних славян // Религия в истории народов мира.— М., 1965.

Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва.— К.: Наукова думка, 1972.— 219 с.

Толочко П. П. Древний Киев.— Киев: Наукова думка, 1983.— 327 с.

Толочко П. П. Происхождение и раннее развитие Киева (к 1500-летию основания) // История СССР.— 1982.— № 1.— С. 39—49.

Толстов С. П. Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ.— 1935.— № 7/8.— С. 175—216.

Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений // КСИА АН СССР.— Вып. 33—34.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам Тарту, 1971.— Вып. 5.

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднестровья.— М.: Наука, 1962.

Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей.— Тбилиси.— 1971.— Т. 3.

Третяков П. Н. Северные восточнославянские племена // МИА.— 1941.— № 6.

Третяков П. Н. Стародавні слов'янські городища у верхній течії р. Ворскли // Археологія.— 1947.— Т. 1.— С. 123—139.

Третяков П. Н. Восточнославянские племена.— М.: Наука, 1953.— 312 с.

Третяков П. Н. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. // КСИИМК.— 1941.— Вып. 10.— С. 10—49.

Третяков П. Н. Спорные вопросы этнического развития восточных славян // Тез. докл. на сессии ОИИ и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археологических исследований 1955 г.— М., Л.— 1956.

Третяков П. Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен.— М.: Наука, 1958.

Третяков П. Н. Чаплинское городище // МИА.— 1959.— № 70.— С. 119—153.

Третяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки // СА.— 1969.— № 4.— С. 18—20.

Третяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М., Л.: Наука, 1966.— 308 с.

Третяков П. Н. Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 40—118.

Третяков П. Н. У истоков древнерусской народности.— Л.: Наука, 1970.— 156 с. (МИА № 179).

Третяков П. Н. Вопросы и факты археологии восточных славян // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма.— М., 1970.— С. 161—188.

Третяков П. Н. Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тыс. н. э. // СА.— 1974.— № 2.— С. 73—84.

Третяков П. Н. Что такое «пастырская культура»? // СА.— 1971.— № 4.— С. 102—113.

Третяков П. М. Старожитності I тисячоліття н. е. в Середньому Подесенні // Середні віки на Україні.— К., 1971.— Вып. 1.— С. 113—121.

Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины.— М.: Наука, 1968.

Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян (дальнейшее продолжение) // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов.— М., 1969.

Узянов А. А. Динамика технологического стереотипа орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств.— М., 1982.— С. 122—135.

Узянов А. А. Динамика заселения долины реки Тускарь (диахронический анализ прурогенности поселений к различным типам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье.— М., 1985.— С. 77—83.

Узянов А. А., Смирнов Ю. А., Верещинский Л. И. Мешковские курганы и городище // АО, 1978.— М., 1979.— С. 98.

Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. // Археологический сборник.— М., 1953.— С. 97—134.

Фабриціус І. Тясминська експедиція // АП УРСР.— 1949.— Т. 2.— С. 90.

Фармаковский М. В. К изучению Перецепинского клада // ИАК.— 1909.— Вып. 49.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М.: Наука, 1973.— Т. 4.

Федоров Г. Б. Тиверцы // ВДИ.— 1952.— № 2.— С. 250—259.

Федоров Г. Б. Малаештский могильник // МИА.— 1960.— № 82.— С. 253—302.

Федоров Г. Б. Лукашевский могильник // КСИА АН СССР.— 1957.— С. 51—62.

Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. // МИА.— 1960.— № 89.— 378 с.

Федоров Г. Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1953 г. // КСИА АН УССР.— 1968.— Вып. 113.— С. 85—93.

Федоров Г. Б. О работе Прутско-Днестровской экспедиции // АО 1968.— М., 1969.— С. 391—393.

Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии.— М.: Наука, 1973.— 411 с.

Фролов И. К. Поселение Тетеревка I (VI—VIII вв.) // КСИА АН УССР.— 1967.— Вып. 110.— С. 30—35.

Феофилакт Симокатта. История.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 224 с.

Фехт Г. Аваро-византийские отношения и основание Болгарской державы // АА.— 1954.— Т. 4.— 57—59.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков.— Л., 1972.— 655 с.

Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие.— Прага, 1961.

Флеров В. Ф. Маяцкий могильник // Маяцкое городище.— М., 1984.

Хабургаев Г. А. Становление русского языка.— М.: Высшая школа, 1980.— 191 с.

Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья // СА.— 1961.— № 3.— С. 187—201.

Хавлюк П. И. Славянские поселения VIII—начала IX в. на Южном Буге // АСГЭ.— 1962.— Вып. 4.— С. 116—126.

Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы // МИА.— 1963.— № 108.— С. 320—350.

Хавлюк П. И. Давньоруські городища на Південному Бугі // Слов'яноруські старожитності.— К., 1969.— С. 156—174.

Хавлюк П. И. Земля уличів X—XI ст. // Матеріали III Подільської історико-краєзнавчої конференції.— Львов, 1970.

Хавлюк П. И. Памятки зарубинецької

культури на Побужжі // Археологія.— 1971.— Вип. 4.— С. 84—96.

Хавлюк П. И. Гончарний горн культури полів поховань черняхівського типу в с. Тарасівці на Вінниччині // Середні віки на Україні.— К., 1971.— Вып. 1.— С. 79—83.

Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности.— Л., 1974.— С. 181—215.

Хавлюк П. И. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівогобережжя Середнього Дністра // Археологія.— 1975.— Вип. 18.— С. 7—19.

Хавлюк П. И. Про реконструкцію черняхівських жорен // Археологія.— 1977.— Вип. 24.— С. 21—28.

Хавлюк П. И. Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя // Археологія.— 1980.— Вип. 34.— С. 30—34.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Поднепровье // ЗРАО.— 1901.— Т. 12.— Вып. 1/2.— С. 172—190.

Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена.— Киев, 1913.— 101 с.

Цалкин В. И. Животноводство и охота племен восточнославянской лесостепи в раннем железном веке // МИА.— 1966.— № 135.

Цезарь Г.—Ю. Записки о Галльской войне.— М.: Наука, 1962.— Кн. 2.— Гл. 2, 4.

Цигилик В. М. Нові матеріали до вивчення культури карпатських курганів у Закарпатській області // МДАПВ.— 1962.— Вип. 4.— С. 71—80.

Цыгылык В. Н. Поселение первых веков нашей эры у с. Майдан-Гологорский Львовской области // АО 1969.— М., 1970.— С. 271—273.

Цыгылык В. Н. Раскопки поселений у с. Ремезовцы и Майдан-Гологорский Львовской области // Археологические исследования на Украине в 1968 г.— Киев, 1971.— С. 203—205.

Цигилик В. М. Населения Верхнего Поднестровья первых столетий нашей эры.— К.: Наукова думка, 1975.— 172 с.

Чаллань Д. Византийские монеты в аварских находках // АА.— 1952.— № 2.— С. 235—250.

Шафарик П. И. Славянские древности.— М.: Изд-во АН СССР, 1948.— Т. 1.— 442 с.

Шахматов А. А. Введение в курс русского языка.— Пг., 1916.

Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА.— 1978.— Вып. 156.— С. 16—21.

Шмаглый Н. М., Черняков П. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // Матеріали по археології Северного Причорномор'я.— Киев, 1970.— Вып. 6.— С. 8—115.

Шмидт Е. А. Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // Социально-экономическое развитие России за рубежом стран.— Смоленск, 1972.— С. 3—16.

Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тыс. н. э. // Автореф. дис... докт. ист. наук.— М., 1975.— 34 с.

Шовкопьяс А. М. Исследования на Оболони в Киеве // Тез. докл. конф. «Новейшие открытия советских археологов». — Киев, 1975.— Ч. 3.— С. 34—35.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков, 1962.— 402 с.

Шрамко Б. А. Ранньосередньовічне поселення в Більську // Археологія.— 1980.— 1980.— Вип. 35.— С. 74—78.

Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины (Харьковская область).— Киев: Наукова думка, 1977.— 155 с.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА.— 1963.— № 4.— С. 36—55.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Новые исследования техники обработки железа в Скифии // СА.— 1971.— № 4.— С. 140—153.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе // СА.— 1977.— № 1.— С. 57—74.

Шульц П. М. Памятки пізнньоскіфської культури в Криму // Археологія УРСР.— К., 1975.— Т. 2.— С. 244—281.

Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода / Труды Новгородской археологической экспедиции // МИА.— 1970.— Т. 1.— № 55.

Шапова Ю. Л. Мастерская по изготовлению стекла у с. Комарова // СА.— 1978 а.— № 3.— С. 230—242.

Шапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Приложение к САИ.— 1978.— Вып. Г1—12.— С. 98—100.

Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклования.— М.: Изд-во МГУ, 1983.— 200 с.

Щербакова М. А. Поселение позднеимского времени в зоне Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н. э.— Киев, 1987.

Щербакова М. А. Жилые и хозяйственные сооружения на поселении позднеимского времени в зоне Буджакской степи // Там же.— С. 42—58.

Щербаковский Д. Знахідки біля Могилева-Подільського // КЗ ВУАК за 1926 р.— Киев, 1927.

Шукин М. Б. О трех датировках черняховской культуры // КСИА АН УССР.— 1967.— Вып. 112.— С. 8—13.

Шукин М. Б. Европейская Сарматия и черняховская культура // Автореф. дис... канд. ист. наук.— Л., 1973.— 9 с.

Шукин М. Б. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы) // КСИА АН СССР.— 1973.— Вып. 133. С. 17—23.

Шукин М. Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян // СА.— 1975.— № 4.— С. 57—70.

Шукин М. Б. О начальной дате черняхов-

ской культуры // РА.— 1976.— З. 22.— С. 303—317.

Шукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Rapports du III-e Congr. intern. d'Archeol. Slawe.— Bratislava, 1980.— Р. 399—411.

Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э.— Киев: Наукова думка, 1985.— 184 с.

Юренко С. П. Материалы к периодизации роменской культуры // Археологические исследования на Украине. Тез. докл. конф. ИА АН УССР.— Ужгород, 1978.— С. 109—110.

Юренко С. П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X ст. // Археологія.— 1984.— Вип. 45.— С. 34—46.

Юренко С. П. Новые исследования поселения у с. Вольницево // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. респуб. конференции молодых ученых.— К., 1981, с. 103.

Юренко С. П., Сузобок О. В. Раскопки многослойного поселения в Днепропетровской обл. // АО, 1974.— М., 1975.— С. 376—377.

Якобсон А. Л. Гончарные центры VIII—IX вв. в Таврике // КСИА АН СССР.— 1977.— Вып. 150.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л.: Наука, 1979.— 164 с.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья — домонгольского времени.— М.: Наука, 1965.

Янкович Д. Позднеантичные фибулы VI и VII вв. и славяне // Rapports du III-e Congr. Intern. d'Archeol. Slawe.— Bratislava, 1980.— Р. 173—177.

Янушевич З. В. Культурные растения на юго-западе СССР по палеоботаническим исследованиям.— Кишинев, 1976.— 214 с.

Almgren O. Studien über nordeuropäische fibelformen.— Leipzig, 1923.— 184 S.

Antoniewicz W. Religia słowian // Religii świata.— Warszawa, 1957

Babeş M. Moldova centrala şi de nord în secolele II—I î. e. n. (Cultura Poienesti—Lukasevka).— Resumatul tezei de doctorat.— Bucureşti, 1978.— Р. 1—24.

Babeş M. Date arheologice si istorice privind partea de nord — est Dacici în ultimele secole înainte de erei noastre // SCIVA.— 1985.— Т. 36.3.— Р. 183—213.

Bantelmansa A. Neuere Forschungsergebnisse zur Biesiedlungsgeschichte der Marschen Schleswig—Holstein.— Berlin, 1959.

Benadik B. Grafítova keramika v latenských hrobach na Slovensku // SA.— 1961.— IX, 1—2.

Benadik B. Doba latenska // SA.— Т. 28.— С. 191—194.— 1980.

Benadik B. Obras doby laténskej na Slovensku // SA.— 1971.— Т. 19—2.— С. 456—498.

Bichir Gh. La civilisation Carpes (II—III siècle de n. e.) á la lumiere des fouilles archeologiques de Pojana—Dulcesti de Butna-resti et de Padureni // Dacia.— 1966.— Vol. 11.— Р. 177—224.

Bielenin K. Dymarski szybowy zaghebony

(typu kotlinkowego) w Europi starożytnej // MA.—1973.—14.—S. 11.

Bielenin K. Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w gorach Świątokrzyskich.—Warszawa; Kraków, 1974.

Blosiu C. Necropola din secolul al IV —lea e. n. de la Letcani (jud. Jasi) // *Archeologia Moldovei*.—1975.—VIII.—P. 203—280.

Behm-Blanke G. Gesellschaft und Kunst den Germanen.—Dresden, 1973.—355 s.

Böhme H. Germanische Grabfunde des 4 bis 5 Jahrhunderts.—München, 1974.—384 s.

Bona J. Die Langobarden in Ungarn // AA. 1956.—P. 183—244.

Borkowski I. Neistarsi slovanski keramika ze sredni Cech // PA.—1939.—41.—S. 97—108.

Budínský-Křická B. Vyskum na mogylniku Zempline roku 1958 // Referaty o pracovných výsledkoch československých archeológov za rok 1958.—C. II.—Liblice, 1959.—S. 61—69.

Capitanu V. Tesaurul de monede bizantine descoperit la Horgesti—Bacau // *Carpatica*.—1971.—4.—P. 255—268.

Castlelin K. Keltové na počatku druhého stotletia pred n.e. // *Numizmaticke Listy*.—1958.—XIII.—S. 77—82.

Chmielewska A. Grzebieńie starożytne i siedniewiczze z ziem Polskich.—Łódź, 1971.

Chropovski B. Vyvoi a stav archeologickeho vyskumu doby veľkomoravskej // SA.—1971.—N 2.

Coghlan H. H. Notes on Prehistoric & Early Iron in the Old World.—Oxford, 1956.

Comsa M. Die Slaven Karpatisch—Domanländischen Raum im 6—7 Jahrhundert // ZTA.—N 7.

Csallany D. Grabfunde der Frühwarenszeit // PA.—1939.—1/2.—S. 116—119.

Dąbrowska T. Cmentarzysko kultury przeworskiej Karczewcu pow. Węgrów // MSW.—1973.—T. 2.

Dąbrowska T. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie latenskim i wczesnym okresie rzymskim // MSW.—1973.—T. 2.—S. 127—255.

Dąbrowska T. Zmiany kulturowe prawobrzeżnego Mazowsza i Podlasia w okresie pływów rzymskich // WA.—1980.—T. 45.—S. 45—58.

Dąbrowski K. Osadnictwo z okresów późno-latenskiego i rzymskiego na stan. 1 w Piwnicach pow. Kalisz // MS.—1958.—T. IV.

Dąbrowski K., Kolenda E. Z badań nad mieszczami rzymskimi w Europie Środkowej i Północnej // AP.—1967.—T. XII.—2.

Dąbrowski K., Kozłowska R. Dwie osady we wsi Piwnice // MS.—1959.—T. 5.—S. 283—327.

Dellon M., Chadwick N. Ze świata keltów.—Warszawa, 1975.

Diaconu G. Probleme ale culturii Sintana—Cerniahov pe teritoriul RPR in lumina cercetarilor din necropola de la Tirgisor // SCIV.—1961.—N—XII—2.

Diaconu Gh. Tirgisor. Necropola din secolele III—IV e.n.—București: Ed. Acad. RPR, 1965.—153 p.

Diaconu Gh. Über die scheibengebrehte keramik in der Sintana de e Mures—Tschernja-

chovkultur // Dacia.—1970.—T. XIV.—P. 243—250.

Dimiam J. Cîteva descoperiri monetarébizantine pe teritoriul RPR // SCN.—1957.—1.—P. 194—195.

Domanski G. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I w. P. N. E. // *Ossolineum*.—1975.—275 s.

Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7 bis 12 Jahrhundert // *Schriften Zur — und Früheschichte*, № 3.—Berlin, 1980.—S. 5—250.

Dumezil G. Ideologie fripartita des Indo—Europeens.—Bruxelles, 1958.

Eggers H. Der romische Import im freien Germanien.—Hamburg, 1951.—212 s.

Ejsner I. Latenski pamiatky na Slovensku a v Podcarpatski Rusi.—Praha, 1922.

Ejsner I. Slovensko v praveku.—Bratislava, 1933.

Eliade M. Traktat o historii i religii.—Warszawa, 1966.

Fettich N. Der Schildebuchel von Herpali // AA.—1930.—1, 3.

Filip J. Keltové ve Střední Evropě.—Praha: Academia, 1956.—552 s.

France-Lenord A. La fabrication des épées de fer galoises // *Revue d'histoire de la siderurgie*.—Nancy, 1964.—T. 5.—P. 315—327.

Gardawski A. Plemiona kultury Trzcinieckiej w Polsce // MS.—1959.—№ 5—S. 174.

Godłowski K. Materiały z cmentarzyska z późnego okresu wpływów rzymskich w Opatowie pow. Kłobuck // MA.—1959.—T. 1.—rus. 70, 2.

Godłowski K. Budownictwo, rozplanowanie w wielkość osad kultury przeworskiej na Gormym Śląsku // WA, XXXIV.—Warszawa, 1969.—Z. 3—4.

Godłowski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe.—Kraków, 1970.—PA.—CCXVII.—Z. 11.—112 S.

Godłowski K. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Okres latwński w Europie.—Kraków, 1977.

Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e.—Kraków, 1979.—80 s.

Godłowski K. „Superiores Barbari” und die Mar omanenkriege im Lichte archäologischer Quellen // SA.—1984.—T. 3.—S. 327—351.

Godłowski K. Przemiany kulturowe w osadniczych w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim // *Prace komisji archeologicznej*.—1985.—N 23.—215 s.

Goldman B. The Development of Lion—Griffin // *American Journal of Archeology*.—1960.—4.

Hachmann R. Ostgermanische Funde der Spätlatenezeit in Mittel und Westdeutschland // *Archeologie—Geografica*.—1957.—128 S.

Hachmann R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // *Berichte der Römisch-Germanische Kommission*.—München, 1961.

Hadaczek K. Kultura dorzecz Dniestr w epoce cesarstwa rzymskiego // *Materiały ar-*

cheologiczno-antropologiczne i etnograficzne.— Kraków, 1912.— T. XII.— S. 1—42.

Hagen J. Ausgewählte römische Gräber aus Köln // Bonner Jahrbücher.— 1906.— N. 114/115.— S. 379—455.

Hensel W. Skod przyszli slowanie.— Wrocław, 1984.— 302 s.

Herrmann I. Die Slawen in Deutschland.— Berlin, 1978.— 530 s.

Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vine-ta. Früh Kulturen der Westslawen.— Leipzig; Jena; Berlin: Urania-Verlag, 1976.— 288 S.

Jahn M. Die Bewaffung der Germanen in älteren Eisenzeit.— Wirzburg, 1916.

Jahn M. Der Reitersporn seine Entstehung und früheste Entwicklung.— Lipsk, 1921.— 191 S.

Jamka R. Cmentarzysko w Kópkach (pow. Niski) na tle okresu rzymskiego w Malopolsce Zachodniej // Prz. A.— T. 5.

Jamka R. Cialopalne cmentarzysko kultury przeworskiej w Ciosnach pow. Lodz. // PA.— 1962.— Z. 3.— S. 112—128.

Jamka R. Fibule typu oczkowatego w Europie Srodkowej ze szczegolnym uwzgladnieniem ziem Polskich // MS.— 1964.— T. 10.

Jaskanis J. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Cecelach, pow. Siemiatycze w swi-tle badan z lat 1966—1970 // Sprawozdania archeologiczne.— Warszawa.— T. XXIV.— S. 81—102.

Jasnosh S. Cmentarzysko z okresu poznolatskiego i rzymskiego w Wymyslowie pow. Gostynin. // FC.— T. 11.— 1952.— Rys. 126.

Jobst W. Die Römischen Fibeln aus Lawria-cum.— Linz, 1975.— 246 s.

Jonita J. Eine Siedlung der jungeren Rö-mischen Keiserzeit und der Völkervanderungs-zeit in Jasi—Nicolina (Rumänien) // Palast und Hütte.— Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1982.— S. 567—583.

Keitlinska A., Dąbrowska T. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicy-mierz pow. Turek // MS.— 1963.— T. IX.— Tabl. XXIV, 1.

Kempisty A. Cialopalne cmentarzysko z po-znego okresu rzymskiego w miejscowosci Kozen pow. Gostunin // MS.— 1968.— T. XI.

Kmieciński J. Zagadnienie tzw. kultury gocko—gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim.— Lodz, 1962.— 194 s.

Kolnik T. Pohrebisko w Besenowe. Prispe-wok k studiu doby rimskej na Slovensku // SA.— 1961.— T. 2.— S. 84—86.

Kolnik T. K typologii a chronologii niekto-rych spon z mlodszej doby rimskej na juhoza-padnem Slowensku // SA.— 1966.— Sv. 13.— N. 1.— S. 183—231.

Kolnik T. Prehľad a stav badania o dobe rimskej a stahovani narodov // SA.— 1971.— T. 19—2.— S. 499—549.

Kolnik T. Doba rimska a doba stahovania narodov // SA.— 1980.— T. 28—1.— 197—204.

Kopernicki J. Mogila w Strutyniu Niznym // WA.— 1923.— Sv. 8.— S. 194—197.

Kossak J. Frune römische Fibeln aus dem Alpen-Vorlag und ihre Bedeutung für die ger-manischen Kultur verhältnisse // Aus Bauerns Frühzeit, 1962.— S. 125—137.

Kostrzewski J. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych.— Poznan, 1914.

Kostrzewski J. Zagadnienie ciaglosci ziem-polskich w pradzie ach.— Poznan, 1961.

Kostrzewski J. Die ostergermanische kultur der Spätlatenezeit.— Leipzig, 1919.

Kovrig I. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Allatian.— Budapest, 1963.— 267 s.

Kozak D. Eine Bestattung aus ersten nach-christlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dni-estr. // Germania.— 60—2.— 1982.

Krahe H. Alteuropäische Flusnamen // BNF-orsch.— T. 1.— 1949—1950; T. 2.— 1950—1951; T. 3.— 1951—1952; T. 4.— 1953; T. 5.— 1954; T. 6.— 1955.

Kudrnač J. Latensky meč se pseudo antro-pomorfni rukoleti ze Ksel // AR.— 1956.— T. VIII.— S. 478—480, 488—490.

Kurnatowska Z. Slowianszczyzna Poludnio-wa.— Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdańsk.— 1977.— 256 s.

Laslo G. Etudes archeologiques sur l'histoire de la societe des avars // AH.— 1955.— 34.— 296 s.

Laslo G. Steppenvölker und Germanen.— Berlin, 1971.— 155 s.

Lehoczký A. Vascori emlekek Beregmegy-eben // Archeologiai Ertesito.— Budapest, 1908.— T. 28.

Lehr-Splawski J. O pochodzeniu i praoc-zyźnie slowian — Poznan, 1946.

Lenezyk G. Swiatowit Sbruczanski // MA.— V.— 1964.

Liana T. Chronologia wzgledna kultury przeworskiej we wczesnym okresi rzymskim // WA.— 1970.— T. XXXV.— S. 429—48.

Lowmianski H. Początki Polski w dziejow slowian w I tysiaciecin n. e.— Warszawa, 1963.— T. 1.

Lowmiański H. Początki polski.— Warsza-wa, 1964.— 426 s.

Maczynska M. Cmentarzysko i osada z okre-su rzymskiego w Krapkowiczach // MSW.— 1971.— T. 1.— Rys. 44.

Marciniak J. Cmentarzysko cialopalne z okresu poznolatskiego w Wilanowie kolo Warszawy // MS.— 1957.— T. II.— Tabl.— XLIII, 9.

Marinescu-Bilcus. Noi urme Bastarne in Moldiva de Nord—West // SCIV.— 1963.— 2/14.— P. 413—417.

Matzulewitsch L. Byzantische Antike. Stu-dien auff Grund der Silbergefäße der Ermita-ge.— Berlin Und Leipzig, 1929.— 134 S.

Meyer M. Die Bügelknopffibeln // Arbeits und Forschungsberichte zur sachsichen Bo-dendenkmalpflege.— 1960.— Bd. 8.

Mihailescu-Birliba V. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie: Les fouilles de Braniste—Nemtisor (Comm. de Vi-natori, dep. de Neamts) // Dacia.— 1980.— 24.— P. 181—207.

Miritoin N., Underscu M. St. Considerations antropologiques preliminaires sur la necropole de Braniste—Nemtisor (dep. de Neamts) // Dacia.— 1980.— XXIV.— P. 209—220.

Miskiewicz M. Wyniki prac wykopalisko-nych prowadzonych w Latkach 1958/9 na osad-zie z okresu rzymskiego w Mierzanowiczach.

Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia.— București: Ed. Academici RPR, 1966.— 403 p.

Moosbrugger-Len R. Die Schweis sur Merowingerzeit. Die archäologische Hinterlassenschaft der Romanen, Burgunden und Alamanen.— Berlin, 1971.

Müller R. Die Grabfunde der Jastorf und hatenezeit an unter Saale und Mittelbe.— Berlin.— 1985.— 315 S.

Nadolski A. Cmentarzys o z poznego okresu latenskiego w Gledzianowice i Brzozowce w Polsce srodkowej // WA.— 1951.— T. XVIII.— Tabl. IX, 1.— S. 94.

Okulicz J. Cmentarzysko z okresow poznolatskiego i rzymskiego w miejscowosci Dobrzankowo pow. Przasnysz // MSW.— 1971.— T. 1.— S. 127—168.

Ondrouch V. Nalezky keltickych a bysantckych minci na Slovensku.— Bratislava, 1964.

Palade V. Centrul mestesu garese de prelucrare a cornului de cerb de la Birlad Valea Seaca datind din secolul al ivalea e. n. // Studii si comunicari de istorie a civilizatiei nopylare din Romania.— 1981.— I.— S. 179—214.

Parducz M. Denkmaler der Sarmatzeit Ungarns // AH.— 184.— XXIII.

Pelichet E. A propos des amphores romaines trouves a Nyon // Zeitschrift für Schweizerische archäologie und Kunstgeschichte, 1946.— Bd. 8.— H. 3.

Petrescu-Dimbovita M. si colab. Santierul archeologic Trusesti // SCIV.— 1955.— T. 6.— № 1/2.— P. 183—187.

Petrescu-Dimbovita M. Si colaboratori Santierul archeologie Frusesti // SCIV.— 1955.— T. 6.— № 1—2.— P. 183—187.

Piaskowski I. Rozwoj metaloznawczych badan dawnych przedmiotow zelaznych w Polsce i ich zastosowanie w archeologii // AP.— 1966.— T. X.— Z. 2.— S. 723—750.

Piaskowski I. Metalkundliche Untersuchungen an archäologischen Eisengegenständen der vorrömischen Eisen und des römischen Kaiserzeit aus dem nordosten der DDR // Etnographischarchäologische Zeitschrift. Helf 3., Berlin, 1968.

Piaskowski I. The Archivements of Research carried out in Poland on the History of Early technology of iron // Archeologia Polina.— 1970.— XII.— S. 187—215.

Pieta K. Sidlisko z doby rimskiej w Belusi // SA.— 1979.— T. XXII.— S. 98—102.

Pleiner R. Zaklady Slovanskeho zelezarskeho hutnictvi v Ceskych zemich.— Praha, 1958.

Pleiner R. Slovanské secorovitě hřivny // SA.— 1961.— 9, 1—2.— S. 405—450.

Pleiner R. Stare evropské kovářství.— Praha, 1962.

Pleiner R. Die Eisenverhüttung in der „Germania Magna“ zur römischen Kaiserzeit.— Bericht der Römisch — Germanischen Kommission, 45.— Berlin, 1966.— S. 12—86.

Pleiner R. Iron working in Ancient Greece // National Technical Museum.— Praha.— 1969.— 7.

Pleiner I. Zur schmiedetechnik im römischen Bayern // Bayerische Vorgeschichts-

blätter Jahrgung 35, Heft 112.— München, 1976.— S. 113—141.

Pleiner R. Eisenschmiede im frühmittelalterlichen Zentraleuropa. Die Wege zur Erforschung eines Handwerkzweiges // Frumittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster.— Berlin—New—York, 1975.— Band 9.— S. 79—92.

Pleiner R. Untersuchungen zur Schmiedetechnik auf den Keltischen oppida. // PA.— 1982.— LXXIII.— 1.— S. 86—170.

Pleiner R. Die Technologie des Schmiedes in der Grobmäriscen Kultur // SA.— 1967.— XV — 1.— S. 93—111, 138.

Pleinerova I. Bržno. Vesnice prvniho Sl vanu v severozápadnich Cechach.— Praha, 1975.— 139 s.

Polenz H. Mittel — und spatlatenzeitliche Brandgraber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main // Studien und Forschungen.

Poulik J. Staroslovanská Morava.— Praha, 1948.

Prahistoria Ziemi Polskich. T. V.— Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wyd. PAN, 1981.— 493 S.

Preda R. Gallatis (Necropole Romano—Bisantine).— București, 1980.

Preidal H. Ein volkswanderungszeitliches germanisches Frauengrab aus Michelob, Ber. Zatz // Jahrbuch für Prähistorische und Ethnografische Kunst.— 1939/1940.— T. 13—14.

Problemy kultury wielbarskiej.— Slupsk, 1981.— 277 s.

Raddatz K. Der Thorsberger Moorfund // Offa Bücher.— T. XIII.— 1957.

Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4 nach istlichen Jahrhunderts im Oder—Weichsel—Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica.— 1972.— 3.— S. 109—214.

Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur // Meinzer zeitschrift, 1.— Mainz, 1906.— S. 42—51.

Robinson H. S. Pottery of the Roman Period Chronology // The Athenian Agora.— 1959.— Vol. V.— 149 p.

Rostafinski J. Opierwotnyck siedzibach i gospodarstwie slowian w przedhistorycznych czasach // Srawdzenia Akademii Umiejetnosci.— 1908.— T. 13.— S. 6—25.

Rozen-Przemorska J. Przezytki celtyckie i celto — scytyjskie na obszarze polski // AP.— 1963.— VIII, 1.

Safarik P. Slovanske starozitnosti.— Praha, 1837.

Schaaber O. Beiträge zur Frage des norischen Eisens: Metallkundliche Grundlagen und Untersuchungen an Funden vom Magdalensberg // Garinthia.— 1963.— T. 1, 153.— S. 129—24.

Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im Weichselraum auf Grund der Tongefässe.— Leipzig, 1940.

Schmidt B. Die späte Volkerwanderungszeit in Mitteldeutschland.— Halle, 1961.— 236 s.

Schubert H. R. History of British Iron and Steel Industry From 450 B. C. to A. D. 1775.— London, 1957.

Sulz E. H., Pleiner R. Untersuchungen an Klingen an Klingen eiserner Latenschwerter //

Technische Beiträge zur Archäologie.— T. 2.— Mainz, 1966.— S. 38—51.

Silven U. Provsionalromerska Emaly—Spännen.— 1961.— S. 115—123.

Smiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej.— Lwów, 1932.— 183 s.

Smiszko M. Znalezione wczesnorzymskie w Kolokolinie pow. Rohatinsky // WA.— 1935.— T. 13.— S. 159—161.

Spehr R. Die Rolle des Eisenverarbeitung in der Wirtschaftsstruktur des Steinsburg oppidums // AR.— 1971.— 4.— S. 486—503.

Stawiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski Polnocnej w okresie wpływów rzymskich.— Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1985.— 158 s.

Švoboda B. Čecy v dobe stehování národu.— Praha: CSAV, 1965.— 379 s.

Szatravisiki W. Archeologia w sporze o genezę religii // Pomerania Antiqua.— T. V.— 1975.

Szczukin M. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej.— Słupsk, 1981.— S. 135—166.

Szombathy J. Prähistorische Recognoscierungstour nach der Bukowina im Jahre 1893 // Jahrb. des Bucowiner Landes-Museums, Czernowitz, 1894.— Bd. 2.

Szydlowski J. Zum Problem der Toneimergefäße der späten Przeworsk Kultur // Festschrift für Richard Pichard Pittioni zum sibzigsten Geburtstag.— Wien, 1976.— S. 198—213.

Tackenberg K. Die Wandalen in Niederschlesien.— Berlin, 1925.

Tackenberg K. Zu den Funden von Lukasevka un Bezirk Kischenev — Moldav Rep. // Alt — Thüringen Jahrschrift des Museums für Ur — Frühgeschichte.— 1962—1963.— Bd. 6.— S. 403—407.

Tautavičius A. Taurapilio kunigaikscio Kapas // Lieturos Archeologia.— 1981.— 2.— P.

Tejral J. Markomanske války a otázka římského dovozu na Moravu v období po kommodově miru // AR.— 1970.— XXII, 4.

Tejral J. Morava na sklonku antiku.— Praha, 1982.— 252 s.

Teodor D. G. Contributii la cunoasterea ceramicii din secolele III—II î e. n. din Moldavia // SCIV.— 1967.— T. 18.— № 1.— P. 25—43.

Teodor D. G. Teritoriul est — Carpatic în veacurile V—IX e. n.— Jasi, 1978.— 223 p.

Teodor D. G. Civilizatia romanika la est de Carpati în secolele V—VII e. n.— Asezarea de la Botosana—Suceava.— București, 1984.

Thomas S. Studien zu den germanischen Kämmen der romichen Kaiserzeit // Arb. und Fors. zur sachs. Boden., 1960.— № 8.— 400 s.

Točik A. K otaske osidlenia juhozapadneho slovenska na zlome letopočtu // AR.— 1959.— T. XI, č. 6.— S. 841—873.

Toporovič J. Kelti u juhoistocnej Europi.— Beograd, 1968.— 180 s.

Tylecote R. E. Metallurgy in Archeology.— London, 1962.

Udolf J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slaven // Beiträge Zur Namenforschung № 7.— 14.— 1979.— S. 1—23.

Vasmer M. Die Urheimat der Slaven // Der Ostdeutsche Volksbad.— Breslaw, 1926.— S. 118—143.

Veeck W. Die Alamannen in Württemberg // Germanische Dänkmäler der Volkswanderungszeit.— Berlin; Lipsk, 1939.— Bd. 1.

Vulpe R. Les fouilles de Tinossul // Dacia.— 1924.— 1.

Vulpe R. Săpăturile de la Poienesti din 1949 // Materiale archeologice privind istoria veche a RPR, 1953.— Vol. 1.— P. 30—506.

Wenedikow I. The Tracian Horseman // Tracian legens.— Sofia, 1976.

Werner I. Slawische Bügelfibeln des 7 Jahrhunderts // Reineske Festschrift.— mienz, 1950.— S. 150—172.

Wielowiejski J. Kontakty Noricum i Panonii z ludami polnocnymi.— Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.

Will E. Relict culturel greco-romain contribution // Histoire de l'art de la moire.— Paris, 1955.

Wirska-Parachoniak M. Technologia produkcji późnorzymskiej ceramiki toczonej z dorzecza Górnej Wisły // AAC.— 1984.— T. XXIII.— S. 243—270; Ibid.— 1985.— T. XXIV.— S. 169—221.

Wolczgiewicz R. Zagadnienie Stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // Studia Archeologica Pomeranica.— Koszalin, 1974.— S. 129—152.

Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce—Wrocław, 1970.— 353 S.

Zeman E. Nejstarsi Slovanski osidleni Cech // PA.— 1976.— № 1.— S. 115—235.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Археологические исследования в Молдавии	МАР	— Материалы по археологии России
АИУ	— Археологические исследования на Украине	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АО	— Археологические открытия	МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
АС	— Археологический съезд	ОАК	— Отчет Археологической комиссии
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ВВ	— Византийский временник	СА	— Советская археология
ВДИ	— Вестник древней истории	САИ	— Свод археологических источников
ВИ	— Вопросы истории (Москва)	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ВУАК	— Всеукраїнська археологічна комісія	СЭ	— Советская этнография
ВЯ	— Вопросы языкознания	УИЖ	— Український Історичний журнал
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения	АА	— Acta Archaeologica
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	ААС	— Acta Archaeologica Carpathica
ИАК	— Известия Археологической комиссии	АН	— Archeologica Hungarica
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры	АР	— Archeologia Polski
ИЖ	— Исторический журнал	АР	— Archeologicke rozhledy
КС ОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея	FP	— Fontes Praehistorici
КЗ ВУАК	— Короткі звітлення Всеукраїнської археологічної комісії	МА	— Materialy archeologiczne
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	MS	— Materialy starozytne
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР	MSW	— Materialy starozytne i wszesnośredniowieczne
АН УССР	археологии АН УССР	РА	— Památky archeologicke
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	PrA	— Prace archeologiczne
		SA	— Slovenska archeologia
		SCIV	— Studii si cercetari de istorie veche
		SCIVA	— Studii si cercetari de istorie veche si Archaeologie
		SCN	— Studie si cercetari de numismatice
		ZfA	— Zeitschrift für Archäologie
		WA	— Wiadomości archeologiczne

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Баран В. Д.)	3
----------------------------------	---

ГЛАВА I

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ

I тыс. н. э. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. Историография (Е. В. Максимов)	10
2. Территория распространения культурных общностей (Е. В. Максимов)	21
3. Топография и планировка поселений (Е. В. Максимов)	30
4. Типы жилых и хозяйственных сооружений (Е. В. Максимов)	34
5. Погребальный обряд (С. П. Пачкова)	38
6. Керамика (С. П. Пачкова)	49
7. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие (Д. Н. Козак)	72
8. Хронология и периодизация (Д. Н. Козак, С. П. Пачкова)	85

ГЛАВА II

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э.

НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1. Историография (Л. В. Вакуленко)	98
2. Территория распространения археологических культур (Л. В. Вакуленко)	106
3. Категории памятников, их топография и планировка (Л. В. Вакуленко)	107
4. Типы жилищ и хозяйственных построек (В. Д. Баран, Л. В. Вакуленко)	115
5. Погребальный обряд (Б. В. Магомедов, Л. В. Вакуленко)	127
6. Керамика (лепная — В. Д. Баран, Р. В. Терпиловский; гончарная — Б. В. Магомедов)	138
7. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие (Б. В. Магомедов)	160
8. Хронология и периодизация (Л. В. Вакуленко, Б. В. Магомедов, Р. В. Терпиловский)	172

ГЛАВА III

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н. э. (В. Д. Баран) . . . . .

191

ГЛАВА IV

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ V—VII вв.

И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ СЛАВЯН

1. Историография (О. М. Приходнюк)	202
2. Территория распространения (О. М. Приходнюк)	208
3. Категории памятников, топография, планировка (О. М. Приходнюк)	209
4. Типы жилищ и хозяйственных построек (В. Д. Баран)	219

5. Погребальный обряд (О. М. Приходнюк)	226
6. Керамика (В. Д. Баран, О. М. Приходнюк)	231
7. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие (О. М. Приходнюк)	238
8. Хронология и периодизация (В. Д. Баран, О. М. Приходнюк)	246

ГЛАВА V ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ в VIII—IX вв.

1. Историография (А. Т. Смиленко, С. П. Юренко)	255
2. Территория распространения, категории памятников, топография, планировка (А. Т. Смиленко, С. П. Юренко)	259
3. Типы жилищ и хозяйственных построек (А. Т. Смиленко, С. П. Юренко)	266
4. Погребальный обряд (А. Т. Смиленко, С. П. Юренко)	275
5. Керамика (А. Т. Смиленко, С. П. Юренко)	279
6. Производственный и бытовой инвентарь. Оружие. Украшения (С. П. Юренко)	290
7. Хронология. Периодизация (А. Т. Смиленко, С. П. Юренко)	302
8. Союзы племен и археологические культуры (А. Т. Смиленко)	307

ГЛАВА VI СЛАВЯНЕ И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР	
(О. М. Приходнюк, А. Т. Смиленко, Р. В. Терпиловский)	322

ГЛАВА VII ИСТОКИ РАННЕСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СВЕТЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА (В. Д. Баран)	335
---	-----

ГЛАВА VIII СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ в I тыс. н. э.

1. Земледелие и животноводство (С. П. Пачкова, Р. В. Терпиловский)	363
2. Производство железа (С. В. Паньков)	376
3. Кузнечное дело (Г. А. Вознесенская)	382
4. Гончарство (Б. В. Магомедов, А. Т. Смиленко)	393
5. Другие виды ремесел (Д. Н. Козак)	401
6. Торговля (Е. В. Максимов, Б. В. Магомедов, О. М. Приходнюк)	405
7. Общественные отношения (О. М. Приходнюк, Р. В. Терпиловский)	421
8. Сакральные памятники Юго-Восточной Европы I тыс. н. э. (Д. Н. Козак)	432
Заключение (В. Д. Баран)	454
Список литературы	458
Список сокращений	483

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БАРАН *Владимир Данилович*
МАКСИМОВ *Евгений Владимирович*
МАГОМЕДОВ *Борис Викторович и др.*

СЛАВЯНЕ

ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕРИОД

Оформление художника И. В. КОЗИЯ
Художественный редактор С. П. КВИТКА
Технический редактор Т. С. БЕРЕЗЯК
Корректоры Л. И. СЕМЕНЮК,
Л. Н. РЕГЕТА

ИБ № 10791

Сдано в набор 09.10.89. Подп. в печ. 31.01.90.
Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1. Обыкн. нов. гарн.
Выс. печ. Физ. печ. л. 30,5+0,5 л. вкл. на мел.бум. Усл. печ. л. 40,3.
Усл. кр.-отт. 42,9. Уч.-изд. л. 47,94. Зак. 9—3349. Тираж 1470 экз.
Цена 10 р.

Издательство «Наукова думка»,
252601 Киев 1, ул. Решина, 3.

Главное предприятие республиканского
производственного объединения «Полиграфкнига»,
252057, Киев, ул. Довженко, 3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
В 1990 ГОДУ ВЫПУСТИТ
В СВЕТ КНИГИ:

**КАМЕННЫЙ ВЕК
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ**
*(некоторые аспекты хозяйствования
и этнокультурных связей)*

Сб. науч. тр.— 13 л.— 2 р. 70 к.

В сборнике представлены статьи по исследованию характера взаимосвязей между отдельными синхронными группами неолитического населения и генетических связей неолита с последующими культурами различных аспектов хозяйственной деятельности периода каменного века на территории Украины. Оба направления обусловлены стремлением к более глубокому истолкованию и пониманию археологического источника в настоящее время, когда типологические и культурно-хронологические построения еще не получили однозначного разрешения, хотя в основном завершены.

Планиграфические наблюдения в комплексе с трассологическим методом и методом ремонтажа дают возможность обнаруживать порой неожиданные аспекты целенаправленной деятельности древних коллективов.

Проблема критериев для обособления мезолита как эпохи подкрепляется при рассмотрении развития производительных сил в конце палеолита. В ряде статей на основе новых данных речь идет о хозяйстве и характере культуры неолитического населения еще недостаточно изученных территорий.

Для археологов, историков, работников музеев, студентов вузов.

СКОРИЙ С. О.

КУРГАН ПЕРЕП'ЯТИХА
(до етнокультурної історії
Дніпровського Лісостепоного Правобережжя).

13 арк.— 2 крб. 70 к.

СКОРЫЙ С. А.

КУРГАН ПЕРЕП'ЯТИХА
(к этно-культурной истории
Днепровского Лесостепного Правобережья).

Монографія присвячена одному з грандіозних курганів епохи скіфської архаїки Українського Лісостепу — Переп'ятисі, розкопаному в середині минулого століття на Київщині професором Київського університету М. Д. Іванишевим за діяльною участю Т. Г. Шевченка. Детально аналізується унікальна поховальна споруда кургану, збережені речі, розглядається ритуал поховання. Пропонується і обґрунтовується варіант реконструкції зовнішнього вигляду поховальної камери, здійснений із застосуванням методів точних наук. Визначається абсолютна дата пам'ятника — кінець VII ст. до н. е., етнічна приналежність осіб, похованих у кургані, їх соціальний статус.

Розглядаються питання етнокультурної історії племен Дніпровського Лісостепоного Правобережжя в ранньому залізному віці, простежуються особливості процесу скіфізації, раннього проникнення скіфського етнічного елементу в глибини Лісостепу.

Для істориків, археологів, музейних працівників, викладачів і студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією нашої Батьківщини.
